ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 1 (27)

2016

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ББК 74.58
В 38
Вестник Брянского государственного университета. №1 (27) (2016): исторические науки и археология /литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2016. 386 с.
Председатель редакционной коллегии: *Антюхов Андрей Викторович* - ректор ФГБОУ ВО«Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», доктор филологических наук, профессор.
Главный редактор журнала: *Степченко Татьяна Александровна* - доктор педагогических наук, профессор.
Ответственный секретарь: *Мельников Игорь Владимирович* - кандидат биологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Асташова Надежда Александровна - доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Педагогические науки»);

Биккулова Ирина Анатольевна - кандидат филологических наук, профессор, декан филологического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Блох Марк Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Богуславский Михаил Викторович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией Института теории и истории педагогики Российской академии образования;

Василенко Анатолий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Гехтляр Светлана Яковлевна - доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Грибанова Лилия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Демидова Тамара Евгеньевна - доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики начального общего и музыкального образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Джамбов Иван - доктор исторических наук, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Евтеев Сергей Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел РФ;

Курпниеце РозаннаОскаровна – доктор филологических наук, доцент Отделения Русистики и Славистики Латвийского университета, Латвия;

Ланин Борис Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией литературы Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

Микрут Лешек - доктор филологических наук, университет им. Марии Складовской-Кюри, Люблин, Польша;

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Исторические науки и археология»);

Ретивых Михаил Васильевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики профессионально-технологического образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Россихина Галина Николаевна – кандидат филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Языкознание»);

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института филологии, истории и мировой политики по научной деятельности ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Литературоведение»);

Ядвиршис Людмила Анатольевна - доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и социального образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

В этом выпуске Вестника Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского представлены материалы ученых по основным направлениям исследований. Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.
Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России» -40705 годовая
© РИО БГУ, 2016

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 1 (27)

2016

**HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS/
PEDAGOGICAL SCIENCE**

Chairman of editorial board: *Andrey Viktorovich Antyukhov*, Rector of Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, Doctor of Philology, professor.
Chief editor: *Tatyana Alexandrovna Stepchenko*, Doctor of Pedagogical Sciences, professor.
Executive secretary: *Igor Vladimirovich Melnikov*, Candidate of Biological Sciences, associate professor.

Editorial board:

S.V. Artamoshin - Doctor of Historical Sciences, Dean of the History and International Relations faculty, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);
N.A. Astashova – Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Pedagogy department, Professor BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);
I.A. Bikkulova – Candidate of Philological Sciences, Dean of the Philology faculty, Professor BSU (research area: science of literature);
M.Ya. Bloch – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of English Grammar department at MPGU (research area: linguistics);
S.F. Blumenau - Doctor of Historical Sciences, Head of the department of General History, International Relations and International Law, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);
M.V. Boguslavsky – Doctor of Pedagogical Professor, Head of the laboratory Institute of the theory and history of pedagogics, RJSC (research area: pedagogical science);
A.P. Vasilenko - Doctor of Philological Sciences, Head of the French Language department, Professor BSU (research area: linguistics);
S.Ya. Gekhtlyar - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: linguistics);
L.V. Gribanova - Candidate of Philological Sciences, associate professor BSU (research area: linguistics);
T.E. Demidova - Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the department of theoretical studies in methodology of primary and musical education, Professor BSU (research area: pedagogical science)

I. Dzhambov - Doctor of Historical Sciences, Plovdiv university of Paisiya Hilendarsky, Bulgaria (research area: historical sciences and archaeology);

A.M. Dubrovsky - Doctor of Historical Sciences, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);
S.V. Evteev – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the department of German, MGIMO (research area: linguistics);
R.O. Kurpniyetsa – Doctor of Philological Sciences, Associate professor Rusistiki and Slavic philology of the Latvian university, Latvia (research area: linguistics);
B.A. Lanin – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the laboratory of literature FGNU (research area: science of literature);
L. Mikrut - Doctor of Philological Sciences, university of Maria Skladovsky-Curie, Lublin, Poland (research area: science of literature);
S.I. Mikhalchenko - Doctor of Historical Sciences, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology, Subject Expert with the Editorial Board);
M.V. Retivykh – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);
G.N. Rossikhina - Candidate of Philological Sciences, Dean of the faculty of Foreign Langauges, Professor BSU (research area: linguistics, Subject Expert with the Editorial Board);
S.A. Chugunova - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: linguistics);
A.V. Sharavin - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: science of literature, Subject Expert with the Editorial Board);
L.A. Yadvirshis - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor BSU (research area: pedagogical science)

© BSU, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алферова И.В., Гончаров Е.В.
«ГЕРОИЧЕСКОЕ» КАК АТРИБУТ ВОЙНЫ (К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ) 13
Астраханцев О.Н.
О КОЛИЧЕСТВЕ ПОДГОТОВЛЕННЫХ АВИАЦИОННЫХ КАДРОВ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ВВС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 17
Блуменау С.Ф.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 21
Бутенко Е.Н.
СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ) 25
Газиева А.А.
КИЗЛЯР КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 30
Горбачев В.Г.
МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РЕГИОНЕ: БРЯНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА ВТОРОГО СОЗЫВА 33
Гусейнов Ю.М.
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XV – XVI ВВ.: ОХЛАЖДЕНИЕ И РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ, И ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ 37
Иевлева О.И.
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ В СУХИНИЧСКОМ ОКРУГЕ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ 39
Ложкина Е.В.
ВНЕШНИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 43
Малашенко А.А., Малашенко И.В.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ 47
Маслов Д.В.
СОВРЕМЕННАЯ КУХНЯ АЛТАЙЦЕВ: ТЕХНИКИ ВООБРАЖЕНИЯ ПИЩЕВОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 52
Михайлик А.Г.
ТАКТИКА СОВЕТСКИХ ВОЙСК И ПРОТИВНИКА В ХОДЕ ДЕБРЕЦЕНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (ОКТЯБРЬ 1944 г.) 55
Мороз И.А.
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛИ И ПРОИЗВОДСТВА В СССР В 1950-60^{е} ГОДЫ 60
Никольская Т.К.
ПРОТЕСТАНТСКИЙ САМИЗДАТ 1960-Х – 1980-Х ГОДОВ В СССР 64
Новожеев Р.В., Барынкин В.П., Иванчогло И.С.
МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ НА БРЯНЩИНЕ В 1944-1948 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛАГЕРЯ № 252) 69
Прилуцкий В.В.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «МАСОНСКОМ ЗАГОВОРЕ» В США В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВВ. 71
Ранчинский В.П.
СТРУКТУРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ИДЕОЛОГИЯ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА ИРАКА И ЛЕВАНТА 74
Роленков А.Г.
МИССИЯ ЖОЗЕФА ФУШЕ В НАНТ ВЕСНОЙ 1793 Г. 82
Ромащенко В.А.
РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦЕНЗУРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА КОНЦА 1870-х гг. 88
Рябчевский Н.Г.
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕМ ПОДЕСЕНЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э. 94
Сагимбаев А.В.
ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ «ЗАВУАЛИРОВАННОГО ПРОТЕКТОРАТА» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ИРАНЕ В КОНЦЕ 1910-Х ГГ. 100
Селиверстов Д.М.
ВЛИЯНИЕ ПРЕССЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В АВГУСТЕ – ДЕКАБРЕ 1914 ГОДА. НАЧАЛО «НЕМЕЦКИХ ЗВЕРСТВ» В БЕЛЬГИИ 103
Соков И.А.
РЕШЕНИЕ «КАНАДСКОГО ВОПРОСА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ (У. ЛОРЬЕ, А. БУРАССА, Р. БОРДЕН) В НАЧАЛЕ XX В. 107

Соловьев К.А.
СПАССКИЙ НА УГРЕ МОНАСТЫРЬ - ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И АРХИТЕКТУРА 112
Тарасова Ю.А., Лурда Р.В., Ясеницкий И.А., Войнаровская Ю.В.
ВОПРОС О РАСШИРЕНИИ НАТО НА ВОСТОК В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА 119
Тихонов А.В.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ 123
Ушкалов С.В.
НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА В ФЕВРАЛЕ – МАРТЕ 1943 ГОДА 126
Федосов А.В.
МЕСТО И РОЛЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ X - XII ВВ. В РАБОТАХ КРИСТИАНА РАФФЕНШПЕРГЕРА (КРАТКИЙ ОБЗОР) 130
Черниловский А.А.
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ А.Е. ВАНДАМОМ В 1912 – 1913 ГОДАХ 134
Шикуло М.И.
ФРАНЦУЗСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В СИСТЕМЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ДВОРОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVII ВВ 139
Шинаков Е.А.
МЕНТАЛИТЕТ И ПРАВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЙ 1071 ГОДА 147

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андреева В.Г.
«РЫБАКИ» И «ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ» Д.В. ГРИГОРОВИЧА КАК ОДНИ ИЗ ПЕРВЫХ ЭПИЧЕСКИХ РОМАНОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 157
Биккулова И.А.
НА ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКАХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА. К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ 161
Болнова Е.В.
СПЕЦИФИКА «ОРФИЧЕСКОГО» МИФА В ПОЭЗИИ М. КУЗМИНА 165
Галиева М.А.
О ПРИВИДЕНИЯХ, СНОВИДЕНИЯХ И ВИДЕНИЯХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ТАНАТОПОЭТИКА: ПОГРАНИЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ 171
Кабанова Н.И.
С.А. РАЧИНСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ) 174
Кольцова Н.З., Монисова И.В.
О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ И КИНО (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА Ф. СОЛОГУБА «МЕЛКИЙ БЕС») 179
Коптелова Н.Г.
КАТЕГОРИЯ «МОЛЧАНИЯ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1900 – 1910 ГОДОВ 184
Никитина И.Н.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУР КОНЦА XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКОВ 189
Похаленков О.Е.
СТРУКТУРА МОТИВА ИНИЦИАЦИИ В ПРОЗЕ О ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙНАХ 191
Руднева И.С.
ОБРАЗ РУССКОГО ВОИНА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 196
Стрельникова Л.Ю.
ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В РОМАНЕ В.НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ» 203

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Архипов С.В.
К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ФЕРНАНА ДЕ ОЛИВЕЙРЫ 209
Бобрикова О.С., Иванова В.И.
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА: СУЩНОСТЬ И КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ 212
Бурдина Е.А.
СЕМАНТИКА ХРОНОТОПА В ЭССЕИСТИКЕ И.А. БРОДСКОГО 217
Быков А.А.
О СОВРЕМЕННЫХ ОНЛАЙН-СЛОВАРЯХ НЕМЕЦКОГО МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА 222
Воронина Л.В., Мельникова Ю.Н., Скокова Т.Н.
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕЛОМЛЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ 225
Газукина Ю.А.
НАЗВАНИЯ ГЕОГЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В СИСТЕМЕ МИКРОТОПОНИМОВ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 229

Глазунов М.В.
РАЗВИТИЕ СОБСТВЕННО-ЦЕЛЕВЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ С 20-30-Х ГОДОВ XIX ВЕКА ПО 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА 232
Головачева О.А.
УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИДИОСТИЛЕВЫЕ МАРКЕРЫ В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ Н.С. ЛЕСКОВА «РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ПАРИЖЕ» 236
Давыдова А.Р., Саркисян М.Р.
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫДВИЖЕНИЯ АКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ ГАЗЕТ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ 242
Дмитриева М.Н.
О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ МЕТАТЕКСТ 247
Капшутарь Е.С.
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД 250
Китаева Е.М.
ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ) 254
Кишалова Л.В.
АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ РЕЧИ 257
Клеутина И.Н.
СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ В КАНВУ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» 262
Красоткина И.Н., Красоткина Ю.А.
ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ 265
Милютина Ю.В.
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ОСОБЕННОСТЯМ РЕЧИ В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ 268
Нечаева И.Ю
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗАХ 270
Письмак Т.Г.
СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫЕ ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ) 274
Рудометова С.М.
ТЕРРИТОРИАЛЬНО ИЗОЛИРОВАННЫЕ ГОВОРЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ 278
Соловьева А.А.
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВЫБОР ЯЗЫКА В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ ИСПАНИИ И ИНДИИ) 280
Цаголова Т.Т.
ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ 284
Чугунова С.А.
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛОЗУНГОВ НА ОЦЕНОЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНДИВИДА 287
Шлык Е.В.
СИТУАЦИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 293

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александрова К.Ю.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДСТВАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДРАМАТИЗАЦИИ В ВУЗЕ 297
Антюхов А.В., Ретивых М.В., Мельников С.Л.
БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗЕ 301
Асташова Н.А.
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 307
Биба А.Г.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ ГРАМОТЕ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА 311
Бойко Т.Н.
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ЛОГОПЕДОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ: СУЩНОСТЬ, ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ 314

Бужинская Н.В.
МЕТОДИКА ОЦЕНКИ УРОВНЯ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ 319
Варющенко В.И., Гайкова О.В.
РЕАЛИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ В АСПЕКТЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ..... 324
Васильева О.А.
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ДИЗАЙН-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 328
Воронин А.М.
ПРОФИЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ НА ОСНОВЕ ВЫСОКОИНТЕГРИРОВАННЫХ КОНСТРУКТОРСКО-ТЕХНОЛОГИЧЕКСКИХ СИСТЕМ КЛАССА CAD/CAM/CAPP..... 333
Горбачев В.И.
ТЕОРИЯ ФУНКЦИЙ В МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТИПА МЫШЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МОДЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УРОВНЯ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ..... 336
Емельянова Н.Р.
СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КЛАССАХ ПРИ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЯХ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В 343
Зайченко В.Н., Геращенко Н.В., Лозовская Е.Г.
РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 346
Зятева Л.А.
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ..... 351
Кардаш Т.А.
ЗАНИМАЮЩИХСЯ В СЕКЦИИ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ, С УЧЕТОМ ТИПА АДАПТАЦИИ К МЫШЕЧНЫМ НАГРУЗКАМ..... 355
Ковшура Е.О., Власова З.Н.
АНАЛИЗ РОЛИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТИВНОЙ АЭРОБИКОЙ В НЕПРОФИЛЬНЫХ ВУЗАХ 359
Николайчук С.В.
ТРАКТОВКА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ОБРАЗОВАНИЯ: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ 363
Раздорская О.В.
ГИБРИДНЫЙ КОНСТРУКТ РЕФЛЕКСИВНО-КРЕАТИВНОГО ПОДХОДА В МЕТОДОЛОГИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ..... 366
Рыкова Е.В., Федоров А.А., Шапошникова Т.Л., Терновая Л.Н.
ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУПОВОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОТЫ НА КУРСАХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ..... 369
Ситдикова Г.Р.
ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ 373
Шкитырь О.Н., Сысоев В.В., Опалёва О.Н.
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ 378
Якимович И.Г.
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРОВЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ В ВУЗЕ 381

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Alferova I.V., Goncharov E.V.
«HEROIC» AS AN ATTRIBUTE OF WAR (TO THE ISSUE OF THE FUNCTIONING OF THE REWARD SYSTEM IN THE FIRST WORLD WAR) 13
Astrakhantsev O.N.
THE NUMBER OF TRAINED AVIATION PERSONNEL IN MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE AIR FORCE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR 17
Blumenau S.F.
RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE CONSTITUENT ASSEMBLY FRENCH REVOLUTION 21
Butenko E.N.
THE ESTABLISHMENT AND OPERATION OF THE EXTRAORDINARY STATE COMMISSION FOR INVESTIGATION OF ATROCITIES OF NAZI INVADERS AND THEIR ACCOMPLICES (ON MATERIALS OF KURSK REGION) 25
Gazieva A.A.
KIZLYAR AS A CULTURAL CENTRE OF NORTH-EASTERN CAUCASUS 30
Gorbachyev V.G.
PARLIAMENTARY SYSTEM AND MULTIPLICITY OF PARTIES IN THE REGION: THE FIRST BRYANSK REGIONAL DUMA 33
Huseynov Yu.M.
CRIMEAN KHANATE IN XV–XVI CENTURIES: COOL AND BREAK RELATIONS WITH RUSSIA AND THE NATURE OF RELATIONSHIP WITH POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH 37
Ievleva O.I.
COLLECTIVISATION AND DEKULAKIZATION IN SUKHINICHSKY DISTRICT OF THE WESTERN REGION 39
Lozhkina E.V.
EXTERNAL FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF SAUDI ARABIA AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY 43
Malashenko, A.A., Malashenko I.V.
SOCIAL STRATIFICATION OF THE PEASANTRY IN BRYANSK PROVINCE IN THE FIRST YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY 47
Maslov D.V.
THE KITCHEN IS MODERN ALTAIANS: TECHNOLOGY OF IMAGINATION FOOD CULTURE AND REPRESENTATION OF ETHNIC IDENTITY 52
Mikhailik A.G.
THE TACTICS OF SOVIET TROOPS AND THE ENEMY DURING THE DEBRECEN OFFENSIVE (OCTOBER 1944) 55
Moroz I.A.
THE ANALYSIS OF THE INTERACTION PROBLEMS OF TRADE AND PRODUCTION IN THE 1950-60^{S} 60
Nikolskaya T.K.
PROTESTANT SAMIZDAT OF THE 1960^{S} – 1980^{S} YEARS IN THE USSR 64
Novozheev R.V., Barynkin V.P., Ivanchoglo I.S.
THE HEALTH SERVICES AND SANITATION CONDITION OF THE PRISONER OF WAR CAMPS IN THE BRYANSK REGION OF 1944-1948 (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE PRISONER OF WAR CAMPS № 252) 69
Prilutskiy V.V.
EMERGENCE OF IDEAS ABOUT THE «MASONIC CONSPIRACY» IN THE USA IN THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES 71
Ranchinskii V.P.
THE STRUCTURE OF THE ARMED FORCES AND THE IDEOLOGY OF THE ISLAMIC STATE OF IRAQ AND THE LEVANT 74
Rolenkov A.G.
THE MISSION OF JOSEPH FOUCHE OF NANTES IN THE SPRING OF 1793 82
Romashchenko V.A.
RUSSIAN PERIODICALS AND THE CENSORSHIP PENALTIES IN TERMS OF A POLITICAL CRISIS IN THE LATE 1870S 88
Ryabchevsky N.G.
ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE MIDDLE PODESENE IN THE FIRST HALF FIRST THOUSAND AD 94
Sagimbaev A.V.
AN ATTEMPT TO FORM THE MODEL OF "VEILED PROTECTORATE" OF UK IN IRAN IN THE LATE 1910^{S} 100
Seliverstov D.M.
INFLUENCE OF THE PRESS ON FORMATION OF AN IMAGE OF THE ENEMY IN AUGUST – DECEMBER, 1914. THE BEGINNING OF "THE GERMAN ATROCITIES" IN BELGIUM 103

Sokov I.A.
THE FULFILMENT OF "THE CANADIAN QUESTION" IN THE POLITICAL TRIANGLE (W. LAURIER, A. BURASSA, R. BORDEN) IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY 107
Solovyov K.A.
SPASSKY MONASTERY ON THE UGRA RIVER - HISTORICAL LORE AND ARCHITECTURAL TEXTURE ... 112
Tarasova Yu.A., Lurda R.V., Yasenitsky I.A., Voynarovskaya Yu.V.
THE PROBLEM OF NATO'S EXPANSION TO THE EAST IN THE AMERICAN-RUSSIAN RELATIONS IN THE 90TH OF THE XX CENTURY 119
Tikhonov A.V.
THE EMPLOYMENT OF PRISONERS OF WAR OF THE QUADRUPLE ALLIANCE IN THE ECONOMY OF THE REGIONS DURING THE FIRST WORLD WAR ON THE EXAMPLE OF KALUGA AND TULA PROVINCE 123
Ushkalov V.S.
THE OFFENSIVE OF THE CENTRAL FRONT IN FEBRUARY – MARCH 1943 126
Fedosov A.V.
THE PLACE AND ROLE OF KIEVAN RUS IN THE MEDIEVAL EUROPE OF THE X-XII IN THE WORKS OF CHRISTIAN RAFFENSPERGER (AN OVERVIEW) 130
Chernilovsky A.A.
PREDICTION OF THE FIRST WORLD WAR BY A.E. VANDAMME IN 1912 – 1913 134
Shikulo M.I.
FRENCH DIPLOMATS IN THE DIPLOMATIC HIERARCHY OF THE EUROPEAN COURTS IN THE SECOND PART OF THE XVITH – XVIITH CENTURIES 139
Shinakov E.A.
MENTALITY AND LAW CONSCIOUSNESS IN ANCIENT RUS: INTERPRETATION OF "REBELLION" OF 1071 YEAR 147

SCIENCE OF LITERATURE

Andreeva V.G.
"FISHERMEN" AND "SETTLERS" D. V. GRIGOROVICH AS ONE OF THE FIRST EPIC NOVELS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY 157
Bikkulova I.A.
ON THE STAGE OF THE SILVER AGE. TO THE QUESTION OF STUDYING THE PHENOMENON OF RUSSIAN CULTURE OF THE TURN OF XIX-XX CENTURIES 161
Bolnova E.V.
SPECIFICS OF "ORPHIC" MYTH IN THE POETRY OF M. KUZMIN 165
Galieva M.A.
ABOUT GHOSTS, DREAMS AND VISIONS IN RUSSIAN LITERATURE. TANATOPOETIKA: BORDERLINE STATES 171
Kabanova N.I.
S.A. RACHINSKY AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF RUSSIAN THOUGHT (ON THE MATERIALS OF THE JOURNALISTIC AND EPISTOLARY HERITAGE) 174
Koltsova N.Z., Monisova I.V.
ABOUT THE SPECIFICS OF INTERTEXTUALITY IN LITERATURE AND FILM (IN THE FILM ADAPTATION OF THE NOVEL OF F. SOLOGUB'S "LITTLE DEMON") 179
Koptelova N.G.
THE CATEGORY OF «SILENCE» IN THE LITERRARY CRITICIZM OF D.S. MEREZHKOVSKY 1900 – 1910 .. 184
Nikitina I.N.
INTERACTION OF RUSSIAN AND WEST EUROPEAN LITERATURES OF THE END OF THE XVIIITH - THE BEGINNING OF THE XIXTH CENTURIES 189
Pokhalenkov O.E.
THE STRUCTURE OF THE MOTIF OF INITIATION IN THE PROSE ABOUT THE FIRST AND SECOND WORLD WARS 191
Rudneva I.S.
THE IMAGE OF THE RUSSIAN WARRIOR IN OLD RUSSIAN LITERATURE 196
Strelnikova L.Yu.
THEATRICAL MODEL OF THE WORLD IN THE NOVEL "INVITATION TO A BEHEADING" BY V. NABOKOV 203

LINGUISTICS

Arkhipov S.V.
ON THE ISSUE OF FERNÃO DE OLIVEIRA'S LINGUISTIC TERMINOLOGY 209
Bobrikova O.S., Ivanova V.I.
SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE OF A TRANSLATOR: ITS NATURE AND COMPONENT STRUCTURE 212
Burdina E.A.
SEMANTICS CHRONOTOP IN ESSAYS OF I.A. BRODSKY 217
Bykov A.A.
ABOUT MODERN ONLINE DICTIONARIES OF GERMAN YOUTH SLANG 222

Voronina L.V., Melnikova Yu. N., Skokova T.N.
LINGUISTIC REPRESENTATION OF WORLDVIEW PERSPECTIVE THROUGH THE MODELS OF TIME 225
Gazukina Y. A.
NAMES OF GEOGENIC FEATURES WITHIN MICRO-TOPONYM SYSTEM OF ORYOL REGION..... 229
Glazunov M.V.
THE DEVELOPMENT OF PROPERLY TARGET COMPOUND SENTENCES IN A STRUCTURAL-SEMANTIC ASPECT DURING THE PERIOD FROM THE 1820-30S TILL THE 1990S 232
Golovacheva O. A.
RESISTANT UNITS AS MARKERS IDIOSTILEVYE THE CYCLE SKETCH N.S.LESKOVA "RUSSIAN SOCIETY IN PARIS" 236
Davydova A.R., Sargsyan M.R.
LANGUAGE MEANS OF PROMOTION OF ACTUAL INFORMATION IN THE TEXT OF NEWSPAPERS AS EKSPLIKATORA OF SUBJECTIVE-MODAL VALUE..... 242
Dmitrieva M.N.
WHAT TELLS OLD HIGH GERMAN METATEXT? 247
Kapshutar E.S.
ON SOME SPECIFIC FEATURES OF ENGLISH CRIMINAL LAW TERMINOLOGY FORMATION IN THE MIDDLE ENGLISH PERIOD 250
Kitaeva E.M.
INTERTEXTUALITY DEMONSTRATION IN CHILDREN'S LITERATURE (ENGLISH LITERARY FAIRY-TALES)..... 254
Kishalova L. V.
ANALYSIS OF FEATURES OF RHYTHMIC STRUCTURE OF TEXTS OF DIFFERENT STYLES OF THE SPEECH 257
Kleutina I.N.
WAYS OF INTRODUCTION OF CHURCH SLAVONIC LEXICON TO THE OUTLINE OF WORK OF I.S. SHMELYOV "LORD'S SUMMER"..... 262
Krasotkina I.N., Krasotkina Ju.A.
TEACHING BUSINESS FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION IN THE COMMUNICATIVE-INFORMATIVE DEVELOPMENT IN THE MODERN SECONDARY SCHOOL 265
Milyutina Yu.V.
THE LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF NAMES OF PERSONS ON FEATURES OF THE SPEECH IN BRYANSK DIALECTS 268
Nechaeva I.Yu.
NECHAEVA I.YU., MODERN TRENDS OF PROFESSIONAL-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TRAINING IN RUSSIAN AND FOREIGN UNIVERSITIES 270
Pismak T.G.
WAYS OF ACTION OF THE TELIC VERBS DESIGNATING UNCONTROLLABLE ACTIONS (ON MATERIAL OF THE RUSSIAN ANDFRENCH LANGUAGES)..... 274
Rudometova S.M.
GEOGRAPHICALLY ISOLATED PATOIS OF VOLGOGRAD REGION: THE ORIGIN AND LANGUAGE FEATURES 278
Solovyeva A.A.
SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT AND ITS INFLUENCE ON THE LANGUAGE CHOICE IN ETIQUETTE EXPRESSIONS (SPANISH AND INDIAN LINGUISTIC SITUATIONS) 280
Tsagolova T.T.
POTENTIAL MULTIPLE MEANING AS A SEMANTIC CHARACTERISTIC OF A PHRASEOLOGICAL UNIT 284
Chugunova S.A.
EXPERIMENTAL RESEARCH INTO THE MANIPULATIVE EFFECT OF POLITICAL SLOGANS ON THE INDIVIDUAL EVALUATIONS..... 287
Shlyk E.V.
SITUATION OF AUTHENTICITY IN RUSSIAN ANDENGLISH LANGUAGES 293

PEDAGOGICAL SCIENCES

Alexandrova K.Yu.
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF FORMATION OF GENERAL CULTURAL COMPETENCE OF FUTURE MANAGERS BY THE MEANS OF PEDAGOGICAL DRAMATIZATION IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION 297
Antyukhov A.V., Retivyh M.V., Melnikov S.L.
BASIC CHARACTERISTICS AND FEATURES OF MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AT UNIVERSITY 301
Astashova N.A.
HUMANISTIC BASES OF PEDAGOGICAL ACTIVITY 307
Biba A.G.
ACTUAL PROBLEMS OF TEACHING PRESCHOOLERS READING AND WRITING IN THE CONTEXT OF NEW EDUCATIONAL STANDARDS..... 311

Boyko T.N.
FORMATION OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS-LOGOPEDISTS IN THE COURSE OF STUDENT TEACHING: ESSENCE, PROCESS AND RESULTS 314
Buzhinskaya N.V.
IKT-KOMPETENTNOSTI LEVEL ASSESSMENT TECHNIQUE STUDENTS OF PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS 319
Varyushchenko V.I., Gajkova O.V.
IMPLEMENTATION OF DISCUSSION ISSUES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES IN THE ASPECT OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL TEACHERS TRAINING 324
Vasilyeva O.A.
MODEL OF FORMATION OF READINESS OF FUTURE TEACHERS TO DESIGN TECHNOLOGICAL ACTIVITY 328
Voronin A.M.
PROFILE TECHNOLOGY SPECIALIST TRAINING BASED Highly-DESIGN - TECHNOLOGICAL SYSTEMS CLASS CAD / CAM / CAPP 333
Gorbachev V.I.
THE THEORY OF FUNCTIONS IN THE METHODOLOGY OF THEORETICAL TYPE OF THINKING: MODEL-THEORETIC REPRESENTATION OF THE LEVEL OF GENERAL EDUCATION 336
Emelyanova N.R.
THE SYSTEM OF VOCATIONAL-CREATIVE DEVELOPMENT IN PEDAGOGICAL CLASSES AT A GIRLS' SCHOOL RUSSIA SECOND HALF OF XIX CENTURY 343
Zaichenko V.N., Gerashchenko N.V., Lozovskaya E.G.
DEVELOPMENT OF STUDENTS' COGNITIVE ACTIVITY IN THE PROCESS OF SOLVING OF SOCIAL PEDAGOGICAL PROBLEMS OF PROFESSIONAL NATURE 346
Zyateva L.A.
SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT AS BASIS OF SOCIALLY ORIENTED ACTIVITY OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION 351
Kardash T.A.
DYNAMICS OF PHYSICAL FITNESS OF STUDENTS OF THE NOT SPORTS HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS WHICH ARE ENGAGED IN SECTION OF TRACK AND FIELD ATHLETICS TAKING INTO ACCOUNT TYPE OF ADAPTATION TO MUSCULAR LOADINGS 355
Kovshura E.O., Vlasova Z.N.
ANALYSIS OF THE ROLE OF THE TECHNICAL TRAINING OF THE STUDENTS OF THOSE BEING STUDIED BY SPORT AEROBIKOY NONSPECIALIZED VUZ (INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION) 359
Nikolaichuk S.V.
INTERPRETATION OF SOCIAL PARTNERSHIP IN PROFESSIONAL BACHELOR EDUCATION: APPROACHES AND ISSUES 363
Razdorskaya O.V.
HYBRIDE CONSTRUCTION OF THE REFLECTIVE AND CREATIVE APPROACH IN THE METHODOLOGY OF MEDICAL STUDENTS' LANGUAGE TRAINING 366
Rykova E.V., Fedorov A.A., Shaposhnikova T.L., Ternovaya L.N.
THE ORGANIZATION OF GROUP AND INDIVIDUAL WORK AT ADVANCED TRAINING COURSES 369
Sitdikova G.R.
FEATURES OF THE SYSTEM OF TRAINING OF TEACHERS OF FOREIGN LANGUAGES IN RUSSIA AND ABROAD 373
Shkityr O.N., Sysoev V.V., Opaleva O.N.
CULTURAL DIFFERENCES MODERN PROBLEMS OF PHYSICAL EDUCATION STUDENTS 378
Yakimovich I.G.
POSSIBILITIES OF USE OF GAME INTERACTIVE TECHNOLOGIES ON THE PRACTICAL TRAINING IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION 381

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 93

«ГЕРОИЧЕСКОЕ» КАК АТРИБУТ ВОЙНЫ (К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ)

И.В. Алферова, Е.В. Гончаров

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00399

В статье на основе различных видов источников рассматривается влияние нового статута ордена Святого Георгия на функционирование наградной системы в русской армии периода Первой мировой войны. Показана роль Георгиевских Дум в стимулировании проявления героизма на фронте.
Ключевые слова*: статут, орден Святого Георгия, воинские подвиги, Георгиевский крест, Георгиевская медаль, Георгиевское оружие, Георгиевская Дума.*

В большинстве стран существовала своя система знаков отличия, почётных наград за особые заслуги. Российская империя в начале XX века не являлась в этом вопросе исключением, здесь также был сформирован порядок награждения за военную и гражданскую службу. Однако за год до Первой мировой войны в эту систему было внесено существенное изменение, которое касалось статута ордена Святого Георгия, ставшего главной наградой за героизм, проявленный в ходе военных действий.

Особая комиссия под председательством члена Государственного совета кавалера ордена Святого Георгия 3-й степени генерала от инфантерии Х. Х. Роопа, созданная в начале XX века для разработки нового статута Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, предложила исключить из статута примеры воинских подвигов, не соответствующих современным способам ведения войны, и заменить их новыми. Причем при составлении примеров члены комиссии руководствовались «совокупностью трех данных: опасность, успех подвига, польза от него» [8, с. 93]. В указе Николая II от 10 августа 1913 г. говорилось о том, что «Последовавшее за истекшее восьмидесятилетие полное изменение свойств боя на суше и на море и, в особенности, чрезвычайное развитие техники военного и морского дела, с очевидностью указали на явную необходимость изменения положений, касающихся награждения Военным орденом св. Георгия и причисленным к оному знаком» [11].

Новый статут устанавливал правила награждения орденом Святого Георгия и принадлежащим к нему знаком отличия Военного Ордена, которому было присвоено название «Георгиевский крест», а также вновь причисленными к ордену «Георгиевским оружием» и «Георгиевской медалью». «Мы нашли справедливым отличить заслуги и тех нижних чинов, деяния коих, не подходя под требования статута Георгиевского креста, тем не менее, свидетельствуют о присущей российскому воину неустрашимости и твердому, не за страх, а за совесть, исполнению долга служения Нам и дорогому отечеству. Мы приняли также во внимание, что и многие лица, не принадлежащие к составу армии и флота, но беззаветно жертвующие своею жизнью в разных случаях боевой обстановки, а в особенности в деле ухода за ранеными, также не должны оставаться без поощрения. Признавая наиболее отвечающею всем сим случаям наградой медаль с надписью "За Храбрость", установленную в 1878-м году в Бозе почивающим Дедом Нашим, Императором Александром II, постановили Мы наименовать оную "Георгиевскою" и ввести правила о награждении помянутою медалью в настоящий статут, в качестве его особой части» [11].

Одним из героических символов периода Первой мировой войны стала сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, которая ухаживала за ранеными в 100-м пехотном Оренбургском полку. Во время боя 9-го сентября 1915 г., когда 10 рота осталась без командира, она собрала вокруг себя солдат и бросилась с ними на окоп неприятеля, который был взят. Получившая ранение сестра милосердия скончалась. Героический подвиг Риммы, чье имя первоначально по ошибке записали «Мирра», стал широко известен: о нем сообщали многие периодические издания. (В ноябре 1915 года по заказу военного ведомства был снят фильм «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой».) Думается, не случайно (и вполне заслуженно) она первой из сестер милосердия была награждена офицерским орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени [1, с. 20].

Как и Георгиевский крест, Георгиевская медаль имела 4 степени: 4-я – серебряная медаль на Георгиевской ленте, 3-я – серебряная на ленте с бантом, 2-я – золотая на ленте, 1-я – золотая на ленте с бантом. На лицевой стороне медали носили изображение в профиль лица императора. Многочисленные параграфы статута определяли все случаи, достойные награждения орденом Святого Георгия, Георгиевским оружием, Георгиевским крестом или медалью как отдельных военнослужащих, так и воинских частей.

Подробно определялись также права и льготы награжденных, суммы прибавки к жалованью и пенсии. По Георгиевскому кресту: 4-й степени – 36 рублей, 3-й – 60 рублей, 2-й – 96 рублей, 1-й – 120 рублей. По Георгиевской медали: 4-й степени – 12 рублей, 3-й – 18 рублей, 2-й – 24 рубля, 1-й – 36 рублей. «Означенная денежная выдача производится нижним чинам действительной службы в виде прибавочного жалованья, а по увольнении в отставку или в запас – в виде пенсии из Государственного казначейства» [3]. Вдовы награжденных Георгиев-

ским крестом или Георгиевской медалью после смерти мужа могли пользоваться причитавшейся за награду денежной выдачей в течение одного года.

Орден Святого Георгия жаловался генералам, адмиралам, штаб и обер-офицерам. Первой и второй его степенью награждал «по собственному своему усмотрению» сам император, а третьей и четвертой – особые Думы, которые состояли из самих кавалеров ордена. Установлено было, что к 3-й степени могли быть представлены только кавалеры ордена 4-й степени. Был также определен и характер подвигов, за который предполагалась выдача наград. Подчеркивалось, что «ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается онаго единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием: кто, презрев очевидную опасность и явив доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотвержения, совершил отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу, <…> усмотрев во время битвы ту минуту, в которую представляется случай внезапным и сильным нападением нанести неприятелю значительное расстройство и даже самое поражение, может, и не ожидая приказания начальства, решиться на таковой подвиг, и ежели достигнет совершенного успеха, то вполне достоин будет награды…» [11].

Орден Святого Георгия Победоносца, так же как и солдатский Георгиевский крест, были весьма почетными. Это была чисто боевая награда, дававшаяся исключительно в период военных действий за подвиги, совершенные «на поле брани», награда, которой удостаивались очень немногие. Орденом 1-й степени за годы войны никто не был награжден. Последним этой награды был удостоен 26 ноября 1877 г. (за Аладжийскую битву) Великий князь Михаил Николаевич, который являлся Кавказским наместником. Общее число награжденных орденом 1-ой степени за всю его историю – 23 человека, из которых было 8 иностранных кавалеров [12].

К концу 1916 г., т. е. накануне Февральской революции, Ордена Святого Георгия 2-й степени были удостоены 4 человека, 3-й – 53, 4-й – 3504. Георгиевским оружием были награждены 5314 человек [2, с. 13]. Орден 2-й степени получили только Великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютант главком Юго-Западного фронта Н.И.Иванов, Н.Н.Юденич и Н. В. Рузский. Однако при, несомненно, высоком статусе награды периодически возникали ситуации, нарушавшие объективность оценки подвига награжденного. Например, журналист, военный цензор в ставке Верховного главнокомандующего в 1915–1916 гг. М.К.Лемке ставил под сомнение справедливость получения Георгиевского креста 4-й и 3-й степени генералом Н.В.Рузским за взятие «совершенно пустого» города Львова. «В официальных "сообщениях" штаба Верховного вся львовская операция, случайная и по существу крайне вредная, изложена была так, что Рузский сразу сделался героем войны» [9, с. 78], – утверждал М. К. Лемке, поясняя, что неумелые действия генерала на самом деле позволили австрийской армии в 600 тыс. человек выскользнуть из готовившегося окружения.

По мнению одного из участников Первой мировой войны генерала Б. В. Геруа, новый статут «нажимал не столько на подвиги личной храбрости, сколько на достигнутые результаты, на трофеи и, вообще, внешние признаки победы». Существовал даже пункт о взятии в плен Главнокомандующего. «Этот дух статута открывал широкие возможности старшему командному составу и сокращал их для рядового офицерства» [4, с. 32]. Будучи командиром сперва 123-го пехотного Козловского полка, а затем лейб-гвардейского Измайловского, Б. В. Геруа несколько раз был представлен к награде, но награждение регулярно откладывалось. Действительно, награждения командиров полков орденом 3-й степени, были весьма редкими. Среди награжденных был последний Главнокомандующий русской армией генерал Духонин, командир 165-го пехотного Луцкого полка полковник Лосев, командир 9-го драгунского Казанского полка, и полковник Зыков – командир Текинского конного полка [4, с. 32].

Проблему объективности критериев «справедливого» получения боевых наград, затрагивал в своих воспоминаниях и М. К. Лемке: «Все положительно основано на лжи, – сокрушался он. – Лжет начальник отряда, когда доносит, что с боем взял такой-то населенный пункт, – он был очищен неприятелем еще за двое суток раньше и взят без всякого сопротивления… Лжет генерал, когда сообщает о подвиге в своем присутствии рядового Иванова, беззаветно храбро бросившегося в немецкий окоп и там заколовшего с десяток немцев» [9, с. 172]. Генерал, отсутствовавший на месте совершения героического поступка, по мнению автора воспоминаний, намекает на свое присутствие на передовых позициях, что уже гарантировало ему награду, на самом деле незаслуженную.

«К сожалению, – сетовал в своих воспоминаниях Б. В. Геруа, – вопрос о награждении по статуту знаком ордена св. Георгия выродился у нас с самого начала войны в самую уродливую форму, уронившую значение этой боевой награды. Нельзя было быть уверенным, видя крест на чьей-либо груди, что он действительно заслужен» [4, с. 32]. В частности он описал случай получения награды командиром Н-кого полка за бой 6-7 октября 1914 г. у села Мезенец, в то время как на самом деле полк отступил в неизвестном направлении и потребовалось некоторое время, чтобы его найти. В этом конкретном случае Б. В. Геруа объяснял произошедшее тем, что «доблестный полковник» имел в штабе «услужливых и талантливых друзей» [4, с. 32].

Каждый командир отдельной части имел право представить к Георгиевской награде подчиненных ему офицеров, но при условии, что совершенный подвиг подпадал под тот или иной параграф статута ордена Святого Георгия или Георгиевского оружия. Все войсковые части имели вполне понятную тенденцию претендовать, что «главное» сделано именно ими, а не соседними частями. К представлению должны были быть приложены письменные свидетельские показания очевидцев, кроки местности и вообще все другие документы, удостоверявшие

действительность совершенного подвига и неоспоримую ценность его последствий. Таким образом, каждое представление было в действительности целым «делом».

Когда в штабе армии накапливалось достаточное количество таких представлений, командующий армией созывал «Георгиевскую Думу», назначая ее членами офицеров – Георгиевских кавалеров разных родов войск и разных частей, входящих в состав армии. Обыкновенно это делалось в период затишья на фронте и Дума собиралась при штабе одного из корпусов, командир которого был сам Георгиевский кавалер и, как старший в чине, становился, автоматически ее председателем [5, с. 3].

Состав Георгиевской Думы мог быть самым разнообразным: от генералов до штаб-офицеров и обер-офицеров. Заседания были строго секретными, поэтому сохранилось небольшое количество воспоминаний участников этой деятельности. Условия награждения были следующими: «1) подвиг или действие должны были быть выполнены в условиях неоспоримой опасности для жизни, то есть под огнем и в боевой обстановке, 2) содеянное должно было быть, безусловно, полезным и ценным и 3) чтобы был налицо успешный результат. Если содеянное не удовлетворяло хотя бы одному из этих условий, представление отклонялось» [5, с. 4]. Для того чтобы кандидат был награжден нужно было, чтобы он получил большинство в $^{2}/_{3}$ голосов. По окончании сессии Думы председатель ее отправлял в штаб армии простой список «удостоенных», все же остальные были отклоненные. Некоторые представления возвращались Думой для «дополнения» или «уточнения» того или иного факта. В этом случае они рассматривались затем в следующей Думе, но уже другого состава и при обязательном условии, что вторичное представление было дополнено новыми данными и свидетельскими показаниями, могущими в корне изменить предыдущее решение [5, с. 4].

Орденские знаки присуждались на основе письменных свидетельских показаний товарищей и подчиненных претендента на награду, которые можно было слегка приукрасить при желании провести кандидата. Существовали и другие способы обойти положения статута. Например, по сохранившимся воспоминаниям одного из членов Думы, был случай, когда разбиралось около 30 представлений на офицеров одной кавалерийской дивизии за один и тот же военный эпизод, связанный с преследованием бегущего противника [5, с. 5]. Причем членам Думы было известно, что эта дивизия ничего «геройского» не совершила, но хотела только воспользоваться удачными действиями пехоты для получения около двадцати наград. Представление было отклонено, но вновь подано на заседание нового состава Думы. Были случаи, когда в составе Думы преобладали штабные офицеры и результат незамедлительно проявлялся в значительном увеличении представлений к награде служащих в штабе.

Таким образом, не было и не могло быть ни одного награждения командующим армией по его личному решению и усмотрению без постановления Георгиевской Думы. Фактически, командующий армией лишь фиксировал в приказе ее постановление. Однако такое постановление не требовалось, когда император лично выносил решение о награждениях.

В воспоминаниях Б. В. Геруа сохранился рассказ о двух эпизодах, связанных с награждениями, осуществленными без участия Георгиевской Думы самим царем. Во время посещения Николаем II Ставки Верховного главнокомандующего, расположенной в Барановичах, ему была доставлена телеграмма, в которой в ярких красках рассказывалось о подвиге Воронежского полка. Победа пришлась не только на полковой праздник воронежцев, но и в день именин царя. Депеша была поднесена ему после церковной службы 6 декабря 1914 г. и «взятые орудия и пленные повергались к стопам Его Величества в виде именинного подарка, а бой изображался как лучший способ отпраздновать полковой праздник» [4, с. 49]. Тронутый этим подарком, Николай II в ответной телеграмме объявил благодарность полку-имениннику, а его командира наградил орденом Святого Георгия 4-й степени. По версии Б. В. Геруа, 5 декабря посланцы чешского полка, занимавшего позицию напротив воронежцев, предложили предпринять атаку на них с целью сдачи в плен, что и было успешно осуществлено следующим утром. Приведенные генералом сведения носят довольно противоречивый характер, но вполне достоверно отражают проблему личного представления к наградам царем.

Второй эпизод, рассказанный все тем же Б. В. Геруа, произошел спустя три дня. Штаб дивизии вновь телеграфировал в Ставку, где по-прежнему находился император, о подвиге офицеров артиллерийского дивизиона, которые в условиях неожиданного наступления австрийцев отбили огнем из револьверов свою батарею. Царь в своей ответной телеграмме поздравил всех офицеров дивизиона с получением георгиевских наград. «В числе получивших белый крест в этом ускоренном порядке, без Думы, оказался и тот офицер, который во время боя находился при парках, в нескольких верстах от поля сражения, и даже не имел понятия о его ходе. Носил он потом свой крест сконфуженно, под ироническими взглядами офицеров 31-й пехотной дивизии» [4, с. 57].

Нередкими были также случаи ходатайства по поводу награждений перед царем и даже вмешательство Николая II в решения Георгиевских Дум. Свидетельством тому служат еще одни воспоминания. Е. Оношкович-Яцына – бывший фельдфебеля Пажеского корпуса, вспоминал о своем присутствии в Царской Ставке в день Георгиевского праздника 26 ноября 1915 г. Обходя строй гвардейцев, Николай II обратился к автору воспоминаний с вопросом: «…доволен ли я получить Георгия по постановлению Думы, так как мой командир эскадрона штабс-ротмистр Петровский – флигель-адъютант – доложил Государю во время дежурства о моем подвиге и просил Императора о моем награждении. Государь мне пояснил, что он ответил Петровскому, что если Дума откажет мне в награждении, то он даст мне Георгия сам, но раз Дума мне не отказала, Государь считал, что я должен быть удовлетворен» [10, с. 21].

В 1914–1915 гг. награждения орденом Св. Георгия происходили гораздо реже, чем в 1916 г. По словам одного из членов Георгиевских Дум, «Ходил даже слух, что некоторые командиры частей, не будучи еще сами награждены крестом, никого из своих подчиненных к награждению им не представляли, обосновывая это тем, что, если он, командир части, еще креста не получил, это потому, что часть не показала себя в бою достаточно на высоте» [5, с. 6]. Зато число награжденных Георгиевским крестом и медалью достигало свыше миллиона человек.

Сложно судить о степени объективности принимаемых решений, поскольку даже увеличение наград в 1916 г. имело свое объяснение событиями на фронте и рядом успехов в проведенных операциях, порождавших всплеск героических поступков на фронтах. Однако, несомненно и то, что было довольно много случаев награждений, полученных вопреки содержанию статей статута. Свидетельством тому, помимо уже приведенных эпизодов, является «главное награждение» октября 1915 г. «Государь император Николай 2-й возложил на Себя орден 4-ой степени, поднесенный Ему 25 октября 1915 г. Свиты Его Величества генерал-майором князем А. В. Барятинским по постановлению Кавалерской Георгиевской думы, собранной при штабе армий Юго-Западного фронта» [6].

Инициатором награждения императора Георгием 4-ой степени был, по мнению М.К.Лемке, главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант Н.И.Иванов, будто бы узнавшего о желании Николая II получить орден, который был у его деда и отца. Генерал собрал Георгиевскую Думу фронта, которая усмотрела: «что присутствие государя императора на передовых позициях вдохновило войска на новые геройские подвиги и дало им великую силу духа; что изъявив желание посетить воинскую часть, находящуюся на боевой линии, и приведя таковое в исполнение, его императорское величество явил пример истинной воинской доблести и самоотвержения; что, прибывая в местах, неоднократно обстреливаемых неприятельской артиллерией, государь император явно подвергал опасности свою драгоценную жизнь и пренебрегал опасностью в великодушном желании выразить лично войскам свою монаршую благодарность, привет и пожелания дальнейшей боевой славы…» [9, с. 188-189].

На основании вышеизложенного Дума единогласно постановила: «Оказать обожающим державного вождя войскам великую милость и радость, соизволив возложить на себя орден св. великомученика и победоносца Георгия 4-й степени, на основании 7-й статьи статута» [9, с. 188].

Современный историк, профессор Р. Н. Иванов выдвигает предположение, что генерал-адъютант таким образом желал укрепить свое неустойчивое положение на посту командующего Юго-Западным фронтом или «руководствовался лишь беззаветной любовью к Верховному Вождю и Помазаннику Божьему» [7, с. 115]. В любом случае, на награждение Государя Николая Александровича главным военным орденом тогда не было ни малейших оснований, т. к. из 115 пунктов действующего статута этого ордена, утвержденного в 1913 г. самим Николаем Александровичем, не было статьи о присуждении награды всего лишь за посещение Действующей армии. Тем более, справедливо указывает исследователь «посещение Верховным Главнокомандующим Действующей армии составляло его обязанность и никак не могло квалифицироваться как подвиг в сражении» [7, с. 115].

В ходе военных действий были внесены изменения в положение о Георгиевских думах. Приказом Верховного главнокомандующего за № 123 от 1916 г. было сказано: «Государю Императору в заботах о скорейшем проведении через Думы ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия представлений, благоугодно было в 29 день декабря 1915 года повелеть: не отказываясь от возможности учреждения Кавалерственных Дум при армиях, учредить таковые Думы и в Петрограде, не настаивая при выборе в оные кавалеров ордена Святого Георгия и лиц, пожалованных Георгиевским оружием, на старшинстве по времени пожалования, дабы дать возможно более места в Думах лицам, награжденным в настоящую войну».

As the title implies the article describes in detail the impact of the new Statute of the Order of St. George on the the operation of the award system in the Russian army during the First World War. It is analyzed the role of St. George's Duma in promoting the demonstration of heroism at the front.
Keywords: *the statute, the Order of St. George, military exploits, The Cross of St. George, The medal of St. George, George's arms, George's Duma.*

Список литературы

1. Алферова И. В. Женщины-героини в социально-политическом контексте Первой мировой войны (на страницах печати)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический журнал. № 1(63). 2016. С. 16-22.

2. Андоленко С. Орден Святого Георгия // Военная Быль. 1969. № 100. Ноябрь. С. 7-14.

3. Армейский Вестник. 1915. № 186. 22 октября.

4. Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. II. 219 с.

5. Г. К. «Георгиевская дума» и награждение офицеров орденом св. Георгия и Георгиевским оружием // Военная Быль. № 111. 1971. Июль. С. 3-6.

6. Государи Императоры и Императрица, награжденные орденом святого Георгия // Военная Быль. 1969. № 100. Ноябрь. С. 16.

7. ИвановР. Н. Генерал-адъютант Его Величества. Сказание о Гуссейн-Хане Нахичеванском. М., 2009. 312 с.

8. Ильина Т. Н. Герои Великой войны. 1914–1918. Материалы Трофейной комиссии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. М.: Кучково поле, 2014. 501 с.

9. Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. 859 с.

10. Оношкович-Яцына Е.Принесение поздравления Государю Императору в Ставке в Могилеве26 ноября 1915 г., по случаю возложения Государем на себя ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени // Военная Быль. 1969. № 100. Ноябрь. С. 20-21.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 33 (1913) № 40135.

12. Список Кавалеров Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия Первой степени // Военная Быль. 1969. № 100. Ноябрь. С. 15.

Об авторах

Алферова И.В. – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *alferovairi@yandex.ru*

Гончаров Е.В. – магистрант второго года обучения факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *evgeniy16.goncharov@yandex.ru*

УДК 94 (470)

О КОЛИЧЕСТВЕ ПОДГОТОВЛЕННЫХ АВИАЦИОННЫХ КАДРОВ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ВВС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

О.Н. Астраханцев

Статья посвящена деятельности военных авиационных школы и училищ военно-воздушных сил СССР, осуществлявших подготовку летно-технических кадров в годы Великой Отечественной Войны. Автором раскрываются вопросы, касающиеся количества военно-учебных заведений ВВС, и подготовленных в них авиационных специалистов. На основе анализа архивных документов автором указывается, что трудности начального периода войны повлияли на количество выпускников авиашкол и училищ, их количество заметно снизилось. Ситуация улучшилась лишь после коренного перелома в войне.

Ключевые слова:*Военно-воздушные силы, военно-учебные заведения, авиация, авиашкола. Курсанты, Красная Армия.*

Великая Отечественная война – особая страница в истории нашей страны. Немалую роль в победе над фашизмом сыграли Военно-воздушные силы (ВВС) СССР. Рассмотрим деятельность авиационных военно-учебных заведений (ВУЗов) в этот период.

По окончании войны авиационные школы и училища представляли в вышестоящие штабы справки-доклады о своей деятельности за время Великой Отечественной войны. После, под грифом «совершенно секретно», был составлен общий доклад о подготовке летно-технических кадров в ВУЗах ВВС в период с 1.01.41 по 1.05.45гг. Не так давно с этих документов был снят гриф секретности и исследователи получили возможность ознакомиться с ними. Анализ этого архивного материала поможет представить общую картину о деятельности авиационных школ и училищ в годы Великой Отечественной войны.

На 1.01.41 года в составе ВВС Красной Армии (КА) имелось 130 ВУЗов, в том числе:

а) военно-авиационных училищ и высших школ – 5;

б) военно-авиационных школ пилотов – 40, из них:

- школ истребителей – 20;
- школ бомбардировщиков – 20;

в) школ стрелков-бомбардиров – 10;

г) школ авиационных механиков– 6, из них:

- школ авиамехаников по эксплуатации – 4;
- школ авиамехаников по вооружению – 1;
- школ авиамехаников по специальным службам – 1;

д) школ младших авиационных специалистов – 69.

В течение 1941 года было сформировано:

а) авиационных училищ – 5, из них:

- летных – 2;
- технических – 2;
- штабных командиров – 1;

б) школ первоначального обучения – 30;

в) школ авиационных механиков – 9, из них:

- школ авиамехаников по эксплуатации – 7;
- школ авиамехаников по вооружению – 1;
- школ по специальным службам – 1.

Всего было сформировано – 44 ВУЗа.

Во второй половине 1941 года были расформированы:

а) школ пилотов истребителей – 5;

б) школ пилотов бомбардировщиков – 9;
в) школ стрелков-бомбардиров – 2;
г) школ первоначального обучения – 16;
д) школ младших специалистов – 39.
Всего расформировано – 71 ВУЗ.
Всего, таким образом, к концу 1941 года в составе ВВС КА было 103 ВУЗа [1, л. 14-15].

План подготовки летно-технических кадров в ВУЗах ВВС в 1941 году и его выполнениепредставлен в таблице 1.

Таблица 1

Специализация	План	Фактическое выполнение
Летчики:		
- истребители	18.000	9.229
- бомбардировщики	14.500	9.103
Итого:	32.500	18.332
- стрелков-бомбардиров	5.700	4.901
Прошло переподготовку в летных училищах (офицерский состав)	---	108
Авиационные техники:		
-по эксплуатации	16.000	18.674
- механики по вооружению	1.750	3.326
- механики спецслужб	3.285	4.925
Прошло переподготовку в технических училищах и школах (офицерский состав)	1.050	713
Всего подготовлено в 1941 году	60.285	50.979

(источник: ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11284. д. 1629. л. 15).

Как видно из таблицы, годовой план подготовки по летному составу авиашколами не был выполнен. Истребителей было подготовлено в объеме 51,2 % от плана подготовки, бомбардировщиков 62,7 %. Лучше обстояло дело с подготовкой технического состава. План подготовки техников по эксплуатации был выполнен на 116,7 %, механиков по вооружению на 190 %, механиков спецслужб на 149,9 %. Всего же план подготовки (с учетом переподготовки офицерского состава) был выполнен на 84,5 %.

На 1.01.1942 года в составе ВВС КА имелось 103 ВУЗа, часть учебных заведений как указывалось раньше, были расформированы. Некоторые училища пилотов изменили профили подготовки. Так, 7 школ пилотов, стали готовить летчиков-штурмовиков, подготовка которых накануне войны практически не велась, но их потребность была вызвана начавшимися боевыми действиями и появившейся авиационной техникой – самолетами-штурмовиками. В течение 1942 года новые ВУЗы не формировались, а вот расформирование продолжалось. Были расформированы еще 24 ВУЗа. Среди них:
- школ пилотов истребителей – 1;
- школ пилотов бомбардировщиков – 1;
- школ стрелков-бомбардиров – 4;
- школ первоначального обучения – 9;
- школ младших авиационных специалистов – 9.
Таким образом, к концу 1942 года в составе ВВС было 79 военно-учебных заведений [1, л. 16].

Расформирование ВУЗов было вызвано объективными причинами. Прежде всего, под сокращение попадали учебные заведения, которые не успели до конца сформировать накануне войны, и их сохранение в условиях военного времени было не целесообразным. Также сокращались те училища и авиашколы, специализация которых не была остро необходимой. Еще одной причиной сокращения учебных заведений, можно назвать потребность авиационных полков действующей армии в авиационной технике, которая была уничтожена в первые дни войны, поэтому техника и другая материальная часть, из ликвидированных учебных заведений передавалась в воинские части для восполнения потерь.

План подготовки летно-технических кадров в ВУЗах ВВС в 1942 году и его выполнениепредставлен в таблице 2.

Таблица 2

Специализация	План	Фактическое выполнение
Летчики:		
- истребители	14.500	7.062
- бомбардировщики	7.300	4.252
- штурмовики	3.200	743
Итого	25.000	12.057
- стрелков-бомбардиров	4.500	2.620
-курсантов школ первоначального обучения	4.450	3.490
Прошло переподготовку в летных училищах (офицерский состав)	3.677	1.032
- штабных командиров	400	405

Авиационные техники:		
-по эксплуатации	11.046	12.348
- механики по вооружению	1.400	1.069
- механики спецслужб	2.715	2.810
-младших авиационных специалистов	13.000	11.618
Воздушных стрелков	500	500
- стрелков-радистов	650	501
Прошло переподготовку в технических училищах и школах (офицерский состав)	1.980	1.879
Всего подготовлено в 1941 году	69.318	50.539

(источник: ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11284. д. 1629. л. 17).

Таким образом, годовой план1942 года подготовки по летному составу, авиашколами также не был выполнен. Истребителей было подготовлено в обьеме 48,7% от плана подготовки, это на 2,5 % меньше чем в 1941 году;бомбардировщиков 58, 2 %, на 4,5 %, меньше чем в 1941 году. В 1942 году в план была включена подготовка штурмовиков. Необходимость в этом виде авиации была вызвана началом войны. Однако план подготовки штурмовиков был выполнен всего на 23,2 %. Выполнение (и перевыполнение) плана наблюдается в технических авиашколах и училищах.План подготовки техников по эксплуатации был выполнен на 111,7 %, механиков по вооружению на 76, 3 %, механиков спецслужб на 103,4 %. Как видно произошло снижение процентов выполнение плана по сравнению с 1941 годом, и даже не выполнение плана по подготовки механиков по вооружению. Это связано с передислокацией училищ и авиашкол в начальный период войны из европейской части СССР вглубь страны. Всего же план подготовки (с учетом переподготовки офицерского состава) был выполнен 72, 9 %.

Сокращение ВУЗов продолжилось и 1943 году. На 1.01.43г. в составе ВВС было 73 учебных заведения. Несколько уменьшился и план подготовки кадров (см. таблицу 3).

Таблица 3

Специализация	План	Фактическое выполнение
Летчики:		
- истребители	8000	4.641
- бомбардировщики	3.210	2.020
- штурмовики	5.000	2.241
Итого	16.210	8.902
- стрелков-бомбардиров	3.550	2.649
-курсантов школ первоначального обучения	5.000	4.218
Прошло переподготовку в летных училищах (офицерский состав)	3.350	2.099
- штабных командиров	400	394
Авиационные техники:		
-по эксплуатации	6.750	7.141
- механики по вооружению	1.035	991
- механики спецслужб	2.532	2.519
-младших авиационных специалистов	11.420	8.893
Воздушных стрелков	6.250	3.982
- стрелков-радистов	3.500	1.490
Прошло переподготовку в технических училищах и школах (офицерский состав)	2.471	2.908
Всего подготовлено в 1941 году	62.468	46.192

(источник: ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11284. д. 1629. л.19).

План подготовки летчиков-истребителей снизился на 10.000 человек по сравнению с 1941 годом и на 6.500 человек по сравнению с 1942 годом. План подготовки летчиков-бомбардировщиков снизился на более чем 11.000 человек по сравнению с 1941 годам и на 4.090 человек по сравнению с 1942 годом. План подготовки технического состава также был снижен по сравнению с 1941 и 1942 годами. При этом значительное снижение на 9250 человек, и на 4296 человек соответственно, наблюдается только по подготовки авиационных техников по эксплуатации. Количество же механиков по вооружению и механиков спецслужб было снижено несущественно. Связано это было с тем, что как уже указывалось выше,в 1941 и 1942 годах, план подготовки технического состава по этой специальности перевыполнялся учебными заведениями ВВС. Кроме того, процент боевых потерь среди техническогосостава был незначительным, по сравнению с летным составом, то необходимости в наращивании числа техников по эксплуатации не было. В целом же план подготовки (и переподготовки) летно-технического состава был выполнен на 73,9 %.

В 1944 ситуация с ВУЗами ВВС меняется в сторону увеличения их количества. Были сформированы:

- школа пилотов бомбардировщиков – 1;
- школ первоначального обучения – 7.

Расформирована в 1944 году была лишь одна школа младших авиационных специалистов. Кроме того, в состав войск противовоздушной обороны была передана одна школа пилотов истребителей, и одна школа первоначального обучения была передана в состав Войска Польского. Таким образом, подготовку кадров осуществляли 78 ВУЗов.

В 1944 году увеличился и план подготовки летно-технических кадров (см. таблицу 4).

Таблица 4

Специализация	План	Фактическое выполнение
Летчики:		
- истребители - бомбардировщики	10.000 3.200	5.950 2.117
- штурмовики	5.800	4.038
Итого	19.000	12.105
- стрелков-бомбардиров	3.600	2.112
-курсантов школ первоначального обучения	10.850	7.397
Прошло переподготовку в летных училищах (офицерский состав)	3.967	2.536
- штабных командиров	197	390
Авиационные техники:		
-по эксплуатации	9.000	9.420
- механики по вооружению	1.145	1.164
- механики спецслужб	2.065	1.986
-младших авиационных специалистов	16.970	14.498
Воздушных стрелков	6.400	4.874
- стрелков-радистов	4.800	3.353
Прошло переподготовку в технических училищах и школах (офицерский состав)	3.692	3.623
Всего подготовлено в 1944 году	81.586	63.458

(источник: ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11284. д. 1629. л. 21).

Так, на 2.000 человек был увеличен план по подготовки летчиков-истребителей в 1944 году по сравнению с 1943 годом. Штурмовиков на 800 человек. По техническому составу особых изменений не было. Общий план подготовки авиационных кадров в 1944 году был выполнен на 77,7 %.

До 1 мая 1945 года изменений в количестве ВУЗов ВВС не произошло, за исключением приема из Воздушно-десантных войск, Саратовской авиационной планерной школы, и из управления связи Красной Армии – радиотелеграфных курсов. В связи с приближающимся окончанием войны план подготовки летно-технических кадров в период с 1.01.1945 по 1.05.1945 гг. был значительно сокращен, и составил следующие цифры (см. таблицу 5).

Таблица 5

Специализация	План	Фактическое выполнение
Летчики:		
- истребители	1.100	511
- бомбардировщики	350	164
- штурмовики	765	629
Итого	2.215	1.304
- стрелков-бомбардиров	910	409
-курсантов школ первоначального обучения	654	895
Прошло переподготовку в летных училищах (офицерский состав)	786	617
- штабных командиров	240	237
Авиационные техники:		
-по эксплуатации	1.757	1.960
- механики по вооружению	350	351
- механики спецслужб	732	709
-младших авиационных специалистов	2.100	2.672
Воздушных стрелков	295	325
- стрелков-радистов	125	341
Прошло переподготовку в технических училищах и школах (офицерский состав)	46	49
Всего подготовлено в 1941 году	10.212	9.765

Исходя из анализа представленных данных, составим таблицу процентных показателей выполнения плана подготовки военных авиационных кадров, за годы войны в целом (см. таблицу 6).

Таблица 6

Специализация	Фактическое выполнение плана в %				
	1941	1942	1943	1944	1945
Летчики:					
- истребители	51,2	48,7	58	59,5	46,4
- бомбардировщики	62,7	58,2	62,9	66,1	46,8
- штурмовики	-	23,2	44,8	96,6	82,2
- стрелков-бомбардиров	85,9	58,2	74,6	58,6	44,9
-курсантов школ первоначального обучения	-	78,4	84,3	68,1	136,8
Прошло переподготовку в летных училищах (офицерский состав)	-	28	62,6	63,9	74,8
- штабных командиров	-	101,2	98,5	197,8	98,7
Авиационные техники:					
-по эксплуатации	116,7	111,7	105,7	104,6	111,5
- механики по вооружению	190	76,3	95,7	101,6	100,2
- механики спецслужб	149,9	103,4	99,4	96,1	96,8
-младших авиационных специалистов	-	89,3	77,8	85,4	127,2
- воздушных стрелков	-	100	63,7	76,1	110,1
- стрелков-радистов	-	77	42,5	69,8	272,8
Прошло переподготовку в технических училищах и школах (офицерский состав)	67,9	94,8	117,6	98,1	106,5
Итого	84,5	72,9	73,9	77,7	95,6

Таким образом, наглядно видно, что план подготовки авиационных кадров военно-учебными заведениями не выполнялся в течение всей войны. Накануне войны в ВВСбыл некомплект летного состава. В связи с началом войны потребность в летных кадрах возросла, однако авиационные ВУЗыобеспечить ими действующие летные части не могли. В этот период наблюдается снижение процента выполнение плана подготовки. Причинами тому являлись эвакуация авиашкол и училищ вглубь страны, а также трудности военного времени, такие как – отсутствие квалифицированных кадров, материальной части и т.д. Все это продолжалось до конца 1943 года. После коренного перелома ситуации на фронте, увеличилось количество подготовленных кадров. Был решен вопрос обеспечения авиашкол и училищ необходимым количеством квалифицированных кадров, а также улучшилось материально-техническое обеспечение ВУЗов.

The article is devoted to the activities of military aviation schools and Air Force colleges in the USSR where the flight and technical personnel training during the Great Patriotic War was carried out. The author presents issues relating to the number of Air Force military educational institutions and the number of trained aviation professionals there. Based on the analysis of archival documents the author indicates that the difficulties of the initial period of the war affected the number of aviation schools and colleges graduates, their number was decreased significantly. The situation was improved only after a radical turning in the war.
Keywords: *Air Force; military educational establishments; aviation; aviation school; cadets; Red Army.*

Список литературы

1. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11284. Д. 1629.

Об авторе

Астраханцев О.Н. – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-политических дисциплин Иркутского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, *onastra@mail.ru*

УДК 944.041.1

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С.Ф. Блуменау

В статье показана эволюция отечественной историографии Учредительного собрания революционной Франции (1789-1791). Выделено три этапа в его изучении от дореволюционного до современного.
Ключевые слова: *революционная Франция, Учредительное собрание, политические группировки, историческая наука.*

Французская революция XVIII в. долгое время находилась в центре внимания не только исследователей-профессионалов, но и широкой общественности нашей страны. Она рассматривалась здесь как архетип революций вообще. При этом интереса удостаивался не столько весь десятилетний период революционных потрясений (1789-1799), сколько его кратковременный якобинский эпизод. Он привлекал русских революционеров, а затем

строителей социализма своим уравнительством, а также необычайно радикальными мерами. В этом свете коренные, но достаточно мирные реформы Учредительного собрания оставались на заднем плане. Между тем именно решения Национальной Ассамблеи заложили основы современного правового общества. Упомянутые преобразования изучались в России и не равномерно, и не последовательно.

Определенный вклад в разработку проблематики внесла русская либерально-позитивистская историография конца XIX – начала XX вв. В советское время об Учредительном собрании писали редко и в негативном ключе. Но в последнюю четверть века ученые нашей страны предприняли серьезные исследовательские усилия по рассмотрению социально-политической истории начала Французской революции.

Дореволюционная отечественная историография французского XVIII в., известная достижениями в изучение крестьянства, проявляла внимание и к политической истории Великой революции. Особое значение имел капитальный труд М. М. Ковалевского «Происхождение современной демократии» [15], основное место в котором отводилось деятельности Учредительного собрания. Академик считал преобразования 1789-1791 гг. решающими для формирования новой общественно-политической системы, но был весьма критичен к Конституции 1791 г., сожалел о большом перекосе властных полномочий в пользу законодателей.

Опираясь на протоколы парламентских заседаний, автор останавливался на функциях королевской власти, утерянных ею уже в начальный период революции. Она лишилась рычагов воздействия на местные администрации. Людовик XVI не мог назначать судей. Его главные агенты – министры были ограничены в своих действиях. Ассамблея с ними фактически не считалась. Отсюда – вывод ученого: «Монархическая конституция 91 года – дело бессознательных республиканцев» [16,с.402].

Такая характеристика тесно увязывалась с политическими воззрениями самого исследователя. Идеалом М. М. Ковалевского являлась сильная исполнительная власть и двухпалатный парламент. Показательно, что из всех группировок Учредительного собрания, учёный симпатизировал наиболее осторожным реформаторам – «умеренным монархистам», в которых только и видел последовательных защитников конституционно-монархического строя [16,с.546].

В опубликованной в 1918 «Великой Французской революции» другой мэтр отечественной науки посвятил деяниям Учредительного собрания несколько глав. Общая оценка реформ Н. И. Кареевым – позитивная. Высоко квалифицировались им свобода личности, равенство граждан перед законом и в налогообложении. Он констатировал: «пали крепостное состояние и всякие стеснения личной свободы и собственности, вытекавшие из сеньоральных прав…, дарованы были все права французского гражданства протестантам и евреям, получившим теперь равноправность с католиками» [14,с.222]. Сравнивая английские и французские порядки, автор в отличии от Ковалевского отдавал предпочтение вторым в связи с широкими избирательными возможностями населения и отказом от верхней аристократической палаты [14,с.231-232].

При этом исследователь далек от идеализации мероприятий Национальной Ассамблеи, жестко фиксируя неудачи и просчёты депутатского корпуса. Так, «гражданское устройство духовенства было и крупной политической ошибкой; оно оттолкнуло от революции большинство низшего духовенства, внесло религиозную смуту в народ» [14,с.237]. Любопытна и показательна оценка «феодального законодательства» Учредительного собрания, которое «было очень неудачно» [14,с.234]. Историк подчеркивал тяжесть выкупа сеньориальных повинностей для крестьян – держателей. Недовольство ученого недостаточным радикализмом части преобразований позволяет отнести Н. И. Кареева к сторонникам леволиберального видения Французской революции.

Советский период нашей историографии знаменовался дальнейшем ростом интереса к революции во Франции: историки-марксисты видели в ней прототип Русской революции. Но внимание исследователей поглощалось якобинской диктатурой, напоминавшей большевистскую. Об Учредительном собрании писали редко, преимущественно в обобщающих трудах. Советские историки то следовали формационной теории, в соответствии с которой буржуазия играла прогрессивную роль в буржуазной революции, то отталкивались от классового подхода с его недоброжелательностью к предпринимателям и с симпатией к народным низам, тяготевшим к антикапитализму. Первый вариант был чаще свойственен работам 20-х гг. Лидер школы отечественных исследователей-марксистов Н. М. Лукин в биографии М. Робеспьера (1923) дал неоднозначное толкование действиям властей в 1789-1791 гг. Он полагал, что заседавшая в Национальной Ассамблее буржуазия, «с одной стороны, смело ломает устои старого порядка и закладывает основы нового, буржуазного, с другой – спешит воздвигнуть прочные плотины против всякой попытки демократии двинуть революцию дальше». [17,с.39]

В знаменитом коллективном труде под редакцией академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле, появившемся в 1941г. [29], в оценки Учредительного собрания добавили черной краски. Третья глава книги, вмещавшая материал о соответствующем периоде революции, называлась «Крупная буржуазия у власти» [29,с.68.]. Такому заключению не предшествовал анализ социального происхождения или положения депутатов, а их реформаторские усилия слабо соотносились с материальными интересами солидных предпринимателей. Акцент делался на цензовом характере Конституции и антирабочей политике законодателей. Отсюда – вывод об антинародной направленности курса Ассамблеи. Поведение властей во время Вареннского кризиса и вовсе трактовалось, как «реакционная политика Учредительного собрания». Именно так и назывался параграф третьей главы[29,с.108].

В годы «оттепели» и в период «застоя» принципиальных перемен в истолковании политики Учредительного собрания не произошло. В двух изданияхкниги о Французской революции 1956 и 1983 гг. [18;19] выдающегося

советского франковеда А.З. Манфреда традиционные клише советской научной литературы нашли свое отражение. Автор связывал деятельность Ассамблеи с господством в ней крупной буржуазии, в которую включал банкиров, мануфактуристов, судовладельцев, торговцев-оптовиков. Но в действительности банкиры в парламенте были на перечет, тогда как большую часть депутатов составляли судейские, адвокаты, держатели должностей.

Манфред останавливался на административных реформах и секуляризации церковных имуществ. Торгово-промышленное законодательство, которое и должно было свидетельствовать о буржуазном характере новой власти, он представил конспективно, амасштабные судебные преобразования и налоговые изменения оказались и вовсе опущенными. Одновременно историк несколько раз возвращался к антидемократическим элементам избирательной системы, а также обращал внимание на якобы заостренную против рабочих линию Конституанты.

Ученый необычайно рано «заметил» отход деятелей крупной буржуазии от революции (с начала 1790 г.) И частный случай - измена Мирабо – трактовался как нарастание неприятия развивавшейся революции конституционалистами. Исследователь односторонне и жестко квалифицировал их позицию в Вареннском кризисе и событиях на Марсовом поле. «Конституционалисты» и все монархические слои буржуазии, руководимые фейянами, превращались в контрреволюционную силу. Они скатывались в лагерь контрреволюционного двора, дворянства и эмиграции и стоящих за ними сил европейской контрреволюционной интервенции» [19, с. 98]. На наш же взгляд, с этого времени либеральное большинство парламента боролось на два фронта: с реакционерами, желавшими возврата Старого порядка, и с демократическими низами, ставившими под вопрос не только правление Людовика XVI, но и конституционно-монархический строй.

Незадолго до кончины А. З. Манфред успел завершить «Три портрета», включавшие и биографию О. Г. Мирабо. Общая характеристика историком Учредительного собрания и подчеркивание его классовой сущности не изменились. «Имя Мирабо могло замаскировать узкоэгоистические, корыстные расчёты крупной буржуазии, стремившейся удержать в своих руках власть», - писал автор [20, с. 236].

Не сильно отличались от трактовки А.З. Манфреда соображения, выдвинутые его постоянным оппонентом по проблематике якобинской диктатуры, ленинградским профессором В.Г. Ревуненковым. В «Очерках по истории Великой французской революции», вышедших уже в эпоху перестройки, он нарисовал более масштабную и подробную картину перемен, осуществленных законодателями. Автор пришел к выводу, что указанные реформы «в значительной степени преобразовали страну»[21,с.121]. Но, рассуждая о социальном составе реформаторов, он в силу приверженности традиционным взглядам отождествлял их со «старой буржуазией», связанной с дворянским государством, а потому не готовой к коренной ломке существовавших социальных отношений. Что касается отношения к народным низам, то историк даже усилил обвинения в адрес лидеров парламента, всерьез полагая, что свободы и особенно равенство в правах остались только на бумаге. «Умеренно-либеральное большинство Собрания в действительности взяло курс на то, чтобы лишить широкие народные массы самых элементарных прав и закрепить классовые привилегии крупной буржуазии и помещиков», - заключил В. Г. Ревуненков [21,с.99].

Перестройка и демократизация общественно-политических отношений в нашем Отечестве постепенно привели к отказу от марксистского видения Французской революции и к пересмотру взглядов на структуру Учредительного собрания и содержание его деятельности. Размышляя о месте и роли буржуазии в революции конца XVIII в., ведущий научный сотрудник ИВИ РАН А. В. Чудинов предпринял исследование социального состава Национальной Ассамблеи. Отталкиваясь от количественных данных, полученных американской исследовательницей Э. Х. Лёмэй, он заметил, что среди парламентариев-разночинцев деловые люди имели лишь 93 мандата, тогда как оффисье и лица свободных профессий занимали ¾ мест. К тому же предприниматели-ротюрье выступали в Собрании редко (за исключением четырёх законодателей) и не проявляли политической солидарности. Автор пришел к убедительному выводу, что в Учредительном собрании они играли роль пассивного и политически разрозненного меньшинства [30,с.164]. Поэтому говорить о господстве буржуазии в марксистском понимании этого термина в Конституанте не приходится.

Ещё в конце 80-х гг. XX в. крупнейший отечественный знаток Французской революции А. В. Адо сожалел об односторонности нашей историографии, рассматривавшей революционное действо только «снизу» и «слева» [1]. Под руководством выдающегося исследователя его ученик А. В. Тырсенко занялся течением фельянов [27]. Изучая истоки его формирования, он затронул историю Учредительного собрания с момента возникновения. Автор привел немало интересных сведений и соображений, вычленил в составе Ассамблеи такие группировки, как: «монархисты», «файетисты», «ламетисты». Но не со всеми выводами ученого можно согласиться.

А. В. Тырсенко утверждал: «В течении второй половины 1789 – начале 1791 г. окончательно определился переход всех либеральных политиков в оппозицию развивающемуся революционному процессу и их превращению в умеренных революционеров [27, с. 100]. Также, по его мнению, в это время либералы постепенно утратили политическое руководство революцией. Но преобразовательный порыв вовсе не был исчерпан ни в 1789, ни в 1790, на даже в 1791 г., ибо реформирование различных сторон жизни общества и государства продолжались, как минимум, до Варенна. Да и власть либеральное большинство не утратило ни в Собрании, ни в стране до окончания работы Ассамблеи 30 сентября 1791. Стремясь определить место конституционалистов в истории Франции, автор оценивал их курс как «либеральный компромисс со Старым порядком» [27, с. 68]. Для нас же их политическая линия выглядит, напротив, пронизанной искренним желанием построить Новый порядок.

В 2005 г. А. В. Тырсенко выпустил монографию о Э.Ж. Сийесе, который являлся видным деятелем Конституанты. Историк заключал здесь, что, оставаясь в рамках либерального выбора, Сийес не был чужд демократических идеалов» [28, с. 292]. Развивая эту мысль, автор писал о восприятии либерализмом некоторых принципов и проблем, связанных с совершенствованием политической демократии [28, с. 7]. В этой связи можно говорить о позитивной коррекции прежних выводов ученого о либералах - коллегах Сийеса по первому революционному парламенту.

Одна из наиболее влиятельных политических сил в Ассамблеи 1789 г. стала предметом изучения В. Ю. Сергиенко. Речь шла о «монархистах» , как их обычно называли, или умеренных монархистах (так озаглавлена диссертация исследовательницы) [25]. Это самые осторожные реформаторы из Учредительного собрания, выступившие за приоритет короны и законосовещательную роль парламента.

К «Обществу 1789» обратился в нашей стране А. А.Демьянов. Он характеризовал его идеологию, особенности, определил время функционирования. Но вывод автора о том, что «Общество 1789 олицетворяло собой возможность компромисса между Революцией и существовавшим до неё политическим устройством Франции» [12, с.186], не выглядит убедительным. Члены Клуба ставили во главу угла «принципы 1789г.», добиваясь всё же установления новой общественно-политической системы.

В начале XXI в. стали выходить статьи С Ф. Блуменау о политике Учредительного собрания. Первые из них касалась церковно-религиозной тематики [9; 10]. Позднее вышли публикации об избирательной системе, налоговых нововведениях, о способе решения проблемы государственного долга, коренных сдвигах в области судоустройства и судопроизводства [7;8;2;6].

За этим последовала монография о революционных преобразованиях Национальной Ассамблеи в 1789-1791 гг., получившая хорошие отзывы в России и за рубежом [12;13;31]. Автор стремился показать всю масштабность и многообразие изменений. В результате реформ, по его словам, «заметно улучшились духовное самочувствие и материальное положение широких категорий населения» [5,с.184]. Но историк видел и серьезные ошибки, и промахи законодателей. Он критически оценил гражданское устройство духовенства, вызвавшее сильнейшее недовольство крестьян на западе и отчасти на юге Франции. Такие аспекты курса Конституанты, как значительное увеличение ценза для выборщиков и денежная политика, усилили раскол в революционном лагере и осложнили ход дел в финансовой и продовольственной сферах. И всё же именно перемены первого периода революции, а не исключительные меры , террор и диктатура 1793-1794 гг. проторили дорогу другой Франции – правовой и свободной. «Реформы Собрания положили начало новой политической культуре, основанной на гражданском равенстве, свободах личности, слова, печати, вероисповедания, выборности политического персонала, правовых принципах» [5, с. 179].

После опубликования книги в свет вышли ещё две статьи С. Ф. Блуменау по данной тематике: о том, как Ассамблея решала проблему соотношения властей, и о законодательстве, регулирующем порядок выкупных операций по сеньориальным правам[4;3].

Десятилетие назад историк выдвинул гипотезу о наличии в рамках Собрания и его Конституционного комитета политической группировки «левый центр». Под его руководством В.Ю. Салимон написала кандидатскую диссертацию, в которой показаны близость взглядов депутатов Туре, Тарже, Тронше и Деменье, схожесть их аргументации, слаженность выступлений и действий [23]. Ею были опубликованы и статьи о вкладе «левого центра» в административно-территориальные и судебные реформы Конституанты [22;24]. Работа С. Ф. Блуменау и В. Ю. Салимон над указанной проблематикой продолжается.

Подводя некоторые итоги, следует отметить определенный интерес к истории Учредительного собрания 1789-1791 гг. у наших франковедов. Хотелось бы надеяться, что в последующем изучение спектра политических сил, входивших в Ассамблею, а также разных сторон деятельности первого парламента революции, получитразвитие.

The article shows the evolution of the national historiography of the Constituent Assembly (1789-1791).It outlined three stages in his study from the pre-revolutionary to contemporary.
Keywords: *revolutionary France, the Constituent Assembly, political groups, historical science.*

Список литературы

1. Адо А. В. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В. М. Далина.-М., 1998.
2. Блуменау С.Ф. Государственный долг и ассигнаты в первые годы Французской революции // Всеобщая история: современные исследования: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 15-тый. – Брянск, 2006.
3. Блуменау С.Ф. Проблема сеньориальных прав в начале Французской революции: Закон 3 мая 1790 // Французский ежегодник 2015.- М., 2015.
4. Блуменау С.Ф. Проблема соотношения властей в Учредительном собрании Франции (лето 1789 – весна 1791 годов) // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 21-вый. – Брянск., 2012.
5. Блуменау С.Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789-1791 годах. – Брянск, 2011.
6. Блуменау С.Ф. Реформы права, суда и судопроизводства во Франции в 1789-1791 годах // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 20-ый. – Брянск, 2011.

7. Блуменау С.Ф. Учредительное собрание и избирательный ценз // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 14-ый. – Брянск, 2005.

8. Блуменау С.Ф. Фискальный пресс накануне Великий Французской революции и налоговые реформы Учредительного собрания // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 17-ый. – Брянск, 2008.

9. Блуменау С.Ф. Французская революция и гражданское устройство духовенства // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 11-ый. – Брянск, 2002.

10. Блуменау С.Ф. Церковные реформы начала революции и французское общество // Памяти профессора А. В. Адо. Современные исследования о Французской революции конца XVIII века. – М., 2003.

11. Бовыкин Д.Ю. Революция прав человека: о книге С. Ф. Блуменау // Французский ежегодник 2012. – М., 2012.

12. Демьянов А.А. Клуб 1789 года. Люди и идеи // Французский ежегодник 2001. – М., 2001.

13. Егоров А.А. «Великие реформы?» Конституанты: Размышления по поводу новой книги С.Ф.Блуменау // Культура, наука, образование. Проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Часть I. История идей и история общества. Проблемы всеобщей истории. – Нижневартовск, 2013.

14. Кареев Н.И. Великая Французская революция. – М., 2003.

15. Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т. 1-4. – М., 1895-1897.

16. Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т. 2. – М., 1895.

17. Лукин Н.М. Максимилиан Робеспьер // Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. – М., 1960.

18. Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция XVIII в. – М., 1956.

19. Манфред А.З. Великая Французская революция. – М., 1983.

20. Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой Французской революции. – М., 1978.

21. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой Французской революции: 1789-1799. Изд. 2-е. – Л., 1989.

22. Салимон В.Ю. Вклад «левого центра» Учредительного собрания Франции 1789-1791 годов в разработку административной реформы // Вестник Брянского государственного университета. 2010, № 2: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание.

23. Салимон В.Ю. «Левый центр» в Учредительном собрании Франции 1789-1791 годов. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Брянск, 2013.

24. Салимон В.Ю. Разработка судебной реформы деятелями «левого центра» Учредительного собрания Франции 1789-1791 годов // Вестник Брянского государственного университета2013, № 2: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание.

25. Сергиенко В.Ю.Жан-Жозеф Мунье (1758-1806) – идеолог конституционного монархизма в годы Французской революции // Новая и новейшая история, 2008, № 3.

26. Сергиенко В.Ю. Умеренные монархисты в годы Французской революции конца XVIII века: Мунье, Малуэ, Малле дю Пан и их сторонники: Автореферат дис. … канд. ист. наук. – М., 2005.

27. Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. – М., 1999.

28. Тырсенко А.В. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. – М., 2005.

29. Французская буржуазная революция 1789-1794 – годов. Под ред. акад. В. П. Волгина и акад. Е. В. Тарле. – М.-Л., 1941.

30. Чудинов А.В. Депутаты предприниматели в Учредительном собрании (1789-1791) // Французский ежегодник 2001. – М. 2001.

31. Poghosyan V. Sémion Blumenau, des transformations révolutionnaires de I' Assemblée constituante de France, 1789-1791 // Annales historiques de la Révolution française, 2012, № 370.

Об авторе

Блуменау С.Ф. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, *blumenausf@mail.ru.*

УДК 94(47).084.8

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.Н. Бутенко

В статье рассматривается история становления Курской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. Особое внимание уделяется последствиям немецко-фашистской оккупации в Курской области. Сделан вывод, что Курская область является одной из наиболее пострадавших во время войны областей.

Ключевые слова: *Чрезвычайная Государственная Комиссия, преступления немецко-фашистских захватчиков, члены курской областной Комиссии, агитация, пропаганда, Нюрнбергский процесс*

Боевые действия, оккупационный режим нанесли существенный ущерб народному хозяйству и гражданам СССР. Немецко-фашистские захватчики разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, свыше 6 миллионов зданий, лишили крова около 25 миллионов человек, разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций, зарезали, отобрали для нужд армии или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов свиней, 27 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы. Ущерб, причинённый народному хозяйству СССР и отдельным сельским и городским жителям составил 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941г[1,с.166].

С целью сбора материалов, актов свидетельствующих о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР нужно было создать специальный орган. Идея создания государственной организации, которая занималась бы учетом преступлений противника появилась в годы Первой мировой войны. По инициативе Правительства Российской империи при поддержке Государственной Думы 29 января 1915 г. в Совет Министров был внесен министром юстиции законопроект о необходимости учреждения особой комиссии для регистрации и установления случаев нарушения законов и обычаев войны[2,с.1].А уже 9 апреля 1915 г. была образована Чрезвычайная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны, всех случаев злоупотребления и насилия, совершенных австро-венгерскими и германскими войсками и их союзниками. Согласно этому документу создание комиссии было вызвано вследствие грубого нарушения законов войны, издевательским отношением к русским военнопленным и раненым, насилием над мирным населением, оскорбление религиозных культов. В состав комиссии входили председатель и 7 членов: представители Главного военного суда, Государственного совета, Петроградской судебной палаты и Петроградского окружного суда, которые назначались императором[3, с. 176].

Идея создания Комиссии, которая бы фиксировала злодеяния немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённый ими ущерб появилась в середине 1942 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). 20 июля 1942 г. начальник Управления пропаганды и агитации Г.Ф. Александров разослал народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову и секретарям ЦК ВКП (б) А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову копии письма, в котором писал: «В ходе Великой Отечественной войны 1941-1942 гг. ряд организаций взяли на себя подробный учёт и собирание материалов о преступлениях германской армии. Но эта работа проводилась без единого плана, организована она кустарно, использовать для пропаганды, а особенно после войны почти невозможно. Всё это говорит о необходимости создания Чрезвычайной Государственной Комиссии, которая занималась бы расследованием и учётом преступлений, зверств, насилий, грабежей немецко-фашистских армий и нанесённого этой армией материального ущерба Советскому государству и советским гражданам… »[4,л. 9]. Этой же датой датирован первый проект постановления ЦК ВКП (б) о Комиссии. В середине октября1942 г. проект постановления о создании Комиссии был отправлен В. М. Молотову и А. С. Щербакову. А уже 2 ноября 1942 г. Президиум Верховного СССР постановил образовать Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиями учреждениям СССР (далее ЧГК)[5,с.96].Этим нормативно - правовым актом были определены и задачи ЧГК. Указ предусматривал, что в задачу Чрезвычайной государственной комиссии входит полный учет злодейских преступлений нацистов и причиненного ими ущерба советским гражданам и социалистическому государству; установление личности немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области. Комиссии предоставлялось право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к преступным действиям оккупантов и их сообщников. Председателем комиссии был назначен первый секретарь ВЦСПСН.М. Шверник, ее членами—А.А.Жданов, писатель А.Н. Толстой, академики Е.В. Тарле, Н.Н. Бурденко, Б.Е. Веденеев, И.П.Трайнин, летчица В.С. Гризодубова, митрополит Киевский и Галицкий Николай[6, с. 26].

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 16 марта 1943 г. было предписано создать на местах республиканские, краевые и областные комиссии содействия в работе ЧГК. Всего было создано 25 республиканских, 4 краевых, 76 областных комиссий. Создавались комиссии при союзных, республиканских наркоматах, городские, районные, сельские, колхозные комиссии, при общественных организациях, при каждом пострадавшем от захватчиков предприятии и учреждении, а также в городских домоуправлениях для определения ущерба, понесенного отдельными гражданами.

Постановлением СНК СССР от 16 марта 1943 г. для ведения дел Чрезвычайной Комиссии был создан секретариат в составе:

а) ответственный секретарь ЧГК;

б) отдел по учету злодеяний, совершенных немецкими оккупантами и их сообщниками над гражданами СССР;

в) отдел по учету ущерба, причиненного советским гражданам;

г) отдел по учету ущерба, причиненного колхозам и совхозам;

д) отдел по учету ущерба, причиненного промышленности, транспорту, связи и коммунальному хозяйству;

е) отдела по учету ущерба, причиненного кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям;

ж) отдел по учету ущерба, причиненного культурным, научным и лечебным учреждениям, зданиям, оборудованию и утвари религиозных культов;

з) инспекторский отдел;

и) архив ЧГК[7, с.16].

7 мая 1943 г. в свет вышла инструкция по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям, согласно этому документу, в состав каждой комиссии входили: председатель комиссии - первый секретарь ЦК Компартии союзной республики (крайкома, обкома), председатель или заместитель председателя Совнаркома (крайисполкома, облисполкома), соответствующий начальник Управления НКВД и еще 1-2 члена из местных представителей[8, с. 218].

Следует отметить, что еще до создания Курской областной комиссии о злодеяниях, которые совершили немецко-фашистские преступники в Курской области народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов заявил в своей ноте от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», направленной всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения:«…в районном центре Волово Курской области [сейчас в Липецкой области – прим. автора.], в котором немцы находились четыре часа, немецкий офицер ударил головой об стену и убил двухлетнего сына Бойковой за то, что ребенок плакал…»[9,с.156].Позднее этот факт будет использован в обвинительной речи «Преступления против мирного населения» помощника главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнова в феврале 1946 г. на Нюрнбергском процессе[10, с.94].

3 апреля 1942 г. вышло решение Курского облисполкома о сборе, хранении и использовании в интересах советского государства документов о зверствах фашистских властей в оккупированных районах области. Согласно этому документу «в целях обеспечения сбора, учета, сохранности и организации использования в интересах Советского государства документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей во временно оккупированных ими районах Курской области, и в соответствии с положением о Государственном архивном фонде Союза ССР, утвержденным постановлением СНК СССР 20 марта 1941 г. №723, исполком Курского облсовета депутатов трудящихся решил:

1) обязать все советские, общественные организации, учреждения и предприятия на все без исключения факты произведенных немецкими фашистами зверств, грабежей и насилий над советскими гражданами, разрушения предприятий, колхозов, школ, больниц, жилищи других ценностей, принадлежащих государственным, общественными кооперативным организациям и отдельным гражданам, составлять акты, а при наличии возможностей производить документальные кино- и фотосъемки; акты и фотодокументы должны заверяться специально выделенными для этой цели ответственными лицами;

2) обязать учреждения, организации, предприятия и отдельных граждан все документальные материалы (акты, кино- и фотосъемки, различного рода письма, дневники, записи, плакаты, печатные издания, приказы и распоряжения фашистского командования и т.п.), отражающие зверства, насилия, грабежи, разрушения памятников национальной культуры, учиненные фашистскими оккупантами на временно занятой территории Курской области, или учиненные путем диверсий и бомбардировок, немедленно передавать по актам в подлинниках областному архивному отделу (пос. Олым Касторенского района) или начальникам РО НКВД;

3) в акте передачи следует указывать: время, место (село, район), обстоятельства составления документа и кем он составлен, обязать руководителей предприятий, организаций и учреждений, впредь до передачи органам НКВД документов о зверствах фашистов, организовать первичный учет их в специальных книгах или тетрадях; одновременно руководители несут полную ответственность за сохранение документов…»[11, л.11-11об].

В мае 1943 г. при Курском облисполкоме для расследования злодеяний гитлеровских захватчиков, установления конкретных виновников и определения ущерба, нанесенного предприятиям, колхозам, организациям, учреждениям и гражданам области, была создана Курская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. В работе комиссии принимали участие: председатель ЧГК, секретарь Курского обкома ВКП (б), генерал-майор П. И. Доронин, председатель исполкома облсовета депутатов трудящихся, зампред ЧГК В.В. Волчков, секретарь обкома ВКП (б) – М. Захаров, члены областной Комиссии - Р. Ф. Ансон, Трофимов, ответственный секретарь областной комиссии – Л.М. Поташник, помощник начальника Отдела установления и расследования злодеяний - Д. Мельников, помимо вышеперечисленных в состав входили машинистка, милицейский пост, уборщица, рассыльный. Следует отметить, что на местах: в каждом колхозе, промышленном, коммунальном предприятии, в учреждении, школе, районе были созданы Комиссии, общий количественный состав этих Комиссий определился до 75 тысяч человек[12, л. 4].

В Курской области учет ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками хозяйству области, был начат в мае 1943 г., когда территория области еще не была полностью освобождена и окончился в феврале 1944 г.Согласно докладу об итогах учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и гражданам Курской области в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.по некоторым районам учет причиненного ущерба приходилось проводить дважды и более раз, в связи с новыми разрушениями, причиненными вторичной оккупацией отдельных районов и бомбардировками вражеской авиацией. В документе указы-

вались и трудности « … из-за отсутствия соответствующих бланков - актов и бумаги, от Чрезвычайной Государственной Комиссии были получены только образцы бланков-актов, печатание же этих бланков пришлось организовать на месте, всего на месте было отпечатано – 22,5 тыс. экземпляров»[13, л.3].

Для более полного учета ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и гражданам области, сообщает доклад, в соответствии с указаниями ЧГК, были проведены совещания с председателями и секретарями райисполкомов, состоялись собрания граждан в колхозах, на предприятиях и в учреждениях. Следует добавить, что трижды на заседаниях облисполкома и дважды на бюро обкома ВКП (б) обсуждался вопрос о ходе учета ущерба.

Согласно докладу, во многих случаях в состав комиссии для определения ущерба привлекались эксперты-специалисты. Все акты, представляемые местными комиссиями в областную комиссию, были тщательно проверены, а иногда с выездами на места, и приведены в соответствии с указаниями ЧГК. Однако до сих пор нельзя однозначно трактовать результаты, полученные в ходе работы ЧГК. Эту мысль пытаются донести до читателя авторы статьи «Деятельность Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в период Великой Отечественной войны» Н.А. Болотов и А.В. Гайдашев. В частности, в этой работе

говорится о том, что «…одной из слабых сторон деятельности Комиссии являлся кадровый состав на местах, к примеру, в колхозах состав комиссий был следующим: председатель колхоза, счетовод, представитель сельсовета и 1-2 колхозника, как правило, это были малограмотные люди, так как подавляющее число специалистов было призвано в действующую армию, выявленные факты причиненного ущерба должны были определяться в количественно-цифровом и денежном исчислении, при этом следовало сопоставлять эти данные с состоянием объекта до оккупации его противником, естественно, что практически весь состав комиссии состоял из местных жителей, и при этом не исключено, что при составлении актов показатели могли завышаться для выгоды родного колхоза»[14,с.106]. Всего по местному хозяйству областного и районного подчинения Курской области представлено 137345 актов учета ущерба на общую сумму более 26,8 млрд. рублей[15,с.50].Размер ущерба по народному хозяйству составляет более 520,5 млн руб. Наибольший ущерб в народном хозяйстве причинен коммунальному хозяйству. Сумма ущерба по коммунальному хозяйствусоставляет-258, 2 млн или 49, 5% к сумме причиненного ущерба всему народному хозяйству[16,с. 210].

Большой ущерб причинен также торговле. Немцы уничтожили 7702 складов и магазинов. Особо стоит выделить ущерб причиненному народному образованию. Сумма ущерба составляет 437,6 млн или 78,5% к сумме ущерба, причиненного социально-культурным учреждениям [17,л.7-8]. Немцы разрушили из 706 больниц и амбулаторий-387. Ущерб причиненный хозяйству колхозов составляет -10,8 млрд. тыс. руб., или 40% к общему ущербу по области. В колхозах области немцы уничтожили и разрушили: 81022 строения, в том числе жилых домов 10393, зданий промышленно - производственного назначения 2624, зернохранилищ 24287, кузниц 3814, овощехранилищ 1215, скотных дворов и животноводческих построек 25750, сараев и навесов 4795, клубов и красных уголков 1613, детских учреждений 975,разных сельскохозяйственных построек 5457[18,с. 214].

Исключительно большой ущерб немцы нанесли колхозному животноводству и полеводству. Угнано и уничтожено фашистами: крупного рогатого скота 284120 голов,лошадей322489, свиней 256276, овец и коз 427254, разной птицы 1281089, пчелосемей 229829, зерна355765 т., муки 2864 т., картофеля 34618 т, овощей62786 т, подсолнуха 8952 т. Уничтожено немецко-фашистскими захватчиками колхозных посевов: зерновых культур - 1455558 га, картофеля83462 га, огородно-бахчевых 13334 га[19, л.9-10].

Материалы, предоставленные Курской областной комиссией использовались на Нюрнбергском процессе, где был зачитан документ «Из сообщения ЧГК о материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР», в котором говорилось, что «в Курской области немцы разрушили 5220 колхозов; сожгли и уничтожили в них 80 тысяч строений; отобрали 280 тысяч голов крупного рогатого скота, 320 тысяч лошадей, 250 тысяч свиней, 420 тысяч овец и коз, зарезали 1 300 тысяч голов разной домашней птицы…»[20, с.740].

В работе Курской областной чрезвычайной комиссии было много сложностей. Об этом свидетельствуют протоколы ее заседаний. Так, согласно постановлению Областной ЧГК от 3 июля 1943 г., представленный Комиссии из районов материал не отвечает инструкциям ЧГК «…полностью не учтен весь нанесенный ущерб, стоимость зданий и сооружений занижена, цена на сельскохозяйственные продукты применена неправильно, некоторые районы, как например - Фатежский, Медвенский произвели учет по заготовительным ценам, а не по государственным розничным ценам, как это указано в инструкции, во всех актах не указаны события и факты, с указанием времени и места происшествия, нет фамилий, имен немецких офицеров, солдат и комендантов, названия воинских частей, производивших уничтожение и разграбление, не перечислены случаи бомбардировок, фамилия, имя и отчество лиц, составлявших акт, указаны не полностью, как того требует инструкция, весь представленный материал оформлен неряшливо, на клочках бумаги, написаны карандашом - нередко в актах даже не указано время составления акта»[21,л.2]. Не прошедшие проверку материалы вновь направлялись на места, с целью доработки. Судя по протоколам заседаний Курской областной комиссии, неоднократно менялся срок сдачи комиссией актов, касающихся расследования зверств и учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими оккупантами: «Курская областная Комиссия просит разрешения [Шверника Н.М.] материалы об ущербе

государственным кооперативными общественным предприятиям и организациям колхозов и совхозов Курской области представить не к 1 июля, как это указано в постановлении от 7 мая 1943 г., а к 1 августа 1943 г., так как представленный материал районами области полностью не отвечает требованиям инструкции ЧГК и не внесен весь причиненный ущерб…»[22, л.7].

Говоря о функционировании такого органа, как ЧГК, нельзя не обратить внимание на тот факт, что одной из ее задач являлась агитация и пропаганда как среди мирного населения, так и военнослужащих. Данную мысль подтверждает «Предписание облвоенкомата райвоенкоматам о необходимости сбора документов, характеризующих жестокое обращение немецких оккупантов с населением от 6 февраля 1942 г.» направленное начальником полиотдела ОВК батальонным комиссаром Цукановым. В частности в этом документе говорилось о том, что сбор актов, документов о зверствах врага имеет политическую важность «…с целью использования нашей возможности в области контрпропаганды и воспитания смертельной ненависти к врагу у личного состава РВК, военнообязанных и у населения нашей страны…»[23,с. 125].

Итогом работы ЧГК по Курской области стало составление реестров актов об ущербе и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, докладов об итогах ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и гражданам области. В течение нескольких лет: 1947, 1948, 1952, 1953 гг. в Курский областной государственный архив на хранение поступали документы, связанные с учетом ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками.

The article describes the history of the formation of the Kursk regional commission for ascertaining and investigating crimes of German-Fascist invaders and their accomplices. Particular attention is paid to the consequences of Nazi occupation in the Kursk region. The conclusion is made that the Kursk region is one of the most suffered regions during the War.
Keywords: *The Extraordinary State Commission, the Crimes of the German–Fascist Aggressors, Members of the Kursk Regional Commission, Agitation, Propaganda, Nuremberg process*

Список литературы

1. Кузьмин С.Т. Сроку давности не подлежит. М., 1985. С.166.
2. Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 г. / [Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками]: [в 2 т.]. Пг., 1916. — Т.1. С.1.
3. Раскин Д.И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917:в 4 т. СПб.,2004. Т 4.С. 176.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 79. Л. 9.
5. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — 1956) / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. — М., 1956.С. 96.
6. Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. - М., 1975.С. 26.
7. Сборник документов по установлению злодеяний на территории Северного Кавказа в период оккупации нацистской Германией / Сост. Н.А. Чугунцова, Е.Ю. Седой, М.А. Лаврентьева, И.В.Реброва – Краснодар, 2013. С.16.
8. Мулукаев Р.С. Преступления фашистских захватчиков на территории СССР и их правовая оценка. // Институты государства и права в их историческом развитии: Сборник научных статей к 60-летию Владимира Алексеевича Томсинова. – М., 2012.С. 218.
9. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы / под ред. П.А. Жилина. Изд-во: Воениздат, 1987. С. 156.
10. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов.Т.5 / под ред. В.В. Титова. М., 1991. С. 94.
11. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 9. Д.100. Л. 11-11об.
12. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп.1. Д.4. Л.4.
13. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп.1.Д.4. Л. 3
14. Гайдашев, А. В., Болотов, Н. А. Деятельность Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в период Великой Отечественной войны [Текст] / А.В. Гайдашев, Н.А. Болотов // Материалы всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки (Астрахань, 19 – 21 сентября 2012).В 2-х томах. Т.2. /под ред. проф. П.Л. Карабущенко. Астрахань: АГУ, 2012. С. 106.
15. Проскурин А.А. Восстановление и деятельность государственных и политических структур на освобожденной территории в годы Великой Отечественной войны: по материалам Курской области: Дис. канд. ист. наук. - Курск, 2012.С. 50.
16. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.: Сборник документов и материалов. В 2-х т.Т.1.Курск, 1960. С. 210.
17. ГАКО.Ф. Р-3605. Оп.1. Д.4. Л. 7-8.
18. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.: Сборник документов и материалов. В 2-х т.Т.1. Курск, 1960. С. 214.
19. ГАКО.Ф. Р-3605. Оп.1. Д.4. Л. 9-10.
20. Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. Т.

I/ под ред.К.П. Горшенина.М., 1954.С. 740.
21.ГАКО.Ф. Р- 3605. Оп. 1. Д.3. Л. 2.
22.ГАКО.Ф. Р- 3605. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
23.Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле. Ч. 2.Сборник документов. Курск, 2004. С. 125.

Об авторе

Бутенко Е.Н. – аспирант Курского государственного университета, *Aristogone@mail.ru*

УДК 94(47)081

КИЗЛЯР КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А.А. Газиева

Статья посвящена роли и месту Кизляра – как культурно-просветительскому центру Северного Кавказа в целом и Дагестана в частности. Анализируется вклад русской интеллигенции в культуру города и края в целом. Рассматривается взаимовлияние и синтез русской и горской культур. Формулируются основные принципы гармоничного и компактного добрососедства представителей различных этносов и конфессий.
Ключевые слова: *культура, Кизляр, интеллигенция, просвещение, школа, литераторы.*

Первая половина XIX века - это трагичный период в истории всего Северного Кавказа, так как он был связан с Кавказской войной.

Российская администрация понимала, что недостаточно развивать в регионе лишь экономические связи. Духовная, ментальная и культурная связь между Россией и Дагестаном в тот период играла более важную роль, хотя город Кизляр фактически в административном отношении не входил в состав Дагестана.

Распространяя российскую культуру в крае, представители царской администрации исходили из соображений, что «…недовольно было покорить эти необузданные племена силой оружия, надобно было ещё совершить более трудное дело, подчинить их русской власти, ввести у них начала гражданственности, приучить к жизни спокойной, мирной, к порядку и благоустройству».[1,с.52] Задача, стоявшая перед русским правительством, заключалась в том, чтобы приобщить горцев к российской культуре.

Благодаря просветительской деятельности русской интеллигенции в городе появились школы, училища и пансионаты.

Исследователь Д.С. Васильев отмечает, что«…в 1811 г. (14 января) в Кизляре впервые было открыто приходское училище, переименованное впоследствии в Кизлярское уездное училище». [2, с.103]В нем обучались дети разных национальностей, поэтому преподавание велось на нескольких языках. При училище функционировала библиотека, в которой были книги на русском, татарском, грузинском и арабском языках.

Армянская диаспора Кизляра в1817–1818годах способствовала открытию в городе учебного заведения, которое было призвано давать как светское, так и духовное образование. Эта школа связана с именем известного армянского просветителя Г. Хубова, который составил несколько учебных пособий для школы. Обучение в школе было платным. Плату за обучение использовали в качестве оплаты труда учителей, которых было в школе пятеро. Образовательная программа состояла из следующих дисциплин: основы религии, армянская и русская грамматика, риторика, арифметика, торговая бухгалтерия.

Школа просуществовала до 1828 года. За сравнительно недолгую работу все же это учебное заведение оставило след в развитии системы образования на Кизлярщине.

В 1820 г., по прошению попечителя Казанского учебного округа Магницкого М., в Кизляре было открыто училище для армянских детей, которое в течение длительного времени занимало лидирующие позиции среди образовательных учреждений Северного Кавказа.

Кроме государственных школ, были открыты и частные школы. По данным Н.П. Гриценко, в 1829 г. кандидатом Московского университета Арзановым был открыт частный мужской “благородный” пансион [3, с. 103]. В этом пансионе, открытом по ходатайству армянской диаспоры города, обучались дети представителей высшего сословия. Для города это было важным событием. Сам же Арзанов, как отмечает исследователь Н.Н. Гарунова, «…организовал широко разрекламированное открытие пансионата». [4, с. 238] Но пансион просуществовал сравнительно недолго, так как возникли проблемы с оплатой труда учителей. Все же стоить отметить, что благодаря деятельности состоятельных армян Кизляра в городе открывались разнообразные учебные заведения. Были также предприняты попытки организовать набор учащихся “турецких, персидских, татарских, армянских… детей для обучения в Астрахани” [5, Л. 5].

Благодаря тому, что светская российская культура с каждым годом становилась все более близкой и понятной для горцев, росла и потребность в различных образовательных заведениях.

Грамотность распространялась и среди казачьих детей. На протяжении первой половины XIX в. в каждом казачьем полку создавались полковые школы, в которых преподавали арифметику, грамматику, чистописание. В городе были школы и для детей военных, в них готовили работников канцелярий [6, Л. 36-37] и кадры для российской армии. Царская администрация на протяжении всего XIX века принимала законопроекты, которые регламентировали прием и работу подобных учебных заведений. Вгарнизоннойшколепреподавалиследующиепредметы:арифметику,геометрию,тригонометрию,грамоту(азбука,букварь,псалтырь,часослов,Новый завет) и музыку [7, л. 76]

Специальным указом императора был регламентирован порядок приема учеников в гарнизонные школы. Указ гласит, что «Всии школы отдавать и принимать солдатских и унтер-офицерских детей от того гарнизона, при котором школа учреждена и от Губернских штатных воинских команд и от живущих по городам и уездам отставных военнослужителей, имеющих детей, в бытность свою в службе рожденных, начиная с семилетнего возраста, а не имеющих никакого содержания с пяти лет» [8, с. 744]. При поступлении в такую школу, школьник находился на государственном обеспечении и получал: на кафтан сукна сермяжного – в 3 года 56 копеек, а на 2 года 37 копеек 1\ 8, 1\ 32; ко оному на кафтан, на обшлаг и воротник, на пуговицы – 3 года 11 копеек, на 2 года 7 копеек 1\ 8, 1\ 32; на шубу овчинную крытым серым полотном – в 3 года 76 копеек 3\ 4, на 2 года 51 копейка 1\16; за шитье кафтан и шубу, на шапку красную 17 копеек, на 2 года 11 копеек. Всего школьник получал в 3 года 1 рубль 62 1\ 2 коп. и на 2 года 1 рубль 8 3\ 4 коп [9, Л. 46-47].

Так как Кизляр был центром виноградарства и шелководства, в городе в 1807 году были открыты два профессиональных училища виноградарства и виноделия, шелководства. Во главе училища виноградарства в разное время стояли такие видные знатоки виноградарства, как барон Биберштейн (он же являлся организатором первого в России Кизлярского училища шелководства), ученый-ботаник Х.Х. Стивен, немец Барт и другие [2. с. 141] При училище имелся казенный сад и множество разных хозяйственных построек. Училище просуществовало недолго, до1866 года, но оставило след в развитии образовательной системы города, а также в развитии этой отрасли экономики края [10, Л.25].

Кроме светских образовательных учреждений, в городе были и духовные учебные заведения. При Кизлярском монастыре существовала особая школа, в которой обучались дети из числа аманатов (заложников), которые были выходцами из разных горских аулов. В Северо-Кавказском регионе это была первая школа для аманатов.

Дети состоятельных мусульман, жителей Кизляра, обучались в небольших школах–медресе при мечетях, которых к середине века в городе насчитывалось около пяти.

Во всех учебных заведениях, которые функционировали в Кизляре в исследуемый период, преподавание велось на нескольких языках. Подобная мера была необходима в связи с тем, что этнический состав населения города был очень разнообразным и пестрым. Многие школы, которые были открыты в городе в XIX веке, просуществовали сравнительно недолго, но сыграли огромную роль в деле складывания системы образования на Кизлярщине. Благодаря тому, что город был экономикообразующим в крае, в процесс образования вовлекались и приезжавшие в город горцы.

В Кизляре к середине XIX века уже существовала сеть светских и духовных школ. Царская администрация, понимая всю значимость и необходимость образования, всячески способствовала его распространению.

Кизляр со дня своего основания был призван стать и религиозным центром России на Кавказе. В городе в XIX веке функционировал Крестовоздвиженский женский монастырь. Он был основан «…в 1736 году архимадритом Даниилом как мужской монастырь»[11].Целью создания монастыря было распространение православия на Северо-Восточном Кавказе, а Кизляр был «передним краем распространения православия на Кавказе [11].До 1908 года монастырь функционировал как мужской, а с «…1908 года последовал указ Святейшего Синода о преобразовании монастыря в женский» [11]. Период упадка монастыря связан с походом Гази-Магомеда на Кизляр в июне 1831 года, а также с тем, что земли монастыря были розданы казакам. Монастырь вновь возродился лишь в 80-е годы XIX века.

Так как город Кизляр находился на одном из оживленных торговых путей, множество торговцев и путешественников побывали в нем, так как попасть в Российскую империю из стран востока и Европы, минуя Кизляр, было невозможно.

Во второй половине 1847 года в городе побывал русский хирург Н.И. Пирогов, который привез с собою 30 аппаратов, подающих наркоз. Так как в городе существовал один из крупнейших госпиталей южного региона, кизлярскому «…военному госпиталю он подарил наркозный аппарат» [12].

Кизляр сыграл важную роль во взаимовлиянии и взаимопроникновении двух, совершенно различных культур: горской и российской. Огромный вклад внёс Кавказ в творческое становление многих российских литераторов.

В исследуемый период на Кавказе отбывали ссылку декабристы. Особого внимания из декабристов, сосланных на Кавказ, заслуживает Павел Александрович Катенин, который не просто побывал в Кизляре, а состоял комендантом кизлярской крепости в 1837 - 1838 гг.[13, Л. 1.]. Он был поэтом и драматургом, которому удалось не только увидеть, но и показать «другой» Кавказ. Катенин, находясь в Кизляре, создал своё самое зрелое произведение - кантату «Сафо».[14, с.129]

Невозможно, говоря о Кизляре, не вспомнить имени великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Поэт, по его собственному выражению: «…изъездил линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани».[15] Из этого

следует, что в городе он побывал неоднократно. М.Ю. Лермонтов жил у своей бабушки Е.А. Хастатовой в Шелкозаводском поместье, близ Кизляра, воспоминания о котором легли в основу его произведения «Герой нашего времени». Окрестностям Кизлярщины посвящена целая глава этого романа - «Фаталист». Сам Кизляр, как торгово-экономический центр, упоминается Лермонтовым в повести «Белла» лишь однажды, когда он описывал кизлярский базар. Через всё произведение красной нитью проходит любовь к Кавказу. Для Лермонтова эта земля стала родной. Никто, кроме М.Ю. Лермонтова, так красиво не описал и не воспел Терек. Он говорит о Тереке и станицах гребенских и терских казаков с большой любовью. Гений М.Ю. Лермонтова оформился на Кавказе, эти места стали для него родными и оставили в его творчестве заметный след.

Побывали в Кизляре в тот знаменательный период нашей истории не только русские, но и европейские литераторы. Александр Дюма (отец) «…с июня 1858 г. по февраль 1859 г. путешествовал по России и последние три месяца провёл на Кавказе».[16]

Для А. Дюма путешествие по Кавказу также не осталось бесследным. Есть что-то особенное, завораживающее в природе Кавказа, что пробуждает или усиливает творческие порывы. Произошло это и с Дюма. В апреле 1859 года в Париже вышли в свет три тома впечатлений романиста под названием «Кавказ». Первая глава романа «Кавказ» посвящена Кизляру. До Кизляра А. Дюма с переводчиком А. Калино и художником Ж.-П. Муане добирались из Астрахани пять дней. Писатель оставил очень теплые воспоминания о Кизляре: “Мы вступили на улицы города. Ничего нет живописнее этих улиц с деревьями, высаженными без симметрии, с их болотами, где крякают гуси и утки, и где верблюды запасаются водой на дорогу… Художник обнаружит в Кизляре много очаровательного и живописного”.[17, с. 36]

В 1851-1853 годах в станице Старогладовская проживал Л.Н. Толстой. Писатель побывал в сёлах Большая Арешевка, Серебряковка, в которых встречался с крестьянами. В окрестностях Кизляра Л.Н. Толстой впервые увидел море и однажды даже «…ездил на татарском судне» [18, с. 68]. Каспийское море произвело на него огромное впечатление. Л.Н. Толстой, проведя в городе и его окрестностях длительный период времени, оставил ценнейшие сведения о казаках. Очень ярко и образно Толстой описал гребенских казаков, дав им характеристику, как смелому племени, породнившемуся с местным населением, но которое «…удержало и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру» [19, с. 160]. Лев Николаевич отмечал, что «…женщина в казацком быту имеет огромное влияние» [20, с. 155]. Женщина-казачка очень трудолюбива, и ведение всего домашнего хозяйства лежит на ней, так как казак постоянно в походах. Большое внимание при описании быта казаков писатель уделяет именно женщине. Период пребывания Льва Николаевича на Кизлярщине стал для него одним из наиболее насыщенных событиями и впечатлениями периодов его жизни. Природа края, море, общение с простыми рыбаками и крестьянами – всё это вызывало в нём бурю эмоций и отразилось в его творчестве. Толстой Л.Н. говорил о своем пребывании на Кавказе следующее: «Никогда я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в те два года. Все, что я открыл тогда, навсегда останется моим убеждением». [21]Все, что его окружало, шло ему во благо, все вызывало в нем творческие порывы. Толстой всю жизнь помнил Дагестан «и даже приютил дагестанского мальчика – лезгина, выучил, воспитал и вырастил его».[11]

Писатели, поэты, полюбившие Кавказ, сделали намного больше для пропаганды русской культуры и сближения народов, чем многие военные или политические деятели. Кизляр оказывал влияние на развитие светской российской культуры во всем Дагестане. Кавказ сделал для русской интеллигенции достаточно много. По мнению исследователя Попова А.В., «Кавказ сделался для русских заветною страною не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страною кипучей жизни и смелых мечтаний» [22, с. 6].

Значение Кизляра в культурном развитии края в первой половине XIX века очень велико. Несмотря на боевые действия в ходе Кавказской войны в городе мирно сосуществовали представители разных этносов, конфессий. Кизляр стал площадкой переговоров воюющих сторон, городом, где стирались различия и противоречия. Как верно отмечает профессор А.И.Омаров: «…в истории меньше крови, а больше дружбы, потому что, если было бы наоборот, история давно бы уже окончилась» [23, с. 207]. В истории нашей страны подобным примером может служить Дагестан в целом и Кизляр в частности.

Диалог культу, синтез и их взаимовлияние – это всегда основа дружеских и добрососедских отношений. История Кизляра - это пример подобных взаимоотношений. Обществу необходимо усвоить для себя то, что «войны памяти» себя исчерпали. Это несомненно. Сегодня перед обществом стоит задача «…искать в первую очередь то, что в ходе контактов обогащало народы, сближало их, поднимало, а не то, что разъединяло и ссорило» [24, с. 200-201]. Эта аксиома останется актуальной на ближайшие десятилетия.

Article is devoted to a role and a place of Kizlyar – as cultural educationally to the center of the North Caucasus in general and Dagestan in particular. The contribution of Russian intelligentsia to culture of the city and edge in general is analyzed. Interference and synthesis of the Russian and mountain cultures is considered. The basic principles of harmonious and compact neighborliness of representatives of various ethnoses and faiths are formulated.
Keywords: *culture , Kizlyar , intellectuals , education , school, writers .*

Список литературы

1. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Махачкала: 1999. 357 с.
2. Д.С. Васильев. Очерки низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала: 1986.248 с.

3. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V- серединыXX века. Ростов-на-Дону: 1984. 158 с.
4. Гарунова Н.Н. Административная и культурная роль городов-крепостей в политике России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII-первой половине XIX века. Махачкала: 2008. 303 с.
5. Центральный государственный архив республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 1 Д. 287.
6. Центральный государственный архив республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 1. Д. 539.
7. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан Ф. 379. Оп. 1. Д.1207.
8. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. Т. 24.1830 . 869 с.
9. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан Ф. 379. Оп. 1. Д. 645.
10. Центральный государственный архив республики Дагестан. Ф. 359. Оп. 1. Д.1.
11. [Электронный ресурс]: URL: http://comolcossack.Opr.ru/viewtopic.php?iq=1490 (дата обращения: 01.12.2015 г.)
12. Прокопенко Л.И. Знаменитые имена Дагестана. // Народы Дагестана.Республиканский общественно-политический журнал. [Электронный ресурс]: URL: http://www.narodidagestana.ru/vipusk/3/stat/znamenitie_imena_dagestana/ (дата обращения: 01.01.2016 г.)
13. Центральный государственный архив республики Дагестан.Ф. 379. Оп. 1. Д. 1.
14. Попов А. Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь:1963.168 с.
15. Серебряков. Л. «Михаил Лермонтов в Кизляре бывал и не раз» [Электронный ресурс]: URL:http://mo-kizlyar.ru/kizlyarskaya-pravda/1067-lev-serebryakov-mikhail-lermontov-v-kizlyare-byval-ne-raz. (дата обращения: 07.01.2016 г.)
16. Дейнега А. Кизляр – второй после Тифлиса. [Электронный ресурс]: URL: http://dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/329/ (дата обращения: 10.01.2016 г.)
17. Дюма А. Кавказ.Тбилиси.: 1988. 647 с.
18. Русские писатели в нашем крае. Грозный: 1958. 131 с.
19. Толстой Л.Н. Казаки. Соб. соч. Т. III. М.: 1951. 365 с.
20. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 90. Произведения, дневники, письма. 1835-1910. М.: 1958. 472 с.
21. Толстой Л. Н. Избранные письма 1842-1881 годы. КРОКУС
библиотека классической и современной прозы. [Электронный ресурс]: URL: http://croquis.ru/532.html (дата обращения: 13.01.2016 г.)
22. Омаров А.И. «Горский мир» и «Империя»: размышления историка. // Материалы Вторых Всероссийских (с международным участием) историко-этнографических чтений, посвященных памяти профессора Магомедова Р.М. Махачкала: 2014. С. 207-210.
23. Попов А.В. А.С. Пушкин – первооткрыватель Кавказа в литературе.//Русские писатели в нашем крае.– Грозный, 1958. С. 6-22.
24. Великая Е.В. Интеграция Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи в первой половине XIX в. Дисс. … канд. ист. Наук.– Армавир, 2014. 237 с.

Об авторе

Газиева А.А. – аспирант кафедры истории России с древнейших времён до конца XIX века Дагестанского государственного университета, *gazieva.abidat@mail.ru*

УДК 329.01

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РЕГИОНЕ: БРЯНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА ВТОРОГО СОЗЫВА

В.Г. Горбачев

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием и деятельностью Брянской областной Думы второго созыва в контексте современной многопартийности в регионе.
***Ключевые слова**: Брянская область, Брянская областная Дума, выборы, многопартийность, парламентаризм.*

Выборы в Брянскую областную Думу ***второго созыва*** были назначены на *8 декабря 1996 года*. На 50 депутатских мандатов претендовали на этот раз 182 кандидата. Почти половина из них была выдвинута инициативными группами граждан и путем самовыдвижения, около 20 процентов – объединением «Патриотическая Брянщина», около 8 процентов - от ЛДПР. Примерно 11 процентов составили так называемые «самовыдвиженцы», и около 5 процентов – от профсоюзов и независимые кандидаты [1, с.1-2]**.** На этот же день - 8 декабря - были назначены и выборы в Городское собрание г. Брянска. Здесь на 32 мандата претендовали 85 кандидатов в депутаты [2, с.3-4].

Во время избирательной кампании кандидаты в депутаты затрагивали различные проблемы, касающиеся развития Брянской области. Речь шла, в частности, о путях социально-экономической стабилизации, о разграничении полномочий между областью и федеральным Центром, о поддержке малого предпринимательства, о

развитии местного самоуправления, о взаимоотношениях между ветвями государственной власти в регионе, об экологических проблемах (уничтожение химического оружия и иное).

Следует, однако, указать на слабость межпартийных дискуссий во время этой кампании. В ведущих областных газетах того времени («Брянские известия», «Брянский рабочий», «Брянское время») недостаточно отражались взгляды, позиции и подходы кандидатов в депутаты Думы. На наш взгляд, это было связано с тем, что в центре внимания тогда оказалась все же тема выборов главы областной администрации. Местные средства массовой информации делали акцент на противостоянии двух ведущих кандидатов – А.М. Семернева и Ю.Е.Лодкина. На наш взгляд, именно это противостояние и являлось осью всех избирательных кампаний осени 1996 года. Данное обстоятельство снижало интерес избирателей к выборам депутатов областной Думы, к проблемам дальнейшего развития и представительной власти в регионе.

В состав областного парламента было избрано 48 депутатов из 50 (в двух округах г. Клинцы выборы не состоялись из-за отсутствия альтернативных кандидатов. – *В.Г.*). В последующем имели место довыборы в Думу, и в1997-98 гг. в ее состав доизбирались другие депутаты (С.Г.Ковалев, М.И. Ченин и др.).

Подавляющее большинство нового депутатского корпуса составили выдвиженцы от «Патриотической Брянщины» - всего более 40 депутатов [3, с.2]. Анализ состава избранного депутатского корпуса показывает, во-первых, что его ядро составил актив «Патриотической Брянщины» (С.Н. Понасов, П.П. Рогонов, А.В. Шульга, В.А. Кравченко и др.). Во-вторых, очень большую часть этого корпуса (11 депутатов) составили руководители сельхозпредприятий области и работники бюджетных отраслей – образование, медицина (12 депутатов). В состав Думы были избраны лишь 1 юрист, 1 журналист, 1 преподаватель вуза, и это в последующем давало повод для критики областного парламента.

В состав депутатского корпуса вошли известные активисты от КПРФ (П.П. Рогонов, М.А. Подобедов, В.А.Кравченко и другие). Были избраны также Н.В. Денин, А.П. Бугаев, В.А. Татаринов, которые в последующем не раз проявляли свою оппозиционность по отношению к большинству депутатского корпуса от «Патриотической Брянщины», активно участвовали в работе профильных комитетов и на заседаниях Думы [4, с.1].

Первое заседание вновь избранной Думы состоялось 20 декабря 1996 года. Председателем Думы стал *С.Н. Понасов*, его заместителями – А.В.Шульга и В.С.Демина. Причем, избрание председателя носило альтернативный характер: в списке для тайного голосования были внесены все названные три депутата. Был изменен Регламент областной Думы: если ранее в состав депутатского объединения должно было входить не менее 6 депутатов, то теперь – не менее 12.

Были образованы 6 постоянных комитетов:

по законодательству и правовому регулированию (председатель - И.В.Зубов, заместитель – А.Е. Игнатенков);

по вопросам социальной политики, материнства и детства (председатель - О.В.Денисова, заместитель – В.А. Татаринов);

по бюджету, налогам и экономической реформе (председатель - М.А. Подобедов, заместитель – Н.В. Денин);

по аграрным вопросам и природопользованию (председатель - Д.К. Ковалев, заместитель – Е.С.Михеева);

по промышленности, строительству, транспорту, связи и сфере обслуживания (председатель - Н.П.Исаев, заместитель – В.В. Зенченко);

по вопросам Чернобыля, экологии и чрезвычайным ситуациям (председатель - Н.М.Белоус, заместитель – А.И.Митрошин).

30 января 1997 года на очередном заседании Думы был утвержден новый штат ее аппарата в составе 75 сотрудников (из них 17 – в составе Контрольно-счетной палаты, которая являлась одним из подразделений Думы). Была создана постоянная комиссия по связям со СМИ и общественными объединениями (ее возглавил депутат П.П. Рогонов). На этом же заседании была апробирована электронная система голосования. В начале 1998 года был создан новый постоянный комитет - по образованию, науке, связям с общественными организациями и СМИ, председателем которого стал П.П. Рогонов. В конце марта 1999 года кандидатура Рогонова была согласована Думой на должность заместителя главы областной администрации Ю.Е.Лодкина, а вместо него комитет возглавил В.А.Кравченко. В последующем - в декабре 1999 года - П.П. Рогонов и А.В.Шульга были избраны депутатами Госдумы РФ.

По инициативе части депутатов (всего – 12 человек) на очередной сессии 29 апреля 1998 года было заявлено о создании депутатской группы (фракции) *«Социальная»*. Ее существование стало вызывать негативную реакцию со стороны депутатского большинства и руководства, ибо воспринималось как раскол в Думе. Инициаторы создания группы (*О.В.Денисова, А.П.Бугаев, В.А.Татаринов* и др.) подчеркивали, однако, что в их действиях нет замысла оппозиционности, а есть лишь намерение более обстоятельно заниматься актуальной социальной проблематикой в регионе [5, с.1].

В знак протеста против давления на это депутатское объединение со стороны руководителей Думы один из активистов данной группы – О.В.Денисова, председатель социального комитета – с 7 по 10 июня 1999 год на площади Ленина в Брянске проводила публичную голодовку, прекратив ее по состоянию здоровья. Данная акция была отмечена местными СМИ, но не получила публичной реакции со стороны местных властей [6, с.5; 7, с.1-2]. 8 июля того года на заседании данного комитета Денисова была освобождена от своей должности, а возглавил его депутат А.С.Токарев [8, с.1].

События вокруг социального комитета образовали одну из главных внутренних конфликтных линий (узлы противоречий) в Думе второго созыва и вокруг нее, обозначили расколы в региональной политической элите, стали в конце 90-х годов и в последующее время одним из источников формирования новых политических партий и иных объединений в регионе. Следует также заметить, что осенью 1999 года ряд активистов фракции «Социальная» (А.Б.Бугаев, О.В.Денисова, Н.В. Денин, Н.М. Пожиленков) выдвигались кандидатами в депутаты Государственной Думы РФ по одномандатным округам.

В целом же, внутренние противоречия в депутатском корпусе проявляли себя нечасто. Судя по всему, эти противоречия сдерживались сильным влиянием областной администрации, ее главы Ю.Е.Лодкина. Сказывалось и то, что в середине и во второй половине 90-х годов «Патриотическая Брянщина», как политическое объединение, находилось на подъеме. Оно отличалось высоким уровнем организованности и влияния, и это сдерживало развитие противоречий в ее среде и подконтрольному ей депутатскому корпусу в Думе и в иных органах власти. Некоторые из местных аналитиков полагали, что именно внешний, административный фактор (в лице структур исполнительной власти) играл едва ли не определяющую роль в деятельности областной Думы второго созыва, порождал очень сильную зависимость от областной администрации и ее руководителя – Ю.Е.Лодкина, сдерживал процесс реального разделения ветвей власти в регионе [9]. Как результат, это понижало потенциал оппозиционности в Думе. По замечанию одного из местных журналистов, думская оппозиция все время искала «точки опоры», но никак не становилась на ноги, все время переходя под «новые знамена» [10, с.1].

Имела место еще одна конфликтная линия: взаимоотношения областной Думы и *Представительства Президента РФ* в Брянской области. Внешне это воспринималось как противостояние якобы «демократического» Представительства и консервативной «коммунистической» Думы, хотя на самом-то деле за этим скрывалось, скорее всего, соперничество определенных группировок региональной политической элиты и ее отдельных лиц.

В апреле 1997 года пресс-служба Представительства опубликовала большой материал, в котором давалась очень критическая оценка работы областной Думы за прошедшие четыре года ее существования [11, с.1-2]. Отмечалось, что Дума является фактически однопартийным органом, результаты законотворческой деятельности депутатов («думцев») якобы имеют очень низкую эффективность («просто ничтожны»), действия парламента несамостоятельны и синхронизированы с главой администрации области Ю.Е.Лодкиным. Полагалось, что не за горами кризис в системе власти Брянской области.

В ответном материале пресс-службы областной Думы содержалась критика Представительства Президента за его отстраненность от острых проблем региона, недостаточную компетентность в своих оценках и выводах, желание разрушить политическую стабильность в Брянской области [12, с.1]. С развернутым критическим материалом в адрес Представительства выступила также и пресс-служба областной администрации [13, с.1].

Определенные напряжения возникали и в плоскости отношений Думы и некоторых областных средств массовой информации. В сентябре 1997 года областная Дума сочла целесообразным начать с января 1998 года заключать 4-х сторонние договора о соучредительстве по отношению к районным газетам (областная Дума, областная администрация, районная администрация, редакция газеты). Руководители области (Ю.Е.Лодкин и др.) публично заявляли, что данный механизм якобы выводит районные газеты из-под опеки районных властей. Напротив, журналисты из оппозиционных СМИ считали, что этот механизм являет собой «увеличение числа поводков» для районных газет, ограничитель свободы творчества журналистов. В последующие годы неоднократно возникали конфликтные ситуации вокруг СМИ Брянской области, в которые (ситуации) была и вовлечена и областная Дума как один из соучредителей районных газет. Один из самых заметных конфликтов такого рода был связан с почепской районной газетой «Сельская новь» (редактор – *П.Г. Обыночный*), которая в начале 1998 года была лишена бюджетного финансирования. Руководство газеты было вынуждено даже обращаться за поддержкой в Палату по информационным спорам при Президенте РФ. Весной 1999 года возник конфликт вокруг новозыбковской объединенной газеты «Маяк», главного редактора которого – депутата областной Думы *Н.М. Пожиленкова* – руководство Новозыбкова попыталось отстранить от своей должности [14, с.1-2].

Нередко проявляла себя еще одна, специфическая конфликтная линия. Она была связана с публичными отношениями между депутатом Госдумы РФ *О.А. Шенкаревым* и руководством областного комитета КПРФ (С.Н. Понасов, А.В.Шульга). В этих отношениях проявилась ситуация раскола внутри Компартии, возникшая в 90-е годы и проявившая себя в последующие годы.

Заметим также, что работа Брянской областной Думы совершенно по-разному освещалась и оценивалась двумя ведущими на то время в регионе газетами – *«Брянским рабочим»* и *«Брянскими известиями»*. Если первая газета демонстрировала лояльное отношение к Думе (как и к областной администрации тоже), то вторая занимала критическую позицию. По сути дела, данные издания выражали водораздел настроений и мнений в общества, связанный с деятельностью областного парламента.

8-го декабря 1996 года было избрано также и *Городское собрание* г. Брянска, в состав которого вошли 29 депутатов (в трех округах выборы не состоялись из-за отсутствия альтернативных кандидатов). На своем первом же заседании 24 декабря депутаты изменили название данного представительного органа, назвав его Брянским городским Советом народных депутатов. Совет возглавил выдвиженец КПРФ *А.Д. Блакитный*, а большинство в нем (журналисты окрестили этот Совет «патриотическим». – *В.Г.*), за редким исключением, тоже оказалось у

«Патриотической Брянщины» (см. «Брянские известия». 1996. 27 дек. С.1). Временно исполняющим обязанности Главы городской администрации был утвержден *Н.К. Сарвиро* (до этого данную должность занимал В.А. Дакше). Вскоре был принят и Устав г.Брянска (первый среди городов нашей области), ставший, впрочем, предметом острой критики и даже судебных споров [15, с.1-3].

Позже –8 июня 1997 года – Н.К.Сарвиро был избран на данную должность в результате альтернативных всеобщих выборов из 4-х кандидатов (В.А. Дакше, Г.В. Лемешов, Н.И. Трофимов). В этот же день состоялись и выборы глав муниципальных образований Брянской области, в итоге чего все эти должности возглавили кандидаты от «Патриотической Брянщины». В связи с этим местные журналисты заметили, что отныне вся Брянская область «сдана под ключ коммунистам», и теперь политику в регионе якобы будет диктовать исключительно обком КПРФ [16, с.1-2].

В августе полномочным представителем Президента РФ по Брянской области был назначен *В.И.Гайдуков.* Тем самым все уровни государственной и муниципальной власти в регионе были окончательно сформированы. В последующем В.И.Гайдуков неоднократно избирался председателем Брянской областной Думы (четвертый и пятый ее созывы).

В целом, областная Дума второго созыва за период своей работы приняла 246 законов и 1.329 постановлений. Среди законов можно выделить такие, как «Об административно-территориальном устройстве Брянской области», «О государственной службе в Брянской области», «Об охране труда в Брянской области», «О статусе депутата Брянской областной Думы», «О физической культуре и спорте в Брянской области», «Об образовании», «О научной деятельности и региональной научно-технической политике в Брянской области», «О промышленной политике в Брянской области», «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Брянской области», «О местном референдуме», «О выборах в представительные органы местного самоуправления Брянской области», «О занятости населения в Брянской области», «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания в Брянской области», «О правах профессиональных союзов и гарантиях их деятельности в Брянской области», «О культурной деятельности на территории Брянской области», «О защите населения и территории Брянской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», «О бюджете развития Брянской области» (всего – около 80 базовых законов).

Большое внимание депутатами уделялось антикризисным мерам в сфере региональной экономики, осуществлению крупной программы газификации Брянской области, решению иных проблем социальной политики. Было рассмотрено и утверждено более 20 областных целевых программ. В практику работы Думы вошли разного рода обращения в адрес высших органов федеральной власти (Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ).

В ноябре 1998 года областная Дума приняла закон «О символах Брянской области». После этого все заседания областного парламента стали начинаться не только с гимна России, но и с исполнения гимна Брянщины – им стала мелодия известной песни «Шумел сурово Брянский лес».

Следует заметить, что областная Дума второго созыва (1996-2000 гг.) работала в очень напряженном социально-экономическом контексте. Постоянно напоминал о себе комплекс проблем, связанных с радиоактивным заражением юго-западных районов Брянщины. Эта проблематика постоянно была в центре внимания действий областной власти, перманентно порождая внимание к себе (особенно во время избирательных кампаний. – *В.Г.*). Наряду с этим, летом 1998 года в нашей стране произошел экономический дефолт, повлекший резкое падение уровня жизни населения. В эти годы в регионе в отдельные периоды имели место многомесячные задержки заработной платы (особенно в бюджетных отраслях), пенсий и социальных пособий, происходили частые забастовки на крупных промышленных предприятиях, в учреждениях образования, спад производства и рост безработицы, скачки цен на товары и услуги. Как результат, очень часто возникали акции *социального протеста*.

Так, в 1996-98 гг. регулярно происходили забастовки работников образования области, в которых одновременно участвовали десятки учреждений. 24 сентября 1998 года очередная сессия Думы проходила в здании областной администрации, напротив которого на площади Ленина в это же время собрался массовый пикет работников завода «Брянский Арсенал» в количестве нескольких сотен человек. 7 октября того же года в рамках всероссийской акции профсоюзов на митингах и демонстрациях в Брянске приняли участие около 18 тысяч человек. Значительное напряжение в регионе создавала и «почепская проблема» - ликвидация крупных запасов химического оружия на военной базе вблизи Почепа.

Брянская областная Дума второго созыва действовала в плоскости наиболее актуальной проблемы своего времени – стабилизации социально-экономического положения в регионе, внося свой вклад в ее решение. Ее деятельность можно и нужно сравнивать со своей предшественницей – областным парламентом первого созыва [17, с.133-136]. Нередко областная Дума публично выражала свою позицию по тем или иным актуальным проблемам страны и региона. Социально-экономическое положение региона накладывало отпечаток на работу областного парламента второго созыва, определяло содержание повесток дня и принимаемых депутатами решений.

This article reveals the issues connected with the formation and work of the second Bryansk regional Duma in the context of modern multiplicity of parties in the region.
Keywords*: Bryansk region, Bryansk regional Duma, elections, multyplicity of parties, Parliamentary system.*

Список литературы

1. Горбачев В. Сможет ли Дума думать? / В.Горбачев // Брянская неделя. 1996. 29 нояб.
2. Сведения о зарегистрированных кандидатах г.Брянска // Брянские известия. 1996. 6 дек.
3. Результаты голосования по выборам депутатов Брянской областной Думы // Брянские известия. 1996. 19 дек.
4. Федюнин И. Первое заседание областной Думы второго созыва /И.Федюнин // Брянские известия. 1996. 24 дек.
5. Каченовский Б. Цели – социальные, побуждения – протестные /Б.Каченовский // Брянские известия. 1998. 16 мая.
6. Максимяк В. Голодовка – глас вопиющего в коммунистической пустыне /В.Максимяк // Брянское время. 1999. 16-22 июня.
7. Константинов М. Площадное голодание: я себя под Лениным чищу /М.Константинов // Брянский рабочий. 1999. 8 июня.
8. Чалиян Е. Под диктовку Компартии /Е. Чалиян // Брянские известия. 1999. 15 июля.
9. Кострыкин А. Лодкинский режим: попутчики и соучастники /А. Кострыкин // Брянский перекресток. 2000. 25 окт. С.1;6; *там же*: 2000. 1 нояб.; *там же:* 2000. 9 нояб.; *там же:* 2000. 15 нояб.
10. Захарова Е. Ждали-ждали… Не дождались! // Е.Захарова // Брянские известия. 2000. 28 дек.
11. «Левый марш» … на месте // Брянские известия. 1997. 15 апр.
12. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны…» // Брянские известия. 1997. 19 апр.
13. Не в ногу с жизнью // Брянский рабочий». 1997. 18 апр.
14. Пожиленков Н. Импичмент депутату-редактору /Н. Пожиленков // Брянские известия. 1999. 21 мая.
15. Устав города Брянска // Брянский рабочий. 1997. 11 февр.
16. Федюнин И. Выбрали. А как жить будем? / И.Федюнин // Брянские известия. 1997. 24 июня.
17. Горбачев В.Г. Многопартийность и парламентаризм в регионе: Брянская областная Дума *первого* созыва // Вестник Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского. 2015. № 2.

Об авторе

Горбачев В.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *vladi.gor@yandex.ru*

УДК 94(470.67)

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XV – XVI ВВ.: ОХЛАЖДЕНИЕ И РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ, И ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Ю.М. Гусейнов

Статья посвящена одному из интереснейших периодов истории Крымского ханства – XV-XVI вв., так как этот период ознаменовался охлаждением отношений с Россией, а также налаживанием взаимоотношений с Польско-Литовским княжеством. Не без внимания автора остается период правления Мехмед-Гирея I, правившим в Крыму в 1515 – 1553 гг., который в отличие от своего отца, не стал послушным орудием Порты, а иногда выступал на стороне России, не забывая при этом выступать и против России.

Ключевые слова: *Крымское ханство, Менгли-Гирей,Сигизмунд, Януса. Сахиб-Гиреем, Гази-Гирей, Порты, Турция, Иран*

Крымский регион, обладающий важнейшими геополитическими свойствами, испокон веков привлекает внимание многих представителей различных стран и народов, особенно генетически связанных с Россией, Турцией и Ираном, Польско-Литовским государством.

В этой связи, будет интересно рассмотреть ранний период становления Крымского ханства в свете ее международного положения XV-XVI вв., в том числе в свете влияния на Московское государство.

Осень 1505 г. выдалась для России и для его союзника Менгли-Гирея довольно мрачной, промозглой, зябкой. 26 октября скончался царь Иван III, а спустя 9 лет – в 1514 г. и Менгли-Гирей. Эти годы истекли без синхронно действующего тандема Иван Васильевич – Менгли-Гирей, ознаменовались охлаждением, а затем и разрывом русско-крымских отношений и параллельным развитием крымско-польских-литовских отношений.

И это, несмотря на то, как указывают авторы сборника по Крыму: «Связи крымских ханов установились еще до подчинения Крыма османами. Вплоть до падения Большой Орды – главного соперника Крыма – Менгли-Гирей поддерживал с Русью дружеские отношения. В основе русско-крымского союза лежали общие интересы борьбы с Ордой и ее союзником – Великим Княжеством Литовским. После разгрома в 1502 Орды союз быстро сходит на нет»[6, С.22].

Из современных исследователей необходимые сведения по этим вопросам приводит и А.Р. Андреев. «Постоянные набеги крымских татар на Московское государство» – отмечает он, – начались после 1507 года, после

смерти московского великого князя Ивана III Васильевича, когда татары совершили набег на русские города Белев и Козельск. После разгрома Большой Орды, основного противника Крымского ханства в Северном Причерноморье, русско-крымский союз распался. Основной деятельностью крымских ханов стали набеги и походы на литовско-польские и украинско-русские земли для их грабежа, сбора дани и захвата пленников для продажи и получения выкупа» [1, С.142].

Для более полного представления о сложившейся ситуации, на наш взгляд, уместно привести и мнение известного русского историка XIX в.С.М. Соловьева, который касательно тактики крымских ханов выделяет следующее: крымским ханам «выгоднее было брать подарки с обоих государств, Московского и Литовского, обещать свою помощь тому, кто больше даст, обещать, а, на самом деле, взяв деньги с обоих, опустошать владения обоих, пользуясь их взаимною враждою. С этих пор сношения обоих государств, и Московского и Литовского, с крымцами принимают характер задаривания разбойников, которые не сдерживаются никаким договором, никакими клятвами» [1, С. 143].

Факты свидетельствуют, что под влиянием сложившихся обстоятельств и сам Менгли-Гирей проявлял колебания, особенно после кончины Ивана III. Сказанное подтверждается тем, что антироссийские договоры Польши, Литвы и Крымского ханства подписывались в 1507, 1513, 1516, 1520 годах. Мало того, по соглашению 1507 года крымского хана Менгли-Гирея и короля польского и великого князя литовского Сигизмунда, Менгли-Гирей сообщал ему, что «готов быти приятелю короля приятелем, а неприятелю неприятелем и вместе с людьми его милости короля польского и великого князя литовского Сигизмунда своими людьми и детьми всести на конь против всякого неприятеля, и подмогой быти на того неприятеля московского».

В целом же Менгли-Гирей остался более пророссийским, чем польско-литовским поклонником, чего нельзя сказать о его сыне Мехмед-Гирее I, правившим в Крыму в 1515 – 1553 гг. В отличие от своего отца, он не стал послушным орудием Порты, а иногда выступал на стороне России, не забывая при этом выступать и против России. «Внимание Мехмед-Гирея, который уже в последние годы жизни отца фактически руководил внешнеполитическими, а отчасти и внутренними делами ханства, – подчеркивает В.Е. Возгрин, было обращено в противоположную от Стамбула сторону. Во-первых, он должен был время от времени совершать набеги на польские земли, хотя бы для того, чтобы напоминать о необходимости выплаты дани, составляющей немалую сумму – 15000 золотых в год.

Во-вторых, его внимание было приковано к ордам, широко раскинувшим свои кочевья по обоим берегам нижнего течения Волги. Отсюда в начале правления Мехмед-Гирея все чаще отправляются летучие отряды степняков, нарушающих границы Крымского ханства, угоняющие отары овец, а нередко и табуны лошадей в заволжские степи. Это были кочевники Ногайской Орды и Хаджи-Тархана» [2, С.567].

Однако, до такого союза было далеко; обстановка в ханстве продолжала обостряться, создавая повод для вмешательства в московские дела. Бежавший из Москвы в Литву в 1534 г. князь С.Ф. Бельский с литовской помощью попытался создать на российской земле Рязанское княжество, организовывал совместный поход польско-литовских и крымских войск на Москву. Перебравшись из Литвы в Крым, в 1536 г. он участвовал в набеге крымских отрядов на подвластные Москве территории. Отголоски этих событий дошли и до далекого Дагестана. Как свидетельствуют подлинные факты, в 1639 г. в Кумыки скрывался Ислам-Гирей, соперник Сахиб-Гирея в борьбе за престол[8, С.402].

В таких условиях, антироссийская позиция Бельского не оставалась без внимания Порты. В 1537 году Бельский получил грамоту от турецкого султана, в которой ему предлагалось оказывать содействие не только крымскому хану Сахиб-Гирею[7, С.1], но и польскому королю Сигизмунду. Таким образом, круг противников России продолжал расширяться, обрастая новыми лицами. В результате, при участии С.Ф. Бельского между Польско-Литовским государством и Крымским ханством был подписан союзный договор, направленный против России.

Тем не менее, крымские ханы продолжали играть на два фронта, выступая иногда в роли двуликого Януса. Подтверждением тому – шерстная грамота, посланная тогда же Сахиб-Гиреем царю Ивану Васильевичу: «о бытии ему с государем в дружбе и согласии»[1,С. 145]. Аналогичным образом поступали и другие крымские деятели, в частности, Гази-Гирей, приславший шерстную грамоту «о вѣчномъ мире и взаимныхъ отъ этого выгодахъ», вплоть до предложенного им «отторжения Крыма отъ Турции»[3, С.205].

Дело дошло до того, что из-за непрекращающихся усобиц между Сахиб-Гиреем и Ислам-Гиреем крымское ханство было разделено между ними. В ходе усобиц Ислам-Гирей был убит и Сахиб-Гирей остался единственным ханом. Но в 1551 г. Сахиб-Гирей также был убит племянником Девлет-Гиреем[4, С.206], бывшим при Саадет-Гирее официальным наследником хана. Сахиб-Гирей после тюремного заключения отправил его в Стамбул, откуда он вернулся в Крым с заданием от турецкого султана убить старого хана. Расправившись с ним, теперь уже новый крымский хан Девлет-Гирей в 1552 г. организовал свой первый набег на Москву, но был разбит под Тулой и поспешно ретировался в Крым. Такой же неудачей обернулся и организованный им набег на Москву в1555 г.[5, С.183]

В условиях непрекращающихся нашествий крымских орд, запорожский кошевой атаман Дмитрий Вишневский обратился кновому Московскому царю Ивану IV Васильевичу с предложением совместной борьбы с общим врагом – Крымским ханством. Поддержав это предложение царь Иван IVГрозный послал грамоту польскому королю с предложением заключить союз для совместной борьбы России, Польши и Литвы против Крым-

ского ханства. Однако польский король Сигизмунт-Август после длительных переговоров вместо союза с Московским государством возобновил союз с Крымом, направленный против России.

Таким образом, по вине западных «доброхотов» объединенного удара по Крымскому ханству не получилось. Тем не менее, подготовленный для этой цели небольшой отряд под командованием Вишневского пошел в поход на Крым. Основные силы русских в это время оказались на Балтике, где развернулась Ливонская война. Несмотря на малочисленность сил, русские войска сначала под командованием атамана Дмитрия Вишневского, а затем воеводы Данилы Адашева нанесли серьезное поражение крымско-турецким отрядам, вошли в Черное море и высадились на западном побережье Крыма. Разбив татарский заслон, отряд Адашева две недели опустошал крымское побережье и, «нагнав великого страху» [9, С.55], благополучно вернулся домой.

This article is dedicated to one of the most interesting periods in the history of the Crimean Khanate - XV-XVI centuries., As this period was marked by a cooling of relations with the Russian Empire, as well as establishing relationships with the Polish-Lithuanian principality. Not without the author's attention is during the reign of Mehmed Giray I, who ruled in the Crimea in 1515 - 1553 years., Who, unlike his father, did not become an obedient tool of Ports and sometimes took the side of Russia, while not forgetting to act against Russia .
Keywords: *the Crimean Khanate, Mengli Giray, Sigismund, Janus. Sahib Gipeem, Gazi Giray, Ports, Turkey, Iran*

Список литературы

1. Андреев А.Р. История Крыма. М.: «Белый волк», 2000.
2. Возгрин В.Е. История крымских татар: Очерки этнической истории коренного народа Крыма. В 4 т. Т.1.: Изд-е 3, исправленное и дополненное. Симферополь «Къартбаба продакшн», 2014.
3. Гусейнов Ю.М. Крымско-дагестанские взаимоотношения XV – XVIII вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. М.: Минобрнауки. Вып. № 2015.
4. Гусейнов Ю.М. Складывание и развитие крымской политики России: история и современность // Вестник Оренбургского государственного университета. № 7. 2015.
5. Гусейнов Ю.М. Крымский полуостров в перовой четверти XIX века: политика российской империи в Крыму// Историческая и социально-образовательная мысль. №6. 2015.
6. Крым: прошлое и настоящее. Ответственные редакторы д.и.н. С.Г. Агаджанов, д.и.н. А.Н. Сахаров. М.: «Мысль», 1988.
7. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и в XVII вв. Симферополь, 1891. Тунманн. Крымское ханство. Перевод с нем. изд. 1784 г., Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь: «Таврия», 1991.
8. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIIII века. СПб., 1887.
9. Тунманн. Крымское ханство. Перевод с нем. изд. 1784 г., Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь: «Таврия», 1991.

Об авторе

Гусейнов Ю.М. – кандидат исторических наук Дагестанского государственного университета народного хозяйства, *g.usup@mail.ru*

УДК 94(47).084.6

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕВ СУХИНИЧСКОМ ОКРУГЕ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ

О.И. Иевлева

В конце 1920-х гг. наша страна вступила в эпоху, точное определение содержания которой до сих пор является предметом научных дискуссий. Спектр характеристик здесь широк – от «чрезвычайщины» до «форсированной модернизации». Трагическая история советской деревни довольно ярко отражена в отечественной и зарубежной историографии.В связи с эти, представляет интерес практика раскулачивания и коллективизации, как проблема микроистории. Важно раскрыть, как на региональном уровне насильственная коллективизация сельского хозяйства ломала судьбы людей. В данной статье раскрываются коллективизация и раскулачивание на материалах Сухиничского округа Западной области[1].
Ключевые слова*: ликвидация кулака, три категории, Сухиничский округ, Западный областной комитет ВКП (б), непригодные участки, административный нажим.*

[1] Сухиничский округ был образован в соответствии с постановлением ВЦИК от 14 января 1929 года «Об образовании на территории РСФСР административно – территориальных объединений краевого и областного значения». В рамках Сухиничского округа было образовано 11 районов: Барятинский, Всходский, Думиничский, Козельский, Мещевский, Мосальский, Павлиновский, Плохинский, Спас –Деменский, Юхновский и Сухиничский. Округ был упразднен летом 1930 года.

После того как 30 января 1930 года ЦК ВКП (б) принял секретное постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», развернулась крупномасштабная кампания по ликвидации кулака как класса. Известные три категории кулаков подлежали выселению и заключению в концлагеря.

На основании постановления ЦК ВКП (б) обкомВКП (б) Западной области 2 февраля 1930 год разработал свое постановление «О ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации», которое стало центральной директивой для Сухиничского округа в реализации политики ликвидации кулака как класса. В соответствии с данным постановлением передокружными властями встал вопрос о выселение 500 кулацких хозяйств. [6, с.246-250].

По результатам переписи населения 1926 года в округе насчитывалось всего 627448человек, из них в городах проживало 21309человек и 606139человек в сельской местности. Согласно отчетных данных Сухиничского окружного статистического комитета на 29 ноября 1929 года в округе проживало0,5% кулаков. [2, д.34. л.157].Эти же данные нашли свое подтверждение на первом Учредительном Съезде Колхозов Сухиничского округа, который состоялся 6-7 августа 1929 года. В протоколе №1 отмечалось, что раньше (до революции) в округе проживало 20% кулаков, которым принадлежало 40% всех земель. После революции кулаков осталось 0,5%. [3, д.10.л.60].

В конце 1929 года в Сухиничском округе проживало 3030 кулаков.

Раскулачивание и насильственная коллективизация были призваны решить главную экономическую проблему – зерновую, с которой столкнулось советское правительство в 20-е годы. Освоение новых, целинных земель стало основным механизмом решения данной задачи. В связи с этим, наиболее богатых кулаков и «бывших помещиков», составлявших II категорию, выселяли в северные и отдаленные, необжитые районы страны. Оставляемые в пределах района кулаки III категории расселялись на новых, отводимых за пределами колхозных хозяйств, участках. Для этого отводились необжитые земли, целины. Норма земли на кулацкое хозяйство устанавливалась не более 1 га на человека. Для переезда и устройства на новом месте кулакам предоставлялись денежные средства в размере 500 рублей на семью, 6 кг ржи или муки и 24кг картофеля на человека. На два хозяйства предоставлялась одна корова, одна лошадь, одна телега, сани, плуг, борона, коса, упряжь, топор, пила, лопата. [6, с.246-250]. Обустроившись на новом месте, кулак приступал к посевным работам.

Необходимые для ведения хозяйства средства производства выделялись из конфискованного имущества.

Конфискацию имущества кулаков проводили особо уполномоченные райисполкомов с обязательным участием сельсовета, председателей колхозов, батрацко – бедняцких групп и батрачкомов. Вся ответственность за сохранность конфискованного имущества возлагалась на сельсоветы. Жилые кулацкие постройки использовались для общественных нужд сельсоветов и колхозов или для общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков.[6, С.246-250].

Вся подготовительная работа по выселению кулаков с территории Сухиничского округа должна была закончиться к 5 февраля, а с 10 февраля начиналось выселение, которое было важно завершить к 1 марта. Выселенные на новые, необжитые земли кулаки, должны были успеть подготовиться к посевной и выполнить плановый сев в срок. Срыв весенней посевной кампании не входил в планы советского правительства.

Однако действительность вносила свои корректировки в реализацию политики ликвидации кулака как класса на местах. Республиканские, краевые и областные организации, зная настроение партийно – государственного аппарата в центре, старались превышать контрольные цифры центра. Такое развитие событий встревожило даже сталинское руководство. 3 февраля Секретариат ЦК предложил всем краевым, областным и национальным комитетам «предварительно согласовывать сроки ареста и высылки кулаков, равно как и маршрут с ОГПУ». [5, с.249-297].

10 февраля Западный областной комитет ВКП (б) принял решение вплоть до особого распоряжения правительственных органов «оставлять кулаков II категории в пределах области, в тех районах, где они живут, при условии, что кулаки будут выселены на новые, отводимые за пределами колхозов, участки». [1, д.10.л.58].

Таким образом, при раскулачивании в это время из Западной области, не принадлежавшей к зерновым районам, выселение на север практически не производилось. Предполагалось, что кулаки будут расселены в специальных поселках за границами колхозных полей. Поэтому фактически кулаки II категории выселялись в округе наравне с кулаками III категории.

Вся работа по организации выселения возлагалась на уполномоченных ГПУ и начальников РАО.

Начавшееся в марте 1930 года выселение кулаков II категории с семьями из Сухиничского округа осуществлялось с железнодорожных станций: Барятинская, Спас – Деменская, Думиничская, Козельская, со станции Кудринская, со станций Павлиново, Сухиничи и Мятлево. Всего по округу выселили 3600 кулаков, включая членов их семей. Для выселения органам ОГПУ потребовалось 102 вагона. Расчет исходил из возможной концентрации 30 человек в одном вагоне. [1, д.12.л.16-19].

При выселении фактически не учитывали количество трудоспособных в семьях. Так, в Спас – Деменском районе из 68 выселенных кулаков, только 4 были трудоспособными.

Однако, нами был зафиксирован факт: при переселении кулаков II категории в Барятинском районе, которое проходило 25 марта, в первую очередь выселили главу семьи и трудоспособных членов. Они должны были оборудовать жилье для своих семей. Остальные члены переселялись не позднее 5 мая 1930 года. Первую партию кулаков, 11 хозяйств из поселка Галичевка, переселили 25 марта. Вторую партию составили 4 хозяйства из Плетней, 3 хозяйства из д. Мосур и 1 хозяйство из д.Устиново. Их выселили 28 марта. Третья партия, 9 хозяйств: 8 из Сильковичей и 1 из Зимниц, выселили 8 апреля. На месте выселения был образован поселок. Для организации

контроля и управления поселком был назначен уполномоченный, член ВЛКСМ Лобанов Алексей. [1, д.5.л.24.].

11 февраля 1930 года состоялось заседание окружной тройки в составе Овчинникова, Кольцова и Силина «О практических мероприятиях по II категории кулачества», на котором обсуждался вопрос предоставляемых кулакам мест при переселении. Председатель тройки Овчинников заявил: «Со своей стороны рекомендую учебные пункты, если они свободны, клубы и в крайнем случае школы». [1, д.5.л.8.]. Это и были временные пристанища выселяемых кулаков, в то время как бедняки заселялись в конфискованные у кулаков дома.

О том, как население округа относилось к выселению кулаков II категории, ответственный секретарь окружкома ВКП (б) Овчинников описал в докладной записке в Западный Областной Комитет ВКП (б): «При все усиливающемся массовом колхозном движении окружающее батрачество, бедняки и вся советская общественность требуют выселения кулаков II категории и предоставления земельных участков, построек и сложного сельскохозяйственного инвентаря, находящихся в их пользовании, а также предоставления имущества в пользование сельскохозяйственных трудовых коллективов». [1, д.5.л.6].

Очевидно, что материальная заинтересованность батрачества и бедноты в деле выселения кулака, играла ведущую роль. Однако в официальных докладах отмечалось, что беднота чрезвычайно активно требует выселения кулаков, потому что они мешают колхозному строительству.

Кулаки III категории, подлежали расселению в пределах округа, на новых, специально отводимых для них землях. 14 марта 1930 года состоялось заседание Сухиничского Окружного Комитета ВКП (б), на котором рассматривался вопрос об отведении земель под расселение кулацких хозяйств в округе. Решением Окружного Комитета закреплялось, что переселение кулацких хозяйств могло осуществляться только из районов сплошной коллективизации. Райкомы партии сами оценивали отводимые земельные участки под расселение кулацких хозяйств, чтобы определить, их пригодность для пашни. Секретари Райкомов ВКП (б) лично проверяли списки кулаков, подлежащих переселению, чтобы не было допущено выселение вне коллективизации и, чтобы в эти списки не были включены середняки или лишенцы, не являющиеся кулаками. Приостанавливалось переселение кулацких семейств, у которых не было работоспособных членов семьи.[1, д.5.л.10].

Однако, в действительности, земельные участки, намеченные к поселению кулацких хозяйств III категории, зачастую были непригодны для ведения сельского хозяйства.

Так, земельным участком, предназначенным для выселения кулаков в Спас – Деменском районе, являлось торфяное болото. Размер участка составлял 1493, 61 десятин. Из них под пашней находилось 9,89 десятин, перелога было 22,36 десятин, сенокоса – 15,38 десятин, леса и выруба – 16,60 десятин – 1489,29 десятин, кустарника – 71,35 десятин, болото – 1353,71 десятин, под строениями- 0,36 десятин, под водой – 0,10 десятин, дорог – 2,85 – 4,32 десятин, канав – 0,51 десятин. На его территории имелись две жилые постройки, принадлежащие торфпункту, которые до весны можно было занять под временное жилье кулаков и их семей. [1, д.5.л.23].

Однако, в Павлиновском районе, Сухиничского округа, недалеко от поселка Плашинка и деревни Обирог, ситуация была лучше. Размер отведенного для переселенцев участка составлял 400 га. Торфяное болото, располагающееся на участке, занимало от 50 до 100 га. 100 – 150 га находились под имеющимися на участке насаждениями. При правильном подходе, эта территория могла быть превращена в пашню. [1, д.5.л.23].

Тем не менее, в условиях Сухиничского округа, выселяемые без средств к существованию, на неподготовленные отведенные кулацкие поселки к севу, а местами вовсе непригодные к распашке, партийное руководство округа было вынуждено решать еще одну задачу - угроза срыва сева у выселяемых кулаков.

11 марта 1930 года состоялось заседание тройки при Запобкоме ВКП(б). В протоколе №5отмечено, что, несмотря на исчерпывающие указания о порядке выделения земельных участков для расселения кулаков, окружными организациями проделано очень мало. Кроме того, подтверждалось, что ответственность за своевременное отведение участков и расселения кулачества лежит на окружных тройках. В целях быстрого освоения новых участков и ускорения работы по расселению кулаков, окружные организации должны направлять на них, в первую очередь, трудоспособных членов высылаемой семьи для проведения подготовительной работы по оборудованию участка и местожительства. В случае отсутствия у кулаков семян, заседание тройки при Запобкоме ВКП(б), разрешало выдачу семян из конфискованных у кулаков семфондов.[1, д.549.л.23].

5 апреля 1930 года Сухиничский окружной комитет принял решение об изменении ранее данных указаний по переселению кулацких хозяйств в поселки. Теперь допускалось использовать, как временную меру, прекращение расселения кулаков III категории на время сева. Эти хозяйства оставались в селе.

Такая чрезмерная забота о кулацких хозяйствах была вызвана возлагаемым на них твердым заданием, обязательного выполнения которого ожидало советское правительство.

После окончания сева переселение кулаков возобновлялось.[1, д.5.л.25].

Однако, неутешительные данные о ходе посевных работ продолжали поступать в окружком. 14 апреля президиум окружкома обратился к районным исполнительным комитетам с требованием оказать соответствующую помощь, в распашке, кулацким хозяйствам, уже выселенным на поселки, чтобы обеспечить в полном объеме сев на отведенной кулакам земле. [1, д.5.л.26].

10 апреля 1930 года всем Секретарям Окружкомов ВКП (б) была передана записка № 66сс по прямому проводу от Секретаря Обкома ВКП (б) следующего содержания: «В условиях Западной области, при малом про-

центе коллективизации, так же неподготовленности участков, на время посевной кампании, необходимо совершенно прекратить переселение на участки кулаков всех категорий». [4, д.556.л.101].

Как видим, районные исполнительные комитеты зачастую выселяли кулаков на непригодные для посева, неподготовленные для жизни, бросовые земли. Несмотря на искусственно завышенное местными властями количество подлежащих выселению из Сухиничского округа кулаков, большая часть их оставалась жить на местах.

Неудивительно, что Секретарь Обкома ВКП (б) Румянцев в записке говорит о малом проценте коллективизации в Западной области. Как известно, после принятия ЦК партии 5 января 1930 года постановления «О темпах коллективизации», темп гонки коллективизации возрастает в два – три раза. В феврале 1930 года в некоторых районах Сухиничского округа процент коллективизации достигает 50. Столь высокий процент в максимально короткие сроки объяснялся тем, что колхозы создавались, главным образом, резолюциями: проголосовали в одном селе, - и организаторы тут же садились на подводы и отправлялись в другое село. Для закрепления колхоза, за исключением обобществления семян, практически ничего не было сделано. Средства производства и рабочий скот не обобществлялись. Коллективизированные деревни отличались от других деревень только тем, что там был председатель правления колхоза, который в большинстве случаев занимался только приемом просителей. [7, с. 52].

Вся работа по коллективизации в Сухиничском округе шла, главным образом, сверху. Местные сельские организации, в частности, сельсоветы, бездействовали. Качество колхозного движения не учитывалось. Крестьяне принуждались к вступлению в колхозы под угрозой лишения избирательных прав, ссылки, конфискации имущества. Административный нажим, переходящий в произвол, принимал массовый характер.

Так, в Спас – Деменском и Барятинском районах, не желающих вступать в колхоз, отправляли в райисполком, говоря: «Там с вами поговорят», а до райисполкома часто 20 – 25 км. Кроме того, в Сухиничском округе практиковалось запугивание населения, а именно: «Распишись, что ты не хочешь идти в колхоз», «Не пойдешь в колхоз, тогда пойдешь на Соловки, Нарымский край, на Марс, мы тебя выселим на кочки». [7, с. 53].

Часто при голосовании ставился вопрос: «Кто против Советской власти?». В Барятинском районе, д. Бахмутово уполномоченный Жалкин на собрании кричал: «Здесь не подчиняются советской власти, срываете колхозное строительство, объявляем на военном положении, здесь контрреволюция, завтра же вызовем ГПУ и с корнем вырвем всю контрреволюцию». [7, с. 53].

Очевидно, что в погоне за досрочным завершением коллективизации, низовые работники заменяли терпеливое разъяснение, как бедноте, так и середнякам, глубокую подготовительную работу по коллективизации грубым, безобразным, преступным обращением с населением, вздутием процента коллективизации для показных данных о бурном темпе колхозного строительства. Большая же часть крестьянства, с его вековыми частнособственническими привычками, с большой осторожностью относились к неведомым колхозам, куда их зовут, где и земля, и инвентарь, и произведенная совместным трудом продукция будут принадлежать не им на правах частной собственности, а коллективу.

После выхода 2 марта статьи Сталина «Головокружение от успехов», начался массовый отлив крестьян из колхозов в Сухиничском округе. В преле 1930 года процент коллективизации снизился до 15.

In the late 1920- ies, our country has entered the era, the precise definition of content which is still subject to scholarly debate. The range of characteristics is wide – from “emergency” to “forced modernization”. The tragic history of the Soviet village is quite strongly reflected in domestic and foreign historiography. In the regard, it is interesting to consider the practice of dispossession and collectivization as aproblem ofmicro history. It is important to disclose as at the regional level by the collectivization of agriculture was breaking the lives of people. This article describes collectivization and dekulakization on materials of Sukhinichsky district of the Western region.
Keywords: *the elimination of a fist, the three categories, Sukhinichsky district, Western regional Committee of the CPSU (b), the plots, the administrative pressure.*

Список литературы

1. Государственный архив документов новейшей истории Калужской истории (ГАДНИКО). Ф.П. – 91. Оп.1.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО).Ф.Р. – 1926. Оп.1..
3. ГАКО.Ф.Р. – 1103. Оп.1.
4. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф.Р. – 5. Оп.1.
5. Ивницкий. Н. А. «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП (б) и ОГПУ//Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С.249-297.
6. О ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации // Коллективизация сельского хозяйства в Западном регионе РСФСР (1927 – 1937гг) //Под. ред. Иделевич Т. П., Храпченков А. А., Герасимова И. С., Смоленск.,1968. С.246 – 250.
7. О проверке практики коллективизации и исправления перегибов в Сухиничском округе Западной области/Сельский мир. – М., 1994. С.52.

Об авторе

Иевлева О.И. – аспирант Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, *vitalij.kaluga@mail.ru*

УДК 953.0+940.28+940.51

ВНЕШНИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Е.В. Ложкина

В данной статье предпринимается попытка проанализировать роль внешнего фактора - ближневосточной политики Европейских государств (в частности Англии, Франции и Германии) в становлении третьего Саудовского государства. Выявить связь политических решений, укреплявших власть Ибн Сауда с социальными изменениями аравийского общества конца XIX – до 30-х гг. XX в. Проанализировать арабское общество, в частности аравийское, как самостоятельную систему, отличающуюся своей самобытностью.

Ключевые слова: *общество, культура, интеграция, ассимиляция, колониализм, бедуины, договор, адаптация, ваххабизм, седентаризация, абсолютизм, нелиберальная демократия.*

Ислам является религиозно-политической системой, которая обеспечивает высокую вероятность выживания в непростых климатических, географических и, как следствие, экономических и социальных условиях. К середине двадцатого столетия исламская культура уже существует в виде многочисленных мусульманских диаспор в Европе. Чтобы познакомится с течениями ислама, нет необходимости посещать страны Ближнего Востока, Африки и Азии, достаточно пройти по улицам любого европейского города. Социальные и религиозные проблемы современной Европы являются последствиями не только колониальной политики «экономического империализма» конца XIX в., но и результатом диалога двух культур.

В исторической науке существует два противоположных взгляда на процесс взаимодействия европейского и исламского мира. Представители первого направления акцентируют внимание на модернизации Востока европейскими цивилизациями, сторонники второго склонны рассуждать комплементарно[1] в отношении арабских политических лидеров и идеализировать мусульманскую культуру.

Особое внимание к процессу развития Саудовского общества можно объяснить не только его ключевой ролью в истории Ислама, но и социально-экономическим преобразованиям начала XX в.. Данный процесс представлен взаимодействием современных и традиционных форм — экономических, социальных и политических — с иноземными культурами – внешним фактором.

О социальном развитии аравийского общества существует довольно ограниченный круг публикаций в силу закрытости объекта исследования. В XVII – XIX вв. печатались описания путешествий европейских исследователей, которые сохранили свою актуальность до сих пор. В отечественной историографии фундаментальными работами являются: «История Саудовской Аравии» А.М. Васильева, а также монография А.И. Першица «Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX - первой половины XX в.», в которой проанализированы кочевые и оседлые структуры саудовского общества.

В период колониализма все государственные образования Аравии находились в зависимости от иностранных держав, в частности от Англии. Великобритания с присущей ей дальновидностью раньше других оценила значения нефти для развития промышленности, хотя в 1919 г. еще не располагала сведениями о ее наличии на территории северной и центральной Аравии. В это время мировая держава того времени стремилась установить свой протекторат над месторождениями нефти с исключительным правом их разработки в Персии и Месопотамии. Еще в 1913 г. У. Черчилль говорил о необходимости добывать нефть из источников, находящихся под британским контролем или влиянием, вдоль тех морских или океанских путей, которые наилучшим образом охраняются английским флотом [4, с. 55]. Матросы этого флота – выходцы в частности из Йемена - были составной частью первой волны иммигрантов, которые после 1880-х гг. обосновались в крупных портовых городах Англии (Ливерпуле, Кардиффе и др.) [1,с.376].

До начала добычи нефти метрополия несла немалые расходы, так как, во-первых на данной территории фактически не существовало административного деления; во-вторых особенности географического положения и климатических условий влияли на экономическое развитие Аравийского полуострова; в-третьих особенности жизни кочевников в пустыне препятствовали не только переходу к оседлому образу жизни, но и к созданию государственности [10,с.22]. Однако убытки Великобритании окупались тщетными попытками Германии закрепится в исламском мире. Французское же правительство не уделяло внимание развитию нефтяной промышленности, более того несколько незначительных месторождений на территории колоний, были отданы английским фирмам [9, с. 4,130-132]. По соображениям стратегической необходимости такие районы Аравии, как Аден, Маскат и Кувейт тотально контролировались Англией. Здесь она держала свои гарнизоны, что привносило некоторые новшества в социальную структуру местного населения.

Борьба Англии, Франции, Германии и Турции друг с другом меняла привычный уклад мировосприятия людей пустыни. В течение столетий пейзаж пустыни оставался неизменным благодаря особенностям географического расположения полуострова, что привело к консервации культуры арабов, застойному типу социального

[1] В философии комплементарными называют несходные или даже противоположные теории, концепции, модели и точки зрения, отражающие различные взгляды на действительность.

развития. Местные жители, сталкиваясь с иноземцами, осознавали необходимость создания государства, например, в период римско-персидских войн, манивших возможной добычей, или, взаимодействуя с Византией через торговые связи, происходил процесс огосударствления пограничных и задействованных территорий. Неджд же был замкнут в своих естественных границах и только дважды в своей истории соприкоснулся с внешним миром по собственной инициативе: после Мухаммада в период «праведных» халифов и в середине XVIII в., благодаря ваххабитскому учению[10,с.23]. В конце XIX – начале XX в. европейские государства, проявив интерес к этой территории, вынудили местное население подстраиваться под новые условия.

Для реализации европейскими государствами экономических планов в Ближневосточном регионе необходимо было осуществлять контроль над территорией Аравии, однако воинственные бедуины меняли традиционную европейскую тактику ведения войны, которая оказалась нерезультативной, благодаря динамичным, постоянно изменяющимся сообщениям – слухам.

С помощью слухов создается и передается общественное мнение, настроение, социальные стереотипы и установки аудитории, информационная ситуация в регионе. Более того они являются средством психологического воздействия (изменения мнений, отношений, настроений, поведения, удовлетворения потребностей людей и социальных групп) [11, с. 141]. Подобную особенность передачи информации среди местного населения невозможно обозначить термином «пропаганда», т.к. у слухов не было конечной цели, они передавались из уст в уста и отражали особенность видения мира бедуинами. Например, смена военных частей истолковывалась как отступление, поэтому войска приходилось двигать одновременно к аванпостам. При этом действительная сила перемещающихся войск не имела особого значения, так предположительная численность сильно преувеличивалась арабами (200 бойцов значились как 5 тыс., 4 убитых человека увеличивалось до 500). Также не было нужды брать заложников из семей местной знати и при случае предавать их казни, это вызывало обратный эффект. Следовало строго придерживаться закона гостеприимства, даже если союзник брал под защиту дезертира или провинившегося из европейского отряда, необходимо было прибегать к дипломатическим способам воздействия, например к услугам толмача, который весьма искусен в местных формах обсуждения[16,с.44]. К середине XX в. была выявлена эффективность пропаганды посредством слухов, при планомерном воздействии на ум и чувства определенной социальной группы людей быстрее достигалась общественно значимая целью военная или политическая [8, с. 66].

Британская система южно-аравийского протектората выстраивалась не на попытках распространить регулярную государственную организацию на многие «племенные» территории (установление гражданской администрации, введение искусственного административно-территориального деления, регулярного налогообложения), а на сохранении традиционной политической организации этих районов – автономных вождеств и племен, которые были обязаны в случае необходимости предоставлять свои племенные ополчения метрополии [6,с.92].

Поэтому ядро арабо-мусульманского мира сохраняло формальную политическую независимость и внутреннее самоуправление, что позволяло использовать иностранные державы в своих интересах. Так, в Саудовском государстве в годы борьбы за единую Аравию Ибн Сауд, осознавал, что главная сила в Персидском заливе – англичане, поэтому он принял решение опираться на мощь Великобритании. Период с 1903 г. по 1911 г. можно назвать началом сотрудничества с Лондоном [3,с.253-254]. В исследованиях партнерство между Неджд и Англией рассматривается как вынужденный шаг. На наш взгляд, данные действия были не результатом безысходности, а необходимостью. Страны Европы на протяжении всего своего исторического развития извлекали выгоду из хитросплетений международных отношений. Ибн Сауд увидел преимущество сотрудничества и в 1915 г. был подписан договор о «Дружбе и союзе» с Великобританией, что означало фактическое установление английского протектората над Неджд и прилегающими территориями. Ранее в 1914 г. был заключен подобный договор с Османской империей, но на менее выгодных условиях. Благодаря договоренности с правительством Британской Индии Ибн Сауд признавался эмиром Неджда, Касыма и Эль-Хасы, независимым от Османской империи, но обязывался согласовывать свою внешнюю политику с британскими властями, не нападать на британские владения на Аравийском полуострове (вся территория к югу от линии – от полуострова Катар через пустыню центральной Аравии до границы между аденскими протекторатами и Йеменом), не отчуждать своей территории третьим державам, а также начать войну против Рашидидов, которые являлись союзниками Османской империи. За эту уступку Саудиды получали существенную военную и финансовую помощь, примерно 5 тыс. ф. ст. в год, а также разовые поставки пулеметов и винтовок. Эмир Эр-Рияда еще получил подарок от англичан в виде 20 тыс. ф. ст., тысячи винтовок и разрешения закупать военное снаряжение на Бахрейне[3,с. 263-269]. Несмотря на все договоренности с Великобританией и устным заверениям в преданности султану, Ибн Сауд фактически не поддержал в Первой мировой войне ни Османов, ни англичан, придерживаясь политики выжидательного нейтралитета, и занимался внутренним строительством своего государства и решением проблем с соседями.

Образцом государственности Ибн Сауд выбрал государство первых халифов, управление которого было основано на шариате. Объединить племена бедуинов было возможно при помощи религии – ислама через призму ваххабитского учения, благодаря его оригинальному социально-политическому содержанию, что явилось основой унифицированного государства. Так в Неджде был создан двойной аппарат управления – территориально-административный и племенной. Особенностью ислама как религиозно-политической системы является его адапционные свойства - готовность мусульман сохранять и интегрировать разнообразные черты культуры и социальной действительности с учетом их полезности и согласованностью с каноническими текстами[5, с.5].

Разобщенность данного региона объясняется еще и тем, что в раннем периоде становления ислама пророк Мухаммад и его преемники обратили в свою веру оседлых арабов и практически не покорили кочевников. Интересно, что среди полукочевых племен, или племен живших не в центре пустыни, догмы ислама переплетались с языческими традициями, поклонением святым, и множество племен сохранили все свои религиозные представления и традиции.

Учение ваххабизма уничтожило идеологическую опору раздробленности[3, с.85-86]. После его утверждения знать отдельных оазисов «потеряла» своих святых, лишилась права на исключительность своего рода и доходов от паломничества. Парадоксальным в мусульманском обществе является отношение к безумию (если оно не очень буйное и опасное). Вали, т. е. святой – это человек, страдающий подобным недугом, одновременно как бы принадлежащий двум культурам, мусульманской - монотоистичной и величественной, и культуре народной, уходящей корнями своими в глубины родового сознания, во времена язычества. Данный факт позволяет утверждать, что в начале XX в. крайне разнородное общество в различных частях Аравии продолжало жить по традиционному (средневековому) укладу[7, с.51-52].

Кочевники Неджда, ловцы жемчуга из Эль-Хасы, ремесленники и торговцы Хиджаза, крестьяне Асира, мусульманские священнослужители представляли собой органическое и однородное социальное образование. Его единство, несмотря на видовое разнообразие, объясняется близостью исламских традиций к кочевому образу жизни. Данное общество соприкасалось с иностранными державами в попытках отстоять свою самостоятельность, что и привело к целому ряду социально-политических изменений.

Например, политика британских колонизаторов в Ираке, Трансиордании и Палестине, французских колонизаторов в Сирии вызвали волну обратных переселений в Аравию. Известно, что некоторые группы аравийских кочевников в поиске улучшения своего экономического состояния в кризисе строительства автомобильных железнодорожных путей сообщения в начале 20-х годов прошлого века переселились в долину северных рек, но через несколько лет вернулись на родину. Таким образом, жизнь племени осталась прежней и недоступной для западных цивилизаций[19, с.178]. Европейская политика заключалась в захвате и урезании земель скотоводческих племен, причем в больших масштабах, нежели позволяли себе в свое время турецкие власти. Племенные территории передавались в собственность европейским плантационным трестам, арабским городским предпринимателям и крупнейшим племенным шейхам, которыми были приобретены механические насосы для орошения земель, что в данных климатических условиях было дорогостоящим предприятием.

Наибольшая сложность заключалась в поддержании равновесия между существующим племенным владением и городскими предпринимателями. Кочевники по праву длительного владения являлись действительно собственниками земель, хотя и не зарегистрированными в компетентных органах. Городские жители за свои попытки освоить территории и вложенный капитал требовали от правительства прав на эти земли. Об этом позволяет нам судить один из отчетов английской мандатной администрации Совету Лиги наций, где описана экспроприация в западном Ираке[19,с.164]. Подобные же земельные захваты происходили в северо-восточной Сирии[17,с.49].

В попытках создания государственности Ибн Сауд осознавал, что необходимо опираться на более стабильную социальную группу, которую можно было создать через процесс седентаризации, т.е. ослабление бедуинских племен и централизацию государства. Как следствие были организованы ваххабитские земледельческие колонии, создаваемые выходцами из кочевых племен, селившихся в пригодных для обработки землях, отведенных правительством. Это была первая в Аравии попытка организованного перевода бедуинов к оседлому земледелию. Она была предпринята в Неджде еще в 1912 г., когда на основе нескольких вновь вырытых колодцев была создана первая колония Иртавия, образованная выходцами из племени мутайр. Позже появилось еще несколько поселений внутренней Аравии в других племенах, но массовый переход к оседлому образу жизни бедуинов начался лишь после Первой мировой войны, во время кризиса кочевого скотоводства.

В 1920 г. в стране насчитывалось пятьдесят две хиджры-поселений, в 1922 г. - около семидесяти [18,с.249]. Но уже к середине 1930-х гг. рост ваххабитских земледельческих колоний замедлился. Интересно, что большая часть колонистов продолжала жить в шатрах, кочуя со скотом по территории, принадлежащей колонии, то есть проблема реконструкции кочевого хозяйства была решена частично.

Одновременно с созданием хиджр происходило и неорганизованное оседание обедневших кочевников, которые становились мелкими арендаторами-издольщиками, усиливалось отходничество на морские промыслы, строительство автострад. Это объясняется тем, что Англия и Германия, борясь за влияние на территории Ближнего востока, создавали промышленные объекты, которые изменяли социальные условия местного населения.

Основной источник доход местного населения на Ближнем востоке до нефтяной компании была торговля верблюдами. Торговля верблюдами была прибыльной, животные, приобретенные в районе Анайзы, уже в Мекке, в сезон хаджа, продавались за тройную цену. Иногда с торговцами расплачивались тканями, рисом, оружием и другими привезенными товарами, цены на которые были выше, чем в Ираке и Сирии[12,с.58]. Верблюды были быстрым и основным средством передвижения, но после начала строительства дорог спрос на основной товар Аравии падает, к тому же из-за нестабильной политической ситуации сокращаются размеры хаджа.

Первые автомобильные линии, проходившие через Сирийскую пустыню уже в 1923 г. позволили путешественникам находиться в дороге двадцать часов, а не тридцать дней с верблюжьим караваном, к тому же были

значительно снижены затраты на транспортировку товаров. Автосообщение появилось даже на древних торговых и кочевых путях Аравии. Все это случилось благодаря братьям Найрн и английскому майору Мак-Келлуму, которые впервые в истории освоения Востока выехали из Дамаска на автомобилях, пересекли Сирийскую пустыню и достигли Багдада за три дня. Позже они совершили еще пять поездок по разным маршрутам, доказав, что автомобиль способен двигаться по пустыне очень быстро, и предложили проект доставки почты, перевозки грузов и транспортировки людей через пустыню на автомобилях и автобусах. Англия к задумке строительства автодорог отнеслась скептически, а Франция заинтересовалась вопросом и взяла на себя обязательства урегулировать проблему нападения бедуинов на автомобили, попросту платя им первое время. Проект оказался прибыльным для европейцев и быстро развивался[2].

Бедуины, пытаясь преодолеть кризис, стали переходить от верблюдоводства к овцеводству, т.е. к полукочевому образу жизни. Данная мера повлекла за собой переселение на окраины Сирии, Палестины, Трансиордании и Ирака, находившихся под мандатом европейских держав, политика которых вынуждала вернуться на родину.

В 1924 г. Ибн Сауд отказался от британского протектората, но Англия не хотела признавать созданное государство при ее участии. Интерес Великобритании был вызван возможностью контролировать и использовать арабов в своей игре, сохраняя дезинтеграцию племен. В данных условиях эмиру Эр-Рияда был необходим союзник. Маловероятно, что Октябрьская революция и ее последствия произвели на аравийского лидера сильнейшие впечатления, а вот вывод русских войск из Турции, Ирана и Ирака и обещания помочь в борьбе за независимость мусульманских народов стали решающими в выборе партнера по игре. В этом вопросе необходимо обратить внимание на тот факт, что элементы социализма были свойственны аравийскому обществу из-за особенностей географического положения и климатических условий, что позволяло подчеркнуть близость к идеалам коммунистической партии. Данный акцент был лишь одним из способов завязывания дружественных отношений на некой общности. Условия арабского мира требовали не социалистического уклада, а абсолютной власти лидера, который бы служил воли большинства. Как известно, одним из свойств механизмов упадка является масштаб времени (запаздывания), в котором легитимная власть реагирует на изменения переменных в социальной и экономической жизни общества[15,с.63]. В условиях Аравии при малейшей неудачи или экономической нестабильности происходила быстрая смена лидеров, поэтому Ибн Сауду было сложно утвердить принцип наследования власти, так как правящий род должен был в процессе управления действовать без промедления и максимально верно.

Западноевропейский абсолютизм неприменим к Аравии, так как был сформирован в период кризиса старой общественной системы и зарождения новой. В Аравии же кризис был вызван переходом к новой формации. Все преобразования в саудовском обществе стали возможными в силу ряда обстоятельств.

Так присутствие западных держав на приграничных территориях пустынной Аравии, позволило государственным образованиям сохранить неограниченную свободу во внутренней политике и частично во внешней. Племена Аравии, находящейся в окружении более развитых обществ, использовали их опыт, и совершили рывок в своем экономическом развитии, сохранив верность своему историческому наследию, традиционным ценностям и устоям жизни, чему способствовали весьма сложные природно-географические условия, которые привели к медленным изменениям в аравийском обществе, и даже к застойному типу развития.

Так же особенностями исторического развития, прежде всего – влиянием ислама в его ваххабитской интерпретации, повлекло за собой жесткую изолированность общества от внешнего мира. Некоторый аскетизм и осуждение роскошного образа жизни были лишь реакцией большинства на турецкий образ жизни. Все нововведения, не находившие прецедент в хадисах, назывались «бида» и требовали освящения путем иджмы, что являлось ответом мусульманской религии на изменения в социальной, экономической и даже духовной жизни. Ваххабизм был вынужден одобрить радио, телефон, телевизор, трудовой кодекс, социальное страхование, но крайне отрицательно относится к «бид'а» [3,с.72-73]. Неприятие всего нового позволило сохранить незыблемость дома Саудитов.

Политический режим в этом государстве можно определить как нелиберальная демократия. Термин «нелиберальные демократии» (illiberal democracy) был введен американскими востоковедами для обозначения специфических режимов новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии, для которых (как раньше для Тайваня и Южной Кореи) были характерны сочетание элементов формальной процедурной демократии и жесткого авторитаризма[13]. Сейчас под данным словосочетанием понимают каркас общества на этапе перехода от традиционного состояния к развитым формам социальной и политической организации, для саудовского общества это ассимиляция европейского опыта к своему историческому наследию[14,с.302].

Используя европейские устремления, Ибн Сауд за два с половиной десятилетия создал государство Саудитов и основал новую династию Аль-Сауд. Но в первой четверти XX в., несмотря на безусловный успех, государство, основанное на нормах аравийских племен и системе религиозных взглядов, не могло существовать без стабильного источника дохода, который в скором времени был обнаружен.

This paper attempts to analyze the role of the external factor - the Middle East policy of the European countries (particularly Britain, France and Germany) in the formation of the third Saudi state. Identify the relationship of political decisions, strengthening the power of Ibn Saud with social changes of Arabic society at the end of the XIXth - 30-ies of the XXth century. Analyze Arabian society, in particular arabic, as an independent system characterized by its originality.
Keywords: *society, culture, integration, assimilation, colonialism, bedouins, agreement, adaptation, Wahhabism, sedentarization, absolutism, illiberal democracy.*

Список литературы

1. Архимандрит Августин. Ислам в Европе./ архимандрит Августин (Никитин). – СПб., 2009. – 656 с.
2. Автобус, летящий сквозь пустыню. URL:http://www.pickupclub.ru/forum/showthread.php/33961(дата обращения: 12.02.2014)
3. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745-конец XX в.)./ А.М. Васильев. - М.,1999. – 672 с.
4. Гофман К. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм./ К. Гофман. – М., 1930. – 476 с.
5. Грюнебаум фон Г.Э. Классический ислам. Очерк истории(600 – 1258 гг.)/ Г.Э. Грюнебаум. – М., 1986. – 216 с.
6. Коротаев А.В. Вождества и племена страны Хашид и Бакил./ А.В. Коротае. – М., 1998. – 226с.
7. Лейн Э. Арабский мир в эпоху «Тысячи и одной ночи». Пер. с англ. Л.И. Игоревского. / Э. Лейн. – М., 2009. – 190 с.
8. Лайнбарджер П. Психологическая война./ П. Лайнбарджер. -М., 1962. - 350 с.
9. Леспаньоль де ля Трамери. Мировая борьба за нефть. Пер. с фр. Л. Тумермана. / Леспаньоль де ля Трамери. – М., 1925. – 210 с.
10. Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. Пер. с нем./А. Мюллер. – М., 2004. –911 с.
11. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды./ Г. Олпорт. - М.: Смысл, 2002. - 462 с.
12. Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX – первой половине XX в. / А.И. Першиц. – М., 1961. – 224 с.
13. Рыбаков А.В., Квон Д.А. «Нелиберальная демократия» как теоретический концепт и политический феномен. // Политические науки. - 2013. - №5. URL:http://www.online-science.ru/m/products/politicks-nauki/gid703/pg0/ (дата обращения: 18.02.2014)
14. Симония Л.И. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. / отв. ред. Л.И.Рейснер, Н.А.Симония. - М.: ГРВЛ, 1984. – 581 с.
15. Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. Пер. с . англ./ под общ. Ред. Г.Г. Малинецкого, А.В. Подлазова, С.А. Боринской и др. – М., 2010. – 368 с.
16. Чирнер. Г. Арабский плацдарм и воска в Европе./ Г. Чирнер.- М., 1941.- 182с.
17. Boucheman A. de. Materiel de la vie bedouine (Sbaa):vol.III. – DEO, 1935.
18. Dickson H. R. P., Kuwait and her neighbours. - London, 1956.
19. Great Britain. Civil Commissioner of Mesopotamia. Review of the Civil Administration of Mesopotamia. Presented to both Houses of Parliament by Command of His Majesty.- London, 1920.

Об авторе

Ложкина Е.В. – преподаватель кафедры педагогики и психологии Брянского филиала Национального государственного университета имени П.Ф. Лесгафта, *Lecia_07@mail.ru*

УДК 947 (470.342)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

А.А. Малашенко, И.В. Малашенко

Основная цель статьи проанализировать процесс социальной стратификации российского крестьянства на примере Брянской губернии в первые годы новой экономической политики. Авторы обращают внимание на проблему критериев классификации социальной структуры крестьянства в отечественной историографии, прослеживают основные тенденции процесса социального расслоения и дают характеристику отдельным социальным группам брянской деревни.
Ключевые слова: *социальная стратификация, крестьянство, Брянская губерния, новая экономическая политика.*

В отечественной историографии проблема социальной стратификации крестьянства в первые годы новой экономической политики занимает ключевое место. С восстановлением сельского хозяйства и оживлением рыночных отношений в деревне начал медленно развиваться процесс социального расслоения. По мнению Н.Л. Рогалиной именно в этот период произошла «коренная перегруппировка сил в многоукладной экономике деревни» [1, с. 142].

Реальное состояние дел российской деревни в этот период было сложным и неоднозначным, так как наблюдались явные противоречия: тенденции фермерского развития сталкивались с патриархальными устоями, стремление к частной собственности с прочной общинной собственностью, уравнительные принципы землепользования с имущественным расслоением. Все эти тенденции отражались на соотношении тех или иных категорий крестьянства. Основная цель статьи проанализировать процесс социальной стратификации российского крестьянства на примере Брянской губернии в первые годы новой экономической политики.

Следует обратить внимание, что в исторической науке существует проблема критерия классификации со-

циальной структуры крестьян. Первоначально многие исследователи за основу дифференциации деревни предпочитали брать посевную площадь [2]. Однако, социальное строение деревни более сложное явление. Первым на путь изучения социальных процессов крестьянских хозяйств встал В.Г. Громан, который предложил рассматривать еще один признак – отношения найма, позже к такой же группировке при исчислении трудовых норм землепользования прибегает и Н.П. Макаров [3].

В 1927 г. по заданию Наркомзема в Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономии развернулись острые дискуссии о дифференциации крестьянских хозяйств. Сторонники организационно-производственной школы обращали внимание на следующие критерии: число душ в семье и работников; площади посевов; поголовье скота; стоимость основного капитала. Экономист Н.Д. Кондратьев взвешивал факторы, которые способствуют расслоению (рынок, техника, аренда, наймы) и тормозят этот процесс (малоземелье, аграрное перенаселение) [4, с. 125]. Собственную позицию выдвигал А.В. Чаянов, который на основе анализа динамических переписей показал, что «расслоение в 20-е гг. – это не социально-классовый процесс, а демографический» [5, с. 28], ибо крестьянство, перестраиваясь из натурального в товарное хозяйство, начинало мигрировать и происходила дифференциация. В результате, принципиальные различия в их классификации проходили по водоразделу: бедный, средний, крупный.

Иная точка зрения была у историков марксистского направления. В формационной теории считалось, что в деревне уже утвердился капитализм, поэтому в деревне выделялись такие группы как: пролетариат, мелкая буржуазия, сельская буржуазия, полупролетариат [6].По мнению Л. Крицмана точную картину расслоения дают прямые признаки: применение наемного труда, но можно использовать и косвенные: размеры хозяйства, количество рабочего скота и мертвого инвентаря, стоимость производства [7, с. 11].

В отдельную группу следует выделить исследования А.И. Хрящевой, которая, с одной стороны, положительно оценивала ленинский методологический подход к определению дифференциации, а с другой, она не рассматривала этот процесс как угрозу политического строя. Первоначально, в основу классификации была положена схема И.Г. Баскина: доходы, организация труда, неземледельческие заработки, торгово-промышленные предприятия, в 1925 г., выдвинут второй вариант, где учитывалась еще и продажа рабочей силы, а в 1926 г. был предложен третий вариант, где появился такой критерий как найм рабочего скота и инвентаря [8].

В 1928 г. на страницах журнала «На аграрном фронте» разгорелась дискуссия о классовых группировках среди крестьян, в ходе которой единого мнения относительно критериев расслоения, так не было и выработано. В целом, можно утверждать, что до 70-х гг. XX в большинстве исследований деление крестьян проходило в системе капиталистические мелкотоварные производственные отношения [9].

В апреле 1961 г. состоялась сессия по аграрной истории, отметившая сложное переплетение капиталистических, мелкобуржуазных, социалистических и переходных социальных отношений в экономической структуре нэпа. По итогам конференции, исследователи стали пользоваться первой классификацией о преобладании мелкого индивидуального крестьянского хозяйства как нового аграрного строя [10]. В наши дни историки предлагают использовать в качестве критериев оценки социальной дифференциации не только устоявшиеся основания, но новые: психология крестьян, фактор удачи: хороший урожай, болезнь; личные качества; колебания в ценовой политике [11]. Стоит согласиться, что при характеристике картины социальной структуры российской деревни необходимо учитывать все вышеизложенные критерии дифференциации. В данной статье основное внимание уделяется таким критериям как: размер посева, наличие рабочего скота, сельхозинвентаря, аренда земли и отношения найма рабочей силы.

Новая экономическая политика внесла свои коррективы в динамику социального процесса, происходившего в российской деревне. Изучив развитие крестьянских хозяйств Брянской губернии в первые годы новой экономической политики и сравнив эти данные с материалами по 25 губерниям Европейской России были выявлены следующие основные тенденции:

1. В восстановительный период происходит сокращение беспосевных и малопосевных хозяйств, что означало с одной стороны перемещение части хозяйств в верхние группы, а с другой, происходило «вымывание» из деревни обедневших крестьян. По сравнению с 1920 г. в Брянской губерниив 1925 г. мелкопосевщиков стало меньше на 16%. Посевная группа от 2 до 4 дес. имела тенденцию к увеличению, судя по всему за счет нижней группы бедняцких хозяйств: с 30% в 1922 г. до 37,7% в 1925 г. В губернии удельный вес этой группы рос довольно быстро (с 28,3% в 1920 г. до40,8% в1925 г.) [12, л. 4].Численность посевных групп от 4 до 8 дес. в Европейской части России возросла в 1,6 раза с 13,2% в 1922 г. до 21,6% в 1925 г., а свыше 8 дес. в два раза с 1,6% до 3,4%. Однако, в Брянской губернии в группах от 4 до 8 дес. существенных изменений не произошло: от 12% в 1922 г. до 15,3% в 1925 г.
2. Наблюдается динамика в крестьянских хозяйствах по признаку - обеспеченность рабочим скотом и коровами.

Таблица 1.

Обеспеченность рабочим скотом и коровами крестьянских хозяйств (в %):

Тип группы	Европейская часть России		Брянская губерния	
	1921	1925	1921	1925
Безлошадное	34,1	31,9	20	16
Безкоровное	20,2	16,1	14	12
С 1 лошадью	59,9	60,7	65	65
С 1 коровой	61,4	60,6	70	70
Многолошадное	6	7,3	15	18,2
Многокоровное	18,4	23,3	16	20,3

Из таблицы 1 видна положительная тенденция в сокращении безлошадных и безкоровных хозяйств, как в Европейской части России, так и в Брянской губернии. Можно заметить и рост доли многолошадных и многокоровных хозяйств в брянской деревне на 3% и 4% соответственно. Количество же хозяйств с одной головой рабочего скота осталось на прежнем уровне[13, л. 266].

3. Специфика процессов расслоения в брянской деревне нашла выражение в аренде земли. III сессия ВЦИК в 1922 г. разрешила аренду на срок не более одного севооборота и в исключительных случаях на срок не более двух севооборотов [14, с. 142]. Земельный кодекс увеличил предельный срок аренды до трехкратного севооборота [15]. Кодекс допускал только трудовую аренду, т. е. то количество земли, которое арендатор мог обработать силами своего хозяйства. На практике, землю арендовали те крестьяне, которые были способны ее хорошо обработать и, наоборот, сдавали те, которые не имели возможности или не хотели трудиться с полной отдачей. В итоге, в условиях запрета купли-продажи земли, с помощью аренды происходило перераспределение земли между хозяйствами, уничтожались последствия поравнения земли и результаты внутриселенных переделов.

В арендные отношения втягивалось все большее количество земли и крестьянских хозяйств (в Западном регионе с 1923 г. по 1924 г. с 0,8% до 1,3%) [16, л. 2]. Согласно весеннему опросу 1925 г. в Брянской губернии арендовало землю 6,3% крестьянских хозяйств: наибольший процент приходился на Бежицкий и Жиздринский уезды-5,65%, а наименьший на Карачевский и Почепский-2,43% [17, с. 33]. Характерно, что размеры аренды и процент арендующих хозяйств были прямо пропорциональны обеспеченности хозяйств посевами и рабочим скотом, влиял на это и размер семьи. Если в 25 губерниях Европейской части России среди беспосевных насчитывалось 1,5% арендующих хозяйств, то в Брянской губернии они вообще отсутствовали; в группе с посевом до 2 дес. было соответственно 4,8% и 2,23% хозяйств, от 2 до 4 дес.-6,7% и 4,8%, от 4 до 6 дес.-10,3% и 7,4%, а от 6 до 10 дес.-15,2% и 9,9%. Как правило, в Брянской губернии хозяйства арендовали пашню в 97,4%: в 44% у учреждений (лесничество, Сахаротрест) и в 40% у односельчан. В восстановительный период краткосрочная аренда преобладала над долгосрочной. В Брянской губернии краткосрочная аренда составляла 69% арендующих землю крестьянских хозяйств.

4. Важным критерием социальной дифференциации стали отношения найма рабочей силы. С введением нэпа перед правительством встал вопрос о возможности разрешения найма рабочей силы. Закон о трудовом землепользовании и Земельный кодекс допустили применение вспомогательного наемного труда в крестьянских хозяйствах [18, с. 143]. В целом по 25 губерниям РСФСР наблюдался рост найма. В 1924 г. число батраков, нанятых отдельными крестьянскими хозяйствами, составляло 434 тыс., а крестьянскими обществами – 465 тыс. В Брянской губернии, согласно осеннему обследованию сельского хозяйства за 1924/1925 г. 11,9% (27 тыс.) крестьянских хозяйств применяли наемный труд. К сожалению, это обследование регистрировало лишь факт найма, а число работников не учитывало. Характерно, что чем больше была площадь посева в хозяйствах, тем больший процент хозяйств нанимали сроковых рабочих. Так, если на 100 хозяйств, имевших до 2 дес. приходилось 0,4 хозяйства, от 2 до 4 дес. – 0,5, от 4 до 6 дес. – 0,7, то от 6 и выше – 4,2 хозяйства. Если крупные хозяйства нанимали батраков от излишка земли (аренда), то бедняки и середняки из-за нехватки рабочей силы, отхода напромыслы. Малопосевные группы несли наибольшие расходы по найму рабочей силы – 2,8% бюджета хозяйства, в то время как, группы от 2 до 6 дес. – 0,2%, более 6 дес. – 0,22% [19, с. 21].

По характеру найма рабочей силы в губернии преобладал поденный найм (весна-54%, лето-60%), а другие виды: сроковый и сдельный значительно уступали. В отношении формы оплаты, следует отметить, что при поденном и сроковом наймах была распространена денежная форма в 70% и 64% случаях, а при найме «на срок и на помощь» - натуральная (53%). Правда, рассматривая формы оплаты по уездам, выяснилось, что натуральная плата в большей степени сохранилась в Карачевском и Почепском уездах, а денежная в Севском. Самые высокие цены держались в летний период из-за большого количества работы и срочности ее выполнения. Например, летом цены вырастали на 15% при найме работника со своим орудием, на 30% при найме одного работника и на 25% работницы, по сравнению со среднегодовыми ценами. Таким образом, в 1921-1925 гг. в Брянской губернии сельскохозяйственный найм был мелким, слой рабочих только формировался. В основном, у хозяев, нанимавших рабочую силу, подрабатывали мелкопосевщики, имеющие свое хозяйство.

Итак, в первые годы новой экономической политики с развитием рыночных отношений в российской деревне наметилась тенденция к социальной дифференциации крестьянства. Анализируя происходящие процессы социальной стратификации в брянской деревне к концу 1925 г. можно выделить следующие социальные группы:

1. Бедняки (беднота).

На официальном уровне долгое время сохранялось понятие бедноты по статье в Большой советской энциклопедии (БСЭ) 1927 г. издания. В ней к «бедноте деревенской» были отнесены «полупролетаризированные крестьяне, которым хозяйство не дает возможности прожить без побочного заработка» [20, с. 166]. В современной литературе наметилась тенденция более взвешенного подхода – выделение определенных подгрупп в бедняцком слое, поэтому и отношение односельчан к бедноте было различным: кого-то жалели и старались помочь, а на других могли просто махнуть рукой, понимая безнадежность какой-либо помощи [21]. В.Б. Жиромская считает, что «бедняцкое хозяйство – это не только совершенно разоренное хозяйство, но и хозяйство жизнеспособное с мелким посевом (не более 4 дес.), слабо обеспеченное рабочим и продуктивным скотом (безлошадное или однолошадное, бескоровное или однокоровное), почти лишенное инвентаря» [22, с. 43]. В Брянской губернии, страдающей малоземельем, критерии по посевной площади следует снизить до 2 дес. (Примечание А.М., И.М).

Таким образом, удельный вес бедноты к 1925 г. составил 43,4% хозяйств [23, с. 87].Около 54% хозяйств этого типа были безлошадными, 18% - бескоровными, 68% - безинвентарными; 43% хозяйств располагали одной лошадью, а 64%- одной коровой (за счет посевных групп с 1-2 дес.). Средний состав семьи колебался до 4 чел. Бедняцкие хозяйства не обеспечивали себя продукцией сельского хозяйства. В 1925 г. хозяйства бедняков отчуждали 16,3% всей рыночной продукцией (1/5 падала на полеводство), но в то же время приобретали 42,5%. Таким образом, доходы бедняцких хозяйств по-прежнему складывались за пределами сельского хозяйства.

2. Середняки.

К данному социальному слою в Брянской губернии следует отнести посевные группы от 2 до 8 десятин, т.е. 55,3% крестьянских хозяйств [24, с. 21].Состав середняцкой семьи состоял от 5 до 8 чел. Около 58% этих хозяйств имели одну лошадь и 64% одну корову, а 31% и 27% соответственно по две лошади и коровы, и лишь у 4% хозяйств не было собственного инвентаря. В посевной группе с 3 дес. каждое хозяйство имело инвентарь. Характерно, что середняки отчуждали на рынок сельскохозяйственной продукции в два раза больше, чем приобретали. Кроме того, они активно участвовали и в производственных отношениях: аренда земли, найм рабочей силы.

3.Зажиточное крестьянство (кулаки).

В статье сознательно не употребляется понятия «кулак», так как в современной отечественной историографии при характеристике данной социальной группы в восстановительный период чаще пользуются понятиями: зажиточные крестьяне, многопосевные, богатые. В 1921-1925 гг. слово «кулак» использовалось в партии чаще как средство политической борьбы, а не как понятие социального анализа. Отсюда, большое количество дискуссий и точек зрения. Н.И. Бухарин к кулаку причислял только «зажиточного трактирщика и деревенского ростовщика» [25, с. 154]. Председатель Брянского губсемплемхоза Калашников в 1925 г. в своем отчете губернскому отделу соцобеспечения писал: «Глава семьи из 15 едоков не может считаться кулаком, если мы дали ему 200 руб., а он купил молотилку и обмолол хлеб всей деревни» [26, л. 126]. Крестьяне – участники дискуссии в газете «Беднота» считали недостаточным определять принадлежность к кулаку «по имущественному положению» [27, с. 152]. Таким образом, «кулаком односельчане признавались те односельчане, которые систематически которые систематически и в размерах, значительно превышающих обычную практику, использовали для ведения своего хозяйства наемный труд и прибегали к кабальным ростовщическим сделкам» [28].

Итак, к зажиточным крестьянам в брянской деревне относились многопосевные хозяйства, имевшие более 8 десятин земли, т. е. 1,4% всех крестьянских хозяйств губернии. Численность семьи с таким посевом колебалась от 9 до 11 человек. Около 43% хозяйств имели по две лошади и 46% по две коровы. Кроме того, более 32% располагали более тремя коровами и лошадьми, а 9% более тремя коровами. Показательно, что хозяйства этого типа были лучше всего обеспечены орудиями труда. Они владели 17% плугов, 58% сеялок и 37% молотилок от общего количества орудий [29, л. 4]. Зажиточные хозяйства были главными поставщиками сельскохозяйственной продукции в деревне. В восстановительный период доходность этих хозяйств складывалась уже не за счет большего количества земли как до революции, а за счет сдачи внаем инвентаря, аренды земли и эксплуатации наемного труда.

Таблица 2 [30, с.147, 160].

Динамика социальной стратификации крестьянства Брянской губернии в первые годы новой экономической политики (в %):

Социальные группы	1920 г.	1925 г.
Бедняки	60,3	43,3
Середняки	39,2	55,3
Зажиточные крестьяне	0,5	1,4

Из приведенной таблицы видно, что в 1921-1925 гг. возобновился прерванный аграрной революцией процесс социальной дифференциации российской деревни, и в частности в Брянской губернии. Новое направление в развитии социальной структуры – рост средних слоёв деревни стало одним из достижений новой экономической политики. В восстановительный период произошло осереднячивание брянской деревни, в частности, наблюдалось сокращение численности беспосевных и малопосевных хозяйств; происходило увеличение числа хозяйств с посевами от 2 до 4 дес. и от 4 до 8 дес. Аналогичная тенденция прослеживается и в обеспеченности рабочим скотом и коровами: наметилось сокращение безлошадных и безкоровных хозяйств. Специфика процессов расслоения нашла отражение и в производственных отношениях: аренда земли, найм рабочей силы.

Характерно что, изменение социальной структуры крестьянства развивалось в противоречивых условиях: с одной стороны, государство активно помогало бедноте: налоговая политика, предоставление льготных кредитов, вовлечение в кооперацию, ограничивая рост крупных хозяйств, а с другой, основная часть мер, разработанных партией и государством на деле способствуя подъему всего сельского хозяйства, отвечала интереса и зажиточной части деревни, которой были выгодны и аренда земли, и наем рабочей силы, и свобода торговли.

The main purpose of the article to analyze the process of social stratification of the Russian peasantry as an example of the Bryansk region in the early years of the New Economic Policy. The authors pay attention to the problem of the classification criteria of the social structure of the peasantry in the national historiography, trace the main trends of social stratification and give characteristics of individual social groups Bryansk village.

***Keywords**: social stratification, the peasantry, Bryansk region (gybernia), the New Economic Policy.*

Список литературы

1. Рогалина Н.Л. Социальная динамика советского крестьянства 1920-х гг.//История СССР. 1987. №3.
2. См. напр.: Черненков Н.Н. К характеристике крестьянского хозяйства. М.,1905; Баскин Г.И. Современная дифференциация и современные типы крестьянского хозяйства. Самара,1926.
3. Громан В.Г. Итоги оценочного статистического исследования Пензенской губернии. Пенза,1923; Макаров Н.П. О нормах расширения крестьянского землепользования. М.,1927.
4. Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации крестьянства.//Пути сельского хозяйства. 1927. №5.
5. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М.,1927.
6. См. напр.: Анисимов Я.А., Верминичев И., Наумов К. Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп. М.,1927; Райстер А. Расслоение советской деревни. М.,1928; Дубровский С. Расслоение крестьянства и задачи партии в деревне.//На аграрном фронте. 1927. №11.
7. Крицман А.И. К вопросу о классовом расслоении советской деревни.//На аграрном фронте. 1925. №7.
8. Хрящева А.И. К вопросу об изучении расслоения крестьянства.//На аграрном фронте. 1925. №1; Она же. Группы и классы в крестьянстве. М.,1926.
9. История народного хозяйства. М.,1960; История СССР. Эпоха социализма. М.,1957; Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М.,1954; Немчинов В.С. Избранные произведения. Т.1. М.,1967; Немчинов В. С. Избранные произведения в 6 тт. Т.1. М.,1967.
10. Бахтин М.И. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства. М.,1961; Булатов И.Г. Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М.,1950.
11. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Мельников В.И. Историческая судьба крестьянства и мелкотоварного производства. Нижний Новгород, 1999; Миронова Т.П. Нэп и крестьянство.//Нэп в контексте исторического развития России. М.,2001; Современная концепция аграрного развития. Теоретический семинар.//Отечественная история. 1994. №4-5.
12. ГАБО. Ф.Р.112. Оп.1. Д.1098. Л.4.
13. ГАБО. Ф.Р.80. Оп.2. Д.14. Л.266.
14. Сборник документов по земельному законодательству. М.,1954. 719 с.
15. Земельный кодекс. М.,1923. 50 с.
16. РГАЭ. Ф.105. Оп.2. Д.489. Л.2.
17. Брянская губерния в цифрах. Вып.2. Часть1. Орел,1926. 119 с.
18. Сборник документов по земельному законодательству. М., 1954.
19. Филиппов А.В., Иванцов М.И. Рыночный оборот крестьянского хозяйства Брянской губернии. Орел,1926. 100 с.
20. Большая советская энциклопедия. Т.5. М.,1927.
21. См. напр.: Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Миронова Т.П. Нэп и крестьянство. // Нэп в контексте исторического развития России. М.,2001; Мостяева Л.В. ККОВы в 1921-1932 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Воронеж,2002.
22. Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России I пол. 20-х гг. М.,1996. 156 с.
23. Перспективы развития сельского хозяйства Брянской губернии. Орел,1925.
24. Филиппов А.В., Иванцов М.И. Рыночный оборот крестьянского хозяйства Брянской губернии. Орел,1926.
25. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.,1988. 540 с.
26. ГАБО. Ф. Р.453. Д. 535. Л. 126.
27. Деревня при нэпе. Кого считать кулаком, кого тружеником? Что говорят об этом крестьяне? М.,1924.
28. Чемоданов И.В. Социальная ситуация в вятской деревне в 1920-е гг.//Современные проблемы науки и образования. 2013. №1.
29. ГАБО. Ф. Р. 112. –Оп. 1. Д. 1098. Л. 4.
30. Подсчитано по: Малашенко И.В. Крестьянство и сельское хозяйство Брянской губернии в 1921-1925 гг. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Брянск, 2005. 263 с.

Об авторах

Малашенко А.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Брянского института управления и бизнеса, *Malashenko1976@ yandex.ru.*

Малашенко И.В. – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *Malashenko1976@ yandex.ru.*

УДК 39 + 572

СОВРЕМЕННАЯ КУХНЯ АЛТАЙЦЕВ: ТЕХНИКИ ВООБРАЖЕНИЯ ПИЩЕВОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д.В. Маслов

В работе представлены аспекты формирования пищевой культуры алтайцев в соответствии с представлениями об обособлении традиционной культуры этнографического толка. Представлены структурные функции традиционных блюд и возможности кастомизации. Показано, что мясо, по сравнению с другими продуктами, в современной системе питания алтайцев занимает важнейшее место. И это совсем непохоже на то, что было основным в их диете даже сто лет назад.
Ключевые слова: *алтайская кухня, этнографические исследования, мясо, традиционные блюда, пища, развитие, структура.*

Леонид Павлович Потапов в очерке о пище алтайцев приводит услышанную им реплику, характеризующую предпочтение алтайцев к конине, по сравнению с другими видами мяса: «с него зимой дольше не мёрзнешь и сытым дольше будешь». С неожиданным развитием этой интерпретации ценности мясной пищи для алтайцев я столкнулся в 2008 году, когда я был в гостях у алтайской семьи в селе Боочи Онгудаского района. Вместе со мной, в алтайской семье гостили две девушки, выпускницы Литературного института им. А.М. Горького в Москве, среди которых была вегетарианка. В один из вечеров, который мы коротали в *айыле* домохозяйства в компании с некоторыми местными гостями, вегетарианство стало темой обсуждения. Для местных алтайских мужчин вегетарианство стало вызовом их этнической идентичности. В одном из витков дискуссии, где вегетарианка также пыталась раскрыть свою позицию, её современным ценностям непринятия жестокого отношения к животным, один из алтайских собеседников рассказал известную в литературе легенду о том, что у барана раньше было четыре глаза, два из которых он выплакал, узнав, что создан для того, чтобы служить пищей для людей. Как почти сто лет назад они очень эмоционально говорили, что именно мясо помогает им пережить долгую зиму, и в целом полную тяжелого физического труда фермерскую жизнь.

Мясо, по сравнению с другими продуктами, в современной системе питания алтайцев занимает важнейшее место. И это совсем непохоже на то, что было основным в их диете даже сто лет назад. Почти все исследователи народов южной Сибири считали важным зафиксировать, какие продукты используют в пищу живущие здесь люди. Профессиональные этнографы систематизировали эти знания и, присовокупив свои материалы, создали цельные картины пищи алтайцев. Очерк Л.П. Потапова, как мне кажется, является наиболее фундаментальным в этом отношении. С точки зрения Л. П. Потапова пища из мяса не была повседневной для большинства алтайцев, которые в основном питались молочными продуктами, в частности твёрдым сыром – *курут*. Мясо было пищей привилегированных слоёв общества. Также его потребление было связано с сезоном и событиями хозяйственного и жизненного цикла. Говоря иначе, о повседневном употреблении мяса для большинства алтайцев не шло и речи.

Современная алтайская пищевая повседневность радикально отличается от той, которую описывал Л.П. Потапов не только как традиционную, то есть доколхозную, но и как уже современную ему - колхозную. Вместе с образованием колхозов всё больше места наряду с производными кисломолочных продуктов стал занимать хлеб. Доступнее, по оценкам Л.П. Потапова, стало и мясо. Все это, как можно понять Леонида Павловича, вело к изменению сложившегося рациона или кухни. Вот одна из показательных цитат из упомянутого выше очерка: «В противоположность коровьему *куртан* бытовавшему до революции в зажиточной среде, у бедняков распространено кушанье из конины под названием *карта*. Это была вывороченная прямая кишка лошади, нарезанная на куски и сваренная в котле. Мои напоминания в 1939 г., об этом кушанье колхозникам алтайцам в Усть-Канском районе вызвали дружный смех. Однако один из пожилых алтайцев из яконурского колхоза им. К. Маркса заметил, что «некоторые и теперь едят *карта*, так как она бывает очень жирной». Его замечание вызвало новый взрыв смеха присутствующих, особенно молодежи. Все наперебой стали утверждать, что *карта* теперь бросают собакам...» [5]

Классическая советская этнография рассматривала пищу как одну из фундаментальных составляющих материальной культуры. Ни одно этнографическое описание не могло выглядеть целостным, если не содержало сведений о том, какими продуктами питается тот или иной народ, как их получает, хранит и готовит. Однако, несмотря на важное место пищи для этнографического исследования, описания пищи часто в этнографических работах выглядят очень скупыми с точки зрения её теоретического осмысления. В 1970 году советский этнограф С.А. Токарев говорил об этом на страницах журнала «Советская этнография». В своей статье «К методике этнографического изучения материальной культуры» он выделил теоретические проблемы, которые современные ему советские этнографы чаще всего решали при изучении этой сферы быта и пищи в частности. Сергей Александрович выделил девять основных проблем, но не все из них касались пищи.

Так, пищу могли изучать для описания зависимости «предметов материальной культуры от природной среды и хозяйственных занятий», зависимости «от этнических традиций, проявления этнических особенностей, сходств и различий в материальной культуре, а отсюда пользование предметами материальной культуры как источником для изучения вопросов этногенеза, этнической истории народа, культурных связей между народами, принадлежности определённых форм материальной культуры к той или иной историко-этнографической области, независимо от различного происхождения народов носителей этих форм культуры», посредством изучения

пищи, этнографы определяли «связь форм материальной культуры с различиями семейного состояния, пола, возраста их носителей», а также «зависимость элементов материальной культуры от социальной структуры общества, от классовых различий». Кроме этого, пища могла служить источником изучения изменений «в материальной культуре народа в эпоху капитализма под влиянием проникновения товарных отношений, городского быта, стирания традиционных этнических особенностей», а также «изменения форм материального быта в современную эпоху в связи с социалистическими преобразованиями» [2, с. 4].

Размышления С.А. Токарева показывает, что ценность изучения пищи этнографами, состояла в расширении исторических знаний. В последние несколько десятилетий, наряду с сохранением классического интереса, делались новые попытки расширения спектра научных проблем, в решении которых участвовало этнографическое изучение пищи того или иного народа, а также кухни как отдельного социального и культурного явления, несводимого исключительно к области материальной культуры[1]. Эти исследования показали, что изучение пищи, кухни, и пищевых практик способно дать интересные материалы для изучения этнической идентичности [1]. В настоящей статье я хотел бы показать, что современная пища алтайцев, может быть исследована не только как часть материальной культуры этого народа, но также как явление, с помощью которого воспроизводится и конструируется этническая идентичность и развивается современная этническая культура.

Потребление мяса в пищу сегодня стало одной из черт идентичности алтайцев. Для поддержания этого используются различные техники воображения (социальные инструменты и символические ресурсы): устные предания, литература и публицистика, публичные (праздничные) представления и ритуалы. Одними из мест, где посредством пищи люди репрезентируют свою этническую идентичность, то есть рассматривают её не просто как повседневную практику, а как что-то имеющее культурное значение и смысл являются туристические и краеведческие муниципальные музеи. Эти учреждения активно действуют в области престижных отношений локального сообщества. Во многом это проявляется и в том, как в них представляется «традиционная» пища алтайцев.

Центральное место в этнографических описаниях пищи алтайцев занимало описание свадебной церемонии. Интересно, что пищевая составляющая этого ритуала часто была отнесена не к описанию пищи как элемента материальной культуры, а составляла часть описания праздничной, в данном случае свадебной, *обрядности.* Это позволяло воспринимать её не только как сугубо материальное явление, но и видеть в воспроизводство символических значений.

Вера Павловна Дьяконова в своей книге «Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая)» реконструирует пищевые практики свадебного ритуала так: «Одним из важнейших церемониалов свадебного пира было поднесение блюда (*тепши*), на котором раскладывались самые важные и почитаемые части сваренной туши овцы. Подавал его старейший сват (*куда*), при этом через правое плечо у него был перекинут лоскут ткани белого цвета, называвшейся *илу.* Внеся в дом мясо и преклонив правое колено, он ставил тепши на левое и поворачивал трижды посолонь, после чего отдавал родственникам невесты. Куски мяса *разбирались* (sic) по предписанному ритуалу. Заднюю часть (*уча*) брала мать жениха и женщины её рода. Немного поев, они передавали её другим женщинам. Мужчинам и, прежде всего, брату жениха (*не ясно старшему или младшему или каждому из них - ДМ*), отдавались лопатки (*јарын*) и грудина (*тош*). К этому блюду обязательно подавался и большой сосуд (*тажуур*) с *аракой*» [2, с. 131-132].

В современной этнической культуре алтайцев в повседневной жизни пища также используется как символический язык, который позволяет подчеркнуть социальный статус гостей, и даже культурное значение самого события, в рамках которого происходит угощение.

Обычное посещение алтайцами квартир, домов и стоянок своих знакомых всегда сопровождается небольшой трапезой, как минимум чаепитием. Количество блюд на столе, их разнообразие отражает статус события в повседневной жизни. В ритуалах речь идёт не столько о блюдах, сколько о наборе продуктов: мясо, молоко, жир, чай, «сладкое», «выпечка», *талкан*. На коллективных праздниках в деревне, в том числе свадьбах, к продуктам добавляют блюда и напитки: *кёчё, јёргём*, гуляш, *аракы* и т.д. Именно из этого набора, отличающегося от ежедневной пищи алтайцев достаточно сильно, складывается то, что в музеях называется «алтайская кухня».

Накрытый стол в современной алтайской культуре, передаёт различные *престижные* значения, независимо от того, насколько близко он сервирован по отношению к «традиционному». В тех случаях, когда вкус пищи зависит уже от того, как она была разделана, ошибочные действия разделывающего влекут моральную, престижную оценку[2]. В приёме таких гостей как *куда* (в данном случае обобщающий термин родственников жены), в доме родителей жениха, даже вне свадебных ритуалов, а при простом гостевании, большое внимание уделяется подготовке соответствующего стола. Среди прочего на нём должна быть варёная баранина. Это только одна из ситуаций семейных приёмов, на которых отсутствие мяса на столе свидетельствовало бы о невнимательности хозяев к гостям, и оскорбило бы последних. На праздниках более масштабных, которые может устраивать

[1]В 2012 году этому был посвящен специальный номер журнала «Этнографическое обозрение». А. Аппадурай (1988) одним из первых провел исследование пищи как явления, которое отражает результаты масштабных социальных трансформаций, таких как становление и воспроизводство единой национальной культуры, а также становится одним из инструментов повседневного освоения (и легитимации) культурного разнообразия, происходящего при широком распространении новых социальных институтов, моделей и способов коммуникации.

[2] Так, чтобы приготовить мясо *тарбагана* (сурка), нужно при разделывании извлечь из туши сухожилия. Если этого не сделать то, как считают алтайцы, мясо будет иметь дурной вкус. Поскольку мясо *тарбагана* хоть и любимая, но редкая даже летом пища, не все алтайцы умеют это делать. Несмотря на это, я сталкивался с ситуацией, когда один из деревенских мужчин, получив тушу сурка в подарок, при разделывании не извлек сухожилия. Это повлекло ропот недовольства окружающих, из которого можно было услышать: «взрослый мужик, а тарбагана не умеет разделывать».

как семья[1], так и трудовой коллектив, деревня (в лице администрации) и даже район, стол становится предметом обсуждения, не только через оценку качества приготовленных блюд, их разнообразия, но и мастерства сервировки. Зная об этом, организаторы праздника стараются привлечь людей, прослывших наиболее искусными поварами из представителей того коллектива, от чьего имени праздник устраивается.

Знакомство с «алтайской кухней» в музеях может быть рассмотрено как тактика вовлечения посетителей в реконструируемую в музее алтайскую повседневность, в которой представления о «традиционной» культуре объединяются с моделями поведения современной светской публичной культуры. О посетителях муниципальных музеев часто говорят как о гостях (*айылчылар*). Предложение пищи в качестве пути знакомства с культурой народа в музее выглядит как ситуация, в которой кроме вкуса, названия, облика, и даже рецепта, происходит репрезентация этнической идентичности алтайцев и, вместе с этим, объяснение ценностей современной этнической культуры.

Рассказы о пище в музеях, это не рассказы о пище как части материальной культуры как таковой, а способ репрезентации повседневных норм и правил поведения. В с. Усть-Кан некоторые члены одной из групп гостей на следующий день после посещения муниципального музея, частью которого было знакомство с «алтайской кухней», почувствовали недомогание. Экскурсовод, так рассказывала о причинах произошедшего:

-Ну, некоторые пробовали, некоторые нет... Потом говорю, вот у вас, у вас, у вас, у вас – возможно, завтра будет несварение желудка. А остальные ничего, ну, так, переночевали, встали утром, у тех наутро точно, с животами проблема. Они меня спрашивают, почему? Типа, как бы закодировала, я говорю, ничего я не кодировала, потому что я видела ваше отношение к той кухне. А вот эти люди, они полностью доверились. Это просто вы уже до того свой организм настроили, что это не ваше, и потом все смеялись

- а вот, может быть, Вы им сказали, а если бы не сказали…?

- ну, они так говорят… один, вообще, не слышал, что я сказала так, а вот двое те слышали. Потом, я спрашиваю, а вы ему сказали, они - нет, но он не знал же, говорю, а просто отношение было настолько привередливое.

С точки зрения работника музея, употребление пищи становится практикой, имеющей моральное содержание. Гостям не просто предлагается попробовать, оценить презентационный набор блюд и продуктов, но и симметрично ответить (отдарить) демонстрации гостеприимства.

Нарушение правил гостеприимства приводит к санкциям человеческого естества. Стоит отметить сюжетную близость этой истории с историями о не признающих меру охотниках, которые встречались мне. В них охотники, убивающие животных в количестве сверх насущной необходимости родственников в пище, обязательно несли наказание (выливающееся на них самих или их детей), связанное с функционированием тела или даже смерти. Похожим образом, посетители музея, нарушившие этические культурные границы, понесли наказание, связанное с функционированием тела.

Но контекст, в котором этот рассказ прозвучал, наводит на мысль, что эта фольклорная структура расширяется за счёт включения элементов риторики, пришедших из современной массовой культуры. При отсутствии на Алтае универсального специального языка кулинарии, наподобие того, что мы встречаем в кулинарных книгах, пища, то есть то, с помощью чего предлагают вообразить знакомство с этнической культурой, передает не только повседневные ценности, такие как её сытность или даже конкретные вкусовые качества, но репрезентирует ценности деревенского образа жизни.

«Потом кухня – она натуральная, там и баранина идёт… ну, тяжелая пища. Потом помесь кишок *дьоргем*. Он безотходный продукт. Вот это *кюлюбе*, она более ценная, говорю. Потому что в нем - то вещество, которое заменитель тех овощей и фруктов, которые у нас не растут».

Натуральной алтайской пищи – становится её новой воображаемой повседневной ценность и элементом современной этнической идентичности алтайцев. Презентуя «алтайскую кухню» как «натуральную», алтайцы посредством использования наделения предметов этнической материальной культуры, различных блюд, значениями доступными из публичной и массовой культуры, создают отличительные черты образа культурного Другого. Важным элементов современной этнической идентичности алтайцев, является культурная дистанция между воображением о городском образе жизни и воображение об образе жизни «на земле».

Приведённый пример служит иллюстрацией ещё одной важной характеристики современной публичной культуры алтайцев и их этнической идентичности. Тактики презентаций пищи в музеях, говорят о том, что понятие традиции для алтайцев нуждается в переосмыслении с точки зрения ценностей современной культуры. Пищевая культура алтайцев сохраняет важное место в повседневной жизни этого народа. Культурные ценности находят своё выражение на практике: при организации угощения для гостей, организации праздничных и социально важных событий. Вместе с этим посредством новых социальных инструментов, таких как музеи, кафе, кулинарные книги, интернет сайты, алтайская кухня получает новый образ, приобретает новые престижные значения, нехарактерные для локальной культуры исторически.

The paper presents aspects of formation of a food crop Altai in accordance with the notions of isolation traditional culture ethnographic sense. Is a structural feature of traditional dishes and customization. It has been shown that the meat, compared with other products in the modern system of power Altai forefront. And it is unlikely that it was a staple in their diet, even a hundred years ago.
Keywords: *Altai kitchen, ethnographic research, meat, traditional dishes, food, development, structure.*

[1] Самый показательный из них *той* (свадьба), но его структура, в том числе угощение, в своей неритуальной части, идентична другим праздникам, в том числе организуемым не семьей, а, например, администрацией деревни.

Список литературы

1. Гуляева Е.Ю. Кулинарные практики и этничность (по материалам наблюдений и интервью с армянами Петербурга)//Этнографическое обозрение № 5, 2012, с.24–40.
2. Дьяконова, В. П. Алтайцы (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск. 2001.
3. Потапов Л. П. "Пища алтайцев"// Сб. Музея антропологии и этнографии, XIV, 1951, с. 37-71.
4. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры //Советская этнография, № 4 1970, с. 3-17.
5. Appadurai, A. “Howto Makea National Cuisine: Cookbooks in Contemporary India” in. Comparative Studies in Society and History 30, 1: 3-24.

Об авторе

Маслов Д.В. – независимый исследователь, ООО "Алтай М", *ed@lenta.ru*

УДК: 94(47).084.8

ТАКТИКА СОВЕТСКИХ ВОЙСК И ПРОТИВНИКА В ХОДЕ ДЕБРЕЦЕНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (ОКТЯБРЬ 1944 г.)

А.Г. Михайлик

Дебреценская наступательная операция войск 2-го Украинского фронта 6 – 28 октября 1944 г. привела к освобождению третьей части территории и четверти населения Венгрии. Войска противника упорно обороняли укрепленные узлы сопротивления, при отступлении минировали дороги, прикрывались подвижными арьергардами. Советские войска демонстрировали эффективное взаимодействие пехоты, кавалерии, артиллерии, бронетанковых войск и авиации, использовали авангардные подвижные отряды, что и явилось одной из основных причин их успеха.

Ключевые слова: *Венгрия, Дебреценская наступательная операция, тактика*

Освобождение Красной Армией Венгрии от фашизма началось с Дебреценской стратегической наступательной операции войск 2-го Украинского фронта. Перед ними Ставкой была поставлена задача содействовать наступлению 4-го Украинского фронта, войска которого с большим трудом пробивались к упорно обороняемым немецко-венгерскими войсками перевалам Восточных Карпат, очистить от противника северную Трансильванию и выйти в тыл 8-й немецкой и 1-й венгерской армиям. Начало наступления было назначено на 3 октября, однако из-за отставания с сосредоточением ударных группировок было перенесено на 6 октября. Директивой Ставки № 220234 от 3.10.1944 г. 6-ю гв. танковую армию было приказано использовать вместе с конно-механизированной группой генерала Плиева для удара на север, в обход Дебрецена с запада. Вместе с ними наступала на Дебрецен 53-я армия (выдвижение подвижных сил в первый эшелон было обусловлено слабостью обороны противника на данном направлении, что давало возможность быстрого прорыва в глубину). Южнее, на левом крыле, переданная из состава 3-го УФ 46-я армия вместе с подчиненной ей в оперативном отношении 1-й румынской армией должны были форсировать Тиссу, занять плацдармы на ее правобережье и далее очищать междуречье Тиссы и Дуная (Бачку). Севернее 27-я армия вместе с 4-й румынской армией наступали на Клуж, а на правом крыле 7-я гв. армия и 40-я армия – в направлении на Сигет, Сату-Маре, Карей[1].

Соотношение сил было в пользу 2-го Украинского фронта, которым командовал маршал Р.Я. Малиновский. В его состав входили пять общевойсковых (7-я гвардейская, 27-я, 40-я, 46-я, 53-я армии), одна танковая (6-я гв. ТА), одна воздушная (5-я ВА) армии, две конно-механизированных группы (генералов И.А. Плиева и С.И. Горшкова в составе двух механизированных и трех кавалерийских корпусов), два укрепрайона, 18-й тк и другие части и соединения; в оперативном подчинении 2-го УФ находились 1-я и 4-я румынские армии (22 дивизии, но недостаточно укомплектованные и слабо вооруженные). Его противником являлась группа армий «Юг» под командованием генерал-полковника Г. Фриснера, в которую входили, в порядке занимаемых позиций с юга на север, 3-я венгерская, 6-я немецкая, 2-я венгерская и 8-я немецкая армии, прикрываемые с воздуха частью авиации 4-го воздушного флота. 2-й Украинский фронт располагал 750 танками и САУ, 10200 орудиями и минометами (не считая 57-мм и 45-мм, зенитных и РС), 1100 самолетами; у противника имелось 3500 орудий и минометов, 300 танков и САУ, 550 самолетов[2].

Однако запланированная наступательная операция имела и свои сложности. Общая длина линии фронта составляла около 800 км, поэтому на каждую дивизию (40 дивизий 2-го УФ и 22 румынских) приходилось 13 км; такая оперативная плотность была в 2 раза ниже, чем в других стратегических наступательных операциях 1944 г., и в 3-4 раза ниже, чем в операциях 1945 г.[3] Кроме того, возникли серьезные затруднения с тыловым обеспечением, связанные с состоянием дорожной сети на территории Румынии: отступая, противник разрушал железнодорожные пути и шоссейные дороги, уничтожал навигационное оборудование на реках, выводил и уничтожал подвижной состав. Дополнительную сложность представлял тот факт, что западноевропейская железнодорожная колея была уже советской (союзной: 1435 мм и 1524 мм соответственно), станционные пути были

короче, габариты на мостах и в тоннелях меньше. В этой ситуации требовалось перешивать полотно (так, на союзную колею было решено перешить один путь двухпутной линии от Унген до Плоешти протяженностью около 400 км и обеспечить ее советским подвижным составом) и/или создавать перегрузочные базы, используя трофейные локомотивы и вагоны (такие базы были созданы в Галаце, Яссах, Плоешти), переформировывать составы, восстанавливать мосты, виадуки и тоннели. Работы велись в максимальном темпе: железные дороги восстанавливались и перешивались со скоростью около 10 км в сутки (на отдельных участках – до 61 км в сутки); военные железнодорожники перешили на союзную колею в Румынии 690 км железных дорог, восстановили 380 км главных железнодорожных путей, свыше 1000 мостов и 16 тоннелей. Пока на железных дорогах шли восстановительные работы, тяжелая нагрузка легла на военно-автомобильные части, перевозившие боеприпасы, горючее и личный состав круглосуточно.[4] Несмотря на все усилия, состояние путей и количество транспорта не позволяли добиться требовавшихся объемов и темпов перевозок – как вспоминал позднее маршал Р.Я. Малиновский, «несмотря на неоднократные просьбы Военного совета фронта, Ставке так и не удалось обеспечить доставку необходимого количества боеприпасов на фронтовые склады»[5]. Наконец, еще одна сложность заключалась в том, что подготовка к Дебреценской стратегической наступательной операции велась непосредственно во время боевых действий, что создавало определенные организационные трудности.

Тем не менее, все эти трудности и сложности были преодолены и 6 октября 1944 г. войска фронта начали Дебреценскую наступательную операцию. В течение трех дней конно-механизированная группа генерала Плиева вместе с частями 53-й армии, прорвав оборону противника, вышли в район Карцага (западнее Дебрецена), образовав клин до 100 км в глубину и до 45 км по фронту. Но в центре и на правом крыле противник продолжал удерживать Орадя и Клуж, соединения 6-й гв. танковой и 27-й армий не имели продвижения. Тогда Ставка дала директиву, согласно которой Орадя должен был взят комбинированным ударом 33-го ск с юга, 6-й гв. ТА с запада и 6-го гв. кк и 7-го мк КМГ Плиева с северо-запада, тогда как 4-й гв. кк должен был самостоятельно овладеть Дебреценом. Находясь к этому моменту в оперативном окружении (немецкий 3-й тк юго-западнее Дебрецена нанес удар во фланг КМГ), подвижные соединения Плиева развернулись на 180 градусов и 12 октября вместе с другими частями овладели Орадя. За день до этого 46-й армией был взят Сегед, а 27-й армией – Клуж; утратив важные узлы коммуникаций и опасаясь окружения, 1-я и 2-я венгерские и 8-я немецкая армии начали отход из Трансильвании. Советское командование, в свою очередь, стремясь не выпустить противника из наметившегося мешка, поставило перед КМГ Плиева, которую поддерживали 27-я, 6-я гв. танковая армии и КМГ Горшкова (5-й гв. кк и 23-й тк), задачу нанести удар на север в направлении Дебрецен, Ньиредьхаза, Чоп навстречу 18-й армии 4-го УФ, активизировавшего свои действия, так как 15 октября противник начал отводить свои войска из Украинских Карпат. 18 октября войска 4-го УФ взяли Сигет, а 19 октября войсками 2-го УФ был освобожден Дебрецен.

В тот же день противник силами 4-го тк нанес контрудар из района Сольнок в направлении Карцаг, Пюшпек-Ладань и к исходу 21 октября продвинулся на 40 км, достигнув р. Кереш. Командование 2-го УФ перебросило с правого крыла фронта 7-ю гв. армию, которая восстановила положение и к 23 октября вышла к Тиссе, а к 29 октября полностью переправилась на западный берег. В центре фронта после взятия Дебрецена две конно-механизированные группы были объединены с целью овладения Ньиредьхазой, прикрывавшей подступы к наиболее удобным переправам через Тиссу в районе Ракамаз, Домбрад; взяв их, наши войска практически завершили бы окружение трансильванской группировки противника. 21 октября Ньиредьхаза была взята, а передовые части вышли к переправам через Тиссу в Ракамазе, Домбраде и Токае. В этот критический момент немецкое командование сумело организовать контрудар: 3-й тк и 9-й ак (в) атаковали с юго-запада, а с северо-востока подошли отступавшие соединения 8-й армии – 17-й и 29-й ак; соединившись в районе Надь-Калло, они разрезали КМГ надвое. Генералу Плиеву было приказано основными силами прорываться через Надь-Калло на соединение с 27-й армией; 27 октября после тяжелых боев два кавалерийских и танковый корпуса вышли из окружения.

Таким образом, окружить карпатско-трансильванскую группировку противника не удалось: венгерские и немецкие соединения смогли отойти или прорваться, заняв затем новые рубежи обороны. Вместе с тем войска 2-го УФ в ходе Дебреценской операции продвинулись на 130-275 километров, разгромили 10 дивизий противника и взяли в плен более 42 тыс. чел., освободив северную Трансильванию, левобережье Тиссы и значительные территории между Тиссой и Дунаем, тогда как 4-й УФ во взаимодействии с ними занял Хуст, Мукачево и Ужгород, завершив Карпато-Ужгородскую операцию освобождением Закарпатской Украины. За 23 дня наступления войска 2-го Украинского фронта разгромили 10 дивизий противника, взяли в плен более 42 тыс. солдат и офицеров. Войсками 2-го УФ было уничтожено 915 танков и штурмовых орудий, 793 миномета, 428 бронемашин и бронетранспортеров, 416 самолетов, 8 бронепоездов, свыше 3 тыс. автомашин, захвачено 138 танков и штурмовых орудий, 856 орудий, 681 миномет, 386 самолетов, 16 тыс. винтовок и автоматов.[6]

Представляет интерес сравнение тактики войск 2-го УФ и войск противника в ходе Дебреценской операции. Противник, отступая под натиском войск 2-го Украинского фронта, в течение всего октября 1944 г. вел сдерживающие наше наступление тяжелые арьергардные бои, опираясь на заранее подготовленные укрепления полевого типа. Его оборона в основном строилась на удержании узлов дорог, крупных населенных пунктов и командных высот, а промежутки между этими объектами занимались небольшими группами пехоты, а также прикрывались артиллерийско-минометным огнем, группами танков, самоходных орудий и бронетранспортеров с пехотой. Последние, как правило, составляли подвижные группы и выбрасывались противником на том

направлении, где ему угрожала наибольшая опасность.

Пехота противника, не имея достаточных сил для занятия сплошной обороны перед всем фронтом советских войск, строила свою оборону по принципу создания отдельных узлов сопротивления и опорных пунктов, используя, в основном, господствующие высоты, населенные пункты, главным образом у дорог, и водные рубежи – реки и каналы. Каждый опорный пункт и узел сопротивления приспособлялся к круговой обороне, насыщался пехотным оружием и отдельными орудиями, танками и самоходными установками с таким расчетом, чтобы был обеспечен сплошной круговой огонь. Такие опорные пункты и узлы сопротивления противник оборонял до последнего патрона и при потере своих позиций переходил в ожесточенные контратаки, повторяя их последовательно по несколько раз.

Вынужденный под натиском войск 2-го УФ отступать, противник отход своих главных сил прикрывал сильными подвижными арьергардами численностью от батальона до пехотного полка. Такие арьергарды действовали на главных направлениях наступления наших войск. В состав этих арьергардов входили пехота, артиллерия, минометы, бронетранспортеры, самоходные орудия и саперы. Эти подвижные арьергардные отряды не ограничивались только пассивной обороной на заранее подготовленных рубежах, а активно контратаковали наступающие части, вклиниваясь в боевые порядки, просачиваясь на тыловые коммуникации.

В целях выиграть время для производства оборонительных работ на очередном рубеже и для отвода тылов, подвижные арьергардные отряды противника устраивали на путях своего отхода всевозможные «сюрпризы», мешающие быстрому продвижению наших войск. Для этого противник обильно минировал все дороги и тропы минами натяжного действия, взрывал мосты и разрушал полотно шоссе в местах, не имеющих объездов, а в дефиле заваливал дороги, взрывом обрушивая горные породы. Нередко противник практиковал установку на дорогах фугасов большой взрывной силы. С этой целью на соответствующих участках дорог заблаговременно подготавливался бетонированный колодец глубиной от 3 до 4 метров и диаметром в полметра. В колодец закладывалось взрывчатое вещество в двух бочках по 100 кг, соединенных между собой детонирующим шнуром. При взрыве подобного фугаса на дороге образовывались воронки глубиной до 2-х метров и диаметром от 6 до 20 метров, преодоление которых было невозможно без строительства специальных мостов.[7]

В арьергардные части противник направлял, главным образом, 81-мм и 120-мм минометы и легкие орудия, наиболее удобные для передвижения и маневра колесами. Находящийся в арьергарде полк на всех полевых дорогах, горных тропах и в долинах прикрываемого направления оставлял по одной усиленной роте от каждого батальона, оснащая их 2-3 орудиями ПТО, 5-6 минометами и несколькими легкими и тяжелыми пулеметами. Каждый пехотный батальон, в период отхода прикрывавший отступление главных сил, усиливался 2-3 артиллерийскими и минометными батареями. Кроме того, для прикрытия арьергардных частей противник вел артиллерийский огонь орудиями большой мощности из глубины своей обороны с заранее подготовленных огневых позиций по заранее пристрелянным рубежам. Такая организация артиллерийского и минометного огня позволяла сравнительно небольшим арьергардным частям удерживать продолжительное время важные опорные пункты на пути наступления войск 2-го УФ. Орадна, Регин, Сату-Маре, Карей и многие другие важные опорные пункты упорно удерживались противником благодаря сочетанию огня арьергардных частей с огнем артиллерии большой мощности, расположенной на сравнительно отдаленных огневых позициях.

Орудия прямой наводки устанавливались на обочинах дорог и на самих дорогах. Самоходные орудия располагались в боевых порядках пехоты за прикрытиями, вели огонь с места и сопровождали пехоту во время контратак. Там, где оборона противника состояла из отдельных узлов сопротивления, не имеющих тесной огневой связи между собой, комбинированные подвижные группы численностью до 15 единиц (танки, самоходные орудия и бронетранспортеры с пехотой) патрулировали промежутки между узлами сопротивления.[8]

Авиация противника активно противодействовала наступлению войск 2-го УФ и боевым действиям советской авиации. Группами до 30 Ю-87 и до 20 ФВ-190 под прикрытием истребителей вражеская авиация бомбардировала и штурмовала боевые порядки наступающих войск 2-го УФ в районах Сегед, Сольнок, Орадеа-Маре, Клуж, Дебрецен, Ньиредьхаза. Группами до 20 самолетов ФВ-190, Ю-87 и реже Ю-88 и Хе-111 под прикрытием истребителей Ме-109 и ФВ-190 авиация противника поддерживала наступление своих войск в районе Сольнок, Сарваш, Ньиредьхаза, Дебрецен, нанося удары по нашим войскам и пытаясь блокировать аэродромы наших штурмовиков и истребителей в районе юго-восточнее Сарваш. Всего за октябрь 1944 г. авиация противника произвела 1679 самолетопролетов, из них по типам: 131 – Хе-111, 133 – Ю-88, 195 – Ю-87, 288 – Ме-109, 56 – Ме-110, 816 – ФВ-190, 18 – ФВ-189, 20 – ХШ-123, 9 – ХШ-126, 5 – ХШ-129, 8 – ДО-215.[9]

Однако господство в воздухе все же оставалось за советской авиацией. В течение октября 1944 г. наша авиация произвела 6554 боевых самолетовылетов, из них по типам самолетов: Ил-2 – 1594, А-20-Ж – 86, Пе-2 – 49, Як-1, 3, 7, 9 – 2005, Ла-5, 7 – 1555, По-2 – 1265; в том числе ночью 880 самолетовылетов (А-20-Ж – 25, По-2 – 855).

По выполнению задач самолетовылеты распределялись следующим образом:

1. На штурмовку войск и техники противника – 1498.
2. На бомбардирование войск и техники противника – 594.
3. На разведку – 791.
4. На бомбардирование аэродромов противника – 12.
5. На прикрытие войск – 1778.

6. На сопровождение – 1205.
7. На перехват и отражение налетов противника – 94.
8. На прикрытие переправ – 143.
9. На свободную охоту – 46.
10. На доставку боеприпасов окруженным войскам – 73.
11. На выполнение спецзаданий 2-го УФ – 320.

Общий боевой налет составил 7683 самолеточасов.

Авиация 2-го УФ в октябре 1944 г. провела 151 воздушный бой, в которых с нашей стороны участвовало 650 самолетов. В результате воздушных боев было сбито 149 самолетов противника, из них по типам: ФВ-190 – 87, МЕ-109 – 26, Ю-87 – 22, До-217 – 3, Ю-88 – 6, Хе-126 – 2, ХШ-129 – 2, ФИ-156 – 1.[10]

Большую роль сыграла авиация 5-й воздушной армии в обеспечении прикрытия и поддержки войск конно-механизированной группы генерала Плиева во время ведения ей боев в окружении. Для отражения атак противника по внешнему кольцу окруженной КМГ было выделено две авиадивизии, из них одна штурмовая и одна истребительная. Командиры дивизий были оперативно выброшены на НП командующего КМГ и постоянно находились при нем со всеми своими радиосредствами связи и управления, при помощи которых вызывались авиагруппы на поле боя и им ставились боевые задачи, указывались и обеспечивались цели. Такая организация позволяла наносить бомбардировочно-штурмовые удары авиации там и тогда, где и в какое время требовалось в соответствии с быстро меняющейся обстановкой.

Эффективность взаимодействия подвижных и наземных войск с авиацией и организации управления ею над полем боя при отражении контратак противника подтверждались многочисленными примерами. Так, 20 октября группа 9 ИЛ-2 130-го гв. шап, ведущий гв. капитан Тутаев, под прикрытием 4 ЛА-5 в период 12.00 – 12.20 с высоты 600 м с лавирования восемью заходами нанесла бомбардировочно-штурмовой удар по скоплениям танков, автомашин и пехоте противника, сосредоточенных для контратаки в районе севернее Теркесентмиклош. При подходе группы к цели с южной стороны Теркесентмиклош зенитная артиллерия противника открыла заградительный огонь (2 батареи МЗА, 1 батарея ЗА). Ведущий группы по радио подал команду: «второму звену подавить огонь ЗА». После этого группа перестроилась в круг и произвела 8 заходов на цель, встречая огневое противодействие только от танков. В результате длительного воздействия с воздуха наших штурмовиков на танки, стоявшие на исходном рубеже, контратака противника была сорвана.

27 октября командир авиадивизии, находящийся на НП командующего КМГ, вызвал по радио группу истребителей и поставил ей задачу прикрыть наземные войска. В период 15.00 – 15.56 группа из 6-ти ЯК-9 с ведущим зам. командира 13-й гв. иад гв. подполковником Боровым, прикрывая кавалеристов, встретили 16 ФВ-190 и 4 МЕ-109, пытавшихся бомбардировать и штурмовать наши войска по дороге Ньиредьхаза – Ракомаз. Гв. подполковник Боровой, пользуясь тем, что истребители МЕ-109 были сзади ФВ-190, атаковал 16 ФВ-190 сверху в лоб одновременно всей шестеркой. В результате первой атаки было сбито 3 ФВ-190. Остальные, рассыпавшись, сбросили бомбы беспорядочно в поле и ушли в северо-западном направлении, а истребители МЕ-109, не приняв боя, боевым разворотом скрылись в облачность.[11]

Поддержку частям КМГ оказывали не только истребители и штурмовики. Как пишет автор очерка боевого пути 5-й воздушной армии С.М. Давтян, «неоценимую помощь конно-механизированной группе генерала И.А. Плиева оказали полки 312-й ночной легкобомбардировочной авиадивизии. Ее экипажи но только бомбили тыловые объекты противника, но также выполняли задачу по доставке боеприпасов кавалерийским частям, окруженным в районе Хайду-Собосло, а затем в районе Ньиредьхазы. При этом отличились экипажи заместителя командира авиаполка капитана С.Я. Добрушкина, командира эскадрильи капитана П.П. Закревского и командира звена лейтенанта Н.А. Шмелева. Они неоднократно производили посадки в районе окруженных частей, сбрасывали грузы с малой высоты и под обстрелом противника уходили на свой аэродром Орадя. А лейтенант Н.А. Шмелев, доложив командиру полка майору А.И. Чернобурову о трудном положении кавалеристов, перелетел на площадку выгрузки и в течение ночи руководил приемом самолетов с боеприпасами»[12].

Наземные войска не отставали от авиаторов, демонстрируя образцы мужества, отваги и, что чрезвычайно важно – тактического мастерства. Например, действия 240-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Т.Ф. Уманского (50-й ск 40-й армии) на одном из труднейших участков полосы наступления вдоль важной горной магистрали: Борша, Фельшо-Вишшо, Петрова, Сигет, можно привести в качестве примера хорошо организованного преследования противника. На данном направлении к началу октября 1944 г. действовали части 22-го, 27-го, 19-го пограничных батальонов венгров, 8-я лпд немцев и 1/57 пп венгров, которые опирались на заранее подготовленную систему опорных пунктов с наличием проволочных заграждений в 3-4 кола, минных полей, лесных завалов и траншей полного профиля. Перед дивизией стояла задача – прорвать укрепленную полосу противника в направлении крупного узла сопротивления Борша и преследовать отходящего на Сигет противника.

В течение нескольких дней дивизия вела напряженные бои на подступах к Борше. К исходу 14 октября 1944 г. дивизия одним полком, обходя оборону противника с севера по труднопроходимым горным тропам, опрокинула его сильные заслоны, расположенные по долине р. Числа и штурмом овладела важным опорным пунктом, прикрывающим Боршу с севера – Боршагандалом, создав угрозу перехвата путей отхода, а другим полком действовала с юго-востока, перехватывая все дороги и тропы, идущие из Борши в юго-западном направлении.

Противник, видя угрозу выхода наших частей на его тыловые коммуникации, начал поспешный отход, прикрываясь сильными арьергардами. Части дивизии начали неотступное преследование отходящего противника.

Преследование осуществлялось сильными подвижными отрядами, ни на одну минуту не терявшими соприкосновения с арьергардными частями противника, прикрывавшими отход главных сил по направлению Фельшо-Вишшо, Сигет. Дивизия преследовала противника по главной магистрали и выбрасывала небольшие отряды на дороги, идущие на отдельных участках параллельно основной дороге, с задачей наносить внезапные удары с флангов, уничтожать живую силу и технику противника и, тем самым, не позволять ему перейти к обороне на промежуточных рубежах. В течении трех дней полки дивизии, несмотря на разрушенные дороги, взорванные мосты, минные поля, не позволяли противнику оторваться от наших передовых частей и оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление. За это время части дивизии с боями продвинулись свыше 60 км по труднодоступным горным дорогам и тропам и завязали ожесточенные бои на подступах к крупному узлу сопротивления – городу Сигет, прикрывающему выход из Карпат. Преследование противника частями 240-й сд было настолько стремительным, что он не сумел организовать серьезной защиты Сигета. С утра 18 октября 1944 г. 240-я сд, взаимодействуя с частями 4-го УФ, с рубежа Лунка, Фельшо-Рона, Ронасек ударом через Крокунов и Вал сломила сопротивление противника, ворвалась в город и к исходу дня полностью очистила Сигет от вражеских войск.[13]

Хорошо показали себя и артиллеристы, которым в октябре 1944 г. пришлось действовать в сложных условиях горно-лесистой местности. В качестве примера можно привести боевые действия 10-го горно-вьючного минометного полка, который все время действовал на самых трудных в плане естественных препятствий участках. Следуя за боевыми порядками пехоты, свои огнем полк наносил удары по противнику, громил его живую силу и технику. За период наступления в Карпатах и Северной Трансильвании 10-й горно-вьючный минометный полк с боями прошел путь в 860 км, уничтожил свыше 2000 солдат и офицеров противника, 87 огневых точек, 8 орудий, 4 минометных батареи; подавил огонь 30 минометных батарей; разбил 200 повозок с военным имуществом, 20 автомашин; разрушил 19 ДЗОТ; поджег 8 складов с боеприпасами.

Все эти успехи были достигнуты благодаря четкой организации взаимодействия своего огня со стрелковыми подразделениями. Взаимодействие было организовано следующим образом: командиры артминометных полков неотлучно находились с командирами поддерживаемых стрелковых полков на одном из наблюдательных пунктов на направлении главного удара; в свою очередь, командиры дивизионов, батарей находились на наблюдательных пунктах совместно с командирами батальонов, рот. Артиллерийские и пехотные командиры проводили совместную рекогносцировку местности, намечали общие ориентиры, кодировали местность, намечали огни, устанавливали сигналы вызова и прекращения огня. Все это позволяло командиру любого стрелкового подразделения в любую минуту вызвать артминометный огонь по появившейся цели. Командир группы благодаря такой организации взаимодействия мог своевременно дать массированный огонь по нужным целям. Для корректировки огня имелись наблюдательные пункты со средствами связи в передовых подразделениях наступающей пехоты.[14]

Самоходная артиллерия обеспечивала действия танков и мотопехоты, располагаясь на флангах и непосредственно в боевых порядках пехоты. Гораздо реже «самоходчики» находились за боевыми порядками танков и пехоты. Кроме того, имелись случаи самостоятельного действия самоходной артиллерии по преследованию противника и овладению переправами. Так, 1505-й самоходный артполк (СУ-76) в 10.00 7 октября 1944 г. получил боевое распоряжение: поддержать 3/308 гв. сп и к 16.00 7.10.1944 г. овладеть селом Тэрек Канижа, после чего переправиться через р. Тисса и продолжать наступление на север вдоль правого берега реки. В 11.00 полк начал наступление по маршруту: Мокрин, Црнабара, Тэрек Канижа, имея боевой порядок: одна батарея – в ГПЗ, три батареи – в колонне. Не встречая сильного сопротивления, полк к 13.00 достиг Тэрек Канижа и к 16.00 тремя батареями овладел последним, выйдя на переправу через р. Тисса. Одна батарея поддерживала наступление кавалерийского эскадрона в направлении Окерестур.

При преследовании противника пехота отстала от 1505-го сап и последний Тэрек Канижа овладел самостоятельно, захватив при этом три штабных машины и 30 венгерских солдат. Не ожидая подхода пехоты, командир полка решил форсировать р. Тисса и захватить плацдарм. В 18.00 полк приступил к переправе одной батареи; две других батареи обеспечивали переправу первой, ведя огонь по огневым точкам противника на правом берегу. Переправившись без потерь через р. Тисса, первая батарея заняла огневые позиции и обеспечивала переправу двух других батарей. Полк в составе трех батарей без поддержки пехоты к 24.00 7.10.1944 г. переправился на правый берег, начал наступление на Ст. Канижа и к 14.00 следующего дня овладел населенным пунктом и занял круговую оборону в ожидании пехоты.[15]

Таким образом, в ходе Дебреценской наступательной операции 6-28 октября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта нанесли поражение группе армий «Юг», продемонстрировав при этом высокий уровень тактического мастерства.

Debrecen offensive of the 2nd Ukrainian Front 6 – 28 October 1944 led to the liberation third of the territory and a quarter of the population of Hungary. The troops of the enemy stubbornly defended the fortified centers of resistance, mined roads during the retreat, defended by mobile rearguards. Soviet forces demonstrated an effective interaction of infantry, cavalry, artillery, armored and air forces, using avant-garde mobile units, which was one of the main reasons for their success.
Keywords: *Hungary, Debrecen offensive operation, tactics*

Список литературы

1. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16 (5-4). М., 1999.С. 154.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945 г. (в 6 томах). Т. 4. М., 1962. С. 380; Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухо-путная армия Германии 1933-1945гг. М., 2002. С. 422.
3. Минасян М.М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. Боевые действия Красной Армии на территории Румынии, Болгарии, Венгрии и Югославии в 1944-1945 гг. М., 1967. С. 254.
4. Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1981. С. 342, 346, 348; Конарев Н.С. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987. С. 356, 367.
5. Будапешт – Вена – Прага. М., 1965. С. 45.
6. История второй мировой войны 1939–1945 гг. (в 12 томах). Т. 9. М., 1978. С. 193.
7. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1338. Л. 2, 4, 5.
8. ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1338. Л. 6, 8.
9. ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1338. Л. 8, 9.
10. ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1338. Л. 27.
11. ЦАМО. Ф. 278. Оп. 1519. Д. 56. Л. 43; Ф. 327. Оп. 4999. Д. 21. Л. 297-299.
12. Давтян С.М. Пятая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 5-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 204-205.
13. ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1338. Л. 14-15.
14. ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1338. Л. 20-21.
15. ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1338. Л. 24-25.

Об авторе

Михайлик А.Г. – доктор экономических наук, доктор юридических наук, заместитель руководителя Центрального управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор)

УДК 381.09

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛИ И ПРОИЗВОДСТВА В СССР В 1950-60^{е} ГОДЫ

И.А. Мороз

В статье рассмотрены основные трудности воздействия торговли на производство. Архивные источники и периодическая печать, использованные в статье, способствуют выделению главных методов и способов изучения покупательского спроса. Проанализированы причины недостаточного количества и ассортимента товаров в торговых организациях и пути их преодоления.
Ключевые слова: *торговля, производство, система заказов, покупательский спрос, ассортиментный минимум, выставки-просмотры, ярмарки.*

После окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 годов необходимых товаров выпускалось мало, и поэтому все они находили своего покупателя и, более того, – ощущался их дефицит. К середине же 1950^{х} годов выпуск продукции значительно увеличился, но население страны по-прежнему страдало от их нехватки. Однако постепенно проясняется главная причина происходящего: это не только нехватка сырья, материалов, оборудования и квалифицированных кадров, но, прежде всего, отсутствие анализа потребностей определенных товаров в конкретном регионе и торговой организации. Поэтому на первый план выходят проблемы взаимодействия торговли и производства.

Целью данной работы является анализ существовавших проблем между планирующими органами торговых организаций и производственными предприятиями в СССР в 1950-60^{е}годы. Успешное решение данных проблем должно было способствовать наполнению магазинов необходимым ассортиментом товаров и повышению жизненного уровня населения страны.

С начала 1950^{х} годов розничная и оптовая торговля несколько усилила свое влияние на промышленность. Однако это влияние должно было быть действеннее, принимая во внимание возросшие требования населения к товарам [1, с.44].

Важнейшими формами взаимосвязи промышленности и торговли и орудиями воздействия торговли на объем и структуру производства предметов потребления являлись хозяйственные договоры и система заказов.

Для уточнения заказов, согласования развернутого ассортимента торговые организации все больше использовали художественные советы совнархозов и управлений местной промышленности, выставки-просмотры, ярмарки по оптовой продаже товаров по образцам, смотры лучших моделей одежды и обуви, на которых предъявляли конкретные требования к улучшению качества и ассортимента [2, с.5].

В усилении воздействия важную роль играло расширение непосредственных хозяйственно-договорных отношений между розничной торговлей и промышленностью.

Реально способствовали расширению ассортимента прямые связи крупных специализированных магазинов с предприятиями, например, магазина №7 «Женское платье», №28 «Мужские костюмы» торга «Мосодежда» с московскими швейными фабриками. Так, непосредственные договорные отношения магазина №28 только с двумя швейными фабриками №2 и №5 давали ему возможность ежедневно предлагать покупателю мужские костюмы 15 разнообразных моделей всех размеров и ростов [3, с.3].

Практика говорила о необходимости совершенствования форм и методов учета спроса и доведение его до промышленности. На это обращало внимание Постановление ЦК КПСС и Совета министров от 08.08.1960 года «О мерах по дальнейшему улучшению торговли», в котором предусматривалось улучшение планирования производства товаров народного потребления, расширение и обновление ассортимента товаров в соответствии с заказами торгующих организаций [4, с.552].

Но, несмотря на принятые меры, на местах были очевидны заметные ошибки. Так, например, старший товаровед Южно-Казахстанской краевой базы «Казхозторга» Е.Донцов отмечал, что важным и ответственным моментом в работе любой торговой организации являлось состояние заявок и заключение договоров на поставку товаров. Составление заявок часто поручалось неопытным, мало осведомленным работникам.

В результате заказы не соответствовали потребностям. Например, городские торгующие организации Кзылординской области категорически отказались в 1962 году от получения олифы, а за сезон истребовали и реализовали её 12 тонн. Чимкентский горпромторг не пожелал1962 году торговать минеральными удобрениями, а база «Казхозторга» в принудительном порядке реализовала без остатка через его магазины 18 тонн различных удобрений. Горпромторг не учет свою ошибку, заказав на 1963 год всего одну тонну удобрений [5, с.3].

Многие работники торговли считали, что оптовое звено торговли должно было стать организующим центром изучения спроса и составления заказов на определенные товары. Как показывал опыт, более правильными и своевременно составленными являлись те заказы, которые оптовые базы разрабатывали сами при активном участии представителей розничных торговых предприятий и организаций [6, с.4].

Очень важен был строгий контроль за поставкой товаров в согласованном ассортименте и надлежащего качества [7, с.21].

Кроме контроля за ассортиментом, огромное значение имела борьба торговых организаций за улучшение качества товаров. В связи с этим большую роль должны были сыграть экономические санкции (неустойки, штрафы), оказывавшие непосредственное влияние на рентабельность промышленных предприятий [8, с.3].

Ещё одной проблемой отсутствия взаимодействия торговли и производства, а также ошибкой в планировании и выполнении заявок являлось отсутствие товаров в магазинах, что вызывало естественные нарекания со стороны населения страны. И даже при экономически рассчитанных заявках торговых организаций производство и базы не всегда их удовлетворяли [9, с.2].

Начальник Статистического Управления Брянской области М. Нечаенко в отчете о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 августа 1960 года «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» приводил данные о том, что из 64 наименований, указанных в заявке Управления торговли, Управлением местной промышленности не принято к исполнению 37 наименований товаров, в том числе такие товары, как петли дверные, оконные и форточные, садовый инвентарь, различные краски, переплеты оконные и дверные, зеркало и другие товары. Таким образом, спрос населения на ряд товаров не удовлетворялся [10, л.10].

Так как в 1950-60^{е} годы распределение товаров по магазинам происходило через фонды, то многие директора надеялись на поступление продукции в соответствии с разнарядкой. Если же план товарооборота не выполнялся, то они чаще всего ссылались на недостаточность фондов. Поэтому один из руководителей Областного управления торговли по Брянской области В.Тюрин на областном совещании работников государственной и кооперативной торговли по товарообороту 11 ноября 1955 года подчеркнул, что «если бы можно было больше дать товаров, их бы дали. Товарные фонды ограничены и больше не могут дать товаров, поэтому надо проявить инициативу и настойчивость в изыскании товарных резервов и вовлекать их в товарооборот. У нас плохо дело обстоит с таким вопросом, что руководящие работники торговли слишком слабо знают положение дел по каждой торговой точке. У нас ещё зачастую бывает так, что в одних магазинах товаров в излишке, а в других этих же товаров недостает, но у нас не делается того, чтобы маневрировать этими товарами. В Погаре организовали закуп картофеля на тюль. В одном месте этой тюлью всё завалили, в другом её не найдешь. Надо, чтобы товары не лежали без движения, а маневрировали» [11, л.50]. Отсюда можно сделать вывод, что одной из причин недостаточного количества товаров в магазинах было не только малое количество выпускаемой продукции, но и ошибки в планировании их поступления.

Этот же вывод подтверждает, но уже в масштабах страны, заместитель председателя правления Госбанка СССР М.Светников, который в справке министру торговли СССР Д.В.Павлову от 24.03.1956 года описывает типичную ситуацию. В связи с завозом товаров без учета спроса населения и имеющихся запасов товаров, в торговых организациях Свердловской, Куйбышевской, Ленинградской, Новгородской, Тамбовской, Челябинской областей, Украинской ССР, Узбекской ССР, туркменской ССР скопились запасы товаров, пользующихся слабым спросом, а также неходовые и залежалые товары. Даты завоза товаров в магазины Свердловской области и стоимость неходовых товаров представлены в таблице 1 [12, л.11].

Таблица 1

Срок завоза и стоимость неходовых товаров в магазинах Свердловской области на 01.02.1956 года

Наименование товара	Стоимость (в тысячах рублей)	Срок завоза (годы)
Патефоны	750	1952-1955
Грампластинки	142	1952-1955
Велокамеры с покрышками	148	1952-1953
Табачные изделия	172	1952-1955
Электропылесосы	138	1953-1954
Портативные кровати	709	1952-1954
Алюминиевая посуда	500	1953-1955
Резиновая обувь	1502	1950-1953

Причину в сложившейся ситуации М.Светников видит в том, что зачастую в затоваривании розничных торговых организаций повинны оптовые базы Министерства торговли. Вместо того, чтобы изучать на основе заявок торговых систем спрос потребителей и оказывать соответствующее воздействие на промышленность в направлении изменения ассортимента, расцветок, размеров, ростовок вырабатываемых товаров, базы беспрепятственно принимают от промышленности товары, не пользующиеся спросом покупателей, и передают их в розничную торговую сеть.

В торговой сети Таганрогского пищеторга Ростовской области постоянно нарушался ассортиментный минимум: допускались частые перебои в продаже макаронных изделий, консервов, сухих вин, папирос при наличии этих товаров на складах торгов [13, л.2].

Аналогично описывал ситуацию в торговле в Калуге Председатель исполкома Областного Совета депутатов трудящихся А.Егоров в письме Министру торговли СССР Д.В. Павлову, сообщая, что в г. Калуге и промышленных районах области, в связи с крайне ограниченными фондами, торговля обувью, швейными, трикотажными и чулочно-носочными изделиями детского ассортимента производилась в мае 1958 года с перебоями, что вызывало многочисленные справедливые жалобы трудящихся. Единственный выход, которое видело руководство областью в создавшейся ситуации, - это просьба выделить области дополнительно выше перечисленные товары [14, л.31].

В протоколе постоянной комиссии по торговле исполнительного комитета орловского городского совета народных депутатов от 26 апреля 1955 года при проверке торговли хлебом депутат Аболмазов отметил, что из-за нехватки хлеба у магазина хлеботорга №4 очередь стояла в беспорядке по тротуару, получалась толкучка. В выступлении депутат Мошкина говорилось, что население города очень нуждалось в картофеле, но в магазине его не было, хотя горпищеторг имел большое количество картофеля, который портился, а в торговлю всё же эту продукцию не выпускал [15, л.9].

А в материалах о работе постоянной комиссии по торговле за 1961 год были зафиксированы жалобы покупателей, отражающие ошибки в планировании поставок товаров в магазины. Так, в магазине №13 очень много записей (в книге жалоб и предложений покупателей) на отсутствие нужных размеров, моделей и расцветок платьев женских, спрос на платья магазином не удовлетворялся. В торговле не было платьев 52 и выше размеров [16, л.64].

В содокладе председателя комиссии по торговле И.Л. Перелыгина о работе Горпищеторга и Горпромторга указывалось, что исключительно плохо удовлетворялся спрос на зимнюю одежду, галоши, женские резиновые боты, по школьной обуви и одежде, школьной форме, ученическим папкам и портфелям [17, л.72].

В докладной секретарю обкома КПСС М.Ф.Ковалеву главный государственный инспектор по торговле в Брянской области Л.Щекина, анализируя причины перебоев в торговле отдельными товарами в апреле 1953 года, выделяла следующие: часть товаров, такие как колбасные изделия, масло сливочное, копчености отсутствовали в магазинах потому, что фонды их небольшие, в магазины поступали редко, имели повышенный спрос и реализовывались очень быстро. Другая группа товаров, как то: кондитерские, макаронные и крупяные изделия отсутствовали в магазинах в ассортименте потому, что базы промышленности имели очень узкий ассортимент этих товаров, и фонды торгов отоваривались однообразно. Некоторые товары отсутствовали в продаже из-за бесконтрольности администрации торга за завозом товаров, этим объяснялось отсутствие в продаже крупяных изделий, сахара, уксуса, кофе, горчицы при наличии этих товаров на базе торга [18, л.39].

К сожалению, подобные проблемы остались и к 1960 году. Это фиксирует в приказе по Брянскому областному управлению торговли от 31 марта 1960 года «Об итогах финансово-хозяйственной деятельности местных торгов и трестов столовых за 1959 год» начальник областного управления торговли Н. Анцыфоров. Он отмечал, что отдельные торгующие организации слабо изучали спрос покупателей, допускали существенные недостатки в организации торговли, вследствие чего допускались перебои в торговле достаточными товарами (Дятьковский торг, горпищеторг и другие), проявляли медлительность в выборке фондов и своевременное обеспечение товарами розничные торговые предприятия [19, л.40].

В Брянской области, как и в целом в стране, всегда особое внимание уделялось обеспечению населения хлебом и хлебобулочными изделиями. Поэтому в решении исполнительного комитета Брянского областного Совета депутатов трудящихся «О мероприятиях по дальнейшему улучшению торговли хлебом» в 1959 году указывалось, что, несмотря на то, что фонды сортовой муки позволяли полностью обеспечить потребность населения в булочных изделиях, выработка и продажа их населению в ряде городов производилась в недостаточном количестве и в

узком ассортименте. Хлебопекарные предприятия областного управления промышленности продовольственных товаров в городах Почепе, Севске, Стародубе, Сураже, Трубчевске и поселке Сельцо не освоили выработку городских булок, пользующихся повышенным спросом у населения; в очень ограниченных количествах эти изделия вырабатывались в г. Дятьково и Карачеве. Сельцовский хлебозавод совершенно не производил отпуск в торговую сеть поселка бараночных изделий, а Цементовский, Севский хлебозаводы выпекали их в количествах, не обеспечивавших спрос населения. В перечисленных городах и рабочих поселках не удовлетворялся спрос населения на сдобные изделия и сухари.

Предприятиями хлебопечения не осуществлялась выпечка и поставка в торговую сеть украинского, минского, рижского, горчичного и других сортов хлеба; не удовлетворялись заявки торгующих организаций на ржаной заварной хлеб, не была организована выпечка диетических изделий [20, л.16].

Таким образом, для ликвидации выше перечисленных проблем, всё большее значение и распространение приобретали формы общественного влияния на промышленность: договоры взаимных обязательств между предприятиями торговли и промышленности о расширении ассортимента, повышении качества товаров, улучшении обследования покупателей, привлечении работников промышленности к участию в выставках-продажах и покупательских конференциях и другие.

К середине 1960^{х} четко прослеживалась задача укрепления экономических связей между производством и торговлей, расширения и совершенствования всех форм и методов влияния на промышленность для того, чтобы полнее удовлетворять запросы населения страны на предметы потребления.

The article describes the main difficulties the impact of trade on production. Archival sources and periodicals used in the article, contribute to the selection of the main methods and techniques of studying consumer demand. The causes of insufficient number and range of goods in trade organizations and ways to overcome them are analyzed.
Keywords: *trade, manufacturing, order system, customer demand, assortment low, show exhibitions, fairs.*

Список литературы

1. Бударагин В.В. Экономические связи торговли с промышленностью. М.: Издательство экономической литературы, 1963.
2. Дуэль И.А. Оптовые ярмарки в СССР. М.: Госторгиздат, 1963.
3. Строгов Н. На основе учета спроса. Методы воздействия торговых организаций на промышленность // Советская торговля. 1956. 11 августа.
4. О мерах по дальнейшему улучшению торговли. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 08.08.1960 года. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Сборник документов в 16 томах. Т. 9. 1956 -1960. М.: Издательство политической литературы, 1986.
5. Донцов Е. О заявках торговых организаций // Южный Казахстан. 1963. 28 мая.
6. Байков Г.Д. Совершенствование связей торговли с промышленностью. М.: Экономика, 1967.
7. Никитин В.М., Милов В.В. Анализ хозяйственной деятельности в торговле. М.: Экономика, 1966.
8. Дедловский А. Учитывать и полнее удовлетворять запросы трудящихся // Советская Молдавия. 1953. 28 мая.
9. Коленко А. В интересах потребителей // Правда Украины. 1958.8 декабря.
10. Государственный архив Брянской области (далее - ГАБО). Ф. Р-2419. Оп. 1. Д. 1619. Докладные и аналитические записки о состоянии торговли Брянской области в 1961 году.
11. Там же. Ф. 2545. Оп. 1. Д. 136. Стенограмма областного совещания работников государственной и кооперативной торговли по товарообороту от 11 ноября 1955 года.
12. Российский государственный архив экономики. Ф. 7971. Оп. 1.Д. 2740. Справка о недостатках в торговой работе организаций министерства торговли СССР.
13. Там же.
14. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-883. Оп. 17. Д.920. Переписка по вопросам торговли. Апрель – июнь 1958 года.
15. Государственный архив Орловской области. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 46. Материалы о работе постоянной комиссии по торговле за1955 год.
16. Там же. Д. 156. Материалы о работе постоянной комиссии по торговле за 1961 год.
17. Там же.
18. ГАБО. Ф. П-1649. Оп. 1. Д.8355. Справки, докладные записки главного государственного инспектора по торговле в обком КПСС.
19. Там же. Д. 8398. Отчеты, докладные записки, справки и информации о конъюнктурном обзоре торговли Брянской области за 1959 год.
20. Там же. Ф. 2545. Оп. 2. Д. 111. Приказы Министерства торговли РСФСР, решения облисполкома и приказы областного управления торговли по вопросам торговли за 1959 год.

Об авторе

Мороз И.А. – преподаватель Брянского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, *zima.morozz@yandex.ru*

УДК 94(47)084.9

ПРОТЕСТАНТСКИЙ САМИЗДАТ 1960-Х – 1980-Х ГОДОВ В СССР

Т.К. Никольская

Самиздат является важной частью протестантской субкультуры в СССР. Его можно систематизировать по ряду категорий: способы копирования, виды изданий, содержание, конфессиональная направленность, тираж, формы организации. Помимо стихийного самиздата в СССР имелись подпольные протестантские издательства «Христианин», «Верный свидетель», «Вечность», а также разрозненные группы верующих, занимавшиеся изготовлением духовной литературы.
***Ключевые слова**: самиздат, евангельские христиане-баптисты, адвентисты седьмого дня, пятидесятники, Свидетели Иеговы.*

Под русским протестантизмом подразумеваются христианские конфессии, движения и религиозные группы, возникшие на Западе в результате развития протестантской ветви христианства и получившие свое продолжение в России среди людей, принадлежащих к русской языковой и культурной традиции (хотя не обязательно русских по национальности). В исторической ретроспективе сюда относятся: евангельские христиане, баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня, чья история в России насчитывает не менее 100 лет, а также близкие им течения.

Самобытным явлением субкультуры русского протестантизма является самиздат. Если в первое десятилетие советской власти русские протестанты продолжали свою издательскую деятельность, хотя и в ограниченных масштабах, то с началом тотальных гонений (конец 1920-х годов) она была полностью ликвидирована. В послевоенные годы издание религиозной литературы и периодики строго регламентировалось властями, так что ее заведомо не хватало для сотен тысяч протестантов. На конец 1950-х годов в СССР насчитывалось свыше 300 тысяч взрослых евангельских христиан-баптистов [1, с.155], действовал Союз адвентистов седьмого дня, а также незарегистрированные общины пятидесятников и протестантов других направлений. Между тем, в стране выходил только один протестантский журнал – издание евангельских христиан-баптистов «Братский вестник». Журнал выходил 6 раз в год тиражом 3 тысячи экземпляров (с 1979 года – 10 тысяч экземпляров) [2]. При этом значительная часть тиража не доходила до рядовых верующих. Так, в 1965 г. из 3 тысяч экземпляров «Братского вестника» 360 были высланы по зарубежным адресам, 50 – подарено иностранным делегациям, 38 – передано в советские учреждения, 224 – руководителям Всесоюзного Совета ЕХБ (ВСЕХБ) и старшим пресвитерам. Остальное распределялось по общинам с расчетом 1 журнал на 100-200 верующих [3]. Другая протестантская литература также имела недостаточные тиражи и выходила редко. Например, в 1979 году была издана брошюра-альбом на русском и английском языках «Евангельские христиане-баптисты в СССР» (М., ВСЕХБ). В 1971 году московская община адвентистов седьмого дня (АСД), с разрешения властей, издала «Утренний страж» – брошюру со стихами из Библии для ежедневного чтения в течение года [4, с.412].Разрешая выпуск таких изданий, власти стремились не столько удовлетворить потребности верующих, сколько показать мировому сообществу наличие в СССР свободы совести.

Помимо количественной недостаточности, подцензурная литература имела и ряд других недостатков: идеологизированность текстов, узкий круг авторов и предлагаемых тем, отсутствие материалов для детей и молодежи, замалчивание церковных и общественных проблем и т.д.

Попытки верующих восполнить недостаток литературы религиозным самиздатом наблюдаются на протяжении всей советской эпохи, но расцвет этого явления приходится на 1960-е – 1980-е годы. Этому способствовали некоторое смягчение политического режима, рост самосознания верующих, повышение их образовательного уровня, развитие международных контактов, позволившее советским протестантам сравнивать свою жизнь с положением единоверцев за рубежом. Кроме того, по мере развития техники и относительного роста благосостояния пишущие машинки, фотоаппараты и другие технические средства сделались более доступными для советских людей.

Как исторический источник, протестантский самиздат можно систематизировать по ряду категорий: способы копирования, виды изданий (Библии, прочие книги, периодические издания, малоформатные материалы), содержание, тираж, конфессиональная направленность, предполагаемый круг читателей, а также формы организации издания.

Стихийный самиздат – это самостоятельная, никем не направляемая деятельность отдельных верующих по изготовлению литературы для личного пользования или распространения в узком кругу родственников и знакомых. Сюда же можно отнести изготовление открыток, рисунков, схем и других иллюстративных материалов на христианскую тему, а также реставрацию и переплетение сохранившихся в семьях Библий, старых книг, песенных сборников и журналов христианского содержания. Стихийный самиздат был широко распространен как в зарегистрированных, так и в нелегальных общинах русских протестантов. Для копирования материалов верующие использовали такие способы как рукопись, машинопись, фотоспособ, иногда гектограф.

Особенностью стихийного самиздата является его малотиражность (материалы готовились в одном или нескольких экземплярах), примитивность способов копирования (преобладают рукописные тетради и блокноты). Конфессиональная направленность далеко не всегда выражена определенно. Материалы для копирования избирались произвольно, в зависимости от возможностей и личных вкусов верующих. Они интересовались не

только религиозными вопросами, но также философией, поэзией, проблемами морали, научно-популярными статьями о природе, исторических и природных катаклизмах... Таким образом, в протестантский самиздат попадали самые разные источники – от Библии и богословских трудов до публикаций советской прессы. Например, в рукописях русских протестантов 1960-х – 1980-х гг. часто встречается стихотворение Евгения Евтушенко «Остановись!», опубликованное в журнале «Огонек» (это можно проследить на примере коллекции самиздата из Архива С.-Петербургской церкви ЕХБ) [5].

В качестве другого примера можно привести рукописный песенник, изъятый при обыске у Свидетельницы Иеговы Галины Кузьминых в 1985 г. и позднее возвращенный по просьбе верующей Марии Матушинец [6]. Помимо текстов, характерных именно для этой религиозной организации, в песенник включены духовные гимны других протестантских церквей: например, «И преломив и всем раздал...» – гимн евангельских христиан-баптистов, часто исполняемый на хлебопреломление. Текст противоречит учению Свидетелей Иеговы, поскольку в нем звучит призыв ко всем христианам причащаться хлебом и вином («Друзья, примите, ешьте все...»), тогда как у Свидетелей Иеговы это дозволено лишь верующим, которые, согласно учению, входят в число 144 000 «искупленных от земли» из книги Откровение (14: 1, 3) [7, с.17].

Нередко к переписыванию религиозных материалов взрослые протестанты привлекали молодежь и детей-школьников. Например, в пятидесятнической общине Тюмени «среди детей распространяются различные сектантские «сочинения», которые переписываются и размножаются детьми – учащимися школ. Все они специально подобраны и рассчитаны на вовлечении молодежи в секту. Об этом говорят их названия: «Думы юноши», «Наши юные силы пожертвуем мы», «О, юные друзья!», «Юность» и т.д.» [8, с.32].Думается, помимо воспитательного мотива (познакомить детей с религиозными текстами, приучить к посильному труду на благо церкви), взрослые протестанты стремились использовать более высокую грамотность молодого поколения.

К форме стихийного протестантского самиздата можно отнести рассылку в советские газеты, журналы, учреждения, а также частным лицам проповедей и стихов христианского содержания. В одних случаях это делалось анонимно, в других – автор письма сообщал о себе. Так, в п. Константиновском Ростовской области пятидесятница Александра Захарова в течение ряда лет рассылала по разным адресам анонимные письма (подобие листовок) христианского содержания. В 1963 году она была осуждена на 3 года ИТЛ [Информация о судебном процессе пятидесятников от 24.07.1963. 9, л.85-86]. В 1962 году в Ленинграде молодая баптистка Аида Скрипникова отправила письмо и стихи на христианскую тему журналисту молодежной газеты «Смена» В. Кузину, автору ряда антирелигиозных статей. Правда, редакция использовала это письмо для новой публикации против баптистов с выразительным названием «Не будьте трупом среди живых!» [10].

В других случаях «издатели»-одиночки не ставили целью распространять самиздат за пределами своей общины. К числу таких документов относится анонимная фотолистовка, обращенная к «братьям и сестрам» общины ЕХБ г. Ростова-на-Дону (1980 г.). Ее автор подвергает критике моральное поведение членов общины: «Дорогие братья и сестры когда же будет у нас мир и благодать. Мы не славим нашего Господа, а только разбираем друг друга» [11, л.26 а].

На более высоком уровне стоит организованный конфессиональный самиздат, для которого характерны централизованность, многотиражность, более высокий полиграфический уровень и ясно выраженная конфессиональная направленность текстов. Наконец, только организации могли наладить выпуск *периодических* изданий, выходивших в СССР в 1960 – 1980-е гг.

К переходной форме между стихийным и организованным самиздатом можно отнести деятельность разрозненных групп верующих, изготовлявших литературу, листовки и изображения христианского содержания для распространения.

К подобным партизанским действиям можно отнести случай в Ленинграде, где осенью 1961 года группа баптистской молодежи напечатала около 2000 листовок, обращенных к неверующим, и попыталась распространить по городу, опуская в почтовые ящики. Вскоре одна из девушек – 24-летняя работница фабрики им. Ногина Людмила Щербакова – была задержана органами, а затем выявлены и другие участники группы: Владимир Филиппов, Нина Гринева, Лидия Семенова и Лев Лукинов. За распространение листовок Л.М. Щербакова, Н.А. Гринева и Л.В. Семенова были преданы товарищескому суду по месту работы. Все трое получили общественный выговор с опубликованием в печати [12, с.207]. Позже участники этой группы вошли в состав ленинградской общины баптистов-инициативников.

Движение баптистов-инициативников, начавшееся в 1961 году как протест против вмешательства государства в дела церкви, поначалу имело лишь одну цель – добиться разрешения на проведение Всесоюзного церковного съезда, который не созывался с 1944 года. Для этого была организована Инициативная группа, которую официально представляли служители Геннадий Крючков и Алексей Прокофьев (отсюда и название – «инициативники»). Однако в результате возникшего между верующими разделения часть общин ЕХБ сорганизовалась в самостоятельную, не признанную властями, церковную структуру. Нелегальный руководящий центр был назван сначала Оргкомитетом, а с 1965 года – Советом Церквей (СЦ) ЕХБ. Инициативники уделяли самиздату особое внимание. Во первых, таким способом руководители движения информировали верующих о своей позиции и действиях. Во вторых, нехватка духовной литературы и полный диктат властей в этом вопросе способствовали

росту оппозиционных настроений среди евангельских христиан-баптистов. Одной из задач движения было решить «литературную» проблему.

Первые послания Инициативной группы и Оргкомитета верующие распространяли стихийно: их переписывали от руки, печатали на машинке, передавали из рук в руки родственникам и знакомым, рассылали по почте в другие общины и даже разбрасывали в виде листовок в молитвенных домах, как это было, например, в Москве, во время богослужения 27 апреля 1962 года [13, л.62].

Вскоре, однако, руководителям движения стало ясно, что стихийных действий недостаточно. Первым периодическим изданием стал «Братский листок», содержавший церковную информацию. С 1963 г. начал выходить духовно-назидательный журнал «Вестник спасения», причем, инициатором первого выпуска была 22-летняя девушка из г. Прокопьевска Любовь Богданова. Журнал, напечатанный гектографическим способом тиражом 60 экземпляров, имел в общинах ЕХБ такой успех, что председатель СЦ Г.К. Крючков предложил сделать его общим для всего церковного братства [Унижонный А.И. Свидетельство Божьего благоволения. 14, с.25]. Богданова стала и многолетним редактором журнала, для чего ей пришлось перейти на нелегальное положение. Три года спустя к ней присоединилась другая девушка – Светлана Белецкая, участница демонстрации баптистов у здания ЦК КПСС, состоявшейся 16-17 мая 1966 года (об этом они рассказали на открытом семинаре «50 лет христианского самиздата», состоявшемся 30 января 2014 года в С.-Петербургском Христианском университете). Несмотря на условия подполья, редакции удавалось выпускать по 6 номеров в год (с такой же периодичностью выходил и официальный журнал ВСЕХБ «Братский вестник»). В нем печатались проповеди, духовно-назидательные статьи, стихи, рассказы, сообщения о гонениях верующих, письма читателей. По понятным причинам авторы публикаций обычно не указывались. В 1976 году журнал был переименован в «Вестник Истины». Под таким названием он выходит до сих пор. Его тираж в советское время определить трудно, поскольку почти каждый экземпляр, попадая к верующим, копировался дальше.

Собственный информационный бюллетень издавал Совет родственников узников ЕХБ, созданный в 1964 году. В нем сообщалась информация об арестах и судебных процессах над баптистами, публиковались фотографии осужденных, а также фотографии и адреса их семей для оказания материальной и моральной поддержки. Бюллетень передавался и за границу, где его содержание тотчас становилось достоянием СМИ и использовалось для организации кампании в защиту советских верующих. Развитие международных контактов, присоединение к ряду международных правозащитных актов вынуждали советское правительство более внимательно, чем прежде, относиться к общественному мнению других стран. Если имя религиозного активиста было хорошо известно за рубежом, к нему могли проявить снисхождение. Так, в 1979 году секретарь СЦ ЕХБ Г.П. Винс, вместо отбытия 5-летней ссылки, был выслан в США, куда разрешили выехать и его семье [15, с.250-251].

Издавалась и другая духовная литература: песенники, религиозные календари, книги протестантских авторов и, конечно, Библии. Поначалу издания СЦ печатались примитивными способами: машинопись, трафарет, стеклограф, фотоспособ, гектограф. По воспоминаниям председателя СЦ ЕХБ Г.К. Крючкова, несколько лет было потрачено на разработку офсетной печатной машины [16, с.472-475.]. В 1971 г. Советом церквей было организовано подпольное издательство «Христианин» с сетью подпольных типографий, расположенных в разных регионах страны. В них работал ограниченный круг людей, как правило, перешедших на нелегальное положение. Однако, в организованном самиздате участвовали и сотни других верующих, кто предоставлял нелегалам свои дома и квартиры, доставал бумагу и материальные средства, развозил по общинам готовую литературу и т.д.

Чекисты тщательно выслеживали «типографские точки» издательства «Христианин». Первая из них, располагавшаяся на хуторе Лигатне в Латвии, была обнаружена в 1974 году. В 1977 году в г. Кингисеппе Ленинградской области состоялся суд над тремя работниками самиздата, а также Давидом Коопом, хозяином дома в Ивангороде, где была устроена подпольная типография. Иван Левин, сестры Людмила и Лариса Зайцевы (все в разное время перешли на нелегальное положение) жили тайно в специальном помещении, замаскированном под чердак. Там находились три кровати, запасы еды и типографское оборудование; имелся даже отдельный туалет. Для сокрытия расходов электроэнергии провод закрепили на трубе водяного отопления. Звонок для связи с потайными комнатами был спрятан в шкафу. Работники типографии успели напечатать несколько выпусков «Вестника Истины» и «Братского листка», «Песни христиан», религиозные календари, книги «Тайна счастья» Билли Грэма и «Духовная война» Джона Беньяна. И.И. Левин, Д.И. Кооп и сестры Зайцевы были приговорены к лишению свободы на сроки от 3,5 до 5 лет [Информационное сообщение и приговор по делу № 2-88 о подпольной типографии «Христианин». 17, л.102-124]. В 1980 году в Днепропетровске состоялся суд над пресвитером Н.И. Кабышем и работниками издательства «Христианин» Тамарой Быстровой, Галиной Юдинцевой, Любовью Косачевич и Сергеем Бублик. При разгроме подпольной типографии в этом городе было изъято 16 тысяч экземпляров отпечатанной духовной литературы [14, с.65].

Согласно отчету Г.К. Крючкова, подготовленному для Всесоюзного совещания служителей СЦ (22 мая 1976 г.), только за первые 5 лет существования издательства «Христианин» было выпущено 350 тысяч экземпляров различной духовной литературы [16, с.260].

Другое явление организованного протестантского самиздата – подпольное издательство «Верный свидетель» Всесоюзной Церкви верных и свободных АСД. Ее руководитель, Владимир Шелков, в 1960 – 1970-е годы получил известность не только как религиозный деятель и правозащитник, но и как публицист. Шелков написал

восемь книг под общим заглавием «Священная война за свободу совести против диктатуры госатеизма», множество статей и проповедей на эту тему. Его работы нелегально переправлялись за границу, а внутри страны печатались в издательстве «Верный свидетель» [18, с.399].

По воспоминаниям О.В. Цветкова, зятя Шелкова, тот, оказавшись под угрозой ареста, решил уйти в глубокое подполье. Он купил дом в Ташкенте, где с помощью особо доверенных людей устроил бункер в промежутке между стенами: «Попасть в этот промежуток можно было лишь через люк, спрятанный под половицей. Затем нужно было по лестнице спуститься в подвал, пройти несколько метров по темному лабиринту, приоткрыть другую крышку в деревянном полу и подняться в оставленный промежуток между стенами, в своеобразный бункер». В нем даже хранился запас воды и продуктов. Для пущей достоверности Шелков инсценировал собственные похороны. Однако, чекистов это не ввело в заблуждение, и в марте 1978 года Шелков был арестован, так и не успев воспользоваться бункером [19, с.142-143]. Информация об устройстве бункера и фальшивых похоронах попала также и в советскую прессу [20].

В марте 1979 года в Ташкентском областном суде состоялся процесс над лидерами реформистов, причем, по сообщению газеты «Известия», в дни процесса «вертелся в Ташкенте» академик А.Д. Сахаров [20]. В.А. Шелков, И.С. Лепшин (зять Шелкова, позднее ставший его преемником), А.А. Спалинь (председатель «литературного комитета», редактировавший работы Шелкова) и С.П. Фурлет (хранительница архива Шелкова) были приговорены к ИТЛ на сроки от 3 до 5 лет. Снисхождение проявили только к помощнику Шелкова С.И. Маслову (2 года условно), который был инвалидом Великой Отечественной войны [Открытое письмо № 11. 21, л.64об-65].

В 1978 году последователи Шелкова, оставшиеся на свободе, подготовили серию «открытых писем» – брошюр карманных размеров, отпечатанных типографским способом. Помимо информации об арестах в них содержались требования освободить осужденных за веру, отменить законодательство о культах 1929 года, обеспечить свободу религиозной печати, собраний и т.д. [Открытое письмо № 2. 21, л.24]. Письма печатались в массовом количестве в издательстве «Верный свидетель», распространялись среди верующих и неверующих и даже рассылались в государственные учреждения. Например, в 1978 году в Новгороде сразу несколько организаций получили «Открытое письмо о продолжающемся произволе госатеистов в СССР» [22, л.21]. По свидетельству О.В. Цветкова, попытки адвентистов распространять эти брошюры, содержавшие призывы бороться с госатеизмом, привели к многочисленным арестам [19, с.148].

В 1980 году реформисты подготовили и переправили за рубеж «Материалы о фактах насилия и произвола госатеизма в СССР против Всесоюзной церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня». Документы были оглашены на Мадридской встрече представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Литература «Верного свидетеля» распространялась и внутри СССР. Например, 7 декабря 1980 года в поезде Грозный – Москва работники транспортной милиции обнаружили ее (надо полагать, не без помощи КГБ) в багаже пассажирок Ольги Харитоновой и Татьяны Таранюк. Девушки сели на станции Минеральные Воды и уже готовились сойти в Воронеже, куда везли брошюры своим единоверцам. Большинство названий носили скорее правозащитный, чем религиозный характер: «Подсудимые судят», «Открытое письмо» гражданину из Финляндии», «Краткое опровержение очередной газетной клеветы», а также упомянутые «Материалы...». Литературу они везли в портфеле и больших хозяйственных сумках. В момент задержания Харитонова кричала: «Люди, посмотрите, что мы везем! Возьмите почитайте эти книжки, там написана правда, которую скрывают от народа!». Одновременно девушка пыталась спрятать под шапочкой сверток с адресами, но он был обнаружен и изъят. О. Харитонова и Т. Таранюк были приговорены к 2,5 годам лишения свободы [Приговор Воронежского областного суда от 15 мая 1981 г. 23, л.3-8].

У пятидесятников издательская деятельность не была столь активна. Однако известно по меньшей мере два нелегальных центра на территории РСФСР: г. Саратов, где А. Романов устроил подпольную типографию издательства «Вечность» прямо на кухне многоквартирного дома (в 1986 году пятидесятнический епископ В.Г. Мурашкин снял ее на видеопленку), и г. Малоярославец, где в 1980-е годы пятидесятники организовали копирование на пишущей машинке и переплетение самиздатовской христианской литературы [24, с. 31].

Хотя вопрос о причислении Свидетелей Иеговы к конфессиям русского протестантизма остается открытым (сами они вовсе не позиционируют себя с протестантами), нельзя обойти вниманием их активное участие в религиозном самиздате. Для Свидетелей Иеговы важной частью богослужения является изучение журнала «Сторожевая Башня» (в советское время – «Башня стражи») и других материалов. В условиях подполья они сумели наладить регулярное получение из-за рубежа журналов «Сторожевая башня», «Пробудитесь», «Информатор» (ныне – «Наше царственное служение»), другой литературы, которую затем копировали различными способами – от обычного переписывания до организации подпольных типографий. Например, В.М. Калин, ныне председатель руководящего комитета Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России, в течение 18 лет занимался подпольным самиздатом. По его воспоминаниям, разъездные надзиратели нелегальным путем получали фотопленки с отснятыми журналами и брошюрами, после чего верующие на местах сами копировали эти материалы – например, фотоспособом [25]. Поскольку Свидетели Иеговы долгое время считались не только религиозной, но и антисоветской организацией, всю литературу им приходилось тщательно прятать. Так, согласно записи Степана Коника, сделанной на обложке рукописного сборника статей «Узнавай дух мира сего» из журнала «Башня Стражи», после того, как в 1951 году он был выслан из Львовской области в Иркутскую, «с

литературой было тяжело во время жестоких преследован.[ий] потому приходилось много переписыват[ь] журналов «Башня Стражи» а также брошюры и книги. Приходилось литературу прятать подальше от дома иногда она намокала или грызуны погрызли [...]. целый чемодан набитый переписной литературой был изъят у меня при обыске в 1957 г.в марте в Иркутской обл.»[6].

Таким образом, в 1960-е – 1980-е годы в СССР развивался как стихийный, так и организованный протестантский самиздат. Баптисты-инициативники организовали издательство «Христианин», адвентисты-реформисты – «Верный свидетель», пятидесятники – «Вечность». Каждое из издательств имело сеть подпольных типографий. В публикациях организованного самиздата большое внимание уделялось не только религиозной, но и правозащитной тематике.

После 1991 года протестанты в России получили широкие возможности для развития издательского дела. Большими тиражами выходят книги и периодические издания. В этих условиях интерес к истории самиздата приобретает особое значение, как изучение литературного наследия протестантов и поиск преемственности с прежними поколениями верующих.

Samizdat is an important part of the Protestant subculture in the USSR. It can be classified in several categories: methods of copying, types of publications, content, confessional orientation, volume, forms of organization. In the USSR there were natural Samizdat, underground Protestant publishing house «The Christian», «The Faithful Witness», «The eternity», isolated groups of believers – workers of samizdat.
Keywords*: Samizdat, Evangelical Christians-Baptists, Seventh-Day Adventists, Pentecostals, Jehovah's Witnesses.*

Список литературы

1. История евангельских христиан-баптистов России. М.: РС ЕХБ, 2007.
2. Сведения о количестве изданной литературы за период 1950-82 гг. // Архив РС ЕХБ. Ящик 5.Папка 8. № 8.
3. Ведомость движения «Братский вестник» за 1965 г. // Архив РС ЕХБ.
4. Юнак Д. История Церкви христиан адвентистов седьмого дня в России. Т.1. Заокский: «Источник Жизни», 2002.
5. Архив С.-Петербургской церкви ЕХБ. Фонд 3.
6. Из личного архива Ивана Беленко.
7. Как узнать истинных христиан? Watch tower bible and tract society of Pensilvania. 2012.
8. Свобода вероисповедания по-советски: тюменская община пятидесятников (христиан веры евангельской) на рубеже 1950-1960-х гг. Документы и материалы. СПб.: Издательство Невского института языка и культуры, 2010.
9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.Р-4173.Оп.3.Д.51.
10. Кузин В. Не будьте трупом среди живых! // Смена. 1962. № 155. 4 июля.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-6991.Оп.6.Д.1951.
12. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905 – 1991 годах. Спб.: Изд-во Европейского университета, 2009.
13. ГАРФ. Ф.Р-6991.Оп.4.Д.133.
14. Вестник Истины. 2011. № 6.
15. Винс Г.П. Евангелие в узах. Киев: «Компас», 1994.
16. Крючков Г.К. Великое пробуждение XX века. Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ. 2008.
17. ГАРФ. Ф.Р-6991.Оп.6.Д.1190.
18. Зайцев Евгений. История Церкви АСД в России. Заокский: «Источник жизни», 2008.
19. Цветков О.В., Цветкова Р.В. Наши воспоминания. Калининград: ИИЦ «Осенние листья», 2007.
20. Кассис В., Михайлов М. Что творилось в бункере «апостола» // Известия. 1979. № 111.13 мая.
21. ГАРФ. Ф. Р-6991.Оп. 6.Д. 1950.
22. ГАРФ. Ф.Р-6991.Оп.6.Д.1396.
23. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф.967.Оп.3.Д.100.
24. Евангелист. 2007. № 3-4.
25. Устные воспоминания Василия Михайловича Калина записала Т.К. Никольская в п. Солнечный Ленинградской области 16.04.2012.

Об авторе

Никольская Т.К. – кандидат исторических наук, докторант Санкт-Петербургского института истории РАН, старший преподаватель Санкт-Петербургского Христианского университета, *niktk@spbcu.ru*

УДК 908

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ НА БРЯНЩИНЕ В 1944-1948 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛАГЕРЯ № 252)

Р.В. Новожеев, В.П. Барынкин, И.С. Иванчогло

Публикация подготовлена в рамках поддержанногоРГНФ научного проекта № 15-11-32001

В статье рассматриваются санитарное состояние, специфика функционирования медицинского обслуживания в лагерях для немецких военнопленных и интернированных на территории Брянской области в 1944-1948 гг.
Ключевые слова: *спецконтингент, военнопленные, санитарное состояние, медицинское обслуживание, лагеря для военнопленных и интернированных.*

Лагерь для немецких военнопленных № 252 был создан 01.06.1944 года в городе Бежица на базе лагеря для спецконтингента (бывших полицаев, старост, попавших в немецкий плен красноармейцев и т.п.). Он имел несколько десятков крупных и мелких отделений на территории Брянской области [1, с.303-306]. Труд военнопленных применялся на восстановлении объектов разрушенного народного хозяйства и лесоразработках.

СССР не подписал Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 г., так как еще в 1918 году Советская Россия присоединилась к решениям гаагской конференции. Декретом СНК о признании всех международных конвенций о Красном кресте от 4 июня 1918 г. было объявлено, что международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного креста, признанные Россией до октября 1915г., признаются и будут соблюдаемы Российским Советским правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях. В 1931 году ЦИК и СНК было принято «Положение о военнопленных», в котором отмечается: «Раненые или больные военнопленные, нуждающиеся в медицинской помощи или госпитализации, должны быть направлены в ближайшие госпитали. Военнопленные после госпитализации передаются администрацией госпиталя в лагеря для военнопленных. Военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии» [3, Д.2. Л.90-93].

1 июня 1944 года из Симферополя прибыла первая партия военнопленных в количестве 2994 человека [3, Д.7. Л.16]. По прибытии они были осмотрены в вагонах врачами санитарного отделения лагеря, а затем был проведен опрос о жалобах на здоровье, а также стрижка и бритье.

При обследовании было выявлено следующее количество больных военнопленных: сыпнотифозных – 115, брюшнотифозных – 60, дизентерийных – 120, дистрофиков – 342, ангинозных – 18, чесоточных – 150, температурящих – 30, венерических – 50[3, Д.7. Л.16]. Таким образом, в прибывшем контингенте было выявлено первичным осмотром885 больных (29,5%).

Однако при повторном обследовании 8 июня картина со здоровьем военнопленных оказалась иная. Комиссия в составе начальника отделения УПВИ НКВД подполковника медслужбы Школьника М.М., подполковника медслужбыКузьмина А.А., в присутствии начальника лагеря подполковника Крестьянинова и начальника САНО лагеря Кузнецовой выявила следующее: дифтерийных – 12, дизентерийных – 2, ангинозных – 60, поносящих – 46, дистрофики – 10. Остальных заболеваний, обнаруженных при первоначальном осмотре, не было выявлено. Дифтерийные и дизентерийные были немедленно госпитализированы, ангинозные и поносящие изъяты из контингента и помещены для лечения в изолятор. Ангинозным больным был назначен стрептоцид, поносящим – бактериофаг. Было организовано регулярное измерение температуры. Для инфекционных больных вне зоны был организован стационар, который обслуживали медработники Бежицкого здравотдела. Стационар охранялся вахтерским постом.

Комиссия установила, что выявленное при первичном осмотре значительное количество больных не соответствует действительности и вызвано поспешностью и поверхностностью осмотра, доверчивостью врачей к ответам военнопленных при опросе, неопытностью медицинского состава, который без тщательного обследования ставил серьезные диагнозы [3,Д.7. Л.18].Комиссия провела распределение контингента на группы. Всего было охваченокомиссованием – 2491 из которых оказалось: 1 группа трудоспособности – 2214, 2 группа трудоспособности – 222, 3 группа трудоспособности – 45, дистрофики – 10.

Комиссией было установлено, что лазарет лагеря находится в хорошем состоянии. Он располагался в двухэтажном кирпичном здании на 35 комнат и кухню. В комнатах больные размещались по родам заболеваний. Лазарет был оборудован койками и обеспечен мягким инвентарем. Медикаменты, перевязочные и дезинфекционные материалы имелись в достаточном количестве. В лагере был санпропускник на 100 чел/час. Зона обеспечивалась хорошей питьевой водой из артезианской скважины. Центральной канализации в лагере нет, но имелось 2 деревянные уборные в расчете на 50 человек. Прачечная и смена белья были организованы плохо. Уборка комнатотмечалась как хорошая. Территория лагеря, по заключению комиссии, была чистой. Обследование организации питания показало, что на кухне имелся очаг с 10 котлами. Продуктами в полном ассортименте кухня обеспечена на 25 суток. Контингент обеспечен эмалированными тарелками и деревянными ложками. Питание в

лагере двукратное – завтрак и обед, на ужин дается чай, через каждые 2 дня на третий - ужин. Поварами работают сами военнопленные.

По итогам обследования медицинского обслуживания, физического состояния военнопленных и санитарного состояния лагеря комиссия вынесла ряд предложений и предписаний следующего характера:

- провести прививочные мероприятия всему контингенту против инфекционных заболеваний;
- продолжить ежедневное проведение осмотра на предмет выявления ангинозных больных;
- 2-3 раза в день дезинфицировать уборные хлорной известью;
- оборудовать прачечную;
- ежедневно проветривать помещения;
- организовать трехразовое питание;
- обеспечить дополнительным питанием 2 и 3 группы трудоспособности;
- организовать диетическое питание больных в соответствии с лечением;
- обеспечить лазарет квалифицированными поварами [3,Д.7. Л.19] .

Санитарные отделы (САНО) лагерных отделений согласно штатному расписанию состояли из: начальника САНО с окладом в 600 рублей, медстатистика, начальника амбулатории, фельдшера амбулатории, начальника лазарета, фельдшера лазарета, врача-ординатора лазарета, двух медсестер лазарета, кастелянши, дезинфектора. Оклады персонала составляли 300-400 рублей в месяц [3, Д.2. Л.49 об.].

Санитарное отделение лагеря работало по ежеквартальным планам, в которых определялись мероприятия, сроки их проведения и назначались ответственные должностные лица. Мероприятия делились на противоэпидемические (прививки от дизентерии, тифа, дифтерии, малярии и т.д.), профилактические мероприятия (медосмотр работников пищеблоков, ежедневное хлорирование колодцев, ежемесячный анализ воды в колодцах, два раза в месяц анализ хлеба, ежедневное приготовление хвойных настоев, проверка сансостояния кладбищ), организационно-инструкционные (конференции врачей, совещания работников САНО), обследовательские мероприятия (обследование лаготделений, складов, аптеки, лазарета) [3, Д.6. Л.69].

Смертность в лагере была достаточно высокой, так за второе полугодие 1944 года умерло 631 чел., за первый квартал 1945 года умерло 964 чел [3, Д.16. Л.7]. При этом необходимо учитывать постоянное движение контингента, а именно регулярное прибытие новых партий военнопленных, многие из которых при поступлении в лагерь уже были тяжелобольными или ранеными. Лагерное начальство и работники САНО проводили регулярное изучение причин смертности среди военнопленных, разрабатывали профилактические и санитарно-лечебные мероприятия. Одной из главных причин роста смертности стало влияние холодов. Было установлено, что основной контингент военнопленных – это жители южных и юго-западных частей Европы (в основном румыны), непривычныек сильным холодам. Кроме того, отмечалось, что лагерь был плохо подготовлен к зиме. Наблюдалась скученность военнопленных в помещениях. Многие военнопленные были одеты не по сезону (это наблюдалось в конце 1944 – начале 1945 года) [3,Д.14. Л.27]. Дров было недостаточно и температура в бараках зачастую была низкой. Это приводило к простудным заболеваниям и смертности особенно среди ослабленных и больных военнопленных, а также среди военнопленных с незажившими ранениями.К повышенной смертности приводила эпидемия сыпного тифа, которая была погашена только к началу 1945 года. Отмечалась неполная укомплектованность медицинского персонала [3, Д.16 Л.5-6]. Из 25 врачей только 8 были советскими специалистами, остальные врачи были набраны из военнопленных [3, Д.6. Л.5 об.]. Было установлено, что немецкие врачи ведут себя вызывающе, не сняли фашистской свастики и не скрывают своей принадлежности к нацистской партии. Ожидать от них правильной диагностики, лечения и ответственного отношения к работе не приходилось. Тем более, основная масса военнопленных были в основном румыны, и отношение к ним немецких врачей было негативное [4, с.32]. На совещании руководства лагеря 19.02.1945 г. отмечалось, что немецкие врачи часто умышленно ставят неправильные диагнозы. По мнению руководства, это делалось для того, чтобы некоторые военнопленные немцы были отправлены в госпиталь, где полагалось усиленное питаниеи не было выходов на работу[3, Д.15. Л.1]. Там же было сказано о нежелании лечить румынских военнопленных врачами - немцами, из-за этого смертность среди румын была значительно выше [3, Д.15. Л.1].Также отмечалось, что слабая квалификация советского медперсонала иногда приводила к зависимости от немецких врачей[3, Д.6. Л.5 об.]. Хотя докторам из числа военнопленных запрещалось выдавать освобождения от работы, направлять в госпиталь, не разрешалось участвовать в работе медкомиссий по определению групп трудоспособности, запрещалось работать в аптеке. За этими врачами был установлен контроль со стороны кадрового врача-ординатора[3, Д.25. Л.32].

В весенне-летний период проходили профилактические мероприятия по борьбе с инфекционными заболеваниями. Они включали в себя: прививки против кишечных инфекций, изоляцию поносящих больных, уничтожение мух, контроль личной гигиены военнопленных и другие санитарные мероприятия [3, Д.25. Л.3]. На весь контингент выделялись мультивитамины по 1 таблетке в день на человека. Дистрофикам назначались дрожжевые таблетки для набора веса по 10 шт. в день на человека[3, Д.25. Л.6].

В лагере были организованы оздоровительные команды (ОК), целью которых было восстановление физического состояния и трудоспособности военнопленных, ослабленных на производстве или после перенесенных заболеваний. Условия содержания военнопленных в оздоровительных командах были значительно лучше, чем в

лагерях и регламентировались приказами начальника лагеря. Для ОК выделялись лучшие помещения, температура воздуха в которых в зимний период была не ниже 18° с регулярным проветриванием. Поступившие военнопленные должны были быть вымыты, пострижены, побриты и переодеты в чистое белье и одежду. Питание было усилено на 25% по жирам, сахару, овощам и хлебу, которого выдавалось не менее 750 г в сутки. Горячая пища готовилась 3 раза в день по специальному меню [3, Д.14. Л.238].

Зачисление в ОК проводилось врачебной комиссией два раза в месяц и утверждалось начальником лагерного отделения. Срок пребывания в ОК был от двух недель до месяца, он увеличивался в особых случаях. Находящихся в ОК военнопленных разрешалось привлекать только к легким работам [3, Д.14. Л.238 об.].

Акты обследования санитарного состояния лагеря и другая документация показывают, что в первые месяцы его существования санитарное состояние и медицинское обслуживание было на относительно низком уровне. Это связано, в первую очередь, с тяжелыми условиями военного времени, нехваткой медперсонала, продуктов питания, подготовленных к приему большого контингента помещений. Однако с течением времени, лагерь становился полноценной производственной единицей, с достаточно качественными условиями содержания военнопленных [2, с. 26-30]. Об этом свидетельствуют и стенограммы совещаний лагерного руководства. Санитарное состояние и медицинское обслуживание находилось под его пристальным вниманием. Эти вопросы постоянно поднимались на планерках и совещаниях. Выявленные недостатки и нарушения оперативно устранялись. Регулярно проводились лечебно-санитарные профилактические работы. Это приводило к снижению заболеваемости и смертности среди контингента. В итоге, можно отметить, что при всей тяжести военного и послевоенного времени военнопленные в советских лагерях содержались в нормальных медико-санитарных условиях, которые позволяли жить и работать на восстановление народного хозяйства СССР. И конечно, не подлежат никакому сравнению условия содержания военнопленных в советских лагерях с положением пленных красноармейцев в немецких лагерях смерти, в которых проводилась целенаправленная деятельность, направленная на уничтожение пленных советских солдат.

The article deals the sanitation condition, functioning of the health services in the prisoner war camps in the Bryansk region after the Great Patriotic War.
Keyword: *special squads,prisoner of war, sanitation condition, health services,prisoner war camps.*

Списоклитературы

1. Барынкин В.П., Новожеев Р.В., Иванчогло И.С. К вопросу об организации и деятельности лагерей для военнопленных и интернированных на Брянщине во второй половине 40-х годов XX века // Studia internationalia Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.». Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. Брянск, 2015. С.303-306.
2. Барынкин В.П., Новожеев Р.В., Иванчогло И.С. К вопросу об организации финансово-производственной деятельности лагерей для военнопленных и интернированных на Брянщине во второй половине 40-х годов XX века. // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. №4(2015). С. 26-30.
3. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф.1774.Оп.2.
4. Новожеев Р.В., Барынкин В.П., Иванчогло И.С.Межнациональные отношения между немцами и их союзниками в годы второй мировой войны и в советском плену. К вопросу о «единой Европе» // Евразийский союз ученых. Ежемесячный научный журнал. №9 (18). 2015. Часть 4. С.31-34.

Об авторах

Новожеев Р.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и педагогикиБрянского государственного аграрного университета, *novrom@bk.ru*

Барынкин В.П. – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики Брянского государственного аграрного университета,*barinvova@yandex.ru*

Иванчогло И.С. – студент факультета энергетики и природопользования Брянского государственного аграрного университета, *ivancioglo1992@gmail.com*

УДК94(73)"1790/1814"

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «МАСОНСКОМ ЗАГОВОРЕ» В США В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВВ.

В.В. Прилуцкий

В статье охарактеризовано возникновение представлений о заговоре франкмасонов и его распространение в США в конце XVIII - начале XIX вв. Федералисты пытались использовать масонский вопрос в борьбе против политической оппозиции.
Ключевые слова: *идея масонского заговора, протестное движение, политическая борьба в США в конце XVIII - начале XIX вв.*

Масоны сыграли заметную роль в истории США и оставили значимый след в американской культуре. К тайной организации принадлежали известные американские государственные деятели и президенты, в частности: Б. Франклин, Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон, Дж. Монро, С. Хьюстон, Г. Клей, Дж. Бьюкенен, Дж.Н. Полк [5]. В центре столицы США возвышается мемориал Джорджа Вашингтона – Египетский обелиск. Франкмасонским памятником первому президенту является и семиступенчатая башня-пирамида в Вирджинии, окруженная колоннами. Сторонники теории заговоров указывают на подозрительные, идеально параллельные улицы г. Вашингтон, пересеченные диагональными проспектами. По их мнению, они образуют масонские символы: угольник, циркуль и пентаграмму. Западные мистики и оккультисты были убеждены, что столицу США для связи с Космосом и звездами построили масоны (хотя документально установлено, что в числе главных городских архитекторов в конце XVIII – начале XIX вв. они не числились) [1, с. 19, 27, 134-141].

Для вступления в ложу нужны были рекомендации ее действительных членов. Страшные клятвы, произносившиеся в ритуале инициации, для противников масонства свидетельствовали в пользу теории заговора. Каковы же были численность и степень влияния американских франкмасонов в конце XVIII – начале XIX вв.? Согласно подсчетам противников тайного ордена в США в первой трети XIX в. проживали 1,11 млн. масонов. Это сильно завышенная, фантастическая цифра, составлявшая 9% населения Америки того времени. Ежегодные членские взносы и плата за посвящения в степени якобы составляли 11,25 млн. долл. Лишь ничтожная часть этой огромной суммы, по мнению антимасонов, тратилась на благотворительность. Остальные деньги шли на возведение новых масонских храмов, проведение обрядов в ложах, оседали в карманах узкой руководящей группы или же направлялись на «преступную» деятельность [3, p. 88-89].

Вольные каменщики не скрывали, что в орден входят «талантливые, влиятельные и весьма обеспеченные люди». К «достопочтенному древнему братству» относилась также и немаловажная часть представителей среднего класса. Масоны признавали, что ложи обладают солидным капиталом, но, по их оценке, ежегодные доходы ордена в США не превышали четверти миллиона долларов. Они гордились тем, что масонство – уникальное учреждение, в котором «соединились энергия, мистерия, талант и деньги». Орден, «очаровывающий молодежь, объединяющий людей замечательных профессий с большими заслугами, не может не привлечь внимание государственных деятелей и философов-моралистов» [4, p. ix]. Масоны оперировали с неполными и противоречивыми данными по 24 штатам. Они указывали, что точная информация о численности членов организации и количестве лож отсутствует. По примерным оценкам масонов в братстве в 1826 г. состояли около 100 тыс. чел., объединенных в 2 тыс. лож. Нью-йоркский губернатор франкмасон Де Витт Клинтон (1769-1828) в 1825 г. утверждал, что только в штате Нью-Йорк «около 500 лож и более 100 капитулов» [4, p. vii-viii.]. Другие масонские авторы свидетельствовали о существовании в то время в США 6 или 8 тыс. лож, разного рода советов, святилищ, рыцарских станов, приоратов, капитулов Королевской Арки и т.п.

Современная история разоблачения секретного братства началась в 1730 г., когда бывший английский масон Сэмюэль Причард издал книгу «Вскрытое масонство» [7]. В ней он сделал достоянием публики в мельчайших подробностях внутренние ритуалы и церемонии трех степеней Цеха. Тогда же начинают выходить в свет многочисленные антимасонские и ответные промасонские памфлеты и публикации, намекающие на контакты братьев с представителями элиты, на их влияние в высших сферах. В Северной Америке первые антимасонские публикации в колониальных газетах появились в 1737 г. В период Великой французской революции в Европе были сформулированы классические теории заговора. Они нашли отражение в антимасонских публикациях таких реакционеров, как католический священник Жак-Франсуа Лефранс (1739-1792), бывший иезуит аббат Огюстен Баррюэль (1741-1820) и шотландский экс-масон и профессор натурфилософииЭдинбургского университета Джон Робисон (1739-1805). Лефранс был автором пространного контрреволюционного сочинения «Завеса, приподнимаемая для любопытствующих, или тайна революции, раскрытая при помощи франкмасонства» (1792 г.) [6]. Баррюэль написал четырехтомные «Мемуары по истории якобинизма» (1797-1798 гг.) [2], а Робисон – «Доказательства тайного заговора против всех религий и правительств Европы» (1797 г.) [8].

Заговор идей сложно подтвердить, но и опровергнуть было также проблематично. В работах аббата Баррюэля и Робисона можно проследить основные черты теорий заговора нового и новейшего времени: наличие законспирированной организации, существование у заговорщиков особого тайного языка («новояз»), присутствие вождей с разного рода дефектами и деструктивными устремлениями и т.п. В дальнейшем идея о «просветительско-иллюминатско-масонском» заговоре трансформировалась в представления о масонско-еврейском, иудейском или сионистском заговоре («Протоколы сионских мудрецов»), несмотря на то, что ценности ортодоксального иудаизма и космополитического масонстваявляются взаимно противоположными. Некоторые конспирологи – представители теории заговора и сторонники идеи о существовании «Великого Незримого Правительства» готовы были видеть даже в Конституции Соединенных Штатов гностический или оккультный документ, оформивший американский политический строй в соответствии с масонскими и иллюминатскими идеалами. Статью Конституции, где говорится о том, что «все люди созданы равными», например, следует понимать не буквально, а в духовном смысле – с точки зрения представлений о человеческом сознании как о «монаде». Усеченная пирамида с глазом в треугольнике (Лучезарной Дельтой) и двуглавый орел неслучайно изображены на Большой государственной печати США (с 1782 г.) и на оборотной стороне купюры в один доллар. Как известно,

двуглавый Имперский Орел с мечом, пересекающим земной шар, являлся символом 32-й и 33-й степеней Шотландского Обряда и указывал одновременно на «близнецовость» вещества алхимиков. Созвездие из 13 звезд в облаке над его головой указывало на племена Израиля. Оливковая ветвь в лапах птицы могла ассоциироваться с царем Соломоном, а стрелы – с Давидом, его отцом. Впрочем, есть и более прозаическое толкование знаков, размещенных на первой американской печати и долларовой банкноте, которые могут иметь вполне логичное объяснение и без масонов. Так, 13 ступеней пирамиды обозначали 13 первоначальных американских штатов, объявивших о своей независимости от Англии. Белоголовый орлан (лысый орел) – гордая и сильная хищная птица, символизировавшая независимость Америки, добытую в кровавой восьмилетней войне. Оливковая ветвь – эмблема мира, пучок стрел – решимость отстаивать свободу любой ценой. По мысли создателей печати пирамида, западная часть которой выкрашена в темный цвет, означающий загадочность и неисследованность, была незавершенной вполне сознательно, поскольку все ждали присоединения Канады и новых штатов на Западе. Треугольник с глазом как нельзя лучше завершал эту конструкцию [10, p. 8, 12]. Согласно же официальному толкованию масонских, философских или просветительских символов на печати, утвержденному Континентальным Конгрессом 20 июня 1782 г., «пирамида означает силу и долговечность, а глаз поверх нее и девиз указывают на многочисленные выдающиеся объяснения действий Провидения в пользу Дела Америки» [10, p. 5-6, 19-21].

В США в борьбе вокруг масонского вопроса столкнулись две главные партии страны – федералисты и антифедералисты (джефферсоновские республиканцы). Федералисты занялись поиском тайных врагов-масонов в рядах оппозиции. В 1798-1799 гг. федералисты пытались преследовать «конституционные клубы», «демократические общества» и другие политические организации, сочувствовавшие французской революции. Поддерживавший партию федералистов доктор Джедедия Морзе (1761-1826) из Чарльстона (Массачусетс) утверждал, что в Соединенных Штатах ложи иллюминатов якобы появились в 1786 г. и у него имеется поименный список их членов в количестве ста человек. «Общество иллюминатов» было учреждено через ложу «Союз» «Великим Востоком Франции» в Вирджинии и состояло преимущественно из иммигрантов-французов и выходцев с острова Санто-Доминго [9, p. 254, 292]. Американцев было только несколько человек, основную массу составляли переселенцы из стран Европы. Главными лозунгами иллюминатов являлись: «Бдительность, союз и деятельность» и «Опустошение, разрушение и захват добычи – в этом наша сила». Злоумышленники планировали распространить свою деятельность в Нью-Йорке (где образовался «Великий Восток Нью-Йорка») и еще 14 районах страны. Французская колония Санто-Доминго в Вест-Индии была, по мнению Морзе, одним из центров заговора с целью уничтожения рабства в южных штатах [9, p. 293-300]. В этих конспиративистских построениях выразились страхи американских плантаторов, опасавшихся восстания невольников. Как известно, победоносная негритянская революция 1791-1804 гг., явившаяся прямым следствием великих социальных потрясений в метрополии, ликвидировала рабовладение на острове Гаити.

Близкие к федералистам преподобный Дэвид Таппан, профессор теологии Гарвардского колледжа, иные прославленные ученые и даже лично масон Джордж Вашингтон боялись иллюминатов. Опасались, прежде всего, влияния «спекулятивных принципов», «ложных доктрин», «ниспровергающих христианство и мораль», на молодежь. Федералистские газеты искали иллюминатов и находили их в Якобинском клубе в Париже, в тайной революционной организации «Объединенные ирландцы» и в «профранцузской партии» в Америке. С их страниц звучали призывы к американским гражданам противостоять ирландским революционерам и превратить Соединенные Штаты в своеобразный бастион против политического экстремизма, де-факто солидаризировавшись с Англией. Некоторые журналисты прямо отождествляли «Объединенных ирландцев», ведших в 1790-е гг. вооруженную борьбу с британцами, и «партию франкофилов» (т.е. джефферсоновцев), считая их неким единым целым [9, p. 272]. Происходило это в условиях возникновения и обострения конфликта с Францией, с которой едва не началась война.

Антифедералисты отрицали связи с секретными обществами и отвечали на обвинения в своем собственном заговоре против США. Любопытна контрпропаганда джефферсоновской партии. В анонимных сочинениях, изданных в 1799 г., демократы утверждали, что крайние федералисты и сочувствующие им духовные лица и есть настоящие заговорщики-иллюминаты. Французская революция ниспровергла Римскую церковь, которая была на самом деле «Антихристом», нанесла удар по папе, в действительности являвшемся «Зверем Апокалипсиса», и подготовила почву для наступления «золотого века». Федералисты же, опираясь на клерикалов, на протестантское духовенство штатов Новой Англии, на преподавателей, руководителей колледжей и школ, развернули агитацию против Франции и революции. Проводились ежемесячные встречи и создавались тайные клубы иллюминатов, возглавлявшиеся церковниками. Йель и Гарвард превратились в оплот антилиберализма, «вражды к свободе», и оказались под духовным контролем иллюминатов. «Церковно-политические общества» вынашивали идеи распространения влияния на правительство, клерикализации общества, слияния государства и церкви. Истинной целью этих людей, по мнению антифедералистов, было завоевание власти. Тогда наступит ситуация, при которой «деньги и свободы всех граждан лягут к ногам колледжей и иллюминатских клубов» [9, p. 348-353].

Всего за первое столетие существования Соединенных Штатов в стране имели место три волны антимасонского движения. Можно выделить следующие всплески протестной активности: 1798-1814 гг., 1826-1836 гг. и 1860-1890-е гг. В данной статье были рассмотрены основные вехи истории появления и распространения масонского заговора в США. В Америке период конца XVIII – начала XIX вв. характеризовался нарастанием уровня социальной тревожности. Массовые настроения в обществе выразились в возникновении своеобразного

«параноидного коллапса». Он нашел отражение в «заговоре иллюминатов», деле «X-Y-Z», законах о чужестранцах и подстрекательстве, принятых перед началом необъявленной морской войны с Францией в 1799 г., а также проявился в «военной лихорадке» накануне и в ходе войны 1812 г. с Англией. Значимое место в этих процессах занимала масонская проблема. Вопрос о заговоре масонов (иллюминатов) стал актуальным в политической борьбе в стране и превратился в один из факторов внутренней политики.

The article describes the emergence of ideas about the Freemason conspiracy and its distribution in the United States in the late XVIII - early XIX centuries. Federalists tried to use the issue of Masons in the struggle against the political opposition.
Keywords: *the idea of a Masonic conspiracy, the protest movement, political struggle in the USA in the late 18-th - early 19-th centuries.*

Списоклитературы

1. Морган П. Секреты масонов. М.: РИПОЛ классик, 2008. 192 с.
2. Abbé Augustin Barruel. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. In 4 parts. L., 1797-1799 (Barruel A. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme).
3. Bernard D. Light on masonry: a collection of all the most important documents on the subject of Speculative Free Masonry. Utica: W. Williams, 1829 (reprint: 1993). 588 p.
4. Free masonry. N.Y., 1828. 399 p.
5. Grand Lodge of British Columbia & Yukon Website Index. URL: http://freemasonry.bcy.ca/sitemap.html (дата обращения 27.01.2015).
6. Jacques-François Lefranc. Le voile levé pour les curieux, ou Le secret de la Révolution de France révéle, à l'aide de la Franc-Maçonnerie. Paris: Crapart, 1792. 104 p.
7. Masonry Dissected... By S. Prichard, late member of a Constituted Lodge. L.: T. Cooper, at the Globe in Pater-Noster-Row., 1737 (reprint: Bloomington, 1977). 32 p.
8. Proofs of a Conspiracy Against all the Governments of Europe, carried on in the secret meetings of Free Masons, Illuminati, and Reading Societies. Collected by J.M. Robison. Edinburgh-L.: Printed for T. Cadell, 1798. 547 p.
9. Stauffer V.L. New England and the Bavarian Illuminati. N.Y., 1918. 375 p.
10. The Great Seal of the United States. Washington (D.C.).: U.S. Dept. of State, Bureau of Public Affairs, 1996. 21 p.

Об авторе

Прилуцкий В.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *vitaliypr@ya.ru*

УДК 956.91

СТРУКТУРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ИДЕОЛОГИЯ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА ИРАКА И ЛЕВАНТА

В.П. Ранчинский

В статье рассматривается процесс формирования вооруженных сил ИГИЛ, а такжеконцепции джихада Абу Мусаба аз-Заркави, ставшей официальной доктриной ИГИЛ.
Ключевые слова*: Ирак, Сирия, ислам, джихад, ИГИЛ, «Аль-Каида», Ближний Восток.*

В 2006 г. в среде вооруженной исламской оппозиции, сражавшейся с оккупационными американскими войсками в Ираке и созданным ими в Багдаде режимом, было объявлено о создании «Ад-Дауля аль-Ирак аль-исламийя (Исламского государства Ирак). Внешний мир отреагировал на это индифферентно, так как в то время казалось, что события в Ираке имеют локальный характер и не затрагивают интересы других держав, кроме сопредельных с ним. Однако в июле 2014 г. неожиданно никем не признанным актором мировой политики стало «Ад-Дауля аль-исламийя аль-Ирак ва-аш-Шам» (ДАИШ) или Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ)*. Притом это новоявленное государство позиционирует себя перед внешним миром как «исламский халифат», рассмотрению структуры вооружённых сил и процесса формирования идеологии которого и посвящена данная статья.

Объявление о создании «исламского халифата» вызвало, с одной стороны, восторг фундаменталистски настроенной части мусульман мира, а с другой, недоумение остальной части мира, посчитавшей это заявление мифом.Как всякий миф, являющийся способом находчиво и понятно рассказать о невыразимом имеющемся в расположении языковыми средствами, так и заявление о создании «исламского халифата» под названием ИГИЛ рассматривалось европейцами как попытка выдать желаемое за действительное. Однако средства массовой информации печатные и электронные, в том числе и российские вскоре начали приносить известия о появлении некоего террористического монстра, перед образом которого блекли привычные уже «Аль-Каида» и «Талибан».

* Решением Верховного Суда Российской Федерации оно признано террористической организацией.

Этот монстр, возникший сначала где-то на границе земледельческой зоны Месопотамии с ирако-сирийской пустыней, стал стремительно подчинять себе обширный регион Аль-Джазира -междуречье Тигра и Евфрата, равнину северо-западного Ирака и северо-восточной Сирии, переходящую в холмисто-горную местность по своей северной кромке. Это центральные районы так называемого арабской историей «Благодатного полумесяца», населенные арабами, курдами, туркменами, ассирийцами иармянами. Общая численность населения, оказавшегося под контролем этого «государства», по некоторым оценкам может составлять от 7 до 9 млн. человек [1, с.32]. Однако мобилизационный ресурс «Исламского халифата», на наш взгляд, гораздо скромнее, оно может рассчитывать только на арабско-суннитскую часть населения, в силу изложенных ниже идеологических постулатов, которые являются составляющими компонентами его официальной идеологии.

Появление «исламского халифата» не могло не вызвать волны публикаций и заявлений, в которых делались попытки дать оценку этому феномену. Мы не станем рассматривать заявления, в которых информация о создании ИГИЛ называлась пропагандистской уткой, фейком. Фактически это ещё не признанный субъект международных отношений, против которого Воздушно-Космические силы (ВКС) России ведут войну. Вопрос о появлении этого субъекта во многом еще покрыт завесой тайны. Одни считают, что ИГИЛ является проектом американских спецслуб и израильской «Моссад», а организационной базой стала «Аль-Каида»[1, с. 21-22]. Другие приводят факты, заставляющие предположить, что ИГИЛ является совместным американо-турецким проектом, и в Анкаре расположена штаб-квартира по управлению им. К финансированию этого проекта США привлекли Саудовскую Аравию, Катар, Великобританию, ряд других государств [2, с. 21-22]. Третьи склонны считать, что ИГИЛ выпестованаспецслужбами Сирии по инициативе Башара аль-Асада, и прежде всего тайной политической полиции «Мухабарат» [5, с. 133-150].В этой связи среди исследователей феномена ИГИЛ возникли явные разногласия: одни считают это образование государством, имеющим все присущие ему структуры[2, с. 31-37], другие же настаивают на том, что на самом деле «это бандитская группировка, которая выполняет чужие заказы» [10].

Практически неисследованной является структура вооруженных формирований, вошедших в вооруженные силы ИГИЛ. Все исследователи единодушны в том, что их ядро составляют офицеры и солдаты армии и спецслужб саддамовского Ирака, разгромленного американцами после второго* вторжения в эту страну в 2003 г. Однако кроме ядра есть и оболочка, представленная пёстрым спектром вооруженных формирований, прежде всего, Ирака и Сирии, а также так называемых «газзи» (воинов – В.Р.),как сами они себя именуют, прибывающих из отдалённых от Сирии и Ирака стран. Некоторые из них сформировали вооруженные «джамааты» (общины – В.Р.) соплеменников или земляков, другие влились в местные формирования, которые пополняются и обычными наемниками, прибывающими с целью заработать деньги на чужой крови. Третьи объединили в своих рядах дезертиров сирийской правительственной армии. Можно найти также и неофитов от ислама, пытающихся найти себя, типа известной в России Варвары Карауловой. Все эти формирования, особенно в их сирийской части, СМИ Западной Европы, Северной Америки и их политический истеблишмент делят на «умеренных», вероятно тех, кто не присягнул, не совершил «байят» (принес клятву верности – В.Р.). ИГИЛ и его руководителю Абу Бакру аль-Багдади, объявившему 28 июня 2014 г. с минбара мечети Ан-Нури г.Мосула о преобразовании ИГИЛ в халифат, а самого себя провозгласившего «халифом Ибрагимом». Все остальные,присягнувшие на верность «халифату» и его «халифу», вероятно, подпадают под категорию «не умеренных». Мы вынуждены использовать вводное слово «вероятно», потому что до сих пор никто не выдвинул внятных критериев деления оппозиционных вооруженных формирований Сирии и Ирака на «умеренных» и «не умеренных». Это обстоятельство многократно отмечал Лавров С.В., министр иностранных дел России.

Действия амиров-командиров антиправительственных вооруженных формирований Сирии и Ирака, «халифа Ибрагима», названия отдельных формирований, поступки их рядовых членов полны символизма. Они часто связывают свои поступки и отождествляют себя с великим деятелями истории ислама, арабских халифатов, султанов и других правителей периода после распада арабского халифата в X в. Так, например, Абу Бакр аль-Багдади избрал местом объявления о создании «халифата» мечеть Ан-Нури г. Мосула, потому, что в 1164 г. правитель всей Сирии Нур ад-Дин, получивший от халифа Аль-Муктафи почетный титул «Аль-Малик аль-мансур» (победоносный царь – В.Р.) за разгром королевства крестоносцев Эдесса, с минбра этой мечети призвал мусульман выступить против крестоносцев, которые под руководством Альмарика I - иерусалимского короля - отправились завоевывать Египет. Поход возглавил атабег - правитель Мосула Ширкух, которого сопровождал его племянник, знаменитый впоследствии сокрушитель крестоносцев Салах ад-Дин (в европейской транскрипции Саладин). Во времена доосманские все удельные князья приносили байят халифу, дабы обрести легитимность своей власти. Печатный орган «халифата», журнал «Дабик», издаваемый на английском языке, назван потопониму – названию маленького городка у истоков реки Кувайк, расположенному к северу от Халеба. Согласно одному из хадисов сборника «Сахихе» именно здесь, в преддверии конца света, состоится финальная битва между мусульманами и ромеями – христианским Западом. Не менее символичным является чёрный цвет одежд и знамён игиловцев. Именно в одежды этого цвета облачились противники халифата Омейядов, поднявшие в июне 747 г. восстание под чёрными знамёнами и разбившие в 750 г. войско последнего халифа рода Омейя Марвана II у слияния реки Большой Заб с Тигром. Тем самым было положено начало созданию халифата Аббасидов.Спустя 1264 г. в этих же местах опять было поднято чёрное знамя как символ начала нового этапа

* Первым вторжением явилась операция «Буря в пустыне», проведенная США в январе-феврале 1991 г.

борьбы мусульман -суннитов за создание халифата. Дешифровка символики позволяет понять смысл и внутреннюю логику поступков участников вооруженных формирований.

Анализ структуры вооруженных формирований ИГИЛ позволяет говорить оеё внутренней неоднородности. В ней обнаруживается, на наш взгляд, четыре составляющих, в том числе иракская, сирийская, межарабская и пришлая, представленная разного рода, газзи и откровенными наемниками. Они сформировались в разное время, в разных обстоятельствах, на разной основе.

Первой, возникшей по времени, безусловно, является межарабская, часть которой прошла подготовку и получила практические навыки боевых действий в Афганистане в рядах исламской оппозиции советским войскам, и правящему режиму Кабула, а затем в рядах «Аль-Каиды».

Второй является иракская, созданная «делегатами» – доверенными лицами «Аль-Каиды», местными амирами, представителями межарабских формирований. Именно эта часть стала ядром ИГИЛ.

Третья, сирийская оппозиция, является относительно иракской «молодой». Её первые организации стали появляться после первых выступлений против режима Башара аль-Асада, начавшихся 15 марта 2011 г. на юге Сирии в г. Дераа, где «кто-то» собрал и вывел на площадь группу подростков с плакатами, требующими демократии и свободы, «кто-то» вложил в их руки плакаты, оскорбляющие лично президента Б. аль-Асада, «кто-то» расписал стены домов антиправительственными призывами.

Неспособностью власти к диалогу с народом на начальном этапе начавшегося кризиса воспользовались внешние силы, продвигавшие сценарий так называемой «арабской весны» - создания управляемого хаоса. Формировавшаяся сирийская оппозиция изначально оказалась сильно фрагментированной в силу внутренней расколотости населения страны на отдельные конфессии и этносы, незавершенность процесса формирования единой общности. В Сирии даже суннитские «верхи» уммы* начали мыслить в национальных категориях только во второй половине 30-х гг. XX в., из-за опасения утратить доминирующее положение [9, с. 37]. Однако этот процесс был прерван в начале 70-х гг., когда к власти пришел Хафиз аль-Асад, отец нынешнего президента, представитель общины религиозных маргиналов-алавитов. «Верхи» суннитов, осознавшие, что власть алавитов над «Биляд аш-Шам»** - это надолго, стали создавать оппозиционные движения, которые, как правило, действовали в эмиграции. Внутри страны только «братья-мусульмане», представленные «низами» уммы пытались оспаривать право алавитов на власть. «Арабская весна» в Сирии, стране, которую иногда образно называют «Ноевым ковчегом», привела к тому, что часть суннитов вернулась к культивированию своей инаковости, отказалась от надкорпоративного мышления, от идеи всеобщего блага и единства сирийского народа. Каждое вооруженное формирование Сирии относительно чётко локализовано, имеет вполне определяемые признаки рода или племени, часто весьма комерциализовано, несет черты своеобразного бизнес-проекта, направленного на получение спонсорской помощи, желательно из максимально большего числа источников[7, с.175]. Она в большей степени, чем иракская, связана с эмигрантскими кругами, а лидеры части этих организаций, например «Аль-Джейш ас-сурий аль-хурий» (Сирийская свободная армия – В.Р.) пытаются выглядеть светскими, в какой-то мере респектабельными руководителями. Среди этих организаций не сходят со страниц печати названия: «Джабхат ан-Нусра» (Фронт победы – В.Р.), «Аджнад аш-Шам» (Воины Леванта – В.Р.), «Ахрар аш-Шам» (Свободные люди Леванта - В.Р.), «Джабаль ад-Туркман» (Туркменские горы- В.Р.)***, «Лива Ярмук» (Бригада Ярмук – В.Р.), «Лива ад-Таухит» (Лива единобожия – В.Р.), «Файлак аш-Шам» (Армия Сирии – В.Р.). Этот список можно продолжить названием более мелких организаций. По оценкам экспертов, в Сирии против Б. аль-Асада воюют 29 более-менее крупных вооруженных группировок, каждая из которых контролирует свой участок территории, имеет своих спонсоров, а самые крупные – свои тыловые базы материального обеспечения и лечения раненых в сопредельных странах. Эти организации входят в разного рода коалиции, среди которых выделяется три крупных, в том числе: «Свободная сирийская армия», «Джейш аль-ислам» (Армия ислама – В.Р.) и «Джунуд аль-малахим» (Сражающиеся воины – В.Р.). Одна и та же организация может входить в несколько коалиций, перемещаться из одной в другую. Исключение составляют те организации, которые принесли клятву верности «исламскому халифату», они составляют соответствующие коалиции, типа «Фронта победы».

Формирования газзи и наемников если и возникали вначале как самостоятельная сила, то быстро распадались, а их члены растекались по другим организациям. По отрывочным сведениям, к началу 2016 г. сохранились лишь два джамаата газзи - северокавказский «Аджнад аль-Кавказ» (Воины Кавказа – В.Р.), большинство которого составляют чеченцы числом до 100 человек, и небольшой по численности джамаат этнических узбеков.

Формально общим объединяющим фактором сирийской оппозиции, выставляемым на обозрение внешнего мира являетсяборьба против тирании Б. аль-Асада,за свободу и демократию.Об этом заявляютпредставители всех формирований вооруженной оппозиции, воюющей в Сирии, в том числеи присягнувшей на верность «исламскому халифату». В то время как желание свергнуть власть алавитов в Сирии можно признать действительно всеобщим, стремлениек демократии и правам человека, связанным с ней, навряд ли является всеобщей целью даже для той части оппозиции, которая позиционирует себя не связанной с ИГИЛ. Что же касается сторонников «исламского халифата», то их идеология начисто отвергает все постулатыдемократии, так как создание

* Умма – община мусульман.
** Древнее арабское название Сирии, тождественное понятию Левант.
*** Эта организация входит в «Десятую бригаду побережья» и она больше известна под этим названием.

халифата возможно только через джихад в его неканоническом толковании, в варианте «священной войны» с неверными и прежде всего среди мусульман. Таким образом, доктрина джихада выходит на первое место, она несет в себе как ресурс мобильности мусульман суннитского толка, так и заряд конфликтности.

На наш взгляд, безусловной точкой отсчета времени формирования ИГИЛ и его доктрины джихада является второе вторжение американских войск в Ирак в марте 2003 г. и его последующая оккупация. Американская оккупация Ирака стала подлинным потрясением исламского мира и недаром мусульмане назвали её «вторым возвращениемкрестоносцев» на Ближний Восток. Это потрясение усиливалось тем обстоятельством, что политические элиты большинства мусульманских государств Ближнего Востока поддержали американскую агрессию, а богатые монархии зоны Персидского залива предоставили свои территории для размещения американских военных баз. В тех условиях не мог не появиться «Ансараль-ислам» (Заступник ислама-В. Р.), который стал бы знаменем, вокруг которого могли бы объединиться все, готовые выступить против сложившегося положения.

Казалось бы таким мобилизационным ресурсом должны были обладать «Аль-Каида» во главе с Усамой бен-Ладеном и салафитские* организации, концентрирующиеся вокруг «братьев мусульман» и их лидеров Мухаммада Бадиа и Саада аль-Катани. Обе эти организации уже имели длительный опыт борьбы, глубоко и хорошо законспирированные ячейки, в том числе в Сирии и Ираке, их руководители,такие как Абу Мусаб ас - Сури, Абу Батыр ат-Тартуси, Абу Катаба аль - Фаластыни находились в странах благоприятствования их деятельности, чаще в Англии, в монархиях Персидского залива, держали в своих руках банковские счета, контролировали каналы финансирования. Однако ни та, ни другая организация не смогла адекватно отреагировать на западный вызов исламскому миру, равно как не смогли ответить на этот вызов более мелкие салафитские организации.Кристаллизация нового лидера и новой организации заняла более десяти лет и происходила на идейной основе, существенно отличавшейся от той, на которую опиралась «Аль – Каида», «братья мусульмане» и другие группировки фундаменталистского толка.

Отцом – основателем движения, вокруг которого сложилось ИГИЛ, - являлся Абу Мусаб из Иордании, родившийся и выросший в промышленном городке Аз – Зарка, расположенном в 40 км северо – восточнее Аммана. Как это принято у арабов, Абу – Мусаба добавил к своему имени кунью - почетное прозвище по месту рождения – аз – Заркави. Его биография до его превращения в идеолога нового джихада довольно подробно изложена в упомянутой работе Вайса и Хасана [5, с. 23-42].Отпетый уголовник и насильник в юности, полуграмотный торговец алкоголем и наркотиками, не раз сидевший в тюрьмах, он, вдруг, как Апостол Павел, переродился в неистового мусульманина после прослушивания религиозного курса в мечети Аль – Хусейна в Аммане. Далее последовал его переезд в 1989 г. в пакистанский г. Пешавар, в котором в то время обосновалась «Мактаб аль - хадамат» (Школа подготовки – В. Р.) – джихаддистский центр поддержки афганского сопротивления, руководимый тогдашним авторитетом джихада, палестинцем Абдуллой Аззамом. Финансирование центра шло через Усаму бен – Ладена, тесно связанного с ЦРУ. Через этот центр проходили многие миллионы долларов, которые распределял Усама бен – Ладен [5, с. 26]. Здесь же в Пешаваре обретался известный египетскийамир – руководитель муджахедов Айман аз – Завахири, сумевший чудесным образом избежать казни за организацию убийства президента Анвара Садата. Так что аз – Заркави, по прибытии в Пешавар, оказался в эпицентре исламского джихада конца 80–х гг. Он прошел через несколько тренировочных лагерей на пакистано-афганской границе, в которых освоил полные курсы военной и психологической подготовки. В 1992 г. он вернулся в Иорданию, где был арестован и приговорен к 15 летнему заключению, но в 1999 г., после смерти короля Хусейна был амнистирован в связи с восшествием на престол сына Хусейна Абдаллы. Таким образом, биография аз-Заркави была теперь «украшена» репутацией мученика за веру. Кроме того, именно в тюрьме он объединил вокруг себя группу заключенных-исламистов, которые впоследствии станут его преданными соратниками. После амнистии он переехал в Афганистан, где на деньги «Аль–Каиды» создал в Герате тренировочный лагерь для выходцев из арабских стран, которые войдут в организацию «Джунуд аш-Шам» (Воины Леванта – В. Р.), свершат громкие террористические акты. После вторжения американских войск в Ирак, а затем и в Афганистан эта организация стала ядром для создания более широкой группировки [13, p. 115].

Вторжение американских войск в Ирак и разгром армии Саддама Хусейна сопровождалось тотальным разрушением иракской государственности и режима, который покоился на монополии на власть Партии арабского социалистического возрождения или сокращенно Партии Баас* и доминирующем положении мусульман - суннитов, имеющих арабские этнические корни. Мусульмане - шииты Ирака, составляющие большинство населения страны, были дискриминированы с точки зрения доступа к власти и таким институтам государства как армия и спецслужбы. Их этнические корни восходят к персам, переселенцам из Индии и занджам – потомкам рабов африканского происхождения, которые в 869 г. восстали против каторжных условий труда и были разгромлены только в 883 г.[11, с.126-131]. Оставшиеся после разгрома ушли в низменную болотистую дельту реки Шатт – аль – Араби составили группу населения Ирака, называемую «болотными арабами», шиитами по вероисповедованию. Оккупационные власти США в Ираке сделали ставку на шиитов и уже сунниты подверглись тотальной дискриминации, что, априори, делало их готовыми к протесту в любой, в том числе и вооруженной форме. В отличие от шиитов, среди суннитов оказались сотни тысяч профессиональных военных, в том числе

* Салафизм это течение в исламе, идеологи которого призывают мусульман придерживаться предписаний Корана и Сунны, вернуться к фундаментальным ценностям раннего ислама периода первых четырёх халифов.

* Возрождение в арабском языке передаётся глаголом «бааса».

вышколенные бывшие боевые офицеры, прошедшие ирако-иранскую войну, командный состав саддамовских спецслужб. Все они вместе со своими семьями бедствовали, оказавшись без средств к существованию, будучи выброшенными на улицу. Многие из них потеряли своих близких, так как в ходе разгрома государства Саддама Хусейна погибло 601027 иракцев, среди которых 46% были женщины и 39% дети [2, с. 15]. Естественно, что потерявшие близких, горелижеланием отмщения. Этим обстоятельством и воспользовался аз-Заркави, увидевший в суннитах Ирака идеальную среду для организации широкомасштабного джихада, который он готовил.

Концепция джихада аз-Заркави изначально отличалась от концепции Усамы-бен-Ладена, Абдаллы Аззама, Аймана аз-Завахири и других идеологов джихада рангом пониже. Джихад первых предполагал борьбу с «богопротивным Западом», что же касается поиска врагов среди мусульман, то хотя такие рецидивы и были, они являли собой исключение из правил. Фактически их концепция согласовывалась с джихадом Османской империи раннего нового времени, который не распространялся на мусульман несуннитского толка. Близка к такому варианту джихада и концепция шейха Ахмада Ясина, создателя палестинского филиала партии «Хамас» (Партия воодушевленных – В. Р.), ведущей борьбу против Израиля. Джихад аз-Заркави восходит своими корнями ко времени первой и второй фитны*- периодам борьбы за власть между четвертым халифом Али и его наместником в Сирии Муавией, Тогда Али согласился на судебное разрешение спора, которое он проиграл в 658 г.. Наиболее фанатичные его сторонники, призывавшие к более высоким жизненным идеалам, расценили согласие Али на судебное разбирательство как малодушие, они отошли от него и составили партию «хариджитов» (вышедших, отступников - В.Р.). Оставшихся назвали «шиа» - партией Али, позже названной шиитами. С хариджитами ушли самые известные знатоки и чтецы Корана. Именно они подхватили самые бескомпромиссные требования равенства и справедливости, именно они считали себя единственнымиистинными поборниками божественной справедливости. Они полагали, что путь истинного мусульманина предполагает войну не только с «неверными», но и со всеми мнимыми мусульманами, не признавшими их строгих стандартов [4, с. 159-160]. Спустя тринадцать веков мусульманин-суннит аз-Заркави стал призывать своих сторонников к этим же стандартам, выхолащивая тем самым суннитское толкование ислама, более терпимое к инакомыслию, нежели шиизм, располагающее космополитическим ресурсом. Ведь суннизм стал ведущим течением ислама к началу XIII в. в силу его терпимости к разнообразию уммы. Терпимость стала всеобщей фундаментальной ценностью ислама. Границы допустимого разнообразия устанавливались шариатскими улемами (учёными правоведами) и их решения признавались общепринятой нормой. Именно они разработали правовой статус совместного проживания не мусульман с мусульманами, получивший название «милла» (религиозная община – В.Р.).Первыми его получили иудеи и христиане как конфессии, имеющие Священное писание. Их называли «Ахль-аль-Китаб» (Люди Писания) и считали «зимми» (находящимися под защитой мусульман – В.Р.), или «муахед» (союзниками - В.Р.). Согласно одному из хадисов, сам Пророк Мухаммад говорил о разделении своихпоследователей на 72 толка, что, помнению известного иранского исследователя истории ислама Абдолы Хосейна Зарринкуба, «… прямо указывает на наличие принципа толерантности в исламе» [1, с. 22].

Аз-Заркави не только радикализировал понятие джихада, но и наделил своих единомышленников правом такфиризма – обвинения в неверии не суннита и личного суда над обвиняемым вплоть до вынесения смертного приговора и приведения его в исполнение в обход шариатских судов. Тем самым, с точки зрения личного и общественного поведения мусульманина, он возвращал его к дошариатскому периоду истории ислама (625-750 гг.), к ключевомув исламе тезису о прямом и универсальном долге человека перед Богом, в исполнении которого ему не требуются никакие посредники. Аз-Заркави, по существу, игнорировал шариат, должно быть потому, что он требует доказательства вины человека и разработал вполне определённые нормы отношения суннитов к сектантам, изложенные в четырёх мазхабах-правовых школах. Представители всех четырёх утвердившихся правовых школ суннизма признали, что есть шесть дюжин ложных мусульманских сект, распределившихся между различными движениями или школами. Те, кто принял шиизм, становились рафидитами, представителями гулатских - заблуждающихся течений. Если же человек, называющий себя мусульманином, признавал главенство внутреннего тайного смысла над выраженным словами Откровением, он подпадал под категорию батинитов, ищущих скрытый смысл в Священном писании. В том случае, если человек притворяется правоверным мусульманином, а на самом деле он является атеистом, то его относили к категории зиндиков – безбожников. Еретиком же считали того, кто,будучи суннитом, отрицал то или иное суждение суннитской иджмы – согласованного решения богословов [4, с. 666].

Конечно же, наиболее сложным для понимания, требующим глубоких познаний фальсафа – философии ислама и калама – учения о рационалистических методах доказательства религиозных установлений, требует шиизм, в связи с разнообразием его течений. Некоторым сектам шиизма свойственно учение о хулул - воплощении божественного духа или света в имама, и танасух - последовательном переходе, переселении душ. Другие секты разделяют своих адептов на разные уровни посвящения в божественную истину, отрицают внешнюю обрядность ислама, не соблюдают его ритуалы, запреты, вплоть до отказа посещать мечети. Есть секты, которые приняли принцип такийя -сокрытие веры [8, с. 297-299].Всё это вместе взятое вполне можно отнести к гулату, но не всё к зиндикизму.

Некоторые исследователи, пытаясь выяснить истоки вражды аз-Заркави к шиитам, отсылают читателя к первому в истории ислама идеологу салафизма дамасскому правоведу- ханбалиту Амаду ибн-Таймии, борцу за чистоту и ортодоксальность веры [13, p. 93-94]. Однако ибн-Таймийя был лишь одним из ряда других критиков шиизма. В

* Фитна – соблазн, испытание, смута.

письме аз-Заркави к Усаме бен-Ладену от января 2004 г., которое, на наш взгляд, является манифестом его концепции джихада, он выстраивает линию обвинения шиитов, христиан, иудеев, курдов, американцев, других народов. Шиитов он называет «бандой батинитов, стоящей поперёк истории ислама, скрывающей своё лицо до определённого времени, ничем не отличающейся от иудеев и христиан» [14]. Он обвинял их в том, что они всегда были тайными союзниками иудеев и христиан. С его точки зрения, Османская империя, дошедшая в своих завоеваниях христианского мира до Вены, не одержала окончательной победы над ним только лишь по тому, что в то время как сунниты наносили по нему последний удар, им в спину ударило шиитское государство Сефевидов, захватившее и разграбившее Багдад, убившее всех его мужчин и угнавшее в рабство женщин. Союзниками шиитов в их борьбе с суннитами всегда были татары, евреи и франки (сиречь христиане) [14]. Аз-Заркави, обвиняя шиитов в предательстве суннитов, отсылает Усаму бен-Ладена к работам аль Бухари, трудам основателей двух правовых школ суннитов имамам аль-Ахмадии аль-Малику, к трактатам «Макиавелли ислама» аль-Фараби* и ибн-Хазма. Он писал, что аль-Бухари, например, ставил шиитов в один ряд с иудеями и христианами и отмечал, что как тех, так и других «… не приглашают оплакивать усопших, не поздравляют с праздниками, не берут в свидетели, не берут в мужья и жёны».

Аль-Фараби писал, что он не считает шиитов верующими, с его точки зрения, они атеисты. А ибн-Хазм называл их сектой, застрявшей между иудаизмом и христианством. Наконец, завершает аз-Заркави свой обвинительный ряд, характеристикой шиитов, данной ибн-Таймией, который писал: «Они враги, остерегайтесь их, боритесь с ними во имя Аллаха!" [14]. Отсюда аз-Заркави делал вывод о необходимости и законности распространения джихада на шиитов.

У ибн-Таймии, вероятно, аз-Заркави заимствовал также идею таухида (единобожия). Именно ибн-Таймия сформулировал его критерии, в том числе: почитать Бога, почитать только Бога, следовать Его учению. Любое отступление от одного из этих критериев влечёт за собой неверие.

Это же письмо проливает свет на причины неистовой вражды аз-Заркави к курдам. Он писал Усаме бен-Ладену как о совершенно очевидном факте, что оба семейные курдские клана – Барзани и Талабани, стоящие во главе курдов Ближнего Востока, полностью повязаны с американцами. «Они открыли Курдистан перед евреями, которые посвящены во все их планы и взяли под финансовый контроль его экономику, установили свою гегемонию. В результате от ислама в Курдистане ничего не осталось, а те, кто привержен ему, притесняются и изгоняются» [14].

Аз-Заркази не желал признавать, что суннитский вариант ислама допускает не только совместное проживание в «Дар аль-ислам» (Доме ислама – В.Р.) не мусульман, но и вживление ислама в инородное тело без его политического доминирования. Именно это обстоятельство обеспечило успешную экспансию суннитской версии ислама за пределы его исходных территорий. Аз-Заркави абсолютизировал призыв к войне с неверными, противопоставив суннитов не только иудейско-христианскому миру, но и другой половиненасельников Дома мусульман -шиитам. С его точки зрения, они, как и иудеи с христианами подлежат тотальному истреблению.

Радикализацияджихада аз-Заркави вплоть до убийства мусульман-шиитов, обвиняемых в лицемерии и отступничестве, вызывала опасения определённой части салафитов, в том числе функционеров «Аль-Каиды» в том, что «…чистые руки муджахедов не должны быть запятнаны кровью защищаемых людей» [5, с. 57]. Однако для аз-Заркави слова тех, кто пытался остепенить его, предотвратить превращение его в «шейха палачей», воспринимались как сентименты малодушных. Он писал Усаме бен-Ладену, что современные муджахеддины (борцы за веру) с их идеологией салафизма« разрознены как щепки, отколовшиеся от уммы, это путники, бредущие позади ушедшего вперёд каравана» [14]. В его восприятии, мусульманином мог считаться только правоверный суннит, а все другие, именующие себя мусульманами, являются рафидитами, ренегатами, отвергнувшими Пророка и его Книгу. По отношению к ним суннит вправе предпринимать все меры наказания, не останавливаясь ни перед признаком рода, племени, ни перед угрозой кровной мести. Как в своё время А. Гитлер, перед агрессией нацистской Германии против СССР освобождал своих солдат и офицеров от юридического преследования за противоправные действия, совершенные ими по отношению к населению оккупированных территорий [3, с.271-272], так и аз-Заркави насаждал среди своих сторонников таклид – признание его как непререкаемого знатока и хранителя сокровенного предания, его исключительного авторитета в вопросах шариата, в том числе в части применения чрезмерной жестокости.

Становление идеологии джихада аз-Заркави шло параллельно с его практической деятельностью по сплочению вокруг него сподвижников, готовых не только принять его версию джихада, но и приступить к реальному воплощению её в практику борьбы. Пусковым механизмом стало вторжение войск США в Ирак20 марта 2003 г., разгром армии, разрушение иракской государственности и оккупация страны. Перед всеми исламскими радикалами Ближнего и Среднего Востока появился общий сильный враг – США, а для муджахедов крайнего толка, таких как аз-Заркави -прекрасная возможность актуализации призыва к джихаду.

Для аз-Заркави борьба с американцами была не столько сопротивлением «новоявленным крестоносцам», как об этом писали многие исследователи. Нет, он смотрел на эту борьбу через призму войны ислама с иудаизмом и сионизмом, между которыми он ставил знактождества. В упомянутом письме к Усамебен – Ладену он писал: « Я утверждаю и Вам это тоже хорошо известно, что американцы вторглись в Ирак с целью создания Великого Израиля от Нила до Евфрата. Их просионистская администрация уверена, что создание такого государства ускорит пришествие Месии» [14]. В этой связи борьба с американцами должна, по его мнению, носить характер «священной войны», быть джихадом.

* Подробнее о трактатах аль-Фараби см.: Доминик Сурдель, Жанин Сурдель. Цивилизация классического ислама. Екатеринбург, 2006. С. 236-237.

Американская оккупация Ирака актуализировала также джихад против шиитов, так как сразу после разгрома государства Саддама Хусейна американцы сделали на них ставку и шииты пошли на военно-политический и административный коллаборационизм. Особенно отчётливо это проявилось в июле 2003 г. в ходе формирования американцами переходного иракского правительства, в которое вошли 13 шиитов и всего несколько суннитов, которым были предложены второстепенные посты. К этому времени у аз-Заркави, как уже упоминалось выше, была подготовлена группа «Джунуд аш-Шам», которая дислоцировалась в Герате, где с 2000 г. он был начальником тренировочного лагеря боевиков [5, с.36]. Аз-Заркави перебросил её на север Ирака в район г. Мосула, в окрестностях которого в горной местности его последователь Абу Абдель Рахман аш-Шами к этому времени создал крупную организацию «Джунуд аль-ислам», ставшую своеобразным ядром, притягивавшим к себе мелкие группы. Ко времени американской оккупации Ирака эта организация сменила название и стала именовать себя «Ансар аль-ислам». С ней и начала группа аз-Заркави сотрудничать. Однако вскоре выяснилось, что далеко не все «сподвижники ислама» готовы встать на путь джихада против шиитов. За предшествующие столетия борьбы с христианским Западом, а затем с колониализмом и его вариацией – мандатной системой различия между суннитами и шиитами поблекли. В поздней Османской империи мусульманами признавали даже таких религиозных маргиналов как друзы, нусайриты или алавиты, анатолийские алевиты. Последний великий султан Османской империи Абдул ХамидII поддерживал тесные отношения с шейхами суфийского тариката Бекташи, в который входили алевиты Турции, и прислушивался к их советам. В XX в. Даже в состоятельных семьях Арабского Востока имели место межконфессиональные браки, а уж в рамках ислама мало кто обращал внимание к какому его течению принадлежит избранница или избранник. Достаточно сказать, что мать лидера «Аль–Каиды» Усамы бен-Ладена была сирийской алавиткой, одна из жён короля Саудовской Аравии Сальмана ибн Абд аль-Азиза, взошедшего на престол в январе 2015 г. тоже является алавиткой. Кроме того, в арабском мире никто не отменял Футувва - племенной кодекс чести, предписывающий мстить кровью за кровь, и этому требованию срока давности нет. Каждому арабу известна поговорка по этому поводу: «Бедуин отомстил врагу через сорок лет и сказал: я поспешил!». В качестве подтверждения приведённого довода приведём следующий факт. Сирийское племя шейтат, обретающееся вокруг города Абу-Камаль провинции Дейр-эз-Зор, сформировало батальон «Зульфикар»*, воевавший на стороне ИГИЛ. Однако местные муджахеды заподозрили часть членов племени в зиндикизме, и когда батальон находился на фронте, устроили резню заподозренных. Батальон оставил боевые позиции, вернулся в город, окружил местный штаб ИГИЛ и уничтожил весь его состав числом в 22 человека. Командира штаба, пытавшегося бежать, взорвали в его автомобиле [12]. Может быть, этим объясняется то обстоятельство, что наиболее известными палачами ИГИЛ, показываемыми на видеоклипах, являютсяиностранцы, принявшие новые имена или клички, не имеющие на Арабском Востоке ни родовых, ни племенных корней. Поэтому аз-Заркави пришлось создавать новую организацию: «Джамаат ат-таухид ва-ль-джихад» (Общество единобожия и джихада - В.Р.). Авторы аналитического доклада «Исламское государство»: сущность и противостояние» склонны считать, что она ничем не выделялась на общем фоне и после принесения аз-Заркави клятвы верности Усаме бен-Ладену в 2004 г., стала филиалом «Аль-Каиды» в Ираке [2, с. 19-20]. Она действительно стала филиалом «Аль-Каиды», однакоотличалась от неё инаковым пониманием джихада. В организацию аз-Заркави вошли те салафиты, которые готовы были выступать в роли палачей и шахидов – смертников. «Аль-Каида», по видимости, нужна была аз-Заркави как источник финансирования.

Впервые организация аз-Заркави заявила о себе 7 августа 2003 г., терактом против иорданского посольства в Багдаде [5, с. 52]. Так началось практическое воплощение джихадистской концепции аз-Заркави, которое позже его сторонники назвали «Ас-Сахвой» (пробуждением, приходом в себя – В.Р.). Именно эта организация в Ираке стала обрастать сторонниками, вбирать в себя малочисленные группы, принимавшие её концепцию джихада, беспощадного ко всем не суннитам, стала ядром армии ИГИЛ.

В заключение анализа концепции джихада аз-Заркави, утвердившейся по факту в качестве официальной в ИГИЛ, можно заметить, что его призыв был обращён не к национальным чувствам арабов, не к их разуму и не к гуманизму ислама. Ничего подобного в его концепции джихада мы не найдём. Она лишена так же потенциала пассионарности ислама и его ренессанса, о чём мечтали такие идеологи салафизма начала XX в. как афганец Мухаммад Абдо и сириец Рашид Рида. Она выходила так же за рамки идеологии радикального крыла «Ассоциации братьев мусульман», которое в 1961 г. откололось от материнской организации. Его идеологи Саид Кутб, Хусейн Тауфик и Айн Мурси в своём призыве к джихаду остановились перед убийством шиитов, перед такфиризмом. Аз-Заркави подвергал их за это критике, он писал: «Их джихад сводился к борьбе суннитов за политическую власть, за контроль над средствами массовой информации. Их убеждения переменчивы, у них отсутствовали твёрдые принципы» [14]. Аз-Заркави переступил рубеж, перед которым остановились «братья», его базовые положения джихада находились в контрадикции с тем, что обеспечивает исламу устойчивость и развитие. На наш взгляд, он возомнил себя спасителем ислама, муджахеддином, человеком, которого, по версии суннитов, в начале каждого столетия Бог призывает для очищения и возрождения дарованного им людям вероучения, которое они к концу века искажают. Муджахеддин исправляет все искажения, очищает его от наслоений и выводит умму из состояния упадка на путь обновления и справедливости. Таких примеров, в понимании истории ислама аз-Заркави, было предостаточно, это великие Ахмад ибн-Ханбал, Абу Хамид аль-Газали, упоминавшийся ибн-Таймийя и другие.

* Зульфикар – название меча, который Пророк Мухаммад отнял у своих врагов из племени курайш в битве при Бадре, впоследствии перешедшего к его зятю халифу Али.

Аз-Заркави поставил самого себя в этот ряд «призванных Богом».

Масштабный характер джихад принял накануне и после парламентских выборов в Ираке января 2005 г., которые сунниты фактически проигнорировали [5, с. 68]. В результате шииты смогли стать в новом парламенте фракцией абсолютного большинства, а сунниты получили только 15 мест. Правительство Ирака стали возглавлять шииты, а президентский пост стали занимать курды. Суннитам оставляли портфели заместителей. Такой расклад властных полномочий в Ираке, с точки зрения суннитов, не придал созданному режиму ни демократизма ни легитимности.Уже весной 2006 г.премьер-министром стал Нури аль-Малики, занявший одновременно посты министра обороны, министра внутренних дел и Генерального прокурора. Сунниты обрушились на созданный США режим с яростной критикой, а муджахеды аз – Заркави начали против него и его покровителей – американцев - настоящую войну. США ответили на войну войной, а спецслужбы правительства создали «эскадроны смерти», начавшие охоту на противников режима.

Поскольку США не скрывали своего намерения вслед за Ираком подвергнуть «демократизации» и Сирию, то естественной реакцией правившего в этой стране семейного алавитского клана Аль-Асадов и партии Баас, исповедующую туже идеологию, что и иракские баасисты, стало оказание помощи и поддержки всем иракским оппозиционерам, борющимся с оружием в руках против оккупационных войск США и их марионеток. Кроме того, через территорию Сирии в Ирак перебрасывались все те, кто готов был к такой борьбе. В определённом смысле президент Сирии Б. аль-Асад, заступивший на этот пост в 2000 г. после смерти его отца Хафиза аль-Асада, способствовал усилению боевиков, которые спустя несколько лет вернуться в Сирию уже под чёрными знамёнами ИГИЛ. Однако первопричинами гражданской войны в Ираке, а затем и в Сирии являются не злонамеренные действия и планы Б. аль-Асада, как в этом его обвиняют М. Вайс и Х. Хасан [5, с. 133-149], а американская оккупация Ирака и политика США, направленная на так называемый «разогрев Большой исламской дуги» и переформатирование государств в неёвходящих.

Американским спецслужбам, назначившим за голову аз-Заркави 25 млн. долларов, удалось выследить его местонахождение, и 7 июня 2006 г. дом, в котором он прятался, был разбомблен. «Шейх палачей» как его к этому времени уже именовали, был убит, однако его гибель не повлекла за собой затухание импульса джихада, который он начал. Уже неважно было кто персонально является его шейхом. Место аз-Заркави стали занимать другие, потому что джихад в такфирийском варианте обрёл государственную крышу – он стал официальной идеологией ДАИШ или ИГИЛ, вскормленного при поддержке США, Турции и нефтедобывающих монархий Персидского залива, вероятно, в расчёте на то, что «халифат» станет инструментом разрушения государственности тех, на кого укажут его спонсоры. Действительно он стал рассылать своих «делегатов» - боевиков по разным странам, в том числе и в Россию. Прибывавшие побуждали местных исламистов совершать байят – приносить клятву верности ИГИЛ, после чего территория деятельности боевиков объявлялась вилайетом – провинцией ИГИЛ со всеми вытекающими для местного населения последствиями, вплоть до «налогов» в пользу новоявленного «халифата». Именно в этой связи Россия, по просьбе президента Б. аль-Асада, 30 сентября 2015 г. начала воздушную операцию против ИГИЛ в Сирии, более 50% территории которой к этому времени находилось под контролем боевиков ИГИЛ и аффилированных с «халифатом» организаций.

Начало операцииВКС России против ИГИЛ вызвало неоднозначную реакцию не только во внешнем мире, но и среди отечественных востоковедов. Так, например, покойный ныне известный специалист по Ближнему и Среднему Востоку Г. И. Мирский в статье, размещённой на сайте «Эхо Москвы», спустя три недели после начала операции, выразил большое сомнение в том, что даже при условии разгрома ИГИЛ, можно остановить движение воинственного исламизма, «привлекательного для сотен тысяч молодых людей», что Россия будет в итоге обвинена в войне против мусульман, создавших свой халифат», что «ни военным, ни дипломатическим путём войну ИГИЛ не остановить»,что«халифат рухнет под тяжестью собственных преступлений, как рухнул Третий Рейх», что как иракские так и сирийские сунниты «не вынесут убийств и безобразия» [6]. При всём уважении к мэтру отечественного востоковедения заметим, что Третий Рейх не рухнул, а был разгромлен СССР и его союзниками по антигитлеровской коалиции, что немцы не восстали против «убийств и безобразий» нацистов, а верили своему фюреру и соружием в руках до последнего дня защищали созданный им Рейх.

Как известно, Россия не объявляла войны мусульманам, она лишь ответила на просьбу легитимного правительства Сирии, воюющего против тех, кто вынудил уйти во внешнюю и внутреннюю эмиграцию более половины населения страны. Россия пытается остановить зло на дальних подступах к своему дому. Об этом говорят независимые эксперты, такие, например, как Дана Рорабахер, председатель подкомитета Палаты представителей по иностранным делам США, опубликовавшая статью в журнале «NationalInterest», в которой она отмечает: «15 тысяч боевиков-исламистов, воюющих в Сирии, - выходцы из Чечни, которые, закончив свои дела в Сирии, вернуться в Россию и продолжат террористическую деятельность уже там» [15].Что же в этой связи делать России, ожидать, когда они вернуться и растворяться в её исламских анклавах, или же попытаться не допустить возврата в Россию последователей Абу Мусаба аз-Заркави? Здравыйсмыслподсказываетрешениевпользупоследнегодопущения.

There is a process of the creation of the ISIS' s armed forces under consideration in the article, and the Abu Musab az-Zarkawi' s concept of jihad, whichbecame the official doctrine of the ISIS' s forces, is also mentioned.
Keywords*: Irag, Syria, islam, jihad, ISIS, "Al – Qaeda", Middle East, Abu Musab az-Zarkawi*

Список литературы

1. Абдол Хосейн Заррикуб. Исламская цивилизация. М., 2009.
2. «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад. Владикавказ, 2015. Kavkazgeoclub. ru /sites/ default.
3. Кейтель В. Размышления перед казнью. М., 2015.
4. Маршалл Хаджсон. История ислама. Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М., 2013.
5. Майкл Вайс, Хасан Хасан. Исламское государство. Армия террора. М., 2016.
6. Мирский Г. И. Война в Сирии: три иллюзии. Echomsk. ru 21.10.15.
7. Подкопаева М.В. Мироустроительная война. М., 2013.
8. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.
9. Ранчинский В.П. Исламские движения в подмандатной Сирии (1920-1946 гг.). –Международные отношения на Ближнем Востоке: история и современность. Нижний Новгород – Арзамас, 2010.
10. СпонсорыИГИЛвыстроилисьвочередь. news. rambler. ru /head/ 32512014/? track= footer _ popular/.
11. Фильштинский Исаак. История арабов и халифата 750-1517 гг. М., 2006.
12. Это произошло в городе Абу-Кемаль недалеко от границы с Ираком. rusnovosti. ru /posts/ 408598 12. 02. 2016.
13. Bruce Riedel. The Search for Al-Qaeda: Its Leadership, Ideology and Future. Wosh., 2010.
14. Musab al-Zarqawi, “Letter from Abu Musab al-Zarqawi to Osama bin Laden. htt: //www.globalsecurity.org /wmd/ library/news/iraq /2004/ 02/040212-al-zarqawi.htm
15. National Interest: ЗачемСШАвозобновляютхолоднуювойнусроссией? regnum.ru /news/polit/ 2077057. html

Об авторе

Ранчинский В.П. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *VPR_1949@mail.ru*

УДК 994.1793

МИССИЯ ЖОЗЕФА ФУШЕ В НАНТ ВЕСНОЙ 1793 Г.

А.Г. Роленков

В статье идет речь о миссии депутата Национального Конвента Ж.Фуше в Нант весной 1793 г. Внутриполитический кризис, неудачи в войне, восстание в Вандее – все это поставило молодую Французскую республику на грань катастрофы. Депутат Фуше, уже проявивший себя сторонником радикальных мер революции, был отправлен в департамент Нижняя Луара. Его целью была борьба с восстанием вандейцев и выполнение декрета о наборе в армию. В некоторых своих мероприятиях он предвосхитил будущие меры якобинского террора.

Ключевые слова: *Конвент, комиссар, Вандея, революционный трибунал, террор, подозрительные.*

В начале весны 1793 г. Французская республика оказалась в тяжелом положении. Национальный Конвент разделила борьба между жирондистами и монтаньярами, успешное наступление Дюмурье в Бельгии осенизимы 1792 г. к весне обернулось рядом поражений, которые поставили французскую армию на грань катастрофы, а внутри самой Франции в марте началось Вандейское восстание, поводом для которого стал декрет24 февраля о наборе 300 тыс. рекрутов в армию[3,с.368-369].Главное недовольство крестьян заключалось в рекрутском наборе, отрыве от земли, все это слишком напоминало королевскую Францию с ее ненавистной службой в милиции и армии, недаром одними из лозунгов крестьян были: «Мира! Мира! Довольно стрельбы!»[8, с.361] и «Не хотим милиции!» [10, с.460]. Восстание носило не только роялистский, но и антибуржуазный характер, примечательно, ни один крупный город региона,там где преобладала крупная и средняя торговая буржуазия,не был захвачен восставшими и не поддержал их. В Нижней Луаре Нант, Порник, Пенбеф выдерживали и отбивали осаду, а Сабль-д`Олон дважды отражал штурмы 23 и 29 марта.

Территория «Военной Вандеи» включала в себя четыре департамента: Вандея, Де-Севр, Мэн-и-Луара, а так же Нижняя Луара со своим главным городом Нантом. Линия фронта с марта по октябрь 1793 г. проходила по течению Луары к устью Лейона, оттудана юг к Портене и далее на запад к Сабль-д`Олону [7, с.40]. Антиреспубликанское восстание охватило департаменты Нижняя Луара, Майенн, Леон, Морбиан, Иль и Вилен, Мэн и Луара.

В это время Конвент 9 марта 1793 г. отправляет часть своих депутатов, в качестве комиссаров в департаменты, для руководства рекрутским набором. Среди депутатов мы находим и имя Жозефа Фуше, который волей судьбы возвращается в свой родной город Нант [10, p.25]. Почему выбор пал именно на него? Можно сделать ряд предположений. Конвент, во-первых, в то время еще старался отправлять комиссаров вдепартаменты, откуда они были родом. Во-вторых, Фуше из Нанта, уже успел зарекомендовать себя как активный сторонник радикализации революции (голосование за казнь короля, голосование против обращения к народу по поводу судьбы Луи XVI). В-третьих, депутат от Нижней Луары часто выступал с различными докладами и предложениями от

Комитета народного просвещения, куда он входил, имена же других 7 представителей Нижней Луары остались известными только в очень узких кругах. Помощником Фуше в этой миссии станет уроженец Ренна, бывший священник Франсуа-Туссен Вийер.

Данная миссия стала первой для Фуше, а поэтому особенно важно иинтересно обратить на нее внимание, так как она может пролить свет на его дальнейшие действия в Труа, Невере, Мулене и Лионе. Был ли это уже тот самый «палач Лиона», один из главных террористов и врагов католического культа, каким вошел Жозеф Фуше в историю революции? Не будем слепо следовать за Луи Мадленом, который считает, что действия нашего героя в то время были продиктованы «желанием находиться в авангарде революционной партии»[13, p.69].Нант в то время был практически отрезан от Парижа и комиссарам, и местным властям часто приходилось проявлять инициативу. Помимо всего, весна 1793 г. время борьбы Горы и Жиронды, когда ее исход еще не был предопределен.Поэтому постараемся воздержаться от объяснения деятельности Жозефа Фуше в этой миссии только политическим моментом или желанием «выслужиться» перед революционным Парижем.

Итак, 15 марта 1793 г. «новый друг Марата и Эбера»[13, p.69] покинул Париж и отправился на восставший Запад Франции с миссией, целью которой было: восстановить порядок в Нанте, организовать набор рекрутов и остановить продвижение шуанов и вандейцев.

Полномочия комиссаров были определены декретом от 9 марта 1793 г. Стоит уточнить, пока это еще не были проконсулы 1793-1794 гг. «кровавые» сатрапы, как многих из них определяли после термидора. Поле для «самодеятельности» представителей было ограничено постоянной отчетностью перед Конвентом в своих действиях. Тем не менее, часто встречающаяся в декрете формулировка «Комиссарам разрешается принимать все меры, которые они признают необходимыми…» позволяла производить реквизиции в пользу армии, проводить набор и преследовать дезертиров, требовать отчетности от местных властей, «отстранять от должности и даже подвергать аресту тех, кого они нашли подозрительными» [10, p.9-10].

17 марта Фуше был в Майенне, где задержался на 4 дня. Он занялся деятельностью по поднятию революционного духа местных республиканцев, «расточая похвалу и неодобрениеадминистраторам и национальным гвардейцам, и подстрекая их к мести аристократам и священникам, охотиться на их логова иорганизовать преследования, каким подвергались патриоты»[13, p.70]. Очевидной стала нехватка вооружений и военных специалистов, так же Фуше советовал учредить на месте революционный трибунал, а судей в них назначить из местных дистриктов [10, p.558]. Поскольку враг не дремлет, Жозеф призывает арестовывать подозрительных. Сказано-сделано, 45 «подозрительных» заключены в бенедектинский монастырь Лаваля на несколько месяцев.

Однако главной целью миссии оставался Нант, но ситуация во второй декаде марта сильно обострилась.Для Республики были потеряны Машкуль, Сен-Флоран, Шоле и Шаланн. Положение было тяжелым и оттого, что войскбыло крайне мало на Западе, интендантская служба плохо работала, а самое главное, не было оружия. Генерал Лабурдоннэ, командующий армиями на Западе, писал в Конвент, что в Иль-и-Виллене он нашел всего 105 солдат на жалованье. Вся надежда возлагалась на Национальную гвардию Ренна. Генерал просил помощи в количестве 5 тыс. пехотинцев и 500 кавалеристов, а до этого, после более чем месяца просьб он получил приказ о том, что ему на помощь через 3 недели или месяц после 16 марта придут 20 батальонов [10, p.558]. Министр иностранных дел Пьер-Анри Лебрюн после поездки по западным департаментам подтверждал опасения Лабурдоннэ письмами, в том числе и из Нанта от 19 марта. Он говорил, что местные власти смогли «организовать силу в 600 человек» [10, p.558-559].

Из-за этого Фуше не смог сразу же попасть в практически осажденный Нант. Группы восставших контролировали дорогу между Нантом и Ренном, и ему пришлось вернуться в столицу Бретани 21 марта. В Ренне собрался «маленький совет представителей»[13, p.70], комиссаров, которые так же не могли добраться до своих мест назначения, среди них были Гюмер, Севестр и Бийо-Варенн, а также болевший помощник Фуше Вийер. Положение признавалось критическим ииз Ренна в Конвент было отправлено большое послание о ситуации в Военной Вандее и просьбой о помощи [10, p.556-557].

Представители продолжают бить тревогу. Ситуация очень опасная и необходимо как можно скорее отправлять солдат и военную помощь, «свобода еще никогда не подвергалась большей опасности. Нужна твердость, нужны силы, и нужно действовать быстро» [10, p.556]. Депутаты отметили, опасность угрожавшую городам, вооруженные мятежники«готовятся атаковать и истреблять города», «которые более просвещенные, являются очагами патриотизма» [10, p.556]. Главной же причиной восстания объявлены невежество и фанатизм местного населения, т.е. религия и роялистские настроения. Вариантом решения сложившейся ситуации комиссары считают «несколько строгих, репрессивных законов, которые могли бы появиться, были бы достаточной мерой» [10, p.556], между тем как весной 1793 г. в Конвенте еще только набирала силу дискуссия о репрессивных законах против контрреволюционеров.

Письмо вызвало определенное волнение в Конвенте. Решено было отправить в Бретань очередную комиссию, что бы собрать материал на местах и представить свой доклад о ситуации.Тем временем республиканцы усилиями Национальной гвардии и войск, а так же помощи из близлежащих департаментов смогли перейти в контрнаступление в окрестностях Нанта и некоторых местах Нижней Луары. Восстановлено было сообщение между Нантом и Анже, так же мятежников выбили из Ансени и Удона, а 25 марта генерал Лабурдоннэ очистил дорогу от Нанта до Ренна и Жозеф Фуше26 марта был у себя на родине.

Нант - крупный портовый «жирондистский» город, где большое влияние имела крупная торговая буржуазия, сам род Фуше происходил из подобных буржуа. Местные власти не сидели сложа руки и смогли сорганизоваться. По словам Мишле: «Их порыв (патриотов) был восхитителен, (особенно в некоторых городах Бретани) на уровне фанатизма шуанов и вандейцев»[15, p.418]. Помимо организации отрядов самообороны о чем Конвенту сообщалось письмом от 13 марта [10, p.558], все органы управления и суды соединились в правительственный корпус. Общественные кассы были помещены в замок Нанта, созданы были местные трибуналы, которые наместах карали восставших. Чрезвычайный трибунал объявил местным роялистам о том, что они своими жизнями отвечают за малейшие волнения в стенах города,для убедительности была выставлена гильотина[15, p.419].

Высокий комиссар, с саблей и трехцветной портупеей, в шляпе с плюмажем. Колоритный представитель Конвента оживил своим появлением и без того бурную жизнь Нанта. Он устраивал смотры местным гвардейцам и следил с колокольни собора Сен-Пьер в телескоп за перемещениями мятежников.

В этот момент ситуация для города опять стала критической.Все левое побережье Луары вплоть до Нанта было занято восставшими. Как отмечалось, они ожидали высадки англичан и их боевым кличем стал: «Слава англичанам!». Ожесточение сторон по отношению другу к другу не знало предела, в Порнике республиканцы перебили 300 пленных из числа вандейцев [11, p.11].Администраторы департамента в письме Конвенту от 28 марта рисуют печальную картину в Нижней Луаре. «Мы вам повторяем, что восставшие по-прежнему хозяева главных пунктов и городов, они владеют 6 дистриктами» [11, p.12].

В такой обстановке Фуше с первого дня проявил свои организаторские способности и создал два отряда, один - 1000 человек для помощи Пенбефу, а другой - 800 человек для обеспечения безопасности на дороге между Нантом и Парижем. 30 марта400 революционеров совершили вылазку из Нанта и смогли захватить провиант у крупного отряда восставших, заставив его отступить [11, p.11]. Так же представитель в миссии запретил выход в море всем каперам и судам, используя их для поддержки с моря республиканцев и для недопущения блокирования с моря портовых городов.

Фуше приказал устраивать каждодневные тренировки гвардейцев. Устанавливалось жалованье, солдаты в гарнизоне Нанта получали 20 су в день, а за пределами города 25 су в день для пехотинцев и 35 су для кавалеристов[3, с.16]. Помимо всего прочего каждый национальный гвардеец обязан был разоблачать «подозрительных». Таким способом, Фуше хотел установить контроль над офицерами и буржуазией в армии, которым он не слишком доверял. После 30 марта посланные в миссию представители получили от Парижа больше полномочий и в сфере военных вопросов. Комиссар Жозеф Фуше теперь заставлял генералов координировать свои действия с ним, доставалось полковнику Бейссеру, которого Фуше отчитывал. Полковник впредь обязался сообщать ему об операциях и о состоянии войск: «Наши дела идут великолепно, войска, которыми я командую, предстают неустрашимыми» [13, p.75]. В целом следует сказать, что Фуше и в будущем не станет слишком доверять военным. Он придерживался принципа «армия создана для народа, а не народ для армии». В последствие он сделался сторонником создания «революционной армии» в сентябре 1793 г.

Местная власть подверглась изменениям. Относительная самостоятельность муниципалитетов была упразднена. Восстановлена схема подчинения «город-округ-департамент». Ясно, что Фуше не доверял местным «буржуазным» властям. Он станет опираться, прежде всего, на местных санкюлотов, народные общества и якобинцев. Это была попытка организовать если не альтернативный революционный муниципалитет, то силу, которая сдерживала бы местные власти. В период восстания атмосфера недоверия витала буквально в воздухе, тем более вНижней Луаре.

В посланиях Конвенту гражданин Фуше упоминал только о двух перестановках. Первая - отрешение от должности командующего артиллерией в замке Нанта Бонву, который к слову был уволен еще три месяца назад, но продолжал все это время получать жалованьеи замена его на Буаро. Вторая перестановка была связана с именем гражданина Грассе, судьи округа Клиссон. Причиной послужило то, что «Грассе предпочитал свой интерес общественному», «опасности общества, крик терзаемой родины не смогли подействовать на его сердце и достучаться до него» [11, p.325]. Эти действия вызвали одобрения депутатов Конвента, и они даже распорядились отправить в Нант похвальную грамоту.

Жозеф Фуше неразрывно связан с террором, развязанным якобинцами. Более того, он был одним из его главных проводников. Еще до прибытия Фуше в Нант местные власти решили пригрозить местным контрреволюционерам,используя,как говорил Эбер,«святую гильотину». Центральная власть в Париже так же решила принять меры. Была ужесточена ответственность для не присягнувших священников и аристократов, замеченных в народных сборищах. Эмигрантам под страхом смерти запрещалось возвращаться во Францию, а их имущество подлежало конфискации.Учрежденное 10 марта «революционное судилище,приступило к своим ужасным обязанностям»[8, с.257]. Начал работать революционный трибунал. Другим важным действием стал декрет от 19 марта, который заявлял, что «лица, уличенные в убийстве, поджоге играбеже подлежат смертной казни» [2, с.415], т.е. фактически это были все участники восстания, как главари, так и простые крестьяне. По предложению Ланжюинэ, казни подлежали все, кто носил белую кокарду или у кого она просто была. Закон предполагал для всех арестованных по этому декрету казнь в течение 24 часов с момента задержания и конфискацию имущества в пользу Республики. Для обвинения достаточно было заверенного двумя подписями протокола.

В контексте этих событий, рекомендации народного представителя по учреждению трибуналов в Нижней

Луаре можно рассматривать как следование политике Конвента.Принятие жестких мер в период гражданской войны было повсеместной практикой, поэтому не стоит все списывать на самодеятельность Фуше и Вийера. Например, в соседнем департаменте Эндры и Луары Тальен заключил в тюрьму всех восставших священников и подозрительных лиц, а их родственников использовали фактически в качестве заложников.В самом Нанте, по сообщению представителя, еще в марте священники и дворяне, подававшие повод быть заподозренными в умеренности, заключены в тюрьму [19, p.519].

29 марта в Нанте организован чрезвычайный революционный трибунал. Возглавил его Луи Филипп де Тронжолли, он будет занимать эту должность и при Каррье. Креатурой Фуше в трибунале помимопредседателя стал секретарь трибунала Франсуа Куако, его тесть. Франсуа Куако-младший стал членом комитета сыскной полиции.

В то самое время в Нанте директории департамента было предписано арестовывать любого человека, не носящего трехцветную кокарду; мятежными были объявлены все города и населенные пункты, которые не подняли республиканский триколор; под подозрение попадали все лица, которые не выполняли сразу же приказов; постой войск и возмещение ущерба выпадало на долю департамента; вводились строгие наказания за нарушение дисциплины.

Комиссар опирался на местный якобинский клуб Венсан ля Монтань, а не на более умеренный клуб Друзей Конституции. Выступая в первом клубе, он заявил: «Республиканцам нужно железо, хлеб и 40 экю ренты», называя вандейцев «подлыми и трусливыми людьми», призывая чтобы «оружие республиканцев, штык, на месте прошел через их тело», доставалось там и священникам «лицемерам и бездельникам» [13, p.73]. Такие диатрибы в отношении вандейцев, предвосхищали будущие жестокости. Фуше недвусмысленно давал санкцию на уничтожение инсургентов не по политическому признаку, а лишь по тому, что они жители восставшего региона. В том же самом клубе он призывал «хорошенько присматривать за богатыми, купцами и монополистами, корыстолюбцами, священниками, аристократами, теми подозрительными, которые именуют себя умеренными» [3, с.17]. Наблюдательные комитеты составляли списки иностранцев и подозрительных. Эти комитеты – предтеча подобных во главе с Руэлем и Жийе, созданных Каррье. Все эти распоряжения предвосхищали декрет Конвента о подозрительных от 17 сентября 1793 г. [2, с.265].

Сформировали наблюдательный комитет, проводящий обыски и составляющий списки иностранцев и подозрительных. В категорию «подозрительных» попадали офицеры армии Дюмурье, прислуга сосланных священников, родители и даже дети эмигрантов. При этом патриотические кругипостоянно мобилизовались из-за того что «ужасные заговоры появляются со всех сторон». Только единение всех патриотов, их жесткость, могли спасти свободу. Действия Фуше встречали поддержку в рядах местных ультрареволюционеров, «Мы не можем выразить, какую радость нам доставляет нахождение среди нас гражданина Фуше» [12, p.404].

Печальную известность получил город Машкуль - один из центров восстания. С 10-ых чисел марта и по 22 апреля, когда он перешел в руки республиканцев, там был организован самый настоящий «белый» роялистский террор. Палачом Машкуля стал Сушю, возглавлявший роялистский трибунал. Только 3 апреля по приговору трибунала было расстреляно 58 республиканцев.

Час расплаты для города наступил 22 апреля, когда части полковника Бейссера вошли в Машкуль. Сотен был из Нанта отправлен в качестве гражданского комиссара в Машкуль. Бейссер отчитывался властям в Париж и Нант в организации революционного трибунала. За два часа работы трибунал отправил на гильотину всех виновных по декрету от 19 марта и полковник обещалрасстрелами ускорить исполнение приговоров. Вероятно, санкция на такую акцию была получена от департаментских властей, т.е. от Фуше. Центральный комитет из Нанта писал Бейссеру и Сотену: «Кровь жертв взывает о мести, и мы все желаем, чтобы она была запоминающейся, быстрой и ужасной; пусть эта раса хищников исчезнет с земли, пусть память о них исчезнет среди людей» [12, p.420]. Язык очень похож на тот, каким будет писать Фуше из Лиона.Как и в посланиях оттуда души павших называются «маннами» «…места, где отдыхают маны наших друзей» [12, p.420]. Принимая во внимание дискурс Фуше и текст этого послания в Машкуль можно смело предположить, что центральный комитет писал это обращение если не под диктовку, то с большими поправками от гражданина Фуше.

Работало три комиссии: одна в замке, другая в госпитале, нахождение третьей точно не известно. Комиссия замка осудила на казнь с 24 по 27 апреля 7 человек, 15 - оправдано. Комиссия, работавшая в госпитале, отправила на казнь так же 7 человек. Сушю и его помощники были приговорены к смерти. Предоставим слово самому полковнику Бейссеру: «Мой военный трибунал учрежден, вчера обезглавили двух разбойников. Казнь выполнили на плахе топором сапера. Это действие вызвало большое оживление, к несчастью у нас еще будет много подобных» [12, p.418-419]. За неделю до этих событий в Комитете общественного спасения решили сделать ставку на террор. На заседание 15 апреля встал вопрос о мерах для ускорения репрессий [20, p.239].

Работа революционного трибунала была ускорена и ужесточена, арестованные лишились права на защиту, что уже напоминает закон от 22 прериаля II года, Фушеговорит о законе 19 марта: «Дух этого закона состоит в том, чтобы избавиться от формальностей и ускорить наказание. Народ жалуется на отсрочку правосудия; интересы общественного блага, самой человечности требуют, чтобы оно было скорым и суровым» [3, с.17]. «Здесь приходиться выбирать между жизнью негодяев и жизнью всего народа, а потому всякая чрезмерная медлительность тут преступна, всякая щепетильность в соблюдение формальностей и излишнее внимание к ним представляют опасность для общества. Отсрочка наказания врагов родины не должна превышать времени, необходимого

для установления их личности. Речь идет не столько о том, чтобы наказывать их, сколько о том, чтобы уничтожать» [5, с.265] - эти слова Кутона по поводу закона 22 прериаля будут сказаны более чем через год, однако, как мы видим, радикализм Фуше проявлялсяв полне отчетливо.

Ужас террора, который обрушится на Нант при Каррье, подготавливался весной при Фуше. Без сомнения, сложная политическая и военная ситуация давала повод к поиску крайних и резких мер. Тем не менее, вклад Фуше в создание машины террора в Нанте несомненен. Он смог подготовить общественное мнение и местных санкюлотов к террору постоянной атмосферой заговоров, обвинениями в адрес «не патриотов». Нагнетание патриотической истерии во многом дало санкцию Жану Батисту Каррье организовать в Нанте массовые потопления, «республиканские свадьбы» и превратить Луару в «революционный поток».

Оригинальным отмечают запрет Жозефом Фуше театральных постановок в Нанте. «Спектакли будут закрыты до тех пор, пока кровь наших братьев не прекратит течь» [13, p.72]. В период революции использовать цензуру по отношению к театру еще будут, но это постановление объяснялось не нелюбовьюк театру или увеселительным мероприятиям, а желанием избежать массовых сборищ людей, которые не всегда можно проконтролировать и которые могут способствовать распространению роялистских и антиреспубликанских идей.

Нельзя отказать Жозефу Фуше и в любви к театральным эффектам. Объявление декрета о признании Дюмурье врагом отечества было обставлено очень помпезно. Национальная гвардия и линейные полки были поставлены под ружье, вся администрации была в сборе, а оба комиссара произнесли речи перед народом. Сообщение заканчивалось патетическими словами Фуше: «Нант, образно говоря, колыбель свободы Франции» [20, p.144]. Он уверял Комитет общественного спасения в наличии здесь самых смелых защитников свободы и большого числа врагов деспотизма и королей. Очень часто Фуше приписывали демагогию, но как нам кажется вопросв другом. Его выступления и речи является одним из ярких примеров революционного, а также якобинского дискурса. Гражданин Фуше старался не просто пустить «пыль в глаза», он старался соотнести себя и свою власть с народом и его действиям. Власть и идеология революции при ее «народном характере» всегда соотносится с группой людей или человеком, ее олицетворяющим, в данном случае с комиссаром Жозефом Фуше. Исходя из такого понимания, наш герой предстает не большим демагогом, чем Робеспьер, Кутон или Сен-Жюст [10, с.80-86;1, с.188-192, 197-203].В подтверждении его демагогии обычно приводят цитату из мемуаров самого Фуше о его воззваниях в период миссии в Невере: «это все банальные фразы на языке времени» [14, p.18]. Получается, такому скрытному человеку, хорошо приспосабливавшемуся к изменению политической ситуации, верят на слово,в его не самых откровенных мемуарах?

Писавший их в период реакции во Франции и Европе,Фуше явно не хотел вспоминать свое революционное прошлое. Там, где это нельзя было не сделать, старался всячески отвести от себя обвинения. Поэтому справедливо предположить, что бывший министр Империи просто пытается в очередной разввести в заблуждение и выставить свои «банальные фразы» в качестве хоть какого-то оправдания за террористическое прошлое.

Помимо террора имя Фуше еще часто связывают с левыми радикалами и в связи с его отношением к институту частной собственности. В Нанте, городе буржуа-собственников, Фуше ничем не проявил своего негативного отношения к собственности. Во время организации национальной гвардиинапоминал солдатам, об уважительном отношении к собственности и ее владельцам. В отношении состояния казненных по декрету от 19 марта, наш герой полностью следует букве закона и передает его в качестве национальных имуществ в собственность Республики, стараясь не допустить различных спекуляций на этой почве. Проект его постановления отправлен в Конвент письмом от 15 апреля [12, p.691].

Такое «терпимое» отношение к собственности и ее владельцам можно отнести не только за счет желания Фуше угодить собственникам и жирондистам Нанта. Не менее точным будет выглядеть объяснение, что такая политика была продиктована нежеланием обострять социальные конфликты в Нанте и Нижней Луаре. Буржуа отстаивали во многом те имущества, которые им дала революция и которые они рисковали потерять в случае реставрации Бурбонов. С другой стороны, как нередко отмечали исследователи революции, так и сами участники событий, мятеж в Вандее был во многом построен на антагонизме «город-деревня». Агрессивная политика в области частной собственности играла бы на руку восставшим массам крестьян, недовольных продажей национальных имуществ и перераспределением богатств, осуществленным революцией.

Дальнейшие события 31 мая-2 июня 1793 г. ясно показали, чью сторону заняли крупные торговые и промышленные центры Франции, а именно сторону Жиронды, которую условно можно охарактеризовать как партию средних и крупных собственников. Принимая во внимание и то, что Жозефу Фуше нельзя было отказать в политической проницательности, справедливо предположить: его «терпимость» к собственности и собственникам определялась во многом названными выше причинами, а не одним притворством.

Наступил апрель 1793 г. и после неудачных штурмов Сабль-д`Олонна, Пенбефа, Порни и локальных успехов нантской национальной гвардии наступило некоторое затишье. В письме от 12 апреля, т.е. написанном между двумя поражениями республиканцев при Шемиле (11 апреля) и Обруа (13 апреля), комиссары Вийер и Фуше сообщают о положении в окрестностях Нанта. По-прежнему восставшие хозяйничают на левом берегу Луары и строят свои укрепления, а также грабят близлежащие деревни. Комиссары настойчиво повторяют свою просьбу о подкреплении, говорят о том, что «наших сил достаточно, чтобы с трудом оборонять от несчастий город Нант» [12, p.114]. В то же время один из комиссаров посетил Пенбеф, который благодаря «неустрашимому мужеству бравых моряков», а также «твердости и способностям администраторов» отбил атаки мятежников, при этом представители заверяли Конвент

о «неизменной приверженности и поддержке в этой стране республиканских принципов» [12, p.114].

Фуше и Вийер сохраняли хорошую мину при плохой игре, т.к. апрель стал одним из самых тяжелых месяцев для республиканских войск в районе восстания. Ряд поражений от лидеров восставших д`Эльбе, Лорашжаклена, Кателино привел к тому, что города (главные очаги республиканизма) в Нижней Луаре и «Военной Вандее» оказались на осадном положении. Подкрепление, о котором просили и комиссары и генералы, пришло только в начале мая, когда с фронта были сняты части Национальной гвардии и линейные полки, а до этого времени оборона городов легла на плечи местных гвардейцев и республиканского ополчения.

В апреле 1793 г. миссия Фуше подходила концу. В последние дни своего пребыванияон опубликовал воззвание к жителям деревень департамента Нижняя Луара и Майенна. В нем Фуше пытался донести до крестьян простые истины о том, что их вводят в заблуждение враги родины, которые пытаются отвернуть их от Республики. Он писал о бесполезности дальнейшего сопротивления из-за наличия большой армии республиканцев. «Они (руководители восстания) не скажут вам, что внушительная армия готовится вас атаковать, и вы вскоре падете под ее ударами» [12, p.692].Опять досталось священникам, для которых, «религия была пустым словом, и их поведение было противоположно морали, ей внушенной» [12, p.692].

Заканчивалось воззвание предложением об амнистии, всем, кто прекратит сопротивление в течение 24 часов после его публикации. Помимо амнистии обещалась награда в 6 тыс. ливров за голову любого из руководителей восставших. К письму было приложено ответное воззвание восставших из лагеря Сореньер. Восставшие недвусмысленно давали понять, что ни о какой сделке с Республикой или амнистии не может быть и речи.«Здравый смысл и ситуация не позволяют нам подчиниться или положиться на ваши законы, которые мы никогда не признаем» [12, p.692]. Они выдвигают требования по восстановлению канонического права, реставрации монархии и амнистии священникам. В противовес республиканцам послание подписано первым годом царствования Луи XVII.

Противоречия между сторонами конфликта были непреодолимыми. В то время, когда само слово «роялист» было синонимом слова «предатель», ни один республиканец не мог помыслить о реставрации монархии без отрицательных последствий. Поэтому прокламация гражданина Фуше к гражданам деревень было скорее актом отчаяния, главным стимулом которого были амнистия и денежное вознаграждение.

Расставание с родным городом стало для Жозефа Фуше не очень приятным. Этому способствовал ряд фактов. Во-первых, комиссар затеял чистку в рядах служащих, так как многие из них не имели удостоверений о гражданственности, во-вторых, учрежденный трибунал в Нанте видимо сильно напугал местных жирондистов и буржуа. Они даже отправлялись с петициями и жалобами в Конвент. Справедливо допустить, что комиссары собирались усилить свой нажим на местные власти. Подтверждением служит письмо Комитета общественного спасения комиссарам Нижней Луары и Майенны. «Мы с нашей стороны призываем удвоить активность и деятельность. С вашей стороны мы надеемся на спасительное применение полномочий, которые вам вручены для спасения родины» [20, p.514].

Наш герой сетовал на наличие большого число людей в финансовом бюро без свидетельств о гражданственности и планировал их замену [12, p.691; 13, p.305]. Это решение вызвало возмущение. Некий гражданин Перрье посчитал комиссаров введенными в заблуждение радикальными патриотами.Он опасался, как бы такие резкие меры не заставили разочароваться в революции истинных патриотов[14, p.316-317].На волне этих событий в начале мая Жозеф Фуше покидает родной Нант и отправляется в Париж. Символично, что Нант и его самый известный революционер печально прославятся в наступающее время террора.

Основные цели миссии Фуше так или иначе выполнил, Национальная гвардия организована, Нант попрежнему не сдавался шуанам, а местным контрреволюционерам недвусмысленно дали понять, что республика настроена вести с ними разговор с помощью силы. Крайние методы Фуше уже можно проследить весной 1793 г., конечно, не в такой крайней форме как будет позднее.

Весна 1793 г. стала важным актом в драме Революции, после которого захватившие власть якобинцы под давлением многих обстоятельств начали делать ставку на ужесточение методов борьбы с контрреволюцией. На первые роли выходили наиболее «преданные» делу Революции люди. Среди таких оказалсяЖозеф Фуше. Миссия Фуше весной 1793 г. показала нам его уже как сторонника радикализации революции. Будущий герцог Отрантский проявил себя как хороший организатор, принимающий жесткие меры, а также как человек, прекрасно понимающий политический момент и революционный язык. Качестванезаменимыевтакуюэпохукак, ВеликаяФранцузскаяреволюция.

This article is about the mission of the Deputy of the National Convention J. Fouche in Nantes in the spring of 1793. There was the political crisis, failure in the war, the revolt in Vendée. The young French Republic was on the brink of disaster. The Deputy Fouche, who has already shown himself a supporter of radical measures of the revolution, was sent to the Department of the Lower Loire. His purpose was to fight the rebellion vandeyets and the execution of the decree of army enlistment. Foucher began to show their inclination to stringent, terrorist measures against the enemies of the Republic. He anticipated future actions of the Jacobin terror in some of his actions.
Keywords: *Convention, commissar, Vendee, The Revolutionary Tribunal, terror, suspects.*

Список литературы

1. Генифе П. Политика революционного террора 1789-1794. М., 2003.
2. Документы истории Великой Французской революции. Т.1/ Ответственный редактор Адо А.В. М., 1990.
3. Егоров А.А. Жозеф Фуше: карьера оппортуниста. Ростов-на-Дону, 1992.

4. Кутон Ж. Избранные произведения 1793-1794. М., 1994.
5. Летчфорд С.Е. «Вандея»- судьба одного понятия// Новая и Новейшая история . Выпуск 19. Саратов, 2000.
6. Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону. 1995.
7. Минье Ф. Исторя Французской революции с 1789 по 1814 гг.М., 2006.
8. Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938.
9. Фюре Ф. Постижение французской революции. СПб., 1998.
10. Archives parlementaires. Recueil complete des débatslégislatifs etpolitiques françaises. T.60. P., 1896-1901.
11. Archives parlementaires. Recueil complete des débatslégislatifs etpolitiques françaises.T.61. P., 1896-1901.
12. Archives parlementaires. Recueil complete des débatslégislatifs etpolitiques françaises. T.62. P., 1896-1901.
13. Archives parlementaires. Recueil complete des débatslégislatifs etpolitiques françaises. T.63. P., 1896-1901.
14. Archives parlementaires. Recueil complete des débatslégislatifs etpolitiques françaises. T.64. P., 1896-1901.
15. Lallie A. Le district de Machecoul1788-1793, études sur les originset les débuts de l`insurrection Vendeenne dans le pays de Retz. P., 1869.
16. Madelin L. Fouché. T.1. Paris, 1903.
17. Memoires de Joseph Fouché, duc d`Otranto ministre de la police general.T.1. P., 1824.
18. Michelet. J. Histoire de la Révolution française. T. 5. P., 1864.
19. Recueil des actes du Comité de Salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission. T.2. P., 1889-1923.
20. Recueil des actes du Comité de Salut public avec la correspondence officielle des représentants en mission. T.3. P., 1889-1923.

Об авторе

Роленков А.Г. – магистр 2 курса факультета истории и международных отношений отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *rolenkovalbert@yandex.ru*

УДК 070.13 + 342.732 + 351.751.5

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦЕНЗУРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА КОНЦА 1870-х гг.

В.А. Ромащенко

Русско-турецкая война, а затем наступивший после нее кризисный 1879 год заложили контуры новых отношений между российским правительством и периодической печатью. В статье рассматриваются особенности этих взаимоотношений, совмещавших традиционное административное вмешательство и финансовые средства давления с учетом степени воздействия прессы на общественное мнение.

Ключевые слова*: цензура, периодическая печать, Главное управление по делам печати, цензурная политика, политический кризис.*

На рубеже 1870-х – 1880-х гг. Россия оказалась в сложном экономическом и политическом положении. Финансовые трудности были вызваны неожиданно затянувшейся войной 1877–1878 гг. против Турции, усугубившейся кризисными явлениями в аграрном секторе, от которого полностью зависели возможности пополнения казны. Неурожаи, вялые попытки помещичьих хозяйств осуществить переход на современные для того времени методы сельскохозяйственного производства, наконец, мобилизация на войну более полумиллиона крестьян, представлявших собой наиболее трудоспособную часть российской деревни, создавали на тот момент, казалось бы, непреодолимые трудности.

Политическая жизнь страны также требовала активных государственных действий. Показателем очевидного правительственного кризиса, происходившего на фоне отстаивании привычных форм властвования, стал процесс Веры Засулич, явившийся последней попыткой при помощи гласного суда добиться общественного осуждения революционеров. Подсудимая совершила попытку убийства петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, факт покушения был полностью доказан и не отрицался самой обвиняемой, судебное слушание проводилось не в виде политического процесса, а в качестве обычного уголовного, с привлечением присяжных заседателей, и оправдательный приговор, вынесенный 31 марта 1878 г., явился очевидным доказательством невозможности открытого давления правительства на новый суд.

Следующий, 1879 г., знаменовался усилением революционного движения и выделением из него организации «Народная Воля», избравшей путь террора. Одним из итогов произошедшего явилось смертельное ранение в феврале 1879 г. харьковского губернатора князя Д. М. Кропоткина, в марте произошло покушение на начальника III Отделения генерала А. Р. Дрентельна икиевского губернатора генерала М. И. Черткова, а 2 апреля А. К. Соловьёв совершил покушение на Александра II.

Внутренний кризис усугублялся также сложностями решения назревших проблем на международной арене. Военные успехи российской армии в русско-турецкой войне вызвали недовольство ряда европейских

держав, среди которых на первом месте находилась Англия. Берлинский конгресс, созванный для пересмотра Сан-Стефанского мира между Россией и Турцией, завершился подписанием 1 июля 1878 г. Берлинского трактата, сыгравшего определённую роль в деле стабилизации положения на Балканах, но не разрешившего противоречий в отношениях между европейскими государствами, предопределив возникновение многочисленных поводов для конфликтов и войн в будущем.

Тема возможной войны с Англией, особенно в момент наибольшего обострения англо-русских отношений в марте-апреле 1878 г., обрела практически легальные формы в российской печати [1, с. 30]. Один из многочисленных примеров – статья из политической и литературной газеты-журнала «Гражданин», передававшая настроения и тревоги, господствовавшие в обществе: «Мир или война? Тысячу раз в день вы слышите этот вопрос. Спрашивает извозчик, спрашивает сановный вельможа. Ни тот, ни другой не получают ответа по той простой причине, что неоткуда взять этот ответ» [2]. Публикация относится к началу мая 1878 г., но и после Берлинского конгресса печать была полна рассуждений о возможной войне, ее перспективах и последствиях как для обеих стран, так и для Европы в целом.

В советской исторической науке период с весны 1878 г. и до марта 1881 г. рассматривался в качестве «второй революционной ситуации» [3]. Отказываясь от оценок, определённых политической конъюнктурой, следует признать, что страна, действительно, в этот период находилась в состоянии глубокого кризиса.

Кризисные процессы конца 1870-х гг. происходили в России на фоне значительной активизации периодической печати. В условиях растерянности, которую проявляла власть, роль исследователя состояния страны и мер экономической, социальной и политической стабильности взяла на себя пресса [4, с. 324]. Как следствие, произошли изменения в отношениях между периодической печатью и контролировавшими ее государственными структурами. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев еще 5 апреля 1878 г. докладывал Александру II, что все петербургские газеты стали вести себя вызывающе и обычные меры воздействия на печать не действуют [5].

В сложившейся ситуации действия правительства по отношению к периодической печати, не просто передававшей картину происходившего, но и пытавшейся показать свое видение принимаемых властных решений, а тем самым формировавшей мнение общества на внутренние и внешние события, наглядно показывают позицию власти в отношении прессы, раскрывают сущность проводимой ею политики. «Как бы мало ни значило у нас общественное мнение, оно может иногда способствовать наклонению весов на ту или иную сторону» [6, с. 882], – констатировал журнал «Вестник Европы».

Через мотивацию наказаний, обрушившихся на газеты и журналы, можно более детально воспроизвести внутренний механизм процесса формирования правительственной позиции в вопросах внешней и внутренней политики, а также изучить особенности истории самой периодической печати, характер тогдашних настроений с властными структурами.

Статья посвящена содержанию цензурных взысканий, полученных периодической печатью в 1879 г., ставшем одним из этапов разразившегося кризиса. С момента принятия нового закона от 6 апреля 1865 г. и на протяжении последующих почти сорока лет (до введения 24 ноября 1905 г. «временных правил для повременных изданий») в законодательство о печати были внесены многочисленные изменения, но при этом сохранилась мера, которая рассматривалась в 1865 г. как «временная и чрезвычайная», – административные взыскания за «вредное направление». Сущность этого явления в практике Главного управления по делам печати попыталась определить официальная газета Министерства внутренних дел «Северная почта»: «Словом *вредное направление* выражается мысль общая, не ограничивающая, конечно, полного произвола при толковании *вреда*, но так как нет никакой возможности даже приблизительно определить бесспорные признаки вредного направления, то приличнее, откровеннее и достойнее не прикрывать закона наружною формою определенности, когда внутреннее содержание его не подходит ни под какое положительное определение» [7, с. 110]. На примере одного года в жизни российской периодической печати рассмотрим особенности проявления «вредного направления» в трактовке главного цензурного ведомства страны.

В Государственной общественно-политической библиотеке (г. Москва) сохранилась машинописная (под грифом «секретно») «Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г.», которая представляет собой годовой отчет центрального цензурного учреждения России. В течение 1879 г. под наблюдением членов Совета Главного Управления по делам печати находилось 420 периодических изданий. Совет провел 46 заседаний, по которым было составлено 59 журналов, заключавших в себе 114 отдельных статей [8, с. 1].

Видится необходимым определить статус названного цензурного учреждения. Назначение Главного управления по делам печати конкретизировалось во Временных правилах о цензуре и печати от 6 апреля 1865 г. Учреждение состояло из начальника и Совета Главного управления. При Главном управлении состояли: 1) Канцелярия; 2) особые цензоры драматических сочинений, и 5) Чиновники особых поручений [9].

Издание поступало на рассмотрение цензора, который, обнаружив нарушения цензурных правил, составлял об этом донесение, которое обсуждалось на заседании комитета, а затем передавалось в Совет Главного управления. Одновременно делалось распоряжение о приостановке выхода в свет издания, а затем и об аресте типографии. Действия цензоров контролировал «наблюдающий» член Совета Главного управления, он же систематически составлял доклады о направлении того или иного органа [10, с. 160-161].

Председателем Совета Главного управления являлся министр внутренних дел, а в его состав входили

председатели петербургских цензурных комитетов и лица, которые по представлению министра внутренних дел назначались и увольнялись высочайшими указами Правительствующего сената [11].

При обнаружении нарушений член Совета обязан был письменно представить свое заключение на заседание Совета, который выносил решение и извещал о нем соответствующий цензурный комитет или цензора. Также этот цензурный орган наблюдал за действиями местных цензурных комитетов и отдельных цензоров, рассматривал жалобы на действия цензурных учреждений. В Совете рассматривались все административные или законодательное предложения по делам печати и цензуры, которые затем представлялись министру внутренних дел [10, с. 161].

Не всегда заключения Совета были единогласными. В 1879 г. таких было 99, а 15 решений принимались на основании большинства голосов. Внес свои коррективы в окончательные постановления и министр внутренних дел (с февраля 1879 г. эту должность занимал Лев Саввич Маков): от него по 9 заключениям последовали особые резолюции. Следует отметить, что еще при разработке закона, принятого 6 апреля 1865 г., далеко не все члены редакционной комиссии были согласны с предоставлением министру внутренних дел широких полномочий. Сторонникам тогдашнего руководителя МВД П. А. Валуева с трудом удалось блокировать возражения против наделения его правом отменять решения центральной надзорной и руководящей инстанции – Совета Главного управления по делам печати о возбуждении или невозбуждении судебного преследования издателей, редакторов и авторов, вынесении предупреждения, имеющего последствием прекращение печатного органа» [12, с. 329-332].

Эти спорные моменты затрагивали самую суть цензурной политики, поскольку ставили печать в зависимость от взглядов, настроений, наконец, эрудиции людей, осуществлявших, помимо цензоров, контроль за печатью. То, что удалось отстоять П. А. Валуеву, не лишенному литературного таланта, внимательно следившему за развитием прессы в стране, реально оценивавшему ее роль в общественной жизни, перешло в качестве прямой обязанности и права к последующим руководителям ведомства. Однако далеко не все из них были способны это право реализовывать столь же успешно. Впрочем, в бытность П. А. Валуева на посту министра, периодическая печать в полной мере испытала на себе последствия административного произвола.

Применительно к рассматриваемому времени, это в полной мере относится к министру внутренних дел Л. С. Макову. После его вступления в должность, 4 апреля 1879 г., на квартиру нового министра были приглашены все редакторы и издатели петербургских газет и журналов. Такая личная беседа министра с представителями печати, а всего их присутствовало около 30 человек, была явлением уникальным. Подробное описание участника этой встречи сохранилось в журнале «Вестник Европы».

Причем накануне у одного из петербургских редакторов состоялось общее совещание почти всех тех лиц, которые на следующий день были приглашены к министру. Там речь шла о мерах к тому, чтобы «рассеять господствовавшее тогда предубеждение», что якобы печать виновна во всех явлениях, омрачавших общественную жизнь, «будто бы, если бы этой печати вовсе не было, то и общественная жизнь сама собой пришла бы в спокойное состояние» [6, с. 897]. После бурного обсуждения было принято решение направить к министру внутренних дел своих представителей с заявлением от имени всей столичный печати, но неожиданно последовало приглашение от самого министра.

Однако редакторам и издателям на встрече была отведена лишь роль слушателей. Приглашенные заняли места вокруг большого стола, во главе которого разместился министр; по правую руку от него – начальник Главного управления по делам печати В. В. Григорьев, а по левую – правитель канцелярии министра С. С. Перфильев. Л. С. Маков разразился речью о тогдашнем, по его мнению, состоянии печати и «о средствах к пресечению порождаемого ею зла».

«Господа, надо перестать кокетничать с печатью. Чем вы все собственно занимаетесь? – Все вы, хотя и в разной степени, то между строк, то намеками, подрываете правительство и стараетесь набросить тень на ту или другую сторону управления. Прочтите сами, что вы пишете: и то дурно, и другое дурно и всё дурно; нигде ничего хорошего!» Продолжая далее развивать свою мысль, Л. С. Маков определил главную задачу печати, как он ее понимал, а именно, печать должна быть, прежде всего «патриотической», – и кончил первую часть речи словами: «Печать должна быть такою, и я вам ручаюсь, что она – или будет такою, или ее вовсе не будет! С этой минуты, нет снисхождения никому и ничему» [6, с. 899-900].

Далее произошел эпизод, который, наш взгляд, полностью подтверждает высказанную мысль о вреде для развития печати предоставления министру внутренних дел широких полномочий. Л. С. Маков взял в руки последний номер газеты «Голос», и прочел небольшой из нее отрывок, затем неожиданно прервал чтение и обратился к начальнику Главного управления по делам печати со словами: «Не могу читать дальше!.. Объявите газете третье предостережение и закройте ее на шесть месяцев». Повернувшись к редакторам газет и журналов, он вслед за этим добавил: «Довольно, господа! Шутить с подобными вещами я больше не намерен: за всякое противодействие правительству в форме нападок на полицию, или как-нибудь иначе, будет применяться с этого дня неумолимая кара. Я не буду прибегать к предостережениям, а прямо стану приостанавливать каждое издание» [6, с. 900].

Однако возникшая напряженная ситуация разрешилась неожиданным образом. Присутствовавший на собрании редактор «Голоса» объявил, что прочитанный министром отрывок не принадлежит газете, а является телеграммой, которая была предварительно пропущена специальной цензурой и напечатана во многих изданиях, включая «Правительственный вестник». В итоге, прежде чем редакторы и издатели покинули помещение, третье предостережение «Голосу» «было также скоро снято, как и дано» [6, с. 900].

Такова была практика вынесения некоторых решений в отношении периодических изданий в 1879 г. В

свое время, при обсуждении будущего цензурного закона 1865 г. в качестве аргументов в пользу предоставления особых полномочий министру внутренних дел был выдвинут следующий аргумент: «Важно, по крайней мере то, чтобы министр не мог прекратить издание прежде, чем Совет троекратно, по собственному рассуждению, а не по приказанию министра, осудит направление издания. Важно, во-вторых, то, что у министра отнимется нравственная возможность мировольить изданию после того, как перед публикой троекратно было изъяснено его серьезно-опасное направление. Одним словом, важно, чтобы судьба периодических изданий не зависела вполне и окончательно от случайных воззрений одного лица» [12, с. 332].

Так ли это было на деле представляется возможным рассмотреть через практику наложения взысканий, отображенную в отчете Совета Главного управления по делам печати. Так, в заседании, проходившем 2 января, Совет вынес решение объявить за статью в № 167 «Биржевой газеты» (1878 г.), освещавшей правительственные меры против эпидемии, и за материал о действующей системе управления печатью, «будто бы направленной к деморализации общества и литературы» (№ 1, за 1879 г.), первое предостережение «Биржевой газете» и «Телеграфу», в котором эти статьи были целиком перепечатаны. Однако министр внутренних дел поместил в журнале заседания следующую резолюцию: «В настоящее время не признаю удобным объявить предостережение, но прошу особенно строго наблюдать за "Биржевою газетой" и "Телеграфом"» [8, с. 1].

В заседании, состоявшемся 9 января, члены Совета вынесли второе предостережение газете «Русская правда», за передовую статью в № 6, содержавшую, по мнению цензоров, «косвенный протест против мер, принимаемых нашим Правительством в ограждение общества от вредного влияния социальной пропаганды» и за публикацию в разделе «Меж газет и журналов» в № 4 материала, в котором «ясно и настоятельно доказывается необходимость изменения нашего государственного строя» [8, с. 1]. Министр внутренних дел написал на журнале, что он редактору газеты «Русская правда» сделает внушение лично [8, с. 2].

В том же заседании члены Совета усмотрели насмешку в освещении «Петербургской газетой» 60-летнего юбилея санкт-петербургского губернатора Лутковского и предлагали запретить продажу издания в розницу. Однако министр внутренних дел посчитал, что для этого нет оснований.

В заседании от 16 января вновь обсуждались публикации «Биржевой газеты» и «Телеграфа». Вывод был устрашающим для этих изданий: вредное направление этих газет выражалось, по мнению членов Совета, «в крайне резких и неприличных выходках и против нашего правительства, по поводу почти каждого обсуждаемого газетою вопроса или события, – и против тех из иностранных правительств, которые принимают серьезные меры к охранению общества от анархических стремлении социал-демократической партии» [8, с. 2]. На этот раз министр высказался за объявление обоим изданиям по первому предостережению.

В следующем месяце, 13 марта, Совет отметил нарушение со стороны «Русских ведомостей», которые пренебрегли высочайшем повелением о запрете публикаций без разрешения министра Императорского двора сведений и известий о великом князе Николае Константиновиче. Запрет был связан с тем, что сын младшего брата Александра II находился в опале и был выслан из Петербурга в Оренбург, а затем в более далекий Ташкент по решению семейного совета Романовых.

Формальным поводом послужило «похищение им у родной матери из дворцовой иконы крупного бриллианта и поднесение его своей пассии, надевшей его при посещении одного парадного бала» [13, с. 115]. Он был лишен всех военных и придворных чинов, орденов, даже права носить военную форму, с сохранением, однако, звания «великого князя», почему в обращении к нему его по-прежнему до конца жизни титуловали «ваше императорское высочество».

Резолюция министра внутренних дел гласила: «Нахожу необходимым просить московского генерал-губернатора вызвать редактора и сделать строгое внушение, с объявлением, что за вторичное нарушение Высочайшего повеления редактор подвергнется личной ответственности» [8, с. 2].

Одно из самых влиятельных изданий России, насчитывавшее около семнадцати тысяч подписчиков [14, с. 527], газета «Голос» традиционно ориентировалась на деятелей либеральной бюрократии. В период Восточного кризиса 1875–1878 гг. она заняла сдержанную позицию, поддерживая осторожную линию Министерства иностранных дел и выступая против вмешательства России в балканские события [15, с. 36], чем вызвала волну возмущения в среде периодической печати, выступавшей за войну против Турции.

Миролюбивая позиция «Голоса» была сполна оценена Министерством внутренних дел и когда в середине октября 1876 г. над газетой нависла реальная угроза очередной приостановки, министр внутренних дел А. Е. Тимашев избрал, вопреки мнению Совета Главного управления по делам печати, более мягкое наказание в виде запрещения розничной продажи всего на шестнадцать дней. Основанием было то, что «со времени замешательства на Востоке газета «Голос» держалась умереннее и правильнее всех других газет» [16, с. 83].

«Правильная» позиция газеты импонировала и новому министру внутренних дел Л. С. Макову, который на упомянутом совещании с редакторами и издателями выступил с откровенным признанием в том, что статьи «Голоса» «не раз просматривались им самим и исправлялись к лучшему; он иногда доставлял газете верные материалы, спасал ее своевременно от опасностей, указывал ложность того или другого известия; но рядом с этим, прибавил он, там появлялись всегда и статьи дурного направления» [6, с. 900]. Вот чем объясняется тот факт, что как раз накануне состоявшейся беседы, 3 апреля, «Голос» «в лице издателя статского советника Ан-

дрея Краевского и временного редактора, статского советника Василия Бильбасова» получил второе предостережение. Поводом послужили фельетоны в № 87 и 91, а также третья передовая статья в № 91.

Содержание этих публикаций позволяет понять причину недовольства как со стороны членов Совета Главного управления по делам печати, так и министра внутренних дел. Первый фельетон под названием «Наши грады и веси» был посвящен проблемам российской провинции. Автор статьи отмечал общие черты содержания хроники провинциальной жизни столичных газет: она наполнялась известиями о том, что бешеный или просто голодный волк искусал десяток-другой людей; выгорело село; лопнули два-три банка; убили или ограбили кого-нибудь на улице, среди бела дня; проворовался какой-нибудь казначей. «Должна же быть, однако, какая-нибудь внутренняя, причинная связь между такого рода фактами и явлениями? – задавался вопросом автор статьи. – И связь, надо полагать, довольно сильная, если характер проявлений нашей внутренней жизни, в общем, не изменяется с годами» [17]. Более того, по мнению «Голоса», «еще с прошлой осени в газетах довольно часто начали появляться известия о воровствах, грабежах и разбоях». Уделив значительное место подробному описанию происходивших в различных районах страны преступлениях, газета пришла к выводу, что «нет школ, чтоб разогнать эту непроглядную тьму душевную; мало заботится об этом и духовенство» и через восемнадцать лет после освобождения крестьян требуется решительная борьба с темным наследием рабства: «Нужны и слёзы, и кровь, и борьба, // Чтобы человек создался из раба» [17].

Следующий фельетон, послуживший основанием для взыскания назывался «Листок». В нем автор, как бы предвидя последствия предыдущей публикации, помещает своеобразное обращение к главному цензурному органу: «Да, печать, в самом деле, во многом виновата; будем вполне откровенны – печать виновата во всем, чем мы наслаждаемся в настоящем, что сулит нам светлую будущность. Она и одна она не устает еще обличать, наставлять, проповедовать. Замолкнет печать – погибнет и то хорошее, чем гордимся мы и внукам нашим гордиться накажем; перестанет печать будить – погрязнет общество опять в тех тенётах, что разорваны светлым словом Царя, озарившим русскую землю 19-го февраля 1861 года» [18]. Завершалась статья новым обращением: «Не кляните печать <…>, она не только бичует, не только раздражает. Посмотрите, какой неподдельной радостью возрадовалась она при чтении указа об отмене подушной подати – это продолжение той радости, что зажглась в сердцах восемнадцать лет назад, как и самый указ есть продолжение дела 19-го февраля» [18].

Передовая статья «Голоса» была посвящена проблемам внешней политики и «чувство умеренности» на этот раз подвело редактора. В статье говорилось о проблемах, которые «неминуемо» должны возникнуть после ухода русских войск из Восточной Румелии и Болгарии при буквальном осуществлении Берлинского трактата. Автор видит единственный выход для замедления взрывоопасной ситуации в «продлении русской оккупации», а это может в свою очередь произойти только при условии изменения постановлений Берлинского конгресса 1878 г.: «Без такой гарантии дальнейшее пребывание русских войск за Дунаем будет не более, как одним из способов, который употребляет враждебная нам Европа для постепенного, без борьбы, истощения наших государственных сил…» [19].

Вот такие публикации министр внутренних дел Л. С. Маков называл на встрече с редакторами и издателями петербургских газет и журналов «ужасными статьями». Однако особое отношение министра к «Голосу» всё же проявилось в том же апреле 1879 г. когда газете грозило третье предостережение с последующей приостановкой. Совет высказался на своем заседании 28 апреля за эти меры на основании цензурных претензий к ее статьям (корреспонденция из Венева в № 101, фельетон в № 110 и хроника Петербургской биржи в № 115). Однако Л. С. Маков не признал нужным объявлять за эти статьи предостережение [8, с. 3].

В заседании, проходившем 29 мая 1879 г., члены Совета Главного управления по делам печати отметили статью об отношении Финляндии к пребыванию в составе Российской империи в № 21 газеты «Отголоски». Было подчеркнуто, что «вызывающий тон», «натянутость фактов», приводимых для защиты выдвинутых в газете аргументов, могут привести к весьма нежелательной полемике.

Министр оставил на журнале этого заседания свою резолюцию: «Иметь в виду, а редактору газеты "Отголоски" мною даны будут надлежащие указания» [8, с. 3]. О другом исходе не могло быть и речи: редактором газеты был Е. П. Карнович, но фактически издание являлось личным органом П. А. Валуева, который создал его за счет казны. За три года существования газеты он поместил там более 200 статей [20, с. 562]. К тому же Л. С. Маков в бытность П. А. Валуева министром внутренних дел был правителем его канцелярии и всегда разделял взгляды своего шефа [20, с. 416]. После отказа нового министра финансов С. А. Грейга финансировать «Отголоски», издание продержалось еще полтора года.

Ноябрьское обсуждение проблем печати в Совете Главного управления было связано с изданной в Австрии книгой «OesterreichseitderKatastrophaHohenwart-Beust, vonWalterRoggo». В этом году это было первое обсуждение непериодического издания. Примечательным было то, что цензурное ведомство не могло самостоятельно вынести решение по этой книге, поскольку речь шла о «передаче образа» верховной власти. На странице 173 австрийского издания описывалось пребывание российского императора в Вене и рассказывалось о принятых там по этому случаю полицейских предосторожностях. Совет, признавая возможным оставить это место в книге, решил все же переадресовать окончательное рассмотрение вопроса министру внутренних дел, который в свою очередь «признал необходимым снестись с Министром императорского Двора» [8, с. 3].

Дело в том, что к середине XIX в., по мнению властей, назрела необходимость в учреждении в России специального органа, занимающегося цензурой любой информации, содержащей упоминания о персонах государя императора и членов императорской фамилии. Вынесение решений по публикациям такого рода власти не

считали возможным поручать ведомству, осуществлявшему общую цензуру в государстве. Считалось, что столь важная идеологическая задача должна была решаться в рамках Министерства императорского двора [21, с. 9].

Наконец, на последнем заседании, состоявшемся 26 декабря, было рассмотрено «вредное направление» журнала «Слово», проявившееся в общем характере статей, помещенных в декабрьском номере. Совет вынес решение об объявлении этому изданию третьего предостережения, предоставив министру внутренних дел решение о сроке приостановки.

В ответ последовала следующая резолюция министра: «Вследствие личного соглашения моего с Шефом Жандармов, признаю возможным не объявлять ныне третьего предостережения за декабрьскую книгу, но при этом еще раз покорнейше прошу иметь неослабленное наблюдение за этим журналом, направление коего надлежит вообще считать, как совершенно справедливо постановил Совет, весьма вредным» [8, с. 3-4].

Всего в 1879 г. было объявлено 11 предостережений, с приостановлением газет «Неделя» на 3 месяца и «Русская правда» на 5 месяцев; запрещено печатание объявлений в газете «Молва» с 20 ноября по 18 декабря; запрещена розничная продажа «Современных известий» с 21 января по 28 мая, «Нового времени» с 13 сентября по 14 октября, «St-PetersburgerZeitung» с 21 февраля по 14 марта, «Петербургского листка» с 3 по 27 апреля, «С.-Петербургских ведомостей» с 13 по 27 сентября. Кроме того были сделаны «внушения» редакторам шести изданий, находившихся под действием предварительной цензуры: через курского губернатора был поставлен на вид (т. е. за ним было установлено дополнительное наблюдение) чиновник цензирующий «Курский листок», из-за пропуска им «неуместных в подцензурной печати статей». Относительно «Донских областных ведомостей» сообщено военному министру с предложением прекратить издание в этой газете неофициального отдела, в виду постоянных нарушений в нем цензурного устава [8, с. 6-7].

Таков был далеко неполный итог деятельности Совета Главного управления по делам печати в 1879 г. Следует отметить, что в сравнении с первыми годами, последовавшими после введения в действие «временных правил» в виде закона от 6 апреля 1865 г., когда усилиями министра внутренних дел П. А. Валуева удалось поставить периодическую печать в угодные для правительства рамки, система предостережений кардинально изменила свое внутреннее содержание. «За сорок последующих лет, когда в России продолжали существовать эти "временные правила", обраставшие законодательными и административными дополнениями, положение отечественной печати, которая испытывала подъёмы и разочарования, постоянно изменялось в диапазоне от полной зависимости до состояния, когда средства информации могли диктовать свою волю правительству» [22, с. 36].

Одной из важнейших причин неэффективности законодательства 1865 г. для периода конца 1870-х гг. являлось то, что оно было направлено против «толстых» журналов. Анализ отчета Совета Главного управления по делам печати и вынесенных периодическим изданиям взысканий показывает, что основные цензурные проблемы были связаны с содержанием газетных публикаций. В новых условиях заметно усилилась роль вмешательства министра внутренних дел в выносимые определения Совета. На примере 1879 г. можно выделить и основную мотивацию: от личных пристрастий и привязанностей до интересов государственных структур, боровшихся с ростом революционных настроений в стране.

Russian-Turkish war and the crisis in 1879 which come after it has laid the contours of a new relationship between the Russian government and the press. The article discusses the features of these relationships which has combined the traditional administrative interference with the financial means of pressure depending on the degree of impact of the press on public opinion.
Keywords: *censorship, periodicals, the Main Committee for the Press Affairs, censorship policy, political crisis.*

Список литературы

1. Блохин В. Ф., Косарев С. И. Российская периодическая печать о внешней политике Англии конца 1870-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 26-31.

2. Мир или война? // Гражданин. 1878. № 18. 6 мая.

3. Троицкий Н.А. Историография второй революционной ситуации в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 93 с.

4. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Экслибрис, 2006. 734 с.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 243. Л. 89-90.

6. Из общественной хроники // Вестник Европы. 1883. Т. 4. Кн. 8. С. 896-910.

7. Блохин В. Ф. О вреде «Вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. // Вестник молодых учёных. 4' 2006.(Серия: Исторические науки). СПб., 2006. № 2. С. 110. (С. 109-115).

8. Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. Б. м., 1879. 7 с.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 40 (1865). Ч. 1. № 41990.

10. Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.

11. Постановление о публичном распространении слова, письма и печати (Составлено согласно заключениям департамента законов). Б. м., б. г. 33 с.

12. Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. СПб.: типография «Герольд», 1904. 532 с.

13. Массон М. «Ташкентский» великий князь. Из воспоминаний старого туркестанца // Звезда Востока.

1991. № 12. С.114-125.

14. Никитенко А. В. Записки и дневник: В 3 т. М.; «Захаров», 2005. Т. 3. 692 с.

15. Луночкин А. В. Национальный вопрос в газете «Голос» (1863–1883) // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Философия. Вып. 2. 1977. С. 32-38.

16. Луночкин А. В. От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. СПб., 2001. Вып. 1. С. 77-94.

17. Наши грады и веси // Голос. 1879. № 87. 23 марта.

18. Листок // Голос. 1879. № 91. 1 апреля.

19. Санкт-Петербург. 31 марта 1879 г. // Голос. 1879. № 91. 1 апреля.

20. Зельдич Ю. В. Петр Александрович Валуев и его время6 Историческое повествование. М.: Аграф, 2006. 576 с.

21. Григорьев С. И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб.: Алетейя, 2007. 480 с.

22. Блохин В. Ф. Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать России в политическом контексте (1865-1905 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6. С. 34-44.

Об авторе

Ромащенко В.А. – лаборант лаборатории общественно-политического развития стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, var_rus@mail.ru

УДК 902/904

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕМ ПОДЕСЕНЬЕВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.

Н.Г. Рябчевский

В данной статье говорится о появлении славян или их предков – «венедов» (населения постзарубинецкой и киевской культур) в Среднем Подесенье в I – V вв. н.э. Рассматривается вопрос происхождения и приводятся различные концепции проблематики этнической принадлежности данного населения. Также рассматривается проблематика топонимики названий данного региона. Приводятся данные о соотношении постзарубинецкого и киевского горизонтов. А также прослеживается влияние готского населения на население данного региона.

Ключевые слова: *Постзарубинецкий горизонт, Киевская культура, Среднее Подесенье, Римское время, Венеды, Готы.*

Для периода I – начала II вв. н.э. в регионе Среднего Подесенья зафиксировано население двух культурных групп. Одна из них представлена доживающей свой век юхновской культурой раннего железного века, проблема верхнего хронологического рубежа которой обсуждается исследователями. Второй группой населения являются обитатели поселков постзарубинецкого горизонта Рахны-Лютеж-Почеп (втор. пол. I – нач. II вв. н. э.).

Вопрос об этнической принадлежности обеих групп населения продолжает оставаться дискуссионным. Неопределенности данному вопросу добавляет обстоятельство симбиоза пришлого постзарубинецкого населения с представителями юхновских племен. Еще одним осложняющим фактором является гипотеза о кризисе классической зарубинецкой культуры, как о периоде начала формирования восточнославянских народов. Данная концепция, выдвинутая А. М. Обломским, Р. В. Терпиловский и их соавторами намекает на славянство обитателей Среднего Подесенья. Одной из наиболее развитых концепций славянского этногенеза является версия В. В. Седова о Висло-Одерских истоках славянства. По данной гипотезе в Среднем Подесенье находилось балтское население. [Седов, 1979] Однако она уже не находит поддержки у большинства исследователей. Впрочем, существуют и другие точки зрения на этническое содержание постзарубинецкой культуры, их обзор для Среднего Подесенья см., например: Шинаков, 2007, С. 16-17. Но все же подробнее остановимся на одной из них, Петербургскогоархеолога Ю.Ю. Шевченко. Надо отметить, что это излишне смелая концепция. По его версии основателями почепской группы памятников являются бастарны-певники, переселившиеся под натиском Рима на Средний Днепр. Одно из бастарнских племен – роксоланы – прихватив с собой часть местного позднезарубинецкого населения переселилось в Подесенье и получило сводное наименование – россомоны, под которыми и понимают носителей Почепской культуры. Затем «почепское население» было вытеснено под давлением носителей вельбаркской и пшеворской культур в Подесенье, но контакты с готами все равно продолжались. Ю. Ю. Шевченко начальным этапом почепской культуры считает возможным датировать серединой – I в. до н.э., развитым – 6 – 20-е гг. н.э., а окончанием – вторую половину II в. н.э. Таким образом идея о бастарнах, как об этносе, контаминированном с образованием почепской культуры, имеет основание для существования. Но о них стоит говорить лишь как о первом толчке миграций, которые привели к образованию данной культуры, а не как об ее этническом компоненте. Однако, в середине I в. н.э. археологическими исследованиями зафиксировано продвижение с запада на восток пшеворцев, которые вытесняли зарубинецкое население Среднего Поднепровья в Подесенье. Как видно, он оперирует названиями племен в письменных источниках, которые не дают точной привязки к Среднему Подесенью.

Если рассматривать территорию распространения почепской культуры, то из 23 ее памятников 16 (2/3),

находятся на территории Брянской области. Они расположены вдоль Судости, Вабли, Навли, нижней Болвы, и на Десне несколькими группами. [Шинаков, 2007, С. 16 -17, С. 30, рис. 1].

Далее будут рассмотрены сведения из письменных источников, данные античной картографии и данные археологических исследований.

На одной из древнейших карт мира – карте, задуманной Марком Випсанией Агриппой (64/63 – 12 гг. до н.э.) в I в. до н.э. область Восточной Европы между Танаисом и Борисфеном названа Сарматией [Подосинов, 2002, С. 56].Отсюда может следовать вывод о действительно подавляющей роли сарматских племен в Днепровском регионе или об отсутствии знаний о северных соседях сарматов. Агриппа сам побывал на берегах Черного моря в 14 году до нашей эры и мог иметь сведения о народах Поднепровья из первых рук. Возможно, это укрепляет предположение, что сарматы в данный период начинали доминировать в Нижнем и Среднем Поднепровье.

В «космографии» позднеримского времени Юлия Гонория даны сведения о неких номадах, населявших Причерноморье. В данном случае автор, по-видимому следует за Мелой, превратившим данную характеристику в этноним [Подосинов, 2002, С. 143]. Таким образом, еще в IV–V вв. н.э. в римской картографической традиции нет отдельных обозначений для населения Поднепровского региона, которое названо неопределенно кочевниками.

Наиболее важные сведения об обитателях Днепровского региона дает Певтингерова карта, сведения которой относятся к первым вв. н.э.Территория Поднепровья на Певтингеровой карте испещрена названиями племен и топонимами. В их основе этноним сарматы: «бродячие сарматы», «пустыни Сарматии», «сарматы амаксобии» [Подосинов, 2002, С. 315, 316]. Присутствует на карте и такой этноним, как венеды-сарматы. Располагается он над Дунаем северо-западнее горного массива «Бастарнские Альпы» – Карпаты. Таким образом, мы опять видим преобладание кочевых племен в интересующей нас области.

Помимо письменных источников известны и археологические данные, указывающие на присутствие сарматов на территории распространения постзарубинецких групп памятников горизонта Рахны-Почеп. Такие группы как Лютеж в Среднем Поднепровье и Рахны в Южном Побужье непосредственно соседствуют с сарматскими могильниками и отдельными погребениями [Рыбаков, 1993, С. 44 – 46]. Почепская группа в Подесенье находится севернее, но в материалах ее памятников встречены элементы среднесарматской культуры: лучковая фибула, фрагмент краснолакового сосуда и обломки орнаментированного серолощеного кувшина [Заверняев, 1960, С. 185]. На вскрытой площади Почепского селища также обнаружены следы необычного сооружения круглой формы, которое можно интерпретировать как остатки заглубленной в землю юртообразной постройки. В ее заполнении найдена пронизь из египетского фаянса в виде лежащего на подставке льва. Данный вид украшений был широко распространен в I в. н.э. в античных центрах Северного Причерноморья и часто встречается в женских сарматских погребениях степной зоны от Днестра до Волги [Заверняев, 1969, С. 115].

Круглая постройка Почепского селища с кочевническими чертами не единственная в постзарубинецкой деснинской группе памятников. Есть еще ряд сооружений, в конструкции которых можно подозревать присутствие степного влияния. Это сооружения селищ Киселевка, Спартак, Святое-4, Борки III [Шинаков, 2006, С. 59-61]. О сарматских постройках шатрового типа упоминается в сочинениях Страбона. По словам древнегреческого географа и историка, сарматские племена аорсы и сираки «часть кочевники, часть живут в шатрах и занимаются земледелием» [Страбон, 1994, С. 93].

К региону Поднепровья относят следующие свидетельства Плиния Старшего в «Естественной истории»: «в ином сарматы, (называемые греками савроматами), и из них гамаксобии или аорсы, затем роксоланы и аланы…верхние же поля и луга держат язиги-сарматы». Эти данные относятся примерно к I в. н. э. Севернее указанных племен по Плинию находится «Эннингия»: «Некоторые передают, что она населена вплоть до реки Вистулы сарматами, венедами, скирами, хиррами» [Гиндин, 1994, С. 26].

В историографии традиционно считали, что Плиний ошибался, и никакого острова Эннингии в реальности нет. Принято мнение, что под островом Эннингии Плиний имел в виду Висло-Одерское междуречье, благодаря ширине Щецинского и Гданьского залива и самих рек могло казаться островом. Такой гипотезы придерживается В.В. Седов.

Однако внимательное чтение латинского текста «Естественной истории» Плиния Старшего не находит упоминание Эннингии как острова. По мнению авторов комментариев к публикации античных источников, у Плиния Старшего нет определенного согласованного сочетания «остров Эннингия», Эннингия дается просто как некая «necminor» (не меньшая) территория [Pliny, 1967, P. 173]. Представление об Эннингии как острове является уже домыслом интерпретаторов, а вернее грубейшей логической ошибкой подмены основания. К сожалению, при переводе источника на русский язык, предложение, в котором упоминается Энингия, дано не полностью. То есть, важнейшее определение территории венедов вырвано из контекста. Такие вырванные из предложения слова позволяют скрыть комментатору текста уязвимые места своей интерпретации. Проблема данных интерпретаторов в том, что дальнейшее упоминание Плинием племен в Энингии, которое не сходится с их интерпретацией, объявлено «полусказочным повествованием» [Гиндин, 1994, С. 32]. Хотя полусказочным повествованием в данном случае является современное отождествление с Энингией Висло-Одерского междуречья.

Таким образом, учитывая, что Плиний в своем рассказе перечислял племена по схеме запад-восток-юг-север, то он имеет в виду территорию с юга, то есть от сарматов Поднепровья до реки Висла. Это район от реки Висла до Днепра и до Карпат на юге. Залив Килиппен, таким образом, является местом, куда впадает река Висла,

Латрис - это остров в устье Вислы или Одера. Затем другой залив, Ланг относится, таким образом, или к устью Одера или к устью в Эстонии. Венеды, скиры, хирры, в данном случае, могут быть обозначением носителей культуры позднезарубинецкого горизонта в Верхнем Поднепровье. А венеды, которых ряд современных исследователей отождествляют с протославянами, таким образом, по Плинию располагаются не севернее Вислы, а только доходят с юго-востока до нее. То есть, данные Плиния Старшего хорошо согласуются с археологическими свидетельствами существования пшеворской культуры в I в. н. э. в Висло-Днепровском регионе.

Сведения о возможном населении в Поднепровье на рубеже эр даны также римским историком Тацитом: «Здесь граница Свевии. Я колеблюсь, причислить ли народы певкинов, венетов и фенов к германцам или сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами … живут в грязи, а знать в бездействии. Венеты многое усвоили из нравов сарматов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и фенами. Они и дома строят, и носят большие щиты». [Tac. Germ. 46, Свод, Т. 1, С. 39]. По тексту Тацита видно, что венеды располагались между сарматами и германцами, это также соотносит их с территорией между Вислой и Днепром. В этом плане данные Тацита и Плиния Старшего совпадают. Тацит также сравнивает венедов и певкинов по типу домостроительства. Певкины живут в грязи, то есть в земле, что, возможно, указывает на землянку или полуземлянку. Венеды, наоборот, «дома строят», то есть строят наземные дома.

Третьим римским автором, кто оставил свидетельства о населении Поднепровья, был географ, а также астроном Клавдий Птолемей. Клавдий Птолемей учился и проводил астрономические наблюдения в Александрии Египетской, где и умер в 167 г. н.э. Птолемей составил «Географическое руководство», в котором дал описание территорий и находившихся на них племен и народов: «Европейская Сарматия окружена с севера Сарматским океаном вдоль Венедского залива… И иными горами опоясана Сарматия, из которых называют…и Венедские горы…А занимают Сарматию очень большие народы – венеды вдоль всего Венедского залива…И меньшие народы населяют Сарматию: по реке Вистуле ниже венедов гитоны, затем финны, затем сулоны; ниже них фругудионы, затем аварины у истока реки Вистулы; ниже этих омброны, затем анартофракты, затем бургионы, затем арсиэты, затем сабоки, затем пиенгиты и биессы возле Карпат». Восточнее названных, снова ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов… И снова побережье Океана вдоль Венедского залива последовательно занимают вельты, выше них осии, затем еще севернее карбоны, восточнее которых кареоты и салы, за ними и гелионы, и гиппоподы, и меланхлены; за ними агафирсы, затем аорсы и пагириты; за ними савары и боруски вплоть до Рипейских гор» [Гиндин, 1994, С. 62].

Использование множества источников породило чрезвычайную плотность размещения этнонимов на карте. Как видно из текста Птолемея, Сарматия означала не территорию с проживанием именно сарматов, а определенную территорию на Востоке Европы, на которой сарматы могли быть в значительном меньшинстве. Венеды, по Птолемею, резко отличаются от других народов своей многолюдностью и обширным ареалом проживания.

Дополнительные данные о венедах дает уже в IV веке Иордан в «Гетике»:

«От истока реки Вистлы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами» [Иордан, 2003, С. 67]. Иордан таким образом выводит славян от венедов, что дало основания предполагать венедов – неким протославянским этническим образованием.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно предположить, что указания римских историков первых веков нашей эры дают основания полагать, что ареал венедов мог быть связан и с зоной распространения потзарубинецких групп памятников горизонта Рахны-Почеп. В условии сарматского натиска на рубеже эр бастарны двинулись на север по Днепру и Десне, где и стали частью большого массива венедов, продвинувшихся сюда с запада.

Рассмотрим данные топонимики о населении Среднего Подесенья.

Наиболее архаичными топонимическими данными являются гидронимы. Анализ названий рек и озер Среднего Подесенья помогает уточнить миграционные и этнические процессы позднеримского времени. Для достижения поставленной цели необходимо выявить этимологию некоторых названий водоемов и выявить наиболее архаичные, которые могли бы быть связанными с римским временем.

Как предполагают польские лингвисты Т. Лер-Сплавинский и С. Роспонд регион Среднего Поднепровья является областью с наиболее древними славянскими названиями. Название «Десна» является славянским гидронимом и означает «правый» в восточной Европе. Очевидно, речь идет о том, что Десна – правый приток Днепра [Lehr-Splawinski, Rospond, 1974, S. 176]. То есть, название река получила после того, как свое славянское название получила река Днепр. Впрочем, название «Днепр» встречается под названием «Данп» или «Данпар» в германском эпосе в «Саге о Хервёр и конунге Хейдрике» [Новосельцев, 1987, 153-155]. Это может говорить о том, что славянские племена шли сначала по Днепру, а затем по Десне. Десна является правым притоком Днепра, если идти против течения, то есть, опять же, вверх по Днепру в сторону Нижнего и Среднего Подесенья. Название некоторые считают достаточно древним, как минимум, появившимся к V в. н.э. Данные этимологии слова Десна являются косвенным подтверждением того, что пришлым элементом деснинского варианта киевской культуры были протославянские племена.

По мнению других исследователей, названия «Десна», «Десенка» имеет балтское происхождение. Впрочем, в разных индоевропейских языках, но не в славянских, схожий языковой формант переводиться как «светлая», «сияющая», «чистая» [Топоров, 1986, С. 176]. В целом в Среднем Подесенье встречается много балтских

гидронимов.

Таким образом, можно думать о вторичном или более позднем воздействии славян на исходные формы названий «Десна» и «Десенка».

Впрочем, данные точки зрения не противоречат друг другу, т. к. новое пришлое население иногда сохраняло названия для удобства, немного видоизменяя их, если они находили семантическое соответствие в их языке [Топоров, 1986, С. 175 – 176]

Более древние гидронимы в Среднем Подесенье являются по происхождению балтскими. Таким гидронимом является название реки Нерусса. Как показал лингвистический анализ, названия рек с «ма» и с «са» в конце слова являются балтскими. Также балтским является гидроним Навля («Мертвая») [Трубачев, 1962, С. 26, 218, 297, 307].

Подесенье относится к самым ранним славянским расселениям, куда зарубинецкие племена продвигаются в начале I тысячелетия н.э. Однако дальше Среднего Подесенья они не проникли. В районе Брянска и р. Судость находится значительное сосредоточение названий с окончаниями «-гость», «-гощь», среди которых встречаются такие архаичные общеславянские словообразования как «Угость», «Судо(го)сть» и «Радогощь» [Купчинский, 1980, С. 57-58].

Что касается мелких рек и озер, то в регионе Среднего Подесенья заметны несколько крупных скоплений гидронимов балтского происхождения. Данные гидронимы древнее, чем славянские названия рек в Среднем Подесенье. То есть, балтская общность оставалась субстратом для носителей постзарубинецкого горизонта.

Кроме балтских и славянских гидронимов, которые можно отнести к этому периоду, в регионе Подесенья есть несколько названий иранского происхождения (Сев, Сейм и т.д.) [Топоров, 1962, С. 319-320].Данные гидронимы косвенно указывают на контакты местного населения с сарматскими племенами. Данные контакты могли быть разных типов, в том числе сарматские племена могли ходить за данью вглубь Подесенья. С точки зрения гидронимики, регион Подесенья отличается от других регионов Восточной Европы: здесь наибольший процент речных названий, которые нельзя уверенно причислить к какой-либо этноязыковой общности.

Данные топонимики свидетельствует о том, что в Среднем Подесенье в нач. I тысячелетия н.э. проходили этнолингвистические границы праславянских, балтских и иранских племен.

В современном мире перспективным направлением является использование генетических исследований. Первым этапом должно стать выделение нескольких ДНК из найденных останков. Затем, возможно определить состав и тип гапплогруппы. Это позволит привязать данные по носителям зарубинецкой культуры с носителями других археологических культур, а также сравнить с гапплогруппами современных народов, населяющих Среднее Подесенье. К сожалению, господствующим погребальным обрядом в киевской культуре и культуре позднезарубинецкой группы был обряд кремации, что снижает возможности ДНК-исследований.

В последнее время появились технологии выделения ДНК даже из кремированных останков [Пилипенко, Молодин, 2010, С. 189]. Таким образом, насущной необходимостью является более бережное и внимательное отношение к материалу кремации, который часто выбрасывается за якобы отсутствием научной ценности. Сохранение кремированного праха позволит провести его изучение в будущем, когда будут созданы соответствующие технологии и методики их использования.

Рассмотрим в археологическом аспекте этнокультурную ситуацию в конце II – V вв. н.э.

К концу II – началу III вв. н.э. на большей части Днепровского бассейна сформировалась киевская культура. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне были распространены от Среднего Поднепровья и захватывают все Среднее Подесенье. В качестве особого этнокультурного явления с серией специфичных черт керамического комплекса был выделен деснинский вариант киевской культуры. Из карты распространения памятников киевской культуры III – V вв. следует, что наибольшее их количество отмечено близ Чернигова и около Новгород-Северского. Наиболее изученные памятники деснинского варианта около Новгород-Северского: Кудлаевка, Лавриков Лес, Форостовичи, Мамекино, Смяч, Пушкари, Камень, Гремяч [Обломский, 2007, С. 43].

Все учтенные поселения киевской культуры в Среднем Подесенье являются не укрепленными. Городищ среди них не найдено. Планировка поселений практически не изучена, так как были раскопаны небольшие площади на каждом из поселений. Планировка поселений указывает на большесемейную общину, которая вела неразделенное хозяйство. Жилища находились на расстоянии около 15 – 25 метров друг относительно друга. Располагались они обычно на пологих берегах ручьев, мелких притоках Десны. Группировка жилищ по определенному принципу пока не определена. Количество хозяйственных построек и жилых на одном поселении практически совпадает. Хозяйственные помещения находились между жилищами в бессистемном порядке. Количество жилищ в одном поселении сильно варьируется, максимальным размером поселения является размер в 14 – 15 жилищ. Это поселения Роища и Ульяновка. Крупными памятниками деснинского варианта являются Кветунь [АКР, 1993, С. 248], Деснянка, Лавриков Лес.

В Новгород-Северском районе также находятся другие поселения киевской культуры. Поселение Бирино занимает мысообразный край террасы, находится на высоте 3-4 метров, заросшее лесом [Обломский, Терпиловский, 2010, С. 321]. Поселение Козары-7 найдено сравнительно недавно, в 2001 году. В поселении было минимум восемь построек и около 70 хозяйственных ям. Соотнести все постройки с жилыми не представляется возможным. Общая площадь исследованной части поселения – около 2000 кв. м. [Терпиловский, 1991, С. 405]

Так же в среднем течении Десны, а именно в районе с. Хотылево с 1996 г. проводились раскопки Брянской Древнерусской Экспедицией БГУ под руководством Е. А. Шинакова и В. Н. Гурьянова. Материалы с селища 1,

ранее исследованного Ф.М.Завернявым, после повторного анализа собранных им и новых материалов, позволили отнести их к киевской культуре. Проводившиеся позднее исследования позволили выявить однослойное поселение (селище 13), относящее к финальному этапу киевской культуры. [Шинаков, Гаврилов, Чубур, 2009, С. 35 – 36]

Кроме того, на территории с. Хотылево находятся киево-колочинские селища 7, 11, 13, 14, 20 А, 24, почепское селище 12, а также были найдены слои киево-колочинских древностей на селище 9, но, к сожалению, оно было уничтожено распашкой [Шинаков, 2004, С.90-103].

В начале 2000-х гг. в районе палеолитического раскопа I на памятнике Хотылево 2 (селище 7) была вскрыта киевская полуземлянка, давшая интересный, но до сих пор не опубликованный материал. Вторая полуземлянка была частично разрушена, а частично исследована при вскрытии палеолитических слоев. В 2001 г. было обнаружено и исследовано селище 20 А Брянской древнерусской экспедицией под руководством Е. А. Шинакова. Было вскрыто 100 кв. м. Это самый большой исследованный участок за последнее время. На нем были обнаружены позднесредневековые напластования и жилище XVIIв., древнерусский слой, но в основном вскрытый участок был занят киево-колочинским горизонтом. Также в 2000-2001 гг. проводилось обследование селища 24, относящегося также к киево-колочинскому периоду.Это селище является наиболее «чистым» в культурном плане и имеет размеры в длину 134 м и в ширину 56 м. На нем был разбит раскоп площадью 20 кв. м, были обнаружены в основном лепная керамика киево-колочинских древностей и 9 столбовых ям овальной формы. В 2011 – 2012 гг. были продолжены исследования верхнего культурного слоя Хотылево 2 (селище 7) Брянской Древнерусской Экспедицией под руководством Е. А. Шинакова. При этом была обнаружена вымостка бракованной керамики киевской культуры [Шинаков, Гурьянов, Грачев, 2012, С.122-127, Рябчевский, 2012, С. 77].

В последнее время работы перенеслись в Севский и Суземский районы Брянской области, проводимые с 2013 года Раннеславянской экспедицией ИА РАН под руководством А. М. Обломского, в которых в 2015 г. принимал участие и автор данной статьи [Ахмедов, Обломский, Радюш, 2013, 2015; Обломский, 2014]

Далее рассмотрим влияние готов на формирование деснинского варианта киевской культуры.

Возможно одним из факторов воздействия на население Подесенья в IVвеке стала черняховская культура и ее носители. Одним из основных народов в этой полиэтничной культуре, распространившейся в II-IV вв. от Курского Посемья до Нижнего Подунавья, были, по мнению многих исследователей, готы. [Щукин, 2005, С. 236].

Несомненное воздействие на состав населения и хозяйственную жизнь региона Среднего Подесенья оказали готы. Основным источником данных по ранней истории готов является произведение Иордана «Гетика». Иордан сообщал, что готы жили на огромном острове «Скандза» (Скандинавии). В правление короля Берига готы перешли Балтийское море и высадились на побережье около устья реки Вислы. Готы одерживали победы над местными германскими племенами: вандалами, ульмеругами, пока не осели в польском поморье. Постепенно готы расселились по бассейну реки Висла, около 240 г. оказались вблизи границ римской провинции Мезии на реке Дунай. Возможно, что готы приняли участие в Маркоманнских войнах в качестве упомянутых историками Рима «superiorsbarbari» - верхними варварами.

В этот же период 200 – 240 гг. н. э. произошло переселение готов на юг, в сторону Сарматии. Иордан называл это переселение в страну Ойюм. Эта миграция была постепенной, после разгрома сарматских сил данные земли опустели и шаг за шагом их заселяли готы и другие германцы.

К этому же времени (середине III в. н.э.) относится зарождение черняховской культуры, которую ассоциируют с миграцией готов в Поднепровье. Миграция готов сыграла решающую роль в складывании также киевской культуры, население которой реагировало на появление носителей черняховской культуры. Столкновение двух культур происходило в регионе Среднего Поднепровья. Часть населения повело себя так же, как и двести лет назад во время нашествия сарматов – а именно, двинулась вверх по Днепру и Десне. В результате чего сформировался деснинский вариант киевской культуры. А. М. Обломский считает, что киевская культура появилась раньше черняховской на 50-70 лет: на рубеже II и III вв. и выделяет в ней ранний дочерняховский этап, к которому относятся также вещи с эмалями ранней и средней стадии развития стиля. Тем самым, одну из решающих ролей в образовании киевской культуры в регионе Среднего Подесенья, сыграла миграция готов [Обломский, 2007, С. 41].

К периоду первой половины III в. н.э. в Подесенье относятся поселения киевской культуры Гребля, некоторые комплексы Хотылево, Курово, Касилово [Массалитина, 1996], Новоямское, Посудичи, в Среднем Посеймье – Попово-Лежачи-4.

В 251-253 гг. письменные источники фиксируют шквал готских набегов на римские провинции. На Рейне в 254 г. было подписано перемирие с Римом. Тогда уже в 256 г. готы появляются на противоположном направлении и воюют с Боспорским царством. В 257 и 258 гг. готы совершают набеги на Кавказе. Это подчеркивает факт полного господства готов на территории Северного Причерноморья от границ Рима на Дунае до Днепра и дальше до Дона.

Что касается самой черняховской культуры и ее носителей, то существует длительная дискуссия по этому вопросу. Однако попытки доказать славянство некоторых элементов культуры уже давно не рассматриваются как серьезные. Политическая и военная история взаимоотношений Римской империи с племенами Восточной Европы III-IV вв. доказывает, что в данном регионе в данный период времени полностью доминировали готы, а также примкнувшие к ним герулы.

Несомненно, большой ущерб готы нанесли сарматским племенам, которые до них имели наибольшее политическое влияние в Поднепровье. Возможно, неким отголоском былого могущества сарматов является один

из предметов Усухского (Брянского) клада, обнаруженного в 2010 году. Этим предметом является зеркало из белого металла с центральной петлей. Подобные зеркала были широко распространены в позднесарматской культуре и изготовлялись в Нижнем Подонье. Каким образом зеркало оказалось среди вещей клада круга варварских выемчатых эмалей, предстоит выяснить.

Подводя итог, следует сказать, что деснинский вариант киевской культуры в III – IV в. н.э., вероятно, мог включать включал в себя два основных этнокультурных элемента. Наиболее древнюю часть населения составляли балты, которые остались еще с периода прошлой, юхновской культуры и не ушедшие с данной территории. Основной процент составляла венедская общность. Определенное влияние при возникновении культуры оказывали сарматские племена в начале возникновения культуры. Ещеоднимэлементомявляетсягерманский.

This article refers to the appearance of the Slavs and their ancestors – «Veneds» (the population of postzarubinetsky and kiev cultures) in the Middle Podesenie in I - V centuries AD. The question of their origin is considered and various concepts of heritage problematics of the population are provided in the article. The toponymical problems of the region are considered. The data on the proportion of kiev and postzarubinetsky horizons are given. And the influence of the Gothic population on the population of the region is also traced.
Keywords: *Postzarubinetsky horizon, Kiev Culture, Middle Podesenie, Roman time, Veneds, Gotha.*

Список литературы

Источники:

1. Археологическая карта России. Брянская область // Авт.-сост. А.В. Кашкин. – М., 1993. – 304 с.;
2. Гиндин Л. А.и др. Свод древнейших известий о славянах. Т.I. (I-VI вв.), М., 1994. - 472 с.;
3. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. // Вступ. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2001. – 506 с.;
4. Обломский А. М. Отчет о разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2014 г. в Брянской обл.// Архив ИА РАН
5. Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. - 506 с.;
6. Сага о Хервёр и конунге Хейдрике. // Отв. ред. Новосельцев А. П. Древнерусские города в Древнескандинавской письменности. М., 1987. – С. 151 – 159;
7. Страбон. География / Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. М., 1994. -780 с.;
8. Публий (Гай?) Корнелий Тацит. О происхождении и местах обитания германцев (49. 1–2) // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991.Т. 1: I–VI вв.
9. Pliny. Natural History. Vol 3. Harvard. 1967. - 308 p.;

Литература:

1. Lehr-Splawinski T., Rospond S. Stratygrafia slowianskich nasw miejscowych. T.1. Warszawa. 1974;
2. Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями. // Российская Археология, № 2 М., 2015. – С. 146 – 166;
3. Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Клад из Суземского района Брянской области. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2012 г. – Гомель, 2013. – С. 99 – 108;
4. Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Исследование на месте находки клада украшений с выемчатыми эмалями в Суземском районе Брянской области. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2013 г. – Брянск: РИО БГУ, 2015. – С. 8 – 17;
5. Заверняев Ф. М. Почепское селище первых веков н.э. // СА. 1960. №4. – С. 179 – 185;
6. Заверняев Ф. М. Почепское селище // МИА. 1969. № 160. - С. 88 – 118;
7. Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян. // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Сборник научных трудов. Киев «Наукова Думка», 1980. – С. 45 – 72;
8. Массалитина Г. А.Новое селище колочинской культуры на Верхней Десне. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и запада России. – М.; Брянск, 1996. – С.38-40;
9. Обломский А. М. (отв. ред.) Памятники Киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Выпуск 10). – М., 2007. – 320 с.;
10. Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Новые памятники Киевской культуры на территории Украины (каталог) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир Вып. 13. – М., 2010. - С. 301 – 375;
11. Пилипенко А. С., Молодин В. И. Палеогенетический анализ в археологических исследованиях. // Вестник ВОГИС, Т. 14, 2010, №2. – С. 280 – 311;
12. Рябчевский Н. Г. Исследования верхнего слоя многослойного памятника Хотылево 2 в 2011 – 2012 гг. // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Материалы XXVIII международной студенческой археолого-этнологической конференции 24-25 мая 2012 года. – Брянск: «Курсив», - 2012. – С. 75 – 80;
13. Рыбаков Б. А.(гл.ред.) Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. – М., 1993. – 335 с.;
14. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. –М., 1979, 158 с.;

15. Терпиловский Р. В. Новые славянские памятники гуннского времени в бассейне Десны. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. V в. н.э.). Материалы III международной конференции (Тирасполь, 5 – 8 ноября 2002 г.). Под. ред. Е. В. Ярового. – Тирасполь, 2002. – С. 404 – 406;

16. Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I. // Балто славянские исследования 1986. – М.: Наука, 1988. – С. 154 – 177;

17. Топоров В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Книга I. (Соавт. О. Н. Трубачев) – М.: Изд-во АН СССР, 1962. 379 с.;

18. Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 379 с.;

19. Шинаков Е. А. Ранние этапы заселения Брянского края славянами. // Проблемы отечественной и зарубежной истории: Сборник статей памяти профессора Н. И. Платунова. – Брянск: РИО БГУ, 2007. – С. 14 – 33;

20. Шинаков Е. А. Хотылевская агломерация памятников и проблемы ее музеефикации. // Проблемы сохранения исторических городов и объектов историко-культурного наследия Брянской области: Материалы научно-практической конференции «Исторический город». – Брянск: Издательство БГУ, 2004. – 132 с.;

21. Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Грачёв С. Ю. Работы в Брянском ополье // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 г. – Чернигов: Десна Полиграф, 2012. С. 122 – 127;

22. Шинаков Е. А., Чубур А. А., Гаврилов К. Н. Древние поселенческие агломерации на территории с. Хотылево. // Русский сборник. Выпуск 5. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского, вып. 12). Брянск: РИО БГУ – 2009. С. 33 – 39;

23. Шинаков Е. А. Многослойное поселение Борки III под Погаром. // Русский Сборник Вып. 2. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского, вып. 2,3). Брянск: РИО БГУ – 2006. С. 55 – 68;

24. Щукин М. Б. Готский путь (Готы, Рим и Черняховская культура). СПб., 2005. – 576 с.;

Об авторе

Рябчевский Н.Г. – аспирант кафедры Отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *NikkiGun@yandex.ru*

УДК 942.080.1

ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ «ЗАВУАЛИРОВАННОГО ПРОТЕКТОРАТА» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ИРАНЕ В КОНЦЕ 1910-Х ГГ.

А.В. Сагимбаев

В статье рассматриваются отдельные аспекты британской политики в Иране в период 1918-1919 гг. Особое внимание при этом уделяется рассмотрению механизмов военно-политического контроля, использование которых было призвано включить иранское государство в систему «завуалированного протектората» Великобритании.

Ключевые слова: *колониальная стратегия, модель «завуалированного протектората», Британская империя, Средний Восток, имперская экспансия.*

Первой мировая война привела ккардинальному изменению прежней системы мироустройства, и формированию принципиально новых особенностей политики ведущих мировых держав. Провозглашённый В.Вильсоном принцип самоопределения наций в сочетании с общим изменением баланса сил на международной арене не мог не повлиять на состояние крупных колониальных систем и не вызвать определённых изменений в отношении к колониям со стороны европейских государств. Вместе с тем, специфика послевоенного урегулирования отражала очевидную инерцию в восприятии основных целей колониальной стратегии.

Подобное противоречие, в немалой степени определяло процессы, происходившие в крупнейшей колониальной империи, созданной Великобританией. Немаловажным фактором, влиявшим на умонастроения значительной части британской политической элиты на завершающем этапе войны, было состояние победной эйфории, а также стремление получить максимальные дивиденды и компенсировать понесенные в военный период потери. В данной связи, на некоторое время вновь обрели актуальность некоторые из существовавших ранее колониальных проектов, связанные со стремлением Уайтхолла расширить и укрепить своё влияние в стратегически важных регионах мира[1, с. 42]. К числу таковых относился, в том числе и Иран, борьба за влияние над которым велась Великобританией с начала XIX в. Представителями британской правящей элиты, связанными с англо-индийским правительством, контроль над персидской территорией рассматривался как важнейшая гарантия обеспечения безопасности Индии. Одним из основных лоббистов проекта, связанного с установлением полного контроля над Ираном, относился в данный период фактический глава Форин Офиса лорд Кёрзон. Уникальность ситуации, сложившейся после окончания войны в Азии, связанная с кризисом или исчезновением таких традиционных геополитических «центров силы», как Россия, Османская империя и Германия, предоставляла, по его мнению, историческую

возможность для Великобритании закрепиться в стратегически важных для обеспечения безопасности Индии регионах. Ход военных действий убедил его в том, что «защита Индии не может быть ограничена тесными рамками только юго-восточной Персии…» [10, p. 127]. На завершающем этапе войны британское командование приступило к осуществлению масштабной военной операции на иранской территории, конечной целью которой Уайтхолл видел установление контроля над Ираном на основании модели, ранее апробированной в Египте.

С 1915 г. подразделения индийской кавалерии силами до батальона находились в иранской провинции Арабистан с целью защиты стратегически важных объектов Англо-Персидской нефтяной компании от возможных атак со стороны турецких войск или местных сепаратистки настроенных племён. Вторжение на территорию нейтрального государства объяснялось отсутствие достаточных для этого ресурсов у иранского правительства [11, p. 67]. При этом ряд военных и гражданских представителей Великобритании в регионе Персидского залива и Месопотамии высказывались за установление полного контроля над Арабистаном, при его формальном сохранении в составе Ирана [10, p. 154].

В середине 1917 г. из Багдада в Керманшах прибыло небольшое британское подразделение, основной задачей которого являлось установление системы телеграфного сообщения. Одновременно из Багдада в сторону небольшого городка Раз, расположенного вблизи иранской границы началось строительство железнодорожной магистрали [9, p. 21-22].

В соответствии с планом, разработанным военным командованием Великобритании в начале 1918 г., после ухода из Ирана российских войск из северных районов страны, предполагалось продвижение британских частейот иракской границы в направлении Каспийского моря. Официальной целью операции объявлялась необходимость сохранения «персидского нейтралитета». В британских дипломатических документах отмечалось, что с помощью данных мер, Великобритания намеревалась защитить Иран от «угрозы с Севера и распространения пантюркизма в прикаспийском регионе» [3, p. 92].

В январе 1918 г. из Багдада в Иран была направлена группа британских офицеров во главе с генерал-майором Данстервиллом. Она добралась до Каспийского моря и затем вернулась в Месопотамию. Основной целью миссии являлась подготовка деталей предстоящей военной операции на иранской территории, которая осуществлялась в обстановке строжайшей секретности. Среди офицеров багдадского штаба силы, предназначенные для переброски в Иран, получили нарицательное наименование «тишайшие войска» («hush-hushforce») [7, p. 24].

В апреле 1918 г. британские войска начали масштабную операцию, приведшую к оккупации практически всей персидской территории, за исключением Иранского Азербайджана. Основную их часть составляли подразделения т.н. DunsterExpeditionaryForce. Поскольку Иран официально обладал нейтральным статусом, ввод войск осуществлялся в обстановке строгой секретности. Накануне вторжения Великобритания направила правительству Ирана официальную ноту, в которой пыталась обосновать необходимость своего военного присутствия на персидской территории. В документе подчеркивался временный характер принимаемых Уайтхоллом военных мер, которые объяснялись неспособностью персидского правительства эффективно поддерживать законность и порядок на территории своей страны. В качестве конкретного примера, иллюстрировавшего слабость центральной власти в Иране, в документе приводился факт захвата т. н. джангелийцами британского вице-консула и управляющего отделением Имперского банка в Реште [6, p. 100-103]. В дополнение к данному документу, 16 апреля британский дипломатический представитель в Керманшахе полковник Кеннион обнародовал памфлет «Для понимания и спокойствия народа Персии», в котором, аргументируя военное вмешательство Великобритании, подчёркивал, что любое сопротивление её планам будет «сокрушено могущественной и победоносной британской армией» [8, p. 39].

К началу лета 1918 г. в западных и северных провинциях Ирана было размещено 14 британских подразделений общей численностью примерно 2,5 тысячи военнослужащих. Общее командование ими осуществлял генерал-майорДанстервилл. К югу от Керманшаха располагались в основном индийские войска, к северу от него были размещены преимущественно английские части, а также батальоны непальских гуркхов, устойчивых к холодному климату северного Ирана. В течение лета 1918 г. Великобритания продолжала наращивать своё военное присутствие, увеличив численность войск на иранской территории до 10 тыс. чел. В состав британских экспедиционных сил к тому моменту входили 6 пехотных батальонов, батальон кавалерии, 2 батальона гуркхов, несколько вспомогательных частей, а также специальные индийские подразделения, занимавшиеся охраной границы. В Хамадане располагался штаб, осуществлявший общее руководство операцией, в состав которого было включено и несколько офицеров из британских доминионов – Канады, Австралии и Новой Зеландии. Он отвечал также за координацию действий с английским корпусом в Закавказье, насчитывавшим около 5 тыс. чел [4, col. 1896].

Примерно в тот же период начался ввод британских войск в восточные провинции Ирана. Они перебрасывались через Белуджистан в Мешхед. Конечной целью данной операции предполагалось установление британского контроля над стратегически важной железнодорожной магистралью Красноводск - Мерв.В Мешхеде, по состоянию на конец лета 1918 г., находилось около 500 британских военнослужащих ожидавших переброски подкреплений по железной дороге Кветта – Нашки. Мешхед рассматривался как стратегически важный опорный пункт для дальнейших операций на территории бывшего российского Туркестана[9, p. 26].

В условиях слабости иранского государства и коррумпированности значительной части иранской правящей элиты, оккупация значительной части страны не вызвала серьёзного противодействия. Согласно информации, представленной в секретной телеграмме американского посольства, к осени 1918 г. «британцы осуществляли пол-

ный военный и политический контроль персидской территории к югу от линии Багдад - Каспийское море … Английские и индийские войска находятся во всех основных пунктах в провинциях Керманшах, Луристан и Арабистан. В Ширазе, Йезде, Кермане и Мешхеде под предлогом защиты британских консульств были размещены дополнительные подразделения индийской кавалерии.Во всех крупные иранские города были направлены консульские агенты и политические офицеры. Ряд иранских политических активистов были арестованы, по крайней мере, двое из них были казнены в Арабистане по обвинению во враждебной союзникам деятельности. В дополнение к уже имеющимся силам на юге Ирана англичанами была создана местная полиция, получившая название Южно-персидских стрелков. Её подразделения содержатся за счёт британской казны и возглавляются британскими офицерами….»[12, p. 46]. В провинциях Керманшах и Хамадан под британским руководством также были созданы местные полицейские формирования, состоявшие, в основном, из местных курдов [2, p.76].

Отдельные очаги сопротивления возникли лишь на севере Ирана, а также в районах, населённых курдскими племенами. В начале 1918 г. в провинции Гилян местные повстанцы - джангелийцы объединились вокруг одного из представителей феодальной знати Мирзы Кучек-хана. По данным британской разведки, он поддерживал постоянные контакты с германскими и османскими спецслужбами. Используя поддержку противников Великобритании, Кучек-хан надеялся захватить Решти перерезать британские коммуникации, ведущие к Каспийскому морю. Секретарь американского посольства Ф. Уайт сообщал о ситуации на севере Ирана: «Район Решта и Энзели находится под контролем большевистских элементов и джангелийских племён, лидером которых является Мирза Кучек – хан, противостоящий британской оккупации страны» [9, p. 27].

В конце мая 1918 г. британские войска начали наступление на север с целью разгрома джангелийцев. 20 июля Кучек – хан предпринял атаку на Решт, в ходе которой были захвачены и разграблены английские банки и консульство.Бои в Реште продолжались в течение четырёх суток и перелом в них наступил тольков результате масштабного использования оккупационными войсками авиации и бронеавтомобилей. Джангелийцы были вынуждены отступить, потеряв более 200 человек. В результате британскому командованию удалось установить контроль над стратегически важными коммуникациями в районе южного побережья Каспийского моря. В середине августа Кучек-хан был вынужден пойти с ним на соглашение, выдав при этом находившихся в Гиляне немецких и австрийских военных агентов[10, p. 176].

К концу лета 1918 г. Иран был условно разделен на три военных зоны: Южную, включавшую всё побережье Персидского залива, Восточную и Северо-восточную, входившую в сферу компетенции командования в Белуджистане, а также Центральную и Северную, подчинявшуюся британскому штабу в Багдаде. Как отмечалось в одном из дипломатических источников, «несмотря на постоянно подчёркиваемую незаинтересованность британского правительства в длительной оккупации Персии, практические действия указывают на стремление Великобритании включить в сферу своего доминирования южные и юго-восточные районы страны. Целью этих действий является обеспечениеконтроля над стратегически важными нефтяными месторождениями, а также подступами к Индии ...» [9, p. 28]. В августе 1918 г. в ключевые пункты Ирана был направлен дополнительный штат политических офицеров, в поддержку которым были направлены новые военные силы, включая аэропланы и бронеавтомобили. В Хамадане был развёрнут британский военный госпиталь [7, p. 242].

Установив свой военный контроль над большей частью Ирана, британское правительство объявило своей основной официальной задачей защиту иранского государства от «большевистской угрозы». В практической же плоскости Великобритания с самого начала приступила к формированию механизмов собственного политического контроля над страной. В августе 1918 г. при ключевом участии британских представителей в Тегеране произошла смена правительственного кабинета. Новое правительство возглавил один из наиболее лояльных в Великобритании персидских государственных деятелей – Восуг эд-Доуле [5, col. 570]. С помощью лояльного себе правительства британское руководство стремилось обеспечить себе не только преобладающее политическое влияние в стране, но и установить полный контроль над её сырьевыми ресурсами, к числу которых относилась, в первую очередь, нефть. Формальным завершением процесса формирования режима «завуалированного протектората» над Ираном явилось подписание 8 августа 1919 г. англо-иранской конвенции, предусматривавшей широкий контроль Великобритании над внутренней и внешней политикой Тегерана[5, col. 571]. Тем не менее, даже среди англофильской части иранской политической элиты данный документ был воспринят крайне неоднозначно, что впоследствии привело к серьёзным трудностям, связанным с его ратификацией в Меджлисе [7, p. 284]. Возникший вследствие этого политический кризис привёл, в конечном счёте, к военному перевороту 21 февраля 1921 г. и установлению режима военной диктатуры Реза-хана. События 1921 г. стали поворотным моментом и в британской политике в отношении Ирана. Отсутствие достаточных военно-политических ресурсов, необходимых для контроля над обширной иранской территорией, а также слабость и неэффективность действий англофильских кабинетов в Тегеране, заставили Уайтхолл отказаться от идеи развития модели «завуалированного протектората» и перейти к поиску иных форм и методов отстаивания своих интересов в этом стратегически важном государстве Востока.

The article discusses some aspects of British policy in Iran during the period of 1918-1919. Special attention is paid to the mechanisms of military and political control, the use of which was intended to enable the Iranian state in "veiled protectorate" of UK.
Keywords: *colonial strategy model of "veiled protectorate", the British Empire, the Middle East, imperial expansion.*

Списоклитературы

1. Алаев Л.Б. Колониализм как всемирно-историческое явления и как объект исследования // Британская империя в XX веке. Под ред. Пегушева А.М. и др. М., 2010.
2. Adams J. T. Empire of the Seven Seas: the British Empire, 1784-1939. N.Y. - L. 1940.
3. Elliott W.Y. The New British Empire. N.Y., L., 1932.
4. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth Series (1921), vol. 116.
5. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1922), vol. 122.
6. Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record. Vol. 2. British-French Supremacy, 1914-1945. Prinston, 1979.– 446 p.
7. Hyam R.Britain's Declining Empire: The Road to Decolonization, 1918-1968.Cambridge, 2007. – 484 p.
8. Jackson T.A. The British Empire. N.Y., 1921. – 40 p.
9. Majd. M. G. Great Britain and Reza Shah: The Plunder of Iran, 1921-1941. University Press of Florida, 2001.
10. .Monroe E. Britain's Moment in the Middle East 1914-1971. Baltimore, 1981 – 254 p.
11. Morris J. Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. L., 1978. – 576 p.
12. Robinson H. The Development of the British Empire. Boston – Chicago - San Francisco - N.Y. 1922.

Об авторе

Сагимбаев А.В. –кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *sagimbaev@yandex. ru*

УДК 94(410+100)"1914/19"

ВЛИЯНИЕ ПРЕССЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В АВГУСТЕ – ДЕКАБРЕ 1914 ГОДА. НАЧАЛО«НЕМЕЦКИХ ЗВЕРСТВ» В БЕЛЬГИИ [1]

Д.М. Селиверстов

В статье рассматривается влияние газет на формирование образа врага в массовом сознании населения, благодаря историям о «немецких зверствах», совершенных в Бельгии в августе-декабре 1914 г.
Ключевые слова: *Великобритания, Нортклифф, DailyMail, пресса, «немецкие зверства», Бельгия.*

Особую роль к началу первой мировой войны стали играть средства массовой информации: это был золотой век массовой газеты, рассчитанной на расширяющуюся прослойку образованного, политически активного населения.

Всем известно, что пропаганда и в мирное время, и особенно в военное, обладает могучим воздействием на умы и настроения целых народов. Одно и то же событие с умелой пропагандистской подачей, можно наглядно, животрепещуще и ярко героизировать свою, и в таком же духе демонизировать неприятельскую сторону,тем более, что ни одна война не обходится без того, что именуется «преступлениями против человечности».Наиболее яркими образцами такой«демонизации»немецкой стороны,отличалась, как и позднее,во Вторую Мировую войну, английская пропаганда, которую ничуть не смущаладостоверность приводимых ею фактов. На страницах прессы лорда Нортклиффа и стран Антанты немцы были настоящими варварами и чудовищами с другой планеты, одетыми в военную форму.

К 1914 г. каждая вторая газета, которую читали в Лондоне, принадлежала Нортклиффу. Его «Daily Mail» была издательским феноменом своего времени [1]. Основанная в 1896 г., амбициозным газетным предпринимателем Альфредом Хармсуортом, который впоследствии получил титул лорда (барона) Нортклиффа, она была прототипом современной британской прессы: дешевой, ежедневной и имеющей массовое обращение. Это была первая газета, которая достигла регулярного ежедневного обращения более чем миллиона копий. «DailyMail» несомненно, была самой влиятельной и единственной газетой массового потребления в 1914 г., хотя нужно отметить, что читающая публика была в основном среднего класса. Она имела успех благодаря низкой цене и содержанию понятному и интересному простому обывателю.

В начале XX века «Daily Mail» стала синонимична с германофобией, так как её владелец, лорд Нортклифф, слыл ярым германофобом. Более того сам Нортклифф, стремился быть самостоятельным субъектом в британской политике [2, pp. 55-56]. В довоенный период газету уже использовали для кампании против немецкого промышленного «демпинга»; а в 1906 преобразовали её в издание, выпускающее роман Ле Кё «Вторжение 1910».

Как только война вспыхнула, «Daily Mail», наряду с остальными газетами, в том числе и нортклиффской «TheTimes», печатала истории о немецких зверствах. 6 августа 1914 г. «Daily Mail» выпустила в качестве передовой статьи информацию о разрушении бельгийской деревни и описывала его как «чудовищное преступление

[1] Данная работа публикуется на средства гранта РГНФ - 15-01-00399. Формирование образа героя на страницах российской и немецкой печати в период Первой мировой войны. Сравнительный аспект. К проблеме формирования культурной памяти.

против международного права». Она также рассказывала о заложенных морских минах на мелководье как «нелояльная и жестокая форма войны» [3]. Интенсивность осуждения медленно нарастает: на странице 3 газеты от 10 августа был подзаголовок, «Бельгийские сообщения о немецком негодовании». Два дня спустя прибыла первая передовая статья о «немецкой жестокости». Эта передовая статья являлась разоблачающей:

«Они,также сообщают, что во многих местах плохо обращались с гражданскими лицами, против которых они вели неспровоцированную войну с ужасной жестокостью. Наш специальный корреспондент в Бельгии, г-н Джеффрис говорит, что не может заставить себя поверить этим историям и надеется, что они не будут подтверждены, но мрачный свет сегодняшнего времени, доказывает, что немцы стреляли в разоруженных французов с единственной целью, услышать крик 'Vive La France'» [4, , p. 3].

Недельный военный документ был напечатан со скептицизмом собственного корреспондента в отношении злодеяний и в то же время принимал противоречащее мнение, якобы услышанное от французской прессы. Передовая статьясообщала:

«В Бельгии немцы уничтожали деревни, где было оказано любое сопротивление их нападению, это похоже на дикость. Крестьяне были застрелены; здания были варварски сожжены; заложников схватили и плохо с ними обращались или вынуждали идти немецкими войсками, где они были больше всего подвержены бельгийскому огню.

Таковы методы этих людей, которые требуют цивилизованных привилегий. Варварскоенападение на небольшую Бельгию уже уничтожило и декретировало репутацию Германии. В Северном море немцы продолжили показывать, что их система морской войны так же жестока и черства, как их система войны на земле. Рассеивая мины по шоссе международного движения, они подвергли опасности судоходство нейтральных держав и подвергли тем самым ужасным рискамневинных невоюющих женщин и детей» [4, p.7].

Момент, который необходимо отметить, об этом редакционном комментарии - то, что не одно слово в нем фактически неверно [5, p. 146].

Повышение температуры общественного мнения произошло со статьей Гамильтона Файфаот 21 августа 1914 г., названной «Варварство немецких войск - грехи против Цивилизации». Она начиналась так: «В военном времени все истории, рассказанные одной стороной против другой (даже если это - собственная сторона), нужно читать и слушать с осторожностью. Поэтому я скептически относился к рассказам об ужасе, которые появляются во французских газетах, обвиняющих немцев в убийстве и жестокости». Теперь Файф утверждает, что больше не может игнорировать «доказательства»:

«К сожалению, нет больше сомнения, что немцы вели войну путем, который действительно очень далек от того, чтобы быть цивилизованным. Назвать его «диким» или «варварским» было бы чудовищно несправедливо применительно к нецивилизованным гонкам... Не думайте, что я хочу применять его ко всем немецким солдатам или даже большинству из них... Но то, что большое количество их действовало не как мужчины, а как дьяволы является теперь несомненным».

За этим следует четыре параграфа французских историй злодеяния, изложенных Файфом. Рассказ Файф, можно прочитать двумя способами. Необходимо либо принять худшее, что есть в писателе: нюансы, скептицизм и предпринятый риторический баланс, чтобы смягчить для читателя реальное дискредитирование врага. Другой вариант это признать, что, возможно, Файф пытался говорить правду, поскольку он её видел. К 21 августа действительность немецких военных преступлений и преувеличенные слухи о них среди беженцев становились слишком настойчивыми для даже скептического журналиста, чтобы их проигнорировать. Хорошим документом стала смешанная с недостоверными фактами: передовая статья«DailyMail» от 22 августа - «Муки Бельгии», котораясообщала о «несчастно страдающих людях». Статья утверждала, что бельгийские чиновники были закованы к стремени лошади Ахлана – что кажется маловероятным - и жители Брюсселя были оштрафованы на 8,000,000 £ как «наказание» за бельгийское сопротивление, – которое, кстати говоря, было истинным [6]. Редакторы, обозреватели и журналисты знали и то, что что-то ужасное происходило в городе и что это искажалось в сообщении. Проблема отсутствия прямого доступа порождала ненадежные истории, как один писатель выразился: «Ежедневно, я слышу истории прусских ужасов, которые завораживают кровь, и когда весь нижний слой преувеличения и искажения удален, там остается все же незабываемый рассказ о Лимбургском священнике» [7]. Пересчет этих примеров фактически производил к довольно преувеличенному впечатлению. Поразительная вещь о первых трех неделях войны состоит в том, что злодеяния в Бельгии занимают слишком маленькое место в «Daily Mail»: просто несколько передовых статей и некоторые колонки репортажа на внутренних страницах [8, p. 188]. Только с 26 августа, злодеяния действительно начинают появляться в заголовках. Первой стала публикация отчета «официальной» бельгийской следственной комиссии.

В сообщении об «официальных» результатах комиссии мы видим, что классические истории злодеяния впервые появляются в «Daily Mail». «Гражданку Деглимм несут полуголую к месту на расстоянии в две мили, под обстрелом немецкой армии и она выжила. Старик искалечен, повешен вверх тормашками и сожжен заживо. Молодые девушки и маленькие дети были изнасилованы в Орамнеле, где несколько жителей перенесли муки слишком ужасные, чтобы их описать. Мужчины были расстреляны на глазах их жен и детей» [9]. Статья предала гласности «официальный» отчет.

Рассказы об умышленном садистском членовредительстве, вероятно, вообще не соответствует действи-

тельности (хотя случайные инциденты не следует исключать). Неправильная интерпретация результатов случайных жертв, среди гражданского населения, терпя страшные раны, нанесенные современным оружием, возможно, лежат в основе некоторых из этих историй.

Следующая неделя, была освещена прессой гораздо лучше. О разрушении Левена сначала сообщают 29 августа с заголовком «Военные Боги» ужасная месть; бельгийский город в пепле» и 1 сентября со свидетельства очевидцев, «Что я видел в Левене», дают тринадцать параграфов, самую длинную «историю немецких злодеяний» до этой даты. Истории о Левене являлась главной в течение следующей недели. Передовая статья от 8 сентября под названием «Ужас Левена» рассказывала следующее:

«Они вели женщин и детей в поле и совершалинад ними злодеяния, которые не могут быть детализированы в холодной прозе. Никакой язык осуждения не может выразить всю несправедливость. Но те, кто знает и помнит омерзительныепытки в комнатах Нюрнберга и Регенсбурга и беспощадное обращение с животными в Фатерлянде, не будут удивлены этой жестокостью» [10]. Обвинение в жестокости по отношению к животным является замечательным английским «прикосновением» [11].

Для прессы, события в Левене, являлись категорическими злодеяниями 1914 г. в Бельгии. Важно понять почему. Основной причиной был доступ. После того, как разрушения причиненные городу немцами, у прессы появились реальные факты, с которыми можно было работать, а не только слухи и рассказы беженцев.

Но было и нечто большее, чем просто доступ к фактам. В конце концов, с точки зрения человеческих жертв - 209 гражданских лиц убитывсего за четыре дня; Левен не выделялся из событий дюжины других бельгийских городов в августе и сентябре. Что дало Левену, особый резонанс, так этофизические разрушения.

Историки, которые привыкли иметь дело с текстом, пропускали значение этих картин. Все же фотографический компонент освещения в новостях был более шокирующей и важной частью в умах читателей «Daily Mail». Эти фотографические изображения в августе и сентябре показывали всецело разрушенные здания. Пока есть немного новостей о немецких злодеяниях: большое число фотографий, разрушение зданий, но не убийство гражданских лиц, это было начальным этапов для формирования образа немца, как «варвара-гунна». Ужасы Левена начали распространять использование этого термина. Кроме того, контекст использования является разоблачающим. Гунн является врагом цивилизации и определенно разрушителем физических проявлений цивилизации.Британское и французское осуждение событий в Левене и Реймсе, привело в свою очередь к позорному манифесту 93 немецких академиков, защищающих действия Германии в октябре 1914 г. и возмущенным ответом на это британских академиков [12, pp. 617-629].

Ущерб, причиненный Реймскому собору, стал доказательством и укрепил мнение об угрозе«гуннов», для физической, культурной и социальной жизни европейской цивилизации. Используя необычный заголовок «Daily Mail» подавала эту историю:

«КАК РЕЙМСКИЙ СОБОР БЫЛ ОБСТРЕЛЯН: ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАЙЗЕРА AWFULLEST»

Фотографии на последней страницы так же украшались надписью:

«ХУЖЕ, ЧЕМ ЛЕВЕН» НЕМЦЫ РАЗРУШАЮТ РЕЙМСКИЙ СОБОР».

Фактически разрушения собора от снаряда былипреувеличены и, по крайней мере, возможно допустимые в соответствии с Гаагской конвенцией, в которую Левен явно не входил [13, pp. 96-108].В передовой статье «DailyMail», давала комментарий на эти события: «Отчет о немецком насилии и вандализме ухудшается сегодня печальными новостями о разрушении Реймского собора вражеской артиллерией. Эти апостолы “культуры”, более варвары, чем гунны Аттилы, разрушили одну из высших архитектурных великолепий мира» [14].

Эндрю Кларк, в сборнике «Английские слова военного времени», впервые отмечает словосочетание «методы подобные гунну»,в «The Scotsman» 8 сентября 1914 г., тогда как его первое уведомление о «гунне» как о существительном, мы находимв той же самой газеты 17 сентября [15, pp. 266-267].

Нам кажется странным, что имущественный ущерб, имеет приоритет в «Daily Mail», над преступлениями против людей. Но это действительно говорит нам что-то о стиле газеты. Имущественный ущерб был более поддающимся проверке и более легко представлен. Было также, легче в него поверить, чем в убийства и прочите злодеяния. Да и сам Нортклифф понимал, что большая часть информации, поступающая в его издательство, не поддавалась проверке, следовательно, доверять ей было нельзя.

За первые четыре месяца войны«истории о зверствах» были крошечной частью содержания «Daily Mail». В августе 1914 г. они составили самое большее 5% письменного содержания газеты. Считая картины разрушенных зданий, важными по причинам упомянутыми выше, они составляли значительно более высокую пропорцию визуального содержания. В сентябре и число, и выдающееся положение таких историй повысились значительно, и составили около 10% письменного содержания газеты и впервые стали занимать место на передовых страницах и в заголовках. В октябре истории злодеяния отступили к более низкому уровню, а к ноябрю показатель стал совсем маленьким около 1-3 %. Подавляющая часть освещения «Daily Mail» имела обычные военные вопросы, по большей части переработанные и ненадежные официальные бюллетени. Обычные «внутренние новости» так же занимали определенное место.

Из историй злодеяний, которые были напечатаны, намного больше, чем половина содержания была точна в ссылках на массовое убийство бельгийских гражданских лиц и нанесении материального ущерба бельгийским

городам. Худшие случаи неправды и преувеличения прибыли из переизданных бельгийских «официальных сообщений» [16, p. 348].

Даже в этих случаях, большая часть того, что было переиздано, не было далеко от истины. Например, в истории от 21 ноября 1914 г., под заголовком «400 крестьян хладнокровно убито Гуннами в Бельгии» [17, p. 307], сообщается, что: «город Динан был разграблен и разрушен немецкой армией, а его населением, истребляли 22, 23, 24 и 25 августа», и что в той области больше чем 700 жителей были убиты» [17, pp. 307-308]. Учитывая, что по очевидным причинам немецкая армия не разрешала доступ журналистов к этим областям, поразительный интерес этой истории, в том, что основана она была на свидетельских показаниях,которые оказались на удивление точными [18, p. 120].

Но было бы неправильно отрицать, что небольшая часть историй не соответствовала воображаемой классической модели, созданной английской прессой. 18 сентября 1914 г. под заголовком «Больше немецких злодеяний и горящие дома», большая часть историй была о поджогах. Но была и такая информация очевидца:«Из того, что произошло в деревне в течение следующего часа, трудно осознать даже сейчас. Одиннадцать мужчин были убиты, женщины были изнасилованы, и каждый дом, был сожжен» [19]. Ужасный компонент историй был следующим: «Мой друг, ответственное должностное лицо, нашел среди руин зданий ногу маленького ребенка с переломанной лодыжкой» [19]. Это было иллюстрировано фотографией очевидно человека, держащего ногу ребенка. Таким образом, по крайней мере, одна история искалеченного ребенка подвергавшегося жестокому обращению действительно появилась в «Daily Mail» в 1914 г.

Создавать образ «ужасного гунна», было хорошим бизнесом; справедливость могла бы быть губительной. Общественность была больше неистовым ненавистником, чем значительная часть британской прессы, и пресса была намного более склонна к ненависти, чем официальные агентства. Процесс был восходящим больше снизу вверх, чем наоборот. То, что рука правительства, действовала в войну против демононизации вражеского главы государства, кажется столь экстраординарной теперь, как было тогда [20, p. 196, p. 199].

Реальный центр правительственных пропагандистских усилий был положительным: неоднократные публичные заявления, что Великобритания не была ответственна за войну, были фактически единственным серьезным пропагандистским сообщением. Но все более и более пропаганда превращалась вдве связанные, но нелегко совместимые, цели: одна была уверенность общественности, что победа была неизбежна, другая - моральное наставление для активного участия и большего количества жертв. Несправедливость врага могла в основном считаться само собой разумеющимся; вопрос теперь состоял в том, как тот враг должен быть побежден.

In article is considered influential newspapers in the formation of the enemy image in the mass consciousness of the population, thanks to "German atrocities" committed in Belgium in August-December 1914.
Keywords: *United Kingdom, Northcliffe, Daily Mail, the press, "German atrocities", Belgium.*

Список литературы

1. Подробнее см: BoyceG.D.Harmsworth, Alfred Charles William, Viscount Northcliffe (1865–1922).Oxford University Press. 2004.; Thompson J. Lee.Press Barons in Politics 1865-1922London;Hamilton Fyfe Northcliffe: an intimate biography, London: Allen & Unwin. 1930; TaylorS.J. The Great Outsiders: Northcliffe, Rothermere, and the Daily MailLondon: Weidenfield & Nicolson 1996.
2. Taylor A.J.P. English History 1914-1945. London: Pelican, 1970.
3. Daily Mail, 6 August 1914.
4. Daily Mail, 12 August 1914.
5. Taylor, S. J. The Great Outsiders: Northcliffe, Rothermere and the Daily Mail. London: Weidenfeld and Nicholson.1996.
6. Daily Mail, 22 August 1914.
7. Daily Mail, 24 August 1914.
8. Roberts R. The Classic Slum, republished Harmondsworth: Penguin, 1973.
9. Daily Mail, 26 August 1914..
10. Daily Mail, 5 September 1914.
11. DailyMail, 1 December 1914. Подобные новости о жестоком обращении с животами еще не раз повторялись в газете. См. например: Daily Mail, 1 December 1914. Или Northcliffe Bulletins, 1 December 1916, Mss Eng. Hist. Bodleian Library. P. 303.
12. Cecil H. and P. Liddle (eds), Facing Armageddon: The First World War Experienced. London., 1988; так же: S. Wallace, War and the Image of Germany. Edinburgh., 1988.
13. Lambourne N.«First World War Propaganda and the Abuse of Historic Monuments on the Western Front», Imperial War Museum Review 12, 1999.
14. Daily Mail, 21 September 1914.
15. Clark A., ‘English Words in Wartime’, Bodleian Library, Oxford, Eng. Misc. Mss.
16. Rohde D. A Safe Area. Srebenica: Europe’s Worst Massacre since the End of the Second World War. London., 1997.
17. Tuchman B. August 1914. London., 1994.
18. Knightley Ph., The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Iraq, London. 2002. Наиболее явно не соответствие действительности о немецких зверствах в Бельгии появились в американской

прессе 3 сентября 1914: знаменитая декларация пяти известных американских журналистов (Роджер Льюис, Ирвин Кобб, Гарри Хансен, Джеймс О'Доннелл Беннет и Джон Маккатчен), после того, как им была предоставлена экскурсия по немецкой армии. «Мы не смогли найти хотя бы один случай незаслуженного наказания или меры возмездия. Мы не способны подтвердить любые слухи в отношении жестокого обращения с заключенными и гражданскими». Филипп Найтли говорил, что ни один из этих журналистов когда-нибудь втянут в историю, не замечал вопиющих противоречий. Он заявлял, что Ирвин Кобб дал сведения, что только около 10% жестоких историй были правдой.

19. Daily Mail, 18 September 1914.
20. Collins L. J., Theatre at War. London., 1998.

Об авторе

Селиверстов Д.М. – аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *dmseliverstov@mail.ru*

УДК 94(71)”20”:323

РЕШЕНИЕ «КАНАДСКОГО ВОПРОСА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ (У. ЛОРЬЕ, А. БУРАССА, Р. БОРДЕН) В НАЧАЛЕ XX В.

И.А. Соков

В статье рассматриваются вопросы политической практики либерального правительства У. Лорье по увеличению большей самостоятельности и автономности от Великобритании. Эта практика создала «политический треугольник» в решении «канадского вопроса». Основную оппозицию У. Лорье составили – лидер Консервативной партии Р.Л. Борден илидер националистического движения А. Бурасса. Выполненный анализ взглядов политических противников позволил автору статьи сделать определенные выводы о канадской политической культуре начала XX в.

Ключевые слова: *Уилфрид Лорье, Роберт Борден, Анри Бурасса, канадская политическая культура, франкоканадский национализм, канадский либерализм, канадский консерватизм, канадская военно-морская политика, взаимность*.

Особенности формирования канадской политической культуры (КПК) в первой половине XX в. недостаточно изучены в западной историографии как американскими, так и канадскими исследователями. До сих пор не получены научно-обоснованные ответы на многие вопросы, в том числе: почему формирование канадской нации шло не по пути создания отличительной общенациональной культуры, а, наоборот, «рассыпалось» в мозаике мультикультурности; почему появились региональные политические культуры с существенным отличием от политической культуры на федеральном уровне; почему, например, в канадской политической культуре с республиканской формой правления до сих пор сохраняются анахронизмы монархизма; и т.д.? Ответы на эти вопросы могут быть найдены, только тогда, когда ученые различных дисциплин на междисциплинарной основе вернутся к изучению истоков формирования и эволюции КПК с новыми подходами и методами исследования.

В настоящей статье на основе канадских источников автор представляет исследование короткого исторического периода, произошедшего на рубеже XX в. перехода от теоретических дискуссий поиска путей развития канадской нации к политической практике ее формирования, отмечая уникальный и индивидуальный характер ее развития и протекавших политических процессов.

«Канадский вопрос» (CanadianQuestion) в его теоретической разработке был поднят Голдвиным Смитом [1] как цивилизационная проблема молодой канадской государственности в конце XIX в. после не совсем удавшегося и непродолжительного политического движения «Канада прежде всего» (CanadaFirst) [2, 38-44], не сумевшего выразить лозунги главных направлений развития канадского общества во второй половине XIX в. В этой работе он писал: «Могут ли четыре блока территории[1], составляющие Доминион, навсегда быть сохранены политическими средствами объединения между собой и отдельно от своего континента, который географически, экономически и, за исключением Квебека, этнологически, составляет его части – является канадским вопросом» [1, 2].

В дискуссиях по «канадскому вопросу» интеллектуалы того времени разделились на два лагеря: одни поддерживали Г. Смита в вопросе необходимости более тесного (прежде всего, коммерческого) контакта с США; другие, во главе с Дж.М. Грантом считали, что тесный торговый контакт создаст риск если не аннексии, то огромной политической зависимости Канады от своего южного соседа, несравнимый с полученными торговыми плюсами. В обзоре на книгу Г. Смита «Канада и канадский вопрос» Дж.М. Грант прямо написал: «Демократия Соединенных Штатов полностью убеждена в ее собственном превосходстве к остальной части мира и слишком уверена, что Канада, выслушивая некоторое соглашение о Союзе, должна попасть в их рот, как зрелая слива в соответствующее время года» [3, 22].

С наступлением XX в., когда страна, в короткий по историческим меркам срок, внезапно разрослась на

[1] Под четырьмя блоками территорий Канады Г. Смит имел в виду Атлантические провинции, Центральную Канаду, Запад прерий и Британскую Колумбию.

полконтинента, а требования по освоению этой территории стали жизненной необходимостью, «Канадский вопрос» перешел из области теории в область политической практики.

«Канадский вопрос» с одной стороны создал предпосылки для двух направлений в канадской политике, получивших название континенталилизм, как стремление к более тесной связи с США, и имперское предпочтение, как усиление связей с метрополией, а с другой он использовался политическими деятелями в качестве одного из инструментов политической борьбы за власть на федеральной политической арене. Наиболее ярко она проявилась в политическом «треугольном противостоянии» трех политических сил: националистов, консерваторов и либералов, выразителями которых были Анри Бурасса, Роберт Борден и Уилфрид Лорье.

Анри Бурасса представлял в федеральном парламенте националистов, большинство из которых были франкоквебекцы, Роберт Борден – империалистов, сторонников тесных связей с метрополией, Уилфрид Лорье, как премьер-министр старался занимать середину политического спектра, идя во многих случаях на политические компромиссы с не либеральными политическими силами.

Если в дальнесрочной политической перспективе все эти политические лидеры в своих взглядах были практически едины, считая, что Канада должна получить большую степень автономности и суверенности от метрополии, то правила политической тактики диктовали им совершенно разные подходы в решении «канадского вопроса», делая их бескомпромиссными политическими оппонентами между собой. Понятно, что конечная цель противостояния – это победа одного из трех фигурантов, и она была возможна, только если вначале двое могли объединиться против одного, наиболее сильного, каким в то время был премьер-министр Уилфрид Лорье.

Первым крупным «треугольным» противостоянием можно считать политическую дискуссию о создании канадского военно-морского флота, которая была инициирована У. Лорье после прошедшей в июле 1907 г. Колониальной конференции (Colonial Conference of 1907) [4, 305-306]. На этой конференции Британским адмиралтейством был поднят вопрос о необходимости для доминионов постройки современных военных кораблей для охраны и обороны их прибрежных вод. Это, в свою очередь, означало создание полного цикла военно-морского обслуживания: от подготовки моряков и морских офицеров в национальных учебных центрах до создания военно-морского департамента при министерстве обороны Канады.

Далее, специальная Имперская конференция по военно-морской и военной обороне империи 1909 г. определила для всех доминионов участие в британской программе военно-морского перевооружения в ответ перевооружение Германии.

Поэтому, 12 января 1910 г. правительством Лорье был внесен в Палату общин билль военно-морском обслуживании (Naval Service Bill), который предполагал создание собственного национального военно-морского флота [5]. На это предложение правительства сразу же обрушилась критика с двух сторон как империалистов, так и националистов, хотя вся логика развития Канады как морской державы, омываемая тремя океанами, говорила о необходимости создания собственного флота.

Первые считали, что создание отдельного флота повлечет за собой не только дополнительные расходы бюджета, но и снимет обязанность с королевского флота (RN) по охране канадских водных рубежей и водных торговых путей, и тем самым не только ослабит связи Канады с метрополией, но и создаст новые угрозы по обеспечению охраны прибрежного рыболовства. Были и другие доводы, главный из которых выразил лидер оппозиции, Р.Л. Борден: «Самая быстрая организация не сделала бы наше канадское военно-морское обслуживание эффективным меньше чем через десять лет. Вероятно, 15 или 20 лет потребовалось бы [для полноценной организации военно-морских сил – И.С.]; и кризис, если кризис должен наступить, [я – И.С.] предчувствую наступит в пределах пяти и, вероятно, в течение трех лет» [6, 15].

Отношение империалистов к военно-морской политике можно определить одной фразой Р.Л. Бордена: «…военно-морское превосходство империи может быть поддержано только одной наибольшей военно-морской силой под одним наибольшим центральным контролем» [7, 2].

Вторые, националисты, в лице А. Бурассы, который к этому времени уже не был членом парламента, а редактором влиятельной Монреальской газеты «Ле Девуар» (Le Devoir) выступили против создания собственного военно-морского флота, который, как предполагалось, будет под началом метрополии, на том основании, что это не только уменьшит автономность Канады и укрепит влияние Великобритании на доминион, но и создаст условия для ее безоговорочного участия в европейских войнах под британским командованием, без возможности принятия самостоятельного решения канадским парламентом[1]. Анри Бурасса писал: «Морской закон должен быть аннулирован, потому что он отклоняется от принципов, прежде признанных как важные для материальной безопасности Канады и Империи. Он должен быть аннулирован, прежде всего, потому что он покушается на основные принципы народных прав и колониальной автономии, таким образом, на саму основу империи. Он должен быть аннулирован потому, что он подвергает опасности установленный порядок вещей и ничем не заменяет его чем-то прочным вместо того, что он разрушает. Это работа разрушения: позвольте ее искоренить прежде, чем она принесет свои вредные плоды» [8, 34].

Следует отметить, что принятие решения о создании военно-морского флота Канады (RNC) осложнялось тем, что в рядах двух основных партий Либеральной и Консервативной были влиятельные члены и даже группы,

[1] Билль предполагал введение на канадском флоте британского устава, по которому преступления совершенные на территории Канады или на судне рассматривались британским военным судом.

которые выражали противоположные взгляды на этот вопрос, чем их лидеры. В Либеральнойпартии это был Клиффорд Сифтон, считавший, что надо больше внимания уделять развитию поселений в западных провинциях, не тратить средства для строительства флота, в Консервативной партии – С.Ф. Монк, консерватор Квебека, стоявший накрайних националистических позициях.

Правительство же считало, что с созданием канадского военно-морского флота доминион получит элементы автономности по охране, прежде всего, рыболовецких судов как на Атлантическом, так и Тихоокеанском побережье. Компромиссный подход У. Лорье, дававший империалистическим сторонникам почувствовать, что правительство реально оказывает помощь в выполнении военно-морской программы метрополии, и националистам – в проведении независимых шагов по созданию национального военного флота, способствовал, в конечном итоге, в принятии 4 мая 1910 г. закона о военно-морском обслуживании (Naval Service Act).

Таким образом, в военно-морском вопросе обозначились две политические тенденции:

- на сохранение и укрепление связей с метрополией;
- опора на укрепление внутринациональных связей и поддержание хрупкого национального единства.

Вторая тенденция одержала победу за счет принятия компромиссного решения правительственным кабинетом У. Лорье.

Однако, как показали дальнейшие политические события, компромисс правительства ни одни оппозиционные силы не устроил, а равнобедренный политический треугольник, созданный У. Лорье постепенно стал превращаться в прямую по перетягиванию каната, на противоположной стороне которой от либерального лидера были Р. Борден и А. Бурасса.

Второе крупное противостояние внутриполитических сил произошло в вопросе установления между Канадой и США более свободных торговых отношений, чем они существовали. Необходимость взаимных торговых уступок диктовалась процветающими канадскими добывающими и сельскохозяйственными отраслями производства, которым был необходим более широкий, чем имперский рынок, для экспорта своих товаров. Кроме того, канадские производители по импорту из США могли получать более дешевые промышленные товары, а то и более инновационные.

Правительство У. Лорье начало вести переговоры с правительством США о заключении Договора о взаимности, подобного тому, что был заключен 1854 г. по Канаде между Великобританией и США. Не имея государственного статуса, Канада не могла подписать межправительственное соглашение, и выход был найден в создании отдельного законодательства в форме закона, принятого канадским парламентом[1].

«26 января 1911 г. г-н Филдинг представил Парламенту предложения по Взаимности, которые стали предметом длительных дебатов. С его обычной способностью и ясностью он внес предложения очень ясные палате. Во-первых, он остановился на желании канадских людей, начиная с Конфедерации вступить и выполнить некоторое такое предложение. В этом отношении он подчеркнул, что правительство сэра Джона А. Макдональда в 1879 г. сформулировало в законе о тарифе того года постоянные предложения для Взаимности, по крайней мере, всех продуктов сельскохозяйственного и минерального производства» [9, 302].

Ни консерваторы, ни националисты поначалу не могли выступить против предложения правительства о взаимности, т.к. исходя их опыта взаимности 1854 г. на протяжении полувека это была мечта не только всех политических сил, но большинства населения.

Как писал Р. Борден: «…на следующий день я созвал закрытое собрание. Атмосфера, которая противостояла мне, не была бодрящей; в нашей партии было самое глубокое уныние, и многие из наших участников были уверены, что предложения правительства, обращенные к стране, дали бы ему следующий срок полномочий. … Я шел против течения как мог, хотя и находился под большим унынием» [9, 303].

Как бывший практикующий адвокат Роберт Борден понимал, чтобы противостоять правительству, ему необходимо было решить две основные задачи:

- консолидировать возглавляемую им Консервативную партию, для чего он в очередной раз попросил своей отставки с поста лидера и получил 28 марта 1911 г., также очередную «лояльную и неразделенную поддержку в большой работе, которую Вы продолжаете в интересах партии, Канады и Империи» [9, 310] от большинства парламентской фракции;
- Отступить от провозглашенных принципов в 1910 г.: «Никакого альянса с националистами. Мы не находимся в союзе с националистами, и мы были осуждены ими еще более сильно, чем мы были осуждены почтенными джентльменами на другой стороне Палаты общин (либералами – И.С.)» [7, 1] и решиться на союз с Анри Бурассой в политической борьбе с либеральным правительством У. Лорье в преддверии федеральных парламентских выборов.

История политического момента интересна тем, что националисты и консерваторы, имевшие противоположные идеологические взгляды на решение «канадского вопроса», ради решения своей тактической задачи по устранению либералов от власти заключили негласную сделку о своем альянсе.

Несмотря на оправдания А. Бурассы политическая сделка империалистов и националистов была крайне уни-

[1] Хотя в канадской историографии есть и другое мнение, которое заключается в том, что на принятии отдельного законодательства правительством У. Лорье, настояли западные фермеры.

зительной, торгашеской, а действия самого Бурассы, как бывшего члена Либеральной партии похожими на предательство Иуды за тридцать сребреников. Вот что он сам писал в своей газете: «Спустя несколько дней в наш офис прибыл один из самых известных членов консервативной партии, несущей в своей руке списки избирателей всех восточных избирательных округов (Квебека – И.С.). Он передал в наши руки пожертвования для газеты “Ле Девуар” для тысяч и тысяч избирателей. Мы ничего не просили (лишнего – И.С.), только установленную цену подписки, вычитая оттуда обычную комиссию, заплаченную агентам. Мы, таким образом, удовлетворенно наслаждались, используя торийские деньги, чтобы распространить хорошее националистическое евангелие повсюду» [10, 6-7].

Со стороны консерваторов также был сделан шаг в сторону националистов: Р. Борден в своей предвыборной риторике пошел на то, чтобы исключить призывы к более тесному сотрудничеству с империей, заменив их понятием «канадианизм», который продвигал А. Бурасса: «Мы должны решить, должен ли дух канадианизма или континентализма преобладать в северной половине этого континента.... с юной живучестью Канады, ее быстро увеличивающимся населением, ее изумительными материальными ресурсами, ее духом оптимизма и энергии, она может занять место в пределах сравнительно краткого периода самое высокое положение в этой могущественной империи» [9, 328].

К концу предвыборной кампании альянс, как определил его сам У. Лорье, был уже более сложный: «Что касается союза Бурасса-Борден-Монк-Сифтон, “какой салат!” Г-н Монк – масло, Бурасса – уксус, и г-н Борден должен был съесть порцию» [4, 379].

Следует также заметить, что и в либеральной среде не все понимали «средний путь» У. Лорье. Так выступая в предвыборном туре по западным провинциям на вопрос о том, что выбирает правительство «имперское предпочтение» или «американскую взаимность» Лорье говорил, что он за то, чтобы сохранить британские преференции и в то же время получить от американцев не только уступки по тарифу Пэйна-Олдрича (Payne-Aldrich tariff), но и полную свободную торговлю для сельскохозяйственных продуктов и минерального сырья.

Принято считать, что непоследовательные действия со стороны администрации США и провокационные американские дебаты в политической и предпринимательской среде о возможной полной зависимости Канады в случае заключения договора о взаимности стали главным фактором срыва правительственных договоренностей, и, как следствие, наступившего падения правительства У. Лорье на федеральных выборах 1911 г.

На самом же деле, если прочитать исследование заместителя министра иностранных дел в правительстве Маккензи Кинга О.Д. Скелтона, которому были доступны все документы по ведению переговоров о взаимности, то становится понятным, что американцы здесь не причем. Он писал: «Влияние мистера Тафта, демократическая поддержка и вашингтонское июльское солнце расплавили черствость Сената, и к концу июля данная мера была принята обеими палатами конгресса и подписана президентом. ***Вашингтон внес свой вклад***. [выделено – И.С.] Что же предпринимала Оттава? Ни у сэра Уилфрида, ни у любого члена его кабинета не было страха или сомнения в результате принятия решения. Правительство достигло того, что каждая предыдущая администрация пыталась напрасно выиграть данное решение. Правительство достигло цели, которая была явной целью обеих политических партий в Канаде в течение половины столетия. Оно обеспечило соглашение, которое открывало рынок в Соединенных Штатах для канадских натуральных продуктов, не предоставляя канадскому производителю любого законного и существенного основания для жалобы. Соглашение должно было осуществиться при условии, что ни в коем случае там не будет дискриминации против Британии» [4, 369].

Эта цитата подтверждает взгляд автора настоящей статьи на то, что именно внутриполитические противоречия в борьбе за власть в названном выше политическом треугольнике в первую очередь не позволили либеральному правительству принять законодательство о свободной торговле с южным соседом.

Достаточно вспомнить политические дебаты по вопросу взаимности (reciprocity), чтобы понять, что консервативно-националистический альянс предпринял все не только для того, чтобы похоронить договор о взаимности между Канадой и США, но и свалить правительство либералов, возглавляемое У. Лорье.

Как писал Джон У. Дэфо: «…вне всякого сомнения, что, если бы возник первый признак организованного сопротивления, правительство распустило бы парламент и оно было бы торжественно возвращено избирателями; но правительство не видело трудности в получении договоренности по ратификации парламентом, и оно полагало, что ничего не потеряет, разрешая ему работать в течение приблизительно одного года перед обращением к избирателям. … Лорье позволил вопросам дрейфовать, пока благоприятная ситуация не стала безнадежной» [11, 363].

В безнадежном положении либералы оказались потому, что уже имеющиеся договоренности в США растянули в девятимесячных дискуссиях, которые с каждым днем их продолжения увеличивали число противников курса У. Лорье.

Вполне можно согласиться с мнением доктора Тима Кука, что «”Топорный” Борден, который всегда казался слишком сдержанным, слишком аналитичным, слишком рациональным, выдвинул пламенное обвинение, что Лорье предал империю, и в Квебеке он придумал странный союз с националистами, такими как Анри Бурасса, который, в своей попытке наказать Лорье соединил себя с имперской партией. Консерваторы удивили либералов, страну и, возможно, себя, победив на выборах 1911 г.» [12, 21].

Но кроме имперско-националистического альянса разрушение позиций У. Лорье вела влиятельная западная группа либералов, возглавляемая Клиффордом Сифтоным, членом правительственного кабинета. Спустя несколько лет, в 1924 г. К. Сифтон так писал о своем сопротивлении взаимности: «Я предполагаю, что вы знаете,

что мой главный довод, чтобы быть настроенным против договора о взаимности состоял в том, что я знал очень хорошо, что он не будет соблюдаться, и что сразу же, как только любая политическая партия (в Соединенных Штатах) подумает, что это было бы в ее интересе поместить тариф на наши товары, они сделают так – договор или никакой договор. Ничто не удержало бы их на точное соблюдение соглашения» [11, 379].

Победа консерваторов 21 сентября 1911 г. закончила «треугольное противостояние» внутриполитических сил Канады, фактически полным разгромом либералов: «Семь министров Короны были побеждены: г-н Филдинг и г-н Паттерсон – посредники соглашения о Взаимности, были побеждены оба. Г-н Чарльз Мерфи был единственным министром, которого переизбирали в Онтарио. В Онтарио Либерально-консервативная партия выиграла самое великое большинство в истории этой провинции. В Квебеке 27 консерваторов и националистов были возвращены против избранных 38 либералов. Атлантические провинции возвратили 16 консерваторов и 19 либералов, а Британская Колумбия стала единогласно консервативной. Консерваторы получили 133 места в Палате общин, либералы – 88, фактически сложилось то же самое большинство за Консервативную партию, что Либеральная партия получила в 1908 г.[9, 329]

С окончанием федеральных выборов, решив свои задачи, имперско-националистический альянс распался: «Националистические руководители отклонили приглашение войти в правительство, но они управляли квебекскими назначениями в кабинет и, таким образом, приняли квазиответственность за политику нового правительства» [13, 140-141].

Утвердившись во власти, консерваторы в 1913 г. заменили закон о создании военно-морского флота на закон о военно-морской помощи (Naval Aid Act) метрополии, по которому в качестве вклада в военно-морскую программу Великобритании выделялось 35 млн. долл. США ежегодно. Р. Борден 27 февраля 1913 г. об этом сказал так: «Мы говорим, что, если мы должны остаться с Империей, у нас не может иметь пять внешних политик и пять отдельных флотов» [14, 1].

Решение «канадского вопроса» в пользу континентализма отодвинулось еще на тридцать лет до принятия Гайд-парковского соглашения между США и Канадой.

Подводя итог настоящему исследованию, можно сделать следующие выводы:

- «канадский вопрос», поднятый интеллектуалами в конце XIX в., решался в пользу национальной автономной политики в вопросе военно-морского обслуживания в 1908 г.; в пользу канадианизма и империализма – на федеральных выборах 1911 г.; и вновь в пользу имперского предпочтения в 1912 г.
- неустойчивость политических предпочтений в Канаде в период формирования нации в начале XX в. указывает на недостаточную развитость канадской политической культуры;
- политическая практика этого периода в значительной степени зависела от лидеров политических партий и движений, их политических альянсов, политически успешных шагов и тактических ошибок;
- кроме того, настоящим анализом не подтверждается фрагментарная теория Л. Харца и его последователя Г. Горовица о «заморозке» франкокандского фрагмента в канадской политической культуре и воздействия этого фрагмента в период формирования канадской нации [15, 31-40].

The author of the article considers the questions of the political practices of Laurier's liberal government on the increasing of the more sovereignty and autonomy from the Great Britain. This practices created "the political triangle" in the fulfilment of "the Canadian question". W. Laurier's basic opposition consists from R. Borden's the leader of the Conservative party and H. Burassa is the leader of the nationalistic movement. The author of the article made the decisions about the Canadian political culture in the beginning of the XX Century on the analysis of the political opponents' views.
Keywords*: Wilfrid Laurier, Robert Borden, Henry Burassa, the Canadian political culture, the French Canadian nationalism, the Canadian liberalism, the Canadian conservatism, the Canadian navy policy, the Reciprocity*.

Список литературы

1. Smith, G. Canada and Canadian Question. Toronto: Humter, Roseand Co., 1891. 325 p.
2. Gagan, D. P. The relevance of "Canada First" // Journal of Canadian Studies, Vol. 5, № 4 P. 36-44.
3. Grant. G.M. Canada and Canadian Question: A Review Toronto: Prinred by C. Blackett Robinson, 1892. 37 p.
4. Skelton, O.D. Life and Letters of Sir Wilfrid Laurier Toronto: Oxford University Press, 1921. Vol. II. 625 p.
5. Laurier, W. The Naval Question / Speech on the Naval Question of House Commons // Canadian Institute for Historical Microreproduction, 1995. 21 p.
6. Borden, R.L. The naval question / Speech delivered at House Commons I2th January, 1910. // Canadian Institute for Historical Microreproductions, 1996. 40 p.
7. Borden, R.L. Naval police of the Liberal Conservative Party / Speech in the House of Commons on November 24th, 1910. CanadianInstituteforHistoricalMicroreproductions, 1998. 8 p.
8. Bourassa, H. Why the Navy Act should be repealed Imperial Problems Montreal: Le Devoir Printing, 1912. 75p.
9. Robert Laird Borden: His Memoirs / Edited and with a Preface by H. Borden Toronto: The Macmillan Company of Canada limited, At St. Martin's House, 1938. 544 p.
10. The Story of the Nationalist-Conservative Alliance told by Henry Bourassa, the Nationalist leader an Inside History of Interest to Every Canadian Issued by the Central Information Office of the Canadian liberal Party. Canada Ottawa, Lowe-Martin Co, Limited, 1914. Publication №16, 8 p.

11. Dafoe, J.W. Clifford Siffton in Relation to his Times Toronto: The Macmillan Company of Canada Limited, at St. Martin's House 1931. 552 p.

12. Cook, T. Our first duty is to win, at any cost" Sir Robert Borden during the Great War // Journal of Military and Strategic vol. 13, issue 3, Spring, 2011. pp.1-24.

13. Dafoe, J.W. Laurier: A Study in Canadian Politics Toronto: Thomas Allen Publisher, 1922. 197 p/

14. Reasons by the Rt. Hon. R. L. Borden, M.P. In Favour of a Canadian Naval Service and Against a Contribution / Issued by the Central information office of the Canadian Party Ottawa: Lowe-Martin Co. Limited, Printers, Pamphlet № 10, 1913. 8.p.

15. Соков И.А. Американские теории происхождения и эволюции канадской политической культуры: критический анализ. Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы III Всерос. науч.-методолог. семинара (Самара, 26-27 октября 2015 г.) / М-во культуры РФ, СГИК. Самара: ООО «Книга», 2015. 636 с.

Об авторе

Соков И.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Волгоградского государственного университета, *isokov@mail.ru*

УДК 07.00.00

СПАССКИЙ НА УГРЕ МОНАСТЫРЬ - ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И АРХИТЕКТУРА

К.А. Соловьев

В статье кандидата культурологии Соловьева Кирилла Алексеевича идёт речь об одной малоизвестной обители Калужского края основание которой связано со знаменательным событием русской истории конца XV века – «Стоянием на реке Угре 1480 года», когда русское государство окончательно освободилось от власти Золотой Орды.Впервые монастырь упоминается между 1495 и 1511 годами в личных документах, и это упоминание связано с представителем одной из древних русских княжеских фамилий – князем Дмитрием Фёдоровичем Воротынским. В статье идёт речь об исторических преданиях, связанных с основанием монастыря. Даётся обширный архитектурный анализ памятников обители. В статье особо отмечается уникальность архитектурного ансамбля Спаса-Воротынского монастыря, который включает сразу два шатровых храма. Один из них имеет двух шатровое завершение. В статье использованы фотографии автора 2015 года, ранее нигде не публиковавшиеся.

***Ключевые слова**: «Стояние на реке Угре», князь Дмитрий Воротынский, Спаса-Воротынский монастырь, шатровые храмы, Пр. Никифор Калужский? Введенский трапезный храм, Преображенский собор.*

В Российском государстве множество интересных, уникальных исторических и архитектурных памятников, которые, к сожалению, малоизвестны широкому кругу людей, интересующихся историей, культурой, архитектурой, да и серьёзным исследователям. Часть из них были подробно исследованы в дореволюционной литературе, но не столь заметны в настоящее время. К их числу можно отнести и древний Спасский монастырь на реке Угре, который, по имени князей, которые благоволили обители, часто именуется Спаса-Воротынской обителью.

Расположен он недалеко от древнего русского города Воротынска нынешней Калужской области при впадении реки Оки в реку Угру. Предание связывает основание этой обители с именем, проповедью и мученической кончиной Св. Пр. Кукши Печерского, который в XII веке проходя через калужские земли, проповедовал местным язычникам славянам, *мери** и *голяди.* *

Впервые монастырь упоминается между 1495 и 1511 годами в личных документах, и это упоминание связано с представителем одной из древних русских княжеских фамилий – князем Дмитрием Фёдоровичем Воротынским.

Если следовать историческим преданиям, то в первой половине XII столетия инок Киево-Печерского монастыря Кукша просвещал миссионерской проповедью Вятичскую землю и проповедовал в современных Брянской, Орловской и Калужской областях. В 1113, по иным сведениям в 1114 году, а по сообщению игумена Арсения, в 1110 году инок Кукша был убит язычниками. Происходил он из рода племенных вятичских князей или старейшин и именно поэтому вместе со своим учеником Никоном проповедовал в родных местах. Известный русский историк и краевед В. М. Кашкаров, занимавшийся в XIX веке биографическими исследованиями о Пр. Кукше Печерском считал, что «…епископ-Феоктист позаботился доставить в Киево-Печерский монастырь тело убитого мученика». [1 к стр. 2]

Рис. 1. Общий вид храмов Спаса-Воротынского монастыря

Погребён Кукша был в Ближних пещерах Киево-Печерского монастыря. Современные исследователи, предположительно, называют местом гибели Кукши и его ученика город Серенск на реке Серене, притоке Жиздры (нынешний Мещовский район Калужской области), — но, скорее всего потому, что этот город, несомненно, находился на пути проповедников и, к тому же, хорошо исследован археологами; обнаружены на Серенском городище и явные следы христианской проповеди — в частности, нательные крестики, в числе которых — крестик с выемчатой эмалью XI—XII веков, имеющий, вероятно, киевское происхождение.Однако есть исторические предания о том, что Кукша был первоначально погребён на высоком холме, на берегу реки Серпейки – малого притока реки Угры. Проповедуя в родных местах, Кукша вполне мог возводить первые деревянные рубленые христианские храмы или часовни в родных местах, там, где ранее были языческие капища. Об этом, в частности, говорят археологические исследования Серенского городища.Место, где находится Спасский монастырь, это мощный мыс при впадении реки Угры в Оку. Рядом расположено село Городище, что наводит на мысль о существовании в XI веке на этом месте укреплённого поселения. В XI столетии на этом высоком холме возвышался древнерусский город: археологи находили массу крайне интересных находок: от железных кольчуг, до женских украшений и арабских монет. Есть мнение, что Спас — более позднее название первого «старого» Воротынска, а переименование связано с возникновением в начале XV века второго «нового» городища Воротынск, которому «подарили» имя (в 5 км от Спаса) и сделали «столицей» удельного княжества. Эти земли были удельными родовыми вотчинами князей Воротынских: древнего княжеского рода «от третьего сына князя Михаила Черниговского». Предание также гласит, что монастырь был основан на месте церкви и погоста. Погостами в Древнерусском государстве Киевская Русь именовали «…административные единицы – места, где заезжие купцы вели торг с местным населением, а князья использовали погосты в качестве временного своего пребывания, когда выезжали за данями в ***полюдье*** *. В таких погостах были и перевозные языческие кумирни». [2 к стр. 2] Это вполне согласуется с мнением, что на том месте, где был основан монастырь, мог находиться древнерусский город.Также мы можем говорить о том, что сам по себе мыс, на котором был основан монастырь, был естественным языческим святилищем, связанным с мерянским культом священной воды и священных камней. В окрестностях современного Воротынска до сих пор можно встретить подобные поклонные камни, например, Гром-камень, Гремяч-камень.

Однако первые сведения об этой обители мы встречаем только вначале XVI веке и связаны они с родом князей Воротынских. Монастырское предание гласит, что «…будто - бы князь Воротынский узнав о чуде исцеления боярина Карташа перед образом Преображения Господня, повелел на месте древнего храма и погоста воздвигнуть обитель нарекаемою Спаса-Преображения…». [3 к стр.3] Именно это известие даёт нам право говорить о том, что этот монастырь был основан не на пустом месте, а в месте более ранней христианской проповеди.Сам род князей Воротынских происходит от удельных князей Новосильских, отрасли Великих князей Черниговских – потомков Св. Мученика князя Михаила Черниговского. Воротынский удел был ликвидирован одним из последних в России, уже в царствование Ивана Грозного. В силу этого Воротынские считались одним из знатнейших родов Российского Государства. Последний князь Иван Алексеевич Воротынский приходился царю Алексею Михайловичу двоюродным братом (их матери были сёстрами). Троюродная племянница Царя княжна Наталья Ивановна Воротынская (+1691 год) была супругой князя Петра Алексеевича Голицына, род которого

существует и ныне. Воротынские были в родстве с такими известными родами, как: Куракины, Стрешневы, Захарьины, Шастуновы, Шестовы, Сицкие, Поляниновы.

Воротынские служили верой и правдой Великим князьям Литовским. Река Угра, являясь в XV столетии пограничной между Московской Русью и Великим княжеством Литовским Жмудским и Русским, разделяла по сути один единокровный и единоверный народ. Долгое время даже не был ясен исторический спор между Москвой и Вильно кто сможет объединить русские земли в единое государство. Однако, принятие в 1377 году Литвой католической веры, когда католическая экспансия охватила и русские территории Великого княжества Литовского, многие русские князья, до того времени верно служившие Великим литовским князьям, стали переходить в подданство Великих князей Московских. Это стремление усилилось после 1480 года, когда Московское Государство освободилось от вассальной зависимости от Золотой Орды и возвратило себе в 1497 году историческое имя Российского Государства.В первой Софийской летописи под 6998 годом читаем: «***В лето 6998 года (1490 г.) приехал служити на Москву от короля Казимира к Великому князю Ивану Васильевичу Всеа Русии князь Дмитрей Феодорович княжь Воротынской…***» [4 к стр. 3].

Действительно, князь Дмитрий Фёдорович Воротынский перешёл в русское подданство вместе со своим уделом и боярами, а также захватив насильно земли своего брата Семёна Воротынского, который до самой смерти короля Казимира в июне 1492 года сохранял ему свою верность.Большинство дореволюционных историков и краеведов считали, что князь Дмитрий Фёдорович Воротынский основал Спасский на Угре монастырь именно в память того, что он благополучно стал подданным Великого князя Иоанна III (1440 – 1505 гг.). Также основание монастыря связывают со знаменательным событием конца XV века – «Стоянием на реке Угре в 1480 году», когда бескровно завершилось освобождение Русских земель от вассальной зависимости Золотой Орде.

Самое первое же упоминание об обители в государственных документах относится к 1511 году, когда она была упомянута в жалованной грамоте Великого князя Василия III - отца Ивана Грозного. [5 к стр. 4] Вторично обитель была упомянута в октябре 1626 года в несудимой грамоте Царя Михаила Фёдоровича игумену Спасского Воротынского монастыря на «…монастырские владения в Воротынском, Калужском и Козельском уездах, и на перевоз через р. Оку при усть реки Угры». [6 к стр. 4]

Долгое время монастырь пользовался поддержкой и покровительством Великих князей Московских, а затем и Русских Царей, как важная порубежная крепость. Недаром реку Угру наши предки именовали «Поясом Пресвятой Богородицы». Это была пограничная река, где высились не только порубежные города, но и духовные крепости, монастыри – сторожи.

Однако с течением времени границы России стали отходить на Запад и, в частности, Спаса-Воротынский монастырь становится всё менее и менее известен. Он упоминается в 1626 году в Писцовых книгах и в сборнике «Книга, глаголемая большой чертёж» - который был приложением к первому в истории России географическому атласу. В нём есть запись: «…. **А на усть Угры, на Оке монастырь Спасской…**». [7 к стр. 4] Отдельные краткие сведения об этой обители мы находим в деле о приезде в Россию Антиохийского Патриарха Макария. Из этого дела следует, что «… **владыка Патриарх ночевал в Спасской обители и отдал в обитель своих коней на сохранение, затем Патриарх ехал до Москвы водою, а лошади его из обители исчезли…».** Также существует опись монастыря, датированная 1627 годом. [8 к стр. 4]

Это сообщение о монастыре ставит под сомнение сообщение М. Попроцкого о том, что Спасский монастырь мог быть упразднён около 1680 года. «Спасский на Угре монастырь Боровского уезда. Время его основания неизвестно, упразднён в 1680 году». [9 к стр. 4]

Видимо говоря об упразднении монастыря в 1680 году, Попроцкий имел в виду сообщения о том, что в 1665 году Спасский монастырь был приписан к Крутицкому Архиерейскому Дому. Окончательно монастырь был упразднён после 1725 года, но до известных реформ Императрицы Екатерины II, которая в 1764 году издала знаменитый Указ о секуляризации монастырских имуществ.Это можно косвенно подтвердить тем, что до 1725 года монастырь регулярно упоминается в документах Крутицкого архиерейского дома, позднее мы практически не находим подобных грамот и документов. Видимо уже к 1763 году монастырь был закрыт и храмы его обращены в приходские церкви. В 1763 году в Ведомости «учиненной в силу именного Ея Императорского Величества указу сего 1763 г. о Спасском монастыре, что в Воротынском уезде на устье р. Угры» читаем: «Оный Спасский монастырь при каком государе, и по каким грамотам или повелениям, и в каком году построен за неимением при оном монастыре власти и монашествующих подлинного известия потребовать не от кого. В оном монастыре церквей каменных 2, в них престолов 2. Первая настоящая во имя Преображения Господня, на ней глава одна, обита зеленою и желтою черепицею. Крест железный. Крыша тесовая.Вторая — во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и при ней трапеза. На ней глав две, обиты черепицей зеленою и желтою. Кресты железные. Крыша тоншее, токмо оная крыша весьма ветха…». [10 к стр. 5]

Однако этот монастырь интересен не только своими историческими преданиями, но и литературными источниками, и интересными архитектурными памятниками.Так в 1693 году иеромонахом Авраамием в монастыре был составлен уникальный Синодик, который включает в себя не только поминания князей Воротынских и Хотетовских, но и поминальные записи бояр Тургеневых, Майковых, Соковниных, Морозовых, князей Урусовых. В этом синодике зафиксированы имена многих настоятелей этой обители, а также имена 6 старцев Спаса - Воротынского монастыря которые подвизались там, в разное время и чьи имена до сих пор не прославлены в сонме

местночтимых святых Калужской епархии.Имя первого строителя обители также неизвестно. Считается, что им был ученик Св. Пр. Тихона Калужского, местночтимый святой Пр. Никифор Медынский и Калужский, хотя это предположение основано на более поздних преданиях (примечание автора).Полностью Синодик Спаса-Воротынского монастыря 1693 года был опубликован в Трудах Общества Истории и Древностей Российских.

Известный дореволюционный историк М. Т. Преображенский считал, что «…обширные подцерковья, подвалы и подклеты монастырского храма Введения, а также подклеты под трапезной палатой храма наводят на мысль, что трапезный храм мог строиться как усыпальница древнего и знатного рода…». [11 к стр. 5]

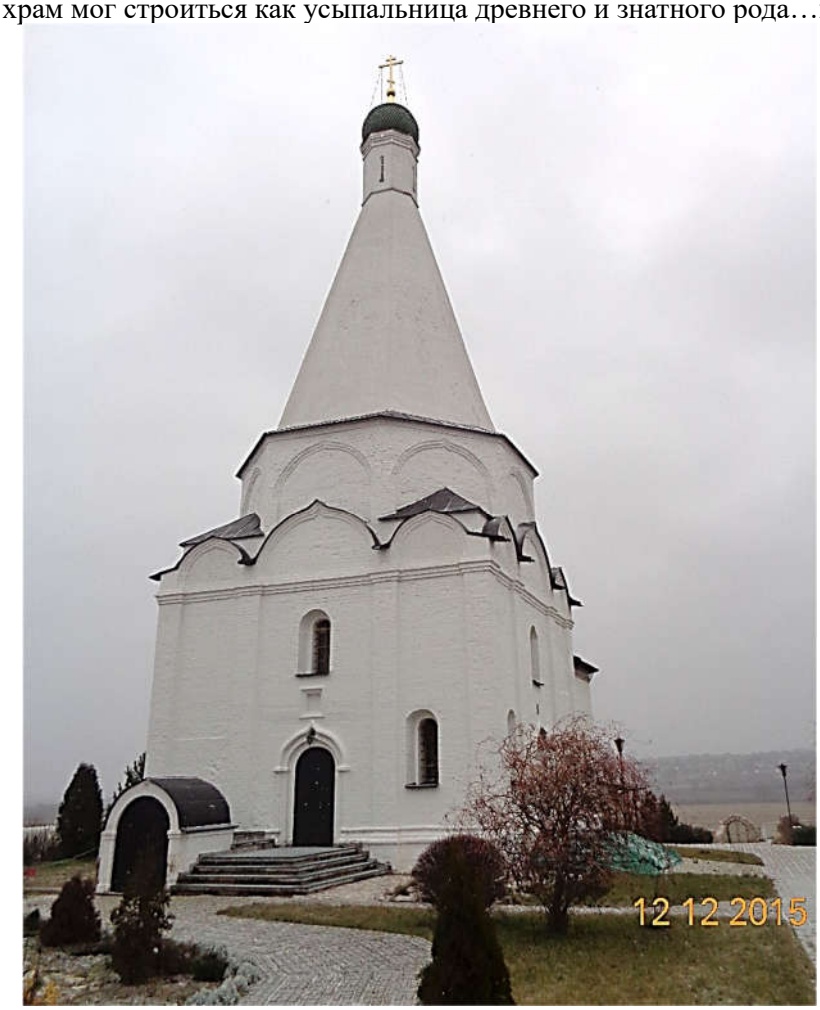


Рис. 2. Спаса-Преображенский собор Спаса-Воротынского монастыря

В архитектурном отношении Спасский монастырь сохранил два интересных и, можно сказать, уникальных памятника. Прежде всего, это соборный храм Спаса-Преображения столпообразной шатровой формы. Попроцкий отмечает, что по способу кладки его стен сразу же можно говорить о редком памятнике начала XVI века. Видимо этот храм был возведён на месте деревянного после 1511 года, когда впервые монастырь упоминался в княжеских грамотах Великого князя Василия Ивановича. Археолог Л. А. Беляев, исследовавший Спасский монастырь в 80-х гг. прошлого века, справедливо замечает: «Итак, несомненно, существование на месте Спасского монастыря более древнего, чем Преображенский собор, некрополя, который мог образоваться только у предшествовавшего (деревянного) неизвестного нам храма. Ясно, что монастырь древнее его первой каменной постройки». [12 к стр. 6] Одновременно с Преображенским собором строится палатка, примыкающая к храму с южной стороны. Остатки её были обнаружены при археологических работах Леонидом Андреевичем Беляевым в 70-х годах прошлого века. Как пишет Леонид Андреевич, это квадратная в плане, трехстенная палатка, возведенная в перевязку с южной стеной храма. Вход располагался в западной стене.

Над палаткой, перекрытой Коробовым сводом, помещалась маленькая главка, крытая черепицей. Почти всю небольшую площадь палатки занимал высокий кирпичный постамент, вытянутый с запада на восток. Можно предположить, что здесь было захоронение почитаемого ктитора, но раскопки этого не подтвердили – ни склепа, ни личного погребения, сколько-нибудь строго лежащего, под постаментом не оказалось. Собор Преображения строился сразу с палаткой и с намерением устроить в диаконнике придел. Похоже, что это свидетельство мемориального, поминального характера постройки. Возможно, в палатке почивали святые мощи какого-то неизвестного нам подвижника. Может быть, это было место, где находилась рака с мощами строителя монастыря преподобного Никифора Медынского и Калужского? Как бы то ни было, в описи 1627 года есть упоминание о приделе: «а в пределе двери Царские, сень и столбцы на празелени…», [13 к стр.6] но уже нет описания палатки. Её уже не было. Она могла быть разрушена в Смутное время, когда монастырь был полностью разорен,

а мощи, если они там почивали, монахи предусмотрительно спрятали под спудом. Л. А. Беляев пишет: «Археология, строительные и архитектурные особенности собора монастыря пока заставляют датировать его в пределах 1550—1590-х гг., но наиболее вероятная дата — 1558—1562 гг.». [14 к стр.6]

Известный дореволюционный историк М. Т. Преображенский так пишет об этом храме: «Соборная церковь Преображения Господня - одно престольный, холодный (летний) каменный храм. Его можно отнести к уникальным храмам второй половины XVI столетия». [15 к стр. 6] Таким образом, дореволюционные исследователи также не могли точно прийти к единому мнению относительно датировки храма. В архитектурном отношении низ храма имеет форму куба и, непосредственно из крутой четырёхскатной крыши, выходит шатровый восьмигранный верх. Основной несущий объем собора, кубовидный двусветный четверик, на котором через невысокий восьмерик поставлен восьмигранный шатер. С востока к четверику примыкает трехчастный алтарь. Декор фасадов прост. Северная и южная сторона храма делится пилястрами на три части. В средней части входные, боковые порталы и двери, над ними окно с прямой перемычкой без наличника, двери храма низкие. С западной стороны к храму был пристроен небольшой деревянный притвор, а с восточной стороны низкая каменная палатка для алтаря. Как отмечает архимандритЛеонид (Кавелин) «… церковь сия не имеет себе подобия в калужской губернии и походит обликом на церковь, находящуюся в Микулином городище московской губернии. Построение ея можно отнести к началу основания обители, то есть к концу XV столетия…». [16 к стр. 7]

Рис. 3. Трапезная церковь Введения Во Храм Пресвятой Богородицы

Второй храм этого монастыря – трапезная церковь Введения Во Храм Пресвятой Богородицы. Можно более подробно говорить об этом храме и, в частности, можно примерно установить время освящения этого храма. «Пол притвора храма составлен из надгробных плит с истёртыми надписями. На одной можно разобрать: 7115 (1607) года преставися инок Евфимий. Сохранилась опись 1800 года и в ней упоминается, что старый антиминс этого храма был, священнодействовал преосвященным епископом Алексием Сарским и Подонским в 1718 году…». [17 к стр.7]

Таким образом, можно говорить о том, что Введенский трапезный храм возводился до 1607 года, но фактически перестраивался и переосвещался не позднее 1718 года. Уже одно упоминание об освящении антиминса для монастырского трапезного храма опровергает сообщения о том, что монастырь мог быть упразднён после 1680 года.Введенская церковь имеет интересную особенность. Хотя она была возведена около 1607 года и представляет собой редкий тип двух шатрового храма не понятно, почему в 1700 – тые годы ведомство Крутитских митрополитов перестраивая храм в приписном монастыре, не лишила его шатрового завершения?Ведь с середины XVII века Указом Патриарха Никона было запрещено возведение шатровых столпообразных церквей.Введенский храм каменный двухъярусный.Храм в честь введения Во Храм Пресвятой Богородицы с монастырской трапезной палатой и трехъярусной колокольней представляет собой единое, неправильной четырехугольной формы двухэтажное здание. Небольшая, прямоугольная в плане, вытянутая в ширину двусветная часть храма занимает восточную его половину, завершают эту часть 2 небольших глухих шатра. Трапезная часть храма, как и монастырская трапезная в первом этаже одностолпные. В отделке фасадов использованы лопатки, карнизы, декоративные кокошники.

Видимо в нижнем ярусе тоже был освящён храм, так как там сохраняется абсида. С западной стороны в

XIX веке была пристроена колокольня. Для её возведения была снесена ограда монастырского некрополя. Из церковной описи 1800 года видно, что последний раз после ремонта в церкви антиминс был священнодействован в 1784 году преосвященным Амвросием (Зертис-Каменским) Архиепископом Крутицким и Можайским.

Возникает вопрос: почему во время перестроек 1718 и 1784 годов этот храм не менял своего архитектурного облика. Ведь в истории встречаются примеры того как храмы меняли свой облик. Например, можно вспомнить судьбу Спасского собора Московского Спасо-Андронникова монастыря, которому удалось вернуть его исторический облик лишь при реставрации 1960-1961 годов. Скорее всего, прав был М. Т. Преображенский, который считал, что трапезная Введенская церковь Спасского монастыря могла быть усыпальницей древнего и знатного рода не принимавших Никсоновскую реформу. Таких семей было много в Калужском крае. Например, Адрес-календарь Калужской губернии за 1841 год сообщает: «…в окрестностях Воротынска владения господ Соковниных, да в их владении душ хрестиянских 75 –ть…». [18 к стр.8] Из рода Соковниных происходят виднейшие деятельницы раскола – боярыня Морозова и её сестра княгиня Урусова. Обе знатные раскольницы погребены недалеко от этих мест в городе Боровске. Так что вполне допустимо, что кто-либо из дворян Соковниных мог давать деньги на перестройку и ремонт Введенской церкви в 1718 году, также они могли устроить в этом монастырском храме свой фамильный некрополь. Помимо этого, сохранение шатрового типа этого храма могло быть своеобразной прихотью заказчиков, которые таким образом могли увековечить память о своих погибших родственницах. Вряд ли в 1718 году, в эпоху Петровских реформ, ведомство Крутицкого митрополита финансируя ремонтные работы в приписном монастыре, сохранило бы полностью неприкосновенным шатровый облик храма, не внеся в него поправки в соответствии с общим духом времени. Скорее всего, храм находился на содержании знатной дворянской семьи, чьи взгляды оставались достаточно консервативными. Между тем право на существование имеет, и та точка зрения, что в далёкой от Москвы и Петербурга провинции России мог иметь место некий архитектурный рецидив при реконструкции древнего храма XVII века, и он был сохранён в древних архитектурных формах.

В советское время Спаса-Воротынский монастырь исследовался очень мало. Можно вспомнить всего две работы, где она была упомянута – это, прежде всего сборник «Калуга – Боровск» из знаменитой «белой серии» выпущенной в середине 70 – х годови сборник «По Калужской земле» М. 1980 год из знаменитой «жёлтой серии» - «Дороги к прекрасному». Однако авторы-составители не ставили своей целью составлять подробное историческое исследование об этой обители, а ограничились кратким изложением уже известных фактов. Также в эпоху СССР не переиздавались многие материалы по истории Спаса-Воротынского монастыря, которые были опубликованы ранее в дореволюционные годы.В 1990 – тые годы монастырь стал возрождаться, но уже как женский.Восстановлением монастыря и возрождением в нем монашеской жизни занимаются в настоящее время сестры калужского Казанского Девичьего монастыря. С 2002 г. в обители восстановлено почитание её предполагаемого строителя, местночтимого святого, преподобного Никифора Калужского и Медынского. [19 к стр.9]

Сам город Воротынск также переживает ренессанс интереса к эпохе существования независимого Воротынского удельного княжества. Так в городе поставлен памятник выдающемуся русскому военачальнику, герою штурма Казани и автору знаменитой победы 1572 года **– битвы при Молодях (29 июля – 2 августа 1572 года) *** князю Михаилу Ивановичу Воротынскому (родился между 1516 и 1519; скончался. 1573). Надо также отметить, что род князей Воротынских был достаточно благочестив, так как есть исторические сведения о том, что ещё два монастыря в Калужском уезде были основаны на средства Воротынских князей Владимира Ивановича и Ивана Михайловича. Это Троицкий Лютиков мужской монастырь и Одоевский Анастасиев женский монастырь.

Хотелось бы данной статьёй привлечь внимание всех, кто интересуется русской историей этого периода, а также историков архитектуры и реставраторов к проблемам возрождения и восстановления древних русских монастырей, и памятников архитектуры, память о которых часто, в настоящее время, пребывает под спудом.

In the article of candidate of Culturology Solovyov Kirill Alexeeva-cha, refers to a little-known monastery in Kaluga region to the base of which is connected with a significant event in Russian history of the end of XV century – "Standing on the Ugra river in 1480", when the Russian government finally freed himself from the power of the Golden Horde. The monastery was first mentioned between the years 1495 and 1511 in personal documents, and this mention is connected with the representative of one of the ancient Russian princely family is Prince Dmitri Fyodorovich Vorotynskiy. The article deals with the historical legends about the Foundation of the monastery. Provides an extensive analysis of the architectural monuments of the monastery. The article stresses the uniqueness of the architectural ensemble of the Saviour vorotynsky monastery, which includes two Sacra-o temple. One of them has two-hipped end. In the article the use intended of the author's photo 2015, are previously unpublished.
Keywords: *"Standing on the Ugra river", Prince Dmitry Vorotynski, the Savior Vorotynsky monastery, steeple churches, Etc. Nicephorus Kaluga? Introduced-ski refectory Church, Transfiguration Cathedral.*

Список литературы

1. Леонид (Кавелин), архим. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 2. М. 1862. С. 8.
2. «Известия Калужской архивной Комиссии». Калуга. 1898. Вып. III. С. 26-30.
3. «Калужская Старина». Калуга. 1902. Т. III. С. 12.
4. «Акты относящиеся к истории Западной России». СПб. 1869. Т. X, № 48.
5. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М. Мысль. 1972. 452 с.
6. «Книга Глаголемая Большой Чертёж. М. 1627.

7. Книга Большому Чертежу// Под редакцией Сербиной К. Н. М – Л. Издательство АН СССР. 1950. С. 150.
8. Калуга – опыт исторического путеводителя по Калуге и губернии. Калуга. 1812. С. 25.
9. Попроцкий М. Ф.Материалы для географии и статистики России. СПб. Издание Генерального штаба Российской Империи. Т. 9. Часть 1. 1864. 54 с.
10.РГАДА. Ф.280, Коллегия экономии. Оп. 3. Ед.хр.478.
11.Преображенский М. Т. Памятники Древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб. 1891. С. 13-37.
12.Князья Воротынские и монастыри Калужской земли (Электронный ресурс – дата обращения 5 января 2016 г.)http://spasnaugre.ru/index.php/9-istoriya/33-knyazya-vorotynskie-i-monastyri-kaluzhskoj-zemli
13.Там –же.
14.Там –же.
15.Преображенский М. Т. Памятники Древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб. 1891. С. 37.
16.Леонид (Кавелин), архим. Историко-статистическое описание о упразднённых монастырях в Калужской епархии//ЧОиДР. СПб. 1862. Т. II. Отд. 1. С. 101 – 102.
17.Там –же
18.«Адрес – календарь Калужской губернии за 1841 год». Калуга. 1841. С. 42.
19.Соловьёв К. А. Формирование культурной среды города и городского ландшафта, смысловое и композиционное значение монастырей в русском городе//Сборник «Городская культура и город в культуре». Материалы Всероссийской научно-практической конференции 21-22 мая 2012 г. Самара. Ч. 1. 2012. С. 413-423.

* Голядь (др.-рус. Голѧдь) — балтоязычное племя, обитавшее, согласно древнерусским письменным источникам XI—XII веков, в верховьях реки Протвы (на территории современных Московской, Смоленской и Калужской областей), между землями вятичей и кривичей. Археологически соотносятся мощинской культуре.

* Меря, меря́не — древнее финно-угорское племя, проживавшее в Верхнем Поволжье на территории современных Ярославской, Ивановской, Владимирской, восточной части Московской и западной части Костромской областей России . Некоторые исследователи используют этноним «меря» для общего названия славянского и финского населения (мерянская культура), проживавшего на этой территории во второй половине I тысячелетия н. э

* Молоди́нская битва — крупное сражение, произошедшее между 29 июля и 2 августа 1572 года в 50 верстах южнее Москвы, в котором сошлись в бою русские войска под предводительством князей Михаила Воротынского и Дмитрия Хворостинина и армия крымского хана Девлета I Гирея, включавшая помимо собственно крымских войск турецкие и ногайские отряды. Несмотря на значительное численное превосходство, крымско-турецкая армия была обращена в бегство и почти полностью перебита. Геополитическое значение победы при Молодях в условиях Ливонской войны и разорений прошлогоднего крымско-татарского набега на Москву было колоссальным. Отражение крупного крымско-турецкого похода, целью которого было возобновление подчинения ослабленного Русского государства по образцу золотоордынского ига, позволило России отстоять все поставленные под вопрос достижения предыдущих ста лет: независимость, единство, а также контроль над Казанским и Астраханским ханствами. С 2009 года на месте событий проводится реконструкторский фестиваль, приуроченный к годовщине сражения. (Прим. Автора).

* Полюдье - способ сбора дани с восточнославянских племён, практиковавшийся в IX-XII веках на Руси. Характерной чертой полюдья был его ненормированный характер. При этом племенная политика использовалась княжеской властью для организации сбора дани. Первое упоминание полюдья в русских летописях, а также подробное описание полюдья византийским императором Константином Багрянородным в его трактате «Об управлении империей», относятся к середине X века. (Прим. Автора).

Об авторе

Соловьев К.А. – кандидат культурологии, доцент кафедры Архитектура гражданских и промышленных зданий Национального Исследовательского Университета Московский Государственный строительный университет, *solovyev.cyrill@yandex.ru*

УДК 327

ВОПРОС О РАСШИРЕНИИ НАТО НА ВОСТОК В АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Ю.А. Тарасова, Р.В. Лурда, И.А. Ясеницкий, Ю.В. Войнаровская

Статья посвящена вопросу влияния трансформации НАТО в постсоветскую эпоху на развитие американо-российских отношений в 90-е годы XX века. Авторы рассматривают проблемы выбора пути развития блока, выявляют позиции российской и американской политических элит по вопросу о роли НАТО в новом мировом порядке и ее отношениям с Россией. Делается вывод о крайне негативном влиянии расширения НАТО на развитие американо-российских отношений в этот период.
***Ключевые слова**: НАТО, расширение на Восток, американо-российские отношения, внешняя политика.*

Организация Североатлантического договора или НАТО (NorthAtlanticTreatyOrganization), была образована в 1949 году. Как утверждали учредители, целью создания военно-политического блока во главе с США, было сдерживание угрозы с Востока, в частности со стороны Советского Союза. Последний стал инициатором создания в 1955 году Организации Варшавского Договора (ОВД) для сдерживания новой угрозы с Запада. Существование двух военно-политических блоков было объяснимо и частично оправдано в период конфронтации двух сверхдержав, кардинально отличавшихся политическим режимом и экономическим укладом.

Но с окончанием холодной войны, распадом Советского Союза и началом в России глубоких экономических и политических преобразований, существование НАТО перестало быть острой необходимостью. 1 июля 1991 года государства-участники ОВД подписали протокол о полном прекращении действия Договора. Таким образом, основной гипотетический противник НАТО ушел с мировой арены. Логичным ответом на это был бы самороспуск Североатлантического альянса.

Но в 1991 году члены Альянса приняли «Новую стратегическую концепцию»,в которой говорилось, что главы государств и правительств стран НАТО согласились с необходимостью трансформировать союз с учетом новой, более многообещающей эры в Европе. Однако декларировалось сохранение тех принципов и целей Альянса, на которых он основывался. В качестве «природы Альянса», то есть непосредственно смысла его создания, говорилось, что «НАТО воплощает трансатлантическую связь, которой безопасность Северной Америки постоянно связана с безопасностью Европы. Это практическое выражение эффективного коллективного усилия среди его участников в поддержку их общих интересов».[1] Основной целью НАТО оставалась защита территорий и суверенности стран-членов. В качестве новых угроз перечислялись глобальные проблемы – такие как распространение оружия массового поражения, международный терроризм и разрушение жизненно важных ресурсов в результате террористических действий или саботажа. Ответы на такие риски предполагалось вырабатывать путем консультаций союзников. Эти направления деятельности дублировали функции уже существующих международных организаций, однако, именно НАТО отводилась ведущая роль.

Кроме окончания холодной войны, трансформации Альянса должно было способствовать развитие отношений между странами Запада, в первую очередь, США и Российской Федерацией. В ситуации отсутствия политического и идеологического конфликта между государствами, руководством США и России было принято решение развивать отношения партнерства. Это решение было зафиксировано в двусторонних документах, таких как Кэмп-Дэвидская декларация (1 февраля 1992), Хартия американо-российского партнерства и дружбы (17 июня 1992), Ванкуверская Декларации президентов США У.Дж. Клинтона и РФ Б.Н. Ельцина (4 апреля 1993). В «Кэмп-Дэвидской декларации президента России Б.Н. Ельцина и президента США Дж. Буша о новых отношениях» заявлялось, что «Россия и США не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников. Их отношения характеризуются отныне дружбой и партнерством, основанным на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе». В названии двустороннего документа, подписанного главами государств во время второго официального визита российского президента Б.Н.Ельцина в Вашингтон 17 июня 1992 года, также закладывалось определение формирующейся системы американо-российских отношений как отношений партнерства и дружбы. Президент Ельцин обещал согражданам участие России в Североатлантическом совете по сотрудничеству и даже высказал предположение, что России может со временем вступить в НАТО.

Партнерство с США, поддержка со стороны Западной Европы, были остро необходимы правительству Б.Н. Ельцина по ряду причин. Экономические реформы, проводившиеся в России под руководством западных специалистов,Джеффри Сакса, Андерса Аслунда и Дэвида Липтона, быстро привели к резкому падению уровня жизни основной части населения. Либерализация внешней торговли открыла российский рынок для товаров иностранного производства, поставив отечественную индустрию и сельское хозяйство в невыгодные условия конкуренции. В результате была дискредитирована и сама идея экономических реформ, и силы, стоящие за ними – правительство Б.Н.Ельцина, западные партнеры. Отдельными силами в России политика США по отношению к экономическим и политическим преобразованиям в стране рассматривалась как намеренная, заранее спланированная стратегия уничтожения оставшегося у России потенциала роста и действия на мировой арене.

[1]The Alliance's New Strategic Concept, agreed by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council, 07-08 November 1991 // North Atlantic Treaty Organization Site. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm (01.10.2015)

В этих условиях дружественное отношение западных стран к России служило бы подкреплением пошатнувшегося авторитета реформаторских кругов и самого президента. Одновременно возросла потребность в материальной и технической помощи стран Большой семерки, международных экономических организаций (МВФ, МБРР), ведущую роль в которых играли США.

Сам Борис Николаевич не видел в расширении НАТО непосредственной угрозы безопасности России. Во время визита в Польшу в конце лета 1993 года российский президент высказался о своем согласии с возможным вступлением этой страны в Североатлантический блок. Однако в России он подвергся жесточайшей критике и был вынужден дезавуировать свое заявление [15; с. 2]. В сентябре 1993 года Ельцин вооруженным путем подавил оппозиционный парламент, вызвав жесточайший конституционный кризис в новейшей российской истории. Именно поэтому трансформация альянса являлась критическим моментом, показателем реальности заявлений о партнерстве, поддержки Западом российских реформ и лично российского президента.

Для того, чтобы доказать неадекватность подозрений в изоляции России путем расширения НАТО, министр иностранных дел Андрей Козырев предложил создание новой системы безопасности в Европе, основой которой должна была стать Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (CSCE). В соответствии с этим планом, Североатлантический альянс должен был подчиняться этой организации. После краткого рассмотрения НАТО идею отклонила [15; с. 2].

Более того, в середине октября 1993 года встал вопрос о расширении альянса. В своих воспоминаниях советник по России при администрации Б.Клинтона, Строуб Телботт признает, что при рассмотрении этого вопроса учитывалась ситуация в России, где совсем недавно был расстрелян оппозиционный Верховный Совет. Положительное решение еще больше ухудшало положение Ельцина и сторонников западного курса [10; с. 121].

По мнению политика, у НАТО имелся неоспоримый аргумент для расширения – новая угроза на Балканах в лице Сербии под руководством Слободана Милошевича [10; с. 113]. Имелись и политические причины – в период холодной войны НАТО выступал гарантом безопасности и прочных отношений своих членов, поэтому принятие восточноевропейских стран в его состав привязало бы их к Западу, позволило бы с большим эффектом развивать национальную экономику и укреплять демократические общественные институты [10; с. 114]. В апреле 1993 года президенты Польши, Чехии и Венгрии обратились непосредственно к Клинтону, с просьбой принять их страны в НАТО. С этой же просьбой обращались к США руководители прибалтийских государств.

По вопросу расширения НАТО не было согласия и в рядах американской политической элиты. Министр обороны Лес Эспин, его заместитель Билл Перри считали, что расширение помешает демилитаризации российской экономики и создании свободной от ядерного оружия зоны на Украине. Большинство старших офицеров американских вооруженных сил считали, что вооруженные силы Центральной Европы, отягощенные устаревшими вооружениями и командными структурами, не могут влиться в НАТО [10; с. 120]. Поэтому было предложено дать возможным кандидатам в НАТО переходный период, в течение которого Россия свыклась бы с мыслью о продвижении возможного противника к своим границам, а вооруженные силы Чехии, Польши и Венгрии были бы модернизированы.

Нужно сказать, что для координации действий бывших врагов по холодной войне еще в 1991 году по инициативе администрации Буша был создан «Совет североатлантического сотрудничества». Однако реальные его функции были чисто психологическими – он был призван уменьшить подозрительность России в том, что ее изолируют и страхи бывших стран постсовесткого пространства. Для решения реальных проблем совет был непригоден.

Еще одной организацией, предложенной Пентагоном в 1993 году стало «Партнерство ради мира». Она должна была свести офицеров и подразделения НАТО, бывшего Варшавского договора и нейтральных стран для совместного планирования, проведения учений и миротворческих миссий. Это был компромисс, попытка смягчить последствия расширения альянса, заменить его включающей организацией, в которой могла принять участие и Россия. «Партнерство ради мира» (ПМР) практически сразу было встречено жесткой критикой как в США, так и в России. Для американских «ястребов», таких как Генри Киссинджер, ПМР представлялось опасным, поскольку могло превратить блок НАТО в «какую-то мутную многосторонность», возродить «российские имперские амбиции» [10; с. 134].

В 1994 году состоялся важный визит – Борис Ельцин посетил США и встретился с Биллом Клинтоном. Это был Саммит США - Россия, на котором были продекларированы внешнеполитические, внутриполитические и экономические цели новой России, включающие стремление сохранить свое доминирование на пространстве СНГ и желание предотвратить расширение НАТО на восток. Для усиления своих позиций, Б.Н. Ельцин настоял на особом статусе России в отношениях с НАТО. В 1995 году Россия получила особый «16+1» статус в Совете НАТО [15; с. 3]. Однако это не смягчило серьезнейшего удара – в конце 1994 года члены НАТО согласились рассмотреть план ускоренного вхождения в альянс Польши, Чехии и Венгрии.

На встрече с Госсекретарем США в Женеве 17-18 января тогдашний министр иностранных дел А.В. Козырев еще раз разъяснил позицию российского руководства по отношению к вопросу расширения НАТО: для России было неприемлемо появление новых разграничительных линий в Европе и перенесение на Россию логики существования старой НАТО, базировавшейся на сдерживании Советского Союза [1; с. 11]. Влиятельная американская газета «Нью-Йорк Таймс» отмечала, что основными противоречиями в американо-российских отношениях стали критика со стороны США военных действий России в Чечне и «резкий протест Б.Н. Ельцина против планирующегося расширения НАТО за счет Польши, Чехии и Венгрии» [16]. В США не прислушались к доводам российского правительства. В

марте 1996 года У. Кристофер заявил, что НАТО продолжит расширяться на восток [13].

Представители российских политических партий в Государственной Думе проявили по отношению к вопросу о расширении НАТО редкое единодушие. По мнению Г.А.Зюганова, расширение свидетельствовало о начале практической реализации планов США по установлению «нового мирового порядка» - планетарного режима политической, экономической и военной диктатуры во главе с США [3; с. 63]. Председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации В.Лукин (представляющий «Яблоко») неоднократно указывал на ущерб, наносимый безопасности России возможным расширением блока [6]. Пожалуй, только лидер движения «Выбор России» Егор Гайдар считал, что нет никаких причин рассматривать усиление НАТО как угрозу интересам России и необходимо, напротив, налаживать союзнические отношения с НАТО [11; с. 103].

Лидер партии ЛДПР В.В.Жириновский также весьма эмоционально высказывался против расширения НАТО на Восток. Но кроме роста военной угрозы российским рубежам, политик указывал на экономический аспект этого процесса. По его мнению, расширение НАТО приведет к резкому сокращению сбыта российского вооружения, а новоявленные члены НАТО вынуждены будут втридорога приобретать устаревшие западные аналоги [2; с. 222].

Однако экономическая выгода членства в НАТО для стран-кандидатов была очевидна – значительная экономия государственных средств за счет сокращения военных расходов – доля новых членов даже в 2012 году не превышала 2 % их бюджета. Вторым немаловажным аспектом была быстрая модернизация армий для включения отдельных подразделений в контингент блока. В этом случае, издержки несли НАТО и США, как страна с наибольшей долей в бюджете организации. О том, что на Капитолийском холме не все были готовы к таким издержкам даже в 1999 году, говорят результаты голосования в Сенате по вопросу ратификации вступления в НАТО трех Центрально-европейских держав. Против проголосовали 12 сенаторов при 86 голосах за [12; с. 16].

Укрепила антизападные настроения в российской политической элите и ситуация в Боснии. После того как в июле 1995 года НАТО без консультаций с российской стороной нанесла серию ударов с воздуха по позициям сербов, Государственная Дума выпустила резолюцию, в которой депутаты требовали отставки министра иностранных дел А.В.Козырева, снятия эмбарго на торговлю с Сербией и Хорватией. Некоторые депутаты предложили даже вооружить сербов российским оружием.[1]Продолжение бомбардировок позиций сербов в августе было приравнено российским правительством к геноциду, однако это не повлияло на действия США и их союзников на Балканах, выявив степень слабости российских позиций на международной арене [14].

Под напором антизападных настроений Президент Б.Н. Ельцин назначил министром иностранных дел Е.М.Примакова, начинавшего службу в далекие советские времена и руководившего до этого назначения Службой внешней разведки Российской Федерации. По признанию самого политика, американская пресса называла его не иначе, как «консерватором», «аппаратчиком старой школы», «старым другом Саддама Хусейна» [7; с. 201]. Появление такой фигуры на посту руководителя внешней политики Российской Федерации говорило о попытке смены приоритетов в международной деятельности, в первую очередь в отношениях с США. Тем не менее, дипломат быстро нашел общий язык с Мадлен Олбрайт, занявшей пост Госсекретаря США. Одним из самых сложных вопросов все же оставался вопрос об отношениях России-НАТО, их формализации, возможных перспективах. С этим вопросом оказался связан прогресс о сокращении вооружений. Как писал Е.М.Примаков накануне саммита в Хельсинки в марте 1997 года: «Договоренность о серьезном прогрессе в сокращении вооружений, несомненно, способствовала бы согласованию целого ряда проблем отношений России с НАТО. Об этом…в открытую заявила М.Олбрайт. Так что все разоруженческие проблемы, имевшие важнейший самостоятельный характер, приобретали и иной аспект, связанный с подготовкой документа Россия – НАТО» [7; с. 276].

После нескольких консультаций, в мае 1997 года, было подписано соглашение об отношениях России и НАТО – Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. В нем определялись сферы взаимодействия, механизмы консультаций и осуществления практических действий. Важнейшей частью этого документа стало заявление о том, что «Россия и НАТО не рассматривают друг друга как противников. Общей целью России и НАТО является преодоление остатков прежней конфронтации и соперничества и укрепление взаимного доверия и сотрудничества».[2] Был создан ряд структур по взаимодействию между Россией и НАТО, в том числе Совместный постоянный совет Россия-НАТО (СПС), Совместный комитет научно-технического сотрудничества, совместная рабочая группа по наблюдению за развитием отношений между Россией и НАТО из парламентариев стран-членов Альянса и нашей страны.

Однако, как верно отметил в своей статье А.В.Тихомиров, деятельность СПС не привела к выработке единой политики между Россией и НАТО [9]. В июле 1997 года руководители государств-членов НАТО и участники ПМР в Мадриде одобрили решение о приеме в Альянс Польши, Чехии и Венгрии, озвучили план вступления в недалеком будущем Литвы, Латвии и Эстонии. Еще более глубокие противоречия между Россией и НАТО вызвала политика Блока в отношении территориальной целостности Югославии.

Военная операция НАТО в Югославии, начатая без санкции ООН 24 марта 1999 г., вызвала отрицательную

---

[1] Прения по проекту резолюции «О развязывании НАТО войны на Балканах и позиции России» (9 сентября 1995 г.) // Государственная Дума: Стеногр. заседаний. Весенняя сессия. Т.20. 19 июля – 9 сентября 1995 года. М.: «Известия», 1996. С. 474.

[2] Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. 27 мая 1997 [Электронный ресурс] URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/nato_rus_act.htm (12.10.2015)

реакцию российской политической элиты. Наиболее показательным был поступок Е.М.Примакова, который в момент начала бомбардировок Сербии силами НАТО занимал пост Председателя Правительства Российской Федерации. В этом качестве он вылетел в Вашингтон на встречу с американским вице-президентом А. Гором. Во время полета Е.М.Примаков соединился по телефону с Гором и прямо спросил, гарантирует ли он, что удар по Югославии не будет осуществлен хотя бы во время пребывания главы российского правительства в США. Гор отказался дать такую гарантию, и тогда, по указанию Примакова, его самолет развернулся и взял курс на Москву [5].

Приостановилось всякое взаимодействие с НАТО, единственной сферой сотрудничества оставалась миротворческая операция в Боснии и Герцеговине. Тем не менее, после завершения военной операции, руководство НАТО согласилось допустить российских миротворцев в зону конфликта, разместив их в зонах ответственности ФРГ, Франции, США и Великобритании [9].

В 2000 году, с вступлением на пост Президента Российской Федерации В.В.Путина, выразившего готовность развивать партнерские отношения с НАТО [8], взаимодействие до некоторой степени восстановилось. Но имидж Альянса в общественном мнении россиян был серьезно испорчен всей историей российско-натовских отношений в постсоветский период. Кроме того, стереотипы холодной войны вновь стали актуальныпосле заявления Дж. Буша о намерении и дальше разрабатывать систему ПРО и размещать элементы этой системы в странах-членах НАТО.

Этой ситуации были совершенно адекватны положения Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой 28 июня 2000 года о том, что «…по целому ряду параметров нынешние политические и военные установки НАТО не совпадают с интересами безопасности Российской Федерации, а порой прямо противоречат им.

Насыщенное и конструктивное сотрудничество между Россией и НАТО возможно лишь в том случае, если оно будет строиться на основе должного учета интересов сторон и безусловного выполнения принятых на себя обязательств» [4, с. 226].

На сегодняшний день выполнение положений Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и НАТО от 27 мая 1997 года, соблюдение других двусторонних договоренностей, остается основным условием сближения России и НАТО, России и США. Однако, пытаясь установить новый мировой порядок в соответствии с собственными интересами, США перманентно используют Организацию Североатлантического договора в качестве инструмента военного давления, что является очагом раздражения и роста напряженности в американо-российских отношениях.

The article is devoted to the question of influence of NATO's transformation during the Post-Soviet era on the American-Russian relations in the 90th of the XX century. Authors consider possible ways of the block development/ They reveal positions of the Russian and American political elite on the role of NATO in the modern world order and to its relations with Russia. The authors draw the conclusion about the extremely negative influence of NATO's expansion on the development of the American-Russian relations during this period.
Keywords: *NATO, expansion to the east, American-Russian relations, foreign policy.*

Список литературы

1. Дипломатический вестник.1995. №2. Февраль. 89 с., С. 9-13.
2. Жириновский В.В. Геополитика и русский вопрос. М., 1998. 495 с.
3. Зюганов Г.А. Россия и современный мир. М., 1995. 96 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны.М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 382 с.: С. 210-232.
5. Лапский В.А. Итак, Примаков в Вашингтоне // Российская газета. – 1999. – 24 марта.
6. Лукин В.П. С тревогой и надеждой: 1994-1995. М., САМПО, 1996. 136 с.
7. Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: «Совершенно секретно», 1999. С. 201.
8. Путин не возражает против вступления России в НАТО // Коммерсантъ. – 2000 – 07 марта.
9. Тихомиров А.В. Отношения Россия-НАТО в 1991-2012 гг. / Сайт центра изучения внешней политики и безопасности. URL: http://ru.forsecurity.org/otnosheniya-rossiya-nato-v-1991-2012-gg (12.10.2015)
10. Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М.:ОАО «Издательский Дом «Городец», 2003. 528 с.
11. Шмелев Б.А. Расширение НАТО и интересы России // Россия и современный мир. 1997, №2. с. 32-48.
12. Goure, D. NATO's Last Chance Invest its Scare Resources Wisely or Accept Strategic Irrelevance. Lexington Insitute, February 2014. 119 с.
13. Hoffman, D. Russia Stands Firm on NATO Expansion / D. Hoffman // The Washington Post. – 1996 – March 23. - A 23
14. No Time for Megaphone // The Economist. – 1995. – September 16-22. - P.18; Russia, Bosnia and the West // The Economist. – 1995. – September 16-22. - P. 38.
15. Smith, J. (2008) NATO-Russian Relationship: Defining Moment or Déjà vu? Centre for Strategic and International Studies. November 2008, 16 p.
16. Whitney, G. Russia Warns Against Haste in Adding Members to NATO / G. Whitney // The New York Times. – 1995. – March 21.

Об авторах

Тарасова Ю.А. – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета, *sangria80@yandex.ru*

Лурда Р.В. – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета, *sangria80@yandex.ru*

Ясеницкий И.А. – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой правоведения и социально-экономических дисциплин Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета, *sangria80@yandex.ru*

Войнаровская Ю.В. – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета, *sangria80@yandex.ru*

УДК 94(474.2)“1914/19”

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

А.В. Тихонов

В статье рассматриваются вопросы использования труда иностранных военнопленных в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве и обслуживании железных дорог, городском хозяйстве в годы Первой мировой войны, деятельность центральных и губернских органов власти и работодателей по привлечению пленных на работы. Автор приходит к выводу, что практика привлечения пленных на работы позволила решить ряд проблем, стоящих перед российской экономикой в данный период.

Ключевые слова: *Первая мировая война, тотальная война, военнопленные, Калужская губерния, Тульская губерния.*

Первая мировая война стала настоящим испытанием для стран-участников конфликта, подчинив себе всю экономическую и политическую жизнь страны [1, с. 15-16.]. Экономическая ситуация осложнялось и тем, что из-за регулярных призывов в армию и гибели большого количества трудоспособного мужского населения возник существенныйдефицит кадров во всех отраслях экономики [2, с. 451]. Центральные и региональные власти предпринимали активные действия для того, чтобы решить проблему дефицита кадров. Одним из способов решения данной проблемы стало привлечение на работы военнопленных. В одном из циркуляров МВД в целях устранения недостатка в рабочих руках рекомендовалось отпускать для работ в частные промышленные предприятия военнопленных [3, л. 106]. Количество их, занятых в экономике России в 1917 г., составляло около 1,5 млн. человек, причем по отдельным предприятиям, отраслям и регионам относительные цифры были очень высоки [4, с.144].

В сельском хозяйстве вопросами, связанными с направлением пленных на работы, занимались губернские и уездные земские управы. Направленные на работы военнопленные получали определенную плату, не менее половины которой выдавалась им на руки, а остальная часть поступала в счет возмещения расходов на их содержание [5, с. 193-195]. Для найма пленных в промышленные предприятия обращались к фабричным инспекторам и окружным инженерам, которые направляли заявки губернатору, а последний, в свою очередь, обращался в Главное Управление Генерального Штаба [5, с. 488-490]. Однако вскоре центральные власти упростилипорядок найма пленных, и работодатели моглиобращаться по данному вопросу непосредственно в штабы военных округов [5, с. 491].

Труд военнопленных австро-венгерской, германской и османской армий в Калужской и Тульской губерниях достаточно широко использовался, особенно в сельском хозяйстве. В Тульской губернии из 18140 пленных, направленных на работы, 12270 использовались в сельском хозяйстве в уездах [6, л. 6]. В Калужском губернии в 1916-1917годах в сельском хозяйствеработало 1265 человек [7, л. 86-90] из 3495 пленных, направленных на работы [8, л.137-146].Местные землевладельцы нуждались в рабочих руках и активно боролись за возможность привлечь как можно больше пленных и на больший срок работы. Первоначально планировалось, что пленные на сельскохозяйственных работах будут находиться до зимы, после чего они будут возвращены. Данная практика в Тульской губернии встретила большое противодействие, как губернских, так и земских властей, по инициативе которых было собрано специальное совещание по данному вопросу [6, л.1-2]. Настоящая проблема нашла отклик и в среде тульского губернского дворянского собрания, руководство которого обратилось к Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексееву [6, л.45-46].В итоге было принято решение оставить пленных [6, л. 9].

Не меньший интерес к найму бывших воинов противника на работы проявляли крупные промышленные предприятия, работавшие на обеспечение армии, особенно в Тульской губернии. В основном пленных использовали как чернорабочих. На Судаковском заводе, обеспечивавшем чугуном крупные оборонные предприятия(например, Путиловский, Сормовский и Невский заводы), работало 477 пленных [9, л. 390], и руководство предприятия регулярно обращалось к губернатору по вопросу найма военнопленных [10, л. 91]. На угле- и горнопромышленном предприятии при станции Щекино Крапивенского уезда работало 50 человек [9, л. 262], 14 - на чугуноплавильном заводе братьев Барашевых и Курицына [9, л. 275] и 451 - на сахарном заводе в городе Туле. [9, л. 273].Труд военнопленных был настолько необходим работодателям, что, несмотря на все препятствия,

пленных направляли в святая святых – заводы, которые занимались выпуском военной техники и боеприпасов. Так, на постройке нового оружейного завода товарищества «Инженерное дело» работало 130 человек [11, л. 18].

Военнопленных в Калужской губернии также отправляли на работы на промышленные предприятия. Одним из крупнейших нанимателей было акционерное общество «Мальцевские заводы», на предприятиях которого работало 594пленных[8, л. 36]. Кроме того, пленных направляли на работы в товарищество мануфактур Н.Н. Коншина – 146 человек [7, л. 12-13]. На Троицко-Кондровской писчебумажной фабрике Говарда на лесных работах находился 61 пленный [7, л. 4-6], на Ханинском чугунно-плавильном литейном заводе на работах по подвозу дров, ссыпки угля, сводки леса - 71 пленный [7, л. 17], на Черепецком чугунно-плавильном заводе на подобных работах - 25 человек. На Мышегском заводе Тарусского уезда в каменном карьере находилось на работах 210 пленных [7, л. 86-90] и т.д.

Еще одной важной отраслью хозяйства, к работам на которой привлекали пленных, было содержание и строительство железных дорог. Из-за недостатка железных дорог во время войны вопрос обслуживания старых и строительства новых путей был важной оборонной задачей. Одним из крупнейших нанимателей пленных, как в Калужской, так и в Тульской губерниях, была Сызрано-Вяземская железная дорога [12]. На станциях Мятлево, Износки, Угрюмово идругих [7, л.86-90] работало 104 бывших солдата австрийской и германской армий, которые занимались ремонтом полотна [7, л .4-6]. Кроме того, на этой железной дороге возле Калуги работало еще 473 пленных в службах движения и тяги [7, л. 30]. Что касается тульского отделения Сызрано-Вяземской железной дороги, то на постройке железнодорожной линии Узловая - Венев - 1186 человек [9, л. 266], в Богородицком уезде при станции Оболенское – 88 человек [13, л. 264-265].

В Калужской губернии на Рязанско-Уральской железной дороге, недалеко от станции Спас-Деменск, на работах находилось 25 человек [7, л. 9-10], на Московско-Киевско-Воронежской железной дороге на земляных работах и работах по очистке полотна трудилось 19 пленных [7, л. 12-13, 86-90] и на Туло-Лихвинской железной дороге было 45 пленных для резки дров и шпал [7, л. 17].

В Тульской губернии на вновь строящейся Алексинскойжелезнодорожной ветке, которая должна была соединить Новый оружейный завод с Московско-Курской железной дорогой [14, л. 6], работало 520 бывших солдат противника [11, л. 18]. Местные власти критически относились к данной практике [11, л. 159], однако, пленные продолжали работать на данном объекте.

Между губерниями происходил достаточно активный обмен пленными для использования их на предприятиях. Так, находившийся в Лихвинском уезде [15] (Калужская губерния) Володинский завод С.С. Баранова обратился к Чернскому уездному воинскому начальнику (Тульская губерния) и нанял для работ11 пленных [7, л. 17]. Находим мы подобные случаи и по отношению к тульским предприятиям. Например, Тульский чугунно-плавильный завод ходатайствовал о вывозе турок в свою губернию [16, л. 396]. То же акционерное общество 10 мая 1916 года перевело 25 пленных с Судаковского завода в село Мышегу Калужской губернии для работ на каменном карьере [13, л. 56].

Пленных привлекали на работы в городском хозяйстве. В Тульской губернии пленные работали на строительстве дорог, очистке мусора во дворе, производстве земляных работ, планировании городских улиц. Причем за небольшим исключением, работники городских управ признали работу пленных удовлетворительной [17, л.114, 130,190]. В Калужской губернии труд пленных преимущественно использовался в губернском центре: они работали в Хлюстинской больнице, на постройке дома, в столярной мастерской при городской пожарной команде и скотобойне, пекли хлеб и булки в пекарне, убирали двор, рубили дрова и т.д. [18, л. 73-74]. В уездных городах труд пленных использовался в меньшем масштабе. В распоряжении Жиздринской городской управы было 10 человек [7, л. 20-21]. В Козельске 3 пленных работали на хозяйственных работах в учительской семинарии и больнице [7, л. 15-16].

При распределении на работы учитывались профессия и специализация пленного, особенно в тех отраслях, где существовал дефицит рабочих рук. Среди военнопленных и интернированных турок были торговцев 6 человек, подрядчиков - 4 человека, пекарей – 13 человек,поваров – 2 человека, слесарей – 2 человека, плотников – 1 человек, парикмахеров – 1 человек, часовых мастеров – 1 человек [16, л. 21]. На втором этапе пребывания пленных германской и австрийской армий в Калуге среди них больше всего было хлебопашцев и землевладельцев – 70 человек; 8 столяров; 6 слесарей; кузнецов и чернорабочих – 5;4 торговца; пекарей, плотников, маляров, конторщиков и стекольщиков -3; художников, кондукторов, шорников, шоферов, садовников, писцов и маляров – 2; по 1 - токарь, техник, литограф, кучер, повар, кондитер, ювелир, приказчик, музыкант, фотограф, парикмахер [23, Л. 106-108].

Власти следили за тем, чтобы работодатели не использовали пленных в личных нуждах и, если подобные случаи встречались, пленных отзывалина более важные работы [19,л. 1]. В Калужской губернии были отобраны у нанимателей и направлены на сельскохозяйственные работы в Боровске – 4 человека [19, л. 17], и 1 пленного отозвали из Козельского уезда у работодателя Шавыкина [19, л. 16]. В остальных уездах подобные нарушения не встречались [19, л. 5-10,21, 22, 25]. В Епифанском уезде Тульской губернии проживал военнопленный австрийской армии, который занимался парикмахерским делом и по вечерам гулял с дамами по городу [11, л. 7]. Узнав про подобный случай нарушения в условиях содержания пленных, бывшего солдата австрийской армии перевели на сельскохозяйственные работы [11,л. 7].

Однако, несмотря на всю строгость по отношению к пленным, местные власти пристально следили, чтобы

и работодатели не нарушали их права. Так, при посещении имения наследников Овечкина выяснилось, что пленные содержатся в невыносимых условиях. Люди имели истощенный наружный вид и были плохо одеты. Рабочий день у них продолжался с 4 часов утра до 9 часов вечера, при этом они подвергались неоднократным побоям нагайками со стороны полицейского урядника и администрации имения, и вообще наблюдалось бесчеловечное отношение к ним. Согласно распоряжению губернатора, пленные были сняты с работ в данном имении [20, л. 12-12об.].

Военные власти следили и за тем, чтобы пленные не слишком сближались с работодателями, а последние не допускали каких-либо поблажек. Так, в одном из писем Тульскому губернатору из Штаба Московского военного округа сообщалось, что военнопленные, находящиеся на работах у землевладельцев графов Бобринских, пользуются особым благорасположением со стороны администрации. В виду этого, военные власти требовали от губернских чиновников объявить всем работодателям о нежелательности подобных отношений, и обо всех случаях каких-либо поблажек пленным докладывать в Штаб [21, л. 108].

Однако не всегда отношения между работодателями и пленными были безоблачными. Главным средством борьбы пленных в подобных условиях становился отказ от работ. В феврале 1917 года 45 пленных австрийской армии отказались выйти на работы из-за того, что при расчете двухнедельной заработной платы им вместо2 рублей был выдан всего 1 рубль. Конфликт не получил развития, так как Калужский губернатор принял решение выдавать по 4 рубля каждому пленному, и производить вычеты из данной [18, л. 54] суммы по своему усмотрению запрещалось [19, л. 68].

В Тульской губернии также имели место случаи, когда пленные не выходили на работу по достаточно веским причинам. 10 сентября 1916 годанаходящиеся на работах в городе Туле на постройке Алексинской ветки пленные не вышли на работу, во-первых, потому что почва была испорчена проливным дождем, и поэтому работать было невозможно. А во-вторых, даже после того, как почва обсохла, 160 человек не смогли трудитьсяиз-за рваной одежды и обуви [22, л.21].

Однако, не всегда местные власти старались решить проблемы пленных мирным путем. Тот, кто отказывался или самовольно уходил от сельскохозяйственных работ, подвергался простому аресту до 1 месяца, строгому - до 20 суток и усиленному – до 8 суток [18, л. 84]. Кроме того, за бегство с работ пленных могли арестовать на срок до 3 месяцев или оштрафованы на сумму до 3 тысяч рублей [18, л. 13].

На основе архивных документов мы можем сделать вывод, что в Калужской и Тульской губерниях активно использовался труд военнопленных стран Четверного союза. Их нанимали на сельскохозяйственные работы, работы по добыче полезных ископаемых, постройке, ремонту и обслуживанию железных дорог, в качестве чернорабочих на промышленные предприятия и в городское хозяйство. Политика распределения пленных на работы существенно облегчила положение, связанное с нехваткой рабочих рук, и, тем самым, позволяла поддерживать российскую экономику и обеспечивать фронт и тыл жизненно необходимыми товарами. И чем дольше продолжалась война, тем больше пленных было необходимо предприятиям.Местные власти строго следили за использованием пленных на работах. И в случаях, если нарушения документально подтверждались, пленные снимались с работ. Подобноеположениепродолжалосьнапротяжениивсейвойны.

The article discusses the problems of foreign prisoners of war labor service in agriculture, industry, railway construction and its maintenance, urban economy during the First World War. The questions about employers', central and provincial government activity oriented to engaging prisoners to work are also considered in this article. The author concludes that such a practice of engaging prisoners to work helped to solve a number of problems facing Russian economy in this period.
Keywords: *The First World War, Total War, prisoners of war, Kaluga Province, Tula Province.*

Список литературы

1. Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления историческому анализу структур эпохи 1861—1945 //Опыт мировых войн в истории России. Сб. статей. – Челябинск, 2007.- С. 12-27.
2. Сидоров, А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны.- М., 1973. 662 с.
3. ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 1510.
4. Солнцева, С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143-148.
5. Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914-1915 гг. Т.2.- Пг., 1915. 846 с.
6. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40094.
7. ГАКО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 97.
8. ГАКО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 95.
9. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40076.
10. ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 736.
11. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40082.
12. Разломалин, Д.В. Сызрано–Вяземская железная дорога в конце XIX-первой четверти XX вв // http://kirmuseum.ucoz.ru/publ/9-1-0-72
13. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40080.
14. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40090.
15. Мосин, О.В., Мосин, С.А. Генеалогическое исследование двух старокалужских родов Шверевых и Барановых // http://www.librero.ru/author/genshev

16. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1185.
17. ГАТО. Ф. 90. Оп.1. Т. 46. Д.39855.
18. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245.
19. ГАКО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 93.
20. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40091.
21. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40078.
22. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 46. Д. 40081.
23. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1246

Об авторе

Тихонов А.В. – ведущий эксперт министерства образования и науки Калужской области, *tixon_88@mail.ru*

УДК 930

НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА В ФЕВРАЛЕ – МАРТЕ 1943 ГОДА

С.В. Ушкалов

В статье на основе анализа архивных документов Центрального архива Министерства обороны рассмотрено значение наступательных операций Центрального фронта зимой - весной 1943 г. автор приходит к выводу, что наступательные операции Красной армии в начале 1943 года повлияли на исход Курской битвы.
Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Красная армия, Сталинградская битва, Центральный фронт, наступательные операции, Курская дуга.*

Во второй половине 1942 года ход Второй мировой войны изменился. На всех театрах военных действий наступил перелом в пользу союзников по антигитлеровской коалиции, стало ясно, что страны оси не в состоянии победить в войне, и победа союзников дело времени. На тихоокеанском театре военных действий переломной точкой стало сражение у атолла Мидуэй, в результате которого упрочилось положение США на этом театре. В Северной Африке итогом битвы при Алам-эль-Хальфе, в августе-сентябре 1942 года, стал окончательный переход немецко-итальянских войск к обороне. Несмотря на большие потери кораблей союзных конвоев в Антлантике и Северных морях, германскому ВМФ не удалось прервать морские коммуникации союзников. Но все же основная часть немецких войск и войск их сателлитов оставалась задействованной на советско-германском фронте - в борьбе, которую все лидеры воюющих стран, как союзников, так и оси, одинаково считали решающей для конечного исхода войны.

Проведенная Красной армией стратегическая операция «Уран», которая началась 19 ноября 1942 года на Сталинградском направлении, кардинальным образом изменила весь ход боевых действий на восточном фронте.

Военная кампания 1942 года была очень тяжелой для Советского Союза, борьба велась с максимальным напряжением сил. Победа под Сталинградом стала возможной не только вследствие возросшей боевой выучки Красной армии, но и в результате роста экономического потенциала оборонной промышленности, эвакуированные на восток предприятия с каждым днем наращивали выпуск оружия, военной техники и боеприпасов.

Во время кампании зимы-весны 1942-1943 годов Красная армия, используя победу под Сталинградом, перешла в наступление на всем протяжении советско-германского фронта. С января по март Ставка ВГК, совместно с командованием фронтов, провела серию наступательных операций на всех стратегических направлениях. Это Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская, Мало-Архангельская, Севско-Дмитровская Харьковская, Ржевско-Вяземская наступательные операции. На севере советско-германского фронта в результате операций «Искра» и «Полярная звезда» прорвана блокада Ленинграда. На юге началось наступление Закавказского и Южного фронтов с целью освободить Кавказ. Советское верховное командование явно торопилось, за что его часто критикуют, причиной спешки было понимание того, что Гитлеру на Восточном фронте не хватало около 30 дивизий, и в построении немецких войск зияла брешь в 400 км. В эту брешь устремились войска Красной армии.

Решение Ставки на проведение такого количества наступательных операций указывало, что она стремилась никак не менее чем к полному разгрому в начале весны всех трех немецких групп армий и к наступлению Красной армии на широком фронте до восточных границ Прибалтики и Белоруссии, на рубеж Днепра и к Черному морю. Эти наступления прямо или косвенно вовлекали в свою орбиту войска практически всех действующих фронтов Красной армии от Балтийского до Черного моря.

Брянский, Западный и недавно образованный Центральный фронты в феврале-марте 1943 года провели наступление в направлении на Орел-Брянск-Смоленск (Малоархангельская операция (с 5 февраля по 2 марта), Севская операция (с 25 февраля по 28 марта) и Ржевско-Вяземская операция (со 2 по 31 марта)), целью этих операций был разгром 2 й танковой и 9 й полевой армий вермахта.

Наибольшего успеха добился Центральный фронт (бывший Донской) под командованием К.К. Рокоссовского, в состав которого включались 21-я армия И.М. Чистякова, 65-я армия П.И. Батова и недавно сформированные 70-я армия Г.Ф. Тарасова (сформированная на Урале на базе кадров НКВД), 16-я воздушная армия С.И.

Руденко и 2-я танковая армия Г.С. Родина.

Комментируя замыслы Ставки Верховного главнокомандования, по подготовке наступательных операций Центрального фронта, П.И. Батов говорил: «Было заманчиво срезать плацдарм (противника, авт.), ударив по основанию дуги, и уничтожить стоявшую под Орлом 2-ю танковую армию немцев. В десятых числах февраля Ставка пыталась решить задачу силами Брянского и Западного фронтов, но безуспешно. Наступление затормозилось. Теперь в это дело включался Центральный фронт. Он должен был сосредоточить свои четыре армии к 20 февраля на Курском выступе, между Брянским и Воронежским фронтами (рубеж Фатеж - Льгов), и совместно с правыми соседями ударом на Брянск окружить и уничтожить орловскую группировку врага. Спешная подготовка этого удара диктовалась не только выгодной конфигурацией линии фронта, но и обстановкой, сложившейся на юге, в районе Харькова. Немецко-фашистское командование готовило там крупное контрнаступление, рассчитывая окружить глубоко вклинившиеся в их оборону соединения Воронежского и Юго-Западного фронтов» [1, с. 279].

Первоначально операцию планировали начать 15 февраля 1943 г., так, директивой Ставки ВГК № 30043 командующему войсками Центрального фронта от 6 февраля предписывалось:

«С целью дальнейшего развития успеха Брянского и Воронежского фронтов и выхода в тыл ржевско-вяземско-брянской группировки противника Ставка Верховного Главнокомандованияприказывает:

1. К 12.02.1943 г. сосредоточить:
   а) 2-ю танковую армию - в районе Долгого;
   б) 2-й кавкорпус с тремя лыжными бригадами, двумя тп - в районе Черемисиново;
   в) 65-ю армию - в районе севернее Долгого, южнее Ливн.

Из районов сосредоточения к исходу 14.02.1943 г. 2 ТА, 65 А, 2 кк вывести на рубеж развертывания Фатеж, Курск. Остальные части 21-й и 70-й армий, по мере прибытия, сосредоточивать в районе Волово, Долгоруково, Ливны и направлять их вслед за наступающими войсками первого эшелона фронта.

2. С утра 15.02.1943 г. 2 ТА, 65 А, 16 ВД перейти в наступление в общем направлении на Севск, ст. Унеча с ближайшей задачей перерезать железную дорогу Брянск - Гомель.

Конно-стрелковую группу Крюкова развернуть на левом крыле и направить через Новгород-Северский, Стар[ый] Быхов, Могилев, где переправиться на западный берег Днепра и, обеспечив за собой переправы, выйти в район Орши.

Иметь в виду, что правее вас на Брянск будет наступать 13-я армия Брянского фронта и через Жиздру на Брянск перейдет в наступление 16-я армия Западного фронта.

3. По выходе армий фронта на линию Брянск, Гомель главный удар нанеси через Климовичи, Хисловичи на Смоленск с задачей захвата района Смоленска и отрезания путей отхода вяземско-ржевской группировки противника.

С выходом главных сил в район ст. Унеча захватить Гомель силами двух стр. дивизий и западный берег Днепра на участке Речица, Жлобин.

Одновременно с переходом в наступление ваших войск с линии Брянск, Гомель на Смоленск перейдут в наступление: Западный фронт - на Рославль и далее на Смоленск; Калининский фронт - на Витебск, Орша и частью сил на Смоленск, навстречу вашему главному удару.

4. Разграничительные линии фронта будут указаны дополнительно. Иметь в виду, что левее фронта будет наступать 60-я армия Воронежского фронта в общем направлении Льгов, Глухов, Чернигов» [2, оп. 3763, д. 103, л. 263-265].

Но из-за того, что войска не успели перебазироваться в район севернее Курска [3, с. 291], а также низкой пропускной способности железной дороги в условиях небывалых снежных заносов, привела к срыву графика подачи поездов, в результате чего было парализовано движение всех видов транспорта, войска Центрального фронта перешли в наступление на севском направлении только 25 февраля. С.И. Руденко, вспоминая события того времени, писал: «Февраль 1943 года выдался вьюжным и снежным. Станешь на расчищенной дороге и ничего не видишь вокруг из-за высоких снежных валов на ее обочинах. Лишь по этой кажущейся бесконечной белой ленте движутся вереницы автомашин. Свернуть в сторону опасно: в сугробах застревали даже танки» [4, с. 145].

Командующий 65-й армией П.И. Батов вспоминал: «Штаб армии пробивался к Ливнам, а оттуда на Молотычи, севернее Курска. Февральские метели накуролесили на дорогах. Снег выше метра. Самые мощные грузовики не могли одолеть сугробы. Глебов, Борисов, Никитин, Горбин, Липис и другие офицеры, отправившиеся на автомашинах искать дивизии, завязли в снегах. Офицеры стали на лыжи. Они проходили по 30 - 40 километров в сутки. Шли измученные, порой голодные, некоторые обморозились, но задачу выполнили. Через двое суток штаб армии располагал всеми данными о войсках, как находившихся в бою, так и следовавших походным порядком из резерва фронта. Дивизии на передовой терпели большую нужду в боеприпасах и продовольствии. Метель, бушевавшая с начала месяца, остановила наземный транспорт. Выручала авиация. Даже самолеты связи По-2 сбрасывали полкам грузы или доставляли снаряды с посадкой в районе огневых позиций артиллерии, забирая обратным рейсом раненых. Помню, мы с Липисом добрались на лыжах до позиции артиллерийского полка РВГК» [1, с. 278 - 279].

Сам К.К.Рокоссовский отрицательно относился к этой операции, в своих воспоминаниях он писал: «чтобы ее начать, надо было прежде всего сосредоточить войска, основная масса которых со своими тылами находилась в районе Сталинграда» [5, с. 194].

Количественный состав Центрального фронта представлен в табл. 1, 2.

Таблица 1

Численность личного состава ряда общевойсковых армий, стрелковых корпусов, стрелковых дивизий и стрелковых бригад Красной Армии в период наступательных операций Центрального фронта 1943 г. [6]

Соединения или объединения	Штат	Численность	Примечания и дополнения по составу
Дивизии 70-й армии	24 февраля	9000 - 11000	Диапазон сил (95 - 117 %)
37-я гв. СД 65-й армии (24 февраля)	10670	10000	94 %
69-я СД 65-й армии (24 февраля)	9435	7600	81 %
193-я СД 65-й армии (24 февраля)	9435	9000	95 %
149-я СД 65-й армии (24 февраля)	9435	6800	72 %
354-я СД 65-й армии (24 февраля)	9435	7500	79 %

Из таблицы видно, что дивизии 65-ой армии хорошо укомплектованы, для примера комплектность дивизий, участвовавших в Воронежско-Касторненской операции, составляла 5000 - 6000 человек. Возможно, такая численность обусловливается тем, что именно ей отводилась основная наступательная задача, согласно боевому распоряжению № 008/а, 25.02.43 г. 65-я армия переходит в наступление с рубежа Яковлево, Толбизеево, Зорино и в общем направлении на Комаричи и Локоть [7, оп. 1, д. 25, л. 3].

Таблица 2

Численность танков танковых армий, танковых и механизированных корпусов, танковых дивизий, отдельных танковых и механизированных бригад и отдельных танковых батальонов Красной армии в период наступательных операций Центрального и Брянского фронтов 1943 г. [6]

Соединения и подчиненность	Штат	В наличии	Состав (% к штату)
2-я ТА (18 февр.)		408	
11-й ТК (15 февр.)	202	192	95
16-й ТК (15 февр.)	202	161	80
11-я гв. ТБР (15 февр.)	53	55	>100
2-я ТА (24 февр.)		182	
11-й ТК	202	102	11 КВ, 1 Т-34, 41 Т-60, Т-70, 49 МК-II, МК-III (50)
16-й ТК (24 февр.)	202	47	33 Т-34, 14 Т-60, 70 (23)
11-я гв. ТБР (24 февр.)	53	40	25 Т.34, 15 Т-70 (75)
29-й гв. ТП (24 февр.)	21	15	15 КВ (71)
16-й ТК (28 февр.)	202	79	35 (на исходных позициях)
11-й и 16-й ТК (12 марта)	404	162	100 боеготовых (40/25)

Из табл. 2 видно, что численность 2-й танковой армии также соответствует штатному составу, так как армия сформирована в январе 1943 года и 15 февраля поступила в распоряжение Центрального фронта, по ходу наступательной операции видно, как уменьшается количество танков.

Наступление Центрального фронта шло довольно тяжело. Так, уже 3 марта, через несколько дней с начала операции, командующий 65-й армией обвинял некоторые воинские подразделения армии в том, что с началом боевых действий армии в составе Центрального фронта во всех соединениях ослаблено внимание командиров к максимальному использованию артиллерийско-минометного огня. В большинстве СД используется не более 50 % дивизионов и половина артиллерии, а 1 артиллерийская дивизия, приданная армии за десять дней боевых действий, участи е в боях не принимала.

Большинство командиров артиллеристов, особенно 1 АД, оправдывают это положение общими трудностями, сложившимися для армии: отсутствием наезженных дорог, отсутствием горючего и отсутствием подвоза боеприпасов.

В действительности значит, что командиры, ссылаясь на эти трудности, бездействуют, никаких мер для преодоления трудностей не принимают. Только этим объясняется отсиживание в течение нескольких дней 498 гаубичный артполк (далее ГАП), 561, 1189 и 1166 пушечные артполки (далее ПАП) в Ливнах и Елец. Командиры, по-настоящему выполняющие боевой приказ, несмотря на все трудности, вывели все свои артчасти в боевые порядки пехоты и всей мощью своего огня поддерживают пехоту. Примером этого служит начальник артиллерии 37 гв. СД подполковник Вишневский и особенно командир 143 АМП подполковник Олейник, который, организовав все наличие людской силы и средства тяги и потребовав от них полного напряжения, одновременно ввел в бой свой полк [7, оп. 1, д. 25, л. 12].

Конечно, трудности были и с поставками вооружения и в недостаточности живой силы. Приведем описание боевых действий 194 стрелковой дивизии совместно с 16 танковым корпусом с 6.00 9 марта 1943 г., в котором говорится об этом:

«9.3.43 г. Дивизия (далеко не полной укомплектованности), форсировав р. Усожа, прорвала оборону противника между Литиж СС (так в документе) и Красный Колосок, овладев Литиж.

Бой за населенный пункт Литиж СС носил весьма ожесточенный характер, отдельные дома и постройки являлись по несколько часов пулеметными очагами противника, даже на занятой нами (территории, авт.) населенного пункта, что очень сковывало действия наших войск.

Борьбу с танками, пулеметными точками вели главным образом орудия ПТО, расстреливая их прямой наводкой. Дельнейшее продвижение наших частей было остановлено пулеметно-артиллерийским огнем противника. На рубеже восточнее и северо-восточнее окраины Литиж СС по оврагу, идущему к Восточной Поляне.

Танки, прорвав оборону противника, вырвались вперед, оторвались от пехоты, тем самым позволили отсечь пехоту от них. Встретив сильную противотанковую оборону противника, потеряв на поле боя значительную часть машин, вернулась в исходное положение. Из-за недостатков снарядов и мин, артиллерия и минометы дивизии не могли оказать необходимой поддержки пехоте, понесшей в предыдущих боях большие потери как в живой силе, так и в автоматическом орудии

Острой недостаточности испытывали в подразделениях иногда при наличии пулеметов, в подразделениях ручных и станковых пулеметах.

Сосед справа 37 гв. СД, встретив сильное огневое сопротивление противника, ощущала сама недостаток даже в винтпатронах, за день боя продвинуться не смогла.

Левый сосед также не продвинулся, следовательно, повлиять положительно не мог» [оп. 1, д. 3, л. 12].

Войска, находящиеся на левом крыле фронта, продвинулись на 150 км и частями 2-го гвардейского кавалерийского корпуса к 12.03.43 г. вышли на р. Десна на участке Знобь, Очкино, Глазов, Ивот и далее на восток до Поды. Под нажимом противника части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса отошли обратно на восток. Войска Центрального фронта на правом крыле были растянуты и уперлись на западном берегу р. Десна в оборонительную линию немцев «Хаген», из-за чего это наступление захлебнулось в начале марта 1943 года, когда трем фронтам не удалось проломить мощную немецкую оборону вокруг Орла.

Массированное наступление Центрального фронта потерпело неудачу в основном по причине переброски войск в район к западу от Курска, когда в ходе военных действий на юге возникла угроза Донбассу и Харькову, и прибывшая 21-я армия была выведена в состав Воронежского фронта. Командующий армией И.М. Чистяков так вспоминает события тех дней: «Остановились в районе станции Елец и начали разгружаться. Вьюга, мороз. Дороги засыпаны. Машин у нас мало, да и те не могут пройти – все занесло снегом. В основном приходилось пользоваться подводами. Расположились войска армии в районе Ельца и Понырей. Здесь получили мы от К. К. Рокоссовского предварительную задачу: наша армия должна готовиться к наступлению на Орел.

Штаб армии стал разрабатывать план операции, но 11 марта я получил по ВЧ от командующего фронтом распоряжение повернуть армию на Курск» [9].

Основным итогом зимнего и весеннего наступлений Центрального фронта стал вывод из Ржево-Вяземского выступа 9-й армии Моделя для усиления 2-й танковой армии, что отодвинуло немцев от Москвы на 130 - 160 км. Также войскам Центрального фронта совместно с партизанами удалось блокировать железнодорожные и автомобильные коммуникации вермахта на линии Киев-Брянск, Гомель-Брянск, Льгов-Брянск, что негативно сказывалось на перемещении и снабжении немецкой группировки, противостоящей войскам Центрального и Брянского фронтов.

Стоит отметить, что ударные возможности 9-й армии немцев были сильно подорваны в результате двух советских наступлений осени 1942 и весны 1943 года на ржевско-вяземском направлении, а также в результате контрнаступления против войск Центрального фронта на севском направлении, что негативно повлияло на наступательные возможности немецкой группировки, противостоящей войскам Центрального фронта в ходе Курской битвы.

On the basis of analysis of archival documents of the Central Archive of the Ministry of Defense considered the value of the offensive operations of the Central Front in the winter - spring of 1943 the author concludes that the offensive operations of the Red Army in early 1943 have affected the outcome of the Battle of Kursk.
***Keywords**: Great Patriotic War, Second World War, the Red Army, Battle of Stalingrad, Central Front, offensive, Kursk duga.*

Список литературы

1. Батов П.И.В походах и боях. - М.: Воениздат, 1974.
2. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 148а.
3. Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т.15 (4–3). – М.: Терра, 1997.
4. Руденко С.И.Крылья Победы. - М.: Международные отношения, 1985.
5. Рокоссовский К.К.Солдатский долг. - М.: Воениздат, 1968.
6. Гланц Д. М. Советское военное чудо 1941-1943. Возрождение Красной Армии. - М.: Яуза, Эксмо, 2008.
7. ЦАМО. Ф. 1128.
8. ЦАМО. Ф. 1451.
9. Чистяков И. М. Служим Отчизне. - М.: Воениздат, 1985.

Об авторе

Ушкалов С.В. – аспирант кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного технического университета, председатель Брянского регионального представительства Изборского клуба, *tim-lyud@yandex.ru*

УДК 930 : 94(47).02

МЕСТО И РОЛЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ X - XII ВВ. В РАБОТАХ КРИСТИАНА РАФФЕНШПЕРГЕРА (КРАТКИЙ ОБЗОР)

А.В. Федосов

Статья посвящена обзору работ американского историка Кристиана Раффеншпергера, который, рассматривая место и роль Киевской Руси в Европе, выдвигает концепцию - Русь в X - XII вв. была ближе к Западной Европе, чем к Византии, объясняя это большим количеством браков Рюриковичей с представителями правящих династийевропейских стран, уровнем развития торговых отношений между ними, а также тем, что в вопросах создания национальной церкви русские князья следовали скорее европейским, чем византийским образцам.

Ключевые слова: *Древняя (Киевская) Русь, зарубежная историография, династические браки, торговля, религия и церковь.*

Надо признать, что большого интереса к истории Древней Руси в западной историографии не было никогда. Да и в самой России историки мало внимания обращали на работы зарубежных авторов. И лишь после Второй мировой войны, когда контакты между государствами стали более интенсивными, появились работы таких исследователей как Р. Пайпс, Д. Оболенский, И. Янсен, Д. Линд, Д. Фенелл, В. Дучка и другие. Однако на русский язык были переведены лишь некоторые из них.

К концу XX - начале XXI вв. начали появляться работы западных историков, в которых они излагают свои подходы к вопросу о происхождении и развитии древнерусского государства, например С. Франклин, Д. Шепард, Д. Мартин и другие.

Одним из таких историков является и доктор философии, профессор Виттенбергского университета (г. Спрингфилд, штат Огайо, США) Кристиан Раффеншпергер, предложивший пересмотреть место и роль Киевской Руси в истории Европы X - XII вв. За 2003 - 2015 гг. им написаны следующие работы: "Evpraksia Vsevolodovna between East and West" (Евпраксия Всеволодовна между востоком и западом") (2003), "Revisiting the Idea of the Byzantine Commonwealth" ("Пересматривая идею Византийского Содружества") (2004), "Rusian Economic and Marital Policy: An Initial Analysis of Correlations" ("Русская экономическая и матримониальная политика: начальный анализ связи") (2007), "Ryurik and the First Ryurikids" ("Рюрик и первые Рюриковичи") (2007), "Shared (Hi)Stories: Vladimir of Rus' and Harald Fairhair of Norway" ("Две истории: Владимир Святой и Харальд Прекрасноволосый") (2009), "Dynastic Marriage in Action: How Two Rusian Princesses Changed Scandinavia" ("Династические браки: как две русские княжны изменили Скандинавию") (2010), "Mapping History: Using Technology to Showcase Medieval Familial Interconnectivity" ("Документируя историю: использование современных технологий для выявления средневековых семейных связей") (2010), "Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146" ("Изменяя Европу: Киевская Русь в средневековом мире, 988-1146") (2012), "The Missing Rusian Women: The Case of Evpraksia Vsevolodovna" ("Пропавшие русские женщины: дело Евпраксии Всеволодовны") (2012), "The Place of Rus' in Medieval Europe" ("Место Руси в средневековой Европе") (2014), "Reimagining Europe: Discussing Rus' in a Wider Context" ("Изменяя Европу: обсуждение Руси в широком контексте") (2015) и готовящаяся к печати в 2015 г. "Ties of Kinship: Rusian Genealogy and Dynastic Marriage" ("Узы родства: генеалогия русских князей и династические браки").

Работы этого автора достойны внимания по следующим причинам. Во-первых, в отличие от других западных историков, в них предлагается новая оригинальная концепция места и роли Киевской Руси в Европе. И, во-вторых, эти работы не переведены на русский язык и не введены в научный оборот в российской исторической науке. Лишь Ф.Б. Успенский в 2012 г. опубликовал рецензию на монографию "ReimaginingEurope: DiscussingRus' inaWiderContext" [8]. В своей рецензии ученый, отмечая доступность в понимании и ясность изложения книги, замечает, что высказанные К. Раффеншпергером идеи не новы, а местами и устарели, содержат некоторые фактологические ошибки и основываются не на источниках, а на историографии, в частности, на исследовании Н. Баумгартена. Приэтомсамссылаетсяисключительнонаисториографическуюлитературу.

Основнаяидея, которуюпроводитК. Раффеншпергерчерезвсеэтиработы, заключаетсявследующем: "...the work presented here attempts to overturn the historical misperception that Rus in the tenth, eleventh, and twelfth centuries was part of a Byzantine Commonwealth, and thus separate from Europe, substituting instead a broader picture in which Rus was a functioning part of the larger medieval European community alongside its neighbors, such as Sweden, Poland, the German Empire, and Hungary. This perspective and the framework for the argument that is laid out here challenge the conventional wisdom in regard to the place of Rus in Europe with the aim of creating a wider medieval Europe and a broader historiography in which Rusian scholars can draw on European materials, and vice versa, to show the interrelationship of the various European societies, Rus included. Such a change in the scholarship would lead to a better understanding of all the parties involved and would build on the framework of a European Rus that has been created in this book" [7, p.2].

"В данной работе[1] предпринята попытка пересмотреть неверное представление о том, что Русь в X - XII вв. была частью "византийского содружества"[2] и, таким образом, не была частью Европы. Вместо этого мы предлагаем более полную картину того времени, в которой Русь является такой же составляющей частью большого европейского мира и

[1] *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012).
[2] Концепция британского историка Д. Оболенского.

сообщества, как и ее соседи - Швеция, Польша, Священная Римская империя и Венгрия, и которая бросает вызов традиционному взгляду на место Руси в Европе. Наша цель заключается в расширении понятия "средневековая Европа", а также в расширении историографической базы исследования. Такой подход позволит российским исследователям использовать материалы своих европейских коллег и наоборот, чтобы выявить взаимосвязи и взаимоотношения между различными европейскими государствами, включая Русь. Все это приведет к лучшему взаимопониманию всех вовлеченных в исследовательский процесс сторон, а также поможет развить идеи, предложенные в этой книге".

Атакже: "Rus was physically (and politically) closer to Scandinavia, Poland, the German Empire, and Hungary than it was to far- off Byzantium, from which it was separated by not only the Black Sea but also the often forbidding steppe" [7, p.53**]**.

"Русь была намного ближе (в том числе политически) к Скандинавии, Польше, Священной Римской империи и Венгрии, чем к далекой Византии, от которой ее отделяло не только Черное море, но и опасная и непреодолимая степь".

Традиционную же тенденцию увязывания истории Руси с Византией исследователь объясняет следующим образом: "Early modern Russians were interested in increasing their historical ties with Byzantium and thus padded their list of dynastic marriages with some extra Byzantine connections. The purpose of this seems to have been to increase the connection between the second Rome and the third, and consequently between the last great Orthodox empire and the next. I would go so far as to postulate that this was not an intentional fabrication of history on the part of these later historians and chroniclers, but rather grew out of their worldview, in which Russia and Byzantium were already closely linked by Orthodoxy and by ties of marriage bookended by Anna Porphyrogenita and Sophia Paleologina" [7, p.55].

"Русская элита раннего нового времени была заинтересована в усилении исторических связей с Византией и, таким образом, расширяла список династических браков между странами. Конечной целью было создание связи между вторым и третьим Римом, между последней великой православной империей и ее преемницей. Можно сказать, что это была не намеренная фальсификация истории, а выражение мировоззрения, в котором Русь и Византия уже были тесно связаны православием и династическими браками русских князей с Анной Порфирородной и Софьей Палеолог"

Обосновывая свою идею, автор выделяет три фактора, связывавших Русь и Европу в X - XII вв.: династические браки, торговля и религия. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Династические браки. По мнению К. Раффешпергера, они являются важным доказательством того, что Русь являлась частью европейского мира. В X - XII вв. из пятидесяти двух известных из источников династических браков Рюриковичей сорок пришлись на браки с представителями европейских владетельных домов [7, p.71]. Иэтотфактавторсвязываетсоскандинавскимпроисхождениемдинастии Рюриковичей: "The Riurikids were of Scandinavian descent, and many of the marriages they made were with Scandinavians. Even the marriages with the Poles can be ascribed to this theory, because the Poles were also married into Scandinavian and Germanic families. The Rusian marriages with Scandinavia may have been an attempt to stay close to their roots" [7, p.52].

"Рюриковичи были скандинавского происхождения и, поэтому, часто заключали браки с представителями скандинавских королевств. И даже браки с поляками вписываются в эту концепцию, поскольку поляки также часто вступали в браки с членами скандинавских и немецких фамилий. Династические связи русов и скандинавов также можно объяснить желанием первых не отрываться от своих корней".

При этом историк отмечает: "Had the Rusians been completely focused on the Byzantine Empire and in that orbit, they would have done anything and everything possible to advance to the top of the Byzantine martial hierarchy. This would have involved them making multiple marriages with the Byzantines to advance themselves, marrying conflicting Byzantine families to gain an advantage, and calling on the Byzantine political and military support in their own struggles. These are things the Rusians never did with Byzantine, but did do with the countries to their west... The reverse is also true - had Rus' been a firm member of the Byzantine Commonwealth, Rusian princes would have been called upon to assist in Byzantine internal struggles or in the campaigns against the Seljuk or Ottomans" [3, p.167].

"Если бы русы стремились встроиться в орбиту Византии, они бы сделали все возможное, чтобы добраться до вершин византийской матримониальной иерархии, что подразумевало бы постоянные браки с византийцами из конкурирующих семей и опору на военно-политические ресурсы Византии. Однако всего этого не было в отношениях Руси и Византии, но зато это присутствовало в отношениях с европейскими государствами... Верно и обратное. Если бы Русь была членом "византийского содружества", ее князей призывали бы на помощь для участия во внутривизантийских конфликтах, а также для походов на сельджуков и османов".

Общеизвестно, что династические браки в Средние века не только укрепляли отношения между странами, но и служили своеобразным средством проникновения культуры одной страны в другую. К. Раффеншпергерпишет: "The influence of Gyda on her husband is confirmed though by the *Pouchenie* (Instruction) of Vladimir Monomakh. This *Instruction* is an oddity in Rusian history, but was a common feature in the Anglo- Saxon tradition, its goal being to pass on a parting word and legacy to your children on how to rule and be a good Christian" [7, p.109].

"Влияние Гиды[1] на своего мужа подтверждается "Поучением детям" Владимира Мономаха. "Поучение" было чем-то новым для Руси, однако в англо-саксонской традиции такие послания считались нормой. Их целью было оставить напутствие своим детям и наследникам, рассказать, как нужно править и быть хорошим христианином".

[1] Гида, или Гита, дочь последнего англо-саксонского короля Англии Гарольда II и первая жена Владимира Мономаха, мать Мстислава Великого.

Кстати, русские княжны, выходившие замуж за европейских королей, также оказывали культурное влияние на свои новые семьи. В первую очередь это влияние проявлялось в ономастике (именослове). К наречению ребенка в Средние века относились очень серьезно, и влияние моды и личных предпочтений было практически исключено [2, p.949].

И К. Раффеншпергер указывает на четыре случая влияния русских княжон на европейскую ономастическую традицию.

1. Сын дочери Ярослава Мудрого Анны Ярославны и короля Франции Генриха I (1027-1060 гг.) получил нехарактерное для династии Капетингов имя Филипп, либо в честь крестителя Скифии, либо в честь римского императора Филиппа Араба (244-249), который был, согласно Евсевию, первым императором-христианином [1. VI. 34].

2. Дочери ее сестры, Агафьи, которая вышла замуж за англо-саксонского принца Эдуарда, получили мена Кристина и Маргарита, ранее не встречавшиеся в англо-саксонской традиции. Маргарита, став в дальнейшем королевой Шотландии, привнесла в шотландский именослов имена Александр и Давид.

3. Еще большее влияние русские княжны оказали на венгерскую традицию. Сын принца Ладислава (Ласло) и неназванной по имени Владимировны (дочери Владимира Святого) получил нетипичное для венгра имя Андрей (венг. Андраш)[1], очевидно, в честь легендарного крестителя Руси апостола Андрея.

В дальнейшем, Андрей стал королем Венгрии (1046 г.) и женился на дочери Ярослава Мудрого Анастасии. Родившиеся в этом браке дети получили имена: Соломон (венг. Шаламон), Давид и Аделаида, также ранее не встречавшиеся в венгерском именослове. Однако, в отличие от Франции, все эти имена не стали популярны в правящей Венгрией семье Арпадов. Имя Соломон вообще больше не использовалось, а носитель имени Андрей в следующий раз взошел на престол лишь примерно через сто лет.

4. Последний пример относится к Дании. В 1120-е гг. принц Дании и король ободритов Кнуд Лавард женился на дочери Мстислава Великого Ингеборге. Единственный сын, родившийся в браке, получил имя Вальдемар, которое является латинизированной формой славянского имени Владимир, возможно, одновременно в честь своего прадеда Владимира Мономаха и крестителя Руси Владимира Святого [4, pp.118-129].

Следующим фактором, связывавшим Европу и Русь, по мнению К. Раффеншпергера, была торговля, которая являлась главным фактором развития Руси "на ранних этапах" [5, p.150]. Автор отмечает, что Русь находилась на перекрестке нескольких торговых путей: первый вел от Балтики на Волгу и далее к Каспийскому морю, по этому пути в Европу поступали арабские дирхамы. Другой, наиболее известный путь, вел из Новгорода в Константинополь. И, наконец, путь, который вел из Регенсбурга через Киев в Среднюю Азию. Нельзя также не учитывать, поясняет автор, тот факт, что эти торговые пути не просто проходили по территории Руси, сами русы активно участвовали в международной торговле [5, p.150-151]. "This [trade - А.Ф.] participation included the presence of Rusian goods, merchants, and artisans in all of those areas, as well as German, Byzantine, Scandinavian, and many other foreign merchants, artisans, and goods in Rus. From this perspective it is clear that Rus was part and parcel of a larger Europe an trading world, and that the idea of the Dnieper route to Byzantium as “an economic lifeline” is incorrect" [7, p.134].

"Участие русов и Руси в торговле означало присутствие на ее территории товаров, купцов и ремесленников со всего света, включая Германию, Византию и Скандинавию. Поэтому очевидно, что Русь была частью и узловым центром огромной европейской торговой сети. С этой точки зрения идея о том, что торговый путь по Днепру в Византию был "экономической артерией" Руси, абсолютно неверна".

При этом, отмечает историк, торговля и политика Древней Руси были тесно связаны. В своей работе "RussianEconomicandMaritalPolicy: AnInitialAnalysisofCorrelation"[2] он приводит таблицу взаимосвязи между уровнем развития торговли и количеством династических браков между Русью и другими государствами и народами [5, p.153].

Государство	Количество династических браков	Уровень развития торговли
Польша	12	Высокий
Венгрия	8	Высокий
Византия	6	Высокий
Великая Степь	5	Неизвестно
Священная Римская империя	5	Высокий
Богемия	0	Высокий
Моравия	2	Неизвестно
Померания	1	Неизвестно
Швеция	3	Высокий
Норвегия	2	Низкий
Дания	2	Высокий
Англия	2	Низкий
Франция	1	Низкий
Осетия	1	Высокий
Волжская Булгария	0	Высокий

[1] По другим источникам (Загребская хроника, Житие св. Герарда), Андраш был племянником Ласло, сыном его брата Вазула.
[2] "Русская экономическая и матримониальная политика: начальный анализ связи"

Рассматривая результаты, полученные в таблице, автор указывает, что в случае Волжской Булгарии высокий уровень торговли не мог подкрепляться династическими браками из-за религиозных различий, т.к. булгары были мусульманами.

Что касается высокого уровня торговли между странами, несмотря на отсутствие династических браков с Богемией, то исследователь предполагает следующее: либо запрет на браки с русами со стороны германского императора, чьими вассалами были богемские короли; либо нежелание русов, в связи с отсутствием выгоды; либо связь с королевской династией Богемии не напрямую, а через браки с моравскими правителями, которые были вассалами Богемии. Однако впоследствии он отвергает эти объяснения, как бы оставляя простор для будущих исследований [5, p.154-159]. Также можно отметить и то, что К. Раффеншпергер никак не объясняет, почему Рюриковичи, судя по таблице, так редко вступали в браки с представителями Швеции и Дании, несмотря на происхождение русской династии (по его же мнению) и на высокий уровень развития торговли между странами.

Что касается вопроса религии на Руси, то К. Раффеншпергер считает, что вплоть до середины XI века Русь была ближе к западным странам, чем к Византии: "My position is that the Rusian Church was founded by Vladimir because of his political and marital goals... It seems clear from the chronicles that Vladimir and his son Iaroslav exercised control over the church at least prior to the arrival of Metropolitan Theopemptos, as they appointed priests and bishops themselves, occasionally against the wishes of other churchmen. This follows the model of kingdoms throughout Europe prior to the papal reform begun under Gregory VII— the ruler who founded a church had the power to place priests, including at larger churches, bishops" [7, p.172].

"Я считаю, что Русская церковь была основана князем Владимиром из политических и матримониальных соображений... Из летописей ясно, что Владимир и его сын Ярослав полностью контролировали церковь, назначая священников и епископов без согласия клира, вплоть до прибытия на Русь митрополита Феопемпта. Все это укладывается в западноевропейскую модель взаимоотношений государства и церкви, которая существовала до реформ папы Григория VII: правитель, создававший национальную церковь, имел право назначать священников и епископов".

В дальнейшем, по мнению историка, главной про-византийской фигурой на Руси был киевский митрополит, однако его престол часто пустовал, что открывало возможности для киевских князей напрямую влиять на церковную политику. Кроме того, митрополит был, как правило, греком, не знавшим разговорного восточнославянского языка и плохо знавшим церковнославянский. В результате, на деле митрополит не обладал таким серьезным влиянием, как традиционно принято считать [7, pp.172-174].

В целом же, согласно автору, главная цель политики киевских князей заключалась в сохранении собственной независимости и поддержании уникальности Русской церкви, которая, хотя и подчинялась назначаемому Византией митрополиту и принимала некоторые византийские практики и структуры, имела немало черт, роднивших ее с западноевропейскими национальными церквями (например, некоторые даты церковных праздников, святые, календарь и т.д.) [7, pp.184-185].

Завершая краткий обзор идей К. Раффеншпергера о месте и роли Руси в истории Европы X - XII вв., можно отметить, что автор предлагает довольно интересный подход к истории Древней Руси. В его работах достаточно подробно и обстоятельно рассмотрены три фактора, которые, по его мнению, являются ключевыми для отнесения Руси именно к Европе, а не к "византийскому содружеству" - это, как уже указывалось, династические браки, торговля и положение церкви, что и является достоинством работ историка.

С другой стороны, нельзя признать, что все утверждения автора являются обоснованными и аргументированными. В частности, он, как и многие другие западные и отечественные авторы, не приводит убедительных доказательств скандинавского происхождения Рюриковичей, ссылаясь в этом вопросе на многочисленную историографию, но не на источники. Источники иногда цитируются избирательно, совсем не упоминаются те из них, которые противоречат позиции автора.

Также К. Раффеншпергер лишь вскользь говорит о структуре и уровне развития государственности Киевской Руси: "KievanRusnever, ofcourse, constituteda "state" inourmodernmeaningoftheterm. Historians often describe it as loose confederation of princedoms, held together by the rule of one clan, common economic interests, to some extent language and culture, and eventually one church. This was a multi-ethnic country where Slavs and Scandinavians lived in proximity to Balts and Finnic people in the north and Iranians and others in the south" [6, p.4].

"Киевская Русь, разумеется, никогда не была государством в современном понимании этого слова. Историки часто характеризуют ее как децентрализованную конфедерацию княжеств, связанных единой династией, экономическими интересами, в некоторой степени языком и культурой и, наконец, единой церковью. Это была полиэтничная страна, в которой славяне и скандинавы жили бок о бок с балтами и финно-уграми на севере и иранцами и другими народами на юге".

Однако в других своих работах, К. Раффеншпергер применяет к Киевской Руси термин "kingdom" (т.е. "королевство"), а не "princedom" (т.е. "княжество"). Таким образом, вряд ли можно считать, что уровень развития древнерусской государственности в его работах четко определен. Возможно, будущие работы исследователя прояснят этот вопрос.

The article deals with the overview of the works of the American historian Christian Raffensperger, who researches the problem of place and role of Kievan Rus in the European history of the tenth - twelfth centuries. The main point of interest is the concept of C. Raffensperger that Kievan Rus was much more politically and economically closer to Europe then to Byzantine. This concept is

proven by C. Raffensperger by the frequency of the dynastical marriages between the Russian and European ruling houses and by the level of trade between them. He also points out that creating their own national Russian Church, Russian princes in many aspects followed the example of their European counterparts, and that Russian Church acquired some features of Western Christianity.
Keywords: *Ancient (Kievan) Rus, western historiography of Rus, dynastical marriages, trade, religion and Church.*

Список литературы

1. Евсевий Кесарийский. Церковная история [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.vehi.net/istoriya/cerkov/pamfil/cerkovist/history.html

2. Dunbabin J., 1993. "What's in a Name? Phillip, King of France" // Speculum 68, no.4. Pp. 949-968.

3. Raffensperger C., 2004. Revisiting the Idea of the Byzantine Commonwealth // Byzantinische Forschungen. Internationale Zeitschrift für Byzantinistik. Verlag Adolf M. Hakkert - Amsterdam. Pp. 159–174.

4. Raffensperger C., 2007. Rusian Influence on European Onomastic Traditions // Именослов: историческаясемантикаимени.М: Индрик. Pp. 116-134.

5. Raffensperger C., 2007. Rusian Economic and Marital Policy: An Initial Analysis of Correlations. // Festschrift in Honor of Richard Hellie inRussian History/Histoire Russe34:1–4. Pp. 149-159.

6. Raffesperger C., Ingham N.W., 2007. Rurik and the First Rurikids //The American Genealogist82:1. Pp. 1-13

7. Raffensperger C., 2012. *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World, 988–1146.*Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 329 pp.

8. Uspenskij F.[Reviewed by Fjodor B. Uspenskij]: Christian Raffensperger, Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World (= Harvard Historical Studies, 177), Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 2012, 329 pp // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. M.: 2013. Vol.1. No.2.P. 153-159.

Об авторе

Федосов А.В. – старший преподаватель факультета дополнительного образования Брянского государственного университет имени академика И.Г. Петровского, *fedosov-andrey@yandex.ru*

УДК 94(47).083

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ А.Е. ВАНДАМОМ В 1912 – 1913 ГОДАХ

А.А. Черниловский

В статье анализируются взгляды российского военного публициста А.Е. Вандама (Едрихина), изложенные в его работах 1912 – 1913 годов, в частности сделанные им прогнозы надвигавшейся в то время мировой войны, дается оценка достоверности этих прогнозов.
Ключевые слова: *Первая мировая война, прогноз, колонии, англо-германское соперничество.*

В 1914 г. Европа после долгих десятилетий относительного мира оказалась ввергнутой в мировую войну, жертвами которой стали миллионы людей. В последние годы перед Первой мировой войной многим людям была очевидна как ее неизбежность, так и главная причина – соперничество Германии и Великобритании на морях, издавались многочисленные работы, посвященные международной обстановке и перспективам надвигающейся мировой (по тогдашней терминологии, европейской) войны.

Одним из авторов таких прогнозов был русский офицер, военный разведчик, публицист, впоследствии участник Первой мировой войны и Белого движения Алексей Ефимович Вандам (Едрихин). Его перу принадлежат две изданных незадолго до мировой войны небольших публицистических брошюры: «Наше положение» (1912) и «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения в свете высшей стратегии» (1913). Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать сделанные этим российским военным публицистом прогнозы надвигающейся большой войны.

Предварительно следует дать общую характеристику политическим взглядам этого автора. Он стоял на позиции национализма, антисемитизма и великодержавного шовинизма. В своих работах он отставал идею континентальной, чуть ли не мировой гегемонии Российской Империи, которую, подобно позднейшим «евразийцам», рассматривал как наследницу империи Чингисхана: «Главнейшая задача всей государственной политики нашей заключалась в обладании богатым югом Азии, являющимся естественным дополнением бедного Севера. Со своим первобытным взглядом на жизнь и первобытным оружием татары решали эту задачу в форме господства над Китаем и Индией; – мы же как народ высшей культуры должны были решить ее иначе, а именно: закончив наше наступление через Сибирь выходом к Желтому морю, сделаться такой же морской державой на Тихом океане, как Англия на Атлантическом, и такими же покровителями Азии, как англосаксы Соединенных Штатов – Американского материка» [1; 75].

Участник англо-бурской войны на стороне буров, он считал главным препятствием к достижению этой цели Великобританию, которая своим морским могуществом преградила сухопутным белым державам, в том

числе России, путь к захватам колоний. Расстановка сил на мировой арене в начале XX в. представлялась Вандаму следующей: «В настоящее время на земном шаре существуют лишь два истинно великих народа – 160 000 000 англосаксов и 160 000 000 русских.

Первые, утвердив в разных степенях власти свое господство над всеми океанами, тремя с половиной материками и почти всеми островами, отмежевали себе едва охватываемую воображением Океанскую Империю.

Вторые, завладев полузамерзшим и обильно изрезанным песчаными мелями океаном земли, образовали огромную на карте, но уже тесную для самих себя и пугающую остальные народы темнотой своих ночей и трескучими морозами Сухопутную Российскую Империю.

Между двумя этими Империями на небольшом пространстве Западной Европы зажаты:

1) Окончательно разбитые Англией на театре борьбы за жизнь, морально подчинившиеся ей и служащие полезным орудием в руках английской стратегии – Испания и Франция.

2) Ни по своему племенному составу, ни по качествам населения, ни по дарованиям и трудоспособности правящих классов, не могущие рассчитывать на особенно великое будущее – Австрия и Италия.

3) Поздно начавшая свою жизнь Великой Державы и сразу же очутившаяся в трагическом положении – Германия.

Трагизм последней состоит в том, что при огромном приросте населения, не имея возможности кормить на одной и той же, ни на одну пядь не увеличившейся площади сначала 40 000 000 душ, потом 50 000 000 и, наконец, как в данное время, 65 000 000, она волей-неволей должна была двинуться против одной из двух Империй» [1; 175 – 176].

Английские государственные деятели в работах Вандама предстают какими-то злыми, всемогущими божествами, определяющими весь ход мировой истории. По его мнению, именно английское правительство, стремясь подчинить европейские страны, организовало Великую французскую революцию, революцию 1830 г. во Франции, революции 1848 г. и русскую революцию 1905 – 1907 гг. В качестве агентов влияния Лондона во всех странах им рассматривались масонские ложи и евреи. Свою ненависть к Англии Вандам переносил и на другую англосаксонскую державу, США.

С этой позиции российский военный публицист отрицательно оценивал даже победу в Отечественной войне 1812 года: «В одной стороне – за Тихим океаном – оторвавшаяся от государства огромнейшая творческая сила в титанической борьбе с туманами, бурями, дикарями и белыми бандитами строила эфемерную Российско-Американскую Империю, т. е. выравнивала и уплотняла почву для англосаксов Америки; в другой – на полях Италии, на высях Швейцарских гор, под Шенграбеном, Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау, Фридландом и по всему кровавому пути от Москвы до Парижа доблестнейшая из всех армий собирала камни для пьедестала английскому величию»; «Деятельно помогая Англии валить Францию, мы упустили время, когда с половиной войск, дравшихся на западе, смело могли пробить себе путь к южным морям. А свалив Францию, мы тем самым ослабили полезный нам противовес» [1; 148].

Чуть ли не все государства мира рассматривались этим российским военным публицистом как марионетки Лондона. Например, политическая ситуация на Ближнем Востоке и на Балканах в начале XX века ему виделась следующим образом: «Около ста лет поддерживавшаяся против нас Турция после войны 1877—1878 гг. была признана англичанами не способной замыкать дольше все пути, ведшие через ее территорию к Средиземному морю, а именно:

1) Через западную часть Балканского полуострова – Санджак, Новый Базар и Македонию — к Салоникам.

2) Через проливы.

3) с Кавказа через Армению к Александретте.

При увеличивающемся с каждым годом напоре со стороны Германии и России, решено было иметь на каждом из этих путей отдельного сторожа.

Ввиду этого, при размежевании отнятых у Турции земель усилены были, прежде всего, Сербия и Черногория, а лежащая за ними Греция превращена почти во второклассную державу. Этим двойным барьером загражден был первый Балканский путь.

Дав затем туркам возможность вернуть во время второй Балканской войны часть уже потерянной было ими, вместе с Адрианополем, территории, Англия «уплотнила» Турцию, сконцентрировав силы последней на меньшем пространстве, и этим увеличила оборону проливов.

Наконец, чтобы забаррикадировать третий – Кавказский путь, англичане, одновременно с объявлением в 1878 г. своего протектората над Арменией, наметили образование в Малой Азии нового государства, подготовка почвы для которого производится в настоящее время» [1; 165 – 166].

Таким образом, под его пером марионетками Англии и врагами России, преграждавшими путь к мировому господству, оказались и традиционно дружественные православные государства Балканского полуострова, и еще не существовавший в то время Израиль, будущие размеры и могущество которого Вандам, кстати, сильно преувеличивал: в другом месте он говорил, что это государство займет территорию от Средиземного до Черного и Каспийского морей.

Некоторые высказанные Вандамом мысли невольно заставляют усомниться в его психической вменяемости: так причиной русско-японской войны 1904 – 1905 гг. он считал события XVII века, времен царевны Софьи, когда Россия уступила Китаю Приамурье.

С этих идеологических позиций Вандам рассматривал англо-германское соперничество на море и надвигающуюся большую войну. Ее причиной, как видно из уже приведенной выше цитаты, он считал, с одной стороны, нехватку у Германии территории, жизненного пространства, а с другой – стремление Англии сохранить свое положение «владычицы морей». Геополитические интересы Англии он описывал следующим образом: «Сделавшись единственной обладательницей морских путей и распространив свое политическое и экономическое господство на большую часть земного шара, Англия напрягала и продолжает напрягать все усилия к тому, чтобы удержать за собою это исключительное положение, и на всякую попытку со стороны других континентальных держав выйти в море смотрела и продолжает смотреть как на посягательство на ее жизненные интересы» [1; 150].

Интересы Германии Вандам характеризовал так: «Хотя после войны 1870 г. германцы получили с Франции два миллиарда рублей, но это единовременное пособие, ушедшее большей частью на покрытие военных расходов, не сделало их ни богатыми, ни счастливыми. Уже скоро после войны недовольство, накопившегося в городах рабочего населения, начало выражаться в стачках, забастовках и покушениях на Императора Вильгельма I. <…> Главная причина всеобщего недовольства коренилась в том, что, сжатая с трех сторон такими же густо населенными государствами, Германия не могла питать свое быстро растущее население одними собственными средствами, а стало быть, нужно было искать их в четвертой стороне» [1; 150 – 151]; «Не имея возможности ни существовать средствами собственной территории, ни распространяться на переполненном людьми материке, быстро растущий германский народ изменил систему своего труда, то есть от хлебопашества перешел к фабричной и заводской деятельности, переустроил сообразно с новыми требованиями сеть внутренних сообщений, оборудовал морские побережья и, создав превосходный коммерческий флот, устремился для добывания дополнительных средств к жизни за море. Иными словами, сделавшись морской державой, Германия до дерзости смело выступила против могущественной и не терпящей никаких посягательств на ее жизненные интересы Океанской Империи и этим положила начало целому урагану событий» [1; 160].

В полном соответствии со своими англофобскими взглядами Вандам рассматривал Германию как естественную союзницу России, а Великобританию как ложного и опасного союзника, считал необходимой прогерманскую ориентацию российской внешней политики: «При первом же ощущении тесноты, по всей еще стоявшей у сохи Германии покатился глухой стихийный гул «Drang nach Osten», то есть «пойдем искать земли на восток».

Но этот долженствовавший служить нам большим предостережением гул оказался непродолжительным. Лучшие германские умы скоро поняли всю невозможность распространения за счет почти столь же густо населенной России и нашли иной выход из положения.

Поощряемый свыше, германский народ, вместе с возведением фабрик и заводов, переустройством путей, оборудованием морских побережий и созданием торгового и военного флотов, начал мобилизоваться для жизненного похода в совершенно противоположную от нас сторону – против Океанской Империи.

С этого времени, т. е. еще до знаменитых слов Императора Вильгельма: «Unsere Zukunft liegt an der See» («Будущее Германии на морях» – А.Ч.), являющихся с точки зрения Высшей Стратегии приказом для начала походного движения nach Westen, Германия перестала быть нашим соперником на театре борьбы за существование и превращалась в естественного союзника» [1; 176 – 177]; «Мне кажется, что пора бы задыхающимся в своем концентрационном лагере белым народам понять, что единственно разумным balance of power in Europe (балансом сил в Европе – А.Ч.) была бы коалиция сухопутных держав против утонченного, но более опасного, чем наполеоновский, деспотизма Англии и что жестоко высмеивавшееся англичанами наше стремление к «теплой воде» и высмеиваемое теперь желание германцев иметь «свое место под солнышком» не заключают в себе ничего противоестественного. Во всяком же случае, присваивая себе исключительное право на пользование всеми благами мира, англичанам следует и защищать его одними собственными силами» [1; 153 – 154].

Изменение внешней политики Великобритании – от «блистательной изоляции» и противостояния с Россией на всем пространстве Азии к созданию Антанты – Вандам комментировал следующим образом: «Англичане <…> почти наглухо забаррикадировали весь государственный фронт наш от устья Дуная до устья Амура. Недавний крутой поворот их от открытой вражды к внешнему дружелюбию совершился под давлением весьма серьезных перемен в стратегических условиях на континенте Европы, происшедших в последние годы. Перемены эти перечислены были фельдмаршалом графом Робертсом в одной из его речей в Палате Лордов в следующем порядке: «Быстрое возрастание в числе и боевых качествах иностранных флотов, что представляет не существовавшую раньше угрозу совместных действий их против Англии. Огромный рост коммерческого тоннажа германских кораблей, в особенности тоннажа и перевозной способности новейших типов пассажирских пароходов, дающих возможность совершать большие заморские экспедиции с меньшим количеством транспортов и большей легкостью. Здоровый рост сил Германии и ее союзников на суше и на море. Неподвижное состояние населения и военных сил Франции. Искусная работа германской дипломатии по привлечению на свою сторону мелких государств Западной Европы и, наконец, – самое главное – успешное стремление Германии к преобладанию на европейском континенте»» [1; 158 – 159].

Вандам вполне резонно прогнозировал (в англофобских терминах), что *поводом* к мировой войне станет балканская проблема: «При таких условиях рассчитывать на чистосердечное желание английской дипломатии привести нынешние Балканские события к мирному разрешению трудно. Наоборот, надо думать, что, пользуясь огромным влиянием на Балканах и в известных сферах Австрии, она будет стремиться к тому, чтобы сделать из этих событий завязку общеевропейской войны, которая, еще больше чем в начале прошлого столетия опустошив

и обессилив континент, явилась бы выгодной для одной только Англии» [1; 153].

В те годы, под впечатлением русско-японской войны, начавшейся внезапным нападением японского флота на Порт-Артур, многие ошибочно полагали, что будущая европейская война также начнется внезапным нападением английского флота на германские военно-морские базы. Не избежал подобного ошибочного прогноза Вандам. В 1912 г. он писал: «В апреле нынешнего года у одного из моих друзей я встретился с немолодым уже, серьезным и весьма осведомленным господином, только что вернувшимся из-за границы, от которого услышал следующее: «Могу сказать вам как безусловную истину, что во второй половине октября Англия нападет на Германию и к концу декабря уничтожит германский флот». На вопрос, отчего именно в октябре, мой собеседник ответил: «потому что до этого времени необходимо наладить дела на Балканах».

Этот разговор я привожу здесь, не придавая ему серьезного значения, – ибо, раздадутся ли первые английские выстрелы в ночь на 8/21 октября, т. е. в годовщину положившего начало мировому господству Англии Трафальгарского боя, или одним – двумя месяцами позже, все равно результат будет один и тот же» [1; 152 – 153]. Как видно из приведенной цитаты, Вандам не только ошибочно прогнозировал картину начала мировой войны, но и ожидал ее начала почти на два года раньше, чем оно произошло в реальности.

Ход морской войны между Англией и Германией Вандам описывал следующим образом: «За последние годы военное искусство обогатилось двумя совершенно новыми орудиями борьбы – подводной лодкой и воздушным кораблем. <…>

Англия с поразительной быстротой оставила позади себя все континентальные державы численностью и устройством своего миноносного флота. Вместе с тем, изобретательный и неутомимый «Британский гарнизон», не теряя времени, пересоздал весь план активной обороны своей «крепости» против угрожающей ей с востока Германии.

Тот самый плацдарм – Северное море, на котором, блокадой побережья, бомбардировкой портов и классическими, борт-о-борт, боями эскадр прикончена была Голландия, признан теперь англичанами тесным для их нынешнего океанского флота и пригодным, особенно в начале войны, для действий лишь миноносных флотилий. В этих видах в Англии в настоящее время производится целый ряд весьма интересных работ.

Чтобы не прекращать с открытием войны торговой деятельности лежащих на Северном море городов, подвозные и вывозные пути их откидываются на западную сторону острова к портам Атлантического океана. <…> Все побережье связывается станциями беспроволочного телеграфа, которым снабжаются не только подводные лодки, но и гидроаэропланы.

Если, кроме всего этого, мы примем во внимание, что часто практикуемая мобилизация английского флота налажена так, что к маневрам нынешнего года она прошла почти автоматически, то перед нами сама собою вырисуется картина стратегического развертывания морских сил Англии и начала военных действий на Северном море.

Чуть ли не простым нажатием в должный момент кнопки океанский флот будет двинут на фланги, чтобы закупорить Ла-Манш и путь вокруг Шотландии, прервать всю морскую торговлю Германии, а в запертое, таким образом, Северное море устремлены будут тучи миноносных судов. Причем, в то время как английские подводные лодки поведут по направлению к противнику своего рода минные галереи под поверхностью моря, поднявшиеся над последним воздушные хищники, зорко всматриваясь в глубину моря, будут стараться захватить и уничтожить германских «минеров» специально изготовляемыми для этого 300-фунтовыми пироксилиновыми бомбами. <…>

Короче говоря, первой задачей Англии будет нанесение своему противнику страшного экономического удара и истребление его миноносных флотилий. При подавляющем превосходстве англичан в числе миноносных судов и инициативе действий, они, несомненно, достигнут этой цели, а удачное выполнение первой задачи предрешит такой же результат и долженствующего последовать затем столкновения неравных по силе океанских флотов» [1; 169 – 170].

Вместе с тем Вандам, как и многие публицисты того времени, многократно подчеркивал в своих работах, что надвигающаяся война ни в коем случае не может свестись к единоборству Англии и Германии. Приведем некоторые его высказывания на этот счет: «Так как для серьезного обессиления первоклассной европейской державы одной морской победы над нею совершенно недостаточно, а необходимо глубокое поражение ее на суше, то сама Англия начнет войну лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию и Францию» [1; 153]; «Как бы обдуманна и тщательна ни была подготовка англичан к войне на Северном море, как ни велики были бы шансы их на успешный исход этой войны, – они не могут вступить в единоборство с германцами. <…>

При малочисленности своей армии, они не в состоянии были бы, после морской победы, высадиться на материк и довершить поражение вооруженного народа на его собственной территории. Стало быть, в смысле разрушения жизненного вопроса результаты подобной не до конца продуманной операции оказались бы близкими к нулю.

Но в этом было бы еще полбеды. Главная же беда заключалась бы в том, что сама морская победа досталась бы англичанам нескоро и недешево. Прежде чем быть выброшенными на сушу, долго и основательно готовившиеся к войне германцы нанесли бы своему противнику такие жестокие потери, что со своим искалеченным флотом Англия могла бы опуститься на уровень, а может быть и ниже уровня некоторых европейских держав, сохранивших свои флоты целыми и невредимыми. А тогда в каком беззащитном положении очутилась бы Океанская Империя перед остальными континентальными народами» [1; 171].

Выше мы уже говорили, что все революции в мире, от Великой французской революции конца XVIII в. до русской революции 1905 – 1907 гг., Вандам объяснял не объективными социально-экономическими, политическими и идеологическими причинами, а происками Англии. Буквально все события в мире накануне Первой

мировой войны – и отделение Норвегии от Швеции, и итало-турецкую войну в Ливии в 1911 – 1912 гг. – он также оценивал как звенья гигантского плана Лондона по стратегическому окружению Германии.

Ход будущей войны Вандам прогнозировал следующим образом: «Германия и ее союзники занимают на материке центральную позицию с хорошо разработанными выходами в Северное и Средиземное моря.

Против этой группы имеют быть направлены:

I.Боевая линия

На морях:

1) наСеверном– английский флот, отборная часть русского флота и отборная часть французских миноносных флотилий.

Задача– запереть Северное море, прервать морскую торговлю Германии и разрушить морские силы этой державы.

2) наСредиземном– усиленная судами береговой обороны местная английская эскадра; весь французский флот, за выделением из него отборной части миноносных флотилий, имеющих действовать с английским флотом в Северном море; флоты Испании и Греции.

Задача– разрушить морские силы Италии и Австрии, блокировать неприятельские порты и обеспечить свободу плавания торговым английским судам по Средиземному морю и Суэцкому каналу.

3) наБалтийском– остальные морские силы России.

Задача– облегчить действия англичан на Северном море, оттянув на себя часть германских сил в Балтийское.

На суше:

а) сЗапада– французская армия; десантная в 250 000 человек армия англичан и 2 – 3 корпуса испанцев.

Задача– расположась по линии чрезвычайно сильных пограничных крепостей, удерживать противника от вторжения его во Францию и перейти в наступление лишь с началом решительных операций со стороны России.

б) сВостока– русская армия.

Задача– наступательные действия против германской и австрийской армий.

II. Резерв

Все ближайшие к театру военных действий и не включенные в боевую линию народы имеют составить резерв для регулирования событий, особенно в конце войны, при новом размежевании Европы» [1; 172 – 174].

Как нетрудно заметить, этот прогноз оказался совершенно неадекватен той реальности, в которой развернулась Первая мировая война: Италия, которую Вандам относил к союзникам Германии, участвовала в мировой войне на стороне Антанты, «зачисленная» Вандамом в Антанту Испания осталась нейтральной, французский план в начале мировой войны предполагал наступление (во французском уставе 1913 г. говорилось, что французская армия не признает другого образа действий, кроме наступательного [2; 214]), никакой «отборной части русского флота» в Северном море не было, да и вообще трудно понять, как Вандам представлял себе ее переброску туда.

Вандам был одним из очень немногих публицистов того времени, кто еще до начала Первой мировой войны пытался прогнозировать ее последствия. Этот прогноз также оказался совершенно неадекватным реальности. Прежде всего, Вандам ошибочно полагал, что русские войска нанесут поражение германской армии: «Принимая в расчет превосходные качества наших войск, свежий боевой опыт и усиленную работу их в настоящее время, можно не сомневаться в том, что, пролив реки чужой и собственной крови, мы одержим, в конце концов, такую же решительную победу на суше, как Англия на море» [1; 180].

Кроме того, этот публицист совершенно не предвидел такие последствия мировой войны как распад Австро-Венгерской империи и образование Югославии: «Франция получит Эльзас и Лотарингию и доведена будет до столь желательных ей «естественных границ», а Бельгия, Голландия и Дания с одной стороны, и Италия, Сербия и Черногория, с другой, будут наращены таким образом, чтобы Германия и Австрия оказались если не отрезаны, то возможно, более стеснены – первая на Северном, а вторая на Адриатическом море» [1; 181]. Помимо ошибочности прогнозирования, Вандам здесь явно впал в противоречие с собой – Италия, «записанная» им в союзники Германии, оказалась вознагражденной по результатам победы над последней.

Однако один из прогнозов, сделанных Вандамом, представляет безусловный интерес. Выше мы сказали, что он прогнозировал победу Российской Империи над Германией, из чего сделал следующий вывод: «Так как с ослаблением Германии единственною сильной державой на всем континенте останется Россия <…> английские Стратеги с такою же спокойной совестью начнут устанавливать balance of power против России, с какой устанавливали они его против Испании, Франции и Германии. Или, выражаясь проще, приступят к образованию против нас коалиции, с целью постепенного оттеснения нас не только от Балтийского и Черного морей, но со стороны Кавказа и <…> Китая.

Об этой «титанической борьбе между русскими и англосаксами, долженствующей начаться после падения Германии и наполнить собою двадцатое столетие», уже много лет назад <…> начали вещать англосаксонскому миру даровитейшие ученые и глубочайшие мыслители, указывающие как на «знамение свыше», на постепенное перемещение ЦЕНТРА БОРЬБЫ между Океанской Империей и Континентом. Находившийся сначала на берегу Атлантического океана, в Мадриде, центр этот, с падением Испании, передвинулся в Париж. С поражением Франции он из Парижа перешел в Берлин, а из Берлина, по мнению наших сегодняшних друзей, направится к Москве (так в оригинале – к Москве, а не к Петербургу – А.Ч.)» [1; 182 – 183]. Как нетрудно заметить, этот прогноз адекватен последствиям не Первой, а Второй мировой войны.

Подводя итог, можно сказать, что сделанные Вандамом прогнозы хода и последствий Первой мировой войны большей частью оказались неадекватными.

The article analyzes the views of Russian military journalist A. E. Vandamme (Edrikhin) described in his works, 1912 – 1913, in particular his predictions of imminent at the time of world war I, assesses the reliability of these forecasts.
Keywords: *the First World War, the prediction of the colony, the Anglo-German rivalry.*

Список литературы

1. Вандам, А.Е. Геополитика и геостратегия / Е.А. Вандам.–М.: Кучково поле, 2002. – 269 с.
2. Строков, А.А. История военного искусства / А.А. Строков. – М.: Воениздат, 1967. – 711 с.

Об авторе

Черниловский А.А. – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Карачевского филиала Приокского государственного университета

УДК 94

ФРАНЦУЗСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В СИСТЕМЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ДВОРОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVII ВВ.

М.И. Шикуло

В статье исследуется проблема титулатуры французских дипломатов во второй половине XVI – XVII вв. Титул (или обращение) – один из важнейших элементов жизнедеятельности общества престижного потребления – рассматривается как потестарный символ, служащий одним из механизмов выстраивания дипломатической иерархии, а также утверждения престижного статуса европейских государей и государств. В статье затрагиваются два основных аспекта: как трансформировалась система обращений к французским дипломатам в изучаемый период и какую роль титулатура дипломатов играла в соперничестве европейских монархов за статус.
Ключевые слова: *титул,посол, дипломатия, церемониал, Франция, придворное общество, символ, иерархия.*

Для изучения придворного общества раннего Нового времени, которое Н. Элиас определил как общество престижного потребления [1], большое значение имеет проблема титулатуры, т.е. совокупности титулов, которыми обладал тот или иной член этого общества и за которые велась конкурентная борьба. Как писал тот же Элиас, от современного буржуазного социума, в котором решающую роль приобретает материальный достаток, общество престижного потребления отличает зависимость его членов от статуса или престижа, выраженного не в денежном эквиваленте, но основанного на других ценностях [1, с. 87, 94]. В качестве одной из них можно назвать стремление занять свое статусное место в системе придворных связей, в результате чего выстраивается определенная иерархия общества.

Если обратиться к области международных (или для этого времени точнее межгосударственных) отношений и допустить, что ключевые игроки, т.е. государи вместе со своими министрами и дипломатами, формируют некий условный «общеевропейский двор» и составляют тоже своего рода придворное общество, иерархичность этого общества предстает еще более выпукло. Крупный специалист по истории международных отношений XVI – XVIII вв. Л. Бели отмечал, что международная политика того времени определялась именно личными взаимоотношениями царственных особ [2], которые все в той или иной степени были связаны между собой родственными узами и составляли фактически одну общеевропейскую семью. При этом монархи вступали друг с другом в диалог (дипломатический или военный), не только отстаивая государственный интерес (raison d'Etat, который формируется как идея в XVII в.), будь то территориальные приобретения или попытки добиться политической гегемонии, но и вели дискуссии на уровне символического языка, используя символ как один из механизмов утверждения своего престижного статуса. Подобный способ коммуникации был характерен для раннего Нового времени и стал отражением особого, символического образа мышления эпохи.

Одним из важнейших элементов жизнедеятельности общества престижного потребления, поделенного на различные категории в зависимости от происхождения человека, его положения при дворе, общества явно стратифицированного, является титул (предикат), или попросту говоря *обращение* [в дальнейшем слово *титул* (titre) будет использоваться именно в значении «обращение» (prédicat)]. Обращение в прямом смысле этого слова, т.е. то, каким образом люди обращаются друг к другу. Не менее, если не более существенна роль обращения для дипломатов, которые выступают не просто как частные лица, но как представители своего государя, выразители его интересов и, что уже во многом справедливо для того времени, интересов государства. В деле утверждения престижного статуса государя и государства, выстраивания межгосударственной иерархии место проблемы титулатуры дипломатов трудно переоценить. Постановка и изучение этой проблемы открывает путь к пониманию некоторых коммуникативных механизмов, применявшихся правителями и дипломатами, и роли этих механизмов в межгосударственном диалоге.

Франция в XVII столетии, в большей степени уже во второй половине века, в царствование Людовика XIV,

становится фактически самым могущественным государством Европы. Путь на вершину был отнюдь не простым. Бессчетное множество работ написано о войнах, которые вел Ришелье, а затем Людовик XIV, чтобы привести королевство к политическому лидерству на европейском континенте, об усилиях Кольбера по созданию заморских торговых компаний для достижения экономического благосостояния и превосходства. Но этим не ограничивался набор средств. Французская дипломатия в это время становится примером для подражания, образцом мастерского владения искусством вести переговоры. Дипломатия и сегодня тесно связана с церемониалом, соблюдением протокола, подчинением определенной иерархии. Дипломатии периода раннего Нового времени это свойственно вдвойне. И в контексте борьбы государей за статус, не только в политическом, но и в символическом смысле, наука о ведении переговоров становится незаменимым оружием.

В последнее время историки все больше внимания уделяют изучению символического языка власти, того, как посредством символов происходило утверждение статуса, осуществлялась демонстрация могущества. Среди прочих работ, посвященных этой теме, стоит отметить книгу британского историка и культуролога Питера Берка «Создание образа Людовика XIV» (на французский язык книга была переведена под названием «Людовик XIV: стратегия славы») [3], где автор показывает, как через символы конструировался образ короля в общественном сознании. Однако *дипломатическая* репрезентация остается по-прежнему мало освещенной в исторической литературе. В ряде трудов она затрагивается либо по мере необходимости для изучения придворного церемониала, либо анализируются лишь отдельные ее аспекты [4]. Титул также можно рассматривать как своего рода символ, использующийся в обществах престижного потребления для выделения социальных групп, обладающих характерным для них набором признаков. До сих пор проблема титулатуры дипломатов в целом и в частности французских не становилась предметом отельного исследования. На суд читателя предлагается работа, в которой предпринята попытка определить, в чем заключалось символическое значение посольских титулов, как вписывалась проблема титулатуры послов в контекст борьбы европейских государей за престижный статус, а также понять, что, во французском понимании, представляла собой система иерархических взаимосвязей между европейскими дипломатами и какое место в ней занимали послы Франции. В связи с этим необходимо выяснить:

– какие новшества появляются в дипломатической титулатуре во второй половине XVI–XVII вв. по сравнению с предыдущим периодом;

– какое значение придавали французские короли титулам, присваиваемым их послам;

– и наконец, какую роль титулатура дипломатов играла в соперничестве европейских монархов за статус и насколько преуспели в этом символическом поединке французские короли.

Во второй половине XVI – начале XVII вв. в Европе формируется сеть постоянных дипломатических представительств. Послы выполняли функцию посредников между главами государств. По сути благодаря им и осуществлялся диалог между монархами. Но если раньше послов отправляли за рубеж лишь на короткое время с чрезвычайным поручением, теперь они стали находиться при иностранных дворах на регулярной основе, представляя интересы своего государя. При этом чрезвычайные миссии также сохранялись. Произошло, таким образом, разделение послов на ранги. Появились ординарные, выполнявшие функцию постоянных резидентов, и чрезвычайные послы, по-прежнему отправляемые за рубеж относительно ненадолго для решения наиболее важных животрепещущих вопросов. В это же время происходит довольно четкая дифференциация послов не просто по рангу, а в соответствии со статусом того государя, чьи интересы представляет посол. Дифференциация эта нашла свое выражение при помощи титулов, того или иного обращения к послу. Здесь интересно отметить, что именно в конце XVI столетия в адрес послов впервые стали применять обращение «превосходительство» (excellence). В «Записках» посольского интродуктора французского двора (в 1691 – 1709 гг.) Сенкто, крупного знатока дипломатического церемониала, находим сведения о том, что впервые по отношению к послам обращение «превосходительство» было употреблено в 1593 г., когда король Генрих IV отправил в Рим в качестве чрезвычайного посла Лудовико ди Гонзага, герцога Неверского [5, f° 27]. Сенкто обращает внимание на то, что изначально это обращение было дано Лудовико по причине его происхождения: поскольку он имел герцогский титул и был представителем знатной итальянской семьи Гонзага, возглавлявшей Мантуанское герцогство. До этого случая в отношении всех послов использовалось обращение «светлейшая милость» (seigneurie illustrissime). Однако в конце XVI в. наблюдается изменение традиционного порядка обращений между послами. Каким же образом это происходило и в чем состояла суть этого нового явления?

Изначально, еще во времена Средневековья, титул «превосходительство», как пишет Сенкто, давался при французском дворе только принцам крови и иностранным принцам. Однако постепенно этот титул стали применять и к другим знатным сеньорам, которые не являлись принцами. В результате, для того чтобы отличать более знатных по своему социальному статусу принцев крови от остальных, к принцам крови стали применять обращение «высочество» (altesse), в то время как титул «превосходительство» сохранился для обращения к тем знатным сеньорам, которые не являлись принцами [5, f° 23]. Т.е. посредством манипуляций с титулами (в данном случае «высочество» и «превосходительство») происходила дифференциация усложняющейся с течением времени социальной структуры двора. Новое обращение становится неким маркером, который отделяет более знатных сеньоров от менее знатных по своему происхождению. При этом стоит подчеркнуть, что появление нового обращения «высочество» было вызвано необходимостью выделить более родовитых придворных, принцев крови, в то время как степень значимости обращения «превосходительство», изначально применявшегося по

отношению к ним, несколько понижается, и теперь оно употребляется в отношении стоящих на следующей, более низкой ступени социальной иерархии членов придворного общества.

Как увидим далее, в случае с обращениями к дипломатам происходит подобный процесс. Статус отдельных дипломатов, изначально случайно (пример с Лудовико ди Гонзага), а затем целенаправленно в некоторой степени повышается за счет использования нового обращения к ним. Испанский чрезвычайный посол, находившийся в Риме с миссией в то время, когда туда прибыл Лудовико ди Гонзага, не пожелал мириться с тем, что посол Франции, вопреки сложившейся традиции, удостаивается более высокого обращения, чем он, посол испанского короля. В этой ситуации у посла Испании было два выхода. Он мог не согласиться с претензией Лудовико ди Гонзага на более почетное обращение и требовать соблюдения традиции. Однако испанский посол выбрал иной путь, который, как оказалось впоследствии, стал побудителем процесса дальнейшей постепенной модификации существовавшего на тот момент порядка общения между послами. Испанский посол решил использовать этот случай в своих интересах, чтобы и самому добиться права на титул «превосходительство». Его примеру последовали сначала послы Венеции и Савойи, а потом и другие послы, находившиеся в Риме. И хотя не всем послам и не сразу удалось в итоге добиться этой привилегии, начала складываться новая традиция – использование титула «превосходительство» по отношению к послам.

Установление нового порядка происходило в условиях бурных дебатов между самими послами. Все тот же испанский посол, находившийся в Риме с чрезвычайной миссией и добившийся в результате права на обращение «превосходительство», в течение некоторого времени пытался воспрепятствовать тому, чтобы этот титул распространялся на ординарных (в том числе испанских) послов. Этим он стремился обозначить более высокое положение послов, выполнявших особую, чрезвычайную миссию. Т.е. соперничество на первом этапе развернулось не только между дипломатами разных стран, но и между послами разных рангов, пусть и представлявшими интересы одного государя. Однако эта позиция испанского чрезвычайного посла не вылилась в последующую практику, и обращение «превосходительство» стало использоваться по отношению ко всем послам, чрезвычайным и ординарным, коронованных особ.

Процесс дифференциации послов посредством титула и введения в обиход нового обращения «превосходительство» происходил в контексте борьбы европейских государей за престижный статус, которая проявлялась в обмене некими символическими актами (признание старшинства, оказание почестей послам). Эта борьба стала одним из ключевых проявлений символической коммуникации монархов, которой в XVIIв. придавалось огромное значение. Европейские монархи стремились доказать свое старшинство по отношению друг к другу. При этом одни из них подкрепляли свои претензии ссылками на древнюю традицию, в то время как другие пытались найти новые способы оправдания своей позиции.

Одним из ярких проявлений этой борьбы стал спор между коронами Швеции и Франции по поводу статуса их дипломатов на предварительных переговорах по итогам Тридцатилетней войны. Об этом споре узнаем из трактата голландского дипломата Абрахама Викфора «Посол и его обязанности». Позиция Швеции заключалась в том, что ранг королей должен определяться не их могуществом, которое у одних больше, а у других меньше, но исключительно их суверенитетом, который не имеет сравнительной степени. Шведы заявили, что на этих переговорах они не собираются ни в чем уступать французским посланникам, поскольку шведская корона, хотя и менее могущественная, нежели корона Франции, обладает таким же достоинством и, следовательно, может претендовать на равное положение [6, p. 507]. Франция со своей стороны не желала признавать равенства со Швецией, ссылаясь на древнюю традицию, по которой французская корона обладала первенством. Однако Франция оказалась в довольно деликатной ситуации, т.к. Швеция была ее союзником в войне и прямой отказ шведам мог повлечь за собой осложнение отношений между странами. В итоге был найден компромиссный вариант: дабы избежать противоречий между французскими и шведскими представителями было решено проводить заседания в разных городах [6, p. 507]. Таким образом, помимо конфессиональных причин разведения переговоров в Мюнстер и Оснабрюк, определенную роль в этом сыграли и церемониально-протокольные разногласия.

Проблема старшинства европейских монархов и, соответственно, связанных с ним привилегий послов становится одним из неотъемлемых сюжетов дипломатических трактатов, начинающих появляться во второй воловине XVII в. Первым таким трактатом стала как раз книга Викфора «Посол и его обязанности», увидевшая свет в 1682 г. В качестве дополнения к работе Викфора в 1746 г. вышли «Записки о рангах и старшинстве между европейскими государями» Жана Руссе-де-Мисси [7]. «Записки» Руссе-де-Мисси стали по сути первым трудом, в котором вопрос старшинства монархов становится главной темой. Небезынтересно обратиться к этому сочинению.

Рассуждая о борьбе европейских правителей за право старшинства, Руссе-де-Мисси пишет, что среди римско-католических стран первый ранг решительно занимает Папа Римский, но не в качестве государя нескольких провинций Италии, которые формируют Папское государство, а как верховный понтифик, глава христианской церкви и наместникИисуса Христа на Земле. И в этом отношении главы светских государств (император, короли и тем более некоронованные особы, главы республик) не вправе оспаривать первенство папы, и, следовательно, их посланники также не могут соперничать в этом отношении с папскими легатами и нунциями [7, p. 8]. Однако Руссе-де-Мисси отмечает, что это преимущество пап основывается исключительно на их священническом сане, а не на «праве» (c'estuniquementparrespectpourleSacerdoceetnullementdedroit). Поэтому на практике все же возникало некоторое противоречие между папой и императором Священной Римской Империи, который по сложившейся традиции, т.е. по

«праву» располагался на верхней ступени иерархической лестницы светских правителей. Признавая папу сакральным лидером христианского мира как главу католической церкви и, отдавая в связи с этим должное папским послам (легатам и нунциям), императоры, будучи светскими монархами, не соглашались признавать первенство папы вне рамок его церковной юрисдикции. Этим объясняется, например, тот факт, что императоры, правившие после Карла V, больше не встречались с папами лично и не принимали из их рук императорскую корону.

Другие главы христианских стран признавали первенство папы без каких-либо возражений. И хотя, как замечает Руссе-де-Мисси, король Франции и протестантские государи часто боролись с папами за власть (как церковную, так и светскую) (Филипп IV – с Бонифацием VIII, Людовик XIV – с ИннокентиемXI), эта борьба касалась собственно лишь духовной юрисдикции и не имела никакого отношения к оспариванию превосходства рангов. Даже главы протестантских государств, таких как Англия, Дания, Швеция и некоторые другие, хотя и не признавали папу главой церкви, но не отрицали более привилегированного места папских нунциев перед своими послами. Первенство императора по отношению к остальным государям и его послов по отношению к другим послам (кроме папских легатов и нунциев) тоже подтверждалось всеми европейскими правителями. Они никогда не отказывали императору в соответствующем титуле – «императорское величество» и, соглашаясь со старшинством императора, признавали его право и право его послов на особые почести [7, p. 12 – 13]. Таким образом, папа римский (как глава Церкви) и император находились на вершине иерархической лестницы европейских правителей, и это по большому счету не вызывало пререканий со стороны остальных государей.

Сложнее дело обстояло с последующим распределением. И больше всего трудностей возникало при решении вопроса о месте французского и испанского королей. По этому поводу велись ожесточенные споры, порождавшие порой казусные ситуации, а иногда доходившие до реальных дипломатических конфликтов.

С конца XVI в. полемика вокруг вопроса о старшинстве французских монархов становится все более активной. Начало этой полемике положило письмо рекетмейстера (maîtredesrequêtes) и советника Генриха III Франсуа Питу от 9 февраля 1586 г. о старшинстве французских королей [8, p. 705 - 717], ставшее ответом на «Записку» некого итальянца Августина Кранато. В этой «Записке» Кранато пишет, что испанский король Филипп II под предлогом старшинства, которого он давно, но безуспешно добивается, стремится утвердить идею о том, что Испания является источником и центром христианства в Европе, а следовательно, первым христианским королевством. Ссылаясь на Салический закон, в своих рассуждениях Кранато доходит даже до того, что обосновывает эвентуальное право испанских Габсбургов на французскую корону в случае угасания дома Валуа [9]. Питу считает доводы Кранато необоснованными. Он пишет, что Испания всегда уступала первенство Франции и что Австрийский дом (т.е. Габсбурги, находящиеся на испанском троне) менее древний, чем королевский дом Франции. Также Питу утверждает, что «папы и все остальные государи всегда признавали старшинство французских королей по отношению к королям Испании… и, следовательно, это вопрос решенный» [8, p. 710 - 711].

Однако вопрос вовсе не был решен, как писал Питу, и его письмо стало лишь первым шагом на пути решения проблемы о старшинстве. В 1610 г. появится уже целый трактат члена парижского парламента Жерома Биньона «О превосходстве королей и королевства Франции» [10]. Биньон, как и Питу, говорит о том, что французские короли обладают бесспорным старшинством среди прочих государей, и отмечает, что только испанский король пытается оспорить это старшинство, в то время как другие монархи безоговорочно его признают.

Франсуа Кальер в X главе своего трактата об искусстве ведения переговоров* [11], посвященной церемониям и правилам вежливости (civilités), которые должны были соблюдать иностранные посланники, приводит в качестве примера случай, произошедший в 1647 г. в Мюнстере. Посол императора, кардинал Савелли, по прибытии в Мюнстер свой первый визит нанес испанскому послу и только после этого направился к послу Франции. В результате последний отказался его принять, так как посчитал, что кардинал пренебрег всеми правилами приличия и не оказал французской короне в лице посла тех почестей, которые надлежало оказать [11, p. 116]. Несмотря на жалобы Савелли по поводу подобного афронта со стороны французского посла, кардинал так и не был им принят, поскольку ему не «следовало забывать о том, как полагается обходиться с послом первого короля в христианском мире» [11, p. 117]. В итоге кардинал Савелли вынужден был принести свои извинения французскому послу.

Этот случай весьма показателен. В нем мы видим официальную позицию французского посла по поводу места французского короля относительно других монархов. Король Франции – первый король в христианском мире. Эта мысль красной нитью проходит через все сочинение Кальера, который сам на протяжении многих лет был послом Людовика XIV. Сюжет с Савелли, который является лишь небольшим эпизодом в череде многочисленных споров, демонстрирует, что французские послы очень рьяно отстаивали свое привилегированное положение по отношению к послам других королей и особенно испанского.

В 1674 г. вышел трактат Шарля Бюльто «О старшинстве королей Франции по отношению к королям Испании»** [12], в котором автор попытался, проанализировав все имеющиеся на тот момент тексты по вопросу

**Франсуа Кальер* (1645 – 1717) – один из наиболее видных дипломатов второй половины XVII в. Впервые он был отправлен посланником в Польшу в 1667 г. Вершиной его дипломатической карьеры стало участие в качестве одного из трех полномочных представителей Людовика XIV в подписании Рисвикского мирного договора в 1697 г. После этого он оставил дипломатическую службу и был назначен секретарем Кабинета короля. Свой главный труд «О способах ведения переговоров с государями» Кальер написал уже в 1716 г. Однако его взгляд на проблему старшинства монархов Франции и их послов представляет интерес, поскольку по сути он является отражением официальной позиции французских дипломатов второй половины XVII столетия.

***Шарль Бюльто* занимал должность главного писаря (doyendessecrétairesduRoi) при дворе Людовика XIV вплоть до своей смерти в 1710 г. В трактате «О старшинстве королей Франции по отношению к королям Испании» он собрал все имевшиеся к этому времени доказательства справедливости суждения, которое он вынес в название своего труда.

старшинства монархов, систематизировать их. К слову сказать, в этом трактате рассматривается не только франко-испанская полемика, но имеются также важные замечания по поводу взаимоотношений французов с другими странами. Так, автор, рассуждая о старшинстве императора по отношению к французскому королю, пишет, что король Франции является главой такого большого, богатого и единого королевства и правит в нем, обладая таким суверенитетом, что германский император не кажется по сравнению с ним настолько могущественным, поэтому король мог бы со всеми основаниями претендовать на старшинство перед императором, если бы он [король Франции – *М.Ш.*] не соблюдал сложившуюся традицию [12, p. 13].

Что касается взаимоотношений королей Франции и Испании и их послов, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Бюльто делит историю этих взаимоотношений, которую он начинает рассматривать с конца XIIIв., на два периода. В качестве рубежной даты он приводит 1558 г. Для первого периода было характерно то, что испанские короли безоговорочно признавали старшинство королей Франции. Эта традиция, по мнению Бюльто, уходит корнями к встрече французского короля Филиппа IV Красивого и короля Кастилии и Леона Санчо IV, которая состоялась в 1280 г. в городе Байонна, находившемся под властью короля Франции. Автор обращает внимание на то, что Санчо IV прибыл для переговоров на территорию французского короля, т.е. совершил так называемый *акт почтения* по отношению к нему, и это свидетельствует о его более низком месте в иерархии по отношению к королю Франции [12, p. 14 - 15]. Неслучайно Бюльто использует выражение «акт почтения» (action de déférence), говоря об этом визите. Впоследствии все короли Испании до середины XVIв., отмечает Бюльто, безоговорочно признавали старшинство Франции. Даже Карл V (или точнее КарлосI), еще не будучи императором, а только королем Испании, признавал первенство Франциска I, французского короля, и уступал ему почетное место. Таким образом, в отношениях между французскими и испанскими послами в этот первый период не было разногласий по вопросу о первенстве. Однако в середине XVI в. картина меняется, и, согласно схеме Бюльто, начинается новый этап франко-испанских отношений, сопровождающийся настойчивыми попытками Испании оспорить старшинство у королей Франции.

Действительно, в правление Карла V испанская и императорская короны оказались в одних руках. С этого времени фактически наступает период так называемого «золотого века» Испании. Несмотря на то, что после смерти Карла V испанские короли не становились больше во главе империи, идея о том, что они принадлежат к династии Габсбургов и являются потомками римского императора, а кроме того реальные политические успехи и усиление Испании оказали огромное влияние на дальнейшее развитие франко-испанских отношений и на взаимовидение двух монархий с точки зрения символического языка власти.

Переломным моментом, как отмечает Бюльто, стал инцидент, произошедший в 1558 г., когда испанские послы в Венеции попытались оспорить первенство у послов французского короля. Это был первый случай такого рода. Посол Карла V и Филиппа II Франсуа Варгас, прибыв в Республику Святого Марка, обратился к венецианскому Сенату с заявлением о том, что на церемонии, посвященной празднику Вознесения, он претендует сопровождать герцога (о каком герцоге идет речь, в источнике не уточняется, однако именно из-за этой фигуры возник спор между Варгасом и французским послом). В Сенате к этому заявлению отнеслись осторожно, поскольку посол Франции, епископ Лодевский, также был приглашен на эту церемонию и, следовательно, ему по праву старшинства должна была быть оказана эта почесть (сопровождать герцога). Варгас обосновывал свою претензию тем, что он представляет императора КарлаV, соответственно, согласно традиции, по рангу он стоит выше посла Франции и поэтому не уступит ему этого права. Одновременно он был и послом Филиппа II и утверждал, что могущество этого короля столь велико, что его посол не может стоять ниже посла Франции [12, p. 86 - 88]. Таким образом, Варгас не ограничился апеллированием к традиции, но решил для достижения цели использовать максимум доводов и опереться также на политические реалии. Как посол императора он отсылает венецианских сенаторов к традиции, но как посол испанского короля стремится сломать эту же традицию, ибо могущественная (с точки зрения Варгаса) Испания не желает больше уступать первенство Франции.

Так или иначе, но вставала проблема старшинства между французским послом в лице епископа Лодевского и Франсуа Варгасом, который официально мог считаться послом только Филиппа II, ибо, важно заметить, Карл Vк этому времени уже сложил с себя и императорскую корону, и корону Испании. Доводы Варгаса оказались основанными на зыбкой почве, и венецианский Сенат разрешил возникший спор следующим образом. Не будучи послом ныне царствующего императора, Варгас не мог претендовать на первенство, которым обладают послы императора по отношению к французским послам. Следовательно, как посол испанского короля он вынужден был уступить право первенства епископу Лодевскому, послу Франции, а аргумент, касающийся могущества Филиппа II, не сыграл своей роли, и главным фактором при принятии решения в пользу французского посла была отсылка к устоявшейся традиции [12, p. 89 - 90].

Вопросу иерархии послов французские короли придавали большое значение. Посол Генриха IV в Риме г-н де Брев в своем отчете о церемонии в честь Святого Игнатия Лойолы, имевшей место в 1609 г., подчеркивал, что на этой церемонии в соборе Иль-Джезу он занимал более почетное место, чем испанский посол, который в торжественном шествии должен был следовать за ним. На это Генрих IV ответил, что он очень рад такому образу действий и тому усердию, с которым г-н де Брев поддерживает статус французского короля [13, p. 130].

Порой соперничество послов Франции и Испании за старшинство едва не доходило до физической расправы. В один из воскресных дней в августе 1657 г. в Гааге на главной улице города Ланге Ворхаут встретились кареты двух послов, французского и испанского. Карета испанского посла перегородила дорогу, и экипажи

встали друг против друга. Спор разгорелся на почве все той же проблемы старшинства: пытались выяснить, кто должен удостоиться чести проехать первым. Тут же собралось множество народа, в том числе некоторые члены Генеральных Штатов, обеспокоенных тем, во что может вылиться этот инцидент. Представители Генеральных Штатов предложили решить спор путем признания равного статуса обоих послов, на что был согласен посол Испании. Однако французский посол, г-н де Ту, заявил, что речь не может идти о его равенстве с испанским послом, что не он затевал эту встречу, но, коль скоро она произошла, посол Испании должен уступить ему почетное место либо по собственной воле, либо его принудят к этому силой. Доказывая свое превосходство, де Ту отметил, что при всех дворах (в Риме, Константинополе, Венеции, Швеции, Дании и др.) послы Франции имеют старшинство по отношению к послам Испании, что, согласно приказу короля, даже рискуя своей жизнью, он обязан отстаивать это старшинство, основанное на праве и подтверждаемое многими примерами (fondée surledroit, surlapossessionetsurlesexemples). В результате испанский посол был вынужден уступить в этом споре послу Франции и пропустить его карету [14, p. 132 - 136].

Изменить традиционную систему старшинства было непросто. Все попытки испанских послов добиться старшинства или хотя бы равного положения с послами французских королей оказывались неудачными. Интересно отметить, какое важное место отводится вопросу старшинства между послами Франции и Испании в инструкциях Людовика XIV его послу в Англии графу д'Эстраду. Эти инструкции выглядят весьма категоричными. Имея в виду, что испанский посол барон де Ваттвилль будет добиваться равенства с послом Франции в вопросах этикета, король требует от д'Эстрада быть непреклонным и не поддаваться настойчивости испанца [15, p. 287].

И все же Ваттвиллю удалось в августе 1661 г. убедить графа д'Эстрада во избежание скандала отказаться от участия в церемонии торжественного въезда венецианских послов в Лондон. На этой церемонии неизбежно возник бы вопрос старшинства, на которое претендовал Ваттвилль. Однако Ваттвилль пока не решился оспаривать это право у французского посла и удовлетворился компромиссом: он предложил обоим послам не ехать на церемонию въезда. Обеспокоенный тем, что встреча послов, соперничающих за право старшинства, может вылиться в открытый конфликт и спровоцировать беспорядки, английский король Карл II поддержал предложение Ваттвилля.

Такое положение дел не могло устроить Людовика XIV, который тотчас отправил д'Эстраду выговор. Негодование французского монарха было вызвано, во-первых, тем, что английский король позволил себе столь грубо вмешаться в такой деликатный вопрос и, самое главное, согласившись с просьбой Ваттвилля, косвенно признал равенство корон Франции и Испании, о чем, с точки зрения Людовика XIV, не могло идти речи, а, во-вторых, король напомнил д'Эстраду, что французский посол должен подчиняться приказам только своего государя и не идти на поводу у других [15, p. 287].

Апогеем борьбы между д’Эстрадом и Ваттвиллем и в целом послами Франции и Испании стал знаменитый инцидент, произошедший в Лондоне 10 октября 1661 г., когда испанский посол все же решился открыто оспорить старшинство посла Людовика XIV и буквально атаковал его карету во время церемонии торжественного въезда шведского посла в английскую столицу. В результате этого нападения пострадали несколько человек из свиты д'Эстрада (в том числе были убиты кучера). Реакция французского короля на это оскорбление едва не закончилась высылкой испанского ординарного посла, графа Фуэнсальданья, из Франции и вызвала широкий резонанс во всей Европе. Испанский король ФилиппIV вынужден был через своего чрезвычайного посла, маркиза де ла Фуэнте, принести извинения королю Франции, отозвать из Лондона де Ваттвилля, а также разослать приказы своим послам и посланникам во всех странах о том, что отныне они не должны оспаривать первенство французских послов на любых публичных церемониях. На королевской аудиенции в Лувре, которую получил маркиз де ла Фуэнте, чтобы озвучить извинения Филиппа IV и признание им старшинства короля Франции, присутствовали все иностранные послы, находившиеся на тот момент при французском дворе. После аудиенции король Людовик XIV обратился ко всем присутствующим с речью и с просьбой уведомить своих государей о том, что они только что услышали. Этот дипломатический инцидент Людовик XIV, только что начавший самостоятельное правление после смерти Мазарини, использовал для утверждения своего авторитета и считал одним из наиболее блистательных эпизодов в истории не только своего царствования, но и французской монархии. Он писал: «Я не знаю, было ли со времен начала монархии что-либо более славное для нее, т.к. государи, которых наши предки видели иногда у своих ног приносящими клятву верности (hommage), не были королями, но лишь сеньорами небольшого княжества, от которого они могли отказаться. Здесь же клятва иного рода, клятва короля королю, короны короне, которая не позволяет больше нашим врагам сомневаться в том, что наша монархия является первой во всем христианском мире» [16, p. 132 - 133].

Возвращаясь к проблеме обращений, использовавшихся в отношении послов, интересно отметить, что именно послы Франции первыми удостаивались более высокого обращения при различных дворах. Так, в Германии, где обращение «превосходительство» позднее всего вошло в оборот, оно впервые было применено к послу французского короля. В 1620 г. с посольской миссией в Вене находились три французских посла: герцог Ангулемский, граф де Бетюн и барон де Шатонёф, и к одному из них, герцогу Ангулемскому, эрцгерцог Леопольд (хотя на тот момент ему было всего 6 лет), герцог Баварии, а также иностранные послы, находившиеся при венском дворе, стали обращаться «превосходительство». Как отмечает Сенкто в «Записках», это обращение в его адрес использовалось в связи с тем, что Шарль де Валуа, герцог Ангулемский, был внебрачным сыном покойного короля Франции Карла IX. Сенкто обосновывает свое предположение тем, что в отношении графа де Бетюна и барона де Шатонёф

использовали традиционное обращение «светлейшая милость» [5, f° 29]. Т.е. действительно именно происхождение, а не посольская функция герцога Ангулемского стало причиной этого нововведения при венском дворе, ибо в противном случае два других посла также могли бы претендовать на эту почесть.

Впоследствии обращение «превосходительство» вошло в обиход. В частности, в Германии первыми стали принимать это обращение послы императора, которые, видя, что его применяют к послам королей, не хотели уступать им по статусу. Что касается послов курфюрстов, то решающим в принятии ими обращения «превосходительство» стало то, что они не желали занимать более низкое положение по отношению к послам Венеции, к которым к тому времени уже обращались «превосходительство». Удивительное сопротивление этой тенденции оказывали первоначально саксонские курфюрсты, которые не хотели менять сложившийся обычай и даже запрещали своим послам принимать это обращение. Тем не менее император, король Франции и другие короли все же давали распоряжения своим послам обращаться ко всем имперским курфюрстам «превосходительство» [5, f° 31]. Тем самым они стремились подчеркнуть различие в статусе между курфюрстами и другими германскими князьями, что, безусловно, поначалу вызывало сильное недовольство последних. Они также пытались в этом вопросе апеллировать к обычаю. Но, не имея реальных средств сопротивляться этой тенденции, которую активно поддерживали ведущие, наиболее могущественные монархи (которых принято именовать *têtescouronnées,* или коронованные особы), они вынуждены были подчиниться ей. Таким образом, это нововведение, более четкая дифференциация послов посредством нового, более престижного обращения, прочно вошло европейскую дипломатическую практику.

К середине XVII в. титул «превосходительство» закрепился за послами коронованных особ. Но и послам некоторых других государей также удалось добиться этой почести. Так, послы Венецианской республики в течение длительного времени вели за нее упорную борьбу. В вопросах церемониала Венеция в XVII в. выделялась среди прочих республик и претендовала на почести, которых государства с республиканской формой правления в то время обычно не удостаивались. Так, например, французские короли традиционно становились крестными отцами рожденных во Франции детей венецианских послов. Более того, к концу XVII столетия послам Венеции удалось добиться признания за собой статуса представителей коронованных особ, что тоже выразилось в оказании им определенных почестей, полагавшихся согласно церемониалу по этому случаю. Такая почесть, как обращение «превосходительство», закрепилась за венецианскими послами еще раньше, в 1636 г. До тех пор противниками этого нововведения выступали император и испанский король. Но в 1636 г. они согласились на оказание этой почести послам Республики Святого Марка в качестве вознаграждения за их посредничество в мирных переговорах Империи и Испании с Францией [5, f° 28]. Венеция вновь стала своего рода исключением из правила.

Было и несколько других исключений, когда обращение «превосходительство» использовали не только по отношению к представителям коронованных особ, но и к послам государей более низкого ранга. Однако при разных дворах сложились различные порядки касательно подобныхисключений. Так, папа римский Иннокентий X(1644 – 1655) использовал в отношении послов итальянских герцогств Савойя и Тоскана обращение «превосходительство». Против выступили Испания и, как ни странно, Венеция, которые полагали, что на это имеют право лишь представители коронованных особ (особенно интересна здесь позиция Венеции, послы которой в соответствии с этим аргументом также не могли рассчитывать на обращение «превосходительство», но тем не менее добились этой прерогативы), и настаивали на обращении «светлейшая милость», использовавшемся по отношению к послам некоронованных особ. Франция в этой ситуации поддержала позицию Испании и Венеции и, поскольку послы Савойи и Тосканы, получив от папы право на обращение «превосходительство», не были готовы удовлетвориться обращением «светлейшая милость», французские послы на церемониях в Риме обращались к ним в третьем лице, вовсе не используя никаких титулов. При этом при других дворах послы французского короля без особенных препятствий использовали обращение «превосходительство». Так, на мирных переговорах в Мюнстере французские послы обращались «превосходительство» в адрес посла Мантуи, которого папский нунций, между прочим, удостоил лишь обращения «светлейшая милость» [5, f° 29].

Подводя итог, можно отметить, что четкой системы обращений в отношении послов в XVII в. так и не сложилось. Наметилась тенденция разделять послов припомощи обращений в зависимости от статуса государя, которого они представляют. Примерно к середине XVII в. стало принято обращаться к послам коронованных особ «превосходительство», тем самым выделяя их среди остальных и подчеркивая более высокий статус их государей. Однако эта система не стала и, по-видимому, не могла стать до конца прозрачной, поскольку новая традиция формировалась непосредственно в ходе дипломатической практики, не фиксировалась документально. В официальных документах (королевских инструкциях, официальной переписке) к послам обращались в третьем лице, используя обращение «господин» (sieur или monsieur), таким образом, полемика вокруг титулов касалась только устных обращений.

По отношению к французским послам впервые по воле случая было использовано обращение «превосходительство». Посредством введения этого нового обращения произошло некоторое повышение статуса посла. Роль самих послов, короля Франции или французского дипломатического ведомства в принятии этого нововведения трудно оценивать. Вряд ли это была целенаправленная политика. По крайней мере, источники не позволяют сделать такой вывод. Однако бесспорным остается то, что французские короли, придавая большое значение дипломатии и осознавая ее огромную роль как средства символического общения, трепетно относились к подбору персоналий для веде-

ния переговоров и в условиях конкурентной борьбы за статус, особенно с испанскими королями, использовали различные методы. В том числе в качестве послов они выбирали людей, занимавших довольно высокое положение в обществе, будь то иностранные принцы или внебрачные дети короля. И ведь именно эта политика привела к появлению нового обращения, дифференциации послов в зависимости от их ранга и статуса государя.

Во второй половине XVII в. идея суверенитета, сформулированная еще в конце предыдущего столетия французским философом и политиком Жаном Боденом, приобретает все большее значение при определении государственного статуса. Однако стремление обосновывать свое право, опираясь на обычай, по-прежнему велико. При всех прочих нюансах еще заметно тяготение Франции к тому, чтобы сохранить установившуюся традицию. Уверенно называя себя первыми королями в христианском мире, французские монархи не допускали посягательств на свое место других монархов, в частности короля Испании, который, наоборот, в данном вопросе все время выступал в качестве сторонника изменения традиции, сохранение которой было ему невыгодно и сдерживало его продвижение вверх по иерархической лестнице европейских государей.

На практике, опираясь единственно на традицию и не учитывая реальной политической ситуации, действительно оказалось довольно трудно выстроить такую иерархическую лестницу, на ступенях которой разместились бы сверху вниз в соответствии со своим статусом европейские государи, не выказывая при удобном случае (например, при изменении соотношения сил) желания оспорить занимаемое место и повысить свой статус. Поэтому спор этот, внешне опирающийся на традицию, во многом все же учитывал реальную расстановку сил на международной политической арене. Успех французской монархии в этом символическом действе, закреплении французского короля на позиции более высокой по сравнению с испанским королем, конечно, оказался возможен благодаря, если не решительной политике Людовика XIV, то, по крайней мере, неудачной политике испанской монархии, которая на протяжении второй половины XVII в. неуклонно сдавала былые позиции. Поэтому, несмотря на все отсылки к традиции, символическая коммуникация европейских монархов была тесно связана с реальными политическими событиями. И в борьбе между французскими и испанскими послами за старшинство не последнюю роль сыграла именно реальная расстановка сил. Ведь нельзя утверждать с полной уверенностью, что, если бы Испания не оказалась слабее Франции, настойчивые попытки испанских послов изменить положение дел в свою пользу не увенчались бы победой. В этом переплетении символического языка власти, по-прежнему апеллировавшего к традиции, и реальной политической обстановки состоит одна из особенностей XVII века, стоящего на пороге уже Нового времени, но корнями уходящего глубоко в Средневековье.

The article deals with the diplomatic *titulature* of France in the second part of the XVIth – XVIIth centuries. Title is regarded as one of the most important symbolic instruments of power for construction of the diplomatic hierarchy and determination of the prestigious status of sovereigns and states. Two principal aspects are studied: transformation of the French diplomatic *titulature* in early modern Europe and its role in the competition of European monarchs for the status.
Keywords: *title, ambassador, diplomacy, ceremony, France, court society, symbol, hierarchy.*

Список литературы

1. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.
2. Bély L. Lasociété desprinces. Paris, 1999.
3. BurkeP. The Fabrication of Louis XIV. Yale, 1992 (перевод на фр.: LouisXIV. Les stratégie de la gloire. Paris, 1995). Осимволическойрепрезентациисм. также: Goubert P. L'avènement de Louis XIV. Paris, 1967. Labatut J.-P. Louis XIV. Roi de gloire. Paris, 1984; Néraudau J.-P. L'Olympe du Roi-Soleil: mythologie et idéologie royale au Grand Siècle. Paris, 1986; Sabatier G. Versailles ou la figure du roi. Paris, 1999; Sabatier G. Le prince et les art: stratégies figuratives de la monarchie française de la Renaissance aux Lumières. Lonrai, 2010.
4. Rabin E. Les entrées publiques des ambassadeurs de France à l'étranger sous les règnes de Louis XIV et Louis XV: éléments symboliques de la représentation diplomatique: Mémoire de Master 2 mention Histoire-Civilisations des Temps Modernes. Paris, 2010 – 2011; Vasseur S. La mise en scène de la puissance. Étude du cérémonial diplomatique au temps de Louis XIV à travers les Mémoires du baron de Breteuil (1699–1715): Mémoire de Master 2 en Histoire. Paris, 2011–2012.
5. Archives diplomatiques du ministère des Affaires étrangères (AAÉ), Mémoires et documents, fonds France, vol. 1848, «Cérémonial – 1609 à 1700 – titres, protocole, Mémoires de M. de Sainctot».
6. Wicquefort A. de. L'ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1682. Livre 1.
7. Rousset de Missy J.Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres représentans suivant leurs différens Caractères. Pour servir de supplement à l'Ambassadeur et ses fonctions de Mr. de Wicquefort. Amsterdam, 1746.
8. Цит. по: Pitou F. Lettre d'un François sur certain discours fait pour la presséance du Roi d'Espagne // Mémoires de la Ligue, contenant les événements les plus remarquables depuis 1576, jusqu'à la Paix accordée entre le Roi de France et le Roi d'Espagne, en 1598. Amsterdam, 1758. T. 5. (Впервые письмо было опубликовано в типографии Мамера Патиссона: Pitou F. Lettre d'un François sur un certain discours faict nagueres, pour la preseance du roy d'Hespagne. Paris, 1586.)
9. Цит. по: Raisons et causes de préséance entre la France et l'Espagne, proposées par un nommé Augustin Cranato Romain pour l'Espagne, et traduites d'Italien en Français. Ensemble les réponses et defenses pour la France par Nicolas Vignier. Paris, 1608.
10. Bignon J. De l'Excellence des Roi et du Royaume de France, traitant de la préséance et des prérogatives des

Rois de France par dessus tous les autres, et des causes d'icelles. P., 1610.

11.Callières F. de.De la manière de négocier avec les souverains, de l'utilité des négociations, du choix des ambassadeurs et des envoyés, et des qualités nécessaires pour réussir dans ces emplois. Amsterdam, 1716.

12.Bulteau Ch. De la préséance des rois de France sur les rois d'Espagne. Paris, 1674.

13.Письмо Генриха IV его послу в Риме г-ну де Бреву цит. по: BulteauCh. Op. cit.

14.Коммюнике г-на де Ту, французского посла от 12.08.1657 цит. по: BulteauCh. Op. cit.

15.Recueil des insructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française (1648 – 1789). XXIV. Angleterre. Paris, 1929. T.1.

16.ŒuvresdeLouisXIV. P., 1806.

Об авторе

Шикуло М.И. – Шикуло М.И. – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *shikulo.max.ru@mail.ru*

УДК 947.02+340

МЕНТАЛИТЕТ И ПРАВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЙ 1071 ГОДА[1]

Е.А. Шинаков

В 1071г. в северной части Древнерусского государства (Ростовской земле) произошло крестьянское восстание, явившееся завершающим аккордом кризисного периода 1067 – 1071 годов. Восставшие – так называемые «смерды» - двигались вдоль Волги и других рек этого региона от Ярославля до Белоозера (города на Белом озере, упоминаемом в скандинавских сагах как «Алаборг»). Языческие жрецы, стоявшие во главе восстания, вызванного неурожаем и голодом, совершали ритуальные убийства «лучших жен», которые (по словам «волхвов») были виноваты в этом бедствии. Восстание было подавлено боярином князя Святослава Яном Вышатичем, который собирал дань в пользу князя в окрестностях Белоозера. 12 профессиональных дружинников Яна без труда разбили 300 крестьян, но поймать их главарей в густых лесах было для них невыполнимой задачей. Ян использовал специфичные черты русского менталитета и права, чтобы заставить жителей Белоозера поймать мятежников. После этого возникла еще одна проблема – отсутствие в русском законодательстве права смертной казни. После расследования, сопровождавшегося религиозным диспутом, Ян приказал родственникам замученных женщин воспользоваться правом «кровной мести». Само восстание, его подавление, методы следствия и наказания ярко отражают специфические черты русского образа жизни, языческого и христианского мировосприятия, правового сознания в период перехода от языческого иродоплеменного общества к социуму, основанному на христианских ценностях и государственности.

Ключевые слова: *восстание, менталитет, «обычное право», языческая религия, ритуал, христианство, сбор дани, неурожай, отражение событий в общественном сознании.*

В начале последней трети XI в. на Руси завершается процесс создания институтов «ранней» (по уровню развития) [45], унитарно-федеративной по форме [49]государственности с формой правления «родовая монархия» («власть», «сюзеренитет») [15; 24; 40. С. 226 – 227; 41.С. 23,25; 53]. Последним актом, символизировавшим завершение создания единых институтов и функций власти, стал полный переход права в руки государства [17. С.160 – 162]. Этим актом стало принятие в 1072 г. «Правды Ярославичей». Она окончательно отменяла пережитки обычного права эпохи родоплеменного строя, или мононорматики [52], в частности – кровную месть за убийство.

Однако даже в «Правде Ярославичей» сфера ее правоприменения была весьма ограниченной. Она защищала высокими вирами разные категории людей князя и разные виды его собственности, вплоть до охотничьих угодий, но о самих князьях не говорилось ничего. С другой стороны, «Правда» почти не проникалав н у т р ьобщины – верви, ограничиваясь ее отношениями с окружающим миром, включая частные княжеские владения с их населением, и случаями убийства на ее территории (даже в этом случае по желанию общинников убийцу могут не искать, если вервь согласится заплатить коллективную, «дикую» виру). В итоге в обществе оставались большие сферы, внутри которых отношения регулировались не писаным правом, а традициями, обычаями, нормами морали. Говоря современным языком, значительная часть общества жила не по «праву», а по своим «понятиям» о справедливости и «правде».

Впрочем, в те времена последняя как раз и означала закон, причем писаный. Само же слово «закон» означало Божественное вероучение, например, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона – иудейское [11]

«Правда» же была в определенной степени синоним «права», как и глаголы «судить» и «рядить» «были схожи по значению», что следует из текста «варяжской легенды» в разных редакциях Повести временных лет и Начального свода. Именно отсутствие «правды» между «родами» (по ПВЛ) или «градами» (по НПЛ) заставило представителей «Словен, Кривичей, Мери, Чуди» пригласить Рюрика, чтобы он «владел» ими и «судил» («рядил») по «праву». Именно наличие правды – права было одним из главных приоритетов жителей еще даже не

[1]Статья является расширенным вариантом доклада на международной конференции "LawandDisputingintheMiddleAges"(академия Карлсберг, Копенгаген, Дания, май 2012), подготовленного на средства гранта БГУ№76 за 2012г.

сложившейся Руси, во всяком случае, ее северной («Циркумбалтийской») части.

Однако, как уже говорилось, право не могло охватывать все сферы и явления русской жизни, тем более, что носило ярко выраженный прецедентный, а не «превентивный» характер. В этой связи новые явления в социальной жизни и связанные с ними новые типы преступлений ставили в тупик княжескую судебную администрацию. Но та достойно выходила из ситуаций, подбирая уже существующие нормы права к своим понятиям о справедливости.

Эти особенности русского менталитета и отношения к праву ярко отразилась в событиях 1071 г. Этот год явился завершающим для семилетнего внутреннего кризиса, начавшегося еще в 1064 г. с борьбы князей за Тмутаракань и с междоусобной войны («рати»), развязанной полоцким князем – «волхвом» Всеславом Брячиславичем, дополненного «нашествием поганых». Глубинной причиной этих событий, по мнению летописца, отражавшего взгляды религиозной верхушки христианизирующегося русского общества, явились «грехи наши» и Божье наказание за них.

Кризис был практически всесторонним, и Бог, как пишет летописец, давал людям многочисленные предостерегающие «знамения не добры» [30. Л. 55, например, но не только]. Знаменья начались в 1063 г. – «Волхов потек вспять», но главным была «звезда кровава на Западе» (комета Галлея), появление которой в разных сводах помещено под 1064 – 1065 гг. На самом делекомета Галлея максимально приближалась к Земле 27 марта 1066 г. [27. С. 114], однако летописец либо из-за особенностей календаря (на Руси было три счета лет: сентябрьский, мартовский, ультрамартовский), либо из «назидательных» соображений, поместил это событие несколько раньше. Но даже «звезда в образе копейном» [31. Л. 95 об.], предвещавшая уже конкретно кровавую войну, междуусобицу, не отвратила от нее князей, наоборот, в 1066 г. (по Радзивилловской) или в 1067 г. (по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям) начался «пик» междоусобий: Всеслав Полоцкий занял и пожег при отступлении Новгород, три старших Ярославича пошли на него войной, а затем обманом, нарушив крестное целование, заточили Всеслава в «поруб». Как тут не вспомнить слова «пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится». И гром грянул в 1068 г. в виде нашествия половцев (второго, но в таких масштабах, с подходом к столице Руси – первого), народного восстания в Киеве, изгнания из него потерпевших поражение от «поганых» трех старших Ярославичей (причем главный – Изяслав – бежал даже в Польшу, к родственникам жены) и восшествием на престол волею народа («людья») «высеченного» из «поруба» Всеслава.

Однако не только русские не внимали Божьим предостережениям – осенью 1066 г. в Англии произошли две кровопролитные битвы (Стамфордбридж и Гастингс), погибли два короля (норвежский и английский), норманны начали захват Англии. «Причина»(по идеологии того времени)– «гордыня» правителей – двух Гаральдов, норвежского и английского (а до этого – и нарушение «слова», данного герцогу Вильгельму Нормандскому). В 1067 – 1068 гг. начались напасти и в сильнейшем до этого государстве Европы – православной Византии. Турки (туркмены)-Сельджуки перешли восточную границу империи ромеев в Армении и начали ее завоевание. В южной Италии норманн Роберт Гвискар начал осаду византийских владений в этом регионе – г. Бари [9. С. 91]. Несчастным для христиан 1066 год стал и в славянских землях. В результате спровоцированного языческими жрецами и племенной аристократией антихристианского восстания в землях ободритов князь- креститель этого, самого западного из всех славян, народа, перебиты все миссионеры и неофиты [34.С.123 -124]. В дальнейшем эти события трагически сказались на судьбах полабских и поморских славян-их «прозябание» в язычестве дало повод немцам объявить крестовый поход на их земли и поработить их в середине XII в.

Кстати, период обращения кометы Галлея вокруг Солнца из-за действия притяжения Юпитера и Сатурна неравномерен и колеблется от 68,2 года до 79,3 лет [14. С. 416], последний раз наиболее близко к Солнцу (в перигелии) она находилась в 1986 г. [14. С. 417].

Впрочем, также оценка причинно-следственной связи событий была характерна лишь для части средневекового, особенно еще только христианизирующегося, русского и скандинавского общества – а именно для его религиозной интеллигенции. Мотивация действий даже светской элиты – князей – была совершенно иной. Так, Всеволод Полоцкий выступил против Киева по политическим и экономическим мотивам. По новой системе престолонаследия полоцкая (а также с 1052 г. – галицкая) ветви Рюриковичей исключались из их родового права наследия великокняжеского киевского престола, что подогревало их сепаратистские настроения. Что же касается Новгорода Великого, то он издавна был соперником Полоцка на пути с Балтики на Восток и в Византию.

Так что определить особенности менталитета полоцкого князя, вызванные отчасти правом престолонаследия, можно как «практицизм» (зачем отдавать в Киев часть дани, если там не будешь править?) и меркантилизм. Колдовские же способности («князь-волхв») были явно приписаны Всеславу народом, наделившим сакральными свойствами, харизмой своего избранника (см., например, былину о Волхе Всеславьевиче).

Крайний меркантилизм некоторых князей и их приближенных, неудачи в борьбе с «погаными», вызывали негативную реакцию не только у «людей», но даже у лиц духовного звания, в частности, автора «Введения» к Начальному своду, написанному в 1093 г. или 1095 г. [об этом: 43]. Летописец в данном случае выступает в качестве «образованного» рупора общественного мнения по отношению к источникам обеспечения аппарата власти в его военно-дружинной форме. «Како [какими] быша древние князи и мужие [дружинники] их, и како отбараху [оборонили] Руские земле, и ины страны придаху под ся [нее]; те ибо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж вскладаху [на] люди, но оже будяше правая вира, а ту возьмя, дааше дружине на оружье. А дружина его кормяхуся, воюющее ины страны и бьющееся и ркуще: «братие, потягнем [постараемся] по [за] своем князе и

по Руской земли»… «Они бо не вскладаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в сребряных, и росплодили [приумножели] были землю Руськую. За наше несытство [жадность] навел Бог на ны поганыя… а мы своих злых дел не оставляем. Пишет бо ся: богатство, неправдою сбираемо, извеется» [26. С. 104].

Мораль этой фразы в том, что богатство собирать надо, но по «правде», «праву», не увлекаясь финансовой составляющей правосудия, а доходы от него власть должна пускать на оборону страны и вооружение дружины, содержать же последнюю за счет «иных стран».

На другом полюсе «общественного мнения» Древней Руси в XI в. находились поднимаемые народные восстания или движения, часто возглавляемые религиозными идеологами, однако не христианскими, а языческими – волхвами. Это «мнение», во-первых, было выражено не в литературе, а в действиях, а, во-вторых, его выражали абсолютно новые слои населения – смерды, т.е. закабаляемые крестьяне-изгои из общины, либо посаженные на землю пленные с самими консервативными представителями социума – языческим жречеством. Такое сочетание участников характерно, правда, для описания только одного из восстаний – 1071 г.

В ходе этого движения также проявились особенности русской ментальности, соотношение роли «права» и «понятий», подробно, хотя, естественно, и в иных терминах, изложенное летописцем.

Само описание восстания 1071 г. в Ростовской земле обширно и одинаковоизложено во всех летописных сводах – с небольшими отличиями в «Летописце русских царей» - и распадается на три части – само восстание; его подавление; следствие и наказание. В каждой части отражены несколько разные особенности русского менталитета, права, обычаев и, соответственно, разные комплексы исторических, этнологических, культурологических, юридических данных. Рассмотрим их последовательно, с последующим комментарием. «Бывше бо единою скудити [недород] в Ростовской области. Встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко ве свеве [они знают], кто обилье держит. И поидоста по Волзе, кде [где] придут в погосте туже нарицаху лучшие жены, глаголюща яко си жито держит, а си рыбу, а си скору [другие летописи добавляют также «мед»]. И привожаху к нима сестры своя, матери и жены своя. Она же в мечте прорезавшее за плечом, вынимаста любо жито, любо рыбу и убивашета многы жены [и] именье их отимашета собе. И придоста на Белоозеро и бе у нее людей ин[ых] 300» [29. Л. 59].

Религиозно-идеологический и ритуальный аспект данных событий тщательно рассмотрен как в части крупных монографий, специально посвященных народным движениям [39. С. 123, хотя в остальном эта книга рассматривает социальные вопросы; 42. С. 101 – 115], так и в отдельных тематических статьях [13; 10; 3].

Значительное место религиозно-мистической, сакрально-ритуальной интерпретации событий 1071 г. уделено и в специальных трудах по мифологии и культовой практике восточных славян [2. С. 394 – 395; 5. С. 66, 75, 104, 135; 28. С. 207 – 208, 210, 212].

Высказанные в этих работах идеи о том, что расправы с «лучшими женами» в ходе восстания смердов-волхвов носили магический характер, призванный ликвидировать последствия неурожая – т.к. знать у многих народов считалась мистически ответственной зав с ё, в т.ч. и за урожай, а женщины к тому же считались в этом аспекте «вредоносными» –у автора сомнений не вызывает.

Впрочем, вопрос об избиении восставшими исключительно женщин может быть снят, если верить словам «белозерцев» Яну Вышатичу – «у нас два кудесника много жен им у ж е йпогубиша», сказанных, впрочем ими с понятной целью – «и дани не на ком взяти» [32. Л. 506 об.]. Перед этим же и в «Летописце русских царей» подробно описывалось только «добрых жен честных» [32. Л. 506 об.].

Следует добавить к списку кровавые обряды ацтеков – не только ритуальные жертвоприношения пленных, но и добровольные кровавые увечья правителей ради дождя и урожая.

Объясняется этот факт своеобразием менталитета определенного этапа государствогенеза, переходного от вождества к раннему государству. В потестарно – политических образованиях данного этапа, в частности, в Западной Африке «народ верил, что не он сам, а «оба» [правитель Бенина – Е.Ш.] обеспечивает спокойствие в обществе, б о г а т ы еу р о ж а и, успехи в войнах, используя свои сверхъестественные свойства» [4. С. 156]. У некоторых племен Африки право на власть ассоциировалось вообще только с одним свойством – обеспечением урожая – например, у алуров оно принадлежало «вызывателям» дождя, обладавшим соответствущей мистической способностью –«кер» [16. С. 87 - 88]. И эти примеры можно умножать: у разных племен эти сверхъестественные способности носителей власти считались чуть ли не материальной субстанцией и носили разные названия – уже упомянутая «кер», взаимодополняющие «свем» и «тсав», а также «нам», «махано» в Африке, «мана» - в Океании, наследственное «счастье» и личная «удача» - в Скандинавии.

Впрочем, «положение обязывает» - и те, кому много дано, в глазах народа и за многое отвечают, в т.ч. своими жизнями, ибо власть, харизма, этого этапа государствогенеза обладала свойством амбивалентности – не только власть имела монополию на руководство, но и народ считал, что обладает правом на личность ее носителя. Последнийотвечал за все несчастья в обществе далеко не только своим положением – так, из 17 обожествленных правителей одного из городов–государств африканского народа йоруба – Ойо -15 или были убиты, или вынуждены покончить жизнь самоубийством ради благополучия подданных [16. С.].Ярко и образно это отражено в эпосе соседей Руси – скандинавов, в частности, «Саге об Инглингах»: «… и к нему [Олаву Лесорубу] стеклось там много народу, что земля не могла всех прокормить. Случился неурожай, и начался голод. Люди сочли, что виноват в этом конунг – причина как урожая, так и неурожая. Олав конунг пренебрегал жертвоприношениями. Это не нравилось шведам, и они сочли, что отсюда и неурожай. Они собрали войско, отправившись

в поход против Олава конунга, окружили его дом и сожгли его в доме, отдавая его Одину и принося его в жертву за урожай» [38. С. 34]. До этого по той же причине та же участь постигла и другого конунга – «неудачника» – Домальди, принесенного в жертву за урожай на алтаре [38. С. 18].

Благополучие народа, в т.ч. и урожаи, зависели от почти материальной субстанции – «удачи», которая может возрастать, уменьшаться и вообще исчезать, и зависит это не только от личного «везения», но и от наследственного «счастья», которого больше у аристократических, знатных родов [8. С. 60 – 61].

Убив знатного неудачника, можно вернуть «удачу» тому обществу, которое он возглавлял. Это, скорее всего, и имело место в процессе восстания, потому сами члены того или иного «лучшего» рода отдавали в жертву волхвам тех его представителей, которые по каким-то приметам были носителями «неудачи», «несчастья», не выполняя своих обязательств перед людьми и богами. Почему убивали только женщин (если только не учитыватьч а с т ьданных «Летописца русских царей»)?

«Лучшие женщины, как замужние, так и незамужние, матери, жены и дочери знати по представлению людей того времени, были носительницами злого духа – ведьмами. Они «держали гобино» и «пущали голод» [23. С. 35 – 36]». Здесь налицо уже иное объяснение убийств знатных («лучших», «добрых») женщин, исходящее не столько из исчезновения их способности благоприятно повлиять на хороший урожай, сколько в сознательной вредоносности, вызванной «демоническим характером» [2. С. 392]. Объяснение это ближе к славянскому, чем к скандинавскому фольклору и отраженному в нем гендерному менталитету.

Впрочем, сам ритуал, контаминированный с убийством, еще П.И. Мельников-Печерский отмечал не у славян, а у финно-угров (мордвы) в 60-е гг.XIX в., хотя и не в связи с ритуальным убийством ради урожая, а при сборе различных припасов для общих жертвоприношений богам и празднеств [24. С. 439 – 440]. По мнению И.Я. Фроянова, летописец просто совместил этот обряд с «практикой ритуальных убийств женщин, подозреваемых в пагубном влиянии на урожай» [42. С.106]. И славяне, и финно-угры, и (в меньшей степени) скандинавы, в XI в. участвовали в формировании древнерусской народности и ее менталитета на севере Древнерусского государства.

Употребляемый в тексте тип населенных пунктов – «погосты» –позволяет объяснить, почему именно здесь мятежники искали якобы утаенное «гобино» и «обилье».

При всех разногласиях в определении конкретной соединительной роли погостов на разных этапах их развития, начиная с их первого упоминания в середине X в., возникают они как опорные пункты центральной («федерального уровня») княжеской власти, центры государственного освоения окраин, часто неславянских по этническому облику.

Уже при первом упоминании («и устави [Ольга] по Мсте погосты и дани» [31. Л. 31]) они контаминировались с «данью» и являлись местами ее концентрации перед отправкой «выше» – в города – центры земель – княжений и частично – в Киев. Дань – своеобразная форма государственного налога, собираемая в итоге со свободных «людей» - крестьян-общинников, членов вервей, и некоторых слоев городского населения.

Она отделена от «оброка» – дохода с частных владений того или иного князя или всего рода Рюриковичей. «Оброки» выплачивали, скорее всего, уже не «люди», а частновладельческие (первоначально – только княжеские) крестьяне-смерды, и различные категории временно зависимого населения. В этническом плане «погосты» часто являлись «инородным телом» в местной среде, в них жили «внешние», ч у ж и е эксплуататоры, в т.ч. представители княжеской дружины – «лучшие мужи», охранявшие собранную дань до приезда княжеского «вирника» и его «отроками» и «мечником» (тем, кто «отмечал» размер собранной дани и судебных штрафов – вир).

Как на Руси, так и в Скандинавии, припасами, складами всегда ведали женщины. О чем говорят ключи исключительно в женских захоронениях.

Такое понимание объектов нападения и нелюбви местных жителей – волхвов-смердов и «людей» – вполне объясняет выбор этих объектов («лучшие жены») и с «материальной» и с «ментальной» точек зрения. В этой связи противоречие между «социологизирующими», «приземляющими», взглядами многочисленных, начиная с Н.Н. Воронина [6], исследователей народных движений XI в. (А.В. Арциховского и С.В. Киселева [1], В.В. Мавродина [20]), с «сакрализирующей» эти движения точкой зрения И.Я. Фроянова – только кажущаяся. В менталитете людей (и, прежде всего, «людей» в узком, юридическом значении слова) того времени практицизм и мистицизм сливались воедино. «Национальный» же вопрос в любом случае не был главным, даже если смерды – волхвы и ведомые ими «люди» были финно-уграми.

А вот был ли юридизм сознания? Об этом говорят последующие фрагменты описания подавления восстания.

Этот отрывок дадим по Радзивилловской летописи: «В се же время приключися приити от Святослава (тогда – князя черниговского, хотя есть мнение, что событие произошло, когда он был уже князем киевским и «Всея Руси» – [33. С. 144 – 145; 18. С. 67 – 68; 19. С. 64; 42. С. 104]) дань емлющю Яневи, сыну вышатину. Поведаша ему белозерци, яко 2 кудесника избила уже многы жены по Волзе и по Шексне и пришла еста семо. Янь же, испытав, чья еста смерда, и уведав, яко своего князя, и послав к ним, иже около ею суть, и рече им: «Выдаита волхва та семо [сюда], яко смерди есть [«еста» в Лаврентьевскойи Ипатьевской летописях] моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же сам поиде без оружия. И рекоша ему отроци его: «Не ходи безо оружия, исоромоти(ть) [осоромят – в ЛЛ и ИЛ] тя имут». Он же повеле взятии оружия отроком, бяста отроков 12 с ним, и поиде с ним к лесу. Они же сташа, исполчишася, противу. Яневи же идущю с топорцем, и выступиша от них 10 [3 – по ЛЛ и ИЛ] муж и приидоша ко Яневи, рекущи ему: «Видя смерть ищеши, не ходи». Оному же повелевшю бити я [их], ко прочим же поииди. Они же сунушася на Яне, един грешися Яня топором. Янь жь,

воротя топор, и удари тыльем, повеле отроком сечи я [их]. Они же бежаша в лес и убиша ту попа Янева. Янь же, вшед в град к белозерцем, рече: «Аще не имете [поймаете] волхву сею, не иду от васза лето». Белозерци шедшее и яша их, и приведоша ко Яневи» [31. Л. 103, 103 об.].

Во-первых, детали: в трех остальных летописях, кроме РЛ, говорится о трех, а не десяти «переговорщиках». Кроме того, в ее текст, наиболее поздний, вкралась описка – вместо слова «еста» (двоичное число) вкралось «есть» (единственное число), что для количества подлежащих поимке смердов явно неверно.

Бросается в глаза также явное (до определенного момента) нежелание обеих сторон применять оружие, ибо в «Правде Ярослава» на этот счет имеется ряд соответствующих статей. Вопрос о степени знания смердами и «людьми» норм «Правды Ярослава», конечно, сложный. Хотя смерды, жившие в княжеских вотчинах, с учетом степени грамотности (в т.ч. правовой) в Древней Руси, в принципе могли быть с ними знакомы.

Второй аспект – военно-психологический, связанный с дружинным менталитетом, уже отчасти рассмотрен автором [44. С. 14 – 15]. Здесь же рассмотрим то, на что раньше не обращали внимание – степень военной организации мятежников. Они действовали по плану, подчиняясь руководству 2-х – 3-х смердов, которые в РЛ даже названы «мужами» [31. Л. 103].

Это, скорее всего, оговорка, ибо в Древней Руси этот термин был применим только к свободным, причем отнюдь не низкого положения, часто в сочетании «княжьи мужи» – дружинники. Однако оговорка примечательная, говорящая (косвенно) о каком-то отношении смердовXI в. к военному делу. Об этом свидетельствует и то, что при приближении отряда Яна Вышатича они построили («сташа, исполчашася») «людей» в воинский порядок. Другое дело, что после расправы с их предводителями эти «люди» (которых «Летописец русских царей» называет «глупыми» [32. Л. 506 об.]) побежали при первом натиске профессионалов Яна, успев убить, правда, отрядного священника (вероятно, кроме фискальных и судебно-регулятивных функций подобные отряды выполняли и религиозные обряды (для христиан), и проповедовали новую веру (для язычников)).

Смердыл и ч н озависели от конкретного князя, значит были частновладельческими. Князь защищал их, о чем говорит статья 33 «Правды Ярославичей»: «Или смерд умучать, а без княжьего слова, за обиду [лично пострадавшему – Е.Ш.] 3 гривны; а в огнищанине, и в тивунце, и в мечници 12 гривне» [35. С. 13]. Вира за «мучения» (пытки, истязания) смерда, правда, в 4 раза меньше, чем за высших лиц княжеской администрации, но это все же отличие количественное, а не качественное. С другой стороны, эта же статья предполагает, что князь имеетп р а в осам подвергнуть смердов, как своих слуг, этой процедуре, что для свободных «людей» или «мужей» не предусмотрено.

Об этом же свидетельствует и первый вопрос Яна белозерцам: «чья еста смерда?» и последующее после пленения их требования «стати пред Святославом» [31. Л. 103, 104]. Смерд имеет коня «с пятном» [тавром], за кражу которого положена вира лишь чуть меньше, чем за княжеского – 2 и 3 гривны [35. Ст. 28. С. 13]. Кони смердов, судя по этой статье, выпасались или стояли в стойлах рядом с княжескими, но были если не в собственности, то пользовании смердов и в этой связи вряд ли являлись «ролейными» [пахотными], а скорее, верховыми или даже боевыми.

В этой связи интересна мысль Б.А. Рыбакова о том, что в XI в. смерды были самыми «младшими» воинами конной княжеской дружины, военнообязанными зависимыми крестьянами [37. С. 47].

В Ростовской земле проходила граница Руси с еще не покоренными финно-угорскими территориями, и наличие здесь своеобразных военных поселенцев, крестьян-пограничников, типа византийских акритов, или - более поздних русских казаков, или - кабальерос-вильянос Испании эпохи реконкисты [12. С. 182], вполне возможно. Однако в отличие от всех них, смерды изначально находились в личной зависимости (хотя и под защитой) князя, и в этом аспекте еще более напоминали таких московских «боевых холопов» XVI – XVII вв., как И. Болотников, хотя и сами, судя по статье 26 «Правды Ярославичей» Краткой редакции [35. С. 13] и статье 16 – Пространной [35.С.15] могли иметь холопов, обрабатывавших землю во время их службы князю. Впрочем, текст статей «а в смердеи холопе 5 гривен» звучит двояко и понимается исследователями в зависимости от их взглядов на статус смердов.

Практически все советские ученые, изучавшие события 1071 г. с социальной точки зрения, считали смердов либо свободными, но закрепощаемыми крестьянами-общинниками, либо уже крестьянами феодально-зависимыми.

В связи с ходом военного конфликта точка зрения Б.А. Рыбакова, хотяпока и мало кем разделяемая, представляется нам более объясняющей как их организаторские способности, так и то, как они уверенно держались в начале следствия, явно не как забитые крестьяне.

То, что они, судя по совершаемым ритуалам и тем «диспутам», которые вели во время следствия, были финно-уграми, ничего не меняет: великокняжеская дружина была «интернациональна» по происхождению. Что же касается частных владений князя (вотчин, сел) то в силу господства еще прочной общины – верви – заселяться они могли либо рабами (челядь, холопы), либо изгоями из общины (чуть более поздние наймиты, закупы, рядовичи), либо военнопленными, в т.ч. и из финно-угорских племен. Судя по данным археологии, состав населения княжеских, а позднее и боярских сел был весьма разноэтничен и гетерогенен [для Подесенья см.:46;48;50;51], но «люди» в «селах» не жили. «Села» упоминаются отдельно от «людей» (статья 77 «Пространной редакции» Русской правды – «кде же не будет ни села, нилюдии» [35. С. 21]).

Кроме смердов – волхвов (последний термин, возможно, отражаетне профессию, а склад ума, специфику менталитета и способностей, отразившуюся в практических ритуально-мистифицирующих действиях (слова «в мечте» [воображении, «представлении»] «аки скомраси»[скоморохи] - явно не случайны)),в восстании участвовали и «люди»«глупые», ведомые волхвами -«мужами прелестними», [от слова «прельшати»], сравниваемыми в ЛРЦ со скоморохами [32.

Л. 506 об.].«Люди» - свободные, охранялись высокой вирой в 40 гривен («княжий муж» - 80, что, конечно, больше, но не «качественно»), входили в «вервь», сплоченную круговой порукой (статья 8 «Пространной редакции» Русской правды о «дикой вире», например [35. С. 15]). Социальная психология у них уже иная, чем хотя и у зависимых, но более «пассионарных», активных, «смысленых» смердов. Это – толпа, которая верит во все, что ей говорят «златоусты» - волхвы, но и разбегается сразу, встретив вооруженный отпор численно гораздо меньшего противника (12 против 300). Аналогичная ситуация произошла в 1071 г. и в другом городе северной Руси – Новгороде. Во время религиозного «диспута» между волхвом и епископом в начале «людие вси идоша за волхва», но как только князь Глеб ударом топора успешно для «веры христианской» завершил дискуссию, «людие разидошася» [31. Л. 105 об.].

В этом же событии и последующем «гонении следа» – поиске разбежавшихся мятежников – отразилось правовое сознание, определенные стороны ментальностии представителя верховной власти – Яна Вышатича, и горожан Белоозера. Стараясь действовать исключительно по праву, которое распространялось и на власть предержащих, в определенный момент (угроза оружием) он не постеснялся применить и силу.

Когда сила стала бесполезной – ловить по лесам разбежавшихся мятежников, располагая несколькими дружинниками, было делом бессмысленным - Ян использовал отчасти правовой, отчасти меркантильно-психологический механизм.

Он заставил ловить смердов и ведомых ими «людей» местных жителей – белозерцев. Позднее, в «Пространной редакции» Русской правды, появится статья 77 о «гонении следа», предусматривающая участие в поиске преступников местных жителей – «чюжих людей» «с послухи [свидетели]» [35. С. 21]. Однако в то время данной статьи еще не было, и Ян не мог заставить белозерцев помочь ему по «Правде». Но он ловко вышел из положения, используя уже существующие нормы, в частности, «покон вирный» (статья 42), созданный после «Правды Ярослава», но до «Правды Ярославичей», т.е. в любом случае действовавший де-факто в 1071 г.

«Асе покон вирный: вирнику [в данном случае им и был Ян Вышатич] взятии 7 ведер солоду на неделю, тъже овен любо полот [половина говяжьей туши], или две ногате; а в среду резану въже сыры, а в пятницу тако же; а хлеба по кольку могут ясти, и пшена; а кур по двое на день; коне 4 поставити и сути им на рот, колько могут зобати; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 веверици, а переде гривна; или ся пригоди в говение [пост] рыбами, то взятии за рыбы 7 резан; тъ всех кун 15 кун на неделю; а борошна [ржаная мука] колько могут изъясти; до недели же виру сберут вирници. То ти урок Ярославль» [35. С .14].

На сколько человек предназначены эти «суточные», выплачиваемые и предоставляемые местным населением? Косвенно об этом «говорят» 4 коня, а также статья 41 «Краткой редакции» и 74 «Пространной редакции» Русской правды, где упоминаются «вирник» («сам»), «мечник» или «писец», «емец» и «отрок» (младший дружинник) - четыре человека. Но в статье 74 говорится «а самому ехати со отроком на дву коню» [35. С. 20], что может подразумевать и то, что на каждого приходилось 2 коня – верховой и вьючный, а тогда «типовой» отряд сокращается до 2-х человек. В любом случае, отряд Яна Вышатича или в 4, или в 6 раз превышал норматив «покона вирного», а это значит и значительное (за исключением платы самому вирнику) увеличение того бремени по содержанию его отряда, которое ложилось на местное население. Это по закону. Но Ян поступил и по «понятиям», пообещав белозерцам, что он останется у них не на неделю (по «покону вирному»), а до тех пор, пока они не поймают «волхвов», «хотя и на все лето [год]». Дальнейшие уговоры сталиизлишни.

Следствие, по летописному тексту, состояло из простого допроса, религиозного диспута, «допроса с пристрастием» («мук») и угрозы смертью. Сама религиозная «дискуссия», содержавшая изложение космогонических представлений и язычников, и христиан (с соответствующими выводами) проанализирована неоднократно в специальных работах, причем с разных позиций [13; 10; 3], и к повседневному менталитету и праву имеет весьма косвенное отношение. Остальное процитируем еще раз, по Ипатьевской летописи: «И реч [Янь] има: что ради погубисте толико члвкъ. Онима же рекшима, яко си держат гобину, да аще истребиве, избиеви всих, и будет обилье. Аще ли хощеши, то пред тобою выемлеве жито или рыбу или ино» [30. Л. 65 об.]. Этот мотив преступления, изложенный обвиняемыми, по-разному объясняется историками и этнологами. На одном полюсе находятся Н.Н. Воронин [6] и В.В. Мавродин [21], которые дали абсолютно материалистическое объяснение. В частности, В.В. Мавродин (уже «по следам»археолога архитектуры Н.Н. Воронина), со ссылкой на новгородское летописание, писал, что волхвы избивали «большух гобиньих домов» (хозяек богатых домов). В их руках сосредотачивались запасы продуктов, в которых нуждалсяголодающий сельский люд» [21. С. 259].

Такая мотивация объясняет вторую часть преступного действия – «имения их имаша собе» [30. Л. 65], но не первую – «убиваша их» [30] И.Я. Фроянов, наделяя вслед за Н.М. Мартыновым [23. С. 35 – 36], «лучших жен» в 1071 г. свойствами ведьм, обосновывает присвоение имущества убитых «жен» и м е н н о волхвами, не меркантильными, а мистическими причинами. «По убеждению язычников, в вещах, принадлежащих человеку, была заключена частица самого владельца этих вещей… «Именье» убитых «жен» могло стать безопасным только в результате очищения, пройдя через руки волхвов». «Они поступали так потому, что на имуществе этом лежала печать действия злых сил, ведовства» [42. С. 109].

Н.Н. Велецкая, также объясняя действия волхвов сакральной мотивацией, придает ритуалу иной смысл.На тот свет отправляли не вредоносных ведьм, а «наиболее достойных представителей старшего поколения», «посланников» к богам с просьбой о предотвращении или прекращении голода [5. С. 70 – 71]. То, что отправляли только женщин, а не как при событиях 1024 г., всю «старую чадь» [30. Л. 55 об.] в целом, она объясняет «большей

стойкостью ритуалов в женской среде» [5. С. 68]. Кроме того, она считает, что умерщвляли именно пожилых людей, т.к. «угроза» «благосостоянию общины» состояла и в том, «что на земле пребывали те, кому пора было отправляться к праотцам» [5. С. 67, 71]. В этом есть смысл, и не столько прагматический (сокращение числа «бесполезных» едоков), сколько сакральный: умерщвление стариков, причем часто по просьбе последних, близкими родственниками, присутствует у многих народов, причем продиктовано оно «только глубочайшим уважением, верой в почти божественную силу убиваемого «старика»» [5. С. 7].

Недаром, судя по всем летописям, жители погостов сами выводили к волхвам своих сестер, матерей, жен – но, кстати, не дочерей.

О том, что мотивацией действий волхвов – по крайней мере, в «мечте», напоказ – был не голый прагматизм, а стремление к общему благу путем совершения ритуально-магических действий (что не исключает попутной личной поживы), свидетельствуют следующие факты.Во-первых, для того, чтобы забрать «гобино», не требовалось убивать его хранительниц. Во-вторых, если бы для Яна Вышатича была сразу очевидна только меркантильная подоплека действий волхвов, они не вдавались бы с ними в дальнейшую религиозную дискуссию. Очевидно, даже этот высокопоставленный (его отец был ближним воеводой еще Ярослава Мудрого), христиански-просвещенный боярин все же испытывал определенные сомнения. Ему хотелось, чтобы даже не отрицавшие своего поступка «преступники» (зачем тогда дальнейшее следствие?) признали если не его право их покарать, ноегов о з м о ж н о с т ь, силу это сделать. Для язычников – это важнейшие доказательства превосходства христианского Бога и авторитета власти.

Во имя этого Ян даже поступился формальным «правом» – «умучил» смердов «без княжьего слова», поступив по «понятиям». Вероятно, судить своих смердов мог толькол и ч н оих князь, а не его представители, посылаемые им осуществлять судебные функции средисвободных «людей», а не княжьих мужей и слуг. В этом аспекте вряд ли прав М.Н. Тихомиров, утверждая, что требования смердов «предстати пред Святославом и ты нам не можеши створити ничто же» [30. Л. 66], обосновано тем, что «свободный смерд сам отвечал перед князем за свои преступления» [39. С. 123]. Вряд ли все свободные жители (не только «люди») государства подлежали суду л и ч н о князя: для чего же тогда хорошо оплачиваемые «вирники»? А вот смердов в XI в. было немного – им посвящено всего 2 статьи «Правды Ярославичей», и в обоих случаях и их имущество, и личность связаны с князем и охраняется им. Они это знали и вели себя соответствующе.

Почему же Ян предпринимает противоправные действия, чего он добивается и «дискуссией», и позорными пытками – вырыванием бороды, а после вторичного требования предстать перед князем затыкает им рот «рублем» [вероятно, - «рубъ», кусок грубой ткани]. Последнее действие психологически как раз понятно: Ян как бы говорит им: ничего-то вы князю не скажете, вы в моей власти.

Вероятно, дискуссия велась публично, на глазах «повозников», сопровождающих ладью Яня, и предназначалась не столько для волхвов и его самого, как для них. В дальнейшем выясняется, что в качестве сопровождающих были выбраны как раз те, кто выводил своих родственниц к волхвам, и все «следственные» мероприятия – и пытки, и споры, происходили в погостах – местах преступлений. Главным было не покарать уже выявленных преступников по «праву», а переломить местное, языческое, общественное мнение. Ведь «волхвы (даже допуская с их стороны обман [в «мечте», «аки скомраси»] и своекорыстные расчеты) только потому действовали так открыто и смело, что опирались на общие убеждение своего века» [2. С. 395] в том, что всем заправляют языческие боги. Необходимо было, чтобы их служители публично признали лживость и слабость последних. Что и произошло, когда волхвы признали, что «не быти нам живым от тебе» [31. Л. 104], т.е. признали, что их боги не могут их защитить, ибо, с точки зрения язычников, они слабее не только христианского Бога, но и его представителя (по их пониманию) – Яна Вышатича.

Победив волхвов морально, он должен бить их наказать за убийство. И здесь снова возникла уже не моральная, а правовая дилемма. Смертной казни на Руси не было, а требовать с волхвов виру – и нереально, и неадекватно их преступлению. В «Правде Ярославичей», правда, есть одна зацепка, дающая право на убийство преступника без правовых последствий. Статья 21 гласит: «Аще убьют огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место. А то же покон и тивунцу» [35. С.12]. Это норма, карающая смертью за убийство высших лиц княжеской администрации при исполнении ими служебных обязанностей (защите княжеского имущества).

Прецедент убийства самого князя ни в одной из «Правд» даже не упоминался, но из практики следовало, что за его убийство (как Андрея Боголюбского) или только увечья (ослепление, как Василько Теребовльского), даже боярамследовала смертная князь особо изощренными методами [47. С.293 – 294].

Впрочем, русский менталитет допускал и ритуальную казнь через повешение «из мести» по решению веча, предваряемую «битьем и поруганием», и самых князей – но только за один вид преступлений – насилие над женщинами и дочерьми жителей, массовые бессудные убийства – например, 500 бояр, как было в Галицком княжестве в 1208 г. [31. Л. 247]. Казнили здесь двух из трех князей Игоревичей – Романа и Святослава (старшему, Владимиру, удалось бежать). В Киеве аналогичная участь за «насилие» также постигла в 1147 г. одного из лишенных престола братьев – Игоря Ольговича [22. С. 396 – 402]. Но в 1071 году убиты были лица не столь высокого ранга, даже если «лучшие жены» заведовали складами с собранной для князя данью. Кроме того, русская мораль и право того времени оправдывала убийство дажет а к о г о типа преступника (против лиц княжеской администрации при исполнении ими служебных обязанностей – защите княжеского имущества), как в статье 21, лишь на месте преступления. Как гласит статья 38 той же «Правды Ярославичей», «аще убъют татя на своем дворе, любо у клети или у хлева, то тои убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли

убъють, а люди будут видеть связан, то платити в нем» [как за обычное убийство][35. С.13]. Убийство беззащитного, уже не способного нанести вред, преступника и осуждалось моралью, и каралось законом. Неизвестно также, действовали ли в 1071 г. нормы «Правды Ярославичей», принятой в 1072 г.

Зато достоверно до 1072 г. можно было применить подходящие статьи «Правды Ярослава», чем и воспользовался Ян Вышатич. Статья 1 предусматривала право кровной мести не только за отцами, сыновьями, братьями, но и племянниками убитого «мужа» [35. С. 11]. Правда, неизвестно, распространялась ли эта норма на женщин, но Ян Вышатич ее применил. Убедив родственников убитых, что волхвы действовали не по воле богов и не ради общественного блага и что им больше следует опасаться гнева христианского Бога и его представителя, чем своих «не ведающих ничего», «немощных» и «худых» «бесов» и их служителей - волхвов, Ян приказал им мстить за убитых матерей, сестер, и, кстати, «родичь» (т.е., возможно, погибли все же не только женщины) [29. Л. 66]. Жители местных погостов по Шексне и Волге, от Белоозера до Ярославля (как плыла ладья Яна Вышатича) «избиша» [убили] «кудесников» (числа, которых, правда, не указывается). Убитых повесили на дереве, где их потом «угрыз» медведь. В этом факте некоторые исследователи видят приобщение к тотему, а в повешении – особую почесть в виде захоронения на священном дереве [42. С. 112 – 115, со ссылкой на: 29. С. 207 – 208, 210, 212]. Так же случайностью, но «отрицательной», продолжением мистической кары за преступление, считает это «угрызание» Н.Н. Воронин [7. С. 76 – 78].

Однако с точки зрения морально-правовой оценки степени тяжести преступления мятежниковважнее не эти предполагаемые идеологические парадигмы, а сухие цифры – количество и состав наказанных, а их, судя по всем ранним летописям (Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской), было всего д в о е – везде при описании следствия над волхвами и процесса их наказания используется «двоичное» число [29. Л.59об. – 60; 30. Л.65об. – 66; 31. Л. 103об. – 104об.]. Это же число использовано и авторами записи о поимке «волхвов» белозерцами – «яша я»–в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях [29. Л.59об.; 30. Л.65об.]. А вот в наиболее поздней из трех (по времени написания самого сохранившегося текста, а не содержащейся в нем редакции ПВЛ) летописи – Радзивилловской использовано множественное число – «яша их» [31. Л.103об.], хотя далее под следствием также были только двое предводителей и они же подверглись смерти. Возможно (если это не ошибка переписчика), остальные пойманные мятежники (те, что не убивали) были наказаны мягче, как «обманутые». В этой связи знаменательно, что в предположительно наиболее поздней версии событий, изложенной в «Летописце русских царей», восходящему к «Летописцу Переславля Суздальского», созданному в 1215 г. [32.С.IX], множественное число используется по отношению ко всем фазам события [32. Л.506 об. – 507]. Так или не так, но в правосознании более поздних переписчиков, вероятно, даже сам факт участия в мятеже должен строго караться. Впрочем, и во время кризиса 1067 – 1071 годов имелся факт жестокой внесудебной расправы княжеской власти над б ы в ш и м и участниками мятежа 1068 г. Сын великого князя Изяслава, вернувшегося с польской помощью возвращать «отний» престол и обещавшего «кыянам» не наказывать их, - Мстислав, вступив в Киев раньше отца и в нарушение клятву последнего, «исече Кияны, иже беша высекли [освободили из поруба]Всеслава числом 70 чади, а другия слепиша, другия же без вины погуби не испытав» [29.Л.58об.]. Налицо гораздо более суровое (если только ЛРЦ не отражает хоть часть действительности), чем в Ростовской земле, наказание мятежников. Возможно, это связано с посягательством уже не только на имущество государства и людей князя (да и то предположительно), но и на сами основы власти – монополию назначать правителя (решение избрать Всеслава было приняло на вече под давлением «людей». Поэтому, хотя летопись и не фиксирует факты убийств кого бы то ни было в ходе восстания в Киеве в 1068г., а только грабежи имущества князя, наказание было чрезмерно суровым. Даже Церковь в лице летописца косвенно осудила его, отметив в конце именно этой же статьи, что « Мстислав… же вскоре умре» [29.Л.58об.]. Не избежал небесной кары и его отец, уже второй раз нарушивший крестное целование (первый раз – Всеславу в 1067г.) и тем навлекший беды на Русскую землю: в 1073г. его изгнали из Киева родные братья, а в 1078 г. он был обманом убит. «Се же Бог яви силу Крестную» [29.Л.58].

Суммируем. Люди XI в. в своих поступках исходили из с в о е г о, как личностного, так и социально обусловленного представления, «понятия» о «правильном», должном, справедливом, выгодном, облекая его в религиозную форму (и языческую, и христианскую), но все более стараясь соотнести это свое представление не только со своей силой и возможностями, но и с существующими правовыми нормами. Они тем более становились необходимыми, ибо у представителей власти, с одной стороны, и разных фракций общества, с другой, возникает все большее расхождение в понимании «должного» и «справедливого», несмотря на усилия Церкви сгладить эти противоречия наставлениями как «обществу», так и «власти» - например, в «Изборнике Святослава» (но это – отдельная тема исследования).

Новые вызовы и ответы на них (в т.ч. и действия Яна Вышатича), появившиеся в годы междоусобных войн и народных волнений 1067 – 1071 гг. вылились в конкретные нормы «Краткой редакции» Русской правды. Ее принятие в 1072 г. стало триумфом порядка, права и единства трех старших Ярославичей и завершением становления государственности. Однако… буквально через год порядок престолонаследия внутри рода Рюриковичей, установленный перед смертью тогда уже «цесарем (царем) нашим» (Ярославом Мудрым) [36. С.14. 419; 30. Л. 60 – 60 об.] был грубо нарушен двумя младшими братьями – Святославом и Всеволодом, без всякого повода и «компенсаций» выгнавших старшего Изяслава из Киева. Летописец не смог найти никакого морального, правового, да и просто разумного оправдания этому поступку.Он объяснил его исключительно кознями дьявола, как бы бравшего реванш за предшествующие успехи христианского единения, символом которого стало перенесение всеми старшими князьями мощей их святых покровителей – святых «страстотерпцев» Бориса и Глеба в Софию Киевскую [30. Л. 67]. Уже в 1073 г. «въздвиже диавол котору в братьи сеи Ярославличих и бывши распри межи ими» [30. Л. 67 об.].

In 1071year the peasant's rebelliontook place in the North (Rostov) part of Old-Russian state as the last event of crisis period (1066-1071). The rebellions –so called "smerds" were going during the banks of Volga and other rivers of this Landfrom Yaroslavl till Beloozero(the town on White Lake, or Alaborg in Scandinavian Sagas). The pagan priests, which were on the head of rebellion, caused by famine, killed with rites the "best women", who (under the words of "volhwes") were guilty in the famine. The rebellion was overborne by boyarin of prince Sviatoslav Yan Viashatich, who was collecting the taxes in the neighbourhoodof Beloozero. 12 professional warriors of Yan defeated 300 peasants, but it was impossible for them to catch the leaders in the forest. Yan used the specific features of Russian mentality and law to force the population of Beloozero to catch the rebels. Then the problem of punishment appeared- the absence in Russian law the rule the death punishment. After the investigation, religious dispute Yan orderedthe relatives of murdered women to employ the rule of "blood revenge".The rebellion, its overbearing, the methods of investigation and punishment were the clear reflection of specific features of Russian mode of life, pagan and Christian mentality, law consciousness in the period of transformation from pagan and tribal community to Christian and state society.
Keywords: *rebellion, mentality, "usual law", pagan religion, rite, Christianity, tax collection, famine, sententious reflection of events.*

Список сокращений
ИП –Ипатьевская летопись
ЛЛ –Лаврентьевская летопись
ЛРЦ –Летописец русских царей
НПЛ – Новгородская первая летопись
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН- Российская Академия наук
РЛ – Радзивилловская летопись
РП – Русская правда
САИ – Свод археологических источников

Список литературы

1. Арциховский А.В., Киселев С.В. К истории восстания смердов 1071 г. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7 – 8.
2. Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1982.
3. Бессонов И.А. Религиозный и культурный контекст движения волхвов в 1060 – 1070-е гг. // StudiahistoriaEuropaeorientalis (Исследования по истории Восточной Европы). Минск, 2014. Вып. 7. С. 22 – 5.
4. Бондаренко Д.М.Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами. К вопросу о возникновении классов и государства Ранние формы социальной стратификации. М.: «Наука», 1993. С.148 – 166.
5. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов (с предисловием редактора Плетневой С.А.). М.: «Наука», 1978.
6. Воронин Н.Н. Восстание смердов в XI в. // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 54 – 61.
7. Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 40 – 78.
8. Гуревич А.Я. История и сага. М.: «Наука», 1972.
9. Дуглас Д.Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050 – 1100 гг. СПб.; «Евразия», 2003.
10. Душечкина Е. Прения Яна Вышатича с волхвами// Quinauagenario. Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту,1972.
11. Иларион. Слово законе и благодати («О Законе Моисеомъ данеемъ ему и о Благодати и истине Исусъ Христомъ бывшимъ… и похвала кагану нашему Владимиру») // Древняя русская литература. М.: «Просвещение», 1988. С. 30 – 33.
12. История Средних веков. Ч. 1. Под ред. З.В. Удальцовой, С.П. Карпова. М.: «Высшая школа», 1990.
13. Казачкова Д.А. Към вопроса за богомильската ерес в древна Русiа през XI в. // Исторически преглед. 1957. Т. 13. № 4.
14. Климишин И.А. Календарь и хронология. М.: «Наука», 1990.
15. Котышев Д.М. От «родового строя» к «родовому сюзерену»: княжеская власть в парадигмах советской исторической науки // Историк в меняющемся пространстве Российской культуры XVIII – XX вв. Челябинск, 2006.
16. Кочакова И.Б.Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М., 1986.
17. Куббель Л.Е. Очерки по истории потестарно-политической этнографии. М., 1988.
18. Кучкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X – первой половине XIII вв. // История СССР. 1965. № 2.
19. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XV вв. М., 1984.
20. Мавродин В.В. К вопросу о восстаниях смердов // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 6.
21. Мавродин В.В. Древняя Русь (происхождение русского народа и образование Киевского государства). Л.: ОГИЗ, 1946.
22. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период: князь, бояре и городская община. СПб., 2001.
23. Мартынов Н.М. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI в. // Учен. зап. Вологодского пединститута. Вологда, 1948. Т. IV
24. Мельников – Печерский П.И. Полн. собр. соч, т.7. СПб., 1909.

25.Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М.: «Наука», 1986. С. 149 – 157.

26.Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1950.

27.Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Хронология. М.: «Высшая школа», 1981.

28.Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

29.ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: «Восточная литература», 1962.

30.ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: «Восточная литература», 1962.

31.ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л.: «Наука», 1989.

32.ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: «Археографический центр», 1995.

33.Рапов О.М. О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // История СССР. 1979. № 2.

34.Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян//Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI -XIIвв.). М.: «Наука»,1991.С.116 -137.

35.Русская правда «Краткой» и «Пространной»редакций // Материалы по истории СССР. Русская феодальная деревня XI – XVI вв. Под ред. А.А. Горского. М.: «Высшая школа», 1987.

36.Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI – XIV веков // САИ, Е1-44. М.:»Наука», 1964.

37.Рыбаков Б.А. Смерды // История СССР. 1979. № 1, 2.

38.Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.

39.Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI – XIII вв. М., 1955.

40.Толочко П.П. Южная Русь в период феодальной раздробленности // Польша и Русь: Черты общности и своеобразие в политическом развитии Руси и Польши XII – XIV вв. М., 1974.

41.Толочко П.А. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

42.Фроянов И.Я. Древняя Русь IX – XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012.

43.Шинаков Е.А. О времени создания так называемого «Введения к Начальному своду»// Проблемы славяноведения. Вып. 4. Брянск: Изд-во БГУ, 2002.

44.Шинаков Е.А. «Правоохранительные органы» Древнерусского государства // Право: история, теория, практика. Вып.8.Брянск, 2004.

45.Шинаков Е.А. Что считать периодом «раннего государства» в процессе складывания Древней Руси?//Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза // XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19 – 21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., Институт всеобщей истории РАН, 2011. С.324 – 328.

46.Шинаков Е.А. Древнерусские села и загородные резиденции Брянского ополья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Изд –во РАН, 2014. С. 194 – 197.

47.Шинаков Е.А. О сакральной санкции права смертной казни// Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза // XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 291 – 296.

48.Шинаков Е.А.Три «села» в Трубчевском ополье // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2015 г. – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2016.

49.Шинаков Е.А., Ерохин А.С., Ващейкин Ф.Е. Пути к государству. "Раннее государство" - за и против. Saarbrucken: LambertAcademicPub. 2014.

50.Шинаков Е.А., Пискунов В.О.Балтский этнический компонент населения владельческих сел середины XI – XIII вв. Среднего Подесенья // Ежегодник НИИ фундаментальных прикладных исследований за 2013 год. Брянск: РИО БГУ, 2014. С. 121 – 127.

51.Шинаков Е.А., Поляков Г.П. Этнический и социальный состав предгородских центров Среднего Подесенья в период сложения, расцвета и кризиса Древнерусского государства(серединаX – серединаXII вв.) (по материалам статистико –комбинаторного анализа 1986 года Кветуньского некрополя)//Вестник БГУ 2012. №2. С.156 -164.

52.Шинаков Е.А., Пономарева В.П. Общественная власть и социальные нормы на ранних этапах политогенеза // Право: история, теория, практика. Вып.9. Брянск: Изд-во БГУ, 2005. С.288 – 303.

53.Щавелев С.П. Родовой сюзеренитет династии Рюриковичей в системе политического устройства Древней Руси // ПС. Труды центра славяноведения. Вып. 2. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 13 – 25.

Об авторе

Шинаков Е.А. – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *shinakov@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09”18”

«РЫБАКИ» И «ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ» Д.В. ГРИГОРОВИЧА КАК ОДНИ ИЗ ПЕРВЫХ ЭПИЧЕСКИХ РОМАНОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В.Г. Андреева

Автор статьи рассматривает романы Д.В. Григоровича «Рыбаки» и «Переселенцы» как один из первых опытов создания эпических романов на русской почве во второй половине XIX века: отмечает, что широкое изображение народной жизни, осмысление писателем ценностей и забот простого русского человека помогли ему создать масштабные художественные миры, содержащие образы и мотивы, важные для понимания пути преображения человека и мира.
Ключевые слова: *Д.В. Григорович, роман из народной жизни, эпический роман, жанр, художественный мир, мотив, коллективное и индивидуальное.*

Романы Д.В. Григоровича «Рыбаки» (1853) и «Переселенцы» (1855) относятся в литературоведении, как правило, к романам народническим или романам этнографическим. Между тем, среди всех русских писателей второй половины XIX века именно Григоровичу принадлежит одна из ранних попыток создания эпического романа. А.А. Тимакова справедливо подчеркивает, что указанные романы Григоровича необходимо рассматривать не столько как результат влияния «натуральной школы», сколько как «факт все возрастающего влияния новых тенденций в реализме, связанных с более широким осмыслением конкретных, подчас чисто бытовых фактов и противоречивых социальных явлений 50-х годов». А.А. Тимакова проницательно отмечает, что Григорович не только шагнул далеко вперед в разработке новой жанровой формы, но и «одним из первых в русской литературе предпринял попытку создания эпического произведения романной формы из жизни простолюдина» [8, с. 170].

Примечательно, что еще до романов «Рыбаки» и «Переселенцы» Григорович написал роман «Проселочные дороги», в котором он во многом подражает Н.В. Гоголю. Критики и литературоведы справедливо называют этот роман подражательным и растянутым. Но нам важнее другое: в «Проселочных дорогах», вероятно, можно наблюдать первую, пусть еще неудачную попытку создания Григоровичем эпического романа.

По нашему мнению, эпические начала романов «Рыбаки» и «Переселенцы» Григоровича были положены вообще в основу русского народного романа, послужили той благодатной почвой, на которой в дальнейшем рос и развивался русский реалистический роман в его «левой» ветви развития (романы П.И. Мельникова-Печерского, Н.Н. Златовратского, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др).

Постараемся показать, что русский реалистический роман из народной жизни содержит многие яркие особенности, которые являются отличительными признаками эпического романа, возникшего во второй половине XIX века на русской почве. А.А. Тимакова отмечает, что основа жанровой типологии народнического романа, истоки этой типологии находятся «в жизни самого народа, в эпическом воспроизведении не только бытовых условий, но и склада мышления, особенностей психологии и речи представителей народной среды» [8, с, 170]. С исследовательницей трудно не согласиться. Однако, на наш взгляд, у Григоровича и его последователей есть и тот общий философско-религиозный, широкий взгляд на мир, жизнь, мироздание, который и стал основой русского эпического романа в целом.

Эпический роман, возникший в результате диалога и полемики русских писателей второй половины XIX века в их движении к новому жанру, стал поистине «формой времени». Как справедливо отметил Н.Л. Лейдерман, определение «эпический» помогает подчеркнуть «секрет вечного обновления этого жанра, движущегося вместе с жизнью». «В романе эстетическое освоение диалектической многосложности жизни возводится в *конструктивный принцип* художественного мира. Жанровая структура, выстраиваемая в романе, представляет собой “модель” тех связей и отношений “человеческого мира”, диалектическим сцеплением, борьбой и единством которых держится и движется жизнь. В эстетическом освоении связей действительности, диалектики противоположностей, единства процесса жизни, неостановимого развития и непрекращающейся борьбы состоит эпическая сущность романа нового времени».

При характеристике уникальности русского реалистического романа, обнаружении его отличий от романа западноевропейского определение «эпический» подчеркивает мысль о величии, широте жизни. Русские писатели не просто выявляли причины и поводы явлений, осознавали случайности и закономерности, размышляли над последствиями и возможным развитием событий, но и находили истинные правила жизни, стремились показать, что отклонения от них становятся причиной неудач и трагедий.

Исследователи справедливо отмечают, что русская литература, освобождаясь от груза риторики, «как бы развернула в обратном порядке тот путь, который поэтическое мышление в свое время прошло от Гомера до риторической поэзии», что в какой-то момент «она достигла гомеровской вольности и широты на совсем не гомеровском материале современной жизни» [4, с. 32–33]. Действительно, многие романы второй половины XIX века, за исключением, наверное, только «Войны и мира» Л.Н. Толстого, повествуют не о подвигах полководцев

и судьбах, решаемых в результате значительных побед и поражений, но, как правило, о простых людях, их взаимоотношениях. Однако через личное русские писатели научались выходить к всечеловеческим масштабам.

Роман Д.В. Григоровича «Рыбаки» и «Переселенцы» и стали первыми образцами эпических романов; их автор смог представить неразрывное соотнесение «личного» и «общего», не просто выдуманное, но перенесенное им в литературу из жизни. Речь идет как о способности русских писателей к изображению жизни в ее непредвзятом виде, так и об особенном видении, присущем нашему народу, самим русским писателям. «В русском обществе есть важная отличительная черта – для нас коллективное первичнее, нежели индивидуальное. Соответственно, та социология, которая изучает русское общество, должна отталкиваться именно от этого принципа. Если мы будем дробить наш народ на индивидуумы, опрашивать его, пытаться получить общее мнение, мы никакого общего мнения не получим. В момент разделения на индивидуальность мы утратим самое главное. Если механический прибор можно разобрать, а потом собрать, то живое существо (как, например, кошку или собаку) разобрать и собрать не получится. Поэтому и к русскому народу надо относиться с точки зрения социологии Большого человека. Все русские, все наше общество формирует некое единое существо, смысл, значение и реакции которого надо понять. Это, кстати, отличие нашей коллективистской социологии и антропологии от западноевропейской. Неслучайно многие соцопросы, исследования русского общества, в которых игнорируется данная особенность нашей антропологии, становятся неадекватными», – отмечает А. Дугин [3].

Обратимся к двум примечательным, на наш взгляд, цитатам Л.Н. Толстого о романах Григоровича. В дневнике от 26 октября 1853 года Толстой отмечает: «Простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишений жизнью, что как-то нехорошо нашему брату искать и описывать в нем дурное. Оно есть в нем, но лучше бы говорить про него (как про мертвого) одно хорошее. Это достоинство Тургенева и недостаток Григоровича и его рыбаков. Кого могут занять пороки этого жалкого и достойного класса? В нем больше доброго, чем дурного; поэтому естественнее и благороднее искать причины первого, чем второго» [9, т. 46, с. 184]. Интересно, что это достаточно противоречивое высказывание Л.Н. Толстого, очень не характерное, к примеру, для писателя времен создания «Войны и мира». Немного позднее Толстой будет воспринимать романы Григоровича и Тургенева наоборот: открывая достоинства Григоровича и односторонность Тургенева в описании русского народа. Цитата эта, содержащая столь нехарактерное сравнение народа с мертвецом, фактически невозможное в творчестве зрелого и позднего Толстого, показывает нам, что сам Лев Николаевич в это время еще не дорос до вершин реализма и широты эпического мышления Григоровича. Нельзя, кстати, исключать и того факта, что романы Григоровича оказали на Толстого очень большое влияние.

Уже в 1856 году, Толстой, которого сложно упрекнуть в неискренности и способности льстить, в письме к Григоровичу хвалит его «Переселенцев»: «Давно, давно собирался вам писать, во-первых, о впечатлении довольно выгодном, которое произвел ваш “Пахарь”, а во-вторых, впечатлении прекрасном, которое произвела на меня ваша апрельская часть “Переселенцев”. Теперь ничего не напишу исключая того, что ужасно вас люблю и желаю вас поскорей видеть» [9, т. 60, с. 59]. Скорее всего, в три года, прошедшие со времени вышеупомянутого отзыва Толстого, писатель понял глубину описаний народа и крестьянской жизни в романах Григоровича, сам Григорович отошел от своего более раннего пессимистического взгляда на русского мужика и деревенскую жизнь, а Толстой осознал изменение его воззрений. Чтение «Переселенцев», фактически второй части дилогии Григоровича о русском народе (вспомним подзаголовки к обоим романам: «Роман из простонародного быта» и «Роман из народного быта»), скорее всего, показало Толстому истинный смысл неприкрашенного повествования Григоровича.

Изображая русский народ, писатель не избегает темных и мрачных сторон. В своих эпических романах Григорович не останавливается единственно на отрицательных сторонах народной жизни, как это было в его ранних повестях («Деревня», «Антон-горемыка»). Теперь, наряду с мрачными картинами, романы Григоровича проникнуты трепетной любовью к русскому народу, его истории: «Появляется некоторая теплота в изображении крестьянских характеров. В отношении же отдельных ведущих персонажей (Глеб Савинов, Иван, Катерина) можно сказать, что писатель сознательно поэтизирует их трудолюбие, оптимизм, проводя тем самым характерную для эпических произведений мысль о величии и силе таящихся в народной среде возможностях» [7].

Очень важно, что в обоих романах Григорович выходит к эпосу благодаря раскрытию семейной темы, отталкиваясь от образа семьи и рассматривая семью как единственно верную и гармоничную основу для объединения людей. В центре романа «Рыбаки» – семья Глеба Савинова. Григорович показывает, чем живет эта семья, как в нее вливаются новые, пришлые люди, как они становятся «своими», а после фактически и разрушают семью. К Глебу Савинову, отцу трех сыновей, помогающих ему в работе и старательно занимающихся общим рыбацким промыслом, приходит дальний родственник его жены, Аким с сыном Гришей. Примечательно в романе увидеть тот факт, что в семью Савиновых принимают людей, абсолютно чуждых ей по духу. Григорович подчеркивает абсолютную неспособность Акима к труду, его бродяжническую сущность: «Живал он в пастухах, нанимался сады караулить, нанимался на мельницах, на паромах, на фабриках, исходил почти все дома во всех приречных селах – и все-таки нигде не пристраивался» [1]. Автор объясняет читателю, что бродяжничество Акима связано не с невезением, а с его бездельной сущностью, не случайно Григорович называет своего героя «пустопорожним работником».

Именно такой человек и его отпрыск оказываются пристроенными в доме Глеба Савинова – славного патриархального хозяина. После смерти родного отца, становясь приемным в семье Глеба Савинова, Григорий привносит в его дом элемент хаоса, разрушения. Очень символичным для всего романа оказывается поведение маленького

Гриши, еще не умеющего притворяться и лгать. Так, видя со стороны взрослых преимущественно доброе отношение, Гриша предпринимает попытку поджога дома, с первых же дней берет верх над родным сыном Глеба, Иваном. После Григорий на самом деле окажется единственным виновным в крахе семьи, дома Савиновых.

В романе «Переселенцы» автор также обращается к образу семьи, показывая читателям крестьянскую семью Тимофея Лапши и дворянскую семью помещиков Белицыных. В «Переселенцах» писатель огромное внимание уделяет вопросу взаимоотношения членов семей, иллюстрируя, как поступают в сложных жизненных условиях благородные и добрые люди. В «Переселенцах» Григорович иллюстрирует важность и значимость общественного мнения, его силу, нередко сокрушительно действующую на человека, оказывающегося предметом внимания. Так, глава изображаемого Григоровичем крестьянского семейства представляет собой образец робости, бессилия, ничтожества: «Один вид приближавшегося мужика невольно уже как-то приводил на память данное ему прозвище. Нельзя сказать, чтоб он был чрезмерно тощ, белокур и длинен; но все существо его, казалось, насквозь проникнуто переминаньем и мямленьем. Ногами передвигал он довольно скоро, но они выступали нерешительно, путались и бились друг о дружку; туловище его с узенькою, глубоко впалою грудью и руки словно повиновались движению ног и колыхались без всякой видимой цели <…>. Словом, это был совершеннейший тип бессилия и слабости. Физическое бессилие, казалось, соответствовало в нем и нравственному» [2]. Григорович показывает, что крестьянская семья Лапши держится единственно на его жене Катерине, в отличие от мужа считающей своей главной ценностью своих детей, а также способной на решительные поступки.

Примечательно, что обращаясь к социальным проблемам, к вопросам взаимоотношений героев в романах «Рыбаки» и «Переселенцы», исследователи русской литературы почти не обращали внимания на важнейшие мотивы, которые помогают правильно понять всю глубину произведений и их основные конфликты, уяснить их эпическую сущность.

Так, почти все историки литературы, обращавшиеся к анализу романов Д.В. Григоровича, останавливаются на описании жизни патриархальной семьи Глеба Савинова, на внешних причинах ее распада, связанных с бездумным и потребительским поведением приемного сына Глеба Савинова – Григория. Действительно, события в романе, пространные описания, которые во многом способствуют созданию эпической полноты повествования, значат многое: писатель показывает, как уклоняясь от послушания отцу, отделяются старшие браться Савиновы, как пренебрегает заветами приемного отца Гриша, начинающий выпивать и подпадающий под влияние фабричных, атмосферы разгула. Так, Л.М. Лотман отметила эпическую сущность фигуры Глеба Савинова, мужика, «любящего свой труд, хозяйственного, сильного и смелого, но упрямого и сурового с домашними и работниками». Между тем, исследовательница считает неуместным консерватизм героя, на котором, по ее мнению, и основано единство семьи: «Григорович подробно останавливается на семейных отношениях Савиновых. Он показывает забитость тетки Анны, суровость и жестокость старших сыновей, Петра и Василия, их стремление выйти из-под опеки отца и жить отдельно, деспотизм Глеба и его эксплуататорское отношение к работникам и приемышу. Все это придает большую жизненность образам “Рыбаков”» [6].

Рассуждая о романе «Переселенцы», исследователи констатируют контраст в изображении Григоровичем двух полярных миров (крестьянского и дворянского), позволяющий показать драматическое противостояние двух культур, двух разных уровней, анализируют отдельные образы, наиболее удавшиеся Григоровичу и пытаются вычислить меру поэтизации Григоровичем дворянской и крестьянской семей.

На самом деле, эпическую основу романов Григоровича можно увидеть, лишь прозревая глубину конфликтов, отношение автора к своим героям и уясняя хранимый в его художественном мире идеал. Для понимания эпичности романов Григоровича необходимо не просто перенести рассматриваемый им локальный семейный конфликт в более широкие пределы – рамки всей страны, необходимо открыть причины возникновения этих конфликтов, понять их глобальный смысл, заключающийся не просто в уяснении типичности образов, созданных Григоровичем.

И в «Рыбаках», и в «Переселенцах» Григорович не просто показывает разлагающее действие разгульной жизни на крестьян и пагубное влияние, оказываемое на них новыми дельцами-хищниками, думающими о легком обогащении за счет разорения народа, не просто иллюстрирует необходимость четкой жизненной позиции, внутренней силы того человека, на котором держится семья. Писатель демонстрирует нам два полюсных образа жизни, открывает две разные системы ценностей, которые и формируют мировоззрение его героев. Определяющими в этом случае оказываются вера и способность к труду, желание работать и готовность двигаться к лучшей жизни через препятствия и трудности.

Так, в образах Глеба Савинова в романе «Рыбаки» и Катерины в романе «Переселенцы», которые на первый взгляд, мало чем похожи друг на друга, Григорович показывает нам не просто хранителей семей, но людей, берегущих веру, те образцы народной морали, которые оказались поставленными под угрозу новыми модными веяниями.

Глеб Савинов передает все лучшее своим детям, прививает им светлые, положительные качества: жажду к труду, самопожертвование. А.А. Тимакова справедливо пишет, что в основе непреклонности Глеба Савинова лежит не стремление к деспотизму и тирании, а суровость его лишь внешняя, «обусловленная объективной необходимостью прокормить семью, удержать порядок, обеспечить достаток впрок» [8, с. 174]. Действительно, Глеб оказывается героем поистине эпического масштаба. Необходимость постоянного тяжелого труда в больших объемах, требуемого Глебом от своих родных и кажущаяся им непосильной тяжестью, на самом деле является благодатной защитой от греха и темных помыслов. Примечательно, что сам Григорович не только описывает непосильность крестьянского

рыбацкого промысла, но и поэтизирует его. И в борьбе человеческой натуры с природой, в стремлении победить время, противостоять ему фигура Глеба Савинова эпически красива. Более того, Григорович показывает, что перелом в Глебе, внутренний надлом, отразившийся на здоровье мужика, происходит не столько от работы, сколько от сознания неправедности ведомой его домашними жизни, ошибки, закрадывающейся в поведение и поступки и ломающей верный ход событий: «И добро бы управляла им на этот раз его неугомонная, деятельная природа; но на этот раз и того даже не было. Глеб трудился против сил; всегда крепкий и здоровый как дуб, он не переставал жаловаться на поясницу, на ломоту в плечах и ребрах, не переставал даже жаловаться на усталость, чего за ним отроду не водилось. Но обстоятельство это, вместо того чтобы ослабить в нем дух, казалось, усиливало только ту принужденную пугливую деятельность, о которой мы говорили выше; немало также способствовало к тому время, которое, как назло, сильнейшим образом благоприятствовало промыслу: рыба ловилась отлично. Взглянув на него, можно было думать, что от успеха промысла настоящей осени зависела судьба его жизни, всего его семейства» [1].

Лучшие герои Григоровича – это верующие герои, думающие о Боге и праведной жизни. И высшая правда, придающая романам Григоровича жизненность и эпическую широту – это именно Божественный закон, становящийся основой возрождения мира, свернувшего с верного пути. Примечательно, что говоря об этом законе, изображая людей, руководствующихся им, писатель показывает, что их не так уж много. Создаваемая Григоровичем пропорция в соотношении образов героев, наделенных разной сущностью, помогает писателю раскрыть смысл и оттенок изображаемой им эпохи.

В романе «Рыбаки» образцы христианского поведения мы видим на примере жизни дедушки Кондратия и Вани Савинова. Старик Кондратий, также как и Глеб Савинов занимающийся рыбным промыслом, но ведущий жизнь тихую, уединенную (примечателен в романе образ таинственного заречья, словно бы другого мира), отличается благонравием и добропорядочностью. А Ваня совершает поистине подвиг, когда отказывается в пользу приемного брата от любимой девушки, идет на службу за Григория. «Перестань!.. Бог милостив!.. Приду вовремя... Приду закрыть глаза твои... не навек прощаемся... Полно, батюшка! Не гневи господа бога! О чем ты сокрушаешься? Разве я худое дело какое делаю? Опомнись! Разве я в Сибирь за недоброе дело иду?.. Что ты?.. Опомнись! Иду я на службу на ратную... иду верой и правдой служить царю-государю нашему... Вишь: охотой иду, сам по себе... Полно, опомнись! Не сокрушайся, не мути меня, батюшка... Лучше ты без меня останься, чем увижу я тяжкий грех на душе твоей родительской!» – говорит Ваня отцу, успокаивая его и показывая, что для него много значит как слово отца земного, так и слово Отца Небесного [1]. Ваня проявляет всю сыновнюю почтительность, чтобы по мере возможности смягчить ту боль, которую своим решением он приносит родителям. Как истинный христианин поступает Ваня и в финале романа, возрождая семью Савиновых, собирая вокруг себя близких людей, чтобы жить по Божьи: «И снова сквозь темную листву орешника, ольхи и ветел стала просвечивать соломенная, облитая солнцем кровля; снова между бледными ветвями ивы показалась раскрытая дверь. Под вечер на пороге усаживался дедушка Кондратий, строгавший дряхлою рукою удочку, между тем как дочка сидела подле с веретеном, внук резвился, а Ваня возвращался домой с вершами под мышкой или неся на плече длинный сак, наполненный рыбой, которая блистала на солнце, медленно опускавшемся к посиневшему уже хребту высокого нагорного берега» [1].

Жизнь по совести, трудовая и честная жизнь оказывается в эпическом романе тем идеалом существования, который по силам каждому герою (хотя, понятно, не каждым принимается за таковой). Интересно в данном случае вспомнить Константина Левина, героя романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Каждый из персонажей романа «Анна Каренина» измеряется своей способностью приобщения к Божественной основе мира, причем это касается не только центральных героев, но и второстепенных персонажей, в том числе, героев из крестьян. Примечательно, что фраза Федора, заново открывшая Левину мир, содержит антитезу, причем противопоставленные стороны описываются говорящим с помощью указания на живых, знакомых крестьян: «Да так, значит – люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч – правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит» [9, т. 19, с. 376].

Несколько натянутый, идиллический финал видим мы в романе «Переселенцы», однако вряд ли можно в данном случае упрекнуть автора в отступлении от основных реалистических тенденций. Григорович отмеряет своим героям заслуженное ими счастье: оно не безоблачно, но является в романе следствием той праведной жизни, которая в эпическом масштабе непременно должна вывести героя к благодати. Так одним из самых пронзительных эпизодов романа оказывается обращение Катерины к Богу, ее мольба о сыне: «Господи! – сказала она, оглядываясь вокруг и осеняя себя крестным знамением, – господи, что это такое?.. Господи! Творец милосердый! – подхватила она, становясь на колени, подымая глаза к ясному, усеянному звездами небу, и с горячностью начиная снова креститься. – Господи! спаси его, детище мое ненаглядное! Сотвори, отец небесный, милость мне, грешной! Не дай, господи, пропасть ему у злых людей!.. Отыми, господи, силы мои, отыми хлеб мой, дай только взглянуть на него, моего дитятку!» [2].

Очень важно в данном случае, что само обращение героини к Богу меняет ее поведение, укрепляет ее в поиске сына: «Говоря все это, она горько плакала, но уж плакала как-то тихо, как бы боясь оскорбить излишним горем и недоверчивостью всевышнего, которого молила о возвращении сына» [2].

Примечательно также, что Григорович смог расширить границы повествования в своих романах за счет значимых символов. В «Рыбаках» таким символом становится дом, в котором живут герои (вспомним описание избы Савиновых, испуг всех членов семьи при вести о пожаре, мечты Глеба о новой избе, воплощение его идей и строительство нового дома, образ избушки дедушки Кондратия, наконец, дом Васи в финале романа), в романе «Переселенцы»

одним из значимых образов-символов становится родная земля: именно по родной земле-кормилице сокрушается Катерина уезжая из деревни, и не случайно в финале все судьбы автор объединяет под образом Марьинского.

Таким образом, романы «Рыбаки» и «Переселенцы» явились удачным опытом Григоровича на пути создания эпического романа, на пути поиска русскими реалистами второй половины XIX века новой художественной формы и жанровой разновидности, способных вместить всю глубины и противоречивость русской жизни. Масштабность романов Григоровича, их монументальность обусловлена как рядом поэтических особенностей, умело воплощенных писателем в художественном мире произведения, так и изображением веры народной, хранимого и дополняемого русскими писателями идеала человека.

The author of the article considers the novels "The Fishermen" and "The Settlers" by Dmitry Grigorovich among the first experiences of creation of epic novels in the Russian environment in the second half of the 19th century: she notes that the wide image of folkish life, comprehension ofvalues and concerns of a simple Russian by the writer helped the former to create the large-scale artistic worlds containing the images and motives important for understanding a way of transformation of the person and the world.
Keywords: *Dmitry Grigorovich, novel from folkish life, epic novel, genre, artistic world, motive, collective and individual.*

Список литературы

1. Григорович Д.В. Рыбаки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/grigorowich_d_w/text_1853_rybaki.shtml
2. Григорович Д.В. Переселенцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/grigorowich_d_w/text_1856_pereselentzy.shtml
3. Дугин А. Русская идентичность. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geopolitica.ru/node/153
4. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – 512 с.
5. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. – Свердловск: Сред.-ур. книж. изд., 1982. – 256 с.
6. Ломтан Л.М. Григорович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il7/il7-5962.htm
7. Тимакова А.А. Жанр народного романа в творчестве Д.В. Григоровича: дис. … канд. фил. наук. – Пенза, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/zhanr-narodnogo-romana-v-tvorchestve-dv-grigorovicha#ixzz3pZhIdGPr
8. Тимакова А.А. Эпическое изображение действительности как отличительная черта народного романа Д.В. Григоровича // Известия Пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – №3. – С. 170–174.
9. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. – М.: Худ. лит., 1928–1958.

Об авторе

Андреева В.Г. – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова.

УДК 80

НА ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКАХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА. К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

И.А. Биккулова

Статья посвящена проблеме постижения феномена русской культуры Серебряного века. В работе исследуется одна из частей историко-культурного процесса рубежа XIX-XX веков – систему новаторского Московского Художественного театра.
Ключевые слова*: Серебряный век русской культуры, традиции и новаторство, К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко, А.П. Чехов.*

…Если рвать с прошлым, так уж совсем... Это было не только новое видение мира во всем его чувственном великолепии и потрясающем разнообразии, мимо которого я еще вчера проходил равнодушно, просто не замечая его: это была вместе с тем новая философия искусства, героическая эстетика, ниспровергавшая все установленные каноны и раскрывавшая передо мной дали, от которых захватывало дух».

Бенедикт Лившиц

…новое и непонятное лезло из всех щелей.

Алексей Толстой

Феноменальный взлет духа, пророческой мысли и художественного мастерства в культуре русского Серебряного века содержал в себе и горькое забвение, и сознание прекрасной тленности красоты, и задавленные новым временем и ставшие ненужными новации. Яркий взлет кометы Серебряного века в 1917—1921 быстро погаснет. Гении устремятся за границу, пополнят список русских эмигрантов, многие умрут еще на родине. Кто-то попытается услышать ритмы и

звуки нового времени. Для многих эта попытка окажется трагической. Только на исходе XX века Россия повернется лицом к еретикам, бунтарям и мечтателям рубежа XIX—XX веков. Их творчество начинают изучать, на их новациях будут базироваться те, кто вновь будет себя считать революционером в искусстве. «Феномен русской культуры Серебряного века ждет своих исследователей» — фраза сакраментальная, но истинная. [1]

Одна из составляющих культурного феномена Серебряного века – театр. Мощная волна обновления, желание глубоких творческих преобразований в искусстве рубежа XIX—XX веков не могли не коснуться российской театральной культуры. Это вполне естественно, ибо (попробуем перефразировать известные слова Евгения Евтушенко) - театр в России был если не «больше», чем театр, то всегда центром культурной жизни и главнейшим среди искусств.

В конце XIX века русский театр оставался, по большому счету, «актерским», режиссер не был ключевой фигурой, об «ансамблевой» игре никто не помышлял, репертуар определялся личными пристрастиями. Мешало отсутствие твердых художественных сценических критериев, казенно-бюрократическая уставная рутина и, возможно, некая творческая робость. «Революция назрела», стала исторической необходимостью и в театре. Новаторский дух времени требовал перемен и творцов-реформаторов. Многие деятели отечественного искусства сознавали, что нужно не преобразование старого на сцене, а коренное организационное обновление и переустройство театральной системы. Тем более, что с 1882 года указом Александра III официально была отменена монополия дирекции императорских театров на театральные предприятия в столицах. Либеральный царский указ способствует началу активного расширения театральной сети за счет частных предприятий. Так на феноменальной почве Серебряного века появились такие реформаторы, которые заложили фундамент театра нового типа.

В московском ресторане «Славянский базар» 22 июня 1897 года состоялась встреча и легендарный восемнадцатичасовой разговор молодых актера и режиссера К.С. Станиславского и драматурга и критика В.И. Немировича-Данченко. Тогда никто не мог и помыслить, что эта встреча будет знаменовать начало эпохи фантастического расцвета российского театра и утверждения нового сценического языка.

«Беседа завязалась сразу и с необыкновенной искренностью... Не было ни одного места в старом театре, на какое мы оба не обрушились бы с критикой беспощадной... Но что еще важнее, — не было ни одной части во всем сложном театральном организме, для которой у нас не оказалось бы готового положительного плана-реформы, реорганизации или даже полной революции», — писал В.И. Немирович-Данченко [2,с.91]. Это подтверждает в своей знаменитой книге «Моя жизнь в искусстве» К.С. Станиславский: «Мировая конференция народов не обсуждает своих важных государственных вопросов с такой точностью, с какой мы обсуждали тогда основы будущего дела, вопросы чистого искусства, наши художественные идеалы, сценическую этику, технику, организационные планы, проекты будущего репертуара, наши взаимоотношения» [3,с.203]. Был составлен культовый протокол, где были отмечены принципиальные моменты нового дела в Москве. Теперь эти знаменитые принципы «системы Станиславского» известны, приняты на мировых сценах и бесконечно цитируются: «Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты»; «Вход в верхней одежде в зрительный зал запрещен»; «Всякое нарушение творческой жизни театра — преступление»; «Сегодня — Гамлет, завтра — статист, но и в качестве статиста от должен быть артистом»; «Поэт, артист, художник, портной, рабочий — служат одной цели, поставленной поэтом в основу пьесы»; «Театр начинается с вешалки...» и т.д.

Новый театр был назван принципиально точно: Московский Художественный Общедоступный театр (с 1901 года Московский Художественный театр). В первоначальном названии уже содержалась программа: гарантировался новаторский подход и высокий уровень искусства. К.С. Станиславский декларировал: «Нашим лозунгом было: «Долой отжившее! Да здравствует новое!» [3,с.235]. Кроме того, театр своим творчеством был обращен «ко всем», а не к избранной публике. Организаторы стремились к тому, чтобы небогатый класс людей, в особенности класс бедной интеллигенции, мог иметь за небольшую цену удобные места в театре. В.И. Немирович-Данченко писал, что публику «мы встретим... вежливо и любезно, как дорогих гостей, предоставим ей все удобства, но заставим подчиняться правилам, необходимым для художественной цельности спектакля» [4].

В области сценической постановки новый театр утверждал принципы подчинения ансамбля актеров единому творческому замыслу создателей спектакля. Сегодня уверенно можно констатировать, что выстроенная система организации Художественного театра славится наравне с великим искусством этого театра. Система МХТ серьезно будет влиять на сценическое устройство мировых подмостков XX века.

Действительно, реформы, воплощенные на московской сцене, можно смело назвать революционными. Сегодня принципы устройства Художественного театра стали привычными, распространились по всему миру, и уже никто не называет их феноменальными. Но кто-то всегда «придумывает азбуку», а «большое» видится только на «расстоянии».

Выделим некоторые принципиальные вещи в организации МХТ, для того времени совершенно новаторские: репертуар состоит из нескольких пьес, не должно быть никаких еженедельных представлений (заметим, что в провинции каждую пятницу шел премьерный спектакль); каждая мелочь костюма и декорации специально создаются к каждому спектаклю и соответствуют времени действия; оркестр располагается только за кулисами; никаких оваций и «подношений букетов» во время спектакля; вход после третьего звонка и хождение по залу во время спектакля строжайше запрещены; отмена актерских бенефисов и всяческого «премьерства», существует только единый ансамбль актеров; спектакль готовится тщательно, режиссерским репетициям отводится главнейшее место; «вживание» актера в роль — это целая система творческой работы; и главное - стремление к полной художественной

правде и абсолютной достоверности жизни на сцене, никакой картонной фальши и театральной лжи.

До новаций Художественного театра никогда не была так важна содержательная сторона работы режиссера. Ему была впервые отведена ключевая роль на репетиции в подготовке спектакля. Режиссер в МХТ (далее — везде!) становится многоликим: он и «толкователь» роли, и «зеркало» для актера, и организатор всего спектакля, и педагог. В.И. Немирович-Данченко писал: «Режиссер-директор, единая воля режиссера, — вот в чем была важнейшая разница между старым театром и нами... Станиславский ли в своих репетициях, я ли — мы захватывали власть режиссера во всех ее возможностях... Одно из моих любимых положений, которое я много раз повторял, — что режиссер должен умереть в актерском творчестве...» [2,с.141].

Премьерный «Царь Федор Иоаннович» по пьесе А.К. Толстого поразил публику полной правдоподобностью исторической жизни, отсутствием наигранного «актерства», удивительными общими сценами, где в массовке у каждого было собственное лицо.

Но в театре Станиславского и Немировича-Данченко была не просто жизнеподобная игра, это было полное перевоплощение актеров в сущность живого человека. На сцене были люди, которым верили, которых видели и знали в жизни. Психологическая правда будничной обстановки на сцене, полное отсутствие ложной патетики и слезливой мелодекламации потрясала больше, чем театральная раскрашенная жизнь. К любому проявлению фальши на репетиции была обращена теперь культовая фраза Станиславского: «Не верю!», и актеры играли так, что зритель верил абсолютно. На премьере пьесы М. Горького «Дети солнца» (1905) публика приняла толпу «холерного бунта» за настоящих погромщиков, вломившихся в театр, и бросилась защищать артиста В. Качалова.

Сила впечатлений от спектаклей МХТ была сразу настолько велика, что провинциальные театры стали копировать манеру игры актеров Станиславского, переносить их мизансцены на свои сцены. Современники отмечали, что тщательно сделанные спектакли театра, репертуар МХТ серьезно повлиял на многочисленные сценические площадки в России. Л. Тихвинская отмечает, что «МХТ вытеснил уродливые мелодрамы со сцены... «Дядя Ваня» заменил «Воеводу-Волчий хвост», «Мещане» идут вместо «Гаэтано-убийцы», а «Жизнь Человека» Л. Андреева заменила «Записки Демона»... [5].

«Система Станиславского» явилась первым в истории мирового театра опытом обоснования методики режиссерской техники и актерского мастерства. По «системе» (это слово ныне понятно во всем театральном мире) велась работа по «вживанию» в образ, ежедневно совершенствовалась техника, дикция, пластика. Станиславский считал, что нужно уметь оправдать каждое слово и жест на сцене, надо «влезть» в шкуру персонажа, буквально стать им. Эта «внутренняя и внешняя работа артиста над ролью и над собой», поиск «зерна роли» по «системе» стала итогом лучших достижений театральной культуры предшествующих эпох и закладывала новаторскую основу организации театра XX века.

Для нового театра необходима была новая драматургия. По мнению основоположников Художественного, «наиболее верными и нужными искусству того времени» [3, с.223] были пьесы А.П. Чехова. История мирового театра не знает большего совершенного сочетания драматурга и режиссера, как Чехов и Станиславский. Чеховские постановки Станиславского — до сих пор лучший лавр в венке МХТ.

Многие попытки мирового театра XX века перенести на сценический язык пьесы Чехова оказались неудачными. Старые приемы игры не давали нужного результата. И до сих пор особую трудность прочтения вызывает созданная драматургом особая значимость поэзии обыкновенной жизни, глубинный подтекст чеховских пьес. Главная заслуга МХТ — найденный новый подход к Чехову. Зрители уходили потрясенные с «Чайки», «Дяди Вани», «Вишневого сада». «Я не берусь описывать спектакли чеховских пьес, — размышлял Станиславский, — так как это невозможно. Их прелесть в том, что не передается словами, а скрыто под ними или в паузах, или во взглядах актеров, в излучении их внутреннего чувства. При этом оживают и мертвые предметы на сцене, и звуки, и декорации, и образы, создаваемые артистами, и самое настроение пьесы и всего спектакля. Все дело здесь в творческой интуиции и артистическом чувстве» [3, с.224].

Чеховские спектакли в МХТ захватывали сидящих в зале какой-то гипнотической силой — об этом вспоминают многие. Мхатовская эстетическая требовательность к действу позволила осмыслить сквозь внешнее поведение внутреннюю сложность человека, зрителей окутывал звучащий поток жизни: тиканье часов, движение сверчка, стук дождя, шорох листьев — это было совершенно неожиданно. Тексты «большой» литературы, все детали спектакля, звуки, музыка, кажущиеся незначительными вещи — все сливалось в единое настроение и потрясало навсегда. В 1909 году А. Блок писал матери: «...я воротился совершенно потрясенный с “Трех сестер”. Это — угол великого русского искусства, один из случайно сохранившихся, каким-то чудом не заплеванных углов моей пакостной, грязной, тупой и кровавой родины... И даже публика —дура, — и та понимает. Последний акт идет при истерических криках. Когда Тузенбах уходит на дуэль, наверху происходит истерика. Когда раздается выстрел, человек десять сразу вскрикивают плаксиво, мерзко и искренно, от страшного напряжения, как только и можно, в сущности, вскрикивать в России. Когда Андрей и Чебутыкин плачут, — многие плачут, и я — почти. Я не досидел Метерлинка и Гамсуна, к Ревизору продирался все-таки сквозь полувековую толщу, а Чехова принял всего, как он есть, в пантеон своей души, и разделил его слезы, печаль и унижение...» [6].

Чеховская «Чайка» навсегда стала символом Художественного театра, ее облик изображен на занавесе МХТ. Летящая в зал «Чайка» напоминает не только о великом спектакле этапного периода, но и символизирует свободный творческий полет, который так отличал жизнь искусства Серебряного века.

В МХТ было создано немало легендарных спектаклей: «На дне» по пьесе М. Горького, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского, «Живой труп» Л.Н. Толстого, «Синяя птица» М. Метерлинка и другие. Эти и другие спектакли с большим успехом театр вывозил на гастроли.

Старый театрал в письме к Станиславскому писал: «Ваши лучшие постановки мы ходили смотреть без счету раз, и не смотреть только, слушать их мы ходили, как музыку, и, слушая, испытывали счастье...» [3, с.264]. Киевский критик на гастролях МХТ в Киеве сравнивал свои чувства от спектакля «Вишневый сад» с чувствами мусульманина, входящего в Мекку. Критик П. Гнедич назвал постановки «Дяди Вани» и «Чайки» «эрой в сценическом искусстве» [7]. Во многих мемуарах Серебряного века сохранились воспоминания о том, как по ночам весело дежурили у билетных касс театра с надеждой на утренний билетик (один студент-электротехник простоял девятнадцать часов!). Писатель Е. Шварц вспоминал, как ему в юности «достался каким-то чудом билет в Художественный театр... мне уступили билет как новому человеку, которому пора приобщаться к главному чуду города... Итак, я шел в Художественный. С утра я готовился к этому чуду...». Хочется обратить внимание на неоднократное упоминание слова «чудо» в небольшом отрывке дневника будущего маститого драматурга. Кстати, от волнения он опоздал на спектакль и снова был удивлен, что «опоздавших в зал не пускали... Вежливый пожилой капельдинер объяснил мне не без удовольствия, что придется обождать антракта» [8]. Таковы были новые правила в русском театре.

С 1906 года МХТ выезжает на гастроли за границу. Блестящие рецензии были посвящены чеховским и горьковским спектаклям, «Царю Федору Иоанновичу» (этот спектакль в Берлине просил повторить сам кайзер, причем в зрительный зал Вильгельм приехал в русской форме). Драматург Г. Гауптман в разговоре со Станиславским горевал, что такие спектакли — «без театрального напора и условностей, простые, глубокие и содержательные» — «несбыточно» увидеть на немецкой сцене [3,с.319]. Художественный театр за границей назвали «первым театром в мире», а Станиславского — «гением». Общими стали газетные фразы: «Шапку долой перед вами, москвичи!»; «Артисты Художественного театра услышали о себе то, что было правдой и что давно бы надо сказать вслух: то, что их искусство — новое слово, выражающее Россию и необходимое миру...» [9].

В какой-то момент театральное действо МХТ достигло такой высоты, что содержимое начало переливаться через край. Заметим, что кряжистое, устойчивое дерево всегда дает боковые побеги. МХТ дал ответвления в виде театральных студий, которые со временем станут отдельными театрами.

Любимый ученик Станиславского В.Э. Мейерхольд начинает задумываться о собственном стиле и утверждать его. С именем еще одного ученика К.С. Станиславского — Е.Б. Вахтангова связано создание в 1913 году Студенческой драматической студии (ныне прославленный Московский драматический театр им. Е.Б. Вахтангова). С желанием «разрушить старые формы искусства» в 1914 году свой театр в Москве в старинном особняке на Тверском бульваре открыл Камерный театр молодой режиссер А.Я. Таиров. В своих новаторских театрах ученики в чем-то превзойдут своего учителя. Но и по сей день система Станиславского востребована в мировом театре.

Великий театр рубежа веков — живая история знаменитых Мастеров, их взаимных притяжений и отталкиваний. Есть сверкающие вершины, есть многочисленные «блестки» свершений, богатство содержания и формы. Эксперименты и поиски театра Серебряного века торили дорогу будущим деяниям русской сцены XX века. Станиславский и Немирович-Данченко, Ермолова и Комиссаржевская, Таиров и Мейерхольд высекли ту «внезапную искру», которая осветит путь будущему отечественному Театру, разнообразному и многоликому.

The article is devoted to the problem of comprehending the phenomenon of the Russian culture of the Silver Age. The innovatory Moscow Art Theatre as a part of the historic-cultural process of the turn of the XXth century is analyzed in the investigation.
Keywords: *the Silver Age of the Russian culture, A.P. Chekhov , K. S. Stanislavsky and V.I. Nemirovich-Danchenko*

Список литературы

1. Биккулова И.А. Феномен русской культуры Серебряного века. М.: Флинта: Наука, 2010. 232 с.
2. Немирович-Данченко В.И. Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989.
3. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М., 2007.
4. Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. М., 2003. С.75.
5. Тихвинская Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908—1917. М., 2005. С.78.
6. Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т.6. Л., 1983. С.163-164.
7. Лифарь С. Дягилев и с Дягилевым. М., 2005.С.129.
8. Шварц Е. Живу беспокойно... Л., 1990. С.220-221.
9. Соловьева И.Н., Шитова В.В. К.С. Станиславский. М., 1986. С.82-83.

Об авторе

Биккулова И.А. – кандидат филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *super.bikkulova@yandex.ru*

УДК 821.161.1

СПЕЦИФИКА «ОРФИЧЕСКОГО» МИФА В ПОЭЗИИ М. КУЗМИНА

Е.В. Болнова

Рассматривается семантика классического мифа об Орфее и Эвридике в творчестве М. Кузмина. Определяется художественная функция тех отступлений от канонического сюжета, которые Кузмин ввел в структуру текста. Отмечается значимость образа Орфея в творчестве Кузмина, а также характерный для его поэтики синкретизм христианства в его старообрядческом варианте и антологической мотивно-образной системы. Рассматривается стихотворение «Мольба любви, тоска о милой жизни…» в контексте соотнесения с оперой Глюка «Орфей и Эвридика», поставленной Мейерхольдом, Головиным, Фокиным на сцене Мариинского театра в 1911 г. Отмечается как формально внешнее, так и внутреннее несоответствие многих тестов Кузмина, связанных с орфической темой, акмеистической традиции.
Ключевые слова: *миф об Орфее и Эвридике, античность, Серебряный век, М. Кузмин, Глюк, Мейерхольд, аполлоническое, дионисийское начало, мифопоэтика.*

Миф об Орфее является одним из самых востребованных литературой Серебряного века. Закономерно, что рецепция обозначенного античного сюжета неоднократно становилась предметом исследования литературоведов. Наиболее значимыми, на наш взгляд, можно назвать статьи Бугаевой Л.Д. «Мифопоэтика сюжета об Орфее и Эвридике в культуре первой половины XX века»; Фатеевой А.С. «Время и пространство Орфея: принцип эстетической трансгрессии», «Орфическая онтофания в интертекстуальных мотивах русской культуры конца XIX – начала XX веков», Силард Л. «”Орфей растерзанный” и наследие орфизма», Вайсбанда Э. «”Translatio studii”, Орфей и поэзия революции…», а также статью Асояна А.А. «К семиотике орфического мифа в русской поэзии (И. Анненский, О. Мандельштам, А. Ахматова)» и его вышедшую в 2015 году монографию «Семиотика мифа об Орфее и Эвридике». Чаще всего исследователи справедливо обращаются к тем представителям Серебряного века, в произведениях которых отразились концептуально важные моменты рецепции мифа об Орфее. М. Кузмин при этом либо совсем не попадает в круг изучаемых авторов, либо его стихотворения, связанные с орфической темой, рассматриваются весьма узко в контексте поэтического отклика на постановку Мейерхольдом оперы Глюка «Орфей и Эвридика». Силард, напротив, заостряет внимание лишь на произведении «Муза» как сопряженном с написанным ранее стихотворением А. Блока «Дома растут, как желанья…». Таким образом, ряд текстов, анализируемых в нашей статье, впервые включается в контекст исследования семантики орфического дискурса в Серебряном веке. Также ранее не производились попытки целостного осмысления встраивания обозначенного античного сюжета в поэтику М. Кузмина. Наша статья находится в диалоге с современным литературоведением, изучающим специфику «орфического мифа» в поэзии Серебряного века, и заполняет одну из лагун данной темы.

Мировосприятие М. Кузмина отмечено парадоксальным сочетанием античности и христианства в его старообрядческой форме. Известно, что на творческое становление поэта оказали огромное влияние две поездки, следовавшие практически одна за другой: сначала он посещает Египет и Италию, а затем русский Север, где серьезно знакомится со старообрядчеством. Максимилиан Волошин в рецензии на «Александрийские песни», опубликованной в 1906 г. в «Весах», фактически придумывает Кузмину античную родословную: «Мне хотелось бы восстановить подробности биографии Кузмина – там, в Александрии, когда он жил своей настоящею жизнью в этой радостной Греции времен упадка…» [1, с. 471].

Каждый раз, обращаясь к разработке мифа об Орфее и Эвридике, Кузмин органично сочетает образы древнегреческих героев с образами христианских святых, литературных героев и своих современников. Пространство и время для него не являются непроницаемыми, они не выстраиваются в четкую иерархическую систему, но воплощают собой эклектическое взаимодействие различных эпох, миров и культур. Так, в одном из циклов книги «Форель разбивает лед» под заголовком «Северный веер» имя Орфея включается в единый контекст с реалиями литературы XVIII века («Оледенелая Фелица»); реминисценциями из Шекспира, растворяющимися в современности («Персидская сирень! "Двенадцатая ночь"», где «Двенадцатая ночь» не только название пьесы английского драматурга, но и сорт духов); библейскими образами («Сидит за прялкою придурковато дочь, // И не идет она поить псаломских ланей»), соседствующими с персонажами частной жизни автора («Юрочка, Юрочка мой, // Дай Бог, чтоб Вы были восьмой») [2, с. 553]. А. Синявский в статье «Панорама с выносками Михаила Кузмина» справедливо отмечает, что все циклы, входящие в состав книги «Форель разбивает лед», не просто связаны между собой, а составляют книгу как новую поэтическую жанровую единицу, тема которой – победа над смертью. Далее он пишет, что «Кузмин как бы выхватывает разрозненные куски бытия, заимствованные из разных пластов времени и пространства, а затем эти куски соединяет, иногда самым причудливым образом. Мир у нас на глазах то распадается, то снова воссоздается в сближении и смешении удаленных друг от друга эпох, стилей, вещей, персонажей». [3, с. 287] Подобная эклектика восходит к восприятию Кузминым мира как данного человеку в раздробленном виде. Задача художника заключается в том, чтобы собрать его воедино, воссоздав тем самым космос в его изначальной целостности, таким, каким его видит бог.

Возвращаясь к образу Орфея в шестом стихотворении цикла «Северный веер», необходимо отметить, что трактовка Кузминым древнегреческого мифа очень далеко отстоит от общепринятой. Во-первых, происходит

совмещение мотивно-образной структуры сюжета об Орфее и Эвридике с сюжетом о Персефоне и Деметре («Заблудился Орфей// Между зимой и летом») [2, с. 555]. Подобная контаминация становится возможной благодаря объединяющему оба мифа центральному моменту спуска в царство мертвых и возвращение обратно на землю, что дает основание говорить об отнесенности обоих мифов к единой архетипической модели.

Необходимо отметить и ряд других моментов, в которых происходит семантический сдвиг текста Кузмина относительно исходного античного материала. Так, пространство загробного мира врывается в повседневную реальность:

…Свет без лучей
Казался нездешним рассветом;
Надеждинская стала лужайкой
С загробными анемонами в руке [2, с. 555].

История Орфея воспринимается как повторяющаяся в современности («Будто и теперь, как встарь, // Заблудился Орфей// Между зимой и летом»), однако образ Орфея заметно снижается благодаря контаминации его с образом друга Кузмина Юрием Юркуном, которому посвящен весь цикл:

А Вы, маленький, идете с Файкой,
Заплетая ногами, вдалеке, вдалеке [2, с. 555].

Файка (собака Юркуна) – сниженный двойник стража царства мертвых трехглавого Цербера. На связь собаки с загробным миром прямо указывается в последних строках стихотворения, поскольку собачий лай и собачий вой большинством культур трактуются как провозвестие смерти:

Собака в сумеречном зале
Лает, чтобы Вас не ждали [2, с. 555].

Подобный бытовизм приводит, с одной стороны, к снижению высокого античного мифологического начала (история Орфея лишается своего трагедийного аспекта, связанного с вторичной потерей возлюбленной, переходя в разряд курьезов: герой заблудился между мирами), а с другой стороны, позволяет за обыденностью разглядеть архетипические антологические структуры и сюжеты, подспудно определяющие ежедневный быт людей. Аналогичное мировосприятие в начале XX века нашло в частности свое отражение в романе Джойса «Улисс».

Победа над смертью в данном цикле связана не с фактическим от нее избавлением («Двенадцать - вещее число, // А тридцать - Рубикон: // Оно носителю несло // Подземных звезд закон») [2, с. 555], а с моментом размыкания жизненного пространства в божественную космическую вечность.

Эклектическое сочетание христианства и античности характерно и для поэмы 1917 года «Святой Георгий». Сам заглавный герой произведения традиционно соотносится с Персеем, Гермесом. Языческие заимствования в культах большинства христианских святых на раннем этапе распространения данной веры не только не подвергается Кузминым сомнению, но и намеренно подчеркивается. Так, безымянная царевна, обреченная стать жертвой змея, сама себя определяет через образы Коры, Прозерпины, Пасифаи, Андромеды, Семелы. Да и бог в произведении Кузмина не может быть однозначно прочитан в контексте ортодоксального христианства. Следующие строки поэмы могут быть соотнесены в значительной мере с гностицизмом и различными учениями русских мистических сект:

- Там я - твоя Гайя, где ты - мой Гай,
В твой сокровенный пойду я рай!
- Там ты - моя Гайя, где я - твой Гай,
В мой сокровенный вниди рай! [2, с. 435]

Более подробный анализ культурологических контекстов, устанавливаемых в данном произведении, остается за рамками нашего исследования. Орфей в «Святом Георгии» выступает лишь в качестве иллюстрации потенциальной возможности человека повлиять на смерть словом. Однако этот путь оказывается невозможным для центральной героини произведения в силу того, что змей, выступающий персонификацией смерти, не подчинен сакральной силе слова:

Смерть разжалобить трудно,
царевна, даже Орфею,
а слова непонятны и чудны
змею,
как саранче паруса…[2, с. 431]

Интересным представляется отметить, что автор полемизирует с некоторыми вариантами описания чудесной победы Святого Георгия над змеем, которые, наоборот повествуют о том, что он силой молитвы заставил чудовище подчиниться свой воле, что увеличило число адептов новой веры в разы[1].

Тоже иллюстративное, но совершенно другое значение приобретает имя Орфея в стихотворении 1921 года «Катакомбы». Образ Аппиевой дороги, латинское наименование которой рефреном звучит в тексте («O via Appia! O, via Appia!»), является символом связи дохристианской культуры и возникшего нового учения. Таким образом,

в стихотворении Кузмина антагонизм христианства и язычества снимается. Художественный мир поэта не христианоцентричен. Канонизированные мученики и святые столь же реальны, как и мифологические персонажи.

Примечательной является композиция стихотворения: оно представляет собой четыре строфы, первая из которых формально явно соотносится с третьей, а вторая с четвертой. Первое единство строф, выделенное нами, репрезентирует гармоничный элемент структуры мира, который может быть определен через аполлоническое начало Ницше. Кузмин воплощает в форме текста принцип античного искусства классического периода: ничего сверх меры. Ритмико-интонационное построение первой части также подчинено задаче передать единство мира с самим собой: идеально ровный пятистопный амфибрахий в обеих строфах без единого перебоя. Совсем иначе выглядят вторая и четвертая строфы. Классические четверостишья сменяются шестистишиями с отсутствующей четкой ритмической организацией. Подобное разрушение несет на себе черты дионисийского хаоса. Во второй и четвертой строфах Аппиева дорога выступает в качестве адресата.

Образная система стихотворения представляет особый интерес в контексте синтеза христианского и языческого культурных пластов. Первая строфа текста наполнена мифологическими реалиями: «летейскому озеру», «белые лани», сирена (в тексте данный мифический персонаж присутствует в единственном числе, хотя все упоминания в мировой культуре и античности связаны с множественным числом; в этом, в частности, проявляется разрушение гармоничного мира Древней Греции), которые, с одной стороны, обозначают замкнутость и неподвижность мифа как особого мира (именно на создание подобного эффекта направлена звуковая организация строки «И медленно веянье млеет столетнего тлена»), а с другой – показывают его нежизнеспособность и обреченность на иллюстративное прочтение всей последующей культурой (белые лани «тоскуют» к «летейскому озеру», сирена «покинута, плачет»). Остальная часть текста связана с христианским Римом, однако именно сюда Кузмин включает Орфея: «Младенчески тени заслушались пенья Орфея» [2, с. 491]. В качестве слушателей Орфея выступают все, захороненные вдоль Аппиевой дороги в многочисленных гробницах республиканского и имперского периода, а также подвижники, прятавшиеся в христианских и иудейских катакомбах.

Однако образный строй стихотворения усложняется за счет включения в число тех, кто внимает пению Орфея, Каликста, Ионы и самого Иисуса Христа. Каликст – римский епископ, занимавшийся по поручению папы исследованием катакомб, расположенных вдоль Аппиевой дороги. Иона – ветхозаветный пророк, чье захоронение предположительно находилось в Мосуле и недавно было уничтожено террористами Исламского Государства. Ослушавшись бога и пытаясь избежать предначертанной судьбы проповедника, Иона садится на корабль, отправлявшийся в Иоппию. Страшная буря настигает его в пути и заставляет признаться морякам в своем грехе перед богом. По просьбе самого Ионы, его выбрасывают за борт, где он был проглочен китом. После трехдневного пребывания в чреве морского зверя Иона был выброшен на берег. Пророк подчиняется предначертанию и исполняет божественную волю. Тем не менее, ужас пережитого испытания возвращается в воспоминаниях к Ионе, слушающему магическую музыку Орфея: «Иона под ивой все помнит китовые недра» [2, с. 491].

Христос, появляющийся в стихотворении Кузмина в одном из традиционных аллегорических образов – доброго Пастыря, снимает конфликт или потерю, связанную с каждым из встречающихся образов, своим милосердием, которое реализовано в притче об овцах и добром Пастыре:

Но на плечи Пастырь овцу возлагает, жалея,
И благостен круглый закат за верхушкою кедра [2, с. 491].

Таким образом, в тексте «Катакомбы» Кузмин последовательно реализует принцип инкорпорации античного наследия в христианское мироощущение самого автора. Важно отметить источники образной системы данного стихотворения. В первой части трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» «Смерть богов (Юлиан Отступник)» мальчик Юлиан рассматривает гробницы первых веков христианства и видит соседствующих нереид, пантер и тритонов с Моисеем, Ионой и Христом в образе «Пастыря Доброго». Итак, стихотворение Кузмина включается в контекст сложных философско-религиозных исканий рубежа XIX – XX веков, а также соотносится с напряженным периодом первых веков христианства.

Следующее стихотворение Кузмина, в котором он обращается к образу Орфея, «Мольба любви, тоска о милой жизни…», написано в 1924 году. Оно отсылает нас к постановке оперы «Орфей и Эвридика» К. Глюка на сцене Мариинского театра Мейерхольдом, Головиным, Фокиным и Собиновым в 1911 году. Постановка эта прошла всего девять раз, последний – 19 февраля 1913 года. Несмотря на это, она оказала заметное влияние на современников. Прямые отсылки к опере мы находим, в частности, не только в стихотворении Кузмина, но и в текстах О. Мандельштама. Еще до произведения «Мольба любви, тоска о милой жизни…» Кузмин в 1921 году пишет стихотворение «Вот после ржавых львов и рева», в котором также художественно оформляет впечатление от музыкального произведения Глюка. Возможно, это связано с возобновлением постановки в 1919 году в том же Мариинском театре режиссером и дирижером Г. Фительбергом.

Кузмин пишет статью, посвященную данной опере. Спектакль «Орфей и Эвридика», на первый взгляд, был абсолютно нехарактерен для тех, кто поставил его на сцене. Обращение к пасторали XVIII века, построенной на античном сюжете, но ничего общего не имеющей с духом древнегреческой трагедии, могло показаться неудачным выбором, если бы не та тонкая переработка оперы Глюка, которая была осуществлена творческим тандемом Мейерхольда и Головина.

Глюк писал свое произведение на стыке двух оперных традиций (1762-1774) – оперы-концерта и музыкальной драмы. Многоплановость «Орфея и Эвридики» была изначально заложена работой с античным материалом, но средствами рококо и классицизма. Так, в основу либретто лег сюжет, изложенный в «Буколиках» Вергилия, однако трагический финал полностью переписывается Р. Кальзабиджи: Орфей не растерзан вакханками; Амур, появляющийся в заключительных сценах, воскрешает Эвридику и уводит ее вместе с Орфеем в свое царство.

Новаторство Мейерхольда заключается в том, что он не стремится к снятию дуализма реального и ирреального, античного материала и форм XVIII столетия. Более того, он утрирует данный контраст, разделяя сцену на два пространства, никак между собой не пересекающиеся: просцениум и первые два плана отдаются XVIII веку, а задний план х – античности. Головин, с 1902 года занимавший должность главного художника императорского театра, усиливает коллажность пространства сцены за счет использования потенциала, заложенного в формах орнамента и живописи. Кулисы, падуги первых планов, занавес сплошь расшиваются орнаментом из золотой и серебряной тесьмы по красной основе. По словам самого Головина, им создается «вышивка, напоминающая старую ливрею»[5], что соотносимо с аллюзиями на рококо, но не является, однако, его дословным воспроизведением.

Античность создается с помощью живописи, которой отдано пространство заднего плана. Головин не стремится к стилизации или приближению условной античности к современности. Он, напротив, стремится создать новую древнегреческую реальность, отличную как от того, что призвано было обозначить эстетику XVIII века, так и от современного модерна. Истинное новаторство и авангардизм Мейерхольда и Головина, прочитанные их друзьями из поэтического сообщества, заключалось как раз в эклектике, нарочитом разведении пространств, эстетик и культурных кодов разных эпох, а не в попытке их слияния.

Искусствовед Надежда Хмелева, обращаясь к сохранившимся эскизам декораций, описаниям и критическим статьям, посвященным опере «Орфей и Эвридика», пишет об антологической части декораций следующее: «Мир в пяти декорациях-пейзажах Головина предстает монументально-возвышенным, аполлоническим. Мир, преображенный пением Орфея, где облака и деревья, листья и камни, колонны и гирлянды роз «сплетаются в звучащую гармонию». Предметный мир словно теряет свою тяжесть, объем изгоняется, превращаясь в силуэт, а силуэты собираются в музыкальные ритмы. В первой картине, подчиняясь музыке погребального плача, деревья и облака застыли в скорбной неподвижности. Скалы Ахерона (античного ада), «отменив» небо, обретают устрашающую мощь в звучании тромбонов. В «Элизиуме» (античном раю) все формы словно растворяются в огромном метафизическом пространстве, становясь невозможно хрупкими, и струятся в серебристых звуках флейты знаменитой «Мелодии» Глюка. Скоротечность радости, сомнений, безутешного горя и вновь обретенного счастья воплощают тревожная, полная контрастов музыка и пространство декорации между светом и тьмой четвертой картины. В «Царстве Эроса» впервые в живописной декорации проступают рокайльные мотивы — изысканная декоративность и грация откликаются на «менуэтно-гавотные» мотивы музыки апофеоза» [5].

Воскрешению атмосферы оперы, поставленной Мейерхольдом, Кузмин посвящает первые две строфы своего стихотворения «Мольба любви, тоска о милой жизни…», написанного спустя одиннадцать лет после последней постановки:

Мольба любви, тоска о милой жизни,
Прозрачные наплывы позолот…
Загробен жемчуг голубино-серый,
Тлетворна палевость пустых болот,
Внизу все глуше фурий вой, и вот —
Смерть сражена любовию и верой.

Назвать ли хочешь райское виденье?
Произнеси: «Гармония!» О, Глук!
О, Головин, печальный маг! Гонимы
Нездешней сладостью, мы каждый стук
Сердец затихших слышим. Нежный друг,
Одной волной с тобой унесены мы. [4, с. 305-306]

В статье «”Орфей и Эвридика” кавалера Глюка» Кузмин пишет о той особой роли, которую сыграл этот композитор в реформировании музыкальной системы XVIII века. Как знаток и ценитель театрального искусства Кузмин говорит о Глюке, «…представляющем гениальное, но неизбежное звено в развитии французской оперы и стоящем в таком тесном соприкосновении с Рамо и Люлли, с одной стороны, и с Гретри и Меполем, с другой, что мы никак не можем открыто признать последних учениками именно Глюка, а не его предшественников. Может быть, его некоторый эклектизм и упразднение традиционного балета в «Ифигении в Тавриде» суть наибольшие «новшества»» [6, с. 544].

Возвращаясь к стихотворению Кузмина, отметим, что последняя строфа представляет собой размышления о судьбах века, которые, безусловно, вызваны мощным эстетическим переживанием, связанным с постановкой оперы «Орфей и Эвридика», но не ограничиваются кругом тем, так или иначе обозначенных в музыкальном произведении:

Отходная веселым дням весенним
Иль обещание краснейших дней?
Пророчество, предчувствие, сомненье?
Улыбка глаз твоих всего сильней…[4, с. 306]

Трактовка постановки Мейерхольда предполагает несколько возможных вариантов, намеченных в стихотворении Кузмина. С одной стороны, предчувствие надвигающейся катастрофы, эсхатологическое мировосприятие были характерны для деятелей искусства Серебряного века. В данном свете обращение не к античному трагедийному материалу, а к пасторальному прочтению древнегреческого мифа XVIII-м веком воспринимается как «Отходная веселым дням весенним…», по словам Кузмина. С другой стороны, стихотворение «Мольба любви, тоска о милой жизни…» было написано в тот период, когда Мейерхольд, еще в 1918 году вступивший в РКП(б), руководит сразу двумя театрами: Театром имени Мейерхольда (ТиМ) и театром Революции. «Краснейшие дни» режиссера связаны с тем признанием, которого он добивается в 20-е годы. Кузмин, не эмигрировавший после революции, оказывается в весьма сложном положении. К моменту написания стихотворения он еще не теряет веру в возможность переустройства общества, построения идеального государства, но сомнения его все усиливаются, что и находит отражение в системе риторических вопросов, которые заполняют последнюю строфу текста.

Предощущение надвигающейся катастрофы, прочитываемое в произведении Кузмина, было свойственно и режиссеру оперы «Орфей и Эвридика». Встретившись в 1930-м году во время успешных зарубежных гастролей с Михаилом Чеховым (руководителем МХАТа 2-ого), Мейерхольд на предостережения о страшном конце, ожидающем его в случае возвращения в СССР, отвечал, что «…с гимназических лет… носил в душе Революцию и всегда в крайних, максималистских ее формах» [7]. Фактически признавая неизбежность ареста (что и произошло спустя девять лет), режиссер, тем не менее, вернулся в СССР, по его собственным словам, «из честности» [7].

Судьба самого Кузмина в послереволюционной России менее трагична, но не менее печальна: зарабатывая в 20-е – 30-е годы переводами, собственные произведения поэт практически не издает. Умирает он в 1936 году в полнейшей безвестности в Мариинской больнице. Творческое наследие Кузмина последних пятнадцати лет жизни оказалось практически невостребованным долгие десятилетия.

Однако, опираясь на художественную систему стихотворения «Мольба любви, тоска о милой жизни…», мы можем говорить о практически христианском примирении не только с собственной судьбой, но и с моментом времени в целом:

Пусть, кудри разметав, грустит Орфей, —
По-новому благословлю томленье. [4, с. 306]

В 1902 году А. Блок написал стихотворение «Дома растут, как желанья…», единственный текст, в котором поэт обращается к рецепции античного мифа об Орфее и Эвридике. Через двадцать лет, в феврале 1922 г., М. Кузмин создает произведение «Муза», последние строки которого подчеркнуто отсылают к блоковскому стихотворению.

По сравнению с текстом Блока Кузмин изменяет некоторые детали, связанные с колористикой и символикой цветка. Если в «Дома растут как желанья…» присутствуют лишь два цвета, находящиеся на противоположных полюсах восприятия: черный и белый («белое зданье», «черный смрад», «закрою голову белым») [8, с.170], то у Кузмина картина усложняется: «темные липы», «алые хвосты», «выплывут аквамарином», «прозрачны», «златистой розою» [2, с. 468]. Силард отмечает в последовательности смены данных цветов соотнесенность с процессом трансмутации в философской алхимии: «от глухой тьмы мира 1-й строфы (nigredo) через алость (rubedo) и зеленоватость аквамарина (звучанием отсылающего к ассоциации с водами и aqua regia) 2-й строфы к «златистой розе», т.е. «золотой белой розе» (aurum argentum) с ожидаемым завершением Opus Magnum в финальной строфе» [9, с.96]. «Черно-белое» стихотворение Блока оказывается важно своим цветовым контрастом. Символика белого цвета, как в контексте конкретного стихотворения, так и поэтики Блока в целом, связана с двумя основными значениями. Во-первых, это цвет чистоты и невинности (в стихотворении «Дома растут, как желанья» контаминируются образы Орфея и Офелии). Во-вторых, белый – цвет смерти. Белым саваном укрывали покойников, Левкадская или Белая скала помещалась у входа в Аид, согласно античным мифам. Что же касается черного цвета, то, как отмечает Баевский В.С.: «Это символ чего-то грозного, опасного, но в то же время мистически значительного, чреватого мистическими откровениями» [10, с 203]. Оппозиция черного и белого цветов не может не вызывать в памяти спор между черными и белыми монахами в XII веке. Так, Петр Достопочтенный в письме аббату Клерво упрекает того в чрезмерной гордыне за то, что он выбрал для облачения белый цвет, аргументируя это тем, что белый цвет – цвет праздника, славы и Воскресения, а черный – цвет смирения. Это становится важным, если учесть, что истоки «символизма Вл. Соловьева и поэтов поколения Блока уходят в мистицизм Средневековья и Возрождения». [10, с.203]

Важной представляется и символическая замена «благовонного речного цветка», возникающего в финале стихотворения Блока на «златистую розу» в последней строке текста Кузмина. Еще А.Н. Веселовский в статье «Из поэтики розы», а вслед за ним и В.Н. Топоров указывали, что в античности роза являлась символом смерти. Именно с этим связан праздник Розалии, во время которого гробницы умерших украшались венками из роз. Позднее «розы стали принадлежностью похорон, их возлагали на изображения ларов – предков, домовых и у Гекаты был венок из роз» [11, с.306]

Кроме того можно проследить влияние Гюстава Моро на образный строй стихотворения Кузмина. В частности, картины 1865 года «Фракиянка с головой и лирой Орфея», на которой центральная фигура девушки, держащей в руках обретенные артефакты, расположена на фоне раскидистого куста роз. Подборка его репродукций публиковалась в журналах «Аполлон» и «Мир искусства» в 1911 году, а в 1912 году в Санкт-Петербурге прошла грандиозная выставка «Сто лет французской живописи», организованная тем же журналом «Аполлон». Кроме того по случаю вышли серии открыток, в том числе и с репродукциями картин Моро[2].

В хронотопическом отношении стихотворение Кузмина отнесено к границе леса и реки, в то время как произведение Блока явно вписано в контекст городского пространства. Стык реки и леса позволяет Кузмину, с одной стороны, актуализировать древесную (природную) сущность неназванной Эвридики, а с другой, - подспудно обратить читателя к единству противоположных стихий: воды и суши (такой же двойственной природой обладают русалки, которыми становились утопленницы, что опять возвращает нас к теме контаминации Орфея и Офелии в стихотворении Блока). Именно в этом единстве каменной тверди и изменчивой влаги и рождается истинное искусство, представленное символическим образом отсеченной головы фракийского певца.

В творчестве Кузмина до синкретизма сливаются античность и христианство, что, в частности, проявляется и в большинстве текстов, связанных с образом Орфея. Отсутствие дифференциации приводит зачастую к возникновению сложного поэтического единства, которое не может быть отнесено к акмеистской традиции, в рамках которой Кузмин начинает писать, но стремится к авангардистским экспериментам с формой и содержанием, наполненным подчас весьма радикальными мифопоэтическими исканиями поэта.

Примечания

1. Подробнее об этом см. Жития византийских святых. Пер. Софьи Поляковой. СПб.: Corvus, Terra Fantastica, РоссКо. 1995. 544 с.
2. См. Даманская А. Гюстав Моро //Аполлон 1911 №4

Considers the semantics of the classical myth of Orpheus and Eurydice in the works of M. Kuzmin. The function of art is defined as deviations from the canonical plot that Kuzmin introduced into the structure of the text. Noted the importance of the image of Orpheus in the work of Kuzmin, and characteristic of his poetics syncretism of Christianity in his version of the old believer and the anthological motive-imagery system. Discusses the poem "Prayer of love, longing on a sweet life..." in the context of correlation with the Gluck Opera "Orpheus and Eurydice" staged by Meyerhold, Golovin, Fokine for the Mariinsky theatre in 1911. Marked as formal external and internal inconsistency of many of the tests Kuzmin associated with Orphic theme, acoustically tradition.
Keywords*: the myth of Orpheus and Eurydice, antique, Silver age, Mikhail Kuzmin, Glitch, Meyerhold, the beginning of Apollo, Dionysian aspects, mythopoetics*

Список литературы

1. Волошин М.А. Лики творчества. Изд. подг. В.П. Купченко, А.В. Лавровым, В.А. Мануйловым. Л.: «Наука», 1988. 848 с.
2. Кузмин М.А. Стихотворения. Новая библиотека поэта. Спб.: Академический проект, 1996. 832 с.
3. Синявский А.Д. Литературный процесс в России. М.: РГГУ, 2003. 418 с.
4. Кузмин М.А. Стихотворения. Всемирная библиотека поэзии. М.: Эксмо, 2011, 480 с.
5. Хмелева Н. Райское видение. (О постановке в 1911-1913 гг. на сцене Мариинского театра оперы К.Глюка «Орфей и Эвридика»)// «Наше Наследие»: иллюст. культурно-истор. интернет-журн., 2003 №66 URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6609.php (дата обращения: 18.12.15).
6. Кузмин М.А. Проза и эссеистика в 3-х т. Т.3. Эссеистика. Критика. М.: «Аграф», 2000. 768 с.
7. Головникова О.В. Документы РГВА о трагической судьбе В.Э. Мейерхольда// Вестник архивиста: журнал. М., 2008 №6 URL: http://www.vestarchive.ru/arhivnye-dokymenty/1222-dokymenty-rgva-o-tragicheskoi-sydbe-ve-meierholda-k-90-letiu-rossiiskogo-gosydarstvennogo-voennog.html (дата обращения: 18.12.15).
8. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Пьесы (Библиотека Всемирной Литературы). М.: Эксмо, 2008. 896 с.
9. Силард Л. Герметизм и герменевтика. Спб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.
10. Баевский В.С. История русской поэзии: 1730-1980 гг. Смоленск: Русич, 1994. 303 с.
11. Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М.: «Автокнига», 2010. 688 с.

Об авторе

Болнова Е.В. – аспирант кафедры русской литературы Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, *eka332@yandex.ru*

УДК 82:801; 398:801

О ПРИВИДЕНИЯХ, СНОВИДЕНИЯХ И ВИДЕНИЯХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ТАНАТОПОЭТИКА: ПОГРАНИЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ

М.А. Галиева

Данная статья посвящена изучению мортальных образов, эйдологии «иного царства» в поэтике русской литературы XIX – XX в. Большое внимание уделено вопросам, связанным с мистическими настроениями в XIX в.; подробно рассматривается поздняя статья В.А. Жуковского «Нечто о привидениях». Проводится небольшой обзор фольклорных формул, связанных с «пограничным» состоянием человека и нашедших свое преломление в русской литературе.
Ключевые слова: *литература, поэтика, сон, привидение, фольклор, Жуковский, Пушкин*

Откуда взялась столь странная тема в контексте нашей проблемы? Казалось бы, мортальная проблематика предполагает разговор о конкретных проявлениях смерти (физической, духовной) в произведении. Также возможен архетипический подход к изучению фигур танатоса. Р.К. Красильников, подробно классифицировавший литературоведческие опыты в области танатологии и типы мортальных элементов в поэтике, также обратил внимание на теорию архетипов К. Юнга и фрейдистское учение о бессознательном, которые позволяют подойти к вопросам танатопоэтики с точки зрения архетипов, в первую очередь, Матери, Тени, анима [9]. Однако, выходя за пределы этих концепций, отметим, что архетипическое несут в себе и миф, и фольклор, где влечение к *иному царству* является не столько бессознательным (в психоанализе это влечение к Танатосу воспринимается именно так), сколько обусловленным необходимостью поиска *чего-либо*: вещей невесты, волшебного предмета, добыванием сакральной информации [3, с. 42 – 50]. Но эйдосы иного царства, во-первых, проявляются в архаических пластах разных фольклорных жанров (сказки, заговоры, загадки); во-вторых, само *пороговое состояние* достигается разными способами. В фольклорной эстетике, в первую очередь, таким состоянием перехода является сон, воспринимаемый как временная смерть [15, с. 303 – 310]. Однако стоит сказать о летаргическом сне, о состоянии обмирания.

Разговор о нарративах о встречи человека с потусторонним достаточно не прост, так как здесь возникает вопрос об их классификации: легенды-«былички», легенды-«видения», легенды-«обмирания», легенды-«встречи» [18, с. 52 – 57]. Но в данном случае нас интересует само *пограничное состояние*, в котором оказывается герой. И в обмирании скрыты и сон, и видение одновременно: человек находится на пороге *онного*. Теперь обратимся к теме нашей статьи. Если со снами, на первый взгляд, все понятно (сон – характерный прием для поэтики русской литературы), то с «привидениями» и «видениями» возникает много сложностей, связанных во многом с их генезисом. По замечаниям специалистов, «народный фантастический мир является базисом, предшественником русского мистицизма, который в России конца XIX в. поднялся из сферы народных представлений на уровень философского осмысления, нашедшего отражение в учениях и трудах русских мистиков конца XIX – XX в.: Е.П. Блаватской, П.Д. Успенского, Г.И. Гурджиева» [12, с. 5]. Этот ряд имен необходимо дополнить именем В.А. Жуковского, который в поздний период творчества пишет трактат «Нечто о привидениях», где поднимаются вопросы о существовании привидений, видений и отношения к этому. По всей видимости, лично поэт сомневается в существовании подобного, но, описывая разные случаи встречи с неизведанным из жизни М. Дружинина, Н. Муравьева, королей, делает одно тонкое наблюдение, касающееся восприятия действительности в целом: «Неоспоримое свидетельство утверждает действительность сего события, и все, что оно пророчествовало, совершилось; но само по себе оно навсегда останется непостижимым для нашего разума <...> является, видимо, образ чего-то не бывшего, а только возможного, что-то символическое приемлет характер вещественного, это дух происшествия, цельный образ чего-то сборного, никакой личности не имеющего, это воздушная картина, соединяющая в одних рамах портреты, списанные кем-то с лиц, которых еще нет и которые когда-то будут» [8]. По существу, Жуковский пишет о мистическом предчувствовании, предвидении, которое дает возможность постижения действительности не бытовым, а *имагинативным* путем. Вспомним здесь старого Финна из «Руслана и Людмилы», предвидевшего историю двух влюбленных задолго до случившегося:

Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною. [13, с. 14]

Вспомним и письмо Татьяны, в котором она признается не просто в любви Онегину, но и говорит о таинственной связи между ними. Также в поэтике Ф.М. Достоевского сон занимает особое место, он выступает неким посредником между героями – например, между князем Мышкиным и Настасьей Филипповной: «Я ваши глаза точно где-то видел… да этого быть не может! Это я так… Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне…» [2, с. 122, т. 6]. Такое видение героев является характерной чертой художественного мышления Достоевского [10]. Речь идет в данном случае не о сне как таковом, а о *видении наяву*, об измененном сознании – сюда же можно отнести и известное видение на Неве из повести «Слабое сердце»: «Подойдя к Неве, он остановился на

минуту и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную, морозно-мутную даль <...>» [2, с. 560, т. 1]. Аркадию Ивановичу приоткрывается иная действительность, не физическая, а метафизическая. В это время герой как бы выпадает из линейного времени. Тоже самое происходит и с Васей: «Он как будто только теперь понял всю эту тревогу и узнал, отчего сошел с ума его бедный, не вынесший своего счастия Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, он побледнел и как *будто прозрел во что-то новое в эту минуту*...» [2, с. 561, т. 1]. Именно герои «не от мира сего», больные, кривобокие (Вася кривобок) сопричастны знаниям другого порядка; они являются носителями «внесоциального», онтологического опыта [5, с. 87 – 89].

Эти небольшие отступления и попутные комментарии к повести Достоевского необходимы в рамках нашей проблемы, так как мортальные образы или, лучше сказать, эйдосы проявляются не только открыто, но и имплицитно. Привидения, видения, снотворческие состояния вступают в парадигматические отношения, и не случайно Жуковский в своей заметке ставит в один ряд эти явления: «Бывают сны наяву, которые весьма близко подходят к тому, что мы назвали привидением» [8]. В поэтике и эстетике русской литературы эти явления неразрывно связаны между собой. В этом отношении особенно показательна литература начала XX в. Так, лирический герой С.А. Есенина пребывает в пограничном состоянии, которое, стоит отметить, не обусловлено ни болезненным восприятием, ни состоянием алкогольного опьянения. В раннем стихотворении «Я по первому снегу бреду» ситуация порога выражена в следующей метафоре:

Я не знаю — то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях,
Это лебеди сели на луг. [6, с. 125, т. 1]

И этот принцип восприятия действительности возникнет и в «Черном человеке»:
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь. [6, с. 188, т. 3]

Более того, *ритуальный подтекст* именно этих строк позволяет прояснить и смысл сложной, как бы не разрешимой метафоры о *голове-птице*. В этой метафоре заложена фольклорная формула (возможно, паремиологическая), потенциально связанная с обрядово-погребальным комплексом: тело человека оптичивается; душа умершего является птицей [20, с. 159 – 172] – таковы представления народной антропологии, представления о том свете и контактах с ним. Однако эта формула начинает работать только в контексте ритуального орнамента поэмы и первых строчек, задающих с самого начала *иномирный тон.* Имманентное восприятие фольклорных кодов в есенинской поэтике позволяет иначе подойти и к устройству его метафоры, обладающей свойствами мнимой простоты [11, с. 49].

Если мы заговорили об эстетике Серебряного века, то необходимо сказать и об особой *энтелехийной силе* этого некалендарного времени. А. Белый, активно разрабатывавший теорию символа, указывал на необходимость художнику слова обращаться к разным эпохам: «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, – оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам более близкие» [1, с. 57 – 58]. Какая семантическая наполняемость глагола «проносятся»? Проносятся – видятся, ощущается *наяву* то, что давно сбылось, то есть поэт должен вглядываться вглубь времен. Подобную мысль мы найдем и у В. Хлебникова, завещавшего поэтам и человечеству искать прозрения современности в сказках, в архаике: «Тысячелетие, десятки столетий будущее тлело в сказочном мире и вдруг стало сегодняшним днем жизни» [16, с. 594]. Однако какое это имеет отношение к привидениям, сновидениям и видениям? С одной стороны, эти явления вполне разводимы: привидения (как художественный объект) относимы к фантастическому пространству, сны и видения как бы более реальны, реалистичны. С другой стороны, допустимо говорить, во-первых, об измененном сознании, о преломлении действительности, об аурном/аретном взгляде на творчество; во-вторых, генезис этих явлений главным образом уходит в эстетику фольклора и законы мифа с их имагинативным архетипическим наполнением, где фигуры Танатоса проявляются совершенно в разных формах. И не смотря на то, что тема привидений/видений в русской литературе стала актуальной благодаря переводам Жуковского [14, с. 33 – 37], его «Лесному царю», русский фольклор с его эйдологией иного царства, характерной для волшебной сказки, заговоров и заклинаний, на которые обратил свое зоркое поэтическое внимание А. Блок, дал не меньше русской словесности в этом отношении.

«Лесной царь» Жуковского представляет собой не только вольный перевод немецкого классика, но и произведение, наполненное строго русским *аксиологическим смыслом*. М.И. Цветаева, сравнившая двух «Лесных царей», права в том, что произведения вышли совершенно разными: «Вещи равновелики. Лучше перевести “Лесного Царя”, чем это сделал Жуковский, — нельзя. И не должно пытаться. За столетие давности это уже не перевод, а подлинник. Это просто другой “Лесной Царь”. Русский “Лесной Царь” — из хрестоматии и страшных детских снов. Вещи равновелики. И совершенно разны. Два “Лесных Царя”» [17, с. 432 – 433]. Однако в этом наблюдении

есть и еще одна тонкость: Лесной царь Жуковского – из страшных снов. При чем поэт это оговаривает дважды в ходе сопоставительного анализа: «<...> вся вещь Жуковского на пороге жизни и сна» [17, с. 433]. Для Цветаевой в этом русский перевод уступает, однако в данном случае нас интересует не столько творческая личностная оценка, сколько точность в определении природы образа и самого перевода в целом. Да, у Гете Лесной царь – реальность для ребенка и всадника; у Жуковского – *сон наяву*, лихорадка, но только для младенца. И в этом также состоит особенность национального самосознания, уловленная поэтом, вероятно, на творческом бессознательном уровне.

Возвращаясь к статье «Нечто о привидениях», еще раз обратим внимание на сомнения самого автора, касающиеся вопроса контактов с неизведанным и их возможного толкования, но, тем не менее, поэт прямо говорит о лиминальном состоянии человека, погруженного в сон – несон: «Иногда еще глаза не закрылись, еще все окружающие нас предметы нам видимы, а уже сон овладел нами, и уже в сновидении, в которое мы перешли нечувствительно, совершается перед нами что-то, совсем отличное от того состояния, в котором мы были за минуту, что-то странное, всегда более или менее приводящее в ужас <...>» [8]. Итак, поэт признает возможность трансформации сознания, приводящей к видениям, снам наяву. Однако не каждый человек и не в любой час может познать иную действительность. *Онный мир* обладает определенной логикой выстраивания [12, с. 5] и своими законами. Профанному герою не доступны сакральные знания. Именно поэтому в переводе Жуковского один герой видит Лесного царя, а другой – нет, принимая его за шорох ветвей и туман. Для Цветаевой в этом заключается существенная разница между переводом и оригиналом. Но в этой разнице дана *культурная дистанция* между отцом, способным только к посредственному восприятию, и ребенком, способным увидеть другой мир, доступный только для чистого сознания. Также Цветаева обратила внимание на глагольные формы, использованные в русском переводе: Жуковский перевел настоящее время в будущее. «У Гёте между криком Лесного Царя — “силой возьму!” — и криком ребенка — “мне больно!” — ничего, кроме дважды повторенного: “Отец, отец”, — и самого задыхания захвата, у Жуковского же — все отстояние намерения. У Жуковского Лесной Царь на загривке» [17, с. 432]. И в такой подаче образа есть своя особенность. У Гете важно само видение, у Жуковского – его пересказ. Здесь уместно вспомнить сказки А.С. Пушкина, где этот прием использован: Салтан сначала узнает о чудесном острове, прежде чем отправляется лично созерцать все диковинки и чудеса; Дадон сначала отправляет в путь своих сыновей, чтобы они узнали о происходящем. Важен сам момент описания, в котором заключается *приглашение к онному*. Суть вопроса состоит в том, примет или не примет это приглашение испытуемый, поймет или не поймет. Король наказан смертью младенца за свое неверие в Лесного царя, ребенок у Жуковского умер не от страха, а от непонимания, от неспособности отца увидеть *другое*. Ребенок у Гете умирает непосредственно от Лесного царя. Второй исход страшнее для Цветаевой, однако здесь возникает философский вопрос: что страшнее – сам *факт* или незнание, нежелание признать этот *факт*, то есть Лесного царя. Кроме того, на близость к поэтике русской волшебной сказки и обрядовой действительности, задающейся небесной символикой, указывает следующая деталь:

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять». [7, с. 137]

У Гете дочери Лесного царя должны просто играть в чудесные игры с младенцем, а у Жуковского – играть и летать при месяце. Сам полет как таковой отсылает к иномирной поэтике в контексте мифологической действительности, а месяц, как и золотые чертоги, является символом переходным, указывающим на сакральный час.

В разных фольклорных жанрах «тот свет» описан по-разному: появление покойника перед живыми не желательно, но в причети особо выделяется мотив ожившего покойника, в котором раскрывается желаемость и намеренность контакта причитающего с тем миром [4]. Однако не смотря на многообразие формул «иного царства» в фольклоре, существуют устойчивые модели, которые указывают (в ритуальной ситуации, конечно) на состояние *порога* – это касается пространственных отношений *того* и *этого* света: «совокупный материал наиболее архаичных пластов фольклора различных жанров дает сведения о том, что мир предков, по представлениям славян, может находиться или ниже земли – в подземном царстве, или на небе, или где-то на земле, но вне ойкумены человека – на краю земли, там, где садится солнце, в лесу, за лесом» [12, с. 73]. Таким образом, лесной царь существо по сути иномирное, сам факт его появления/описания в русской литературе знаменателен уже тем, что художник слова мыслит искусство через возможность *сновидения*. Да, у Гете Лесной царь – имагинация, у Жуковского – полусон, сон наяву. У каждого автора свой категориальный аппарат, если так можно выразиться, важность которого несомненна при анализе текстов. Гете обладал особым видением, имагинативной способностью восприятия действительности, по тонкому наблюдению Р. Штайнера. В лекциях, посвященных мировоззрению Гете, Штейнер отмечает особенное духовидение, ***внутреннее око***, развитое у поэта, которое отсутствует у естествоиспытателей, то есть людей материалистического толка: «У них отсутствует орган для идеального, и потому они не знают сферу его действия. Посредством того, что у Гете этот орган был особенно развит, он, исходя из своего общего мировоззрения, пришел к глубоким прозрениям в существо живого» [19, с.134]. Однако русская имагинация позволяет понять особенности национальной топики, укорененной в формулах простирающихся вдаль времен. Наш Лесной царь – из страшных снов и сказок, которые определили художественный мир большинства классиков.

This article is devoted to the study of mortal eudology images of "other kingdom" in Russian poetics at the turn of the 19th century. Much attention is paid to the issues related to the mystical mood in the 19th century, and there is, also discussed the article by V.A. Zhukovsky "Something about ghosts." A small survey of folk formulas associated with "borderline" state of man is conducted and their refraction in Russian literature are established.
Keywords: *literature, poetics, dream, ghost, folklore, Zhukovsky, Pushkin*

Список литературы

1. Белый А. Эмблематика смысла // Белый Андрей Собр. соч. Символизм. Книга статей. М.: Культурная революция; Республика, 2010.
2. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 10т. М.: Худ. лит, 1957. Т.1, 6.
3. Елеонская Е.Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. М.: Индрик, 1994.
4. Еремина В.И. Историко-этнографические истоки общих мест причитаний // Русский фольклор: поэтика фольклора. Л.: Наука, 1981. Т. 21.
5. Ермилова Г.Г. Мышкин и «миры иные» // Ермилова Г.Г. Тайна князя Мышкина. О романе Достоевского «Идиот». Иваново: Ивановский государственный университет, 1993.
6. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука, 1995 — 2002.
7. Жуковский В.А. Лесной царь // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 2008. Т. 3.
8. Жуковский В.А. Нечто о привидениях [Электронный ресурс] // Жуковский В.А. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/jukovskii-vasilii/jukovv01/1-jukovv01.html
9. Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015.
10. Криницын А.Б. О специфике визуального мира у Достоевского и семантике «видений» в романе «Идиот» [Электронный ресурс] // Криницын А.Б. – Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/philology/41310.php
11. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М.: Сов. пис., 1972.
12. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
13. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977—1979. Т. 4.
14. Салахутдинова Т.Ю. Мотив привидения в повести «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348.
15. Толстой Н.И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003.
16. Хлебников В. О пользе изучения сказок // Творения. М.: Сов. пис., 1986.
17. Цветаева М.И. Собр. Соч.: В 7 Т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5.
18. Шеваренкова Ю.М. Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. №1.
19. Штейнер Р. Учение о метаморфозе // Штейнер Р. Мировоззрение Гете. СПб.: Деметра, 2011.
20. Югай Е.Ф. «Живое» и «мертвое» в похоронных и поминальных причетах Вологодской области // Мортальность в литературе и культуре: Сб. науч. трудов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Об авторе

Галиева М.А. – аспирант, сотрудник филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *marianna.galieva@yandex.ru*

УДК 7 09

С.А. РАЧИНСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ)

Н.И. Кабанова

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00168

Статья посвящена известному педагогу, общественному деятелю и ученому естественнику Сергею Александровичу Рачинскому. По материалам переписок с В. В. Розановым и С. В. Смоленским рассматривается его отношение к вопросам литературы, философии, музыкального искусства.
Ключевые слова: *эпистолярное наследие, народная школа, собрание рукописей, древнерусское искусство, хоровое многоголосие, литература, живопись.*

Своеобразное достоинство эпистолярного жанра очень точно определил в письме к В. В. Розанову отец Павел Флоренский: «Единственный вид литературы, который я признавать стал – это Письма. Даже в “дневнике”

автор принимает позу. Письмо же пишется столь спешно и в такой усталости, что не до поз в нем. Это единственный искренний вид писаний» [2, 96]. Эпистолярные источники – ценнейший историко-биографический материал, позволяющий открывать многочисленные подробности жизни, творческой биографии, создавать летопись прошлого и, конечно, пополнять историю русской мысли новыми содержательными страницами.

Прекрасно осознавая самобытность этого жанра, замечательный русский философ, критик и публицист Василий Васильевич Розанов издал ряд своих письменных диалогов с крупными подвижниками и мыслителями эпохи, удачно назвав составленную книгу – «Литературные изгнанники». Один из его корреспондентов – *Сергей Александрович Рачинский* (1833–1902), чей «портрет в полный рост», по выражению Розанова, «один из самых красивых за весь XIX век», был предан забвению и исчез из нашей памяти и истории на целое XX столетие.

Потомок дворянских ветвей Рачинских, Боратынских и Потемкиных, Сергей Александрович в 1866 году оставил профессуру и возглавляемую им кафедру физиологии растений в Московском университете (известный протест шести профессоров против вмешательства в автономию управления университетом министра Д.А. Толстого), а через несколько лет совсем покинул столицу и начал учительствовать в крестьянской школе родового имения Татево (недалеко от Ржева), сделав ее к началу 1880-х годов блестящим образцом народных школ. Вкладывая значительные средства с аренды татевских земель, он последовательно открывал подобные школы (более 20) и больницы для народа по всему Бельскому уезду Смоленской губернии, привлекая в свое дело ближайших родственников и воспитывая школьных учителей из среды самих крестьян. Кроме этого, он приложил массу сил к распространению неофициально возглавленного им широкого движения обществ трезвости в России. Выдвигаемая Рачинским концепция народного образования была одобрена в правящих кругах его единомышленником обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым, а труд на благо отечества отмечен в 1899 году особым рескриптом императора Николая II.

Неординарность деятельности Рачинского, блестяще образованного не только в области естественных наук, но и в областях философии, педагогики, знатока и тонкого ценителя светских искусств и литературы, переводчика и поэта, – вызывала удивление и задевала столичное общество. Об этом Розанов замечал в одном из писем к «татевскому бессребренику»: «Труд же Ваш не забудется; не знаю, чувствуете ли Вы: при обсуждении массы вопросов, вовсе не о школе только, но и социальных, в возникающих спорах молча принимается во внимание Ваша деятельность, ну, например, при вопросе о поместном дворянстве; о противоположности будто бы дворянских и крестьянских интересов; о противоречии науки и религии и пр. Я так чувствовал часто, и видел, что тот или иной из спорящих потому только не высказывает такого-то предположения, не выставляет такого-то тезиса, что замешалось в море нашей действительности Татево. Факт всегда обильнее содержанием, чем слово. Я Вам давно об этом молчаливом принятии во внимание хотел написать» (26 июля 1895).

Раскрытие личности, мыслей и идей Рачинского, бесспорно, еще не состоявшееся в полной мере, требует фундаментального изучения и целостного переиздания его публицистического наследия, но, кроме этого, и большой исследовательской работы над сохранившейся в архивах грандиозной по масштабам перепиской. В числе его корреспондентов были И. С. Аксаков, К. П. Победоносцев, С. Д. Шереметев, Л. Н. Толстой, архиепископ Николай Японский, С. В. Смоленский, П. И. Чайковский, Н. П. Богданов-Бельский и многие другие яркие современники, а также многочисленные безвестные священники, крестьяне, мещане, студенты, учителя, писавшие по вопросам насущных школьных дел и обществ трезвости. Весь этот «обоз к потомству», характеризующий такие качества личности Рачинского, как исключительную отзывчивость и полную самоотдачу в общении с множеством людей, – «материал драгоценный для будущих бытописателей», по собственному замечанию Рачинского, – был собственноручно им собран и систематизирован в 130 томах в кожаных переплетах (по 80–100 писем в каждом). «Глядя на эту библиотеку, с ужасом думаю о том, что столько же писем написано мною, написано необдуманно и спешно, по множеству иного дела, и что за всякое из этих писем я отдам отчет в день судный…», – писал Рачинский Розанову (16 сентября 1895).

Писавший (чаще именно «отвечавший») своим корреспондентам, как правило, очень сжато за массой школьных хлопот и неимением времени, Рачинский, однако, на волновавшие его темы откликался развернутыми рассуждениями. Конечно, к таким темам никак не относилась его собственная личность, и когда журналистский вкус подвигнул Розанова добыть автобиографию «татевского затворника», то, по сути, он ничего не получил, кроме пяти строк сухих статистических фактов. Однако скромность и пренебрежение Рачинского к собственной известности восполнялись большим энтузиазмом в разговорах на интересовавшие его темы, круг которых был необычайно широк.

«Вы извиняетесь, что пишете мне о литературе! Да ведь я Вам за это премного благодарен. Предмет для меня – самый интересный, а о нем до нашей глуши не доходят не только вести и слухи, но и далеко не все печатные документы», – пишет Рачинский Розанову из Татева (1 декабря 1895). Особое тяготение Рачинского к литературному и в целом художественному миру определилось, бесспорно, с детства под влиянием высокообразованного быта дворянской среды, замечательного родственного окружения и, конечно, благодаря усилиям матери, родной сестры поэта и друга Пушкина Евгения Абрамовича Боратынского. Сестра Рачинского, Варвара Александровна обучалась, между прочим, фортепьянной игре у знаменитого Фридриха Вика (отца Клары Шуман) и, по словам Смоленского, знала Баха, Генделя, Моцарта весьма основательно, в доме имелись и струнные инструменты, часто звучали ансамбли. Известно, что Сергей Александрович сам хорошо рисовал и владел игрой на фортепиано в той мере, что мог проиграть своим ученикам места из опер Моцарта, хоры из пассионов Баха, хоровые партитуры на спевках к храмовой службе.

В молодые годы, совпавшие с интенсивным развитием литературы, стремительно захватывавшей общественное внимание, Рачинский, состоявший членом Общества любителей естествознания, Общества испытателей природы, входил также в Попечительный комитет о бедных студентах, в Совет Странноприимного в Москве дома графа Шереметева, комитет Елизаветинской (великой княгини Елизаветы Федоровны) Общины сестер милосердия общества Красного креста, был членом-посетителем Русского музыкального общества, членом общего собрания Общества любителей художеств, посещал в Москве музыкально-художественные салоны. Он обращался и к самостоятельному литературному творчеству – в его наследии стихи, повести и рассказы, сказки для детей, статьи и фельетоны для «Русского вестника». Кстати сказать, не все из них изданы, хотя литературным публикациям Рачинского В.В. Розанов справедливо давал самую высокую оценку: «Статьи Рачинского, сколь бы они кратки ни были, всегда столь художественны и одушевлены, что даже и не крупные из них на меня производили обаятельное впечатление. И до сих пор я думаю, что педагог Рачинский есть в то же время классический писатель нашей литературы. Так много у него вкуса, изящества и глубины» [2, 434].

Любопытна, в частности, оставшаяся неизданной повесть московского периода «Трио», представляющая собою тонкий психологический этюд на тему о неразделенной любви. В главном герое как будто проступают и авторские черты, что наводит на мысль об автобиографичности описанных событий.

Особой стороной его интересов была философия и эстетика. Розанов неоднократно сетовал на отсутствие у Рачинского философских работ – при обширнейших знаниях, глубоких суждениях по многим затрагиваемым вопросам, и называл его «философом в изящном древнем смысле: без профессии, без ремесла, без диплома, но по вдохновению». Выдающиеся способности Рачинского в этой области находил известный гегельянец, историк философии Куно Фишер, с которым Рачинский общался во время стажировки в Германии (1856–1858). По возвращении в Москву последовали защиты диссертаций – магистерской, а через несколько лет докторской – по физиологии растений, но серьезное отношение к философским знаниям сохранялось, о чем говорят принадлежащие этому времени и сохранившиеся в архивах три философские работы Рачинского: «Божественная воля как источник существования движения во вселенной», «Христианство в Индии» и «Религиозные воззрения А. С. Хомякова».

Логичность и глубина мышления Рачинского, рядом с горячими, полными тревожно-мистического ощущения высказываниями Розанова, проступают в их диалогах о новых явлениях русского искусства. «Вы ошиблись в Васнецове, – пишет Розанов, – высказав, что в нем видите твердое и решительное, сказанное Православием, т. е. обществом русским на почве Православия. Это католичество; это – глубочайший нерв католический, к нам пробивающийся <…> Вл. Соловьев писал о “соединении” церквей и, конечно, это так плоско и грубо <…> Но вот не видите ли Вы, что в самих русских <…> неуловимо и неудержимо развивается католическая тенденция …» (12 декабря 1896). На что следует ответ Рачинского, необычайно трезвый по взгляду: «Вам чудится какое-то вторжение католичества в мир православно-русский. <…> Вас смущает весьма распространенное сочувствие к Франциску Ассизскому. <…> Я не видал изображение Богородицы, о коем вы пишете. Очень может быть, что это произведение Васнецова неудачно, навеяно влияниями запада. Это не мешает капитальным его творениям примыкать ко всем преданиям искусства православного и, что еще важнее, носить на себе печать вдохновения личного, столь своеобразного и вместе с тем столь близкого к нашему религиозному строю, что в нем узнали себя верующие души всех степеней духовного сознания. Франциск Ассизский всегда будет возбуждать сочувствие православных. Но это потому, что он, в церкви римской, последний отблеск христианства первобытного, вселенского. <…> Но сочувствие к Франциску нисколько не мешает нам предпочитать ему преподобного Сергия, ставить школу Нила Сорского выше движения францисканского». И далее замечательное заключение: «Многим явлениям в жизни западных церквей не можем и не должны мы отказывать в сочувствии, именно потому, что в православной истине мы имеем мерило, не допускающее нас до слепого увлечения. <…> Мы не были бы православными, если бы не умели распознавать ту долю добра и истины, которая примешана к западной лжи» (15 декабря 1896).

Основательность такого взгляда была результатом глубокого понимания не только русского искусства и православия, но и западной культуры, ценности которой Рачинский никогда не отрицал, – и в чем Розанов не мог стать с ним вровень: «В ту пору, верный прихожанин своего прихода, я был чужд ему [мнению Рачинского], просто – глух к нему», – признавался философ [2, 448].

Затрагивая вопрос об отношении Рачинского к области искусств, в первую очередь к музыке, светской и церковной, невозможно обойти вниманием его многолетний диалог со *Степаном Васильевичем Смоленским* (1848–1909), авторитетнейшей личностью в церковно-певческой культуре. Их связывали почти двадцать лет общения (1883–1902), в основном письменного, образовавшего грандиозный по объему двусторонний эпистолярный памятник – 560 писем, сосредоточенных в Отделах рукописей Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки. Значение этой переписки в целом для истории музыкальной культуры конца XIX – начала XX столетий, безусловно, непреходяще. Особая же ее ценность, в связи с фигурой Смоленского, – в сосредоточенности на вопросах церковного пения, изучения и реставрации его древних образцов, практики исполнительства, собирания и исследования исторических певческих памятников, а также переживавшегося в этот период становления церковно-певческого образования.

Отношение Рачинского к русскому церковному пению представлено в его наследии целым рядом суждений и обобщений. В первую очередь, имеется в виду одна из глав «Заметок о сельской школе» в аксаковской «Руси» – статья «Народное искусство и сельская школа» (1882), ставшая, собственно, исходным пунктом крепкой дружбы

Смоленского с Рачинским и решительного обращения музыканта на путь церковно-певческой деятельности.

В этот период, 1880-е годы, вопросы улучшения церковного пения обсуждались обществом очень активно, но трудно указать на какие-либо выступления в печати, которые превосходили бы по полноте, конструктивности, доказательности, а также силе и обаянию художественного слова выступление Рачинского. С горячим воодушевлением он писал о «громадном художественном и образовательном значении» духовного пения, о «неисчерпаемом богатстве его художественного материала» и многообразии направлений и форм; рассматривал причины и особенности западных влияний на исконные русские напевы. При этом, рассуждая о древнерусском унисонном пении, о русском осмогласии со своей «элементарной традицией полифонии», он, не изучавший знаменное пение, но «тонко чувствовавший и провидевший далеко вперед», высказывал очень много точных суждений о «настоятельной потребности» в создании новой гармонизации древних роспевов в ладах церковных, о начатом и не завершенном опыте Глинки и т. д.

Смоленский писал, что Рачинский «гармонично соединял в себе высшие ступени понимания всех искусств и осмысливал шаги русского искусства в своем уме с самой удивительной ясностью в их взаимных отношениях» [5, 593]. Замечателен в этом смысле широкий исторический взгляд Рачинского на звучавшие в то время требования удалить из богослужений произведения Бортнянского и его школы как отступающие от истинного характера православных песнопений: «Позволю себе думать, что художественная деятельность последних двух столетий не может быть выкинута из истории нашего церковного пения. <…> Попытаюсь объяснить мою мысль сравнением. Наше церковное зодчество в XVII веке, столь обильно принявшее в себя элементы западные, может ли считаться мертвою ветвию нашего народного искусства? Вспомним церкви в Филях и московские церкви Успения на Покровке и Воскресения в Кадышах, Крутицкие архиерейские палаты и т. п. Вычеркнем ли мы из истории нашей архитектуры эти западные гармонизации русских мотивов? Лады западные из нее не исчезнут. Следует только заключить их употребление в должные границы, восстановить в ее правах гармонизацию в ладах церковных, естественная область которых несравненно обширнее…» [1, 354–355].

Рачинский рассматривал и «условия подъема нашего церковного пения», коренящегося в двух сферах.

Прежде всего, в области высшего музыкального творчества: характеризуя русскую музыкальную школу как обладающую «несомненной жизненностью», «оригинальностью и творческой энергией, признанной музыкальными авторитетами всего мира», он указывал на одну лишь задачу, «оставленную этою школой без должного внимания», «коренную и историческую, кровную задачу русской музыки», – создание «полного круга художественных, истинно церковных песнопений» [1, 355]. Он приветствовал достойный образец такой работы – появившуюся Литургию соч. 41 Чайковского, «несмотря на все препятствия» и «целый ряд непостижимых оскорбительных скандалов» (судебное разбирательство о цензурном праве Придворной певческой капеллы и о публикации Литургии в обход этого права). Рачинский принципиально выступал в защиту свободного композиторского творчества в области церковной музыки с одним лишь цензором – «массой верующих»: «Лишь свободное возвращение наших первоклассных композиторов к духу наших древних церковных песнопений может вдохнуть жизнь в наше духовное искусство, – и это возвращение совершится неминуемо, как только они станут лицом к лицу не с кружками столичных дилетантов, а с массой верующих, в творениях, предназначенных для повсеместного распространения…» [1, 357].

Вторым важным условием – и орудием этого распространения, – по его мнению, должна была и «уже начинает служить – сельская школа». Постановка вопроса о сельской школе казалась несколько неожиданной, но оспаривать ее ввиду живой практической работы в этой среде самого автора было невозможно. Рачинский обращался к практике сельских хоров и вопросу усиленной подготовки их руководителей в учительских и духовных семинариях, к вопросам необходимости певческо-регентских «рассадников» при семинариях и архиерейских хорах или при «значительном монастыре, твердо хранящем предание пения истинно церковного». В Придворной певческой капелле он видел возможности дать «начальный импульс и постоянное руководство всему делу» [1, 355].

По сути, это была программа, которую нужно было осуществлять, и компетентный исполнитель ее основных положений, блестяще развитых и воплощенных в жизнь, – нашелся. Им стал молодой учитель пения Смоленский, одаренный необходимыми талантами, увлеченный старообрядческим пением, крюковыми рукописями и идеей восстановления в отечественной практике знаменной певческой традиции. Впоследствии в своих Воспоминаниях Смоленский говорил о первых впечатлениях по прочтении статьи Рачинского: «Трезвость его суждений о русском искусстве прямо удивила меня, и я, только что пришедший к его образу мыслей с крюковой, рукописной и старообрядческой стороны, отписал ему о совпадении наших суждений, выработанных разновременно и под различными углами наблюдений» [4, 401].

Выросший в Казани в среде профессуры Университета и Духовной академии, получивший юридическое и историко-филологическое образование, а также музыкальное – у Л. Ф. Львова, Смоленский сотрудничал с Н. И. Ильминским, будучи племянником этого известного ученого-лингвиста, и создал хоровой и регентской классы в образованной Ильминским Учительской русско-инородческой семинарии. К моменту знакомства с Рачинским Смоленский занимался изучением рукописных певческих книг Соловецкого собрания в Духовной академии, переписываясь с автором фундаментального труда «Церковное пение в России» – маститым протоиереем Д. В. Разумовским. Рачинский сначала письменно познакомился с молодым учителем, но сразу разглядел в нем замечательные способности педагога, ученого и стал ему старшим «искренним, неизменным другом, самым горячим помощником и советником» [4, 594].

Через три года после начала переписки Смоленский первый раз побывал в Татеве и успешно познакомил со своей методой преподавания церковного пения собравшихся со всего Бельского уезда учителей и учеников Рачинского, о чем в письме к Победоносцеву Сергей Александрович рассказывал так: «Моя школа повернута вверх дном. Неделю тому назад приехал Смоленский. Каждый день по два урока (по 2 – 3 часа каждый), и все промежутки наполнены писанием партитур, голосовыми упражнениями, etc. Даже во сне ребята выкрикивают кварты и септимы. <…> Учитель он – феноменальный по энергии и смелости, и музыкант самой высшей школы. Только теперь оценяю по достоинству все преимущества его методы и его учебника. <…> Право, мне иногда кажется, что я одарен медиумическими способностями. Смоленский – материализация того преподавания музыки, о коем я всегда мечтал для моих учеников» (от 27 июля 1886) [3, 701].

Переписка позволяет увидеть Рачинского не просто сочувствовавшим Смоленскому, но именно направлявшим молодого деятеля, неудержимо темпераментного в работе. Он первым оценил начальные труды Смоленского в музыкальной педагогике – «Курс хорового церковного пения» (1885) – и в музыкальной медиевистике – «Азбука знаменного пения старца Александра Мезенца» (1888), «Краткое описание древнего (XII–XIII века) знаменного Ирмолога, принадлежащего Воскресенскому, Новый Иерусалим именуемому, монастырю» (1887), «Описание рукописей Соловецкой библиотеки» и приложил все усилия к осуществлению их издания. Он протежировал его на пост директора реформировавшегося Синодального училища (а позже – управляющего Придворной певческой капеллой) и не ошибся. Именно в период 12-летнего пребывания Смоленского на посту директора училище выросло до уровня академии духовной музыки, способной воспитывать кадры блестяще образованных музыкантов – регентов и певчих. В среде «синодалов» под влиянием вдохновенных идей Смоленского, продолжавших мысли Рачинского о русском искусстве, созрело и образовалось так называемое Новое направление русской духовной музыки, объединявшее многочисленных композиторов, которые обратились к церковно-музыкальному творчеству на древнерусской певческой основе.

В переписке четко проступает и та сторона служебных отношений, которая ставила, казалось, непреодолимые препятствия для горячего и принципиального Смоленского: не единожды Рачинский с его житейской мудростью подсказывал тактику действий «с кротким упорством» в чиновном мире власть предержащих и помогал достичь успешного разрешения сложных ситуаций. Сколько раз именно он спасал Смоленского от неверных шагов и выручал из служебных бедствий!

Неслучайно Смоленский, почитая старшего друга как наставника, писал ему часто (еженедельно – в периоды сложных служебных обстоятельств), широко и объемно. «Я встретил в Сергее Александровиче столько сердечности, столько ума и знаний, столько сочувствия и содействия, – говорит Смоленский в мемуарах, – что во мне воспиталось по отношению к нему чувство какого-то благоговения» [4, 401]. Отсюда понятна ценность их переписки как предельно искренней, доверительно-исповедальной и при этом являющейся безукоризненным хронографом творческого пути музыканта и истории возглавлявшихся им ведущих хоровых учебных заведений России.

The article is devoted to the well-known teacher and public figure and scientist Sergei Alexandrovich Rachinsky natural science. According to the materials correspondences with VV Rozanov SV Smolensky and considered its relation to questions of literature, philosophy and music.
Keywords: *epistolary heritage, folk school, a collection of manuscripts, ancient Russian art, choral polyphony, literature, painting.*

Список литературы

1. Рачинский С. А. Народное искусство и сельская школа // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. III. М., 2002.
2. Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 2. М.: Республика, СПб: Росток, 2010. [Все письма Розанова и Рачинского цит. по данному изданию]
3. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VI, кн. 1. М., 2008.
4. Смоленский С. В. Воспоминания // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV. М., 2002.
5. Смоленский С. В. Памяти С. А. Рачинского // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV. М., 2002. С. 592-597.

Об авторе

Кабанова Н.И. – кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и методики начального общего и музыкального образования Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 821.161.1.0

О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ И КИНО (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА Ф. СОЛОГУБА «МЕЛКИЙ БЕС»)[1]

Н.З. Кольцова, И.В. Монисова

В статье анализируются возможности интермедиального перевода модернистского текста, и прежде всего его интертекстуального плана. Специфика киноязыка позволяет режиссеру не только идти за автором претекста, но и своими средствами выстраивать диалогическое поле фильма, соотнесенное с литературным первоисточником. Выявление и визуализация его скрытых смыслов и подключение культурного опыта современника в процессе перекодирования становится важным условием адекватной экранизации. Материалом для анализа стал фильм Н. Досталя 1995 г. по мотивам романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», который представляется удачной адаптацией: с одной стороны, она отражает природу символистского произведения, а с другой - соотносит духовную атмосферу двух рубежей веков, хотя кинематографисты и избегают нарочитой модернизации литературного материала.

Ключевые слова: *интермедиальность, интертекстуальносить, диалог, цитирование, аллюзия, перекодирование, визуализация, претекст, язык кино, экранизация, лейтмотив, realia и realiora.*

Перевод литературного текста на язык другого вида искусства (театра, кино, музыки) представляет немалую сложность и часто отторгается читающей аудиторией, но при удачном и вдумчивом интермедиальном прочтении может получиться обратный эффект: претекст обнаружит новые глубины и смыслы, неожиданно прозвучит в унисон современности. Особо следует сказать о такой важной части адаптации первоисточника, как выявление и новое воплощение его интертекстуального плана: при работе с модернистским или любым другим в смысловом и стилевом отношении многослойным текстом «перевод» заложенного в нем цитатного, ассоциативного, диалогического слоя неизбежен и становится условием полноценного прочтения.

Теоретический вопрос о соотношении категорий интермедиальности и интертекстуальности, безусловно, важный в современном литературоведении, не является центральным в данной статье, поскольку авторы исходят из положения, что современным искусством (и отнюдь не только постмодернистским) культура воспринимается как текст или единая знаковая система, вследствие чего словесные, живописные, музыкальные, кинематографические «цитаты» могут рассматриваться как явления одного ряда, при понимании, разумеется, специфики языка каждого из искусств. Напомним, что если в ранних работах А. Ханзена-Лёве понятия интертекстуальности и интермедиальности являются некими рядоположенными категориями [1], то в более поздних его исследованиях проблема определения границ каждого термина представляется уже более сложной и подключает к себе вопросы о взаимодействии и сосуществовании таких понятий, как «мульти-медиальность» и «поли-медиальность», «медиа-обмен» «медиа-трансфер» и др. [2]. Иными словами, за пределами данной работы остается «техническая сторона» процесса «перекодирования» (в терминах М. М. Бахтина – [3]) литературного языка в язык кинематографический, поскольку целью авторов работы является выделение тех «смыслов», ради которых подобное «перекодирование» и осуществляется.

Однако нельзя не учитывать принципиальных различий в самих способах организации реминисцентного фона в литературе и кинематографе, или, в терминах Е.М. Мелетинского, «технике префигурации» [4. С.154] – введения в текст скрытых и явных отсылок к «чужим» текстам – будь то живопись, литература или театр. Пожалуй, одним из таких важнейших и очевидных различий является сам характер восприятия произведения искусства реципиентом: если для читателя скорость (или темпоритм) освоения (присвоения) текста произведения лишь отчасти регулируется автором (читатель вправе остановиться, вернуться к сложному, «темному» для него фрагменту и перечитать его заново), то зритель (при всех возможностях, которые предоставляет ему современная техника) все же оказывается «внутри» того временного потока, которым собственно и является фильм. Иными словами, сама скорость «считывания» определенного знака – будь то едва уловимая реминисценция, более очевидная аллюзия или явное цитирование – должна учитываться авторами кинематографического текста, даже если кинофильм рассчитан на «свою», «подготовленную» аудиторию. «Чужое слово» (или – шире – «чужой знак»), который легко опознается читателем, может остаться незамеченным в плотной (и уже самой по себе синкретической) ткани кинематографического текста. Поэтому зададимся вопросом: насколько удачно кинематограф может «работать» на выявление специфики литературного текста, тем более такого сложного, как модернистский - то есть чрезвычайно «плотный» с точки зрения интертекстуальных связей - роман?

В контексте этого разговора заслуживает внимания фильм-экранизация, в основе которого лежит один из выдающихся и наиболее сложных текстов Серебряного века русской литературы - роман Федора Сологуба «Мелкий бес». Онирическая природа текста, отражающая символистскую концепцию о мире «кажимостей» и мире «сущностей», с трудом поддавалась переводу на театральный язык с его грубоватой условностью, и этим в какой-то мере объясняется неудача или обедненность романных инсценировок, в том числе и при непосредственном участии автора. В 1995 году режиссер Николай Досталь и сценарист Георгий Николаев предложили киноверсию ро-

[1] В основе статьи - выступление авторов на конференции «Интертекстуальность кино» (Москва, МГУ, 17.12.2015 г.)

мана Сологуба (единственную на сегодняшний день), которая не имела шумного успеха в специфической социокультурной атмосфере 90-х годов, но стала, на наш взгляд и по мнению некоторых критиков, удачной адаптацией, в которой тонко схвачена специфика символистского претекста и в то же время ощущаются «токи» современности, хотя кинематографисты избегают нарочитой модернизации первоисточника. (Рис.1) Одним из путей адекватного воплощения на экране классического текста становится работа с насыщенным интертекстуальным планом романа, часть которого аккуратно «считывается» и визуализируется, иногда даже наращиваясь при этом, а часть сокращается или заменяется режиссерскими аллюзиями, подключающими. культурный опыт современника

Как известно, в 1909 году Ф. Сологуб создал пьесу по собственному роману 1902 года, который приобрел большую популярность и, так сказать, «просился» на сцену. По словам А.Чеботаревской, к тому времени сложилась традиция рассматривать роман Сологуба *«с точки зрения… «быто-обличительной», «историко-гражданственной»... как продукт восьмидесятничества, а героя его, Передонова, как порождение общественной реакции и провинциального мракобесия»* [5. С. 312]. В пьесе автор старается эту традицию «переломить», подчеркнув символическую природу рассказанной жутковатой истории. *«Как я определяю свою пьесу?* - пишет он. - *Бытовая ли она? Да, она бытовая. Она изображает быт, доведенный до его крайности и потому впавший в свою противоположность, в безумие, ужас, безобразие, кошмар. Сумасшествие Передонова — не случайность, а общая болезнь, и это есть быт нынешней России»* [5.С. 313]. Еще более заострена эта мысль в эссе «Театр Одной Воли»: *«Никакого нет быта, и никаких нет нравов, — только вечная разыгрывается мистерия... Один вечный диалог на вечные, единые темы Любви и Смерти»* [6. С. 185]. В пьесе заметно переосмыслена фигура главного героя, Передонова. Как писал автор одной из рецензий на спектакль 1909 г. «Мелкий бес» в Незлобинском театре, если *«в романе Передонов более изображен со стороны подлости, чем слабости, то в драме наоборот… И пьеса должна проводиться не под знаком негодования и сатиры, а под знаком возможно полного сочувствия к слабому и несчастному Передонову»* [7. С. 358]. Думается, это обстоятельство тоже берут на заметку кинематографисты.

Несколько поспешным и несправедливым представляется мнение А. Шемякина о том, что *«"Мелкий бес" Николая Досталя - последовательная попытка перевести модернистский роман в роман классический, - как если бы его писали Панаев или Григорович»* [8.С. 36]. На наш взгляд, Досталь как раз глубоко прочувствовал фактуру романа Сологуба и исходит из его символистской природы, причем изыскивает те средства киноязыка, визуальные и аудиальные приемы, которые позволяют передать атмосферу и смыслы претекста, одновременно приблизив его к современнику. Более того, авторы киноадаптации, выстраивая свою интерпретацию первоисточника, стремятся учесть, как уже отмечалось, опыт не только романа, но и пьесы. Сказанное относится и к интертекстуальному плану произведений Сологуба и киноверсии.

Как показывают в своих исследованиях и З. Г. Минц, и С. П. Ильев, роман «Мелкий бес», посвященный жизни русской провинции, возвращает читателя к творчеству Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А.Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, что не мешает писателю быть модернистом, остро ощущающим призрачность быта [9]. И парадоксально, что чем гуще, плотнее и весомее быт в романе, тем более ощутима его кафкианская, сновидческая природа: размывая границы между явью и сном, бредом, Сологуб предвосхищает открытия XX века, подвергающего сомнению сам статус реальности.

В отзывах на фильм «Мелкий бес» отмечалось, что в нем передана *«раблезианская природа романа», «грубый, низменный, балаганный юмор»,* усиленный утрированной, тяготеющей к гротеску игрой талантливых актеров; фильм квалифицировался как *«чернейшая, сумасшедшая, немного артхаусная комедия»,* отмечалось, что Досталь не столько переосмыслил, сколько довел до логического завершения мысль Сологуба о том, что в обыденной рутине любое чистое чувство обречено на муки, поэтому Людмила и Саша в финале *«входят в широко открытые двери взрослого паноптикума»* [10]. Отличие режиссерской трактовки от авторской концептуализации особенно заметно в двух моментах: во-первых, образ Передонова приобретает в финале трагедийные черты (здесь режиссер, вероятно, идет за Сологубом как автором пьесы), во-вторых, в фильме настойчиво рифмуются линии Передонова-Варвары и Саши-Людмилы, в романе скорее отчетливо противопоставленные. Кроме того, режиссер вслед за драматургом значительно сокращает пласт романа, связанный с боязнью либеральных мыслей и литературы, доносительством, борьбой за всеобщую «благонамеренность», вообще «двойничеством» сологубовского героя по отношению к чеховскому «человеку в футляре». Однако снятые в гротескном стиле сцены нелепого доноса Передонова директору гимназии на Сашу Пыльникова и «проработка» того на дому дают в границах фильма представление о безумном, «беликовском» радении главного героя на общественном поприще и, конечно, через «чеховский след» помогают выявить общечеловеческое содержание образа.

В фильме передана вполне узнаваемая атмосфера рутины провинциального российского городка прошлого рубежа веков, знакомая по произведениям современников и предшественников писателя. Однако кинематографисты не стремятся не только к «жизнеподобию», но даже и к точному воспроизведению коллизий претекста. Провинциальный дискурс строится и Сологубом, и Досталем с оглядкой, во-первых, на традиционный для русской классики образ провинции, а во-вторых, на петербургский миф русской литературы: с одной стороны, нагнетается мотив замкнутости, самодостаточности, стагнации и выморочности провинциального мирка – будь то город С, или NN, или Калинов, или Глупов, а с другой стороны – мотив призрачности, миражности Петербурга, до которого «хоть три года скачи…». Мотив призрачности восходит к тому же Гоголю и закрепляется в фильме, в частности,

сюжетной рамкой, которую придумал Досталь: на мосту через речку сидит почтальон и, складывая из распечатанных писем кораблики, пускает их по реке. (Рис.2) Река-лета уносит хрупкую, призрачную жизнь с ее мнимыми заботами - школьной рутиной, чиновничьими отчетами, письмами-доносами. Этот же почтальон, имеющий характерную «гоголевскую» внешность (толстые нос и губы, как у Петрушки, слуги Чичикова), доставляет Передонову поддельное письмо из Петербурга – то есть выступает в роли некоего «посредника» между мирами - островком безумия и «большим» миром. Но это мнимый проводник: письмо - подделка, княгиня Волчанская, от которой Передонов ждет благодеяний, - блеф, а есть ли вообще Петербург и не живут ли там люди с песьими головами? И письма без конвертов отправляются не почтовым экипажем, а по реке, в никуда.

Как видим, проблема интертекстуальности решается Досталем весьма своеобразно: он не обязательно идет за Сологубом в использовании той или иной аллюзии (есть своя сложность в перенесении на экран литературной цветописи, обонятельных и осязательных образов, символики имен, лейтмотивов), но ***своими средствами*** отсылает к тем же источникам, что и автор романа. Так, к Гоголю восходит мотив распечатанных писем, к Достоевскому – преступления. Финальная картина с вдохновенным страдальческим лицом Передонова, который высвобождается, словно из кокона, из форменной одежды и остается в белой смирительной рубашке, из которой также рвется, как из плотного мира кажимостей, опутавших подлинную жизнь, заставляет нас вспомнить не только Поприщина, обращающегося к матушке, но и князя Мышкина с его "детским", чистым взглядом. Роль Передонова сыграл Алексей Тарамаев, актер с «амбивалентной» фактурой, совмещающей интеллигентную утонченность и диковатую нервозность. Самодовольное и жалкое, безумное и идиотическое выражение лица героя в основной части киноповествования, гротескные жест и звук, виртуозно им воспроизводимые, сменяются в финале отражением молчаливой душевной муки, а затем одухотворенностью. (Рис.3) Представляется, что в финальных кадрах Досталь прибегает к киноцитации, апеллируя к культурной памяти прежде всего отечественного зрителя: при несходстве актерских типажей нам тем не менее вспоминается «мышкинский», пронзительный взгляд актера Юрия Яковлева в экранизации И. Пырьевым романа «Идиот» (1958 г.). Превращение безумца Передонова едва ли не в юродивого "возвращает" зрителя к Сологубу, для которого герой - не только квинтэссенция подлого и безумного мира, но и его главная жертва. И мотив дороги, полета (образ рук-крыльев в белой смирительной рубашке) в фильме тоже оказывается амбивалентным: дорога, пролегающая меж полей и неба, оказывается не только традиционным символом свободы, полета, но и путем в сумасшедший дом.

«Всякий фарс становится в наше время трагедией, смех наш ужаснее плача, смеются печальные и безумные», - писал современный Сологубу критик [5.С. 315]. И для кинематографистов такой «ужасный смех», переходящий в крик и муку, оказался, по-видимому, созвучным времени создания фильма, новому рубежу эпох, когда разрушение привычной картины мира и утрата прочных ценностных оснований вновь обернулись тотальным господством в жизни всевозможных проявлений «бесовской» стихии лжи, нравственного тлена и хаоса. Поэтому миф Сологуба о своей эпохе как о мире, в котором начала добра «развоплощены», а их место захвачено злыми фантомами, неожиданно проглядывает в волчьем оскале 90-х. Отметим последовательное воплощение в фильме этого важнейшего для Сологуба мотива смеха: талантливые артисты тонко обыгрывают разные виды смеховой интонации - хохот, блеяние, безумный тонкий смешок Передонова, смущенный – Сашин, инфернальный басовитый – Векшиной, заливистый смех сестер Рутиловых и т.д. Не менее значительной звуковой и смысловой составляющей фильма становится и собственно крик, далеко не всегда получающий однозначную сюжетную или психологическую мотивировку и обретающий, таким образом, некое самостоятельное, едва ли не символическое значение. Так, в одной из сцен крик Передонова становится причиной пробуждения пьяной хозяйки, реагирующей на непонятный и страшный звук не менее жутким хохотом, переходящим в вой. Сливаясь воедино, смех, плач, крик, вой словно отделяются от своих «носителей» и начинают восприниматься как голос (язык, звукоряд) чудовищного мира — подобно тому, как в знаменитом андреевском произведении «красный смех» не привязан к тому или иному субъекту, но является выражением самой сути безумия, экзистенциального ужаса - то же мы видим и на полотнах ровесника Сологуба художника Эдварда Мунка. Создается ощущение, что кинематографисты – сознательно или интуитивно - учитывают и поэтическую, суггестивную природу слова сологубовского романа (автор, стихи которого, по мнению И. Эренбурга, обладали силой наркотического воздействия на читателя, и в романе стремится не столько описать ту или иную эмоцию, сколько «заразить» ею читателя). Добавим к сказанному попытку режиссера передать «обонятельную образность», характерную для произведений писателя (как известно, Сологуб был большим ценителем парфюмерии - в «Мелком бесе» это авторское пристрастие передается Людмиле - и «конструировал» мир запахов в своих романах). Кино не воспроизводит запахи напрямую, в отличие от звука, цвета, фактуры, жеста, но они «подсказываются» зрительными и звуковыми ощущениями, закрепляются через нарратив. Так, перемещение камеры (живописный утренний пейзаж с рекой, служба в церкви при горящих свечах и кадиле, а затем кухня Варвары с резаным луком и исходящими горячим паром пирогами и чайником) позволяет ощутить контрастную смену не только видов, но и запахов. И далее горячие напитки и выпечка, наливки-варенья, а также клубы табачного дыма, запах серы (чиркая спичками, Передонов «отгоняет» нечистую силу, и в результате «адский» шлейф сопровождает его самого) наряду с легко вообразимыми душными ароматами летних цветов и трав – становятся своего рода обонятельными лейтмотивами фильма. Тема, как и в романе, выходит на вербальный уровень: Передонов принюхивается к кофе, чтобы, по его словам, уловить запах подмешанного «яда», спрашивает, не пачулями ли надушен Саша, Людмила

говорит о своей любви к духам и т.д. Эта симфония или, лучше сказать, какофония запахов служит закреплению тех же смыслов, что и звуковой и предметный ряд фильма.

Кинематографисты предоставляют зрителю возможность почувствовать сологубовское «раблезианство», не только воссоздавая синкретизм ощущений, но и остроумно воспроизводя карнавальные сцены романа. В фильме они поданы как сатурналии, хохот инфернальных сил, «навьи чары» сестер Рутиловых, манкость «волшебницы» Вершиной, завлекающей в сад своей ворожбой (в замечательном исполнении Елены Майоровой), плоские рифмованные шутки и ужимки «барашка» Володина, пляски, «отпевающие» мертвецки пьяную хозяйку. (Рис.4). Все это, безусловно, относится к находкам режиссера, тонко чувствующего фактуру романа и важнейший принцип карнавального мира с его гротескными, амбивалентными образами героев, в которых сочетаются комическое и трагическое, высокое и низкое. Володин в исполнении Сергея Баталова – и оборотень, и сакральная жертва (агнец), и едва ли не Сатир, а его «козлоногость» должна восприниматься зрителем не только как элемент костюма на городском маскараде, но и как зловещий знак причастности к миру бесовщины.

Карнавальная эстетика, снимая "конкретно-историческое" с происходящего, обнажает надвременное в облике порочного города и его жителей, и здесь уместными оказываются отсылки не только к античному миру сатурналий, но и к пышным празднествам развратного ренессансного двора Франции. Рыжеволосая Дарья, изящно изогнувшись, непосредственно на лестнице справляет "естественные" потребности, чтобы после "гейша" поднесла их как "дар" Передонову; увядающая "красотка" Грушина является на праздник полуголой и плюет в лицо тому, кто осмелился сделать ей замечание и пр. Но главное, что во время маскарада герои предстают в своем подлинном обличье. Красочный и яркий визуальный ряд призван не только воссоздать реминисцентный фон самого романа (изобилующего отсылками к различным историко-культурным пластам), но и вынести на поверхность то "подлинно реальное", или realiora, что прячется за узнаваемо-житейским, будничным и рутинным.

Один из самых серьезных «вызовов» режиссеру – это образ недотыкомки, преследующей сходящего с ума Передонова. Надо сказать, что на театральный язык эта квинтэссенция бреда сологубовского героя оказалась трудно переводимой: в постановке Незлобинского театра (1909 г.) недотыкомка выглядела слишком реально и тяжеловесно, на что указывалось во многих рецензиях, «говорила хриплым голосом, и это было нехорошо» [7.С. 368], в трагифарсе Вахтанговского театра (2007 г.) эту роль исполнила актриса театра лилипутов. Технически более изощренный язык кино справляется с задачей по-своему. Странные звуки (повизгивание), включение «субъективной камеры», позволяющей увидеть мир глазами безумного персонажа (мелькает некое полиморфное существо с чертами крысы, крупного насекомого, птичьим оперением), - вот приемы, которыми в основном пользуется режиссер. Однако недотыкомку у Досталя могут видеть не только Передонов, но и другие – например, Володин («дерьмо, а бегает»). Кроме того, превращения нечистой силы фиксирует и зритель: ворону с бантиком, которая пригрезилась Передонову (его спутники расценили это как курьез), в следующем кадре видим и мы. Причем «субъективная камера» здесь не работает (герой уже ушел) - происходит некая объективизация нечистой силы. Так кинематографическими средствами Досталь добивается эффекта размывания границ между «реальностью» и пространством бреда, безумия, – эффекта, которого писатель достигает другими способами, в том числе и с помощью игры слов, привлекающей внимание к фамилии Саши – Пыльников (одно из «воплощений» недотыкомки – клубок пыли). Саша для Передонова – тоже идефикс, некий объект, на котором он так же болезненно сосредоточен, который «сводит его с ума» своей непроясненностью (неясно, кто это – мальчик или девочка). В романе параллель между недотыкомкой и Сашей актуализируется и благодаря характеристикам юного героя – особенно в сцене маскарада: *"Гейша,* ***юркая****, сильная,* ***визжала пронзительно****,* ***царапалась*** *и кусалась"* [11.С. 270] - то есть гимназист описывается в тех же словах, что и «мелкий бес». В фильме эту языковую параллель создать сложнее, поэтому она заостряется прежде всего с помощью сюжетных линий и монтажных приемов.

Выстраивая кинонарратив, авторы сценария не только сокращают материал, что при интермедиальном переводе неизбежно, но и предлагают его концептуальную перегруппировку, а также намеренную визуализацию некоторых скрытых смыслов первоисточника. Появляется, как уже говорилось, «рамка» с почтальоном; совершается двойное убийство (не только Володина, но и Варвары); введены пластически и аудиально рифмующиеся гротескные сексуальные сцены. Досталь монтирует сходные по смыслу или пластике эпизоды (Варвара целует кукиш Передонова – в следующем кадре Саша целует руку Людмилы; Передонов опасливо заглядывает в директорский кабинет, в другой сцене робко приоткрывает ту же дверь Саша - налицо сходство крупных планов). Он «дописывает» истории героев (Людмила проговаривает сходство Саши с Ардальоном на детской фотографии; совращение гимназиста происходит в спальне Передонова). Этот параллелизм подчеркивается внешним сходством между актерами в парах: мужские роли исполняют субтильные, светловолосые и светлоглазые С. Тарамаев и А. Елистратов, а женские – крепкие и рыжеволосые И. Розанова и П. Кутепова. (Рис. 5). Здесь кинематографисты отступают от буквы текста, особенно это касается образа Саши Пыльникова, «хорошо откормленного», как говорится в романе, румяного брюнета. Создателям фильма показалось более важным подчеркнуть андрогинную сущность героя, что удалось благодаря остроумному решению пригласить на эту роль солиста скандально известной в 90-е гг. группы «Револьверс» Алексея Елистратова, любимца подростков, обладающего внешней пубертатной «неоформленностью». (Рис.6) Зритель, знакомый с его манерой исполнения (фальцет, микст) и видевший клипы на немудреные песни группы, получал своеобразную «подсказку».

Режиссер выносит параллелизм сюжетных линий из романного подтекста, так что линия молодых героев

выглядит в фильме как своего рода предыстория героев зрелых. Юность, грация, свежесть ощущений не спасают «небесных обывателей» (А. Блок) от потери невинности и погружения в морок. Возможно, поэтому Досталь исключает важную для Сологуба сцену встречи Саши и Людмилы в овраге, на лоне природы, убирая идиллическую ассоциацию с Дафнисом и Хлоей, снимая сологубовское противопоставление двух линий и демонстрируя тем самым жесткий и скептичный взгляд из современности. Все точки над «i» расставляются в последних эпизодах фильма, когда во время соития Саша слышит визг недотыкомки: «мелкий бес» покидает Передонова и вселяется в него. Обе линии скрепляются диким криком героев, хронотоп как бы закольцовывается. Такое внятное озвучивание мысли о неистребимости пошлости жизни соответствует очень важной для символистов, и Сологуба в особенности, идее «дурной бесконечности». Вероятно, для «чистоты эксперимента» и нужна была режиссеру смерть Варвары: так первая пара «оживает» во второй. В то же время, по верному замечанию В. Зусевой, автора одной из немногих аналитических работ о фильме, если в романе рассказана история «падения в бездну и невозможности духовного воскресения, раскаяния и просветления», то его киноверсия предлагает скорее «историю грехопадения и возможного воскресения» [12], о чем свидетельствует несологубовский - просветленный - финал линии Передонова, «обрамленной» церковными песнопениями.

Так, «уходя» от сюжета и творчески перерабатывая интертекстуальный план романа, режиссер «возвращается» к философскому подтексту произведения, к его символистской основе. В известном смысле, движение от сюжета к замыслу можно прочитать как воплощение идеи Вяч. Иванова – путь от «realia» к «realiora».

The article analyzes the possibilities of an intermedial translation of the modernist text, and above all its intertextual plan. The specificity of the language of film allows the Director not only to follow the author of pretext, but also the means to build a dialogical field of film, associated with the literary source. Identification and visualization of its hidden meanings and connections of the cultural experience of the contemporary process of transcoding becomes an important condition for adequate screening. Material for analysis was the film N. Dostala 1995, based on the novel by F. Sologub's "little demon", who seems to be a good adaptation: on the one hand, it reflects the nature of symbolist compositions, and relates the spiritual atmosphere of two centuries, although the filmmakers avoid deliberate and modernization of literary material.
Keywords*: intermediality, intertextuality, dialogue, quotation, allusion, transcoding, visualization, the pretext, the language of cinema, the adaptation, the leitmotiv, realia and realiora.*

Список литературы

1. Hansen-Löve A.A. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst – Am Beispiel der russischen Moderne // Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität / hg. von W. Schmid und W.-D. Stempel. – Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 11. – Wien 1983.

2. Hansen-Löve A.A. Intermedialität der Moderne zwischen linguistic und pictorial turn. Zum medialen Ort des Verbalen – mit Rückblicken auf russischen Medienlandschaften (Vortrag Konstanz, April 2006). – München, 2007

3. Бахтин М. «Эсетика словесного творчества», М.: Искусство. 1978.

4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа, М., Наука. 1976.

5. Чеботаревская А. К инсценировке пьесы «Мелкий бес»//О Ф. Сологубе. Критика. Статьи и заметки. - Спб.: Навьи чары, 2002

6. Сологуб Ф. Театр одной воли / Театр. Книга о новом театре. Сб. статей. Спб: Шиповник, 1908

7. Цитируется по: М. Павлова. Писатель-инспектор. Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М: Новое литературное обозрение, 2007

8. Шемякин А. Новая классика для новых русских //Искусство кино, 1995 - N9

9. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / Минц З.Г. Поэтика русского символизма. – С.-Петербург: «Искусство – СПБ», 2004. Ильев С.П. Русский символистский роман. Аспекты поэтики. – Киев: Лыбидь, 1991.

10. http://films.imhonet.ru/element/202800/gallery/ ;
http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/hud/3807/forum/print

11. Сологуб Ф. Мелкий бес. М.: Художественная литература. 1988.

12. Зусева В. «Мелкий бес» Ф. Сологуба: роман, драма, фильм / Новый филологический вестник. - №2. - Т.9. – 2009.

Иллюстрации:

Рис. 1 Афиша фильма
Рис. 2 Почтальон (М. Коновалов)
Рис. 3 Передонов (А. Тарамаев) + финальный кадр фильма
Рис. 4 «Мелкий бес»: коллаж
Рис. 5 Алексей Елистратов
Рис. 6 А. Тарамаев и А. Елистратов; И. Розанова и П. Кутепова

Об авторах

Кольцова Н.З. – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *koltsovaru@rambler.ru*

Монисова И.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *monisova2008@yandex.ru*

УДК 821.161.1

КАТЕГОРИЯ «МОЛЧАНИЯ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1900 – 1910 ГОДОВ

Н.Г. Коптелова

В статье рассматривается роль категории «молчания» в литературной критике Д.С. Мережковского 1900 – 1910 годов. Показывается, что в процессе духовной эволюции Мережковского это понятие обретает разное содержание. Доказывается, что категория «молчания» переходит в литературную критику Мережковского из его лирики. Выясняется, что поливалентный подход к истолкованию понятия «молчание», характерный для Мережковского-критика в 1900 – 1910 годы, формируется во многом под влиянием поэтической философии З.Н. Гиппиус.

Ключевые слова*: категория «молчания», литературная критика, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, лирика, переосмысление, «новое христианство».*

Как символист, Д.С. Мережковский считал литературную критику «тайновидением», особым путём религиозно-мистического «гнозиса». Он исходил из того, что критика призвана и способна разгадать не только прямо не высказанные, скрывающиеся в глубинах подсознания стремления художника, но и самые его сокровенные религиозно-мистические переживания и озарения. В процессе своей критической деятельности русского периода Мережковский использовал многие индивидуально-авторские категории. К ним относятся следующие понятия: «духовное раздвоение» [6], «юродство», «чувство», «сознание», «ясновидение», «эстетическое созерцание», «пророческое действие», «молчание» и др. Эти категории в системе теоретических представлений Мережковского фиксируют стадии и формы разных видов творчества: художественного творчества, жизнетворчества и религиозного творчества. При этом с течением времени, в контексте духовной эволюции основоположника русского символизма, перечисленные понятия обретают разное содержание. Это можно проследить на примере категории «молчания», задействованной в его литературной критике.

Истоки данного понятия, использованного в критике Мережковского, несомненно, уходят в его лирику. Мотив «тишины», «безмолвия», «молчания» присутствует в поэзии Мережковского 1890-х годов. Он становится знаком сакрализации лирических переживаний. Так, в раннем стихотворении Мережковского «Молчание» (1892) выражена мысль о «несказанности» и мистическом смысле любви, как чувства, имеющего божественную природу:

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне – я говорить не смею.

И в близости ко мне живой души твоей
Так всё таинственно, так всё необычайно, –
Что слишком страшною божественною тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.

В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны,
И всё священное объемлет тишина:
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина [10, с. 223].

В стихотворении Мережковского «Не надо звуков» (1895) лирический субъект постигает тайну вечности, растворяясь в безмолвии природы, пленившей его душу божественной гармонией:

Дух Божий веет над землёю,
Безмолвен пруд, недвижим лес.
Учись блаженному покою
У вечереющих небес.
Не надо звуков: тише, тише!
У лучезарных облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов [10, с. 315].

А в стихотворении Мережковского «Родное» (1896) с тишиной и покоем, позволяющими почувствовать веянье иного мира, где останавливается время, ассоциируется для лирического героя облик родины:

Далёких стад унылое мычанье,
И близкий шорох свежего листа…
Потом опять – глубокое молчанье…
Родимые, печальные места!
Протяжный гул однообразных сосен,
И белые сыпучие пески…
О бледный май, задумчивый, как осень!..
В полях – затишье, полное тоски…
. . . . . .
Здесь – тише радость и спокойней горе.
Живёшь, как в милом и безгрешном сне.
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине [10, с. 445].

Мотивика, образный и интонационный строй этого произведения ассоциативно отсылают к поэме Н.А. Некрасова «Тишина», которую Мережковский не раз вспоминал и анализировал в своих критических работах («О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» (1915)).

Значимость для Мережковского категории «молчания» косвенно подтверждает и З.Н. Гиппиус, которая во многом с ним совпадала, комментируя и развивая его творческие идеи. Её произведения можно рассматривать как своеобразное воплощение и преломление исканий Мережковского. О молчании как особом духовном состоянии, позволяющем сохранить предельную высоту и чистоту религиозных чувств, З.Н. Гиппиус писала в своих стихах. Примечательно, что в стихотворении «Белая одежда», завершающем её «Собрание стихотворений» (СПб., 1904) и отражающем движение духовных устремлений лирического героя, ключевым композиционным элементом становится мотив «молчания». Именно «молчание», по признанию лирического субъекта первого поэтического сборника Гиппиус, оказывается знаком Божьей любви и одновременно путём воссоединения с Творцом:

Он испытует – отдалением,
Я принимаю испытание.
Я принимаю со смирением
Его любовь. – Его молчание.
И чем мольба моя безгласнее –
Тем неотступней, непрерывнее.
И ожидание – прекраснее,
Союз грядущий – неразрывнее [4, с. 115–116].

Во многом созвучно и по смыслу перекликается с упомянутым стихотворением Мережковского «Молчание» (1982) стихотворение З.Н. Гиппиус «Родное» (первый вариант заглавия – «Молчанье») (1920), завершающее сборник «Стихи. Дневник 1911 – 1921 гг.» (Берлин, 1922):

Не назову родное имя,
Любовь безмолвная свята.
И чем тоска неутолимей,
Тем молчаливее уста [4, с. 219].

Категорию «молчания» Мережковский делает критерием критической оценки в статье «Асфодели и ромашка» (1908), поводом для создания которой стало издание «Писем из Сибири» А.П. Чехова. Интересны и разнообразны содержательные аспекты и формы диалогичности, реализованные в этой работе, полемически опровергающей концепцию более ранней статьи Мережковского «Чехов и Горький» (1906). В ней можно наблюдать сочетание и взаимодействие разных диалогических моделей: «внешнего» авторского диалога-спора с писателями-современниками, чьё творчество, с точки зрения Мережковского, показывает непродуктивные в художественном отношении тенденции развития литературы, а также своеобразного «внутреннего» диалога-самокритики, обращённого к себе как к представителю модернизма. Любопытно, что этот сложно построенный «диалог», представленный в статье Мережковского «Асфодели и ромашка», ведётся как бы с позиций эстетики и поэтики А.П. Чехова. Творческие представления писателя-современника в контексте данной работы оказываются для критика идеалом, вершиной, к которой необходимо стремиться.

Каждая реплика критического диалога, реализованного в статье Мережковского «Асфодели и ромашка», обращена к той или иной творческой личности, представляющей конкретную тенденцию развития современной литературы, которую автор вслед за Чеховым отрицает. Так, критик спорит с Вяч. Ивановым, как с создателем эстетических утопий, искусственно навязывающим современной литературе «мифотворчество». Мережковский

отвергает стилизацию и сопутствующую ей экзотику, во многом определяющие, как он считает, творческие искания С. Городецкого, К. Бальмонта, А. Блока, Эллиса, Ф. Сологуба и др. Критик не принимает идеи самоценности и самоцельности поэзии, настойчиво декларируемой Брюсовым. Для Мережковского оказываются в равной степени неприемлемыми и желание И. Бунина чувствовать себя «гражданином вселенной» (рассказ «Тень птицы»), и «мистический анархизм» М. Кузмина и Л. Андреева.

За столь разными тенденциями развития современной литературы Мережковский видит «эмпирическое неприятие» России, вытекающее из более глубокого метафизического «неприятия мира», из «отрицания рождества» [7, с. 214]. Автор статьи «Асфодели и ромашка» дерзко уподобляет миропонимание писателей-современников «бунту против рождества» Смердякова, героя романа «Братья Карамазовы», и тем самым выражает сомнение в прочности духовно-нравственной основы их творчества.

Противопоставляя демонстративные религиозные искания своего литературного поколения сдержанной позиции Чехова, Мережковский замечает: «Надо было наговорить столько лишнего, сколько мы наговорили, надо было столько нагрешить, сколько мы нагрешили святыми словами, чтобы понять, как он (Чехов. – *Н.К.*) был прав, когда **молчал о святом** (выделено мною. – *Н.К.*). Зато его слова доныне – как чистая вода лесных озёр, а наши, увы, слишком часто похожи на трактирные зеркала, засиженные мухами, исцарапанные надписями» [7, с. 210]. Автор статьи «Асфодели и ромашка», по сути, воспроизводит упрёк А. Блока, обращённый к нему самому и другим участникам Религиозно-философского общества и высказанный в статье «Литературные итоги 1907 года». Отрицая возможность публично, вслух, обсуждать религиозные темы, поэт и в деятельности Религиозно-философского общества видел «словесный кафешантан» на тему Бога. Критикуя Мережковского и других «богоискателей», Блок подчёркивал: «Но ведь они говорят о Боге, о том, о чём можно только плакать одному, шептать вдвоём, а они занимаются этим при обилии электрического света…» [1, с. 216]. В статье «Асфодели и ромашка» Мережковский радикально пересматривает свои взгляды на Чехова, обнаруживая глубины его религиозности.

Симптоматично, что в книгу «В тихом омуте» (1908) Мережковский, помимо статьи «Асфодели и ромашка», включает и работу «Немой пророк», посвящённую памяти В.С. Соловьёва. Как и в случае с Чеховым, Мережковский пытается разглядеть в Соловьёве «не явное, а тайное лицо», стремится прорваться за «черту человеческой речи» мыслителя и разгадать «немые знаки» [8, с. 126] его сакрального языка. В данной ситуации Мережковский претендует на звание пророка, способного расшифровать самые потаённые духовные искания Чехова и Соловьёва, сконцентрированные в «молчании». Он, по сути, выводит критику за рамки литературы, возлагает на неё просто «сверхчеловеческие», «религиознотворческие» задачи, до этого ею никогда не решаемые и даже не декларируемые. Мережковский, в частности, заявляет: «Будем надеяться, что тайну вещей немоты его разгадает когда-нибудь внимательная критика, а пока согласимся, что если Вл. Соловьёв предтеча Новой Церкви, то не тем, что говорил и жил, как мудрец, а тем что молчал и “умер как безумец”» [8, с. 126]. Заслуживает доверия вывод Н.К. Бонецкой: «Воссоздавая облик “живой души писателя”, Мережковский мыслит как символист. <…> Герменевтика Мережковского – это интерпретация всего жизненного образа писателя – поступков и внешних черт, случайных обмолвок, – наконец, молчания, “немоты”. <…> И как “немой пророк”, Соловьёв – не реставратор, а революционер, предтеча «Новой церкви», сокрушитель старых догматов и провозвестник ослепительной истины будущего. Усматривая за “иконописным лицом древнерусского или византийского святого” другой – тайный лик Соловьёва, Мережковский-толковник фактически учит находить и в текстах смысл, противоположный явному. Это весьма важная черта его герменевтики» [3, с. 110].

В статье «Тургенев» (1909), вошедшей в книгу «Больная Россия» и впоследствии включённой в состав четвёртого издания «Вечные спутники», категория «молчания» помогает Мережковскому осознать духовный смысл деятельности автора «Отцов и детей». Критик уподобляет творчество писателя чудодейственному «лекарству», способному исцелить Россию от революционного и религиозного максимализма. Религиозный смысл творчества Тургенева Мережковский выявляет не только по линии софийных «предчувствий» художника – он говорит о христианской основе миросозерцания писателя. Показательно, что теперь основоположник русского символизма даже отмечает нравственное превосходство Тургенева перед Л. Толстым и Достоевским. Мережковскому импонирует, что Тургенев «не произносит» имени Христа. А вот Толстого и Достоевского он осуждает за то, что они «много, может быть, даже чересчур много говорят о Христе» [9, с. 476]. Очевидно, в статье «Тургенев» мотив «молчания о святом» так же, как и в более ранних работах: «Асфодели и ромашка» (о Чехове), «Немой пророк» (о В. Соловьёве) – обретает смысловое наполнение, близкое к идее исихазма.

Вслед за святоотеческой мыслью Мережковский также объявляет молчание кратчайшим путём, ведущим автора рассказа «Живые мощи» к христианскому идеалу: «Тургенев молчит и молча подходит ближе ко Христу, чем Л. Толстой и Достоевский» (8, 478). В этом выводе обозначено радикальное изменение позиции критика по отношению к Тургеневу. Ведь в раннем эссе «Достоевский» (1897) писатель охарактеризован как «чистый художник». В заметке же «Памяти Тургенева» (1893) – акцентирован конфликт между «Верой» и «Знанием» в миропонимании классика. В статье «Пушкин» (1896) как слабая сторона представлена всепоглощающая эстетическая впечатлительность Тургенева, заставляющая его жертвовать нравственными и религиозными переживаниями. Зато в статье «Тургенев» автор «Записок охотника» провозглашается глубоким религиозным мыслителем, открывающим истинного Христа, образ которого, с точки зрения Мережковского, проникновенно и ярко раскрыт писателем в одноимённом стихотворении в прозе. «Христос Тургенева», по мнению критика, в отличие

от «толстовского Христа», «только человеческого», и от «Христа Достоевского», «православного, византийски-церковного», есть прорыв в «новое», вселенское христианство, о котором мечтал ещё В. Соловьёв.

О.А. Богданова приходит к выводу о том, что, «несмотря на напряжённый религиозно-философский поиск, традиция исихазма» для эпохи Серебряного века «осталась в целом закрытой» [2, с. 78]. Исследовательница особо подчёркивает отразившееся в творчестве Д.С. Мережковского «отрицательное отношение к исихастской традиции при отсутствии её выделения из общей православной» [2, с. 85]. Думается, что категоричные суждения О.А. Богдановой не совсем точны. Представляется, что Мережковский в статьях «Асфодели и ромашка», «Немой пророк», «Тургенев» всё-таки толкует категорию молчания в исихастском ключе. Во всяком случае, он вкладывает в это понятие тот же смысл, о котором писал Архимандрит Киприан (Керн), характеризовавший религиозные представления св. Григория Паламы: «Безмолвие, исихазм есть один из путей духовной жизни и благочестия. На Востоке этот путь практиковался с незапамятных времён первых основоположников монашеской аскезы. Но он же сделался и путём боговедения, внутренних мистических озарений, столь необходимых для познания Бога» [5, с. 60].

В книге «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев» (1915) применительно к Тютчеву категория молчания обретает в осмыслении критика совсем иное содержание и оценивается отрицательно. Теперь характеризуя «ночную» поэзию Тютчева, Мережковский резко меняет ракурс оценок, по сравнению со своими более ранними высказываниями. Отныне поэтические открытия гениального лирика трактуются как проявления духовной болезни, «колдовской» чары, от которых необходимо избавиться преемникам Тютчева – художникам начала XX века.

Как уже отмечалось ранее, в статьях «Асфодели и ромашка», «Немой пророк», «Тургенев» Мережковский рассматривал «молчание» А.П. Чехова, В.С. Соловьёва, И.С. Тургенева в исихастском ключе, видя в нём особое духовное состояние сосредоточенности, приближающее названных писателей к христианскому миропониманию, к истинной вере. Теперь же Мережковский видит в «религии молчания», исповедуемой автором стихотворения «Sillentium», «противоположную христианству заповедь нелюбви» [8, с. 457], воспринятую от Тютчева поэтами XX столетия. Автор книги «Некрасов и Тютчев» заявляет: «Слова соединяют людей, молчание уединяет. Но если не нужно соединение, то и слов не нужно. В словах ложь:

Мысль изречённая есть ложь.
Истина – в молчании:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои…
Лишь жить в самом себе умей.

Вот чистейший кристалл того яда, которым все мы отравлены…» [8, с. 457]. Переоценка категории молчания, произведённая Мережковским-критиком, соотносится, иллюстрируется, а возможно, и мотивируется концепцией, выраженной в цикле стихов З.Н. Гиппиус «Молчания», создававшемся в 1913 –1914 гг. и напечатанном в 3 сборнике альманаха «Сирин» (СПб., 1914). В этом цикле поэтесса обозначает поливалентный подход к истолкованию понятия «молчание», предлагая самые неожиданные варианты его смыслового наполнения. Лирическая рефлексия на тютчевское понимание молчания, коррелирующая с точкой зрения Мережковского, запечатлена в стихотворении Гиппиус «Напрасно»:

Я и услышу, и пойму,
А всё-таки молчи.
Будь верен сердцу своему,
Храни его ключи.

Я пониманьем – оскорблю,
Не оттого, что не люблю,
А оттого, что скорбь – твоя,
А я не ты, и ты не я.
. . . .
Страдать достойней одному,
Пусть я жалею и пойму –
Любви и жалости не верь,
Не открывай святую дверь,
Храни, храни её ключи,
И задыхайся – и молчи [4, с. 176].

В «религии молчания» Тютчева Мережковский обнаруживает только «половину истины», утверждающую закономерную «силу отталкивания атомов-личностей» [8, с. 457], стремящихся к уединению, уходу в свой внутренний мир. С точки зрения критика-символиста, для того чтобы в жизни людей не воцарился хаос, «сила отталкивания» обязательно должна быть уравновешена «силой притяжения», носителем которой является Некрасов.

Именно с творческой деятельностью Некрасова теперь Мережковский связывает отрицание «немоты» и «молчания»:

«У нас немые воины, которые умеют сражаться и умирать, но петь не умеют. И вот Некрасов дал голос немым. Запел – и под песнь его легче стало жить и умирать.

И до сих пор он наш певец единственный. Это так верно, что если бы с лица земли исчезла вся русская интеллигенция, то можно бы узнать, чем она была в смысле эстетическом, не по Л. Толстому, Достоевскому, Гоголю, Пушкину, а только по Некрасову» [8, с. 432].

В книге «Две тайны русской поэзии» «песни» Некрасова воспринимаются автором книги не только как преодоление своей собственной немоты и безгласности русской интеллигенции, но и характеризуются как религиозное самовыражение всей нации:

«Нельзя об этом говорить ни с кем. А с самим собою? Да, бывают минуты, когда и молчать об этом нельзя с самим собою: сколько ни молчи, ни скрывай – все равно скажется, вырвется; бывают минуты, когда –

Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!..
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил
И облегченный уходил.
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...» [8, с. 442].

Таким образом, как само присутствие в статьях Мережковского 1900 – 1910 годов категории «молчания», так и путь смыслового наполнения этого понятия показывают, что «горизонт ожиданий», определявший специфику критической рецепции основоположника русского символизма, отличался максималистской абсолютизацией онтологического начала и порой выходил за рамки собственно художественного творчества. Это было связано с тем, что литературная критика, как и всё творчество Мережковского в целом, были задействованы в решении колоссальной сверхзадачи построения «нового христианства».

The article discusses the role of the category of «silence» in literary criticism of D.S. Merezhkovsky 1900 – 1910 period. It is shown that in the process of spiritual evolution Merezhkovsky this concept takes on different meanings. We prove that the category of «silence» goes into literary criticism Merezhkovsky of his lyrics. It appears that the polyvalent approach to the interpretation of the concept of «silence» characteristic Merezhkovsky-criticism in the years 1900 – 1910, is formed largely under the influence of poetic philosophy Z.N. Gippius.
Keywords: *the category of «silence», literary criticism, D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, lyrics, reconsideration, «new Christianity».*

Список литературы

1. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. – М.; Л.: Художественная литература, 1962. – Т. 5. – 799 с.
2. Богданова О.А. Под созвездием Достоевского (Художественная проза рубежа XIX – XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы). – М.: ИМЛИ РАН – Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – 312 с.
3. Бонецкая Н.К. Д.С. Мережковский: герменевтика и экзегетика // Вопросы философии. – 2012. – № 11. – С. 97–113.
4. Гиппиус З. Сочинения: Стихотворения. Проза / сост., подгот. текста, вступ. ст., комм. К. Азадовского, А. Лаврова. – Л.: Худож. лит., 1991. – 672 с.
5. Киприан (Керн); архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. – М.: Паломник, 1996. – 451 с.
6. Коптелова Н.Г. Трагедия «духовного раздвоения» Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в осмыслении Д.С. Мережковского (на материале книги Л. Толстой и Достоевский») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: научно-методический журнал . – 2015. – № 4. – С. 77-80.
7. Мережковский Д.С. Акрополь: избранные литературно-критические статьи. – М.: Книжная палата, 1991. – 352 с.
8. Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. – М.: Советский писатель, 1991. – 406 с.
9. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 622 с.
10. Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подготовка текста и примечания К.А. Кумпан. – СПб.: Академический проект, 2000 – 927 с.

Об авторе

Коптелова Н.Г. – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, *nkoptelova@yandex.ru*

УДК 80

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУР КОНЦА XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКОВ

И.Н. Никитина

В статье освещаются основные аспекты литературного взаимодействия русской и западноевропейских литератур на рубеже 18-19 веков. Рассматриваются историко-литературные процессы, повлиявшие на развитие эстетики предромантизма в русской литературе.

Ключевые слова: *Проза, драматургия, сентиментализм, предромантизм, роман, герой, образ*

Русская литература XVIII века развивалась и обогащалась в широком международном общении. Переходный от классицизма к романтизму период характеризовался большим интересом к западноевропейским литературам, из которых русские писатели брали то, что было необходимо и полезно для развития свободного художественного творчества. Качество новизны и глубина своеобразия национальной литературы во многом зависели от взаимодействия русской литературы с литературами европейскими.

Большую роль в приобщении Русской литературы к мировым идеям, сюжетам и образам сыграла драматургия В. Шекспира, поэзия Э. Юнга, Д. Томсона, Т. Грея, творчество Л. Стерна, Ж.-Ж. Руссо, И.В. Гете, И.Г. Гердера, Ф. Шиллера.

Из английских прозаиков наибольшей популярностью пользовался Л. Стерн, автор романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (1759-1762), «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768). Стерном интересовались как создателем жанра сентиментального путешествия, как писателем, способным широко охватить внутренний мир человека, умеющим при этом показать своеобразие его внутренних переживаний, когда возвышенное и обыденное, героическое и низменное, доброе и злое причудливо сочетаются в человеке и дают выход его страстям. Художественные открытия Стерна были усвоены европейскими литературами, в том числе и русской литературой.

Наибольшую популярность в России Стерн получил в начале XIX в., когда были изданы «Красоты Стерна или собрание лучших эго патетических повестей и отличнейших замечаний, на жизнь для чувствительных сердец» (М., 1801) и когда появились многочисленные подражания Карамзину и «Путешествию» Стерна (Шаликов, Измайлов и др.) и как отпор крайностям сентиментализма - комедия А.А. Шаховского «Новый Стерн» (1805). Карамзин также был одним из поклонников английского писателя. Это проявилось в его первом романе «Письма русского путешественника» (1791-1792) и в автобиографической повести «Рыцарь нашего времени».

Особенно сильное воздействие на Карамзина оказала немецкая литература. Поэзия Шиллера, Гете и представителей «Бури и натиска» в оригиналах и переводах была хорошо известна в России во второй половине XVIII века. Немецкие литераторы Ф.М. Клингер и *Я.* Ленц жили и творили в России. От немецкого предромантизма к русскому протянулись живые нити. Предпочитая немецкую литературу французской, Карамзин начал знакомство с нею еще в Москве, в конце 70-х гг. благодаря «Дружескому ученому обществу» Н.И. Новикова. Многое Карамзин узнал о культурной и литературной жизни Европы благодаря своему путешествию в 1789-1790 г. по Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Из немецких писателей того времени большое влияние оказали на него Х.М. Виланд («История Агатона») и Г.Э. Лессинг («Эмилия Галотти»).

Предромантические тенденции в мировоззрении и творчестве у Карамзина проявляются в конце 80-х гг. Как предромантик он потерял в то время веру в сентименталистские концепции мировой гармонии и «золотого века» человечества. Природа в миросозерцании писателя из сочувствующей человечеству превращается в роковую, то созидающую, то разрушающую силу; человек - лишь игрушка страшных стихийных сил. Законы общества перестали находиться в гармоничном сочетании с законами природы, они теперь противостоят им. Все это и пытался показать Карамзин в своей овеянной романтикой оссиановского Севера повести «Остров Борнгольм» (1794). Один из существенных признаков предромантизма - утонченное чувство природы и как следствие его - «пейзажная живопись» в художественных произведениях. Под влиянием Руссо, Стерна, Юнга, Томсона и Грея «пейзажная живопись» проявляется и в произведениях Карамзина («Письма русского путешественника», «Весеннее чувство», «К соловью», «Лилия», «Протей, или Несогласие стихотворца», «Деревня»). В отличие от героя произведений сентиментализма герой литературы предромантизма не принимает жизненный порядок вещей таким, как он есть. Этот герой-бунтарь по природе, героическое и обыденное, доброе и злое причудливо сочетается в нем, как в героях драм Шиллера. Новый герой для русской литературы был открыт в предромантических поэзии и прозе Карамзина 1789-1793. В романе «Письма русского путешественника», в повестях «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена», «Юлия» Карамзин значительно расширил возможности русской литературы, обратившись к раскрытию богатой духовной жизни внутреннего мира человека, его «Я». К середине 90-х гг. Карамзин меняет свои идейные и художественные позиции: он отходит от предромантизма и обращается к сентиментализму.

Воздействие западноевропейской литературы испытывает и А.Н. Радищев. Во время следствия над ним

писатель признавался, что на создание «Путешествия из Петербурга в Москву» повлиял, кроме Гердера и Рейналя, еще и Стерн в немецком переводе [Бабкин, 1957, 167]. Образы Йорика и Путешественника роднят гуманное настроение и горячее сочувствие к обездоленным; эпизод встречи Путешественника со слепым певцом на станции Клин напоминает эпизод встречи Путешественника Йорика с монахом Лоренцо. Радищев спорит со Стерном, отвергает деистическую систему морали английских писателей-сентименталистов, что ясно проявилось в главе из «Путешествия», называемой «Едрово».

Различий между «Путешествиями» Стерна и Радищева гораздо больше, чем сходства. По жанру они совершенно разные. «Путешествие» Радищева ближе к сатире, политическому памфлету. Смех Стерна, который, по выражению Т. Карлейля, «печальнее слез», не нашел отклика у А.Н. Радищева.

Абсолютно очевидно влияние идей Гердера на литературный процесс России. Радищев первым упомянул Гердера в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе «Торжок», к Гердеру восходили и оценки русских народных песен и истоков русского характера в главах «София» и «Зайцово», также мнения о роли языка в обществе в главе «Крестьцы». Органическое усвоение идей Гердера Радищевым подтверждается всем творчеством автора «Путешествия», в котором философия истории неотделима от теории народной революции. К Гердеру обращались и Державин, и Карамзин, который встречался с Гердером, переводил отдельные его сочинения в 1802-1807 гг., но далеко не во всем соглашался с немецким мыслителем.

Не осталась без внимания в России и творческая деятельность классиков немецкой литературы Гете и Шиллера. До 1820 г. Гете был известен в России по преимуществу как автор «Страданий молодого Вертера», типично предромантического произведения, переведенного в первый раз на русский язык в 1787 г. В конце XVIII - начале XIX в. Вертера часто вспоминали, это произведение часто цитировали, ему подражали (например, Радищев в главе «Клин» своего «Путешествия», Карамзин в «Бедной Лизе»). Популярностью пользовались и лирическая поэзия Гете.

О Ф. Шиллере и его творчестве в России узнали во второй половине 1780 гг. Драмы Шиллера «Разбойники», «Заговор Фиеско», «Коварство и любовь», «Мария Стюарт», «Дон Карлос», «Вильгельм Телль» сыграли заметную роль в становлении нового «романтического» театра в России. Наряду с другими явлениями предромантизма воспринималось и все новое, что несла с собой драматургия Шиллера. Шиллером зачитывались в России.

Рассмотрение взаимодействия русской литературы с литературами европейскими можно продолжать и далее. Их влияние на русскую литературу бесспорно.

The article covers the main aspects of literary interaction of Russian and West European literatures at the turn of the 18th-19th centuries. The historico-literary processes which influenced the development of the esthetics of Preromanticism in Russian literature are considered.
Keywords: *Prose, dramatic art, Sentimentalism, Preromanticism, novel, hero, image*

Список литературы

1. Берков П.Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблема русского просвещения в литературе XVIII века. М., Л., 1961. С. 26.
2. История русской литературы: В 10 т. Т. 4, М.-Л., 1947
3. Бабкин Д.С. Процесс А.Н. Радищева. М.-Л., 1957
4. Луков В.А. Предромантизм. М., 2006
5.Пашкуров А.И Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: Эволюция и типология. Казань, 2004.
6.Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: Учеб. для студентов высших учебных заведений: в 2 ч. – Елабуга: ЕГПУ. –2010. - ч.1.
7. Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М., 1956

Об авторе

Никитина И.Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *kafedra338@mail.ru*

УДК 82.091

СТРУКТУРА МОТИВА ИНИЦИАЦИИ В ПРОЗЕ О ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙНАХ

О.Е. Похаленков

Статья посвящена сравнительному анализу структуры мотива инициации в произведениях о Первой и Второй мировых войнах. Выделяется и рассматривается ядерно-периферийная мотивная модель в произведениях Эриха Марии Ремарка, Ричарда Олдингтона, Эрнеста Хемингуэя и Виктора Некрасова. Перемещение мотива из ядра на периферию и наоборот позволяет говорить о сюжетообразующей функции мотива в произведениях писателей. Определенные типологические схождения проявляются и на пространственно-временном уровне. Наличие общих особенностей разных уровней текста (композиционного, мотивно-тематического и пространственно-временного) у писателей немецкой, американской, английской и русской литератур позволяет сделать вывод о типологической общности мотивных структур рассматриваемых структур.
Ключевые слова: *мотив инициации, сравнительное литературоведение, военная проза, композиция, сюжет, художественное пространство.*

Мотив инициации и его роль в структуре художественного текста рассмотрены В.Я. Проппом в его книге «Морфология сказки». Пропп утверждал, что структура фабулы волшебной сказки отражает процесс инициации (в качестве примера он обращался к тотемическим инициациям). Однако не только в основе фабулы сказки лежит этот мотив. При рассмотрении мотивной структуры военной прозы нами был выявлен набор мотивов, аналогичный анализируемому Проппом в его «Морфологии».

В представленной статье рассматривается мотив инициации в структуре военной прозы[1].

В традиционном смысле инициация – это обряд, относящийся к какой-либо определенной стадии культуры. В психологическом смысле инициация[2], по выражению М. Элиаде, – «внеисторическое архетипическое поведение психики». Во многих случаях инициации сопровождаются сложными психологическими и физическими испытаниями. По окончании инициации проводятся очистительные обряды. Как правило, вновь посвящённый получает определённые знаки отличия, подчёркивающие социальную грань между инициированными и неинициированными.

В основе нашей модели лежит традиционный (трехчастный) сценарий инициации, согласно которому инициируемый удаляется от людей, подвергается смерти-трансформации, возрождается уже другим человеком. Материалом стала проза о Первой мировой войне: три романа о Первой мировой войне («На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка, «Смерть героя» Р. Олдингтона и «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя), а также повесть В. Некрасова «В родном городе» о Второй мировой войне.

Итак, первый этап, *удаление от людей*, соответствует этапу *взросления*, или *подготовительному* этапу. Второй – *фронтовым будням* и третий – *возрождению.* Каждый из этапов имеет собственные характеристики на разных уровнях текста: композиционном, мотивно-тематическом и пространственно-временном. Рассмотрим первый из этапов более подробно.

I. Композиционный уровень.

Следует отметить, что этот этап представлен в тексте по-разному. Наиболее полную картину взросления и воспитания мы можем найти у Ремарка и Олдингтона. Оба автора подробно описывают взросление центрального персонажа, его духовный мир, семейные отношения, друзей и др. Объяснением этому может служить задача, которую сами писатели поставили перед собой при написании произведений. Ведь и Ремарк ,и Олдингтон не просто создавали текст о Первой мировой войне – они пытались обнаружить и объяснить причины трагедии. У Хемингуэя (как и у Некрасова), в отличие от Ремарка и Олдингтона, даётся крайне скупая информация о молодых годах героя (детстве и юношестве). Это может быть интерпретировано следующим образом. Если Ремарку и Олдингтону необходимо показать становление мировоззрения героя – от поддержки государственной политики и войны до полного отрицания, то у Хемингуэя и Некрасова задача была совершенно другой. Америка и не выступала в качестве агрессора, как Германская империя, и не была активным участником боевых действий с первых дней, как Англия. Поэтому Фредерик Генри Хемингуэя – это герой одиночка, он не является одним из многих, как Пауль Боймер Ремарка или Джордж Уинтерборн Олдингтона. Его участие в военных действиях – это его личный выбор, который продиктован внутренними убеждениями. Именно поэтому читателю не так важно знать о его прошлом: об увлечениях детства и юности, о семье и друзьях. Главное – осознать травму, которую нанесла сама война, понять мотивы его отказа сражаться на фронте и сознательное бегство с передовой. Керженцев же исполняет свой долг, выступает защитником родины, поэтому Некрасов акцентирует внимание на настоящем герое, давая лишь редкие аллюзии на его прошлое.

---

[1] Стоит отметить, что военная поэзия о Второй мировой войне уже подвергалась анализу с точки зрения обряда инициации [см.: 2]. Творчество Ремарка и Олдингтона также подвергалось анализу [см.: 8, 9].

[2] Определенный интерес представляет статья Р. Ефимкиной «Три инициации в “женских” волшебных сказках» [3], в которой представлена интерпретация обряда в психологическом аспекте.

II. Мотивно-тематический уровень.

Мотивно-тематический уровень первого этапа инициации отражает основную идею анализируемых текстов – проследить становление личности, жизнь которой была разрушена войной. Среди освещаемых тем следует назвать следующие:

1) взаимоотношения с родителями, друзьями, наставниками и др.;
2) увлечение романтической литературой;
3) отождествление себя с героем художественной литературы (романтическим);
4) увлечение героической символикой (милитаристским духом);
5) вера в государственные идеалы.

Каждой из тем соответствует определенный набор мотивов. Для анализа мотивно-тематического уровня романов мы используем ядерно-периферийную модель, где выдвижение и дальнейшее нахождение мотива[1] в ядре модели свидетельствует о его принадлежности к группе фабульных мотивов, а на периферии – сюжетных. Рассмотрит представленные темы с включением в анализ ядерно-периферийной мотивной модели.

Изображенный в романах процесс взросления имеет определенный набор мотивов: дружбы, взаимоотношений с родителями и наставниками, увлечения чтением, стремление к героическому самопожертвованию. Данный комплекс мотивов занимает в рассматриваемой мотивной модели ядерное положение и передает действия героя по отношению к двум группам персонажей: «семья» и «воспитатели и друзья».

Комплекс мотивов, связанных с процессом взрослением у Олдингтона, занимает ядерное положение, которое подкрепляется мотивом отрицания довоенных английских буржуазных ценностей. Уже в начале повествования автор подчеркивает, что его герой с самого детства был увлечен искусством: «Джордж очень увлекался новой живописью. Когда он сам брался за кисть, получалась, по его словам, просто “нестоящая мазня”, но до войны он неплохо зарабатывал, печатая в газетах критические заметки о живописи, и получал комиссионные, скупая для богатых коллекционеров картины современных художников, главным образом немцев и французов» [7] («George was very enthusiastic about modern painting. His own painting, he told me, was “pretty dud,” but in peace time he made a good living by writing art criticism for various papers and by buying modern pictures, chiefly French and German, on commission for wealthy collectors» [14]). Подобная характеристика героя неслучайна, хотя и идет в разрез с «карикатурным» описанием его семьи. Объяснением может служить двойственность образа Уинтерборна, которая проявилась в детстве и наблюдалась в течение всей жизни героя, что явилось результатом внутреннего конфликта героя сначала с семьей, затем – с обществом.

Мотив взаимоотношений поколений реализуется в описании отношений Уинтерборна с близкими: матерью, отцом и др. По мнению повествователя, это должно помочь читателю понять истинные причины, которые побудили Уинтерборна совершить самоубийство. Действительно, ни отец, ни мать не слишком интересовались Джорджем, поэтому он рос в собственном мире: «Задолго до того, как ему исполнилось пятнадцать, Джордж стал вести двойную жизнь: одна – для всех, кто окружал его в школе и дома, другая – для себя» [7] («Long before he was fifteen George was living a double life – one life for school and home, another for himself» [14]). Двойная жизнь стала результатом конфликта и внутреннего противостояния Джорджа с семьей, так как никто не разделял его увлечения искусством и литературой[2]: «Как забавно и в то же время трагически он их всех дурачил! С каким невинным видом и как ловко разыгрывал этакого крепкого здорового дикаря-мальчишку, даже щеголял жаргонными словечками и делал вид, что увлекается спортом. <…> А наверху, у него в комнате, – томик Китса, искусно вытащенный из книжного шкафа» [7](«How innocent-seemingly he played the fine, healthy, barbarian schoolboy, even to the slang and the hateful games! <…> Upstairs was that volume of Keats, artfully abstracted from the shelves» [14]).

Невозможность показать себя «настоящего» среди близких заставляет героя искать понимание у других – в группе «друзья». Во время его взросления эту группу составляют персонажи преимущественно старше его по возрасту, которые видели его «непохожесть» на своих родителей и поэтому всячески поощряли его желание учиться. Примером реализации мотива дружбы являются взаимоотношения героя с братьями Конингтон: «Братья Конингтон были еще молодые люди, старший – начинающий адвокат. Они тоже говорили с Джорджем о книгах и картинах, причем вкусы их, хоть и не такие устоявшиеся, как у Поллака, впитавшего изысканную культуру Второй империи, были зато куда современнее. А главное, в Конигтонах Джордж обрел добрых товарищей, узнал прелесть нескончаемых отвлеченных споров, рассуждений о жизни, прелесть дружеских шуточек и острот, научился смеяться» [7] («The Coningtons were much younger men, the elder a young barrister. They also talked to George about books and pictures, in which their taste was more modern if less sure than Pollak's urbane Second Empire culture. But no with them George learned companionship, the fun of in- finite, everlasting arguments about 'life' and ideas, the fun of making mots and laughing freely» [14]).

Оппозиция «герой – общество» реализуется в форме неприятия школы (как традиционного английского общественного института). Отчасти это может быть объяснено тем, что, как и всякий романтик, он стремился к свободе, а английская частная школа требовала от него полного подчинения. Джордж отвечал этой системе молчанием. Он не спорил открыто, но демонстративно ее игнорировал: «Вот этого-то они и не могли вынести –

[1] Под мотивом мы, вслед за И.В. Силантьевым, понимаем конкретное событие, которое репрезентирует мотив в тексте: «как единица языка художественного повествования, мотив обретает фабульные и сюжетные свойства и функции» [11: 33].

[2] Следует отметить, что еще отец Джорджа увлекался искусством, но отказался от мечты стать писателем из-за разногласий с матерью и женой.

этого упорного, молчаливого нежелания разделить их предрассудки, их обывательскую мораль – мораль тех самых мелких провинциальных джентльменов, которые и составляют заднюю часть Империи, неизменно получающую пинки» [7] («That's what they couldn't stand—the obstinate passive refusal to accept their prejudices, to conform to their minor-gentry kicked-backside-of-the-Empire code» [14]). Герой не согласился стать частью буржуазного английского общества. Еще в школе он внутренне игнорировал военную подготовку и по окончании школы не пошел в армию, как это предписывала традиция: «Последним спели гимн “Вперед, христово воинство”, так как десять человек из числа выпускников, окончив колледж, поступали в Сэндхерстское военное училище». [7] («The last hymn was 'Onward, Christian Soldiers,' because ten of the senior boys were going to Sandhurst» [14]).

Примечательно, что комплекс мотивов взросления у Ремарка имеет такое же ядерное положение в мотивной модели, как и у Олдингтона, хотя в романе Ремарка не представлен столь подробный рассказ о взрослении героя, его семье и увлечениях. Мотив взаимоотношений с родителями не включает, как в случае с образом Уинтерборна, негативного отношения к группе персонажей «семья», но отражает кризис романтического сознания героя. Первоначальное восприятие войны как чего-то романтического связано с образом родительского дома, с юношескими мечтами и надеждами. Именно этот образ в сознании Боймера ассоциируется с мечтами стать писателем, и именно о доме он вспоминает, когда в его сознании происходит ломка идеалов и ценностей: «Странно вспоминать о том, что у меня дома, в одном из ящиков письменного стола, лежит начатая драма “Саул” и связка стихотворений. Я просидел над своими произведениями не один вечер, – ведь почти каждый из нас занимался чем-нибудь в этом роде; но все это стало для меня настолько неправдоподобным, что я уже не могу себе это по-настоящему представить» [10] («Es ist für mich sonderbar, daran zu denken, daß zu Hause, in einer Schreibtischlade, ein angefangenes Drama “Saul” und ein Stoß Gedichte liegen. Manchen Abend habe ich darüber verbracht, wir haben ja fast alle so etwas Ähnliches gemacht; aber es ist mir so unwirklich geworden, daß ich es mir nicht mehr richtig vorstellen kann» [16: 23]).

Отсутствие идеализации дома и семьи связана у героя во многом с разрушением романтического образа школы и наставников как представителей государства. Если у Олдингтона мы видели «ступенчатое» построение образа – неприятие семьи – школы – общества (это объясняется более подробным повествованием автора об этом времени жизни героя), то у Ремарка эти образы связаны воедино и их отрицание происходит из-за попадания героя в новую жизненную ситуацию (на фронт), которая заставляет его пересмотреть свои взгляды. Именно на фронте возникает отрицательная коннотация мотива отношения к школьным наставниками как к общественному институту. Боймер, как и Уинтерборн вспоминает, что именно школьные наставники идеализировали войну, а Боймер был одним из тех, кто согласились записаться добровольцами: «На уроках гимнастики Канторек выступал перед нами с речами и в конце концов добился того, что наш класс, строем, под его командой, отправился в окружное военное управление, где мы записались добровольцами. Помню как сейчас, как он смотрел на нас, поблескивая стеклышками своих очков, и спрашивал задушевным голосом: “Вы, конечно, тоже пойдете вместе со всеми, не так ли, друзья мои?” – У этих воспитателей всегда найдутся высокие чувства, – ведь они носят их наготове в своем жилетном кармане и выдают по мере надобности поурочно. Но тогда мы об этом еще не задумывались» [10]. («Kantorek hielt uns in den Turnstunden so lange Vorträge, bis unsere Klasse unter seiner Führung geschlossen zum Bezirkskommando zog und sich meldete. Ich sehe ihn noch vor mir, wie er uns durch seine Brillengläser anfunkelte und mit ergriffener Stimme fragte: “Ihr geht doch mit, Kameraden?” Diese Erzieher haben ihr Gefühl so oft in der Westentasche parat; sie geben es ja auch stundenweise aus. Doch darüber machten wir uns damals noch keine Gedanken» [16: 17]).

С комплексом мотивов взросления связан мотив дружбы между бывшими одноклассниками, который в дальнейшем трансформируется в мотив солдатского братства.

Один из участников войны – англичанин Оливер Лодж – в своих письмах с презрением отзывается о романтических и рыцарских образах войны; безусловно, именно вера в подобные идеалы довела Пруссию до состояния варварства. Согласно Лоджу, проблема состоит в том, что невозможно сражаться и победить в войне, не «заразившись» идеями, которые подточат и полностью разрушат цивилизацию; именно поэтому в финальной части книги автор с нетерпением ожидает послевоенного разоружения [12].

Таким образом, у англичанина Олдингтона и у немца Ремарка имеются типологические схождения в построении мотивной модели первого этапа инициации: реализация комплекса мотивов взросления через противопоставление романтического идеала и действительности (мотив увлечения романтической литературой), осознание себя другим из-за непринятия общественных институтов.

Если отрицание общественных институтов в процессе взросления (у Олдингтона) и на фронте (у Ремарка) указывает на несомненную близость фабулы произведений и ее развитие под влиянием отказа от приспособленчества, то у Хемингуэя и Некрасова мы видим мотивную модель, которая у первого отражает определенные историко-культурологические различия (удаленность Америки и разницу в воспитании), у второго – другой исторический фон и другой характер войны.

Хемигуэй лишь несколько раз указывает на семейные отношения своего героя – Фредерика Генри. Например: «Одно письмо было от моего деда, в нем были семейные новости, патриотические наставления, чек на двести долларов и несколько газетных вырезок» [13] («There was a letter from my grandfather, containing family news, patriotic encouragement, a draft for two hundred dollars, and a few clippings» [15]).

У Некрасова мы не встречаем подобного хемингуэевского лаконизма, но определенные аллюзии на литературу потерянного поколения присутствуют. Стоит вспомнить сцену чаепития в Сталинграде: «Люсина мать,

томная дама в черепаховом пенсне и стоячем, как у классных наставниц, воротничке, подкладывает нам варенье и все вздыхает, и все вздыхает. “Кушайте, кушайте. На фронте-то вас не балуют, плохо на фронте, я знаю, мой муж в ту войну воевал, рассказывал”, – и опять вздыхает. – “Несчастное поколение, несчастное поколение…”» [5]. Аллюзия на знаменитые слова Гертруды Стайн не является случайной. Известна увлеченность Некрасова Ремарком и Хемингуэем[1], поэтому вполне логично проследить типологические схождения на уровне мотивно-тематического оформления текстов на первом этапе инициации. Примечательно, что мотив взросления остается в ядре модели и у Некрасова. Сведения о прошлом Керженцева, его героя, появляются фрагментарно в его воспоминаниях. Они полны тоски по родному городу Киеву, улицам, домам и в них отсутствует негативное отношение к родителям – таким образом, мотив взаимоотношений с родителями и наставниками имеет ядерное положение. Мотив дружбы имеет реализацию, подобную ремерковской, так как он связан с персонажами-одноклассниками и переходит в дальнейшем в мотив фронтовой дружбы: «Нас было шестеро неразлучных друзей — Анатолий Сергеев, Руденский, Вергун, Люся Стрижева и веселый маленький Шурка Грабовский. Его почему-то все “Чижиком” звали. Вместе учились, вместе всегда за город ездили. Во всех конкурсах всегда вместе участвовали. Кончили институт – в одну мастерскую Пошли. Только-только принялись за работу, новые рейсшины, готовальни купили, и…Чижик под Киевом погиб – в Голосееве. Мне еще мама об этом писала. Он лежал у нее в госпитале – обе ноги оторвало. Об остальных ничего толком не знаю. Вергун, кажется, в окружение попал. Руденского, как близорукого, не мобилизовали, и он, кажется, эвакуировался. Он провожал меня еще на вокзал. Анатолий связистом будто стал – кто-то говорил, не помню уже кто» [5]. Стоит отметить, что, как Боймер и Уинтерборн, Керженцев увлекался чтением. Например, во время командировки в Сталинград, он и его верный орденоносец Валега ходили в библиотеку. Из его предпочтений можно, например, назвать Джека Лондона.

Все это показывает схожесть мотивной модели, так как совпадает выбор мотивов для её построения. Однако в тексте Некрасова нет мотива отказа от приспособленчества. Это может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, появление мотива отказа от приспособленчества должно быть обусловлено исторической обстановкой, так как этот мотив реализует нежелание героя подчиняться официальной власти. Во-вторых, он должен иметь определенные этапы развития, от неприятия в ранней юности (как у Олдингтона) до сознательного отказа (у Ремарка). Отличие Керженцева в этом и состоит – его взросление должно быть официально одобрено властью, так как он, в отличие от героев Ремарка и Олдингтона, воплощает героя, находящегося под влиянием официальной идеологии.

По мнению участника войны англичанина Мюррея, особенность ситуации в обществе периода Первой мировой войны заключалась в том, что с началом войны интеллектуал покидает науку и считает своим долгом отправиться в армию. Это подтверждается примером: «Девятое октября [начало учебного года] уже совсем скоро, но я не могу сказать с уверенностью, приеду ли в Оксфорд. Ты знаешь, как я завидовал людям, <...> у которых будет шанс заниматься тем единственным, что сейчас по-настоящему важно. <...> У меня неплохие шансы получить офицерское звание в Четвертой дивизии армии Норфолка, точно узнаю примерно через неделю. Как бы то ни было, в нынешних обстоятельствах я едва ли смогу заставить себя вести растительную жизнь схоласта. Это было бы трусливым уклонением от исполнения долга» [16].

III. Пространственно-временной уровень.

Пространственно-временная организация первого этапа процесса инициации отличается тем, что она связана с довоенным хронотопом, который возникает, главным образом, в воспоминаниях героя.

Под художественным пространством мы, вслед за Д.С. Лихачевым, понимаем следующее: «В своем произведении писатель создает определенное пространство, в котором происходит действие. Это пространство может быть большим <…>, но оно может и сужаться до тесных границ одной комнаты <…>, может <…> быть реальным (как в летописи или историческом романе) или воображаемым (как в сказке)» [4]. Из определения Лихачева следует, что художественное пространство – это образ, соответствующий физическому пространству, в котором разворачивается действие (реальному или выдуманному).

Оперируя понятием «хронотоп», придерживаемся подхода, предложенного М.М. Бахтиным, который определял хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» и характеризовал его следующим образом: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и примет характеризуется художественный хронотоп» [1]. Иными словами, хронотоп – сложный художественный образ, содержащий временные и пространственные характеристики, отличающиеся устойчивостью.

У Некрасова довоенный хронотоп включает в себя описание топоса родного города героя (и самого автора) – Киева: «Вспоминается наша улица — бульвар с могучими каштанами; деревья разрослись и образовали свод. Весной они покрываются белыми и розовыми цветами, точно свечками. Осенью дворники жгут листья, а дети набивают полные карманы каштанами. Я тоже когда-то собирал. Мы приносили их домой целыми сотнями. Аккуратненькие,

[1] В сравнительном литературоведении принято говорить о прямом влиянии, если оно подтверждается словами самого автора. По выражению Некрасова, он «слыхом не слыхал, что такое социалистический реализм, боготворил Ремарка и Хемингуэя, а не Фадеева с Островским» [6].

лакированные, они загромождали ящики, всем мешали, и долго еще выметали их из-под шкафов и кроватей» [5].

Примечательно, что в самом топосе города четко выделяется центральный локус – дом героя. Это объясняется тем, что одним их традиционных концептов в военной прозе является семья, а ее как раз и олицетворяет этот локус, поэтому обязательным компонентом хронотопа является образ матери – хранительницы дома: «Неужели я уже никогда ее не увижу? Маленькую, подвижную, в золотом пенсне и с крохотной бородавкой на носу. Я любил ее целовать в детстве — эту бородавку. Неужели никогда больше не будем сидеть за кипящим самоваром с помятым боком, пить чай с любимым маминым малиновым вареньем… Никогда уж она не проведет рукой по моим волосам и не скажет: “Ты что-то плохо выглядишь сегодня, Юрок. Может, спать раньше ляжешь?”» [5].

Подобный тип довоенного хронотопа мы видим и у Ремарка. В самом начале повествования для Боймера (как, впрочем, и для его друзей-однополчан) понятие «дом» ассоциируется с родным городом, семьей, детскими и юношескими воспоминаниями – то есть со всем тем, к чему он стремился вернуться. Кроме того, для Боймера (и, соответственно, для его поколения) дом и мнение домашних (в том числе и учителей) на начальном этапе играют важную роль. Это подтверждается указанием на его принадлежность к группе ровесников-однополчан, приведенном в начале повествования: «Для солдата желудок и пищеварение составляют особую сферу, которая ему ближе, чем всем остальным людям. Его словарный запас на три четверти заимствован из этой сферы, и именно здесь солдат находит те краски, с помощью которых он умеет так сочно и самобытно выразить и величайшую радость, и глубочайшее возмущение. Ни на каком другом наречии нельзя выразиться более кратко и ясно. Когда мы вернемся домой, наши домашние и наши учителя будут здорово удивлены, но что поделаешь, – здесь на этом языке говорят все» [10]. («Dem Soldaten ist sein Magen und seine Verdauung ein vertrauteres Gebiet als jedem anderen Menschen. Drei Viertel seines Wortschatzes sind ihm entnommen, und sowohl der Ausdruck höchster Freude als auch der tiefster Entrüstung findet hier seine kernige Untermalung. Es ist unmöglich, sich auf eine andere Art so knapp und klar zu äußern. Unsere Familien und unsere Lehrer werden sich schön wundern, wenn wir nach Hause kommen, aber es ist hier nun einmal die Universalsprache» [17: 15]).

Дом становится для Боймера идеальным локусом: там нет войны, смерти, есть любовь, близкие. Например, в сцене с умирающим Мюллером некоторые из его друзей недвусмысленно намекают, что при ранении Кеммериха у него есть шанс вернуться домой: «“Кеммериха кто-нибудь из вас видел с тех пор?” “Он в Сен-Жозефе, в лазарете,” – говорю я. “ У него сквозное ранение бедра – верный шанс вернуться домой,” – замечает Мюллер» [10] («“Hat einer von euch Kemmerich noch mal gesehen?” “ Er liegt in St. Joseph,” – sage ich.“Müller meint, er habe einen Oberschenkeldurchschuß, einen guten Heimatpaß» [17: 17]).

Однако по мере изменения мировоззрения сам локус «дом» в сознании Боймера начинает терять привлекательные черты, которые были ему свойственны ранее. Подобная трансформация происходит по нескольким причинам. Во-первых, внешние изменения жизни – попадание на фронт, расставание с семьей – влекут внутреннюю ломку. Многое, что было ему дорого, оказывается на поверку ложным. Он начинает осознавать свое отчуждение, которое в итоге приводит его к мысли, что настоящей семьей являются не далекие фигуры и лица в памяти, а однополчане-одноклассники. Дом для него – уже не его родной город, а бараки, в которые он стремится вернуться после боя: «“Что с тобой, Кат?” – спрашивает Кропп. “Мне хотелось бы, чтобы мы поскорее попали домой.” Под словом “домой” он подразумевает наши бараки. “Теперь уже недолго. Кат.” Кат нервничает. “Не знаю, не знаю...”» [10]. («“Was hast du, Kat?” – fragt Kropp. “Ich wollte, wir wären erst zu Hause” – “Zu Hause” – er meint die Baracken» [17: 52]).

Примечательно, что и у Олдингтона воспоминания о родине в первую очередь связаны с образами жены и любовницы. Именно о них он вспоминает, отправляясь на фронт.

У Хемингуэя мы не находим подобного противопоставления дома и фронта, т.е. прошлого и настоящего.

Таким образом, можно констатировать, что первый этап инициации во всех анализируемых текстах имеет типологические схождения: в центр мотивной модели выдвигается мотив отказа от приспособленчества; реализация хронотопа протекает в рамках довоенных воспоминаний о прежней жизни в родном городе. Определенная разница наблюдается в произведениях Хемингуэя и Некрасова: она объясняется затекстовыми особенностями и историческим бэкграундом произведений.

The article is devoted to the comparative analysis of the structure of the motif of initiation in the works of the First and Second world wars. The analysis is carried out at the following levels: motif, composition and literary-temporal. The nuclear-peripheral motif-model in the works of Erich Maria Remarque, Richard Aldington, Ernest Hemingway and Victor Nekrasov is specified and examined. The movement of motif from the nucleus to the periphery and vice-versa, allows to speak about the «plot-motif» function. Some certain typological convergence is manifested on the literary-temporal level. The presence of the common features on different levels of text in the works of writers of the German, American, English and Russian literatures allows to make a conclusion about the typological convergence .
Keywords*: rite of initiation, comparative literature, military prose, composition, story, literary space.*

Список литературы

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике (1937-1938). URL: http://www.bsu.ru/content/hec/hr/hr13.html (дата обращения: 26.08.2014).

2. Даренский В.Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Второй отечественной войне // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2014. №1(15). С. 90-104.

3. Ефимкина Р.П. Три инициации в «женских» волшебных сказках // Вестник интегративной психологии.

Журнал для психологов. Вып. 1. 2003. С. 16-24. URL: http://mpl12.ru/node/252 (дата обращения: 11.01.2015).

4. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения. URL: http://www.bsu.ru/content/hec/hr/hr13.html (дата обращения: 26.08.2014).

5. Некрасов В. В окопах Сталинграда. URL: http://lib.ru/PROZA/NEKRASOW/stalingrad.txt (дата обращения: 21.08.2014).

6. Некрасов В. Трагедия моего поколения: «В окопах Сталинграда»: до и после: [очерк «Через 40 лет»] / текст подг. А. Парнис // Литературная газета. 1990. 12 сент. (№37). С. 15.

7. Олдингтон Р. Смерть героя. URL: http://lib.ru/INPROZ/OLDINGTON/hero.txt (дата обращения: 08.11.2014).

8. Похаленков О.Е. Образ Пауля Боймера в романе Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» // Русская филология: Ученые записки кафедры литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета. Т. 15. Смоленск: Свиток, 2013. С. 178-201.

9. Похаленков О.Е. Э.М. Ремарк и Р. Олдингтон: к вопросу о типологии образа героя в военной прозе о Первой мировой войне // Известия Смоленского государственного университета. 2015. №2 (30). С. 105-116.

10. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. URL: http://lib.ru/INPROZ/REMARK/front.txt (дата обращения: 08.11.2014).

11. Силантьев И.В. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 32-60.

12. Стюарт В. «Военные мемуары павших»: роль письма и памяти в Первой мировой войне // НЛО. 2012. №116. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/s21-pr.html (дата обращения: 08.01.2015).

13. Хемингуэй Э. Прощай, оружие! URL: http://ubooki.ru/прощай-оружие/ (дата обращения: 23.01.2015).

14. Aldington R. Death of a Hero. URL: http://lib.ru/INPROZ/ALDINGTON/front.txt (дата обращения: 08.11.2014).

15. Hemingway E. A Farewell to Arms. URL: http://www.e-reading.by/book.php?book=80121 (дата обращения: 21.01.2015).

16. Letters from a Lost Generation: First World War Letters of Vera Brittain and Four Friends / A. Bishop and M. Bostridge (Eds.). London, 1999. P. 30.

17. Remarque E.M. Im Westen nichts Neues. Mit Materialen und einem Nachwort von Tilman Westphalen . Köln: KiWi, 1999. 284 S.

Об авторе

Похаленков О.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета, *olegpokhalenkov@rambler.ru*

УДК 821.161.01

ОБРАЗ РУССКОГО ВОИНА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И.С. Руднева

В статье предпринимается попытка дать обоснование литературному образу русского воина в древнерусской литературе, выделить его основные характеризующие черты и типические особенности художественного воплощения, а также показать какое значение имеет данный литературный образ для раскрытия идейной проблематики произведений литературы Древней Руси, посвященных описанию значимых исторических событий.

Ключевые слова: *древнерусская литература, художественный образ, литературный тип, персонаж, типология, поэтика*

Становление Руси и развитие русского государства проходило «в постоянной борьбе с внешними врагами, более двух с половиной столетий русскому народу пришлось противостоять монголо-татарским завоевателям» [1, с. 3], вот почему такое большое значение в древнерусской литературе приобретает военно-патриотическая тема. Древнерусские книжники в произведениях, посвященных значимым историческим событиям, в центре повествования всегда ставят личность главного героя, как правило, князя, который является не только едва ли не основной движущей силой сюжетного повествования, но, что более существенно, является смысловым центром всего идейного содержания произведения. Это и понятно, ведь именно от его решений и действий зависят судьбы людей и всего русского государства.

Как справедливо отмечено акад. Д.С. Лихачевым, «…человек всегда составляет центральный объект литературного творчества. В соотношении с изображением человека находится и всё остальное: не только изображение социальной действительности, быта, но также природы, исторической изменяемости мира и т. д. В тесном контакте с тем, как изображается человек, находятся и все художественные средства, применяемые писателем» [3, с. 3].

Вот почему, наше исследовательское внимание привлек образ русского воина, его личность в древнерусской литературе, то, как изображает его автор. Можно ли здесь говорить о некоем идеале русского воина в представлении древнерусского книжника и если таковой есть, то каков он, каковы его приметы и черты?

Анализу подвергались, в первую очередь, древнерусские воинские повести, а также произведения других

жанров, но в центре которых поставлен рассказ о сражениях русских князей с врагами «земли русской». Исходя из этого, можно выделить несколько типов героев, которые последовательно начинают разрабатываться в древнерусской литературе:

1) **Князь-сподвижник** - это правитель своего народа, опытный, смелый и отважный воин, мудрый полководец своей армии, выполняющий возложенную на него миссию защиты русской земли и православия.

2) **Отрок-подвижник**. Это молодые князья, которые выполняя волю старших князей, отправляются на верную смерть, мужественно принимая этот шаг как волю Всевышнего, как данность. Они молоды, красивы, неопытны в военном деле, но до последней минуты преданы своей стране, своему народу и вере православной.

3) **Русский богатырь**. Этот образ наиболее тесно связан с образами русских былинных богатырей - мужественных, неимоверно сильных, отважных, обладающих сверхъестественными способностями. Это, образно говоря, герой-боя, он не принимает полководческих решений, его роль в сражении – помощь в бою, устрашение врага. Этот тип тесно связан с идеей святости русского народа.

4) **Предатель земли русской и веры христианской**. Это герой, который действует исходя из сугубо личных амбиций, руководствуется только лишь своим алчным, корыстным интересом, не думает о судьбах русского народа, своих родных и близких, при этом он трусливый, двуличный человек, в случае малейшей опасности готовый бросить своих солдат. Он предает не только свою Родину, своих собратьев, но веру православную, за что его неминуемо ожидает божественное возмездие.

Князь-сподвижник. Этот образ наиболее важен и ценен в древнерусской литературе, ведь он не только олицетворяет собой русское государство, но и все чаяния русского человека об идеальном правителе. В мирное время – это мудрый и справедливый правитель, а в военное время он должен стать идеальным воином, который будет стоять рядом со своим народом на самых передовых линиях боев, держать оборону и воевать за русскую землю и веру православную. Таким вошел в историю, по древнерусским памятникам, князь Святослав. Как описывает его автор, он «легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник, с седлов в головах, - такими же были и все прочие воины…» [2, с. 22]. Такой образ жизни князя в военный период единственно правильный, - князь становится воином, а на войне нет времени для шатров и кулинарных излишеств, нужно решать важные тактические задачи, а не думать о комфорте. Князь-воин разделяет все тяготы военного положения со своими солдатами, не даром автор подчеркивает, что «такими же были и все прочие воины» [2, с. 22]. Он стоит в одном ряду со всеми, хотя, конечно, и возглавляет их, готов в любую минуту принять смерть от врага вместе со своими воинами: «И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча великая, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим мужественно, братья и дружина» [2, с. 24].

Образ Святослава, однако, не идеализируется. Исторической правды ради автор укоряет его в том, что в упоении военными победами и завоеваниями, он забыл про свою родную землю: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги…», - говорят князю киевляне [2, с. 24]. Первая задача русского князя быть защитником своей земли, своей волости, защищать свой народ, а не ходить с походами ради завоевания новых земель. Древнерусская литература отличается своим мирным характером, утверждая не только идеалы православия, справедливости, истины, но и мира. За свое тщеславие, князь может поплатиться дорогой ценой и таких примеров в древнерусской литературе немало (можно хотя бы вспомнить поход Игоря Святославовича в «Слове о полку Игореве»). Древнерусские авторы всегда выступали на стороне оборонительных войн, к завоевательным же относились с меньшим одобрением и с большей настороженностью.

Но если русский воин пошел войной на врага, то стоять ему до конца и нет дороги назад, потому что есть законы воинской чести и доблести и князь должен их выполнять. Как говорится в «Походах Святослава»: «и пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их – сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться», хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамим земли Русской; но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не примем позора. Если же побежим – позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами заботьтесь» и отвечали воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим»» [2, с. 24]. Такое единодушие в строю помогло одержать победу в борьбе неравных сил, ведь на нашей стороне правда и вера христианская.

Неоднократно повторяется это формула в древнерусских воинских повестях. В разных вариациях это обращение является традиционной формулой обращения князя к своим воинам перед решающим сражением: «Братья, лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую богородицу и за правоверную веру христианскую…» («Летописная повесть о монголо-татарском нашествии») [2, с. 72]; «Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть» [2, с. 175] - обращается великий князь Дмитрий Иванович к своим боярам перед сражением («Задонщина»); «Братья мои милые, сыны русские, все от мала до велика! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился – в эту ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, господь с нами, сильный в битвах…» [2, с. 256] («Сказание о мамаевом побоище»); «О государи мои и братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти

поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя…» [4, с. 187] («Повесть о разорении Рязани Батыем»).

В окружении такого князя и все воины «под стать» ему. Благодаря слаженности и единодушию в строю одерживается победа в боях. Древнерусский книжник иногда даже поименно называет знатные воевод, учувствовавших в походе. Так, князь Дмитрий Иванович обращается к своему брату Владимиру Андреевичу: «Два брата мы с тобой, а внуки мы князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены – семьдесят бояр. И отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами – триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченные, а шлемы черкесские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные, а пути им известны, а переправы для них наведены, и все, как один готовы головы свои положить за землю Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить» [2, с. 173].

Князь не просто стоит в ряду своих солдат, не только управляет ходом сражения, отдавая приказы, он находится в пылу сражения, на поле битвы показывая свою отвагу и доблесть. Именно такое поведение князя является образцом поведения на войне правителя. Как пишет автор в «Пространной летописной повести о Куликовской битве», «у самого же князя великого все доспехи его были разбиты и повреждены, но на теле не было ни единой раны, а бился с татарами лицом к лицу, впереди всех в первой же схватке. Поэтому-то многие князья и воеводы несколько раз говорили ему: «Князь наш и господин, не становись биться впереди, но стань в тылу, или с краю, или где-нибудь в укромном месте». А он отвечал им: «Да как же я призову: «Братья мои, ринимся в бой все, как один», - а сам буду лицо свое прятать и хорониться сзади? Не могу я так поступить, хочу как на словах, так и на деле впереди всех и перед всеми голову свою положить за своих братьев и за всех христиан, чтобы и остальные, видя это, с усердием ринулись в бой» [2, с. 200]. Это утверждение князя чрезвычайно важно, это та норма поведения князя в бою, отступление от которой является нарушением негласного кодекса чести воина, он не только воевода-полководец, он защитник своего народа, каждого своего воина в строю, на него возложена ответственность за судьбы и жизни людей, вот почему сам бог заступается за него в бою. «И как сказал, так и поступил: бился тогда с татарами, став впереди всех. И справа и слева от него дружину его перебили, самого же вокруг обступили, как вода в половодье со всех сторон, и много ударов нанесли и по голове его, и по плечам, и по телу, но от всего этого бог защитил его в день битвы щитом истины, и оружием благоволения осенил голову его, десницей своей защитил его, и рукой крепкой бог избавил и укрепил его, так и среди многих ратников остался он невредимым» [2, с. 200]. И далее по тексту идет объяснение происхождения этой защиты: «… не на лук мой уповаю и оружие мое не спасет меня, - так сказал пророк Давид, - всевышнего сделал ты прибежищем твоим, не постигнет тебя беда, и раны не приблизятся к телу твоему, ибо ангелам своим поручил тебя, чтобы хранили тебя во всех путях твоих, и не устрашишься стрелы, летящей днем» [2, с. 200].

Этот сюжет повторяется и в «Сказании о мамаевом побоище» - князь «сел на лучшего своего коня и, взяв копье свое и палицу железную, выехал из рядов, хотел раньше всех сам сразится с погаными от великой печали души своей, за свою великую обиду, за святые церкви и веру христианскую. Многие же русские богатыри, удержав его, помешали ему сделать это, говоря: «Не следует тебе, великому князю, прежде всех самому в бою биться, тебе следует в стороне стоять и на нас смотреть, а нам нужно биться и мужество свое и храбрость перед тобой показать: если: если тебя господь спасет милостью своею, то ты будешь знать, кого чем наградить. Мы же готовы все в этот день головы свои положить за тебя, государь, и за святые церкви, и за православное христианство…. Если же тебя одного погубим, то от кого нам и ждать, что по нас поминание устроит? Если все спасемся, а тебя одного оставим, то какой нам успех? И будет стадо овечье, не имеющее пастыря: влачится оно по пустыне, а набежавшие дикие волки рассеют его, и разбегутся овцы кто куда. Тебе, государь, следует себя спасти, да и нас»» [2, с. 260].

Князю суждено, если на то воля Всевышнего, принять вместе со своими воинами и чашу смертную. Так, описывает автор последний бой князя Рязанского с Батыем: « и пересели с коня на коня и начали биться упорно. Через многие сильные полку Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингаваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие местные, и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвецы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые» [4, с. 189].

Стоит отметить, что русский князь не только отличается мужеством и отвагой в войне, но и хитростью. Это фольклорная традиция очень устойчива в древнерусской литературе. Святослав одерживает окончательную победу над греками благодаря своей мудрости. Когда увидели греки, что не подкупишь русского князя золотом, да поволоками, то ответили своему государю, что «лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань» [2, с. 25] – заключают греческие бояре.

Идеальный князь, по мысли древнерусского автора, «лицом красив, очами светел и грозен, храбр безмерно на охоте, сердцем легок, с боярами ласков…» [2, с. 72], - так описывается князь Василько в «Летописной повести о монголо-татарском нашествии». «…Кто из бояр ему служил, и хлеб его ел, и пил из его чаши, и дары получал, тот из-за преданности Васильку никакому другому князю уже не мог служить. Крепко любил Василько слуг

своих, мужество и ум в нем жили, правда с истинной ходили. Был он сведущ во всем и искусен, и княжил он мудро на отцовском и дедовском столе…» [2, с. 72].

Идеальный правитель русского народа, по мнению древнерусского писателя, это человек, который чтит веру православную и страшится гнева божьего. Он соблюдает посты и обращается с молитвой о помощи перед каждым сражением. «Дивный князь Юрий», как замечает автор, «старался божественные заповеди соблюдать и всегда имел страх божий в сердце, помня слово господа, которое так звучит: «Все люди узнают, что вы мои ученики, если будете любить друг друга. Любите не только друзей, но и ваших врагов и делайте добро ненавидящим вас»» [2, с. 78]. Таков и великий князь Дмитрий Иванович, по описанию его в «Сказании о Мамаевом побоище», «образцом был смиренномудрия, небесной жизни желал, ожидая от бога грядущих вечных благ…» [2, с. 239].

Князь, хоть и наместник бога на земле, но ничто человеческое ему не чуждо. Он должен пройти испытания: гордостью, тщеславием, ненавистью, сребролюбием, власть и вседозволенность. И это испытание, которое не всем под силу дается, недаром, как скажет автор, «бог наказывает людей различными несчастьями, чтобы они стали как золото, очищенное в горниле, - ведь христиане, преодолев много напастей, войдут в царство небесное. Ведь сам Христос бог говорит: «Усилием берется царство небесное, и употребляющие усилие получают его»…Если не будет испытания, не будет и венца, если нет мук, нет и воздаяния. Всякий, кто привержен добродетели, не может прожить без многих врагов» [2, с. 78].

Таким несчастием для князя Игоря в «Слове о полку Игореве» становится плен и поражение его войск, потому как гордость его «обуздала» и захотел он «славу себе добыть», не послушался предзнаменований, ещё более распыляясь в своем тщеславии: «взглянул Игорь на светлое солнце и увидел, что прикрыло оно все его войско тьмою. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание увядать Дону Великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, -сказал,- копье преломить на границе поля половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дону» [2, с. 36-37].

Образ идеального русского правителя олицетворяет собой добродетель и покорность воле бога. И это очень важная доминантная черта в создании образа. Князь Юрий, в описания автора «Летописной повести о монголо-татарском нашествии», полностью соответствует этому идеалу: он был «милостив безмерно, помня слова господа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Поэтому он не дорожил своим имуществом, раздавая его нуждающимся; он строил церкви, украшая их иконами бесценными и книгами, и много городов основал, прежде всего Новгород второй на Волге в устье Оки, и многие церкви воздвиг, и монастырь святой Богородицы в Новгороде. Особенно же он почитал иноков и священников, наделяя их всем необходимым. Поэтому бог и внимал его прошениям…» [2, с. 78].

Подобная приверженность вере православной дарует князю защиту и покровительство в самых тяжких испытаниях. Как дальше говорится в повествовании, «не презрел господь молитв и слез князя Юрия, что приносил он господу, молясь днем и ночью, чтобы не оскудела правоверная вера христианская. Так и случилось: господь послал нам великое спасение ради нашего князя, избавил нас бог от врагов наших, «ведь очи господа обращены к боящимся его, а уши его к их молитве». За князьями гнались татары, но не настигли их. Как и Саул преследовал Давида, но бог спас Давида от руки его, так и этих князей бог спас от руки иноплеменников, благочестивого и правоверного великого князя Ярослава и его благородных сыновей» [2, с. 79].

Таким образом, не только мужество и отвага выступают в качестве главных характеристик образцового князя, но, в большей степени, его благочестивость. Благочестивого князя сам Бог защищает на поле сражения, за ним правда, на его стороне и силы Всевышнего. Много есть примеров в древнерусской литературе, когда благодаря божественному заступничеству князья одерживали победу в неравном бою, в котором силы противника во много раз превышают.

Вот почему помимо традиционного обращения к своим воинам, князь обязательно произносит молитву к Богу, прося помощи и благословения на битву: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!». И помолился богу, и пречистой его матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы…» [2, с.175-176] («Задонщина»); «…Эти на колесницах, а эти на конях, мы же во имя господа нашего призываем: даруй мне господ, победу над супостатами и помоги мне, оружием креста низложи врагов наших, ведь уповаю на тебя, побеждаем мы, прилежно молясь пречистой матери твоей…» [2, с. 195] («Пространная летописная повесть о Куликовской битве»); «Ибо воистину сказано: «Если кто к богу веру с добрыми делами и правду в сердце держит и на бога уповает, то такого человека господь не предаст врагам в уничижение и на осмеянье» [2, с. 239]; «О владыка-вседержитель! Взгляни проницательным оком на этих людей, что твоею десницею созданы и твоею кровью искуплены от служения дьяволу. Вонми, господи, гласы молитв наших, обрати лицо на нечестивых, которые твердят зло рабам твоим. И ныне, господи Иисусе Христе, молюсь и поклоняюсь образу твоему святому, и пречистой твоей матери, и всем святым, угодившим тебе, и крепкому и необоримому заступнику нашему и молебнику за нас, тебе, русский святитель, новый чудотворец Петр!..» [2, с. 256] («Сказание о мамаевом побоище».)

В древнерусской литературе последовательно утверждается мысль о том, что все беды, постигшие русский народ, были ниспосланы нам за грехи наши. Так, в «Повести о битве на Калке» («Тверская летопись») нашествие

монголо-татар объясняется таким образом: «…из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых ник-то точно ничего не знает, кто они, откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры… Один бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о бедах, которые они принесли, и русских князях. Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил бог такое. Ведь много было князей храбрых, и надменных, и похваляющихся своею храбростью. И была у них многочисленная храбрая дружина, и они хвалились ею…» [2, с. 80].

Согласно православной догматике, благодать снисходит на того, кто на нее уповает. Есть примечательное сказание о князе Довмонте, примечательное тем, что сей князь первоначально поклонялся идолам, так как был из рода литовского, и его предки поклонялись идолам. А когда «бог восхотел обратить в христианство людей новых, то снизошла на Довмонта благодать святого, и, пробудившись, как от сна, от служения идолам, задумал он со своими боярами креститься во имя отца и сына и святого духа…» [2, с. 141]. Не может русский князь поклонятся идолам языческим, по божественному умыслу он становится истинным оплотом веры православной на русской земле, на что особо делает акцент автор сказания: «сей князь не только храбростью отмечен был от бога, но отличался боголюбием, был приветлив в миру и украшал церкви, и любил священников, и все праздники достойно соблюдал, наделяя необходимым священников и чернецов, был милостив к сиротам и вдовам» [2, с. 145].

Образ идеального князя-правителя, таким образом, складывается на таких значимых характеристиках, как: мужество, храбрость, благочестивость, преданность, ум, сила воли. Это идеал поведения правителя своего народа во время войны. И таких русских князей, благодаря древнерусским книжникам, в русской истории увековечилось много, как скажет автор «Сказания о Довмонте», «и прославилось имя князей наших во всех странах, и было имя их грозою во время ратное, и были князья князьям и воеводы воеводам, и был голос их грозен перед полками, как звенящая труба, и побеждали они, но были непобедимы. Подобно Акриту, в одиночку побеждавшему полки мужеством силы своей» [2, с. 145].

Отрок-подвижник. Среди всех героев древнерусской литературы есть герои, которые с особой теплотой описываются авторами. Это образы молодых русских князей, беззаветно выполняющих волю старшего князя и до последней минуты борющихся с врагом. Они не уповают, на тяжесть своего положения, на несправедливость общего миропорядка, они даже не выражают своего личного горя, отправляясь на верную погибель.

Так, в «Повести о разорении Рязани Батыем», молодой князь – Федор Юрьевич, по повелению отца своего Юрия Ингваревича, отправляется в стан «безбожного, лживого и немилосердного» царя Батыя [4, с. 185], с тем, чтобы попробовать заключить с ним мир. Но исход таких переговоров очень часто заканчивался трагично. Царь Бытый «распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь…» [4, с. 185]. Это ответ достойный настоящего русского князя. Конечно, подобный ответ не мог не вызвать гнев царя, в нем вместе с насмешкой звучит открытый вызов. И царю принимает этот вызов: «Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал» [4, с.185],

Подобно Борису и Глебу, юный князь Федор Юрьевич принимает свой венок страдания за землю русскую и за веру православную, неслучайно в его ответе безбожному царю звучит противопоставление двух вер, а образ самого молодого безвинно погибшего князя приобретает черты святости.

Эпизод с «тайным» захоронением юного князя одним из его пестунов, юношей Апоницей, описан в самых лирических тонах: «укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестный царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича» [4, с. 187].

И другой князь в сражении за Рязань отличился мужеством и героизмом – Олег Ингваревич, которого захватили в плен «безбожные татары» «столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран» [4, с. 189]. Стали они его к своей вере склонять, но «князь Олег Инваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею» [4, с. 189].

Это настоящие русские герои, которые самоотверженно стоят на своей позиции до последнего своего вздоха, понимая, что иного исхода для них и быть не может, они выбирают пронести возложенный на них судьбой венец страданий, нежели предать отечество свое и веру православную.

Русский богатырь. Образ русского богатыря имеет давнюю фольклорную традицию. Веками русскими народ собирал образ защитника русской земли, удалого отважного воина, обладающего сверхъестественными способностями. Русский богатырь спасает всех от бед, от злых сил, в то время, когда никакие другие силы не могут одолеть врага. Очень часто в былинах он противопоставлен князю по силе своей и мужеству. В древнерусских повествованиях же такой богатырь приходит на помощь русским князям, он является продолжателем их дела ратного. Генетически близок к этому типу Буй тур Всеволод в «Слове о полку Игореве», при описании данного героя меняется даже патетика повествовательного тона, приобретая черты былинно-сказочного стиля:

«Яр Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь врагов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, тур, ни поскачешь своим золотым шлемом посвечивая, - там лежат головы поганых половцев. Расщеплены саблями калеными шлемы аварские от твоей руки, Яр Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены. Прекрасной Глебовны, любовь и ласку» [2, с. 38].

В том же ключе изображен и Евпатий Коловрат в «Повести о разорении Рязани Батыем». Услышав о беде, настигшей родную Рязанскую землю, помчался он бить врага, хотя мог бы остаться в тылу, ведь основное сражение уже закончилось. И дружина его совсем не велика, но погнались они вслед «безбожного» царя, нагнали и «начали сечь без милости, и смешалися все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился…» [4, с.191].

И не найдется того воина, который смог бы один победить русского богатыря Евпатия Коловрата. Последний поединок Евпатия выписан в былинно-сказовом стиле: «И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его…» [4, с. 193].

Даже татары удивились русской богатырской силе Евпатия и всего рязанского воинства, и сказали они царю: «мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются – один с тысячею, два – с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища» [4, с. 193].

Таким образом, образ Евпатия является собирательным образом всего русского воинства, он олицетворяет собою великую силу и мощь русского народа, его несгибаемый характер, его преданность родной земле. Такой преданности удивился и царь Батый, который сказал, «глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, - держал бы его у самого сердца своего» [4, с. 193]. В дань уважения к героическому мужеству русских воинов, царь Батый приказывает отпустить уцелевших с миром и «ничем не вредить им» [4, с. 193].

Предатель земли русской и веры христианской. Древнерусская литература по самой своей сути имеет главное назначение поучительное, памятники разных жанров выполняют это назначение каждый по своему: жития святых учат святому пути, пути спасения, показывая, каким образом человек может пройти этот путь; летописи учат любить свою родину, защищать ее, слушаться князей своих старших и т.д. Это литература, которая показывает, что такое добро и что такое зло, и что ожидает того, кто пойдет по тому или иному пути. Среди большого множества положительных героев, есть в ней и герои отрицательные, те, которые стали врагами родной земли, своих собратьев, ради личной выгоды, становясь союзниками врагов и предателями земли русской и веры православной.

Эти герои изображаются древнерусскими книжниками в обличительном ключе, чтобы показать насколько сильную антипатию они вызывают. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» один из князей русских – Олег Рязанский – задумал вступить в сговор с врагами, в надежде добыть себе новых вотчин. Как пишет автор, «скудость ума была в голове его…» [4, с. 237]. И помышлял он таким образом: «Когда услышит князь Дмитрий Иванович о приходе царя [Мамая – прим. авт.], и о ярости его, и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину, а мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, мы его с большими дарами встретим и с великою честью, и умолим его, и возвратится царь в свои владения, а мы княжество Московское по царскому велению разделим меж собою – то к Вильне, а то к Рязани, и даст нам царь Мамай ярлыки свои и потомкам нашим после нас» [4, с. 239]. Но ведь «не понимали, что замышляют и что говорят, как несмышлёные дети, не ведающие божьей силы и господнего предначертанья…» [4, с. 239].

Князь Олег Рязанский, распаляясь в алчности своей, стал торопить Мамая быстрее наступать на Русь, поэтому его «окаянного» автор повести ныне будет называть « новым Святополком» [4, с. 240]. Но расплата за предательство не заставит долго ждать, и раскаяние за совершенное злодеяния и отступничество будет тяжким камнем лежать на душе Олега: «Горе мне, потерял я разум свой… я же, окаянный, познал истинный закон божий! И отчего совратился я? И сбудется со мною сказанное господом: «если раб, зная закон господина своего, нарушит его, бит будет сильно». Ибо ныне что натворил? Зная закон бога, сотворившего небо, и землю, и всю тварь, присоединился ныне к нечестивому царю, решившему попрать закон божий!» [4, с. 250]. Не рассказывает автор «Сказания» как закончил свои дни Олег Рязанский, поведав лишь, что со своей рязанской вотчины ему пришлось сбежать, не добыв себе ни новый власти, ни новых земель, он лишился всего.

Таким образом, вопрос о некоей устойчивости определенных образов в древнерусской литературе имеет чрезвычайно важное значение. Можно отчетливо увидеть, как в самом начале становления русской литературы зарождались и формировались определенные литературные типы, получившие затем своей дальнейшее развитие и воплощение в последующих столетиях. Как отмечает Д.С. Лихачев, «основные литературные категории обычно рассматриваются в различного рода трудах по теории литературы в "готовом виде" - как будто бы все

они существовали извечно. Между тем они имеют историческое происхождение, а часть из них постепенно развилась в литературе X-XVII вв. Не сразу появились в русской литературе типизация, литературный вымысел, литературный пейзаж и т.д.» [3]. Особенно сложен был путь совершенствования изображения человека, «этот путь ни в коем случае нельзя представлять себе в виде ровного и неуклонного подъема. Литература развивается не по прямой. Ее развитие нельзя представлять себе и так, как мы представляем себе совершенствование научного познания мира: в виде постепенного накопления знаний» [3].

Предпринятая попытка проследить некоторые устойчивые типы в древнерусских повествованиях обратила наше исследовательское внимание на некоторые особенности в изображение героев войны. Наиболее проработанным типом, среди древнерусских воинов-героев, на наш взгляд, является образ идеального князя-правителя. Именно он дает представление об идеальном правителе по мысли древнерусских книжников. Этот тип широко распространен в произведениях XI-XIV веков. Образ воина-сподвижника достаточно схематичен в плане изображения индивидуальности. Так, мы крайне редко можем встретить описания черт внешности персонажа, каких-то индивидуальных особенностей характера, в его изображении еще очень много общих мест. Подобная идеализация обусловлена самой поэтикой древнерусской литературы, так как древнерусский книжник всегда «соотносил размеры изображаемого с тем значением, которое он ему придавал. Он не стремился в своих произведениях создать иллюзию действительности. Он изображал ее сущность, ее «смысл», иногда сокровенный, и при этом так, как он их понимал» [3]. Естественно не так идеальны в реальности были описываемые автором персонажи, но автор не ставил своей задачей увековечить определенную историческую личность своим произведением, здесь как раз «сокровенный смысл» состоит в том, что сам этот герой является олицетворением земли русской в ее самых лучших представителях. Это герой исключительный, особенный, значимый, но он часть от целого, он типичен, вот что важно. Иногда, однако, автор может внести некоторое разночтение в характеристику героя. Так, например, образ Игоря Святославовича в «Слове о полку Игореве» гораздо сложнее обозначенного типа, хотя автор «Слова» и придерживается традиции описания идеального воина-сподвижника. Так как автор вкладывает в эту не столь значимую по своей сути историю столкновения с половцами, историю в ряду многих похожих, очень важную мысль о том, что личные интересы не должны становится важнее интересов государственных. Вступая в бой, князь Игорь руководствовался именно личными интересами - «славу добыть», так как гордыня его «обуяла», за что он и поплатился поражением в сражении и своим пленением. Но, несмотря на это, в целом образ князя все же выдержан в этикетной традиции. Другие же типы русских воинов, выделенные нами в ходе анализа древнерусских памятников, менее разработаны и реже встречаются. Со всей осторожностью мы применяем здесь понятие литературной типизации как таковой, следует вести речь о начале становления данных образов в русской литературе. Здесь нашли воплощение самые существенные стороны героев, которым еще много будет уделено внимания в военной прозе XX столетий.

The article attempts to study the literary image of Russian soldier in old Russian literature, highlight the main features characterizing the typical features and artistic expression, and to show how important this literary image to reveal the ideological perspective of literary works of ancient Russia, devoted to the description of significant historical events.
***Keywords**: old Russian literature, artistic image, literary style, character, typology, poetics*

Список литературы

1. Дмитриев Л.А. За Землю Русскую// Воинские повести Древней Руси/ Вступ. Статья Л.А. Дмитриева. Сост. Н.А. Понырко. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 3-17.
2. Воинские повести Древней Руси// Вступ. Статья Л.А. Дмитриева. Сост. Н.А. Понырко. – Л.: Лениздат, 1985. – 495 с.
3. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси/ Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1987. – 520 с.
4. Памятники литературы Древней Руси: XIII век/Вступ. Статья Д.С. Лихачева. Общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1981. – 616 с.

Об авторе

Руднева И.С. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 821.161.1:82.02

ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В РОМАНЕ В.НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

Л.Ю. Стрельникова

Научная установка статьи - доказать, что игра является эффективным приемом эстетики В.Набокова, с ее помощью он противопоставляет искусство здравому смыслу и рациональному бытию, при этом автор присутствует в произведении как Magister ludi и стремится показать свою власть над текстом и читательским восприятием. Писатель выстраивает модернистскую концепцию игры через создание авторского эстетического мифа о мире, соединяя его с постмодернистской игрой ради игры. Главный герой Цинциннат показан как эстетическая функция авторского воображения. В нем отсутствует личностное наполнение, так как Цинциннат пытается выразить себя только через творчество, но не может подняться до уровня Творца и остается Homo ludens.

Ключевые слова: *игровая поэтика, модернизм, иррационализм, дегуманизация, интертекстуальность, аллюзии, симулятивность, Набоков.*

В художественной системе набоковского творчества роман «Приглашение на казнь» (1936) показателен как образец европейского модернистского творчества, «синтезирующий опыт символизма и авангардизма», а «тематическо-фабульные уровни романа, которые говорят о персонажах и ситуациях, подчеркнуто условны и сильно отличаются от узнаваемо биографического опыта» [14, с. 451], уже написанных романов «Машенька», «Подвиг», «Дар», «Защита Лужина», что позволяет говорить о выстраивании В. Набоковым свободной от классического канона структуры метаромана как мифологического внеисторического децентрированного текста в его многоликости означающих.

Несмотря на то, что В. Набоков никогда не принадлежал к определенной литературной школе, он аккумулировал в своих экспериментальных произведениях достижения европейского модернизма, не стремясь соответствовать запросам эмигрантской литературы и продолжать традиции русской классики. Не случайным было удивление Г. Адамовича по поводу того, как «такой писатель возник в русской литературе. Все наши традиции на нем обрываются» [1, с. 198]. Но как модернистское произведение роман как раз и отличался «от всего, что было написано раньше» новаторскими элементами, основанными на силе воображения, о которых упоминает Н. Берберова: «интуиция разъятого мира, открытые “шлюзы” подсознания, непрерывная текучесть сознания и новая поэтика, вышедшая из символизма» [4, с. 277].

Находясь в границах модернистской парадигмы, переходящей в постмодернистское направление, В. Набоков переосмысливает видение действительности и границы существования индивидуальности в «неколебимо алогичном мире» [15, с. 467], где реальность подвергается эстетической деконструкции, а писатель «воплощает невозможное, как нечто недоступное, ускользающее от любого дискурса» [3, с. 553], в самом художественном мышлении утверждается господство иррациональных, бессознательных сил, целостность личности в такой деградированной с точки зрения материалистического детерминизма реальности размывается, дестабилизируется, мышление переходит в сферу фрагментарности и инфантильности, господства бессознательных элементов, что можно наблюдать на примере главного героя романа Цинцинната, всем своим существом стремящегося преодолеть притяжение жизни ради существующего в его творческом подсознании идеального мира. Но именно в противопоставлении художественного опыта жизненному заключается смысл творческого акта, который и составляет подлинную экзистенцию героя.

Роман выстраивается как авторская мифологизированная игра, изображающая внеисторическую реальность в театрализованном представлении, где господствует «мир самореферентных знаков», а не живых людей, «отсутствие выдается за присутствие» [13, с. 188], реальное и воображаемое в релятивистском сочетании утрачивают различие и понятный всякому читателю смысл, заранее предполагая неправильное с точки зрения логики прочтение, как это видно по начальным строкам романа: «Сообразно с законом, Цинциннату объявили смертный приговор шепотом» [16, т. 4, с. 5].

Своеобразным творческим ориентиром для поколения художников модернистского искусства можно считать появившуюся в 1930-е годы концепцию дегуманизированного сюрреалистического театра А. Арто, заявившего о «создании особой реальности, непривычном течении жизни. Театр должен дарить нам этот эфемерный, но подлинный мир, соприкасающийся с реальным» [1]. Подобно А. Арто, В.Набоков театрализует действительность, опровергая жизнь игрой и вводя героев-марионеток, ориентируясь на подсознательный творческий дух личности, способный создавать иллюзию реальности действия, чтобы «у зрителя появилось ощущение, что перед ним разыгрывается сцена из его собственной жизни, причем одна из самых существенных» [1], но при этом становился важен не сам человек, а его игровой артистический прообраз без личностного содержания, обнажающий глубины подсознания, что воспроизводит набоковский драматический принцип в романе: «… бесплотное неведенье и значительное воздействие со стороны пьесы – все остальное следует отбросить» [17]. Об ориентации романа на модернистский театр указывали многие исследователи, по словам Н.Букс, «каждая глава романа – не только отдельный день, но акт пьесы, который начинается освещением сцены и кончается наступлением темноты» [8].

В соответствии с модернистским установками о театрализации действительности в произведении, В.

Набоков не имитирует жизнь в романе, а создает высшую искусственную реальность на воображаемой сцене, где ситуации заострены до предела, а «актеры должны быть подобны мученикам, сжигаемым на кострах, - они еще подают нам знаки со своих пылающих костров» [1], эта сентенция А. Арто соответствует и набоковской линии развития драматического эффекта жестокости в романе, необходимой для обнажения катарсических инстинктов страдания, что можно увидеть в словах Цинцинната, рассказывающего о своих мучениях со стороны тюремщиков: «Меня они терзают, как могут терзать только бессмысленные видения, дурные сны, отбросы бреда, шваль кошмаров – и все, что сходит у нас за жизнь» [16, т. 4, с. 19].

В соответствии с модернистской театрально-игровой мифологемой В. Набоков наделяет героев романа «Приглашение на казнь» игровой масочностью, превращая ситуацию юридического процесса в абсурд и нелепицу с ложным обвинением, на что указывает авторская интерпретация названия в «Предисловии к английскому переводу романа «Приглашение на казнь» (Invitation to Beheading.N.Y.:Putnam's, 1959): «…я на родном языке скорее сказал бы «Приглашение на отсечение головы» [18, с. 40], так писатель демонстрировал очередной вызов здравому смыслу в реабилитации алогизма творчества и демонстрируя игру как творческий метод. Семантика слова «приглашение» в названии романа усложняется увлеченностью В.Набокова логомахией, писатель создает игровой эффект алогичным сочетанием слов, что проявляется в интертекстуальных смешениях по принципу мозаичности, в данном случае аллюзивно перекликаясь с бодлеровским стихотворением «Приглашение к путешествию». Обыгрывая мотив путешествия, В.Набоков искажает его истинный смысл, сочетая несоединимые понятия «приглашение» и «казнь», устраняя тем самым принцип логоцентризма и рационалистической трактовки понятий. С точки зрения здравого смысла и классического рационализма выражение «приглашение на казнь» звучит абсурдно, но в парадигме логомахии представляет собой игру слов, выдвигая вперед силу вымысла в противовес здравому смыслу.

Многообразие интертекстуальных соотношений создает близкую к постмодернистской трактовке лабиринтную структуру произведения, побуждая читателя к бесконечной интерпретации текста. Совершенно очевидно влияние Ф. Кафки, что отмечается многими исследователями, известно, что В. Набоков называл его в числе наиболее значимых для него писателей, по замечанию А. Зверева, Цинциннат «истинно кафкианский персонаж, типичный "герой абсурдного творчества"» [12, с. 196]. Но в то же время, не признающий никаких творческих авторитетов, В.Набоков отвергает политизированную «кафкианскую струю» [18, с. 40], допуская лишь влияние новеллы «Превращение», поэтому в данном случае сходство с «кафкианским персонажем» выглядит как симуляция, построенная на авторских ассоциациях, не имеющих отношения даже к копированию Ф. Кафки. В.Набоков неоднократно признавался, что думает образами, а не идеями, поэтому он симулирует и пародирует кафкианские идеи, чтобы произвести эстетический эффект, на что указывает Б.Бойд: «На самом деле у Набокова вряд ли есть что-либо общее с Кафкой, кроме оригинальности» [7, с. 484].

Традиционно заявляемая в критических оценках романа тема противостояния тоталитарной системе носит явно симулятивно – наигранный характер и не имеет жизненной достоверности, автор имитирует несуществующий политический протест главного героя романа Цинцинната, помещенного во внеисторическую обстановку, где предметом его страданий и переживаний являются собственные внутренние мироощущения, связанные с распадом утверждаемых им индивидуальных идеалов в искусственно созданном мире абсурда. По замечанию В. Ходасевича, отсутствием исторической реальности в романе писатель «разделяет судьбу всех утопий и противо-утопий: ей трудно поверить… в результате история движется не по прямой, а по кривой, заранее не вычислимой» [22, с.139].

Близко к пониманию игрового характера замысла романа подошел П. Бицилли, увидев в сцене казни Цинцинната ее симуляцию и профанацию: «Конец "Приглашения на казнь" вызывает недоумение в читателях: был ли, или нет, лишен жизни Цинциннат? Как будто бы нет. Но тогда зачем было появляться у эшафота трем Паркам? Не злоупотребил ли здесь Сирин своим искусством заинтриговать, подчас просто одурачить читателя?» [5, с. 216]. С П. Бицилли солидарен В. Ходасевич, утверждая, что с окончанием игры персонажей «повесть обрывается» [21, с.222]. Действительно, для В. Набокова-художника становится неважным, «отрубили ли ему голову или нет» [5, с. 216], «казнен и не не-казнен» Цинциннат, существенна только игра «самочинных приемов», представляющих собой «цепь арабесок, узоров, подчиненных не идейному, а лишь стилистическому единству» [21, с.222], цель которых – показать бытие «Цинцинната – художника», насколько он может проявить себя как творческая личность. Для художественной стратегии писателя важно сохранить игровое отношение к слову и человеку, подменив все жизненное миром симулякров, не предполагающих подлинники, и повергая, как скажет впоследствии постмодернист Ж. Делез, все, что относится даже к копии реальности, «ниц перед властью лжи (фантазма)» [10, с. 341].

Воображение Цинцинната является главным критерием его экзистенциального содержания, оно фиксирует его постоянное пребывание по ту сторону реального, у него, по словам П.Бицилли, «"реальность" начинает восприниматься как "бред", а "бред" как действительность» [6, с. 143], поэтому в своих фантазиях он оказывается в разных пространственных измерениях, которые меняются в зависимости о его психологического состояния «Я»: «Тут стены камеры начали выгибаться и вдавливаться, как отражения в поколебленной воде; директор зазыблился, койка превратилась в лодку» [16, т. 4, с. 31]. Кроме этого, воображение может вывести его за пределы «туманной громады крепости» и увести в город, где живет Марфинька [Там же, с.10]. Эстетический идеал Цинцинната – это романтизированный мифологический мир Тамариных Садов, «где ручьи свергаются в озеро, по которому плывет лебедь рука об руку со своим отражением…» [Там же, с.15], но он не вязан с реальностью, в нем, словно в искривленном зеркале, вместо «зеленого, муравчатого Там» [Там же, с. 10] отражается антипод идеала, распавшийся мир

жизни - тюрьмы, подобный «разным частям разобранной луны» [Там же, с. 9]. Однако идеальный вид на Тамарины Сады такая же иллюзия, как и все происходящее, «здесь нет реальной жизни», как заметил В. Ходасевич [21, с. 222], поэтому Сады видятся Цинциннату лишь сквозь окно стеклянной витрины, словно из условного мира призрачного кэрролловского Зазеркалья, схожего с театральными декорациями, небрежно «намалеванный в нескольких планах.., все это было как-то не свежо, ветхо, покрыто пылью…», напоминая место, где «живут и умирают лицедеи» [16, т. 4, с. 43], что подчеркивает его артистическую неподлинность и разрушает мифологический образ идеала, превращая в фантазм симулякра, не имеющего прототипа в реальности.

Подобно гессевскому Галлеру из романа «Степной волк», Цинциннат стремится обрести свою «самость», дойти до творческой, но не материальной индивидуации – «Я есмь!» [Там же, с.50]. В модернистской онтологии человек утратил свою целостность и аксиологическую значимость, стал фрагментарным, малозначимым, «луковицей, состоящей из сотни кожиц», в котором, как скажет немецкий писатель Г.Гессе, заключено «не две, не пять, а несметное число» душ [9, с.78]. Набоковский Цинциннат также снимает с себя «оболочку за оболочкой» в поисках неделимой, твердой, сияющей точки…» [16, т. 4, с. 50], но он, будучи марионеточным персонажем, не обладает личностным содержанием, перейдя в статус “evrymana”, он абсолютно «непроницаем», «слеп и глух» к окружающей его жизни, являясь карикатурой лейбницевской “не имеющей окон” монад» [5, с.217], поэтому его «Я есмь» терпит крушение, опровергая метафизику «предустановленной гармонии» с ее механическими монадами в пользу иррациональной неопределенности и раздробленности личности в «мире, текущем за периферией сознания [16, т. 4, с. 52]. В стремлении самоутвердиться как эстетический субъект Цинциннат противопоставляет свой автономный, «сонный мир» окружающему его хаосу и абсурду «хваленой яви», но в поисках собственной цельности он сам фрагментируется, снимает «оболочку за оболочкой» [Там же, с.50], его самоистолкование переходит в самоискажение: «… я выскочил, скользкий, голый!..» [Там же, с.53].

В модернистском ресурсе романа важное значение приобретает мотив индивидуального нарциссического «Я», проявляемого через исповедальность героя как способа эстетического самовыражения в его противостоянии «страшному, полосатому миру» [Там же, с. 51]. Основным содержанием исповеди Цинцинната становится его экзистенциальная саморефлексия как реакция находящейся в поисках подлинности своего «Я» личности, попытка выявить ценность самого себя в децентрированном, фрагментарном мире, что приводит к обратному эффекту дестабилизации личности, не способной найти точку опоры в мире: «Быть может, гражданин столетия грядущего, быть может, просто так – ярмарочный монстр…» [Там же, с. 50].

Но самоутверждение посредством поэтического слова также терпит крах, он не дотягивает до статуса Творца, художника, так как не в состоянии логично и красиво излагать свои мысли и чувства: «… сейчас выскажусь по-настоящему, затравлю слово. Увы, никто не учил меня этой ловитве, и давно забыто древнее врожденное искусство писать…» [Там же, с. 52]. В данном случае речь идет не о свободном выражении своего исключительного «Я», а трансляции собственной двойственности и незавершенности нарративной идентичности, происходит утрата осмысленной речи как признака принадлежности к целостной личности и тем более к высшей сфере творческого состояния: «… у меня лучшая часть слов в бегах и не откликается на трубу, а другие – калеки…[Там же, с. 119], «но пишу я темно и вяло, как у Пушкина поэтический дуэлянт» (известная аллюзия на романтика Ленского) [Там же, с. 52]. Модернистская рецепция предыдущей исповедальной традиции как личного романа базируется теперь на факторах дегуманизации и секуляризации, что лишает исповедь ее религиозного или антропоцентрического содержания, теперь акцент делается на эстетизацию повествования о страданиях маленького обиженного человека, герой стремится найти слова, чтобы красиво изложить описание своих обид и мучений, а игра слов включается в общую игровую атмосферу романа: «Слова у меня топчутся на месте… Зависть к поэтам. Как хорошо должно быть пронестись по странице и прямо со страницы…» [Там же, с. 112]. Его косноязычие – психологическая проекция амбиций маленького человека, заявленная Ф. Достоевским в Голядкине, который тоже мечтал обладать талантом красноречия, при этом стиль речи обоих героев схож: «О, если бы я был поэт! – разумеется, по крайней мере такой, как Гомер или Пушкин; с меньшим талантом соваться нельзя – я бы непременно изобразил вам яркими красками и широкою кистью, о читатели! Весь этот высокоторжественный день» [11, т. 1, с. 170].

Онтологическая «странность» Цинцинната заключается в его «непроницаемости, непрозрачности» [16, т. 4, с. 40] по отношению к «страшному, полосатому миру», где герою «сообразно с законом объявили смертный приговор» [Там же, с. 5]. Но в то же время Цинциннат – плод авторской иронической игры, пародийный двойник – антипод своего античного прототипа Цинцинната, обладающего талантом красноречия. В раздробленном и хаотичном мире и личность приобретает проблематичный характер, герою свойственен алогизм мышления, неадекватность поступков, мучают фатальные страхи перед небытием, поэтому он так обеспокоен датой исполнения смертного приговора: «Я хотел бы все-таки знать, долго ли теперь, <…> я еще не снял самой последней пленки со своего страха» [Там же, с. 8, 30]. Отчужденный от Цинцинната мир видится ему игрой непостижимых для него сил, где господствуют ложные, лицемерные отношения, исчезает все человеческое, что и порождает разлад героя не только с окружающим миром, но и с самим собой: «… все обмануло, – все это театральное, жалкое… < … > Все обмануло, сойдясь, все. Вот тупик нынешней жизни, – и не в ее тесных пределах надо было искать спасения» [Там же, с. 118].

Искривленная под прямым углом зрения реальность выпрямляется у В.Набокова в «кривом – абсолютно искаженном зеркале», где «ничего нельзя понять, провалы, путаница.., но его кривизна была неспроста, а как

раз так пригнана», – говорит Цецилия Ц., мать Цинцинната об игре в «нетки» [Там же, с. 77]. Уродство реальности отражалось в этом «диком зеркале» в обратном направлении, «нет на нет давало да», восстанавливая ту гармонию, которой не давала подлинная жизнь, «и вот из бесформенной пестряди получался в зеркале чудный, стройный образ: цветы, корабль, фигура, какой-нибудь пейзаж» [Там же, с. 77-78].

Говоря о том, что Цинциннат осужден за «гносеологическую гнусность», В. Набоков создает гносеологическую оппозицию, дискредитирует саму теорию познания в пользу матриц экзистенциальности, происходит разыгрывание ситуации «преступления - наказания», «жизни - смерти» как эстетического зрелища в театре жестокости и абсурда, призванного вызвать у читателя шок, эпатаж своей алогичностью, непредсказуемостью поведения марионеточных персонажей и немотивированностью их поступков – этих «призраков, оборотней, пародий» [Там же, с. 22] из перевернутого карнавального антимира, где каждый, как отрицательная маска – двойник, играет несколько ролей: тюремщик Родион с подчеркнуто русской внешностью («васильковые глаза, рыжая бородища, красивое русское лицо» [Там же, с. 16], он же директор тюрьмы Родриг Иванович и одновременно адвокат; заключенный м–сье Пьер, аналог маски Пьеро из средневековых фарсов, по совместительству фокусник, жонглер, преображается в палача. Адвокат и прокурор – двойные маски друг друга (абсурдное сочетание защиты и обвинения), «оба крашеные и очень похожие друг на друга (закон требовал, чтобы они были единоутробными братьями)» [Там же, с. 11]. Такой же уродливой куклой – маской описывается директор тюрьмы: «идеальный парик, черный как смоль, с восковым пробором, гладко облегал череп» [Там же, с. 7].

Искусственный мир театрализованного действа как маскарадный аналог «комедии масок» порождает такие же копии, кукол, лишь внешне похожих на реальных людей, поэтому во всеобщем карнавальном перевертыше не только антагонисты героя, но и сам Цинциннат превращается во фрагментарного человека, напоминая игрушку – трансформер: «Снял, как парик, голову, снял ключицы, как ремни, снял грудную летку, как кольчугу…» [Там же, с. 18]. Цинциннат такая же принадлежность игрового дегуманизированного пространства, как и другие персонажи, более того, он участвует в создании кукольного мира, перенося его в свою жизнь в буквальном смысле, когда работал «в мастерской игрушек, куда был определен по причине малого роста», и занимался изготовлением кукол-писателей, пародий из «мифического девятнадцатого века», пристрастие к которому также «искусственно»: «Тут был и маленький Пушкин в бекеше, и похожий на крысу Гоголь в цветистом жилете, и старичок Толстой, толстоносенький, в зипуне…» [Там же, с. 14].

В своем противостоянии и презрении к ненастоящему для него миру Цинциннат и сам утрачивает живую сущность, также и вокруг себя он видит только мнимых людей: «я окружен какими-то призраками, а не людьми» [Там же, с. 19]. Герой пробует наладить связь с материальным миром, женившись на распутной Марфиньке, но его семейное счастье также призрачно, как и он сам. Жена Цинцинната Марфинька с «кукольным румянцем, блестящим лбом…, карими глазами» [Там же, с. 11], как и Цецилия Ц.– «ловкая пародия на мать» [Там же, с. 75], и игрушечная Эммочка с «шелковисто-бледными буклями» [Там же, с.26] являются частью того прозрачного и проницаемого вещного мира, в котором обитают все остальные персонажи, эти порождения дарвиновского «обезьяньего мира», против которого всегда выступал В. Набоков в пользу эстетического индивида с бомбой «в глубине мозга» [15, с. 467].

Для читателя значение Цинцинната видится в противостоянии героя «магическому театру» абсурда игровых реальностей, но авторская стратегия игры заключается в лишении его самого индивидуальности, признании его неподлинности, герой сам становится обезличенной маской в окружении всеобщего лицедейства, утрачивает все признаки целостности: «Один Цинциннат считал, а другой Цинциннат уже перестал слушать удалявшийся счет ненужного счета» [16, т. 4, с. 129]. В созданной В. Набоковым гиперреальности, где симулятивны не только люди, но и события, и нет ничего подлинного, смерть также становится атрибутом игрового действа в мистифицированном театре абсурда и жестокости: «Представление назначено на послезавтра… Талоны циркового абонемента действительны… [Там же, с. 102]. В последнем шествии Цинцинната в потусторонний мир он, как ему кажется, уподобившись неким потусторонним существам, преодолел бездну жизни и, презрев своих палачей, перешел в новое состояние симулируемой автором смерти, воспринимаемой как высший дар избавления от реальности, что и является набоковским парадоксом. Если жизнь человека не более, чем состояние игры, где разыгрываются сцены любви, обыденной жизни, наказания за неправдоподобное преступление, то и сцена казни обыгрывается как театральное представление без реалистических соотношений, ведь «актеров на сцене не убивают» [19, с.180]: «Кругом было странное замешательство… Зрители были совсем, совсем прозрачны, и уже никуда не годились, и все подавалось куда-то, шарахаясь, – только задние нарисованные ряды оставались на месте» [16, т. 4, с. 129]. В. Набоков же сохраняет принадлежность Цинцинната к антимиру игры, которая при всей ее абсурдности и иллюзорности, «способна во все времена полностью захватывать тех, кто в ней принимает участие» [20, с. 27], поэтому герой не выходит за пределы театрализованной системы, что можно сказать и об авторе, развивающем единственную важную для своего эгоцентризма тему творчества, он создает театр одного актера имени себя как проекцию «пресловутой башни из слоновой кости» [15, с. 465], в ней он чувствует себя защищенным от мира логичных истин и светлых нравственных идеалов.

Создавая безжизненный, никакими историческим ситуациями не обусловленный образ Цинцинната, В. Набоков идет против детерминированно обусловленных законов жизни, нарушая логический принцип бытия, согласно

которому, «жизнь-тезис. Смерть-антитезис, после которой человеческое сознание ждет какого-то синтеза, вневременного, окончательного осуществления смысла прожитой жизни» [5, с. 216]. Отвергая диалектическую системность, В. Набоков делает отправной точкой своего творчества чистый вымысел, заключенный в алогичную антитезу искусства как мифопоэтического театрализованного действия, в процессе которого возникает «непреодолимая преграда, отделяющая “я” от “не-я”», по словам Дмитрия Набокова, отцовский «тезис триады (исходный сюжет, событие или идея) расчленяется под микроскопом творчества, и при этом обнажаются его тайны и темные места, в которых обнаруживается антитеза (antiterra incognita, искривление времени и пространства, осязаемое сквозь ткань вымысла)» [17]. Смысл происходящих с Цинциннатом «неземных происшествий» заключается в преодолении им притяжения жизни его условно-артистическим alter ego, тем самым «не-я», мысль о котором содержится в статье «Искусство литературы и здравый смысл» и имеет важное значение в понимании финала романа: «Тюремные стены вокруг эго рушатся, и не-эго врывается, чтобы спасти узника, а тот уже пляшет на воле» [15, с. 474].

Задача же автора – посредством игры утвердить в искусстве самого себя в качестве Magister Ludi, автора эстетического мифа, не позволяющего своим героям – марионеткам возвыситься до статуса художника. В соответствии с мифологемой о театральности бытия В.Набоков создает мир симуляций «из кажущихся подобий реального мира» [21, с. 223], чтобы выставить обнаженный продукт творчества, что соответствует задачам игры как точки опоры в творчестве в ее противостоянии материальному миру и рациональному сознанию. В заключение следует отметить, что для В. Набокова игра в литературном творчестве является не просто комплексом творческих приемов и интертекстуальных соотношений, автор таким способом демонстрирует дуализм своей творческой системы: он создает метапоэтический эстетический миф о мире и в то же время разрушает его постмодернистской игрой с текстом ради игры, что придает произведению дополнительную театральность и искусственность.

Scientific installation of the article is demonstrated that the game is an effective method of Nabokov`s aesthetics with its help the author opposes the art to common sense and rational life and the author is present in the work as Magister ludi and tends to show his power over the text and reader perception. The author lines up modernistic conception of the game through the creation of author`s aesthetic myth of the world combining it with postmodernistic game for game.
The main character Cincinnatus is shown as an aesthetic function of the author`s imagination. The main character has no personal content. Cincinnatus tries to express yourself through the creativity but unable to ascend the level the Creator and stays Homo ludens.
Keywords: *play`s poetics, modernism, irrationalism, dehumanization, intertextuality, allusions, simulative, Nabokov.*

Список литературы

1. Адамович Г. Сирин // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н.Г.Мельникова. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. - 688 с. С.195 – 199.
2. Арто А. Театр «Альфред Жарри» // А.Арто. Театр и его двойник: Манифесты. Драматургия. Лекции. Философия театра. - СПб.; М.: Симпозиум, 2000. - 443 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа::http://teatr-lib.ru/Library/Artod/Doubl/ - Дата доступа: 19.12.2015 .
3. Барт Р. Лекция // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.— М.: Прогресс, 1989—616 с. С.545-569.
4. Берберова Н. Набоков и его «Лолита» // В. В. Набоков: PRO ET CONTRA. - СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. 960 с. С.277-300.
5. Бицилли П. Возрождение Аллегории // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н.Г.Мельникова. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. - 688 с. С.208-219.
6. Бицилли П. Рец.: «Приглашение на казнь». Париж: Дом книги, 1938 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н.Г.Мельникова. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. - 688 с. С.141 – 144.
7. Бойд Б. Набоков. Русские годы. Биография. - СПб.: Симпозиум, 2010. 720с.
8. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце // О русских романах Владимира Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://coollib.com/b/240152/read - Дата доступа: 19.12.2015.
9. Гессе Г. Степной волк. СПб.: Азбука-классика, 2004. - 280 с.
10. Делез Ж. Платон и симулякр // Ж. Делез. Логика смысла (вторая половина). М.: Издательство Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с. С.329–347.
11. Достоевский Ф. Двойник // Ф. Достоевский. Собр. соч. В 15 т. Т.1. - Л.: Наука, 1988. - 462 с.
12. Зверев А. Набоков. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2004. 464 с.
13. Ильин И. Весь мир – театр // Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. Москва: Интрада. -1998.-255с.
14. Медарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия // М.Медарич / В. В. Набоков: PRO ET CONTRA. - СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. 960 с. С.448-468.
15. Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл // В.Набоков. Лекции по зарубежной литературе. - М.: Издательство Независимая газета, 1998. - 512 с. С.465 – 476.
16. Набоков В. Приглашение на казнь // В.Набоков. Собр. соч. В 4 т. Т.4. - М.: Правда, 1990. - 479 с.

17.Набоков В. // Лекции о драме. М.: Азбука-классика, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/nabokov_vladimir/lektsii_o_drame.html - Дата доступа: 19.12.2015.

18. Набоков В. Предисловие к английскому переводу романа «Приглашение на казнь» («Invitation to a Beheading») // В. В. Набоков: PRO ET CONTRA. - СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. 960 с. С.40 – 42.

19.Набоков В. Федор Достоевский // В.Набоков. Лекции по русской литературе. - М.: Издательство Независимая газета, 1999. 440 с. С.170 – 215.

20.Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. - М.: Прогресс-Традиция, 1997. - 416 с.

21.Ходасевич В. Рец.: «Современные записки», книга 60 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н.Г.Мельникова. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. - 688 с. С.138 – 140.

22. Ходасевич В. О Сирине // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н.Г.Мельникова. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. - 688 с. С.219 – 224.

Об авторе

Стрельникова Л.Ю. – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной филологии Армавирского лингвистического социального института, соискатель ученой степени доктора филологических наук кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета, *lorastrelnikova@yandex.ru*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.134.3'367

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ФЕРНАНА ДЕ ОЛИВЕЙРЫ

С.В. Архипов

Предметом данной статьи является рассмотрение лингвистической терминологии Фернана де Оливейры, используемой им в первой португальской грамматике (1536). Автор использует первое издание этого сочинения, а также опирается на исследования отечественных романистов. В статье предпринимается попытка выявить принципы обозначения явлений на разных уровнях языковой системы.

Ключевые слова: *Ф. де Оливейра, грамматика португальского языка, лингвистическая терминология*

В истории становления романских литературных языков особое место занимает период становления романоязычной грамматической, грамматикографической традиции. В самом начале этого пути лингвистические вопросы не становились темами отдельных сочинений. Они обсуждались на страницах поэтических трактатов, как это было в Провансе и Каталонии в XIII – XV вв. [см.: Гринина 1986]. В конце XV в. появляются первые грамматические сочинения, в которых романский язык описывался на этом же языке, но с опорой на античную грамматическую модель: 1492 г. – «Грамматика кастильского языка» Антонио де Небрихи (Grammatica castellana), ок. 1495 г. – «Правила флорентинского языка» (Regole della lingua fiorentina) [Косарик 2013, 155].

Двойственность такой ситуации З.В. Гуковская объясняла тем, что «диалектика борьбы вульгарного языка, становящегося национальным языком, с латынью состояла в том, что, вытесняя латинский язык из сфер его применения, уничтожая его как активную историческую силу, молодой национальный язык обрабатывался и осмыслялся с помощью этого же латинского языка, латинской грамматики и риторики» [Гуковская 1940, 6].

По такому же принципу зарождалась и развивалась португальская лингвистическая мысль. В 1536 г. вышла в свет первая грамматика португальского языка (автор – Ф. де Оливейра), а в 1540 г. – вторая грамматика, которую написал Ж. де Барруш. Однако в Португалии этот процесс протекал иначе, чем в других странах Романии. Но это обнаруживается не во всей португальской лингвистической традиции, а только в уже названной грамматике Фернана де Оливейры. Оригинальность труда этого грамматиста состоит в том, что он, как и другие авторы грамматик, решал задачу описания родного языка, но решал её, используя, в первую очередь, средства этого же языка.

В этой связи М. А. Косарик справедливо замечает, что «грамматика Оливейры, возможно, первое описание романского языка, автор которого сознательно ориентируется не на латинскую грамматическую схему, а на узус родного языка. Это позволило Оливейре дать адекватное описание португальского языка, не навязывая чуждых ему явлений и категорий. Примечательно, что правомерность такого подхода к описанию языка, которому следует автор XVI в., приходилось отстаивать ещё в XX в.» [Косарик 1991, 42].

Стремление к проявлению самобытного языкового мышления проявилось у португальского теоретика языка уже на уровне терминологической системы. Разумеется, она ещё далека от завершённости и полноты, равно как и лингвистическая доктрина Оливейры. Но это не лишает её оригинальности и ценности как предмета научного исследования. Она включает в себя термины фонетики, словообразования, морфологии. Синтаксису португальского языка и его терминологии автор рассчитывал посвятить отдельный труд [Oliueyra 1536, Grammatica da lingoagem portugueſa, Prologo]. Однако этот замысел не был осуществлён.

Итак, обратимся к анализу предложенной Ф. де Оливейрой системы обозначения языковых явлений.

Колебания в выборе терминов отмечаются уже в самом начале этого текста. Свой труд Оливейра называет и «Grammatica», и «premeira anotação da lingua Portugueſa» (первая заметка о португальском языке). В данном случае не стоит видеть принципиальной терминологического различия. Во-первых, это сопоставление встречается только один раз. Во-вторых, грамматик осознавал, что его труд неполон, о чём говорилось выше. В-третьих, этот опус действительно является первым грамматическим описанием данного языка Пиренейского полуострова.

Употребление терминов «lingua» и «linguagem» – это пример того, как автор пытается провести терминологическое разграничение между существенно различными понятиями. Проведённый контент-анализ показывает, что «lingua» применяется в следующих случаях: 1) когда говорится об изучении языка / языков; 2) язык как некоторое единство; 3) как орган речи: в этом случае он сопровождается определением corporal (телесный). Термин же «linguagem» имеет значения языка вообще или языка конкретного (отсюда название работы: «Grammatica da lingoagem portugueſa» – «Грамматика португальского языка»), и языка как речи, речевой деятельности. Второе значение явно превалирует.

Различение этих терминов имеет также и историко-лингвистическую основу. Как пишет М. А. Косарик: «Название língua, linguagem различались и в предшествующей традиции: «língua» применялось по отношению к языку грамматическому, до Небрихи – к латыни; «linguagem» обозначало «народный», «вульгарный», т. е. «неграмматический» язык. Такое различие дало в дальнейшем возможность переосмысления этих обозначений и появления у língua значение «язык как система универсальный категорий, универсальный язык», а у linguagem – значения «реализация универсального языка», которая рассматривалась в двух аспектах: как конкретный язык, описываемый нормативной, частной, грамматикой, и как реализация конкретного языка в разных формах существования языка, а также в отдельных речевых актах» [Косарик 1991, 21].

Описание португальского языка у Оливейры начинается традиционно с характеристики звукового строя. Звук он обозначает как letra, voʒ, ſom [Ibid. Prim. c., c. ſeyſto, Seytimo, nono, viii, deçimo, vndeçimo, xij, treʒe, quatorʒe, xv, xvj, xvij, xviij, xix, xx, xxj, xxij, xxiiij, xxvj, xxvij, xxix, xxx, xxxj, xxxiiij, xxxv, xxxvij, xliiij, xlv, xlvij]. Однако между этими терминами автор не проводит чёткой границы. Letra определяется им то как рисунок звука, то, собственно, как сам звук. Например, когда он пишет о графическом знаке звука, то термин letra соотноситтся с грецизмом *caracter*, латинскими *nota, elemento* и *sinal* [Ibid. C. ſeyſto]; а когда речь идёт о вокализме, то гласные звуки называются letras vogaes (гласные звуки) [Ibid. C. viii]. Важно заметить, что употребление этих терминов в целом совпадает у Оливейры с употреблением у античных авторов. Что касается понятий фонетики, то здесь применяются португальские слова латинского происхождения *vogal* – гласный, *consoante* – согласный. Также португализмами являются понятия артикуляции: *força* – экспираторное усилие (выдох), *eſpirito* – поток воздуха.

В плане графики с *letra* конкурирует *figura.* Например, когда в грамматике говорится о том, что в португальском языке для восьми гласных звуков имеются только пять букв, то здесь применяется слово *figuras* [Ibid. C. viii]. Слово *ſinal* в подавляющем числе случаев является частью словосочетаний *ſinal de aſpiração* (буква h) и *ſinal das abreuiações* (знак тильды ˜) [Ibid. C. quatorʒe] и по сути служит терминологическим обозначениям для линейного диакритика в первом случае и для надстрочного – во втором. Само название графической фиксации представлено двумя вариантами: *eſcritura – ortografia*, хотя последний вариант употребляется только один раз [Ibid. C. nono]. Употребляемые Оливейрой названия буквы h (aha) [Ibid. C. quatorʒe] и буквы x (cis) [Ibid. C. treʒe] закрепилось в португальской языковой традиции до настоящего времени. Интересно заметить, что в первой португальской грамматике отсутствует термин «алфавит». Для его называния Оливейра использует первые три буквы алфавита: a, b, c [Ibid. C. quatorʒe].

Термин *voʒ* в грамматике также имеет амбивалентное значение: под ним в грамматике имеются в виду звуки и слова [Косарик 2013а, 42-43, 61-62]. К примеру, о термине *voʒ* именно как о звуке Оливейра пишет следующее: «букв (letras) столько, сколько звуков (voʒes)» [Ibid. C. ſeyſto]. О том, что voʒ может означать слово, свидетельствует следующее утверждение: «наши слова (voʒes) всегда оканчиваются на звук (voʒ) совершенный и не имеющий препятствий» [Ibid. C. xx]. «Не имеющий препятствий» в понимании грамматиста – это не что иное, как гласный звук.

Важнейший для португальского вокализма – признак открытости / закрытости. Примечательно, что, хотя в данном аспекте грамматист основывается на греческой традиции (о чём он прямо говорит), открытые и закрытые звуки он называет португальскими словами (grandes e pequenos), однако такие звуки предлагает на письме обозначать греческими буквами.

Античные корни имеют также названия групп согласных «немые» (mudas), «плавные» (liquidas), «полугласные» (ſemivogaes). «Плавные» объясняются как «мягкие или уменьшенной силой» (brandas ou diminuidas de ſua força) [Ibid. C. xv], а «полугласные» как «почти гласные» (quaſi vogaes) [Ibid. C. nono]. Также среди согласных звуков выделяются звуки с «придыханием» ch, lh, nh, которые получили соответственно названия *chê, lhê, nhê* [Ibid. C. xvj]. В данном случае видно стремление грамматика назвать на португальский лад различные согласные звуки.

Такую же ситуацию мы наблюдаем в применении термина *ſom*. В одном контексте он значит «звук речи» (ſom da lingoagem) [Ibid. Prim. c.]. В этом смысле ſom близок понятию мелодики речи: «рассмотрим звучание (melodia) нашего языка» [Ibid. C. ſeyſto]. При определении места ударения в португальских словах, автор поясняет термин «ударение» (acçẽto) как «главный звук» (ſom prinçipal) [Ibid. C. xxix]. Но, несмотря на разные значения, термин *ſom* в большинстве случаев используется автором для описания звучания речи. В этом отношении значение этого слова в грамматическом дискурсе Оливейры более стабильно по сравнению с *letras e voʒes.*

Оливейра был не единственным автором который не достаточно чётко, последовательно проводил грань между проанализированными терминами. Это было характерно для всей лингвистической традиции его времени. Как справедливо пишет Е. А. Гринина: «Смешение двух основных фонетических понятий – звука и буквы – характерная особенность грамматических сочинений средневековых авторов. И это смешение не случайно, так как звук и буква выполняют одну и ту же дистинктивную функцию, т. е. служат для различения звуковой или буквенной оболочки слов» Гринина 1986, 79]. Но нельзя сказать, что у Оливейры наблюдается хаос в словоупотреблении. Если более внимательно посмотреть на контексты, то можно увидеть некоторую закономерность: термин *letras* указывает на графическое оформление слова, в то время как *voʒ* применяется тогда, когда речь идёт о звуке или слове в его звуковой оболочке.

При определении и описании слога мы не наблюдаем терминологического плюрализма, как это было показано выше, хотя Оливейра и толкует термин «слог» (ſyllaba) как «соединение звуков» (ajuntamento das letras). Система распределения ударения на последних от конца слова трёх слогах именуется словами *ultima* (последний слог), *penultima* (предпоследний слог), *antepenultima* (третий от конца) и поясняется соответствующими португальскими словами *derradeira, quaſe derradeira, antes dessa quaſe derradeira* [Ibid. C. xxvij]. Эта система сходна с греческим системой оксютонов, параксютонов и пропараксютонов.

Аналогичная ситуация и с терминами «дифтонг» и «ударение»: «дифтонг» глоссируется словосочетанием «двойной звук» (dobrado ſõ), но везде употребляется «дифтонг» (ditongo) [Ibid. C. xix]; «ударение» также только поясняется словосочетаниями «основной звук» или «тон слова» (principal voʒ ou tom da dição) [Ibid. C. xxviij].

Описывая слово как следующий уровень языка, грамматист вновь применяет различные термины. Слово у него и *dição* (слово; выражение; произношение), и *vocabulo* (слово, вокабула), и *palavra* (слово; изречение; группа слов, фраз, речь, манера говорить). Как и в случае с характеристикой звука / буквы, он стремится не сколько разграничить, сколько показать разные проявления, свойства этой языковой единицы, что подтверждается также и исследованием лингвистической доктрины Оливейры [Косарик 1991, 118].

При описании слов, основывающемся на разных признаках, Оливейра наряду с собственно португальским обозначением приводит и латинские соответствия. В частности, так называемые простые слова он называет *apartadas* (отдельные), но замечает, что в латинской традиции они именуются *ſimpreȝes ou ſingelas* (простые или одиночные) [Ibid. xxxiiij]. По такому же принципу соотносится термин «dições juntas» (соединённые слова) с термином «dições cõpoſtas» [Ibid. C. xxxv], «dições tiradas» (выведенные слова) – «dições diriuadas» (производные слова), «dições primeiras» – «dições primitiuas», «dições mudadas» – «dições traſladadas» [Ibid. C. xxxix].

Объясняя свой вариант названия для того или иного вида слова, Оливейра наряду с проблемой терминологии разрабатывает и проблему номинации. Так об определении исконных слов португальского языка он пишет следующее: «Наши слова – это те, которые родились среди нас» [Ibid. C. xxxj] (подчёркивание моё – С. А.). Терминологическое разнообразие для характеристики разных видов слов проистекает, по мнению, М. А. Косарик из следующего обстоятельства: «У Оливейры намечается также стремление различить логико-лингвистический и формально-грамматический аспекты слова. Об этом свидетельствуют различные принципы выделения грамматических классов слов португальского автора» [Косарик 1991, 118].

В грамматике Оливейры мы впервые в португальской традиции встречаем номенклатуры для глагольных форм и наклонений, употребимых и поныне: Preſente, Futuro, Preterito do Indicatiuo, Preſente do Subjuntiuo [Ibid. C. xxix]; Indicatiuo, Imperatiuo [Ibid. C. xxxiiij]. Аналогию в одном случае грамматист поясняет португальским словом *proporção* [Ibid. C. xxix], а в другом – ſemelhança. Для аномалии нашлось только одно слово: *diferença* [Ibid. C. xlj]. Хотя Оливейра и различает в категории склонения (declinação) два подкласса, произвольное (declinação voluntaria) и естественное склонения (declinação natural), сама эта категория включает в себя как словообразование, так и словоизменение [Косарик 1991, 118]. Категории, по которым изменяются слова (в терминологии грамматиста склоняются) имеют также португальские слова: generos (роды) и numeros (числа) [Ibid. xliiij]. Категория рода имени у португальского автора четырёхграммемная. Наряду с формами мужского и женского рода выделяется форма неопределённого рода (genero indeterminado) для *aquilo, iſto, iſſo*, но при этом Оливейра отказывается от термина латинской традиции neutro [Ibid.]. И четвёртая граммема – это общий род (genero comum) для форм сравнительной степени *maior, melhor, menor, pior* [Ibid.].

Название служебной части речи артикля (artigo) – это тот нечастый случай, когда языковой термин изначально установился в португальской форме и не знал колебаний, однако эта категория не классифицируется Оливейрой на подкатегории «определённый артикль» и «неопределённый артикль».

Обосновывая на примере артиклей наличия падежей, грамматист предлагает параллельные латинским португальские наименования. Первый падеж согласно Оливейре – это *nominatiuo* (порт. prepoſitiuo); второй – *genitiuo* (порт. genitiuo или poſſeſſiuo), третий – *datiuo* (порт. datiuo), четвёртый – *accuſatiuo* (порт. poſpoſitiuo).

Итак, в данной статье мы предприняли попытку представить в общих чертах и охарактеризовать терминологическую систему лингвистической концепции первого португальского грамматиста Фернана де Оливейры. Как было показано, эта система является неполной и отличается заметной вариативностью. Степень этой вариативности напрямую зависит от сложности, структуры того или иного языкового явления. Несмотря на незавершённость и неточность, эта система даёт неплохое представление о лингвистическом мышлении португальского автора XVI в. в его разработке вопросов как частного (португальского) языка, так и сюжетов общелингвистического значения.

Annotation: the subject of this article is investigation of linguistic terminology by Fernão de Oliveira applied in the first Portuguese grammar (1536). The author utilizes the first edtition of this work and is guided by researches of Russian linguists-Romanists. The principles phenomena on various levels of Language system are investigated.
Keywords: *F. de Oliveira, grammar of the Portuguese language, linguistic terminology*

Список литературы

1. Гринина Е.А. Грамматические и риторические понятия в средневековых трактатах Прованса и Каталонии. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 216 с.
2. Гуковская З. В. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения (Теория языка у Плеяды). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1940. – 127 с.
3. Косарик М. А. Ранние португальские грамматики и трактаты о языке (к истории лингвистических учений). Дисс. … канд. филол. наук. – М., 1991. – 257 с.
4. Косарик М. А. Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. – М., МАКС Пресс, 2013. – 208 с.
5. Косарик М. А. Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии. Т. I. Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи. М.: МАКС Пресс, 2013а. – 228 с.
6. Grammatica da lingoagem portugueſa / [Fernão Doliveira]. - Em Lixboa : e[m] caſa d'Germão Galharde, 27 Ianeyro 1536. - [38] f. // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии: http://purl.pt/120

Об авторе

Архипов С.В. – аспирант кафедры романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *lusofon@mail.ru*

УДК 378.02:37.016

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА: СУЩНОСТЬ И КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ

О.С. Бобрикова, В.И. Иванова

В статье приведен анализ подходов к определению социолингвистической компетенции в научных работах зарубежных и отечественных исследователей и определена ее сущность. Выделен компонентный состав социолингвистической компетенции переводчика, отражающий ее мотивационную, рефлексивную и аксиологическую составляющие.
Ключевые слова: *социолингвистическая компетенция, языковая картина мира, языковая вариативность, коммуникативная ситуация, социально маркированные средства общения, аксиологический компонент, рефлексия, мотивация.*

Язык как один из основных инструментов человеческого общения по своей сути является социальным феноменом. Его функционирование обусловлено такими социальными факторами, как культурные нормы, традиции, ценности того или иного общества. Кроме того, внутри самого социума существуют различия между носителями языка: их возраст, социальный статус, уровень культуры и образования, регион проживания, а также различия в речевом поведении в зависимости от ситуации и участников общения. Социальность языка определяет языковые изменения, усваиваемые обществом и проявляемые в речи.

Человеку, изучающему иностранный язык для успешного осуществления межкультурной коммуникации, необходимо, помимо языковых знаний, научиться учитывать влияние социальных факторов на речевое поведение коммуникантов. Речь идет о социолингвистических знаниях, позволяющих успешно интегрироваться в социум страны изучаемого языка. Переводчику же, как профессионалу, являющемуся языковым посредником, в каждой конкретной коммуникативной ситуации необходимо учитывать культурные и социальные особенности партнеров по коммуникации.

Для рассмотрения проблемы формирования социолингвистической компетенции будущих переводчиков целесообразно уточнить сущность понятия «социолингвистическая компетенция» и его компонентный состав.

Наиболее полно раскрыть сущность социолингвистической компетенции позволяет анализ существующих дефиниций данной компетенции в работах отечественных и зарубежных исследователей.

Ниже, в таблице 1, мы приводим толкование рассматриваемой нами компетенции в научных работах ряда зарубежных и отечественных исследователей и в нормативных документах, определяющих содержание обучения иностранному языку.

Таблица 1

Определение понятия социолингвистической компетенции

Автор	**Социолингвистическая компетенция**
Отечественные исследователи	
А.Д. Швейцер (1988)	умение различать и использовать в речи виды вариативности в языке, связанные с неоднородностью и многогранностью общественной жизни, существованием социальных, профессиональных и многих других различий между людьми в рамках одной и той же культуры [21]
Е.В. Тихомирова (1995)	«проявляется в умении взаимодействовать с собеседником, что предполагает: • знание стилистических и конвенциональных условностей речевого общения и умение пользоваться вербальными средствами для установления контакта; • владение определенным набором социальных и ситуативных ролей и выбор вербального поведения в соответствии с принятой ролью и ситуацией общения; • умение организовать речевое взаимодействие в соответствии со своим коммуникативным намерением, то есть таким образом, чтобы оказать воздействие на собеседника и получить желаемый результат; умение воспринимать услышанное в соответствии с коммуникативным намерением партнера по общению» [18, с. 130-131]
Ю.А. Синица (2000)	«владение набором языковых средств и способность осуществить их выбор в зависимости от основных аспектов контекста, в котором протекает общение, от общепринятых, соответствующих традициям определенного социума правил использования языка, а также от конкретной ситуации общения, а именно – от таких ее элементов, как коммуникативные цели, коммуникативные намерения, основные характеристики коммуникантов (их статусные и ситуационные роли), тема и обстановка (место)» [16, с. 39-40]
А.А. Миролюбов (2001)	«умение пользоваться реалиями, особыми оборотами речи, специфическими правилами речевого общения, характерными для страны изучаемого языка, т.е. тем своеобразием в языке, которое свидетельствует о влиянии обычаев, культуры» [цит. по 12, с. 31]
Е.Н. Соловова (2003)	«способность осуществлять выбор языковых форм, использовать их и преобразовывать в соответствии с контекстом» [17, с. 7]
Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез (2005)	знания, навыки и умения, позволяющие осуществлять речевое и неречевое поведение с носителями изучаемого языка в соответствии с национально-культурными особенностями чужого лингвосоциума [5]

О.Е. Ломакина (2006)	«совокупность знаний, умений, навыков, необходимых для использования и преобразования языковых форм в зависимости от ситуации общения, которая обусловлена задачей, темой, местом общения, социальными и коммуникативными ролями общающихся» [11, с. 478]
Ю.В. Манухина (2006)	«совокупность определенных знаний, умений и навыков, позволяющих осуществить межкультурную коммуникацию в зависимости от контекста, в котором она реализуется, от традиционных правил употребления языковых единиц и невербальных компонентов общения, принятых в данном социуме, от конкретной ситуации общения (сфера деятельности, обстановка (место) общения, тема общения, коммуникативные цели и намерения коммуникантов, их коммуникативные, социальные и психологические роли)» [12, с. 32-33]
И.А. Исенко (2007)	«владение набором языковых и неязыковых (невербальных) средств общения, а также способность выбирать и использовать их в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией и социокультурными нормами» [8, с. 54]
М.Ф. Овчинникова (2008)	«способность языковой личности организовывать свое речевое поведение адекватно ситуациям общения с учетом коммуникативной цели, намерения, социальных статусов, ролей коммуникантов и обстановки общения в соответствии с социолингвистической нормой и установками конкретного национально-лингво-культурного сообщества» [15, с. 10]
Е.С. Нечаева (2010)	«изучение лингвистического поведения, которое, как и любая другая категория социального поведения, регулируется определенными правилами» [13, с. 37]
Т.И. Густомясова (2010)	«способность коммуникантов модифицировать языковые формы в соответствии с особенностями ситуации общения в отличном от собственного лингвосоциуме, владение вариативностью языка в процессе коммуникативной деятельности с представителями иной лингвокультуры, знание фоновых лингвострановедческих реалий» [6, с. 24]
В.Н. Комиссаров (2011)	приобретении фоновых социально-культурных знаний, включающих все особенности исторических, социальных и психологических явлений, характерных для данного этноса, его традиции, ценности, взгляды, институты, поведение, быт, условия жизни, и влияющих на осуществление межкультурной вербальной и невербальной коммуникации [9]
Зарубежные исследователи	
M. Canale, M. Swain (1980)	знание социокультурных норм использования языка и правил дискурса [23]
S.J. Savignon (1983)	«социальные правила использования языка: понимание ролей участников общения, информации, которой они обмениваются, и функций их взаимодействия» [цит. по 16, с. 36]
J.A. Van Ek (1986)	понимание, осознание ситуаций, в которых выбор языковых форм зависит от места общения, взаимоотношений между коммуникантами, коммуникативным намерением собеседников [25]
Roger T. Bell (1991)	способность строить свое речевой высказывание в заданной коммуникативной ситуации, соответственно определенной сфере общения, цели, статусам коммуникантов [22]
J. Holmes (1992)	знание социолингвистических правил речевой коммуникации, которые характерны для данного общества, т.е. в полной мере способствуют осознанию влияния, которое оказывают социальные факторы на речевое поведение коммуникантов [24]
Нормативные документы	
Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка	• «отражает социокультурные условия использования языка» [14, с. 12] • «знания и умения необходимые для эффективного использования языка в социальном контексте» [14, с. 118] • предполагает владение лингвистическими маркерами социальных отношений (такими как выбор и использование формул приветствия, общения, условности при ведении диалога, выбор и использование восклицаний), правилами вежливости, выражениями народной мудрости (пословицами идиомами, крылатыми выражениями, поверьями, приметами, выражениями отношения и оценки), регистрами общения, диалектами и акцентами [14, с. 118-120]
ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата)	Знания и умения, владение которыми предполагает социолингвистическая компетенция, включены в перечень общепрофессиональных (ОПК) и профессиональных (ПК) компетенций. Знания • этических и нравственных норм поведения, принятых в инокультурном социуме, моделей социальных ситуаций; • основных дискурсивных способов реализации коммуникативных целей высказывания применительно к особенностям текущего коммуникативного контекста (время, место, цели и условия взаимодействия); • основных особенностей официального, нейтрального и неофициального регистров общения. Умения • распознавать лингвистические маркеры социальных отношений и адекватно использовать этикетные формулы в устной и письменной коммуникации (приветствие, прощание, поздравление, извинение, просьба); • моделировать возможные ситуации общения между представителями различных культур и социумов; • преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения.

Обобщая представленные точки зрения на сущность социолингвистической компетенции, мы приходим к выводу, что данная компетенция включает в себя ряд составляющих.

Первая составляющая социолингвистической компетенции – фоновые знания или знание языковой картины мира (стилистические и конвенциональные условности речевого общения (Е.В. Тихомирова), общепринятые, соответствующие традициям определенного социума правила использования языка (Ю.А. Синица), социокультурные нормы (M. Canale, M. Swain, И.А. Исенко), фоновые лингвострановедческие реалии (Т.И. Густомясова), фоновые социально-культурные знания (В.Н. Комиссаров), установки национально-лингво-культурного сообщества (М.Ф. Овчинникова), своеобразие в языке, которое свидетельствует о влиянии обычаев, культуры (А.А. Миролюбов), национально-культурные особенности лингвосоциума (Н.Д. Гальскова), этические и нравственные нормы поведения, принятые в инокультурном социуме, преодоление влияния стереотипов (ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата))).

Фоновыми принято считать знания, «характерные для говорящих на данном языке, обеспечивающие речевое общение, в процессе которого эти знания проявляются в виде смысловых ассоциаций и коннотаций, соблюдения норм речевого поведения носителей языка» [1, с. 340]. К ним относятся знания о предметах и явлениях национальной культуры (реалии) и знания об общепринятых в стране изучаемого языка нормах поведения (этикет), на основе которых формируется социолингвистическая компетенция.

Следующая составляющая социолингвистической компетенции, согласно проанализированным выше источникам, – знание компонентов коммуникативной ситуации и умение организовать свое речевое поведение в соответствии с ними (социальный контекст (Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка), ситуация общения и ее элементы (Ю.А. Синица, Т.И. Густомясова, М.Ф. Овчинникова, О.Е. Ломакина, Ю.В. Манухина), коммуникативная ситуация (И.А. Исенко), правила лингвитсического поведения (Е.С. Нечаева), социальные правила использования языка (S.J. Savignon), место общения, коммуникативное намерение, социальные и ситуативные роли (J.A. Van Ek, Е.В. Тихомирова), социальные факторы и правила речевой коммуникации (J. Holmes), правила дискурса (M. Canale, M. Swain, ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата)), моделирование ситуаций общения между представителями различных культур и социумов (ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата))).

Знание компонентов коммуникативной ситуации (социальные роли и статус участников, определяющие их взаимоотношения; регистр общения; коммуникативное намерение; способ общения; средства общения; нормы взаимодействия), существующих между ними связей, является, на наш взгляд, неотъемлемым элементом в формировании умения у будущих переводчиков организовать свое речевое поведение в пределах заданной коммуникативной ситуации в частности и в формировании их социолингвистической компетенции в целом.

Еще одна составляющая социолингвистической компетенции, согласно проанализированным выше источникам, – владение вариативностью языка (умение различать и использовать в речи виды вариативности в языке (А.Д. Швейцер), владение набором социальных и ситуативных ролей и выбор вербального поведения в соответствии с ними (Е.В. Тихомирова), владение набором языковых и неязыковых средств (Ю.А. Синица, И.А. Исенко), выбор / модификация языковых форм (J.A. Van Ek, Е.Н. Соловова, Т.И. Густомясова), организация речевого поведения (М.Ф. Овчинникова), выбор вербального поведения (Е.В. Тихомирова), лингвистические маркеры социальных отношений, выражения народной мудрости, регистры общения, диалекты и акценты (Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка; ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата))).

Согласно В.И. Беликову, Л.П. Крысину, вариативность, трактующаяся как несоответствия во внешнем виде, в форме языковых знаков, имеющих один и тот же смысл, проявляется на всех уровнях речевой коммуникации – от владения средствами разных языков до осознания говорящим допустимости разных фонетических или акцентных вариантов, принадлежащих одному языку [3].

А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский выделяют два вида социальной вариативности языка и речи: стратификационную и ситуативную. Стратификационная вариативность находит свое выражение в языковых и речевых различиях, которые обнаруживаются между представителями различных социальных слоев и групп. Ситуативная вариативность проявляется в смене языка, в чередовании диалектов или регистров в зависимости от коммуникативной ситуации [20].

Из вышеприведенных в таблице 1 точек зрения отечественных и зарубежных исследователей на сущность социолингвистической компетенции также следует, что ключевым моментом в определении данной компетенции является обусловленность языковой вариативности или выбора языковых форм социальным контекстом и социальной принадлежностью участников коммуникации (выбор языковых форм / средств в соответствии с контекстом, ситуацией общения / коммуникативной ситуацией (Е.Н. Соловова, Ю.А. Синица, И.А. Исенко, Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка), организация речевого поведения адекватно ситуациям общения, с учетом коммуникативной цели, намерения, социальных статусов, ролей коммуникантов и обстановки общения (М.Ф. Овчинникова, Е.В. Тихомирова, О.Е. Ломакина, Ю.В. Манухина, J.A. Van Ek).

То есть, на процесс выбора варианта языка для построения социально корректного высказывания влияют такие факторы, как ролевые отношения и статус коммуникантов, их ориентация на определенные социальные

ценности и нормы, а также и другие компоненты коммуникативной ситуации. Следовательно, социолингвистическая компетенция включает способность распознавать языковые особенности человека с точки зрения его социальной принадлежности, места проживания, происхождения, этнической принадлежности и рода занятий, которые отмечаются на уровне грамматики, лексики, фонетики, паралингвистики и способность организовывать свое речевое поведение в соответствии с социальной вариативностью.

Таким образом, обобщение точек зрения отечественных и зарубежных ученых на сущность социолингвистической компетенции показывает, что владение данной компетенцией предполагает знание языковой картины мира, знание компонентов коммуникативной ситуации и умение организовать свое речевое поведение в соответствии с ними, а также владение вариативностью языка.

В последнее время в Российской высшей школе понятие «компетенция» становится результативной характеристикой учебно-воспитательного процесса согласно новой образовательной парадигме. Профессиональная подготовка переводчика сегодня также базируется на компетентностном подходе.

Согласно мнению ряда исследователей (В.И. Байденко, А.А. Вербицкий, И.А. Зимняя, В.С. Леднев, Н.Д. Никандров, М.В. Рыжаков, А.В. Хуторской и др.), занимающихся проблемой компетентностного подхода в системе образования, компетенция понимается как явление, состоящее из некоторого числа компонентов, проявляющееся в стремлении и способности личности реализовать свой потенциал (знания, умения, личные качества) в профессиональной деятельности с высокой степенью саморегулирования, рефлексии, самооценки [2; 4; 7; 10; 19].

Опираясь на приведенные в нормативных документах и в работах отечественных и зарубежных исследователей дефиниции и характеристики социолингвистической компетенции, а также на собственный опыт педагога и переводчика, мы считаем целесообразным отразить в толковании компетенции, помимо наличия представления о языковой картине мира, владения вариативностью языка и умения организовать речевое поведение в соответствии с компонентами коммуникативной ситуации, ее мотивационную, рефлексивную и аксиологическую составляющие и выделить в составе социолингвистической компетенции переводчика пять компонентов. Такими компонентам являются аксиологический, лингвострановедческий, языковой, ситуативно-поведенческий и оценочно-мотивационный. Разделение компонентов достаточно условно: они взаимосвязаны и в определенной мере дополняют друг друга.

Аксиологический компонент заключается в сформированности терпимости, уважения и эмпатии к культуре, традициям, к сложившейся системе ценностей и людям иноязычного общества.

Толерантность как личностное качество характеризует способность принятия и уважительного отношения к особенностям культуры иноязычного социума, что, в свою очередь, гарантирует выстраивание успешной коммуникации за счет умения выбирать вербальные и невербальные средства общения в зависимости от этнической, религиозной принадлежности собеседника, его мировоззрения, образа жизни, культурных ценностей.

Приобретение знаний и умений, характеризующих аксиологический компонент социолингвистической компетенции, формирует у будущих переводчиков способность и готовность моделировать возможные ситуации общения между представителями различных культур и социумов; преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в бытовой и профессиональной сферах общения.

Лингвострановедческий компонент включает в себя (1) фоновые знания, отражающие социокультурную реальность иноязычного общества, а именно знание реалий (географические названия, предметы быта, искусства и культуры, общественно-политической жизни, исторический портрет страны и т.д.); (2) умение дискурсивно использовать вышеперечисленные знания; находить и объяснять сходства и различия в истории, традициях, культурных ценностях, реалиях своей страны и страны изучаемого языка; а также (3) готовность личности к ведению диалога культур.

Приобретение знаний и умений, характеризующих лингвострановедческий компонент социолингвистической компетенции, формирует у будущих переводчиков способность и готовность эквивалентно и адекватно передавать содержание исходного текста средствами языка перевода с учетом межъязыковых и межкультурных различий, а именно, использовать информацию о местной специфике, стандартах поведения и системе ценностей, характеризующих культуры языков перевода и оригинала; передавать текст оригинала, учитывая цель перевода и особенности реципиента, вводя недостающую фоновую информацию.

Языковой компонент характеризуется (1) владением социально маркированными вербальными средствами общения, такими как территориальные диалекты и социолекты (профессиональный, сословный и возрастной жаргон, сленг), особые обороты речи (идиомы, коллокации, пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые фразы, оценочные высказывания) и пониманием их контекстуального значения; (2) владением речевым этикетом (формы обращения, приветствия и прощания и т.д.), принятым в стране изучаемого языка; а также (3) способностью соотносить языковые средства с определенным регистром и сферой общения, социальным статусом и проигрываемой ролью коммуникантов.

Приобретение знаний и умений, характеризующих языковой компонент социолингвистической компетенции, формирует у будущих переводчиков способность и готовность выбирать языковые средства в зависимости от ситуации общения, характеризующейся соответствующими регистрами, и ролей, в которых выступают участники коммуникации; свободно понимать на слух иноязычную речь во всех ее социальных и региональных вариантах; соотносить признаки территориальных и социальных диалектов обоих языков, участвующих в переводе.

Ситуативно-поведенческий компонент заключается в (1) владении социально маркированными невербальными средствами, такими как жесты, мимика, особенности фонации и понимании их контекстуального значения; (2) знании делового этикета и владении основными нормами поведения, принятыми в стране изучаемого языка; (3) умении построить свое поведение, исходя из коммуникативной цели, ситуации общения и социальной роли и статуса собеседника.

Приобретение знаний и умений, характеризующих ситуативно-поведенческий компонент социолингвистической компетенции, формирует у будущих переводчиков способность и готовность осуществлять коммуникативное посредничество, принимая во внимание социальный статус участников коммуникации, согласно нормам поведения, принятым в странах изучаемого языка, ориентируясь не только на речь коммуниканта, но и на его эмоциональное состояние, а также на знаки, передаваемые невербальными средствами.

Оценочно-мотивационный компонент характеризуется (1) способностью контролировать, анализировать и оценивать свое речевое поведение в аспекте определения уровня владения социолингвистической компетенцией; (2) умением анализировать учебную деятельность с точки зрения эффективности формирования социолингвистической компетенции, а также (3) развитием рефлексии и мотивации к самостоятельному повышению уровня сформированности компетенции.

Сформированность компонента предполагает стремление личности к саморазвитию, а также к рефлексии: умение анализировать и оценивать выстраивание своего речевого поведения в заданной ситуации общения для успешной межкультурной коммуникации.

Приобретение знаний и умений, характеризующих оценочно-мотивационный компонент социолингвистической компетенции, формирует у будущих переводчиков способность и готовность к постоянному самообучению и саморазвитию, к объективной оценке собственных возможностей, а также, такие качества как внимательность, мотивированность.

Таким образом, мы рассматриваем социолингвистическую компетенцию переводчика как качество, состоящее из следующих компонентов: аксиологического, лингвострановедческого, языкового, ситуативно-поведенческого и оценочно-мотивационного.

The article gives an overview on sociolinguistic competence nature studied by foreign and domestic scholars. The component structure of translators' sociolinguistic competence is defined. The competence structure combines motivational, reflexive and axiological components.
Keywords: *sociolinguistic competence, background knowledge, linguistic diversification, communicative context, linguistic markers of social relations, axiological component, reflexion, motivation.*

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения : методическое пособие. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 72 с.
3. Беликов В.И, Крысин Л.П. Социолингвистика : учебник для вузов. М. : Изд-во Рос. Гос. Гуманит. ун-та, 2001. 439 с.
4. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. Серия : Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе : проблемы, задачи, перспективы» : материалы к четвертому заседанию методологического семинара. М., 2004. 84 с.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам : лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2005. 336 с.
6. Густомясова Т.И. Методика формирования социолингвистической компетенции студентов на материале E-mail-проектов : неязыковой вуз, английский язык : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Волгоград, 2010. 217 с.
7. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – №5. – С. 34–42.
8. Исенко И.А. Методика формирования социолингвистической компетенции в устном иноязычном общении студентов языковых факультетов педагогических вузов : на материале испанского языка : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2007. 337 с.
9. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М. : Р. Валент, 2011. 408 с.
10. Леднев В.С., Никандров Н.Д., Рыжаков М.В. Государственные образовательные стандарты в системе общего образования : теория и практика. М. : Изд-во МПСИ, 2002. 384 с.
11. Ломакина О.Е. Теоретическая модель понятия «иноязычная социолингвистическая компетенция» // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2006. – № 4. – С. 476–481.
12. Манухина Ю.В. Формирование социолингвистической компетенции в процессе овладения формулами речевого этикета : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2006. 268 с.
13. Нечаева Е.С. Методика формирования социолингвистической компетенции студентов языковых факультетов педагогических вузов на основе социофонетического компонента : на материале английского языка : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2010. 216 с.

14. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком : Изучение, обучение, оценка. М. : Изд-во МГЛУ, 2003. 256 с.

15. Овчинникова М.Ф. Методика формирования социолингвистической компетенции учащихся общеобразовательной школы : английский язык, филологический профиль : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Улан-Удэ, 2008. 24 с.

16. Синица Ю.А. Формирование социолингвистической компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению студентов неязыковых вузов : в контексте национальной культуры Франции : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2000. 337 с.

17. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам : базовый курс лекций : пособие для студентов педагогических вузов и учителей. М. : Просвещение, 2003. 239 с.

18. Тихомирова Е.В. Контроль владения диалогической формой устного официального общения : фр. яз., неязыковой вуз : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 1995. 258 с.

19. Хуторской А.В. Компетентностный подход в обучении : научно-методическое пособие. М. : Эйдос; Изд-во Ин-та образования человека, 2013. 73 с.

20. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику : учеб. пособие для ин-тов и фак. ин. яз. М. : Высшая школа, 1978. 216 с.

21. Швейцер А.Д. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.

22. Bell Roger T. Translation and Translating: theory and practice. Longman, 1991. 298 p.

23. Canale M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing // Applied Linguistics. – 1980. – 1. – P. 1–47.

24. Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. London : Longman,1992.

25. Van Ek J.A. Objectives for Foreign Language Learning. – Vol. 1 : Scope. Strasbourg : Council of Europe, 1986.

Об авторах

Бобрикова О.С. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Тульского государственного университета.

Иванова В.И. – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и перевода Тульского государственного университета.

УДК 81’371

СЕМАНТИКА ХРОНОТОПА В ЭССЕИСТИКЕ И.А. БРОДСКОГО

Е.А. Бурдина

В статье рассматриваются публицистические тексты И.А. Бродского. Анализируются лексические единицы, репрезентирующие хронотоп, а также триаду «время – пространство – движение». В ходе исследования определяются, анализируются и сопоставляются синкретичные по своей локально-темпоральной семантике лексемы, входящие в вербальный хронотопический комплекс в пределах контекста. Такой анализ позволяет выявить фрагмент картины мира И.А. Бродского.

Ключевые слова*: лексемы с семантикой времени; лексемы с семантикой пространства; семантика хронотопа; семантика триады «время – пространство – движение»; фрагмент картины мира.*

Эссеистика Иосифа Бродского, несомненно, представляет большой интерес, привлекая исследователей своей достоверностью, философичностью, эмоциональностью и афористичностью, а лингвистический анализ публицистических текстов поэта позволяет приблизиться к пониманию его картины мира. Важно отметить, что особое место в мировосприятии Бродского занимают категории времени и пространства, что не раз подчёркивал он сам: «На самом деле, литература не о жизни, да и сама жизнь – не о жизни, а о двух категориях, более или менее о двух: о пространстве и о времени» [1, с. 111].

Однако в его представлении они не равноценны: из этих двух категорий поэт всегда ставил на первое место время: «Пространство для меня действительно и меньше, и менее дорого, чем время. Не потому, однако, что оно меньше, а потому, что оно – вещь, тогда как время есть мысль о вещи. Между вещью и мыслью всегда предпочтительнее последнее. Я сочиняю исключительно про одну вещь: про время и про то, что делает время с человеком» [2, с. 166 – 167].

Впрочем, несмотря на разное отношение, Бродский нередко пишет обе лексемы с заглавной буквы, подчёркивая тем самым их особую семантическую нагрузку. Время агрессивно по отношению к человеку, однако имеет и положительную сторону: оно связано с движением вперёд в противоположность неподвижному Пространству. Но именно Время, заканчивающееся Вечностью, всегда пугало любого человека. Время находится выше всего мирского существования, и соотносится с бесконечным и необъятным – тем, что чаще всего не способен осмыслить человек. Человек покорил пространство, сделал его пересечение более быстрым и удобным, но преодолеть поток времени не в его силах, время неподвластно человеку.

В основе мировоззрения Бродского лежит отношение живой субстанции, и, в частности, человека к мирозданию. На этом уровне Бродский оперирует основными понятиями своей философии, которые выстраиваются в несколько стройных, тесно связанных между собой оппозиций: время – пространство, человек – время, человек – пространство, жизнь – небытие, человек – Бог, неверие – вера, время – творчество [3, с. 18].

Эссеистика Бродского носит автобиографический характер, однако воспоминания о реальных событиях, связанных с жизнью поэта, тесно переплетаются с его размышлениями о жизни вообще.

Каждый текст наполнен метафизическими размышлениями поэта, центральное место в которых занимают локально-темпоральные отношения. Так, Бродский отмечает: *Я всегда был приверженцем мнения, что Бог или, по крайней мере, Его дух есть* ***время*** («Набережная неисцелимых»). Показателен здесь орфографический облик слов *Бог* и *Его,* написанных с заглавной буквы, как это принято в Библейских текстах, а также синтаксическая модель «”это” есть “то”», традиционная для научного стиля. Такая дефиниция наделяет лексему *время* коннотацией сакральности, а наречием *всегда* поэт как бы подчёркивает глубину своих философских размышлений, их неоднократность и неслучайность. Приведённый контекст позволяет утверждать, что Бог и время для автора являются тождественными, это абсолютные синонимы.

В эссеистике Бродского можно отметить следующие случаи лексической репрезентации философских свойств времени.

1. Однонаправленность представлена ключевыми лексемами *былое, прошлое, грядущее*: *Помни, что* ***прошлому*** *не уложиться без остатка в памяти, что ему необходимо* ***будущее*** («Сан-Пьетро»). Такое употребление, однако, даёт более широкое представление о семантике «стрелы времени»: это не столько его перспектива или ретроспектива, сколько трансспектива – человек, находящийся в середине жизни, способен осмыслить то, что осталось позади, и попытаться заглянуть в будущее. Прошлое наполнено событиями, оно качественно, будущее же мыслится автором в количественных категориях: *Если мне есть чем гордиться в* ***прошлом****, то тем, что я стал заключённым, а не солдатом*; *Почему-то* ***прошлое*** *не дышит такой чудовищной монотонностью, как* ***будущее****.* ***Будущее****, в виду его обилия, – пропаганда;* ***Завтра*** *менее привлекательно, чем* ***вчера*** («Меньше единицы»). Как видим из контекста, лексема *будущее* приобретает негативную коннотацию, лексема же *прошлое* связано с позитивным оттенком: воспоминания о событиях прошлого по-своему дороги для поэта, неизбежное будущее видится Бродскому в избытке – оно, точно пропаганда, имеет своё безостановочное распространение, от которого невозможно скрыться (вспомним, что в советские времена все достижения народа и устремления гражданина социалистического общества были связаны прежде всего со «счастливым будущим»). Рано или поздно будущее наступит и будет богато на разнообразные события, какими же они окажутся – неизвестно.

Все три точки на шкале времени жизни (прошлое, настоящее, будущее) взаимосвязаны, а это влечёт за собой особое понимание следующего философского свойства времени.

2. Обратимость – необратимость. Необратимость времени касается его основных физических свойств, обратимость же реализуется в субъективном отношении к ним индивида. Отсюда как обратимость, так и необратимость могут обозначать все лексемы, которые входят в тематическую группу *время* (от мига до вечности): *миг, мгновение, секунда, минута, час* и т. Д: *Это всё дело молекул, и, похоже, счастье есть* ***миг****, когда сталкиваешься с элементами твоего собственного состава в свободном состоянии* («Набережная неисцелимых»). Интересно, что лексема «миг» реализует в приведённом контексте коннотативную сему «счастье», что является традиционным в русской и мировой литературе, однако, как видим, контекстное окружение, связанное с употреблением физических терминов, нейтрализует высокую эмоциональность высказывания. То, что счастье непродолжительно, как миг, едва уловимо и им нельзя никогда насладиться сполна, автор пока ещё ставит под сомнение (на это указывает употребление вводного слова *похоже*), однако он уверен в ощущениях: счастье приходит тогда, когда происходит встреча с чем-то близким тебе во всех отношениях – создаётся впечатление, будто сталкиваешься со своим двойником. Отметим, что для поэта абсолютное счастье имеет ассоциации с ощущением запаха мёрзнущих водорослей, который он считает родным, связанным с детством на берегах Балтики, где ему впервые довелось «познакомиться» с этим запахом и полюбить его.

3). Упорядоченность репрезентируется в ключевых лексемах, отражающих цикличность времени: *утро, день, вечер, ночь;* названиях дней недели и месяцев и др. Такие лексемы Бродский в большинстве случаев употребляет в прямом значении. Например: *В* ***понедельник*** *<…> все маялись с похмелья* («Меньше единицы»); *Другой результат и немыслим на фоне этой Пенелопы среди городов, ткущей свои узоры* ***днём*** *и распускающей* ***ночью****, без всякого Улисса на горизонте* («Набережная неисцелимых»). В последнем контексте очевиден интертекст, касающийся античной литературы, однако непосредственно темпоральные лексемы, входящие в состав этой развёрнутой метафоры, лишены какой бы то ни было потенциальной семы.

Нередко потенциальная сема может проявляться в структуре темпоральной лексемы под влиянием лексической сочетаемости: *Помню, я как-то провёл* ***январь*** *на 5 этаже в доме около церкви Фава* («Набережная неисцелимых») – сравним *провести вечер, провести ночь*. Особенности синтагматики в приведённом контексте влияют на формирование у лексемы *январь* семы «одномоментность», кроме того, возникший семантический оттенок, по нашему мнению, словно напоминает о «трёх единствах» классицизма, в приверженности которому не раз упоминал сам автор.

Интересным нам представляется употребление лексем, относящихся к периферии ЛСП «Время». Это

прежде всего лексика со значением «возраст»: *Эти категории –* ***детство, взрослость, зрелость*** *– представляются мне весьма странными, и если я пользуюсь ими иногда в разговоре, то про себя всё равно считаю заёмными* («Меньше единицы»). Бродский не видит в приведённых лексемах символики жизненной значимости – в его представлении личность не движется по этим возрастным «вехам», а «обрастает» жизненным опытом, словно некая сущность, живущая в раковине. «Стрела времени жизни» в данном случае теряет свою актуальность.

Другим случаем является использование лексем, касающихся графического изображения времени: *Всякий путешественник знает этот расклад: эту смесь усталости и тревоги. Когда разглядываешь* ***циферблаты*** *и* ***расписания****, когда изучаешь венозный мрамор под ногами, вдыхая карболку и тусклый запах…* («Набережная неисцелимых»). Выделенные в контексте лексемы сохраняют своё словарное значение, но приобретают ещё потенциальную сему «путешествия»: странствующий человек зависим от расписания рейсов, напряжённо смотрит на часы, в ожидании отправления или прибытия транспортного средства.

Если время в эссеистике Бродского наделено такими чертами, как бесконечность и повторяемость, – именно в такие рамки заключена жизнь человека, то основные характеристики пространства – это конечность, неподвижность, замкнутость, будь то описание ландшафта, комнаты или Империи. Бродский изображает пустоту бытового пространства, бесконечность пространства в какой-то степени признаётся поэтом только во Вселенной, «чистом» пространстве, а пространство зеркала или водной глади может послужить «переходом» из плоскости бытового пространства в плоскость «чистого»: *Атмосфера сумеречная и тревожная,* ***топография, осложнённая зеркалами****…* («Набережная неисцелимых»).

Такой экзистенциальный подтекст, семантическая нагрузка лексем, репрезентирующих пространство, в публицистическом творчестве Бродского также представляет большой интерес, поскольку можно с уверенностью утверждать, что разделение нами локально-темпоральных отношений на локальные и темпоральные носит довольно условный характер: эти философские категории находятся в контексте в тесной взаимосвязи, образуя хронотопическое единство.

Если учесть эту особенность публицистической прозы Бродского, локальные лексемы можно классифицировать следующим образом.

1. Наземное пространство.

В первую очередь необходимо отметить употребление топонимов: *Я, однако, предпочту называть его* ***Питером****, ибо помню время, когда он не выглядел* ***Ленинградом****, – сразу же после войны»* («Меньше единицы»). Как видим, приведённый контекст совмещает в себе локальные и темпоральные языковые единицы. К темпоральным лексемам относятся *время*, *сразу после,* к локальным – топонимы *Питер* и *Ленинград.* Такое употребление является контекстным выражением хронотопа, поскольку именно сопоставление автором географических названий выдвигает на первый план ассоциативную временную сему, касающуюся советской эпохи послевоенного периода. Таким образом, подтверждается мнение ученых о непосредственных связях в мышлении носителя языка: название – историческая память.

Особую нагрузку несут лексемы, выражающие пространство внутри помещений: *Большую часть времени они проводили на ногах: готовя, стирая, крутясь* ***по квартире между*** *коммунальной* ***кухней*** *и нашими* ***полутора комнатами****, возясь с какой-нибудь мелочью по хозяйству* («Полторы комнаты»). Бытовые локальные лексемы ограничивают жизненное пространство, а лексемы *на ногах, крутясь, возясь* репрезентируют семантику движения: возникает триада *время – пространство – движение*, что особенно ярко проявляется в приведённом контексте, поскольку этот фрагмент эссе заканчивается фразой *Вот так год назад сосед нашел сидящего на стуле в полутора комнатах моего отца мертвым.* Движение – жизнь, неподвижность – смерть, точка во времени и пространстве.

Нередко автор использует лексемы, характеризующие протяжённость пространства: *Эспрессо на дне твоей чашки – единственная, как ты понимаешь, чёрная* ***точка*** *на* ***мили вокруг*** («Набережная неисцелимых»). Лексема *точка* приобретает потенциальную сему «концентрация пространства», «сжатие», что противопоставляет её лексемам *миля* и *вокруг*, расширяющим пространство, в результате чего они вступают в контекстные антонимические отношения.

2. Водное пространство.

Оно характеризуется прежде всего через номинацию гидронимов: *В промежутке он эскортировал конвои в* ***Баренцевом море****, отстаивал и сдал Севастополь* ***на Чёрном****, примкнул – когда его корабль пошёл ко дну – к морской пехоте* («Полторы комнаты»). Приведённый контекст отражает разновекторную характеристику пространства. Горизонтальный вектор показан посредством употребления гидронимов *Баренцево море* и *Чёрное море*, демонстрирующих широту пространственных границ описываемых событий, вертикальный – через лексемы *пошёл, ко дну*.

Водное пространство нередко метафоризируется в зеркальное. Такое переосмысление является традиционным, однако у Бродского, помимо основной мотивационный черты, положенной в основу переосмысления, – внешнего сходства – такое скрытое сравнение наделяется философской потенциальной семой, повторяющей его мысль о «Зазеркалье», ведущем в иной, метафизический мир: *Медленное движение лодки сквозь* ***ночь*** *напоминало проход связной мысли сквозь бессознательное* («Набережная неисцелимых»). Как видим, лексема *ночь* отражает в своей семантической структуре упорядоченность времени, сохраняя в контексте своё словарное значение, но приобретая семы «неясность», «неощутимость», «туманность». Лексема *движение*, употребляющаяся в

значении «перемещение в пространстве», приобретает дополнительную, темпоральную сему («течение времени»). Бродский сравнивает неторопливое, тихое движение лодки по воде, сквозь мрак метафорически с проходом правильной, адекватной мысли сквозь нечто неясное, нечёткое, плохо осознаваемое. Словно светлая, ясная мысль вдруг оказалась на какое-то время погружена в нечто туманное, неуловимое, слабо воспринимаемое, различимое: сознание стремится к свету сквозь бессознательное. Вербальная репрезентация такого рождения мысли даётся не столько через хронотоп, сколько через триаду *время – пространство – движение*.

3. Воздушное пространство.

Лексемы, репрезентирующие воздушное пространство, способны наделяться потенциальной семантикой, связанной с восприятием его многих уровней: *Великолепные, тромбоноподобные дымоходы, напоминающие те средневековые башенки, которые видны на заднем плане любой картины с Мадонной или распятием, бездействуют и постепенно осыпаются* ***с местного горизонта*** («Набережная неисцелимых»). Так, лексема *горизонт* словно переводит трёхмерное пространство в двухмерное, перелагая его на уровень плоскости с изображёнными на картине силуэтами.

Нередко семантика воздушного пространства переходит в обозначение водного, отражаясь в его зеркальной глади («зеркальность» в творчество Бродского, как мы уже упоминали, символизирует переход из одной ипостаси бытия в другую): *И был город. Самый красивый город на свете. С огромной серой* ***рекой****, повисшей над своим глубоким* ***дном****, как огромное серое* ***небо*** *– над ней самой* («Меньше единицы»).

4. Абстрактное пространство.

Хорошо было покинуть этот кафкианский ***космос****, хотя уже тогда я знал, - так мне кажется, – что меняю шило на мыло* («Меньше единицы»). Лексема *космос*, употреблённая в значении «мир, вселенная» приобретает негативную коннотацию в соседстве с эпитетом *кафкианский*. Бродский называет *«кафкианским космосом»* угнетающую (словно литература немецкого писателя Кафки), мрачную, не до конца осмысленную, осознанную, сложную школьную и не только обстановку, царившую во всех зданиях «с оштукатуренными стенами с синей горизонтальной полоской на уровне глаз». Автор осознаёт замкнутость этого школьного пространства, влияющего на формирование такого же узкого мировоззрения детей – будущего страны. Однако он понимает и то, что другие советские учреждения, с которыми придётся столкнуться на протяжении жизненного пути, не меняют ситуацию к лучшему, что подтверждает употреблённый им фразеологизм *меняю шило на мыло*.

5. Интрапространство.

Интрапространство связано с лексическим описанием внутреннего мира человека: *Нет, то была естественная и нерасчётливая* ***душевная широта*** *экстравертов, которая, по-видимому, стала тем более ощутимой для других, когда я, главный её объект, оказался вне досягаемости* («Полторы комнаты»). Выделенная нами метафора не просто связана с внутренним миром человека – она подчёркивает характеристику личности с психологической точки зрения, что, по нашему мнению, наделяет контекст иронической окраской.

Видимо, всегда было какое-то «я» внутри той маленькой, а потом несколько большей ***раковины****, внутри которой «всё» происходило* («Меньше единицы»). Посредством комплекса ключевых лексем *внутри, маленькой, большей, раковины* Бродский создаёт «многослойность» пространства, в котором проходит жизнь человека. Раковина превращается в метафору самого себя, свою материальную оболочку, которая служит защитой внутреннего мира от внешнего. Некая сущность же, растущая внутри, это своеобразная психологическая, философская и духовная составляющая личности, анализирующая, оценивающая всё, что находится за пределами её защитных створок, приоткрывающихся не для всех и не всегда.

Нередко в текстах эссе встречается смешение пространственных слоёв: *Широкая* ***река*** *лежала перед ним, белая и застывшая, как язык* ***континента****, скованный немотой, и большой* ***мост*** *аркой возвышался в тёмно-синем* ***небе****, как железное нёбо* («Меньше единицы»). Лексема *небо*, безусловно, связана с воздушным и не имеющим никаких границ вертикальным пространством, *континент* – с горизонтальным, однако такая многовекторность дополняется ещё и взаимопроникновением экстрапространства и интрапространства, вербализирующимся в метафоре *язык континента*. Гибкий, живой, словно река, язык огромного количества людей по определённым причинам оказался словно закостенелым, онемевшим, будто река под толстым слоем льда, а река сравнивается с языком, который уподобился ей, став застойным, безмолвным. Метафорическое словосочетание *железное нёбо* выступает своеобразной характеристикой моста, а употребление созвучных, этимологически родственных лексемы *небо – нёбо* подчёркивает персонификацию, в результате которой мы видим монументальную картину «живое – мёртвое».

Дробненькая, гребёночная скороговорка забора мгновенно уничтожила всё ***пространство*** *– а равно и* ***время*** *– между заводским двором и* ***древним городом Хубилая*** («Меньше единицы»). Приведённый контекст совмещает в себе как локальные (*пространство, двор, город)*, так и темпоральные (*время, мгновенно, древний)* лексемы; предлог *между* совмещает довольно большой пространственный и временной промежуток, а имя собственное *Хубилай* служит одновременно пространственным и временным конкретизатором исторических событий (Хубилай был древним монгольским ханом, внуком Чингисхана, основателем монгольского государства Юань, в состав которого входил и Китай). Лексема *скороговорка* метафоризируется в составляющую забора или ограду, прилагательное *дробненькая* с уменьшительным суффиксом -еньк- указывает на очень маленький размер штакетника. «Скороговорка забора» влечёт неприятные автору воспоминания о Самарканде, в котором Бродскому довелось увидать копию этой ограды: время и пространство словно стёрлись, исчезли при созерцании на ограду на заводском дворе, точно такую же, как и в Самарканде. Создавалось впечатление, что этот забор был

точно перенесён в этот город сквозь время и пространство, беспрепятственно преодолев локальные и темпоральные границы. Бродскому неприятен, даже отвратен вид всякой ограды с её «размеренным существованием», это касается любого ограничения пространства по всей Империи. Лексемы *ограждение*, *забор* в творчестве поэта неизменно приобретает потенциальную сему «тюрьма», «неволя». Однако можно сказать, что Бродский не удивлён тому, что видит ограду в этом городе, так как Восток для него – это место рождения всяческой тирании, неволи, олицетворение тоталитарного государства. И Хубилай, упомянутый им, был деспотом, поработителем свободного народа, жестоким завоевателем, покорившим всю Азию. Бродский проводит параллели с Советским Союзом: генсек ничем не отличается от хана, а СССР – та же среднеазиатская Империя во главе с тираном.

В публицистическом творчестве Бродского необыкновенно интересна с точки зрения смешения пространственных слоёв подаётся личностная характеристика отца: «***Улица*** *внутри* ***проспекта»*** *– именно так я думал об отце, искоса поглядывая на него по пути из музея домой* («Полторы комнаты»). Локальные лексемы *улица* и *проспект* содержат потенциальные семы, связанные с философской мыслью автора, как и лексема *путь*, выражающая передвижение в пространстве и имеющая при себе пояснение «из музея домой» (вспомним хронотоп пути по Бахтину – возможно, и здесь лексема *путь* наделена потенциальной семами познания, опыта, жизненного пути). Лексема *проспект* переосмысляется метафорически – это сам отец поэта, такой же большой, широкогрудый, высокий, его «телесное пространство». А улица, находящаяся внутри, – это, как нам думается, некая укромная, загадочная духовная сущность, важная составляющая, которая не для каждого может быть до конца раскрыта, в том числе и для близких людей (нам здесь видится повторение семантики раковины как внутреннего мира человека, характерной для идиостиля автора). Это маленький, личный мир, выраженный семой интрапространства, входящая в общую семантическую структуру слова.

В эссе Бродского нередко встречаются лексемы, которые мы отнесли к вербализаторам хронотопа, так как они одновременно сочетают в своей семантической структуре временную и пространственную сему [4].

И так ли уж важно, кто первым раскусил духовную ***клинопись****, прекрасным образчиком коей является «бытие определяет сознание»* («Меньше единицы»). ***Клинопись*** ж. – *Письмена из соединяющихся в виде клиньев чёрточек, употреблявшиеся ассиро-вавилонянами, древними персами и некоторыми древними народами* [5, с. 278]. В приведённом толковании сема *древними* выражает временное значение, а семы *ассиро-вавилоняне* и *персы* – народы, проживавшие на территории Ассирии, Вавилона и Персии, – пространственное. В контексте Бродского лексема *клинопись* приведена в переносном значении, что подтверждает эпитет *духовная.* Бродский имел в виду философское учение, познание («бытие определяет сознание»), требующее правильного истолкования, ясной расшифровки (лексема *раскусил* здесь реализует коннотативную сему «хорошо узнал», «постиг хитрость»). Автор считает, что не имеет большого значения, кто первым смог досконально изучить данную прописную философскую истину, раскрыв её суть. В юном возрасте он понял, что изречение Маркса истинно до тех пор, пока сознание не научилось быть самостоятельным, и способным как упорядочивать существование, так и не принимать его в расчёт. То есть сознание может не зависеть от окружающей среды, но при этом – влиять на неё.

Между ***Иродом*** *прошлого и* ***фараоном*** *будущего, – говорил я себе. – Между Иродом и фараоном, вот где мы* («Набережная неисцелимых»). ***Фараон*** – м. 1. В Древнем Египте: титул царей, а также лицо, имеющее этот титул [5, с. 846]. ***Ирод*** – м. Изверг, мучитель [по имени жестокого ***древнеиудейского*** царя] [5, с. 253]. Лексема *древний* эксплицирует темпоральное значение, а топоним *Египет* – локальное. В контексте сема *фараон* употреблена в переносном значении, даётся в сочетании с временным понятием *будущий*, что приводит к темпоральному алогизму. Имя собственное *Ирод* в сочетании с временным понятием *прошлый* также даётся в переносном значении, заключая в своей семантической структуре пространственно-временной синкретизм, так как этим именем обладал царь *древней Иудеи*. Бродский считает Венецию местом, находящимся между двумя временными отрезками, связанными с древними библейскими личностями, антропонимы которых становятся контекстными антонимами. На наш взгляд, Венеция является для Бродского городом между «извергом» прошлого, стремившегося убить священное божество, но не сумевшим это сделать, а значит, потерпевшим поражение и впоследствии канувшим в небытие, и Иисусом – правителем будущего, провидцем, который являлся олицетворением светлого будущего, в младенчестве нашедшего защиту и приют в Египте. Прошлое в этом случае приобретает негативную коннотацию, а будущее имеет позитивный стилистический оттенок. Библейская история вспоминается автору именно здесь, в Венеции – необычном городе, где вода, как и время, заполняет всё пространство. Кроме того, Божий дух для Бродского часто неотделим от воды.

Таким образом, как видим, семантика хронотопа представлена в публицистическом творчестве И.А. Бродского в самых разнообразных вербальных комплексах, анализ семной структуры которых позволяет изучить фрагмент картины мира писателя.

The article deals with journalistic texts I.A. Brodsky. Analyzes the lexical units, representing the time-space and the triad of «time – space – movement». The study defined, analyzed and compared syncretic by its locally-temporal semantics of the token included in the verbal chronotopic complex within the context. This analysis reveals a fragment of picture of the world I.A. Brodsky.
Keywords: *lexemes with the semantics of time, lexemes with the semantics of space, chronotop semantics; semantics triad «time – space – movement»; fragment of picture of the world.*

Список литературы

1. Бродский И. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 702 с.
2. Бродский И. Настигнуть утраченное время // Время и мы. 1987. № 97. С. 164-180.
3. Измайлов Р.Р. Хронос и Топос: поэтический мир И.Бродского. Саратов: Научная книга, 2010. 130 с.
4. Бурдина Е.А. Лексико-семантическая экспликация хронотопа// Русский язык в школе. 2013. № 12. С. 64-68.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 944 с.

Об авторе

Бурдина Е.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *burdinaele@yandex.ru*

УДК 811.112.2

О СОВРЕМЕННЫХ ОНЛАЙН-СЛОВАРЯХ НЕМЕЦКОГО МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА

А.А. Быков

В статье даётся краткий обзор наиболее популярных онлайн-словарей современного немецкого молодёжного сленга, разработанных в Германии. В ходе исследования рассматриваются особенности оформления, информационного наполнения данных веб-ресурсов, а также описывается их структура и функционирование. Кроме того, приводятся примеры самых креативных слов молодёжного языка, встречающиеся на страницах анализируемых интернет-лексиконов.
Ключевые слова: *лексикон, современный, немецкий, молодёжный, Интернет, сленг, онлайн.*

В любом языке наряду с общелитературным языком существуют территориальные, региональные, диалектальные варианты, разговорно-обиходная лексика, которая также включает в себя молодёжные слова и выражения. Мир молодёжи – это особый мир, в котором создан свой свод неписанных законов и в котором существует своя неповторимая форма общения, свой язык [12].

Молодёжным жаргоном („Jugendsprache“, „Jugendslang“, „Jugenddeutsch“, „Szenesprache“) принято называть не язык всей молодёжи, а возникшие под влиянием различных причин специфические формы, употребляемые некоторыми группами молодых людей. Этот язык не имеет ограничений во времени и пространстве [2, с. 52].

Молодёжное словотворчество, как одна из наиболее крупных и важных социальных разновидностей языка, продолжает приобретать всё больший научный интерес. При изучении особой формы общения подрастающего поколения весьма важная роль и значимость принадлежат лексикографическому описанию данного языкового феномена, поскольку именно словари субстандартной лексики являются важнейшим источником для наблюдений над становлением, развитием и функционированием её основного массива [3, с. 160].

В наши дни благодаря стремительному развитию и распространению глобальной компьютерной сети «Интернет» на смену традиционным словарям некодифицированной лексики немецкой молодёжи, таким как словарь Г. Кюппера „Jugenddeutsch von A bis Z“ [9], который до сих пор является образцом лексикографического источника; знаменитая серия лексиконов молодёжного языка Г. Эманна („Affengeil“, „Oberaffengeil“, „Voll konkret“, „Endgeil“) [5; 6; 7; 8]; словари издательства Дуден „Wörterbuch der Szenesprachen“ и „Das neue Wörterbuch der Szenesprachen“ [10, 11]; русско-немецкие [1] и немецко-русские словари немецкого молодёжного жаргона [4], приходят новые версии онлайн-словарей сленга современной немецкоязычной молодёжи, привлекающие своей оригинальностью, креативностью и разнообразием лексического состава, а также возможностью найти необходимое слово, проделав всего лишь несколько кликов компьютерной мышью. Так, среди подобных интернет-лексиконов можно назвать следующие: „Jugendwort.de“ [14], „Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache“ [16], „Superslang.de“ [17], „Mundmische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Sprichwörtern“ [15] и др. Особое внимание в этом ряду обращает на себя веб-ресурс под названием „Jugendwort.de“, который, на наш взгляд, является наиболее ярким образцом среди современных онлайн-источников, раскрывающих всё многообразие и уникальность такого языкового явления как молодёжный сленг. К нему нам и хотелось бы обратиться в первую очередь.

„Jugendwort.de“ – интернет-лексикон, разработанный одним из самых популярных и авторитетных немецких издательств – издательством Langenscheidt, тесно сотрудничающим с такими известными немецкоязычными молодёжными журналами, как „Bravo“ [13], „Yaez“ [18], а также различными молодёжными теле- и радиопередачами. Как и все современные онлайн-словари, данный веб-источник отличается оригинальностью своего оформления и предлагает пользователю широкий спектр информации. Говоря о структуре сайта, следует заметить, что он подразделён на пять небольших рубрик. Так, в первом разделе „*Dein Wort*“ посетителям предлагается принять участие в голосовании и тем самым внести свой вклад в определение победителя среди лучших наиболее креативных молодёжных слов 2015 года. Всем желающим проголосовать необходимо из тридцати слов, представленных в номинации, выбрать свой сленгизм-фаворит и «лайкнуть» его. В борьбе за корону в 2015 году лидирующие позиции занимали пять лексем, а именно: 1. ***merkeln*** (35%) – „Nichtstun, keine Entscheidungen treffen, keine Äußerungen von sich geben; Bezug auf Angela Merkel“; 2. ***rumoxidieren*** (13%) – „chillen“; 3. ***Earthporn***

(8%) – „schöne Landschaft“; 4. ***Smombie*** (6%) – „Menschen, die wie gebannt mit dem Handy über die Straße gehen und nicht gucken, wohin sie gehen; Zusammensetzung von Smartphone und Zombie“; 5. ***bambus*** (5%) – „cool, krass“. Победителем в 2015 году оказался жаргонизм „*Smombie*“. Пользователи могут также принять участие в определении тридцати новых молодёжных слов, которые будут номинированы в следующем году.

Во второй рубрике под названием „*Best of*“ представлены победители („*Jugendwort des Jahres ...*“) прошлых лет. Так, за последние пять лет победителями признавались: 2014 год: ***Läuft bei Dir!*** – „Du hast Glück, Alles perfekt! (meist ironisch gemeint)“; 2013 год: ***Babo*** – „Boss, King, der Beste, Anführer, Chef“; 2012 год: ***Yolo*** – „You only live once (du lebst nur einmal!)“; 2011 год: ***Swag*** – „Wenn man "swag" hat, dann ist man voll im Trend“; 2010 год: ***Niveaulimbo*** – „ständiges Absinken des Niveaus“.

В следующем разделе „*Worum geht´s?*“ можно получить более подробную информацию о конкурсе «Молодёжное слово года» („Jugendwort des Jahres“). Данное соревнование проводится ежегодно по инициативе немецкого издательства Langenscheidt GmbH & Co. KG при сотрудничестве с немецким молодёжным журналом „Bravo“, радиостанцией „BR Puls“, молодёжной газетой „Yaez“, тележурналом о стиле жизни „taff“, транслируемым на частном телеканале Германии „ProSieben“, Федеральным союзом молодых работников СМИ „Jugendpresse“, а также детским проектом „Die Arche“.

Начиная с 2008 года молодые люди Германии приглашаются к участию и обсуждению своих излюбленных сленгизмов в рамках данного проекта, проходящего на веб-сайте „*www.jugendwort.de*“. Уже в середине года начинается онлайн-голосование, в котором представлены тридцать самых креативных молодёжных слов. Каждый желающий имеет шанс проголосовать за своего фаворита до тридцать первого октября. В середине ноября десять лучших слов, получивших наибольшее количество голосов, переходит в следующий раунд соревнования, в котором уже жюри предстоит выбрать сленгизм, завоевавший победу, а также распределить места со второго по пятое между оставшимися словами. В состав жюри входят молодые люди, так или иначе связанные с языком, и, разумеется, компетентные в этой области. Десять лучших молодёжных слов „*Top 10*“, прошедшие во второй раунд конкурса, оцениваются данной комиссией по следующим критериям: 1. ***sprachliche Kreativität***; 2. ***Verbreitungsgrad des Wortes***; 3. ***Originalität***; 4. ***gesellschaftliche und kulturelle Ereignisse***. Стоит также отметить, что наиболее оригинальные молодёжные лексемы имеют возможность появиться на страницах печатного лексикона молодёжного языка „*100% Jugendsprache*“, ежегодно выпускаемого в Германии под редакцией издательства Langenscheidt.

В рубрике под названием „*Community*“ пользователи найдут непосредственно сам словарь молодёжного сленга, состоящий на данный момент из 1025 страниц, на которых представлены самые оригинальные и креативные сленгизмы, используемые в современном молодёжном языке Германии. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в данной рубрике посетители сайта могут найти не только необходимое им молодёжное слово, но и добавить свою любимую лексему, которую они знают или слышали в различных ситуациях общения, а также присылать свои примеры, раскрывающие область применения того или иного сленгизма, оставлять свои комментарии и общаться с другими пользователями веб-лексикона.

Последний раздел онлайн-лексикона „*Storys*“ даёт возможность всем желающим добавить в коллекцию словаря свою любимую историю из жизни, занимательный диалог, крылатое выражение или интересную цитату, в общем, всё самое оригинальное, чем хотелось бы поделиться с другими.

Продолжая анализ современных онлайн-лексиконов молодёжного сленга немецкого языка, обратим внимание на другой не менее интересный источник, а именно – „Superslang.de“. Данный веб-ресурс представляет собой неповторимое собрание оригинальных речевых оборотов, диалектальных выражений, молодёжных понятий и «трендовых словечек», используемых в немецкоязычном пространстве. В правом верхнем углу сайта на панели обозревателя представлены три мини-вкладки: 1. ***Neuen Eintrag erstellen*** – где, как и в предыдущем лексиконе, можно добавить свой любимый сленгизм; 2. ***Über uns*** – где пользователь может связаться с администратором сайта, которым на данный момент является Сара Хазе, а также получить подробную информацию о правилах пользования сайтом и о правилах его функционирования; 3. ***Hilfe*** – вкладка информирует посетителей о том, что представляет собой данный источник, что здесь можно найти и каким образом работать с данным интернет-ресурсом.

Как отмечают авторы сайта, „*Losstarten ist SUPER einfach...*“, что буквально означает «работать со словарём невероятно просто». Чтобы найти необходимую лексему, пользователю нужно всего лишь ввести данное слово в строку поиска („***Suchen***“), которая находится в левом верхнем углу лексикона, или же вести поиск, просматривая слова в алфавитном порядке (алфавитная панель расположена рядом с поисковой строкой).

По аналогии с вышерассмотренным источником „Jugendwort.de“, данный веб-ресурс также подразделяется на несколько рубрик. В первой из них „*Top 5 aller Zeiten*“ представлены самые популярные молодёжные слова всех времён, например: 1. ***Asslack*** / ***Azzlack*** – a) „asozialer Kanacke (Ausländer hauptsächlich aus dem arabischen orientalischen Bereich)“, b) „die ganzen stylo-meilo Atzen in der Disko mit zu engen Shirts, anabolika Oberarmen und gegelten Haaren“; 2. ***Flüsterndes Auge*** – „Geschlechtsorgan der Frauen“; 3. ***Greenday hören*** – „umgangssprachlich für den Konsum von Marihuana; besonders gebräuchlich oder nützlich für Jugendliche, die in Gegenwart von Eltern, Beamten oder nicht Eingeweihten über den Konsum kommunizieren wollen“; 4. ***Pimmeln*** – „umgangssprachlich für harzen, chillen oder trödeln“; 5. ***zwitschern*** – a) „Sex haben“, b) „mäßiger Alkoholgenuß, sich mäßig betrinken“, c) „etwas bei Twitter schreiben“. Вниманию пользователей предлагаются также ещё три рубрики, а именно: 1. „*Top 5 diese Woche*“ (пятёрка лучших на этой недели), 2. „*Ganz neu dabei*“ (слова, недавно добавленные на сайт), 3.

„*Seitenstatistik*“ (статистические данные).

Вместе с тем стоит заметить, что посетители данного онлайн-словаря могут как добавлять свои молодёжные лексемы и комментарии к ним, так и участвовать в оценивании сленгизмов и примеров их употребления, которые прислали другие пользователи сайта. Тем самым все желающие получают уникальную возможность принять участие в пополнении словарного состава лексикона, а также оставить свой след в формировании современного немецкого молодёжного языка, к чему и призывают разработчики веб-ресурса в своём обращении: „*Bewerte die Einträge und sei dabei, wenn es darum geht, die coole deutsche Sprache zu prägen. Lass die Welt wissen, welche Sprache Du sprichst und verewige Deine eigene Schnauze hier auf Superslang! Die deutsche Sprache bestimmst Du!*“

Нельзя обойти стороной и интернет-лексикон под названием „Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache“, который занимает далеко не последнее место в списке современных онлайн-лексиконов немецкого молодёжного сленга. Этот словарь, по словам самих авторов, направлен к представителям различных субкультур, сторонникам того или иного стиля жизни и в то же самое время представляет собой собрание «языковых трендов», сделать которые более доступными для любого человека и является первоочередной целью данного ресурса („*…denn diese Seite richtet sich an alle Cracks, Geeks, Homies und Ikonen der verschiedenen Lifestyle-Szenen, indem sie sprachliche Trends sammelt und Normalbürgern zugänglich macht. Was nicht im Duden steht soll zukünftig hier gefunden werden.*“).

Своей структурой словарь напоминает рассмотренный выше онлайн-лексикон „Superslang.de“. Здесь также представлены четыре рубрики: 1. „*Startseite*“, 2. „*Topliste*“, 3. „*Neueste Wörter*“, 4. „*Zufälliges Wort*“. Первая рубрика – это стартовая страница сайта, которая знакомит пользователя с лексиконом и его возможностями. Во второй рубрике „*Topliste*“ можно найти информацию о самых популярных словах, видеороликах, примерах, комментариях и др., которые получили наивысшую оценку. Так, например, в списке самых оригинальных слов можно выделить следующие: 1. ***Deppenzepter*** – „Synonym für Selfie-Stick“; 2. ***Bippus*** – „ein kleines, undefinierbares Teil, das man nicht beschreiben kann“; 3. ***Bierzeps*** – „ein anderes Wort für Bierbauch und gleichzeitig eine Verballhornung des Wortes ‘Bizeps’“; 4. ***Präabend*** – „eine Tageszeit zwischen Nachmittag und Abend (in etwa: 16:00 – 18:00 Uhr)“; 5. ***nomsen*** – „bedeutet etwas mampfen und ist abgeleitet vom Englischen "to nom" bzw. des lautmalerischen Ausdrucks "nom nom nom" – also dem Geräusch, das man beim Essen macht“; 6. ***Kotpumpe*** – „eine Umschreibung für Hund“; 7. ***auf Sack ziehen*** – „konsumieren eines Getränkes oder auch Lebensmittels in einem Zuge“; 8. ***Sticky*** – „ein kleiner Joint, der nur zum alleine rauchen taugt. Ein Sticky wird meistens dann gerollt und geraucht, wenn nur noch Gras- oder Haschreste übrig sind, oder man sich auf Grund der persönlichen Umstände (z.B. Mittagspause, anstehendes Bewerbungsgespräch oder Besuch der Schwiegereltern) genötigt sieht, nur ein wenig berauscht zu sein“ и т.д.

В рубрике под названием „*Neueste Wörter*“ всегда представлены пятьдесят самых актуальных слов, которые были добавлены в словарь. Здесь пользователи найдут самые интересные и креативные лексемы и обороты речи, а также смогут «вдохнуть новую жизнь» в лексикон, внеся свой вклад в пополнение его словарного состава. Среди недавно появившихся на сайте слов наиболее оригинальными, на наш взгляд, являются следующие: 1. ***Angelaber*** – „als "Angelaber" kann man das Geschwätz der Bundeskanzlerin Angela Merkel bezeichnen“; 2. ***Excelperte*** – „ein Experte in Excel“; 3. ***Fruchtliegen-Puff*** – „es handelt sich um eine Obstschale“; 4. ***Speckham*** – „"Speckham" kann man zu einem gutaussehenden, übergewichtigen Mann sagen. Der Begriff ist an den Schönling David Beckham angelehnt“; 5. ***semigeil*** – „wenn etwas ok ist aber nicht überragend“; 6. ***Alzheimer-TV*** – „Bezeichnung für Sendungen im "Bildungsfernsehen" privater Fernsehsender, die so oft wiederholt werden, dass man ihren Wortlaut schon auswendig kennt“; 7. ***totgoogeln*** – „Wenn man sich für etwas im Internet lange Zeit genommen hat, um etwas bei Google zu finden, dann hat man sich "totgegoogelt"“; 8. ***JBG*** – „die Abkürzung für: jung, brutal, gutaussehend. Es wird für durchtrainierte Jugendliche benutzt“. Выбрав рубрику „*Zufälliges Wort*“, пользователь имеет возможность познакомиться со случайно подобранным для него словом или же выражением.

Главным отличием данного веб-ресурса от рассмотренных ранее интернет-лексиконов является тот факт, что наряду с молодёжной лексикой здесь также представлены и другие «тематические группы», такие как: „Abkürzungen“, „Anglizismen“, „Beamtendeutsch“, „Computersprache“, „Fernsehserien-Sprache“, „Gamer-Sprache“, „Hip-Hop-Sprache“, „Beleidigungen“, „Internetsprache“, „Ärztesprache & Medizinjargon“ и др. Кроме того, в дополнение к словарю, дающему дефиницию той или иной лексемы, идёт также словарь синонимов. Весьма интересным приложением лексикона, на наш взгляд, является вкладка с видеороликами, посвящёнными различным тематическим группам: „Auto Videos“, „Lustige Videos“, „Musik Videos“, „Sonstiges“, „Sport Videos“, „Tier Videos“, „Unfall Videos“, „Werbespots“.

Таким образом, подводя краткий итог нашего исследования, хотелось бы отметить, что рассмотренные в данной работе онлайн-лексиконы современного немецкого молодёжного сленга – это далеко не полный перечень подобных веб-ресурсов. Следует также заметить, что все из них имеют свои достоинства и недостатки. К бесспорным достоинствам современных интернет-словарей можно отнести следующие: 1) оригинальное оформление, привлекающее пользователей не только своей креативностью, но и способствующее сверхбыстрому переходу от одной рубрики к другой, а также помогающее пользователю весьма легко ориентироваться внутри словарных статей; 2) возможность внести свой вклад в пополнение словарного состава лексикона, а также оставить свой пример или комментарий, раскрывающий область применения определённого сленгизма; 3) возможность очень быстро найти необходимое слово, введя его в строку поиска и «кликнув» мышью по значку „*Suchen*“; 4) постоянная обновляемость словарей и появление на их страницах самых «свежих» молодёжных слов и выражений и т.д.

Явный недостаток данных веб-ресурсов, характерный и для многих печатных лексиконов молодёжного языка, –

отсутствие транскрипции (даже для заимствований) и в большинстве случаев всяких грамматических сведений, особенно указания на род и формы множественного числа существительных, что создаёт порой определённые трудности. Ещё одним явным минусом можно считать и тот факт, что воспользоваться данными онлайн-лексиконами возможно лишь при наличии выхода в сеть «Интернет», что даже в век высоких технологий, к сожалению, не всегда осуществимо. Поэтому целесообразным, с нашей точки зрения, является использование как традиционных (печатных) изданий, так и современных интернет-лексиконов немецкого молодёжного сленга, которые дополняют друг друга.

The article gives a brief review of the most popular online dictionaries of modern German youth slang developed in Germany. In the research the author considers peculiarities of design as well as content of these web resources. Their structure and functioning are also described. In addition to that the examples of the most original youth slang words from the analyzed Internet dictionaries are given.
Keywords: *dictionary, modern, German, youth, Internet, slang, online.*

Список литературы

1. Коломиец Е.А. Русско-немецкий словарь молодежного жаргона: около 2000 слов и выражений. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 326 с.
2. Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П. Зарубежная социолингвистика: Германия, Испания. – М.: Наука, 1991. – С. 50-55.
3. Россихина М. Ю. Отражение молодежного жаргона в русской и немецкой лексикографии XIX – XXI веков. Монография. – Брянск: «Курсив», 2010. – 186 с.
4. Россихина М.Ю. Немецко-русский словарь современного молодежного жаргона / Под ред. В.Д. Бондалетова. – Брянск: Курсив, 2011. – 184 с.
5. Ehmann H. Affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 1992. – 156 S.
6. Ehmann H. Oberaffengeil. Neues Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 1996. – 158 S.
7. Ehmann H. Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2001. – 160 S.
8. Ehmann H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2005. – 180 S.
9. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. VI. Jugenddeutsch von A bis Z. – Düsseldorf – Hamburg: Claassen Verlag, 1970. – 438 S.
10. Wippermann P. (Hg.) Wörterbuch der Szenesprachen. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2000.
11. Wippermann P. (Hg.) Das neue Wörterbuch der Szenesprachen. Mannheim-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2009.
12. Студенту на заметку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://student.zoomru.ru/ino/osobennosti-molodjozhnogo-zhargona-v-germanii/7747.75350.s1.html
13. Bravo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bravo.de/
14. Jugendwort.de [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jugendwort.de/
15. Mundmische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Sprichwörtern [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mundmische.de/
16. Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sprachnudel.de/
17. Superslang.de [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://superslang.de/
18. Yaez [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yaez.de/

Об авторе

Быков А.А. – аспирант кафедры немецкого языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *andrej-hammer.ru@yandex.ru*

УДК 811.112.2 ′373.611

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕЛОМЛЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ

Л.В. Воронина, Ю.Н. Мельникова, Т.Н. Скокова

В статье ставится цель продемонстрировать, что своей структурной целостностью не только картина мира, но и языковая картина мира обязаны своему реляционному каркасу. Анализ осуществляется на материале пропозициональных структур именных производных, репрезентирующих категорию ZEIT в современном немецком языке. В работе делаются выводы относительно профилирования признаков данной категории соответствующими моделями.
Ключевые слова*: реляционный каркас модели мира, модель циклического времени, модель линейного времени, темпоральные номинаторы в классе имен существительных немецкого языка.*

Постижение закономерностей и отношений – это суть процесса познания. Проблема отображения в сознании человека картины мира, обладающей внутренним единством, воспринимающейся как единое целое в совокупности отношений, фиксируемой языком, является одной из важнейших задач когнитивной лингвистики.

Сущностно понятая «картина мира» означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина [6, с. 88-90]. Л. Витгенштейну принадлежит утверждение, что «картина – модель действительности. Объектам в

картине соответствуют элементы картины. Объекты представлены в картине элементами картины. Скрепляет картину то, что её элементы соотносятся друг с другом определённым образом… Определённое соотношение элементов в картине – представление о том, что так соотносятся друг с другом вещи. Назовем эту связь элементов картины её структурой, а возможность такой структуры – формой изображения, присущей данной картине» [4, с. 8].

На любой картине человек видит не просто отдельные предметы и явления, а то, что составляет их подлинность, целостность, их сущее. Истинное становится истинным, когда оно определено человеком во всех связях и отношениях. «Где дело доходит до картины мира, там выносится кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» [9, с. 103]. Под целостной картиной мира понимается соотношение двух измерений: концептуального образа мира и его языковой картины. На вопрос о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают, А. Н. Леонтьев дает ёмкое психологическое разъяснение: «Мы действительно строим, но не Мир, а Образ, активно «вычёрпывая» его…из объективной реальности. Процесс восприятия и есть процесс, средство этого «вычёрпывания», причем главное состоит не в том, как, с помощью каких средств протекает этот процесс, а в том, что получается в результате этого процесса. Я отвечаю: образ объективного мира, объективной реальности. Образ более адекватный или менее адекватный, более полный или менее полный... иногда даже ложный...» [7, с. 260]. Из этого следует, что картина мира – это система образов, иерархическая структура когнитивных построений. «Представление о модели мира, описание картины мира, отображение образа мира происходит с помощью зафиксированных, хранящихся определённым сообществом или индивидуумом знаний, объективированных в языке» [1, с. 133]. Это представление соотносится с языковой картиной мира (См. работы Г. А. Брутяна, А. А. Залевской, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, О. А. Корнилова, Л. Б. Никитиной и др.).

Концептуальная система, по словам Е. С. Кубряковой [1996], есть тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение. Картину мира необходимо рассматривать как глобальную обобщённую целостность, как воспринимаемую и оцениваемую сознанием индивида многокомпонентную структуру, закрепляющую культурное своеобразие в видении мира (мировоззрение, правила поведения, образ жизни, передаваемые последующим поколениям). Своей структурной целостностью не только картина мира, но и языковая картина мира как фундаментальные понятия, описывающие человеческое бытие, обязаны своему реляционному каркасу.

Своеобразными «передающими» центрами со своей «памятью» являются реляционные трансляторы, важнейшие «субстанции» картины мира, смысловые симметричные структуры окружающей действительности, которые создают реляционный механизм трансляции информации о том, что составляет ядро (а) мировоззрения и (б) мировидения, этнокультурных образов мира, понимаемых как восприятие мира, вызываемое определёнными условиями и как рефлексивное отражение действительности. На этих двух когнитивных уровнях (мировоззрение и мировидение) человек оперирует понятийными категориями (термин принадлежит О. Есперсену). Понятийные категории, по мнению А. А. Худякова [1999], представляют собой релевантные для языка ментальные категории, ориентированные на логико-психологические и семантические категории языка, выраженные в языке различными средствами.

При этом под реляционными трансляторами понимаются нами не столько линейные, не выходящие за пределы простой временной последовательности отношения, сколько формирующие сложную модель, включающую и видимое и невидимое (идеи, идеальное). В работе «Критика Платонизма у Аристотеля» А. Ф. Лосев пишет, что отношения следует понимать, среди прочих свойств, и как потенцию, и как энергию [8, с. 597]. В другом труде [2000] учёный разъясняет, что потенция и энергия находятся в основе определения смыслов: энергия есть смысл плюс выражение плюс смысловое становление, а потенция – это выражение минус смысл плюс смысловое становление остатка. Реляционные трансляторы можно сравнить с внутренней программой, какой является внутренняя форма, о которой Н. Ф. Алефиренко говорит следующее: «Всплывая на поверхность языкового сознания», она становится «лингвокреативным стимулом» оживления целой цепи значимых связей, коннотаций и представлений…» [1, с. 148]. В качестве важнейшей «субстанции» вербализируемой модели мира как смысловой симметричной архитектоники окружающей действительности можно выделить временные координаты.

Время – абстрактный феномен, обладающий сложной концептуальной структурой. По своей сути время – созданный человеком ментальный конструкт, наряду с иными абстрактными категориями: структурой, мерой и т.п. Временные отношения связаны также с ценностным отношением. Приведем пример. Мыслительно-языковые сущности *человек разумный, духовно и физически совершенный, человек гуманный, человек будущего* соединяют разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее), позволяя выделить различные миры: мир того, что есть и мир долга, чтобы структурировать будущее, а именно: мир возможный, что, в частности, находит отражение в контекстах религиозного характера: «Тот, кто обладает живыми религиозными убеждениями, обретает в этом представление об определенной божественным велением задаче, которая стоит перед человеком… Для него высшее, цель – божественное устройство мира…, а сознание долга создает для него в последней инстанции поставленная Богом задача, в которую он верит» [3, с. 249]. Возможность прогнозировать события в будущем времени и понимать явления окружающего мира, а также поведение людей даёт овладение знаниями: *Stünd ich, Natur, vor dir ein Mann allein, Da wär's der Mühe wert, ein Mensch zu sein* [Goethe J.W. von «Faust»]; *Die schlechteste Gesellschaft lässt dich fühlen, Dass du ein Mensch mit Menschen bist* [Goethe J. W. von «Faust»]. «Необходимость акцентирования внимания на духовно-душев-

ном аспекте обусловлена тем, что человеку присущи потенциальная и актуальная трансценденция, постижение запредельного, непосредственно не данного и чувственно не воспринимаемого, связанного преимущественно с обменом информацией со средой, с трудом его души, с духовными исканиями, в процессе которых возможен отказ от внешнего в себе и от своего укоренённого в обыденности окружения и самоопределением применительно к сакральным идеалам культуры, творцом и творением которой он является, с поиском смысла жизни» [2, с. 25].

Согласно современным научным представлениям, существуют две основные модели времени: модель циклического и модель линейного времени. Представление о цикличности времени связывают с мифологическим сознанием, в котором мировой процесс представлял собой ряд повторяющихся актов: смену времен года, времени суток и повторяющихся событий в жизни человека. Согласно второй модели**,** время как мера движения и изменения линейно, однонаправлено и необратимо. Каждое мгновение времени уникально и неповторимо. Так, человек есть носитель прошлого, настоящего и будущего: *особый род сущего, творец исторического развития, субъект социального творчества, микрокосм, макрокосм // das kleinste Samenkorn, das große Ganze*. Ср.: *Каждая прошлая секунда со всем тем, что в ней было, исчезает, и ни один человек не знает, каким он будет в следующую* [Пелевин В. «Желтая стрела»] // *Das kleinste Samenkorn trägt... das große Ganze in sich und es entwickelt es im Zusammenhange mit dem großen Lebensganzen. So trage auch ich als Mensch die ganze Vergangenheit, die Fülle der Gegenwart und den Reichtum der Zukunft in mir* [Fröbel F. «1851»].

Поскольку время является одной из важнейших физических характеристик мира и мироустройства, модель мира в языковой репрезентации преломляется сквозь призму *модели времени*. Представление человека а) о ВРЕМЕНИ (нем. ZEIT) как дискретной категории, целостность которой определяют его составляющие, и б) о ВРЕМЕНИ (нем. ZEIT) как меры регулярных однотипных событий, воспринимаемых в рамках циклической или линейной модели, отражают пропозициональные структуры, представленные в немецком языке композитными и аффиксальными моделями. Моделирование времени может быть ориентировано как на само время, так и на человека.

Моделирование знаний о дискретной категории ZEIT сопряжено с возможностью устанавливать отношения между отдельной единицей измерения как частью и её составляющей как целым (ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ), а также между целостностью и отдельностью (ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ). Имена, порожденные на основе данной структуры, профилируют признак ‘длительность’, соотнесенную с определенным отрезком времени: *Sommerzeit, die – Zeit, in der es Sommer ist*, *Nachtzeit, die – Zeit in der Nacht, nächtliche Stunde [Duden]*. Периоды протекания различных событий в немецком языке именуют следующие имена: *Schlafensszeit, die – Zeit zum Schlafen am Abend, Nachtzeit (Wahrig), die Schulzeit – Jahre, in denen die Schule besucht wird [Duden]*.

Когнитивно выделенным в данных именах является аргумент ZEIT, соотнесенный с основным компонентом сложного слова. Зависимый компонент может быть соотнесен с отглагольным именем, в этом случае предикат референтной ситуации наследуется от предшествующего акта деривации, ср.: *Fastenzeit, die – Zeit, in der nach katholischem Kirchgebot* ***gefastet*** *wird [Sprach-Brockhaus]*. Если зависимый компонент соотнесен с именной основой, имплицитный предикат предусматривает процедуру семантического вывода: *der Muttertag – Sonntag im Mai, an dem die Mütter geehrt werden [Duden]*.

Время как категория может быть описано в терминах контейнера, оно способно вмещать не только единицы измерения времени, но и события. Время является тем вместилищем, той системой координат, в которую проецируются все события, имеющие место в мире, и все его обитатели: *Vorwelt f. – die erdgeschichtlich vergangene* ***Zeit mit ihren Lebewesen****, Urwelt f. – Welt der Vorzeit, Nachwelt f. –* ***spätere Generationen, die später Lebenden*** *[Wahrig]*. Смещение фокуса внимания субъекта познания на ситуацию может приводить к профилированию концептуальной связи времени и ситуации, соотнесенной с конкретным его фрагментом. Так, производные *Friedenszeit f. – Zeitdauer des Friedens, Ruhezeit f. - Zeit der Ruhe, des Ausruhens [Wahrig],* порожденные на основе пропозициональной структуры ZEIT – SITUATION, характеризуют время как длительность, ограниченную рамками существования определенного состояния. Время, соотнесенное с определенными событиями, может профилировать признак ‘растяжимость’, объективируемый терминами длины: *Kurzstunde, die – Schulstunde, die kürzer als eine normale Schulstunde ist [Duden], Kurzwoche, f. – Arbeitswoche von weniger als 6 Tagen [Wahrig]*.

Лабильность имен, объективирующих категорию времени, позволяет формировать различные смыслы, например: *Mittagszeit, die – Zeit gegen und nach 12 Uhr, b) Zeit der Mittagsruhe, 2. Mittagspause [Duden]* - может обозначать как определенный промежуток времени, так и время-вместилище однотипных повторяющихся событий; *Sommertag, der – Tag im Sommer, b) Tag mit sommerlichen Temperaturen [Duden]* – определенную единицу времени и неопределенную единицу времени с конкретным признаком.

Языковая репрезентация предшествования фрагмента, события в линейном временном цикле может осуществляться посредством композитной или аффиксальной модели. На пропозициональном уровне происходит взаимодействие предметного концепта, объективирующего категорию ZEIT или SITUATION, и концепта vor-, ur- или prä-, актуализирующего представление о временной локации чего-либо. Конфигурация смысла имеет сложную структуру, поскольку именная/ отглагольная основа является и точкой отсчета, которая условно членит линию времени на её составляющие, и когнитивной основой идентификации формируемой категории. Концепт vor-, ur- или prä- устанавливает связь в корреляции фрагментов или событий. На основе данной модели порождены производные: *Vorwinter m. – Zeit mit winterlichem Wetter vor Beginn des Winters, Vorverkauf m. – Verkauf mehrere Tage vor der Aufführung, vorheriger Verkauf (von Theater-, Konzertkarten), Urzeit f. – älteste Zeit der Erdgeschichte, Vorzeit [Wahrig]*.

Точка на временной оси, соединяющая предшествование и последование в единый поток, фиксируется на основе взаимодействия концепта, моделирующего пространственные отношения, *zwischen-*, и концепта предметной сферы, объективирующего категорию ZEIT – SITUATION: *Zwischenmahlzeit f. – Mahlzeit zwischen den Hauptmahlzeiten, Zwischenhandel m. – zwischen Erzeuger und Verkäufer vermittelnder Handel [Wahrig]*. В отличие от структур знания, актуализирующих предшествование и следование, формируемая категория ориентирована не на само время, а на время, наполненное событиями, отражающими присутствие человека. Объективация категории SITUATION темпоральными номинаторами обусловлена действием механизма концептуальной метонимии, детерминированного смещением фокуса внимания субъекта познания с отрезка времени на события/ действия, происходящие на данном отрезке времени. Когнитивно выделенным в концептуальной структуре анализируемых производных является временной отрезок или ситуация, которые представляют собой точку локальной ориентации ‘связи’ временных фрагментов или заполняющих временной континуум событий [5].

Итак. Подведем итог. 1. Картина (или модель мира) проецирует посредством реляционных трансляторов те отношения, с помощью которых индивидуум воспринимает действительность и благодаря которым создается образ мира. Универсальными реляционными трансляторами являются временные отношения. Эти основные параметры восприятия мира, категории бытия, отражаются в структуре и семантике языка, а этнокультурная специфика проявляется в том, в каком соотношении находятся в языке общее и частное, время и пространство, духовное и материальное.

2. Результаты постижения времени человеком находят отражение в языковой модели времени. Существование значительного числа темпоральных номинаторов в классе имен существительных немецкого языка несопряжено со значительным разнообразием словообразовательных моделей, объективирующих категорию ZEIT в качестве профилирующего аргумента, что, видимо, обусловлено двумя основными факторами.

Во-первых, время, в силу своих онтологических особенностей, в пространстве имени является относительно самостоятельным феноменом. Осмысление временных характеристик предметных сущностей детерминировано зависимостью их объективных или функциональных особенностей от течения времени, время же в обыденном сознании не осмысливается по отношению к миру объектов или вещей. То есть язык конституирует положение Г. Лейбница о реальности времени как сущности. Во-вторых, фундаментальные временные категории возникли на заре человечества и на современном этапе не претерпевают существенных изменений.

The article is aimed to show that for the structural integrity both worldview and linguistic view of the world in particular are obliged to the relational framing of theirs. The analysis provided is based on the material of propositional structures of noun derivatives representing the TIME category in the modern German language. The conclusions relating to the features grading of this category by the corresponding models are made in the paper too.
Keywords: *relational worldview model framing, cyclic time model, linear time model, temporal nominators in the class of German nouns.*

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Москва, 2010. 285 с.
2. Беляев И. А. Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей: опыт типологизации: дис. … док. философ. наук: 09.00.13. Челябинск, 2011. 56 с.
3. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. Москва, 1995. 687 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. Москва, 1994. 612 с.
5. Воронина Л. В. Репрезентация смысла «часть целого» и «часть-целое» средствами словообразования немецкого языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 3. Т.1 Филология. Санкт-Петербург, 2013. С. 151 – 158.
6. Воротников Ю. Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. Выпуск №2. – Москва, 2006. С.88-90.
7. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Москва, 1983. 320 с.
8. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. Москва, 1994. 919 с.
9. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П. С. Гуревича. Москва, 1986. С. 93–119.

Об авторах

Воронина Л.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, *voronina@bsu.edu.ru*

Мельникова Ю.Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, *awdejewa@mail.ru*

Скокова Т.Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, *skokova@bsu.edu.ru*

УДК 811.161.1′28 (470.319)

НАЗВАНИЯ ГЕОГЕННЫХ ОБЪЕКТОВ В СИСТЕМЕ МИКРОТОПОНИМОВ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ю.А. Газукина

Неотъемлемая часть онимии русского языка – микротопонимия. В микротопонимии различаются названия антропогенных и геогенных объектов. Последние как наиболее древние по своему происхождению представляют особую ценность для исследования. Они содержат информацию о номинируемом географическом объекте, дают представление о жизнедеятельности человека и взаимосвязи общества и природы. В статье рассматриваются названия геогенных объектов Орловщины с точки зрения принципов их номинации.

Ключевые слова: *проприальность, апеллятивы, онимы, микротопонимы, геогенные объекты, Орловщина, характер объекта номинации, принцип номинации.*

В любой языковой системе имеется особая категория, именуемая категорией проприальности, которую «…можно представить как класс языковых элементов – слов, имён, выделяемый, существующий на основе такого общего параметра, как отношение к объекту действительности (лицу, живому существу, предмету), устанавливаемое в процессе наделения, наречения его специальным, особым именем с целью маркирования и являющийся совокупным результатом этого наречения» [2, 14].

Категорию проприальности составляют находящиеся в оппозиции к апеллятивам (именам нарицательным) онимы (имена собственные). Причём, как отмечает П. П. Альдингер, «план содержания онимов может быть сложнее, чем нарицательного имени, поскольку имена собственные, как правило, обладают яркой национально-культурной семантикой» [1, 38]. Онимы служат для выделения называемого объекта из ряда других и тем самым представляют «семантическое основание проприальности» [2, 14].

Являющиеся репрезентантами данной категории онимы неоднородны в плане объекта номинации, они подразделяются на разряды, среди которых выделяется разряд топонимов. Топоним – это собственное имя любого географического объекта [4, 135].

Имеется несколько классификаций топонимов, в основе которых – величина номинируемого объекта. Так, например, А. В. Суперанская разграничивает «макротопонимы, собственно топонимы и микротопонимы» [6, 38].

В последнее время особое внимание уделяется изучению микротопонимов. Микротопоним – «собственное имя небольшого природного физико-географического или созданного человеком объекта, известность которого не выходит за пределы узкого круга живущих в одном месте людей» [5, 69]. Совокупность микротопонимов называют микротопонимией.

По словам А. В. Суперанской, микротопонимы имеют сходство с собственно топонимами, которое «состоит в том, что 1) все они номинативны, 2) все они являются собственными именами реально существующих объектов, имеющих, кроме того, и нарицательные названия, 3) все они привязаны к месту, 4) все они индивидуальны [6, 37]. В то же время микротопонимы существенно отличаются от собственно топонимов. Л. А. Климкова, С. А. Попов, Ю. И Чайкина выделяют следующие особенности микротопонимов:

– этимологическая прозрачность большинства микротопонимов; более тесная их связь со словами, от которых они образованы;

– семантическая мотивированность большей части названий;

– отражение исторических фактов, особенностей быта крестьянина;

– частотность структурной оформленности в виде словосочетаний и предложно-падежных конструкций;

– наличие в структуре значения не только номинативного компонента, но и эмоционально-экспрессивной окрашенности;

– системная организация;

– функционирование в морфологических и фонетических вариантах, дублетах;

– недолговечность, неустойчивость, подвижность;

– неофициальность: микротопонимы часто не отображаются на географических картах, они могут быть не зафиксированными ни в одном документе; названия создаёт узкий круг людей, проживающих в одной местности;

– преимущественная одноязычность в силу известности лишь ограниченному кругу людей; функционирование в узком речевом контексте;

– тесная связь с господствующим диалектом; источниками микротопонимии часто являются местные говоры;

– непосредственная обусловленность внеязыковыми факторами;

– ценность микротопонимии, которая по объёму в несколько раз превосходит собственную топонимию и потому содержит намного больше сведений о явлениях, слабо отражённых в собственно топонимии или совсем не отражённых в ней [3, 21-22], [5, 70], [7, 65].

Как отмечает А. И. Ященко, особенности микротопонимов наиболее ярко выражаются «в их происхождении, структуре, сфере употребления… Не величина объекта, а внутренняя форма названия как слова, структура и сфера его употребления дают нам возможность сказать, микротопоним это или собственно топоним» [8, 24].

В микротопонимии разграничиваются названия геогенных объектов – объектов, созданных природой, образующих природный ландшафт: лесов, лугов, ручьёв, оврагов, лощин и др. – и названия антропогенных объектов – создаваемых человеком в результате использования и преобразования природно-географических объектов: полей, садов, прудов и т. д. Подобное разграничение объясняется тем, что микротопонимия, возникая, развивалась постепенно, параллельно тому, как развивалось человечество, которому на протяжении веков был свойственен как присваивающий, так и производственный тип хозяйствования. Земледелие, животноводство, охота, рыбная ловля, добыча полезных ископаемых и другие виды деятельности помогали и помогают человеку видоизменять природные объекты и создавать антропогенные объекты, преобразовывать природный ландшафт и формировать ландшафт антропогенный. В целях выделения антропогенных и геогенных объектов жителями на определённой территории активно использовались и до сих пор используются имена собственные – микротопонимы. Поэтому имеет смысл говорить о том, что микротопонимы – индивидуализированные названия геогенных (созданных природой) и антропогенных (видоизмененных природных, а также созданных человеком в процессе его хозяйственной деятельности) объектов.

Подмечая особенности природных географических объектов, люди всегда стремились дать им названия – маркеры, служащие для ориентирования на местности. От внимания человека не ускользали малейшие детали, поэтому и мотивировка названий различна. Подтверждением этому является собранный на территории Орловской области языковой материал.

В зависимости от принципов номинации географических названий на территории Орловщины выделяются следующие группы микротопонимов:

– по особенностям самого объекта (квалитативные);

– по связи с человеком и его деятельностью (посессивные);

– по месту расположения объекта (локативные).

Среди микротопонимов самую большую группу составляют названия геогенных объектов квалитативного характера. Здесь имеются следующие подгруппы:

– по форме объекта: *Лапки* (место к юго-востоку от села, где в три отрога разветвляются овраги, напоминая лапки гусей – Малоархангельский р-н), *Медвежье ушко* (овраг, по форме напоминающий медвежье ухо – Залегощенский р-н), *Круглый* (лес в форме круга – Мценский р-н), *Кувшин* (ров, имеющий форму русского кувшина. В низине этого рва есть незамерзающий родник – колодец, который тоже называют Кувшином – Залегощенский р-н), *Стрелка* (место слияния Зуши и Оки, напоминающее по внешнему виду стрелу – Мценский р-н), *Корвега* (овраг, похожий на ковригу хлеба – Шаблыкинский р-н), *Порточки* (балка, которая по виду сверху напоминает мужские штаны – Колпнянский р-н), *Корытце* (овраг, по форме напоминающий корыто – Залегощенский р-н), *Рогатый* (лес, расположенный по двум оврагам, расходящимся в разные стороны, как рога животного – Троснянский р-н) и др.;

– по цвету: *Синий вир* (омут, вода в котором издалека кажется синей – Шаблыкинский р-н), *Жёлтый камень* (назван по цвету объекта – Мценск), *Красная круча* (круча, на которой растёт трава красно-бурого цвета – Мценский р-н), *Беленький* (лог, который весной, во время цветения кажется белым – Малоархангельский р-н) и др.;

– по возрасту объекта: *Молодятник* (лес, состоящий из молодой поросли – Корсаковский р-н) и др.;

– по размеру объекта: *Большой верх* (название балки – Колпнянский р-н), *Большая круча* (Шаблыкинский р-н), *Большая яма* (лощина – Корсаковский р-н), *Малая круча* (Шаблыкинский р-н), *Маленький верх* (Малоархангельский р-н) и др.;

– по особенностям флоры (т. е. по геоботаническим объектам): *Берёзовая грива* (Свердловский р-н), *Берёзки* (берёзовый лес – Мценский р-н, Краснозоренский р-н), *Ягодник* (лес, известный местным жителям обилием ягод – Краснозоренский р-н), *Липовый лес* (лес, состоящий из лип – Краснозоренский р-н), *Бересклет* (лес, в котором растёт много кустарников бересклета – Мценский р-н), *Осиновая роща* (роща, в которой растут осины – Шаблыкинский р-н), *Кувшинчики* (лощина с заболоченным дном, где растут кувшинки – Глазуновский р-н), *Ракитки* (часть леса, в которой растут исключительно одни ракиты – Мценский р-н), *Дубочки* (балка, в которой раньше росли дубы – Колпнянский р-н) и др.;

– по особенностям фауны: *Грачевник* (Колпнянский р-н), *Волчий лес* (лес, в котором водилось много волков – Мценский р-н), *Волчье* (овраг, куда сбегались волки, чтобы полакомиться палыми животными, которых туда сбрасывали – Малоархангельский р-н), *Зверище* (лес, в котором водится большое количество разных животных – Мценский р-н), *Лебедёк* (ручей, на который давным-давно прилетали белые лебеди – Малоархангельский р-н), *Воробьёвы горы* (холмы, на которые слетается множество воробьёв – Мценск), *Змеиная балка* (овраг, в котором каждый год по весне располагаются маленькие змейки-медянки – Мценский р-н) и др.;

– наименования объектов, прямым или косвенным образом связанных с природными явлениями: *Грозовой* (родник, образовавшийся в корнях дерева, в которое ударило молнией – Кромской р-н), *Громовой колодец* (родник, образовавшийся в корнях дерева, в которое ударило молнией – Малоархангельск), *Ветронка* (гора, обдуваемая ветром – Глазуновский р-н) и др.

Значительную группу образуют посессивные микротопонимы, которые входят в указанные ниже подгруппы:

– отантропонимические названия: *Андреев лужок* (место, где замёрз мужчина по имени Андрей – Глазуновский р-н), *Машина яма* (возле этого оврага жила женщина с таким именем – Корсаковский р-н), *Маринкин дуб* (возможно, возле этого дуба находился дом женщины по имени Марина – Колпнянский р-н), *Гулин овраг* (возле оврага

жила семья Гулиных – Шаблыкинский р-н), *Курочкин бугор* (здесь проживало большое количество людей по фамилии Курочкин – Шаблыкинский р-н), *Сенинская запрудка / Сенинская гать* (рядом находится дом Сениных – Шаблыкинский р-н), *Дутихин дуб* (рядом жила женщина по прозвищу Дутиха – Мценский р-н), *Коломбетихина запрудка* (находится рядом с домом женщины по прозвищу Коломбетиха – Шаблыкинский р-н), *Мухина гора* (на этой горе, по легенде, свирепствовал разбойник по прозвищу Муха, которого поймали и, возможно, сняли скальп – Троснянский р-н.), *Покрикухин бугор* (здесь жила женщина по прозвищу Покрикуха – Колпнянский р-н) и мн. др.;

– названия, дающие информацию об этнической принадлежности, а также о социально-экономическом положении, о профессии проживающих или проживавших людей: *Цыганский луг* (луг, где останавливался цыганский табор – Колпнянский р-н), *Баринов лес* (принадлежал помещику – Мценский р-н), *Барский лог* (на дне этого лога было озеро, в котором утонула барыня – Шаблыкинский р-н), *Казацкая гора* (в 16 веке селились и жили вокруг горы казаки, защищавшие Московскую Русь от набегов крымских ханов – Залегощенский р-н), *Стрелецкая гора* (на горе в 16 веке селили служилых людей – Мценск), *Попова горка* (возвышенность, где жил священнослужитель – Шаблыкинский р-н) и др.;

– названия, тем или иным образом отражающие занятия людей: *Бараний лог* (пасли овец – Шаблкинский р-н), *Тельной* (лог, в котором пасли телят – Кромской р-н), *Телячий луг* (луг, в котором пасли телят – Мценский р-н), *Погиблое* (овраг, куда свозили палых животных – Покровский р-н) и др.

Кроме того, мы посчитали возможным включить в данную группу микротопонимов и названия, отражающие народные представления о нечистой силе, так как они тоже связаны с человеком, дают информацию о восприятии человеком сакрального и помогают выразить его отношение к сакральному: *Чёртов камень* (камень, находящийся в овраге между д. Нечаево и заброшенной д. Коты, про него ходит много легенд: одни жители утверждают, что этот камень растёт. Он попал на то место при падении метеорита и вдался в землю. Другие считают, что возле камня много нечисти, потому что на нём много отпечатков лап необычных существ – Корсаковский р-н), *Чёртово бремя* (холм, образовавшийся, по местным поверьям, в результате воздействия нечистой силы. По легенде, чёрт хотел перепрудить реку и взял охапку – бремя земли. Нёс её, но прокричал петух, и чары чёрта окончились. Так эта охапка и осталась. Многие пытались найти в этом холме клад – Сосковский р-н), *Русалкины берёзки* (место на горе возле камня, образованное небольшими берёзками, куда, по поверью, в ночь на Ивана Купалу прибегают русалки – Мценск) и др.

Меньшую по количеству микротопонимов группу составляют названия геогенных объектов локативного характера. Можно выделить следующие подгруппы:

– по наименованию близлежащего геогенного объекта *Каменный* (лес, раскинувшийся на краю Каменного рва) (Залегощенский р-н), *Красные овражки* (находятся возле Красного озера) (Шаблыкинский р-н), *Ветронский колодец* (находится у подножия горы Ветронки – Глазуновский р-н) и др.;

– по наименованию близлежащего антропогенного объекта: *Андрияновская засека* (находится возле д. Андрияновка – Мценский р-н), *Пробуждение* (лес, находящийся возле д. Пробуждение – Корсаковский р-н), *Апальковская высота* (находится возле с. Апальково – Мценский р-н), *Кучеряевский мост* (находится возле с. Кучеряево – Шаблыкинский р-н), *Высокинские горки* (находятся возле с Высокое – Шаблыкинский р-н), *Толмачёвская гора* (находится возле с. Толмачёво – Мценский р-н), *Вепринчик* (овраг, находящийся по направлению к д. Вепринец – Покровский р-н)., *Бабий лог* (находится недалеко от Бабьего городка (части с Герасимово) – Шаблыкинский р-н), *Никольский лес* (находится возле с. Никольское, – Троснянский р-н) и др.;

– по расположению одного объекта относительно других (геогенных и антропогенных) объектов с позиции дальности/близости: *Ближние Чибиски, Дальние Чибиски* (овраги, получившие названия в зависимости от местоположения по отношению друг к другу и к населённому пункту (с. Герасимово) – Шаблыкинский р-н), *Ближнее Костино, Дальнее Костино* (овраги, получившие названия в зависимости от местоположения по отношению друг к другу и к населённому пункту (д. Лебедиха) – Троснянский р-н), *Верхний луг* (луг, названный в зависимости от местоположения по отношению к населённому пункту (п. Куракинский) – Свердловский р-н) и др.

Таким образом, названия геогенных объектов в микротопонимии Орловщины неоднородны в семантическом отношении. Анализ микротопонимов показал, что среди них преобладают названия квалитативного характера. Подобное явление связано со стремлением людей подметить особенности природных географических объектов и дать им названия – маркеры, служащие для ориентирования на местности, что особенно важно для сельских жителей.

В то же время многие названия геогенных объектов указывают на непосредственную связь географических объектов с человеком и его хозяйственной деятельностью. Данную связь раскрывают микротопонимы посессивного характера.

Локативные микротопонимы Орловской области дают нам приблизительную информацию о расположении объектов.

Кроме того, в составе микротопонимии Орловщины присутствует и диалектная лексика. Примером тому являются такие названия, как *Корвега*, *Порточки*, *Синий вир* и др. В подобных наименованиях проявляется связь микротопонимии с языком народа вышеуказанного региона.

В микротопонимах отражаются особенности мировосприятия человека, его приоритеты в выборе мотивированных признаков геогенных объектов.

Micro-toponymic system is an integral part of onymy in Russian language. Man-made and geogenic features' names within the micro-toponymic system are different. The latter the most ancient in origin ones are of particular importance for research. They contain information about the nominated geographical features' names of made-man features supply us with information on living processes and interconnection of nature and society. In the article the names of geogenic features' spread in Oryol Region in terms of the principles of their nomination.
Keywords: *proprial worlds, appellatives, onyms, micro-toponyms, geogenic features, Orlovschina (another name of Oryol Region, widely spread among its citizens), name-unit feature's type, naming method.*

Список литературы

1. Альдингер П. П. Об ассоциативно-культурном фоне гидронимов // Язык и культура. Научно-практическая конференция: сб. статей. Смоленск: СмолГУ, 2008. С. 36-41.
2. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дис. … д-ра. филол. наук. М., 2008. 65 с.
3. Климкова Л. А. Региональная ономастика (микротопонимия Арзамасского района Горьковской области) / Учебное пособие по спецкурсу. Горький, 1985. 97 с.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. 198 с.
5. Попов С. А. Топонимика в системе лингвокраеведческих дисциплин // Проблемы литературного и лингвокраеведческого краеведения. Сборник материалов научной конференции молодых исследователей. Орёл: Изд-во ОГУ, 2007. С. 67-71.
6. Суперанская А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия: Сборник исследований по микротопонимии. М.: Изд-во Московского университета, 1967. С. 31-38.
7. Чайкина Ю. И., Монзикова Л. Н., Варникова Е. Н. Из истории топонимии Вологодского края. Вологда: Вологодский ин-т развития образования, 2004. 112 с.
8. Ященко А. И. Лингвистический анализ микротопонимов определённого региона / Курс лекций для студентов филфаков педагогических институтов. Вологда, 1977. 59 с.

Об авторе

Газукина Ю. А. – аспирант кафедры русского языка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, *yulya.gasukina@yandex.ru*

УДК 811.161.1

РАЗВИТИЕ СОБСТВЕННО-ЦЕЛЕВЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ С 20-30-Х ГОДОВ XIX ВЕКА ПО 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

М.В. Глазунов

Семантическим ядром сложноподчинённых предложений целевого типа являются собственно-целевые конструкции, абсолютно господствующие количественно, располагающие развитой системой опорных слов и использующие почти все имеющиеся в языке целевые союзы. Статья посвящена анализу семантических изменений данной разновидности за весь исследуемый период, т.е. за 180 лет.
Ключевые слова: *собственно-целевые предложения, союз, расчленённый союз, союзное сочетание, частица, модальная частица, выделительно-ограничительная частица, обстоятельство цели.*

Семантическая структура сложноподчинённых предложений (далее – СПП) состоит из четырёх семантических разновидностей: 1) собственно-целевых, 2) обосновывающе-целевых, 3) отвергнутой цели, 4) синкретичных СПП [Глазунов, 2001]. Эти разновидности образуют систему, т.е. единое целое, состоящее из элементов и связывающих их отношений [Степанов, 1975].

В предлагаемой статье кратко изложены выводы, сделанные на основе статистического анализа 2421 употреблений собственно-целевых конструкций, извлечённых методом сплошной выборки из произведений художественной прозы 20-30-х годов XIX века (1 период), 80-90-х годов XIX века (2 период) и 90-х годов XX века (3 период).

Цель работы – проследить, как изменялась семантика названных выше предложений на протяжении почти двух веков.

Собственно-целевыми являются СПП, в которых придаточное выражает цель активного действия, не осложнённую какими-либо дополнительными смысловыми оттенками. Они составляют ядро СПП и количественно преобладают над всеми остальными разновидностями. Регулярность в употреблении собственно-целевых конструкций является характерным признаком ядра как наиболее стабильной части любого языкового явления [Бромлей, 1980].

В качестве средств связи собственно-целевых конструкций в наших выборках встретились придаточные предложения с союзами и союзными сочетаниями: чтобы (чтоб); для того (,) чтоб(ы); с тем (,) чтоб(ы); затем, чтоб(ы); дабы.

Самым частотным, ядерным, средством связи в этом типе является союз чтобы. Следует отметить устойчивость его употребления на всех трёх временных срезах, хотя при этом наблюдается незначительное возрастание его частотности в языке художественной прозы 80-90-х годов XX века. Если в 20-30-е г.г. XIX века частота употребления этого союза по отношению ко всем союзам цели составляла 42,5%, то в конце XX века – 48,03% (см. табл. 1).

Например: 1) Впереди скакал бубенщик, чтобы недостойная чернь сворачивала с дороги (Бестужев); 2) Брат поднял меня на плечи, чтобы я мог достать до рамы (Гарин-Михайловский); 3) Агарёв выслал по обоим берегам засады встретить разбойников, велев им запастись пуками лучин, хворосту и соломы, чтобы осветить всю реку (Рощин).

Предложения собственно-целевой разновидности с союзом чтоб встречаются примерно в 4 раза реже, чем с союзом чтобы, причём это характерно для всех трёх временных срезов. Так, в 20-30-е годы XIX века предложения со чтоб употреблялись в 4,2 раза реже, чем со чтобы и составляли 10% от общего количества употреблений всех союзов в этот период. Например: 1) Границкий целый день протаскался по разным гостиным, чтоб увидеться с своей графинею (Одоевский); 2) Её одевают, вывозят в свет, её заставляют молиться господу богу, чтоб только скорее выйти замуж (Мельгунов).

В 80-90-е годы XIX века предложения с союзом чтоб по сравнению со чтобы употреблялись в 4,4 раза реже и составляли 10,3%, т.е. в течение всего XIX века соотношение чтоб и чтобы не изменилось. 1) Жена не нарадуется, побежала скорее на рынок и кофею купила, чтоб только мужа потешить (Степняк-Кравчинский), 2) Маша воспользовалась их отсутствием, чтоб засвидетельствовать тётушке нижайшее почтение (Чехов).

В конце XX века усилилось преобладание предложений с союзом чтобы над чтоб. Собственно-целевые конструкции со чтоб употребляются реже, чем со чтобы, как и в I периоде, в 4,2 раза. 1) Мать дарит младенца мягкими членами, чтоб случайное падение не сделало человека менее способным к терзанию (Кузнецова); 2) Чего не выдумывал человек, чтоб украсить жизнь или забыть о ней (Лиханов).

Предложения со чтобы (чтоб) занимают первое место среди всех союзов в собственно-целевой разновидности: I – 401 (52,5%), II – 473 (56%), III – 482 (59,36%).

Такую большую частотность этого союза можно объяснить его широким семантическим диапазоном.

Вторым по степени распространённости средством связи частей СПП после чтобы (чтоб) собственно-целевой разновидности является союз для того чтоб(ы) и союзное сочетание для того, чтоб(ы).

Чтобы и для того чтобы близки между собой по лексическому наполнению частей СПП. Различие между ними состоит в том, что целевое значение чтобы целиком определяется контекстом, ибо этот союз многозначный, а семантика для того чтобы только координируется со смысловыми отношениями между частями, так как этот союз однозначный: он употребляется в таких конструкциях, в которых между частями, как правило, целевые отношения. Например: 1) Жена с ноги на ногу идёт навстречу к обману, для того чтобы при случае броситься в кресла, закрыть глаза и сказать: «Вы меня обольстили» (Бестужев); 2) Узнали, что это за птица: никто другой, как сатана, принявший человеческий образ, для того чтобы открывать клады (Андреев); 3) Здесь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника, для того чтобы удобнее обманывать богатого и глупого старика (Абрамов).

Анализируя целевые придаточные с союзом для того (,) чтобы, приходишь к выводу: как в XIX веке, так и в XX веке чаще, чем союз, встречаешь союзное сочетание: в 20-30-е годы XIX века – в 3 раза, в 80-90-е годы XIX века – в 2,8 раза, в конце XX века – в 2,4 раза.

Таким образом, с течением времени данная тенденция сохраняется на всех трёх временных срезах: союзное сочетание доминирует над союзом. Объяснить это можно только тем, что союзное сочетание даёт возможность при помощи частиц выделить, ограничить, усилить или отрицать цель, названную в придаточном предложении.

Частицы только и лишь выделяют и ограничивают то, что содержится в придаточном предложении. Частица исключительно выделяет содержание придаточного, частица хоть усиливает его, частица ли придаёт придаточному вопросительное значение. Частица не отрицает содержание придаточного.

Например: 1) Волынский затеет ещё какие-нибудь торжества, игрища только для того, чтобы между действиями сыграть ловче свои шутки (Лажечников); 2) Атаман заставил нас ожидать себя более получаса, лишь для того, чтобы, придав себе более важности, увеличить нашу робость (Нарежный); 3) Древность и истёртый бархат чёрного цвета ещё резче выказывали это юное, прелестное творение, разрумяненное морозом, в блестящей одежде, полураспахнувшийся исключительно для того, чтобы обличить стройность и негу её форм (Пушкин); 4) Жители внутренних городов находили весьма полезным затеять ссору с соседями хоть для того, чтобы избавиться от излишка своего народонаселения (Одоевский); 5) Князь Серебряный: — Для того ли я нашёл тебя, чтобы потерять вдвойне? (Бестужев); 6) Он занимался науками не для того, чтобы щеголять знаниями в суетном кругу учёных женщин или академиков (Алексин).

Союз для того чтобы членится также и в том случае, когда автор даёт субъективную модальную оценку содержанию придаточного, для чего употребляет в главном предложении вводные слова и модальные частицы: вероятно, очевидно, как будто, как бы: 1) Но старик выходит опять к нам из внутренних комнат, вероятно для того, чтобы позвать нас к столу (Ананьев); 2) Если Барон и думал иногда о сыне, так это, очевидно, для того, чтобы не допустить вести об его плебейском существовании (Рощин); 3) Несколько шагов вперёд, — и опять остановка, как будто для того, чтобы приготовить к чести видеть пресветлое лицо Иоанна (Лесков); 4) Гроснот тряхнул головой, как бы для того, чтобы избавиться от неподвижного взгляда своего мученика (Лажечников).

В нашей выборке встретились собственно-целевые придаточные, связанные с главным предложением

союзом с тем чтобы и союзным сочетанием с тем, чтобы. Соотношение этих СПП между собой таково: в I периоде предложения с союзом употреблялись в 1,5 раза реже, а во II периоде – в 2,3 раза реже, чем с союзным сочетанием. К концу XX века союз с тем чтобы был почти вытеснен союзным сочетанием: употреблялся в 4,1 раза реже этого сочетания.

В предложениях с союзом с тем чтобы чётко выражается собственно цель так же, как и в предложениях с союзом для того чтобы**.** Например: 1) Домна Платоновна велела отнести ко мне свой сундучок, подушки и подаренную ей кем-то банку варенья, с тем чтобы я нашёл случай передать всё это Валерке (Лесков); 2) Он пришёл в последний раз отдежурить на своём стуле и насладиться на нём закатом своей службы при первом человеке в империи**,** с тем чтобы он напутствовал его покровительским взглядом на новое служение (Гранин).

Во всех таких СПП союз с тем чтобы не утрачивает синонимической связи с целевым союзом для того чтобы**.**

Однако основную часть в этой подгруппе предложений составляют СПП с союзным сочетанием. Причём общее их количество на всех трёх временных срезах примерно одинаково (I – 6,15%, II – 6,03%, III – 6,53%). Например: 1) Его заставили играть роль Языка с тем, чтобы оговорить цыганку (Лажечников); 2) Любители и знатоки искусства оставляют там половину имения и возвращаются в отечество с тем, чтобы остальную половину пропустить сквозь руки менял, скульпторов и рыцарей (Мельгунов); 3) Адъютант, вошедший в спальню с тем, чтобы доложить о том, сколько было во вчерашнем деле взято пленных, стоял у двери, ожидая позволения уйти (Симонов).

Таким образом, преобладание целевых СПП с сочетанием с тем, чтобы над предложениями с союзом с тем чтобы можно объяснить тем, что это союзное сочетание, как и для того, чтобы**,** чётче, конкретнее позволяет выделить цель, о которой говорится в главном предложении, усилить её семантический вес.

Кроме того, условиями расчленения союза с тем чтобы является употребление в главном предложении выделительно-ограничительных частиц, а также вводных слов, т.е. те же условия, что и для расчленения союза для того чтобы**.** Например: 1) Литвянка обратила лишь голову с тем, чтобы не показать слёз (Лажечников); 2) Старик подходит к очагу на цыпочках только с тем, чтобы поправить в нём огонь (Одоевский); 3) — Признайтесь, княжна, что вы ставите меня в самое затруднительное положение: заставляете ехать секретно к умирающей женщине исключительно с тем, чтобы заставить её сделать то, что может быть неприятно её мужу (Бестужев); 4) Мамон позвал к себе своё домашнее привидение, которое являлось к нему, видимо, с тем, чтобы выслушивать радостную весть о чьём-нибудь несчастии (Растопчина); 5) Француз живёт на конюшне, завтракает с любимым бегуном и ездит в Лондон, вероятно, с тем, чтобы посоветоваться с известным коновалом о болезни своей английской кобылы (Батюшков).

Немногочисленную группу собственно-целевых СПП составляют предложения с союзным сочетанием затем, чтобы**.** Собственно союз затем чтобы нам не встретился. Примеры с союзным сочетанием затем, чтобы подтверждают, что оно выступает в СПП только с собственно-целевым значением: 1) Я получил от Оленина письмо, а отвечать на него буду через два или три месяца затем, чтобы не уронить мне своего достоинства (Батюшков); 2) Здесь целое семейство починивает старые башмаки и ветхий плащ, затем, чтоб поутру можно было выйти на улицу просить у прохожих кусок хлеба (Гарин-Михайловский).

СПП с сочетанием затем, чтобы редко употребляются на всех трёх временных срезах, и их частотность почти не изменяется на протяжении 180 лет: I – 3,9%, II – 3,54%, III – 3,82%.

Непродуктивность этого союзного сочетания объясняется отсутствием семантического отличия его от сочетания для того, чтобы. Если высказать предположение о возможности исчезновения затем, чтобы из русского языка в будущем, то оно не будет лишено основания, ибо нет ни стилистических, ни семантических особенностей, которые обеспечивали бы ему существование в русском языке. Ср.: 1) Казалось, он, адъютант, даже вырос таким длинным только затем [=для того], чтобы походить на своего длинного генерала (Фадеев); 2) Салов: Вот допустим, мне скажут: живёшь ты затем [=для того], чтобы улететь на другую солнечную систему (Чаковский); 3) Терпеть не могу людей, которые всё бранят, затем [=для того], чтобы прослыть глубокомысленными умниками (Немирович-Данченко).

Заметную роль в собственно-целевых конструкциях играют СПП с союзом дабы. 1) Мы в сем лесу и ночевали, дабы рано поутру удовлетворить желанию видеться с начальником некоторых храбрых людей (Одоевский); 2) Но благочинный Варфоломей благоразумно употребил своё влияние, дабы потушить дело и не дать ему большей гласности (Титов).

Употребление этого союза в конце XX века встречается в 3,6 раза реже, чем в 20-30-ые годы XIX века.

На основании статистических данных можно сделать вывод: к концу XX века союз дабы постепенно вытесняется ядерными целевыми союзами чтобы и для того чтобы**,** становится архаизмом, что отмечают составители словарей и авторы учебных пособий [Словарь русского языка, 1981; Современный русский литературный язык, 1996; Гвоздев, 1968; Формановская, 1978].

Следует отметить, что в пушкинский период архаическая окраска этого союза была слабее, чем в конце XX века: авторы употребляли иногда его и в речи героев: 1) Бурсаку недосуг — он сейчас спит, дабы не спать ночью (Нарежный); 2) — Я решился в этот день поспеть ещё в село Глупцово, дабы от Переяславля по дороге к Пирятину быть в таком же расстоянии, в каком были мы, находясь в усадьбе (Боборыкин).

Хотя союз дабы и считают устарелым, но в языке художественной прозы XX века (а это всего лишь 3,09%) он обычно придаёт высказыванию шутливо-ироничный либо торжественно-приподнятый характер: Я осушил ещё две кружки кваса, дабы сделаться умнее и великодушнее (Титов).

Эти оттенки отмечают Е.С. Скобликова [Скобликова, 1993], Н.И. Формановская [Формановская, 1978].

Однако иногда современные писатели используют союз дабы без всякой стилистической установки: 1) Мы нарочно ехали шагом, а иногда и останавливались, дабы не потерять никого из виду (Лиханов); 2) Свернув бумагу, я начал ходить по комнате**,** дабы увериться в своём бодром состоянии (Тендряков).

Среди собственно-целевых СПП следует выделить конструкции, в которых главное предложение содержит обстоятельство цели нарочно, придающее придаточному значение цели с «определённым намерением». Предложения с таким целевым оттенком встречаются со чтобы (чтоб) и с для того (,) чтобы (чтоб)**:** 1) Адель покраснела и нарочно уронила кольцо, чтоб, наклонясь, скрыть свою краску (Степняк-Кравчинский); 2) Князь нарочно ославил дочь свою безумною для того, чтобы завладеть имением (Растопчина).

В таких СПП наречие нарочно не только придаёт придаточному оттенок намерения, но и усиливает семантический вес придаточного, актуализирует цель: Адель уронила кольцо нарочно — не просто уронила, а нарочно (для чего? зачем ей это было нужно?), чтоб, наклонясь, скрыть краску (смущение на лице); этим оправдывается преднамеренное действие девушки (первый пример).

В выборке встретились предложения с обстоятельством цели, выраженным не только наречием, но и словосочетанием (правда, это единичные случаи): 1) Часть отряда потянулась выше, для переправы вплавь, чтобы оттянуть казаков от главной переправы и прикрыть её (Стаднюк); 2) Для всякой предосторожности, чтобы не перетолковали в худую сторону моих шуток, ныне ж донесу ему обо всём, случившемся в моём доме (Погорельский).

Здесь также придаточные предложения уточняют цель действия, названными обстоятельствами цели в главном предложении.

Таким образом, собственно-целевые СПП широко представлены на всех трёх временных срезах и являются самыми продуктивными среди всех СПП целевого типа. Основными средствами связи в них являются чтоб(ы); для того (,) чтоб(ы); с тем (,) чтоб(ы); затем, чтоб(ы); дабы.

Отдельную группу составляют предложения собственно-целевой разновидности, где семантику СПП определяют не только союзы и союзные сочетания, но и частицы, вводные слова, обстоятельства цели, выраженные наречием нарочно, реже – словосочетанием в составе главного предложения.

Таблица 1

Изменения в употреблении средств связи в собственно-целевых предложениях

Средства связи	20-30-е годы XIX века		80-90-е годы XIX века		80-90-е годы XX века	
	Кол-во	%%	Кол-во	%%	Кол-во	%%
чтобы	325	42,5	386	45,7	390	48,03
чтоб	76	10,0	87	10,3	92	11,33
для того чтоб(ы)	42	5,5	51	6,03	61	7,5
для того, чтоб(ы)	124	16,3	140	16,8	147	18,1
с тем чтоб(ы)	31	4,05	22	2,6	13	1,6
с тем, чтоб(ы)	47	6,15	51	6,03	53	6,53
затем, чтоб(ы)	30	3,9	32	3,54	31	3,82
дабы	89	11,6	76	9,0	25	3,09
Всего	764	100,0	845	100,0	812	100,0

The semantic kernel of compound sentences of purpose is made up of sentences of purpose proper, which absolutely dominate in quantity, have well-developed systems of supporting words, and use almost all conjunctions of purpose available in the language. The purpose of the article is to study the changes in semantics of the sentences mentioned above during almost two centuries.
Keywords*: complex sentence with purpose clause, conjunction, split conjunction, conjunctional combination, particle, modal particle, adverbial modifier of purpose.*

Список литературы

1. Бромлей С.В. 1980. Об одном методе извлечения данных о развитии языка из его синхронных характеристик. В кн.: Тезисы докладов II Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания. Диалектика развития языка. М., издательство АН СССР: 90-93.
2. Гвоздев А.Н. 1968. Современный русский язык. Ч. II. Синтаксис. М., Просвещение, 344.
3. Глазунов М.В. 2001. Изменения в семантике сложноподчинённых предложений целевого типа с 20-30-х годов XIX века по 90-е годы XX века. Синтаксис сложного предложения: актуальные проблемы. Межвузовский сборник статей. Орёл: ОГУ: 65-69.
4. Скобликова Е.С. 1993. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Самара, издательство Самарского университета, 228.
5. Словарь русского языка. 1981. Т. I. М., Русский язык, 696.
6. Современный русский литературный язык. 1996. М., Высшая школа, 463.
7. Степанов Ю.С. 1975. Основы общего языкознания. М., Просвещение, 271.
8. Формановская Н.И. 1978. Стилистика сложного предложения. М., Русский язык, 239.

Об авторе

Глазунов М. В. – кандидат филологических наук, доцент Академии ФСО России, *m-glazunov@mail.ru*

УДК 811.11

УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИДИОСТИЛЕВЫЕ МАРКЕРЫ В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ Н.С.ЛЕСКОВА «РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ПАРИЖЕ»

О.А. Головачева

В данной работе представлены результаты исследования устойчивых единиц в очерках Н.С. Лескова «Русское общество в Париже», их синтагматика и парадигматика. Основное внимание уделяется этимологии, коннотативной отмеченности, функциональным особенностям паремий и фразеологизмов, выступающих манифестантами авторского представления об особенностях жизни соотечественников за рубежом, их отношениям с другими европейцами.
***Ключевые слова**: Н.С. Лесков, ранняя публицистика, устойчивые единицы, парадигматические и синтагматические связи, языковая игра.*

Н.С. Лесков начал свою литературную деятельность в 60-е годы Х1Х века и уже в этот период широко использовал фразеологический фонд в произведениях разных жанров, в т.ч. в цикле очерков «Русское общество в Париже» (1863 г.), где автор, описывая особенности представителей различных национальных общин, употреблял устойчивые обороты не только русского языка, но и других, представлял их в литерации языка-источника, подвергал в случае необходимости трансформации.

При характеристике своих соотечественников, пребывавщих в Париже с различными целями, публицист использовал многочисленные паремии, которые выступали как экспрессивно-оценочные наряду с другими единицами оценочного регистра.

Прежде всего Н.С. Лесков аттестовал земляков и акцентировал внимание читателя на том, что русские, живущие в Париже, не составляют целостности, как чехи или другие славянские народы; напротив, они четко делятся на два главных типа *парижского русского общества: елисеевцы и латинцы.* Название, или, по меткому выражению автора, *прозвание*, происходит от места расселения: елисеевцы живут *непосредственно в Champs-Elysées [Елисейские поля (Франц.)], или в других улицах, неподалеку от place de la Concorde [Площадь Согласия (Франц.)]*, а латинцы – в Латинском квартале.

Неоднословные топонимы *Champs-Elysées* и *place de la Concorde* - устойчивые единицы французского языка, данные в литерации языка-источника с переводом; в тексте выполняют номинативную функцию, называют места проживания русских эмигрантов и путешественников. Автор отмечал следующие особенности соотечественников: «*Елисеевцы и латинцы не имеют почти никакой солидарности. Общего у них между собою только одни русские паспорты и посольский швейцар* …» [1; здесь и далее цит. по данному источнику].

Различия же наблюдаются в происхождении и в их образе жизни:

*«Елисеевцы …принадлежат или к российскому **поместному дворянству**, или к высшему достаточному чиновничеству. Они ведут в Париже жизнь семейную в довольстве, а чаще всего даже в изобилии. Латинцы… народ холостой, одинокий, довольствуется самыми умеренными средствами … а весьма часто живут самым непонятным образом, без всяких средств».*

При характеристике земляков Н.С. Лесков использовал разнообразные по стилистической тональности и коннотативной отмеченности языковые единицы. Наиболее частотны лексемы в метафорическом значении (*штука-другая, отбиться, тот бок (Сены), единица и др.*). Выпуклую оценочность имеют слова в переносном значении, включенные в парадигматические отношения семантической близости (*штука, единица; отобьется, забежит*) или протиположности (*свой - чужой*):

*«Бывает так, что **штука-другая отобьется** от **своего стада** и забежит в **чужое**; но она все-таки считается **единицею своего стада**, и в **чужом стаде** ей всегда неловко. Латинец иногда **отобьется** на тот бок Сены и там поселится; но это случается или по неопытности, по незнанию условий парижской жизни, или по каким-нибудь другим ошибочным расчетам».*

Наряду с отмеченными выше лексическими единицами широко использованы устойчивые обороты, создающие яркую картину лесковского оценочного пространства. Так, про елисеевцев автор говорил:

*«Эти подрукавные аристократики, удивляющие дома в глуши весь свой муравейник, здесь совсем затериваются и не видны. Они по большей части живут тихо, **ни шатко, ни валко, ни на сторону»**.*

В современном языке устойчивое выражение *ни шатко, ни валко* («посредственно, без резких изменений в хорошую или дурную сторону» [2]) является производным от пословицы *Живи ни шатко, ни валко, ни на сторону*, по отношению к которой фразеологизм в тексте функционирует в усеченном виде. Н.С. Лесков употребил данную единицу без начального компонента, что было частотным и типичным в XIX веке. В контексте фразеологизм противопоставлен словосочетанию *удивляющие … весь свой муравейник*, где у словоформы *удивляющие* в качестве имплицитных можно выделить семы ‘роскошь’, ‘сумасбродство’ и др. Такими проявлениями отличались на родине люди, которых Н.С.Лесков называл *аристократиками.* Здесь деминутивный суффикс *-ик-* имеет саркастически-пренебрежительную коннотацию, усиленную метафорической семантикой слова *муравейник* – «множество хлопотливо снующих людей» [3, т.3, с.311]. В данном контексте публицист, используя широкий диапазон языковых средств, ярко демонстрирует поведение русских, активно выпячивающих своё эго на

родине и живущих тихо-скромно за границей. Их существование в Париже лишено цели, поэтому, по наблюдению публициста, и *не стоит никакого описания*, о чем сообщается также словосочетанием *утопая в безделье и... ну да в чем хотите: «Времяпрепровождение елисеевцев-аристократов не стоит никакого описания. Они живут, как живут парижские аристократы,* ***утопая в безделье и... ну да в чем хотите»****.*

Синтагматика глагола *утопать* в значении «предаваться чему-либо сверх меры, нормы» [3, т.4, с.535] демонстрирует соседство с аксиологически осуждаемыми в русском социуме проявлениями, ср.: *утопать в роскоши, в порочных наслаждениях.* В ассоциативном диапазоне названного ЛСВ лексемы *утопать* проявляется постоянство негативной оценки, что демонстрируют аналогичные связи и устойчивых выражений (*утопать в крови, утопать в слезах*). Семантика глагола-опорного компонента подразумевает смысловую связь со словами, предполагающими наличие чего-то «сверх меры», того, что излишествует, а значит, не бывает полезным. В соответствие с узуальной структурной синтагматикой единицы (*утопать в...*) Н.С. Лесков выстраивает цепь структурных подобий авторского диапазона, семантически противопоставленных языковым: в системе зависимый компонент фиксирует множество/наполненность, в то время как в контексте – отсутствие. В русле семантической оценочности Н.С. Лесков привлекает в качестве контекстного партнера субстантив *безделье* – «незанятость делом, пребывание в праздности» [3, т.1, с.71], что всегда осуждалось в русском этносе. Коннотативный потенциал слова *утопать* умножает сочетание *ну да в чем хотите – «с относительными местоимениями глагол образует сочетания в значении определительных местоимений – что хочешь - любое»* [3, т.4, с.622]. В контекстном окружении реализуется негативно оценочная коннотация за счет общего ассоциативного поля, окружающего лексему в пространстве национальной культуры, что эксплицировано и устойчивыми сочетаниями с опорным компонентом - глаголом *хотеть* – (*плевать хочу, чего (моя/твоя) (левая) нога хочет* и др.).

Таким образом, отрицательная коннотативная отмеченность лексических единиц и устойчивых выражений репрезентирует ценностные доминанты русских елисеевцев в Париже. Однако автор полагает, что к числу духовных приоритетов, прежде всего, следует отнести сохранение национальной эдентичности, которая должна усваиваться детьми как некий генетический код. Но родителей, стремящихся *обучать детей русскому языку и объяснять им русскую жизнь и историю,* совсем немного. К сожалению, учителя, по наблюдению Н.С. Лескова, *из рук вон плохи, бесполезны*; аттестованы в статье так: *«Это –* ***бездарность, наглость, ненасытимое корыстолюбие*** *и ко всему этому нередко глубочайшая* ***нравственная испорченность****. Я не говорю этого обо всех (обо всех огулом я только решаюсь сказать, что они* ***из рук вон плохи*** *и учить детей неспособны)// ... и к собакам пустить нельзя:* ***собак развратят и погубят****...// Если бы я мог показать некоторых из этих господ честному и благомыслящему читателю, то он или бы* ***расплакался до слез, или бы расхохотался до колотья в подреберьи».***

В публицистических произведениях Н.С. Лесков редко прибегает к гиперсемантизации, однако в очерках «Русское общество в Париже» неоднократно использует этот прием. Литератор употребляет в качестве контекстных синонимов адъектив *бесполезный* – «не приносящий пользы, напрасный» [3, т.1, с.83] и фразеологизм *из рук вон плохо* – «очень плохо, никуда не годится» [3, т.3, с.738]. Так автор определяет учителей, которым русские женщины в Париже отдают предпочтение при выборе педагогов для своих детей. Аттестация этих личностей дана через тавталогическое сочетание *расплакался до слез.* В семантику глагола *расплакаться* («под действием эмоций начать проливать слёзы») включен компонент ‘слезы’, следовательно, употребление данного субстантива в структуре словосочетания создает смысловую избыточность. Н.С. Лесков, скрупулезно работавший над своими текстами, мог структурировать такое выражение только намеренно, чтобы привлечь внимание читателя к его необычности и заставить задуматься над тем уровнем образования и развития, который имеют учителя, привлеченные для обучения русских детей.

Выражение *расплакался до слез* мы относим к авторскому фонду язвительно-сатирических средств, т.к. в данной конструкции в развернутой лесковской интерпретации представлен фразеологизм *смех сквозь слезы* или его синоним *(и) смех, и грех/ (и) смех, и горе* – «о том, что одновременно и смешно, и печально» [3, т.3, с.153]. Н.С. Лесков с педантичной точностью отмечает: детей русскому языку не обучали, а *поучивали,* и то *немножечко.* Семантика наречия *немножечко* та же, что и производящего *немножко*, и *немного* – «в небольшом количестве; чуть-чуть, слегка» [3, т.2, с.453], однако суффикс деминутивного характера в его структуре усиливает компонент минимальности, незначительности, который эксплицирован в значении префикса *по* – («осуществление действия в несколько ославленной степени» [3, т.3, с.150]) глагола *поучивать*.

Сарказм Н.С. Лескова-публициста достигает апогея на сочетании *столпы отечества.* Узуальная синтагматика данного ЛСВ слова ограничена (*столп общества, столп финансового мира, государства*), что позволяет отнести его к типу фразеологически связанных единиц, т.к. переносное значение лексемы *столп* – «крупный, видный деятель» [3, т.4, с.273]. Таково было историческое предназначение русских аристократов, для которых соответствие статусу предполагало высокий уровень образованности, однако элементарная грамотность этих деятелей в описываемые Н.С. Лесковым времена низводилась до уровня *лавочного мальчишки*: «*...парижские россияне порешили, что детей* ***российских дворян****,* ***как ни вертись****, все-таки нужно немножечко поучивать русской грамоте, поучивать хоть настолько, чтобы отечественная письменность была им приурочена не менее, чем лавочному мальчишке, записывающему в серую тетрадь продажу свечей и мыла; чтобы каждый из этих* ***подрастающих столпов отечества*** *со временем мог собственноручно написать своему секретарю: “****Сумлеваюсъ штоп я мох бить па балесни в засидании Совета****”».*

Здесь устойчивые обороты *как ни вертись, столпы отечества* создают яркий и в то же время контрастный эмоционально-коннотативный фон усиленный лексическими единицами. Когда речь идет об обучении русских детей, публицист неоднократно обыгрывает лексемы *смех/слезы* или их синонимы как в составе фразеологизмов, так и в структуре словосочетаний, снова и снова привлекая внимание читателей к актуальной проблеме, которая найдет продолжение в будущем в виде негативных последствий: «***Смеху и жалости подобно**, как здесь смотрят на образование своих детей. Учителя русского **боятся как чумы**. От университетских студентов **бежат как от огня**, и дьячков и всяких господ с поповки или зарекомендованных поповкою предпочитают всякому образованному человеку».*

В контексте использованы синонимичные устойчивые сравнения, (*бояться как чумы, бежать как от огня*) и фразеологизмы разговорного характера *смеху подобно* – «о том, что вызывает смех или насмешку» [4], и *жалости подобно* – «достойно сострадания, сочувствия» [5]. В связи с наличием в структуре каждой ФЕ элемента *подобно* в тексте имеет место контаминация двух устойчивых оборотов, в результате чего возникает новая единица с обощенной конденсированной семантикой, включающей значение обоих выражений. Это и смех, и слезы над будущим страны, о чем Н.С. Лесков говорит открыто, язвительно, констатируя, что в вопросе обучения подрастающего поколения русские, к сожалению, близки полякам, дети которых за родной принимают чужой язык. Для характеристики поляков, утративших все национальное, кроме внешних признаков, публицист использует поговорку *когда-то было, да быльем поросло,* синонимичную лексеме *потерять* в значении – «перестать обладать чем-либо, лишиться, утратить» [3, т.4, с.350].

*«Они … и о Польше вспоминают так, как мы, например, вспоминаем о России, изображенной в "Севернорусских народоправствах" Николая Ивановича Костомарова, или, пожалуй, даже в былинах и песнях рыбниковского сборника. Для них все это "**когда-то было, да быльем поросло**". Это парижские уврьеры польского происхождения, и ничего более. У них **потеряно** все польское, кроме красивых заломов в углах глаз, аристократических лбов и исковерканного галлицизмами польского языка».*

Автор констатирует: взрослые поляки не стремятся даже разговаривать с детьми на родном языке. Не имя представления о своей родине, признаках национальной самобытности, представители молодого поколения поляков имеют единственное острое желание – стать своими среди французов. Умение поляков-детей с трудом изъясняться на родном языке фиксирует фразеологизм *с грехом пополам* – разг. «кое-как, с большим усилием» [6]. Отношение поляков к воспитанию детей подчеркивается через контекстные синонимы *кое-как* и *с грехом пополам,* чем создается смысловая избыточность, т.к. в семантической структуре фразеологической единицы уже присутствует компонент *кое-как*.

*«.. мне доводилось видеть детей, рожденных в faubourg [Предместье (Франц.)] St. Antoine от чисто польских супружеств, и многие из детей такого происхождения тоже едва могли **кое-как с грехом пополам** объясняться по-польски, а некоторые даже не умели хорошо отличить польского языка от языков других славянских племен».*

Указывая на инонациональный «продукт», полученный данным этносом в виде молодого поколения, выросшего и обученного на чужбине, патриот Н.С. Лесков предостерегает от подобных негативных результатов русское сообщество, пребывающее за границей.

Объективно оценивая как иноплеменников, так и своих соотечественников, живущих в Париже, публицист отмечает, что в вопросе обучения детей наше сходство с поляками удивительно. Однако у представителей этой нации много других отличительных черт, не свойственных русским людям, что непредвзято отмечено Н.С. Лесковым в т.ч. с помощью устойчивых выражений:

*«Поляк жмет вам руку – и выдумывает **благовидный предлог**, чтобы **дать от вас поскорей стрекача**, чтобы не идти с вами, не сидеть или не стоять вместе».*

Лицемерие поляков в контексте аттестуют многочисленные единицы оценочного диапазона: сравнение *как заяц* – «трусливо», фразеологизмы *благовидный предлог* – «повод к чему либо, основание, причина для каких либо действий, поступков» [7], *дать стрекача* – «стремительно убегать» [8] и один из ярких авторских приемов обратного нагнетания, когда препозиция отводится максимально семантически и коннотативно насыщенной единице ЛСГ, по отношению к которой в постпозиции находятся свободные сочетания с меньшим градусом экспрессивной отмеченности. Наблюдения за поведением поляков репрезентированы в многочисленных контекстах, например:

*«Поляк самый мягкосердный все-таки думает, что **он интеллигенция**, а **русские это черт знает что**. Рассуждая при случае о ком-нибудь из русских, поляк преспокойно говорит: "On **nic sobie** – ale moskal!" или "On czlowiek poczcivy i dosec swiatly, ale ma sie rozumiec, jak moskal" ["Он ничего себе, но москаль!" или: "Он человек, достойный уважения и довольно просвещенный, но, разумеется, как москаль"]».*

Ю.Д. Апресян справедливо полагал, что наиболее важным участком лексики, «безусловно, является лексика, описывающая человека» [9, т.1, с.159]. Принцип антропоцентричности при выборе лексических единиц «является доминантным в публицистических текстах Н.С. Лескова» [10], что выпукло демонстрирует цикл «Русское общество в Париже», где единицы оценочного диапазона включены в отношения противопоставленности. Публицист при этом расширяет зону языковой антонимии, отзеркаливая лексические единицы и устойчивые выражения (*интеллигенция - черт знает что*).

Противопоставленность лежит и в основе мнения русских о поляках (*мы – они*; *всей душой - всеми копытами*), что частотно в ранней публицистике Н.С. Лескова и способствует созданию яркой образности в контексте.

«Мы к ним всей душой, а они всеми копытами. *Ведь это что ж? Нам если так, так и* ***Бог с ними*** *совсем" ... а отсюда уже чаще и чаще стало слышаться: "****Да Бог с ними****! Что ж нам с людьми, которые за нашу вежливость только ломаются да* ***рожи нам строят****!"».*

Здесь отрицательная оценка русских поляками передана с помощью фразеологизмов, для которых характерна апелляция к высшим силам (*Бог с ними*). Слово *Бог* лишено сакрального смысла в структуре данной устойчивой единицы, разговорно-бытовое употребление лексемы предопределяет возможность упоминания и антагониста Бога (*черт знает что*), представление о котором имплицитно наличествует и в конструкции *Мы к ним всей душой, а они всеми копытами.* Устойчивые обороты принадлежат одной ТТГ (текстовой тематической группе) и семантически сближены. По наблюдению В.В. Леденевой, «Использование в одном тексте близких по значению единиц идиолекта – один из излюбленных Н.С. Лесковым приемов, увеличивающих смысловую плотность текста» [11, с.162]. Широкое употребление фразеологических единиц является одной из ярких особенностей идиостиля Н.С. Лескова-публициста, богатый внутренний мир которого находится в гармонии с русской этнокультурной ценностной системой. Фразеологизм *всей душой* – «безгранично, искренне, горячо» [12, с.152] – противопоставлен выражению *всеми копытами*. В лексикографической фиксации слова *копыто* не нашло отражение устойчивое представление о части тела существа, олицетворяющего собой злое начало, однако в фоновых знаниях это закреплено.

Русский публицист, владевший польским языком, с фотографической точностью фиксирует отношение поляков к русским как к людям низшего типа. Более того, даже когда наши соотечественники помогали полякам, последние пытались всячески унизить их, причем часто это делалось подло, исподтишка, о чем, например, сигнализирует выражение *съевши такой орех.* Вероятно, здесь имела место авторская трансформация пословицы *Не разгрызть ореха, не съесть и ядра.* Такого рода языковая игра присутствует в литературном наследии публициста, что отмечено В.В. Леденевой: «обыгрывание далеко не чуждо идиостилю Н.С. Лескова» [11, с.122], А.С. Орловым: «Больше чем кто из русских писателей XIX века, Лесков оставил следов стилистической игры со свойствами русского языка» [13, с.153]. Данная идиостилевая черта отмечена нами в работах 60-х годов, что позволяет утверждать: неповторимая манера выдающегося русского беллетриста была заложена и активно проявлялась уже в ранних текстах Н.С. Лескова - публициста.

«Польский депутат пришел, выслушал приглашение русских участвовать с ними в деле, касающемся итальянского героя, и объявил, что он передаст все это своим. Русские, по бестактности своей, приняли ***ничтоже сумняся*** *и это, а на другой день польский депутат объявил им, что поляки очень благодарят за сделанную им честь но... не могут со своей стороны принять в этом никакого участия, ибо вообще им нельзя участвовать ни в каком деле вместе с русскими.* ***Съевши такой орех****, русские, разумеется, обошлись и без польского содействия, которое вызывалось собственно из дурно оцененной деликатности».*

Языковая игра нередко является показательным средством отражения авторской позиции, что фиксируется, например, через выражение *польские мироносицы.* Второй компонент данного словосочетания общеизвестен только в структуре устойчивой единицы *жены-мироносицы*. Это определение женщин, пришедших утром в первый день после субботы ко Гробу воскресшего Иисуса Христа, с ароматами и благовониями (миром) для ритуального умащения тела. Этот день является церковным женским праздником, символизирующим крепость и силу духа женщин, их твердость и вместе с тем жалость, доброту. Совсем другими представляются читателю польки (*лицемерные ханжи, искренние фанатички*):

«Еще есть одна польская группа, собранная около St. Sulpice, но эта по преимуществу женская группа не очень велика, и к тому же эти ***польские мироносицы*** *не принадлежат миру сему, а отцам-иезуитам, так что о них и распространяться нечего. Это или* ***лицемерные ханжи, или искренние фанатички,*** *каких часто производит католицизм иезуитский, парящий над rue Ferou, Canivet, Servandoni и Caserne».*

Как типичную черту автор отмечает лицемерие поляков, проявляющееся и у взрослых мужчин, и у подростков, и у женщин. Позиция публициста показательна, нередко представлена оборотами-полонизмами, например:

«Еще ни одна парижская газета не успеет сказать, что́ было вчера на бале у императора, а уж поляки знают ***jak u co*** *[Как и что (Польск.)] было вчера в "Тюлериях", как они называют обыкновенно Тюльери.// ...славяне всегда еще не потеряют возможности обратиться к политике поляков, заключающейся в том, что они, по сравнению их поэта, "****jak wąz kijem przytiosnenty"*** *(как прижатый палкою уж), поднимают свои головы то туда, то сюда».*

Не все в России разделяли взгляды Н.С. Лескова на поляков. Многие не верили литератору только потому, что им не хотелось думать о представителях этой нации плохо. Этносознание русских всегда направлено на солидарность с людьми обделенными, на поддержку несчастных, обиженных, каковыми многие представляли поляков. Однако лесковская публицистика всегда ориентирована на факт, что отражали исследователи (Видуэцкая И.П. [14], Горелов А.А. [15], Раевский С. [16] и др.). И факты, отмеченные автором в цикле «Русское общество в Париже», свидетельствовали о выходцах из Польши как о приспособленцах, нечистоплотных в нравственном отношении людях, способных при каждом удобном случае унизить других.

Иначе, чем поляков, публицист описывает чехов, к которым не питает особой личной симпатии, но ценит их и уважает. При характеристике чехов Н.С. Лесков использует русские паремии, тем самым имплицитно отражая доверие, приятие представителей данного славянского сообщества. Объективная авторская оценка определена в следующем контексте:

«Чехи не боятся ***вести хлеб-соль и дружбу*** *с русскими; а полякам это не нравится. Чехи пускаются иногда в объяснения и говорят: "Да помилуйте! москали только один самостоятельный славянский народ в мире: как же славянщине не ютиться к ним?».*

Паремия *вести хлеб-соль* – «дружить, знаться с кем-то» – расширена за счет лексемы *дружба*, создающей гиперсемантизацию устойчивой единицы, в результате чего актуализируется семантически и коннотативно значимый компонент.

При характеристике чехов автор трансформирует паремии и частотно употребляемые единицы, тем самым подчеркивая национальные особенности данной этнической группы как положительно оценочные, например:

*«Все парижские чехи... сойдутся раз в неделю, попьют пива, поговорят о родине, потолкуют о положении своих земляков, находящихся в Париже, и поищут средств, кому чем и как помочь общими силами, и сейчас же, если нужно, скинутся по одному, по два франка. "****С миру по нитке – голому выходит рубашка****". Пока бедняка так или иначе пристроят, пока он осмотрится, осмелится, ему не угрожают ни голод, ни холод, ни Клиши».*

Н.С. Лесков полагает, что отношение чехов к своим соотечественникам, эксплицированное паремиями *С миру по нитке – голому рубашка; И Богу не грех, и людям не смех,* должно служить ориентором для русских, не проявляющих заботы о земляках, оказавшихся за границей в бедственном положении. Н.С. Лесков, как публицист с ярко выраженной национальной ориентацией, в цикле «Русское общество в Париже» говорил о том, что в чужой стране необходимо объединяться, помогать соотечественникам, а как представитель демократического крыла просветительства отдавал предпочтение живой, практической деятельности…

Автор предположил, что для русских образцом заботы о своих земляках могут быть чехи: *«у них парижская община заботится не только о том, чтобы чех не был без хлеба, чтобы он не был нищ, но также чтобы он не был в положении, подвергающем его искушениям и превышающем его нравственные силы и терпение. У них новичка отдают под опеку старожила, и все миром заботятся призреть и приютить его, чтоб из него, по чешской поговорке, вышел "****и Богу не грех, и людям не смех****"».* Публицист твердо уверен в том, что *наше положение в Париже должно бы быть таково же.*

Фразеологическое выражение *"и Богу не грех, и людям не смех"* репрезентирует характерные особенности национального типа чехов, о которых автор очерка неоднократно отзывался как о деликатных, довольно наивных, общительных людях, стремящихся к «славянской взаимности». Публицист отмечает благотворное влияние чехов даже на поляков, если те долгое время живут вместе:

«… из русских был только один я, а из поляков один богатый ювелир из чешской Праги с шестнадцатилетним сыном. Но и эти-то два поляка – собственно ***отбившиеся овцы*** *польского стада. Они оба обжились с чехами и сами гораздо более чехи, чем поляки, особенно сын, родившийся уже в чешской Праге и от матери-чешки».*

Сочетание *отбившиеся овцы* вызывает ассоциации с библеизмом *заблудшая овца* – «случайно сбившийся с пути истинного человек» [17]. Дифференциальной для глаголов *отбиться* и *заблудиться* выступает имплицитная сема 'случайно'/ 'преднамеренно'.

Авторская интенция, репрезентированная сочетанием *отбившиеся овцы,* направлена на создание у читателя объемного, верного представления о славянах, основанного на личных наблюдениях и опыте. Положительный посыл публицист частотно преломляет через русские пословицы, например, *в тесноте, но не в обиде*, в которых, по мнению В.Н. Телия, заложена «духовная культура - нравственная, этическая, эстетическая и т.п. система ценностей» [18, с.304].

*«За два дня до нового года, встретясь случайно с Фричем, мы зашли посмотреть помещение, ангажированное им для нашего пира, и оно мне очень не понравилось по своей тесноте. Так и вышло, что было очень тесно, и мы встречали новый 1863 год буквально "****в тесноте, но не в обиде****"».*

В цикле очерков Н.С. Лесков стремился раскрыть прежде всего русский национальный характер, который он представлял и в сопоставлении с национальными характерами других народов. Устойчивые этнические особенности жизни русских в Париже автор эксплицировал с помощью фразеологизмов *хоть какое-нибудь лыком шитое, да общество*; *на одной онучке сушены/ на одном солнышке онучки сушили* и др., указывавшие на отсутствие у них духовной солидарности и поддержки даже в бытовых вопросах. Здесь публицист шел вразрез даже с народной мудростью, эксплицированной, например, паремией *всякий кулик свое болото хвалит*, категорично утверждая: «*...имею уверенность, что нисколько не обижаю русского народа, не скрывая его мерзостей и гадостей, от которых он не свободен, как и всякий другой народ».*

Объективно, емко и эмоционально автор передает свои переживания за земляков, оказавшихся в трудном положении вдали от родины. Нередко нуждой доведенный до отчаяния русский человек искал помощи у соотечественников-церковнослужителей, жизнь которых Н.С. Лесков описывает так:

«Наружные отношения жителей парижской русской поповки друг к другу весьма благоприличны, и общество, бывающее только в церкви да у священников, совершенно право, предполагая, что здесь вечная ***тишь да гладь, да божья благодать».***

Паремия *тишь да гладь, да божья благодать* отражает внешнюю сторону жизни, то состояние *русской поповки*, которое бросается в глаза. О глубинной, завуалированной стороне публицист отзовется иначе:

«А парижская поповка есть во всех отношениях ***место злачно и спокойно****, где* ***Ирида хотя и катает свое золотое яблочко,*** *но где все-таки каждый живет* ***без печали и воздыхания****, да еще и впереди видит для*

себя ***жизнь бесконечную».***

Данный контекст репрезентирует кросскультурное пространство образованного православного человека, который без труда идентифицирует фрагмент Панихиды: «Упокой, Господи, душу новопреставленного р.Т. имярек в месте светлем, месте тихом, где нет печали, болезни, воздыхания, но жизнь бесконечная».

Просвещенный читатель понимает, что жизнь тех, кто был приближен к поповке, протекает не только вполне благополучно, о чем сигнализирует фразеологизированная единица *без печали и воздыхания,* но и так, как можно о ней мечтать (*видит для себя жизнь бесконечную*), безусловно, в бытовом отношении. Однако контекст выявляет и отсутствие идилии в жизни поповки, что отражает выражение *место злачно и спокойно,* являющееся фрагментом заупокойной молитвы и первоначально означавшее место приятное, всем изобильное. Но вне связки с придагательным *спокойно* слово *(место) злачно* трактуется как «место, где кутят и развратничают» [3, т.1, с.611]. Лексема *спокойно(е)* имеет одно из значений «без оживления, движения, шума» [3, т.4, с.228]. Устойчивая единица, на наш взгляд, стилизована под церковнославянское сочетание, повторяющееся в тексте Панихиды, но в контекстном партнерстве с конструкцией *Ирида катает свое золотое яблочко* претерпела дефразеологизацию и представляет собой мотивированность структурным составом, что создает выпуклое представление об интригах и кознях обитателей по отношению друг к другу. В ранних публицистических работах литератора нами отмечены многочисленные «оригинальные синтагмы – «словесные сцепления», характеризующие автора как «фокусника слова», о чем говорили в своих работах Н.И. Либан [19, с.335], В.В. Леденёва [11] и другие исследователи языка Н.С. Лескова.

Таким образом, в цикле очерков «Русское общество в Париже» употреблены разнообразные по стилистике, этимологии и коннотативной отмеченности устойчивые единицы, выступающие манифестантами авторского представления об особенностях жизни соотечественников за рубежом. Публицист объективно оценивал не только русских, но и представителей других славянских народов, используя экспрессивные лексемы, фразеологизмы, паремии, подвергая авторской трансформации те обороты, которые обладают особой концептуальной значимостью, расширял их семантический объем, коннотативно насыщал интертекстуальными контексты включениями.

This paper presents the results of a study of stable units in the essays NS Leskov "Russian society in Paris," their syntagmatics and paradigms. It focuses on etymology, connotative Reported, functional features proverbs and phraseology extending copyright demonstrators presentation about the life of compatriots abroad and their relations with other Europeans.
Keywords*: N.S. Leskov, early journalism, stable unit, paradigmatic and syntagmatic relations, language game.*

Список литературы

1. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Электронный носитель CDR. – М., 1998.
2. Энциклопедия dslov.ru. URL: http://dslov.ru/fslov/f682.htm.
3. Словарь русского языка в 4-х тт. М., 1988.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: http://phraseology.academic.ru .
5. Фразеология.ру. URL: http://frazeologiya.ru/fraza/zhalost.htm.
6. Универсальный русско-английский словарь, URL: http://universal_ru_en.academic.ru/ .
7. Большой англо-русский и русско-английский словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/ .
8. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL:http://enc-dic.com/word/d/Dat-strekacha-strechka-33472.html.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х тт. Т.1 Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М., 1995. – 472с.
10. Головачева О.А. Нравственные проблемы публицистики Н.С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора. – Брянск, 2011. – 111с.
11. Леденёва В.В. Слово Лескова. – М., 2015. – 259с.
12. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А. И. – М., 1986. - 543с.
13. Орлов А.С. Язык русских писателей. – М.-Л., 1948. – 191с.
14. Видуэцкая И.П. Творчество Лескова в контексте русской литературы - дисс… д –ра …1994.
15. Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура. Л., 1998. – 294с.
16. Раевский С. Публицистика Н.С. Лескова начала 60-х годов// Ученые записки Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А.И. Герцена, т.XXXII, ч.2, 1958. - сс. 137 – 160.
17. Отрезал.ру. URL: http://www.otrezal.ru/catch-words/139.html.
18. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. - М., 1993, С. 304.
19. Либан Н.И. Творчество Н.С. Лескова (60-80-х годов XIX века) // Избранное: Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды. – М., 2010. – 720 с.

Об авторе

Головачева О.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского, *golovacheva-olga@mail.ru*

УДК 8; 811.11-112

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫДВИЖЕНИЯ АКТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ ГАЗЕТ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

А.Р. Давыдова, М.Р. Саркисян

Настоящая статья посвящена исследованию языковых механизмов реализации категории оценки на материале англоязычных газетных сообщений. Для осуществления эмоционального воздействия на реципиента в текстах англоязычных газет используются разноуровневые языковые средства. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить лексико-семантические, лексико-грамматические и синтаксические средства в корпусе статей англоязычных газет. Автор развивает тезис о том, что данные средства языка являются важными оценочными стратегиями англоязычного газетного текста. В ходе исследования фактического материала доказано, что в анализируемых фрагментах наличествуют субъективно-оценочные факторы, которые формируют своеобразную идеологическую систему взглядов и ценностей в сознании читателя. Подача материала осуществляется через призму авторского мировосприятия, что находит адекватное выражение в многообразных разноуровневых языковых средствах.
***Ключевые слова**: категория оценки, авторская модальность, языковые средства выражения оценки, текст газетного сообщения, экспликаторы субъективно-модальных значений.*

В свете последних исследовании, проливающих свет на повышенный интерес языка к человеческому фактору, понятие оценки или авторской модальности, авторского «Я» приобрело в языке особый статус. Пристальное внимание к категории оценки в языке сопряжено тем, что, во-первых, оценка включает в себя семантический и прагматический аспекты, во-вторых, в оценке наличествует компонент, который нераздельно связан с прагматикой процесса коммуникации. Стоит отметить, что оценка представляет собой модальную рамку, которая состоит из эксплицитных и имплицитных элементов (то есть субъекта, объекта и аспекта оценки), оценочного предиката, стереотипов и шкалы оценок [Бабенко, 2009; Баженова, 2003]. Исходя из этого, нам представляется немаловажным факт соотнесения категории оценки к категориям текстового порядка. Таким образом, категория оценки является комплексным феноменом, так как складывается из возможных в языке средств выражения: фонетических, лексических, синтаксических, стилистических и графических.

Объектом рассмотрения в статье выбран текст газетного сообщения, который представляет благодатную почву для изучения и функционирования оценки в языке газеты. Известно, что газетный текст отражает события, представляет массовому читателю свое видение и понимание этих событий. Общая текстовая оценка складывается из звеньев информационной цепочки: отбор фактов, освещение событий, создание образа, формирование стереотипа, культурологический аспект [Алещанова, 2000; Бабенко, 2009]. Оценка также сводится к дескриптивной стороне текста, поэтому, целесообразнее рассматривать оценку как особый аспект языковых выражений, которые накладываются на их дескриптивное содержание.

Вместе с тем, осмысление сущности и особенностей газетных текстов сопряжено с анализом когнитивно-речевой деятельности адресатов и адресантов сообщения. Специфика речевого поведения в массмедиальной сфере во многом зависит от коммуникативной асимметрии: то есть степень проявления авторской модальности, которая зависит от жанровой отнесенности текста, адресует сообщение конкретной группы получателей или совокупности реципиентов [Клушина, 2008]. Осмысление и понимание коммуникативного намерения автора достигается за счет предсказуемости реципиента. Коммуникативно-прагматический анализ современных медиатекстов состоит в рассмотрении авторских интенций, которые имплицитно навязываются на читателя. Важно отметить, что журналист компетентен в выборе средств для реализации своих речевых интенций [Александрова, 2003]. Взаимодействующая природа коммуникационных процессов в современной массмедиальной сфере определяет сложность данной корреляции, так как она представляет собой процесс передачи информации и выражения авторского смысла [Макарова, 1989; Клушина, 2008].

Современные антропоцентрические тенденции в языкознании затрагивают слова, словосочетания, предложения, высказывания и, непосредственно, сами тексты. Следует подчеркнуть, что в текстах публицистического стиля прагматическая, воздействующая роль автора как носителя определенных социально-этических идей, мнений, стереотипов, установок поведения значительно возросло в последние годы.

Газетно-публицистический текст представляет собой связный текст с конкретной коммуникативной ситуацией [Александрова, 2003]. Речь идет о таком тексте, который обладает направленным социальным действием. В связи с чем представляется важным проследить формирование, во-первых, текстовой модальности, которая лежит в основе смысловой структуры текста и отражает специфику изложения материала, во-вторых, авторской модальности, которое репрезентируется в структуре текста.

Данная статья посвящена исследованию языковых механизмов реализации категории оценки на материале англоязычных газетных сообщений. Для осуществления акцентирования или эмоционального воздействия на реципиента в текстах англоязычных газет используются языковые средства, представленные на лексическом и грамматическом уровнях. Мы последовательно проанализировали лексико-семантические, лексико-грамматические и синтаксические средства в корпусе статей англоязычных газет. Данные средства языка являются важными оценочными стратегиями англоязычного газетного текста. План содержания модального фрагмента англоязычной статьи представляет собой отношение адресата к сообщаемому. План выражения составляют экспликаторы субъективно-модальных значений: эмотивная лексика, метафоры, перифраз, вводные слова и сочетания, модальные слова и риторические конструкции.

Рассматриваемые статьи отличаются, с одной стороны, ярко проявленной индивуальностью самого корреспондента (активная социальная позиция, открытое проявление авторского мнения), а с другой, максимально объективной со всех точек зрения характеристикой фактов и событий (прямая цитация слов).

Рассмотрим специфику функционирования категории оценки на примере следующего фрагмента:

1. In the five years since her mother was murdered by terrorists on the London Underground, Saba Mozakka has asked herself a series of excruciating questions every day. “Why her? Why us? Why not a later train? Why that carriage? Did she feel any pain?” Her account yesterday to the July 7 inquests of the **gloom and doom** that she has felt since the loss of her mother, Behnaz Mozakka, 47, was of a deeply personal nature [Memories of 7/7 unite victims’ relatives // The Times. 2015. 26 January. URL: http://www.times.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2015)].

Заголовок дает возможность читателю догадаться о ситуации, которую раскрывает автор статьи: воспоминания о террористическом акте, унесшем жизни сотни безвинных людей. Цифровые данные «7/7», заложенные в заголовке, являются количественным средством акцентуации, имплицитно сообщая читателю точную дату совершения теракта. Первый абзац является вводным, раскрывает основное содержание статьи. Использование ряда риторических вопросов и оценочного прилагательного в основной части несут в себе подчеркнуто экспрессивный характер и служат для выражения неодобрения и критики тех, кто повинен в совершении кровопролития в лондонской подземной системе. Употребление фразеологической единицы «gloom and doom» выражает эмоционально-экспрессивное отношение автора к описываемой ситуации и его сочувствие к родственникам жертв.

В целях создания определенной степени выразительности и воздействующего эффекта в анализируемом фрагменте используются различные элементы экспрессивного синтаксиса. Так, выдвижение ремы усиливает авторскую аргументацию, благодаря чему рассуждения приобретают четкий и однозначный характер. Например,

2. Her account yesterday to the July 7 inquests of the gloom and doom that she has felt since the loss of her mother, Behnaz Mozakka, 47, was of a deeply personal nature. [Memories of 7/7 unite victims’ relatives // The Times. 2015. 26 January. URL: http://www.times.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2015)].

Для ритмического членения текста и в то же время для эмоционально-усиливающего эффекта применяются повторы и параллелизмы. Обратимся к следующему фрагменту:

3. But as the 29-year-old spoke **of “craving all that has been cruelly taken away", of family events tinged with sadness and of being left with an “emptiness that is beyond contemplation”,** her words resonated with each of those who lost loved ones in the **2005** terror attacks. [Memories of 7/7 unite victims’ relatives // The Times. 2015. 26 January. URL: http://www.times.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2015)].

Параллельные конструкции, рематический порядок предложения в данном контексте усиливают боль и страдания людей, чьи родные стали жертвами нападения. Более того, цифровые данные, приводимые в статье, служат эксплицитным оценочным целям. Цифры в газетных текстах и комментариях предназначены прежде всего для выражения точной, беспристрастной информации. Вместе с тем автор, прибегая в своей статье, к дате и году совершения кровопролития, стремится вызвать у читателя всплеск эмоций, заставляя вновь окунуться в события тех дней, прочувствовать ужас, страдания и отчаяние, охватившее людей. Обратимся к примеру:

4. The **devastating** human toll of the bombings was outlined as the inquests moved to evidence relating to the Russell Square bombing, where **26 people** were killed in the **deadliest** of the four explosions [Memories of 7/7 unite victims’ relatives // The Times. 2015. 26 January. URL: http://www.times.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2015)].

Количественные данные «**26 people**» становятся базой оценки, и таким образом происходит переход количественной оценки в качественную. Как было ранее указано, цифры предназначены для выражения беспристрастной информации. Однако стремление автора статьи обнародовать количественные данные придают отрицательную оценку событиям тех дней и таким образом оказывают определённое воздействие на позицию читателя. Высшая степень оценки выражается именами прилагательными, употреблёнными в превосходной степени, а также именами прилагательными и причастиями в атрибутивной функции **«devastating», «the deadliest».**

Оценочный эффект на синтаксическом уровне достигается в следующем примере:

5. As family members gave a series of statements about their loved ones, similar themes emerged of **unfulfilled potential, lost opportunities and an overwhelming sense of grief** [Memories of 7/7 unite victims’ relatives // The Times. 2015. 26 January. URL: http://www.times.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2015)].

Использование градации придает анализируемому абзацу дополнительную экспрессивную оценку, тем самым оказывает определенное воздействие на читателя в ходе его восприятия.

6. “We were saving a bottle of champagne to celebrate my five-year milestone in 2006, but I could not bring myself to drink it alone”, she said.

“They will go through life without their father’s stable and loving presence. **Every proud, scary, comical, mundane and special moment** of their lives will be incomplete.” [Memories of 7/7 unite victims’ relatives // The Times. 2015. 26 January. URL: http://www.times.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2015)].

Цитация придает многоголосие, а адресанту помогает концентрировать внимание адресата и направлять ход его мысли в нужное русло. Цитирование, используемое в примере, помогают автору статьи сформировать определённую читательскую оценку, способствуя созданию диалога с читателем, а также достижению особого ритмического оформления высказывания. Цитата способствуют привлечению внимания читателя к ключевым моментам, в то время как перечисление усиливает смысловую и эмоциональную нагрузку газетной статьи.

Оценочный эффект на синтаксическом уровне создаётся также за счёт использования синтаксических структур, имеющих статус эмоциональных синтаксических средств. Для ритмического членения текста и в то же время для эмоционально-усиливающего эффекта применяются повторы и параллелизмы. Например,

7. After today, officials will be even more cautious about **what they say what they write, and what they send and save.** New encryption techniques will be brought in to plug the WikiLeaks…. **Watersheds** are usually exaggerated, but we may look back on this WikiLeaks moment as a cultural **turning point**: ***when*** both the benefits and dangers of digitised information were laid bare***; when*** diplomacy became defensively secretive, reverting to an earlier game of shadowy envoys, leaving no tracks; ***when*** a young man, listening to pop music; apparently opened up a secret world and made a superpower seem frail [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

Экспрессивный порядок слов, переложение грамматической функции на пунктуационные средства способствуют передачи оценочного эффекта. Обратимся к примеру:

8. That faint tapping noise you can hear is the sound of government officials the world over, **pressing the delete key, repeatedly** [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

Парентетические внесения также представляют интерес, так как служат средством передачи экспрессивности. Например,

9. The realisation that every word that a diplomat writes – **from the important (Arab demands to bomb Iran) to the trivial (Colonel Gaddafi's "voluptuous blonde" Ukrainian nurse)** – is liable to leaking is sure to encourage not just greater reserve, but perhaps also a different sort of diplomacy [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

Рассмотрим специфику функционирования категории оценки на лексическом уровне на примере следующего фрагмента:

10. As a chunk of instant history, there has never been anything to compare with the **Wikidump** of 2010, a 250,000-document trove offering a vast, layered picture of what America thinks of the rest of the world.

"I listened and lip-synched to Lady Gaga's *Telephone* while 'exfiltrating' possibly the largest **data spillage** in American history," he **gloated** after this feast of raw, contemporary history was pitched into the public domain.

That faint tapping noise you can hear is the sound of government officials the world over, pressing the delete key, repeatedly. A **buttoned lip**, from this day forward, will be required diplomatic uniform. Quite apart from the individual explosions set off by the WikiLeaks stockpile, how diplomacy is conducted will never be the same.

The extraordinary **Wiki Leakage** has come about through a collision of old and new, a traditional way of doing diplomacy that has come unstuck, because of a new way of recording and storing it. The very language used by US diplomats reporting home seems quaintly old-fashioned, filled with crisp put-downs and arch one-liners: Vladimir Putin, "**the alpha dog of Europe**", Nicolas Sarkozy, "**thin-skinned and authoritarian**"; Robert Mugabe, "**crazy old man**"; Kim Yong Il, "**flabby old chap**". These are not insights but stereotypes, intended to entertain more than to inform.

A second-rank official in the US embassy has combed the newspapers, cobbled together a caricature, spiced it up with gossip and added a little veneer of superiority. Silvio Berlusconi "vain"? This is hardly a revelation, but a mildly **disparaging** titbit to whet the appetite of the boss in Washington. Ambassador, you are spoiling us.

…The realisation that every word that a diplomat writes – from the important (Arab demands to bomb Iran) to the trivial (Colonel Gaddafi's "**voluptuous blonde**" Ukrainian nurse) – is liable to leaking is sure to encourage not just greater reserve, but perhaps also a different sort of diplomacy.

The threat of electronic **leakage** may prompt a reversion to an earlier form of international relations, conducted by telephone or personal emissaries, meeting privately, passing information by word of mouth and writing nothing down. Indeed, one such figure appears in the **WikiLeaks** cast: the "shadowy" Russian-speaking go-between passing "lavish gifts" between Mr Putin and Mr Berlusconi, his "mouthpiece" in Europe. [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

Эффективным средством речевой реализации оценки выступают прежде всего имена существительные, включающие оценочный компонент в структуру корневой морфемы. Например, существительное "wikileak", определяемое "*an intentional disclosure of secret information*" [CCED, 2001: 1665], имеет подчёркнуто экспрессивный характер и служит для реализации отрицательной коннотации. Исходя из дефиниции, мы имеем дело с преднамеренным обнародованием конфиденциальной информации. В контексте анализируемого фрагмента немалый интерес также представляют лексемы "wikidump", "spillage", являющиеся синонимами лексемы "wikileak", однако используется для передачи большей экспрессивности.

Высшая степень оценки может выражаться именами прилагательными, употреблёнными в превосходной степени, именами прилагательными и причастиями в атрибутивной функции, указывающие на соответствие или несоответствие объекта оценки этическим, эстетическим и другим нормам, принятым в определённом коллективе или сфере деятельности, например, "the largest", "a buttoned lip", "thin-skinned", "flabby", "disparaging". Данные лексические единицы имеют подчеркнуто экспрессивный характер и употребляются для выражения неодобрения, критики. Обратимся к дефиниции "flabby" – 'you are criticizing it for being disorganized or wasteful'[CCED, 2001: 908]; либо к дефиниции "thin-skinned" (disapproval) – if you say someone is thin-skinned, you mean that they are easily

upset by criticism or unpleasantness [CCED, 2001: 1506].

Оценочный компонент содержат и глаголы, указывающие на отношение субъектов оценки к ее объекту: Например, “gloat”, “accelerate”, “denude”.

В особую группу мы выделяем перифраз как особое средство реализации оценочных стратегий. Успех подачи материала часто напрямую зависит от искусства создавать описательные обороты, чтобы лучше донести интенцию глобального адресанта до адресата. Приём вторичных номинаций, в частности перифраз, позволяет автору избежать употребления нежелательных или недопустимых слов и выражений или просто украсить речь. Например, “the largest data spillage”, “alpha dog of Europe”.

3. He attributed the problem to **“stovepipe syndrome”**, which refers to the difficulty of information sharing faced by large, geographically dispersed companies with large staffs. Important information from one corner of the building is not shared with others, and becomes stuck up an information chimney, or stovepipe [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

Данные примеры ёмких перифразов являются выразительными оценочными средствами и привлекает внимание читателя. В этом случае описательные обороты не просто позволяет автору избежать употребления нежелательных слов, но и содержит в себе отрицательную коннотацию.

Еще более экспрессивную оценку реализуют устойчивые сочетания (идиомы). Рассмотрим пример:

4. Private First Class Bradley Manning may have **done** a first-class **disservice** to US international relations”…

The extraordinary Wikileakage has come about through a collision of old and new, a traditional way of doing diplomacy that **has come unstuck** because of a new way of recording and storing it.

The threat of electronic leakage may prompt a reversion to an earlier form of international relations, passing information **by word of mouth** and writing nothing down. …This is hardly a revelation, but a mildly disparaging titbit to **whet the appetite** of the boss in Washington.

There cannot be any diplomats or intelligence officers today who are not wondering what **hostages to fortune** they may have left in the electronic archive, and resolving to guard their words and cover their tracks in future.

Watersheds are usually exaggerated, but we may look back on this WikiLeaks moment as a cultural turning point: **when both the benefits and dangers of digitised information were laid bare**. [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

В этих примерах автор, умело используя идиомы, достигает отрицательной коннотации.

Ярким средством речевой реализации оценки являются стилистически окрашенные слова. В проанализированных газетных статьях и комментариях стилистически окрашенные лексические единицы выражают, как правило, пренебрежительное отношение.

Средства иносказания являются наиболее яркими действенными средствами оценки в газетном тексте. Удовлетворяя таким требованиям как краткость, информативность, содержательная насыщенность, имплицитный характер передачи информации иносказательные средства (и в первую очередь метафоры) направлены на максимальное воздействие и являются наиболее образными. Метафора привлекает и удерживает внимание; насыщает текст выразительными образами, способными надолго сохраниться в памяти; оказывает воздействие на ассоциативное мышление, являясь одним из инструментов воздействия, а подчас и манипулирования сознанием и мыслительным процессом; служит эффективным средством выражения личной позиции автора, выступает в роли уплотнителя информации. Например,

5. A second-rank official in the US embassy has ***combed the newspapers***, cobbled together a caricature, ***spiced it up with gossip*** and added a little veneer of superiority.

But what would once have required ***a fork-lift truck*** can now be moved with a single USB memory stick.

For a journalist, it is impossible not to ***be enthralled by this wide window flung open on*** to American diplomacy, but the long-term effect may be the end of diplomatic history itself.

Important information that should be shared between different arms of government, and between governments, will be ***shoved firmly back up the stovepipe.*** [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

Поскольку метафора содержит имплицитно оценку обозначаемого, которая может быть как отрицательной, так и положительной, говорящий может использовать метафору в качестве мелиоративной или пейоративной номинации, что позволяет рассматривать такую метафору как действие по созданию у собеседника определённого впечатления или отношения к тому или иному лицу, предмету. Искажающая реальное положение дел метафора используется в оценочных речевых актах как более действенное средство, чем прямое наименование объекта. Конечная цель таких высказываний -побуждение собеседника к совершению определённого действия, что и способствует тому, что употребление метафоры становится манипулятивным действием. Например,

6. But what would once have required ***a fork-lift truck*** can now be moved with a single USB memory stick.

For a journalist, it is impossible not **to be enthralled by this wide window flung open on to American diplomacy**, but the long-term effect may be the end of diplomatic history itself [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

Оценка реализуется также при помощи таких лексико-грамматических стилистических фигур, как антитеза и ирония. В большинстве случаев иронические высказывания и антитезы способствуют в неожиданной

языковой форме имплицитно выразить оценку действительности. Именно эти стилистические приёмы помогают доказать своё мнение, высмеять какую-то догму, привлечь внимание оригинальностью суждения, сделать мысль запоминающейся, афористичной. Например,

7. The very language used by US diplomats reporting home seems quaintly old-fashioned, filled with crisp put-downs and arch one-liners. Vladimir Putin, "the ***alpha dog of Europe***", Nicolas Sarkozy, "***thin-skinned and authoritarian***"; Robert Mugabe, "***crazy old man***"; Kim Yong Il, "***flabby old chap***". These are not insights but stereotypes, intended to entertain more than to inform.

Digitisation has already denuded the historical record: people do not preserve e-mails and texts, **digital records** become obsolete in a way that **paper** never does and **an internet page** has little or no shelf life [«To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015)].

Таким образом, лингвистические способы выражения мнения и оценки в анализируемых статьях варьируются от прямых эксплицитных до скрытых имплицитных средств. Они включают в себя широкий диапазон языковых средств, как употребление слов и словосочетаний с оценочным значением, а также с отрицательными или положительными коннотациями; манипуляции идеологически-модальной лексикой; использование различных стилистических приёмов - сравнений, метафор, антитезы и т.п.; особое синтаксическое построение фразы: порядок слов, вопросы, повторяющиеся синтаксические конструкции.

Анализ фактического материала свидетельствует о наличии в анализируемых фрагментах субъективно-оценочных факторов, которые формируют своеобразную идеологическую систему взглядов и ценностей в сознании читателя. Подача материала осуществляется через призму авторского мировосприятия, что находит адекватное выражение в многообразных разноуровневых языковых средствах. Рассмотрение категории оценки как комплексного явления, включающего лексические, грамматические, структурно-текстовые средства оценки, не только даёт возможность систематизировать накопленные знания в данной области на качественно новом уровне, но и помогает объяснить многие феномены функционирования категории оценки в англоязычном газетном тексте.

The given article is devoted to the study of the linguistic mechanisms of the realization of the category of assessment in the English newspaper articles. There are multi-layered language means in the newspaper articles which exert influence on recipients. The aim of the article lies in detecting lexical and semantic, lexical and grammatical and syntactical means within the framework of the newspaper articles. The author elaborates the thesis relating to the fact that the language means are of significant assessment strategies of the newspaper article. It was proved that there are subjective and estimating factors in the newspaper articles which shape a peculiarly ideological system of views and values in the recipients' mind. The presentation of the material is maintained in the light of the author's worldview which finds its manifestation in different language means.
Keywords: *The category of assessment, author's modality, the language means of the category of assessment, the text of the newspaper article, explicative means of the subjective and modal meanings.*

Список литературы

1. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 89-99.
2. Алещанова И.В. Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 131-140.
3. Бабенко Л.Г. Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 133 -143.
4. Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 139-146.
5. Болотина М.А. Виды модальности и их реализация высказываниях с модальными глаголами (на материале современного английского языка): дис. . канд. филол. наук. Минск, 1993. 218 с.
6. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2008.
7. Макарова Н.П. Диалог. Категория модальности. Саранск: Изд-во Саран, ун-та, 1989. 87 с.
8. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners. The University of Birmingham: Colins Cobuild, 2001. 1824 p.
9. Memories of 7/7 unite victims' relatives // The Times. 2015. 26 January. URL: http://www.times.co.uk/ (дата обращения: 01.02.2015).
10. «To <ctrl> WikiLeaks will mean more <del>» // The Independent. 2015. 08 February. URL: http://www.independent.co.uk/ (дата обращения: 21.03.2015).

Об авторах

Давыдова А.Р. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Армавирского государственного педагогического университета, *bootlegger@inbox.ru*

Саркисян М.Р. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета, *smarianne@yandex.ru*

УДК 811.112.2

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ МЕТАТЕКСТ

М.Н. Дмитриева

В настоящей статье обсуждаются особенности формальной и содержательной организации высказываний метакоммуникативного плана в трех текстах древневерхненемецкого периода, выявляются качественные и количественные различия их использования. В целом, применение метатекстовых элементов в каждом из памятников обусловлено жанрово-функциональным своеобразием и характером перевода (построчник с текста Татиана, дидактически-поясняющий перевод Ноткера, свободное изложение сюжета у Отфрида).

Ключевые слова: *метатекст, древневерхненемецкий метадискурс, модальные компоненты, глаголы говорения, вопросительные высказывания, Татиан, Отфрид, Ноткер Немецкий, аргументативная стратегия.*

Данная статья выполнена с использованием материалов к конференции «Германистика: перспективы развития» (Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, 27-28 ноября 2014 г.), посвященной 100-летию со Дня рождения известного русского лингвиста и педагога О.И.Москальской.

Доклад был подготовлен совместно с моим научным руководителем доктром филологических наук, профессором, заведующим кафедрой немецкой филологии СПбГУ С.Т. Нефёдовым.

Метатекст как авторское комментирование своих собственных коммуникативно-речевых действий [3, с. 193-230; 9, 403-421], когда автор / говорящий делает самого себя предметом речи, или «автокоммуникация» в смысле Ю.М. Лотмана [5, с.163-177], существовал, вероятно, всегда и является универсалией рече- / текстопорождения. Метатекстовые вставки в процессе создания текстов отражают одно из сущностных свойств человеческой натуры – способность к рефлексии и саморефлексии [15, S. 1449]. Уже в самых древних из сохранившихся древневерхненемецких текстов можно обнаружить такого рода метатекстовые комментарии, различные по объему, грамматической форме и прагматическим свойствам, составляющие план метакоммуникации – «речи о речи». Источником языкового материала для настоящей статьи послужили три письменных памятника древневерхненемецкого периода: 1) «Евангельская гармония» Татиана, 2) поэма Отфрида и 3) перевод Ноткером Немецким трактата Боэция «Утешение философией».

«Евангельская гармония» Татиана – это переводное произведение, созданное неизвестным автором (авторами) около 830 г. на восточно-франкском диалекте. Отличительной особенностью «Татиана» является его жёсткая «привязка» к латинскому оригиналу. Поэтому этот древний текст часто называют «подстрочником» [8: с. 196; 1, с. 29; 4, с. 30-31; 10, с. 207] и даже «рабским подражанием» латыни [13, с. 21].

Регистрирующая объективность как главная черта речевого жанра библейского повествования существенно ограничивает применение в «Татиане» метакоммуникативных языковых средств, служащих для управления процессом речевого взаимодействия, структурирования текста и комментирования собственных высказываний.

В метакоммуникативной функции здесь используется только одна типизированная структурно-семантическая модель предложения – модель ввода прямой речи. Она формируется в результате семантико-синтаксического взаимодействия следующих составляющих, линейный порядок расположения которых соответствует их типичному местоположению в большинстве текстовых реализаций: модальный эпистемический компонент с семантикой истинности / достоверности uuar в краткой нефлективной форме (возможен повтор данной лексемы) + предикат verbum dicendum в форме 1 лица, единственного числа, настоящего времени + подлежащее – личное местоимение 1-го лица ih + факультативное дополнение, выраженное личным местоимением в разрядах единственного или множественного числа Датива, замещающее позицию адресата речи + обязательное дополнение, репрезентирующее в разной форме содержание (предмет) речи.

Например: (1) Thô antlingita ther heilant, quad: … ***Uuâr quidih iu***, quement tagâ in then ni uuirdit forlâzan hier stein oba steine… (T., 144, 2: 270 = Mt., 24,2) – Тогда Спаситель ответил и сказал: "***Истинно, я говорю вам***: Наступят времена, когда здесь не останется камня на камне".

Возможна структура с тавтологическим повтором лексемы: (2) …quad in: ***… uuâr uuâr quidih iu***: nist scalc mêro thanne sîn herro noh thie postul nist mêro themo ther inan santa (T., 156, 4: 286 = J., 13, 16) - … сказал Спаситель ученикам: "…***Истинно, истинно я говорю вам***: раб не больше господина своего, а посланник не больше того, кто послал его".

Кроме того, возможны сочетания оценочного ***uuâr*** с другими эпистемическими словами (*Uuâr giuuesso quidu ih iu. Истинно, конечно же, я говорю вам).*

Сфера употребления таких автореферентных, комментирующих собственную речь высказываний (всего обнаружен 71 пример) – прямая речь Иисуса Христа. Основная их прагматическая функция – управление вниманием адресата и оценочное комментирование непосредственно следующих высказываний как абсолютной истины, поскольку они представляют собой откровения Истины в устах Бога-Сына.

В отличие от «Евангельской гармонии» Татиана **«Liber evangeliorum» Отфрида** представляет собой совершенно иной тип древнего текста. Эта поэма создана около 865 г. и считается первым художественным произведением реального автора на одном из диалектов древневерхненемецкого - южно-рейнскофранкском. Отфрид первым на немецком материале применил ассонантный стих [1, с. 29-30; 11, с. 16; 12, с. 38; 14, S. 149-157]. Текст,

естественно, религиозного содержания, а евангельские сюжеты объединяют его с древневерхненемецким «Татианом» и древненижненемецким «Спасителем». Но в отличие от поэмы «Heliand» изложение сюжетных линий у Отфрида не ориентировано на каноническую, отшлифованную веками композицию «Татиана».

Что касается общего характера этого древневерхненемецкого памятника, то он существенным образом отличается от переводной "Евангельской гармонии" Татиана. Это – не копирующий и не дословный во многих отношениях перевод, как «Татиан», а свободное переложение на родной диалект книг Евангелий «Нового Завета». Религиозная тематика поэтому разрабатывается Отфридом в совершенно ином ключе. Излагая жизненный путь Иисуса Христа и проповедование им среди еврейского народа новой религии, Отфрид по ходу повествования даёт свои собственные схоластические комментарии значимости описываемых событий и подробное теологическое толкование библейского текста. В поэму включены даже специальные главы чисто нравоучительного дидактического характера под названием "Spiritaler" и "Moraliter".

Отсутствие жёсткой привязанности к тексту латинского оригинала предоставляет автору возможность постоянно вмешиваться в ход повествования, комментировать его и напрямую обращаться к своему читателю. Данное художественное своеобразие поэмы накладывает известный отпечаток на всю стилистическую систему произведения Отфрида, на отбор и функциональную нагрузку языковых средств и, как следствие, на формальную организацию ткани повествования. В частности, это проявляется в том, что в тексте поэмы наличествует огромное количество (около 800) вставных синтаксических конструкций метакоммуникативного характера, соотнесённых со сферой автора и адресата. Вот некоторые, наиболее частотные из них: ih sagen thir ein (O., V, 2, 7: 220) – скажу тебе одно; thie ih al irzellen ni mag (O., III, 14, 73: 125) – я не могу обо всём этом рассказать; so sagen ih (O., III, 15, 32: 128) – как я говорю; so ih zellu (O., V, 12, 44: 237) - как я рассказываю; so ih thir hiar nu sagen scal (O., V, 7, 5: 226) – как я тебе обязан теперь сказать; so ih thir redinan (O., V, 11, 8: 234) – как я тебе сообщаю; drof ni zuifolo thu thes (O., IV, 29, 53: 207) – поэтому не сомневайся на этот счёт; thaz ni hiluh thih (O., IV, 15, 34: 184) – не скрою я этого от тебя и др.

В отличие от текста «Татиана» такие метакоммуникативные вставки в подавляющем большинстве случаев представляют собой собственно авторские комментарии, комментарии самого Отфрида. Функционально метатекст Отфрида можно подразделить на следующие два типа.

Во-первых, здесь можно выделить метатекствовые структуры ввода прямой речи (= как я, автор, говорю), функционально подобные комментирующе-оценочным высказываниям «Татиана» (uuâr) uuâr quidu (sagên) ih iu, но гораздо более разнообразные, чем в «Татиане», как по структурному и лексическому составу самих модальных компонентов, так и по лексическому значению предиката предложения. Эта синтаксическая позиция заполняется лексическими единицами, денотативно соотнесёнными с той же семантической областью, что и в «Татиане», - с обозначением процесса говорения и передачи мысли, но диапазон соответствующих глагольных лексем гораздо шире. Наиболее частотны из них речеактовые глаголы sagen (говорить), (ir)zellen (рассказывать) и имплицитно-отрицательный helan (не говорить, скрывать, утаивать). Типичный для «Тациана» в данной позиции глагол quedan не встречается у Отфрида в обсуждаемых конструкциях, что отражает общий процесс постепенного выхода этой глагольной лексемы из активного употребления ближе к концу IX века. Например: (3) Si habeta, so er westa, / gilouba filu festa; // Thaz gisceinta sie thar, / ***thaz sagen ih thir in alawar*** (O., III, 11,2: 118) – У неё была, как он знал, очень прочная вера; её она там проявила, ***это я, конечно же, тебе скажу*** (комментарий самого Отфрида сцены встречи Иисуса с хананеянкой у колодца) и другие аналогичные примеры.

Во-вторых, метатекст в форме псевдовопросов используется в поэме для управления процессом диалогического взаимодействия. Что касается речи действующих лиц, то здесь можно наблюдать эмоциональные реакции говорящего – реакции неодобрения – на неправильную речевую тактику адресата в диалоге. Компонентный состав таких псевдовопросов имеет стабильный набор элементов: вопросительное местоимение waz, претерито-презентный глагол magan в личной форме и глагол говорения в инфинитиве. Одновременно видно, что такие конструкции развернуты: в них включены разнообразные акцентные частицы, вопрос может прерываться вставкой «сказал он». С функционально-коммуникативной точки зрения данные вопросительные структуры полиинтенциональны и являются одновременной реализацией целого ряда целеустановок говорящего: 1) выразить свое отрицательное отношение к речевому поведению адресата (это противоречит моим (говорящего) представлениям о ходе интеракции); 2) дать негативную оценку речевым действиям адресата (плохо, что ты хочешь продолжить диалог); 3) скрытое побуждение-запрет («не спрашивай больше!»).

Вот некоторые примеры: (из описания беседы самарянской женщины с Христом у колодца): (4) **Waz mag** ih **zéllen** thir ouh **m**ér? (O., II, 14, 29: 84) – «Что могу я перечислить тебе ещё кроме (названного)?».

Такого рода интеррогативные по форме высказывания нацелены на управление коммуникативным взаимодействием, задают общий контур диалога и, как правило, обозначают конец вербального общения.

Особенности переводного древневерхненемецкого текста Татиана и поэмы Отфрида, функциональные возможности модальных компонентов эпистемической семантики, проявляющиеся в данных текстах, коммуникативный потенциал форм конъюнктива и многие другие проблемы неоднократно обсуждались в работах С.Т.Нефёдова [6, 7]. Также С.Т.Нефёдовым подобраны примеры (1) – (4).

Переводной текст Ноткера – трактат «Утешение философией» – принадлежит аргументативному дискурсу и тоже содержит элементы метакоммуникации. Как известно, сочинение Боэция состоит из пяти глав, которые представляют собой пять различных этапов «излечения» автора-рассказчика. Как и другие элементы

текста, метакоммуникативные вставки и целостные высказывания проявляют в связи с этим свою специфику.

Первая глава «Утешения» открывается описанием того, как автор (Боэций) пишет свой труд: (5) Íh tir êr téta frôlichív sáng . íh máchôn nû nôte chárasáng. Síh no . léidege musę . lêrent míh scrîben. (N., I, 1, 5-8, 7) – Я раньше писал веселые песни, сейчас же я сочиняю скорбные. Сейчас музы страдания заставляют меня писать. (6) Únde íh sús âmerlicha chlága scréib mít temo grífele. (N., I, 2, 1-2, 9) – И я такие горькие жалобы записывал с помощью грифеля.

Эти текстовые фрагменты ясно обрисовывают общее состояние рассказчика. Противопоставление планов прошедшего (Íh tir êr téta frôlichív sáng) и настоящего (nôte chárasáng; léidege musę . lêrent míh scrîben; âmerlicha chlága scréib) открывает нам скорбное настроение, с которым он приступает к своему сочинению. Дальнейшее повествование позволяет наблюдать разные периоды в изменении его состояния, разные этапы «излечения». Пример (7) – также из начальной книги трактата – представляет собой вопрос Философии и ответ автора-повествователя, которые начинают беседу и обговаривают то, как они далее будут общаться: (7) Nû ságe ze êrest. Uuíle du mír héngen . frâgêndo begréifôn . únde besûochen dîn mûot . uuîo iz stánde? Táz íh uuíze . uuîo ih tíh héilen súle. Áfter dînemo uuíllen fróuua chád íh . frâge dés tu míh uuéllêst ántuuúrten. Tô chád si. (N., I, 29, 1,5-10, 45) – «Ну, скажи сначала. Хочешь ты мне открыть, отвечая на вопросы, и открыть твою душу, каково ее состояние? Чтобы я знала, как я тебя лечить должна». «По твоей воле, госпожа, - сказал я, - спрашивай то, о чем хочешь получить ответ». Тогда сказала она ...

Эта установка на продуктивное коммуникативное сотрудничество открывает обширный фрагмент текста, в котором Философия обращается к собеседнику с вопросами и получает ответы на них. В ходе диалога происходит обращение к теме непостоянства Фортуны (богини удачи). Эту смену темы также вводит метакоммуникативное высказывание Философии: (8) Íh uuóltî nû gérno íro sélbero uuórto . mít tír uuáz chôsôn. – Я очень хотела бы сейчас ее самой [Фортуны] словами тебе кое-что объяснить. Дальше Философия стремится убедить своего собеседника в непостоянстве Фортуны, и как следвтсие этого факта, в нецелесообразности жалеть об утрате дарованных ею благ.

В последующих фрагментах текста высказывания метакоммуникативного плана служат для целей управления диалогом, в том числе для передачи роли говорящего другому лицу, как, например: (9) Íh tûon dír státa zespréchenne. (N., II, 9, 20-21, 64) – Я предоставляю тебе право говорить. Также такого рода высказывания могут использоваться в качестве комментария сказанного собеседником: (18) **Uuâr íst táz tu ságest .** méistra âllero tûgede. (N., II, 21, 18-19, 78) – **Правдой является, что ты говоришь**, учитель всех добродетелей.

Особым видом метакоммуникации могут считаться высказывания, вводимые фразами по схеме «я не говорю, что…»: (10) **Íh uuíle dés suîgen .** dô dû uuéiso uuúrte . dáz tíh tie hêrosten in íro flíht nâmen. (N., II, 17, 20-22, 73) – **Я умолчу о том**, что когда ты сделался сиротой, тебя стоящие у власти под свою заботу взяли. (11) **Íh neuuíle dés nîeht chôsôn** . dáz tû iúngêr guúnne dîe hêrscáft . dîe álte guúnnen nemáhtôn. Tû uuúrte iúngêr consul. (N., II, 17, 4-7, 74) – **Я не хочу сказать**, что ты в молодости получил должность, которой старики получить не могли. Ты стал молодым консулом.

С их помощью Философия кратко обозначает ряд тем и в ходе относительно небольшого текста упоминает о множестве событий, происходивших в прошлом с ее собеседником.

Кроме того, к метатексту могут быть отнесены высказывания, подобные следующему примеру: (12) Zíu **suîgest** tu? Uuéder fóre scámôn . álde fóre erchómeni? (N., I, 6, 8-9, 16) - Почему **молчишь** ты? От стыда или от изумления? Эта реплика Философии призвана стимулировать диалогическое взаимодействие и выяснить причину отсутствия ответной реакции, то есть касается не самого предмета речи, а процесса общения.

Обсуждая материал трактата «Утешения», необходимо отметить, что данный текст уже a priori представляет собой метатекст, то есть разговор автора-расказчика с самим собой. А значит, приведенные выше элементы метатекста должны быть рассмотрены как «вторичный» метатекст или «метатекст в метатексте».

Наблюдения за метатекстовыми элементами на материале диалектов древневерхненемецкого периода позволяют сделать выводы о том, что в каждом из этих древних текстов представлены метакоммуникативные высказывания, но применение метатекста в них обусловлено – если говорить в общем – жанрово-функциональным своеобразием исследованных памятников. В «Евангельской гармонии» Татиана метатекст используется для управления вниманием адресата и для оценочного комментирования непосредственно следующих высказываний как абсолютной истины. В поэме Отфрида метатекст более разнообразен: это не только фрагменты, акцентирующие внимание на важных элементах сообщения, но и высказывания, применяемые для непосредственного управления диалогическим взаимодействием автора и читателя, в частности, через риторические структуры псевдовопросов. В переводе Ноткера содержатся яркие примеры метатектового планирования речевого общения, которые качественно и количественно варьируются в пяти частях текста. Помимо этого, в поэме Отфрида и в переводе «Утешения» метатекст выполняет еще одну важную функцию: он как бы «впускает» в основной текст образ автора-переводчика. Как и в памятниках древнерусской литературы, «Соединение духовного, нравоучительного и светского… элементов составляет основное своеобразие произведения, что *отражается в его стиле и языке*» (курсив М.Д.) [2, с.182].

This article will discuss the features of formal and substantial organization of utterances metacommunicative plan in three texts of Old High German period, revealed qualitative and quantitative differences in their use. In General, the use of metatextual elements in each of the monuments is due to genre-functional originality and character of translation (word-by-word-translation from Tatiana, didactic and explicative translation of Notker, free presentation of Otfrid).
Keywords: *the metatext, metadiscourse the Old High German, modal components, verba dicendi, interrogative statements, Tatian, Otfrid, Notker Teutonicus, argumentative strategy.*

Список литературы

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963.
2. Антюхов А.В. Проявление элементов автобиографизма в древнерусской литературе (на материале "Поучения" Владимира Мономаха и "Моления" Даниила Заточника) // Вестник Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. № 2. 2013. С. 179-184.
3. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 403-421.
4. Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого литературного языка IX-XV вв. М., 1983.
5. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Семиосфера. СПб., 2004. С. 163-177.
6. Нефёдов С. Т. Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке (синхрония и диахрония). СПб., 2007.
7. Нефёдов С.Т. Способы языковой категоризации модальности уверенности в древне- и средненемецких текстах // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып. 3. Ч. II. 2007. С. 194-197.
8. Строева Т.В. Модальность косвенной речи в немецком языке: Дис. … д-ра филол. наук. Л.. 1950.
9. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
10. Admoni W. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen, 1990.
11. Eggers O. Deutsche Sprachgeschichte. Bd. I: Das Althochdeutsche. Hamburg, 1963.
12. Erdmann O. Untersuchungen über die Sprache Otfrids. Halle (Saale), 1874.
13. Meineke E., Schwerdt J. Einführung in das Althochdeutsche. Paderborn; München; Wien, 2001.
14. Sinder L. R., Strojewa T.V. Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte. L., 1977.
15. Techtmeier B. Form und Funktion von Metakommunikation im Gespräch // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband. Berlin; N.Y.: de Gruyter, 2000. S. 1449-1463.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения:

T. – Tatian. Lateinisch und Althochdeutsch/ Hrsg. von E. Sievers. Paderborn, 1872.

O. – Otfrids Evangelienbuch: 6. Aufl. / Hrsg. von Oskar Erdmann. Tübingen, 1973.

N. – Die Schriften Notkers und seiner Schule. In 3 Bänden. Bd. I. Schriften philosopischen Inhalts / Hrsg. von P. Piper. Freiburg I. B. und Tübingen, 1882.

Об авторе

Дмитриева М.Н. – доктор филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета, *ahdbeshiza@yandex.ru*

УДК 811.11-112

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

Е.С. Капшутарь

Настоящая статья посвящена рассмотрению наиболее значимых особенностей формирования англоязычной терминологии уголовного права в среднеанглийский период. Проводится краткий анализ историко-политических особенностей периода, а также рассматриваются такие процессы терминообразования, как: заимствование, латинизация исконных терминов и конверсия.

Ключевые слова: *становление англоязычной терминологии уголовного права, терминосистема уголовного права, конверсия терминов, термины-заимствования, среднеанглийский период, старофранцузский, латынь, латинизация терминов, нормандское завоевание Англии*

Становление англоязычной терминологии уголовного права проходило, как и развитие общего языка, в древне-, средне- и новоанглийский периоды. Прежде чем перейти непосредственно к разбору наиболее значимых примеров видится важным дать краткую характеристику экстралингвистических обстоятельств этого периода.

Период, следующий за древнеанглийским и предшествующий новоанглийскому, принято называть среднеанглийским. Он охватывает промежуток с XI по XV века́ и характеризуется двумя важнейшими историческими эпохами. Первой из них являются скандинавские набеги, поселение викингов на севере от реки Темза и продолжение борьбы с ними в IX-X веках. В это же время, «в 878 году был заключен известный в истории Уздморский мир, согласно которому скандинавам отводилась захваченная ими большая территория на северо-востоке при условии сохранения мира и принятия христианства. Эта область получила название Датского Закона (Danelaw от да. Denalaзu) [3, с.15-16]». Однако после временного объединения Англии и Дании в 1016-1042 годах период датского господства на территории Англии закончился.

Следующим событием, имеющим решающее значение для развития Англии и английского языка, является нормандское завоевание (точнее, битва при Гастингсе) 1066 года. Стоит отметить, что изначально норманны были скандинавами, но еще до завоевания Англии романизировались и переняли французский язык и культуру. Как отмечает А.И. Смирницкий, «после покорения Англии Вильгельмом Завоевателем в стране начинается длительный период двуязычия. Феодальная знать пользуется французским языком, а основная масса населения – английским. С течением времени французский язык перестает быть основным языком господствующего класса, он выходит из употребления в быту, но продолжает искусственно поддерживаться как государственный язык, язык высшего света, двора, судебных учреждений и церкви. Английский язык рассматривается как деревенский (uplandish), грубый (rude) [3, с.19-20]».

После нормандского завоевания 1066 года Англия была поделена на феоды (fiefs). Несмотря на то, что король формально правил всей страной, его положение оставалось нестабильным, поскольку управлением на местах занимались его вассалы, обладавшие большой самостоятельностью. Поэтому попытки короля централизовать правовую систему королевства через создание в Вестминстере Королевских судов (the Royal Courts of Justice) встретили яростное сопротивление наместников. По этой причине первые Королевские суды рассматривали только те дела, которые попадали под юрисдикцию короля. Впоследствии, с усилением королевского положения, все большее количество дел передавалось для рассмотрения в королевских судах. Для рассмотрения дела необходимо было заявить на имя лорд-канцлера (King's Chancellor) или же королевских судей (the royal judges). Если лорд-канцлер подтверждал, что дело относится к компетенции короля и истец прав в своем заявлении, то он выдавал документ от имени короля и адресовал его местному шерифу. Такой документ назывался королевским предписанием (writ/ʒewrit, лат. breve). Если ответчик не был согласен с требованиями истца, истец получал возможность более детального рассмотрения и слушания дела перед Судами Вестминстера (Courts of Westminster). Позднее, вместе с тем, как эта процедура развивалась и усложнялась, юристы стали классифицировать дела, по которым могло быть выдано предписание. Таковы истоки концептов английского права, которое в значительной степени отличается от гражданского права других стран. Система общего права развивалась благодаря постепенной консолидации различных видов судебных исков, которые определяли, как именно нужно подавать иск по определенному виду дела и какое именно следствие должно иметь место в данном случае. Необходимо было для начала определить, к какому типу исков относится то или иное дело, а затем к нему применялась специфическая процедура. Действия могли значительно различаться как в судебной процедуре, так и в процедуре дознания.

Стоит отметить, что система общего права действует и по сей день в современной Великобритании и бывших английских колониях, хотя и в разном виде. Система претерпевала некоторые изменения, адаптировалась к современным условиям и продолжает развиваться, одновременно сохраняя свою сформировавшуюся структуру и подстраиваясь под современные реалии.

Нормандское завоевание 1066 года значительно способствовало активному переселению значительного числа франкофонных представителей знати. Большинство из тех, кто прибыл в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем, были из Нормандии. Но, несмотря на то, что французский был их основным языком, он еще не имел статуса юридического языка в Англии. Тем не менее, и англосаксонский язык, который ранее использовался в юридическом дискурсе, также уступил позицию другому языку, и этим языком была латынь. Причиной этому стал тот факт, что норманнам было привычно использовать ее при рассмотрении юридических вопросов. Таким образом, в XI-XII веках, в период формирования особой системы общего права, языком юридических документов в Англии был латинский.

В силу указанных выше исторических условий латинский язык, использовавшийся в данный период в системе английского права, приобрел местный оттенок. Во-первых, ввиду становления новой системы общего права, термины использовались для обозначения новых явлений. При этом стоит помнить, что это была средневековая, а не классическая латынь. Зачастую норманнские французские и даже английские термины латинизировались. Так, к примеру, германский термин *morðer* (убийство) был введен в латинский под видом *murdrum* [7, с.74-75] и остался в английском языке именно в латинизированном виде.

К концу XIII века, в сфере юриспруденции латинский был вытеснен французским языком. Первый закон на французском языке был выпущен в 1275 году, спустя два века после нормандского завоевания, и в конце XIII столетия и латынь, и французский были языками законотворчества. Но уже с начала следующего века французский полностью вытеснил латынь, кроме вопросов, связанных с церковью. Языком судов также стал французский.

Таким положение дел оставалось в течение последующих двух столетий. При этом знаменательным является тот факт, что уже в 1200-х годах французский постепенно стал сдавать позиции как язык общения, а как язык права – только набирал силу. Эту ситуацию объясняет ряд причин: во-первых, следует помнить о том, что часть английской аристократии оставалась в XIII веке франкофонной. Кроме того, некоторые видные представители французской элиты переехали в Англию в связи с женитьбой Генриха III, короля Англии, на Элеоноре Прованской в 1236 году. Централизация правовой системы и политическая ситуация также способствовали усилению французского языка в Англии. Постепенно исчезая как разговорный язык, французский стал своеобразной характерной чертой элиты, которая обладала определенной властью в высших судах и, в целом, имела «монополию» на эту профессию. Следует отметить, что «значительное количество юридических терминов с культурным компонентом значения, заимствованных из французского языка в среднеанглийский период можно проследить на следующих примерах, обозначающих лиц юридической профессии: ***solicitor*** [OCDEE] †instigator, †manager, agent, deputy xv;

agent in a court of law xvi. – (O)F. solliciteur. (заимствование из фр.). Еще один вид правозащитников также обозначался заимствованным термином: ***attorney*** †legal agent. xiv. – OF. atorné, sb. use of pp. of atorner assign, appoint, f. a- AD- †torner turn. Так, указанные виды юридической профессии обозначались заимствованными терминами, а еще один вид правозащитников – ***barrister*** – исконной лексической единицей [1, с.145-146]».

В целом использование французского языка было своеобразной гарантией того, что обычные люди не смогут ничего понять и не смогут вмешаться в процесс правосудия. Тем не менее, позднее, уже на заре новоанглийского периода, ситуация изменилась.

Что касается влияния французского языка непосредственно на англоязычную терминологию уголовного права, стоит признать ту исключительную роль, которую он сыграл в становлении этой терминосистемы. Примерами таких терминов являются рассмотренные ниже единицы, которые по сей день присутствуют в рассматриваемой терминосистеме. Исследователи Baugh и Cable отмечают, что «the heaviest borrowing from French occurred in the period of 1250-1400 [5, с. 168-169]». Это объясняется историко-политическими причинами – после 1250 в Англии становилось все больше франкоговорящих людей, который начинали использовать и английский. Рассмотренные ниже примеры терминов уголовного права подтверждают этот тезис.

Так, глагол *accuse* в своем узком терминологическом значении пришел в английский примерно в 1300 году от старофранцузского *accuser* – «обвинять». Ранее слово не было термином и означало «объявлять, раскрыть» (XII в), а еще раньше – сразу после заимствования из латыни – «пожаловаться, подать в суд» (ad causa). Таким образом, в данном случае наблюдается ретерминологизация термина.

Существительное *accusation* было образовано также в XIV веке от старофранцузского *acusacion* или же напрямую от латинского *accusationem* (им.п. *accusatio*), образованное от *accusare*.

Существительное *act* было заимствовано от старофранцузкого *acte* «официальный документ» в конце XIV века, который, в свою очередь, от латинского *actus* «действие, импульс» и *actum* «деяние, сделанное», который изначально был юридическим термином. Оба термина восходят к *agere* «сделать, сдвинуть» от протоиндоевропейского корня *ag- «везти, двигаться» (ср. греч. agein «возглавлять, вести», санскрит ajati «везет», старонорвежский aka «везти», среднеирландский ag «битва»).

Что касается глагола *act*, он появился в языке позже, в середине XV века, и это один из примеров конверсии – «появления деривата, который отличается от производящего слова лишь своей формообразовательной парадигмой [4, с.198]». Причиной возникновения этого словообразовательного явления считается, во-первых, утрата флексий в среднеанглийский период (XIII век). Из-за утраты суффикса у инфинитивов, глаголы стали совпадать в форме с существительными.

Еще одну теорию выдвинул П.М. Каращук: заимствования в XIII-XV веках из старофранцузского язык чаще всего проходили парами. «На английской почве [такие заимствования] адаптировались под действием аналогии с имевшимися в языке того времени омонимичными парами слов [2, с.193]». Однако эта теория не подтверждается при рассмотрении пар терминов уголовного права, представленных существительным и глаголом, в них наблюдается следующая закономерность: из 580 отобранных для изучения терминов 82 (точнее, 41 пара) являют собой монолексемные конверсивы – например, act (n) – to act, judge (n) – to judge. При этом знаменательно то, что более половины существительных из этих пар (22 термина из 41) пришли в английский язык, согласно этимологическим справочникам [6], раньше глаголов (54%), а еще более четверти (11 терминов из 41, 27%) – одновременно. Таким образом, лишь 19% глаголов (8 терминов из 41) вошли в обращение раньше, чем существительные. Таким образом, совершенно очевидно, что в основном пары не заимствовались вместе и одновременно.

Кроме того, 71% пар (28 терминов из 41) являются заимствованными из старофранцузского, а еще 17% (7 терминов из 41) – латинизмами. Лишь 5 терминов (12%), а именно: *sin – to sin, witness – to witness, wound – to wound, blackmail – to blackmail, murder – to murder* – являются исконными (то есть англосаксонскими) терминами (касательно последнего термина см. выше).

Все обнаруженные пары и данные об их происхождении представлены в Таблице:

Таблица 1

Данные о происхождении терминов-конверсивов

Термин	**Этимология существительного**	**Этимология глагола**
Abuse	OF, сер.XV в.	OF, сер. XV в.
Act	OF, конец XIV в..	OF, сер. XV в
Appeal	OF, начало XIV в.	OF, началоXIV в.
Arrest	OF, конец XIV в..	OF, конец XIV в..
Assault	OF, конец XIV в..	OF, начало XV в.
Attempt	OF, 1530-е	OF, конец XIV в..
Bargain	OF, сер.XIV в..	OF, конец XIV в.
Blackmail	OE, 1550-е	OE, 1852
Blame	OF, началоXIII в.	OF, началоXIV в..
Bribe	OF, конец XIV в.	OF, конец XIV в..
Court	OF, конец XII в.	OF, 1570
Consent	OF, начало XIV в..	OF, начало XIII в.
Convict	Lat, конец XV в.	Lat, сер.XIV в..

Claim	OF, началоXIV в..	OF, началоXIV в..
Conduct	OF, сер. XV в.	OF, начало XV в.
Counsel	OF, начало XIII в.	OF, конец XIII в.
Damage	OF, конец XIII в.	OF, началоXIV в..
Drug	OF, конец XIV в..	OF, начало17 в.
Fine	OF, конец XIII в.	OF, конец XIII в.
Fraud	OF, сер. XIV в..	OF, сер. XIV в..
Judge	OF, начало XIV в..	OF, начало XIV в..
Mayhem	AF/OF, конец XV в.	AF/OF, начало XIV в..
Misuse	OF, конец XIV в..	OF, конец XIV в..
Mob	Lat, 1680-е	Lat, 1709
Murder	Lat, OE, начало XIV в..	OE
Pardon	OF, конец XIII в.	OF, сер.XV в.
Poison	OF, начало XIII в.	OF, начало XIV в..
Rape	OF, начало XIV в..	OF, конец XIV в..
Release	OF, начало XIV в..	OF, начало XIV в..
Sabotage	F, 1903/7	F, 1912
Scheme	Med.Lat, 1550-е	Med.Lat, 1767
Summon	OF, конец XIII в.	OF, 1650-е
Subpoena	Lat, начало XV в.	Lat, 1630
Sentence	OF, начало XIII в.	OF, начало XV в.
Sin	OE	OE
Suspect	MFr/Lat, 1590-е	MFr/Lat, сер. XV в.
Slander	OF, конец XIII в.	OF, начало XIV в..
Sanction	Lat, начало XV в.	Lat, 1778
Trespass	OF, начало XIV в..	OF, начало XIV в..
Witness	OE	OE, начало XIV в..
Wound	OE	OE

Условные обозначения: OF – старофранцузский, MFr – среднефранцузский, Lat – латынь, Med.Lat - AF – англо-французский, OE – древнеанглийский.

Рассмотренные выше явления, несомненно, не являются исчерпывающим описанием всех особенностей становления англоязычной терминологии уголовного права в XI-XV веках. Тем не менее, заимствования из латыни и французского, латинизация и конверсия являются важнейшими средствами терминообразования в рассматриваемый период развития терминосистемы.

The present article is concerned with the most important specific features of English Criminal Law Terminology formation on the Middle English period. There is a brief analysis of the historical and political conditions of the time as well as analysis of such processes as borrowings, latinization of the original English terms and conversion,
Keywords: *English Criminal Law Terminology formation, Criminal Law terminological system, conversion of terms, borrowed terms, the Middle English period, Old French, Latin, latinization of terms, the Norman Conquest of England*

Список литературы

1. Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США): дис. … д-ра филол. наук. М., 2014. 496 с.
2. Каращук П.С. Словообразование английского языка. М., 1977. 303 с.
3. Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка/ А. И. Смирницкий; [Под ред. О. А. Смирницкой]. 4-е изд. М., 2011. 236 с.
4. Яблокова М.В. Конверсия как активный способ словообразования в современном английском языке // Ярославский педагогический вестник. №1, Том I, 2012. С. 197-201
5. Baugh A.C., Cable T. A History of the English Language. 6th Revised edition. Routledge, 2002. 447 p.
6. Etymonline (этимологический агрегатор). URL: htttp://www.etymonline.com
7. Melinkoff D. The Language of the Law. Boston & Toronto: Little, Brown and Co., 1963. 540 p.

Об авторе

Капшутарь Е.С. – аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *elena.kapshutar@gmail.com*

УДК 811.111

ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ)

Е.М. Китаева

Исследование интертекстуальности является актуальным как для исследования теоретических проблем, так и для решения частных вопросов в области изучения текста. В данной статье делается попытка описания проявлений межтекстовых связей в английской литературной сказке. Как показывает анализ, в детской литературе представлены различные интертекстуальные связи, а именно интратекстуальность, паратекстуальность, архитекстуальность, и др. Тексты литературной сказки соотнесены по своей структуре с фольклорной сказкой. Рассматриваемый материал богат цитатами и аллюзиями. Зависимость количественного использования интертекстуальных маркеров от возраста читателя, их качественная сложность, и особенно способность декодирования текстов адресатом, могли бы стать интересной темой для междисциплинарного исследования.
Ключевые слова: *интертекстуальность, детская литература, фольклорная сказка, интратекстуальность, паратекстуальность, архитекстуальность, аллюзия, цитата, функции интертекстуальности в тексте.*

Цель данной статьи – проследить и установить наличие и проявления интертекстуальности в детской литературе, в тех источниках, которые являются первым опытом общения с литературой для любого человека, через которые человек, с одной стороны, начинает познавать мир, а с другой приобщается к пониманию того, как надо прочитывать литературные произведения.

Ю.М. Лотман говорил о тексте как о складе, где хранится определенный семиотический потенциал, конкретные возможности которого могут как реализовываться, так и остаться незамеченными; соответственно вопросы, связанные с текстами детской литературы, становятся еще интереснее и, вероятно, не только для лингвистов и филологов [1, 1998].

Тексты детской литературы относятся к так называемым динамическим моделям текстовой организации. Динамические модели текста, которые, как известно, ориентированы на получателя, являются ассоциативными моделями. В их основе лежит концепция открытости текста. Концепция открытости, в свою очередь, ведет к понятию явления интертекстуальности, которое во многом определяет данную текстовую модель. Интертекстуальность рассматривается как единый механизм порождения текстов, и ее ни в коем случае нельзя интерпретировать как механическое включение ранее созданных текстов или их элементов во вновь создаваемый текст. Так, Ю. Кристева считает, что интертекстуальность – это текстуальная интеракция, которая происходит внутри отдельного текста, и что для познающего субъекта, т.е. для получателя текста, интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее [5, 1986]. Из этого можно сделать вывод, что интертекстуальность – это своего рода диалог различных текстов, вновь создаваемых с уже существующими, в результате которого должны возникать новые смыслы. Изучение явления интертекстуальности на всех уровнях, ее типы, модели, возможные функции, степень зависимости от реализации и интерпретации являются весьма актуальными как для исследования больших теоретических проблем, так и для возможного решения узких, частных вопросов.

Проявления интертекстуальности многообразны, и вполне очевидно, что в разных по природе, по типу, по жанру текстах эти проявления будут присутствовать в разной степени и, возможно, выполнять разные функции.

Традиционно выделяют несколько типов интертекстуальности с соответствующими проявлениями, а именно: интратекстуальность с такими проявлениями, как цитаты, аллюзии, плагиат, самоцитаты; паратекстуальность – отношения между текстом и тем, что его окружает, а именно: заголовки, вступления и заключения, эпиграфы, посвящения, сноски, иллюстрации, суперобложки; архитекстуальность, т.е. соотнесенность текста с определенными жанрами; метатекстуальность, или наличие в той или иной степени явно выраженного критического комментария другого текста; гипотекстуальность, под которой понимается отношение текста к более раннему гипотексту – тексту или жанру, на основе которого данный текст создан, но трансформированному или переработанному в виде пародии или продолжения [цит. по: 4, 2007].

Исследования проявления интертекстуальности в детской литературе интересны как с точки зрения типологизации текстов, так и с точки зрения возможностей адресата текста декодировать «новые смыслы» и «осваивать мир индивидуальным сознанием» [1, 1998].

Если начинать с самого начала, то остановимся на литературных сказках для самых маленьких. Прежде всего, стоит говорить об архитекстуальности или соотнесенности рассматриваемых текстов с определенным жанром. Жанр сказки, безусловно, восходит к фольклорной сказке. Влияние народной сказки прочитывается на уровне закономерностей строения, форм, составных частей, элементов, их отношения друг к другу. Если провести межсюжетное сравнение, выделить составные части или «функции» [2, 1998], т. е. поступки действующих лиц с точки зрения их значимости для хода действия сказки, то, несмотря на все многообразие и непохожесть сюжетов, окажется, что повторяемость этих «функций» поразительна. Например, такая функция, как испытание героя сказки, за которым следует награда, если испытание пройдено успешно, присутствует в том или ином виде практически в любой сказке (сказки Д. Биссета, О. Уайльда, Р. Киплинга, У. Деламара, М. Бонда, Е. Несбит и др.).

В сказках, как и в фольклоре, всегда есть герой и антагонист. Это могут быть абсолютно разные персонажи: люди, звери, даже предметы (например, машина или автобус в сказке Д. Биссета), но отношения антагонизма, своеобразной борьбы, присутствуют всегда. Литературная сказка, вслед за фольклорной, с величайшей легкостью приписывает одинаковые действия людям, предметам и животным; иными словами, антропоморфизм фольклора полностью прочитывается в литературной сказке, «одушевляя» все большее многообразие предметов. Если сравнивать пространственно-временной континуум (категория текста, которая является структурообразующей) сказок народной и литературной, то он окажется удивительно схожим (хочется повториться, что речь идет только о сказках для самых маленьких). Прямых лексических показателей времени в этих текстах нет. Отсутствуют такие показатели, как год, месяц, число, продолжительность в часах или минутах и т.д. Временной континуум создается косвенными и окказиональными лексическими показателями, а также стилистическими средствами и приемами. Так, например, продолжительность действия часто передается через лексический или синтаксический повторы. То же самое можно сказать и о пространстве. Пространственная картина создается через косвенные и окказиональные лексические средства и при помощи стилистических приемов. Широко употребляются наречия типа *долго, быстро, далеко, близко*, но точные указатели отсутствуют. В обоих типах текстов пространство предстает достаточно четко прорисованным с бытовой точки зрения, но неопределенным с точки зрения географии и расстояний. Время ощущается в основном через поступки.

Это только очень краткие и некоторые черты фольклорной сказки, прочитываемые в литературной сказке. Необходимо отметить, что литературная сказка, безусловно, трансформировалась. Она стала более светской, более гуманной. Автор литературной сказки, в отличие от сказочника, который связан в определенных областях (по В.Я. Проппу, например: набор функций, последовательность функций и т.д.), абсолютно свободен в своем творчестве и пользуется этой свободой. Однако, несмотря на все метаморфозы, изменения, трансформации, которые дают огромное многообразие форм литературной сказки, «прототекст» определяет границы творческой свободы, диктуя структуру текста на всех уровнях. Представляется, что с точки зрения архитекстуальности текст фольклорной сказки и текст детской литературной сказки создают общее текстовое пространство, где структура первого типа во многом определяет структуру второго.

В рассматриваемых текстах широко представлена паратекстуальность, а именно – иллюстрации. То, что иллюстрации играют особую роль в детской литературе, подтверждается тем фактом, что некоторые авторы (например, Д. Биссет и др.) сами иллюстрируют свои тексты, делая рисунки не просто иллюстрацией к сказанному, а неотъемлемым элементом повествования. Здесь, как кажется, происходит «диалог» с научными текстами, где графики, диаграммы и другого рода иллюстративный материал являются элементом, составной частью текста, без которого последний не существует. Таким образом, происходит расширение средств построения текста сказки, привлечение элементов, характерных для других областей человеческой жизни и деятельности (рисунок, живопись, визуальные средства), установление более широких и наглядных связей с действительностью. Можно сказать, что проявления архитекстуальности и паратекстуальности в рассматриваемых текстах формируют у маленького читателя/слушателя «ассоциативный тезаурус», представляющий собой своеобразный «словарь усвоенных текстов», который в дальнейшем будет отражать знания о явлениях культуры и литературы (термины И.В. Толочина) [3, 1996].

Большинство авторов, рассматривающих проблему интертекстуальности, в первую очередь говорят о таких включениях в текст, как цитаты, аллюзии, реминисценции, пародии или интратекстуальные проявления, считая именно их средствами создания межтекстовых связей, одним из способов осуществления диалога между текстами в культурном пространстве.

Существуют ли такие проявления интратекстуальности в детской литературе? Возможно ли взаимодействие текстов детской литературы с другими текстами на уровне цитирования, аллюзии, реминисценций, т.е. на уровне включения в текст, предназначенный для детей, отсылок к другим текстам? На первый взгляд такое маловероятно, так как «прочтение» интертекстуальных маркеров требует определенного тезауруса. Однако внимательное прочтение текстов показывает, что авторы детской литературы, и сказки в том числе, вольно или невольно используют вышеперечисленные средства достаточно часто. Так, например, в сказках У. Деламара можно встретить аллюзивные антропонимы, которые используются для характеристики персонажей. Причем лица, которые автор упоминает, могут быть как реальными историческими личностями, так и литературными персонажами из произведений более ранних эпох. Каждый раз введение интекста служит для более колоритной характеристики героев. Далее, в сказках этого же автора можно встретить аллюзии на мифологические темы и цитаты из детских песенок. Интекст выполняет смысловые и композиционные функции, вводя новую тему и противопоставляя ее предыдущей. Причем в тексте есть отклик на цитируемые слова, что говорит о перекличке между текстами. Примеры аллюзии можно встретить в сказках М. Бонда, где таким образом вносятся дополнительные смысловые и структурные связи. В сказках Р. Киплинга встречается «взрослый» интекст, т.е. проникновение интекстов из взрослой литературы в детскую. В его же текстах можно встретить модификацию цитат, которые вступают в конфликт с цитируемыми текстом и приобретают пародийный оттенок. Таким образом, модификация делает цитату микропародией и усложняет структуру сказки. Надо отметить, что Р. Киплинг, используя аллюзию и цитаты, отсылает читателя к таким источникам, как комедии Шекспира, баллады Дж. Гога и другие «взрослые» литературные произведения и эпос. В повествования могут быть включены и реальные исторические личности и события. Интертекстуальность носит ярко выраженный полифункциональный характер. Текст Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» насыщен различного рода аллюзиями. Так, большинство стихов

в этой замечательной сказке представляют собой пародии на хорошо известные современникам Л. Кэрролла стихи и популярные песни. Причем пародирование и аллюзии настолько ярки, что даже дали повод обвинять автора в неуважении к Священному Писанию (например, стихотворение "Tis the Voice of the Lobster" в главе "The Lobster Quadrille" – пародия на стихотворение И. Уоттса с одновременной аллюзией на библейский текст). В сказке Л. Кэрролла можно встретить примеры не только литературной аллюзии и цитирования, но и примеры того, как текст использует, намекает, вызывает в памяти культурно-бытовые традиции, и происходит включение текста в культурный контекст.

В детских поэтических текстах также можно обнаружить примеры интертекстуальных связей, причем используются различные виды последних. Чаще всего это аллюзия, выраженная через топонимы и антропонимы. Топонимы могут быть реальные, литературные и мифологические ("Siberia", "Ali Baba's Rocks", "Tartary", "gates of Babylon" – примеры из сборника стихотворений Р. Стивенсона). Однако, какой бы ни была природа топонима, функционально они, как правило, вводят иной, фантастический мир, создавая более эмоционально насыщенную картину, либо могут переносить читателя в другой хронотоп. Антропонимы также различны по характеру: это и литературные герои и реальные исторические личности. Например, в том же стихотворном сборнике Р. Стивенсона, а также в сборнике «Песенки матушки Гусыни» (Mother Goose Rhymes) встречается имя литературного персонажа Robinson Crusoe. Аллюзивный антропоним выполняет функцию обогащения. Введение имени собственного с закрепленными ассоциативными связями обогащает романтический фон нового текста, создавая таким образом дополнительные смысловые связи. Наряду с аллюзией встречаются примеры пародийного цитирования в стихах (например, отрывок из сборника А. Милна "Once on a Time"). Пародийное цитирование служит здесь для характеристики персонажа и создания иронического фона.

Эти и многие другие примеры показывают, что детская литература, как прозаическая, так и поэтическая, насыщена интертекстуальными связями, причем маркеры их различны, как различны и функции. Интертекстуальность проявляется на разных уровнях текста. Она может определять системность текста, демонстрируя глубинные связи и зависимости, которые «диктуют» структуру нового текста. Интексты, включаемые авторами в тексты, соотносят последние с историческими и культурными реалиями и личностями, включая текст в мировой культурный контекст. Аллюзия и цитата в текстах детской литературы обогащают фон принимающего текста, выполняют идейные, характерологические, образные и композиционные функции, создают дополнительные структурно-смысловые связи, нарушают хронотоп. Интертекстуальные маркеры формируют ассоциативный и понятийно-концептуальный тезаурусы маленького читателя/слушателя.

Таким образом, можно сделать вывод, что категория интертекстуальности способствует реализации когнитивной и эмотивной функций текста детской литературы. Насыщенность текста теми или иными видами интертекстуальности, и особенно такими маркерами, как цитата, аллюзия, пародия, зависят, в некоторой степени, от того, какой возрастной группе тот или иной текст адресован. Зависимость количественного использования упомянутых проявлений интертекстуальности от возраста предполагаемого читателя/слушателя, так же как и их качественная сложность, и особенно способность декодирования текстов адресатом, могли бы стать интересной темой для междисциплинарного исследования.

Researches of intertextuality present certain interest both for studies in major theoretical issues, and investigations in detailed questions in the field of text linguistics. This article is an attempt to describe some means of intertextual links in English literary fairy-tales. The study of the texts shows that literature texts for children present avariety of intertextual links such as intratextuality, paratextuality, archetextuality, etc. Literary fairy-tale texts follow in their structure traditional folklore fairy-tale structure. Reviewed material is rich in quotations, allusions. It will be interesting for interdisciplinary researches to study interconnections between types of intertextuality and its complexity and reader/listener age, as well as the ability of the addressee to decode these phenomena in fiction texts.
Keywords*: intertextuality, children's literature, folklore fairy-tale, intratextuality, paratextuality, archetextuality, allusion, quotations, intertextuality text functions.*

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – СПб: Искусство-СПБ, 1998. – С. 285
2. Пропп В.Я. Морфология сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 512
3. Толочин И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии. Лингвистический аспект. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1996. – С. 96
4. Chandler D. Semiotics. – London: Routledgest, 2007. – p. 244
5. Kristeva J. Reader. – N.Y.: Columbia University Press. 1986. – p. 327

Об авторе

Китаева Е.М. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, *yelena.kitaeva@mail.ru*

УДК 81'23:004

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ РЕЧИ

Л.В. Кишалова

В статье обсуждаются возможные направления, в рамках которых удаётся декодировать суггестивный потенциал языковой модели. Ритм прозаического текста рассматривается как инструмент анализа его суггестивного потенциала. Анализ прозаических отрывков на уровне текста проводится с помощью созданной коллективом авторов компьютерной программы «ПУЛЬС». Отмечается значимость учета среднеарифметического показателя всех безударных слогов при анализе ритмической структуры текста. Выявляются характерные отличия ритмической структуры текстов, принадлежащих разным функциональным стилям.

Ключевые слова: *ритмическая структура прозы, слого-акцентный оберритм, анализ среднеквадратичного отклонения прозы, единицы анализа, декодирование, суггестивный потенциал, автоматизированный анализ текстов, объём выборки текста, уровень ритмичности текста, функциональный стиль речи.*

Введение

Одно из направлений современных психолингвистических исследований связано с изучением суггестивного (воздействующего) потенциала слова и текста [10]. Исследования проводятся с помощью таких единиц анализа, которые позволяют произвести замер «силы» воздействия, сопоставить показатели и сравнить признаки слова или текста. На сегодняшний день Т. М. Рогожниковой обозначены шесть наиболее перспективных направлений, в рамках которых возможна расшифровка потенциала воздействия вербальной модели: изучение ритмической активности мозга при предъявлении вербальных стимулов; изучение ассоциативной цветности и потенциала звукоцвета; использование возможных аналогий с моделями квантовой физики; изучение языковых явлений в контексте разных модальностей восприятия; ранжирование эмоционально-оценочных признаков, а также анализ ритмической организации текста [10; 11, с. 273]. Данное исследование посвящено последнему направлению и связано с выявлением особенностей ритмической структуры текстов разных функциональных стилей речи. Литературно-художественный стиль представлен текстами и фрагментами текстов русской классической художественной литературы, публицистический – рекламными текстами, научный – фрагментами статей по экономике.

Тексты с разной ритмической структурой предположительно обладают различным суггестивным потенциалом. Условную границу можно провести между текстами с высокой, средней и низкой ритмичностью. Это предположение опирается на специфику нашего сознания, которое, по мнению В. Вундта, по своей природе ритмично. Этот феномен тесно увязан со всей нашей психологической организацией. Сознание ритмично потому, что вообще наш организм ритмичен [2, с. 213].

Теоретические основы автоматизированного анализа текста

На основе математической формулы разработанной Г. Н. Ивановой-Лукъяновой [5] коллективом авторов (Т.М. Рогожникова, Л.В. Кишалова, А.Е. Кишалов) создана компьютерная программа «ПУЛЬС» по обработке и анализу ритма прозаического текста [12]. Программа разработана на основе системы автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО) [7]. В центре исследования находятся слог и слоговая упорядоченность междударных интервалов (МИ) текста, которая образует основной слого-акцентный оберритм текста. Программа «ПУЛЬС» позволяет произвести лингвистический анализ текстов и выявить уровень их ритмичности, а также графически отобразить результаты анализа слого-акцентного оберритма текста.

В программе анализируются следующие основные параметры слого-акцентного оберритма текста: $x_{ср}$ – среднее арифметическое всех безударных слогов, то есть ритм текста и q – среднеквадратичное отклонение от ритма, то есть характеристика основного слого-акцентного оберритма текста [5]. Слоговая упорядоченность – это упорядоченность МИ, то есть выдержанность их в небольшом диапазоне отклонений от среднего МИ. Чем меньше величина отклонения количества слогов, тем выше ритмическая стройность текста. В норме показатель $x_{ср}$ должен составлять 2-2,5 слога для текстов любого стиля речи. Чем больше $x_{ср}$, тем медленнее текст, чем меньше – быстрее, то есть $x_{ср}$ – это показатель скорости текста, которая не определяется скоростью его прочтения, а заложена в его ритмическом рисунке. Можно провести аналогию скорости ритмического рисунка письменного текста со скоростью в нотной записи музыкального произведения, которые автор закладывает при создании своих творений. Они постоянны и неизменны, а темп – это скорость, с которой музыкант или читатель воспроизводит данное произведение искусства, и у каждого читателя или музыканта он свой в зависимости от многих факторов.

По данным Г. Н. Ивановой-Лукъяновой нормой для художественных русскоязычных текстов является показатель q от 0,9 до 1,4. Показатель q отражает степень плавности, «рваности» ритмического рисунка. Чем меньше значение q, тем более плавным и размеренным является текст, чем больше q, тем более скачкообразным ритмическим рисунком он обладает. В поэзии распространены идеально равные МИ. Ровный, плавный ритмический рисунок встречается гораздо чаще, чем в прозе. Например, в поэтических строках А.С. Пушкина «Б**у**ря мгл**о**ю н**е**бо кр**о**ет…» такой же плавный ритм как в прозе «М**а**ма м**ы**ла р**а**му».

Отбор текстового материала

Для анализа *литературно-художественного стиля* отобраны десять фрагментов и небольших текстов русской классической художественной литературы. Среди проанализированных художественных текстов два текста представляют *ритмизованную прозу* (А. Белый, И.С. Тургенев), которая является как бы промежуточным звеном между прозой и поэзией, и, соответственно, обладает ярко выраженной ритмической структурой. Текст № 1 – отрывок из романа Андрея Белого «Маски» из трилогии «Москва» является примером метризованной прозы. «Метризованная проза ближе к форме стиха, но она, как правило, развивается из ритмизованной прозы. Регулярный метр, к которому прозаики обращаются сознательно, чаще всего подчеркивает «поэтические» приемы в прозаическом тексте. Метризованная проза – это художественный прием силлабо-тонического упорядочивания ритма прозаического текста. Прозаик, желая придать тексту благозвучие, подчиняет ритм прозы регулярному силлабо-тоническому метру, делит весь текст на однородные стопы [9]». А. Белый в предисловии к роману отмечает: «Моя проза – совсем не проза; она – поэма в стихах…; она напечатана прозой лишь для экономии места» [1].

Текст № 2 – рассказ из цикла «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева. До сих пор специалистами не определена жанровая природа стихотворений в прозе. По мнению О. А. Гореловой, речевую специфику данного произведения отражает понятие «поэтический ритм», который является ритмом «вертикальным», в отличие от свойственного прозе и преобладающего в ней «горизонтального» ритма [3]. О. А. Горелова отмечает повторяемость абзацев определённой длины, устойчивость длины слова, а также зависимость между ударением и выбором формы в первой части произведений данного цикла и относит "Стихотворения в прозе" к жанру «лирического цикла».

Публицистический стиль речи в данном исследовании представлен анализом пятнадцати рекламных текстов. Этот стиль речи выступает не только средством передачи информации, но и воздействия на чувства и эмоции читателя, которого нужно в чём-то убедить и чем-то заинтересовать, а именно – в покупке товара. «Реклама – в лингвистике: вид речевой деятельности, целью которой является регуляция спроса и предложения на товары и услуги. <...> современная реклама – это отрасль индустрии, занимающаяся производством особой текстовой продукции (часто поликодовой, то есть использующей не только язык (вербальный код), но и музыку, изобразительные средства, пластику), ее размещением в СМИ, исследованием ее эффективности» [8, с. 274–275]. В данном исследовании учитывались только вербальные особенности рекламных текстов, а именно печатный текстовый материал.

Существует множество классификаций рекламы, их разнообразие зависит от фактора, положенного в основу. Делл Денисон и Линда Тоби в основу своей классификации рекламы положили фактор цели и распределили тексты по трем большим группам: 1) имидж-реклама; 2) стимулирующая реклама; 3) реклама стабильности [4, с. 157]. Анализируемые тексты по данной классификации относятся к стимулирующей рекламе, которая «направлена в основном на активизацию потребностей покупателей и является самым распространенным видом рекламы. В ней важно подчеркнуть основные преимущества конкретной продукции и услуги, их положительные качества» [13, с. 19].

Для анализа ритмической структуры текстов *научного стиля речи* отобраны десять фрагментов из научных статей по экономической тематике за последние десять лет [14]. Среди авторов - специалисты в области экономики, сельского хозяйства, политические деятели. Фрагменты статей содержат только текстовый материал без таблиц, графиков, схем, формул и рисунков.

При отборе текстов и фрагментов для компьютерной обработки учитывается объём исследуемого текста. Отобраны небольшие тексты и фрагменты объёмом примерно 200–2100 знаков. Небольшой по объёму текст подвергается анализу целиком. При анализе фрагмента крупного произведения (романа, повести) его объём должен составлять примерно 2000 знаков. При данном объёме согласно проведённому автором исследованию, направленному на выявления оптимального объёма текста для анализа слого-анцентного оберритма, погрешность в определении оберритма при автоматизированной обработке составляет 5% по сравнению с анализом всего текста произведения[6, с. 111].

Анализ результатов автоматизированной обработки текстов

Прежде чем приступить к расчетам среднеквадратического отклонения, необходимо проставить ударения в прозаическом тексте. Для русского языка характерен слогосчитающий ритм. В русском языке ударение разноместное и может относиться к любому слогу в слове и слову в предложении. Результаты автоматизированной обработки текстов приведены в таблице 1.

Таблица 1

Компьютерный анализ текстов

№	Автор, название	Кол-во знаков	$x_{ср}$	q
	Художественные тексты			
1	А. Белый «Сквозной свет»	2082	1,9375	1,0108
2	И. С. Тургенев «Лазурное царство»	1599	1,9244	1,1957
3	Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»	2048	2,2716	1,4557
4	Л. Н. Толстой «Война и мир»	1751	2,5812	1,4270
5	Н. Г. Чернышевский «Что делать?»	1777	2,2941	1,4581
6	Н. В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»	1829	2,1092	1,2181
7	М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»	1968	2,3723	1,2934
8	А. С. Пушкин «Барышня-крестьянка»	2060	2,3529	1,3550
9	А. П. Чехов «Палата №6»	1986	1,9632	1,1402
10	М. Ю. Лермонтов «Панорама Москвы»	2084	2,0035	1,2406

	Рекламные тексты			
1	Ручки Parker	570	2,1466	1,1277
2	Дорожные чеки American Express	902	2,1186	1,1583
3	Лекарство «Аква Марис»	488	2,5263	1,3650
4	Аромат «Today Tomorrow Always» от AVON	253	2,1250	0,8926
5	Моторное масло Shell Helix	555	1,8552	1,2534
6	Серия средств для укладки волос «Прелесть Professional»	640	2,2278	1,2921
7	Питьевой йогурт «Чудо»	265	1,9117	1,4423
8	Подписка на журнал «National Geographic»	316	2,2250	1,3506
9	Microsoft Office 2007	508	2,2419	1,0729
10	Чешский фарфор Leander	310	1,8809	0,9808
11	Автомобиль Peugeot Partner Tiny	293	1,8974	1,1046
12	Средства для чистки Tide, Миф, Dreft	206	1,8000	1,2754
13	Мужская косметическая линия Boss Skin от Hugo Boss	831	1,7894	1,3538
14	Бытовая техника «Gorenje»	198	1,9310	1,1724
15	Кофе и чай для похудения «Турбослим» от «Эвалар»	193	1,6923	1,2331
	Экономические тексты			
1	К.И. Грасмик «Альтернативная оценка объема и отраслевой структуры прямых иностранных инвестиций в России»	1846	2,7696	1,4487
2	О.П. Сушко, А.В. Пластинин «Анализ и прогноз цен на целлюлозно-бумажную продукцию российских предприятий и мирового товарного рынка»	2099	2,8805	1,3266
3	А.Е. Абрамов, А.Д. Радыгин, М.И. Чернова «Долгосрочные портфельные инвестиции: новый взгляд на доходность и риски»	1683	2,7336	1,302
4	В.Н. Борисов, О.В. Почукаева, «Инновационное машиностроение как фактор развивающего импортозамещения»	1883	3,3172	1,5174
5	А.В. Бабкин, Е.М. Бухвальд «Проблемы стратегического планирования в региональном и муниципальном звене управления»	1792	3,2768	1,7778
6	М.Л. Шабанова «Этичное потребление в России: профили, факторы, потенциал развития»	1973	2,7688	1,3968
7	А.И. Балашов, Я.В. Мартьянова «Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса»	1781	3,1428	1,5482
8	Н.Д. Гуськова, Т.А. Салимова, И.Н. Краковская «Программно-целевое регулирование устойчивого развития и повышения конкурентоспособности региона»	2052	3,1674	1,4195
9	Л.В. Скульская, Т.К. Широкова «Проблемы стимулирования производства отечественной сельскохозяйственной продукции»	1774	3,1073	1,4081
10	Д.А. Медведев «Новая реальность: Россия и глобальные вызовы»	1955	2,5733	1,5506

Проанализировав полученные данные и сопоставив их с показателями нормы x_{cp} можно сделать вывод, что в группе художественных текстов большинство обладают средней скоростью ритмичности (тексты № 3, 5, 6, 7, 8, 10). Показатель скорости текстов № 1 и 2 немного ниже нормы, следовательно, ритм этих ритмизованных прозаических текстов более быстрый. Самым медленным ритмом среди художественных текстов обладает текст № 4, показатель x_{cp} которого слегка превышает норму.

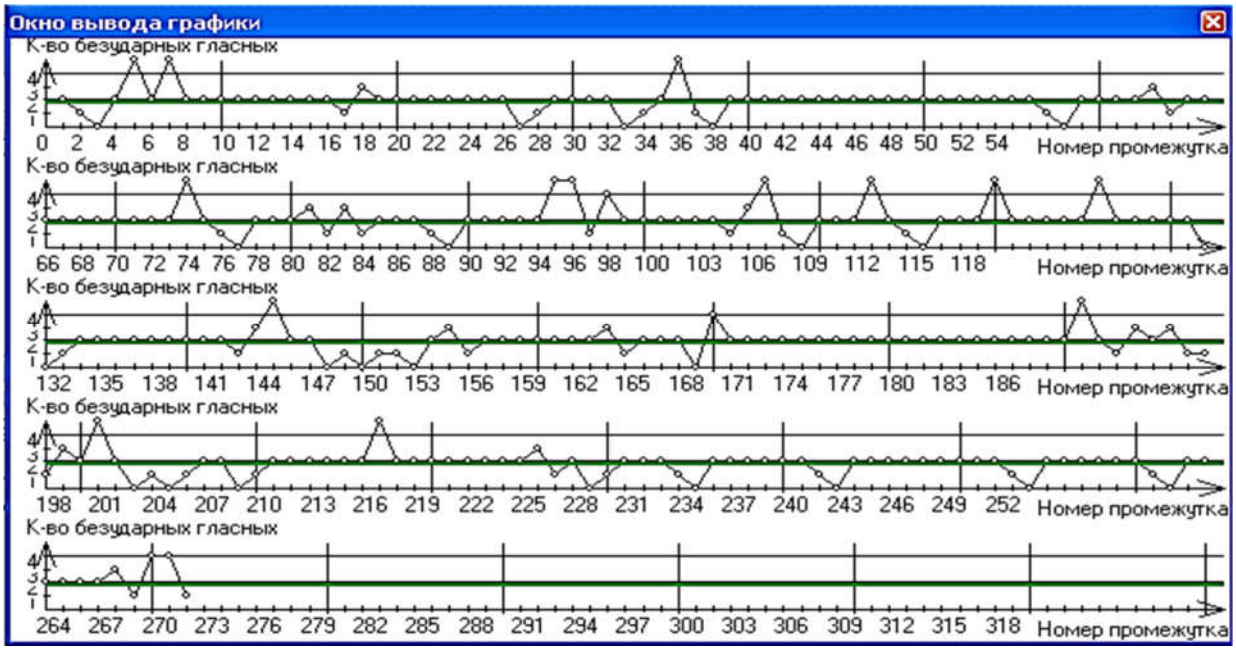


Рис.1. Графическое представление среднеквадратичного отклонения от слого-акцентного оберритма художественного текста №1

По показателю q практически все проанализированные художественные тексты находятся в пределах нормы, что свидетельствует об относительной равномерности распределения ударных слогов в тексте и плавности ритмического рисунка. Самый плавный из всех проанализированных текстов – художественный текст № 1. Ровность и размеренность его ритмического рисунка отчётливо видна на графике (рис. 1). Прямой жирной линией на графике отмечен показатель скорости ритма – x_{cp} .Этот текст действительно по своему ритмическому рисунку приближается к поэзии, так как встречаются идеально ровные ритмические промежутки с одинаковыми по количеству безударных гласных МИ.

В группе рекламных текстов показатель x_{cp} в пределах нормы у 6 текстов из 15, у текста № 3 этот показатель слегка выше нормы (ритм замедлен). Большинство рекламных текстов обладают быстрым ритмом, при этом показатель скорости этих текстов не зависит от объёма, так как самый быстрый ритм (1,6923) у самого короткого текста № 15 (193 знака), а второй по скорости текст № 13 с показателем скорости (1,7894) превышает текст №15 по объёму примерно в 4 раза (831 знак). Следовательно, показатель скорости текста x_{cp} зависит не от объёма, а от лексических и синтаксических особенностей, свойственных текстам данного стиля речи: простая лексика, короткие немногосложные слова, простые предложения.

Норма по показателю q для текстов публицистического стиля не определена. Сопоставив результаты анализа среднеквадратичного отклонения от ритма рекламных текстов с нормой, установленной Г. Н. Ивановой-Лукъяновой для художественных текстов, можно сказать, что практически все тексты (за небольшим исключением в данных q текстов № 4 и № 7) находятся в пределах нормы. Это свидетельствует о слоговой упорядоченности и плавного ритмического рисунка, без резких скачков и перепадов.

У экономических текстов показатель q либо находится у верхней границы нормы либо существенно превышает её, следовательно, ритмический рисунок этих текстов отличается неровностью, скачкообразностью, большими перепадами в размерах МИ. По результатам компьютерного анализа самый неровный «рваный» ритмический рисунок из всех рассматриваемых текстов у экономического текста № 5 (рис. 2).

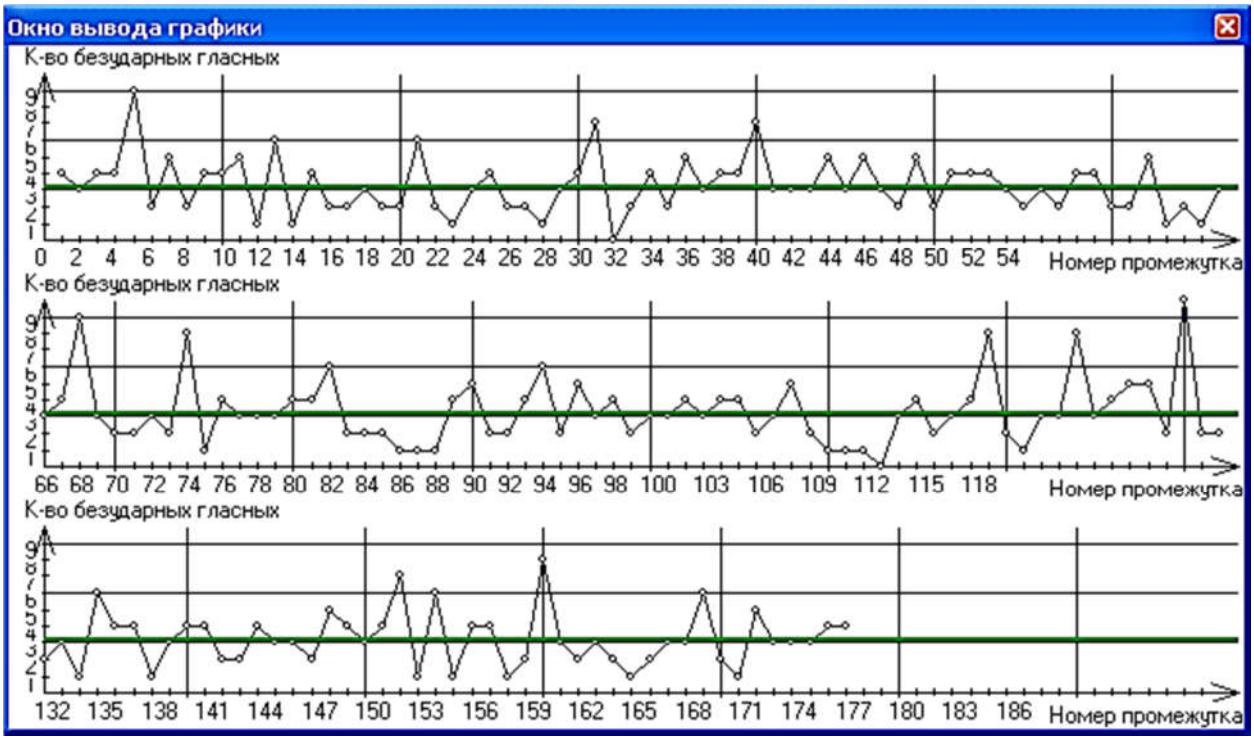


Рис.2. Графическое представление среднеквадратичного отклонения от слого-акцентного оберритма экономического текста №5

По скорости текста x_{cp} экономические тексты выделяются завышенными показателями, все тексты относятся к медленным и очень медленным. При этом, по объёму экономические тексты практически совпадают с художественными, что позволяет сделать вывод о том, что медленный ритм свойственен текстам научного стиля речи, которому присущи особая лексика (слова сложного слогового состава, термины) и особый синтаксис (длинные сложноподчинённые и сложносочинённые предложения, усложнённые различными оборотами речи). Всё это замедляет скорость текста.

Выводы

Проведённое исследование показало, что каждый из проанализированных стилей речи имеет свои ритмические закономерности. Так, тексты *литературно-художественного стиля речи* преимущественно обладают средним уровнем ритмичности и плавным ритмическим рисунком в пределах нормы. Исключение составляют тексты ритмизованной прозы с повышенной скоростью ритмичности, которые отличаются особой плавностью и размеренностью, однородностью МИ.

Тексты *публицистического стиля речи* обладают быстрым ритмом, им свойственны слоговая упорядоченность и ровность ритмического рисунка, без резких скачков и перепадов в размерах МИ. Текстам *научного стиля речи* присущ медленный, «рваный», скачкообразный ритм, с неоднородными МИ.

По результатам исследования не выявлено закономерности между объёмом исследуемого текста и уровнем его ритмичности. Ритмическая структура скорее связана с лексическими и стилистическими особенностями текстов того или иного стиля речи.

Результаты данного исследования послужат основой для дальнейшего изучения ритмической структуры прозаических текстов. Планируется провести психолингвистический эксперимент с участием испытуемых с целью выявления особенностей восприятия текстов разных стилей речи и разного уровня ритмичности.

The article discusses an approach in the context of which the decoding process of the language model suggestive potential is a success. It deals with the prosaic text rhythm which is considered to be a tool of the text analysis. Analysis of prose extracts is carried out by means of computer program “PULSE”. It is noted the importance of taking into account of all unstressed syllables normal coefficient when analyzing rhythmic prose structure. Characteristic distinctions of rhythmic structure of texts of different language styles were revealed.

Keywords: *prose mean-square deviation analysis, syllable-accent overrhythm, rhythmic structure of prose, units of analysis, decoding, suggestive potential, automated analysis of texts, text size selection, level of text rhythm, functional style of language.*

Список литературы

1. Белый А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Маски. – М.: Терра-Книжный клуб, 2004. – 440 с.
2. Вундт В. Сознание и внимание: хрестоматия по вниманию. М.: МГУ, 1976. – 385 с.
3. Горелова О. А. Ритмическая организация "Стихотворений в прозе" И. С. Тургенева: лингвостилистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Владивосток, 2004. – 197 с.
4. Делл Д., Линда Т. Как стать известным не тратя денег на рекламу: учебник по рекламе: пер. с польск. Н.В. Бабиной. - Минск: СЛК, 1996. - 320 с.
5. Иванова-Лукъянова Г. Н. О ритме прозы. // Просодическая структура текста. М: Изд-во ИнЯз им. Мориса Тореза, 1984. Вып. 230. С. 128–147.
6. Кишалова Л. В. Подходы к постановке эксперимента по исследованию ритмической структуры текста. // Теория и практика языковой коммуникации: материалы VII Международной научно-методической конференции (24-25 июня 2015г.) / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2015. – С. 109-114.
7. Кривошеев И. А., Ахмедзянов Д. А., Кожинов Д. Г. Система автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО) Свидетельство об официальной регистрации, Роспатент, №2011611712, Москва. - 2011.
8. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта, 2003. – 432 с.
9. Ремнёва М. Л. Гуманитарная Россия: лингвокультурологический тезаурус, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tezaurus.oc3.ru/– [Дата обращения: 11.11.2015].
10. Рогожникова Т. М. Автоматизированный анализ вербальной информации как декодирование суггестивного потенциала языковой системы // Вестник УГАТУ. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, – Т.18. - №2 (63) Управление, вычислительная техника и информатика, 2014. – С. 113-124.
11. Рогожникова Т. М., Кишалова Л. В. Слого-акцентный оберритм как инструмент анализа суггестивных ресурсов текста. // Вестник Тверского государственного университета: сб. научн. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. - №2. – С. 272-282.
12. Рогожникова Т. М., Кишалова Л. В., Кишалов А. Е. Компьютерная программа по обработке и анализу ритма текста «ПУЛЬС». Свидетельство о гос. регистрации программы для ЭВМ № 2015614549, Москва, 2015.
13. Сердобинцева Е. Н. Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 160 с.
14. Экономический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://institutiones.com/– [Дата обращения: 11.11.2015].

Об авторе

Кишалова Л.В. – аспирант Уфимского государственного авиационного технического университета, *kishalov@ufanet. ru*

УДК 811.161

СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ В КАНВУ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И.С.ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

И.Н. Клеутина

В статье рассматриваются способы введения церковнославянской лексики в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне»: описательный, с помощью лексико-синтаксической сочетаемости, путем подбора синонимов.
Ключевые слова: *лексическая сочетаемость, синтаксическая сочетаемость, лексема, ефимоны, плащаница, Казанская.*

Как отмечал Д.Н. Шмелев, употребление слов в речи обусловлено «возможностью выбора слова, то есть семантическим соотношением с другими словами, между которыми распределена известная «сфера смысла», и возможностью сочетания с другими словами» [12, с. 129].

Целью данной статьи является описание способов введения церковнославянской лексики в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне». Конкретные задачи сводятся к следующему: 1) рассмотреть способы введения лексики в произведении; 2) сравнить авторское толкование лексем со словарной статьей.

Источником фактического материала послужила первая часть дилогии И.С. Шмелева «Лето Господне» [13]. Нами был составлен учебный словарь религиозной лексики к произведениям И.С. Шмелева, включающий более 200 лексем [6].

Дефиниция слов опирается на материалы общей, а также авторской лексикографии. Как справедливо отмечает А.Л. Голованевский, «Избежать субъективизма будет трудно, но свести его к минимуму необходимо» [3, с.8].

Были использованы следующие словари:

1. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – Репринтное воспроизведение издания 1900 г. – М., 1993 [4].
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1988 [8].
3. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – М., 2008 [11].

Обилие церковнославянизмов в произведении И.С. Шмелева не затрудняет понимание текста. На наш взгляд, автор умело вводит слова, значение которых современному читателю остается малопонятным или непонятным. Например, такие, как *ефимоны, ктитор, евхаристия* и т.д.

Ефимоны = *мефимоны* – это «церковная служба, которая совершается в понедельник, вторник, среду и четверг первой недели Великого поста».

На этой службе читается покаянный канон св. Андрея Критского. Греческое название мефимон значит съ нами и происходитъ отъ того, что на службе часто повторяется стих «с нами Бог» [6, с. 79]. Горкин так объясняет мальчику значение данного слова (ефимоны): «Господне слово, от древних век. Стояние – покаяние со слезьми. Скорбение… Стой и шопчи: «Боже, очисти мя грешного» [13, с. 16].

Ктитор, *а,м*. Создатель храма или монастыря, вкладчик, попечитель, церковный староста.

Сегодня пришла с бумагой (т.е. медаль), и батюшка преподнес, при всем приходе (т.е. Горкину), - «за доброусердие при *ктиторе*» [6, с. 84]. В данном контексте – это «церковный староста».

Религиозная лексика в последнее время возвращается в активный запас русского языка. По словам Л.С. Савельевой, это «свидетельствует о возрождении важных истоков русской ментальной картины мира» [10, с. 66].

Нами выделены основные способы введения лексики в канву произведения: описательный, с помощью лексико-синтаксической сочетаемости, путем подбора синонимов. Рассмотрим их.

Значение неизвестных слов объясняется, во-первых, описательным способом. Можем наблюдать на примере таких лексем, как: *артос, ефимоны, заутреня, кутья, плащаница, стихира.* Например, значение слова кутья узнаем из следующего контекста: «*Кутью* варили из пшеницы, с медом» [13, с. 141]. В другом контексте автор указывает, что кутью также называют коливом: «А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам…, а *кутья* с мармеладом в первую субботу, какое-то «коливо»» [13, с. 8]. Также узнаем, что кутью, или коливо, варили под Рождество [13, с. 14].

Лексема ***плащаница*** имеет значение «шелковое полотнище (плат) с изображением Тела Иисуса Христа (после снятия с Креста), выносимое на середину храма для общего поклонения во время богослужения Великой пятницы и Великой субботы.» [6, с. 90].

И.С. Шмелев кратко, но емко растолковал данное слово: «Плащаница увита розами. Под кисеей, с золотыми херувимами, лежит Спаситель, зеленовато-бледный, с пронзенными руками» [13, с. 75].

Во-вторых, значение слов можем установить по лексической и синтаксической сочетаемости. Под синтаксической сочетаемостью будем понимать «модель синтаксического построения, в которой реализуется данная семема. Описывается она в виде формул синтаксических конструкций» [9, с. 34]. Под семемой З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают каждое значение лексемы, или лексико-семантический вариант. «Лексическая дистрибуция (или сочетаемость) – это слова определенного семантического разряда или разрядов, сочетающиеся со словом при реализации данной семемы» [9, с. 34]. Данным способом вводятся следующие лексемы: *Апостол, Богородица, Владычица, Донская, Закон Божий, Иверская, Казанская, лития, Отец, Пасха, Покров, рай, риза,*

собор, Спаситель, Троица, Царица Небесная.

Рассмотрим это на примере некоторых слов.

Казанская. 1. Икона Божией Матери. Весь угол его каморки уставлен образами, додревними. Черная – *Казанская* – отказала ему прабабушка Устинья… [с. 327].

2. Праздник, отмечаемый православной церковью 21 июля и 4 ноября (по новому стилю). В садике пусто, голо, деревья плачут; последнюю рябину еще до *Казанской* сняли, морозцем уж хватило, и теперь только на макушке черные кисточки для галок [с. 325].

3. Церковь (=Храм) в честь иконы Божией Матери «Казанская». Ограда у *Казанской* зеленая, в березках [8, с. 120]. Едем мимо *Казанской*, крестимся [с. 130] [6, с.81-82].

Трудно не согласиться со С.Я. Гехтляр, которая считает, что важно «использовать в целях повышения выразительности не только те средства, которые определены нормой, но и сочетание нормативных и ненормативных средств, средств, представляющих действующую и устаревшую норму, действующую и возникающую» [2, с. 332].

И.С. Шмелев активно прибегает к данному способу. Очень часто одно и то же слово используется для обозначения и иконы, и праздника, и храма, и т.д. (см. Казанская, Донская, Иверская, Спас и т.д.). Причем не все значения зафиксированы в словарях. И только на основании лексической и синтаксической сочетаемости мы можем разграничить значения слов.

Для обозначения иконы используется лексический уточнитель о*браз* (1 ЛСВ), церкви (3 ЛСВ) - интаксические конструкции Р. п. и Д. п. со значением места (у+Р.п., к+ Д. п., от+Р. п., мимо+ Р. п.); для обозначения праздника (2 ЛСВ) – конструкции Р. п. со значеним времени. (до+Р. п.). Тоже самое наблюдаем и со словами *Донская, Троица*.

Лексема ***Донская*** (см. главу «Крестный ход») используется как для обозначения иконы Матери Божией, так и праздника[5].

Например: «Завтра у нас *Донская*» (т.е. праздник) [13, с. 250]. «А *Донская* у нас великий праздник, со старины» [13, с. 254].

В другом контексте слово обозначает икону. Например: «И вот та самая икона и есть - *Донская»* [13, с. 257]. «*Донская* густо усыпана травой, весело, будто луг» [13, с. 259].

По лексической и синтаксической сочетаемости без труда можем разграничить значения.

Слово ***Троица*** в произведении И.С. Шмелева встречается в следующих значениях: «1. Триипостасный Единый Бог (Отец, Сын, Святой Дух).

Авраам *Троицу* в гости принимал [111]. Пойдет завтра Господь, во *Святой Троице*, по всей земле [111].

2. = *Пятидесятница.* Праздник, отмечаемый церковью на 50-й день после Пасхи, посвященный Пресвятой Троице.

На *Троицу* завтра красный денек будет [110]. И в «Ведомостях» напечатали, что будет большое торжество на *Троицу*, 8 числа июня, будут открывать Пушкина, памятник там поставлен [462].

3. Икона триипостасного Единого Бога.

У тебя наверху, в кивоте тоже *Троица* [111]. У иконы *Троицы* я вижу мою березку, с пояском Горкина [122].

4. = *Троице-Сергиева лавра.*

А мы, Бог даст, догоним тебя у *Троицы* [660]. – Дошли мы с тобой до *Троицы*, соколик…. довел Господь. *Троица*…. вон она…. все тут и *Троица*, округ колокольни-то, за стенами …. владение большое, самая лавра – *Троица* [739]» [6, с. 101].

Так же, как и у предыдущих лексем значения слова можем разграничить по лексической и синтаксической сочетаемости. Когда слово используется для обозначения иконы, распространены синтаксические конструкции со значением места, для обозначения праздника – конструкция на + В.п. (со значением времени) и т.д.

Слово ***Апостол*** употребляется в двух значениях: «1. Ученик Иисуса Христа, призванный Им и непосредственно общавшийся с Ним при Его земной жизни.

Апостол Петр и змею, и лягушку ел, с неба подавали [154]. *Апостолы* где ловили, на окунька похожа [328].

2. Книга, содержащая деяния и послания апостолов, предназначенная для чтения при богослужении (пишется с заглавной буквы).

Протодьякон опять читает *Апостола*. А после *Апостола* старенький батюшка читает Евангелие [587]» [6, с. 72]. Именно лексическая сочетаемость помогает нам разграничить данные значения: собственное имя указывает на то, что это ученик Иисуса Христа. В другом контексте «читает Апостола» глагол требует употребление объекта в форме В.п. (глагол + В.п.).

То же самое можем наблюдать на примере слова ***Отец***, которое является многозначным:

1. Первая ипостась Святой Троицы; Бог Отец (пишется с заглавной буквы).

Он умывает меня святой водой, совсем ледяной, шепчет: «Крещенская-богоявленская, смой нечистоту, душу освяти, телеса очисти, во имя *Отца*, и Сына, и Святого Духа [190].

2**.** Наименование священнослужителей или монахов, а также обращение к ним (часто употребляется с именем).

– *Отец* Виктор поздравляет и очень сожалеет … - говорит он [339]. – Простите, ради Христа, батюшка *отец* Виктор … от душевности так, из уважения торжества … хозяин-то хорош больно! [307].

3. Мужчина по отношению к своим детям.

Отец тащит меня к ердани [194]. *Отец* посылает Горкина на Москву-реку, на ледокольню, чтоб навел порядок [219]» [6, с. 89]. Разграничить первое и второе значение нам помогает лексическая сочетаемость: «во

имя *Отца*, и Сына, и Святого Духа» - устойчивая формула Триипостасного Бога. В этом случае слово пишется с заглавной буквы. Во втором значении, как правило, к данному имени прибавляется имя собственное. Например, *отец* Виктор. Также из контекста без труда сможем определить слово *отец* (в третьем значении): речь идет об обычных домашних делах. В этом случае слово пишется со строчной буквы.

Значение некоторых слов И.С. Шмелев раскрывает не до конца. Например, слово ***часы*** имеет значение «Моменты суточного богослужения, состоящие из чтения псалмов, нескольких стихов и молитв, символически изображающие евангельские события, страдания и крестную смерть Иисуса Христа».

Первый час, совершаемый после утрени, посвящен воспоминанию суда Пилата над Иисусом Христом. Третий и шестой часы совершаются перед литургией и посвящены воспоминанию крестного пути, распятия и страданий Спасителя. Третий час посвящен также воспоминанию о сошествии Святого Духа на апостолов. Девятый час совершается перед вечерней и посвящен крестной смерти Иисуса Христа.

На крылосе вычитывают *часы*… [799] [6, 103-104]. Из контекста мы не можем понять, что такое часы. Но мы узнаем, что их читают, в отличие от стихиры, ирмоса или тропаря, которые поют.

И.С. Шмелев использует такой способ толкования слов, как синонимический: «Он [т.е. Иисус Христос] теперь сошел в *ад* и всех выводит из огненной геены [76]» [13, с. 76]. Слово ***ад*** имеет значение «место вечного мучения, уготованное душам нераскаявшихся грешников, находящееся во власти дьявола.» [6, с. 71].

При описании храмов, церковных служб И.С. Шмелев вводит церковнославянскую лексику, как само собой разумеющееся. Мы должны помнить, что в ту эпоху это было естественно. «Русская жизнь, исконно русский быт были всегда тесно связаны с верой. Это наполняло их высокой духовностью и целесообразностью, что проявлялось и в семейном укладе, и в проведении религиозных праздников» [7, с. 137]. Поэтому не нужно было объяснять, например, значение таких слов, как: *алтарь, амвон, аналой, архангел, архимандрит, архиерей, батюшка, благовест, благодать, богадельня, вечерня, всенощная, дикирий, епитрахиль, кадило, камилавка, митра, паникадило, подрясник, ряса, трикирий* и т.д. Как справедливо отмечает С.Я. Гехтляр, «изучая историю и культуру народа, можно многое понять в его языке, но верно и другое: вникая в Слово, можно лучше узнать и понять Народ» [1, с. 163]. Таких слов большинство.

Например, ***Амвон****, а,м.* Возвышенная, чаще всего полукруглая, часть пола, расположенная напротив царских врат.

С амвона священнослужитель (священник или дьякон) читает евангелие, произносит ектении и проповеди.

На *амвоне* насыпано так густо, что диакон путается в траве … [120]. Он [т.е. батюшка] стоит тоже на коленках, на *амвоне*, читает грустно, и золотые врата закрыты [122] [6, с.71].

ДИКИ'РИЙ, *я,м.* Подсвечник для двух свечей – принадлежность архиерейского богослужения.

Две свечи символизируют два естества (Божественное и человеческое) Иисуса Христа.

Певчие, в кафтанах, - цветных, откидных, подбитых, - и великое духовенство, в серебряных и злаченых ризах: причетники, дьяконы, протопопы в лиловых камилавках, юноши в стихарях, с рипидами: на золоченых древках лики крылатых херувимов, *дикирии* и трикирии, кадила … - и вот золотится митра викарного архиерея [265] [6, с.77].

Проанализировав церковнославянскую лексику из дилогии И.С. Шмелева «Лето Господне», можно сделать следующие обобщения: 1) автор использует такие способы толкования значений слов: описательный, с помощью лексико-синтаксической сочетаемости, путем подбора синонимов; 2) И.С. Шмелев кратко, но емко объясняет значение слов, необходимое для понимания текста; 3) с помощью лексико-синтаксической сочетаемости можно определить значения лексем, не зафиксированных в словарях.

The article considers the following ways of introduction of Church Slavonic vocabulary in I.S. Shmelyov's work «God's Summer»: descriptive, with the help of lexico-syntactic combination.
Keywords*: lexical combination, syntactical combination, lexeme, ephimons, the shroud of Christ, of Kazan.*

Список литературы

1. Гехтляр С.Я. Язык и культура: аспекты взаимоотношений// Вестник Брянского государственного университета. № 2. Брянск: РИО БГУ, 2005. – 162 – 170 с.
2. Гехтляр С.Я. О социально-нравственном в истории и бытовании русского слова// Вестник Брянского государственного университета. № 2. Брянск: РИО БГУ, 2014. – 329 – 332 с.
3. Голованевский А.Л., Атаманова Н.В., Чернявская Е.А. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева: загадки, гипотезы, отгадки//Вестник Брянского государственного университета. № 2. Брянск: РИО БГУ, 2004. – 7 – 13 с.
4. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – Репринтное воспроизведение издания 1900 г. – М., 1993.- 1120 с.
5. Клеутина И.Н. О некоторых особенностях системных отношений в творчестве И.С. Шмелёва//Альманах современной науки и образования.- Тамбов, № 2(9), Ч 1, 2008.- 111-113 с.
6. Клеутина И.Н., Каршкова Л.А., Карасева О.С. И.С. Шмелев о России, потерянной и обретённой. Элективный курс по словесности для учащихся 9 класса. Брянск: РИО БГУ, 2012. - 112 с.
7. Ляйрих Е.Б. Православие как основа существования русской действительности в автобиографическом романе И.С. Шмелева «Лето Господне»// Альманах современной науки и образования. – Тамбов, №2 (9), Ч. 1, 2008. – 135-137 с.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения. – Воронеж, 1984. – 148 с.
10. Савельева Л.В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. – Петрозаводск, 1997.
11. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М., 2008. – 447 с.
12. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964.
13. Шмелёв И.С. Лето Господне. Избранное. М., 2003. – 1135 с.

Об авторе

Клеутина И.Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *kominn@yandex.ru*

УДК 378.147…811.111+372.8

ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

И.Н. Красоткина, Ю.А. Красоткина

В статье рассматриваются особенности обучения деловому иноязычному общению в процессе коммуникативно-информационного развития в современной средней школе, а также речевые навыки и умения, необходимые для осуществления делового иноязычного общения

Ключевые слова: *деловое иноязычное общение, подготовка учащихся, формирование личности, речевые навыки и умения, речевая ситуация, языковые, операционные и мотивационные упражнения, деловые и ролевые игры*

Социально-экономические преобразования, реализуемые в нашей стране, обусловили частые (а для многих и повседневные) контакты с людьми из разных стран мира. Поездки за рубеж, частные и деловые, стали нормой жизни для миллионов граждан нашей страны. Если раньше термин «международные отношения» применялся почти исключительно к сфере межгосударственных связей, то сегодня большинство фирм, организаций и предприятий ведут свою международную деятельность, вступая в деловые отношения с партнерами из других стран и регионов мира.

Существует комплекс объективных и субъективных причин, который выдвигает задачу подготовки учащихся старших классов к деловому общению на иностранном языке в устной и в письменной формах в число наиболее актуальных. В качестве основных причин можно выделить следующие:

1) Школьники старших классов готовятся к профессиональному самоопределению.

2) В старшем школьном возрасте происходит активное социальное формирование личности, вступление молодых людей в мир взрослых отношений, столкновение с законами рынка.

3) Многие из школьников готовятся сдавать единый государственный экзамен (ЕГЭ), экзамены (KET, PET, CAE, FCE, BEC и др.) для получения международного сертификата по английскому языку, задания которых предусматривают разностороннее владение иностранным языком, в том числе и деловым.

4) С учетом перехода школы на 12-летнее образование, предполагается введение профильно-ориентированного обучения иностранному языку, которое подразумевает подготовку к практическому владению языком в различных сферах деятельности, в т.ч. и в официально-деловой.

Целесообразность и актуальность разработки и создания программ подготовки молодежи к жизни в новых условиях подтверждается данными ряда исследователей последних лет, которые изучали проблему обучения деловому общению старшеклассников[8,10].

И.О. Кононенко [2007] исследовала проблему подготовки учащихся старших классов к деловому общению на русском языке. М.Г. Соколова [2008]) в своей работе выделила такое умение как ведение деловых переговоров. И.В. Павловой [2009], разработан курс делового английского языка для старших классов школ с углубленным изучением иностранного языка, в котором, хотя и затрагивается деловое общение, однако процесс обучения в основном строится на различных видах чтения аутентичных текстов делового содержания.

Особенность делового иноязычного общения состоит в том, что оно осуществляется на иностранном языке и предполагает сформированность целого ряда речевых навыков, обеспечивающих как правильное оформление высказывания средствами иностранного языка, так и правильное понимание речи партнера или партнеров по общению. Особенности языкового оформления высказывания в ходе делового общения детерминирутся, с одной стороны, содержанием делового общения, с другой стороны, решаемыми коммуникативными задачами. Первые определяют лексический состав высказывания на уровне слов и словосочетаний, а вторые - его синтаксические особенности. Необходимо отметить, что лингвистический аспект языковой компетенции и методика отработки речевых навыков, развитие которых составляет условия формирования речевых умений, обеспечивающих эффективное деловое иноязычное общение, детально разработаны в научно-экспериментальных исследованиях [6].

Речевой навык – это речевая операция, осуществляемая по оптимальным параметрам, которыми являются бессознательность, автоматичность, соответствие норме языка, нормальный темп выполнения, устойчивость, то есть тождество операции самой себе в изменяющихся условиях. Речевое умение – это способность произвольно и осознанно варьировать выбор и сочетание речевых навыков в зависимости от того, для какой цели, в какой ситуации, с каким собеседником происходит общение. Владеть речевым умением -значит уметь правильно выбрать стиль речи, подчинить форму речевого высказывания задачам общения, употребить самые эффективные языковые и неязыковые средства [7,19].

Выделяют следующие речевые навыки и умения, необходимые для осуществления делового иноязычного общения: правильно и слитно произносить словосочетания, вызывающие трудности, членить предложения на синтагмы, оформлять каждую синтагму интонационно; ставить логические ударения в предложении; выбирать интонационную модель предложения адекватно коммуникативной задаче; употреблять адекватно коммуникативной задаче: союзы и союзные слова в сложноподчиненных предложениях условия, времени, причины, следствия и цели; союзы и союзные слова для связи отдельных предложений внутри реплики, а также для связи между репликами; перформативные глаголы в дополнительных сложноподчиненных предложениях; сочетательные модели («обратимые» и «необратимые»); предлоги в словосочетаниях; речевые формулы разных групп (для выражения модальности, оценки, заполнения пауз и т.п.); структурировать предложения разных коммуникативных типов и комбинировать их внутри одной реплики адекватно ситуации общения и коммуникативной задаче; понимать значения многозначных лексических единиц в разных контекстах; определять смысловой центр фразы по интонационному оформлению; сегментировать предложения (определять на слух границы словосочетаний в предложении) в реплике партнера; идентифицировать предложения, входящие в развернутую реплику партнера, по интонационной модели; выявлять и понимать логические, временные, причинно-следственные связи между элементами предложения и предложениями внутри реплик партнеров с опорой на союзы, союзные слова и средства межфразовой связи [9].

На уроках нами применялись следующие типы упражнений: языковые, операционные и мотивационные. Языковые упражнения, применяемые в предложенной нами модели формирования умений делового общения, обеспечивали осмысление и усвоение языкового материала. Примером языковых упражнений могут служить: Прочтите диалог "Визитная карточка" и переведите его на русский язык. Найдите в диалоге слова и выражения, которые помогут Вам представиться деловому партнеру, передать визитку, представить своего коллегу Вашему деловому партнеру. Как можно реагировать на реплики, когда Ваш партнер называет себя?

Операционные упражнения, применяемые на структурном и функциональном этапах подготовки к деловому общению, доводили умение использовать языковой материал до уровня автоматизмов. Это, прежде всего, оперирование языковыми единицами, подобное тому, которое совершается в реальной речевой деятельности. Операционные упражнения, являясь продолжением и дальнейшим развитием информационных, вместе с тем очень тесно соприкасаются с теми, которые обладают ярко выраженной речевой направленностью: закрепляя операции, протекающие в речи, они готовили школьников к совершению речевой деятельности. Примером операционных упражнений может служить отработка лексических и грамматических сочетаний, подстановки и преобразования диалогов.

Многократное решение однотипных речевых ситуаций создаёт устойчивую модель решения конкретной профессиональной задачи и обслуживающего её речевого поведения будущего специалиста. В основе такого подхода лежит тренировка речевого материала при овладении умениями делового общения. Главное внимание при этом уделялось активным и групповым методам обучения.

Так, при изучении темы «Персонал фирмы» основной целью являлось овладение школьниками умениями представиться, то есть назвать себя, фирму, которую они представляют, назвать, сколько в ней сотрудников, какие отделы, передать визитку, прореагировать на представление собеседника, соблюдая при этом все правила делового этикета. Сначала школьникам было предложено познакомиться с партнёром, исходя из своего жизненного опыта и сложившегося речевого поведения. Затем им были предъявлены для прослушивания диалоги-ситуации "Представление деловых партнеров". Следующим шагом был анализ и сравнение самостоятельно проигранных и прослушанных ситуаций, выявление наиболее типичных для делового общения фраз и реплик, а также их отличие от бытового общения. Опираясь на услышанные, а затем и предъявленные в письменном виде диалоги, учитывая результаты анализа и сравнения, школьники составили свои собственные диалоги по данной теме. Для усвоения и закрепления данных умений школьники работали не только в парах, но и по трое (представление делового партнера своему коллеге по фирме) и в малых группах (представление гостя фирмы коллективу). Школьники садились парами и "знакомились" по предложенной схеме. Вопросы задает один школьник другому, через 5 минут их роли меняются. Затем оба представляются перед аудиторией (все пары по очереди). Следующее задание - представить своего партнера, рассказав о нем самое лучшее, заинтересовать им собравшихся. Эта информация должна носить как бы рекламный характер, поднимать товарища по группе в его собственных глазах. Представление длится три минуты. Как правило, вроде бы известный всем школьник открывается с неожиданной стороны. Школьники были иногда удивлены тем, как мало они знали друг о друге. При этом зачастую выяснялось совпадение чьих-либо интересов или проблем.

Для активизации процесса подготовки к деловому общению нами наряду с аудиоматериалами применялись ролевые игры, позволяющие продемонстрировать различные образцы поведения. При изучении темы

"Устройство на работу" школьникам было предложено разыграть ситуацию "На бирже труда. Разговор со служащим по найму на работу.

Ролевые упражнения диалогического характера являются целью и средством овладения умения делового общения. Различные модификации этих упражнений, обусловленные видами взаимодействия партнёров при осуществлении делового общения, обеспечивали постепенное формирование навыков и умений реализации коммуникативного взаимодействия от уровня реплики в диалогическом единстве (которая может представлять собой элементарную операцию) до развёрнутых смысловых кусков, являющихся результатами сложных мыслительных действий (выше уже приводились примеры таких упражнений).

Моделирование общения, которое предполагает наличие профессиональной задачи, позволяет представить любое упражнение, даже предназначенное для автоматизации какого-либо умения, не как механическую операцию, а как ситуацию, имитирующую внутреннюю организацию делового общения и способы поведения в процессе этого общения.

Ситуация общения задавалась формулировкой цели и являлась моделью делового общения. Решая коммуникативно-познавательное задание, учащийся овладевал речевыми средствами непроизвольно, соотнося способ его решения содержательной, а не с формальной стороной. Под коммуникативным заданием понимается разновидность учебной задачи, решение которой возможно только в процессе общения группы индивидов. Центром коммуникативного задания является проблема, совместное решение которой и является целью речевых действий коммуникантов.

Таким образом, анализ результатов работы по формированию делового иноязычного общения у учащихся старших классов подтвердил правомерность выдвинутой гипотезы об эффективности использования элективного курса «Деловой иностранный язык» для подготовки к деловому общению в процессе коммуникативно-информационного развития в современной средней школе.

The article considers the features of teaching business foreign language communication in the communicative-informative development in the modern secondary school, as well as communicative skills necessary for business communication in a foreign language.
Keywords: *business foreign language communication, training of students, formation of personality, speech skills, speech situation, language, operational, and motivational exercises, business and role games*

Список литературы

1. Беляева Л.Г. Упражнения для обучения деловому иноязычному общению/Преподавание иностранных и русского языков в контексте диалога культур. Сб. науч. статей. Пятигорск: Издательство ПГЛУ. - 2005. - С. 38-45.
2. Божович, Е. Д. Учителю о языковой компетенции школьника. Психолого-педагогические аспекты языкового образования[Текст] / Е. Д. Божович. – М. : Академия, 2002.
3. Бороздина Г.В. Психология делового общения: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА – М, 2002. – 224с.
4. Браим И. Культура делового общения: Учебник – Мн.: ИП «Экоперспективы», 2005. – 174с.
5. . Гойхман О .Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник/Под ред. проф. О .Я. Гойхмана. М.: ИНФРА-М, 2001. - 272 с.
6. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностр. языкам. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1992. – 102с.
7. Клементьев Л. Деловой человек – со школьных лет // народное образование. – 2004. - №4. – С.116-119
8. Кононенко И.О. Подготовка старшеклассников к деловому общению.: Дис. . канд. пед. наук. Красноярск, 2007. - 187 с.
9. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иностранному общению. – М.: Русский язык, 1989. – 276с.
10. Соколова М.Г. Формирование у старшеклассников коммуникативных умений ведения деловых переговоров.: Дис. . канд. пед. наук: 13.00.02. -М., 2008.-224 с.

Об авторах

Красоткина И.Н. – кандидат педагогических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *injaz.kafedra@mail.ru*

Красоткина Ю.А. – магистрант 1 года обучения Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *juliakr.07@mail.ru*

УДК 408.7

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ОСОБЕННОСТЯМ РЕЧИ В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Ю.В. Милютина

В статье анализируется одна из лексико-семантических групп тематической группы «Наименования лиц» на материале брянских диалектов. Привлекаются материалы других русских говоров, а также близкородственных восточнославянских языков. Делаются выводы об активных контактах брянских говоров с белорусским и украинским языками, что обусловлено территориальным расположением Брянской области.

Ключевые слова: *диалект, семантика, брянские говоры, лексико-семантическая группа, близкородственные восточнославянские языки.*

Характеристика человека по особенностям речи, процесса говорения занимает важное место среди прочих характеристик человека. В выборке слов нам встретились лексемы не только диалектного, но и литературного употребления. По мнению исследователя О.И. Чернышёвой, это объясняется тем, что «литературно-разговорная и диалектная речь, имея общие целевые установки, общие особенности протекания коммуникативного процесса, характеризуются значительной общностью экспрессивного словаря» [17, с.241]. Диалектное слово содержит богатейшую информацию различного рода, отражает особенности восприятия мира носителей говора [5, с.141].

В данной лексико-семантической группе можно выделить две микрогруппы: 1) характеристика человека в отношении того, ка́к он говорит; 2) характеристика человека в отношении того, что́ он говорит.

Опорным словом первой микрогруппы является номинатив *говору́н*, называющий человека, который любит много говорить, использующийся как в литературном языке (с оттенком разговорности) [8, с.135], так и в говорах *[Дет ваш гъварун]*. Иногда так говорят о детях. *[Мальчишка ихний у пятый класс ходить, и гаварун такой]* (Рогнединский р-н) [10, IV, с.30]. Местными синонимами выступают однокоренные слова: *говору́нья, говоро́к, говору́ха. [Тая тоже гъварок, и мужык у ей гъварок, етта гъварки. Ета гъваруха тибе нъгаворит мерку]* (Навлинский и Карачевский р-ны) [10, IV, с.30]. В «Этимологическом словаре славянских языков» находим общеславянский корнеслов **govorъ, *govora*: болг. *говор*, макед. *говор*, слов. *govor*, польск. *gowor,* видимо, звукоподражательного происхождения, выступающего в качестве образующего элемента в словах ряда и.-е. языков [19, I, с.108]. Ср. лат. *gaura* – «болтовня», греч. *goos* – «жалоба» [18, с.101]. Рассматриваемые агентивы зафиксированы в обоих восточнославянских близкородственных языках: в русских говорах Белоруссии: *говорок* («краснобай, мастер говорить»), *говоруха* («говорунья, любительница поговорить») [6, с.41]; в украинском *говорун* – («разговорщик, говорунья, разговорщица») [14, с.136], *говоруха* (1. «многоречивая женщина»; 2. «говорун») [12, I, с.298]. Номинативы с таким корнем известны во многих русских говорах. Отмечаемая в брянских говорах лексема *говорок* в значении «говорун, словоохотливый, разговорчивый человек» известна, кроме того, в арх., вят., оренб., урал. говорах, «краснобай, мастер говорить, бойкий на язык человек» – якут., урал., вят., волог., сарат., ворон. говорах. Номинатив *говоруха* – «болтунья, любительница поговорить» также широко известен: в калуж., курск., смол., пск., а также в арх., вят., перм., свердл. говорах [11, VI, с.257-259].

Человека, любящего много говорить, пустослова, в с. Колодное Почепского р-на называют *болтуно́м* [10, I, с.68]. Известно, что данный номинатив с такой же семантикой отражен и в словарях литературного языка с пометой «разг.» [8, с.55]. В.И. Даль, приводя, кроме того, синоним-дублет *бо́лтух,* снабжает описание перечнем различных, но близких толкований: враль, врун, пустобай, пустомеля, утомительный говорун или оглашающий тайны [3, I, с.111]. В местных говорах лексема *болтун* выступает и как омоним, называющий то же, что *бо́лтень* – «неплодное насиженное яйцо домашней птицы», а также в переносном значении внешне красивого, но пустого, легкомысленного человека. Слово связано с глаголом *болтать*, тем самым, отмечает Н.М. Шанский, указывая на собств.-русск. происхождение лексем, образованных на базе выражения *болтать языком*, означавшего буквально «двигать языком» [18, с.52].

В говоре Погарского р-на болтуна, говоруна, о том, кто много говорит, болтает, называют *бо́лмотом, болмоту́ном. [Ой и болмат жа ты! Хватит тибе вжо турусы нъ калесъх несть. И ни забълит жа в тибе язык]* [10, I, с.67]. *[Балматуноу у нас ня любять]* [2, с.30]. М. Фасмер, приводя два возможных источника появления слова в русском языке (от глагольной формы *болтать* или как заимствование из польского *bałomet*), больше склоняется к русскому «болтать» как производящей основе, чем к польскому языку [15, I, с.188]. Слово *болмот* в таком же значении записал в начале XX в. в смоленских говорах В.Н. Добровольский [4, с.35]. Значение лексем *болтуха, болтушка* соответствует семантике литературного слова *болтунья*, зафиксированного в говорах Комаричского Жуковского, Севского р-нов. *[Женщина, каторъя многа гъварит, па-нашъму балтуха. Ну, деук, ты и балтуха. Такая ш ана балтунья]* [10, I, с.68]. Наблюдаемая мена суффиксов не функциональна, что позволяет считать данные лексемы словообразовательными вариантами, функционирующими в разных системах. Словарь русских народных говоров фиксирует номинатив в двух значениях в различных русских говорах: 1. «врун, краснобай, пустомеля» (урал., лит., латв., эст.); 2. «праздношатающийся человек без определенных занятий (калуж.); 3. «легкомысленная женщина» (дон.) [11, III, с.83]. В русских говорах Белоруссии слово *болмотун* выступает

как полисемант: 1. «бубенчик»; 2. «тот, кто говорит невнятно»; 3. «говорун, болтун». Номинативом *болтун* называют здесь не только пустослова, но лентяя и повесу. Лексемы *болтуха, болтунья* выступают как моносеманты: «женщина, которая любит ходить по чужим домам и пустословить» [6, с.14-15].

Слово *брязгóтка* (фонетический вариант *бряскотка*) употребляется в местных говорах в основном значении – «погремушка». На основе метафорического переноса появилось слово в агентивном значении: так говорят в говоре Красногорского р-на о человеке, который шумно, и часто попусту, много говорит. *[Мелиш языком ни пириставая, надаела, бряскотка, да и усё]* [2, с.34]. По всей видимости, слово произошло от глагола *брякать* – «неосторожно, некстати говорить то, чего не следует» [8, с.61]. Материалы словаря русских народных говоров не отражают данного слова, что может свидетельствовать о его брянском происхождении.

Лексему *ля́палка* в брянских говорах находим в двух значениях: 1. «человек, который говорит что-нибудь необдуманно, несдержанный на язык»; 2. «брыж». *Брыжом* называют кусок бумаги, как поясняет П.А. Расторгуев, сложенный втрое и вырезанный в форме сегмента, в середину которого вкладывалась и заклеивалась нитка (склеивая края сегмента). Брыж приделывался к бумажному змею, стягивая два его угла, и во время полета змея, особенно при сильном ветре, издавал звуки, напоминающие звуки самолета [9, с.153]. Первичным значением в говорах был, видимо, брыж. С помощью метафорического переноса данная лексема приобрела образное значение. В таком же значении («о болтливом человеке, сплетнике») слово известно в рязанских говорах [11, XVII, с.278]. В литературном языке данной лексемы нет, однако с пометой «разговорное» в словаре приведено сущ. *ляп* в значении «грубая ошибка, промах» [8, с.330], что, вероятно, связано с семантикой производного слова *ляпалка*.

Вторую микрогруппу составляют лексемы, семантика которых конкретизируется только относительно предмета речи говорящего. Так, человека, говорящего пустое, пустомелю, в говоре Новозыбковского р-на называют *балабóлом, балабóлкой [Ня люблю я саседа свайго, балабол, меля почем зря]* [2, с.20]. Эти агентивы функционируют в системе литературного языка как разговорные [8, с.34]. Лексема *балаболка* происходит от слова *балабола* или *балабол* – «болтун», известных в диалектах и восходящих к *балаболъ*, которое представляет собой вост.-слав. полногласные формы общеслав. **bolbola, bolbol* [18, с.33]. Корень данного номинатива очень широко используется в русских говорах для создания различных словообразовательно -семантических производных: «непостоянная, ветреная женщина, любящая ходить по чужим людям» (перм., калуж., влад.); «бездельник, бездельница» (костром.); «человек, непостоянный в своих словах; болтун; пустомеля, пустой человек» (новг., твер., свердл.); «прозвище болтливой женщины» (ворон.); бранно: «чурбан, дурак, неотесаный человек» (перм.); «человек, говорящий быстро и невнятно» (калуж.) [11, II, с.66].

Человека, говорящего ерунду, нелепицу, именуют в говоре с. Верхополье Карачевского р-на и с. Кветунь Трубчевского р-на *верзи́лой, верзи́лушкой*. *[Апять вярзила балтаит што зря. Вярзила, а есъли видит, хто плятеть, то: ты вярзёш, вярзилушка, есьли у брань]* [10, II, с.45]. Известно слово и в литературном языке, но в совершенно ином значении: «высокий и нескладный человек» (разг.) [8, с.74]. В.И. Даль представляет аналогичную семантику через ряд синонимов: рослый, но неуклюжий человек, оглобля, верста коломенская, долговязый, долгай, жердяй [3, I, с.181]. М. Фасмер считает, что слово связано, скорее всего, с глагольной формой *верзать* «вязать»; ср. нем. *langer Strick* «дылда», буквально «длинная веревка» [15, I, с.298-299]. Н.М. Шанский предполагает происхождение от гл. *верзить* – «бестолково, неуклюже делать что-либо», слова, еще существующего в говорах в первоначальном значении – «неуклюжий человек» [18, с.75].

В говоре Почепского р-на зарегистрировано устойчивое выражение, называющее говорливого, болтливого человека: *кила́ наговóрная* [2, с.149]. В литературном языке и в говорах лексема *кила* известна в значении «грыжа» [8, с.273]. Это всякая болезнь, которая возникает, по суеверным представлениям, от наговора. Так, во владимирских говорах о надоедливом, ворчливом человеке говорят: *килу наговаривать* – «ворчать» [11, XIII, с.206]. Видимо, выражение *кила наговорная* буквально значит: «наговоренная болезнь». Затем, в результате метафорического переноса, появилось наименование больного человека и, наконец, осуществилась конкретизация семантики, что-то вроде «больной на язык». В донских говорах отмечено слово в значении «гнойный нарыв, чирей» и выражение *кила сядь* – «пожелание болячки на язык, чтобы разговорившийся человек замолчал» [1, с.215].

Словом *бу́бен* в брянских говорах называют пустослова, хвастуна. Такое переносное значение развилось из прямого – «ударный музыкальный инструмент в виде небольшого обода с натянутой на нем кожей и с подвешенными бубенцами» [16, I, с.116]. В.И. Даль зафиксировал агентив в ином значении: «голыш»; «человек, все промотавший», к сожалению, без территориальных помет [3, I, с.134]. Слово с финалью на твердую согласную в указанном нами переносном значении имеет, однако, на русской почве, судя по лексикографическим источникам, меньшую распространенность. Материалы сводного СРНГ приводят его в значении «человек, слишком много говорящий, болтун» лишь четвертым в лексико-семантической диалектной структуре слова, причем с указанием только на обоянский говор Курской губернии, в то время как в значении «человек ободранный, оборванный, дошедший до нищенства» связывают слово с самарскими и московскими говорами [11, III, с. 232-233]. В донских говорах зафиксировано слово в близком значении: «об очень бедном человеке» [1, с.57]. Не шире и география слова с мягкой финалью. В словаре В.И. Даля читаем: «Бубень, ярс. Тучный лентяй, прихлебатель, тунеядей» [3, I, с.134]. Лексема *бубен* в переносном значении отсутствует в украинском языке (Словарь Б.Д. Гринченко его не фиксирует). В белорусском языке она известна как литературное, разговорное слово, как синоним к словам *ворчун* и *бормотун* [7, с.435].

Таким образом, лексика брянских говоров испытала влияние белорусского и украинского языков, прежде всего их пограничных говоров, в результате чего граница между тремя языками представляет собой переходную зону, совмещающую в себе особенности всех взаимодействующих языков и определяющую специфику лексико-семантических групп, входящих в тематическую группу «Наименования лиц».

The article analyzes one of the lexical-semantic groups of the thematic group "names of persons" on materials of Bryansk dialects. Involved materials other Russian dialects, as well as closely related Eastern Slavic languages. Conclusions on active contacts Bryansk dialects with the Belarusian and Ukrainian languages, due to the geographic location of the Bryansk region.
Keywords: *dialect semantics, Bryansk dialects, lexical-semantic group, East Slavic languages closely related.*

Список литературы

1. Большой толковый словарь донского казачества / Редкол.: В.И. Дегтярев и др. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Изд. Астрель»: ООО «Изд. АСТ», 2003. – 608 с.
2. Брянский областной словарь / Под ред. Н.И. Курганской. – Брянск, 2007. – 381 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1978-1980.
4. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск, 1914. – 301 с.
5. Макаров В.И. К истории взаимодействия восточнославянской этнографии и диалектологии в XIX-начале XX веков // Вестник БГУ. Языкознание. 2009. № 2. С. 141.
6. Манаенкова А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветк. говоры. – Минск: Изд-во МГУ, 1989. – 311 с.
7. Новейший русско-белорусский и белорусско-русский словарь / Авторы-составители: З.И. Бадевич, Ж.Е. Белокурская, Н.А. Борковская. – Минск, 2007. – 213 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2001.
9. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). – Минск, 1973. – 296 с.
10. Словарь брянских говоров / Под ред. В.И. Чагишевой, В.А. Козырева. – Вып. 1-5. – Л., 1976 – 1988.
11. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 8. – М.-Л.: Наука, 1972.
12. Словарь украінского языка / Под ред. Б.Д. Гринченко. Т. 1-4.- Киев, 1907 – 1909.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1-3. – СПб., 1890-1912.
14. Украинско-русский словарь / Под ред. В.С. Ильина. – Киев, 1964. – 1064 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. – М.: Прогресс, 1964-1973.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – 3-е изд. – М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. – 624 с. Т. 2. – 560 с. М., 1999.
17. Чернышёва, О.И. Лексика, характеризующая человека по особенностям речи в нижегородских говорах // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре: материалы Международной научно-практической конференции. – СПб., 2007. – С. 241-243.
18. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1975. – 536 с.
19. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1-30. М., 1974-2004.

Об авторе

Милютина Ю.В. – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *julchik-sed@bk.ru*

УДК 378.147

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗАХ

И.Ю Нечаева

В статье рассматриваются современные тенденции иноязычной подготовки в ведущих вузах США, Великобритании и России. Проводится сравнительный анализ методов обучения профессионально-ориентированному иностранному языку, которые учитывают приоритетные направления развития экономики и промышленности страны. Статья подчеркивает, что новая система образования в России нацелена на вхождение в мировое образовательное пространство. В связи с этим, возрастает роль умения использовать иностранный язык для решения профессиональных задач.
Ключевые слова*: профессионально-ориентированный, иноязычная подготовка, коммуникативный подход, иноязычное образование, коммуникативная компетенция, ESP.*

Введение

В последнее время роль иностранного языка в мировой системе высшего образования изменилась вследствие глобальных изменений в общественной, политической, экономической жизни общества. Более того, он стал средством достижения профессионального роста и развития личности.

Сложившаяся на данном этапе развития общества социально-экономическая и политическая ситуация, требует реализации такой языковой политики в области иноязычного образования, которая смогла бы удовлетворить потребности широких слоев населения.

Проведем анализ современного состояния иноязычной подготовки в России и за рубежом.

США

Рассмотрим современные тенденции и направления профессионально-ориентированной иноязычной подготовки в вузах США и Великобритании.

До недавнего времени в США наблюдалось сложное положение с изучением иностранных языков, которые не относились к обязательным дисциплинам. Число студентов, изучающих иностранные языки в американских вузах, было крайне мало. Обычно выбирают испанский, французский, немецкий, латинский и русский языки.

В настоящее время изучение иностранных языков является «стратегической целью» США. В связи с этим разрабатываются специальные государственные программы, направленные на привлечение студентов к изучению таких языков как арабский, китайский, русский. К выполнению намеченной программы привлекаются Государственный департамент и Министерство образования США.

В соответствии с новой инициативой, изучение иностранных языков необходимо начинать с раннего детства и продолжать в течение всего дальнейшего образования. Расширяются программы помощи молодым американцам в овладении иностранными языками.

Американские Стандарты по изучению иностранных языков в XXI веке предусматривают: формирование коммуникативной компетенции через развитие межличностных, интерактивных и презентационных речевых умений; формирование социокультурной компетенции через понимание различных аспектов культуры страны, язык которой изучается; сравнительный анализ иностранного языка и культуры с родным языком и культурой.

Стандарты по изучению иностранных языков в XXI веке содержат перечень компетенций, которыми должны владеть учащиеся. В настоящее время наиболее популярным в США является коммуникативный подход к изучению иностранных языков, который направлен на возможность общения в той или иной форме (чтение, письмо, говорение, восприятие речи на слух) и который помогает снять страх перед общением. Учитывая проблему взаимодействия и речевого общения, многие университеты (MIT – Massachusetts Institute of Technology, Iona College) включают в свои образовательные программы курсы, направленные на формирование и развитие искусства и техники речи (Public Speaking, Communication Theory, Speech Communication). В наиболее престижных вузах штатов Колумбия, Мичиган (University of the District of Columbia, Michigan State University) некоторые курсы читаются на иностранных языках. По мнению американских педагогов, отсутствие иноязычной компетенции у будущих специалистов ограничивает их профессиональные способности.

При использовании коммуникативного подхода цели обучения направлены на компоненты коммуникативной компетенции – лингвистическую и социокультурную. Необходимо подчеркнуть, что организация речевого материала скорее ориентирована не на функцию, а на форму. Лексическая и грамматическая правильность оформления высказывания являются второстепенными по отношению к мысли. Главным критерием достижения цели считается передача или восприятие нужного сообщения.

Самостоятельная учебная деятельность студентов считается неотъемлемой частью учебного процесса. Как один из ее видов рассматривается проектная деятельность студентов. Этот вид учебной работы предоставляет большие возможности для формирования языковых компетенций, развития творческих способностей в ходе выполнения практической деятельности, которая тесно связана с личным опытом и профессиональными интересами молодежи.

Преподавание английского языка для специальных целей (ESP – English for Specific Purpose) является приоритетным направлением в зарубежной методике преподавания иностранных языков. В Америке понятие профессиональной иноязычной подготовки появилось еще в 50-е гг. 20-ого века. Это обстоятельство было обусловлено необходимостью языковой подготовки большого количества иностранных студентов и эмигрантов. Обучением ПОИЯ занимаются различные курсы ESP, организованные на базе большинства языковых школ. Основными преимуществами такой формы обучения является: разработка специальной программы обучения на основе коммуникативных потребностей учащихся, однородность контингента, краткосрочность и интенсивность обучения. Такого рода курсы направлены на подготовку учащихся к профессиональной деятельности по конкретной специальности, повышение квалификации. Важной частью занятий является коммуникативная деятельность (подготовка докладов по специальности, участие в обсуждениях и т.д.). Языковые школы США обучают ESP для широкого перечня профессий. Американские программы ESP тесно связаны с повышением профессиональной квалификации. Например, в языковом центре IEP (Intensive English Programme) при Национальном университете Калифорнии в Риверсайде, одной из форма обучения является интернатура (internship). Учащихся, прошедших языковой курс, определяют на работу по специальности в американскую фирму, что способствует изучению всех тонкостей профессионального языка.

Великобритания

В образовательной системе Великобритании подготовка к профессиональному иноязычному общению также является чрезвычайно важной. Британская система профессионально-ориентированной иноязычной подготовки руководствуется рекомендацией № R (98) 6 Совета Европы, которая подчеркивает необходимость изучения иностранных языков [9,42].

Согласно рекомендации при обучении профессиональному иноязычному общению следует:

- повысить уровень коммуникации студентов для эффективного повседневного общения с другими носителями языка и понимания культуры других народов;
- предоставить студентам возможность изучать более одного иностранного языка;
- подготовить будущих специалистов к профессиональному иноязычному общению в выбранной ими сфере;
- повысить мотивацию студентов к изучению иностранных языков [9, 156].

В конце 60-х – начале 70-х гг в британской системе обучения иноязычной профессионального общения в учебных заведениях страны произошли реформы, которые определили приоритетные направления развития профессионального иноязычного образования. В этот период берет начало тенденция к выравниванию качества университетской подготовки.

Современные подходы к организации системы высшего образования в Великобритании способствуют тому, что учебными программами учитываются новейшие научные достижения. Система образования Великобритании учитывает приоритетные направления развития экономики и промышленности страны. Поэтому внедряются как обязательные, так и факультативные учебные курсы по выбору. Учебные предметы по выбору вводятся уже с первого года обучения в высшей школе [8, 61]. К таким предметам относятся как технические (черчение, информатика), так и гуманитарные (иностранные языки). Курсы по иностранным языкам особенно популярны, и не только среди студентов языковых специальностей, но и среди будущих экономистов, юристов, инженеров и т.д. [8, 13]. Возрастающее значение приобретают французский, немецкий, русский языки.

Для поступления на университетский курс таких вузов, как Оксфорд (Oxford) и Кембридж (Cambridge), Открытый университет (The Open University), требуется высокий уровень профессиональной иноязычной языковой подготовки. Если она ниже требуемой, студентам могут предложить подготовительный языковой курс.

Учебная программа «Английский язык» в Бирмингенском университете (University of Birmingham) призвана обеспечить не только теоретическими знаниями, но и пониманием английского языка как языка общения и его роли в современном мире. С этой целью в рамках программы реализуются такие направления как «Язык в средствах массовой информации», «Язык в профессиональной деятельности», «Анализ дискурса бизнеса», «Язык закона», «Язык компьютерных коммуникаций», «Разговорный английский», «Язык в аргументации», «Межкультурная коммуникация в бизнесе», «Психология языка в коммуникации». Таким образом, учебный курс направлен на формирование коммуникативных навыков наряду с фундаментальными знаниями [8, 10].

Для иностранных студентов в Великобритании реализуется программа Foundation Year. Это годовая академическая программа для иностранных студентов. Foundation Year предусматривает изучение английского языка и профильных предметов по специальности. Программа Foundation Year определенного университета рассчитана на программу данного университета. Foundation Year предлагают Оксфорд, Кембридж, Лондон, а также некоторые колледжи.

Таким образом, можно сделать вывод, что преподавание иностранных языков для специальных целей является приоритетным направлением в зарубежной методике. Вузы США и Великобритании своей задачей видят подготовку дипломированного специалиста, готового к профессиональному иноязычному общению. И предпочтение в данной ситуации отдается коммуникативному подходу.

Проанализировав требования зарубежных высших учебных заведений, рассмотрим современные образовательные тенденции, сложившиеся в ведущих вузах России.

Россия

Изучив опыт профессиональной подготовки специалистов в вузах России и ведущих университетов Европы и Америки, можно с уверенностью сказать, что отечественная система образования соответствует современными мировыми тенденциями в области преподавания современных иностранных языков. В условиях развития международных образовательных связей, учитывая требования зарубежных высших учебных заведений, российские вузы уделяют особое внимание организации процесса обучения иностранным языкам.

Наблюдается положительная тенденция, связанная с увеличением количества часов и сроков обучения иностранным языкам на нефилологических факультетах. Появляются дополнительные специализации, где профессиональная подготовка осуществляется на иностранном языке.

Ведущие вузы России вводят иностранный язык в качестве обязательного вступительного экзамена на таких направлениях, как международные отношения, международная экономика, международная журналистика и др. На некоторых направлениях нефилологических вузов иностранный язык изучается с первого до последнего курса, а не только на 1-м и 2-м. Также у студентов есть возможность изучать второй и третьи иностранные языки. Например, на историческом факультете Санкт-Петербургского университета обязательным является изучение одного иностранного языка в течение 4-х лет, а второй язык по выбору студента – факультативно.

В МГУ имени М.В. Ломоносова еще в 1988 году был создан факультет иностранных языков и открыта

специализация «неофилология». Основными задачами данного направления является: изучение языков функционально, т.е. с точки зрения использования их в разных сферах общественной жизни (науке, культуре, технике); обобщение как практического, так и теоретического опыта преподавания иностранных языков, а также разработка методов обучения иностранному языку как средству общения между специалистами; изучение иностранных языков в тесной связи с культурой, политической и экономической жизнью страны изучаемого языка, и подготовка специалистов по международному общению.

В Белгородском государственном университете дисциплина «иностранный язык» по специализации «Мировая экономика» на экономическом факультете преподается в течение пяти лет. Кроме того, университет тесно сотрудничает с Бременским университетом (Германия) и Луисвильским университетом (США). Благодаря этому ежегодно ряд студентов экономического факультета получают возможность закрепить полученные коммуникативные навыки, повысить свою квалификацию. С целью модернизации системы иноязычной подготовки университетом была разработана программа иноязычного образования. Задачей данной программы является введение в основную образовательную программу дополнительных курсов по изучению иностранного языка, так как на нефилологических факультетах обучение иностранному языку осуществляется в течение двух лет. Кроме того, на базе университета организованы специальные курсы для преподавателей, желающих изучать иностранный язык [2].

Остановимся более подробно на ***иноязычной подготовке в технических вузах***. Данная проблема особенно актуальна в условиях глобализации наукоёмких и высокотехнологичных производств и рынков. Поэтому ряд российских технических университетов вынужден создать условия углубленной общебытовой и профессионально-ориентированной иноязычной подготовки. Рассмотрим два наиболее интересных примера такого опыта.

В Ижевском государственном техническом университете осуществляется дополнительная подготовка инженеров по специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». В учебный план включены теоретический и практический курсы иностранного языка, теория перевода и профессионально-ориентированный перевод, а также методика преподавания иностранного языка.

В Рязанском государственном радиотехническом университете на большинстве образовательных программах технических и экономических направлений иностранный язык изучается весь период бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Открыта программа дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», ориентированная на подготовку профессиональных переводчиков для промышленных предприятий. С целью совершенствования обучения иностранному языку организован учебно-методический лингвистический центр. В рамках работы центра проводятся специальные корректирующие (помощь в освоении вузовской программы языковой подготовки согласно ФГОС ВПО) и многоуровневые курсы (6 уровней согласно Европейской шкале языковых компетенций). Также реализуется программа повышения квалификации «Деловой иностранный язык» для бизнесменов.

Заключение

В качестве заключения подчеркнём, что новая система образования России ориентирована на вхождение в мировое образовательное пространство. Современное общество массовой коммуникации и глобализации характеризуется использованием иноязычного информационного ресурса в процессе международного обмена научно-технической информацией между специалистами различных предметных областей [1]. В этой связи возрастает важность умения использовать иностранный язык для решения профессиональных задач. Следовательно, кафедрам иностранных языков российских вузов необходимо направить усилия на решение организационно, научно- и учебно-методических задач профессионально-ориентированной иноязычной подготовки.

The article depicts modern trends of foreign language training in leading universities of the USA, Great Britain and Russia, which take into account priority directions of national economy and industry development. The methods of professionally-oriented language training are compared and analyzed. The article underlines that new system of education in Russia focuses on entering in world's educational space. In this connection, the role of ability to use foreign language for professional tasks solving increases.
Keywords: *professionally-oriented, foreign language training, communicative approach, foreign language education, communicative competence, ESP.*

Список литературы

1. Есенина Н.Е. Использование комплекса средств информационных и коммуникационных технологий в обучении профессионально-ориентированному иностранному языку в вузе: Автореф. дисс. … канд. пед. наук. – М. 2006. С 3.
2. О программе иноязычного образования в БелГУ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.bsu.edu.ru/bsu/olegpolukhin/blog/index.php? page=post&blog=blog_rector&post_id=o-programme-inoyazychnogo-obrazovaniya (дата обращение: 15.11.2014).
3. РГРТУ. Кафедра иностранных языков. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rsreu.ru/ru/about-university/faculties/ief/kafedri/in-yaz (дата обращения: 10.11.14).
4. Сагалаева И.В., Широкова М.В. Современный опыт формирования иноязычной профессионально-коммуникативной культуры в вузах России и за рубежом. //Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2.
5. Уильямс С. Образование для будущего / Уильямс С. - Британский вестник. - 1997. - Вып. 5. - С. 23-27
6. Education: Moving into the New Era / Conservative Research Department: Politics Today. - 1990. - №10. - P.

265-279

7. Gardner R. Britain is Europe's foreign languages dunce, study shows // The Independent. Education - Friday, 24 December, 2004. URL: http:// independent/co.uk/news/education-news/ britain-is-europes-foreign-languages-dunce-study-shows-70079.html (дата обращения 11.11.14).

8. Language Passport. European Language Portfolio. – Strasbourg: Modern Languages Division, 2000.-13 p.

9. Lindholm-Leary, K. Theoretical and conceptual foundations for dual language education programs / Lindholm-Leary, K.. – Dual language education. Clevedon, England: Multilingual Matters Ltd. -2001.- pp. 39–58.

Об авторе

Нечаева И.Ю – старший преподаватель кафедры иностранных языков Рязанского государственного радиотехнического университета, *lilu206@mail.ru*

УДК 811.1'37

СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫЕ ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Т.Г. Письмак

Статья посвящена описанию аспектуальных возможностей русских и французских глаголов, способствующих актуализации в высказывании семантики неконтролируемости. Основное внимание сосредоточено на предельных глаголах и распределении их по способам глагольного действия. Проведенный анализ глаголов, обозначающих неконтролируемые действия, выявил их неоднородность с точки зрения как видовой принадлежности, так и характера протекания во времени.
***Ключевые слова**: семантика, неконтролируемость, действие, глагол, предельность, способ действия, результативность.*

В последнее время в лингвистической науке уделяется самое пристальное внимание языковой картине мира, определению способов языковой концептуализации мира его лексикой и грамматикой. Особый интерес в этом плане представляет глагольная концептуализация действия человека, неконтролируемого на разных фазах его осуществления.

Как известно, основными параметрами при характеристике глаголов считаются те, которые позволяют представить действия и обозначаемые ими ситуации с точки зрения их распределения и протекания во времени. Они отражают «аспектуальную категоризацию глагола и представлены в языковом сознании в виде соответствующих концептов, которые традиционно именуются “признаками”» [Семенова 2004: 13]. К ним относятся ограниченность/неограниченность пределом, наличие/отсутствие внутреннего предела, представление действия как протекающего процесса или как ограниченного пределом целостного факта, кратность, длительность, выделение той или иной фазы действия (фазовость), перфектность и т.д. Объектом нашего анализа являются способы глагольного действия (далее – СД) предельных глаголов, а предметом – актуализируемая в высказывании с их помощью семантика неконтролируемости.

Большинство глаголов неконтролируемого действия относятся к результативным СД, в частности, к общерезультативному. Глаголы данного СД обозначают действия, которые «направлены на достижение результата (предусмотренного и непредусмотренного), соответствующего их качественной природе и являющегося для них пределом осуществления. При достижении результата, что выражается формой совершенного вида, он представлен как наличный после осуществления действия» [Шелякин 1987: 73]. Однако следует учитывать, что исследуемые нами действия не всегда являются направленными на достижение результата, например, глаголы *уронить, упасть, порезаться, потерять, поскользнуться* не определяются направленностью на достижение данного результата.

Среди ***результативно-непроцессных*** глаголов, выражающих момент появления результата (состояния), неконтролируемые действия обозначают такие глаголы, как *оробеть, опомниться, овдоветь, осиротеть, очнуться, оказаться, очутиться, струхнуть, втюриться, оконфузиться* и т.п. Данные глаголы также не характеризуются направленностью на результат. Они представляют, скорее, факт наличия результата.

Во французском языке данный СД является нехарактеризованным, т.е. морфологически невыраженным, и передается дополнительными лексемами и формой глагола в passé composé. Например, значение глагола *осиротеть* можно передать на французский язык сочетанием *rester* (или *devenir*) *orphelin*: *Il est resté orphelin* (Он остался сиротой); значение *оказываться / оказаться* во французском языке передается глаголом *se trouver,* однако для выражения результата необходима его перфектная форма: *он оказался не у дел – il s'est trouvé en disponibilité*.

К этому же способу действия относятся русские глаголы с приставками *про-* и *об-* в результативно-негативном значении, предполагающем фиксацию самого факта упущения чего-либо вследствие увлечения совершением действия или вследствие недосмотра: *прозевать, проехать, пройти, проморгать, прослушать, просмотреть, проспать, прошляпить, обсчитаться, оговориться, описаться, ослышаться, оступиться* и т.п. Во французском языке данные значения глаголов выражаются описательным путем: проспать (не проснуться вовремя) – *ne pas se réveiller à temps*; обсчитаться – *se tromper dans un calcul*; неправильно понять кого-либо – *se méprendre sur le sens des paroles de qn*.

Среди ***результативно-тотивных*** глаголов также представлены глаголы, выражающие неконтролируемые действия: *случаться / случиться, натыкаться – наткнуться, терять / потерять, ронять / уронить* и др. Результативно-тотивные глаголы обозначают действия, совершающиеся «целостно «по природе», сразу от начала до конца» [там же: 74]. Они относятся к парновидовым, несовершенный вид выражает не конкретно-процессное значение, а неограниченно-кратное или другие значения. Сюда же относятся глаголы, обозначающие такие неконтролируемые действия, как *спотыкаться / споткнуться*, *оскользаться / оскользнуться, оступаться / оступиться, поскальзываться / поскользнуться* и т.п. Во французском языке используются соответственно глагольные формы в imparfait и passé simple. Так, глагол натыкаться / наткнуться (на что-либо) – *se heurter* (contre qch); удариться, стукнуться – *se cogner*. Ср., например: *«Parfois, un home trébuchait et s'abattait de tout son long»* (Dorgelès) – *Иногда мужчина спотыкался и падал* и *Il atrébuché contre une marche – Он споткнулся о ступеньку.*

В русском языке ***процессно-результативные*** глаголы со значением развивающихся действий, направленных на успешное достижение результата могут быть представлены формами совершенного и несовершенного вида. Несовершенный вид может выражать конкретно-процессное значение, а совершенный – успешное достижение результата. Глаголы неконтролируемого действия ограничиваются, как правило, формами совершенного вида. Если действие, обозначаемое глаголом несовершенного вида *ловить* предполагает контроль и приложение усилий со стороны субъекта, то действие *поймать* нельзя отнести к контролируемым, поскольку результат как таковой контролироваться не может, хотя данное действие потенциально планировалось субъектом, он имел намерение его осуществить и для его реализации прилагал усилия. К данным глаголам мы также относим: *поступить* (в институт), *выиграть*, *проиграть.*

Поскольку ***результативно-пантивные*** глаголы обозначают действия, направленные на достижение полного результата путем постепенного (часть за частью) осуществления разового (длительного) или прерываемого действия, то они в основной своей массе являются контролируемыми. Среди данных глаголов выделяется только одна группа глаголов неконтролируемого действия – инхоативные со значением постепенного становления признака: *глупеть, грузнеть, добреть, дряхлеть, обленивaться, озлобляться, протрезвляться, пьянеть, плешиветь, свирепеть, сиветь, скучнеть, слабеть, смелеть, стареть, толстеть, тощать, трезветь, тучнеть, угрюметь, цепенеть* и т.п. Данные глаголы характеризуются признаками динамичности и инактивности, что позволяет их отнести к семантическому классу глаголов «Процессы». Во французском языке данные действия обозначаются следующими инхоативными глаголами: *s'abêtir* (devenir bête, abrutir - глупеть, тупеть), *s'affaiblir* (devenir faible - слабеть, ослабевать), *s'affoler* (perdre son sang froid - терять хладнокровие), s'*affermir* (devenir plus solide – становиться мужественным, солидным), *s'aguerrir* (devenir plus dur, plus habitué à la lutte – становиться суровее, привыкать к борьбе), *s'aigrir* (devenir aigre – раздражаться, становиться неуживчивым), *s'amaigrir* - (devenir maigre – становиться худым, худеть), *s'alanguir* (perdre de sa force – терять силы), *maigrir I* (devenir maigre – становиться худым; perdre du poids – терять вес) и т.п.

Глаголы, обозначающие неконтролируемые действия, представлены и в ***специально-результативном*** СД, в частности в количественно-интенсивных, которые «характеризуют ту или иную степень интенсивности в проявлении результативных действий, соответствующим образом отраженную на объекте или субъекте действия» [там же: 76].

К глаголам ***недостаточно нормативного*** СД относятся те, которыми «выражается результат действия, не отвечающий необходимой норме» [Шелякин 1987: 77]. В русском языке это глаголы с приставкой *недо-*, обозначающие такие неконтролируемые действия, как *недосолить, недоварить, недожарить, недоспать, недосчитаться*, *недоучесть* и т.п. Рассматриваемые действия не могут быть представлены в процессе их протекания. Имперфективные формы данных глаголов (*недосаливать, недосыпать, недосчитываться, недооценивать* и т.п.) имеют значение многократного или длительного проявления действия. *Она плохая хозяйка: всегда недосаливает суп, недожаривает мясо*. Во французском языке данный СД представлен, например, такими глаголами, как *sous-estimer* и *sous-évaluer* (недооценивать). Однако в большинстве случаев для выражения данного способа действия используются перифразы. Глаголы *недосолить, недоварить, недожарить, недопечь* не имеют аналогов во французском языке, и значение результата действия, не отвечающего необходимой норме, передается дополнительными лексемами: ***ne pas*** *cuire* ***à point*** (недоварить, не сварить до готовности); ***ne pas*** *mettre* ***assez*** *de sel* (недосолить, не положить достаточно соли); ***ne pas*** *frire (или rôtir, griller)* ***à point*** (недожарить, не прожарить до готовности).

К глаголам ***тотального СД*** относятся такие, как *иссохнуть, иззябнуть*, *исхудать, исчахнуть* и т.п. Ими выражается крайняя степень интенсивности действия, проявляющаяся в его рассредоточенном воздействии на весь объект или субъект [там же: 77]. Глаголы имеют форму только совершенного вида, поскольку данный СД соотносится с суммарно-интегративным значением совершенного вида.

Интенсивно-усилительный СД – это СД, «выражающий достижение высокой степени в развитии интенсивности действия» [там же]. Данный СД выявляется и в глаголах, обозначающих такие неконтролируемые действия, как *располнеть, растолстеть, одряхнуть.* Подобные глаголы имеют только форму совершенного вида. Во французском языке соответственно для выражения этого СД употребляется форма passé composé: – *Mais* ***j'ai engraissé****, je me suis essoufflée****,*** *je suis devenue un peu lourde* (G. de Maupassant). – *Но я* ***располнела****, отяжелела, у меня появилась одышка; C'est vrai que tu* ***as maigri*** (F. Sagan) – *А ты и правда похудел.*

К ***чрезмерно-нормативному СД*** относятся глаголы типа *пересолить, переперчить, пересластить, пере-*

сушить, перекрахмалить, пересинить, переплатить и т.п. Данные глаголы морфемно маркированы посредством префикса *пере-*. Во французском языке этот СД маркируется с помощью префикса *sur-*, представленном в глаголе *surpayer* (заплатить лишнее, переплатить (за что-либо или кому-либо). Однако этот СД в большинстве случаев требует дополнительной внешней лексической поддержки: например, *mettre* ***trop*** *(de)* – пересыпать, слишком много насыпать, *dormir trop longtemps* – переспать, проспать слишком долго.

Глаголы, обозначающие неконтролируемые действия, могут характеризоваться и ***терминативно-временными СД***.

Такие глаголы, как *забеспокоиться, загрустить, зажуриться, законфузиться, закручиниться, занервничать*, *заробеть, заскучать, засомневаться, затосковать, затрепетать, полюбить* и т.п., а так же *забредить*, *заметаться* относятся к ***начинательному*** СД, который свидетельствует о моменте возникновения действия, первом временном моменте его бытия [Шелякин 1987: 79]. В русском языке данный СД характеризуется признаком одноактности и в основном не допускает имперфектных форм, за исключением случаев имперфективации начинательных глаголов, которые объясняются наличием инхоативного признака: *заболеть – заболевать*. Инхоативные глаголы в русском языке маркируются префиксами *за-, по-; вз-*. Во французском языке инхоативное значение актуализируется редко, пожалуй, явно только в глаголах: *s'endormir* (засыпать), производном от глагола dormir (спать); *s'écrier* (вскрикнуть, закричать). Чаще инхоативность передается перифразами с глаголами *se mettre à; se prendre à; commencer à:se mettre à rire* – засмеяться, *commencer à s'inquiéter* – забеспокоиться и т.п., а также формой глагола в passé simple: *Gilles s'énerva tout à coup* (F. Sagan) – *Жиль вдруг занервничал*.

К финитивному СД, которым выражается «конечно-временной момент осуществления» [там же], относятся следующие глаголы, обозначающие неконтролируемые действия *отболеть, отхворать, переболеть, отмаяться, отмучаться* и т.п. Во французском языке этот СД также не представлен лексематически, т.е на уровне отдельной лексемы. Например, действие *отстрадать* передается сочетаниями *passer par toutes les souffrances* (пройти через все страдания); *cesser de souffrir* (перестать страдать).

Пердуративный (длительно-ограничительный) СД, характеризующий проявление действия в сравнительно длительные и определенные отрезки времени [там же], объединяет такие глаголы неконтролируемого действия, как *проболеть, пронедужить, протемпературить, прохворать, промаяться, промучиться, прокашлять* (всю ночь) и под. Во французском языке данный СД также не имеет морфемного выражения. Для выражения этого значения, как правило, используются грамматические формы passé simple или passé composé соответствующих глаголов, а также дополнительные лексические средства, указывающие на длительность и ограниченность протекания действия во времени, например: *он прокашлял всю ночь – il a toussé* ***toute la nuit***; *он проболел целый месяц – il a été malade* ***pendant un mois.*** В предложении: *– J'ai dormi* ***quatre heures****?* (F. Sagan). *– Я проспала четыре часа?* Длительная же ограниченность действия передается обстоятельством времени – *quatre heures*, сама форма глагола - passé composé - указывает на целостность и завершенность действия.

Глаголы *поболеть, помаяться, помучаться, похворать, подрожать, познобить, познабливать* (одновременно с семой итеративности) имеют уменьшительно-ограничительное значение и относятся к ***делимитативному*** СД, который характеризует «проявление действия в сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени» [там же: 80]. В русском языке данные глаголы имеют префиксы *по-* (*погрустить*), *вз-* и суффикс *-ну-* (*вздремнуть*). Для выражения этого значения во французском языке, как правило, используются глаголы в passé simple или passé composé при поддержке дополнительных лексических средств, указывающих на ограниченность протекания действия во времени.

Русские глаголы неконтролируемого действия с приставкой *при-* (*приболеть, прихворнуть*) указывают на ослабление интенсивности.

Признак временной ограниченности глаголов пердуративного и делимитативного СД предопределяет невозможность их имперфективации в связи с тем, что они характеризуют действия не с точки зрения протекания в рамках ограниченного времени, а с точки зрения их временного количества, что сближает значение таких глаголов, с одной стороны, со своеобразной одноактностью (совершение действия как бы в один прием), а с другой стороны, с признаком суммарности [там же: 72]. Данные СД на уровне лексемы не представлены во французском языке.

Терминативно-продолжительными и терминативно-интенсивными СД характеризуются глаголы неконтролируемого действия с общим семантическим признаком крайней степени продолжительности либо интенсивности действия [там же: 80]. Такие глаголы, как *измучиться, истосковаться, измотаться, изволноваться, изнуриться, исстрадаться, истомиться,* морфемно маркированные префиксом *из-* и постфиксом *ся-* , относятся к ***чрезмерно-кратному*** СД, который указывает на отрицательно оцениваемую крайнюю степень (меру) кратного проявления действия (выраженного исходным глаголом), характерного для данного субъекта. Значение данных глаголов сводится к суммарному представлению чрезмерно-кратного проявления действия в связи с субъективно-отрицательной оценкой количества действия. Поэтому они не образуют имперфективных форм [там же: 80-81]. Во французском языке данный СД является нехарактеризованным, но представлен лексико-грамматически, например, глагол *s'épuiser* (истощаться, изнуряться) в перфектной форме имеет значение «s'affaiblir complètement» - совершенно ослабнуть, т.е. в толковании значения глагола наречие *complètement* указывает на крайнюю степень интенсивности действия.

Чрезмерно-интенсивный СД выражает крайнюю степень продолжительности и интенсивности действия,

связанная с усталостью, бессилием субъекта продолжать его осуществление: *упариться, убегаться, упрыгаться, упыхаться, уработаться.* Данные глаголы характеризуются наличием префикса *у-* и постфикса *-ся.* Во французском языке данный способ лексематически не выражен.

Финально-отрицательный СД характеризует действие как чрезмерное, причем как разового, так и кратного проявления с отрицательными для субъекта последствиями. Данный СД имеют русские глаголы с префиксом *до-* и постфиксом *-ся: добегаться, допрыгаться, догуляться, довраться, доездиться, доскакаться, досмеяться, доспаться* и т.п. Во французском языке нет глаголов неконтролируемого действия с данным СД.

Глаголы ***за**говорит**ься**, **за**гулят**ься**, **за**играт**ься**, **за**мечтат**ься**, **за**смотрет**ься**, **за**работат**ься**, **за**сидет**ься**, **за**хлопотат**ься*** и т.п. характеризуются **чрезмерно-длительным** СД, часто, кстати, морфемно маркировано (см. выделенные префиксы). Глаголы актуализируют значение чрезмерного проявления длительности или интенсивности разового действия исходного глагола [там же: 81]. Совершенный вид данных глаголов имеет конкретно-фактическое значение, а имперфективные формы – значение кратности. Так, в предложении: *Но вот я как-то засиделась у них, опоздала опять на трамвай и осталась ночевать* (Э. Герштейн)*[1] форма совершенного вида глагола *засиделась* имеет кратно-фактическое значение, причем единичность факта дополнительно в предложении эксплицируется словом *как-то,* которое понимается как ‘однажды’, ‘один раз’. В предложении: *Иногда, правда, как и всякий талантливый артист, он несколько заигрывался* (М. Милованов)* действие *заигрывался* является многократным, что в предложении подчеркивается словом *иногда.* Во французском языке глаголы, обозначающие неконтролируемые действия, выражающие данный СД, не представлены. Характер протекания подобных действий выражается дополнительными лексическими и грамматическими средствами.

Русские глаголы неконтролируемого действия типа *разболеться, разозлиться, разгорячиться, разгневаться, развеселиться, разволноваться, разобидеться* и т.п., имеют ***усилительно-интенсивный СД***, который «указывает на доходящее до крайней меры развитие интенсивности уже начатого действия» [там же: 81]. Эти глаголы характеризуются в русском языке наличием префикса *раз-* и являются в большинстве одновидовыми. Во французском языке данный СД морфемно никак не маркирован.

Сверхнормативно-длительный СД проявляется в глаголах с префиксом *пере-*: ***пере**купаться, **пере**заниматься.* Данный СД «указывает на чрезмерную длительность разового действия, оцениваемую с точки зрения обычной нормы проявления» [там же]. Имперфективные формы употребляются в кратном значении. Во французском языке это значение морфемно не поддерживается. Для выражения сверхнормативной длительности употребляются специальные лексемы. Например, *передержать пирог в духовке – tenir* ***trop longtemps*** *le gâteau dans le four* (букв. ‘держать очень долго’), что позволяет отметить отражение данного действия во французском языке как контролируемого.

Одноактный СД представлен глаголами, обозначающими осуществление действия в один прием, без расчлененности на фазы. Глаголы: *сглупить*, *сробеть, сдрейфить, спасовать* имеют одноразовый характер действия. Глаголы *чихнуть, моргнуть, кашлянуть, зевнуть, икнуть, вскочить, вскрикнуть, вздрогнуть* – одноактный СД, а имперфективные формы данных глаголов – многоактный. В предложении: *Умрищев* ***вскочил*** *во весь рост, желая как можно мужественней возмутиться, но вдруг* ***икнул*** *два раза подряд от нервного страха и заикал далее беспрерывно* (А. Платонов)* форма совершенного вида глаголов *вскочил* и *икнул* выражают одноактность действия, а в предложении: *Невеста часто-часто* ***моргает*** *чёрными накрашенными ресницами и хмурит лоб, пытаясь понять, к чему ведёт этот странный человек, выдавший себя почему-то за ее родственника, и кажется ей, что от самозванца ничего хорошего ждать не приходится* (В. Распутин)* имперфективная форма глагола *моргает* – многоактность, которая дополнительно в предложении эксплицируется словом *часто-часто.* Во французском языке для выражения этих значений используется соответствующая видо-временная форма глагола: *Il ne* ***sursauta*** *même pas. Il ne* ***sursautait*** *jamais, s'étonnait rarement,* ***se récriait*** *plus rarement encore* (F. Sagan). – *Он даже не вздрогнул. Он никогда не вздрагивал, редко удивлялся, вскрикивал еще реже.*

Итак, анализ исследуемого материала показал, что, несмотря на чрезвычайно дробную рубрикацию исследуемых глаголов с точки зрения характера протекания действия, они чаще всего не являются направленными на достижение результата, а скорее представляют факт его наличия, что объясняется, на наш взгляд, влиянием семантики неконтролируемости.

Кроме того, проведенный анализ показал, что в русском языке неконтролируемость, тесно связанная с аспектуальными характеристиками глагола, как правило, морфемно маркируется, во французском языке такого не происходит. Способы действия в нем в большинстве случаев являются нехарактеризованными и находят свое выражение при помощи дополнительных лексических и грамматических средств.

The article deals with the description of aspectual potential of the Russian and French verbs facilitating actualization of semantics of uncontrollability in the utterance. We focus our attention on telic verbs and their distribution on modes of the verbal action. The carried-out research of the verbs designating uncontrollable actions revealed their heterogeneity from the point of view of both the specific accessory, and the nature of flowing in the course of time.
Keywords: *semantics, uncontrollability, action, verb, telicity, mode of action, effectiveness.*

[1]Звездочкой здесь и далее обозначаются примеры из Национального корпуса русского языка.

Список литературы

1. Шелякин, М.А. Способы действия в поле лимитативности [Текст] / М.А. Шелякин [и др.]; отв. ред. А.В. Бондарко; АН СССР, Ин-т языкознания // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е. 1987. – С. 63-85.
2. Семенова Н.В. Категория таксиса в современном русском языке: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2004. 46 с.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип.– М.: Русский язык, 1985-1988.
4. Le nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française [Текст] / Nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert, P., 2003. – 2951 p.

Об авторе

Письмак Т.Г. – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кемеровского государственного университета, *tgpismak@mail.ru.*

УДК 811’161.1 + 811’282.3

ТЕРРИТОРИАЛЬНО ИЗОЛИРОВАННЫЕ ГОВОРЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

С.М. Рудометова

История формирования территориально изолированных говоров Волгоградской области во многом повлияла на их языковые особенности. Наиболее отчетливо языковые процессы проявляются на фонетическом и грамматическом уровнях. Сопоставив результаты исследований прошлых лет с результатами современного состояния говоров, можно говорить об устойчивости традиционных черт на протяжении длительного времени существования рассматриваемых говоров.
Ключевые слова: *территориально изолированные говоры, мещерские говоры, цоканье, южнорусские говоры.*

Территориальный диалект (или говор, если речь идет о каком-то населенном пункте) – разновидность языка, которая характеризуется ограниченностью употребления на определенной территории.

В своей работе «Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа» Р.И. Кудряшова говорит о *социальной изоляции* донских говоров и *территориальной изоляции* волжских островных говоров[2].

Ко второму типу, территориально изолированных, относятся южнорусские цокающие говоры, которые находим в двух крупных селах: Перещепное Котовского района и Краишево Еланского района. В течение двух веков данные говоры окружены разнотипными как среднерусскими, так и южнорусскими говорами и должны были бы претерпеть значительные изменения, находясь под влиянием соседних диалектов, однако до сегодняшнего дня сохраняют свои яркие языковые особенности, например, твердое цоканье. Это можно объяснить тем, что жители сел Перещепного и Краишева вели обособленный образ жизни и старались не контактировать с жителями других населенных пунктов, осознавая свое языковое отличие.

Село Перещепное Котовского района и село Краишево Еланского района расположены в северо-восточной части Волгоградской области. Говоры рассматриваемых сёл относятся к перещепновско-краишевской группе волжских говоров[3].

По данным Саратовского краеведческого музея, село Перещепное образовалось в 1787 г., и заселили его православные великороссы, государственные крестьяне, переселенцы из Керенского уезда Пензенской губернии. Село Краишево, по сведениям Центрального государственного архива древних актов, возникло в 1799 г. Первые его жители также переселенцы из Пензенской губернии и пришли, считают старожилы, из села Ушинки, которое тоже относилось к Керенскому уезду. В свою очередь жители Керенского уезда Пензенской губернии являются переселенцами из рязанской Мещеры. Иными словами, в середине XVII в. предки перещепновцев и краишевцев переселились из рязанской Мещеры в Пензенскую губернию, а уже оттуда перебрались в Поволжье[4].

По сведениям официального сайта Правительства Пензенской области, с включением в состав Русского государства Среднего Поволжья усилилась миграция мещеры – поволжско-финского племени – на восток. В процессе миграции часть мещеры обрусела, другая – отатарилась. На территории Пензенского края мещера появилась в начале 1570-х гг. в составе разъездных мещерских сторож, осуществлявших дозорную службу московского правительства[5].

---

[2] Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). – Волгоград: Перемена, 1998. – С 3-6.
[3] Орлов, Л.М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб.пособие / Л.М. Орлов. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984. - С. 93.
[4] Кудряшова, Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: Учеб.пособие / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1997. - С. 29.
[5] Истоки становления Пензенской области// Официальный портал Правительства Пензенской области. URL: http://www.penza.ru/about/history/Istoki_stanovleniya_Penzenskoy_oblasti(дата обращения: 20.02.2015)

По данным Справочной книги Пензенской губернии 1894 г. (сведения предоставлены администрацией Пензенской области), на территории Керенского уезда числились следующие мещерские селения: с. Большая Ижмора, Вяземка, Знаменское, Кандиевка, Колесовка, Куземкино, Малая Ижмора, Троицкое и Ушинка (откуда и пришли жители в с. Краишево). Население данных сел и деревень имело цокающий говор вплоть до 80-90-х гг. XX века. По переписи 1897 г. в Керенском уезде насчитывалось 17090 человек мещерской принадлежности (сведения предоставлены администрацией Пензенской области).

К исследованию мещерских говоров на территории Волгоградской области впервые обратился в 50-е годы XX в. Л.М. Орлов, повторное исследование говоров, уточнение и дополнение некоторых данных было осуществлено Р.И. Кудряшовой в 1980 г. В течение последующих 30 лет комплексного обследования состояния волгоградских цокающих говоров не осуществлялось.

В 2009 – 2011 гг. в рамках диалектологических экспедиций преподавателями и студентами филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета проводилось обследование говоров указанных сел, что позволило уточнить некоторые лингвистические данные.

Территориальная изоляция говоров рассматриваемых сел повлияла и на языковые процессы. Конечно же, перещепновский и краишевский говоры испытывают воздействие как со стороны соседних диалектных систем, так и со стороны литературного языка, но при этом на протяжении двух веков сохраняют свои типичные особенности. Рассмотрим яркие черты, присущие говорам, и проанализируем современное состояние языковых особенностей этих двух сел.

В говорах обоих сел сохраняются традиционные фонетические особенности, зафиксированные диалектологами ранее: аканье, яканье (*…задяваю калодис и паливаю вядром*), произношение фрикативного γ, (*круγлаи пираγи*), особое произношение шипящих и свистящих согласных[з', с'], (*…киж''икоф* [кизяков] *набрать*, *ходим у гош''ти)*, произношение [и] на месте [а] предударного слога в начале слова (*…ибязательна схадити туда…*, *идеялко из клинушков)*, у-неслоговой на месте [в](*уцара крицал…, упирёт талкли пшаницу)*, цоканье (*коц, цажецка, цетверть, ноц-палноц)*, хотя данная особенность претерпевает изменения:в произношении на месте литературного [ч], помимо [ц] звучит также твёрдый звук [ч], близкий к [тш] (*йих приехали тшэтьвира, с натшофкай).* Сохранилось в говорах и часто встречается произношение [j] на месте [ф'] (*…дейки маладыи тут, лайки у акна)*, замены [ф] на [х], [хв] (*хундамент у дома, сарахваны шили)*. Из всех этих фонетических особенностей, которые были отмечены ранее, мы выделили принесенные говорами из Рязанской Мещеры – цоканье (*пецка, лавоцка, доцка),* особое произношение свистящих мягких согласных [з', с'] (*ш''пишымш''и* [спишемся], *кусаим ж''ёрна)*, произношение [j] на месте [ф'] (*дейки маладыи, картой* [картофь, картофель] *рыли…)*,и черты собственно южнорусские – яканье (*мама умярла, ничаво мне ни сказала),* произношение фрикативного γ, оглушающегося в х (*сыγрали сватьбу интиресную, друх жиняха),* регулярен переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [у] –неслоговой, а на месте [в] в начале слова перед согласным обычно является слоговое [у] (*узварик; …улей-ка им памаленьку…, вирёўцками диржались).*

Выделим черты, неотмеченные ранее, такие, как «смешение» \р\ и \р'\, которое свойственно многим южнорусским говорам (*сверьху фсё видна, стрыγли ножницами)*, переход ударного [а] в [о] в некоторых лексемах (*заплотють тады пайду, теста разволють па формам)*. Это типично южная черта.

Говоры с. Перещепного и с. Краишева, являющиеся в своей основе южнорусскими, сохраняют в современном состоянии типичные преимущественно южнорусские черты и материнские черты говоров Рязанской мещеры. Однако в обоих говорах мы наблюдаем изменение или утрату тех или иных языковых особенностей, например, чистого цоканья или особого произношения свистящих мягких согласных [з', с'] в говоре с. Краишева. Причина заключается, как показывает исследование, и во внеязыковых факторах. Краишево – большое село (в отличие от Перещепного), с более развитой инфраструктурой, с качественно и количественно иным составом населения. В Перещепном гораздо меньше жителей, и все они в основном пожилого возраста. Перещепное более изолировано территориально от соседних населенных пунктов, туда труднее добраться, чем в Краишево. Следовательно, можно говорить о значительно большей устойчивости типичных языковых особенностей в говоре села Перещепного.

Рассмотрим грамматические особенности.

Говоры с. Перещепное и с. Краишево в современном своем состоянии имеют общие грамматические черты, например, такие, которые были отмечены исследователями ранее - типичные южнорусские инфинитивы, оканчивающиеся на *–ть*, на месте литературного *–ти* (*атнесть пастель, стулья нада вынесть);* образование возвратных глаголов с добавлением частицы *–сь (с')* к глаголам, оканчивающимся на гласный (*вывчались*, *утянулись*); переход существительных среднего рода в женский (*бизабразия адна тварица, теста ни крутая*); особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б]: *тае*, *сае (сае тчатыри патчки купила)*; употребление постпозитивной частицы *–ти* после любых частей речи (*скапнили–ти сено, мух-ти то много)*.

По материалам экспедиций 2009 – 2011 гг., нами были выделены следующие особенности, которые встретились только в говоре с. Перещепное: унификация окончаний творительного и предложного падежей у некоторых местоимений (*жаних мой на этим краю жыл…*); образования формы множественного числа у некоторых существительных – с конечным ударным *[а]* на месте литературных [и] или [ы] (*тыквя' растёть у нас…*, *…пис'на' пели);*окончание *–ай* у прилагательных мужского рода независимо от места ударения (в том числе на

месте литературного *–ий*) (*пирох круγлай, струцок γорькай);* унификация окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений (*пасодють, не ладють);* замена приставки *пере-* на *пер-* (*пирмалоли…, пирмятнём).*

Выделим языковые особенности, которые частотны в употреблении в с. Краишево, и лишь единичные случаи зафиксированы в говоре с. Перещепное: энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах: *мя, тя (мя баславляли иконай , тя пасодють);* частицы - *та,* - *ту*, которые согласуются в роде и падеже с предшествующим именем (*детства-та, каша-та, ульцу-ту*).

Материал исследования позволяет сделать следующий вывод: говоры обоих сел в современном состоянии сохраняют в своей основе общие черты, которые являются традиционными для выделенного ранее перещепновско-краишевского говора (см. работы Л.М. Орлова, Р.И.Кудряшовой). Опираясь на материалы экспедиций прошлых лет, мы можем отметить, что на современном этапе говор с. Перещепное содержит больше уникальных диалектных черт, чем говор с.Краишево. Это является результатом большей языковой изолированности перещепновского говора от влияния других говоров и литературного языка.

Уникальные фонетические и грамматические черты, присущие перещепновскому и краишевскому говорам, обусловлены тем, что говоры с. Перещепное и с. Краишево являются изолированными, островными. Из этого следует, что говоры обоих сел сохраняют свои типичные языковые, исконные черты и в современности.

The history of the geographically isolated patois of Volgograd region mostly influenced on their language features. The linguistic processes are distinctly shown at the phonetic and grammatical levels. If we compare the results of patois' researches of past years with modern researches of resent years, we can say about the sustainability of patois' traditional features during a long time of its existence.
Keywords*: isolated geographically patois, Meshcherskys patois, tsokaniye , the southern Russian patois.*

Список литературы

1. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: Учеб.пособие / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1997. - 124 с.

2. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). – Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.

3. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб.пособие / Л.М. Орлов. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984. - 96 с.

4. Истоки становления Пензенской области// Официальный портал Правительства Пензенской области. URL: http://www.penza.ru/about/history/Istoki_stanovleniya_Penzenskoy_oblasti(дата обращения: 20.02.2015).

Об авторе

Рудометова С.М. – аспирант 2 курса кафедры русского языка Волгоградского государственного социально-педагогический университета, *svetlana-stud@mail.ru*

УДК 81-139

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВЫБОР ЯЗЫКА В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ ИСПАНИИ И ИНДИИ)

А.А. Соловьева

Социокультурные факторы оказывают заметное влияние на употребление этикетных формул в культурах, которые обслуживаются несколькими языками. В нашей статье мы рассматриваем два региона – Каталонию и Северную Индию. Различные структуры общества и культурные традиции способны определять выбор того или иного языка в зависимости от типа адресата, его социальной роли, статуса по отношению к говорящему. В зависимости от конкретного языкового сообщества социокультурные факторы неодинаково влияют на выбор этикетных формул. Так, в Индии более важным оказывается социальная составляющая, а в Каталонии – национально-культурная.
Ключевые слова: *социокультурный контекст, выбор языка, языковые контакты, многоязычие, взаимодействие испанского и каталанского языков, взаимодействие хинди и английского языка*

I. Введение

При исследовании выбора языка в многоязычном сообществе необходимо знать причины такого выбора. Важными факторами при выборе языка в ситуации коллективного многоязычия считаются социальный и культурный. Мы предполагаем, что изучение влияния социально-культурных факторов поможет ответить на вопрос о характере выбора языка.

Мы исследовали два региона – Северная Индия и Каталония (Испания). В первом случае мы имеем дело с контактом между двумя официальными языками Индии [7] – хинди и английским. Во втором случае – с контактом каталанского и испанского.

В качестве языкового материала для исследования мы взяли определенный набор единиц речевого этикета двух контактирующих языков для каждой из языковых ситуаций. Речевой этикет мы понимаем как «систему вербальных формул выражения вежливых отношений между людьми в процессе общения, функционирующих в силу традиции»

[4, с.16]. Выбор единиц основывался на их употребительности среди носителей, что отражало бы их реальное использование в узусе. Анализируя функционирование единиц речевого этикета в узусе, мы смогли увидеть, что единицы разных языков не всегда взаимозаменяемы, и существуют некоторые различия в их употреблении. Однако факт различий в использовании языковых единиц должен быть объяснен. Одним из возможных способов объяснений является анализ социальных и культурных факторов, влияющих на текущую языковую ситуацию.

Под языковой ситуацией, вслед за А. Д. Швейцером, мы понимаем «модель социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [6, с.49]. Кроме того, языковая ситуация – это сфера бытования языка как системы в целом и отдельных ее элементов в частности. Одним из таких элементов являются единицы речевого этикета. Ниже мы рассмотрим связь речевого этикета с факторами социокультурного контекста.

II. Факторы социокультурного контекста

В связи с вышесказанным, а также основываясь на работах А. Д. Швейцера, Л. Б. Никольсона, М. Савил-Тройке, Дж. Фишмана, С. М. Эрвин-Трипп, У. Лабова, Д. Гамперца и др., мы выделяем факторы социокультурного контекста, способные, на наш взгляд, повлиять на языковую ситуацию, и, следовательно, на выбор единиц речевого этикета.

1) Тема. В качестве темы из всех возможных ситуаций употребления этикетных выражений [5, с.11] мы выбрали по 6 групп для каждого из исследуемых регионов.

Приветствие: Например, хин. नमस्ते (Namaste); англ. *Hello*; исп. *Buenos días*; кат. *Bon dia*.

Прощание: Например, хин. नमस्ते (Namaste); англ. *Bye*; исп. *Hasta luego*; кат. *Adèu*.

Извинение: Например, хин. माफ. कीजिए (Maaf kijiye); англ. *Sorry*; исп. *Perdona*; кат. *Disculpeu*.

Благодарность: Например, хин. धन्यवाद (Dhanyawaad); англ. *Thank you*; исп. *Gracias*; кат. *Merci*.

Просьба (только Каталония): Например, исп. *Por favor*; кат. *Sisplau*.

Одобрение (только Индия): Например, хин. वाह – वाह! (Waah-waah!); англ. *Good job*.

Обращение: Например, хин. भाईसाहब (Bhaaiisaahab); англ. *Sir*; исп. *Caballero*; кат. *Noi*.

Выбор групп для каждого региона был связан с особенностями их культуры и социума. Выражения из этих групп употребляются в современных Каталонии и Индии и являются достаточно частотными. Употребительность в узусе была установлена в результате проведения диагностического опроса информантов, предваряющего основной.

2) Религиозно-культурная принадлежность. Под религиозно-культурной принадлежностью мы понимаем идентификацию информанта с определенной религиозной группой внутри культурно-языкового сообщества. Этот фактор важен в индийской ситуации, так как он позволяет выяснить, существует ли зависимость между религиозной принадлежностью информанта и использованием речевых этикетных формул. Ниже мы подробнее рассмотрим особенности влияния религиозной принадлежности на выбор языка.

3) Национально-культурная принадлежность. В случае с Каталонией принадлежность к каталанской или испанской культуре и нации во многом связана с самоидентификацией через язык, но эта связь неравноценна. Так, владение испанским языком не означает для носителей однозначную принадлежность к испанской культуре (по крайней мере, к культуре Иберийского полуострова), в то время как владение каталанским с наибольшей вероятностью относит говорящего к каталанской культуре. Такая неравноценность объясняется неравенством влияния и распределения функций испанского и каталанского языков в Испании и Каталонии. Кроме того, существует закрепленное в выборе языка разделение на культурно «своих», каталонцев, и «чужих» – не каталонцев. При этом язык выступает в качестве и инструмента, и индикатора такого разграничения.

В Индии национально-культурная принадлежность не связана непосредственно с языком говорящего, так как индийское общество, живущее в ситуации многоязычия (Бх. Сингх [10, с. 106]), обладает национально-культурным единством, и такое единство признается обществом в форме существования индийского государства [10, с. 87]. При этом внутри этого национально-культурного сообщества существует огромное число «субкультур». Но в основе такого разделения лежат уже другие причины – социальные, религиозные, языковые. Выбор же между английским и хинди в таком случае также является инструментом разграничения, но только не на уровне культур и наций, а на уровне «субкультур», т.е. социальных образований.

4) Социальная роль и социальный статус. В нашей работе мы разграничиваем социальные роли и социальные статусы условных «слушающих», при этом говорящий должен выбирать этикетные формулы на определенном языке, опираясь на знания роли или статуса собеседника и своей социальной роли. Социальную роль мы понимаем вслед за Наделем как образ действий, предписанный индивиду внутри сообщества [8, с.31], а также считаем принципиально важным, что «каждая роль имеет в качестве языковой диакритики некий код или субкод, который является нормой ролевого поведения» [1, с.187]. Социальный статус же мы понимаем в целом как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие взаимные ожидания поведения» [2, с.3].

С этой целью мы выбрали относительно однородную группу молодежи в каждом регионе, чтобы выявить

наиболее типичное речевое поведение при выборе языка для определенной социальной роли. В дальнейшем, принимая во внимание различия между терминами, мы будем условно объединять термины «социальная роль» и «социальный статус» в один термин – «тип адресата». Стоит отметить также, что выделяя тип адресата, мы учитываем также и социально-культурные параметры адресанта (т.е. информанта). Характеристики исследуемой группы информантов мы описали в 3-ей части статьи.

5) Престиж также является для нас значимым социокультурным фактором. Мы согласны с определением У. Лабова [3, с.225], который понимал престиж как «спорадический и нерегулярный процесс исправления измененных форм в сторону образцов, которых придерживается группа с наивысшим социальным статусом, то есть образцов, пользующихся престижем». Однако, в нашем случае речь не идет об измененных формах. Мы сталкиваемся с проблемой выбора «престижного» или «непрестижного» языка для определенной языковой ситуации, для определенного типа адресата.

6) Официальность/неофициальность. Параметр официальности/неофициальности, разрабатываемый такими учеными, как Д. Гамперц [1] и Бх. Сингх [10], оказывает существенное влияние на выбор языковых единиц. Опираясь на такое деление, мы распределяем все выделенные нами типы адресата на 3 группы – официальная ситуация общения, неофициальная ситуация общения и нейтральная ситуация общения (т.е. не маркированная по параметру официальности/неофициальности).

Все параметры и факторы, описанные нами выше, мы распределили в материалах для информантов – анкете и опросном листе.

III. Анкета и опросный лист как отражение факторов социокультурного контекста

На основании вышеупомянутых факторов, а также после проведения диагностического опроса, мы составили *анкету* и *опросный лист*, после чего было проведено анкетирование среди говорящих на хинди/английском и на испанском/каталанском. В анкетировании приняло участвовало 34 информанта в Индии и 17 информантов в Каталонии.

В *анкету* для Индии вошли такие социальные и культурные параметры, как пол, возраст, родной язык, языки владения, место рождения, регион проживания, род занятий, религиозная и кастовая принадлежность.

В анкету для Каталонии мы включили пол, возраст, родной язык, язык родителей, место рождения, регион проживания, род занятий, социальный класс.

Такое несовпадение параметров анкеты связано с культурными особенностями. Так, вопрос о религиозной принадлежности не подходит для исследования языковой ситуации в Каталонии, так как принадлежность к определенной религии не является существенным фактором, позволяющим обособить себя на языковом уровне. Католичество, являющееся общей религией для Каталонии и Испании, не позволяет увидеть разницу в использовании языковых единиц. Кроме того, атеизм в молодежной среде возникает как альтернатива какой-либо религиозной принадлежности. Таким образом, языковое противопоставление с точки зрения религии отсутствует. В Индии вопрос религиозной принадлежности связан с вопросом языковой идентичности. По крайней мере, в нашем исследовании это справедливо в отношении хинди, пенджаби и урду, так как каждый из этих языков обслуживает свою религию, и это, как мы заметили, сказывается на использовании единиц речевого этикета. Например, приветствие «सलाम» (Salaam) непопулярно среди индуистов, а राम-राम (Raam-Raam) – среди мусульман.

Параметр возраста также оказывается показательным в плане различия культурных и социальных сред. При исследовании каталанского региона мы отбирали информантов в возрасте от 18 до 35 лет. В Индии же возраст информантов был от 17 до 35. Это связано с системами образования в этих странах. Так, в Индии поступление в высшее учебное заведение возможно в 17 лет. Информантами в обоих случаях становились молодые люди с определенным уровнем образования. В основном это были студенты и выпускники вузов. Такая выборка была связана с проблемой верификации данных и объективностью исследования. По мнению Ф. Ван Дер Вивера и К. Леунга [9], при выборе групп для изучения необходимо помнить о том, что у информантов должен быть общий «демографический фон». В качестве такого фона могут выступать возраст и уровень образования.

Кастовая принадлежность не являлась обязательным в вопросе индийской анкеты, что связано с его неэтичностью в индийском обществе. Однако многие информанты отвечали на него. Кастовость – это отражение социальной стратификации общества. Своеобразным аналогом в каталанской анкете выступил вопрос о социальном классе. Стоит отметить, что большая часть информантов в Индии из ответивших на этот вопрос относились к высшим кастам (90%), в то время как в Каталонии информанты (76%) в основном принадлежали к среднему классу.

В *опросный лист* вошли такие параметры, как социальная роль и социальный статус адресата (тип адресата), пол и количество адресатов. Социальные роли и статусы адресатов мы разделили на несколько групп, в зависимости от степени официальности общения, религиозной принадлежности (в случае с Индией).

Так, для исследования внутрисемейного общения и неофициальной сферы общения мы выделили типы адресата «Друзья», «Родители», «Бабушки и дедушки», «Муж/Жена/Жених/Невеста» (последнее только для Испании, так как в Индии вопрос, затрагивающий отношения между супругами, достаточно табуирован).

Для изучения речевых единиц формального общения мы поместили в опросный лист типы адресата «Начальник/Чиновник» и «Преподаватель».

Типы адресата, не маркированные по параметру официальности/неофициальности для Индии: «Сикх», «Мусульманин», «Крестьянин» (так как мы исследовали в основном население городов) и более абстрактный тип «Незнакомец».

В Каталонии, помимо типов адресата «Крестьянин» и «Незнакомец», мы выделили еще тип «Иностранец». Причины такого разброса в типах адресата культурные и социальные. Тем не менее, выделение именно этих типов адресата позволяют сделать необходимые обобщения.

Для определения того, как количество адресатов влияет на выбор этикетных формул, мы включили в опросный лист типы адресата «Один человек» и «Группа».

Использование этикетных формул в привязке к определенному полу могло быть отражено при выборе типов адресата «Мужчина»/«Женщина».

Все данные, полученные при опросе информантов, были нами проанализированы. Ниже представлены результаты нашего анализа.

IV. Результаты исследования влияния факторов социокультурного контекста на выбор языка

В целом, среди говорящих на хинди выбор этикетных формул того или иного языка зависит от большего числа социокультурных факторов, чем в Каталонии. На выбор индийской этикетной формулы влияет такой параметр, как религиозная принадлежность, положение в семье (использование этикетных формул на разных языках для типа адресата «Бабушки/Дедушки» и «Родители»).

В Индии среди образованной молодежи параметр престижа в языке играет большую роль, чем в Каталонии. Употребление английских этикетных формул маркирует социальный статус говорящего. Так, для типов адресата «Друзья», приветствия «Hi», «What's up?» и т.д. используются чаще (77%), чем традиционные «नमस्ते» (Namaste), «नमस्कार» (Namaskar) и т.д. (23%), что в значительной мере обусловлено фактором престижа, причем престижность западной культуры здесь переходит в престижность социальную. Западные ценности, среди которых и заимствованные этикетные формулы, встраиваются в социальную стратификацию индийского общества со свойственным ему выстраиванием социальных отношений «по вертикали».

Таким образом, мы считаем фактор престижа одним из важнейших (однако не единственным) при выборе этикетных формул на хинди/английском.

В Каталонии же употребление испанского или каталанского не является показателем престижа как такового, т.е. маркером более высокого социального статуса. Более того, само понятие социального статуса в этом случае не есть основной параметр, обуславливающий выбор того или другого языка. Конечно, это не означает отсутствие социальной стратификации, это лишь показывает, что социальное расслоение в среде каталанской молодежи не является основным фактором, влияющим на выбор этикетной формулы. Это видно на примере количественного сопоставления использования каталанского и испанского для разных типов адресата. Так, среди всех остальных типов адресата выделяется тип «Иностранец». С ним использование испанских речевых формул в количественном отношении даже превалирует над каталанскими (испанский 51%, каталанский 49%).

В случае с выбором между испанским и каталанским мы скорее имеем дело с выбором культурно-национальной идентичности. В этом случае происходит идентификация принадлежности говорящего к той или иной языковой группе посредством этикетных формул. Социальная роль адресата в таком случае не является определяющим фактором, и разграничение происходит здесь уже на уровне разных культур, т.е. «по горизонтали», что принципиально отличается от ситуации в Индии.

Однако, существует социокультурная категория, объединяющая две языковые ситуации. Это категория официальности/неофициальности.

Как можно видеть, типы адресата «Начальник/Чиновник» (английский – 62%, хинди – 38%), и «Преподаватель», (английский – 57%, хинди – 43%) более употребительны с английским, чем с хинди. Для сравнения, тип адресата «Бабушки и дедушки»: английский – 26%, хинди – 74%.

В Каталонии каталанские этикетные формулы в целом более употребительны, чем испанские. Но при этом там можно выделить те же типы адресатов, «Начальник» и «Преподаватель», являющиеся элементами официального контекста. И если сравнить количество употреблений испанских этикетных формул с количеством их употреблений в неофициальных ситуациях общения, то мы увидим, что, за исключением группы «Друзья», во всех остальных неофициальных ситуациях испанские этикетные формулы используются реже, чем каталанские. Так, для типа адресата «Начальник» находим следующее соотношение: испанский – 42%, каталанский – 58%; для типа адресата «Преподаватель»: испанский – 40%, каталанский – 60%. Для сравнения, в группе «Родители» испанский – 31%, каталанский – 69%.

Таким образом, мы имеет дело с двумя языковыми ситуациями, где происходит выбор единиц того или иного языка, однако соотношение между взаимодействующими языками неодинаково. Из этого следует, что, во-первых, на исследуемые языковые ситуации влияют разные социально-культурные факторы (религия в Индии, национально-культурная принадлежность в Каталонии). Во-вторых, существуют социально-культурные факторы, механизм влияния которых оказывается общим для двух языковых ситуаций (официальность/неофициальность).

Таким образом, вышеперечисленные элементы социального контекста имеют непосредственное отношение к выбору языка при употреблении этикетных формул в ситуациях двуязычия. И хотя в Индии в такого рода разграничении преобладает социальная составляющая, а в Каталонии – национально-культурная, значимо само наличие такого разграничения. Оно объясняет, что выбор того или иного языка в различных ситуациях общения системен и обусловлен социокультурными факторами.

The fact of the linguistic variety in usage of etiquette expressions may be explained with a help of social and cultural context. India and Spain (Catalonia) are different linguistic societies with different preferences of the linguistic choice but still there are some common points in the mechanism of this choice. Firstly, we are trying to prove that the choice of a language is not random; it depends on many factors, like context, theme, social role etc. Secondly, the language itself in every case as an instrument of the society and of the culture which can divide and unite speakers within social or cultural groups. The correlation between social and cultural factor may be different in different cases and situations of communication.
Keywords: *Sociocultural context, etiquette, languages in contact, multilingual society, Spanish – Catalan interaction, Hindi – English interaction.*

Список литературы

1. Гамперц Дж. Типы языковых сообществ // Новое в лингвистике, Выпуск VII Социолингвистика, М.: «Прогресс», 1975, с. 187.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. монография, М.: ИЯ РАН, 1992, с.3.
3. Лабов У.О. механизме языковых изменений // Новое в лингвистике, Выпуск VII Социолингвистика, М.: «Прогресс», 1975, с. 225.
4. Трофименко В.П., Формулы речевого этикета в разговорной речи (на материале произведений А. П. Чехова), Дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н., Ростов-на-Дону, 1973, с.16.
5. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистические и методические аспекты, М: «URSS», 2008, с. 11.
6. Швейцер А.Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики. Социально-лингвистические исследования, М.: «URSS», 1977, с. 49.
7. Article 343 (1), Constitution of India, New Delhi, 1950
8. Nadel S.F. The theory of social structure, Cohel & West, London, 1957, p. 31
9. Van De Vijver F., Leung K., Methods and Data Analysis of Comparative Research // Handbook of Cross-cultural Psychology: Theory and method, Volume 1, Theory and Method, Second Edition, Boston, 1980, p. 264.
10. डॉ. भरत सिंह , भाषा और समाज (हिंदी भाषा के समाज शास्त्रीय अध्ययन के संदर्भ में), आलेख प्रकाशन, प्रथम सस्करण, दिल्ली, 2002. (Сингх Бхарат, Язык и общество (на материале социологического исследования языка хинди), Дели, 2002, сс. 87, 106).

Об авторе

Соловьева А.А. – аспирант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *yarlee@yandex.ru*

УДК 81-22

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Т.Т. Цаголова

В статье рассматривается проблема фразеологической полисемии и выявляются её особенности во французском языке. Полисемия французской фразеологии – реальное явление, хотя оно порой обретает облик своеобразной семантической тавтологии. Материалом исследования послужили фразеологические единицы русского и французского языков, содержащие компонент со значением цвета (белый, чёрный, красный). Исследование проводилось в синхронно-сопоставительном плане на материале фразеологических оборотов французского и русского языков, которые отмечены существенными различиями как собственно языковой, так и культурно-исторической природы.
Ключевые слова: *полисемия; фразеология; фразеологический оборот; семантическая структура; переосмысление.*

В настоящее время нет ни одной отрасли человеческого знания, развитие которой не было бы связано с понятием системы. Язык – это тоже система, и представление о языке как системном организме давно стало аксиомой. Фразеология как неотъемлемая часть языковой организации также представляет собой определённую систему. Этой точки зрения придерживаются И.И. Чернышева [8], А.В. Кунин, считающий, что любой фразеологизм не в состоянии существовать вне системы, будучи связанный с другими единицами языка (словом или свободным словосочетанием) [2].

З.Н. Левит определяет многозначность как наличие в семантической структуре одного слова ряда значений, группирующихся вокруг общего семантического ядра. Это общее ядро называется исследователем инвариантом, а различные взаимосвязанные с ним значения – вариантами [3].

Установление семантического инварианта представляется далеко не всегда элементарной процедурой, хотя, как справедливо отмечал Л.В. Щерба, имеется почти безупречное средство вычленить в семантической структуре слова его ближайшее (основное) значение и ряд периферийных. Вполне понятно, что первым может возникнуть лишь то значение, которое почти или совсем не зависит от контекста [9]. Эта идея Л.В. Щербы нашла

своё дальнейшее развитие в трудах Р.А. Будагова и, прежде всего, в его «Сравнительно-семасиологических исследованиях», где утверждается, что главное значение наиболее обусловлено парадигматически [1]. Это означает, что основное значение слова определяется его противопоставленностью всем другим значениям слов, входящих вместе с ним в одну лексико-семантическую группу.

Несколько иная точка зрения на многозначность у Т.З. Черданцевой. Если З.Н. Левит полагал, что многозначное слово получает актуализацию своих значений в контексте, то Т.З. Черданцева значительно расширяет спектр актуализаторов всей совокупности его узуальных значений. Кроме контекста, к актуализаторам подключаются также сочетаемостные возможности, зафиксированные для слова в лексикографии [7]. На примере наиболее частотных глаголов итальянского языка (fare, dare, essere, stare, andare) Т.З. Черданцева делает вывод о непосредственной связи между частотностью слова и его многозначностью. Любой глагол высокой частотности обладает многочисленными значениями – от самого общего до сугубо конкретного. Если учесть, однако, что глаголы выполняют в предложении преимущественно предикативную функцию, то их значение может существенно меняться в зависимости от их конкретно реализованной сочетаемости. Переосмысление глагола, его образное употребление связано, по мнению Т.З. Черданцевой, с его актантной рамкой, то есть с теми именами существительными, которые его окружают [7].

Изложенные суждения применимы также и к материалу фразеологии с той лишь существенной оговоркой, что последующий материал будет относиться к французскому языку, поскольку наблюдения показали, что многозначность в русской фразеологической триаде исследуемых номинаторов цвета встречается достаточно редко, всего два примера: *белое пятно*; *не видеть белого света*. Многозначность же французской фразеологии – это достаточно живое явление, хотя и не сопоставимое по своей силе с многозначностью отдельного слова. Подобно тому, как многозначное слово обладает своим первичным значением и рядом периферийных употреблений, точно так же и фразеологическая единица может оказаться многозначной, в семантическом спектре которой выделяется её базовое, ближайшее значение и одно или несколько периферийных смыслов. Например, фразеологизм *n'y voir que du blanc et du noir* фиксирует два значения: 1) смотреть в книгу и ничего не различать из-за темноты, *слабости зрения* и т.д.; 2) *смотреть в книгу и видеть фигу*. Вместе с тем, необходимо сказать, что, хотя словари и регистрируют два упомянутых значения в качестве автономных единиц, всё же они достаточно близки по смыслу: в первом значении подчёркивается причина невосприятия зрением какого-то объекта, а во втором – на первый план выходит стилевой оттенок данного сочетания, его явно сниженный регистр речи.

В сущности, подлинная многозначность в области фразеологии обретает облик своеобразной семантической тавтологии, когда даже несколько периферийных значений привносят информативное дополнение в ближайший смысл какого-либо конкретного фразеологического оборота. Например, выражение *noir sur blanc* содержит в смысловом объёме два лексикографических толкования:

1) чёрным по белому; открыто, не таясь; 2) ясно, неопровержимо.

Но так ли уж ощутимы различия в приведённых значениях? И не является ли смысл *чёрным по белому* логическим уточнением смысла «*ясно, неопровержимо»*? Синкретизм логических переходов от одного вариантного смысла к другому в пределах какого-либо инвариантного значения – это тоже вполне частотное явление, подтверждаемое многими примерами.

Достаточно близкими по смыслу являются и следующие многозначные фразеологические обороты: *traite des blancs* (набор рекрутов обманом; эксплуатация рабочих); *magie noire* (чёрная магия; тёмное дело); *travail noir* (халтура; работа налево); *voix blanche* (глухой, беззвучный голос; бесстрастный, монотонный голос). В связи с последним из приведённых примеров уместно вспомнить мнение В.Н. Цоллера, считающего, что многие фразеологические образования являются амбивалентными в силу их возможного употребления с прямо противоположной оценкой.

Приводимые автором примеры (*стреляный воробей* с оценочной коннотацией как положительной, так и отрицательной – в зависимости от интенции говорящего) свидетельствуют, однако, о том, что имеется в виду лишь речевой статус фразеологических оборотов. Но описание любых единиц языка, в том числе и фразеологических, должно проводиться на уровне двух ипостасей языковой системы - языка и речи, так как отдельно взятая речевая реализация системы не вскрывает всей полноты присущих ей признаков и возможностей, позволяющих носителям языка моделировать окружающий мир в мыслительно-речевых процессах [6].

Вместе с тем, нет сомнения в том, что фразеологическая многозначность не обладает тем мощным фактологическим размахом, той силой и редкой выразительностью, которые присущи многозначности на уровне слова. Этот факт объясним тем, что составные компоненты фразеологических образований не свободны в реализации своих лексико-семантических и синтаксических признаков.

Многозначность слова и многозначность фразеологического образования - это, если и не принципиально различные в семасиологическом отношении явления, то, по крайней мере, существенно неодинаковые в своих количественных воплощениях. Чтобы более отчётливо представить несовпадения в количественных параметрах многозначного слова и многозначной фразеологической единицы, приведём примеры таких фразеологических образований, в которых фиксируется лишь одно значение как на уровне языка, так и в его речевой реализации: например, *talon rouge /* букв *красный каблук* имеет одно значение, сводящееся к информации придворный в королевской Франции (… et de l'elegance francaise, de l'esprit francais - regence, talon rouge, Lauzin) [12]. Примеры однозначного осмысления французских фразеологизмов оказываются в обработанной картотеке самыми многочисленными:

(*petite) oie blanche* характеризует простушку, наивную и невинную молоденькую девушку; сочетание *loup blanc* даёт представление о «матёром волке»; фразеологизм *houille blanche* закрепился в терминологическом употреблении и, будучи таковым, не склоняется к многозначному расширению своего значения. Нет никаких оснований видеть многозначность в выражении *sourire blanc*, толкуемое фразеологическим словарём, как натянутая улыбка.

Если подойти к сочетанию *arborer (hisser) le drapeau blanc* (поднять белый флаг, капитулировать, сдаться) с позиции того фактора, который получил в науке о языке наименование пресуппозиции, тогда упомянутые значения станут восприниматься в виде единого инвариантного смысла: **arborer** - planter, elever quelque chose droit comme un arbre: arborer un drapeau. Arborer un pavilion, le hiser, le deployer. Arborer l'etandard de la revolte, se revolter [11, c. 54]; **hisser** - Hausser, elever: hisser les voiles [11, c. 471].

Все три составляющие изучаемой триады цветообозначений формируют определённое множество многозначных фразеологических единиц:

bal blanc - a) бал, на котором девушки танцуют друг с другом; b) на котором танцуют девушки с неженатыми молодыми людьми; c) на котором танцуют только незамужние*;*

bête noire – a) самое ненавистное, предмет особой ненависти и отвращения; b) злой гений;

magie noire – a) чёрная магия; b) тёмное дело.

Однако фразеологизмы со структурой предложения и глагольных словосочетаний почти всегда моносемичны:

les mains noires font manger le pain blanc (мыло серо, да моет бело)

aller du blanc au noir (бросаться из одной крайности в другую);

ne connaitre ni le blanc ni le noir (не отличать чёрного от белого);

n'être pas si diable qu'on est noir (не так страшен чёрт, как его малюют).

Напротив, случаи многозначности у компаративных фразеологических оборотов единичны: *blanc comme neige (или comme le lait)* - a) белый как снег; b) невинный, с незапятнанной репутацией. В своём абсолютном большинстве компаративы монозначны:

rouge comme la braise (или une cerise, un coq, un homard, une tomate) – пунцовый, красный как рак, мак, кумач; *noir comme du charbon (или du cirage, la cheminee, un corbeau, le cul)* – чёрный-пречёрный, чёрный как смоль.

Яркой иллюстрацией многозначных фразеологизмов, требующих знание контекста при выборе семантического варианта, являются следующие фразеологические единицы:

être blanc - a) плохо выглядеть; b) побледнеть от волнения; c) быть не загорелым; d) *арго* не иметь приводов, иметь «чистый» паспорт);

faire des (или les) yeux blancs, регистрируемое также в трёх значениях - a) выкатывать таращить глаза; b) быть в полуобморочном состоянии; c) строить глазки*;*

billet blanc – a) избирательный бюллетень, опущенный в урну незаполненным; b) лотерейный билет; c) невыигравший лотерейный билет;

radis noir – a) поп; b) жандарм;

point noir – a) опасное место (на дороге); b) трудность;

voir rouge – a) прийти в ярость, рассвирепеть; b) плохо, нечётко видеть;

tirer a boulets rouges sur – a) безжалостно нападать на кого-л., травить, дразнить кого-л.; b) беззастенчиво пользоваться чьим-л. именем или кошельком; c) привлечь к суду кого-л.; d) прибегнуть к крайним мерам по отношению к кому-л.

Итак, многозначность в области фразеологии – это вполне реальное явление. Вместе с тем, сравнивая многозначность автономного слова и многозначность фразеологизма как целого лексико-синтаксического образования, убеждаемся, что многозначность фразеологической системы представляется гораздо более сложной. Результаты наблюдений над многозначностью фразеологизмов, бытующей во французском языке, могут быть суммированы в ряде тезисных выводов.

1. Многозначность фразеологических единиц во французском языке вполне реальна и достаточно продуктивна, это особенность французской фразеологии.

2. Фразеологическая многозначность нередко обретает облик своеобразной семантической тавтологии, когда даже несколько периферийных значений привносят информативное дополнение в ближайший смысл какого-либо конкретного фразеологического оборота.

This article considers the problem of polysemy in phraseology and reveals its specificity in French. Polysemy of French phraseology is a real phenomenon though sometimes it's formed in a kind of semantic tautology. Phraseological units of Russian and French languages, containing a component with a color value (white, black, red) served as research material. The study was conducted in synchronous comparative terms based on the French and Russian phrases material which are marked with significant differences in language itself and cultural-historical nature.
Keywords: *polysemy; phraseology; phraseological units; semantic structure; reinterpretation.*

Список литературы

1. Будагов Р.А. Сравнительно-семасеологические исследования: Романские языки. М.: Добросвет, 2004. 415 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. 381 с.

3. Левит З.Н. Лексикология французского языка. М.: Высшая школа, 1979. 160 с.
4. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Идательство лит-ры на иностр. яз., 2015. 296 с.
5. Триоле Э. Розы в кредит: Роман. М.: Высшая школа, 1979. 127 с.
6. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов. // Филологические науки, 2000. №4. С. 56-64.
7. Черданцева Т.З. Язык и его образы. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 168 с.
8. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 200 с.
9. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
10. Breal M. Essai de semantique: Science des significations. Paris: Hachette, 1924. 372 p.
11. Dictionnaire du francais contemporain. Larousse. Paris (6), 1980. 1263 p.
12. Rolland R. Choisis (La foire sur la place). Moscou: Edition du progres, 1979. 378. P. 47-56.

Об авторе

Цаголова Т.Т. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Горского государственного аграрного университета, *tsagolova@bk.ru*

УДК 81'23

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛОЗУНГОВ НА ОЦЕНОЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНДИВИДА

С.А. Чугунова

В статье анализируются результаты пилотажного психолингвистического эксперимента, в ходе которого русскоязычные испытуемые, изучающие английский язык в качестве основной специальности на факультете иностранных языков университета, оценивали политические лозунги кандидатов в президенты США нынешней президентской кампании с применением метода семантического дифференциала (модифицированная версия). В итоге превалируют позитивные оценки, за ними следует нейтральная реакция, и на последнем месте – негативная оценка.
Ключевые слова: *манипулирование сознанием; политическая лингвистика; политический дискурс; политическая реклама; политический лозунг; семантическое пространство; семантический дифференциал*

Влияние средств массовой информации, рекламы, PR-компаний и т.п. на сознание современного человека вызывает к проблеме языкового воздействия неподдельный научный интерес. При этом в центре внимания специалистов оказываются конкретные языковые средства и способы психологического воздействия. Так, для рекламы релевантны: конкретность и образность ключевых слов (в том числе за счёт метафоры); конкретность и образность качеств; сравнение; нарушение логической связи между компонентами; избегание отрицательных частиц; суперсегментные единицы (ритм, тембр, интонация); использование определённых звукосочетаний; повторы; личные местоимения; личные формы глагола вместо страдательных и неопределённо-личных конструкций; цитаты; общеупотребительные слова и выражения вместо терминов и жаргона и другие [2; 3; 7].

Не менее широко явление манипулирования сознанием исследуется в политической лингвистике, возникшей на стыке лингвистики и политологии. Центральным понятием в этой области является политический дискурс – особая разновидность дискурса, имеющая своей целью завоевание и удержание политической власти [6, с. 44]. Согласно развёрнутому определению, политический дискурс рассматривается как «вербальная коммуникация в определённом социально-психологическом контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определёнными социальными ролями согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации» [Там же]. Данный вид институционального общения располагает системой конститутивных признаков и наделяется рядом функций, причём эффективность политического дискурса напрямую связывается с убеждением и манипуляцией. Последняя понимается как «процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя» [Там же, с. 44–45]. Используемые при этом специальные приёмы преследуют цель снижения критического мышления со стороны реципиентов и включают манипулирование семантикой слова с помощью языковой игры, метафоры, эвфемизмов, пейоративной лексики и т.д. [Там же, с. 45–47].

Коммуникативными особенностями политического дискурса являются институциональность, конвенциональность и публичность (официальность). Коммуникативные стратегии включают стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроя адресата, а также информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную стратегии [8, с. 13, 22].

Обсуждая понятие политического дискурса, нельзя не затронуть понятие «политического языка». Последний, в отличие от терминологически и риторически нагруженного «языка политики», который используют профессиональные политики или государственные чиновники, доступен всем членам языкового сообщества и, как средство убеждения и контроля, может выходить за рамки политического дискурса в другие сферы общения –

бытовую, педагогическую, рекламную, религиозную [11, с. 32–33].

Если говорить о близости политического и рекламного дискурсов, то это особенно актуально для политической рекламы, в которой оба вида непосредственно соединяются. Политическая реклама характеризуется всеми атрибутами рекламного дискурса: акцентируются положительные свойства номинируемого предмета рекламы, планируется позитивная ответная реакция. К жанрам политической рекламы относятся политическая пропаганда (плакаты, доклады, публичные выступления, дискуссии) и агитация (воззвания, листовки, плакаты, транспаранты, выступления на митингах) [Там же, с. 39–40]. При этом пропаганда действует через обращение к логической сфере сознания, опираясь на аргументацию и рациональное оперирование фактами. Агитация – это эмоциональное внушение, доминирующее именно в рекламе [Там же, с. 40] – со ссылкой на [10].

Отсюда очевидно, что жанр политического лозунга (слогана, девиза) можно с уверенностью отнести к агитационной разновидности политической рекламы, которую отличает: узкая тематика, упрощённая подача проблемы, ключевые слова, простые и выразительные образы, постоянное повторение; декларация наиболее выигрышных сторон «товара» [11, с. 40] – со ссылкой на [12; 16]. Лозунг, занимающий промежуточное положение между отдельным словом и полноценным предложением [5, с. 274], представляет прототипичный жанр политического дискурса: он выполняет регулятивную функцию в различных её аспектах, является непосредственным инструментом политической борьбы и занимает ведущее место в политической коммуникации «граждане ↔ институт». Лозунг определяется как «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу, требование» [1]. Несмотря на то, что чаще лозунг составляет отдельный завершённый текст, который может получить статус прецедентности и войти в число жанров политической афористики, автономность лозунга относительна, и он содержательно согласуется с текстами других жанров определённого политического события. Специалисты по политической рекламе считают, что основным условием успешности предвыборного лозунга является его непротиворечивость по отношению к ключевым положениям рекламной кампании кандидата [11, с. 344–345] – со ссылкой на [15].

В плане выражения лозунг реализуется преимущественно в письменной форме, единственной устной разновидностью лозунга является скандирование. В иллокутивном аспекте лозунги делятся на: призывы и требования, лозунги-экспрессивы и лозунги-декларативы. Основные содержательные характеристики политического лозунга включают: тематическую однофокусность (постулируется одна идея); максимальную эксплицитность смысла; злободневность; чёткую идеологическую маркированность; эмоциональность. Лапидарность, суггестивность и энергетика лозунга во многом достигаются за счёт особенностей его синтаксической и фонетической структур: текст, как правило, состоит из одного предложения; преобладают простые утвердительные предложения; значителен удельный вес безглагольных конструкций и назывных фраз; используются ритм, рифма и аллитерация. Также широко распространены так называемые лозунговые слова: *свобода, равенство, справедливость, демократия, мир, отечество*. С одной стороны, приветствуется новизна формы и языковая игра; с другой стороны, значение приобретает актуализация стереотипов через обращение к речевым штампам и клише [11, с. 346, 348–357]. Всё это должно способствовать тому, чтобы лозунги, над созданием которых трудятся целые команды политтехнологов, получились яркими, понятными, убедительными и хорошо запоминались.

Известно, что в ноябре 2016 года в США состоятся 58-е выборы президента этой страны, поэтому в настоящее время, когда до финиша остаётся не так много времени и некоторые кандидаты уже сошли с дистанции, а в ряде штатов уже начались первые предварительные голосования в кокусах, президентская гонка приобретает нешуточную остроту. В борьбе за власть кандидаты в президенты используют все возможные инструменты влияния на мнение американского электората, включая политический лозунг. С помощью психолингвистического эксперимента была предпринята попытка исследовать эффективность лозунгов нынешней президентской кампании в США через оценочное восприятие индивида. Описание исследования содержится в курсовой работе на тему «Психолингвистические механизмы манипулирования сознанием в политических лозунгах» (см. [4]).

В роли испытуемых выступили студенты факультета иностранных языков Брянского государственного университета, изучающие английский язык в качестве основной специальности. Важно отметить, что в отличие от граждан Америки, которых означенное событие касается непосредственно, на оценку лозунгов русскоязычными индивидами, которых также можно охарактеризовать как билингвов в условиях учебного двуязычия, не могла оказать воздействие личность кандидата или партийные предпочтения. Более того, испытуемым не была предоставлена информация о том, к какому политику и от какой партии относится тот или иной лозунг. Иными словами, если бы эксперимент проводился в группе американцев, присутствовала бы вероятность того, что испытуемый будет оценивать конкретного политика и/или партию, которую он представляет, а не сам лозунг. В случае с русскоязычными билингвами вмешательство такого мощного экстралингвистического фактора влияния исключалось.

В качестве экспериментального материала были отобраны десять политических лозунгов кандидатов в президенты: *Make America Great Again* (лозунг Дональда Трампа, кандидата от республиканской партии); *Hillary For America* (лозунг Хилари Клинтон, кандидата от демократической партии); *A Political Revolution is Coming* (лозунг Бернарда Сандерса, кандидата от демократической партии); *A New American Century* (лозунг Марко Антонио Рубио, кандидата от республиканской партии); *Courageous Conservatives* (лозунг Теда Круза, кандидата от республиканской партии); *Jeb!* (лозунг Джона Эллиса (Джеба) Буша, кандидата от республиканской партии); *Heal. Inspire. Revive.* (лозунг Бенджамина Карсона, кандидата от республиканской партии); *From Hope*

to Higher Ground (лозунг Майкла Хакаби, кандидата от республиканской партии); *New Possibilities. Real Leadership* (лозунг Карли Фиорины, кандидата от республиканской партии); *Defeat the Washington Machine. Unleash the American Dream* (лозунг Рэндала Говарда Пола, кандидата от республиканской партии).

Лингвостилистический анализ лексико-семантической составляющей отобранных для эксперимента лозунгов позволил выделить ряд характерных черт: использование имён собственных (*Hillary*, *Jeb*, *America*, *Washington*), политических терминов (*conservatives*, *political revolution*), метафоры (*Washington Machine*, *Heal*), литературной лексики (*courageous*, *heal*, *inspire, revive*), абстрактных существительных (*possibilities*, *leadership*, *hope*), эпитетов (*new, great, real*), фразеологизмов (*Washington Machine*, *American Dream*). Практически в каждом лозунге наблюдается использование лозунговых слов с положительной и даже возвышенной коннотацией (за исключением *Jeb!*), к которым, безусловно, относятся лексемы *America* и *American*, коррелирующие по смыслу с русскими лексемами *Отечество*, *отеческий*, *Родина*, *Отчизна*.

Практически все лозунги лаконичны, максимально эксплицитны по смыслу и по большей части стереотипны – обещают электорату лучшую жизнь в случае победы: *Make America Great Again* / *A New American Century* / *Heal. Inspire. Revive.* / *From Hope to Higher Ground* / *New Possibilities. Real Leadership*. В лозунге *Courageous Conservatives* прослеживается чёткая идеологическая маркированность – республиканцы всегда воспринимались как консерваторы, защищающие традиционные ценности американской культуры. Очевидное неприятие политического курса нынешней администрации Белого Дома выражается лексемой *defeat* в лозунге *Defeat the Washington Machine. Unleash the American Dream*, хотя элемент критики заложен в семантике большинства слоганов. В лозунгах *Hillary For America* и *Jeb!* политтехнологи, по всей видимости, делали ставку на то, что личное имя должно способствовать сокращению дистанции между политиком и народом, тем более что эгалитарный стиль общения является нормой для американской культуры. С другой стороны, это подчёркивает известность кандидата, за именем которого скрывается большой политический опыт не только его самого, но и его семьи. Вместе с тем, на наш взгляд, эгоцентрический слоган *Jeb!* звучит несколько тщеславно. Не случайна медико-психотерапевтическая лексика (*heal*, *inspire, revive*) у знаменитого врача-нейрохирурга Бенджамина Карсона, который первым в мире разделил затылочных сиамских близнецов. Не совсем удачным представляется лозунг *A Political Revolution is Coming*, поскольку трудно судить о том, насколько американцы готовы к политическим революциям и социальным потрясениям, хотя лексема *revolution* несёт в себе мощный энергетический заряд. Выгодно, на наш взгляд, отличается слоган Дональда Трампа *Make America Great Again* – простой, незатейливый, ритмичный, легко запоминающийся и, несомненно, с самым дорогим для американского сердца словосочетанием – *great America*.

Лингвостилистический анализ синтаксической составляющей показывает, что все лозунги – это простые утвердительные конструкции, чаще односоставные, чаще безглагольные (*Hillary For America / A New American Century / Courageous Conservatives / Jeb! / From Hope to Higher Ground / New Possibilities. Real Leadership*), однако немало и глагольных конструкций: *Make America Great Again / Defeat the Washington Machine. Unleash the American Dream / Heal. Inspire. Revive. / A Political Revolution is Coming*. Встречаются структурные повторы – синтаксические параллелизмы, придающие фразам ритмичность и, вследствие этого, определённую энергичность: *New Possibilities. Real Leadership / Defeat the Washington Machine. Unleash the American Dream*.

Что касается фонетики, то здесь наблюдается использование ритма (многие лозунги отличаются известной степенью ритмичности), аллитерации (*Courageous Conservatives / From Hope to Higher Ground*) и ассонанса (*Make America Great Again / Defeat the Washington Machine. Unleash the American Dream*). Всё это заряжает фразы энергией, делает их звучание динамичным, напористым и, главное, они легко запоминаются. Этому же способствует пунктуация: *Jeb! / Heal. Inspire. Revive.*

Психолингвистический эксперимент с русскоязычными билингвами проводился с применением модифицированного варианта метода семантического дифференциала Ч. Осгуда [13; 14], предусматривающего построение индивидуальных или групповых семантических пространств с помощью двухполюсных шкал, задаваемых парами антонимичных прилагательных. Основным преимуществом данного инструмента является предоставляемая им возможность измерять значения и смыслы, выходя на подсознательные (скрытые) отношения «непосредственно в речевой деятельности конкретного субъекта, т.е. в “режиме употребления”». «Термин “субъективные” семантические пространства призван подчеркнуть специфику их построения, связанную с проведением психолингвистического эксперимента на отдельном испытуемом и реконструкцией его индивидуальной системы значений, которая может значительно отличаться от «объективно»-языковой системы значений общественного сознания» [9].

Предполагается, что понятие семантического пространства позволяет моделировать ментальные структуры, которые формируются в сознании индивида в процессе восприятия и понимания вербального стимула; в нашем случае стимулом является вербальный текст – англоязычный политический лозунг.

В пилотажном эксперименте приняли участие 10 испытуемых, каждому из них была предоставлена карточка, в которой в виде таблицы были записаны стимулы – 10 политических лозунгов и 5 градуированных оценочных шкал: 1) *хороший (+) – нейтральный (0) – плохой (-)*; 2) *сильный (+) – нейтральный (0) – слабый (-)*; 3) *активный (+) – нейтральный (0) – пассивный (-)*; 4) *простой (+) – нейтральный (0) – сложный (-)*; 5) *умный (+) – нейтральный (0) – глупый (-)*. Испытуемые должны были за 5 минут письменно оценить каждый стимул по каждой шкале. Эксперимент проводился анонимно.

Для примера разберём политический слоган Хилари Клинтон *Hillary For America*. Из таблицы (см. Табл.

1) мы видим, что единственной шкалой, по которой положительные реакции значительно превзошли остальные, является шкала простоты. На рисунке (см. Рис. 1) можно видеть суммарное соотношение полученных ответов.

Рассмотрим лозунг Дональда Трампа *Make America Great Again*. Из таблицы видно (см. Табл. 2), что, несмотря на большое количество положительных реакций, данный стимул, как ни парадоксально, «недотягивает» по шкале интеллекта и, что самое удивительное, по шкале простоты. Однако в результате данный лозунг заработал большее количество положительных и меньшее количество отрицательных оценок, чем предыдущий (см. Рис. 2).

Таблица 1

Результаты оценки лозунга *Hillary For America*

	Количество ответов по шкалам					
	Шкала 1	**Шкала 2**	**Шкала 3**	**Шкала 4**	**Шкала 5**	**Итого**
«+»	3	3	4	8	3	21
«–»	6	4	3	1	5	19
«0»	1	3	3	1	2	10

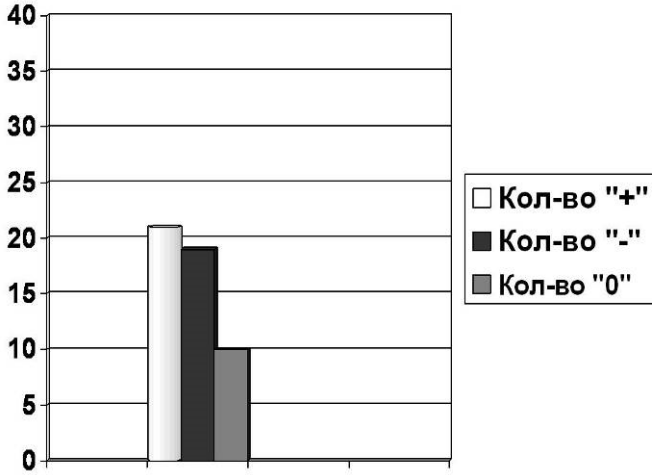


Рис. 1. Суммарная оценка стимула *Hillary For America*

Таблица 2

Результаты оценки лозунга *Make America Great Again*

	Количество ответов по шкалам					
	Шкала 1	**Шкала 2**	**Шкала 3**	**Шкала 4**	**Шкала 5**	**Итого**
«+»	5	6	6	1	5	23
«–»	4	2	1	3	2	12
«0»	1	2	3	2	7	15

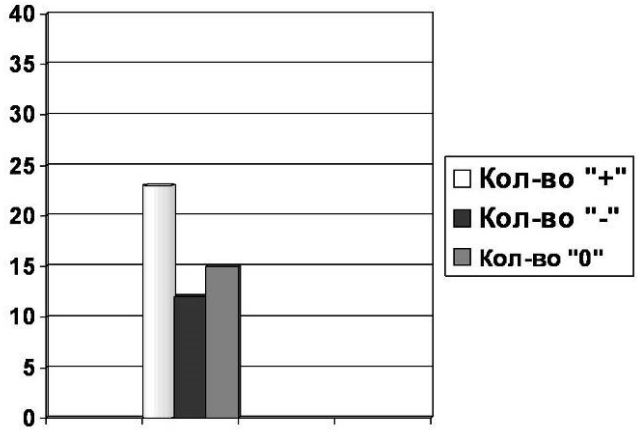


Рис. 2. Суммарная оценка стимула *Make America Great Again*

Для сравнения продемонстрируем ситуацию с лозунгом – лидером субъективных положительных реакций и анти-лидером, т.е. стимулом, набравшим наибольшее количество субъективных отрицательных оценок. Лидером, причём по всем шкалам, стал лозунг Бенджамина Карсона *Heal. Inspire. Revive.* (см. Табл. 3 и Рис. 3), а анти-лидером – лозунг Джеба Буша *Jeb!* Единственной шкалой, по которой у данного стимула преобладают положительные реакции, является шкала простоты (см. Табл. 4 и Рис. 4).

Таблица 3

Результаты оценки лозунга *Heal. Inspire. Revive.*

	Количество ответов по шкалам					
	Шкала 1	**Шкала 2**	**Шкала 3**	**Шкала 4**	**Шкала 5**	**Итого**
«+»	8	7	6	7	5	33
«–»	1	0	0	3	2	6
«0»	1	3	4	0	3	11

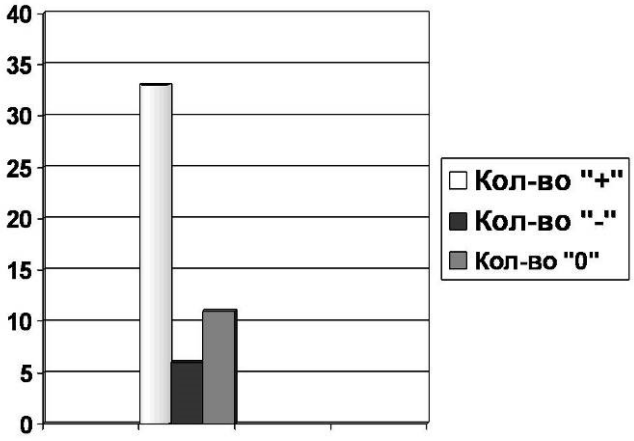


Рис. 3. Суммарная оценка стимула *Heal. Inspire. Revive.*

Таблица 4

Результаты оценки лозунга *Jeb!*

	Количество ответов по шкалам					
	Шкала 1	**Шкала 2**	**Шкала 3**	**Шкала 4**	**Шкала 5**	**Итого**
«+»	0	1	1	6	0	8
«–»	9	8	8	3	9	37
«0»	1	1	1	1	1	5

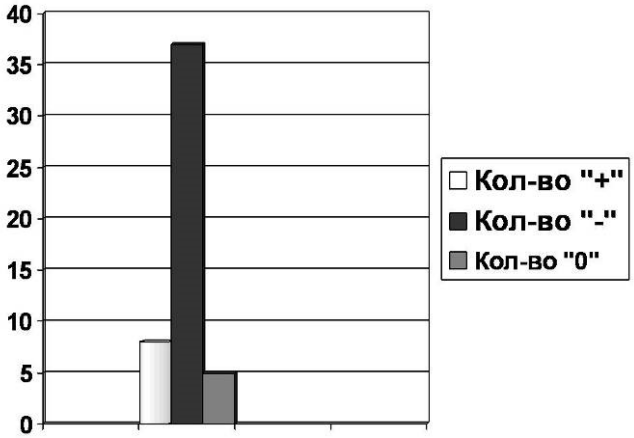


Рис. 4. Суммарная оценка стимула *Jeb!*

Следует учесть, что построенные модели групповых семантических пространств как результата оценочного восприятия индивида, которое, заметим, у живого человека не может быть иным, являются в значительной степени упрощёнными схемами с положительным, отрицательным и нейтральным отношением, хотя испытуемые должны были оценивать стимулы по пяти дифференциальным шкалам: “When a subject judges a concept against a series of scales, each judgment represents a selection among a set of given alternatives and serves to localize the concept as a point in the semantic space. The larger the number of scales and the more representative the selection of these scales, the more validity does this point in the space represent the operational meaning of the concept” [14, с. 26]. Представим модель группового семантического пространства для стимула – слогана *Jeb!* по всем пяти шкалам (см. Рис. 5).

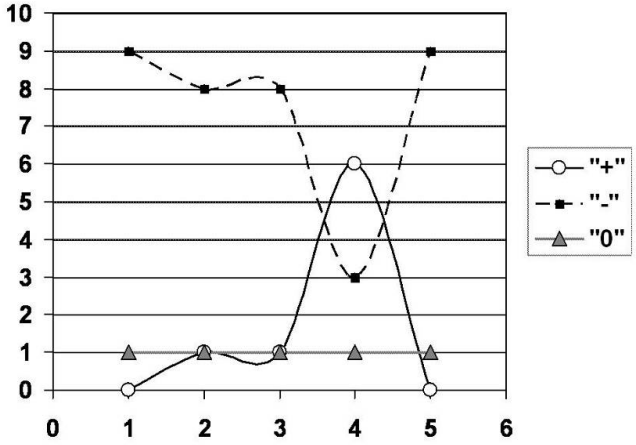


Рис. 5. Групповое семантическое пространство стимула *Jeb!* по 5 шкалам

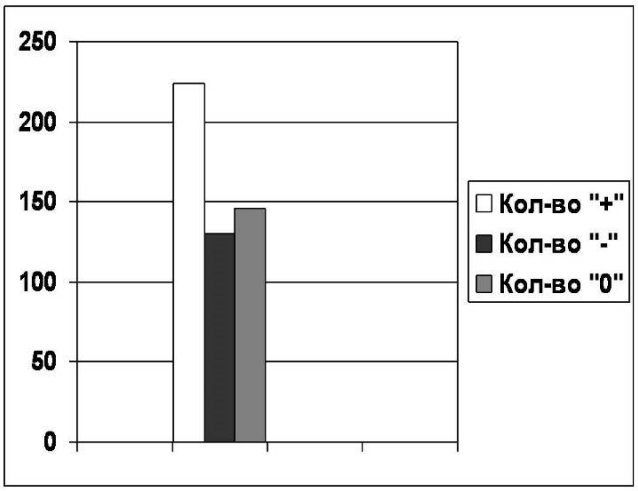


Рис. 6. Итоговая оценка всех стимулов

Таким образом, мы видим, что построенные в результате эксперимента групповые семантические пространства иногда существенно отличаются от индивидуальных семантических пространств, в частности от предварительных оценок, полученных в ходе лингвостилистического анализа стимулов. Общие итоги по всем лозунгам показывают, что превалируют позитивные оценки (224), за ними следует нейтральная реакция (146), и на последнем месте оказалась негативная оценка (130) (см. Рис. 6). Исходя из этого, можно, по всей видимости, предположить, что преобладающий положительный итог согласуется с ожиданиями политтехнологов – авторов слоганов нынешней президентской кампании в США. Остаётся ждать результаты самих выборов.

The article is a survey of the manipulative effect of political slogans on the minds. Russian university students from the faculty of foreign languages, studying English as a major, participated in a psycholinguistic experiment in which they were asked to rate the presented stimuli – political slogans of the current presidential campaign in the USA against the scales between two bipolar adjectives (the semantic differential method). As a result, positive evaluations prevailed, then came neutral attitudes, and negative attitudes were in the minority.
Keywords: *mind manipulation; political linguistics; political discourse; political advertising; political slogan; semantic space; semantic differential*

Список литературы

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Кинцель А.В. Психолингвистические механизмы речевого воздействия / А.В. Кинцель // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Вып. 2 (78). Т. 2. С. 150–154.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие / О.С. Иссерс. М.: Флинта, 2011. 224 с.
4. Кульбакова М.В. Психолингвистические механизмы манипулирования сознанием в политических лозунгах: Курсовая работа / М.В. Кульбакова. Брянск: БГУ, 2015. 45 с.
5. Лассвелл Г. The language of power: Пер. с англ. М.В. Толмачева / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 1 (20). С. 264–280.
6. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 43–48.
7. Осокина С.А. Языковые механизмы воздействия на человека / С.А. Осокина; АлтГУ. Барнаул: Графикс,

2007. 224 с.

8. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты / О.Н. Паршина: Дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.

9. Петренко В.Ф. Экспериментальная психосемантика: исследования индивидуального сознания [Электронный ресурс] / В.Ф. Петренко. Режим доступа: http://www.voppsy.ru/issues/1982/825/825023.htm#_ftn1 (дата обращения: 10.02.2016).

10. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного / И.Ю. Черепанова. М.: «КСП», 1996. 384 с.

11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал: Дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

12. Grieswelle D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien / D. Grieswelle. München: Minerva, 1978. 155 S.

13. Osgood C.E., The nature and measurement of meaning / C.E. Osgood // Psychological Bulletin. 1952. Vol. 49. Pp. 197–237.

14. Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The Measurement of Meaning. – University of Illinois Press, 1967 (1957). – 346 p.

15. Peters T.W. Political campaign advertising / T.W. Peters // The practice of political communication. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1994. Pp. 100–116.

16. Reeves R. Reality in advertising / R. Reeves. New York: Knopf, 1961. 307 p.

Об авторе

Чугунова С.А. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, chugunovasveta1@rambler.ru

УДК 81-116.3

СИТУАЦИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.В. Шлык

Статья посвящена исследованию модальности достоверности, которая, являясь функционально-семантической категорией, представляет в своем содержании оценку говорящим сообщаемого с точки зрения достоверности, то есть соответствия действительности. Предлагается полевая модель значений достоверности, определяются сходства и различия в материале на русском и английском языках.

Ключевые слова: *достоверность, вероятность, истинность, реальность, модальность, функционально-семантическое поле.*

Семантической основой ситуации достоверности является интеллектуальная оценка говорящим полноты своих знаний относительно того, в какой мере пропозиция соответствует действительности. Модальность достоверности всегда субъективна, поскольку всегда связана с умозаключением говорящего. Объектом такой оценки могут быть пропозиции двух типов: верифицируемые и неверифицируемые. Основанием оценки достоверности высказывания может служить:

– непосредственная информация, базирующаяся на чувственном восприятии, ранее приобретенном знании или опыте. Данный тип информации лежит в основе знания;

– косвенная информация, не позволяющая утверждать, что содержание пропозиции соответствует действительности, но на основании которой говорящий может путем логического рассуждения сделать оценку ее вероятности. На основе данного типа формируется выводное знание (мнение, предположение);

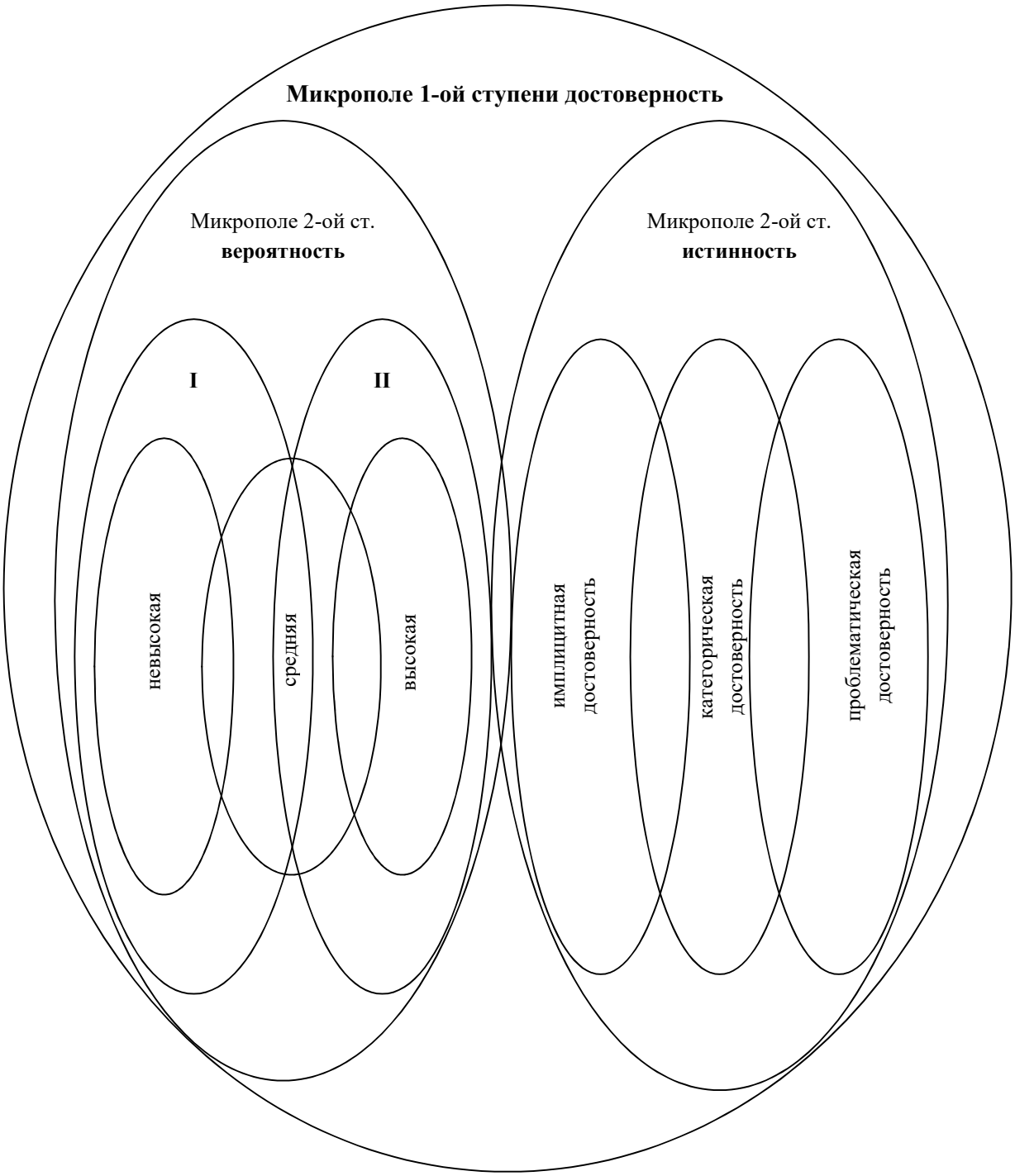
– информация, полученная «из вторых рук», использование которой позволяет говорящему передать роль субъекта оценки третьему лицу.

Семантика вероятности базируется на выводном знании и является следствием логической операции умозаключения, построенного на определенных посылках, доказательная сила которых оценивается по определенной шкале.

В составе микрополя 2-ой ступени вероятности выделяются микрополя 3-ей ступени – эпистемической возможности и эпистемической необходимости (см. Схема: I и II), в составе которых в свою очередь «в зависимости от семантики средств выражения можно выделить три типа микрополей, характеризующихся по вероятности события, выраженного в пропозиции» [2: 165-166] и микрополя 4-ой ступени – высокой, средней и невысокой вероятности.

Схема

МИКРОПОЛЕ 1-ОЙ СТУПЕНИ ДОСТОВЕРНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ



Высокая вероятность представлена логическим выводом или прогнозом, базирующимся на имеющихся в распоряжении говорящего косвенных данных.

Видимо, что-то вдруг ***изменилось*** *в мыслях княжны; тонкие губы побледнели (глаза остались те же), и голос, в то время как она заговорила, прорывался такими раскатами, каких она, видимо, сама не ожидала* [5: 94].

*At this a sudden change evidently****took place*** *in the princess's ideas; her thin lips* ***grew white****, though her eyes did not change, and her voice when she began to speak passed through such transitions as she herself evidently did not expect* [6: 78].

Семантический инвариант высказываний с указанным модальным значением представлен семантическим компонентом «непосредственное чувственное восприятие / недоступность объекта оценки наблюдению», то есть говорящий из того, что он знает, может предположить, что… [1: 132]. Указанный комплекс в исследованном материале модифицирует значения мгновенности, качественных изменений, результативности, потенциальности. Данная ситуация выражается в микрополе высокой вероятности, средствами которого являются модальные модификаторы *видимо, видно, должно быть, очевидно, возможно, может, должен, вероятно, может быть / evidently, apparently*, *itseems + tobeto + Infinitive*,*probably*.

Вероятность средней степени, выраженная модальными словами *может, должен, возможно, должно*

быть,вероятно в тексте на русском языке и *nodoubt,certainly,probably* и модальными глаголами*may, must* в англоязычном переводе, лишь допускает возможность осуществления пропозиции.

Собачонка эта жила у них в балагане, ночуя с Каратаевым, но иногда ходила куда-то в город и опять возвращалась. Она, ***вероятно****, никогда никому не принадлежала, и теперь она была ничья и не имела никакого названия* [5: 2-425].

The little dog lived in their shed, sleeping beside Karatáev at night; it sometimes made excursions into the town but always returned again. ***Probably*** *it had never had an owner, and it still belonged to nobody and had no name* [6: 1111].

Вероятность невысокой степенипредставлена событиями, осуществление которых мыслится говорящим как возможное, однако у него нет достаточных данных для обоснованного предположения, оно оказывается слабо мотивированным, а иногда и совсем немотивированным. Модальные слова *может*, *может быть* в русском тексте и *perhaps* в английском варианте выражают значение предположения.

– Теперь мой черед спросить вас «отчего», мой милый? – сказал Болконский. – Я вам признаюсь, что не понимаю, может быть, тут есть дипломатические тонкости выше моего слабого ума, но я не понимаю: Мак теряет целую армию, эрцгерцог Фердинанд и эрцгерцог Карл не дают никаких признаков жизни и делают ошибки за ошибками, наконец один Кутузов одерживает действительную победу, уничтожает зарок непобедимости французов, и военный министр не интересуется даже знать подробности! [5: 179]

'It is now my turn to ask you "why?", moncher,' said Bolkónski. 'I confess I do not understand: perhaps there are diplomatic subtleties here beyond my feeble intelligence, but I can't make it out. Mack loses a whole army, the Archduke Ferdinand and the Archduke Karl give no signs of life and make blunder after blunder. Kutúzov alone at last gains a real victory, destroying the spell of the invincibility of the French, and the Minister of War does not even care to hear the details.'[6: 164]

Основу истинности составляет знание, представление говорящего о том, что содержащаяся в его высказывании пропозиция соответствует действительности [2: 167]. На источник такого представления можно сослаться.

Данная семантика находит выражение в микрополе 2-ой ступени истинности в составе ФСП достоверности, образованном из микрополей 3-ей ступени – простой, категорической и проблематической достоверности.

В понятие знания входит «не собственно истина, а ее субъективный аналог – ощущение субъекта, что пропозиция Р является истинной» [3]. Таким образом, речь идет о «состоянии знания», возникающем в результате процесса познания субъектом объективной действительности.

Оценка говорящим своего «состояние знания» лежит в основе простой, категорической и проблематической достоверности.

В ситуации простой (имплицитной) достоверности говорящий считает, что утверждение или отрицание связи предикатных предметов не нуждается в обосновании. Данная ситуация выражается формами глаголов в изъявительном наклонении без эксплицитных маркеров достоверности.

Вдруг Наташа опустила голову на руки и заплакала.

– Что ты, Наташа? – сказала княжна Марья.

– Ничего, ничего. – Она улыбнулась сквозь слезы Пьеру. – Прощайте, ***пора спать****.*[5: 746]

Suddenly Natásha bent her head, covered her face with her hands, and began to cry.

'What is it, Natásha?' said Princess Mary.

'Nothing, nothing.' She smiled at Pierre through her tears. 'Good-night. It's time for bed.'[6: 653]

Ситуация категорической (подчеркнутой) достоверности соотносится с пропозициями, по отношению к которым возможно незнание или сомнения, и является прагматически обусловленной, то есть она возникает тогда, когда требуется разрешить имеющиеся сомнения и подтвердить истинность ранее высказанного предположения. В русском языке микрополе категорической достоверности представлено модальными модификаторами достоверности *действительно*, *право*, *ей-богу*, *несомненно*, *верно*, *однако*. В английском переводе им соответствуют модальные слова *really*, *infact*, *undoubtedly*, *nodoubt*, выражение *uponmyword!*, передающие оттенок уверенности. Грамматическим средством выражения данного значения является синтаксическая конструкция утвердительно-эмфатическая форма глагола *todo* + основа смыслового глагола, имеющая усилительное значение.

«А ежели и в самом деле это Мелюковка, то еще страннее то, что мы ехали бог знает где и приехали в Мелюковку», – думал Николай.

Действительно, это была Мелюковка, и на подъезд выбежали девки и лакеи со свечами и радостными лицами [5: 565].

'And if this is reallyMelyukóvka it is still stranger that we drove heaven knows where and have come to Melyukóvka,' thought Nicholas.

It really was Melyukóvka, and maids and footmen with merry faces came running out to the porch, carrying candles [6: 574].

Ситуация проблематической достоверности возникает в условиях неполного знания, которое может быть обусловлено несовершенством памяти, неполнотой информации, помехами при восприятии. Данная ситуация может возникать при чувственном восприятии факта, при попытке говорящего вспомнить прошедшие события, а также если у говорящего нет полной информации. В русском варианте текста средствами микрополя проблематической достоверности являются модальные лексемы *кажется*, *как будто*, в английском переводе – модальная конструкция с глаголом *toseem* с оттенком неуверенности, сомнения.

Два лакея, один княгинин, другой его, дожидаясь, когда они кончат говорить, стояли с шалью и рединготом и слушали их, непонятный им, французский говор с такими лицами, как будто они понимали, что говорится, но не хотели показывать этого [5: 42].

Two footmen, the princess's and his own, stood holding a shawl and a cloak, waiting for the conversation to finish. They listened to the French sentences which to them were meaningless, with an air of understanding but not wishing to appear to do so [6: 23].

Семантика и структура достоверности, относящейся к сфере субъективной модальности, представлена большим соответствием между собой языковых версий исследованного материала. Выявленные здесь различия касаются средств выражения категорической (подчеркнутой) достоверности: в русском они представлены, как правило, средствами лексического уровня, в английском используются различные морфологические средства усиления достоверности.

The paper represents the analysis of Modality of authenticity, being a functionally semantic category, presents in the maintenance an estimation talking reported from the point of view of authenticity, accordances of reality. A field-model is structured. The difference and identity are determined.
Keywords: *authenticity, probability, verity, reality, modality, functional- semantic field.*

Список литературы

1. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках [Текст] / Е. И. Беляева. – Воронеж, 1985. – 180 с.
2. Бондарко А.В. Реальность / ирреальность и потенциальность [Текст] / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 72-80, 165-167.
3. Зализняк А.А. «Знание» и «мнение» в семантике предикатов внутреннего состояния [Текст] / А. А. Зализняк // Коммуникативные аспекты исследования языка. – М., 1986. – С. 19-27.
4. Современный русский язык [Текст] / под ред. Е. И. Дибровой. – М., 2001. – С. 344.
5. Толстой Л.Н. Война и мир [Текст]: в 2 т. / [вступ. ст., подгот. текста и коммент. Г. Беленький, П. Николаев, А. Овчаренко и др.]. – М.: Худож. лит., 1988. – 1356 с.
6. Tolstoy, Leo. War and Peace [Текст] – London: Penguin Books, 1997. – 1352 с.

Об авторе

Шлык Е.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *shlykl@mail.ru*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ СРЕДСТВАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДРАМАТИЗАЦИИ В ВУЗЕ

К.Ю. Александрова

Рассматривается сущность и структура общекультурной компетентности. Выделены четыре ее компонента: ценностно-ориентационный, когнитивно-аналитический, коммуникативно-деятельностный и рефлексивно-оценочный. Охарактеризован процесс формирования общекультурной компетентности средствами педагогической драматизации.
Ключевые слова: *общекультурная компетентность, ценностно-ориентационный компонент, когнитивно-аналитический компонент, коммуникативно-деятельностный компонент, рефлексивно-оценочный компонент, педагогическая драматизация, образ, ассоциограмма, диалог, коллаж.*

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) спроектированы на основе компетентностного подхода, который рассматривается как программно-целевая и содержательно-результативная основа современного образования (В.И. Байденко, И.А. Зимняя и др.) [1,2].

В ФГОС ВО выделяются общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные компетенции (ОК, ОПК, ПК) по конкретным направлениям профессиональной подготовки. Общекультурная компетентность является обязательной для всех направлений этой подготовки и выполняет методологическую функцию образования.

Общекультурные компетенции бакалавра менеджмента ФГОС ВО предшествуют профессиональным, являются основанием для их успешной реализации и направлены на осуществление трех видов его профессиональной деятельности: организационно-управленческой, информационно-аналитической, предпринимательской.

Проведенный нами анализ компетенций, содержащихся в требованиях к результатам освоения программы бакалавриата по направлению «Менеджмент», позволил нам выделить ценностно-ориентационный, когнитивно-аналитический, коммуникативно -деятельностный, рефлексивно-оценочный компоненты общекультурной компетентности будущего менеджера. Схематично содержание общекультурной компетентности будущего менеджера можно представить следующим образом (таблица 1).

Таблица 1

Содержание общекультурной компетентности бакалавра менеджмента

Компонент общекультурной компетентности	Содержание компетенций
Ценностно-ориентационный компонент	Совокупность базовых ценностей мировой культуры. Ориентация на личностное и профессиональное развитие и саморазвитие, на формирование мировоззренческой и гражданской позиции; способность к самоорганизации и самообразованию
Когнитивно-аналитический компонент	Культура мышления. Способность использовать основы знаний в различных сферах деятельности. Способность к обобщению и анализу информации
Коммуникативно-деятельностный компонент	Коммуникативная культура. Способность к коммуникации для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия
Рефлексивно-оценочный компонент	Рефлексивная культура. Способность оценивать себя и других

Анализ содержания этих компетенций позволил нам определить общекультурную компетентность будущего менеджера как его интегративную характеристику, обуславливающую готовность к вхождению в поликультурное пространство общества и включающую в себя совокупность философских, экономических и знаний базовых ценностей мировой культуры; коммуникативную, рефлексивную и культуру мышления; ориентацию на личностное, профессиональное развитие и саморазвитие, на формирование мировоззренческой и гражданской позиции; способность к самоорганизации и самообразованию, обобщению и анализу информации, использованию основ знаний в различных сферах деятельности, к коммуникации, оцениванию себя и других.

В исследованиях по данной проблеме обосновываются различные средства и способы формирования общекультурной компетентности обучающихся: особенности инновационной образовательной среды; интеграция учебной информации, интегративный культурологический комментарий художественного текста; средства технологии воспитательных ситуаций, музейной педагогики и т.п. [5].

Мы считаем, что наиболее адекватной технологией формирования общекультурной компетентности является педагогическая драматизация.

Анализ современных научных источников свидетельствует, что драматизация является значимым педагогическим средством в образовательном процессе и определяется как особая методическая форма, методика обучения и воспитания, комплекс организационно-педагогических условий, средств, действий, направленных на

решение педагогических задач и организацию образовательного процесса [3,7].

В контексте нашего исследования под педагогической драматизацией мы понимаем организацию профессионально-ориентированного диалогического взаимодействия субъектов образовательного процесса путем реализации комплекса эмоционально-образных и рационально-логических средств.

В диссертационных исследованиях анализировались такие средства драматизации, как: проекты, аутентичные тексты, анализ и сравнение культурологических образов; тематически отобранное содержание, система развивающих приемов и заданий и т.п. [3,7].

На наш взгляд, выделенные средства не отражают специфику драматизации как педагогической технологии. Мы считаем, что до сих пор не выявлен педагогический потенциал таких средств, как образ, ассоциограмма образов, диалог образов, драматизационный коллаж.

С нашей точки зрения, наиболее значимым средством педагогической драматизации является *образ*. Многоплановость самого понятия «образование», по мнению Ю.В. Сенько, «несет на себе печать многозначности его основы» [6, с. 9].

Исходя из естественной способности людей воспринимать действительность в эмоционально-чувственной образной форме, мы рассматриваем образ как инвариантное образовательное средство, которое способствует формированию всех компонентов общекультурной компетентности будущих менеджеров.

Для характеристики специфики образовательного процесса средствами педагогической драматизации важен тот факт, что образ можно подразделить на два вида: образ-персонаж и образ-символ. Такое разделение связано со способами организации учебного взаимодействия в педагогической драматизации: образ-персонаж способствует моделированию профессионально-ориентированного диалогического взаимодействия, а с помощью образа-символа осуществляется рефлексивно-аналитическая деятельность.

Ассоциограмма образов является средством анализа образов на основе установления их соподчинительной связи и направлена на формирование культуры мышления и способности к обобщению, анализу и структурированию профессионально значимой информации.

Диалог образов представляет собой средство организации взаимодействия субъектов образовательного процесса от лица образов. В процессе диалога образов формируется умение логически строить устную и письменную речь, способность к коммуникации, к работе в коллективе. Мы разделяем точку зрения А.А. Орлова, который связывает понимание поликультурного диалога с межкультурной коммуникацией, рассматриваемой в поколенческих, этнических, субкультурных и других аспектах. По его мнению, для диалогового взаимодействия характерен принцип ценностно-смыслового равенства, где диалог представляет собой «сферу плюрализма культур и отдельных личностей, что позволяет говорить о диалоге людей, диалоге идей, диалоге культур, диалоге с самим собой» [4, с. 136].

Исходя из подобного понимания диалога, который создает условия для субъект-субъектного взаимодействия с любыми элементами образовательного пространства, мы считаем возможным продолжить этот ряд диалогом образов, реализуемым в педагогической драматизации. Педагогическая драматизация с ее диалоговой направленностью может рассматриваться как обучающее общение, осуществляющееся на уровне диалога образов.

Драматизационный коллаж является средством создания совокупности образов, расположенных в определенном порядке в результате реализации педагогической драматизации.

Под технологией формирования у будущих менеджеров общекультурной компетентности средствами педагогической драматизации мы понимаем определенную последовательность операций и шагов, гарантирующую достижение намеченных целей. Эта технология должна обеспечивать формирование компетенций, входящих в компоненты общекультурной компетентности путем реализации системы средств педагогической драматизации.

Формирование общекультурных компетенций ценностно-ориентационного компонента связано с эмоциональным восприятием образа. На первом этапе реализации алгоритма педагогической драматизации посредством образа формируется представление о базовых ценностях мировой культуры, а на заключительном этапе при создании собственного драматизационного коллажа формируется готовность опираться на них в своей деятельности.

Использование образов-персонажей направлено на моделирование профессионального взаимодействия, что способствует формированию компетенций, входящих в коммуникативно-деятельностный компонент общекультурной компетентности, а применение образов-символов ориентировано на формирование компетенций когнитивно-аналитического компонента общекультурной компетентности. Причем, логика поэтапной реализации профессионально-ориентированного диалогического взаимодействия обусловливает последовательность реализации системы средств. Предварительная аналитическая работа с образами обеспечивает их диалог на основе анализа. При проведении работы с разными видами образов будут задействованы разные механизмы, позволяющие в первом случае производить аналитическую работу с образами, а во втором – осуществлять коммуникативную деятельность от лица образа.

Общекультурные компетенции рефлексивно-оценочного компонента формируются как в процессе осуществления оценки при формировании общекультурных компетенций других компонентов, так и на этапе аналитической работы с образами и при самостоятельном создании драматизационных коллажей на завершающем этапе.

На основании этих теоретико-методологических положений нами разработана модель формирования общекультурной компетентности будущих менеджеров средствами педагогической драматизации в образовательном процессе вуза как целостная система, которую можно представить в виде шести компонентов: теоретико-методологический компонент, программно-целевой компонент, процессуально-технологический компонент, содержательный компонент, результативно-оценочный компонент и организационно-педагогический компонент.

Теоретико-методологический компонент в качестве методологической основы процесса формирования

общекультурной компетентности будущих менеджеров включает в себя культурологический, аксиологический, компетентностный, личностно-деятельностный и системный подходы.

Программно-целевой компонент процесса формирования общекультурной компетентности будущих менеджеров представляет собой социальный заказ – требования ФГОС ВО, цель и педагогические задачи.

Целью является достижение высокого уровня сформированности общекультурной компетентности будущего менеджера средствами педагогической драматизации.

Для достижения этой цели нужно решить следующие педагогические задачи: развитие положительной мотивации формирования общекультурной компетентности; формирование ценностно-ориентационного, когнитивно-аналитического, коммуникативно-деятельностного, рефлексивно-оценочного компонентов общекультурной компетентности.

Содержательный компонент включает в себя совокупность ценностно-ориентационного, когнитивно-аналитического, коммуникативно-деятельностного, рефлексивно-оценочного компонентов общекультурной компетентности будущего менеджера.

Процессуально-технологический компонент процесса формирования общекультурной компетентности будущих менеджеров состоит из двух частей:

- средства педагогической драматизации;
- механизм формирования общекультурной компетентности средствами педагогической драматизации, основанный на субъект-субъектном взаимодействии участников образовательного процесса.

Результативно-оценочный компонент включает в себя критерии и уровни сформированности общекультурной компетентности будущих менеджеров, показатели по каждому критерию.

Рис. 1. Модель процесса формирования общекультурной компетентности будущих менеджеров средствами педагогической драматизации

Организационно-педагогический компонент предусматривает соблюдение следующих организационно-педагогических условий формирование общекультурной компетентности будущих менеджеров:

- обеспечение системного подхода к формированию ценностно-ориентационного, когнитивно-аналитического, коммуникативно-деятельностного, рефлексивно-аналитического компонентов общекультурной компетентности будущих менеджеров;
- комплексная реализация эмоционального-образных и рационально-логических средств педагогической драматизации в образовательном процессе.
- создание организационно-методического обеспечения процесса формирования общекультурной компетентности будущих менеджеров средствами педагогической драматизации (организация учебно-методического семинара для преподавателей по данной проблеме, разработка методических рекомендаций для преподавателей и студентов, консультационно-методическое сопровождение);
- изучение эффективности формирования общекультурной компетентности будущих менеджеров средствами педагогической драматизации (промежуточные и итоговые результаты).

С учетом этих положений нами графически спроектирована модель процесса формирования общекультурной компетентности будущих менеджеров в вузе (рис. 1.).

Данная модель функционирует следующим образом. Субъекты образовательного процесса (преподаватели и студенты) с учетом теоретико-методологических положений, программно-целевых установок и обоснованных организационно-педагогических условий реализуют содержательный и процессуально-технологический компоненты модели, а также изучают и анализируют эффективность образовательного процесса.

Результаты поступают к субъектам этого процесса и сравниваются с запланированной целью. Если цель не достигнута в полной мере (этот вариант на рисунке обозначен пунктирной линией), то вносятся соответствующие коррективы и изменения в образовательную программу и цикл педагогического взаимодействия повторяется до тех пор, пока цель не будет достигнута. Данная модель является самонастраивающейся системой, которая направлена на достижение высокого уровня сформированности общекультурной компетентности будущих менеджеров средствами педагогической драматизации.

Таким образом, формирование общекультурной компетентности будущих менеджеров средствами педагогической драматизации является целенаправленным и педагогически организованным процессом.

The article deals with the essence and structure of the general cultural competence. Four components of the general cultural competence are identified: axiological and orientation component, cognitive-analytical component, communicative and activity-related component, reflexive component. The process of the development of general cultural competence is described by means of pedagogical dramatization.
Keywords: *general cultural competence, axiological and orientation component, cognitive-analytical component, communicative and activity-related component, reflexive component, pedagogical dramatization, dialogue.*

Список литературы

1. Байденко, В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): Методическое пособие. [Текст] / В.И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем подготовки специалистов. – 2005. – 114 с.
2. Зимняя, И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании [Текст] / И.А. Зимняя. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 38 с.
3. Мясникова О.В. Чтение и понимание педагогических текстов средствами драматизации [Текст] : учебное пособие / О.В. Мясникова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 100 с.
4. Орлов, А.А. Развитие профессионального мышления будущего учителя в вузе : моногр. / А.А. Орлов. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 230 с.
5. Троянская С.Л. Общекультурная компетентность: опыт определения и структурирования // Культурно-историческая психология. 2008. №2. – С. 19-23.
6. Сенько Ю.В. Образование в гуманитарной перспективе [Текст] : монография / Ю.В. Сенько. – Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2011. – 367 с.
7. Ферапонтов Г.А. Драматизационное погружение в обучении иностранным языкам, Новосибирск: НИПКиПРО, 1999, 84 с.

Об авторе

Александрова К.Ю. – ассистент кафедры иностранных языков Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *i.k1978@mail.ru*

УДК 378.147

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗЕ

А.В. Антюхов, М.В. Ретивых, С.Л. Мельников

В статье раскрывается сущность и содержание базовых характеристик и функций современных образовательных технологий в вузе, предложена методика оценки качества этих технологий.
Ключевые слова: *образовательная технология, базовые характеристики и функции современных образовательных технологий в вузе, качество и эффективность образовательных технологий.*

Технологизация современного образования является актуальной и довольно сложной проблемой.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» подчеркивается, что «при реализации образовательных программ должны использоваться различные образовательные технологии» [9, с. 20], «экспериментальная деятельность направлена на разработку, апробацию и внедрение новых образовательных технологий» [9, с. 27].

В образовательных технологиях заложен огромный потенциал для повышения эффективности и качества подготовки профессионально компетентных и мобильных кадров, способных успешно функционировать в различных социально-профессиональных сообществах. Образовательная технология предполагает этапность и последовательность образовательного процесса, обеспечивающего достижение поставленных целей и задач на основе определенной системы взаимодействия субъектов образовательного процесса.

За последние годы появились учебные пособия и монографии, в которых изложены концептуальные основы и виды различных технологий в системе высшего образования [1; 3; 4; 5; 7; 8; 10; 11].

Имеются разные подходы к классификации образовательный технологий. Например, в учебном пособии, изданном под редакцией Н.В. Бордовской, выделяются технологии обучения, технологии работы с информацией, технологии актуализации потенциала субъектов образовательного процесса, экспертно-оценочные технологии [7].

Мы считаем, что следует выделять базовые характеристики и функции современных образовательных технологий, которые отражают сущность базового (инвариантного) компонента, присущего всем современным образовательным технологиям в вузе.

На наш взгляд, такими базовыми характеристиками и функциями являются: профессиональная направленность, личностно-ориентированный, развивающий характер, интерактивность, использование возможностей электронного обучения, организация самостоятельной работы студентов, наличие рефлексивно-оценочного компонента.

На основе анализа научной и учебно-методической литературы можно раскрыть содержание этих базовых характеристик и функций современных образовательных технологий в вузе.

Профессиональная направленность образовательных технологий

Обучение в вузе должно носить контекстный характер, то есть осуществляться в контексте будущей профессиональной деятельности. С помощью дидактической системы форм, методов и средств у студентов нужно сформировать необходимые социально-профессиональные качества.

В 2003 году Россия вступила в Болонский процесс, основой которого является реализация компетентностного подхода в образовании. Ученые (В.А. Болотов, В.И. Байденко, А.А. Вербицкий, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской и др.) начали разрабатывать теоретико-методические основы компетентностно ориентированного образования. Были обоснованы положения о том, что компетентностный подход – это приоритетная ориентация на цели и результаты образования, его программно-целевая и результативная основа. Этот подход обеспечивает единство формирования профессионально значимых знаний, умений, навыков и качеств личности, позволяющих успешно осуществлять профессиональную деятельность.

В ФГОС ВО определены следующие виды компетенций: общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные и специальные компетенции. Дадим краткую характеристику этих видов компетенций.

Общекультурные компетенции (ОК) должны обеспечить вхождение человека в поликультурное общество.

Они предполагают:

- сформированность понимания роли культуры в жизнедеятельности человека;
- овладение общекультурными ценностями, культурой мышления, речи и поведения, а также правовой культурой;
- способность анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы;
- способность получать и анализировать необходимую информацию; работать на компьютере;
- владение одним из иностранных языков;
- осознание социальной и личностной значимости своей будущей профессии;
- готовность к сотрудничеству и кооперации с коллегами;
- готовность и способность к саморазвитию, постоянному образованию, повышению своей квалификации и мастерства, объективной самооценке и др.

Общепрофессиональные компетенции (ОПК) обусловлены направлением подготовки (педагогическое образование, математика, физика, экономика и др.)

Профессиональные компетенции (ПК) связаны с профилем подготовки (искусство, мировая экономика, безопасность жизнедеятельности и др.).

Специальные компетенции (СК) характерны для обучения по программам специалитета (специалист таможенного дела, логопедия, подводная техника и др.). Структурно каждый вид компетенций включает в себя такие компоненты, как знания, умения, владения и профессионально значимые качества.

Выделяются следующие *уровни* сформированности компетенций:

- низкий (пороговый) уровень – репродуктивное овладение компетенциями;
- средний (продвинутый) уровень – эвристический характер овладения компетенциями;
- высокий (повышенный) уровень – творческое овладение компетенциями.

Сформированность совокупности профессионально направленных компетенций человека характеризует состояние его развития, которое называется компетентностью, под которой понимается актуальное личностное качество, основанное на ценностных ориентациях, знаниях, умениях и навыках, и выражается в готовности и способности человека к успешной и продуктивной профессиональной деятельности.

На каждую компетенцию составляется паспорт, в котором отражается ее содержание и уровневые характеристики.

Содержание компетенций и технологии их формирования отражаются в основной образовательной программе, а также в рабочих программах учебных дисциплин по направлениям и профилям профессиональной подготовки.

Уровни сформированности у студентов компетенций, предусмотренных образовательными стандартами, контролируются в процессе промежуточной и итоговой аттестации обучающихся, а также при проведении процедур государственной аккредитации образовательной деятельности и государственного контроля (надзора) в сфере образования.

Поэтому образовательные технологии в вузе прежде всего должны быть направлены на формирование компетенций, предусмотренных ФГОС ВО.

Личностно-ориентированный, развивающий характер образовательных технологий

Специалисты по проблемам компетентностного подхода в профессиональном образовании считают, что у студентов нужно формировать не только собственно профессиональные, но и метапрофессиональные компетенции. Под ними понимаются «экстрафункциональные качества личности, которые не связаны с конкретными профессиональными функциями. Они обеспечивают общую направленность профессиональной деятельности, помогают специалисту гибко ориентироваться на рынке труда. Данный вид метапрофессиональных качеств в наименьшей степени подвержен старению под действием социально-экономических факторов» [3, с. 65].

К таким метапрофессиональным компетенциям, например, относятся:

- компетенции здоровьесбережения, ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни;
- общие психомоторные способности (выносливость, координация движений, быстрота реакций и др.);
- когнитивные способности (стремление к постоянному самообразованию, способность к переносу знаний и умений из одного вида профессиональной деятельности в другой, гибкость ума, критичность мышления и др.);
- владение современными информационными технологиями, умение получать, перерабатывать информацию и создавать на ее основе новые знания;
- общепрофессиональные качества (ответственность, эмпатийность, креативность, мотивация достижения успеха, толерантность, ориентация на самореализацию, способность к сотрудничеству и социально-профессиональному взаимодействию, способность работать в команде, коммуникативные и организаторские способности, инновационность и др.);
- социально-профессиональная мобильность (готовность к смене профессии или специальности, рабочего места, места работы и т.д.) и др. [3, с. 47-74].

Формирование этих метапрофессиональных компетенций предполагает достаточный уровень развития ценностно-ориентационной, мотивационно-потребностной, эмоционально-волевой, когнитивной и операционально-деятельностной сфер личности.

Следует отметить, что в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» под образованием понимается единый целенаправленный процесс воспитания и обучения «в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека» [9, с. 3]. Таким образом, приоритетной функцией образования является развитие обучающихся. Поэтому современные образовательные технологии в вузе должны носить развивающий характер и обеспечивать:

- отношение к студентам как к равноправным субъектам образовательного процесса;
- учет интересов, возможностей и способностей студентов, осуществление индивидуального и дифференцированного подходов к обучающимся;
- придание целям и содержанию образования личностной значимости, включение в это содержание субъектного опыта обучающихся;
- организацию педагогического взаимодействия преподавателей и студентов в процессе освоения содержания образования, предоставление обучающимся права выбора способов учебной деятельности и собственной траектории образования;
- рефлексивно-аналитический характер образования, объективное оценивание не только результатов обучения,

но и отношения студентов к учебной деятельности и уровня их развития как субъектов образовательного процесса.

Соблюдение этих условий будет способствовать обеспечению адаптивности образовательных технологий к личностным особенностям студентов, их типологическим и индивидуальным свойствам.

Интерактивность образовательных технологий

В соответствии с ФГОС ВО до 40% занятий в вузах должны проводиться на основе интерактивных технологий.

Понятие «интерактивный» (от лат. inter – «между» и actus – «действие») означает взаимодействие с кем-либо. Интерактивные образовательные технологии в вузе строятся на субъектном взаимодействии преподавателей и студентов, а также студентов между собой.

Сущность интерактивной образовательной технологии в вузе схематично представлена на рисунке 1.

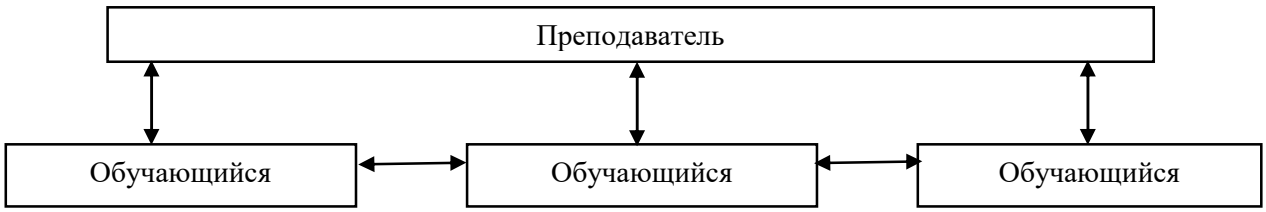


Рис. 1. Сущность интерактивной образовательной технологии

Теоретические основы интерактивных образовательных технологий раскрываются в работах Ю.В. Гущина [2], С.С. Кашлева [4], С.Б. Ступиной [8] и др.

Исследователи отмечают, что использование интерактивных методов обучения предполагает следующую логику учебной деятельности: мотивация → формирование нового опыта → его осмысление через применение → рефлексия. Причем формирование нового опыта осуществляется с учетом имеющегося опыта путем создания проблемных ситуаций, образующихся на основе возникающих противоречий.

Интерактивное обучение предполагает обязательную работу в малых группах на основе кооперации и сотрудничества, а также использование игровых форм обучения, где проявляется учебная активность студентов, осуществляется передача социального и личного опыта, а также создаются условия для более полной самореализации личности.

Роль преподавателя в интерактивном обучении в основном заключается в умении организовать продуктивную групповую коммуникацию обучающихся.

Общими характеристиками интерактивных образовательных технологий является: концептуальность, диалогичность, сотрудничество, индивидуальная траектория обучения, самостоятельность, рефлексивность. Средствами интерактивного обучения являются:

- субъект – субъектное и групповое взаимодействие;
- сотрудничество и кооперация;
- диалог – полилог, мыследеятельность и смыслотворчество;
- свобода выбора средств и способов усвоения учебного материала;
- доброжелательная атмосфера и ситуация успеха;
- рефлексия и самооценка результатов.

В учебно-педагогических источниках раскрывается содержание таких интерактивных образовательных технологий в вузе, как: проблемные технологии, кейс-технологии, проектные и игровые технологии, дискуссионные и тренинговые технологии, технологии развития критического мышления [2; 4; 7; 8].

Учеными Брянского государственного университета подготовлено и издано учебное пособие, в котором раскрыты особенности технологии проведения в вузе различных видов интерактивных лекционных и семинарских занятий [1, с. 83-113].

Виды этих занятий представлены в таблице 1.

Таблица 1

Виды интерактивных лекционных и семинарских занятий в вузе

Интерактивные лекции	Интерактивные семинарские занятия
• Проблемная лекция • Лекция – беседа (по различным вариантам) • Лекция – консультация • Лекция – провокация • Лекция вдвоем • Лекция – визуализация	• Проблемный семинар • Семинарское занятие в форме дидактической игры, дебатов, научно-практической конференции, защиты творческих проектов, «круглого стола» • Семинар с использованием метода «мозговой атаки», анализа конкретных ситуаций • Семинар с использованием технологии учебного сотрудничества

С помощью таких занятий реализуется принцип интерактивности как базовой характеристики современных образовательных технологий в вузе. Творчески работающие преподаватели разрабатывают авторские интерактивные формы занятий.

Использование возможностей электронного обучения

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (статья 13) подчеркивается, что при реализации образовательных программ используются различные образовательные технологии, в том числе электронное обучение [9, с. 20].

В статье 16 этого закона излагается сущность и правовые основания реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий [9, с. 23].

Электронное обучения (англ. E-Learning) – это обучение с помощью электронных образовательных средств. Использование компьютерных технологий позволяет создать обучающие пространство, доступное для всех участников образовательного процесса. Электронные технологии обучения соответствуют менталитету современной молодежи, для которой сеть Internet практически стала «второй реальностью». Уверенное владение информационными технологиями является одной из ключевых компетенций выпускника современного образовательного учреждения.

Для электронного обучения необходимо иметь персональный компьютер, доступ в Internet, базовые навыки работы с электронной почтой, Internet, офисными программами. Студент имеет доступ ко всем имеющимся в наличии электронным образовательным курсам и системам, на которых он зарегистрирован. Студент может самостоятельно изучать учебно-методические материалы при помощи и контроле со стороны сетевого преподавателя – тьютора.

Электронное обучение в вузах может осуществляться, в частности, с помощью интегрированных компьютерных систем: Auto-CAD, АСКОН, Adem-CAD и др. Эти системы позволяют построить виртуальные 3D-модели изучаемых объектов или процессов и тем самым обеспечить реализацию естественного процесса прохождения информации от её образного представителя к логическому освоению.

Одной из основных особенностей электронного представления или структурирования учебного материала является технология гипертекста, которая позволяет размещать с помощью гиперссылок дополнительный материал (словари терминов, учебные материалы, книги, ссылки на Интернет-ресурсы, таблицы, графики, рисунки и т.д.).

Электронная система обучения (ЭСО) предоставляет широкие возможности для коммуникации и взаимодействия участников образовательного процесса таких инструментов, как чат, форум, Wihi, обмен сообщениями.

Теоретический материал удобно предоставлять и изучать с помощью «Ресурсов». Эта компонента ЭСО позволяет подавать учебные материалы в виде таких электронных средств, как «пояснение», «текстовая страница», «веб-страница», «ссылка на файл или веб-страницу», «ссылка на каталог», «пакет содержимого IMS» и др.

При проведении обучения с помощью электронных средств целесообразно определенные учебные занятия проводить в синхронном режиме. Это можно организовывать с помощью инструмента «Семинар». Использование этой компоненты ЭСО позволяет разнообразить способы оценки учебной работы студентов и организовать взаимообучение.

На основе компоненты «Тест» преподаватель может проектировать тесты из набора вопросов, которые находятся в созданном им электронном банке и могут использоваться при изучении нескольких курсов.

Электронная компонента «Задание» является удобным и гибким инструментом управления образовательной деятельностью студентов путем просмотра и обсуждения файлов.

Набор программ, позволяющих создавать интерактивные задания и тесты с использованием текстовых, графических, аудио- и видеоматериалов, содержит в себе компонента ЭСО «Hot Potatoes».

Компонента «Анкетный опрос» позволяет составлять анкеты различных типов. Проследить учебную деятельность студентов по изучению учебных курсов и проконтролировать результаты этой деятельности можно с помощью инструментов «Оценки» и «Логи».

В процессе управления учебно-познавательным процессом с помощью компоненты «Группа» можно создавать малые учебные группы с целью осуществления интерактивного обучения.

Доступ студентов к определенным разделам изучаемых курсов осуществляется с помощью компоненты ЭСО «Назначить роли».

Выставленные преподавателем оценки студентам за выполненные задания автоматически появляется в модуле «Оценки». С помощью вкладки оценок «Экспорт» преподаватель может транспортировать оценки в текстовый файл или файл электронный таблицы Excel и загружать его на своем компьютере. Таким образом, данная электронная система обучения (ЭСО) позволяет организовывать и контролировать учебную деятельность студентов, адаптировать содержание и структуру учебных курсов к возможностям студентов.

Одним из дидактических средств организации образовательного процесса в вузе являются электронные учебно-методические комплексы (ЭУМК), которые должны создаваться преподавателями по каждой учебной дисциплине. Эти комплексы включают в себя общие сведения об изучаемых дисциплинах, рабочие программы, развернутые планы занятий, формы отчетности, списки литературы, вопросы для контроля, электронные ресурсы (сборники задач, электронные игры, презентации, словари, задания для самостоятельной работы, контрольно-оценочные материалы и др.)

Таким образом, применение элементов электронного обучения возможно при реализации различных образовательных технологий в вузе.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (статья 91) подчеркивается, что в процессе лицензирования образовательной деятельности должны учитываться особенности осуществления образо-

вательной деятельности при реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий [9, с. 118].

Организация самостоятельной работы студентов

Самостоятельная работа является высшей формой учебной деятельности студентов как субъектов образовательного процесса в вузе. Поэтому организация этой работы выступает одной из актуальных проблем современного вузовского образования. Самостоятельная работа обеспечивает развитие навыков самоорганизации и самоконтроля образовательной деятельности, создает методические основы самостоятельного решения профессиональных задач, формирования учебно-профессиональной самостоятельности.

В современном информационном обществе востребован профессионал, обладающий способностью самостоятельно приобретать новые знания и умения. Основной постулат концепции непрерывного образования «обучение на протяжении всей жизни» означает, что каждый человек должен стремиться к саморазвитию и самореализации. В связи с этим, является актуальной проблема формирования у студентов готовности к непрерывному самообразованию.

Эти тенденции отражены в ФГОС ВПО, в которых для организации самостоятельной работы студентов очного отделения выделяется 50-70 % времени, предусмотренного для выполнения основной образовательной программы. По заочной форме обучения на самостоятельную работу выделяется около 90 % учебного времени. Увеличение количества часов на самостоятельную работу студентов – это мировая тенденция.

Очевидно, что простое увеличение времени на самостоятельную работу студентов не может способствовать повышению качества профессиональной подготовки без совершенствования методики организации этой работы.

Имеются разные подходы к определению понятия «самостоятельная работа студентов». Но большинство ученых считают, что самостоятельную работу следует рассматривать как форму их учебной деятельности, планируемой и выполняемой по заданию и при методическом руководстве и контроле со стороны преподавателя. Кроме того, степень влияния преподавателя на организацию самостоятельной работы студентов зависит от уровня сформированности у них учебной самостоятельности, выражающейся в умении управлять своей учебной деятельностью, определять задачи, планировать и изучать эффективность этой деятельности [1, с. 205-206].

Поэтому образовательные технологии в вузе должны:

- определять объем и содержание самостоятельной работы;
- вооружать студентов способами и методикой выполнения заданий для самостоятельной работы;
- устанавливать сроки выполнения этих заданий;
- определять формы контроля качества и результативности самостоятельной работы студентов.

Выделяется три *формы* организации самостоятельной работы студентов:

- *аудиторная* самостоятельная работа, которая выполняется во время проведения учебных занятий, на консультациях, при проведении научно-исследовательских исследований, подготовке учебно-исследовательских работ и т.д.;
- *внеаудиторная* самостоятельная работа, которая предполагает выполнение конкретных заданий по подготовке к занятиям, самостоятельное изучение определенных тем и разделов учебных дисциплин, выполнение курсовых, выпускных квалификационных, магистерских диссертаций, научно-исследовательских проектов и т.д.;
- *инициативная* самостоятельная работа, которая не предусмотрена основной образовательной программой и выполняется студентами по собственной инициативе с целью реализации своих учебных и научных интересов (изучение дополнительной литературы, участие в научных исследованиях, подготовка научных статей и т.д.).

Самостоятельная работа включена в качестве учебного модуля в структуре основных образовательных программ и учебных программ по дисциплинам.

Таким образом, самостоятельная работа выполняется студентами в рамках учебно-профессиональной, учебно-исследовательской, научно-исследовательской, профессиональной и квазипрофессиональной деятельности.

Исследователи выделяют пять *уровней* самостоятельной работы:

- первый уровень – дословное и преобразующее воспроизведение информации;
- второй уровень – самостоятельная работа по образцу;
- третий уровень – реконструктивно-самостоятельные работы;
- четвертый уровень – эвристические самостоятельные работы;
- пятый уровень – творческие (исследовательские) самостоятельные работы [7, с. 187].

По направлениям образовательной деятельности выделяются следующие *виды* самостоятельной работы студентов:

- *учебная деятельность:* подготовка к занятиям, коллоквиумам, консультациям, зачетам и экзаменам, поиск и конспектирование литературы; составление глоссария, написание рефератов, эссе, докладов по заданным тема, подготовка электронных презентаций, выполнение кейсов, творческих проектов, подготовка к защите творческих проектов и др.;
- *научно-исследовательская деятельность:* участие в проведении научных исследований, подготовка рефератов, научных докладов, курсовых, выпускных квалификационных работ, публикация научных статей и др.;
- рефлексивно-аналитическая деятельность: ведение портфолио, карт самоанализа, анализ успеваемости, сформированности профессиональных компетенций и др. [1, с. 212-215].

На кафедрах составляются графики выполнения и контроля самостоятельной работы студентов, проведения консультаций и коллоквиумов, обеспечивается информационная и компьютерная поддержка организации

самостоятельной работы студентов.

Организация самостоятельной работы студентов предполагает освоение преподавателями тьюторских, модераторских, менеджерских, фасилитаторских и консультативных функций как основы нового характера взаимодействия со студентами в образовательном процессе вуза.

Рефлексивно-оценочный компонент образовательной технологии

Образовательная технология должна содержать рефлексивно-оценочный компонент, который может включать в себя различные способы, приемы и формы:

- блиц-опрос студентов с целью выявления степени усвоения учебного материала и их оценки качества проведения занятия;
- формулирование студентами вопросов по содержанию учебного материала (отсутствие таких вопросов – это тревожный сигнал для преподавателя, который должен заставить его задуматься о путях совершенствования содержания и методики проведения занятий);
- коллоквиумы – собеседования по разделам учебных дисциплин;
- анкетирование, тестирование по отдельным темам, разделам и в целом по учебной дисциплине;
- взаимопроверки степени усвоения студентами учебного материала;
- написание студентами эссе;
- создание портфолио с целью фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений студентов;
- групповые дискуссии;
- защита творческих проектов и рефератов;
- выполнение кейсовых заданий;
- балльно-рейтинговая оценка учебной деятельности студентов;
- промежуточная и итоговая аттестации и др.

Для оценки учебных достижений студентов по каждой учебной дисциплине создается фонд оценочных средств.

Проведенный структурный анализ позволил нам установить взаимосвязь базовых характеристик и функций современных образовательных технологий в вузе (таблице 2).

Таблица 2

Взаимосвязь базовых характеристик и функций современных образовательных технологий

Базовые характеристики образовательных технологий	Базовые функции образовательных технологий
Профессиональная направленность	Формирование общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и специальных компетенций
Личностно-ориентированный, развивающий характер	Формирование метапрофессиональных компетенций, развитие ценностно-ориентированной, мотивационно-потребностной, эмоционально-волевой, когнитивной и операционально-деятельностной сфер личности студента, обеспечение индивидуального и дифференцированного подхода к обучающимся
Интерактивность	Организация субъектного взаимодействия преподавателей и студентов, а также студентов между собой на основе кооперации и сотрудничества
Использование возможностей электронного обучения	Организация собственной образовательной траектории с помощью электронных ресурсов и систем
Организация самостоятельной работы	Развитие навыков самоорганизации и самоконтроля собственной образовательной деятельности
Наличие рефлексивно-оценочного комплекса	Развитие у студентов их способностей и потребности в непрерывном образовании и развитии

Эффективность образовательных технологий в вузе можно изучать по двум критериям:

- качество образовательных технологий (выраженность базовых характеристик и функций технологий);
- действенность (результативность) технологий (уровень развития студентов как субъектов образовательной и будущей профессиональной деятельности).

Качество образовательных технологий можно определить, например, с помощью метода квалиметрии (перевода качественных показателей в количественные). Для этого нужно оценить в баллах степень выраженности выделенных нами базовых характеристик образовательных технологий: профессиональная направленность, личностно-ориентированный, развивающий характер, интерактивность, использование возможностей электронного обучения, организация самостоятельной работы студентов, наличие рефлексивно-оценочного компонента.

Оценка может проводиться по разным системам: по 5-балльной, 10-балльной и др.

Если оценивать качество образовательных технологий по 5-баллной системе, то квалиметрическая таблица будет выглядеть следующим образом:

- 6-14 баллов – низкий уровень качества;
- 15-22 балла – средний уровень качества;
- 23-30 баллов – высокий уровень качества.

Действенность (результативность) образовательных технологий (успеваемость и качество знаний студентов, уровни их развития как субъектов образовательной и будущей профессиональной деятельности) можно выявить с помощью стандартизированных диагностических методик.

Эффективность образовательных технологий должна быть предметом для обсуждения на заседаниях кафедр и ученых советов факультетов.

The article reveals the essence and content of the basic characteristics and functions of modern educational technologies at university, it suggests the technique of an estimation of quality of these technologies.
Keywords: *educational technology, basic characteristics and functions of modern educational technologies at university, quality and effectiveness of educational technologies*

Список литературы

1. Антюхов А.В., Ретивых М.В., Фомин Н.В. Современные образовательные технологии в вузе: Учебное пособие для магистров и аспирантов. – М.: Педагогическое общество России, 2013. – 320 с.
2. Гущин Ю.В. Интерактивные методы обучения в высшей школе: Психологически журнал Международного университета природы, общества и человека. «Дубна». – 2012. – № 2 – С. 1-18
3. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: Учебное пособие. – М.: МПСИ, 2005. – 216 с.
4. Кашлев С.С. Интерактивные методы обучения: Учебно-методическое пособие. – Минск: Тетра-Системс, 2011. – 222 с.
5. Общая и профессиональная педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов. – М.: Вента-Граф. 2005. – 368 с.
6. Семашко В.С., Медникова Т.Б. Компетентностный подход в высшем образовании: миф и реальность // Высшее образование в России. – 2014. – № 5. – С. 34-45.
7. Современные образовательные технологии: Учебное пособие / под Под. ред. Н.В. Бордовской. – М.: КНОРУС, 2011. – 432 с.
8. Ступина С.Б. Технологии интерактивного обучения в высшей школе: Учебно-методическое пособие. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 52 с.
9. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации». – М.: Проспект, 2013. – 160 с.
10. Хуторской А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по – разному? Пособие для учителя. – М.: Владос-Пресс, 2005. – 383 с.
11. Якиманская И.С. Технология личностно-ориентированного образования. – М.: Сентябрь, 2000. – 176 с.

Об авторах

Антюхов А.В. – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

Ретивых М.В. – доктор педагогических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

Мельников С.Л. – кандидат педагогических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 37.086

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.А. Асташова

В статье представлена концепция гуманистической деятельности современного учителя, гуманно-личностный подход в организации педагогической деятельности Ш.А. Амонашвили, определяющий личностное развитие ребенка, построение уважительных доверительных отношений между детьми и учителями. Автор рассматривает гуманизм как нравственную ценность, моральную норму и принцип педагогической деятельности.
Ключевые слова: *гуманизм, гуманная педагогика, гуманистические ценности, профессиональная деятельность педагога*

В последнее время разные научные школы, исследовательские институты и творческие коллективы определяют, каким должен быть современный учитель. И чаще всего выводы проводимых исследований свидетельствуют о включении в набор профессиональных качеств педагога таких характеристик, как конкурентоспособный, компетентный, мобильный, что соотносится с требованиями к специалисту и со временем, в котором мы живем. Но ведь учитель работает в сфере «человек-человек» и в этой связи на первый план должны выходить личностные качества, которые подчеркивают гуманность учителя, его особое отношение к детям и детству.

Известно, что высочайшей нравственной ценностью социально-культурного уровня является **гуманизм** как приоритетное ценностное направление, которое определяет сущность педагогической деятельности. Для учителя чрезвычайно важно точное понимание гуманизма как системы взглядов, отражающих самоценность

личности, его права на свободу, проявление способностей; отмечающих благо критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности - желаемой нормой отношений между людьми. Применительно к личности учителя гуманизм представляет собой **нравственную ценность, моральную норму и принцип педагогической деятельности**. Как нравственная ценность гуманизм является внутренним, эмоционально освоенным ориентиром деятельности учителя; в качестве моральной нормы гуманизм предусматривает выбор линии поведения, обусловленный профессиональным кодексом чести. Гуманизм в качестве принципа педагогической деятельности предполагает реализацию следующих позиций и условий:

- насыщение содержания образования проблемами человека, его духовной сущности;
- ориентация прежде всего на национальную культуру как среду, питающую духовное развитие ребенка;
- внимание к самобытному внутреннему миру ребенка, эмоционально-чувственной сфере, опора на его способности, склонности, интересы;
- вера в доброе начало ребенка; терпимое отношение к детскому незнанию, неумению сдерживать себя, ошибкам;
- человечность межличностных отношений; отказ от методов принуждения и форм подавления достоинства человека.

Деятельность педагога-гуманиста, как правило, опирается на гуманистическую рефлексию, систему гуманистических ценностей, эмоционально- чувственную сферу и систему гуманистических отношений. Гуманистическая рефлексия позволяет учителю глубоко анализировать и точно оценивать собственные качества и устанавливать их соответствие личностно-развивающим параметрам педагогической теории и практике.

Система гуманистических ценностей может складываться из таких групп, как экзистенциальные, нравственные, политические, эстетические и художественные. Эмоционально-чувственная сфера многомерна как естественное проявление человека и выражается в альтруистических, эстетических, гедонистических и множества других эмоций. Систему гуманистических отношений порождает потребность учителя в ученике, ученика в учителе, их заинтересованность друг в друге, взаимное уважение и признание права на собственное достоинство и самобытность. При этом потребность учителя в ребенке является регулятором его профессиональной деятельности и основой для развития человечности в ребенке. На этом основана педагогика сотрудничества, в условиях которой учитель созидает доверительные отношения с учащимися, переживает за их успехи и неудачи, оказывает необходимую помощь.

Однако еще более глубоко и детально, по существу, для образования будущего основы отношений «учитель-ученик» представляет гуманно-личностная педагогика, в которой главные идеи созидаются на любви и понимании ребенка, на оптимизме в отношении к нему. В этом году исполняется 85 лет выдающемуся учителю, педагогу-новатору, академику РАО, доктору психологических наук, профессору Шалве Александровичу Амонашвили, с именем которого связано создание и развитие концепции гуманно-личностной педагогики. В этой концепции заложены принципы уважения личности ребенка, безграничной веры в него, терпения и очеловечивания среды вокруг ребенка.

Ш.А. Амонашвили отмечает, что каждый человек является носителем своей неповторимой миссии, и учительская профессия – это тоже миссия. В частности учитель и ученый Ш.А. Амонашвили нашел свою миссию, то есть смысл своей жизни - «ради чего». Оказывается – это школа, работа с детьми, с учителями; написание для них книг о тех проблемах, понимание которых доступно мастеру.

Профессор Ш.А. Амонашвили много лет проводит исследования, направленные на изучение широкого круга вопросов организации и совершенствования обучения и воспитания в контексте гуманной педагогики, и считает, что особую роль в развитии личности играет духовное воспитание, предъявление ребенку образов добра, уважения, преданности, любви, высоких мыслей, чистых мыслей, ясномыслия, добромыслия, образов красоты. Все эти образы, по мнению ученого, не только обогащают духовность человека, они позволяют установить некий порядок, ведущий к просветлению, просвещению. Размышляя над особенностями современного воспитания ребенка и формулируя специфику этого процесса, Ш.А. Амонашвили подчеркивает, что педагоги должны воспитывать в ребенке саму жизнь, а не ребенка. Воспитывать именно жизнь в ребенке, природу в ребенке.

Мы решили выяснить у студентов первого и второго курсов бакалавриата педагогического профиля, какими качествами/ умениями должен обладать современный учитель для того, чтобы ученик чувствовал себя комфортно в школе, а результат работы педагога был не просто эффективным в воспитательном и развивающем плане, а стимулирующим на гуманистической основе активность и оптимизм детей. Ответы оказались следующими:

№	**Умения учителя, Ш.А. Амонашвили, гуманная педагогика**	Студенты 1 курса	Студенты 2 курса
1	уметь понимать детей, вставать на их позицию, быть снисходительным во всем	15	10
2	быть деятельным оптимистом, верить в результат	2	3
3	обладать лучшими человеческими качествами: улыбчивостью, строгостью, сдержанностью, любовью к жизни, быть интеллигентным	10	19
4	давать толчок культурному саморазвитию ребенка	1	3
5	сделать уроки познавательными, развивающими общение, позволяющими детям взрослеть (уроки счастья)	5	10
6	умело перенаправить энергию детей на различные занятия	1	2
7	подстегивать познавательный инстинкт детей	1	1
8	направить величайшую энергию шалости на познание и позитивное взросление	7	8
	Всего	42	56

Анализ выбора студентов показывает, что студенты 1 курса в большей мере ориентированы на эффективность использования учителем умения понимать детей и культивировать в себе лучшие человеческие качества. Студенты второго курса считают, что именно гуманистические качества личности учителя способны сделать его работу результативной и придающей смысл и интерес образовательному процессу. Оценили студенты и величайшую энергию шалости детей, в которой, как им представляется, заложены огромные ресурсы серьезной деятельности.

Обсудили студенты и некоторые пожелания Ш.А. Амонашвили, которые заставили задуматься о сложности педагогической деятельности и ее перспективности и прогностичности. Например, пожелание «В каждом ребенке надо видеть явление» долго определяли как индивидуализацию и гуманизацию педагогического процесса, а после размышлений о том, что сидящие сегодня за партой ученики – это наше будущее, и через них мы можем увидеть это будущее, пришли к выводу об ответственности за творчество будущего, посланниками которого являются сегодняшние ученики (явление!).

Аксиоматично, что значимой характеристикой педагогической деятельности служит гуманистическое общение, определяющее характер взаимоотношений между учителем и школьниками. При гуманистическом общении необходимо развивать перцептивные, интерактивные, вербальные и невербальные возможности взаимодействия с опорой на ярко представленные личностные качества педагога: любовь к человеку, доброту, заботливость, внимание, предупредительность, справедливость, отзывчивость и т.п. Возможен и переход гуманистического общения в аксиологическое, при котором происходит обмен ценностями (высшая ценность - человек), постижение смысла нравственной жизни, своего нравственного значения.

В этом процессе особое место занимает Учитель, которого Ш.А. Амонашвили представляет как мудрого человека, способного «сажать, поливать, воспитывать, лелеять, учить, давать образы», иными словами, творить людей. У такого Учителя есть свои тайны воспитания духовно богатого человека. Такой Учитель дает Клятву, работает на основе уникальных профессиональных правил, своеобразного кодекса педагогической чести как ориентира, сознательно и интуитивно выстраиваемого каждым педагогом. Особый интерес вызывает свод правил Ш.А. Амонашвили для учителя [1, С. 8]:

Будь осторожен!

Не ошибись!

Не вреди!

Будь надеждой для школьника!

Дари себя детям!

Знай, к чему стремишься!

Постоянно ищи в ребенке богатство его души!

Будь терпелив в ожидании чуда и будь готов для встречи с ним в ребенке!

Практическая отработка моделей идеальных отношений, соответствующих ценностным представлениям о смысле жизни, чести, достоинстве, благородстве, составляет одну из важных сторон профессионала.

Важным показателем деятельности учителя в гуманистическом аспекте выступает ярко выраженный гуманистический стиль профессионального поведения. В его основе лежат субъект - субъектные отношения, способствующие самовыражению участников педагогического процесса. Гуманистический стиль педагогической деятельности предполагает и педагогически целесообразный обмен духовными ценностями, необходимыми для нравственного обогащения участников образовательного процесса.

Одной из характеристик гуманистического стиля педагога может быть объективная оценка ученика, его действий и отношения к действительности, что побуждает школьника к самовоспитанию, и, естественно, самооценка собственных профессиональных действий, организации образовательного процесса, его результатов. При гуманистическом стиле учитель становится полновластным субъектом своей деятельности, освобождаясь от навязываемых ему стереотипов, от достижения целей любыми путями, от формализма, когда приоритет отдается формам работы в ущерб ее содержанию.

Можно без преувеличения сказать, что для гуманистического стиля работы современного учителя опорой может служить система ценностных ориентаций в рамках профессиональной деятельности: творческий подход к выполнению профессиональных обязанностей; способность удивляться и удивлять; пунктуальность в любом деле; ориентация на собственный успех; постоянное самообразование; стремление к высокому качеству результатов работы; ответственность за достижение педагогических целей; единство слова и дела; эмоциональное наполнение профессиональной сферы и т.п.

Опираясь на систему ценностных ориентаций образовательной сферы, нами были сформулированы основные постулаты педагогической деятельности:

- цените ребенка, никогда не предавайте его, а в трудную для него минуту приходите на помощь; не забывайте, что вы живете для учеников, а не наоборот;
- любите детей, старайтесь общаться с ними так, чтобы им было комфортно; снисходительно относитесь к их непослушанию и шалостям - это проблемы роста;
- будьте доброжелательными, ибо доброта - ключ, которым открываются даже озлобленные, израненные души;
- помните, что любой ваш воспитанник - личность, обладающая чувством собственного достоинства и заслуживающая уважительного отношения;

• искренне интересуйтесь каждым ребенком, его проблемами; это пробудит в нем желание делиться с вами своими мыслями и чувствами;

• думайте о последствиях, не навредите своим воспитанникам, берегите их физическое и психическое здоровье;

• сохраняйте честность; не прибегайте ко лжи как средству воздействия на детей; не раздавайте заведомо не выполнимых обещаний;

• будьте порядочными и благородными, не разглашайте секреты и тайны, доверенные вам ребенком; не наговаривайте на него; не мстите за оскорбительную выходку по вашему адресу.

• верьте в ученика; в любой ситуации не лишайте его перспективы и возможности изменения к лучшему;

• признавайте публично допущенные на глазах учеников ошибки; а в критических случаях извиняйтесь;

• не ограничивайте себя искусственно в человеческих проявлениях; демонстрируйте ученикам радость и красоту полноценной жизни.

Анализ предложенных постулатов позволяет сделать вывод о том, что профессиональная деятельность педагога с опорой на сформулированные положения поможет выстроить отношения «учитель - ученик» таким образом, чтобы работа образовательной сферы способствовала росту духовности ученика и учителя, показывала им «путь к себе», научила бы нравственному самоутверждению через реализацию потенциальных возможностей, способствовала бы утверждению блага, красоты и истины.

В одном из интервью Ш.А. Амонашвили, отвечая на вопросы, отметил, что есть у него три пожелания для учителя, своего рода заповеди. Первая заповедь о вере. «Тот, кто занят воспитанием души и духовности ребенка, он, в первую очередь, должен верить в самого ребенка. Верить в ребенка, что он есть безграничность, он есть микрокосмос, верить даже тогда, когда перед тобой сидит сопляк какой-то, который даже нос не может нормально вытереть, который шалит, грубит тебе. А ты поверь, что именно в нем и заложена миссия. Просто верь этому… Верить в ребенка - это первая заповедь. Верить, что он безграничен, что в нем есть миссия, в нем есть силы, в нем есть исключительно все» [3, С. 113].

Вторая заповедь - о педагогическом даре. «Второе - верить в свои исключительные возможности, свои дарования педагогические, т.е. верить в свою педагогическую искру Божью. Я должен верить в это, ибо фактов не найдешь. Надо верить, эти факты будут даны потом, потом будут открыты. Не веришь - они не откроются вообще, а веришь - они постепенно будут открываться. Верить в свою педагогическую талантливость. Никогда не опускать руки, даже тогда, когда, казалось бы, ничего не получается, как будто ничего. Но эти старания не проходят зря. Это есть стук. Не сразу открывают, надо часто стучать, стучать, и один из этих стуков дойдет до чьего-то слуха. Только не останавливаться» [3, С. 113].

Третья заповедь – о силе гуманной педагогики. Ш.А. Амонашвили считает, что важно верить в силу гуманного подхода к ребенку. Этот подход выражается, прежде всего, в поддержке индивидуальности ученика, его личностных интересов и разнообразных потребностей, в духовной устремленности к высотам человеческой самореализации, в принятии ребенка таким, какой он есть. Гуманная педагогика строится на основе сотрудничества, любви и доброжелательности, уважения к личности ученика, с учетом реализации ресурсов социальной защиты ребенка.

А теперь можно сравнить характеристики современного учителя. Итак, современный учитель должен быть конкурентоспособным, компетентным, мобильным, или все-таки верящим в ребенка, в свое педагогическое дарование, в гуманную педагогику. Можно, конечно, соединить в педагоге конкурентоспособность, мобильность, компетентность и гуманность. Однако, следует помнить, что только в условиях гуманной педагогики могут воплотиться в жизнь ее главные принципы: терпения, созидательной любви и сотрудничества.

The paper introduces the concept of humanistic activities of the modern teacher, humane and personal approach in organizing educational activities Sh.A. Amonashvili determining the child's personal development, the construction of a valid trust between children and teachers. The author considers humanity as a moral value, moral norms and principles of teaching.
Keywords: *humanism, humanist pedagogy, humanistic values, the professional activity of the teacher*

Список литературы

1. Амонашвили Ш.А. Единство цели. - М.: Просвещение, 1987. – 208 с.
2. Амонашвили Ш.А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса. – Мн.: Университетское, 1990. – 560 с.
3. Вера в ребенка рождает гениев (Интервью с Амонашвили Ш.А.// Мир психологии. – 1996. - № 2 (7). - С.101-113

Об авторе

Асташова Н.А. – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *nadezda.astashova@yandex.ru*

УДК 373.2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ ГРАМОТЕ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА

А.Г. Биба

В статье исследуются проблемы овладения дошкольниками грамотой и пути их решения; указываются методические ошибки педагогов в языковом обучении детей дошкольного возраста и приводятся образцы правильной работы. Автор выделяет основные действия, которым нужно научить детей для дальнейшего овладения родным языком в школе, обосновывает их необходимость на основе анализа зарубежных и отечественных исследований и предлагает дидактические средства их формирования. Входящий в содержание методический материал предназначен для использования педагогами в дошкольных образовательных учреждениях в процессе подготовки детей к обучению в школе.
Ключевые слова: *стандарт дошкольного образования; языковая ошибка; алгоритм чтения; алгоритм письма; занимательное проблемное задание.*

В современном Российском образовании с каждым годом усиливается тенденция предшкольного предметного обучения детей. Учителя начальных классов ожидают (часто требуют) от первоклассников умения читать, выполнять звуковой анализ слов, считать, производить простейшие операции над числами. В современном государственном стандарте дошкольного образования отсутствует требование предварительной предметной подготовки детей, но в нем указывается на необходимость формирования у дошкольников знаний и умений, которые востребованы в дальнейшем (школьном) образовании [5]. Помимо этого в нормативных документах появляется все больше положений о преемственности между дошкольным образовательным учреждением и начальной школой. Одно из таких положений касается освоения детьми элементарных знаний по русскому языку, и перед воспитателями встает задача обучения дошкольников грамоте [3,4]. Безусловно, существуют и появляются все новые образовательные центры, предлагающие данную услугу. Однако по результатам проведенных наблюдений за работой педагогов в данных организациях и на основе оценки учителями готовности первоклассников к овладению русским языком можно заключить, что данная подготовка не всегда осуществляется компетентно. Дошкольники смешивают важнейшие понятия «звук» и «буква», у них возникают трудности со звуковым анализом слов, что затрудняет овладение чтением и письмом; дети механически читают, не понимая допускаемых ошибок. Учителям приходится переучивать первоклассников, что психологически тяжело для всех. Поэтому в сложившейся ситуации возникает необходимость исследования содержания и путей обучения дошкольников грамоте.

В рамках данной статьи рассматриваются основные действия, которым нужно научить детей для дальнейшего изучения родного языка в школе, обосновывается их необходимость; выявляются трудности в овладении данными действиями и предлагаются способы их формирования, приводятся соответствующие примеры. Исследование указанных вопросов осуществлялось на основе анализа отечественной и зарубежной научно-методической литературы по проблемам дошкольного образования и в ходе наблюдения за обучением детей в Российских дошкольных учреждениях в разных регионах и опытной работы в центре по подготовке детей к обучению в школе при Калужском государственном университете (2014-2015 гг). В результате теоретического и эмпирического исследования были сделаны следующие выводы.

В дошкольном возрасте проявляется особенность овладения детьми языком: им свойственно обращать внимание на значение слова, а не на его форму, поэтому для них слово и то, что оно означает, – одно целое. В период же подготовки к изучению родного языка вся работа сосредотачивается на форме слова, а не на его значении [6]. Это противоречие приводит дошкольников к ошибкам и создает трудности для воспитателя. Например, педагог спрашивает, какое слово длиннее «удав» или «червячок»? Дети отвечают: «Удав». Из каких звуков состоит слово дерево? Дети отвечают: «Из ствола и веток». Для преодоления трудностей нужно обязательно детей учить разграничивать слово и предмет, который оно называет. С этой целью воспитателю рекомендуется: 1) использовать графические модели слов, которые помогут переключить внимание со смысла слова на его форму (например, *удав* □□□□ и *червячок* □□□□□□□□); 2) не злоупотреблять предметными иллюстрациями в процессе звукового анализа слов; 3) выполнять специальные задания, которые помогают детям отличать слово от денотата. Например, посчитать количество бусинок в бусах и количество звуков в слове *бусы*; исправить утверждение, что слово барабан состоит из звуков бум–бум–бум; доказать, что в слове *пять* не пять звуков и т.п.

Обучение дошкольников грамоте включает обучение чтению и печатанию. Чтение – воссоздание звуковой формы слова на основе его графической модели. Из этого следует: чтобы научить детей читать, нужно познакомить их и с буквами, и со звуками речи, которые обозначает каждая буква; при этом нужно следить, чтобы дошкольники не смешивали данные понятия, самому педагогу недопустимо это делать. Например, неверно утверждать, что в слове *дом* первый звук дэ или первая буква [д], или определять количество звуков в слове семь как 4, или определять первый звук в слове юля – [ю] и т.п.

С понятием «звук» как самой маленькой частью звучащей речи детей лучше знакомить на основе ассоциации, поскольку этот способ эффективен в овладении языком [7]. Дошкольникам объясняют, что звучащие слова состоят из

звуков, как дома состоят из кирпичей. Можно сравнить, например, звучащие слова *рак и мак.* Слова похожи по звучанию, но они разные, потому что отличаются первым звуком. Целесообразно взрослому проинтонировать эти звуки в составе слова, чтобы показать разницу: [р-р-р-р-ак] и [м-м-м-м-ак], слово *рак* начинается со звука [р], а слово *мак* - [м]. Для тренировки в звуковом анализе полезно предложить игровые задания: найти домик для слова *лиса* (□□□□□ □□□ □□□□); найти звук в слове, который потерялся (например, *три*,: □?□); найти друга слову *мак* (найти слова со звуком м).

В ходе звукового анализа дети могут смешивать твердые и мягкие звуки, например, в слове *река* они могут выделить первый звук [р], а не [р']. В этом случае можно попросить ребенка произнести слово со звуком [р]. Получится искаженное слово, дошкольник убедится, что он ошибся; потом с помощью интонирования выделить правильно звук. Может случиться так, что ребенок вместо одного звука выделяет целый слог-слияние. Например, в слове *мак* дошкольник выделяет первый звук [ма]. Это естественная проблема, т.к. звуки в слогах слияния максимально слиты, их трудно разграничить. В этом случае педагог может проинтонировать первый звук, попросить ребенка повторить за ним, полезно использовать звуковую модель для наглядности.

Для обучения правильному чтению нужно сформировать у дошкольников умение разграничивать звуки по твердости\мягкости. Это можно сделать путем создания затруднительной ситуации: предложить слова *лук* и *люк* (не печатать эти слова!), выделить все звуки, составить схемы и задать вопрос: «Какие звуки помогают словам отличаться?». Возможно, дети назовут разные звуки, но объяснить разницу между ними точно не смогут. Педагог сообщает: «Получается, что звук [л] и звук [л']- похожи, но они разные звуки. Чтобы их отличать, договорились, что [л] – твердый звук, [л'] – мягкий». После знакомства с видами согласных звуков полезно тренировать дошкольников в разграничении звуков в потоке речи. С этой целью можно попросить детей хлопать в ладоши, когда они услышат определенный звук в слове. В процессе отбора слов для тренировки фонематического слуха нужно помнить, что звук хорошо опознается в начале и в конце слова не в слоге слияния, труднее в средине слова и в слоге слияния. Поэтому слова нужно предлагать в соответствующей последовательности, например, для тренировки в опознании звука [т]: *труба, рот, лодка, танк, туман, лопаты, каток, Тима, дом, тигр, завод, зонтик.*

Некоторые педагоги учат читать, заставляя детей повторять за ними слоги, что неверно. Русское письмо звукобуквенное, а не слоговое, и, если ребенка заставлять повторять слог, он его будет воспринимать как единое звучание и не сможет прочитать другой слог с переставленными или замененными буквами. Тем не менее, единицей обучения чтению должен быть слог, поскольку понять, какой звук обозначает буква в конкретном слове, можно только по ее позиции в слоге. Следовательно, для овладения чтением требуется сформировать у дошкольников отдельные операции, которые входят в данный процесс: 1) опознавать буквы в слове; 2) определять границы слогов в слове; 3) соотносить букву со звуком (определять, какой звук обозначает каждая буква, ориентируясь на ее место в слоге и на следующие за ней буквы; 4) сливать звуки в слог; 5) сливать слоги в слово и понимать, что оно значит.

Каждое действие может вызвать трудности: 1) дошкольники могут забыть буквы или перепутать их (например, похожие буквы П и Н, Г и Т, Ш и Щ, Е и Ё, В и Б и др.); 2) дети могут неверно определить границы слогов, например, в словах *гиря* и *игра* по две гласные буквы, но они образуют слоги неодинаково – *ги-ря, и-гра;*3)дошкольники могут забыть посмотреть на следующую букву, т.к. полем зрения у начинающего читателя является одна буква (а не слог) [7]; 4) четвертое действие может вызвать «муки слияния», и ребенок произносит слово отдельными звуками, например, *м-а-л-ы-ш;* 5) поскольку чтение - достаточно длительный процесс, прочитав третий слог, ребенок может забыть, какой был первый слог; 6) могут возникнуть трудности с пониманием слова, т.к. у дошкольников небольшой словарный запас. Также они могут произнести слово с неверным ударением. Например, прочитают не малыш, а ма́лыш, и им будет непонятно, что они прочитали.

Для преодоления трудностей педагогу рекомендуется:

1) повторять буквы с помощью различных игр;

2) делить слова для чтения на слоги дугами, вертикальными чертами (например: ГИ | РЯ);

3) пропускать в словах согласные буквы и предлагать по гласным буквам определить, какой звук прячется за согласной буквой: твердый или мягкий (например, _ак, _ир, _от и т.д.), потом уже подставлять согласные буквы; выделять гласные «сигнальным» (другим) цветом, например: р**аки**, т**ихо**; искать в словах только гласные буквы;

4) перед чтением проводить тренировку в звуковом синтезе; в процессе чтения трудности слияния звуков преодолевать так: посоветовать ребенку приготовься произнести согласный звук, но произнеси следующий гласный звук, и у дошкольника получится слияние;

5) сначала учить читать односложные слова, типа *мак*, *дом*, *три* и т.п., потом переходить к многосложным;

6) предлагать слова для чтения с проставленным ударением; также использовать предметные иллюстрации для лучшего понимания слов.

Из состава чтения следует, что дошкольникам требуется иметь представление о слоговой структуре слова. Для создания этих представлений педагог сообщает детям, что слова можно разделить на части, как болельщики кричат название любимой команды, и демонстрирует это скандированием. Далее перед педагогом стоит задача научить детей определять количество и границу слогов. С этой целью можно использовать игровой прием: представляем, что мы – зрители и поддерживаем свою команду на соревновании (эта команда называется тем словом, которое будем делить на слоги). Не следует использовать прием хлопков в ладоши, так как дети либо могут безошибочно хлопать только за педагогом, либо могут хлопать, уже подсчитав слоги другим способом. Необходимо также помнить, что количество слогов в печатном слове определяется по количеству гласных букв.

Для тренировки дошкольников в овладении слоговой структурой слов можно предложить следующие задания: а) найти одинаковые слоги в словах (например, *Рита* и *гири*); б) найти для каждого слова (*барабан, крот,*) домик, в котором видно количество слогов; в) в волшебный сундучок «складывать» те слова, в которых есть слог [м'а], тогда он откроется; г) расположить перепутанные слоги в словах правильно (например, первый слог - [ва], второй - [са], получится слово *сова*), д) гуси очень хотят научиться говорить, но могут произнести только «га», и дошкольникам предлагаем назвать слова со слогом *га*.

Обучение письму в подготовку к овладению грамотой не должно входить, что объясняется следующими причинами. Во-первых, у дошкольников еще слабая мелкая моторика мышц руки и недостаточная координация движений для прописывания букв, следовательно, у детей получатся «каракули». В начальной школе занятия письмом проходят каждый день, дети пишут дома, поэтому у первоклассников закономерно формируется графический навык письма. Логично предположить, у дошкольников, которые нормативно занимаются 2 раза в неделю, навык не формируется полноценно. В итоге дети не получают положительного результата, что отрицательно сказывается на дальнейшей учебной мотивации [9]. Во-вторых, существуют варианты написания букв. Если способ написания буквы, которому научили в детском саду, отличен от способа, которому будут учить в первом классе, детям обеспечены мучения. Таким образом, следует только готовить мышцы дошкольников к письму, развивать их мелкую моторику руки и координацию движений. Для этого полезно обводить по контуру узор из петель; раскрашивать разные элементы букв; обводить элементы букв (овалы, петли, крючки и т.п.) по точкам-ориентирам.

Поскольку многим дошкольникам свойственен интерес к подписи подарков, поделок, дети пытаются печатать слова. Печатание дается дошкольникам легче, чем письмо, поэтому, можно учить их печатать. Печатание и письмо – один и тот же процесс, только форма букв разная, и обучение этому процессу также опирается на его сущность.

Печатание – процесс обратный чтению, в ходе которого создается графическая модель слова на основе соотношения звука и буквы для его обозначения. Из этого следует, что дошкольникам нужно овладеть рядом операций:

1) определять, какие в слове есть звуки;
2) устанавливать последовательность звуков в слове;
3)выбирать букву для обозначения каждого звука в слове;
4) печатать правильно все буквы;
5) проверять написание слова.

Каждая из перечисленных операций вызывает у детей трудности. Выделение звуков из слова является сложным для дошкольников, так как невозможно зрительно опереться на звуковой состав слова для его анализа. Поэтому дети начинают смешивать звуки и буквы либо просто «не слышат» звуки в слогах. В итоге они пропускают буквы, например, *кт* (кот); меняют буквы местами, например, *солн* (вместо *слон*). Для обучения правильному печатанию необходимо тренировать дошкольников в звуковом анализе слов, в установлении порядка звуков с одновременной материализацией звуков. Для этого методисты предлагают фишки, звуковые схемы, которые наглядно представляют детям звуковой состав слов [2] .

Для правильного письма дошкольникам необходимо знать правила графики, иначе у них возникают ошибки (типа Ката, Луда, лос, конки и т.п.). Причина этих ошибок кроется не в том, что дети невнимательны, а в том, что они не владеют знаниями или умениями обозначать мягкость звуков на письме. Также у детей возникают трудности с обозначением звука [й']: они печатают йула, йожик, майак и т.д. Педагог, конечно, исправляет ошибки, но дошкольники не могут их понять и продолжают делать, если не знают или не понимают правил. Вместе с этим, у детей только начинает формироваться речевой контроль, им не свойственно проверять написанное [1]. В результате они не замечают собственных ошибок. Следовательно, детей необходимо знакомить с правилами обозначения мягкости согласных звуков и звука [й'] на письме и приучать читать то, что они напечатали с целью самопроверки.

Таким образом, для подготовки к успешному изучению родного языка в школе педагог должен учить дошкольников разграничивать слово и его денотат, понятия «звук» и «буква», лингвистически грамотно работать со звуками и буквами (характеризовать, соотносить эти единицы) и учить читать по звуковому методу. Поскольку у дошкольников отсутствует учебная мотивация, необходимо их учить грамоте в форме игры, используя занимательные задания [8]. Следуя этим методическим рекомендациям, педагоги достигнут хороших результатов, и все участники учебного процесса получат удовольствие от работы.

The article investigates the problems of learning reading and writing by preschool children and ways to overcome them; it highlights teachers' methodic mistakes in teaching preschool children language and gives some examples of proper work. The author outlines the main skills that are needed to teach children to further studying mother tongue at school, substantiates their need based on both foreign and domestic studies and proposes didactic means of their forming. Included in the contents teaching material is designed for use by teachers in preschool educational institutions in preparing children to learn at school.
Keywords: *the standard of preschool education; linguistic mistake; the algorithm for reading, the algorithm for writing; entertaining challenging task.*

Список литературы

1. Алексеева М.М., Яшина В.И. Речевое развитие дошкольников. М.: Аванта, 2008. 160 с.
2. Бородич А.М. Развитие речи детей дошкольного возраста. М.: Просвещение, 1998. 340 с.
3. Концепция развития дополнительного образования детей, 2014 г.URL:http://www.minobrnauki.rf.ru.pdf

(дата обращения 15.12.2015).

4. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования: проект Рос. акад. образования. – М.: Просвещение, 2008. 39 с.

5. Федеральный государственный стандарт дошкольного образования: Сб. нормативных образовательных документов Минобрнауки РФ. М.: МФЦ, 2014. 340 с.

6. Чтение и письмо по системе Д.Б. Эльконина / Агаркова Н.А., Бугрименко Е.А., Жедек П.С., Цукерман Г.А. М.: Просвещение, 1993. 318 с.

7. Carneiro R., Looney J., Vincent-Lancrin S. Learning from the Past, Looking to the Future: issues and agendas in education. European Journal of Education. Issue 4 (2015): P.524-535. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111 (дата обращения 14.01.2016).

8. Fleer M. Early Learning and Development. Cultural-historical Concepts in Play. Dublin: Cambridge University Press, 2010. P.35.

9. Richards J.C., Rogers T.S. Approaches and Methods in Language Teaching. Online publication, 2010. URL:http://www.academia.edu/5666615 (дата обращения 20.15. 2015).

Об авторе

Биба А.Г. – кандидат педагогических наук, доцент Института педагогики Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, *bibaanna@mail.ru*

УДК 378. 147

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ЛОГОПЕДОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ: СУЩНОСТЬ, ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ

Т.Н. Бойко

В статье рассматривается проблема формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов в процессе педагогической практики. Раскрыта сущность социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов, разработана модель формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов в процессе педагогической практики и изложены результаты исследования эффективности этого процесса.

Ключевые слова: *социально-педагогическая деятельность, социально-педагогическая компетентность, педагогическая практика.*

Интенсивная интеграция высшей школы России в мировую систему образования выдвигает в числе инновационных направлений развития социально-педагогическую функцию профессиональной деятельности, суть которой заключается в использовании специалистом возможностей социума для решения проблем индивида. В связи с этим остро встает проблема подготовки социально компетентных педагогических кадров, в том числе, компетентных учителей-логопедов.

В условиях введения ФГОС ВО предъявляются новые требования к результатам профессионального обучения будущего учителя-логопеда, которое должно предусматривать выявление затруднений и разработку системы мер, позволяющих в короткие сроки включить студентов в социально-педагогическую деятельность. Из этого следует, что основной целью деятельности будущего учителя-логопеда становится не только устранение речевых недостатков у детей, но и создание необходимых условий, направленных на развитие и удовлетворение разнообразных потребностей и интересов детей: по адаптации в социуме, поддержке и социальной защите их интересов. На этом основании мы считаем, что формирование социально-педагогической компетентности будущих логопедов выступает как средство реализации потенциальных возможностей социума для разрешения социальных проблем личности.

Социально-педагогическую компетентность будущего учителя-логопеда в нашем исследовании мы рассматриваем как интегральную профессионально-личностную характеристику, отражающую готовность и способность педагога выполнять социально-педагогические функции, направленные на раскрытие внутренних возможностей детей с речевыми нарушениями, использование ресурсов социокультурной среды и личностных ресурсов каждого ребенка с целью достижения позитивных результатов в его развитии и воспитании.

Опыт профессиональной деятельности и результаты научных исследований позволили нам раскрыть сущность социально-педагогической компетентности будущего учителя-логопеда, которая представляет собой *интегративное качество личности, определяющее готовность выполнять социально-педагогические функции, направленные на познание индивидуально-личностных и поведенческих особенностей детей с нарушениями речи, овладение способностью анализировать социально значимые проблемы и социальные связи детей-логопатов, формирование опыта деятельности в воспитании, обучении и социальной защите с целью их позитивной социализации.*

Учитывая сложный, интегративный характер понятия «социально-педагогическая компетентность будущего учителя-логопеда», определена структура социально-педагогической компетентности будущего учителя-

логопеда, которая представляет собой взаимосвязь четырех компонентов:

- *социально-личностного,* который включает в себя смысл, мотивы, цели, потребность, ценностные установки в актуализации социально-педагогической компетентности;
- *когнитивного,* включающего комплекс профессионально-педагогических знаний, необходимых для работы с лицами с особыми возможностями здоровья;
- *профессионально-деятельностного,* состоящего из комплекса профессиональных умений и навыков осуществления социально-педагогической деятельности будущего учителя-логопеда;
- *аналитико-рефлексивного,* который выражается в социально обусловленной способности будущих учителей-логопедов к рефлексии и объективной самооценке собственной профессиональной деятельности.

К основным критериям сформированности социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов мы относим:

- *мотивационно-личностный критерий,* подразумевающий степень выраженности социальной и личностной мотивацию к профессиональной деятельности, признание личности воспитанника с речевой патологией как ценности, степень толерантных проявлений педагога;
- *профессионально-когнитивный критерий,* предполагающий развитие познавательной сферы бакалавра-логопеда (полнота, системность и осознанность социально-педагогических знаний);
- *аналитико-деятельностный критерий,* подразумевающий сформированность конкретных профессиональных умений, операций и действий, а также сознательный контроль за результатами своей деятельности.

Сравнительный анализ критериев позволил выделить уровни сформированности социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов: *репродуктивный, частично-поисковый, креативный.*

Эффективность процесса формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов может быть обеспечена, если он осуществляется на основе специально разработанной теоретической модели формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов в процессе педагогической практики.

По структуре модель включает в себя: *теоретико-методологический, программно-целевой, содержательный, технологический, результативный и организационно-педагогический* компоненты, которые схематично представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Модель формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов в процессе педагогической практики

Целостность модели придает ее цель как предполагаемый результат формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов в процессе педагогической практики. Реализация цели носит инновационный характер, предусматривающий готовность всех субъектов к педагогическому взаимодействию в процессе педагогической практики. В организационно-педагогический компонент модели входит комплекс педагогических условий ее эффективного функционирования. Такими условиями являются:

- *административно-организаторские условия* (учет при организации педагогической практики в вузе требований современной системы общественных отношений к уровню социально-практической подготовленности будущего учителя-логопеда; развитость системы учебно-производственного партнерства университета с различными коррекционными организациями; мониторинг личностного продвижения студентов в процессе формирования у них социально-педагогической компетентности);

- *дидактико-технологические условия* (вариативность, динамичность программ практики; приоритет проектных, проблемных технологий обучения, которые ставят студента в позицию субъекта коррекционно-образовательной деятельности; применение технологии моделирования проблемных ситуаций в практической деятельности; поэтапное формирование социально-педагогической компетентности в процессе прохождения педагогической практики);

- *индивидуально-профессиональные условия* (мотивированность и активность студентов в овладении социально-педагогической компетентностью; развитие важных в социально-педагогической деятельности качеств личности будущего специалиста; реализация в процессе педагогической практики индивидуальных социально-педагогических проектов; самообразовательная деятельность студентов).

В нашем исследовании приоритетным средством формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов определена педагогическая практика, которая позволяет максимально приблизить будущих учителей-логопедов к реальным условиям коррекционно-педагогической деятельности.

Для проверки эффективности модели формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов в процессе педагогической практики был организован педагогический эксперимент, который проходил на базе ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». При планировании и организации экспериментальной работы мы опирались на положение о том, что качества человека проявляются и развиваются в деятельности. Исследование такого качества личности будущего специалиста, как социально-педагогическая компетентность, может быть изучена только в ходе самого ее развития, т.е. при включении будущих учителей-логопедов в реальную квазипрофессиональную деятельность, которая обеспечит ознакомление, освоение, преобразование и интеграцию профессионально значимых компетенций и ценностных отношений в предстоящей профессиональной деятельности.

В ходе исследования были сформированы экспериментальные и контрольные группы, позволяющие выявить эффективность формирования социально-педагогической компетентности в процессе педагогической практики. В экспериментальную группу вошли студенты первого, второго, третьего и четвертого курсов социально-педагогического факультета, а именно будущие учителя–логопеды в количестве 59 человек и контрольная группа, состоящая из студентов первого, второго, третьего и четвертого курсов социально-педагогического факультета - будущие учителя начальных классов в количестве 77 человек. Средний возраст испытуемых составил 20,2±4 года. Эксперимент проводился в течение четырех лет.

В экспериментальной группе формирование социально-педагогической компетентности проходило по программе педагогической практики, составленной в соответствии с разработанной моделью и изложенной в методических рекомендациях к педагогической практике студентов социально-педагогического факультета по направлению подготовки 050700 «Специальное (дефектологическое) образование», профиль подготовки «Логопедия». В контрольной группе формирование социально-педагогической компетентности проходило по стандартной программе педагогической практики.

В процессе эксперимента были организованны три этапа педагогической практики (*подготовительный, практический, обобщающий*), которые соотнесены со спецификой обучения студентов на 1,2,3,4 курсах. Для каждого этапа практики мы определили цели, задачи, формы учебной работы практикантов, представили рекомендуемые формы работы с детьми-логопатами, определили основные профессиональные и социально-педагогические компетенции, формируемые на каждом этапе практики.

Подготовительный этап (первый курс). Целью этого этапа являлось формирование у студентов мотивационно-ценностной установки на общение и взаимодействие с детьми-логопатами, развитие общего системного представления о сущности коррекционной и социально-педагогической деятельности в специальной образовательной организации.

На *практическом этапе (второй, третий курсы)* практика направлена на формирование основ социально-коррекционной работы в дошкольных образовательных организациях города и логопункте общеобразовательных школ. Педагогическая практика проходила на базе специальных дошкольных образовательных организаций комбинированного и компенсирующего видов – второй курс. На третьем курсе педагогическая практика была организована на логопункте общеобразовательных школ. Также в течение учебного года проводилась волонтерская работа в дошкольных образовательных организациях комбинированного вида. Целью практики на данном этапе являлось овладение системой специальных социально-педагогических знаний, умений и навыков, накопление опыта в решении социально значимых проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности.

На *четвертом* курсе (*обобщающий этап)*, когда студенты обладают полным набором знаний о всех речевых

нарушениях, практика проходила на базах организаций здравоохранения и социальной защиты населения (поликлиники, центры медико-психолого-педагогической реабилитации, специализированные школы). Основной целью педагогической практики на этом этапе было: формирование у студента целостных представлений о социальной обусловленности коррекционно-педагогической деятельности; отработка навыков и умений установления и поддержания контакта с родителями детей, имеющих сложные речевые нарушения, оказание помощи родителям таких детей по вопросам семейного воспитания (консультирование, посредничество, просвещение). Данный этап практики посвящался отработке методов и приемов работы с различными категориями детей, имеющих сложные речевые нарушения.

При выполнении различных видов работ в процессе педагогической практики нами апробированы следующие технологии:

1. Технология социально-педагогической поддержки студентов, которая включала следующие компоненты:

- помощь студенту в адаптации к условиям реального коррекционно-образовательного процесса в образовательной организации;

-устранение психологических барьеров, которые возникают у студента в процессе организации взаимодействия с субъектами педагогического процесса (детьми с речевыми нарушениями, педагогами, родителями).

2. Технология проблемного обучения: тренинги, деловые и дидактические игры, дискуссионные методы, коллективные творческие дела, педагогические мастерские, моделирование вариантов социально-педагогического процесса с последующей саморефлексией.

Эту технологию мы применяли при обсуждении сложных практических проблем, для обмена опытом между студентами, для уточнения и согласования позиций участников, для выработки единого подхода к исследованию определенного социального явления.

3. Технология поиска стратегий в решении социально-педагогических задач.

Анализ научных источников и наш практический опыт позволил нам составить *практический кейс* для работы с будущими учителями-логопедами по решению социально-педагогических задач.

Достоинства этой технологии для нашего исследования состоят в том, что в процессе анализа и решения конкретной проблемной задачи студенты действовали по аналогии с реальной профессиональной практикой, т.е. они опирались на собственный опыт, приобретенный ими в процессе практического обучения.

4. Интерактивные образовательные технологии: технология портфолио, интернет-форум, онлайн-мастер-классов учителей-логопедов города, просмотр видеозаписи проведенных студентами логопедических занятий, консультаций и воспитательных мероприятий.

Указанные педагогические технологии способствовали:

1) организации познавательного способа вхождения в квазипрофессиональную деятельность бакалавров-логопедов;

2) обеспечению возможности интеграции социально-образовательного пространства вуза и окружающего социума;

3) акцентированию на социально-ролевых видов деятельности с целью формирования социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов;

4) артикулированию социально-педагогических задач;

5) формированию активной позиции бакалавров-логопедов.

На констатирующем и контрольном этапе экспериментального исследования для систематизации информации об изменениях, происходящих в процессе формирования социально-педагогической компетентности, мы определили инструментарий исследования сформированности социально-педагогической компетентности и соотнесли выделенные критерии социально-педагогической компетентности с набором методик, отражающих проявление данных показателей в работе со студентами в процессе прохождения ими педагогической практики.

Мотивационно-личностный критерий был оценен нами в ходе проведения двух видов диагностики: экспресс-диагностика социальных ценностей личности (автор Н.П. Фетискин) и методики оценки способности к саморазвитию (автор Т.М. Шамов). Данные методики мы использовали для определения личных, профессиональных и социально-психологических ориентаций, предпочтений студентов, а также для определения способности студента к саморазвитию.

Профессионально-когнитивный критерий был оценен нами с помощью следующего пакета методик: самооценка профессионально-педагогической мотивации (авторы Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов) и оценка профессиональной направленности личности будущего учителя (автор Е.И. Рогов).

Аналитико–деятельностный критерий сформированности социально–педагогической компетентности студентов мы оценили с помощью авторской программы наблюдений за деятельностью будущего учителя-логопеда в процессе педагогической практики.

Разработанная нами программа наблюдений включала три цикла: *наблюдение за процессом деятельности, наблюдение за результатом деятельности, наблюдение за процессом личностного развития студентов*.

Процесс социально-педагогической деятельности исследовался нами в *первом цикле* наблюдений. Мы исследовали *педагогические, специальные (социально-педагогические) и методические* знания студентов.

В этом цикле наблюдений мы также исследовали умения будущего учителя-логопеда: гностические, проектировочные, организаторские, коммуникативные.

Во *втором цикле* наблюдений мы определяли по функциональным показателям результаты педагогической деятельности студентов: формирование у студентов устойчивого интереса к изучению методов социально-педагогического воздействия, заинтересованность студентов процессом познания, умение самостоятельно работать (способность к самообразованию); наличие у студентов прочных умений и навыков в самостоятельном использовании знаний в области социально-педагогической деятельности (способность к самоорганизации); развитие творческих способностей студентов и сформированность творческого отношения к педагогическому труду, познанию, общению (способность к саморазвитию); развитие волевых качеств личности студентов, умение преодолевать трудности (способность к самовоспитанию).

В *третьем цикле* наблюдений исследовались личностные особенности бакалавров по следующим показателям: *эмоционально-нравственная направленность*, *профессиональная направленность*.

Предложенная программа наблюдений оказалась довольно эффективным рабочим инструментом, который позволил нам не только оценить степень развития аналитико-деятельностного критерия сформированности социально-педагогической компетентности студентов, но и получить информацию для дальнейшего размышления, выводов, корректировки методов работы со студентами в будущем.

Для определения достоверности результатов исследования нами использовался критерий Пирсона χ^2, позволяющий сравнивать процентные распределения данных указанной выборки студентов. Расчет χ^2 производился нами по формуле:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^{n} \frac{\left(y_i' - x_i'\right)}{x_i'},$$

где:

x_i' – частоты результатов наблюдений до эксперимента (частота в %);

y_i' – частоты результатов наблюдений после эксперимента (частота в %);

n – число групп, на которые разделились результаты наблюдений.

Материалы математической обработки общих результатов исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Общие результаты опытно-экспериментальной работы (в %)

Критерии	*До / после эксперимента*	*Уровни сформированности (количество в %)*			χ^2
		креативный	*частично-поисковый*	*репродуктивный*	
ЭГ (n = 59)					
1. Мотивационно-личностный критерий	до эксперимента	39,75	43	17,25	7,10
	после эксперимента	49,5	42,25	8,25	
2. Профессионально-когнитивный критерий	до эксперимента	37	49	14	7,20
	после эксперимента	49	43	8	
3. Аналитико-деятельностный критерий	до эксперимента	34,4	45,6	20	6,67
	после эксперимента	44,3	44,4	11,3	
Общий уровень	до эксперимента	37,05	45,85	17,1	6,81
	после эксперимента	47,6	43,2	9,2	
КГ(n = 77)					
1. Мотивационно-личностный критерий	до эксперимента	26,25	39,75	34	0,60
	после эксперимента	29,5	39	31,5	
2. Профессионально-когнитивный критерий	до эксперимента	25	40	35	1,61
	после эксперимента	28	43	29	
3. Аналитико-деятельностный критерий	до эксперимента	29,4	42	28,6	0,35
	после эксперимента	31,1	42,9	26	
Общий уровень	до эксперимента	26,88	40,58	32,54	0,71
	После эксперимента	29,53	41,63	28,84	

Из этой таблицы видно, что при уровне значимости α=0,05 и числе степеней свободы k = количество уровней - 1 = 3-1 =2 получены следующие значения: для КГ: χ^2 = (0,60; 1,61; 0,35; 0,71) < $\chi^2_{кр}$ = 5,99; для ЭГ: χ^2 =

(7,10; 7,20; 6,67; 6,81) > $\chi^2_{кр}$ = 5,99 (на уровне значимости 0,05). Это подтверждает наличие статистически достоверных различий в изменении уровней сформированности социально-педагогической компетентности у будущих учителей-логопедов экспериментальной группы.

Положительная динамика всех критериальных показателей, выявленная в ходе педагогического эксперимента, позволяет сделать вывод о том, что реализация поэтапной, социально направленной педагогической практики способствует повышению эффективности подготовки бакалавров-логопедов в осуществление социально-педагогической деятельности, направленной на успешную адаптацию и позитивную социализацию детей с речевыми нарушениями в современное общество.

The article considers the problem of formation of socio-pedagogical competence of the future teachers-speech therapists in the process of teaching practice. The essence of the social and pedagogical competence of future teachers, speech therapists, developed a model of socio-pedagogical competence of the future teachers-speech therapists in the process of teaching practice, and presents the results of research on the effectiveness of this process.
Keywords: *socio-educational activities; social and pedagogical competence, pedagogical practice.*

Список литературы

1. Бойко Т.Н. Модельный подход к формированию социально-педагогической компетентности будущих учителей-логопедов /Т.Н. Бойко//Вестник Брянского государственного университета. №1 (2012): Общая педагогика. Профессиональная педагогика. Психология. Частные методики. - Брянск: РИО БГУ, 2012. - С.31-35.
2. Бойко Т.Н. Социально-педагогический подход в деятельности будущего педагога /Т.Н. Бойко// Europäische Fachhochschule №2 – 2015 Herausgeber: ORT Publishing Schwieberdinger Str. 5970435 Stuttgart, Germany. 2015. -С. 18-20.
3. Колычева З.И. Социальное развитие субъектов образовательного процесса /З.И. Колычева// монография Тобольск: ГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. - 224с.
4. Ядвиршис Л.А. Подготовка учителя к социально-педагогической деятельности в микросоциуме: Монография /Под общ. ред. В.А. Сластенина. - Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. - 228 с.

Об авторе

Бойко Т.Н. – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии детства Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *boykotanya32@mail.ru*

УДК 378

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ УРОВНЯ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Н.В. Бужинская

ИКТ-компетентность является интегральной характеристикой и позволяет оценить результаты информационно-технологической подготовки бакалавров педагогических вузов. В статье предложены критерии оценки заданий, целью которых является имитация будущей деятельности студентов с применением различных программных средств, разработаны тесты для выявления уровней мотивации и способности к самообразованию в данной сфере. Комплексная оценка указанных компонентов позволит выявить уровень ИКТ-компетентности будущих учителей и внести необходимые изменения в содержание подготовки.
Ключевые слова: *информационно-технологическая подготовка, информационно-коммуникационные технологии, ИКТ-компетентность, программные средства, электронные образовательные ресурсы, мотивация, самообразование.*

В условиях информатизации системы образования подготовка компетентного специалиста невозможна без развития у него умений квалифицированно выбирать и применять информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) в педагогической деятельности.

Для характеристики результатов освоения возможностей информационных и коммуникационных технологий целесообразно использовать понятие ИКТ-компетентность. На основе исследований С.Р. Удалова, М.П. Лапчика, О.Н. Ионовой, можно сделать вывод, что ИКТ-компетентность представляет собой интегральную характеристику, отражающую наличие умений решать различные проблемы и задачи, возникающие при использовании информационных и коммуникационных технологий в педагогической деятельности, с помощью знаний, умений осуществлять рефлексию и самообразование, на основе опыта деятельности [8, 7, 5].

С учетом требований квалификационных характеристик Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) можно выделить три уровня ИКТ-компетентности [10]:

– пользовательский (студент овладел всеми необходимыми знаниями и умениями в соответствии с ФГОС ВО и умеет применять готовые программные средства для реализации целей учебно-воспитательного процесса);

– технологический (студент овладел всеми необходимыми знаниями и умениями в соответствии с ФГОС ВО, умеет применять готовые программные средства и разрабатывать отдельные типы электронных образовательных ресурсов (ЭОР) соответственно решаемым задачам);

–профессиональный (студент не только овладел всеми необходимыми знаниями и умениями в соответствии с ФГОС ВО, но и умеет применять и разрабатывать электронные учебно-методические комплексы, определять целесообразность их разработки и применения на различных этапах урока, осуществляет рефлексию собственной деятельности и самосовершенствование).

Оценка уровня ИКТ-компетентности является важнейшей проблемой и требует дополнительного исследования, однако нам близок подход С.А. Зайцевой, которая считает, что в систему индикаторов необходимо добавить творческую, мотивационную и когнитивную составляющие [4].

Поэтому для оценки выделенных уровней ИКТ-компетентности предлагается использовать комплекс следующих показателей:

–уровень сформированности теоретических знаний в области информационно-коммуникационных технологий;

–уровень сформированности умений применять инструментальные программные средства для решения учебных задач, оценивать программное обеспечение и перспективы его использования;

–уровень сформированности умений разрабатывать собственные электронные образовательные ресурсы для решения различных задач;

–уровень сформированности умений применять различные типы ИКТ для решения задач учебно-воспитательного процесса и умений осуществлять рефлексию данной деятельности;

–уровень развития мотивации студентов к применению ИКТ для решения задач профессиональной деятельности;

–уровень развития способности студента к самосовершенствованию в области ИКТ.

Рассмотрим каждый из выделенных показателей более подробно.

Первым критерием служит характер изменения с течением времени коэффициента усвоения студентами основных понятий предметной области «Информационно-коммуникационные технологии». К этим понятиям могут быть отнесены: информатизация образования, информационные и коммуникационные технологии, электронные образовательные ресурсы, компьютерное обеспечение образовательного процесса. Из теоретических основ необходимо дополнительно проверить знания студентов в области классификации ИКТ и требований к ним. Проверочные работы можно проводить на каждом курсе обучения.

Проверка усвоения данных понятий может осуществляться через систему проверочных работ теоретического характера. Характер изменения коэффициента усвоения знаний рассчитывался нами с помощью методов, разработанными А.В. Усовой, по формуле [9].

$$k_i = \frac{N_i}{N},$$

где N_i – количество студентов, которые правильно ответили на i вопрос и N – общее количество студентов. Оптимальным считается вариант, при котором значение коэффициента усвоения знаний $k>0.5$ [2].

Для оценки второго показателя в процесс обучения необходимо добавить задания, направленные на формирование мотивации студентов к осуществлению педагогической деятельности с использованием ИКТ. Следует отметить, что умения студентов в области профессиональной деятельности успешно формируются, если в учебном процессе моделируется профессиональная деятельность с учетом ее особенностей.

Ниже приведены примеры подобных ситуаций.

Ситуация №1. На заседании методического объединения Вам необходимо представить проект одного из этапов урока – объяснение нового материала по определенной теме. Для этого Вы можете:

–разработать дидактические материалы и представить их учителям в печатном варианте;

–разработать электронную лекцию или презентативные материалы и продемонстрировать их на экране проектора.

Задача: выбрав свой путь решения данной ситуации, разработайте электронный проект объяснения нового материала.

Алгоритм решения:

1. Сформулировать цель данной темы и выделить задачи.
2. Определить содержание.
3. Выделить главное в данной теме.
4. Разработать схемы и таблицы для более наглядного представления материала.
5. Подобрать необходимые иллюстрации.
6. Составить словарь терминов.
7. Сделать выводы по данной теме.
8. Определить связь данной темы с другими темами.
9. Найти в Интернете электронные образовательные ресурсы, которые разработаны с помощью Microsoft PowerPoint.

Ситуация №2. Через неделю состоится международный конкурс по Web-дизайну, и требуется создать сайт на английском языке. Ваши ученики решили принять в нем участие. Вы можете:

– помочь ученикам создать сайт на русском языке, а затем учителя иностранного языка окажут помощь в переводе содержания сайта на английский язык;

– помочь в разработке сайта на английском языке.

Задание: выбрав один из возможных путей решения, оформите сайт по любой выбранной Вами теме. Какие инструментальные программные средства для разработки сайтов можно использовать?

Алгоритм решения:

1. Сформулировать цель данной темы и определить задачи.
2. Выделить разделы в данной теме и в соответствии с ними разработать меню сайта.
3. Оформить необходимые схемы и таблицы, осуществить поиск иллюстраций по данной теме.
4. Оформить содержание: на первой странице указать название темы, цели и задачи, далее раскрыть содержание темы, составить словарь терминов и список литературы.
5. Найти в Интернете сайты по указанной теме.

Для оценки третьего показателя в содержание информационно-технологической подготовки необходимо включить комплекс практико-ориентированных задач, целью которых является формирование у студентов умений применять ИКТ для решения задач педагогической практики и организации исследования в процессе выполнения ВКР. Преподавателю необходимо оценить уровень умений студентов в области разработки мультимедийных ЭОР, владение навыками работы с редакторами тестов, конструкторами интерактивных карт и другими инструментальными программными средствами. Немаловажным является и оценивание уровня компетенции студентов в области поиска и обработки информации при работе с образовательными порталами, энциклопедиями и словарями, сетевыми социальными сервисами, телекоммуникационными проектами. Бакалавры педагогического образования должны уметь анализировать дидактические возможности электронных учебников, электронных учебных курсов, электронных учебно-методических комплексов, представленных как на CD и DVD дисках, так и в Единой коллекции ЭОР (например, http://school-collection.edu.ru/about/). Кроме того, бакалавры педагогического образования должны уметь разрабатывать электронные образовательные ресурсы для организации наблюдений, мониторинга и диагностики наиболее важных черт характера, таких как изучении мотивации профессиональной деятельности, самооценки личности т.д.

Задания эффективно оценивать с помощью рейтинговой системы, которая создает возможности для реализации в вузе внутренней дифференциации и организации процесса подготовки с учетом способностей, потребностей и интересов каждого студента. Возможно дополнить рейтинговую систему оценивания премиальными баллами (за участие в олимпиадах, семинаре, оформление публикаций, участие в общевузовских конкурсах, выступление с докладом, оформление рефератов, презентацию лучших дидактических материалов, проведения опросов и анкетирования учителей школ и преподавателей вузов с обработкой и презентацией результатов и т.д.).

Следует отметить, что первые три показателя могут оцениваться преподавателями во время изучения студентами содержания дисциплин информационно-технологической подготовки. Например, в процессе изучения дисциплин «Основы математической обработки информации», «Информационные технологии», а также других дисциплин. Суммарное количество баллов для каждого показателя является основой для распределения студентов по уровням: менее 50% от общего количества баллов – низкий уровень, 50%-75% – средний уровень, более 75% – высокий уровень [2].

Оценка следующих трех показателей ИКТ-компетентности возможна только после прохождения студентами педагогической практики, то есть после приобретения будущими специалистами опыта педагогической деятельности с применением ИКТ. Приобретение опыта во время педагогический практики – одно из условий формирования профессиональной готовности будущего учителя к социально-педагогической деятельности, за счет взаимодействия студентов с профессиональным сообществом и окружающей социальной средой [11].

Во время педагогической практики студенты усваивают элементы педагогической технологии проведения уроков по предмету с использованием ИКТ, знакомятся с особенностями преподавания учебного предмета в школе, используемыми учебными и методическими пособиями, программным и техническим обеспечением школы, компьютерным классом. Одним из методов, который позволяет поддерживать студента в достижении учебных целей, фиксировать динамику роста за определенный период времени, поощрять студентов за результаты и направлять на достижение новых, раскрыть спектр потенциала выполняемых работ, обеспечивать непрерывность процесса подготовки и развития личности по этапам подготовки является метод портфолио. Метод портфолио направлен на то, чтобы сделать процесс подобного оценивания управляемым, целенаправленным.

В условиях информатизации образования в качестве задания на педагогическую практику студенты оформляют портфолио «Информационно-коммуникационные технологии в практике обучения». В состав портфолио могут быть включены следующие компоненты.

1. Примеры учебных задач, для решения которых во время педагогической практики применялись различные инструментальные программные средства.
2. Перечень информационно-коммуникационных технологий, которые применялись в практике обучения или в процессе выполнения выпускной квалификационной работы (ВКР)
3. Электронные образовательные ресурсы, которые были разработаны студентом для реализации целей педагогической практики или соответственно теме ВКР, с обоснованием целесообразности их разработки.

4. Планы-конспекты уроков (внеклассного мероприятия), в том числе и в электронной форме, с применением различных типов ИКТ, которые студент проводил во время педагогической практики.

5. Видеофрагменты уроков студентов.

6. Анализ уроков с применением ИКТ, проведенных учителем или однокурсниками.

7. Самоанализ уроков, при проектировании которых применялись ИКТ.

8. Протоколы опросов, анкетирования, проведенных студентом во время педагогической практики с обработкой их результатов с помощью инструментальных программных средств.

9. Результаты успешности деятельности учащихся с применением ЭОР (электронный журнал).

10. Описание трудностей, которые возникли у студента при использовании ИКТ в практике обучения, и план работы по исправлению этих трудностей.

Оценивание компонентов портфолио, а также определение уровня данного показателя ИКТ-компетентности может осуществляться как преподавателями дисциплин данного цикла, так и руководителями практикой студентов, учителями школ.

Для диагностики мотивации студентов к применению и созданию электронных образовательных ресурсов для решения задач учебно-воспитательного процесса нами применялась методика К. Замфир в модификации А.А Реана [3, с. 280]. Студентам предлагался тест, в котором необходимо было дать оценку значимости мотивов применения ИКТ по пятибалльной шкале. Определялись мотивационные комплексы студентов – тип соотношения между собой трех видов мотивации: внешней, внешней положительной и внешней отрицательной мотивации.

Для выявления уровня развития способности студентов к самосовершенствованию в области ИКТ использовался тест, разработанный на основе методики В.И. Андреева [1]. Студентам предлагалась анкета, в которой необходимо дать ответ цифрами «1», «2», «3» на каждый из поставленных вопросов. Цифра «1» соответствует ответу «нет», «2» – ответу частично или периодически, «3» – «да».

Для определения способностей студентов к самосовершенствованию в области ИКТ нами была составлена тест-анкета, в которую включены следующие вопросы.

Имеете ли Вы стремление к изучению новой информации в области применения ИКТ и созданий ЭОР?

Испытываете ли Вы потребность глубже познать свои возможности в области применения ИКТ?

Способны ли Вы к быстрому самостоятельному овладению новыми видами деятельности в области применения ИКТ, например, к самостоятельному изучению языка HTML?

Способны ли Вы продолжать решать сложную учебную задачу с применением инструментальных программных средств, если первые 2 часа не дали положительного результата?

Считают ли Вас способным к преодолению трудностей в области применения и создания собственных ЭОР однокурсники, друзья, родители, преподаватели?

Способны ли Вы продолжать разрабатывать электронный образовательный ресурс, если первые 2 часа не дали положительного результата?

Способны ли Вы продолжать применять ИКТ в практике обучения, если первые учебные занятия не дали положительного результата?

Считаете ли Вы себя самоустремленным человеком, способным достичь успехов в области ИКТ?

Знаете ли Вы сильные и слабые стороны применения ИКТ для решения задач педагогической деятельности?

Анализируете ли Вы, что из запланированного в области ИКТ Вам выполнить не удалось и почему?

Добиваетесь ли Вы, чтобы к Вашему мнению прислушивались при создания и применения ИКТ?

Способны ли Вы делать выводы в области применения ИКТ из опыта других людей и из собственного опыта?

Способны ли Вы планировать свои действия в области ИКТ?

Сумма баллов, которую получает студент, характеризует уровень его способности к самосовершенствованию:

– низкий уровень – 16-24 баллов;
– средний уровень – 25-36 баллов;
– высокий уровень – более 36 баллов.

Для количественного определения уровня ИКТ-компетентности использовалась методика, предложенная А.А. Кыверялгом [6]. Применение данной методики позволяет в отношении степени проявления каждого критерия определить количественный показатель (см. таблицу 1). В исследовании были введены следующие количественные показатели:

– 0 баллов – низкий уровень сформированности критерия;
– 1 балл – средний уровень сформированности критерия;
– 2 балла – высокий уровень сформированности критерия.

Таблица 1

Методика оценки уровней ИКТ-компетентности студентов

Критерий	Уровни			Методы исследования
	Низкий	Средний	Высокий	
Уровень сформированности теоретических знаний в области ИКТ	$k \le 0{,}5$ Студент не знает основные понятия в области ИКТ	$0{,}5<k<0{,}75$ Студент допускает ошибки в определении основных понятий данной предметной области	$k \ge 0{,}75$ Студент свободно ориентируется в предметной области «информационно-коммуникационные технологии»	Определение коэффициента усвоения теоретических знаний на основе данных контрольных срезов
Уровень сформированности умений применять инструментальные программные средства для решения учебных задач	$k \le 50\%$ Не применяет программные средства для решения задач или допускает ошибки	$50\%<k<75\%$ Применяет определенные типы инструментальных программных средств для решения задач	$k \ge 75\%$ Применяет инструментальные средства, выбирает наиболее эффективное средство для решения задач и оценивает их эффективность	Определение количества баллов при выполнении заданий. Рейтинговая система оценивания
Уровень сформированнности умений разрабатывать собственные электронные образовательные ресурсы для решения различных задач	$k \le 50\%$ Возникают сложности с разработкой электронных образовательных ресурсов	$50\%<k<75\%$ Разрабатывает определенные типы электронных образовательных ресурсов	$k \ge 75\%$ Разрабатывает электронные образовательные ресурсы различных типов в зависимости от поставленной задачи	Определение количества баллов при выполнении заданий. Рейтинговая система оценивания
Уровень сформированности умений применять различные типы ИКТ для решения задач учебно-воспитательного процесса и умений осуществлять рефлексию данной деятельности	$k \le 0{,}5$ Применяет готовые электронные образовательные ресурсы для решения задач педагогической деятельности	$0{,}5<k<0{,}75$ Разрабатывает и применяет электронные ресурсы для решения задач педагогической деятельности	$k \ge 0{,}75$ Разрабатывает и применяет электронные образовательные ресурсы для решения задач педагогической деятельности, анализирует их возможности, оценивает эффективность своей деятельности в области ИКТ	Анализ и результаты оценки портфолио студентов, результатов педагогической практики
Уровень развития мотивации студентов к применению ИКТ для решения задач профессиональной деятельности	ВОМ>ВПМ>ВМ	Промежуточные мотивационные комплексы	ВП>ВПМ>ВОМ ВМ=ВПМ>ВОМ	Методика К. Замфир в модификации А.А. Реана Результаты теста
Уровень развития способности студента к самосовершенствованию в области ИКТ	16-24 баллов Низкий Уровень Не готов к самосовершенствованию в области ИКТ	25-36 баллов Средний Уровень Готов к деятельности с применением ИКТ	>36 баллов Высокий уровень Готов к самосовершенствованию в области ИКТ и понимает необходимость самосовершенствования в данной области	Тест В.И. Андреева. Результаты теста

Согласно методике А.А. Кыверялга, средний уровень определяется 25%-ым отклонением оценки от среднего по диапазону оценок, тогда оценка из интервала от R(min) до 0,25 R (max) позволяет констатировать низкий уровень ИКТ-компетентности студентов. О профессиональном уровне компетентности свидетельствуют оценки, превышающие 75% максимально возможных [6]. В нашем случае, суммарный балл, оценивающий интегральный результат формирования компетентности в области применения и создания ЭОР, меняется в пределах от 0 до 12 (по количеству показателей). Уровни формирования компетентности определяются интервалами: пользовательский – 1-6 баллов, технологический – 6,1-9 баллов, профессиональный – 9,1-12 баллов. Для каждого студента заполняется рейтинг-лист (см. таблицу 2).

Таблица 2

Рейтинг-лист для определения уровня ИКТ-компетентности студента

Уровень	**Показатель ИКТ-компетентности**					
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**
Низкий						
Средний	+	+	+			

Высокий				+	+	+
Примечания	Студент имеет низкий балл коэффициента знаний за срез по теме «Классификация ИКТ»	Студент затрудняется с оценкой эффективности возможностей инструментальных программных средств	Участие студента в конкурсе с собственным электронным образовательным ресурсом	Компоненты портфолио представлены на высоком уровне, что дополнительно отмечено учителями школ	Преобладает внешняя положительная мотивация	Студент готов к деятельности с применением ИКТ, но считает, что разработка новых ЭОР занимает много времени
Итого:	**9 баллов – технологический уровень**					

Таким образом, представленная методика оценки ИКТ-компетентности позволяют оценить результаты информационно-технологической подготовки студентов педагогических вузов. Однако следует отметить, что успешное формирование ИКТ- компетентности осуществляется последовательно в процессе обучения студентов в вузе и невозможно без приобретения студентами опыта по использованию информационно-коммуникационных технологий в учебно-воспитательном процессе школы.

ICT competence is an integral characteristic, and evaluates the results of bachelors of pedagogical universities. This article describes the tasks, the purpose of which is to simulate the future activity of students using various software tools and evaluation criteria, developed a test to detect the levels of motivation and the ability to educate themselves in this area. Complex evaluation of these components will identify the level of ICT competence of future teachers and allow to make the necessary changes to the content of training.
Keywords: *training in the field of information technology, information and communication technology, ICT-competence, software, e-learning resources, motivation, self-education.*

Список литературы

1. Андреев В.И. Саморазвитие менеджера. М.: Народное образование, 1995. 129 с.
2. Беспалько В.П. Программированное обучение. Дидактические основы. М.: Высшая школа, 1977. 299 с.
3. Бордовская Н.В. Педагогика : учебное пособие. Спб.: Питер, 2006. 304 с.
4. Зайцева С.А. Система формирования информационной и коммуникационной компетентности будущих учителей начальных классов в педагогическом вузе: автореф. дис. докт. пед. наук: 13.00.08. Шуя, 2011. 34 с.
5. Ионова О.Н. Концептуальные основы формирования информационной компетентности взрослых в системе дополнительного образования // Дополнительное профессиональное образование. 2006. №4(28). С. 5.
6. Кыверялг А.А. Вопросы методики педагогических исследований. Таллинн: Валгус, 1971. 134 с.
7. Лапчик М.П. О целях информатического образования учащихся // Информатика и образование. 2008. №3. С. 2-8.
8. Удалов С.Р. Методические основы подготовки педагогов к использованию средств информатизации и информационных технологий в профессиональной деятельности: автореф. дис. … докт. пед. наук: 13.00.02. Омск, 2005. 34 с.
9. Усова А.В. Психолого-дидактические основы формирования у учащихся научных понятий: учеб. пособие. Челябинск, 1979. 88 с.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). М., 2015. 17 с.
11. Ядвиршис Л.А. Профессиональная подготовка учителя к социально-педагогической деятельности: дис. … докт. пед. наук: 13.00.08. Брянск, 2001. 401 с.

Об авторе

Бужинская Н.В. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий Российского государственного профессионально-педагогического университета (филиал в г. Нижний Тагил), *Nadezhda_V_A@mail.ru*

УДК 378+374

РЕАЛИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ В АСПЕКТЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ

В.И. Варющенко, О.В. Гайкова

В статье анализируется концепция психолого-педагогической подготовки учителя к изучению дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки в процессе повышения квалификации. Раскрыты структурные элементы освоения педагогически адаптированного социального опыта человечества, тождественного по своей структуре человеческой культуре.
Ключевые слова: *деятельность, личностные установки, проблемная ситуация, диалог, психолого-педагогическая готовность.*

Современные технологии преподавания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки позволяют учителю конструировать педагогическую деятельность с позиций личностного развития обучающихся. Один из фундаментальных аспектов концепции личностно ориентированного образования – вопрос о природе опыта, усвоение которого и означает развитие личности.

Педагогическая наука и практика предлагают учителю истории различные концепции реализации деятельностного подхода к содержанию образования, актуализация которых в процессе его психолого-педагогической подготовки в системе повышения квалификации и переподготовки кадров позволяет ему организовать свою деятельность (преподавание) и деятельность учащихся (учение) на основе содержания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки. Причем, процесс изучения педагогики должен быть «направлен на развитие профессиональной культуры, творческого мышления учителя, конструктивных, организаторских, коммуникативных, дидактических, психомоторных и других способностей педагога, социокультурных и профессиональных компетенций…, осуществлять инновационный поиск ответов на вопросы о человеке и его взаимодействие с миром, с другими людьми…» [1, с. 20].

И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин и В. В. Краевский предложили реализовать деятельностное содержание образования на базе педагогически адаптированного социального опыта человечества, тождественного по своей структуре человеческой культуре. Данная концепция, базирующаяся на четырёх структурных элементах [2, с. 28], представлена в психолого-педагогическом компоненте программы модульного курса «Дидактические основы формирования готовности учителя к преподаванию дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки» в системе повышения квалификации, что позволит учителю истории осуществить педагогическую диагностику образовательных достижений обучающихся и произвести корректировку своей деятельности [3, с.13].

Первый элемент – опыт познавательной деятельности, фиксированный в форме ее результатов – знаний. Универсальные знания представлены в научных понятиях и определяются точно по объему и содержанию, а специфическим является их анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, конкретизация [4]. Именно умственным операциям с «обобщенными знаниями» необходимо уделять внимание в 10–11 классах, ученики которых могут давать верные словесные определения понятиям, выделяя в них наиболее общие и существенные признаки, и выполнять полноценно умственные операции с понятиями, действуя по законам логики.

Второй элемент – опыт репродуктивной деятельности, умение, опираясь на «обобщенные» знания, действовать по образцу:

1) этап формирования ориентировочной основы действия;
2) этап выполнения действий в развернутой форме, с реальными материальными предметами;
3) этап выполнения действий, сопровождаемых громкой речью;
4) этап выполнения действий, поддерживаемых «речью про себя»;
5) этап выполнения действий на основе внутренней речи [5, с. 48].

Данная концепция обосновывает практическое превращение внешних действий с материальными предметами во внутренние, умственные действия с понятиями в процессе восприятия, осмысления и понимания, обобщения, закрепления, применения содержания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки.

Третий элемент – опыт творческой деятельности в разрешении проблемных ситуаций. При этом творческая деятельность определяется как «форма активности в проблемном поле, оригинальная постановка проблемы, наполненной личностным смыслом» [6, с. 122] или как «процесс чувствования трудностей, брешей в информации, недостающих элементов; построение версий, догадок и формулирование гипотез, касающихся этих недостатков, оценки и тестирования этих версий, догадок, гипотез; возможность их пересмотра и проверки и, наконец, обобщения результатов» [6, с. 123].

Дискуссионные вопросы социально-гуманитарной науки дают возможность выходить за рамки стереотипных решений, активно отрабатывать, высказывая свое мнение, две или более несовместимые версии, точки зрения [5].

Творческая деятельность в процессе усвоения содержания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки осуществляется в три этапа:

1) *«стимульно-продуктивный»* (усвоение имеет продуктивный характер);
2) *«эвристический»* (предлагается «свой» способ решения дискуссионного вопроса, но продолжается анализ его, сопоставление двух (или более) версий его решения);
3) *«креативный»* (самостоятельно обнаруживается «новая версия») [7, с. 38].

Процесс усвоения содержания материала на творческом уровне происходит в процессе создания и разрешения проблемных ситуаций. А создание проблемной ситуации (психологической, педагогической) требует не только адекватного конструирования содержания материала, но и высокого «качества дидактической подготовленности учителя к моделированию педагогических ситуаций» [8, с. 77].

Проблемная психологическая ситуация – это состояние, возникшее в процессе выполнения задания, для которого нет готовых средств, и требующее усвоения новых знаний об изучаемом предмете, о способах или условиях выполнения задания. Проблемная ситуация предполагает соблюдение условий: задание основывается на тех знаниях и умениях, которыми владеет ученик; неизвестное, которое предстоит открыть, составляет подлежащую усвоению общую закономерность, общий способ действия или некоторое общее условие выполнения; выполнение проблемного задания должно вызывать потребность в усвоении знаний [8].

Педагогическая проблемная ситуация – это готовность учителя организовать усвоение учебного материала, привести различные точки зрения на один и тот же вопрос, показать противоречие и предложить ученикам самим найти способ его решения [9, с. 46]. В этом русле психолог Е. Л. Мельникова предлагает на уроках истории и обществознания создавать проблемную ситуацию с одновременным предъявлением двух противоречивых фактов (теорий, мнений), после чего учитель может произнести следующие реплики побуждающего диалога: «Что вас удивило? Какое противоречие налицо? Какой возникает вопрос?»

На уроке изучения нового материала прорабатываются два аспекта:

1) постановка учебной проблемы – этап формулирования темы урока или вопроса для исследования;

2) решение учебной проблемы – этап формулирования нового знания [10].

В данной технологии постановку проблемы и поиск решения ученики осуществляют в ходе специально выстроенного диалога. Побуждающий диалог состоит из отдельных стимулирующих реплик, помогающих ученику работать по-настоящему творчески. На этапе постановки проблемы этот диалог применяется для того, чтобы ученики осознали противоречие, заложенное в проблемной ситуации, и сформулировали проблему. На этапе поиска решения учитель побуждает учеников выдвинуть и проверить гипотезы, то есть обеспечивает «открытие» знаний путем проб и ошибок. Подводящий диалог представляет собой систему вопросов и заданий, которые активизируют и развивают логическое мышление учеников. На этапе постановки проблемы учитель пошагово подводит учеников к формулированию темы. На этапе поиска решения он выстраивает логическую цепочку умозаключений, ведущих к новому знанию.

Таким образом, *психологическая проблемная ситуация* в процессе усвоения содержания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки вызывает состояние противоречия, затруднения, интереса, а *педагогическая проблемная ситуация* создает особого вида мотивацию, требуя адекватного конструирования содержания материала, который должен быть представлен как цепь проблемных ситуаций и используется на всех этапах процесса обучения: при объяснении, закреплении, контроле. Кроме того, и психологическую и педагогическую проблемные ситуации создает учитель, направляя учащихся на решение дискуссионного вопроса социально-гуманитарной науки.

Проблемный диалог обеспечивает творческое усвоение знаний учащимися посредством специально организованного учителем диалога. Учитель сначала в побуждающем или подводящем диалоге помогает ученикам поставить учебную проблему, то есть сформулировать тему урока или вопрос для обсуждения, тем самым вызывая у школьников интерес к новому материалу. Затем посредством побуждающего или подводящего диалога учитель организует поиск решения или «открытие» нового знания. При этом достигается подлинное понимание учениками материала, так как нельзя не понимать то, до чего додумался сам.

Четвертый элемент – опыт осуществления эмоционально-ценностных задач, который важен как для учащихся, так и для начинающего и опытного учителя. Личностные ориентации, мировоззренческие установки как обязательный элемент учебно-познавательной деятельности «пронизывают» процесс творческого мышления [2]. Личностные (рефлексивные) действия, свидетельствующие о становлении внутреннего личностного опыта, включают:

– оценку изучаемых событий, явлений, целенаправленный поиск таких аспектов материала, которые бы позволили ученику заявить о своем отношении к ним, о собственной позиции в отношении изучаемого;

– выявление собственных проблем, связанных с дефицитом определенного опыта, знаний, навыков, уверенности, личностных качеств;

– регуляцию собственных переживаний, внутренних коллизий, поиск жизненных смыслов, самоопределение в отношении различных жизненных ценностей.

Личностные коллизии и соответствующий им личностный опыт порождают:

1) возрастные проблемы социализации;

2) проблемы мотивации и смысла учебной деятельности;

3) межличностное взаимодействие учителя и ученика;

4) специфические ценностно-смысловые ситуации, которые учитель создает благодаря авторской модели преподавания своего предмета [11, с.13].

Выделяются две формы обращения к личностному опыту ученика:

– «воспитательная ситуация» (обсуждение с учащимися их личных проблем, проблем изучаемой дисциплины, проблем исторической науки, философской науки, экономических, экологических, мировоззренческих проблем, имеющих личностный контекст);

– опосредованное подведение учащихся к осознанию и осмыслению этих проблем через различные способы создания личностно ориентированной педагогической ситуации (диалог, игра, жизненные парадоксы и др.).

В ходе учебного процесса учитель совмещает обращение к личностному опыту ребенка с рефлексивными внутренними исканиями формирующейся личности, с ответным принятием учеником «проблем учителя», что позволяет в процессе преподавания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки усвоить их содержание и выполнить требования, которые вытекают из сути учебной деятельности.

А. Маслоу (*теория «социальных ролей», «гуманистическая теория»)* и Дж. Равена *(теория «природы социальной компетентности»)* акцентируют внимание на зависимости поведения и поступков людей от общества, что свидетельствует о развитии социальной компетентности [12; 13].

Согласно «теории социальных ролей», каждый человек берет на себя определенные социальные роли. Те

роли, которые человек чаще всего берет на себя, характерны для него. Он вживается в них настолько, что они становятся типичными для него самого в различных жизненных ситуациях.

Согласно «гуманистической теории личности», социально активная личность руководствуется собственным, достаточно устойчивым мировоззрением. Если ученик представляет собой высокоразвитую личность, то главной для него становится потребность в самоактуализации:

а) независимость от мнения других, действия в соответствии с собственными убеждениями;

б) повышенный интерес к тому, что происходит в обществе, вокруг и с другими людьми;

в) адекватная самооценка;

г) уважительное отношение к людям, придерживающимся других точек зрения [12, с. 244].

Согласно теории «природы социальной компетентности», в процессе обучения важно обратить внимание на:

1) ценности индивида – его намерения, увлечения, интерес и удовольствие (аффектный компонент);

2) результат обучения – личная значимость историографического содержания (волевой компонент);

3) способ деятельности (когнитивный компонент):

а) решение проблемных и эвристических заданий к историографическим листам;

б) решение дискуссионных вопросов при организации групповой работы;

в) способность находить новые подходы, то есть выбирать «свою» историографическую версию или предлагать «новую» [13, с. 22].

Таким образом, «личностные, мировоззренческие установки» позволяют как учителю, так и учащимся следовать определенным социальным нормам, помогая выявить индивидуальные отличия и увидеть социальное поведение, социальные роли при рассмотрении связи дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки с различными жизненными ситуациями. Также в процессе преподавания дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки можно наблюдать повышенный интерес к тому, что происходит в обществе, вокруг нас с другими людьми и «самооценку» достоинств, недостатков, поведения учителя и учащихся.

The article analyzes the concept of teacher's psychological and pedagogical preparedness to the teaching of controversial issues Social Sciences and Humanities in the process of training. Revealed structural elements of the transformation of pedagogically adapted social experience of mankind, example-governmental structure of human culture.
Keywords: *activity, personal setting, problem situation, dialogue, psychological and pedagogical preparedness.*

Список литературы

1. Асташова Н.А. Инновационный подход к преподаванию педагогики как условие подготовки современного учителя // Вестник Брянского госуниверситета. – 2015. – № 2. – С. 20–22.

2. Краевский В. В., Лернер И. Я. Теоретические основы содержания общего образования. – М.: Педагогика, 1993. – 464 с.

3. Варющенко В. И., Гайкова О. В. Дидактические основы формирования готовности учителя к преподаванию дискуссионных вопросов социально-гуманитарной науки: программа модульного курса. – Новосибирск: НИПКиПРО, 2015. – 100 с.

4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М.: Педагогика, 1989. Т.1. – 745 с.

5. Гальперин П. Я. Психология мышления в поэтапном формировании умственных действий. – М.: Наука, 1966. – 564 с.

6. Торшина К. А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // Вопросы психологии. – 2000. – № 4. – С. 123–132

7. Богоявленская Д. Б., Богоявленская М. Е. Творческая работа – просто устойчивое сочетание // Вопросы психологии. – 1999. – № 5. – С. 36–42.

8. Яковлева Н.О. Теоретико-методологические основы педагогического проектирования: монография. – М.: Информ. Изд. Центр АТиСО, 2002. – 239 с.

9. Ильницкая И. А. Проблемные ситуации и пути их создания на уроке. – М.: Знание. 1985. – 247 с.

10. Мельникова Е.Л. Проблемный урок или Как открывать знания ученикам: уч. пособ. для учителя. – М.: АПКиПРО, 2006. – 168 с.

11. Теоретико-методологические основы развития профессиональной деятельности учителя: колл. монография /под ред. О. П. Морозовой, В. А. Сластенина, Ю. В. Сенько – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – 546 с.

12. Маслоу А. Мотивация и личность. – М.: Просвещение, 1989. – 307 с.

13. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. – М.: Когито Центр, 2001. – 142 с.

Об авторах

Варющенко В.И. – кандидат исторических наук, доцент, Почетный работник общего образования Российской Федерации, Президент Общественного фонда г. Новосибирска «Партнеры в образовании», *varvic47@mail.ru*

Гайкова О.В. – кандидат педагогических наук, учитель истории и обществознания высшей квалификационной категории МБОУ СОШ № 26 г. Новосибирска, *gaikova28@yandex.ru*

УДК 378.147

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ДИЗАЙН-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.А. Васильева

В статье представлена модель процесса формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности в вузе, состоящая из взаимосвязанных компонентов (целевого, содержательного, деятельностно-творческого и результативного), отражающая логику и внутреннюю динамику процесса, результатом которого является сформированность готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности.
Ключевые слова: *дизайн-технологическая деятельность, педагог профессионального обучения, модель готовности к дизайн-технологической деятельности, методологические подходы, структурные компоненты готовности, профессиональная компетентность, метод портфолио.*

Формирование готовности будущих педагогов профессионального обучения к дизайн-технологической деятельности является комплексной проблемой. Исследователи в области дизайн-образования Е.В. Ткаченко и С.М. Кожуховская утверждают, что «подготовка педагога профессионального обучения в области дизайна синтезирует в себе деятельность педагогическую и дизайн-деятельность» [8 с. 15]. По нашему мнению, педагогическая деятельность обеспечивает отношения, которые складываются между участниками образовательного процесса и позволяют решать поставленные задачи. Дизайн-технологическая деятельность предполагает проектирование и изготовление изделий для конкретного человека в соответствии с его потребностями. Опыт внедрения дизайна в образовательную среду высшей школы показывает, что основная задача состоит не в том, чтобы каждого обучающегося сделать дизайнером, а в том, чтобы сформировать личность, способную в условиях образовательной системы, актуально взаимодействуя с обучающимися, включать их в творческую деятельность.

Понимание природы дизайн-технологической деятельности позволяет определить систему компонентов готовности будущих педагогов профессионального обучения к дизайн- технологической деятельности, которые составляют уникальное единство. Выделим следующие компоненты и блоки модели процесса формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности в вузе: целевой, содержательный, организационно-технологический и результативный. В данной модели показана взаимосвязь между компонентами и структурными элементами, способствующими эффективному формированию готовности к дизайн-технологической деятельности (см. рис.1).

I. Целевой блок отражает социальный заказ – подготовку высококвалифицированных педагогов профессионального обучения в вузе и общую цель – формирование готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности, способствующей развитию творческой личности. Кроме того, структура готовности педагогов профессионального обучения включает методологические подходы, принципы организации образовательного процесса.

II. Содержательный блок представлен структурными компонентами готовности будущих педагогов к дизайн- технологической деятельности: мотивационно- ценностный, деятельностно-творческий, операционно-технологический и рефлексивно-оценочный.

III. Организационно-технологический блок содержит этапы экспериментальной работы, инновационные методы, формы организации процесса развития готовности к дизайн- технологической деятельности, дидактическое сопровождение (учебно-методическое пособие для студентов по проектированию и изготовлению современной одежды на индивидуального потребителя; авторская учебно-методическая разработка портфолио).

IV. Результативный блок включает показатели и уровни сформированности готовности будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна к дизайн- технологической деятельности.

Рассмотрим некоторые характеристики компонентов предлагаемой нами модели процесса формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности.

Целевой блок модели отражает основы организации процесса формирования готовности к дизайн-технологической деятельности. Цель процесса формирования готовности студентов к дизайн-технологической деятельности представляется не только как передача знаний, умений, навыков и отношений, но и как профессиональное развитие и саморазвитие творческой личности, достижение определенного уровня готовности к дизайн-технологической деятельности, формирование профессиональной компетентности в области дизайна, которая позволит студенту самостоятельно и творчески решать задачи теоретического и практического характера в будущей профессии.

Методологической основой процесса формирования готовности к дизайн- технологической деятельности выступают компетентностный и аксиологический подходы, реализация которых в процессе формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности подразумевает ориентацию дизайн- образования на ключевые профессиональные компетенции и эстетические ценности. Это стимулирует развитие у каждого студента способности к самостоятельному поиску решения проблем в области дизайна, определение эмоционально-ценностных характеристик деятельности, актуализацию использования инновационных технологий в образовании.

Модель процесса формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности

ЦЕЛЕВОЙ БЛОК

Социальный заказ: подготовка высококвалифицированного педагога профессионального обучения

Цель: формирование готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ БЛОК

Принципы
Гуманизации, интегративности, связи теории с практикой, проектности, коммуникативности, информативности

Методологические подходы
Компетентностный
Аксиологический
Деятельностный
Импрессивный

Структурные компоненты готовности
Мотивационно-ценностный
Деятельностно-творческий
Операционно-технологический
Рефлексивно-оценочный

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ БЛОК

Инновационные методы
Методы активизации мыслительной деятельности, метод проектов, метод портфолио

Формы
Практические занятия, самостоятельная работа, индивидуальные занятия, практика, курсовое и дипломное проектирование

Дидактическое сопровождение
Учебно-методическое пособие по проектированию и изготовлению современной одежды; авторская учебно-методическая разработка портфолио

РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ БЛОК

ПОКАЗАТЕЛИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ ГОТОВНОСТИ К ДИЗАЙН-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ярко выраженная готовность работать в должности педагога профессионального обучения в области дизайна, сформированы профессиональные ценности и личностные качества, высокий уровень мотивации и познавательной активности. Высокий уровень творческой активности. Умеет самостоятельно организовать исследовательскую и проектную деятельность, разрабатывать оригинальные по художественному замыслу проекты изделий. Умеет осуществлять рефлексивную и аналитико-диагностическую деятельность.	Высокий
Проявление творческой активности не носит систематический характер, испытывает затруднения в разработке портфолио, способен разрабатывать стандартные проекты, не отличающиеся оригинальностью и новизной, знание и применение отдельных методов творческой деятельности по созданию продукта дизайна. Не в полной мере владеет приемами самоконтроля и самооценки в процессе проектирования и изготовления предмета дизайна (одежды).	Средний
Недостаточно сформирована мотивация к приобретению профессиональных компетенций. Не осознает себя как творческий субъект дизайн-технологической деятельности, не способен творчески решать задачи проектной деятельности. Не умеет осуществлять рефлексию и самоконтроль в дизайн-технологической деятельности.	Низкий

Рис. 1. Модель процесса формирования готовности к дизайн-технологической деятельности

На основе деятельностного подхода рассматривается готовность использовать усвоенные знания и способы деятельности, отношения и готовность к организации образовательного процесса на практике. Деятельностный подход предполагает применение современных технологий обучения, в частности, создание портфолио в области дизайна одежды; опору на собственную активность личности в решении практических задач.

Импрессивный подход позволяет на основе чувственного восприятия учитывать аспекты впечатления от одежды, что важно при ее проектировании на индивидуального потребителя и выражается в создании предметов дизайна одежды с учетом повышенной степени физического и психологического комфорта.

Под принципами процесса подготовки студентов к дизайн-технологической деятельности подразумеваются исходные положения, определяющие содержание, методы, организационные формы и дидактические средства образования. Роль принципов, в зависимости от специфики задач, решаемых на разных этапах деятельности, не одинакова, и в разных условиях проявляется ведущая роль того или иного принципа.

Раскроем содержание дидактических принципов и проследим условия их реализации.

Принцип гуманизации – основополагающий принцип профессиональной подготовки будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности. Гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, свободного развития личности является одним из принципов государственной политики в области образования [6, с. 3]. Он ориентирует субъектов образования на активную, преобразующую творческую деятельность, согласующуюся с социальными и общечеловеческими ценностями и потребностями человека.

Принцип интегративности предполагает формирование навыков проектирования и изготовления изделий в области дизайна, привлечение дизайн-технологических знаний, умений и навыков из различных отраслей науки.

Принцип связи теории с практикой заключается в обеспечении единства теоретического и практического обучения в процессе дизайн-технологической деятельности, единства процесса проектирования и изготовления одежды для индивидуального потребителя от зарождения идеи до ее реализации.

Принцип проектности – один из важных принципов процесса формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности, направленный на формирование проектного мышления, развитие последовательности действий будущего педагога с учетом имеющихся ресурсов и особенностями создания изделия, возрастанием самостоятельного добывания дизайн-технологических знаний и умений для реализации успешного творческого процесса.

Принцип коммуникативности утверждает необходимость разнообразных продуктивных отношений между студентами с опорой на индивидуальные особенности субъектов, поиск наиболее эффективных способов взаимодействия с учетом конкретной задачи, особенностей личности студента, реальной ситуации.

Принцип информативности обусловлен возрастанием роли информации в процессе формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности. Студенты должны уметь эффективно осуществлять поиск нужной информации из разных источников (методические материалы, учебная книга, компьютер), уметь ее оценивать, перерабатывать и создавать новую.

Следует отметить, что принципы, являясь определяющими в процессе формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности, служат ориентиром для постановки цели и задач, создания оптимальных психолого-педагогических условий развития творческой образовательной среды.

Содержательный блок разработанной нами модели включает структурные компоненты готовности к дизайн-технологической деятельности, которая рассматривается как устойчивая интегративная характеристика личности, включающая мотивационно-ценностный, деятельностно-творческий, операционно-технологический и рефлексивно-оценочный компоненты, критериями реализации и оценки которых выступают потребности, мотивы, ценности, личностные качества, опыт творческой деятельности, опыт осуществления рефлексии [2, с. 20].

Основная цель формирования готовности к дизайн-технологической деятельности – развитие и саморазвитие творческой личности. При этом важно определить педагогические условия для профессионального и личностного развития студентов, а также методическое обеспечение организации дизайн-технологической деятельности.

Изучение феномена дизайн-технологической деятельности, осмысление ее особенностей и потенциала реализации в условиях образовательного процесса вуза позволило выделить психолого-педагогические условия, обеспечивающие реализацию данного вида деятельности и способы формирования готовности будущих педагогов к дизайн технологической деятельности, механизмы профессионального и личностного роста.

К наиболее значимым из них мы относим следующие психолого-педагогические условия:

- использование компетентностного, аксиологического, деятельностного и импрессивного подходов, внедрение которых обеспечивает продуктивность процесса формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности;
- понимание студентами сущностных характеристик дизайн-технологической деятельности как основы реализации алгоритма преобразовательной деятельности, который включает в себя проектирование и изготовление материального и духовного продукта, предметов дизайна;
- использование межпредметных связей в процессе творческого преобразования студентами дизайн-технологической деятельности для поддержания высокого уровня мотивации, развития навыков рефлексивной и оценочной деятельности;

- организация дизайн-образования на основе развития проектной культуры в процессе профессионального обучения;
- создание системы педагогического обеспечения программы формирования готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности, включающей современные формы, методы и технологии активного и интерактивного обучения;
- стремление будущих педагогов в области дизайна к самореализации в дизайн-технологической деятельности.

Организационно-технологический блок модели отражает направленность на творческое развитие личности, формирование креативной образовательной среды, создание благоприятных условий в процессе подготовки студентов к дизайн-технологической деятельности. В педагогике готовность рассматривается как система компонентов, качеств личности будущего специалиста, профессионала, которые обеспечивают ему развитие функций, адекватных потребностям определенной производственной деятельности. В процессе дизайн-технологической деятельности устанавливается прямая зависимость между качеством образования, уровнем творчества в обучении и развитием важных качеств личности, которые бы обеспечили формирование высокого уровня готовности будущих педагогов в области дизайна к дизайн-технологической деятельности. С определенностью можно сказать, что к таким качествам относятся способность к планированию технологических процессов, способность критически осмыслить ситуацию, выбрать соответствующую технологию, стремление к самообразованию, саморазвитию, самостоятельность, владение анализом и синтезом, создание (проектирование и изготовление) предметов дизайна, способность выявлять недостатки и достоинства, грамотное обоснование решений или путей этих решений, самоконтроль, адекватная самооценка, самоутверждение в дизайн-технологической деятельности.

Кроме того, подготовка к дизайн-технологической деятельности включает инновационные методы, формы организации процесса развития готовности к дизайн- технологической деятельности, дидактическое сопровождение. Одним из наиболее результативных инновационных методов обучения, на наш взгляд, является метод портфолио и методы и методические приемы активизации мыслительной деятельности (метод мозгового штурма, метод инверсии, метод аналогии, метод фантазии, метод новых комбинаций, метод ассоциативного проектирования).

Методы обучения в процессе подготовки будущих педагогов в области дизайна к дизайн-технологической деятельности – это взаимодействие преподавателя и студентов, направленное на усвоение содержания образования, овладение дизайн-технологическими знаниями, умениями, навыками и компетенциями в области дизайна. Подчеркнем, что выбор методов зависит от цели обучения, от уровня подготовленности студентов; от ресурсного обеспечения процесса обучения и др.

Учебно-методическая разработка портфолио представлена в электронном виде, где на каждом этапе в процессе проектирования и изготовления предмета дизайна (одежды) демонстрируется использование специальных символов, знаковых систем и средств в виде различных технологических карт, таблиц, диаграмм, рисунков, схем, графиков, условных обозначений и сокращений. Особо следует отметить, что использование на слайдах рисунков, схем, таблиц, условных обозначений, эскизов, фотографий для создания портфолио очень важно. Эти символы наглядно отражают процесс разработки предмета дизайна (модели одежды) и обеспечивают возможность предъявления результатов проектного процесса. Разработка модели одежды в модельно-знаковой (символической форме) позволяет проанализировать функционирование проектируемого объекта и тем самым выявить и устранить возможные ошибки до изготовления модели одежды. Портфолио содержит весь основной материал, иллюстрирующий ход проектной работы, раскрывает суть решения конкретной проблемы, имеет четко осознанный и завершенный результат (продукт дизайна), рефлексивный анализ. Мы согласны с В.Д Симоненко, что все это «наглядно отражает процесс разработки проектной модели и обеспечивают возможность передачи другим людям результатов проектного процесса» [7, с. 56].

Метод портфолио является инновационным в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности и представляет большой научно-практический интерес. Применение метода портфолио дает возможность каждому студенту индивидуально разработать и изготовить предмет дизайна – одежду, создавая собственное авторское портфолио с использованием современных компьютерных технологий.

Следует отметить, что подготовка будущих педагогов направлена на формирование профессиональной компетентности в области дизайна, которая рассматривается как способность действовать в конкретной предметной области, самостоятельно разрешая проблемы и оценивая результаты [1]. В этих условиях метод портфолио обеспечивает развитие у студентов устойчивого позитивного отношения к своей будущей профессии, стремления к постоянному совершенствованию [9].

Следующим структурным компонентом модели готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности является дидактическое сопровождение процесса. Разработанные учебно-методические материалы: учебно-методическое пособие для студентов по проектированию и изготовлению современной одежды, авторская электронная учебно-методическая разработка портфолио, презентации «Модель из журнала или компьютера?», «Ателье будущего» позволяют сформировать у студентов творческий подход к делу, эффективное использование компьютерных технологий, профессиональные знания, умения, навыки и компетенции в области дизайна одежды. При этом в рамках специализации «Дизайн одежды» широко используются знания из разных областей науки и практики: прикладной антропологии, проектирования и конструирования, текстильного

материаловедения, технологии швейного производства, информатики и программирования.

В рамках практических занятий студентам предлагается интегративное проектирование одежды на основе промышленного проектирования по Т.В. Медведевой [5, с. 8] и учебного творческого проекта по В.Д. Симоненко [7, с. 144]. Промышленное проектирование включает пять стадий разработки: техническое задание; техническое предложение; эскизный проект; технический проект; рабочую документацию и учебный творческий проект, реализующий следующие этапы: определение конкретной потребности; выявление традиций, истории, тенденций; разработка эскизного проекта; выработка идей, вариантов, альтернатив; анализ и синтез идей, выбор оптимального варианта [4; с. 5].

Студенты анализируют и решают проблемные ситуации, детально их исследуют, чтобы выявить характерные свойства объекта проектирования и изготовления. Это развивает аналитическое мышление, учит устанавливать деловые и профессиональные контакты, принимать коллективные решения, формирует коммуникативные навыки, способы логического и критического мышления.

Многолетний опыт педагогической деятельности автора свидетельствует, что во время учебных практик студенты приобретают первоначальные профессиональные знания, умения и накапливают опыт профессиональной деятельности в области дизайна. Основным содержанием такой профессиональной пробы является создание портфолио в области дизайна одежды, выполненное индивидуально каждым студентом в процессе дизайн-технологической деятельности.

Портфолио создается в виде электронной презентации. Это набор слайдов, включающий материалы следующего содержания: техническое задание; анализ моделей-аналогов; таблица измерений фигуры; схема-анализ композиции модели одежды; характеристика внешней формы и конструкции модели одежды; анализ материалов, конфекционной карты; исторические сведения об одежде, об актуальных тенденциях современной моды; эскизы моделей одежды (фор-эскиз, творческий эскиз, рабочий эскиз); спецификация деталей кроя; спецификация ручных и машинных работ; описание внешнего вида модели одежды; перечень оборудования и приспособлений; правила безопасного труда при выполнении ручных, машинных и влажно-тепловых работ; технологическая карта изготовления изделия с изображением поэтапной обработки модели одежды; экономическое и экологическое обоснование; самооценка [4; с. 26]. В данном случае метод портфолио используется как способ фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений будущих специалистов в области дизайна, а также способ для проявления личных достижений. По проведенным проектным исследованиям разработаны портфолио в форме электронных презентаций, в которых наглядно представлены все этапы процесса проектирования и изготовления по авторской методической разработке, представленной в монографии [3].

Результативность и качество в процессе формирования готовности будущих педагогов профессионального обучения к дизайн-технологической деятельности во многом зависят не только от применяемых методов, но и выбора форм организации процесса, прежде всего, выполняющих интегративную роль, обеспечивающих объединение и взаимодействие всех его компонентов.

Результативный блок содержит показатели и уровни сформированности готовности будущих педагогов профессионального обучения в области дизайна к диайн-технологической деятельности. Проведенный анализ критериев и показателей готовности будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности показал, что успешность и качество этого процесса определяется наличной системой знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых функций, раскрытием творческого потенциала и реализацией профессионально-творческих устремлений личности в процессе профессионального образования в вузе.

Таким образом, все компоненты модели формирования готовности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Как свидетельствует опыт практической деятельности, реализация каждого из них требует комплекса профессионально-значимых, целенаправленных профессиональных действий в их целостной структуре.

This article touches upon the design approach to the education of the future teachers in the process of design and technological activity. Formation of professional competence of future teachers is an important constituent part for making up of creative personality in the sphere of design. A formation model of readiness of future teachers to design and technological activity during the education was developed and presented in the article. This model consists of relative units (objective, instructive, pragmatic and creative, effective) it indicates logic and internal dynamic of the process and formed readiness of future teachers in the process of design and technological activity.
Keywords: *design and technological activity, teacher of professional education, methodological approaches, structural components of readiness, professional competence, portfolio method.*

Список литературы

1. Антюхов А.В., Фомин Н.В. Инновационные подходы к уровневой подготовке специалистов в системе высшего профессионального образования: учеб.-метод. пособие. – Брянск: «Курсив», 2009. – 212 с.

2. Васильева О.А. Формирование готовности будущих специалистов в области дизайна к дизайн-технологической деятельности // Актуальные проблемы педагогики и образования: сборник научных статей XX международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы педагогики и образования» / науч. ред. и сост. Н.А. Асташова. – Брянск: РИО БГУ; Шуклина Т.А., 2015. – 232с.

3. Васильева О.А. Профессиональная подготовка будущих педагогов к дизайн-технологической деятельности: монография. – Брянск: Курсив, 2010. – 180 с.

4. Васильева О.А., Воронин А.М. Учебно-методическое пособие по проектированию и изготовлению современной одежды для студентов педагогических вузов и учителей школ. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – 37 с.

5. Медведева Т.В. Художественное конструирование одежды: учеб. пособие. – М.: ФОРУМ: ИНФРА – М, 2003. – 480 с.

6. Российская Федерация. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации № 273-ФЗ от 29.12.2012 – Ростов н/Д: Легион, 2013.– 208с.

7. Симоненко В.Д. Обучение учащихся V-XI классов проектной деятельности. Монография – М.: Вентана Граф, 2005. – 212 с.

8. Ткаченко Е.В., Кожуховская С.М. Дизайн-образование. Теория, практика, траектории развития / – Ткаченко Е.В., Кожуховская С.М. – Екатеринбург, 2004. – издательство «АКВА-ПРЕСС», 2004. – 240 с.

9. Профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительное профессиональное образование». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf (дата обращения 10.02.16г.).

Об авторе

Васильева О.А. – специалист отдела учебно-производственных практик УМУ Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского, *Volza@yandex.ru*

УДК 378.12

ПРОФИЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ НА ОСНОВЕ ВЫСОКО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОСТРУКТОРСКО - ТЕХНОЛОГИЧЕКСКИХ СИСТЕМ КЛАССА CAD/CAM/CAPP

А.М. Воронин

В статье рассматриваются теоретические предпосылки и практические подходы по применению компьютерных образовательных технологий в процессе обучения студентов факультета технологии и дизайна, а также в организациях профессионального образования Брянской области.

Ключевые слова: *профессиональное образование, информационные технологии, CAD/CAM – системы, комплексная информатизация в процессе обучения.*

В современных условиях от выпускников организаций среднего и высшего профессионального образования требуется высокая квалификация, широкий технический кругозор и способность к быстрому овладению более совершенными трудовыми умениями и навыками и информационно-технологической культурой, которая приобретает большую значимость и обуславливает иной качественный подход в профессиональном образовании. Учитывая требования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в части реализации образовательных технологий и электронного обучения [3, ст.13, п.2] и современных требований к профессиональному образованию, научно-исследовательский коллектив факультета технологии и дизайна Брянского государственного университета пришел к выводу о необходимости реализации системной модели обучения, сочетающей инновационные технологии обучения, квалификационный и компетентностный подходы в образовательной деятельности. Это способствует повышению эффективности образовательного процесса, развитию авктивности и самостоятельности студентов, как субъектов этого процесса [2].

Наиболее эффективными в образовательной деятельности студентов оказались интегрированные компьютерные системы, содержащие программные модули, ориентированные на выполнение обучающимися нескольких видов деятельности: геометрическое моделирование, технологическая подготовка производственных процессов и управление изготовлением изделий. Это объективно-ориентированные системы, работающие на уровне трехмерных компьютерных геометрических моделей.

При изучении студентами технических дисциплин мы пришли к выводу, что для повышения качества усвоения учебного материала необходимо создание виртуальной образовательной среды со следующими элементами обучения: электронными версиями теоретического материала, анимационными рамками, иллюстрирующими различные виды обработки, приемы наладки и эксплуатации оборудования 3D моделями режущего инструмента, приспособлений, станочного и вспомогательного оборудования, методическими указаниями и заданиями для практических занятий, тестами для контроля знаний.

В настоящее время на базе, имеющейся на факультете лаборатории, применяются интегрированные компьютерные системы конструкторско-технологической подготовки студентов, позволяющие в процессе проектирования моделировать на экране этапы металлообработки на плоскости и в объеме, что позволяет убедиться в эффективности выполненных разработок. При внедрении данных систем особое внимание уделяется применению компьютерных имитаторов-тренажеров различного оборудования. Это тренажеры поведенческого типа, ко-

торые отражают ситуации, близкие к производственным, и включают освоение способов обработки информации, а также все этапы и операции профессиональной деятельности. Программное обеспечение для персонального компьютера позволяет от начала до конца смоделировать технологический процесс изготовления детали на станке – от настройки станка и установленных на нем приспособлений и инструментов для визуализации процесса обработки до выполнения технологических операций.

Основным направлением работы лаборатории, на базе которой проводятся исследования по выпускным квалификационным работам, является освоение интегрированных систем автоматизированной конструкторско-технологической подготовки производства. Учебные CAD/CAM компьютерные программы играют важную роль в формировании у студентов образно-геометрического мышления. При подборе программных продуктов учитываются следующие педагогические требования: подбор инструментальных средств, обеспечивающих решение всех учебно - методических задач, встроенной системы помощи, простых инструкций, а также возможности для быстрого написания и переработки методических указаний, средств создания и использования геометрических баз данных.

За основу была принята отечественная система автоматизированного проектирования (САПР) ADEM (CAD/CAM/CAPP) [1]. Она позволяет автоматизировать весь процесс подготовки производства – начиная от конструкторских разработок конкретных деталей и заканчивая подготовкой технологической документации и управляющих программ для станочного оборудования с числовым программным управлением. Все разработки выполняются в строгом соответствии с требованиями ЕСКД и ЕСТД.

Для повышения эффективности проектирования на факультете разработан несложный и не требующий от студентов специальной подготовки «Компьютерный конструктор-разработчик электрических схем». Разработка выполнена также на базе интегрированной конструкторско-технологической системы ADEM, где использована простейшая, свободно распространяемая, её версия ADEM 7,0 Super Light. Эта программа имеет базу данных условных обозначений эклектических схем, которая была использована для разработки шаблона конструктора. Конструктор представляет собой стандартный формат А4 с основной надписью по ЕСКД, выведенный на рабочее поле системы.

По периметру формата располагаются условные обозначения электросхем, выполненные по ГОСТ. Каждая фигура ещё имеет условленное буквенное обозначение и текст полного названия, что упрощает их выбор при проектировании. Так как пространство для размещения фигур ограничено, то их набор соответствует тематике выполняемых заданий и обновляется по мере изучения различных тем.

Для управления конструктором к формату примыкает панель управления, на которой всего четыре клавиши, необходимые для составления электросхемы («Выделение», «Перенос», «Поворот на 90°» и «Соединение»), что упрощает действия при проектировании.

Для сохранения выполненной разработки и её распечатки выделяется формат А4 с представленной электрической схемой. В таком виде, соответствующем требованиям ЕСКД, разработка подшивается к отчёту о выполненной работе.

Реализация системы автоматизированного проектирования на факультете позволила студентам направлений «Техносферная безопасность (защита в чрезвычайных ситуациях)», «Педагогическое образование (технология и безопасности жизнедеятельности)», «Профессиональное обучение (информатика, вычислительная техника)» повысить успеваемость, качество осваиваемых знаний и профессиональных умений по модулям: прикладной механики (теоретическая механика, сопротивление материалов, теория механизмов и машин), электротехники, компьютерному проектированию.

№ п/п	Направление (профиль)	2013-2014 учебный год		2014-2015 учебный год		2015-2016 учебный год	
		Успев., %	Качество, %	Успев., %	Качество, %	Успев., %	Качество, %
1	«Техносферная безопасность (защита в чрезвычайных ситуациях)»	85,3	61,8	88,35	75,65	95,1	81,5
2	«Педагогическое образование (технология и безопасности жизнедеятельности)»	92,6	73,2	95,35	83,1	97,6	85,3
3	«Профессиональное обучение (информатика, вычислительная техника)»	82,4	55,9	86,7	60,00	87,5	68,8

Глубокими и содержательными являются исследования студентов - выпускников при выполнении выпускных квалификационных работ. Так, например, студенты направления «Профессиональное обучение (информатика, вычислительная техника)» осуществляют разработку электронных средств обучения, способствующих качественному усвоению учебного материала обучающимися организаций среднего профессионального образования. Выпускники 2016 года заочной формы обучения на государственной аттестации показали высокие знания – средний балл составил 4,43, а по результатам защиты ВКР - 4,56 балла.

Выпускные работы студентов внедряются в образовательную практику. Так, практическое применение получила выпускная квалификационная работа 2015 года студентки Солдатченковой С.Н. «Реализация компьютерных технологий в изучении черчения учащимися 8-9 классов общеобразовательных организаций», работа студента ОЗО 2016 года Витюгова В.А. «Развитие пространственного воображения у студентов профессионального образования с использованием систем автоматизированного проектирования» и другие.

По итогам работы факультета авторский коллектив постоянно вносит предложения по совершенствованию учебного процесса профессиональной подготовки студентов образовательных организаций в соответствии с требованиями работодателей региона. В совместных мероприятиях отражается программа подготовки преподавателей, оснащение учебного процесса методическими пособиями, подбор соответствующего программного обеспечения и лабораторного оборудования, разрабатывается дорожная карта внедрения комплексной информатизации учебного процесса. Основным связывающим звеном мероприятий по комплексной информатизации учебного процесса является межпредметная интеграция учебных дисциплин на базе функциональных возможностей CAD/CAM системы, ориентированной на будущую специальность студентов. В этой работе объединяются усилия преподавателей математического и естественно-научного, общепрофессионального и специального междисциплинарного циклов на целенаправленное формирование компетенций будущего специалиста согласно требованиям ФГОС и запросам работодателей Брянской области.

Отправной точкой реализации мероприятий по информатизации учебного процесса является организация подготовки преподавательского состава, которая проводится силами преподавателей БГУ. Курсы подготовки по освоению системы CAD/CAM/CAPP состоят из двух этапов. На первом этапе производится изучение основ компьютерной графики и 3D моделирования для работы в модуле CAD, эти знания являются базовыми для преподавателей всех учебных дисциплин технического профиля. На втором этапе производится дифференцированное обучение по применению системы CAD/CAM/CAPP в соответствии с предметной специализацией каждого преподавателя (информатика, графика, материаловедение, САПР и т.д.). Такие курсы были проведены с преподавателями организаций среднего профессионального образования Брянской области: Брянского строительно - технологического техникума, Брянского техникума машиностроения и автомобильного транспорта, Клинцовского индустриального техникума, Брянского техникума энергомашиностроения и радиоэлектроники, Брянского техникума профессиональных технологий и сферы услуг, Новозыбковского промышленного техникума, Клинцовского технологического техникума. В настоящее время с этими организациями ведется совместная работа по проектированию образовательной среды.

При подготовке специалистов технологического профиля реализуется принцип «сквозного проектирования»: от разработки чертежа детали, технологического процесса механической обработки, управляющей программы для оборудования с ЧПУ в системе CAD/CAM/CAPP до её обработки на малогабаритных токарном или фрезерном станках с ЧПУ. Это станочное оборудование поставляется с открытой (компьютерной) системой ЧПУ, что способствует проведению обучения с использованием различных модификаций систем управления (Sinumeric, Fanuk и др.). Освоение технологической части подготовки производства дополняется использованием ПО SYMplus и MTS, позволяющих изучать основы технологии ЧПУ и проводить моделирование обработки с помощью компьютерных эмуляторов станочного оборудования. Процесс обучения специалистов для сварочного производства включает в себя автоматизированную разработку конструкторской и технологической документации для выполнения сварочных работ с помощью системы CAD/CAM/CAPP. Практическая отработка сварочных операций выполняется на компьютеризированном малоамперном тренажере сварщика МТДС-05М. Тренажер имитирует сварочный процесс получением сварочной дуги без плавления материала образца и электрода и позволяет реализовать процессы MMA, MIG/MAG с возможностью контроля параметров действий сварщика.

Использование данных технологий с применением средств комплексной информатизации учебного процесса на базе интегрированных компьютерных конструкторско-технологических систем позволяет вести эффективную подготовку на базе Брянского государственного университета специалистов технического профиля для предприятий, оснащенных современным автоматизированным оборудованием и реализующих информационные технологии.

The article deals with the theoretical background and practical approaches to the application of computer technology in the educational process of teaching students of the Faculty of Technology and Design, as well as in the organization of professional education the Bryansk region.
Keywords: *vocational training, information technology, CAD / CAM - systems, complex information in the learning process.*

Список литературы

1. ADEM CAD/CAM/CAPP. Черчение, моделирование, механообработка./Авторы: Быков А.В., Силин В.В., Семенников В.В., Феоктистов В.Ю.- СПб.: БХВ – Петербург, 2003. – 320с.
2. Гурье Л.И., Кирсанов А.А., Кондратьев В.В., Ярмакеев И.Э. Интегративные основы инновационного образовательного процесса в высшей профессиональной школе: Монография. – М.: ВИНИТИ, 2006. – 224 с.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
4. Чайкин А.С., Селезнев В.А. CAD/CAM системы в подготовке специалистов для машиностроения. – Монография. –LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH& Co/KG. – Saarbrucken, 2015.- 158с.

Об авторе

Воронин А.М. – кандидат педагогических наук, профессор, декан факультета технологии и дизайна Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского.

УДК 371.24+371.212

ТЕОРИЯ ФУНКЦИЙ В МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТИПА МЫШЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МОДЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УРОВНЯ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.И. Горбачев

В статье проводится анализ развития функций в содержании общего математического образования. Изучаемые классы конкретных функций исследуются в модельно-теоретическом подходе. Установлены структура функциональных моделей, закономерности их изучения с позиции формирования теоретического типа мышления.

Ключевые слова. *Теоретический тип мышления в дидактике, содержательно-теоретический подход обучения математике, модели функций общего математического образования.*

Введение. В теоретических исследованиях, нормативном описании целей, содержания общего математического содержания ведущими в учебном предмете «Математика» признаны идея гуманитаризации, развития личности учащихся и идея общей культуры. Развивающая функция в обучении математике связывается, в основном, с развитием мышления – «прежде всего формирование абстрактного мышления, способности к абстрагированию и умение «работать» с абстрактными «неосязаемыми» объектами, логического (дедуктивного) мышления, алгоритмического мышления, таких качеств мышления как сила и гибкость, конструктивность и критичность… » (Г.В. Дорофеев [1], А.Н. Колмогоров [2, 3], А.Г. Мордкович [4]). Общекультурный подход отражает «громадный запас общечеловеческих и общекультурных ценностей, которые накопила математическая наука в ходе своего развития для формирования духовной сферы человека, интеллектуальных и морально-этических компонентов человеческой личности»[1, 5].

Функционально-графическая содержательно-методическая линия (идея функциональной зависимости, учение о функциях, адаптированная учебная математическая теория функций), «учение о числе, учение об измерении величин, учение об алгебраических операциях, понятие о преобразовании, понятие об аксиоматическом методе, учение об уравнениях, развитие логического мышления учащихся» (С.И. Новоселов [6]) формируют основу (ядро) общеобразовательного курса математики [7, 8].

На протяжении более чем полувековых методико-математических дискуссий о содержании, уровнях представленности учащимся теории и моделей функций, наряду с личностной, общекультурной целями, в достаточной степени отражены, разработаны мировоззренческая (прикладная) и методологическая цели, обоснована лидирующая роль функционально-графической линии в интеграции содержательно-методических линий общеобразовательного курса математики [9, 10]. Значимыми, реализуемыми в практике учебников алгебры и начал анализа направлениями методики изучения функционально-графической линии выступают:

- различные подходы к введению понятия функции, способам формирования теоретико-функциональных представлений [11, 12, 13];
- формирование фундаментальных понятий композиции функций, обратной функции, понятий непрерывности, предела функции, первообразной и определенного интеграла в условиях определенной проекции представлений современной математики на уровень общего образования [14, 15];
- выделение базовых классов числовых элементарных функций и свойств знакопостоянства, монотонности, периодичности, их исследования с помощью аппарата производных [1, 8,14, 15].

При всем многообразии исследований развивающая функция математического образования понимается в значительной мере в математическом плане – как развитие абстрактного логического мышления. Представления развития деятельностной теории учения зачастую имеют обыденный уровень реализации, не вписываются в устоявшиеся историко-математические традиции обучения, в нормативных документах, в авторских концепциях имеют ограниченную сферу выраженности.

Исследование функционально-графической линии в содержании теории развивающего обучения Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова[16, 17] осуществляется в системе ее психолого-дидактических закономерностей – в целостном системно-структурном представлении, в условиях восхождения от абстрактного к конкретному, в учебной математической деятельности.

Пространственно-теоретический подход в изучении понятия функции. В абстрактной аналитико-синтетической деятельности математического отражения закономерностей реального мира понятие функции выступает фундаментальной абстракцией второго порядка:

- в математической деятельности выкристаллизованы абстракции числа, точки, вектора, геометрической фигуры, события, выделены процедуры оперирования, классы абстрактных объектов, целостные пространства;
- в пространствах абстрактных объектов установлены определенные взаимосвязи объектов, классов, операций, свойств;
- в исследовании взаимных связей сконструированных пространств абстрактных объектов выделена абстракция функциональной зависимости – зависимости с однозначно определенным образом;
- счет как функция натурального аргумента, измерение как функция со значениями в числовом пространстве, метрические функции длины, площади, объема, функции равенства, подобия в точечном пространстве,

функция вероятности в пространстве событий характеризуют абстракцию функции в качестве категории учебной математической деятельности.

В современных методико-математических представлениях, закрепленных нормативно, идея функциональной зависимости – «основополагающая для понимания и изучения процессов и явлений, происходящих в природе и обществе» [18, с. 21]. Категориальный характер понятия функции, функционального пространства в спектре функциональных моделей, адекватной системы свойств, методов исследования выражается:

- в функциональной форме представления законов, закономерностей всякой предметной области изучения действительности;
- в функциональных методах построения, развития математических теорий;
- в обширной совокупности функциональных моделей, выступающих средствами приложения теории функций в математической деятельности, естественнонаучной системе знания;
- в системе современных математических теорий, выделенных из модели числовых элементарных функций.

Отражая общекультурную роль функционального пространства, Ф. Клейн охарактеризовал понятие функции как « то понятие, которое в течение 200 лет заняло центральное место всюду, где только мы встречаем математическую мысль» [1, с. 18].

В изучении функционального пространства сохраняется методология разделения пространства абстрактных математических объектов и математической теории, исследующей его закономерности.

Теория функционального пространства:

- имеет по отношению к теориям числа, геометрических фигур, евклидова пространства производный характер, использует их аксиоматику, методы в построении соответствующей предметной функциональной модели;
- разделяется на общую теорию функций в форме общего представления функционального пространства с понятиями-категориями композиции, комбинации, обращения, свойствами конечности-бесконечности, дискретности-непрерывности и теории функциональных моделей в числовом, геометрическом, евклидовом, вероятностном пространствах;
- в числовом пространстве имеет фундаментальный характер с категориями ограниченности, монотонности, периодичности, с функционально-графическим представлением, обобщенным способом исследования, приложения элементарных функций на базе понятий «производная», «интеграл» теории дифференциального и интегрального исчисления.

Опосредованный аксиоматизируемыми теориями числа, фигур, пространства характер математического абстрагирования теории функций задает определенную специфику ее историко-математического становления в содержании содержательно-абстрактного, логико-содержательного и методологического этапов.

Содержательно-абстрактный этап развития теории функций направлен на формирование модельно-функциональных представлений:

- в определенной предметной теории (числа, фигур, векторного пространства, событий) выделяются соответствия, преобразования, операции, отображения, играющие фундаментальную роль в представлении соответствующего пространства;
- в системе свойств выделенных отображений, соответствий, преобразований, операций пространства объектов теории исследуется его структура, в спектре базовых классов задач, обобщенных способов деятельности фиксируется целостное мировоззренческое представление пространства;
- в совокупности выделенных отображений, соответствий, преобразований, операций пространства объектов предметной теории исследуются фундаментальные свойства определенности и функциональности, устанавливается арность классов функций пространства;
- свойства пространства объектов предметной теории формулируются на функциональной основе, в представлении пространства фиксируется представление базовых классов функций пространства – строится предметная функциональная модель.

В пространстве числовых систем фундаментальными выступают классы функций:

- натурального аргумента в процедурах счета, исследования счетности целых, рациональных чисел, арифметической и геометрической прогрессий, анализе последовательностей рациональных чисел в их приближении действительных чисел;
- кратного измерения в числовых системах натуральных, целых, рациональных чисел, точного измерения в системе действительных чисел;
- арифметических операций в расширяющейся последовательности числовых систем в алгебраических структурах кольца, поля.

Функциональную модель пространства геометрических фигур определяют классы функций:

- меры (длины, угловой величины, площади, объема) на множестве геометрических фигур;
- параллельного, ортогонального, центрального проектирования в условных изображениях геометрических фигур, в классах задач проективной геометрии, технического черчения;
- преобразований движения, подобия на плоскости, в пространстве.

Фундаментальными классами функций трехмерного евклидова пространства выступают сложение векторов, умножение действительного числа на вектор, скалярное, векторное, смешанное произведения векторов,

аналитическое соответствие с элементами арифметического трехмерного пространства.

В пространстве событий, случайных величин функциональную модель составляют функции вероятности, распределения, математического ожидания, дисперсии.

Предметом логико-содержательного этапа развития теории функций выступает исследование закономерностей функционального пространства в спектре предметных функциональных моделей, включая числовую:

- анализ, доказательство общефункциональных и специфических свойств классов функций определенной функциональной модели, опосредованных свойствами соответствующего пространства;
- анализ, исследование свойств пространства, вытекающих из определения, свойств классов функций соответствующей предметной функциональной модели;
- теоретическое представление функциональной модели в системе определений, теорем о свойствах классов функций, обобщенных способов исследования;
- представление функционального пространства в спектре функциональных моделей, их свойств, приложений.

Сложившаяся на не отрефлексированных содержательно-абстрактном и логико-содержательном этапах классическая методическая система изучения функций направлена и, в определенной степени, реализует лишь ограниченный спектр целей:

- введения системы классов элементарных функций, обладающих общей системой свойств, единым методом исследования;
- формализации свойств монотонности, четности, периодичности с целью их идентификации в классах числовых функций, визуального графического представления;
- интеграции содержательной математической деятельности по выполнению тождественных, равносильных преобразований, решению уравнений, неравенств, систем на функционально-графической основе;
- превращения класса всех элементарных функций, их комбинаций, композиций в единый объект дифференциального исчисления с общим способом исследования функций.

Исследуемые на методологическом этапе современные теоретико-модельные представления пространства функций, не интегрированные в классической методической системе, существенно шире и глубже:

- понятие функции базируется на аксиоматической теории множеств, чем обеспечивается его общность;
- на теоретико-множественном уровне формируется общая для всех моделей система понятий-категорий композиции функций, обратной функции, непрерывной функции, дискретной функции;
- на базе общих понятий теории функций в системе математических теорий числовых систем, геометрических фигур, векторного пространства, булевой алгебры, вероятностей выделяются важные классы функций - предметные модели общей теории функций (теория отображений, теория преобразований, теория операторов, теория меры, теория булевых функций, теория числовых дискретных функций, теория числовых непрерывных функций, теория функций многих переменных);
- в содержании понятия-категории функции осуществляется интеграция общей теории функций и ее предметных моделей с системой адекватных свойств, методов исследования;
- в теоретико-модельной структуре функций определенные классы функций (отображения, преобразований, операторов) поглощаются предметными теориями, реализуют цели их развития;
- в теоретико-модельной структуре функций класс непрерывных числовых функций развивается в целостной системе самостоятельных теорий (действительной, комплексной переменной, функциональных рядов, дифференциальных уравнений, функций многих переменных), определяя современный уровень развития теории функций (Рис. 1).

<u>Системно-структурное представление теории функций</u>. Классы функций в системе математических теорий числовых систем, геометрических фигур, векторного пространства, булевой алгебры, вероятностей выступают предметными моделями теории функционального пространства. В математической деятельности категория функционального пространства – базовая, отражает закономерности:

- модельного математического исследования зависимостей явлений, процессов реального мира, выраженных в содержании абстрактных объектов определенной математической теории;
- создания, структурирования, анализа предметных (физических, химических, биологических) моделей в исследовании причинно-следственных связей соответствующих областей реального мира;
- исследования числового, векторного, точечного, геометрического, вероятностного пространств модельно-функциональными методами в системах объектов, классов, их взаимных связей;
- построения предметных математических теорий в содержании базовых операций, преобразований, отображений объектов математических пространств в форме функциональных моделей;
- структурирования теоретико-модельных представлений понятия функции на базе принципа универсальности в спектре разноплановых функциональных моделей и принципа фундаментальности в развитии функции как числовой непрерывной в системе современных математических теорий;
- становления, развития предмета теории функций в содержании общего понятия функции на теоретико-множественной основе с фундаментальными операциями композиции, комбинации, обращения, в спектре конкретных

модельных модификаций функции в системе фундаментальных (конечности, бесконечности, дискретности, непрерывности), специфических (ортогональности, равенства, аддитивности, монотонности, периодичности) свойств.

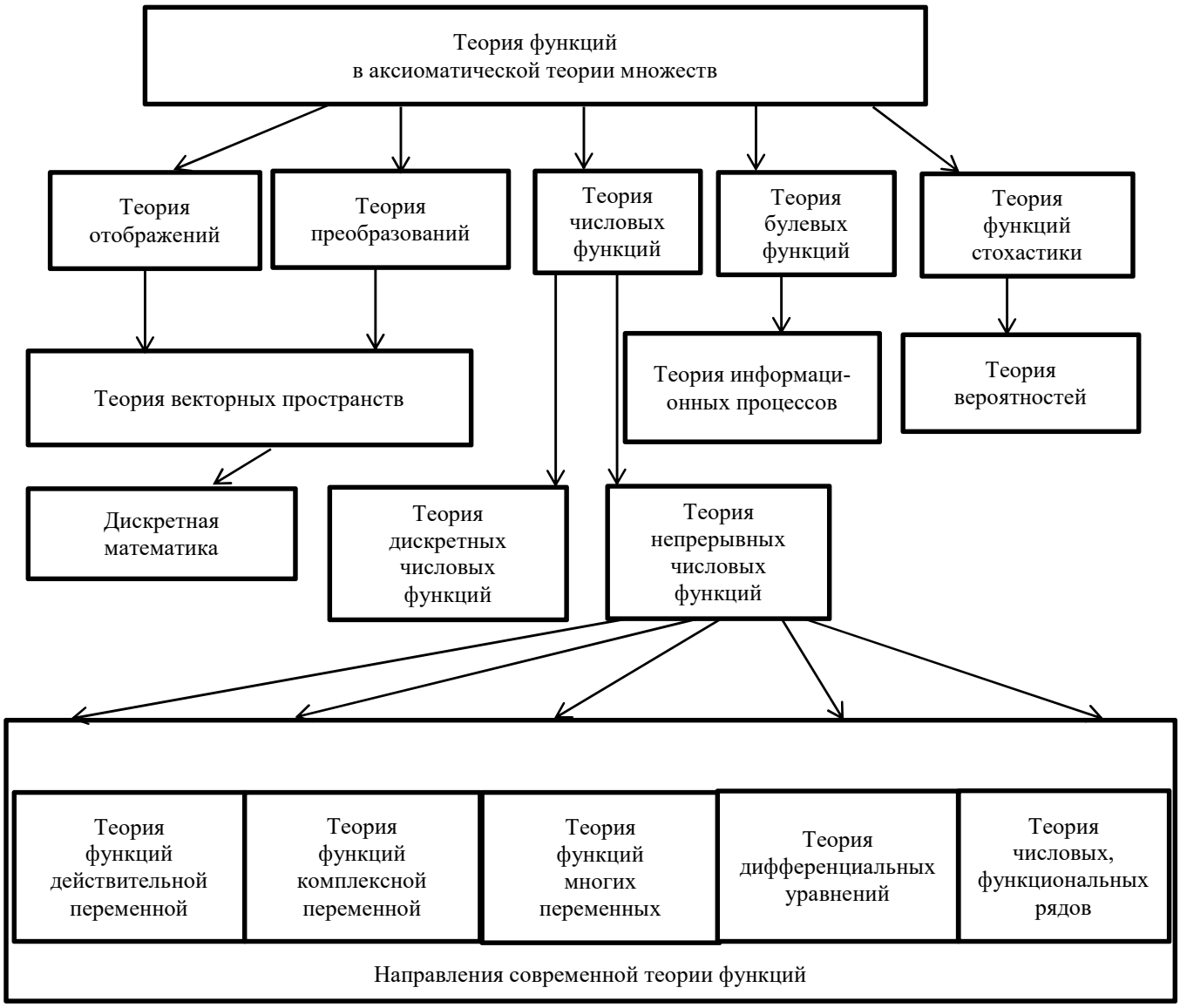


Рис.1. Методология современной теории функций

«Модельный образ теории функций» как предмет содержательно-абстрактного и логико-содержательного этапов ее развития выступает начальной ступенью системного структурирования «формальной целостности» - функционального пространства:

- выделение классов функций, их «имен» на объектах ранее представленных теорий с фиксацией функциональных свойств;
- анализ функциональных характеристик классов функций (арности, областей определения, значений, характера функциональных зависимостей);
- установление свойств классов функций, обоснованных спецификой объектов теории;
- анализ роли функций в исследовании свойств классов объектов, свойств теории;
- представление операций композиции, комбинирование, обращение в качестве общефункциональных;
- фиксация форм и способов записи функциональных зависимостей в рамках представленной теории.

Логико-содержательный анализ классов функций в широком спектре предметных теорий (числового, евклидова, точечного, геометрического пространств, пространства событий и случайных величин, булева пространства) позволяет осуществить их выделение в качестве моделей общей теории функций (Рис.2.):

- аналитической записью функциональных зависимостей $y = f(x)$, $y = f(x_1, x_2)$, $y = f(x_1, x_2, x_3)$, представленных в форме соответствий, преобразований, отображений, операций на множестве объектов предметного пространства;
- операциями композиции, комбинации, обращения со свойствами определенности, функциональности в качестве характеристических в общем понятии функций и ее модельных конкретизациях;
- в системе общефункциональных свойств конечности, бесконечности, дискретности, непрерывности, специфически-пространственных свойств;
- фундаментальными свойствами пространства объектов, выраженными в функциональной форме.

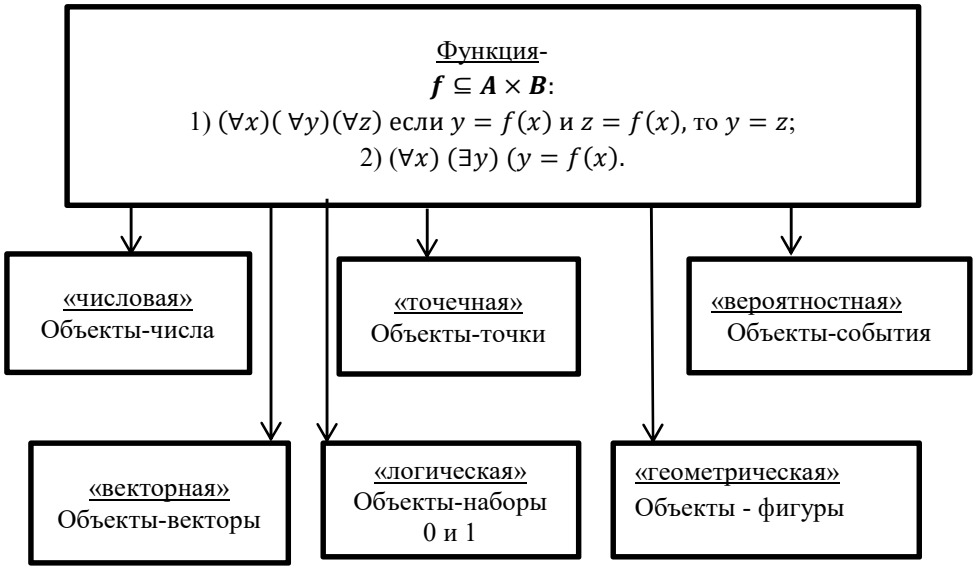


Рис. 2. Структура «имен» понятия функции

Анализ функциональных моделей (пространственно-векторной, пространственно-точечной, пространственно-метрической, векторно-координатной, вероятностной, логической) на абстрактных классах объектов конкретных математических теорий позволяет установить целостную модельно-теоретическую структуру функций, выделить как общую для всех теорий систему понятий-категорий, так и обоснованную классами объектов специфическую систему свойств.

Пространственно-векторная модель в функциональном пространстве представлена:

- функциями двух переменных - операциями сложения векторов, умножения числа на вектор, скалярного и векторного произведений векторов;

- функциями одной переменной – длины вектора, откладывания вектора, соответствия (изоморфизма) векторного и арифметического пространств;

- композициями функций – линейной комбинации векторов, вычисления суммы векторов, смешанного произведения векторов.

Пространственно-точечная модель теории функций – класс $F = \{\varphi | \varphi: \pi \to \pi\}$ всех преобразований – отображений $\varphi: \pi \to \pi$ фиксированной плоскости π точечного пространства V с фундаментальными свойством биективности, операциями композиции, обращения.

Пространственно-метрическая модель теории функций - теория функций меры (длины, угловой величины, площади, объема) на множестве геометрических фигур геометрического пространства в содержании аксиоматического метода, метода предельного перехода.

Векторно-координатная (аналитическая) модель в функциональном пространстве - класс функций аналитического соответствия, позволяющих:

- построить векторную модель геометрической фигуры представлением ее определения в векторной форме;

- в условиях выбора аффинной или прямоугольной систем координат по векторной модели геометрической фигуры переходом к координатной форме построить ее аналитическую модель;

- исследование свойств геометрической фигуры провести в содержании ее векторной, аналитической моделей алгебраическими методами.

Вероятностная модель теории функций содержательно структурируется в системе базовых функций пространства событий, значений случайных величин:

- функции вероятности $p = p(A)$ пространства событий в системе подклассов условной, полной вероятностей, адекватных свойств;

- функции распределения $F(x) = p(X < x)$ на множестве значений дискретной, непрерывной случайных величин;

- функции плотности вероятности $\varphi(x) = F'(x)$ непрерывной функции $F = F(x)$ распределения с ее характеристическим свойством, аналитической формой записи в конкретных законах распределения;

- функции среднего значения $M = M[X]$ на множестве случайных величин в системе общих свойств, числовых значений для классических законов распределения;

- функции отклонения случайной величины от среднего значения (дисперсии) $D = D[X]$ в системе ее общих свойств, числовых значений для классических законов распределения;

Логическая модель теории функций в булевом пространстве $W = \{\{0,1\}^n = (\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_n) | \alpha_i \in \{0,1\}, i = \{1,2,\dots,n\}\}$ представлена:

- базовыми «логическими» функциями одной, двух переменных, моделирующими логические операции на множестве высказываний;

- конечными классами булевых функций от *n* переменных на множестве объектов булева пространства;

- полным описанием каждого из классов булевых функций в содержании композиции базовых булевых функций.

Принцип фундаментальности определяет закономерность системного структурирования теории функций на интегральном этапе построения, исследования классов дискретных и непрерывных числовых функций – вначале в качестве моделей общей теории функций, затем, в условиях их превращения в предмет изучения, в содержании новой математической теории – дифференциального и интегрального исчисления.

В системном структурировании модельно-теоретических представлений теории функций на интегральном этапе:

- существенно расширяется понятийная основа в спектре понятий-объектов (график, последовательность, предел, производная, первообразная), понятий-свойств (ограниченность, монотонность, периодичность), понятия-представления (числовая функциональная модель);

- выделяется совокупность подклассов числовых элементарных функций с расширяющейся системой свойств в содержании функционально-графических представлений;

- осуществляется формирование метода предельного перехода, аппарата дифференциального и интегрального исчисления, метода исследования элементарных функций.

В содержании числовых дискретных и непрерывных функций осуществляется становление логико-символической, предикатной формы понятий теории функций:

- из аналитической формы записи конкретных числовых функций в процедурах абстрагирования и обобщения выделяется общая форма записи функции $y = f(x)$, производной $y = f'(x)$, первообразной $y = F(x)$, композиции $f(g)(x) = f(g(x))$, обратной функции $y = f^{-1}(x)$;

- символы функциональных понятий предела последовательности $\lim\limits_{n\to\infty} x_n$., предела функции $\lim\limits_{x\to x_0} f(x)$, определенного интеграла $\int_a^b f(x)dx$, выделенные в классе числовых функций, становятся общетеоретическими, приобретают общекультурный характер;

- условные формы записи $a = \lim\limits_{n\to\infty} x_n$, $A = \lim\limits_{x\to x_0} f(x)$, $S = \lim\limits_{n\to\infty} S_n$, $\lim\limits_{x\to x_0} f(x) = f(x_0)$, $f'(x) = \lim\limits_{\Delta x\to 0} \frac{f(x+\Delta x)-f(x)}{\Delta x}$ выступают основой определений понятий-категорий пределов последовательности, функции, суммы ряда, непрерывности функции, производной;

- система формальных записей $\lim\limits_{x\to x_0} cf(x) = c\lim\limits_{x\to x_0} f(x)$, $\lim\limits_{x\to x_0}(f(x)+g(x)) = \lim\limits_{x\to x_0} f(x) + \lim\limits_{x\to x_0} g(x)$, $\lim\limits_{x\to x_0} f(x)\cdot g(x) = \lim\limits_{x\to x_0} f(x)\cdot \lim\limits_{x\to x_0} g(x)$, $\big(f(x)\cdot g(x)\big)' = f'(x)g(x) + f(x)\cdot g'(x)$, $\left(\frac{f(x)}{g(x)}\right)' = \frac{f'(x)\cdot g(x) - f(x)\cdot g\prime(x)}{g(x)^2}$, $\int f(x)dx = F(x) + C$, $\int_a^b f(x)dx = F(b) - F(a)$ задает свойства операторов предельного перехода, дифференцирования, интегрирования, общие в классе всех функций;

- предикатная форма определений даже в ограниченном плане позволяет зафиксировать их логическую структуру, существенно визуализировать словесную формулировку и в последующем развитии теории функций быть основой всякого определения:

- $\left(a = \lim\limits_{n\to\infty}\{x_n\}\right) \leftrightarrow (\forall n)\big((n\to\infty)\to|x_n - a|\to 0\big)$;
- $\left(A = \lim\limits_{x\to x_0} f(x)\right) \leftrightarrow (\forall x_n)\big((x_n\to x_0)\to(f(x_n)\to A)\big)$;
- $(y = f(x) - \text{возрастающая}) \leftrightarrow (\forall x_1)(\forall x_2)\Big((x_1 > x_2)\to\big(f(x_1) > f(x_2)\big)\Big)$;
- $(y = f(x) - \text{сюрьективная}) \leftrightarrow (\forall y)(\exists x)\big(y = f(x)\big)$.

В рамках общекультурного принципа адаптирования математических теорий в качестве базовых моделей теории функций на числовых множествах выступают (Рис.3):

- теория функций $\{f: N\to R\}$ натурального аргумента (последовательностей) в содержании общей теории пределов;

- теория числовых элементарных функций (ограниченного класса функций на непрерывных числовых множествах) в условиях неявной опоры на фундаментальные теории числовых систем, пределов.

Рис. 3. Структура базовых функциональных моделей на числовых множествах

В методологическом плане класс последовательностей - функций $\{f: N \to R\}$ натурального аргумента, является значимым не только в системе дискретных функций, но и в общей теории функций:

- формируются понятия последовательностей как нового математического объекта со свойством счетности, последовательностей как подкласса в классе дискретных функций со специфическим (рекуррентным) способом задания;
- исследуются важные в теоретическом и прикладном аспектах подклассы арифметических и геометрических прогрессий;
- осуществляется становление понятий-категорий бесконечности (счетности, континуальности), предела последовательности как ее однозначной характеристики, ряда как суммы членов последовательности с условием сходимости или расходимости;
- выделяются фундаментальные свойства числовых функций - дискретности, ограниченности, монотонности, сходимости;

Класс числовых элементарных функций - базовый в классе числовых функций определяется следующей системой характеристик:

- функции заданы на промежутках системы R действительных чисел, обладающих свойствами непрерывности, линейной упорядоченности, континуальности;
- функции обладают аналитической формой представленности свойства функциональности $y = f(x)$;
- функции принимают значения на промежутках системы R действительных чисел - непрерывных, линейно упорядоченных, имеющих мощность континуума;
- функции составлены из базовых функций $y = c, y = x, y = a^x, y = \sin x$, структурированы в классы стандартных функций, в системе функциональных операций сложения, умножения, композиции, обращения расширяются в класс числовых элементарных функций;
- функции исследуются в системе свойств четности, монотонности, ограниченности, знакопостоянства, периодичности аналитическими средствами с помощью аппарата производных;
- функции имеют представление в форме функционально-графической модели - условного графического изображения функциональной зависимости.

Становление целостных системно-структурных функциональных представлений в учебной математической деятельности в соответствии с принципами универсальности и фундаментальности характеризуется:

- интегрируемым абстрактной теорией функций спектром функциональных моделей на базовых объектах математики (числа, векторы, точки, фигуры, события);
- развертыванием в отдельную теорию классов дискретных, непрерывных числовых функций с фундаментальными методом предельного перехода, свойствами дифференцируемости, непрерывности, интегрируемости;
- представлением на теоретико-множественной основе фундаментальных понятий, свойств теории функций.

The article analyzes the development of the functions in the content of general mathematical education. Classes of specific functions are investigated in a model-theoretical approach. The article also describes the structure of the functional models, patterns of their study from the standpoint of the formation of a theoretical type of thinking.
Keywords: *Theoretical type of thinking in didactics, content-theoretical approach to teaching mathematics, models of functions of general mathematical education.*

Список литературы

1. Дорофеев Г.В. Понятие функции в математике и в школе // Математика в школе. -1978. -№ 2. С. 10-27. О принципах отбора содержания школьного математического содержания // Математика в школе. -1990. -№6. С. 2-5. Гуманитарно-ориентированный курс – основа учебного предмета математика в общеобразовательной школе // Математика в школе. -1997.- №4. С. 59-66.
2. Колмогоров А.Н. Что такое функция // Квант.-1970.-№ 1. С.27-36. Что такое график функции // Квант.-1970.-№ 2. С.3-13.
3. Колмогоров А.Н. Что такое функция // Математика в школе.-1978. -№ 2. С. 27-29.
4. Мордкович А.Г. Новая концепция школьного курса алгебры // Математика в школе. -1996. -№6. С. 28-33.
5. Абрамов А.М., Алексеевский Д.В., Гольцман А.М. и др. Концепция развития школьного математического образования // Математика в школе. -1990. -№ 1. С. 2-14.
6. Новоселов С.И. Учение о функциях в средней школе // Математика в школе. -1947. - №5-6. С.22-38.О дискуссионных вопросах, связанных с учением о функциях в школьном курсе // Математика в школе. -1954. -№4. С.43-46.
7. Глейзер Г.Д. Стандарт математического образования: сущность и проблемы к обсуждению // Математика в школе. -1994. -№ 2. С. 2-4.
8. Стандарт среднего математического образования (проект) // Математика в школе. -1993. -№4. С. 10-23.
9. Маркушевич А.И. Понятие функции // Математика в школе.-1947. -№4. С.1-16.
10. Концепция математического образования (в 12-летней школе) // Математика в школе. -2000. -№2. С. 13-18.
11. Нагибин Ф.Ф. Выяснение понятия функции в средней школе // Математика в школе.-1954. -№4. С.33-35.
12. Томашевич Ф.В. Понятие функции в школьном курсе // Математика в школе.-1954. -№4. С.25-32.

13.Кузнецов В.Т. К вопросу о введении понятия функции в средней школе // Математика в школе.-1954. -№4. С.35-40.
14.Виленкин Н.Я., Блох А.Я. Элементарные функции школьном курсе математики // Математика в школе. -1978. -№3. С. 53-57.
15.Ивашев-Мусатов О.С. Непрерывность и начала анализа // Математика в школе.-1978. -№3. С.49-53.
16.Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 1972. - 423 с.
17.Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996. - 544 с.
18.К концепции школьного математического образования // Математика в школе.-1989. -№2. С.20-30.

Об авторе

Горбачев В.И. – доктор педагогических наук, профессор, директор естественно-научного института Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Заслуженный учитель Российской Федерации, *enibgu@mail.ru*

УДК 65.70

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КЛАССАХ ПРИ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЯХ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Н.Р. Емельянова

В статье раскрыта организация учебно-воспитательного процесса в педагогических классах при женских гимназиях, которая представляла собой систему профессионально-творческого развития обучаемых. Перечислены компоненты данной системы, выявлена обусловленность формирования профессионально значимых качеств используемыми методами, формами и видами занятий. Показана эффективность деятельности педагогических классов в профессионально-творческом развитии будущих учительниц.
Ключевые слова: *педагогические классы, профессионально-творческое развитие, система, компоненты, формирование, профессионально значимые качества, мотивация, самосовершенствование, стимулирующие условия.*

В 60-е гг. XIX в. в России при женских гимназиях были созданы педагогические (восьмые) классы. Данные учебные заведения возникли благодаря деятельности выдающихся российских педагогов Н.А. Вышнеградского, К.Д. Ушинского и В.Я. Стоюнина, инициатива которых была поддержана Ведомством учреждений императрицы Марии и Министерством народного просвещения. Педагогические классы имели целью обеспечить начальную школу квалифицированными кадрами и впервые предоставляли женщинам возможность получить педагогическое образование, которое обеспечивало им материальную независимость и социальную защищенность в названный период. Данные учебные заведения осуществляли профессиональную педагогическую подготовку выпускниц гимназии, окончивших общий семилетний курс. После годичного (реже двухгодичного) обучения в педагогическом классе слушательницы получали квалификацию домашней наставницы или домашней учительницы, а также право преподавать в прогимназии и низших классах гимназии. Квалификация домашней наставницы была наивысшей для женщин-учительниц в названный период [1, с. 12].

Изучение официальных документов, регулирующих деятельность педагогических классов (“Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения” 1870 г., “Положение о педагогических классах” 1874 г., “Учебный план и программы учебных предметов для VIII дополнительного класса женских гимназий Московского учебного округа” 1899 г.), опыта работы педагогических классов 1-й Омской и Елецкой женских гимназий на основе педагогической литературы и архивных материалов позволило установить, что организация обучения в них представляла собой **систему**, направленную на профессионально-творческое развитие обучаемых.

Своей **целью** данная система имела формирование “из учениц VIII-го класса хороших воспитательниц и учительниц” [3, с. 125].

Достижению цели способствовало решение следующих **задач:** “обогащение” учениц педагогическими знаниями, необходимыми для будущей учительницы; расширение знаний по общеобязательным и специальным предметам; ознакомление их с новыми достижениями в области педагогической теории и практики; формирование потребности читать сочинения педагогического содержания, способности мыслить на педагогические темы; стремление к всестороннему развитию учениц; формирование любви к детям и педагогической профессии; “указание пути к самосовершенствованию посредством обучения других” (“обучая - учиться”) [3, с. 125];

Содержание обучения включало изучение педагогики, дидактики, методики обучения грамоте, счету и специальные предметы [2, с. 120-121; 6, с. 4]:

Предметы	Число уроков в неделю
а) общеобязательные	
Закон Божий с краткой его методикой.	2
Педагогика	3
Методика начального обучения русскому языку	3
Арифметика с методикой начального обучения арифметике	3

б) специальные	
Русская словесность	3
Математика (алгебра и геометрия)	3
История	3
География с ее методикой	3
Французский язык	3
Немецкий язык	3

Слушательницы VIII класса изучали общеобязательные предметы и, сверх того, один или два специальных. Специальные предметы изучались в объеме полного курса мужских гимназий, общие предметы – в меньшем объеме.

Благодаря деятельности педагогических коллективов гимназий, **формы и методы** обучения в педагогических классах были хорошо разработаны и отличались большим разнообразием (помимо указанных в официальных документах).

Теоретические занятия предполагали форму урока с использованием методов: частично – поискового или эвристического, рассказа, беседы, самостоятельной работы с книгой, письменных практических упражнений и имели следующие *виды*: устное или письменное реферирование, написание полугодичных сочинений на педагогические темы и их обсуждение, изучение по каждому предмету не менее двух учебников, самостоятельное изучение учебника по элементарному обучению с обсуждением их содержания ученицами класса. Практические занятия имели следующие формы: посещение уроков в начальной школе и младших классах гимназии с составлением конспекта урока, проведение пробных уроков в начальной школе и гимназии с составлением двух видов отчета по ним, репетиторство с отстающими ученицами младших классов, наблюдение за ученицами начальных классов с ведением дневника и составлением отчета, проведение педагогических конференций [2, с. 120-137; 6, с. 5-6].

В педагогических классах существовала определенная система **контроля и оценок**. В течение учебного года оценивались следующие пункты:

- успехи в учебных предметах;
- специальные предметы;
- поведение;
- посещение уроков;
- исполнение письменных работ;
- исполнение воспитательских обязанностей;
- успешность пробных уроков;
- интерес к наукам;
- интерес к педагогической деятельности [8].

Привлекает внимание наличие таких специфичных пунктов, как интерес к наукам и интерес к педагогической деятельности, что свидетельствовало не только об участии учениц в научной деятельности и проявлении творческих способностей, но и позволяло делать выводы об их профессиональной пригодности.

В конце учебного года выставлялись годовые отметки. Затем, с учетом результатов письменных и устных испытаний – окончательные отметки [8].

Достижению положительных результатов способствовала система **педагогических условий** [2; 6]. К ним относились:

- наличие базовой семилетней подготовки (семилетняя гимназическая подготовка являлась в изучаемый период наилучшей общеобразовательной базой);
- наличие полной информации о желающих обучаться в дополнительном классе (данное условие помогало педагогам в определении профессиональной пригодности ученицы, организации педагогического процесса с учетом индивидуальных особенностей, определении состава класса с целью корректировки программы обучения);
- обязательное активное участие в практических видах занятий (отсутствие практики не позволяло присвоить какую-либо педагогическую квалификацию);
- наличие высокого уровня общей культуры слушательниц VIII дополнительного класса (к специальным испытаниям не допускались ученицы, поведение которых было оценено отметкой ниже четырех);
- противодействие педагогов негативным факторам в процессе обучения (повышение уровня успеваемости за счет второго года обучения в педагогическом классе при одногодичном курсе);
- усложнение содержания учебных предметов по сравнению с содержанием этих предметов в предыдущих классах (программа предметов учитывала их преподавание в предыдущих классах, а также цели и задачи педагогического класса);
- формирование активной профессиональной позиции будущих учительниц (удовлетворение от педагогической деятельности; высокий средний балл по результатам испытаний);
- формирование творческого подхода к профессии (во время подготовки и проведения пробного урока присутствовали следующие условия творческого развития: теоретической “проработки” применяемого на практике материала, игры (“катехизация урока”), “упражнения” в “искусстве” владеть классом и др.);
- педагогическое сопровождение и поддержка (теоретические и практические занятия учениц находились

под строгим контролем педагогов);

- учет уровня теоретической подготовки (степень изученности всех предметов ученицами должна соответствовать той, которой обладала учительница, несколько лет преподававшая эти предметы);

- наличие системы требований к профессиональной культуре (обсуждение пробных уроков в строго отведенное для этого время; регламентированное поведение во время проведения конференций; определенный тип руководства детьми; внеурочная работа и т.д.);

Нами выявлено наличие стимулирующих условий профессионально-творческого развития [5, с. 46]: игры (репетиция пробного урока с преподавателем и ученицами педагогического класса, носившая название "катехизации"), психологической свободы, дозволенности и интуитивных действий ("вступление в права полной хозяйки класса"), психологической безопасности (запрет на замечания во время проведения урока) [2, с. 130-137].

На основании критериев М.Н. Юрьевой [7, с. 275-280] и условий учебного процесса второй половины XIX в., мы сформулировали критерии профессионально-творческого развития для обучаемых в педагогических классах второй половины XIX в.

1. Сформированность профессионально значимых качеств обучаемых.

Формирование профессионально значимых качеств обучаемых обусловливалось различными видами теоретических и практических занятий. Виды теоретических занятий (устное или письменное реферирование, написание полугодичных сочинений на педагогические темы и их обсуждение, изучение по каждому предмету не менее двух учебников, самостоятельное изучение учебника по элементарному обучению и обсуждение всех учебников, изученных ученицами класса) обеспечивали широту интересов и педагогических знаний. Данные виды предполагали получение большого объема теоретической информации. Они способствовали формированию умений вести беседу, размышлять, обдумывать свои мысли, грамотно излагать их в письменной и устной форме, видеть достоинства и недостатки (свои и других учениц) в различных видах работы. К теоретической подготовке выпускниц педагогического класса предъявлялось требование, которое заключалось в знании изученных предметов на профессиональном уровне учительниц, имеющих опыт преподавания (несколько лет) данных предметов в учебных заведениях. Показателями выполнения названного требования являлись результаты различного рода испытаний.

Многообразие форм практических занятий (посещение уроков в начальной школе и младших классах гимназии с составлением конспекта урока, проведение пробных уроков в начальной школе и гимназии по 5-ти предметам с составлением двух видов отчетов, замещение отсутствующих учителей, репетиторство с отстающими ученицами младших классов, наблюдение за ученицами начальных классов с ведением дневника и составлением отчета, педагогическая конференция с использованием метода беседы и составлением протоколов) приучало к трудолюбию, развивало работоспособность, адаптационные способности, умение взаимодействовать с людьми различных возрастных групп и в различных ситуациях, навыки рефлексии и саморефлексии, способность самостоятельно находить решение в конкретной ситуации. Ученицы приобретали опыт работы на два отделения в начальной школе, навыки в поддержании дисциплины, в выборе учебников. Необходимым было формирование таких качеств, как самообладание, наблюдательность.

Развитие специальных способностей обусловливалось усвоением значительного объема теоретических знаний (обязательных и дополнительных) и многообразием форм практических занятий. Преобладание форм практической подготовки говорило о том, что практическая деятельность являлась ведущей в деле воспитания будущих учительниц. Практические занятия формировали навыки, что создавало основу для внесения в собственную деятельность элементов нового и имело первостепенное значение для развития профессиональных и творческих качеств.

2. Ценностная ориентация на учебно-профессиональную деятельность.

Ценностная ориентация проявлялась в сформированной профессиональной мотивации (занятия "по собственному сознанию необходимости совершенствоваться") и предполагала понимание целей и задач собственной образовательной деятельности, потребность в достижении высоких результатов. О наличии общекультурных и профессиональных ценностей говорили следующие требования: высокий уровень воспитанности (отметка по поведению не ниже 4-х), "умение с педагогическим тактом руководить детьми", "обдуманно высказывать свои мысли", делать необходимые замечания другим ученицам относительно различных видов деятельности в строго отведенное для этого время. С целью повышения культурного уровня воспитанниц проводились различные внеклассные мероприятия [4, с. 207].

Наличие у обучаемых интереса к педагогической профессии, мотивации, понимание целей и задач собственного обучения, высокий уровень требований к ним обуславливали направленность личности на профессионально-творческое развитие.

3. Стремление к самосовершенствованию.

Важным компонентом профессионально-творческого развития являлось стремление к самосовершенствованию, которое раскрывалось через наличие сформированной мотивации, профессиональное самопознание (условия проведения пробного урока), реализацию индивидуальных ресурсов обучаемых (теоретические и практические занятия), потребность в углублении профессиональных знаний (изучение дополнительной литературы) и способность к критическим суждениям (формирование навыков рефлексии и саморефлексии). О наличии навыков саморефлексии свидетельствовала способность учениц выявлять собственные недостатки в различных видах теоретической и практической деятельности посредством разбора сочинений, учебников, отчетов

о своих пробных уроках. Формирование навыков рефлексии обуславливалось требованиями высказывать замечания и находить недостатки в теоретических и практических работах других учениц (программа разбора пробных уроков, обсуждение и разбор на конференциях пробных уроков и дневников наблюдений).

Одним из условий профессионально-творческого развития являлось прохождение выпускницами практической подготовки в том же учебном заведении, что могло вызвать интерес у воспитанниц младших классов к педагогической деятельности и способствовать ранней ориентации на педагогическую профессию.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в педагогических классах имело место профессионально-творческое развитие обучаемых, основа которого была заложена в названных законодательных актах и подкреплена деятельностью выдающихся педагогов, преподававших в женских гимназиях.

The article deals with the organization of the educational process in the classroom teaching at a girls' school, which was a system of professional and creative development of students. List the components of the system, identifying the conditionality of formation of professionally significant qualities of the methods, forms and types of employment. The effectiveness of teacher education classes in vocational and creative development of future teachers.
***Keywords**: educational classes, professional and creative development, system components, the formation of professionally significant qualities, motivation, self-improvement, enabling environments.*

Список литературы

1. Арискин, В.Г. Женское профессиональное образование в России в конце XIX – начале XX века / В.Г. Арискин // Педагогические науки. – 2005. – №5.
2. Ельницкий, К.В. Значение педагогического образования для женщин и организация занятий в педагогическом классе при Омской женской гимназии / К.В. Ельницкий // Семья и школа. – 1881. – №8-9.
3. Ельницкий, К.В. Двадцатипятилетие VIII педагогического класса при Омской женской гимназии / К.В. Ельницкий // Русская школа. – 1893. - №11.
4. Кутепова, С.Г. Подготовка домашних воспитателей и учителей в истории отечественной педагогики / С.Г. Кутепова // Проблемы профессионального воспитания будущего учителя: теории и опыт. – Курск: Изд-во Курского гос.пед.ун-та, 2000.
5. Маркова, А.К. Психология труда учителя: книга для учителя / А.К. Маркова. – М.: Просвещение, 1993. – 192 с.
6. Учебный план и программы учебных предметов для VIII дополнительного класса женских гимназий Московского учебного округа. – М., 1899. – 96 с.
7. Юрьева, М.Н. Профессионально-творческое становление личности студента – хореографа в вузах культуры и искусств: дис. … д-ра пед. наук / М.Н. Юрьева. – Тамбов, 2010. – 570 с.
8. ГАЛО, ф. 42, оп. 1, д. 103, л. 129. Отчет об успеваемости VIII класса Елецкой женской гимназии за 1897/8 учебный год.

Об авторе

Емельянова Н.Р. – соискатель ученой степени кандидата педагогических наук, ассистент кафедры музыкального образования Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, *nremel2@rambler.ru*

УДК 37.1

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В.Н. Зайченко, Н.В. Геращенко, Е.Г. Лозовская

В статье анализируется проблема развития познавательной активности студентов, направленной на решение задач профессиональной значимости. Познавательная активность определяется авторами как деятельностное начало личности, лежащее в основе процесса познания объектов материальной и духовной культуры. Рассматриваются факторы, оказывающие влияние на развитие познавательной активности в студенческом возрасте, признаки познавательной активности в процессе решения педагогических задач и условия ее формирования.
***Ключевые слова:** познавательная деятельность, познавательная активность, мотивы познания, познавательная задача, социально-педагогическая задача.*

Изменения, происходящие в системе высшего образования в настоящее время, продиктованы массовой глобализацией, динамическими процессами и событиями во всех сферах жизни общества. В условиях сложившейся нестабильности и неопределенности система высшего образования вынуждена вырабатывать новые механизмы функционирования, основанные на едином регулировании и управлении, а также учитывать индивидуальные запросы личности в получении образования и требования производства в практически подготовленных специалистах.

Профессиональная подготовка специалистов в высшей школе осуществляется в рамках компетентностно-

деятельностного подхода, который актуализирует потребности всех участников образовательного процесса в активном и целесообразном взаимодействии, развитии социальной и профессиональной мобильности, формировании определенных качеств (личностных и профессионально значимых), способствующих не сколько усвоению определенной суммы знаний (которые в информационном обществе имеют тенденцию быстро устаревать), но, скорее всего, расширению горизонтов познавательной активности обучающихся за счет активизации мыслительных процессов, использование внутренних субъективных возможностей, способностей к самоорганизации, саморазвитию, саморегуляции и творческому самоосуществлению.

Практика показывает, что репродуктивная модель обучения в вузе изживает себя, является бесперспективной и новые требования к получению высшего образования предполагают не узкопрофессиональную направленность бакалавра, специалиста, а целостную личность, соединяющую в себе фундаментальную и прикладную подготовку с высоким уровнем профессионализма, способную к непрерывным, активным преобразованиям своей сущности.

Предметом рассмотрения в нашей статье является познавательная активность студентов высших учебных заведений. Обращение к данной теме продиктовано тем, что в нынешней системе образования наблюдается снижение познавательной активности студентов по ряду причин, среди которых следует отметить низкий уровень мотивации к познавательной активности, облегчение получения информации за счет внедрения в учебный процесс информационных технологий, отсутствие у современной молодежи престижа интеллектуального труда, слабая профориентационная направленность в системе общего образования. Все это требует разработки нового методологического оснащения образовательного процесса в вузе, изменения отношения преподавателя к организации познавательной деятельности студентов.

Проблеме развития познавательной активности обучающихся посвящено достаточно много работ выдающихся отечественных ученых, педагогов, психологов. Познавательная активность понимается как деятельность, деятельное состояние личности, характеризующееся стремлением к учению, умственному напряжению и проявлению волевых усилий в процессе овладения знаниями [1]; как активный процесс взаимодействия обучаемого с объектами познания, направленный на овладение опытом социальной культуры и расширение системы личностных ценностей; как качественная характеристика познавательной деятельности и разновидность социальной активности.

Человеку свойственно стремление к изменению и преобразованию себя и окружающего мира. Осваивая различные социальные практики, он взаимодействует с предметами материальной и духовной культуры, с представителями различных социальных групп, сообществ. В основе познавательной активности лежит принцип единства сознания и деятельности, который позволяет установить зависимость поведения человека от внешних обстоятельств, подчеркивая при этом активную роль сознания. Познавательная активность определяется уровнем сформированности мышления (способностью к абстрагированию, системному познанию объектов действительности, аналитико-синтетической деятельности, теоретическому моделированию и прогнозированию, критическому восприятию), функциями самоуправления (самосознанием, внутренней мотивацией, саморегуляцией поведения, самоорганизацией познавательной деятельности, самоконтролем, самооценкой результатов достижений), личностными качествами (целеустремленностью, самостоятельностью в мышлении, усидчивостью, умственной работоспособностью) и ценностными ориентирами. Развитие познавательной активности также обусловлено процессуальным характером деятельности и структурой самой познавательной активности.

В ходе проводимых психологических исследований было установлено, что эффективность учебно-познавательной деятельности зависит от уровня познавательной активности обучающегося. В психологии и педагогике поразному выделяют уровни познавательной активности: адаптивный и творческий (А.М. Матюшкин); репродуктивно-подражательный (или воспроизводящий), поисково-исполнительский (или интерпретирующий), творческий; воспроизводящий, преобразующий, творческий (Т.И. Шамова) [2]. Развитие познавательной активности может быть представлено как взаимодополнение одного уровня другим, но не противопоставление их, как взаимопереход, в процессе которого происходит решение задач, а также как последовательность решения каждой конкретной задачи.

На развитие познавательной активности в студенческом возрасте оказывают влияние многие факторы, среди которых можно выделить биологические, психофизиологические (внутренние) и социальные, педагогические (внешние) факторы. К первой группе факторов относятся психические свойства личности: характер, темперамент, направленность, способности, особенности памяти, внимания, мышления, воображения, эмоционально-волевой сферы, отнесенность к определенному типу высшей нервной деятельности. Вторую группу факторов составляют социальная ситуация развития, общение, потребности в новых впечатлениях, открытии нового знания, особенности учебной деятельности в студенческом возрасте, ее организация, мотивация студентов к познавательной деятельности, образовательная среда вуза (интеллектуальная, творческая атмосфера общения, научный статус работников, наличие научно-исследовательских школ, научные сообщества преподавателей и студентов).

Юношескому возрасту свойственны такие психические новообразования и особенности интеллектуального развития, как глубокая рефлексия, готовность к социальному, личностному, профессиональному самоопределению, установка на сознательное построение жизненных планов, развитие самосознания, мировоззрения, повышенная склонность к самоанализу, критическое отношение к себе, своим способностям, поступкам, возможностям. Интеллектуальное развитие студентов выражается в склонности к теоретизированию, обобщениям, систематизации, установлению причинно-следственных связей, логизации учебного материала, ярко выраженном стремлении самостоятельно разбираться в сложных вопросах, в развитии интеллектуальных чувств. В этом

возрасте продолжает формироваться абстрактно-логическое мышление. Ведущими типами деятельности в вузе становятся учебно-профессиональная и научно-исследовательская.

Психологическая составляющая образовательного процесса дает возможность преподавателю управлять познавательной активностью студентов за счет реализации диагностической, проектировочной, мотивационной, организаторской, контрольно-оценочной и рефлексивной функций. Диагностика сформированности уровня познавательной активности студентов на начальном этапе обучения позволяет ему правильно спроектировать образовательный процесс: разрабатывать содержание учебного предмета с учетом поставленных целей и задач, оптимально отбирать технологии, формы, средства и методы обучения [3].

Управление познавательной активностью студентов требует соблюдения следующих принципов обучения: научности, целостности, наглядности, личностного подхода, развивающего и воспитывающего обучения, сознательности и активности, мотивационного обеспечения учебного процесса, диалогизма, проблемности, профессиональной направленности, связи теории с практикой. Соблюдение данных принципов обеспечивает эффективность в достижении поставленной цели.

Познавательная деятельность студентов в процессе обучения осуществляется во взаимодействии с преподавателем. И это взаимодействие является продуктивным, если оно носит личностный (субъект-субъектный) характер. Исследуя психолого-педагогические предпосылки развития познавательной активности в обучении, А.М. Матюшкин указывал на то, что познавательная активность достигается в диалогическом взаимодействии, при активности двух субъектов общения – преподавателя и студента. Только тогда происходит реальное развитие познавательной активности и высших форм мышления [4]. Преподаватель должен обладать способностью вести диалог, включать студентов в интеллектуальное общение посредством содержательных вопросов, открытого обсуждения проблем. Так, на лекциях, излагая теоретический материал, преподаватель проявляет внешнюю познавательную активность, в то время как у студента она выражается во внутреннем плане (внутренняя мыслительная деятельность). При полном совпадении внешней познавательной активности преподавателя и внутренней активности студента достигается согласованность диалогического общения.

Одним из показателей познавательной активности личности в процессе познания выступает механизм самоуправления, благодаря чему студент учится ставить цели и задачи, планировать и организовывать познавательную деятельность, контролировать и оценивать ее результативность. Активность и самостоятельность у обучающегося проявляются с момента осознания условия задачи, выявления противоречия между новым знанием и уже имеющимися представлениями и понятиями, опытом по решению задач и завершается самоанализом и самооценкой результатов деятельности. Роль преподавателя заключается в том, чтобы способствовать формированию у студентов способности разрешать возникающие противоречия самостоятельно и осуществлять процесс познания дальше.

Различные виды группового, коллективного общения (эвристические беседы, дискуссии, профессионально-ролевые игры) при решении педагогических задач на семинарских и практических занятиях позволяют включать студентов в процесс мыслительной деятельности, где важным психологическим условием развития познавательной активности выступает не только индивидуальная активность, но, в большинстве своем, групповая познавательная активность, выражающаяся в совместно-разделенном мыслительном творчестве по решению практических проблем, предполагающем ролевое распределение интеллектуальных обязанностей, совместную рефлексию – разностороннее видение проблемы, выдвижение альтернативных вариантов ее решения, наличие противоречивых доказательств, критических суждений, а также умение слушать, понимать, согласовывать различные позиции. При этом формируются такие важные социально значимые качества для будущей профессиональной деятельности, как толерантность, эмпатия, умение вырабатывать общее решение, отстаивать свою точку зрения, быть доказательным. Во многом процесс познания для студентов важен и значим с точки зрения самоутверждения в глазах преподавателя и однокурсников.

Управляя познавательной активностью студентов в ходе решения задач, преподаватель развивает у них потребности в познании, мотивируя к активным действиям. При этом учитывается тот факт, что мотивация достижения успеха является ведущей в этом возрасте, и потребности, желания студентов развить свою общую эрудицию, удовлетворить познавательный интерес в профессии, включиться в интеллектуальное общение должны быть реализованы в ходе обучения в полной мере. Однако мотивировать порою оказывается сложнее, чем выработать умения решать задачи. Исследуя специфику студенческой мотивации, психологи выявили, что хорошо развитые специальные способности, приобретенные знания, умения и навыки еще не гарантируют высоких результатов в обучении. Познавательная активность студентов, их учебные достижения, успеваемость определяются силой и структурой мотивации. У студентов, ориентированных на будущую профессию, как правило, преобладает внутренняя мотивация: они хотят освоить профессию на высоком уровне, овладеть прочными профессиональными знаниями и практическими умениями. У них хорошо развиты волевые усилия, и в процессе решения задач повышенной сложности, проблемного характера они способны к самомотивации и саморегулированию своей познавательной активности. У студентов, менее ориентированных на профессиональное становление, наблюдается ситуативная мотивация (получить высокие баллы без понимания ценности знания для перспектив дальнейшего развития), они обладают меньшей настойчивостью в решении задач проблемного характера, склонны к переоценке своих успехов и нуждаются в дополнительном стимулировании извне. Процесс формирования мотивации достаточно сложный

и требует от преподавателя знания ее психологических основ, умения использовать методы и средства педагогического воздействия, чтобы стимулировать студентов к самомотивации познания [5, с.186].

Мотивируя студентов к познавательной активности, важно создать эмоционально благоприятные условия для осуществления процесса познания, чтобы студенты смогли преобразовать полученные знания, умения в средства решения профессиональных задач и тем самым выработать ценностное отношение к познавательной деятельности, которое станет устойчивым жизненным образованием. К.Д. Ушинский справедливо указывал, что важно не только передать учащемуся те или другие знания, но и развить в нем способность и желание самостоятельно, без учителя, приобретать новые знания, давать ученику средства самостоятельно получать полезные знания не только из книг, но и из окружающих его предметов, из событий жизни и истории собственной души. Обладание такой умственной силой позволит человеку учиться всю жизнь, что, собственно, и составляет одну из главных задач процесса обучения [6, с. 539].

Рассматривая психолого-педагогические аспекты развития познавательной активности студентов в вузе, хотелось бы более подробно остановиться на специфике обучения социальных педагогов. При подготовке социальных педагогов к будущей профессиональной деятельности на занятиях применяются различные методы активного обучения, среди которых особенно хочется отметить метод решения социально-педагогических задач. Социально-педагогические задачи ориентируют студентов на реальные проблемы социальной практики и помогают приобрести опыт их решения. Под социально-педагогической задачей понимается осмысление сложившейся социально-педагогической ситуации и принятие на этой основе решений и плана необходимых действий.

Этапы решения познавательных (социально-педагогических задач) представляют собой своеобразную логику развития педагогического процесса и одновременно формирования интеллектуальных качеств обучающихся.

Прежде чем решать познавательную задачу, ее необходимо сформулировать хотя бы для самого себя. Чем более четко обозначена задача, тем эффективнее поиск ее оптимального решения. Проблемная ситуация, лежащая в основании познавательной задачи, сама по себе уже ориентирует студента и преподавателя на четкую формулировку задачи. Четкость такой формулировки во многом зависит от осознания реальных противоречий содержательного и методического характера. Найденное педагогическое противоречие стимулирует процесс удивления, а это, в свою очередь, ведет к осознанной формулировке задачи.

Когда учебная задача поставлена, возникает необходимость в накоплении эмпирического и теоретического материала, который позволил бы осуществить правильное решение задачи. В процессе приобретения новых знаний студентами нам кажется надуманной проблема противопоставления «репродуктивного и творческого». Такой подход вряд ли оправдан. Реальный педагогический процесс постоянно переходит от накопления новых знаний, где большую роль играет память обучающегося (репродуктивный компонент), к самостоятельным выводам (творческая составляющая), и наоборот. Тем самым репродуктивное и творческое становятся двумя половинами единого познавательного процесса.

После того, как задача поставлена и накоплен значительный фактический и теоретический материал наступает этап ее решения. Здесь особенно важна совместно-разделенная деятельность между педагогом и студентом, которая сама по себе является противоречивой, поскольку не является самостоятельной деятельность ни обучающего, ни обучающегося. В совместно-разделенной деятельности присутствует ярко выраженное творческое начало, так как преподаватель не только обучает, но и сам учится, проявляет познавательную активность в процессе решения задачи.

Когда познавательная задача решена, наступает этап ее практической проверки. Для педагогического процесса важна предметно-практическая ориентированность решаемой задачи. Здесь, по-видимому, и лежат истоки профессиональной направленности обучения. Решенные познавательные задачи постепенно становятся методом решения других задач данного типа. Вырабатывается своеобразный алгоритм решения познавательных задач, который может быть использован не только в учебных целях, но и в дальнейшей профессиональной деятельности студентов.

Чаще всего выделяют познавательные задачи следующих типов: практические, эмпирические и теоретические. Когда речь заходит о педагогическом процессе, данная классификация сохраняет свою актуальность. Теоретические задачи направлены на освоение понятийного аппарата изучаемой дисциплины, на выявление и формулировку основных закономерностей социально-педагогической практики. Освоение теоретических задач требует более высокого уровня развития мышления студентов. Однако, что касается творческой составляющей, то она может быть не меньшей, а даже большей при решении практических и эмпирических задач. В настоящее время в связи с реформой образования все чаще стали говорить о том, что решение познавательных задач должно соответствовать уровню мотивации личности. Если у обучающегося хорошо формируются практические навыки, то вряд ли стоит делать из него теоретика, ведь в практической профессиональной деятельности он сможет проявить себя более продуктивно, нежели в научной.

Но не следует забывать, что фундамент теоретической подготовки специалиста закладывает основы его будущей профессиональной деятельности. Поэтому необходимым условием в обучении является соблюдение принципа фундаментальной и прикладной направленности (связи теории с практикой). Знания, получаемые в процессе освоения профессии, многообразны по своей сути и наполняемости, формируют у студента в процессе познания целостную картину мира, выводят его на уровень исследовательского поиска, освоения различных

технологий и методик, что так важно для современной практики высшего образования. На примере преподавания социально-педагогических дисциплин («История педагогики и образования», «Общая педагогика», «Социальная педагогика», «Введение в специальность социальный педагог», «Профессиональная деятельность социального педагога в различных сферах жизнедеятельности общества») можно говорить о том, что концептуальные (теоретические) основы мышления служат для студентов мировоззренческим ориентиром в решении профессиональных задач образования, и гуманитарный характер знания закономерностей развития человека в процессе социализации, воспитания придает ему еще более осознанный, личностный смысл.

При решении социально-педагогических задач преподаватель вооружает студентов системой метазнаний (знания о способах добывания знаний), т.е. теоретическими знаниями о методах научного познания, о путях и способах повышения познавательной активности. Осваивая приемы анализа, синтеза, сравнения, индукции и дедукции, абстрагирования, ассоциации, имитации, студенты с их помощью осуществляют различные действия и операции и продвигаются поэтапно в решении педагогических задач. Следует отметить, что вместе с овладением знаниями о генезисе и развитии педагогической науки и социальной практики студенты усваивают те методы научного познания, которые выработала педагогика за длительный период своего существования и которые являются движущим началом в овладении профессией социального педагога.

На занятиях по социально-педагогическим дисциплинам эффективным является метод решения профессионально-ориентированных задач-ситуаций. Они в значительной степени активизируют познавательную деятельность студентов не только в плане развития аналитических и поисковых способностей, логики мышления, эмоционально-чувственной и мотивационной сферы, но последовательно приближают их к реальной социальной и педагогической практике, пробуждают живой интерес. Ситуации, положенные в основу задачи, носят разнообразную направленность: требующие стандартного решения, выбора из имеющихся в практике вариантов решения, и нестандартные ситуации, в которых проблема скрыта и ее нужно обнаружить путем тщательно проведенного анализа, выявления причинно-следственных связей (например, ситуация-упражнение, ситуация-иллюстрация или ситуация-оценка демонстрируют возможный способ решения или дают оценку эффективности предложенного решения; ситуация-прецедент не имеет аналогов решения в прошлом и требует креативного подхода). Любая ситуация не только отражает практические проблемы из жизни, но и нацеливает студентов на приобретение новых знаний об объектах действительности, отношениях и связях между ними. При выборе задач-ситуаций преподаватель руководствуется индивидуальными особенностями и уровнем подготовки студентов. Для этого применяются социально-педагогические задачи-ситуации на основе уровневого подхода, авторами которых являются Галагузова М.А., Ларионова И.А., Галагузов А.Н., компетентностно-ориентированные задачи-ситуации на основе таксономии целей Б. Блума [7].

Проведенные исследования по изучению индивидуально-личностных характеристик мышления студентов показывают, что большинству из них свойственно избегать интеллектуального напряжения в ситуациях затруднения, действовать только по предложенному алгоритму, не дифференцируя задачи по содержательной направленности, по степени проблемности, копировать готовые образцы, поддаваться внушающему влиянию чужих мыслей, а это свидетельствует всего лишь о воспроизводящем уровне познавательной активности. Для коррекции названных недостатков и дальнейшего развития активности студентов на практических занятиях используются разноуровневые задачи, задачи-ситуации, мотивирующие упражнения, имеющие своей целью научить новым способам решения личностных проблем - осознавать и понимать новую проблему, формулировать ее; развивать навыки работы с проблемой, навыки когнитивного переструктурирования проблемы, навыки принятия решения («Вербализация проблемы», «Когнитивная репетиция», «Плюсы и минусы наших проблем» и др.) [8]. Все эти средства помогают развить у студентов интеллектуальную рефлексию, повысить самооценку (а за счет этого и надситуативную активность), самоконтроль, и тем самым вывести их на уровень творческой (инновационной) познавательной активности.

Главной целью развития познавательной активности для студентов должно стать понимание того, что, решая ту или иную задачу, они приобретают опыт (опыт познания, практический опыт, опыт социального взаимодействия), который приводит к позитивным изменениям их личности в целом и формированию профессиональных качеств, компетенций.

Можно обозначить следующие условия развития познавательной активности студентов при решении социально-педагогических задач профессиональной направленности:

- целенаправленное управление познавательной активностью студентов в процессе решения социально-педагогических задач профессиональной направленности;
- соблюдение основополагающих принципов развития познавательной активности в деятельности преподавателя: научности, целостности, наглядности, личностного подхода, сознательности, активности и инициативности, организованности и последовательности, мотивационного обеспечения учебного процесса, диалогизма, проблемности, креативно-поисковой направленности, профессиональной направленности, связи теории с практикой;
- воспитание у студентов культуры мышления, исследовательского поиска;
- развитие мотивов познания, осознанного интереса к познавательной деятельности;
- организация различных форм диалогового взаимодействия с применением интерактивных методов обучения (мозговой штурм, проблемный метод, дискуссия, ролевая игра), инициирующих самостоятельность мышления студентов, вырабатывающих умения и навыки познавательной активности;

- организация самостоятельной работы студентов как средство включения в самостоятельную познавательную деятельность и развитие творческих способностей, профессионального мышления;
- разработка содержания социально-педагогических задач, отражающего актуальные проблемы социальной практики в образовании и интегрирующего учебный материал в жизненный опыт, в будущую профессиональную деятельность;
- представление студентам разработанного алгоритма решения социально-педагогических задач;
- проведение совместного рефлексивного анализа решения задачи.

Таким образом, проведенный анализ развития познавательной активности студентов в вузе позволяет сделать вывод о том, что метод решения социально-педагогических задач профессиональной направленности выступает одним из наиболее эффективных в современной практике обучения в вузе и позволяет сформировать у обучающихся профессиональные компетенции и приблизить их к решению социально значимых проблем.

The paper presents the analysis of the issue connected with the development of students' cognitive activity which is aimed at the solving of professional problems. Cognitive activity is defined by the authors as an active-based person's foundation being the basis of the process of cognition of material and spiritual culture's objects. The research paper considers factors influencing the development of student' cognitive activity, features of cognitive activity during the process of pedagogical issues' solving and conditions of its formation.
Keywords: *cognitive activity, cognitive activism, reasons of cognition, cognitive issue, social-pedagogical problem.*

Список литературы

1. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 176 с.
2. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. – М.: Педагогика, 1982. – 208 с.
3. Зайченко В.Н. Управление учебно-познавательной деятельностью студентов в процессе обучения // Вопросы физического воспитания и спортивной тренировки. – №2. – 2015. – С. 98-102.
4. Матюшкин А.М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности. – Вопросы психологии. – 1982. – №4. – С. 5-17.
5. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2004. – 300 с.
6. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. – М., 1953.
7. Савельева М.Г. Педагогические кейсы: конструирование и использование в процессе обучения и оценки компетенций студентов: учебно-методическое пособие. – Ижевск, УдГУ, 2013. – 94 с.
8. Геращенко Н.В., Лозовская Е.Г. Роль интерактивно-проблемного метода обучения в преподавании «Социальной педагогики» в вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт» // Современные научные исследования. Выпуск 3. – 2015. – Т.13. – С.1386-1390. - *ART 85278.* - *URL:*http://e-koncept.ru/2015/85278.htm - *ISSN 2304-120X.*

Об авторах

Зайченко В.Н. – кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики Волгоградской государственной академии физической культуры, *kaf_pip_vgafk@mail.ru*

Геращенко Н.В. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Волгоградской государственной академии физической культуры, *gerashhigor@rambler.ru*

Лозовская Е.Г. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Волгоградской государственной академии физической культуры, *lozovskaya.1950@mail.ru*

УДК 378.17

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Л.А. Зятева

В статье раскрыты современные подходы к формированию и развитию социокультурной среды образовательной организации. Социокультурная среда вуза рассматривается с позиции ее влияния на эффективность социально-ориентированной деятельности вуза. Представлен опыт Брянского государственного университета как целостного социального комплекса.
Ключевые слова: *социокультурная среда, социально-ориентированнная деятельность, образовательное пространство вуза, социокультурные компетенции.*

Необходимым условием эффективного функционирования системы образовательной организации является ее деятельность как особого социокультурного института, способствующего развитию не только профессиональных, но и общекультурных компетенций студенчества.

Реализация этого тезиса возможна при условии создания в образовательной организации соответствующей социально-культурной среды.

Термин «социокультурная среда» является достаточно устойчивой категорией социологии, подразумевающей макросреду, в которой действуют социально обусловленные факторы и закономерности [6. С.13].

В педагогической науке понятие социокультурной среды в настоящее время проходит процесс становления и по-разному трактуется отдельными авторами.

Ряд исследователей (Ю. Кулюткин, С. Тарасов, Е. Бурдуковская) под образовательной социокультурной средой понимают систему ключевых факторов, определяющих образование и развитие человека. К числу таких факторов относятся культура педагогической среды, люди, которые влияют на образовательные процессы, события общественной жизни, средства массовой информации и т.п.

Исходя из приведенных трактовок, социокультурная среда вуза может определяться как пространство совместной жизнедеятельности студентов, преподавателей, сотрудников университета, обеспечивающее освоение культуры, выбор ценностей, жизненных смыслов, формирование профессиональных компетенций.

В качестве базовых теоретических предпосылок успешного формирования и динамичного развития социокультурной среды образовательной организации [1; 5] можно рассматривать следующую совокупность положений:

– Социокультурная среда вуза является интегративным фактором личностного становления студента. Отечественная педагогика рассматривает данную категорию в качестве важнейшего фактора, ускоряющего или сдерживающего процесс самореализации личности, и необходимого условия успешного развития этого процесса. При этом влияние социокультурной среды реализуется путем включения студентов в разнообразные формы социальной и культурной деятельности.

– Социокультурная среда вуза представляет собой саморазвивающуюся, динамичную систему, в ее структурных элементах идет внутреннее развитие, осуществляется процесс накопления культурного опыта. Она отражает традиции и динамику развития учебного заведения.

– Социокультурная среда может рассматриваться как открытая система, взаимодействующая с внешней средой. Ее становление и развитие связано с такой организацией образовательного пространства, которая обеспечивала бы успешную адаптацию студентов в макросоциуме.

– Социокультурная среда вуза – это системное образование, включающее ряд структурно-функциональных компонентов, которые имеют собственную организацию. В связи с этим формирование качественной социокультурной среды предполагает координацию всех структур учебного заведения, а также общественных формирований в области социально-воспитательной работы.

Каждый компонент социокультурной среды по характеру его составляющих можно представить в виде трех уровней:

1. ценностно-ориентационная составляющая (система базовых ценностей, которые становятся определяющими для всех участников образовательного процесса);

2. информационная составляющая среды (содержание учебных занятий, воспитательных мероприятий, межличностного общения и т.п.);

3. предметно-пространственное окружение (архитектура университетских строений, наличие памятников истории, наглядное оформление учебных аудиторий, общественных и жилых помещений и т.п.).

Социокультурная среда вуза может рассматриваться и как совокупность условий, в которых осуществляется жизнедеятельность субъектов образовательного пространства. В этом случае она должна отвечать следующим требованиям:

- способствовать позитивному настрою студенческой молодежи на будущую профессиональную деятельность;
- определять перспективы развития образовательной организации;
- ориентировать на позитивное восприятие социально-психологической атмосферы вуза;
- выступать инструментом формирования ценностей и моделей поведения всех участников образовательного процесса;
- обеспечивать условия самореализации личности и способствовать ее адаптации к социальным изменениям. [2; 6].

Исходя из приведенных положений, процесс выстраивания социокультурной среды высшего учебного заведения следует рассматривать в качестве одной из важнейших составляющих его жизнедеятельности в целом.

Системообразующим фактором формирования единой социокультурной среды выступает процесс интеграции элементов образовательного процесса, внеучебной и воспитательной работы, программно-содержательного и научно-методического обеспечения процессов развития и профессионального становления студентов.

Опираясь на исследования Е.А. Бурдуковской [1] представляется возможным выделить три базовых компонента, которые следует учитывать в процессе практической работы по созданию социокультурной среды высшего учебного заведения: содержательный, структурный и процессуальный компоненты.

Содержательный компонент отражает совокупность основополагающих идей и приоритетных ценностей, требований, определяющих мировоззренческие основы, идеологию, т. е. совокупность тех общих положений, которые раскрывают содержание социокультурной ситуации в вузе. Как правило, они находят отражение в концепциях, принципах и целеполагании, в нормативных документах и целевых программах образовательной организации, в принятой модели личности студента, в социально одобряемом образе жизни, в содержании ведущих видов деятельности.

Брянский государственный университет рассматривает процесс формирования и развития качественной социокультурной среды в качестве одной из приоритетных задач для функционирования вуза как социально-ориентированного образовательного учреждения, в котором обучается порядка двух тысяч студентов, прибывших из районов области и ближнего зарубежья, пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Своей целью коллектив вуза считает реализацию системного подхода к развитию университета как целостного социального комплекса, обеспечивающего формирование социокультурных компетенций студентов в различных формах социально значимой деятельности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- гарантировать динамичное развитие социальной инфраструктуры образовательного учреждения, отвечающей современным требованиям обеспечения качества образовательного процесса;
- добиваться стабильного расширения спектра инновационных форм, методов и средств здоровьеформирующей деятельности университета;
- способствовать созданию социально-правовых, организационных, научно-методических условий для успешной социально-психологической адаптации студентов к образовательному процессу в вузе;
- обеспечить стабильное повышение социальной защищенности и улучшение социального самочувствия сотрудников и студентов университета.

Для качественной реализации поставленных задач в университете разработаны и утверждены советом университета и советами факультетов собственные рабочие документы: концепция воспитания студентов БГУ; комплексная программа воспитательной работы БГУ на 2014-19 гг.; комплексный план организации социальной, внеучебной и воспитательной работы со студентами; целевая программа развития деятельности студенческих объединений «Формирование профессиональной компетентности студентов в социокультурном пространстве славянского приграничья».

Ожидаемыми результатами реализации перечисленных программ и концепций должны стать:

- повышение социальной защищенности сотрудников и студентов университета;
- развитие сферы социально-психологической и медико-педагогической поддержки студентов;
- улучшение жилищных условий в общежитиях студенческого городка;
- развитие безбарьерной инфраструктуры студенческого городка;
- эффективность функционирования системы безопасности;
- создание физкультурно-оздоровительного комплекса (строительство бассейна, реконструкция стадиона);
- усовершенствование научных основ и оптимизация организационных форм медико-социальной и психологической помощи студентам, физического и нравственного воспитания студентов.

Структурный компонент социокультурной среды представлен внутривузовскими сообществами, такими как студенческие общественные организации и объединения, клубы, секции, научно-практические студенческие лаборатории, библиотеки и др. Однако, поскольку социокультурная среда вуза представляет собой открытую систему, элементами этой модели становятся и внешние по отношению к университету сообщества, объединения, учреждения социокультурного характера, влияющие на личностное становление студента. Данный компонент предполагает оптимальное взаимодействие элементов социокультурной среды вуза для реализации деятельности и общения студентов.

Иллюстрацией описываемого компонента могут служить структурные подразделения, созданные в университете, такие как, совет по воспитательной работе, в состав которого входят заместители деканов по воспитательной работе и социальным вопросам, администрация студенческого городка, представители студенческих общественных объединений; студенческие отряды и организации (совет студентов и аспирантов БГУ, студенческое научное общество БГУ, ассоциация волонтеров БГУ, оперативный отряд охраны правопорядка, дружина охраны природы, ремонтные бригады и т.п.). В последние годы активную роль в организации жизни университета играет попечительский совет и клуб выпускников, объединяющий выпускников университета разных лет.

Для качественной работы перечисленных студенческих объединений создана достаточная социальная база, в частности проведена реконструкция и капитальный ремонт актового зала главного корпуса, для проведения внеучебных мероприятий используются спортивные, тренажерные и гимнастические залы учебных корпусов и общежитий, конференц-залы, рекреации и холлы учебных корпусов.

В студенческом городке созданы дополнительные условия для развития безбарьерной инфраструктуры (пандусы, грузовые лифты, стоянка для автотранспорта лиц с ограниченными возможностями и т.п.); организована работа столовой; действуют медицинский пункт и санаторий-профилакторий, информационный центр, отделение связи и др.).

Структурные подразделения университета тесно взаимодействуют с Управлением ФСНК России по Брянской области, Управлением внутренних дел Брянской области, медицинскими учреждениями (центром по профилактике и борьбе со СПИДом, областным клинико-диагностическим центром и др.), представителями средств массовой информации, общественных организаций, в результате социальная среда вуза выступает как открытая система.

Система межведомственного социокультурного взаимодействия БГУ может быть представлена следующей схемой:

Рис.1. Межведомственное взаимодействие Брянского госуниверситета

Процессуальный компонент представляет собой совокупность факторов, которые позволяют социокультурной среде вуза функционировать, продуцировать, развиваться. Этот компонент связан с разработкой социально-педагогических технологий, форм и методов педагогической организации личностного становления студента в период его обучения в вузе.

В учебно-воспитательном процессе университета активно используется инструментарий современных педагогических технологий: социально-психологического тренинга, гражданского форума, эвристической беседы, социодрамы, индивидуального рефлексивного воспитания. Использование на кураторских часах проблемных, диалоговых, игровых, тренинговых, рефлексивных технологий позволяет значительно усилить субъектную позицию студента в осмыслении собственных взглядов, поведения, проблем и одновременно осуществить развитие таких личностных качеств, как эмпатия, толерантность, ответственность, коммуникативность.

Одной из наиболее результативных технологий, реализуемых профессорско-преподавательским составом университета, стала технология гражданского форума – диалоговой методики, призванной помочь молодым людям осознать необходимость выбора из нескольких вариантов поступков или поведения в различных жизненных ситуациях и свою личную ответственность за сделанный выбор.

Гражданский форум особенно актуален для юношеского возраста, когда наиболее значимым является устойчивое общественное суждение, которое рождается в диалоге, в стремлении понять позицию своих товарищей, найти компромисс, попытаться предвидеть последствия принимаемых решений.

В университете наиболее успешно прошли форумы на темы «Безалкогольные энергетические и пивные напитки: как предотвратить угрозу будущему?», «Агрессия и жестокость в молодежной среде: как жить дальше?», «Гражданская активность студенчества: способны ли мы влиять на развитие государства» и др.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что создание в вузе единой социокультурной среды способствует:

- всестороннему развитию личности студента, качественному профессиональному становлению;
- формированию профессиональной компетентности;
- развитию компетентности здоровьесбережения;
- становлению коммуникативной компетентности;
- формированию компетентности гражданственности.

В заключение следует отметить, что системное формирование и развитие социокультурной среды университетов позволяет им становиться необходимым элементом социальной инфраструктуры современного крупного региона. В свою очередь, статус «университетского» города, несомненно, способствует его ускоренному социально-экономическому и культурному развитию.

Таким образом, превращение образовательного процесса в особый вид практики социокультурного развития является кардинально новой и своевременной постановкой вопроса, который должен получить дальнейшее осмысление, как в теории, так и на практике.

The article discloses modern approaches to formation and development of social and cultural environment of an educational organization. The author researches influence of the university's socio-cultural environment on effectiveness of socio-oriented activities of university. Bryansk State University's experience is represented as a holistic social complex.
Keywords: *socio-cultural environment, socio-oriented activity, educational environment of university, socio-cultural competence.*

Список литературы

1. Бурдуковская Е.А. Социокультурная среда вуза как педагогический фактор личностного становления студента : Дис. ... канд. пед. наук. - Благовещенск, 2004. – 136 с.
2. Вострокнутов С.И. Педагогические основы формирования гуманитарной среды высшего учебного заведения : Автореф. дис. д-ра пед. наук. Ярославль, 2009. - 39 с.
3. Зятева Л.А. К вопросу о формировании социокультурной среды университета Воспитание экологически компетентной личности в образовательном процессе // Актуальные проблемы современного образования: Сборник научных трудов XV1 Международной научно-практической конференции. – Брянск: Изд-во ГК «Десяточка», 2012. - С. 153-158.
4. Зятева Л.А. Карбанович О.В. Адаптация студентов в образовательной системе высшей школы как важное средство их дальнейшей социализации // Содержание и технологии внеучебной работы в высшей школы: Материалы Международной научно-практической конференции. – Биробиджан: Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия, 2009. – С. 138-143.
5. Кулюткин Ю., Тарасов С. Образовательная среда и развитие личности // Новые знания. - 2001. - № 1. - С. 6-7.
6. Сычев Ю.В. Микросреда и личность: Философские и социологические аспекты. - М.: Мысль, 1974.

Об авторе

Зятева Л.А. – кандидат педагогических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, проректор по социальным вопросам, внеучебной и воспитательной работе, *zyateva@inbox.ru.*

УДК 796.42 : 796.01: 378.172

ДИНАМИКА ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ НЕФИЗКУЛЬТУРНЫХ ВУЗОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ В СЕКЦИИ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ, С УЧЕТОМ ТИПА АДАПТАЦИИ К МЫШЕЧНЫМ НАГРУЗКАМ

Т.А. Кардаш

В исследовании проведен сравнительный анализ динамики скоростно-силовых показателей у студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики, с учетом типа мышечных волокон и типа адаптации к мышечным нагрузкам. Выявлен прирост скоростно-силовых показателей у студентов в процессе занятий в секции легкой атлетики, с учетом типа мышечных волокон и типа адаптации к мышечным нагрузкам. Определено соотношение представителей разных типов адаптации в студенческой секции по легкой атлетике. Обоснованы методические подходы дифференциации и индивидуализации тренировочного процесса в секции легкой атлетики на основе интерпретации результатов исследования.
Ключевые слова: *студенты, секция легкой атлетики, нефизкультурный вуз, физическая подготовленность, скоростно-силовые способности, типы мышечных волокон, типы адаптации к мышечным нагрузкам.*

Актуальность. Одним из важнейших вопросов в воспитании молодого поколения в стране является развитие студенческого спорта. Особой значимостью этого направления традиционно считается продвижение спортивной культуры, ценностей здорового образа жизни, увеличение массовости в процессе привлечения молодежи к занятиям спортом, а также формирование резервов для спорта высших достижений [1].

Массовые занятия физической культурой и спортом способствуют укреплению здоровья, удовлетворению двигательной потребности, повышению жизненного тонуса, умственной и физической работоспособности [2]. Спортивная деятельность в жизни студенческой молодежи выполняет развивающие, воспитательные, патриотические, коммуникативные функции, объединяет и координирует индивидов и социальные группы, развивает нацию [3]. При физической подготовке студентов нефизкультурных вузов, проживающих в разных городах,

необходимо учитывать исходный уровень физической подготовленности студентов, а также учитывать особенности контингента студентов, направленность специальностей вуза, особенности реализации процесса физического воспитания в рамках каждого вуза [4].

Легкая атлетика входит в перечень основных видов спорта при реализации физического воспитания в высших учебных заведениях. Разновидности бега, прыжков и метаний являются составной частью каждого занятия по физической культуре. Занятия студентов легкой атлетикой в спортивной секции способствуют развитию интереса к занятиям физической культурой в целом, прививают потребность в систематических занятиях спортом, решают оздоровительные и прикладные задачи [5].

В наших более ранних работах мы определили, что подготовка студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики, значимо отличается от многолетней системы спортивной подготовки. Особенностью реализации работы секции по легкой атлетике является комплексный подход, с опорой на несколько культивируемых в вузовских секциях видов легкой атлетики. Для реализации планов подготовки легкоатлетов в нефизкультурных вузах, необходимо учитывать исходные данные спортсменов, в зависимости от этого подбирать средства подготовки, интенсивность выполнения упражнений, их объем, используя текущий контроль физической подготовленности студентов [6, 7, 8]. Однако кроме этого необходимо учитывать индивидуально-типологические особенности студентов, занимающихся в секции. Ведь разные виды легкой атлетики требуют от спортсмена иногда диаметрально противоположных способностей. Данный факт необходимо учитывать при организации секционной тренировочной подготовки, при планировании участия в соревнованиях по разным видам легкой атлетики, при комплектовании студенческой сборной команды.

Задачи исследования:

1. Определение типа мышечных волокон и типа адаптации к мышечным нагрузкам студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики.

2. Анализ динамики физической подготовленности студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики, с учетом типа мышечных волокон и типа адаптации к мышечным нагрузкам.

Методологические подходы. В исследовании применен комплекс методов: анализ и обобщение научно-методической литературы, анализ методической документации кафедры «Физвоспитание» ФГБОУ ВПО «СибАДИ», анализ протоколов вузовских соревнований по легкой атлетике, анкетирование преподавателей секций вузов по легкой атлетике, тестирование уровня физической подготовленности студентов, определение типа мышечных волокон и типа адаптации (косвенная методика), педагогическое наблюдение. Исследование проводилось в 2013-2015 гг. на базе кафедры медико-биологических основ физической культуры и спорта ФГБОУ ВПО «СибГУФК», на базе кафедры «Физвоспитание» ФГБОУ ВПО «СибАДИ», а так же на базе легкоатлетического манежа БОУ «СДЮСШОР» (г. Омск). В исследовании приняли участие 27 студентов, занимающихся в секции легкой атлетики (15 девушек и 12 юношей).

Исследовательская часть. В процессе исследования проведена косвенная методика оценки типа мышечных волокон и типа адаптации студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики, к мышечным нагрузкам. Полученные результаты позволили выявить, что в группе студентов нефизкультурного вуза, занимающихся в секции легкой атлетики, специализирующихся в беге на короткие дистанции 20 студентов (9 девушек и 11 юношей) относятся к подтипу II-B быстрых мышечных волокон (быстрые утомляемые) и являются лицами со «спринтерским» типом адаптации. Данная группа студентов лучше приспособлена к кратковременным нагрузкам скоростно-силового характера. Известно, что лица, относящиеся к подтипу II-B быстрых мышечных волокон, характеризуются наиболее высокой гликолитической активностью среди всех мышечных волокон, используют анаэробные процессы энергообразования. Остальная часть студентов (6 девушек и 1 юноша) со смешанным типом адаптации относится к подтипу II-A быстрых мышечных волокон (быстрые неутомляемые окислительные волокна) (рис. 1). Мышцы таких индивидуумов отличаются более высокой окислительной способностью. Известно, что быстрые окислительно-гликолитические волокна – это часть быстрых волокон, приспособленных к достаточно интенсивной аэробной энергопродукции наряду с весьма лактацидной системой энергообразования.

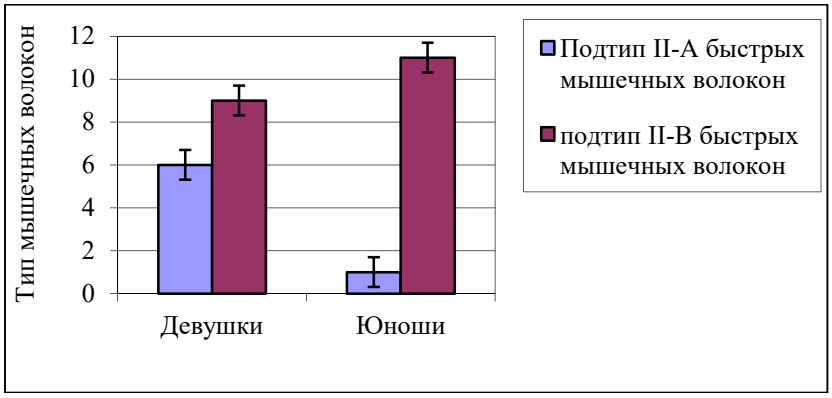


Рис. 1. Типы мышечных волокон у студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики

Полученные данные позволили выявить, что большая часть студентов, 20 из 27 протестированных, занимающихся легкой атлетикой в спортивной секции, обладает «спринтерским» типом адаптации, их мышечная композиция относится к подтипу II-B – преобладание быстрых мышечных волокон. Промежуточное положение занимают остальные 7 студентов со смешанным типом адаптации, они определены к подтипу II-A – преобладание быстрых мышечных волокон.

В данной статье для примера приведен анализ динамики специальной физической подготовленности по отдельным показателям скоростно-силовых способностей студентов легкоатлетической секции нефизкультурного вуза, специализирующихся в спринтерских дистанциях, с учетом типа мышечных волокон и типа адаптации к мышечным нагрузкам.

Для оценки скоростно-силовых показателей специальной физической подготовленности студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики в период с 2013 г. по 2014 г. было проведено тестирование в беге на месте за 10 секунд в максимальном темпе и в челночном беге 3х10 м.

Анализ скоростно-силовых показателей специальной физической подготовленности студентов в беге на месте за 10 секунд в максимальном темпе и в челночном беге 3х10 м позволил нам выявить прирост показателей за данный период времени. У студентов, относящихся к подтипу II-A быстрых мышечных волокон (быстрые утомляемые) и обладающих спринтерским типом адаптации, среднегрупповой уровень абсолютных показателей выше, чем у студентов со смешанным типом адаптации, которые относятся к подтипу II-B быстрых мышечных волокон (быстрые неутомляемые окислительные волокна).

В беге на месте за 10 секунд в максимальном темпе наблюдается прирост показателей как у девушек, относящихся к спринтерскому типу адаптации, так и у студенток со смешанным типом адаптации. После первого года контрольного тестирования у студенток с подтипом II-B быстрых мышечных волокон средний показатель улучшился на 3 шага, а у студенток с подтипом II-A быстрых мышечных волокон на 2 шага. 3 этап тестирования показал незначительный прирост, у обеих групп студенток этот показатель улучшился еще на 1 шаг. У юношей со спринтерским типом адаптации, занимающихся в секции легкой атлетики, так же наблюдается прирост показателей, после первого года контрольного тестирования на 2 шага, после второго на 1 шаг (рис. 2). У юноши, занимающего промежуточное положение, обладающим смешанным типом адаптации так же наблюдается прирост показателей.

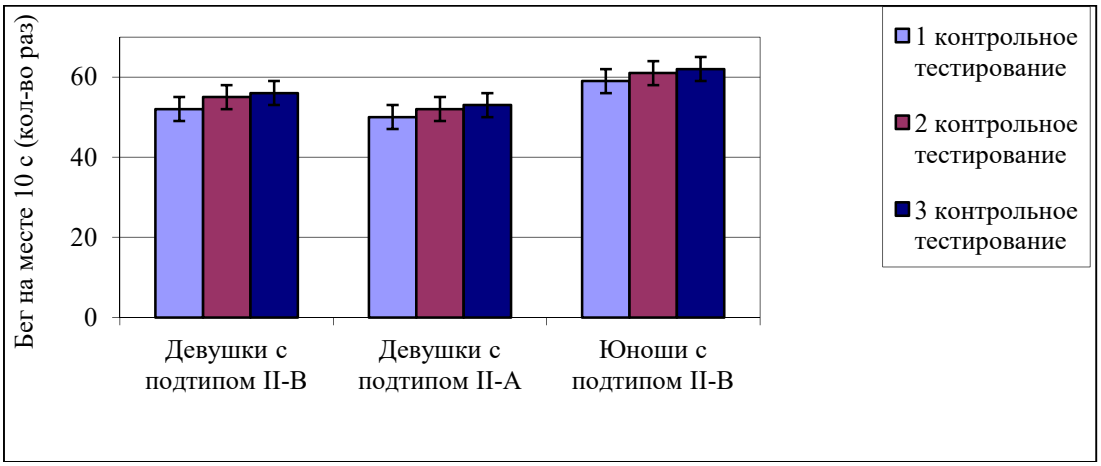


Рис. 2. Анализ динамики прироста показателей скоростно-силовых способностей (бег на месте 10 с в максимальном темпе, количество раз) у студентов с подтипом II-A и II-B мышечных волокон, занимающихся в секции легкой атлетики

Сходная тенденция выявлена при анализе показателей в челночном беге 3х10 м у студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики. Так же, как и в предыдущем тесте, у студентов, относящихся к подтипу II-A быстрых мышечных волокон (быстрые утомляемые) и обладающих спринтерским типом адаптации, средний уровень показателей выше, чем у студентов со смешанным типом адаптации, относящиеся к подтипу II-B быстрых мышечных волокон (быстрые неутомляемые окислительные волокна). Однако после первого года тестирования у студенток с подтипом II-A средние показатели в челночном беге 3х10 м улучшились на 0,33 секунды, а у студенток подтипа II-B быстрых мышечных волокон на 0,28 секунды. Третье контрольное тестирование показало улучшение результатов, только уже у студенток подтипа II-B быстрых мышечных волокон средний результат еще улучшился на 0,23 секунды, а у студенток с подтипом II-A наблюдается незначительный прирост показателей, он улучшился на 0,03 секунды. У юношей со спринтерским типом адаптации, занимающихся в секции легкой атлетики, так же наблюдается прирост показателей, после первого года контрольного тестирования на 0,2 секунды, после второго на 0,1 секунды (рис. 3). У юноши, занимающего промежуточное положение, обладающим смешанным типом адаптации так же наблюдается прирост показателей.

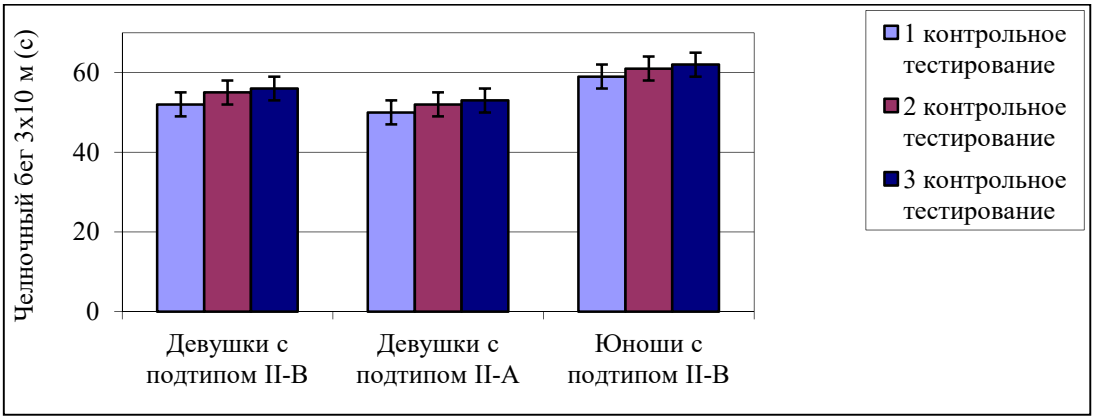


Рис. 3. Анализ динамики прироста показателей скоростно-силовых способностей (челночный бег 3х10 м, с) у студентов с подтипом II-A и II-B мышечных волокон, занимающихся в секции легкой атлетики

Проведенный анализ показателей за данный период времени свидетельствует о большом разбросе результатов внутри учебно-тренировочной группы студентов, занимающихся в секции легкой атлетики (как исходных значений, так и результатов после 1 года занятий). В челночном беге 3х10 м у девушек и юношей, занимающихся в секции легкой атлетикой, средний разброс результатов по данному показателю равняется примерно 0,7 секунды. Сходная тенденция выявлена в беге на месте с высоким подниманием бедра за 10 с. Так же, как и в предыдущем тесте, выявлен высокий разброс показателей внутри учебно-тренировочной группы студентов, занимающихся легкой атлетикой и равняется 12-14 шагам.

Выводы. Выявлены достоверно значимые приросты результатов за год занятий в секции легкой атлетики в скоростно-силовых показателях у студентов нефизкультурных вузов, занимающихся в секции легкой атлетики, относящихся к обоим подтипам II-A и II-B быстрых мышечных волокон. Более высокие значения исходного и конечного тестирования в скоростно-силовых тестах продемонстрировали студенты со спринтерским типом адаптации. Однако, более высокие темпы прироста в ходе тренировочного процесса выявлены у студентов со смешанным типом адаптации, что позволяет предположить о больших резервах и лучших перспективах данной подгруппы испытуемых для роста спортивных результатов в процессе занятий в вузовской секции.

Полученные результаты необходимо учитывать в процессе дифференцированной подготовки к соревнованиям. В частности, студентов со спринтерским типом адаптации целесообразно готовить для участия в таких видах соревнований, как бег на 60 м, 100 м, 200 м, прыжки в длину, высоту. Студентов со смешанным типом адаптации можно выставлять для участия в дистанциях длинного спринта, эстафетах, тройных прыжках.

Необходимо дифференцировать физическую подготовку с учетом выявленных особенностей данной группы занимающихся. В связи с большим разбросом показателей внутри учебно-тренировочной группы и с учетом индивидуальных особенностей занимающихся студентов со «спринтерским» типом адаптации и смешанным типом адаптации, необходимо сделать акцент на более слабых местах физической подготовки каждого студента (индивидуализировать процесс физической подготовки с ориентацией на среднегрупповые значения по каждому показателю).

In the study, a comparative analysis of the dynamics of power-speed performance of students of not sports high schools involved in the athletics section, taking into account the type of muscle fiber types and the adaptation to muscle strain. It revealed an increase of speed and power performance of students in the course of employment in the athletics section, taking into account the type of muscle fiber types and the adaptation to muscle strain. The parity of representatives of various types of adaptation in the student section of athletics. Substantiated methodological approaches differentiation and individualization of training process in the section of athletics based on the interpretation of research results.
Keywords: *students section of athletics, sports school, physical fitness, speed-strength capacity, types of muscle fiber types of adaptation to muscle strain.*

Список литературы

1. Гунько А. Д. Особенности развития выносливости бегунов в условиях вуза / А. Д. Гунько // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2011. – № 6 (76). – С. 37–40.

2. Бальсевич В. К. Научное обоснование инновационных преобразований в сфере физической культуры / В. К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. – 2001. – № 1. – С. 10–16.

3. Апарина М. В. Место массового спорта в структуре современного вуза / М. В. Апарина, Н. В. Рузанова, С. А. Тюкалова // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 169–171.

4. Горская И. Ю. Сравнительный анализ отдельных показателей координационных способностей студенток вузов разных городов / И. Ю. Горская, Л. Е. Медведева // Омский научный вестник. – 2014. – № 3 (129). – С. 141–145.

5. Коновалов И. Е. Технология обучения видам легкой атлетики в программе образовательной школы

(учебное пособие) / И. Е. Коновалов, А. А. Черняев, И. Ш. Мутаева // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 3-2. – С. 216–217.

6. Кардаш Т. А. Проблемы организации и содержания работы вузовской секции по легкой атлетике / Т. А. Кардаш // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. – 2014. Т. 19. – № 19. – С. 17–22.

7. Кардаш Т. А. Модельные характеристики физической подготовленности студентов-спринтеров, занимающихся в вузовской секции легкой атлетики / Т. А. Кардаш, И. Ю. Горская // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии. – 2015. – Т. 1. – С. 76–79.

8. Кардаш Т. А. Уровень скоростно-силовой подготовленности студентов, занимающихся в секции легкой атлетики / Т. А. Кардаш // В сборнике: Физическая культура и спорт в жизни студенческой молодежи материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященный 70-летию победы в Великой Отечественной войне (электронное издание) ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса». – 2015. – С. 36.

Об авторе

Кардаш Т.А. – аспирант кафедры медико-биологических основ физической культуры и спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, старший преподаватель кафедры физвоспитания Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (г. Омск), *kardash23-07@mail.ru*

УДК 796.41

АНАЛИЗ РОЛИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СПОРТИВНОЙ АЭРОБИКОЙ В НЕПРОФИЛЬНЫХ ВУЗАХ

Е.О. Ковшура, З.Н. Власова

Целью нашей статьи было выявление используемых тренерами - преподавателями средств и методов, а также определение места технической подготовки в учебно-тренировочном процессе сборной команды по спортивной аэробике в непрофильных вузах.
Ключевые слова: *спортивная аэробика, непрофильные вузы, учебно-тренировочный процесс, техническая подготовка, студенты, тренер-преподаватель, анкетирование.*

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных задач кафедры физического воспитания вуза является формирование у студентов потребности к здоровому образу жизни через лекционный курс, занятия физической культурой в рамках учебного расписания и занятий на курсе спортивного совершенствования по видам спорта вне сетки расписания. Занятия спортом в вузе способствуют самореализации студентов, повышению самооценки, достижению высоких спортивных результатов, а также удовлетворению потребности студентов в различных видах спорта.

Среди видов спорта, которые пользуются популярностью у студентов непрофильных вузов, является спортивная аэробика. По данному виду спорта проводятся соревнования различного уровня: начиная от Чемпионатов вузов города и заканчивая Чемпионатом России. Однако, спортивная подготовка сборных команд не всегда соответствует современным требованиям данного вида спорта, а также возможностям самих спортсменов. В таких сложно технических видах спорта как спортивная и художественная гимнастика, фигурное катание, акробатика, существует прямая зависимость между окончательной оценкой за соревновательное упражнение, техникой исполнения элементов сложности и базовой хореографии. Поэтому именно технической подготовке необходимо уделять особое внимание во время тренировочного процесса [1,2,5]. Это связано еще и с тем, что большая часть студентов вузов, занимающихся спортивной аэробикой, не имеют практики занятий этим видом спорта до поступления в вуз и являются начинающими спортсменами.

Анализ результатов студенческих соревнований показал, что не все тренеры и спортсмены уделяют необходимое внимание технической подготовке, подбирают недостаточно эффективные средства и методы тренировки. Поэтому представляет собой интерес мнения ведущих специалистов непрофильных вузов по спортивной аэробике по определению места технической подготовки в учебно-тренировочном процессе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Нами было проведено анкетирование ведущих тренеров-преподавателей непрофильных вузов по спортивной аэробике, спортсмены которых выступают в городских, региональных и Всероссийских соревнованиях.

Большинство специалистов (56%) отметили, что наибольшую трудность в работе вызывает техническая подготовка спортсменов. Возможно, это объясняется отсутствием методических материалов, либо недостаточной квалификацией самого тренера, так как для правильного подбора средств и методов технической подготовки тренер-преподаватель должен обладать специальными знаниями и опытом, уметь выделить базовый элемент техники и подобрать соответствующие подводящие и подготовительные упражнения. На второе место 28% респондентов поставили акробатическую подготовку. Это связано с тем, что долгое время правилами соревнований спортивной аэробики категорически запрещалось использовать любые акробатические элементы, даже как

украшения. Однако, в настоящее время федерация пересмотрела этот вопрос и современное соревновательное упражнения трудно представить себе без использования переворотов, фляков и даже сальто. На третье место 16% специалистов поставили специальную физическую подготовку, так как у них вызывает трудность подбор наиболее современных и эффективных средств и методов данного вида подготовки гимнастов (рис. 1).

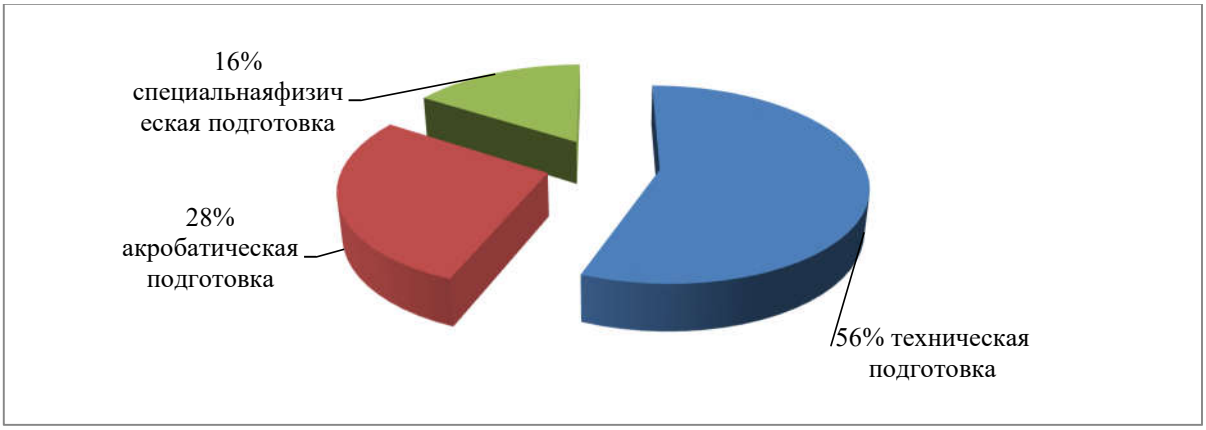


Рис. 1. Виды спортивной подготовки, вызвавшие наибольшую трудность

Результаты анкетирования показали, что 33% респондентов уделяли технической подготовке спортсменов 69% тренировочного времени; 50% опрошенных на техническую подготовку во время учебно-тренировочного процесса тратили 50% времени и 17% респондентов отводили 41% времени. Полученные ответы свидетельствует о том, что большинство опрошенных тренеров-преподавателей по спортивной аэробике не считают техническую подготовку спортсменов основополагающей в учебно-тренировочном процессе гимнастов. Однако, спортсмены, подготовленные именно этими тренерами, во время выполнения программы на соревнованиях различного уровня проигрывают соперникам в такой категории судейства, как «исполнение», получая за нее невысокие оценки, что в свою очередь приводит к снижению итоговой оценки. Более высокие результаты за соревновательные программы в категории «исполнение» имеют спортсмены тренеров, отводящих 69% всего тренировочного времени технической подготовке. В то время как 41% всего тренировочного времени, отведенного технической подготовке совершенно недостаточно для достижения высоких спортивных результатов.

Большинство опрошенных тренеров-преподавателей (73%) отмечают, что наибольшее количество времени в тренировочном процессе уделяют овладению техники

элементов сложности спортивной аэробики структурной группы «С» - «Прыжки». Это вполне обосновано, так как данная группа элементов наиболее технически сложная и разнообразная, а так же требует более разносторонней подготовки от спортсменов и высокой квалификации тренеров. Больше времени на овладение техникой элементов сложности структурной группы « А» - «Динамическая сила» уделяют 17% респондентов, 9% тренеров-преподавателей уделяют наибольшее время в период спортивной подготовки разучиванию техники элементов структурной группы «D» - «Гибкость». Лишь небольшая часть опрошенных (1%) свое предпочтение отдали группе « «В» - «Статическая сила» (рис.2).

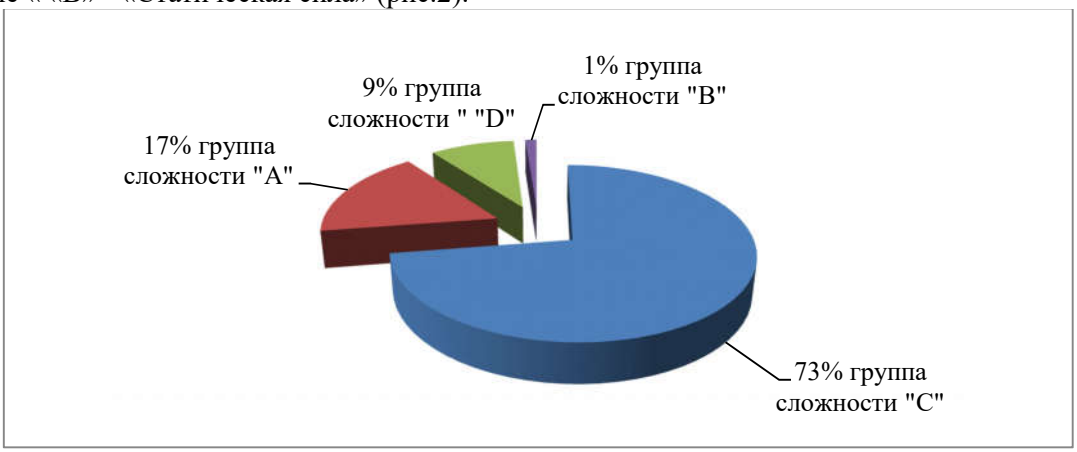


Рис. 2. Распределение структурных групп элементов в соответствии со временем, затраченным на их освоение

При определении структурной группы элементов сложности, которая вызывает наибольшие трудности при овладении техникой, подавляющее большинство анкетируемых (78%) на первое место поставили элементы сложности группы «С» - «Прыжки». Это можно объяснить тем, что не все спортивные залы в достаточной степени оснащены соответствующим оборудованием (гимнастический помост, лонжи, гимнастические маты), от-

сутствует возможность правильного показа целостного выполнения элемента во время тренировки и т.д. С трудностями при обучении некоторых элементов группы «А» - «Динамическая сила» сталкиваются 14%, а 8% респондентов - при обучении технике элементов сложности группы «D» - «Гибкость». Такие ответы связаны с тем, что тренеры-преподаватели, видимо, недостаточно компетентны в вопросах, связанных с техникой выполнения элементов сложности спортивной аэробики (рис.3).

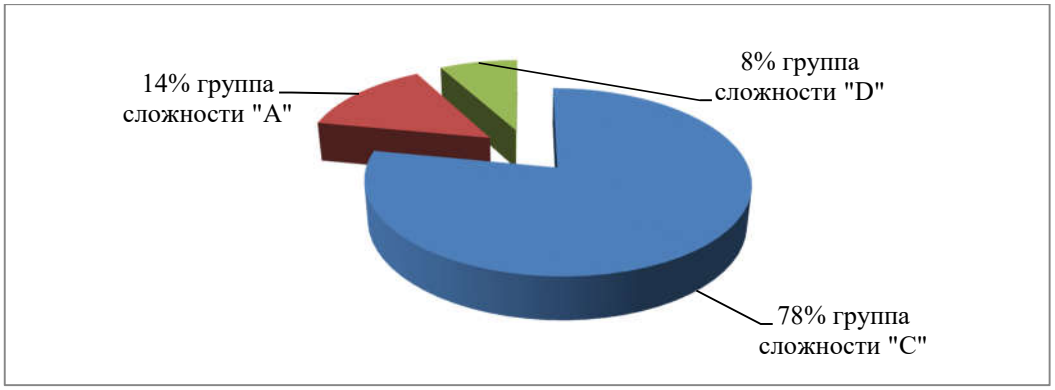


Рис. 3. Распределение элементов структурных групп по сложности их освоения

По нашим данным, большинство респондентов (86%) во время обучения элементам сложности спортивной аэробики используют подводящие и подготовительные упражнения, а так же метод целостного разучивания и по частям. Однако, 14% опрошенных в основном используют подводящие и подготовительные упражнения и метод целостного разучивания, пренебрегая методом разучивания по частям, что приводит к возникновению ошибок в технике исполнения элементов, а также их заучиванию. На наш взгляд такой подход тренеров-преподавателей к средствам и методам обучения объясняется, тем, что тренеры не всегда могут увидеть основополагающие нюансы техники исполнения элементов сложности, что в свою очередь оказывает непосредственное влияние на возможность их усложнения и ведет к снижению оценки за соревновательное упражнение в целом.

Ранее на соревнованиях при оценке элементов сложности основное внимание уделялось «чистоте» исполнения (оттянутые носки и колени), а в настоящее время добавились требования внешнего эффекта, зрелищности. Это означает, что элементы сложности и всю соревновательную программу спортивной аэробики необходимо выполнять с большей амплитудой, на высокой скорости и большой высоте (где это необходимо). Поэтому возникла необходимость выяснить у тренеров, на каком этапе (на начальном или на этапе совершенствования) технической подготовки гимнастов необходимо обучать прогрессивной технике выполнения элементов. В результате анализа данных, нами было выяснено, что часть респондентов (32%) считают целесообразным усовершенствовать технику выполнения элементов на этапе совершенствования, в то время как 68% за то, чтобы уже на начальном этапе внедрять прогрессивную технику выполнения элементов сложности (рис. 4). По мнению ведущих специалистов в области спортивной тренировки это наиболее правильный подход к вопросу технической подготовки спортсменов. [3,4].

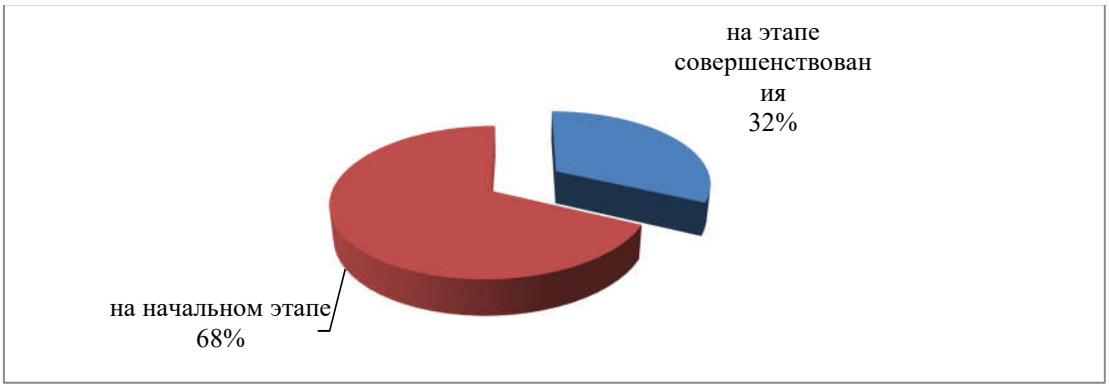


Рис. 4. Период внедрения прогрессивной техники выполнения элементов сложности в многолетней спортивной подготовке.

По вопросу о необходимости организации мероприятий по повышению квалификации тренеров-преподавателей с целью совершенствования *учебно-тренировочного процесса в целом и технической подготовки, в частности*, 35% респондентов хотели бы периодически посещать курсы повышения квалификации тренеров по спортивной аэробике, где бы они имели возможность пополнять свои знания и приобретать практический опыт. В то время как, 30% анкетируемых хотели бы иметь в своем распоряжении необходимую методическую литера-

туру, которой можно было бы пользоваться постоянно, однако она не в полной мере может отражать современные тенденции развития техники спортивной аэробики и требует постоянного совершенствования и дополнения. Отдали свое предпочтение в использовании видео материалов 20% опрошенных и лишь 15% высказались за посещение тренерских семинаров. Не смотря на расставленные приоритеты большинство респондентов, хотели бы иметь в своем распоряжении весь спектр доступных средств (рис.5).

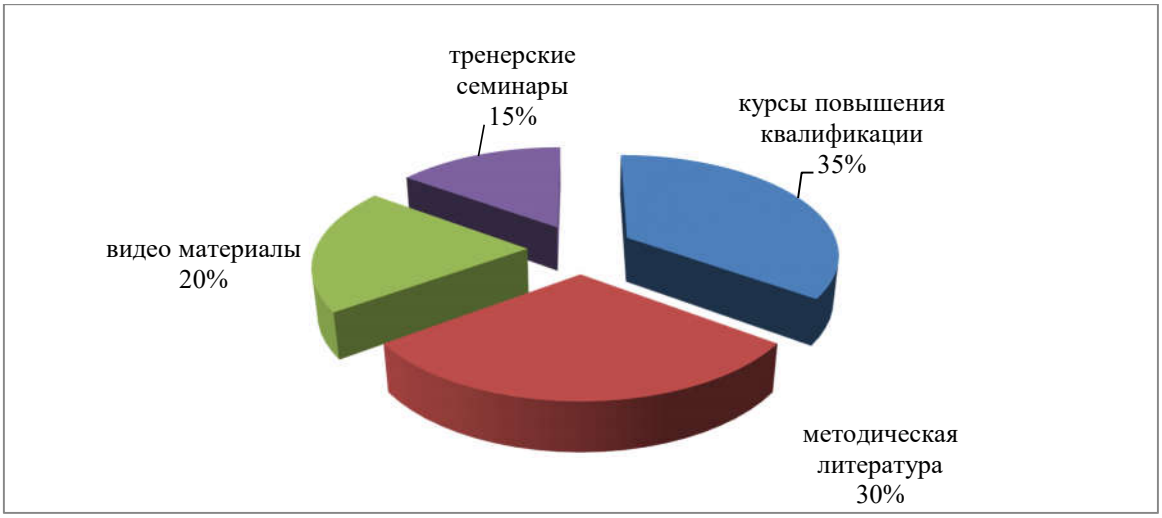


Рис. 5. Компоненты, необходимые для повышения эффективности учебно-тренировочного процесса

ВЫВОДЫ

В результате проведенного анкетирования нами было выявлено, что только лишь треть тренеров - преподавателей по спортивной аэробике отдают предпочтение технической подготовке в учебно-тренировочном процессе студентов-спортсменов непрофильных вузов, подтверждая тем самым ее значимость для достижения наилучшего результата, в то время как большинство специалистов недооценивают ее значение в полной мере. Используемые средства и методы тренировки, а также отведенное время на техническую подготовку тренеры-преподаватели применяют в зависимости от своей квалификации, образования, материального оснащения спортивных залов и др., что не всегда соответствует современным тенденциям развития спортивной аэробики.

Проведенный нами анализ опроса показал, что педагоги заинтересованы в совершенствовании своей профессиональной компетентности. На наш взгляд, д**ля большей** эффективности технической подготовки студентов-спортсменов непрофильных вузов необходимо проводить работу в следующих направлениях: **повышение** квалификации тренерских кадров, обеспечение учебно-тренировочного процесса методической литературой и современными технологиями подготовки спортсменов. Это позволит наиболее эффективно готовить занимающихся спортивной аэробикой студентов-спортсменов к успешным выступлениям на соревнованиях различного ранга.

By the purpose of our study was development, utilized by trainers - the instructors of means and methods, and also the determination of the position of technical training in the training process of composite command from sport aerobike in nonspecialized VUZ (Institute of Higher Education).
Keywords: *Sport aerobika, nonspecialized VUZ (Institute of Higher Education), training process, technical training, students.*

Список литературы

1. Горбунов, В.А. Гимнастика в системе специализированных средств подготовки спортсменов в спортивной аэробике : метод. пособие / В.А. Горбунов ; Иркутский техникум физ. культуры. – Иркутск : [б.и.], 2001. – 78 с. : ил.
2. Карпенко, Л.А. Методика многолетней спортивной подготовки занимающихся художественной гимнасткой / Л.А. Карпенко ; С.-Петерб. гос. акад. физ. культуры им. П.Ф. Лесгафта. – СПб. : [б.и.], 1998. – 36 с.
3. Ковшура Т.Е. Особенности учебно-тренировочного процесса по спортивной аэробики студентов непрофильных вузов./Крючек Е.С.// Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта-2011.-№9 (79).- С.90-93.
4. Крючек, Е.С. Специализированная подготовка к обучению упражнениям спортивной аэробики : учеб.-метод. пособие / Е.С. Крючек ; С.-Петерб. гос. акад. физ. культуры им. П.Ф. Лесгафта. – СПб. : [б.и.], 2002. – 27 с.
5. Курамшин, Ю.Ф. Методы обучения двигательным действиям и развития физических качеств : теория и технология применения : учеб. пособие для студ. ин-тов физ. культуры по дисциплине «Теория физической культуры» / Ю.Ф. Курамшин ; С.-Петерб. гос. акад. физ. культуры им. П.Ф. Лесгафта. – СПб. : [б.и.], 1998. – 76 с.

Об авторах

Ковшура Е.О. – доцент кафедры физического воспитания Санкт-Петербургского технологического института (технического университета), *e.o.kovshura@mail.ru*

Власова З.Н. – доцент кафедры физического воспитания Санкт-Петербургского технологического института (технического университета), *vlasova-zoya54@mail.ru*

УДК 378

ТРАКТОВКА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ОБРАЗОВАНИЯ: ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

С.В. Николайчук

В работе представлен поиск оптимальной трактовки социального партнерства в рамках практической подготовки бакалавров образования в условиях складывающихся государственно-общественных отношений. Приведены подходы разных авторов и возникающие проблемы в реализации социального партнерства.

Ключевые слова: *профессиональное образование, социальное партнерство, образовательные организации, бакалавр, эффективность образования.*

Образование всегда выступало объектом реформаторских идей и поиска оптимальных решений для повышения качества педагогической подготовки. Большую роль в последнее время играют партнерские взаимоотношения образовательных организаций в подготовке бакалавров образования. Актуальными остаются вопросы в понимании социального партнерства, т.к. различные трактовки задают вариации для осуществления на практике активного сотрудничества при реализации образовательной программы в педагогических вузах. Посредством сравнения, анализа и синтеза различной информации как методов исследования, были рассмотрены различные подходы к понятию «социальное партнерство».

Современное понимание и использование социального партнерства опирается на условия, складывающиеся в рамках государственно-общественных отношений. Данная работа представляет результаты поиска трактовки социального партнерства в рамках практической подготовки бакалавров образования.

И.А. Иваненко в своем исследовании указывает, что в теорию образования термин «социальное партнерство» пришел значительно позже из других сфер и имеет множество трактовок:

1) способ взаимодействия между различными социальными группами;
2) специфический тип общественных отношений;
3) механизм регулирования общественных отношений;
4) особый тип социально-трудовых отношений, присущий рыночной экономике, обеспечивающий на основе равноправного сотрудничества наемных работников и работодателей оптимальный баланс и реализацию их основных интересов [4, с.46-49].

В свою очередь, С.А. Иванов выделяет подходы к трактовке социального партнерства:

1) Философский подход, в котором социальное партнерство рассматривается как соотношение общественного и государственного в категориях «прогресс», «общественные отношения», «солидарность», «объективные потребности» и пр. Это специфический тип общественных отношений между социальными группами, слоями, классами, общностями в процессе создания единого социокультурного пространства.

2) Социологический подход заключается в анализе, в первую очередь, социально-структурных компонент, функциональных и социокультурных особенностей рассматриваемого феномена [5, с.79-82].

Т.И. Зеленецкая предлагает два принципиальных подхода к трактовке социального партнерства в профессиональном образовании. Первый подход – концептуальный, рассматривает социальное партнерство в масштабах всего социума как отношения между различными социальными слоями, группами. Образовательная организация расширяет сферу выявления партнеров за границы только предписанных организаций, исходя из концепции взаимодействия государства, бизнеса, некоммерческих организаций. Второй подход – инструментальный, представляет социальное партнерство как технологию взаимодействия социальных субъектов в рамках конкретной сферы жизнедеятельности, что определяет изменение технологии взаимодействия образовательных организаций и потенциальных партнеров [6, с. 84-90].

А.Б. Тимшин в исследовании социального партнерства в области профессионального образования сравнивает подходы к данной проблеме, сформировавшиеся в разных науках. В области трудовых отношений социальное партнерство выступает построением конструктивного взаимодействия между тремя силами: государственными организациями и учреждениями, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями. В экономических исследованиях социальное партнерство представляется юридической формой организации совместной экономической деятельности физических и юридических лиц на основе договора о регулировании участия. В менеджменте социальное партнерство выступает сотрудничеством, взаимопониманием руководства к значимым компонентам кооперации. Автор предлагает рассматривать социальное партнерство в профессиональном образовании с позиции системного подхода. Такой подход предполагает взаимозависимость и взаимодополняемость всех субъектов социального партнерства как элементов единой системы. При этом выделяются составляющие социального партнерства в профессиональном образовании: уровни, цель, субъекты, принципы, формы, результат, потенциал [9, с. 145-148].

Ряд исследователей (В.А. Мальгин, Т.В. Крамин, А.В. Тимирясова, Р.И. Хикматов, Г.Т. Гафурова) подчеркивают, что социальное партнерство в сфере подготовки бакалавров образования имеет своей целью создание ресурсных и финансовых условий для повышения эффективности и конкурентоспособности образования, обеспече-

ния его высокого качества [8, с. 14-16]. Так, например, в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева при поддержке Главного управления образования администрации города Красноярска создаются условия сотрудничества с общеобразовательными школами. Университетом реализуется пилотный проект «Городской сетевой педагогический лицей» как культурно-образовательное пространство самоопределения учащихся 10–11 классов в социально-педагогической области будущей профессиональной деятельности [2, с. 38].

О.А. Врублевская подчеркивает, что социальное партнерство – один из ведущих социальных институтов, который тесно связан с основными сферами социума: экономикой, социальной структурой, культурой, политикой и т.д. При этом необходимость широкого социального партнерства в образовании предусмотрена современными теоретическими взглядами на образование. Автор отмечает, что в европейских странах организационные структуры социального партнерства формировались в основном в послевоенный период и представлены в целом комплексе учреждений, межведомственных организаций, серии документов и нормативных актов [3, с. 33-36]. Стоит обратить внимание на пример академии научного преподавания Аппалачского государственного университета (Университет северной Каролины), в котором создано учебное сообщество для продвижения и максимизации отдельного и совместного обучения своих членов. Сообщество проводит систематические наблюдения, анализирует результаты, а также приглашает для экспертной оценки деятельности представителей образовательных организаций. Данная работа осуществляется посредством преподавания курса развития, курса (пере)проектирования, наблюдения преподавания, представления специальных проектов, портфолио, образцов студенческих работ [10, с. 334-335].

По мнению Л.М. Злотниковой, социальное партнерство начинается с распределения видов деятельности, формирования основы культуры общения в условиях совместной деятельности. Зарождается потребность в партнерских отношениях ввиду необходимости социальной справедливости. При этом становление института социального партнерства непосредственно в профессиональном образовании обусловлено многими причинами. Во-первых, образование – это система отношений людей друг с другом, с различными социальными организациями и государством, которая сопровождает человека всю его сознательную жизнь и предполагает постоянную работу человека над общей и профессиональной культурой, увеличением и эффективным использованием новых знаний и коммуникаций. Во-вторых, система образования представляет собой демократичный социально-экономический институт, стремящийся к продуктивному обновлению. В-третьих, применение узкой специализации и дифференциации в общественном производстве поддерживает основу функционирования образования. При этом сохраняется целостность социальной организации, включающей прошлый опыт, механизмы его передачи, освоение новых знаний, ценностей, норм поведения. Так, рассматривая позицию автора, можно определить социальное партнерство в профессиональном образовании как систему технологических приемов в процессе производства общественно значимых целей и задач, важнейшим элементом которого является социальный контроль [7, с. 39-40]. Примером могут выступать партнерские отношения частно-государственного характера на базе института детства РГПУ им. А.И. Герцена в г. Санкт-Петербурге при организации курсов дополнительной подготовки на основе Монтессори педагогики. В данной деятельности привлекаются как педагоги, студенты вуза, так и заинтересованные лица в реализации гуманистических идей М.Монтессори и повышения качества образования [11].

Основная идея социального партнерства в профессиональном образовании заключается, по мнению Т.А. Загривной, В.А. Арно, в том, что современное образование должно стать не только государственной заботой [1, с.114]. Опыт взаимодействия образовательных организаций в КГПУ им. В.П. Астафьева (г.Красноярск) показывает, что потенциальными партнерами в сфере подготовки педагогических кадров активно выступают как общеобразовательные организации федерального бюджета, так и частные организации, предлагающие образовательные услуги.

Таким образом, можно говорить о том, что проблема социального партнерства в профессиональной практической подготовке бакалавров образования представляет собой необходимость создания условий для повышения эффективности и конкурентоспособности образования, обеспечения его высокого качества. В большей степени, на наш взгляд, такое партнерство носит взаимодополняющий характер при условии системного подхода к данной проблеме. Важно, какие функции берут на себя образовательные организации и как разделяют ответственность в вопросах теоретической и практической подготовки студентов.

Исходя из рассмотренных трактовок понятия социального партнерства, под социальным партнерством в профессиональной практической подготовке бакалавров образования считаем целесообразным понимать совместную деятельность субъектов образовательного процесса, местного сообщества на основе доверия, общих целей и ценностей, добровольности и долговременности сотрудничества и развития, а также признания взаимной ответственности сторон за результат качественной подготовки бакалавров образования. Отталкиваясь от данного понимания социального партнерства, была разработана и апробирована модель социального партнерства образовательных организаций города Тобольска в рамках практической подготовки Монтессори-педагогов. Учитывая, что социальное партнерство предполагает сбалансированную, разделяемую ответственность между партнерами, были обозначены границы ответственности каждого участника. Так вузу вменяется: создание экспериментальной группы студентов бакалавров образования, направляемых на педагогическую практику; планирование и распределение часов практики, осуществляемое непосредственно руководителем практики и руководителем проекта социального партнерства; координирование и контроль рубежных этапов подготовки студентов на стажерских площадках. Образовательной стажерской площадке, непосредственно ее руководителю, сов-

местно с руководителем проекта социального партнерства требовалось составить программу подготовки студентов в течение одного экспериментального учебного года; осуществлять контроль результатов обучения экспериментальной группы студентов, анализ их работы в образовательной среде.

Несомненным достоинством такого партнерства, на наш взгляд, выступает то, что: во-первых, возможна единая стратегия подготовки необходимых кадров в области образования; во-вторых, социальный контроль в такой деятельности носит реальный характер и способствует решению общественно значимых целей и задач; в-третьих, в процессе профессиональной подготовки бакалавров образования социальное партнерство способствует формированию основ культуры общения в условиях совместной деятельности. Реализация предложенной модели позволила выявить моменты, требующие доработки:

1) необходимо так распределить часы практики, чтобы студенты на протяжении учебного года посещали стажерские площадки и вели отчетные записи параллельно учебному процессу в вузе;

2) трудоустройство студентов, прошедших обучающий курс и продемонстрировавших свои возможности в практической работе, должно предусматривать параллельное обучение в вузе, а также применение знаний по стандартной образовательной программе.

Таким образом, эффективность социального партнерства в сфере образования возможна при условии: общественной потребности у участников-партнеров включаться в реализацию совместных целей; понимания руководителем и всеми членами коллектива образовательного учреждения важности социального партнерства и готовности к сотрудничеству; поддержки проявленной инициативы государственными и негосударственными общественными структурами; проявления активности и заинтересованности региональных структур, отвечающих за данное направление деятельности.

The article presents the search for the optimal interpretation of social partnership in the framework of the practical training of bachelors of education in conditions of emerging state-society relations. The approaches of different authors were given and emerging issues in the implementation of social partnership.
Keywords: *vocational education, social partnership, educational organization, бакалавр, качество образования.*

Список литературы

1. Арно В.А., Загривная Т.А. Социальное партнерство в образовании: от шефства к взаимному сотрудничеству // Образование: ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. 2013. № 2. С. 114.
2. Бочарова Ю.Ю., Гаврилова О.М. Формирование устойчивой мотивации к будущей профессиональной педагогической деятельности: опыт городского сетевого педагогического лицея и педагогической интернатуры в КГПУ им. В.П. Астафьева // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева .2014. № 4. С. 37-44.
3. Врублевская О.А. Социальное партнерство в образовании // Научные труды SWorld. 2014. Т. 23. № 1. С. 33-36.
4. Иваненко И.А. Реалиазция механизма социального партнерства в профессиональном образовании// Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 4 (26). С. 46-50.
5. Иванов С.А. Социальное партнерство как феномен цивилизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. № 3. С. 79-99.
6. Зеленецкая Т.И. Социальное партнерство в образовании: школа и местное сообщество // Идеи и идеалы № 2(12). 2012. С. 84-90.
7. Злотникова Л.М. Социальное партнерство в системе отношений: образование и производство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки. 2014. №1 (33). С.39-44.
8. Мальгин В.А., Крамин Т.В., Тимирясова А.В., Хикматов Р.И., Гафурова Г.Т. Государственно-частное партнерство в образовании, Казань: Познание, 2013. 232 с.
9. Тимшин А.Б. Теоретические основы социального партнерства в профессиональном образовании // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 1. № 1. С. 145-148.
10. Smith Tracy W., Albinsson P. A., Anderson-Parson J., Becnel K., Pope Jon C., Henson J. Appalachian State University Scholarly Teaching Academy: A Community Approach to Cultivating Teaching Excellence // Conference on Higher Education Pedagogy (February 4-6, 2015).The Inn at Virginia Tech and Skelton Conference Center Virginia Tech. P. 333-335.
11. Режим доступа: http://herzen-do.ru/program/106 (дата обращения: 19.02.2016).

Об авторе

Николайчук С.В. – аспирант кафедры педагогики и социального образования Тобольского государственного института имени Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, *svnikchuk@mail.ru*

УДК 378

ГИБРИДНЫЙ КОНСТРУКТ РЕФЛЕКСИВНО-КРЕАТИВНОГО ПОДХОДА В МЕТОДОЛОГИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

О.В. Раздорская

В статье рассматривается проектирование рефлексивно-креативного подхода как дидактической системы, основанной на симбиозе компонентов рефлексии и креативности. Проведена кластеризация существующих педагогических подходов. Автор анализирует возможность гибридизации рефлексивного и креативного подходов для решения задачи обучения студентов. Взаимодействие двух составных частей рефлексивно-креативного подхода позволяет оптимизировать процесс лингвистической подготовки студентов. Архитектура трансформационных гибридных систем предполагает, что педагогические моноподходы, входящие в состав такой системы, могут работать как автономно, так и в интеграции друг с другом. Показано, что гибридный педагогический подход способен решать обучающие задачи, не достаточно эффективно решаемые отдельными моноподходами (рефлексивным и креативным). Выявлена возможность гибридизации как методологии формирования синергетических подходов и её дальнейшее методологическое обоснование.
Ключевые слова: *педагогический подход, рефлексивно-креативный подход, гибридизация, гибридный подход*

В педагогике высшей школы возникает потребность в разработке новых методологических средств формирования творческой личности, способной к самооценке результатов своего обучения и будущей профессиональной деятельности. Необходимы подходы, способствующие развитию как творческих умений учащегося, так и его навыков самооценки.

Решение проблемы разработки нового подхода возможно только после детального анализа существующих, устоявшихся в педагогической практике подходов. Для этого нужны методологическое обоснование и разработка общей концепции формирования нового подхода, обнаружение единых признаков, обладая которыми, казалось бы, несовместимые компоненты могут объединиться в единое целое.

Возникает, как в доказательной медицине, необходимость максимально полного учёта требований одного или нескольких взаимосвязанных подходов, их сбалансированности и оптимизации, поэтому нам представляется необходимым чёткое выделение границ применимости существующих подходов.

В результате логического анализа существующих педагогических подходов нами проведена их кластеризация. Первый кластер представлен ключевыми, наиболее значимыми подходами. Это такие подходы, как личностно ориентированный, системный, аксиологический. Моноподходы представлены комплексным, междисциплинарным, компетентностным, практико-ориентированным, антропологическим, культурологическим, полисубъектным, дифференцированным, креативным и рефлексивным подходами. Синергетические подходы включают в себя антропокультурологический, интегративно-дифференцированный, материально-деятельностный, интегративно-ресурсный подходы (Рис. 1).

С нашей точки зрения, значимыми объектами внедрения в педагогическую практику являются, казалось бы, не связанные между собой понятия «рефлексия» и «креативность», в действительности дополняющие и усиливающие друг друга синергетическими элементами. Взаимодействие рефлексии и креативности – это сложное и многоаспектное образование, которое нашло отражение в разработке нами рефлексивно-креативного подхода (РКП).

Концептуальное понимание РКП базируется на согласовании идей о применении рефлексии и креативности в рамках общенаучного понимания нового гуманитарно-технологического подхода к организации образовательного процесса университета. Подход нуждается в методологической разработке, создании теоретической и технологической модели, то есть в специальном изучении. В связи с этим нами выявлена необходимость разработки и обоснования РКП как методологического основания лингвистической подготовки студентов-медиков.

Возможность понятийного синтеза и реализация РКП как синергетического подхода позволяет расширить эвристические возможности педагогического влияния на учащегося. РКП отвечает требованиям двойного включения базисных компонентов категорий «Рефлексия» и «Креативность», методологически правильное сочетание которых обеспечивает сбалансированное воздействие на личность учащегося. Наблюдается актуальность разработки не только специфических аспектов рефлексивного и креативного подходов, но и новых, общих аспектов их совместной методологии. Для внедрения РКП необходимы логически доказанные и экспериментально апробированные педагогические закономерности.

РКП представляет собой дидактическую систему, основанную на симбиозе отдельных компонентов рефлексии и креативности. Данная система характеризуется комплексностью, синтезом, универсализацией и специализацией содержания лингвистической подготовки; она охватывает все элементы и компоненты процесса обучения иностранному языку и обеспечивает функциональную взаимосвязь между элементами содержания профессиональной подготовки.

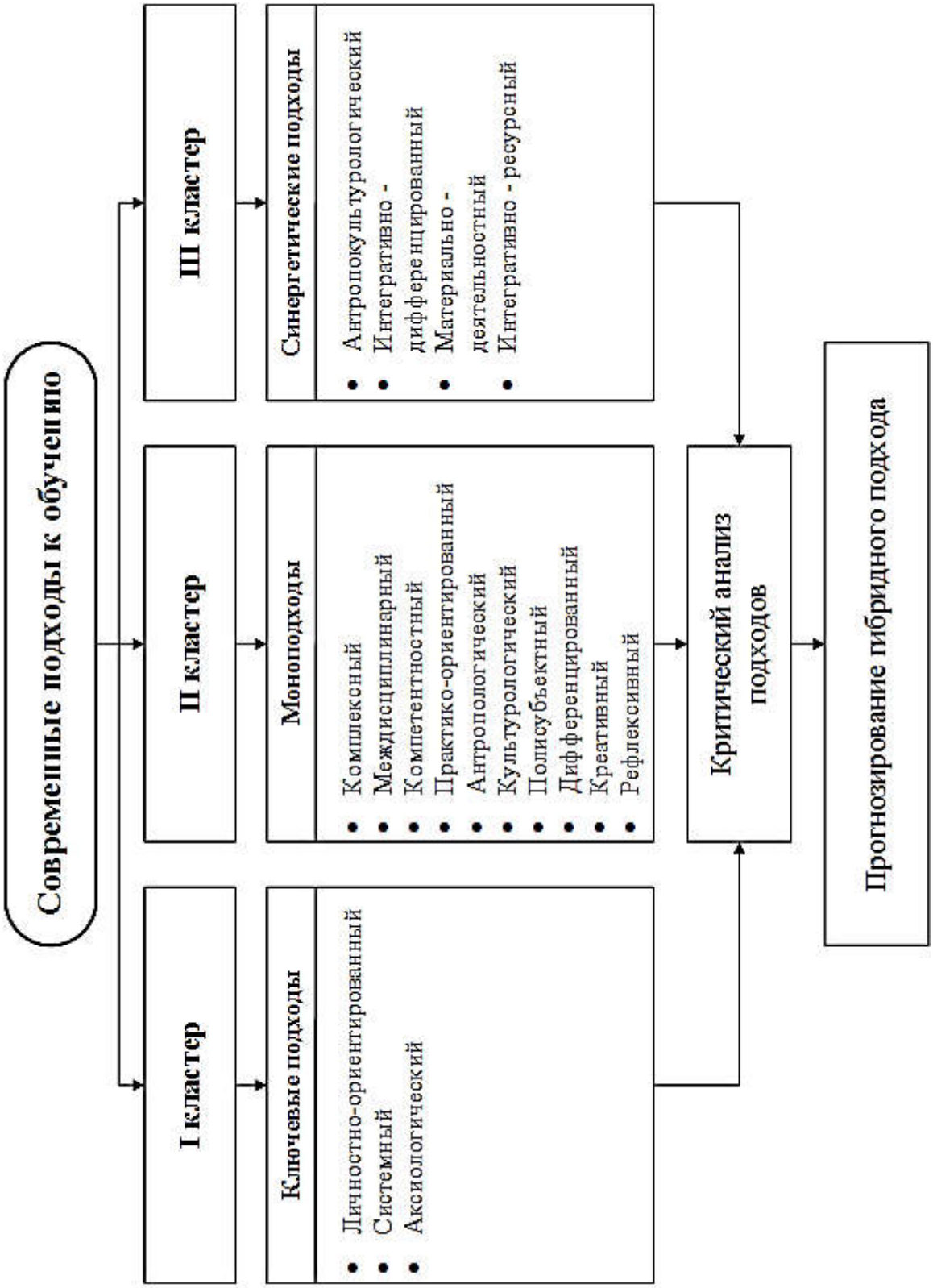


Рис. 1. Кластеризация современных подходов к обучению

Проектируемый рефлексивно-креативный подход явился результатом гибридизации (интеграции) таких педагогических подходов, как рефлексивный и креативный.

Термин «гибрид» понимается нами как система, состоящая из двух или более интегрированных подсистем. Эти подсистемы объединяются вместе семантически и по действию каждая с каждой [1, с. 18]. Любой гибридный педагогический подход (ГПП) предполагает, что только синергетическая комбинация двух или нескольких моноподходов достигает полного спектра когнитивных и обучающих возможностей и формирования образовательных способностей.

Интеграция подходов и их технологий позволяет продуктивно использовать индивидуальную силу каждого подхода для решения специфических задач, в частности, столь значимой задачи, как обучение студентов. В свою очередь выбор технологий, внедряемых в гибридную систему, зависит от особенностей решаемой задачи.

Считаем рациональным использовать гибридный педагогический подход для обучения студентов медицинского вуза иностранному языку.

Научные исследования автономных подходов, проведённые в 2009 – 2015 гг. позволили определить их преимущества и недостатки, архитектуру и процессы влияния компонентов гибрида друг на друга, разработать структуру коммуникации между компонентами. В существующей классификации гибридных интеллектуальных систем выделяют автономные, трансформационные, слабо связанные, сильно связанные и полностью интегрированные гибридные интеллектуальные системы [2], [3, с. 34].

Гибридный педагогический подход представляет собой разновидность трансформационной гибридной интеллектуальной системы, возможен его вариант - динамическая гибридизация. Гибридный педагогический подход способен решать обучающие задачи, не достаточно эффективно решаемые отдельными моноподходами. Основное отличие ГПП от других подходов состоит в том, что такая модель начинает работать как система, использующая в основном один автономный метод (креативный), а в процессе окончания работы превалирует уже другой метод (рефлексивный). Данная система имеет низкие коммуникационные затраты по её формированию и более высокую эффективность по сравнению со слабосвязанными моделями. Архитектура трансформационных гибридных систем предполагает, что педагогические моноподходы, входящие в состав такой системы, могут работать как автономно, так и в интеграции друг с другом. В процессе использования в любой гибридной системе педагогические моноподходы могут быть дополнены коммуникативными знаниями, необходимыми для их объединения в гибридную педагогическую систему.

Наличие разнообразных педагогических моноподходов определяет необходимость создания более эффективных синергетических комбинаций на основе гибридных интеллектуальных систем, представляющих автономные, трансформационные, слабо и сильно связанные, а также полностью интегрированные гибридные конструкты, качественно отличающиеся от типичных синергетических. По сути дела, создание любого вида синергетического подхода является процессом гибридизации.

Решение проблемы разработки рефлексивно-креативного подхода возможно только при условии максимально полного учёта характеристик присутствующих в нём взаимосвязанных подходов, их сбалансированности и оптимизации. Для этого нам представляется необходимым чёткое выделение границ применимости подходов, уточнение их сущности.

Рефлексивный подход предполагает организацию специального обучения, в ходе которого студенты овладевают средствами, позволяющими на новом уровне осуществлять контроль и управление внутренней и внешней деятельностью. В ходе такого обучения формируется и развивается способность обучающегося к самоотчёту, самоанализу, самооценке. Ведущим звеном реализации рефлексивного подхода является рефлексивный анализ собственных действий студента и их составляющих. Рефлексивный подход рассматривается как установка на активизацию процесса самопознания обучающимся внутренних психических актов и состояний в ходе обучения.

Среди принципов рефлексивного подхода выделяют: творчество, адекватность, опору на опыт и традиции, а также позитивные установки. Студент, применяющий в своем обучении рефлексивные подходы, включается в процесс метапознания, что дает значительные результаты в развитии и становлении его профессиональных качеств. Рефлексивный подход в профессиональной подготовке специалистов способствует развитию у учащихся процессов самооценки, самоконтроля, самоанализа, коррекции собственных действий.

Недостатком рефлексивного подхода, декларирующего переосмысление собственной деятельности, является отсутствие технологий формирования продуктивных механизмов психики учащихся и совершения действий, необходимых для изменения личностных качеств. Рефлексивный подход нуждается в усилении активными действиями результатов самоанализа, «сбросе» рефлексивной активности и переключении сознания учащегося на более продуктивный уровень.

Сущность креативного педагогического подхода выражается в сочетании инновационного педагогического воздействия и комплекса оптимальных педагогических условий продуктивного функционирования образовательного процесса, в ходе которого происходит становление креативных качеств личности студента. Педагогическое руководство процессом обучения с применением данного подхода должно стимулировать продуктивные механизмы психики учащихся. Креативный педагогический подход понимается как высший созидательный и мыслительный педагогический акт, обусловливающий поиск оптимальных творческих решений, предполагает создание специальных педагогических условий, способствующих профессиональному становлению учащихся. Главным фактором и движущей силой креативного образовательного процесса является обоюдная инициативность, т.е. учебный процесс превращается в совместную работу-диалог преподавателя и студента. Креативный педагогический подход, требующий обращения к либерально-толерантному стилю преподавания, внедрения косвенного педагогического управления обучением, опирающегося на проблемно-диалогические формы общения преподавателя и учащихся в процессе их сотворческого взаимодействия, а также создания творческой атмосферы и психологического комфорта, максимально способствует самоактуализации учащихся и оживлению их творческой инициативы. Креативный подход сам по себе предоставляет педагогам хороший шанс для проявления собственной способности к творчеству.

Применение креативного подхода к обучению способствует активизации у обучающихся таких мыслительных процессов, как воображение, память, внимание, но не способствует критическому осмыслению продуцируемых методом характеристик.

Взаимодействие двух составных частей рефлексивно-креативного подхода (РКП) позволяет минимизировать недостатки одной части и усилить действие другой. Этот процесс может протекать и в противоположном направлении.

Критический анализ моноподходов, формирующих РКП, подтверждает необходимость их гибридизации в единое целое – рефлексивно-креативный подход. Ни один подход не гарантирован от критики, однако, приведённые аргументы в пользу гибридизации двух подходов, по нашему мнению, достаточно рациональны и предполагают дальнейшие исследования.

РКП как результат гибридизации моноподходов является подходом, направленным на создание креативной поликультурной образовательной среды с целью не только оптимизации лингвистической подготовки студента неязыкового вуза, но и развития творческих навыков и критического мышления, а также раскрытия креативного потенциала обучающегося в процессе образовательной деятельности. РКП можно использовать с учётом двух направлений лингвистической подготовки студента-нефилолога – профессионально ориентированного и этнокультурного.

Возможность применения представленного гибридного конструкта РКП состоит в целенаправленном формировании саморегулирующейся творческой личности, индивидуальные качества которой влияют на успех и эффективность будущей профессиональной деятельности. Разработка методологии гибридных педагогических подходов является объектом будущих размышлений, экспериментов и конструктивной критики.

In the article the projection of reflective and creative approach as a didactic system based on the symbiosis of the components of reflection and creativity is examined. Clusterization of the existing pedagogical approaches has been carried out. The author analyses the possibility of hybridizing the reflective and creative approaches for solving the problem of teaching the students. Interrelation of two component parts of the reflective and creative approaches allows optimizing the process of the students' linguistic training. The design of transformative hybrid systems presupposes that single pedagogical approaches which are the part of a system like this can work both autonomously and in integration with each other. It has been shown that hybrid pedagogical approach is able to solve the educational tasks not enough effectively solved by the separate single approaches (reflective and creative). The possibility of hybridization as the methodology of formation of the synergetic approaches and its further methodological substantiation has been shown.
Keywords: *pedagogical approach, reflective and creative approach, hybridization, hybrid approach*

Список литературы

1. Camilleri Frank. Hybridising the Discipline: Performer Training in the Twenty-first Century. Paper presented at the Conference 'Performance and Interdisciplinarity' hosted by the School of Performing Arts. University of Malta, Valletta, Malta, 20 – 21 March 2015. – p. 18.
2. Комарцова Л.Г. Интегрированные интеллектуальные технологии в гибридных системах. www.conf.ostis.net›images…Комарцова_Л…НейроСАОвИЭС.pdf
3. Medsker L.R. Hybrid intelligent systems. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1998. – 298 p.

Об авторе

Раздорская О.В. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Курского государственного медицинского университета, *razdorski@yandex.ru*

УДК 371.121(470.62./62)

ОРГАНИЗАЦИЯ ГРУПОВОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОТЫ НА КУРСАХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Е.В. Рыкова, А.А. Федоров, Т.Л. Шапошникова, Л.Н.Терновая

Статья посвящена проблеме формирования заданий входного тестирования учителей, проходящих курсы повышения квалификации с целью корректировки процесса проведения спецкурсов, направленных на повышение профессиональной компетентности учителей.
Ключевые слова: *тестирование, профессиональные компетенции, индивидуальные траектории учения, качественные задачи, контрольно-диагностическая работа.*

Согласно статье 3 п.8 Федерального государственного образовательного стандарта [1] основные принципы государственной политики и правового отношения в сфере образования предусматривают «обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека». Для реализации возможности непрерывного профессионального образования в Российской Федерации организуют курсы повышения квалификации, особенно актуальные для школьных учителей.

Актуальность совершенствования структуры курса и методики преподавания дисциплины, формирующей профессиональную компетентность учителя физики, на курсах повышения квалификации продиктовано переходом на ФГОС, что ведет к изменению структуры проведения урока и методики подготовки к нему, а также структуры контрольно-измерительных материалов итогового контроля знаний выпускников. Одной из проблем является

определение направления работы группы, которая может состоять как из учителей, преподающих только физику, так и из учителей, совмещающих преподавание физики с другими дисциплинами (математикой, информатикой, химией, биологией, технологией и т.д.). Одним из способов определения тематики совместной групповой и индивидуальной работы учителей является входное тестирование. Задачей тестирования является выявление разделов физики, слабо усвоенных учителями, а также типовых задач, методика решения которых трудна для изложения ученикам. Разделы для групповой работы подбираются по принципу «проваленной группой задачи». Задача, с которой не справилось большинство учителей, подлежит не только коллективному обсуждению, но и требует подробного рассмотрения теоретического материала, предшествующего решению. Материал для такой работы подбирает преподаватель курсов повышения квалификации и лично излагает учителям, отвечая на уточняющие вопросы. Все разработки по теории и практике (презентации к урокам, блок типовых задач по рассматриваемой теме), учителя получают по окончании занятия в электронном виде, что позволяет им внедрить полученный опыт в учебный процесс. Анализ индивидуальных результатов учителей позволяет выявить их личные точки развития: плохо усвоенный теоретический материал, знание которого проверяет конкретно взятая задача, методику решения отдельной задачи, неспособность доступно и аргументировано изложить решение задачи и т.п. По итогам анализа учителя получают индивидуальное задание, для которого лектором специально для преподавателей курсов были разработаны рабочие тетради по решению задач с развернутым ответом. Тетрадь содержит задачи ЕГЭ по отдельно взятым разделам физики, задачи региональной политехнической олимпиады, подготовку к которой традиционно осуществляют учителя края, и задачи различных этапов Всероссийских олимпиад, условия которых приведены на соответствующих сайтах в сети Интернет. В тетради для каждой задачи приведено условие со ссылкой на источник, рисунок, необходимый для решения, краткая запись данных и указания на проведение определенных действий, направленных на ее решение: запись физического закона для конкретного состояния системы, пояснение вновь вводимых величин, необходимые математические преобразования, проверка размерности. Рабочие тетради выполнены в формате Word 2007 и отдаются учителям в электронном виде, что позволяет в дальнейшем использовать их в работе со своими учениками при подготовке к ЕГЭ и к олимпиадам различного уровня. Также учителя получают электронный вид входного тестирования, подборку наиболее интересных, с точки зрения преподавателя курсов, задач ЕГЭ различной сложности и электронный вид конспектов уроков в 7 - 9 классах, во время проведения которых целесообразно использовать виртуальные физические модели, представленные на четырех сайтах в открытом доступе. Учителя, сделавшие ошибки в тестировании, получают задание, заключающееся в решении конкретных стандартных задач из тестовой базы ЕГЭ, а также из рабочих тетрадей. При этом, в рамках обмена опытом с коллегами, им предлагается разработать модель урока, на котором могут быть решены данные задачи и провести его на занятиях, подробно обсудив с коллегами методику решения задач.

Рассмотрим результаты тестирования, проведенного на курсах повышения квалификации в одном из районов Краснодарского края. В состав группы входили как учителя физики, так и учителя, совмещающие преподавание физики и других дисциплин. Для того, чтобы определить направление работы группы, учителям было предложено входное тестирование, содержащее задания ЕГЭ с выбором ответа, на установление соответствия и с развернутым ответом. Тематический состав среза имел вид: кинематика - А1, В1; динамика - А2, А3, С2; МКТ, термодинамика - А4, А5; электростатика – А6; постоянный ток – А7, В2; магнетизм – А8; колебания – А9; волновая оптика – А10; квантовая физика – А11, С3; умение интерпретировать эксперимент – А12, А13. Максимальный первичный балл составил 26 и не был набран ни одним из участников тестирования. Максимальный результат группы составил 25 баллов (было сделано по 1 ошибке в поле А) и был набран 11,5 % участников. Минимальный результат составил 9 баллов (было выполнено 5 заданий поля А и все поля В) и был набран 3,8 % участников. Результаты выполнения теста показаны на рис. 1. В целом, результаты от 9 до 15 баллов набрали 15,3 %, от 16 до 20 баллов набрали 46 %, от 21 до 26 баллов 30,8 % участников тестирования.

По данным гистограммы можно сделать заключение, что большинство учителей, включая тех, для кого физика не является основным предметом, освоили решение стандартных задач с выбором правильных ответов. Традиционно проблемными являются задачи, имитирующие обработку результатов эксперимента, где необходимо учесть инструментальную погрешность измерений. Тема расчета погрешности измерений очень слабо освещена в современных школьных учебниках, являющихся базовыми для школ Краснодарского края [2- 4]. Все учителя, в свое время, проходили вузовский курс физики и помнят, что расчет погрешностей прямых и особенно косвенных измерений является весьма непростой задачей. Всем знакомы методики расчета погрешностей по формулам, предлагаемым теорией вероятности, но их непосредственное применение в школьном курсе невозможно из-за недостаточности математического аппарата школьников. Поэтому, учителя сталкиваясь с этой проблемой, стараются на доступном уровне, не теряя научности изложения, познакомить школьников с методикой расчета погрешностей прямых и косвенных измерений. Эта проблема касается выполнения лабораторных работ и решения задач ГИА и ЕГЭ, проверяющих знание школьниками методов научного познания. Таким образом, одной из тем групповой работы является методика изложения теории погрешности в младших и старших классах и подбор экспериментальных заданий, позволяющих как можно более полно продемонстрировать предложенную методику. Для этого учителям предоставляется скорректированный электронный вид методического пособия, разработанного преподавателем курсов повышения квалификации для работы со слушателями «Школы юного физика», работающей на базе Кубанского государственного технологического университета [5]. При обсуждении методов обработки экспериментальных данных, предлагаемых

школьными учебниками, учителя отметили, что единственной учитываемой погрешностью эксперимента является систематическая инструментальная погрешность. Случайная погрешность в учебниках вообще не рассматривается. По итогам обсуждения проблемы учителям был предложен небольшой эксперимент по определению коэффициента трения-скольжения с помощью наклонной плоскости и проведение его статистической обработки. При изложении методов обработки преподаватель делал акцент на физический смысл статистических функций, таких как их среднее значение и стандартное отклонение легко вытекающий из эксперимента. Учитывая, что большинство школ в достаточной степени оснащено компьютерами, которые содержат базовый пакет программ, таких как Microsoft Office Excel, содержащий статистические функции обработки массивов данных, легко во время урока провести грамотную обработку результатов эксперимента, не затрачивая на нее большое количество времени и сил. Такой подход лишний раз подчеркивает межпредметные связи физики и информатики и позволяет в полной мере реализовать принцип научности учения и доступности при достаточном уровне сложности.

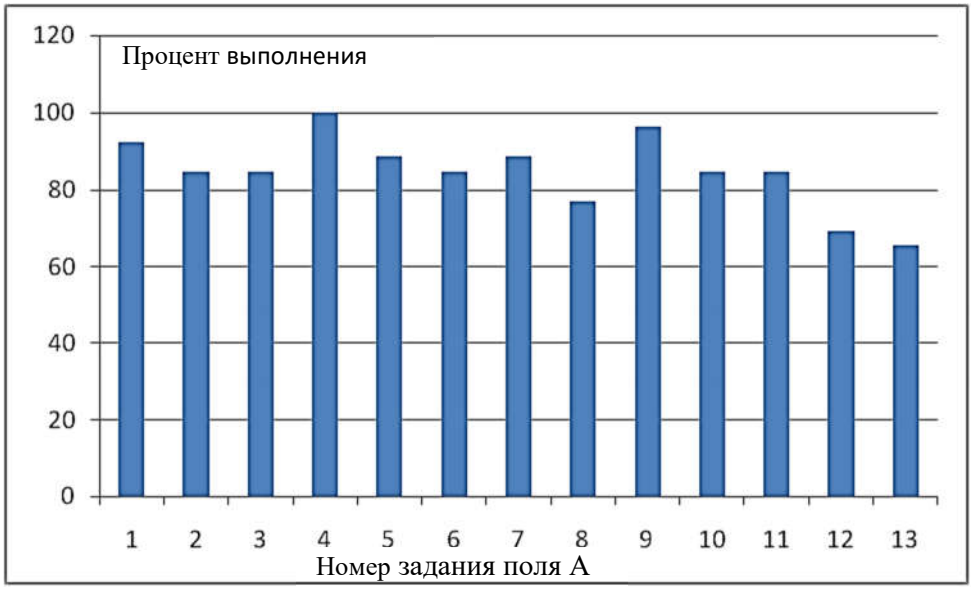


Рис. 1. Процентное соотношение выполненных задач поля А

Задания на установление соответствий не вызвали особых затруднений – результаты показаны на рис. 2. Процент полностью правильно выполнивших задание В1 по кинематике существенно превосходит процент учителей, частично справившихся с заданием. В задании В2 проверялись знания законов постоянного тока. Особенностью этого задания являлось наличие в электрической схеме ключа и, в зависимости от его положения, необходимо было выбрать формулу, правильно выражающую зависимость тех или иных величин друг от друга. Учителя, не справившиеся с данным заданием, получили для самостоятельной работы блок задач, которые, по мнению преподавателя курсов, целесообразно рассмотреть с учащимися при работе по данной теме, и на одном из занятий представили структурированный материал «от простого к сложному» с разработанной презентацией для проведения практического занятия по решению задач. Во время проведения занятия преподавателем и коллегами были внесены существенные корректировки в форму изложения методики решения рассматриваемых задач. Такое открытое обсуждение, на наш взгляд, позволяет не только выработать оптимальную методику изложения материала, но и формирует коммуникативные компетенции учителей физики.

Задачи поля С вызвали затруднение, прежде всего, у учителей, совмещающих преподавание физики и других дисциплин. Задача С1, традиционно качественная, практически не представила проблем для учителей. Единственным затруднением для учителей и, следовательно, учеников, решающих подобные задачи, является глубина описания рассматриваемого явления. Каждая качественная задача индивидуальна и единого подхода к оценке просто нет. Часть учителей являющихся экспертами ЕГЭ отмечали во время обсуждения результатов написания входного тестирования, что в некоторых работах школьников решение качественной задачи было более подробным, чем в памятке эксперта. Задача С2 была из раздела термодинамики и за ее решение взялись только уверенные в результате учителя, преподающие только физику. Отсюда и процент решивших задачу на 3 или 2 балла незначительно превысил 50 %, а вообще не бралось за выполнение этой задачи 35 % аудитории. По итогам тестирования учителя-совместители получили задание разобрать по одной из задач из рабочих тетрадей и на следующем занятии доложить коллегам. Подробное обсуждение представленных методик, опирающихся на разработанные учебные материалы, позволило учителям-совместителям поднять собственную профессиональную самооценку и продолжить формирование коммуникативных компетенций. Принципиальная схема анализа входной тестовой работы и выработки последующих направлений работы в группе представлены на рисунке 3.

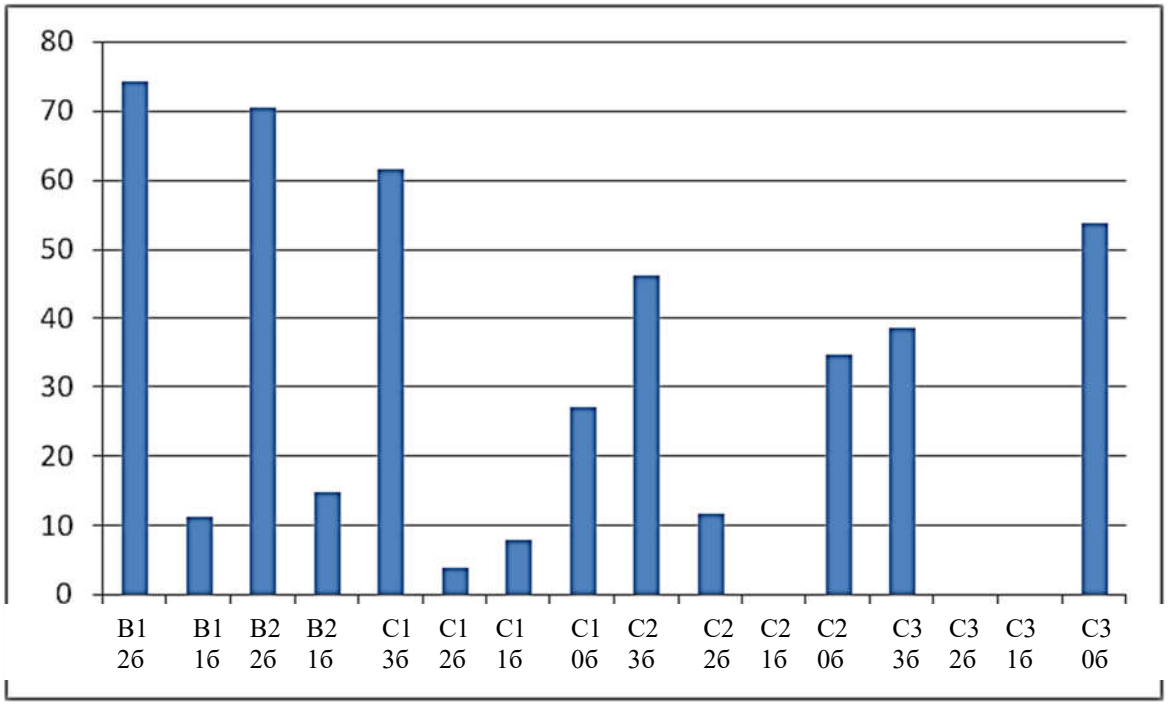


Рис. 2. Процентное соотношение набранных учителями баллов при выполнении заданий полей В и С.

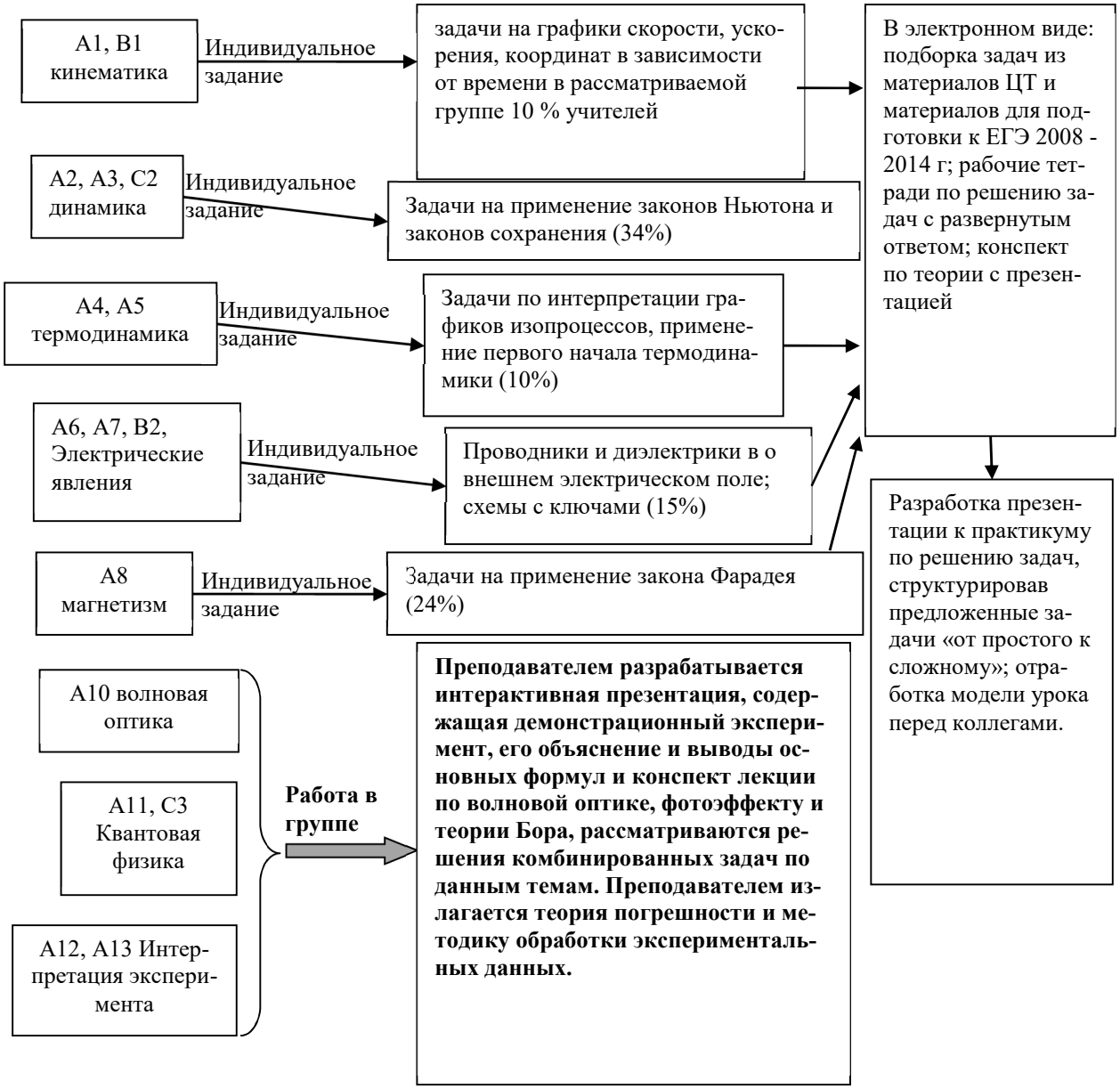


Рис. 3. Схема организации групповой и самостоятельной работы по итогам входного тестирования.

Таким образом, входное тестирование позволяет выявить четкое различие в уровне подготовки учителей, преподающих только физику и учителей, совмещающих ее преподавание с другими предметами. По итогам входного тестирования может быть проведена корректировка учебного плана и выделены следующие направления работы учебной группы и преподавателя курсов повышения квалификации:

- разбор задач входного тестирования и выработка оптимальной методики объяснения их решения ученикам. По итогам тестирования выявить группу учителей, которым будет предложено решить задачу у доски с объяснением (как для учеников), и далее осуществить переход к «мозговому штурму»;
- обсуждение методики решения задач, проверяющих усвоение методов научного познания. Для этого провести обсуждение методики изложения теории погрешности в школьном курсе физики;
- обсуждение методики решения качественных задач с развернутым ответом;
- обсуждение методики решения расчетных задач с развернутым ответом. Для этого необходимо обратить внимание на изменение формы представления данных в расчетных задачах с развернутым ответом за последние 5 лет.

Для увеличения эффективности использования учебного времени проведения курсов повышения квалификации возможна автоматизация схемы, приведенной на рисунке 3.

Article is devoted to a problem of formation of tasks of entrance testing of the teacher's passable advanced training courses for the purpose of correction of process of carrying out special courses, directed on increase of professional competence of teachers.
Keywords: *testing, professional competences, individual trajectories of the doctrine, qualitative tasks, control and diagnostic work.*

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации". Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года.
2. Генденштейн Л.Э., Кайдалов А.Б. Физика: 7 кл. сред. шк. В 2 ч., Ч. 1. Учеб. 3-е изд. – М.: Мнемозина, 2012. - 250 с.
3. Пёрышкин А.В. Физика: Учеб. для 8 кл. сред. шк. – М.: Дрофа, 2011. - 192 с.
4. Мякишев Г.Я., Тихомирова С.А. Физика: Учеб. для 11 кл. сред. шк. - М.: Просвещение, 2008. - 288 с.
5. Т.Л. Шапошникова, Е.В. Рыкова, И.В. Двадненко, Р.В. Терюха, П.А. Осюшкин, М.Л. Романова, Л.Н. Терновая. Рабочая тетрадь по выполнению лабораторного практикума для слушателей «Школы юного физика».: Кубан. гос. технол. ун-т. каф. физики. – Краснодар: Изд. КубГТУ, 2014. – 43 с.

Об авторах

Рыкова Е.В. – кандидат педагогических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета, *vinitav@yandex.ru*

Федоров А.А. – кандидат технических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета, *aleksf52@mail.ru*

Шапошникова Т.Л. – доктор педагогических наук, профессор Кубанского государственного технологического университета, *sgtale@yandex.ru*

Терновая Л.Н. – кандидат педагогических наук, проректор Краснодарского краевого института дополнительного педагогического образования, *Int1602@yandex.ru*

УДК 37.018.46:378

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Г.Р. Ситдикова

В статье рассмотрены стратегическая роль подготовки преподавателей в системе образования, становление системы повышения квалификации преподавателей, основные причины повышения квалификации учителями, необходимость серьезного профессионального развития преподавателей иностранных языков, представлены английские и немецкие концепции системы повышения квалификации.
Ключевые слова: *система повышения квалификации, европеизация, профессиональная компетенция, непрерывный профессиональный рост, подготовка преподавателей, обучение в течение всей жизни*

Процессы интернационализации в торговле и промышленности указывают на существующую потребность в языках. Предприятия и другие организации стремятся адаптировать свою деятельность к культуре и конкретным языкам своих клиентов и заинтересованных сторон.

Население мира становится все более мобильным, с большим количеством людей мигрирующих, работающих за рубежом и путешествующих с целью отдыха либо работы. Это приводит к серьезным потребностям в иностранном языке. Иностранные языки все больше и больше проникают в нашу жизнь, даже минимальное знание его становится необходимым, а вот незнание его может создать проблемную ситуацию.

Новые технологии передачи информации и связи обеспечивают более широкий доступ к материалам на всех языках. Они подчеркивают преимущества тех, кто способен работать на нескольких языках и недостатки тех, кто функционально ограничен только одним языком.

Все эти тенденции усиливаются процессом европеизации, целью которой является устранение барьеров на пути движения товаров, услуг, капитала и людей, когда культурные и языковые барьеры становятся ключевыми вопросами. Строительство европейского единства во многом зависит от сохранения и уважения многообразия языков.

Подготовка учителей играет стратегическую роль в системе образования. Цель преподавателей иностранных языков состоит в том, чтобы помочь своим студентам понять мир вокруг них, чтобы общаться через языковые и культурные границы, и играть активную роль в мире. Это сложная задача, которая требует от учителя широкого диапазона методов и подходов, для того, чтобы быть в курсе эффективных методов, разработанных в других странах, и делиться своими идеями и опытом с другими странами.

Основной причиной повышения квалификации является стремление самого преподавателя к карьерному росту, который невозможен без систематического повышения квалификации. Повышение квалификации способствует расширению их профессиональной компетенции, языковой практики, знаний в области педагогики, методики преподавания, дидактики, психологии, умения использовать компьютерные технологии.

Профессия преподавателя иностранных языков сегодня сталкивается с нехваткой квалифицированных преподавателей. В то же время быстро меняется численности студентов, происходит реформирование образования, развитие национальных стандартов для обучения иностранному языку, новых требований к учителям иностранного языка.

Существует ряд факторов, которые подчеркивают необходимость серьезного профессионального развития преподавателей иностранных языков:

- использование в аудитории исключительно изучаемого языка требует, чтобы учителя имели хорошую языковую подготовку, высокий уровень владения изучаемым иностранным языком - говорение, аудирование, чтение и письмо;
- самостоятельное обучение требует, чтобы учителя стали посредниками, консультантами в обучении;
- нехватка квалифицированных учителей иностранных языков;
- учителя всегда должны быть в курсе новых методов и технологий в области методики преподавания иностранных языков;
- способность понимать современные СМИ на иностранном языке как устные, так и письменные;
- изучение и понимание культурных, социальных, политических, исторических и экономических реалий регионов изучаемого языка.

Повышая квалификацию, профессиональную компетенцию, преподаватели иностранного языка углубляют и расширяют знания в области педагогики, психологии, дидактики. Задачей системы повышения квалификации является развитие, расширение и создание новых областей знания.

Предметом повышения квалификации преподавателя иностранных языков являются языковая практика, речевая деятельность (говорение, аудирование, чтение и письмо), страноведческий, культурный, литературно-научный аспекты, умение работать с современными средствами массовой информации, современными техническими аудиовизуальными средствами обучения. Профессиональная деятельность педагогов требует от них умения приспосабливаться и совершенствоваться, совершенствуя знания, полученные во время учебы в университете.

В настоящее время вопрос подготовки квалифицированных кадров становится важным для любой страны. Успех этого важного вопроса зависит от развития теоретической и практической подготовки преподавателей.

Начальная подготовка учителей в каждой стране, как правило, координируется Министерством образования. Некоторые страны создали агентства с конкретной ответственностью за контроль подготовки учителей и выработки рекомендаций для министерств. Примером этому может служить Агентство в области подготовки учителей в Великобритании (Англия и Уэльс) и Постоянный комитет по подготовке учителей в Венгрии. Министерство образования и культуры шестнадцати земель в Германии несет ответственность за обучение, но Постоянная конференция министров координирует обучение на национальном уровне.

Повышение квалификации проводится в виде различных учебных курсов, участия в семинарах и конференциях, работы круглых столов, дополнительного образования.

В отечественной теории и методике профессионального образования необходимо изучить зарубежный опыт подготовки учителей и рассмотреть возможность адаптации к российской действительности. Актуальность этих исследований определяется присоединением России к Болонскому процессу. В основе Болонской декларации – программа правительств Великобритании, Германии, Италии и Франции. Цель – создать европейскую зону высшего образования, активизировать и повысить его конкурентоспособность в мировом масштабе, приблизить образование к рынку труда.

В Европейском союзе разрабатывается политика в области высшего образования, сформулированы специальные программы в области образования: (COMETT, ERASMUS, LINGUA, SOCRATES, TEMPUS и др.).

Целью программы COMETT, учрежденной в 1986 году, является развитие сотрудничества между промышленными предприятиями и вузами в области профессионального обучения.[5]

Программа ERASMUS, учрежденная в 1987 году, занималась расширением межвузовских связей в виде развития обмена студентами и преподавателями, проведения совместных проектов в области образования и исследований.

В 1989 году была создана программа LINGUA, направленная на количественное и качественное совершенствование владения иностранными языками, методиками преподавания, подготовки преподавателей иностранных языков.

В 1995 г. появилась программа SOCRATES, объединившая в себе проекты ERASMUS, LINGUA, COMENIUS (школьное партнерство), MINERVA (развитие заочного образования, открытое и дистанционное образование, информационные и коммуникационные технологии в образовании), GRUNDTVIG (дополнительное образование, самообразование, образование взрослых. Основная идея программы SOCRATES содействие непрерывному обучению и развитию. Цели программы SOCRATES заключаются в усилении европейского измерения в образовании на всех уровнях; улучшение знания иностранных языков; содействие развитию сотрудничества и мобильности в области образования; поощрение использования новых технологий в образовании; обеспечение равных возможностей во всех сферах образования.

В 1994 году в сфере профессионального обучения была создана программа LEONARDO DA VINCI, которая призвана содействовать изучению иностранных языков и пониманию культур, повысить навыки и компетентность населения и т.д.

В области образования важнейшей является программа TEMPUS (Трансъевропейская программа передвижений для университетских занятий), занимающейся сотрудничеством в области образования.

Образовательные проекты в области повышения квалификации педагогов способствуют непрерывному профессиональному росту педагога, являются залогом обеспечения качества образования.

Изучение построения общеевропейского пространства в высшем образовании, основных положений обсуждается в работах отечественных исследователей В.И. Байденко, Е.В. Вершининой, Л.С. Гребнева, Г.А. Лукичева, В.Я. Нечаева, Л.С. Онокой, В.А. Садовничего, В.М. Филиппова, С.А. Шароновой; переход на многоуровневую систему высшего образования, применение системы зачетных единиц в российской высшей школе, изучаются В.С. Сенашенко, Г.Ф. Ткачом, Е.В. Шевченко и др. Проблемами развития системы качества в отечественной высшей школе в контексте Болонский соглашений занимаются Е.Н. Геворкян, Г.В. Мухаметзянова, Е.М. Лоскутова, Г.Н. Мотова, В.Г. Наводнов, В.Д. Шадриков. В отечественной педагогической науке изучается сравнительный анализ систем образования в Европе (Б.Л.Вульфсон, В. Б. Гаргай, И.М.Курдюмов, Н.Д. Никандров и др.) и Америке (Б.С.Гершунский, Г.Б.Андреева, В.Б.Гаргай и др.).

Необходимо рассмотрение международного опыта в области подготовки кадров, обучения.

Зарождение в Германии первых форм систем повышения квалификации относится к середине XVIII – началу XIX вв., когда специальная подготовка преподавателей отсутствовала, у учителей же возникла необходимость в повышении профессиональной компетенции.[6]

Современная система повышения квалификации сформировалась в Германии в начале XX века [2]. С появлением первых институтов повышения квалификации учителей (1919-1933гг.) государство начало проявлять интерес к вопросу повышения квалификации педагогических кадров. Возникновение связано растущей необходимостью учителей повышения профессиональной компетентности. Создавались специальные организации для школьных учителей. 1945-1965 гг. являются послевоенным периодом, когда происходило не только восстановление и развитие экономической ситуации, но и возрождение системы повышения квалификации в Германии. В 1949-1990 годах повышение квалификации учителей являлось систематическим и массовым. Отсутствовала существенная разница между понятиями «повышение квалификации учителей» (lehrerfortbildung) и «переподготовка, переквалификация учителей» (lehrerweiterbildung). Повышение квалификации рассматривалось как профессиональный долг, каждый педагог должен был систематически повышать свою квалификацию, посещая уроки других педагогов.

В 1962 г. открылся центральный институт повышения квалификации учителей в Штруверсхофе (Федеральная земля Бранденбург). В 1965-1980 гг. возникает необходимость повышения академического уровня подготовки учителей. На первое место выходит самообразовательная деятельность учителей, самоопределение, самоанализ, развитие творческих способностей, чем способствовало увеличение часов самостоятельной работы. В 70-х гг. XX века особой формой повышения квалификации педагогических кадров стали педагогические тренинги (Lehrertraining). Педагогический тренинг обозначен Б.Юргенсом как «мероприятия, направленные на повышение профессиональной компетенции как будущих учителей, так и работающих педагогов. [2].

В содержание тренингов входит индивидуальная работа, работа с коллегами по решению поставленной проблемы, деловая игра, создание методических рекомендаций. В сфере развития системы повышения квалификации начали проводиться исследования, на которые выделялись средства от государства. В середине 80-х гг. XX века начинается развитие внутришкольного повышения квалификации педагогических кадров, что означало повышение уровня учителей в учебном заведении, где они работали. В период зимних каникул посещались однонедельные курс повышения квалификации, во время летних каникул – двухнедельные. В 90-х гг. повышение квалификации педагогических кадров в Германии является составной частью непрерывного образования. Педагоги систематически повышают свою квалификацию (посещение занятий коллег, посещение курсов повышения квалификации учителей, самообразование). Начинают распространяться курсы дистанционного повышения квалификации.

В своей книге «Подготовка учителей до и после воссоединения Германии: опыт, последствия, ожидания. Опыт Бранденбурга» И.Грауденц и И.Плат рассматривают такие виды повышения квалификации в ГДР, как Grundkurse - основные программы повышения квалификации педагогов (изучался марксизм-ленинизм, педагогика и психология); Fachkurse – предметные курсы (методика преподавания соответствующего предмета); Spezialkurse – специальные курсы (углубленное изучение отдельных предметов). [2]

Особенностями развития системы повышения квалификации педагогов в Германии являются: учет индивидуальных особенностей профессионально-личностного развития, консультирование учителей; диагностирование и решение профессиональных конфликтов; содействие в развитии и саморазвитии; дистанционная форма повышения квалификации педагогических кадров в Германии, основной целью которой является создание благоприятных условий для повышения уровня их профессиональной компетенции.

Отличительной особенностью развития системы повышения квалификации педагогов в Германии является теоретическая, психологическая и практическая подготовка кадров. Особое внимание уделяется подготовке модераторов, тьюторов, акцент делается на развитии интеллектуальной мобильности педагогов. [6]

В Германии подготовка и повышение квалификации является ответственностью земель (Länder). Цели повышения квалификации преподавателей закреплены в законах об образовании и школах; организаторы, участники и другие детали самого процесса закреплены в указах. В землях государственное повышение квалификации организуется на трех уровнях: центральном (государственные институты повышения квалификации преподавателей), региональном (институты повышения квалификации федеральных земель, их филиалы или школьные ведомства) и местном (местные школьные ведомства).

Профессиональное мастерство педагогов в Германии совершенствуется на базе институтов повышения квалификации, которые имеются в каждой федеральной земле. В задачи Институтов входят развитие форм и методов ведения школьного дела, подготовка руководителей и преподавателей региональных учреждений повышения квалификации, разработка методических материалов. Институт предоставляет информацию и документацию; консультирует в вопросах системы образования; разрабатывает учебные программы и планы для всех типов школ; публикует рекомендации для преподавателей и руководителей школ. Основная деятельность земельного института – государственные законы о подготовке учительских кадров и о повышении квалификации; переработка и разработка учебных планов (проводится в сотрудничестве с квалифицированными педагогами, с инспекторами школ, преподавателями вузов). Результаты работы проверяются и внедряются в практику Министерством образования и культуры. Преподавателям предоставляется самостоятельная деятельность, не ограничивая их учебными планами и программами института.

Особое место среди институтов повышения квалификации занимает Рейн-Вестфальский институт. Рейн-Вестфальская система повышения квалификации педагогов строится на основе закона о подготовке учительских кадров 1979 года. Он отвечает за создание программ, учебных планов и повышение квалификации педагогов; обеспечивает life-learning (обучение в течение всей жизни).[4]

Важное направление деятельности Института – проведение экспертизы, оценка действий и мероприятий, направленных на проведение научно-исследовательских работ по проблемам повышения квалификации. Институт организует заочные курсы для совершенствования профессионального уровня педагогов или присвоение новой квалификации. Некоторые из них подготавливают слушателей к сдаче углубленного экзамена по специальности перед государственной экзаменационной комиссией. Ежегодно каждая школа представляет план мероприятий по повышению квалификации, где указаны цели, права и обязанности преподавателей. План регулирует также замены, необходимые в расписании в связи с отсутствием коллег, проходящих повышение квалификации.

Значительное количество учебного времени уделяется ключевой проблеме деятельности – переподготовке инструкторов-модераторов системы переподготовки кадров. Приоритеты в общеземельной системе повышения квалификации определяют министр образования и культуры, премьер-министр, земельный Институт.[4]

Курсы повышения квалификации бывают однодневными или длительные (оплачивается дорога, проживание и необходимая методическая литература для слушателей из бюджета института). Слушатели курсов ежедневно заполняют анонимные анкеты по содержанию и организации курсов, а также выставляют методистам и организаторам курсов оценки, из чего складывается оценка эффективности данных курсов.

Одна из старейших в Европе - система повышения квалификации в Англии. Английская модель традиционно была лишена государственной поддержки, вследствие чего происходил самостоятельный поиск источников финансирования.

Традиционная курсовая модель уступает место новой организации обучения, в которой соединяются внешкольная и внутришкольная форма повышения квалификации. Главными становятся индивидуальные потребности профессионального и личностного саморазвития педагогов и стратегия развития школы.

Профессиональное развитие учителей в Англии официально начинается в 70-х гг. XX века. Ввиду нехватки педагогических кадров, учителям было разрешено работать без специальной подготовки. В конце XIX века начинают создаваться учебные курсы для работающих учителей, деятельность которых не ограничивается формальными программами обучения, деятельность имела просветительский характер. [4]

Систематические курсы стали разрабатываться преподавателем Кембриджского университета Д.Стюартом: для каждого предмета студенты получили лекции, самостоятельную работу, список рекомендованной литературы для обзора; после чего они слушали несколько лекций, которая завершалась беседой или семинаром, где обсуждались интересующие вопросы.

Другой метод был разработан А.Беллом и Д.Ланкастером: один преподаватель приходился на сотню или более преподавателей, привлекал себе в помощники старост-«мониторов», которые передавали полученные знания членам своих подгрупп. Основное внимание уделялось повышению профессиональной компетентности преподавателей, предмету преподавания. [4]

К середине 70-х гг. изменились цели повышения квалификации. Потребность в новых педагогических

кадрах уменьшилась, внимание перешло к последипломному обучению.

Система педагогического образования в Англии осуществляется на трех уровнях: начальный уровень, пробный год, последипломное образование. Подготовка преподавателей включает в себя теоретическую и практическую подготовку, прохождение краткосрочных и долгосрочных курсов с отрывом и без отрыва от работы, занятия в преподавательских центрах.

В 1978 г. при Лондонском открытом университете возникла экспериментальная модель повышения квалификации преподавателей. Краткосрочные и долгосрочные курсы повышения квалификации проводятся в различных учебных учреждениях образования. Краткосрочные курсы имеют много преимуществ: быстрота, практическая направленность, экономия времени и средств. Распространяются однодневные, трех-, пяти-, шестидневные и «каникулярные курсы», которые организуются информационным отделом, обеспечивающим услуги в области повышения квалификации местных органов образования. На трехдневных курсах преподаватели освобождены от занятий, которые отделяются друг от друга недельными перерывами. При этом была возможность применить на практике теоретические знания, полученные на курсах. Пяти-, шестидневные курсы также организуются с перерывами, но не было необходимости освобождения от работы – курсы проводились вечером, занимали несколько часов, что существенно экономило средства и время. «Каникулярные курсы» проводились один раз в году во время Пасхи, занимали 3-4 дня, были популярны из-за экономичности и не требовали освобождения преподавателей от занятий. [4] Долгосрочные же курсы не часто посещаются, т.к. преподавателям не выделяются необходимые условия и финансы. К данным курсам относятся трехгодичные курсы повышения квалификации (для преподавателей, которые получили свое образование десять-пятнадцать лет назад), которые позволяют получать степень бакалавра без отрыва от работы, посещаются в вечерние часы. Также существуют региональные годичные курсы, организуемые университетом, местными органами образования (лекции, семинары, перерывы между занятиями могут составлять до нескольких месяцев). Краткосрочные курсы направлены на достижение конкретно поставленной задачи или проблемы. Результаты посещения долгосрочных курсов более прочные, проявляются в стремлении самообразования преподавателя.

В 80-х гг. для решения проблем на правительственном уровне создается Совещательный Комитет по повышению квалификации преподавателей при Департаменте образования и науки (при содействии Институтов педагогики при университетах и высших школах). При местных органах образования и высших школах учреждаются должности советников, занимающихся урегулированием проблем повышения профессионального уровня преподавателя. В 1987 г. был принят «Общенациональный куррикулум», при котором процесс обучения рассматривался в единстве всех компонентов – целей, содержания, методов и форм обучения, сферы воспитания и др.

Реформа образования, технологическое развитие являются теми явлениями, с которыми сегодня сталкиваются преподаватели иностранных языков. Если профессия преподавателя иностранных языков заключается в предоставлении качественного обучения студентов, то необходимо идти в ногу со временем, с возрастающими потребностями современного общества, необходимо поддерживать высокое качество подготовки учителей иностранных языков.

The article examines the strategic role of teacher training in the system of education, the establishment of a system of training of teachers, the main reasons for training teachers, the need for serious professional development of teachers of foreign languages, presented the English and German concept of continuing education.
Keywords: *training, Europeanization, professional competence, continuous professional development, teacher training, learning throughout life.*

Список литературы

1. Гаргай, В.Б. Развитие системы повышения квалификации учителей в Великобритании (конец XIX - конец XX вв.) : дисс. ... докт. пед. наук : (специальность: 13.00.01) Новосибирск, 2006 - 446 с.
2. Гладкова О.С. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров в современной Германии в контексте непрерывного образования: дисс. … канд. пед. наук (специальность 13.00.01). Чебоксары, 2009 - 220с.
3. Мухаметзянова Ф.Ш. Прикладной бакалавриат как фактор реализации программ непрерывного образования // Казанский педагогический журнал. 2011. №5. С. 90 − 93.
4. Савенкова И.Э. Сравнительный анализ повышения квалификации учителей в России и развитых зарубежных странах: дисс. … канд. пед. наук (специальность 13.00.01). Москва, 2002 - 114с.
5. Трегубова Т.М. Компаративные исследования в области профессионального образования: основные тренды и проблемы адаптации // *Казанский педагогический журнал.* 2013. №3. С.33-39
6. Шаповалова Л.И. Становление европейской системы повышения квалификации преподавателей иностранных языков: дисс. … докт. пед. наук (специальность 13.00.08). Ростов-на-Дону, 2007 - 450с.

Об авторе

Ситдикова Г.Р. – аспирант Института педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования, *gelyam@mail.ru*

УДК 378:371.12:796(477)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

О.Н. Шкитырь, В.В. Сысоев, О.Н. Опалёва

В статье рассмотрен культурологический аспект физического воспитания студентов. Разработан фонд оценочных средств по теоретическому разделу дисциплины «Физическая культура». В исследовании принимали участие студенты 1-3 курсов (276 человек) Брянского Государственного Университета им. академика И.Г. Петровского. Представлены результаты теоретического тестирования, на основании которых можно констатировать о сформированности у студентов установки на здоровый образ жизни. Обозначена необходимость разработки новых здоровьесберегающих образовательных технологий.
Ключевые слова: *физическое воспитание, здоровьесберегающие компетенции, фонд оценочных средств по дисциплине «Физическая культура».*

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития общества, в связи с ускорением ритма жизни, усложнением современного производства остро встает вопрос о здоровье молодежи. Серьезную тревогу специалистов вызывает состояние здоровья российских студентов[2,3].

В образовательных учреждениях необходимо создавать условия для сохранения и укрепления здоровья обучающихся, в том числе и за счет повышения удельного веса и качества занятий физической культурой.

Дисциплина «Физическая культура», является компонентом общей культуры, психофизического становления и профессиональной подготовки студента в течение всего периода обучения, в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов.

С понятием “культура” тесно связано понятие “образование”, так как их субъектом и объектом является человек. Культура обусловливает цели, задачи и содержание образования. Вместе с тем, образование является важнейшим фактором развития культуры [3] (рис. 1).

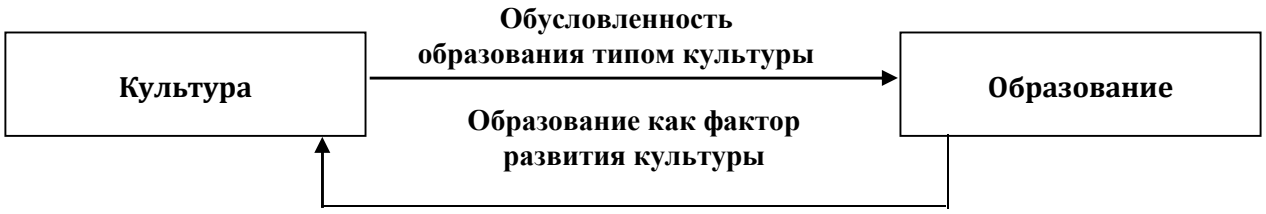


Рис. 1. Взаимосвязь культуры и образования

Актуальность формирования культуры здоровья у молодого поколения очевидна, т.к. сегодня особенно важна задача сохранения и укрепления здоровья молодежи через культуру посредством присущих ей социальных ценностей.

Физическая культура включает в себя знания, на основе которых развиваются физические способности человека, реализуемые в учебной и будущей трудовой деятельности.

В вузе физическая культура предусматривает решение задач не только оздоровительного характера, воспитание физических качеств, повышение физической подготовленности, физического самосовершенствования, но и усиление образовательного, культурологического аспекта, повышение роли теоретических знаний студентов в формировании навыков здорового образа жизни. Таким образом, физкультурная образованность личности обретает культурологическое значение и выходит за рамки телесного развития и профессионального образования.

На данный момент главным в подготовке специалистов становится не передача знаний, выработка умений и навыков, а формирование базовых компетенций, в том числе здоровьесберегающих.

Физическая культура для обучающихся в высших учебных заведениях является частью гуманитарного образования, выступает мерой комплексного воздействия различных организационных форм, средств и методов общей и профессионально-прикладной физической подготовки на личность будущего специалиста в процессе формирования его профессиональной компетентности.

Для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья устанавливается особый порядок освоения указанной дисциплины на основании соблюдения принципов здоровьесбережения.

При реализации физической культуры для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в БГУ ставятся следующие задачи:

-общее укрепление здоровья;

-формирование здорового образа жизни;

-улучшение физического развития и совершенствование двигательных способностей;

-увеличение степени приспособляемости и сопротивляемости организма к факторам внешней среды.

Формирование результатов освоения дисциплины «Физическая культура» как части образовательной программы в виде компетенций происходит на основе получаемых знаний, умений и навыков. По итогам изучения

дисциплины студенты должны иметь представление о физической культуре как части общечеловеческой культуры и ее роли в развитии человека и подготовке специалиста, об анатомо-морфологических особенностях и основных физиологических функциях организма человека, общей и специальной физической подготовке и т.д.

Студенты должны уметь использовать средства и методы физического воспитания для профессионального и личностного развития, физического самосовершенствования, формирования здорового образа жизни; владеть средствами и методами укрепления индивидуального здоровья, ценностями физической культуры личности для успешной социально-культурной и профессиональной деятельности.

Актуальность исследования состоит в том, что требуются новые, современные подходы в формировании здоровьесберегающих компетенций у студентов в процессе физического воспитания.

Новизна исследования заключается в использовании фонда оценочных средств по теоретическому разделу дисциплины «Физическая культура».

Объект исследования – процесс физического воспитания студентов.

Цель исследования - формирование здоровьесберегающих компетенций у студентов в процессе физического воспитания.

Методы и организация исследования. С целью изучения уровня знаний студентов по дисциплине «Физическая культура» нами использовался разработанный фонд оценочных средств по теоретическому разделу дисциплины «Физическая культура».

Оценочные средства (ОС) - фонд контрольных заданий, а также описаний форм и процедур, предназначенных для определения качества освоения студентом учебного материала, неотъемлемая часть вузовской основной образовательной программы (ООП) [1].

Исследование проводилось на базе Брянского государственного университета.

Были разработаны и опробованы оценочные средства по дисциплине «Физическая культура».

Практический раздел оценивался тестированием физической подготовленности.

Особое внимание было уделено теоретическому разделу программы по дисциплине «Физическая культура».

Теоретические учебные занятия предусматривают овладение студентами объемом научно-практических и специальных знаний, необходимых для понимания природных и социальных процессов функционирования физической культуры общества и личности, организации и ведения здорового образа жизни при выполнении учебной и профессиональной деятельности.

Теоретический раздел оценивался фондом оценочных средств:

— комплектом заданий для теоретического тестирования;

— защитой рефератов;

— защитой творческих проектов;

— устным опросом.

Из общего объема (400 час) учебных занятий по дисциплине «Физическая культура» на теоретический раздел было выделено 40 часов лекционного курса(1 курс-16 час;2 курс-16 час;3 курс-8 час). Разработаны:

— паспорт фонда оценочных средств по дисциплине « Физическая культура»;

— комплект заданий для теоретического тестирования;

— критерии оценки письменных работ (реферат) - для студентов, освобожденных от практических занятий по дисциплине «Физическая культура»;

— критерии оценки творческих проектов - для студентов, освобожденных от практических занятий по дисциплине «Физическая культура»;

— критерии оценки устного ответа на зачете.

В эксперименте приняло участие 276 студентов БГУ.

В начале 1 курса(начало экспериментального исследования) мы провели тестирование по остаточным знаниям после школы. Оно показало, что первоначальный уровень знаний по физической культуре в контрольной и экспериментальной группах был примерно одинаковый. В конце экспериментального исследования нами проведено тестирование по разработанному фонду оценочных средств.

Диагностика усвоения оздоровительных знаний подкреплялась показателями коэффициента качества обучения ($K_к$) каждой группы и коэффициента успеваемости. Коэффициент качества знаний рассчитывается по формуле

$$K_к = \frac{N(5) + N(4)}{\sum N} \times 100\%,$$

где *N(5)* и *N(4)* – количество студентов, получивших оценки “5” и “4”, $\sum N$ – общее количество студентов в группе.

Коэффициент успеваемости рассчитывался по формуле

$$K_у = \frac{N(5) + N(4) + N(3)}{\sum N} \times 100\%,$$

где *N(5), N(4)* и *N(3)* – количество студентов, получивших оценки “5”, “4”, “3”, $\sum N$ – общее количество студентов в группе.

Результаты данной диагностики представлены нами в таблице 1

Таблица 1

Диагностика усвоения оздоровительных знаний студентов

	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента
$КК_к$	68,8%	89%	71,2%	82,4%
$КК_у$	100%	100%	100%	100%

Анализ контрольных заданий, тестов и т.д. показывает значительный рост уровня усвоения учебного материала в экспериментальной группе. В определенной степени это подтверждается повышением коэффициента качества обучения студентов в конце эксперимента по изучаемому вопросу при сохранении 100% успеваемости. Данные таблицы 1 наглядно отражены в гистограммах (рис. 2).

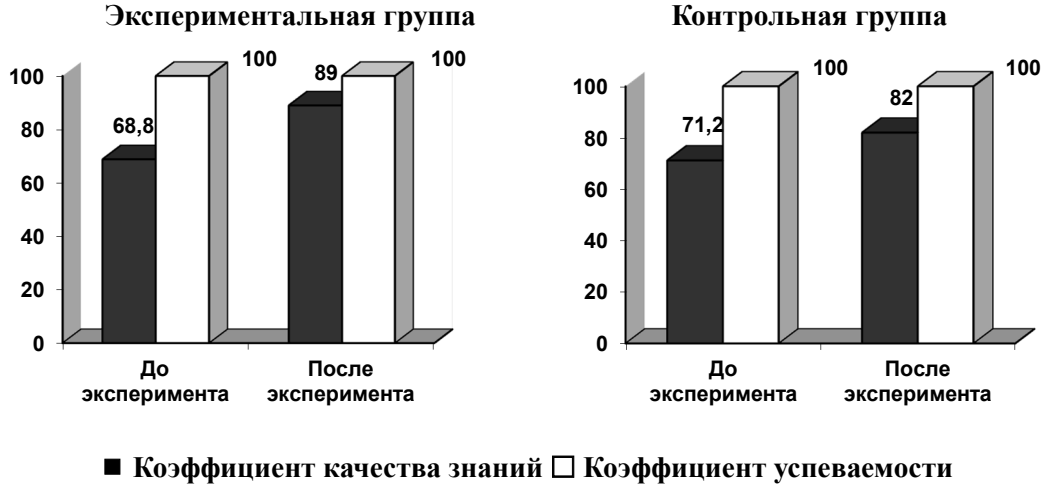


Рис. 2. Гистограммы результатов усвоения оздоровительных знаний в системе высшего образования

Преподавание теоретического раздела по дисциплине «Физическая культура» имеет целью дать базовые знания и сформировать установку на здоровый образ жизни, физическое самосовершенствование студентов не только в период обучения в вузе, но и на протяжении всей жизни.

Таким образом, задача сохранения здоровья студентов выполняется только в том случае, если учебно-образовательный процесс осуществляется по здоровьесберегающим образовательным технологиям.

Традиционно сложившаяся система и представления о физической культуре требует разработки и обоснования, новых теоретико-методических положений концепций физической культуры, разработки педагогических технологий формирования физической культуры личности студентов, целью которой будет формирование здоровьесберегающих компетенций, сохранение и укрепление здоровья студентов и приобщение их к ценностям физической культуры

The article describes the cultural aspect of physical education students. Fund assessment tools developed by the theoretical section of discipline “Physical training”. The study involved students of 1-3 courses (1576 people) Bryansk State University. Academician IG Petrovsky. Assessment tools developed by the Foundation on the subject “Physical training”, which can be used in the educational process of the university. The results of the theoretical test, based on which it can be stated on the formation of students’ installation on a healthy lifestyle. It highlighted the need for the development of new health-education technologies.
Keywords: *physical education, Health-competence, the Fund assessment tools for the discipline “Physical training”.*

Список литературы

1. Ковтун, Е.Н. Методика проектирования и использования оценочных средств при реализации вузом ООП нового поколения / Е.Н. Ковтун. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009.

2. Стратиенко Е.Н., Катунина Н.П., Цеева Ф.Н., Кухарева О.В. К проблеме формирования здорового образа жизни у студенческой молодежи [Текст] / Е.Н. Стратиенко, Н.П. Катунина, Ф.Н. Цеева, О.В. Кухарева // Сборник научных статей Международной научно-практической конференции «Современные концепции теории и практики: новые пути исследований и развития в экономике, управлении проектами, педагогике, праве, культурологии, языкознании, природоиспользовании, биологии, зоологии, химии, политологии, психологии, медицине, филологии, философии, социологии, математике, технике, физике, информатике, градостроительсве» – 2014. – С. 117-119.

3. Тихонов А.С., Симоненко В.Д. Естественнонаучные основы технологического образования школьников: Курс лекций. – Брянск: Изд-во БГПУ, НМЦ “Технология”, 2000. – 261 с.

4. Шкитырь О.Н. Формирование культуры здоровья у будущих учителей в системе высшего педагогического образования :автореферат дис. канд. пед. наук /О.Н.Шкитырь. Брянск, 2003. 19 с.

Об авторах

Шкитырь О.Н. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой физического воспитания и основ медицинских знаний, факультета физической культуры Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *schkitir.oxana@yandex.ru*

Сысоев В.В. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и основ медицинских знаний, факультета физической культуры Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *v.v.sysoev@yandex.ru*

Опалёва О.Н. – ассистент кафедры физического воспитания и основ медицинских знаний, факультета физической культуры Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *olyabaranova1@yandex.ru*

УДК 378

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРОВЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ В ВУЗЕ

И.Г. Якимович

В статье рассматриваются особенности игровых интерактивных технологий, место и спецификаих использования на практических занятиях в вузе. Автором рассматривается структура, этапы конструирования тренинга, ролевой и деловой игры, а также даются соответствующие методические рекомендации, представлен перечень психолого-педагогических условий эффективного внедрения игровых технологий в практику вузовского обучения.

Ключевые слова: *игра, игровые педагогические технологии, социально-психологический тренинг, ролевая игра, деловая игра, дидактическая структура игры, игровые роли, этапы конструирования деловой игры.*

В практике обучения ввузе широко используются технологии, в основе которых лежит игровое моделирование. Игровое обучение предполагает решение проблем, связанных с профессиональной деятельностью, карьерой, человеческими взаимоотношениями и личными трудностями, оно является эффективным средством формирования профессиональной компетентности бакалавров – выпускников вузов. Роль игры в образовательном процессе исследовали классики отечественной педагогики и психологии - П.П. Блонский, Л.С. Выготский, К.Д. Ушинский. В работах зарубежных ученых мы находим не только теоретическое обоснование, но и практические варианты игрового моделирования (К. Бюлер, К. Гросс, Ж. Пиаже, Г. Спенсер, Ф. Шиллер и др.). Большой интерес для нашей работы представляют материалы о разных видах игр таких отечественных ученых, как Т.А. Апинян, М.М. Бирштейн, А.А. Вербицкий, А.П. Панфилова, В.Я. Платов, Г.П. Щедровицкий, Д.Б. Эльконин и другие ученые.

Игровые интерактивные технологии - это технологии, построенные на групповом взаимодействии с опорой на личный практический опыт участников. Опыт, полученный студентами в игровом взаимодействии, может оказаться даже более продуктивным по сравнению с приобретенным в профессиональной деятельности. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, игровые технологии позволяют увеличить масштаб охвата действительности, наглядно представляют последствия принятых решений, дают возможность проверить альтернативные решения и примерить те или иные социальные роли. Во-вторых, информация, которой пользуется человек в реальности, в большинстве случаев неполная, искаженная, в игре же ему предоставляется хотя и неполная, но точная информация, что повышает доверие к полученным результатам и стимулирует процесс принятия ответственности.

Важными условиями, обеспечивающими эффективность применения игровых технологий обучения, являются те принципы организации и правила, которые способствуют достижению поставленных в обучении целей и задач:

1) организация необходимой для проведения игры пространственной среды, подготовка для нее всего необходимого;

2) проигрывание обучаемыми разнообразных игровых ролей: «оппонента», «пессимиста», «оптимиста», «реалиста», «адвоката дьявола», «компетентного судьи», «провокатора», «психолога» и др. - с учетом индивидуальных (интеллектуальных и творческих) способностей каждого участника, проявляемых в процессе игрового взаимодействия;

3) обучение в ходе игры взаимодействует через создание и строгое соблюдение сформулированных с участием студентов правил игры;

4) соблюдение достаточно жесткого временного регламента;

5) обязательность участия студентов во всем цикле игры;

6) обеспечение преподавателем новизны как в содержательном плане, так и в выборе технологии обучения.

В практике обучения в вузе можно использовать различные виды игрового взаимодействия. Наиболее рациональной технологией организации такого взаимодействия студентов, которая предполагает диалог, опору на жизненный опыт и сферу чувств молодого человека, является социально-психологический тренинг. Социально-психологический тренинг - это форма специально организованного общения, психологическое воздействие которого основано на активных методах групповой работы. Его основная цель - формирование межличностной составляющей будущей профессиональной деятельности путем развития психодинамических свойств человека и формирования его эмоций, интеллекта, метакомпетентностей. [6]

Тренинг как технология обучения в общем виде может выполнять диагностическую, обучающую, психотерапевтическую и коммуникативные функции, когда выявляются зоны потенциального развития и коррекции, происходит усвоение определенных знаний и форм поведения, студенты приобретают навыки работы в команде.

В практике профессиональной подготовки используются разнообразные виды тренингов. Большую эффективность в подготовке специалистов дают коммуникативные тренинги по развитию вербальной и невербальной компетентности обучаемых, их интерактивных умений и навыков. Коммуникативный тренинг включает в себя и поведенческий тренинг, т.е. обучение навыкам, лежащим в основе делового поведения, общению по телефону, лидерским навыкам.

Использование элементов социально-психологического тренинга возможно в ходе адаптационного периода первокурсников на первых занятиях, на этапе мотивации интерактивного практического занятия, когда важно сфокусировать внимание студентов на проблеме и вызвать интерес к обсуждаемой теме. Это может быть вопрос, цитата, короткая история, проблемная ситуация, небольшое задание, разминка. Данный этап занятия длится не более 5 % его времени.

В основной части занятия возможно использование целой серии интерактивных тренинговых упражнений. Тренинговые упражнения на заключительном этапе занятия помогают студентам осознать, осмыслить как можно использовать полученные знания и навыки в жизни.

Входе использования тренинга нам кажется необходимым использование следующих рекомендаций:

- следить за временем, чтобы не нарушать правила оптимального временного режима;
- избегать длительной дискуссии по общим вопросам или возвращения к вопросам, оставленным «на потом»;
- задавать ряд острых коротких вопросов, на которые все участники по очереди должны дать ответы;
- предлагать коллективное задание на 3-5 мин и завершать его публичной презентацией;
- оставлять на конец игрового занятия какую-нибудь важную информацию или предлагать нужный раздаточный материал;
- получать от участников обратную связь (например, какие эмоции и чувства они испытывали во время тренинга или в данный момент);
- напоминать обучаемым, чего им удалось достичь («сухой остаток»), или написать на доске вопросы, за которые можно будет взяться на следующем занятии; - благодарить всех за сотрудничество в достижении целей учебной программы.

Ролевые игры могут применяться достаточно широко также в системе профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации - как самостоятельно, так и как часть тренинга или деловой игры.

У А.П. Панфиловой ролевая игра-часть деловой игры [5]. В отличие от деловой игры,ролевая игра может быть проведена на любую тему и не обязательно привязана к профессиональной деятельности. Она, как и все интерактивные технологии, основана на обучающем эффекте совместных действий.

О.Н. Богданович [1] отмечает, что в ролевой игре роли могут быть социальными (обусловлены местом индивида в системе объективных социальных отношений: профессиональные, социально-демографические) и межличностными (определяются местом индивида в системе межличностных отношений: лидер, друг, соперник) При распределении их обязательно должны учитываться интересы участников и ее пожелания, а также создавать условия для личностного развития студента.

Исходная ситуация-это способ организации ролевой игры. При создании ситуации необходимо учитывать обстоятельства реальной действительности взаимоотношений коммуникантов. Речевые ситуации должны вызывать речевую реакцию у студентов.

Ролевые действия -это действия, которые выполняют учащиеся, играя определенную роль. Ролевые действия как разновидность игровых действий органически связаны с ролью -главным компонентом ролевых игр и составляют основную, далее неразложимую единицу развитой формы игры.

При организации ролевой игры преподавателю важно сообщить студентам тему, чтобы они имели возможность обсудить ее посредством осмысления собственного жизненного опыта. Далее необходимо познакомить их со сценарием, игровыми задачами, ролями и дать возможность им продумать самостоятельно игровое поведение, таким образом, подготовившись к игре. В ходе проведения игры задача педагога заключается в том, чтобы проследить за соблюдением правил игры, разъяснить в случае необходимости какие-то важные моменты и способствовать взаимодействию участников. На этапе анализа произошедшего игрового моделирования, необходимо помочь студентам сопоставить происходящее с реалиями, с их жизненным опытом. В результате использования игровой технологии в практике обучения расширяется жизненный практический опыт участников и приобретается право выбора той или иной линии поведения

Как правило, ролевые игры используются в основном, на четвертом, интерактивном этапе занятия, которому отводится основная часть учебного времени.

Иногда из числа ролевых игр выделяют деловые, во время которой участники погружаются в смоделированную ситуацию, взятую из реальной жизни, либо вымышленную. Участникам предлагается решить проблему (распределившись по ролям), следуя предложенным правилам и условиям.

Учебная деловая игра - это целенаправленно сконструированная модель какого-либо реального процесса, имитирующая профессиональную деятельность и направленная на формирование и закрепление профессиональных умений и навыков. В деловой игре, в отличие от моделирования, более разработаны процедура, правила и условия игры, моделирование же максимально приближает участников к какой-то жизненной ситуации. В каждой игре свой порядок проведения. В отличие от имитации, деловая игра (моделирование), как правило, не пред-

полагает использования каких-то устоявшихся процедур. Деловые игры являются одной из самых сложных образовательных технологий, поэтому требуют определенной предварительной подготовки студентов к совместной работе в малых группах. Деловые игры (моделирование) способствуют приобретению тех же навыков (умений), что и ролевые игры (имитации), а кроме того, позволяют глубоко вжиться в проблему, понять ее авторов.

Наличие «цепочки решений», вырабатываемых в условиях внутригруппового и межгруппового взаимодействия, также выделяет деловую игру как специфическую интерактивную технологию. В деловой игре моделируется реальная профессиональная ситуация, требующая управленческого решения; деловые игры имеют блок-структуру, в которую заложен более или менее жесткий алгоритм «правильности» и «не правильности» принимаемого решения.

Проведение деловой игры на занятиях по педагогике с будущими учителями может выглядеть следующим образом:

1. Вначале можно обсудить со студентами проблемы, связанные с работой учителя в школе и состояние современного образования в целом. Этот этап называется проблемно-ориентировочным.

2.На этапе экзистенциального переживания студентам задаются вопросы с целью выяснения степени их знакомства с данными проблемами. Они могут поделиться здесь переживаниями, полученными в ходе педагогической практики или впечатлениями на основе собственного школьного опыта, когда происходит осмысление процесса.

3.Этот этап можно назвать этапом осмысления ситуации на основе анализа научной литературы.

4.На подготовительном этапе организуется изучение ситуации и распределение ролей, сбор необходимой информации, работа в группах.

5.Когда организуется презентация игровых действий группами, ведущий может вмешиваться в ход игры.

6.В заключение необходимо провести анализ деловой игры и подведение ее итогов преподавателем.

7.Очень важным является этап рефлексии, осмысление различных точек зрения, представленных участниками деловой игры, выделение из этого объемного потока информации тех ориентиров, которые могут стать основой для профессионального самосознания студентов.

Таким образом, возможности игровых интерактивных технологий широки:

- они позволяют глубоко и многоаспектно рассмотреть достаточно большой спектр проблем;
- в них происходит обучение «через действие», организуется социальное взаимодействие и осуществляется подготовка к конструктивному профессиональному общению;
- способствуют большей активности участников взаимодействия в процессе обучения;
- насыщены содержательной и многогранной обратной связью;
- формируют ценностные ориентации и установки профессиональной деятельности;
- предоставляют возможность всестороннего анализа, интерпретации, осмысливания полученных результатов;
- способствуют проявлению всех качеств личности, ее индивидуальных особенностей.

Сложно переоценить роль игровых профессионально-образовательных технологий в процессе формирования системы инвариантных и вариативных компетенций будущих специалистов.

The article discusses the features of interactive gaming technologies, the place and the specificity of their use in practical classes at the University. The author describes the structure, the stages of training, the role and business games. The article provides appropriate guidelines and presents a list of psycho-pedagogical conditions of efficiency of application of gaming technologies.
Keywords: *game, gaming educational technologies, social psychological training, role play, business game, didactic structure of the game, gaming roles, stages of the business game.*

Список литературы

1. Богданович О.Н. Современные формы организации учебно-воспитательного процесса: практическое пособие для педагогов общеобразовательных учреждений. Мозырь: Белый Ветер, 2009. 102 с.

2. Высоцкая Л.С. Дидактическая игра как одна из форм активизации мыслительной деятельности обучающихся на уроке: методическая брошюра. Улькан, 2010. 25 с.

3. Гончарова О.В. Экология: методическое пособие. Омск: Наследие. Диалог-Сибирь, 2004. 103 с.

4. Кашлев, С.С. Интерактивные методы обучения: учеб. -метод. пособие – Минск: Тетра Системс, 2011. –223 с.

5. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 192 с.

6. Прутченков А.С. Школа жизни: Методические разработки социально-психологических тренингов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Педагогическое общество России, 2000. 159с.

Об авторе

Якимович И.Г. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *ira.vodole@mail.ru*

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
УПРАВЛЕНИЯ РОСКОМНАДЗОРА ПО БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Управление Роскомнадзора по Брянской области (далее – Управление), являясь уполномоченным территориальным органом по защите прав субъектов персональных данных, напоминает руководителям государственных и муниципальных органов, всем юридическим и физическим лицам - операторам, осуществляющим обработку персональных данных, о необходимости соблюдения требований Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон).

В соответствии с Законом, не зарегистрированные в Реестре операторов персональных данных операторы должны представить в уполномоченный орган уведомления об обработке персональных данных (ч. 1 ст. 22 Закона).

Операторам, представившим уведомления об обработке персональных данных до 1 июля 2011 года, необходимо было представить в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных сведения, указанные в пунктах 5, 7.1, 10 и 11 части 3 статьи 22 Закона, не позднее 1 января 2013 года путем подачи информационного письма о внесении изменений в сведения в реестре операторов, осуществляющих обработку персональных данных (далее – информационное письмо).

Обращаем внимание! С 01.09.2015 вступил в силу Федеральный закон от 21.07.2014 № 242-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях", в соответствии с которым **оператор обязан обеспечить обработку персональных данных российских граждан (в том числе данных, собранных посредством сети Интернет) в базах данных, находящихся на территории РФ** (за исключением случаев, перечисленных в п. п. 2 - 4, 8 ч. 1 ст. 6 Закона).

В связи с этим, **с 01.09.2015 в уведомление необходимо отражать сведения** указанные в п. 10.1 ч. 3 ст. 22 Закона **о месте нахождения базы данных информации, содержащей персональные данные граждан Российской Федерации**.

Операторам, которые зарегистрированы в реестре до 01.09.2015 необходимо представить указанные сведения путем предоставления информационного письма в Управление Роскомнадзора по Брянской области.

Управлением проводится постоянный анализ ситуации с выполнением требований Закона организациями, предприятиями, юридическими и физическими лицами, занимающимися обработкой персональных данных жителей области. Значительная часть потенциальных операторов до настоящего времени не представила уведомления, отдельные операторы не подали информационные письма о внесении изменений в Реестре. В то же время, отмечается все больший интерес граждан к вопросам зашиты их персональных данных работодателями, о чем свидетельствует возросший объем поступающих в Управление обращений о нарушениях Закона.

В отношении нарушителей Управлением принимаются меры административного воздействия по принуждению к соблюдению Закона в интересах общества, которые будут продолжены во взаимодействии с органами власти Брянской области.

Руководителям предприятий и организаций, юридическим и физическим лицам области, в процессе своей деятельности обрабатывающим персональные данные граждан и не выполнившим до настоящего времени вышеназванные требования Закона, следует принять меры по исполнению законодательства, подготовить и направить соответствующие документы в Управление.

На сайте Управления Роскомнадзора по Брянской области http://32.rkn.gov.ru/. в разделе «Персональные данные» с целью оперативного заполнения размещены: временные рекомендации по заполнению уведомления, примеры для заполнения уведомления и информационного письма, информация «типичные ошибки при заполнении уведомления», вход на Портал персональных данных (электронная услуга по заполнению), другая необходимая информация в сфере персональных данных.

Прием уведомлений и информационных писем осуществляется по адресу: 241050, г. Брянск, пл. Карла Маркса, 9. Консультации по заполнению уведомлений: (4832) 64-60-20.

Регистрация в реестре – это обязательное условие, выполнение которого позволит разрешить сомнения и снять недоверие, возникающие у граждан при обработке их персональных данных. Сведения в Реестре доступны для граждан, любой желающий может найти в нем информацию об интересующем его Операторе.

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология; **10.01.00** – литературоведение; **10.02.00** – языкознание; **13.00.00** – педагогические науки.

Требования к структуре статей:

Статья формируется из отдельных структурных составляющих в следующей последовательности:

1) первая строка: номер УДК;
2) вторая строка: название статьи;
3) пропустив одну строку: фамилия и инициалы авторов;
4) пропустив одну строку: аннотация на русском языке;
5) ключевые слова;
6) пропустив одну строку: основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами;
7) пропустив одну строку: название статьи на английском языке;
8) пропустив одну строку: фамилия и инициалы авторов на латинице;
7) пропустив одну строку: аннотация на английском языке («Annotation»);
8) ключевые слова на английском языке («Keywords»);
9) пропустив одну строку: список литературы;
10) пропустив одну строку: сведения об авторах.

Статьи представляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора MicrosoftWord и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см., верхний и нижний колонтитулы – по 1,5 см. Текст – шрифтом TimesNewRoman, 12 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы.

Перед названием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал необходимо указать фамилии и инициалы авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал располагается аннотация статьи на русском языке, которая должна иметь объем, как правило, не более 8 строк. В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (7 – 12). Далее через один интервал располагается основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами(12 pt). В обязательном порядке статья должна завершаться выводами или заключением.

Пропустив одну строку, указывается название статьи на английском языке, затем через один интервал фамилия и инициалы авторов на латинице, далее через один интервал указывается аннотация и ключевые слова на английском языке.

Пропустив одну строку, располагается список литературы и ниже через один интервал сведения об авторе/ авторах. Авторская справка должна содержать следующую информацию по каждому автору: фамилию, имя, отчество (полностью), научную степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес места работы (домашний адрес указывать недопустимо), контактный телефон – рабочий или сотовый (домашний телефон указывать недопустимо), e-mail.

Все иллюстрации – не редактируемые файлы в формате jpg, которые должны быть вставлены в текст в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис.2). Дополнительно иллюстрации прилагаются отдельными файлами в формате jpg. Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания не допускаются. Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Рисунки, выполненные карандашом, не принимаются. Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы. Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений.. Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times New Roman; высота цифр и строчных букв должна соответствовать высоте букв в тексте статьи. Все элементы схемы должны быть сгруппированы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы)). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более меньшего кегля, но не менее 10).

Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0, 087).

Формулы должны быть набраны только в редакторе формул Microsoft Equation. Формулы, внедренные как изображение, не допускаются. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. Формулы должны быть вставлены по центру в таблицу с невидимыми контурами, состоящей из двух колонок. Левая широкая колонка используется для размещения самой формулы, а правая узкая колонка – для номера формулы. Номер формулы ставится в скобках и располагается по центру ячейки таблицы. Нумеруются только те формулы, на которые имеются ссылки в тексте статьи. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

В список литературы включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется либо в порядке цитирования, либо в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках. Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. Подписи к рисункам, таблицам – шрифт TimesNewRoman (обычный), 12 pt, межстрочный интервал – одинарный. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи.

К статьям, выполненными аспирантами или соискателями научной степени кандидата наук, необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Редакция журнала оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением авторского варианта научного содержания.

Контактная информация доступна на сайте Журнала: vestnik-brgu.ru.

Изменения и дополнения к правилам оформления статей можно посмотреть на официальном сайте журналаvestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58 E-mail: gumvest.bgu@yandex.ru

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России» - 40705 годовая

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор
Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать 28.03.2016. Дата выхода журнала в свет 15.04.2016.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 48,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**